ЯЗЫКИ МИРА

LANGUAGES OF THE WORLD

Ранее в рамках издания «Языки мира»
были опубликованы следующие тома:

- Уральские языки
- Тюркские языки
- Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык
- Палеоазиатские языки
- Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки
- Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки
- Иранские языки. III. Восточноиранские языки
- Дардские и нуристанские языки
- Кавказские языки
- Германские языки. Кельтские языки
- Романские языки
- Индоарийские языки древнего и среднего периодов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

Славянские языки

Academia
Москва
2005

УДК 811.16
ББК 81.2
С-47

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 98-04-06263а, 03-04-16008д)
и программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте»

Издание «Языки мира» основано В. Н. Ярцевой

Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. — М.: Academia, 2005. — 656 с.

Книга является очередным томом многотомного энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. В данном томе описаны языки славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Представлены статьи обо всех славянских языках (живых и мертвых, больших и малых), а также общая статья о славянских языках. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех выпусках данного издания (схема существует в нескольких вариантах и рассчитана на языки разной степени распространенности и изученности). Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхроническую структурную характеристику описываемого языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков, что является новым для отечественного славянского языкознания. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков, и издание с широким кругом адресатов, включающим лингвистов различной специализации, историков, этнографов, социологов, юристов, политиков, учителей школ, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся славянскими языками.

ISBN 5-874444-216-2

Languages of the World: Slavic Languages. — Moscow: Academia, 2005. — 656 pp.

This book continues the multi-volume encyclopaedic publication “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. The present volume is devoted to the languages of the Slavic branch of the Indo-European language family. It contains articles about all Slavic languages (currently spoken and extinct, major and minor languages), as well as a general article about the Slavic languages. All articles are written in accordance with a standard typologically-oriented template used throughout the publication. This template imposes sociolinguistic, diachronic and synchronic structural characterization upon individual languages, which ensures commensurability of the descriptions of different languages. The book is intended both as a fundamental study and as a reference source. It is addressed to a broad audience, including linguists of various specializations, historians, cultural anthropologists, sociologists, lawyers, politicians, teachers and students, as well as everybody interested in Slavic languages.

ББК 81.2

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой в Институте языкознания РАН в течение ряда лет. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генетической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует базу данных для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутриструктурное описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов.

В перспективе нескольких ближайших лет готовятся к публикации тома, посвященные, главным образом, языкам Евразии. Статьи группируются в тома по генетическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу. Ранее были опубликованы тома: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004).

Вслед за настоящим томом в первую очередь планируется выпуск следующих томов:

«Балтийские языки»;
«Семитские языки»;
«Реликтовые языки Передней и Центральной Азии»;
«Современные индоарийские языки. Дравидийские языки»;
«Языки манде»;
«Карты языков Евразии».

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы следующие коллективные монографии:

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Теоретические основы классификации языков. М.: Наука, 1980, т. 1; 1982, т. 2.

Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.

Журинская М. А., *Новиков А. И.*, *Ярославцева Е. И.* Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 1986.

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В. А. Виноградова, М. А. Журинской, В. П. Калыгина, И. Ш. Козинского, А. А. Королёва, В. Я. Порхомовского и Я. Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обрабатывавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», подготовленный в Институте языкознания РАН, посвящен славянским языкам. Описание больших и малых славянских языков проводилось в соответствии с общими типологическими принципами, лежащими в основе издания «Языки мира».

Работа над статьями данного тома началась в 1980-е гг., тогда же был написан целых ряд статей. У истоков этой работы стояли такие видные слависты, как Ю. С. Маслов, А. Е. Супрун, Г. А. Хабургаев и другие. В 1997 г. основатель издания «Языки мира» В. Н. Ярцева инициировала новый этап работы по славянским языкам. Была создана редколлегия тома, получен исследовательский грант РГНФ. Большинство имевшихся в портфеле редколлегии статей было решено сохранить и использовать при издании тома. Эти статьи были переработаны и обновлены, одновременно были заказаны недостающие статьи. В силу ряда причин подготовка книги заняла значительно больше времени, чем ожидалось первоначально, однако в 2004 г. работа была завершена. По нашему мнению, данная книга подытоживает уровень знаний, достигнутый славистикой к началу XXI века.

В авторский коллектив входят ученые из России и ряда других стран. Большие группы авторов представляют такие известные российские центры славистических исследований, как Институт славяноведения РАН (А. А. Зализняк, М. И. Ермакова, Л. Н. Смирнов), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (В. В. Лопатин, А. М. Молдован, И. С. Улуханов), филологический факультет МГУ (С. С. Скорвид, Т. С. Тихомирова, Р. П. Усикова, Г. А. Хабургаев, М. Н. Шевелёва), а также другие научные центры (Ю. С. Маслов, Н. В. Рогова, А. Ю. Недолужко). В подготовке тома участвовали специалисты из Белоруссии (Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич, А. Е. Супрун), Эстонии (А. Д. Дуличенко), Украины (М. А. Жовтобрюх), Германии (А. Г. Кречмер) и Австрии (Г. Невекловский).

К нашему прискорбию, за годы, в течение которых готовились к публикации статьи тома, авторский коллектив понес утраты — ушли из жизни Н. В. Бирилло, М. А. Жовтобрюх, Ю. С. Маслов, Л. Н. Смирнов, А. Е. Супрун, Г. А. Хабургаев. Их статьи публикуются в книге посмертно.

Редактирование статей осуществляли А. М. Молдован, С. С. Скорвид и Е. И. Якушкина. Ряд принципиальных редакторских и организационных решений был предложен А. Ф. Журавлевым и С. М. Толстой. Типологическое редактирование материалов тома было выполнено А. А. Кибриком. Ю. Б. Коряков осуществил проверку и дополнение разделов, содержащих социолингвистическую информацию. Основным техническим редактором тома является Н. В. Рогова. Активное участие в редактировании тома принимали сотрудники группы «Языки мира» Ю. В. Мазурова и О. И. Романова.

Редколлегия тома выражает искреннюю признательность всем коллегам, которые оказали помощь в подготовке книги: Г. К. Венедиктову, В. П. Гудкову, В. С. Ефимовой, Г. И. Замятиной, К. В. Лифанову, И. Д. Макаровой, Н. Б. Мечковской, О. С. Плотниковой, О. А. Ржанниковой.

Большинство статей тома написано по основной схеме II, предназначенной для подробного описания отдельных языков (см. Приложение). Статья о древненовгородском диалекте написана по схеме III для описания диалектов. Общая статья о славянских языках написана по схеме I для групп языков. Специальное решение было принято для статьи «Малые славянские литературные языки (микроязыки)»: статья в целом написана по схеме I, но содержащиеся в ней краткие описания отдельных малых славянских литературных языков сделаны по схеме III.

Редколлегия стремилась к унификации терминологии и системы понятий, используемой в томе. Технические решения, такие как порядок перечисления грамматических чисел (единственное — двойственное — множественное) в парадигмах, были унифицированы, отчасти вопреки национальным лингвистическим традициям. Были упрощены синонимические ряды — например, термины «щелевые» и «спиранты» были заменены на «фрикативные». Редколлегия также приняла решение обновить в статьях тома социолингвистические сведения, в частности, данные о численности носителей языков в соответствии с новейшими национальными переписями населения.

Однако унификация не всегда была возможна. Написанные разными авторами статьи носили значительные следы авторской индивидуальности, специфических исследовательских интересов и подходов, характерных для того или иного автора. Редколлегия приняла решение сохранить определенное варьирование, обусловленное индивидуальными авторскими предпочтениями. Например, некоторые авторы предпочитают латинизированную терминологию (дентальные согласные, пассив и т. п.), другие используют термины на русской основе (зубные, страдательный залог и т. п.). Весьма различны оказались способы транскрипции, используемые разными авторами. Так, в большинстве статей ударение обозначается знаком ˊ над ударной гласной. Однако в тех языках, где этот знак входит как составная часть в систему графем, такое решение невозможно; в этих случаях ударение обозначается вертикальным штрихом перед ударным слогом. Различаются также принципы фонемной транскрипции — если некоторые авторы предпочитают использовать диграфы типа dz, то другие используют специальные знаки, такие как ʒ. Есть и более существенные расхождения. Некоторые авторы описывали в разделе 2.1.3. «Позиционная реализация фонем и просодем» схемы II собственно аллофонию; все чередования описывались в этом случае в позиции 2.2.3. «Типы чередований». Другие авторы описывали в позиции 2.1.3. автоматические чередования, такие как оглушение согласных в конце слова, а в позиции 2.2.3. — морфологически или исторически обусловленные чередования, такие как унаследованный от праиндовропейского состояния аблаут.

Различаются и теоретические установки — например, некоторые авторы придерживаются принципов Московской фонологической школы, другие исходят из позиций минской лингвистики, третьи принадлежат к иным школам, в том числе зарубежным. Кроме того, авторы во многом видят материал «своих» языков через призму соответствующей национальной лингвистической традиции — поль-

ской, болгарской и т. п. В таких случаях редколлегия минимально вмешивалась в авторскую интерпретацию. Различной оказалась избранная авторами степень детализации при описании тех или иных явлений. В статьях тома отражаются авторские представления о важности — и, напротив, несущественности — тех или иных явлений, о том, в какой степени то или иное явление интересно и заслуживает внимания.

В книге содержатся лингвистические карты, являющиеся авторской научной работой Ю. Б. Корякова. Карты показывают территориальное распределение славянских языков и диалектов — и в настоящее время, и в более ранние эпохи. Картам предпосланы необходимые пояснения и библиография.

Редколлегия

А. Е. Супрун, С. С. Скорвид

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Славянские языки (С.я.) — ветвь близкородственных языков в составе индоевропейской языковой семьи. Названия на основных мировых языках: англ. *Slavic* (*Slavonic*) *languages*, нем. *die slawischen Sprachen*, фр. *les langues slaves*.

2. Основные представители: русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, сербохорватский (или сербский, хорватский и боснийский), словенский, словацкий, чешский, польский, кашубский, серболужицкий, мертвый полабский, а также старославянский и церковнославянский языки. Распространены в Центральной и Восточной Европе и в Северной Азии. Народы, говорящие на С.я., составляют большинство населения России, Белоруссии, Украины, Болгарии, Македонии, Сербии и Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, Польши. Более или менее компактное славянское население живет также в Казахстане, в государствах Средней Азии и Закавказья, в странах Балтии, в Молдавии и других государствах Европы (например, украинцы, болгары в Румынии, словаки в Венгрии, хорваты и словенцы в Венгрии, Австрии, Италии, македонцы в Греции и Албании, серболужичане в Германии). Отдельные компактные и некомпактные группы славянского или славяноязычного населения имеются помимо того в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Израиле и других странах.

Первые исторически достоверные сведения о славянах и их расселении в Европе содержатся в источниках на греческом и латинском языках, относящихся к VI в. н. э. (о более ранних упоминаниях, I–II вв. до н. э., у таких авторов, как Тацит, Плиний, Птоломей, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они относятся именно к славянам). Важнейшие из этих источников — «История войн с готами» Прокопия Кесарийского (551–554), «Стратегикон», приписываемый византийскому императору Маврикию (конец VI в.), и латинская «История готского народа» гота Иордана (551). У Прокопия и псевдо-Маврикия славяне выступают под названиями «склавены» или «склавины» и «анты», у Иордана — «склавены», «анты» и «венеты». Можно предполагать, что первое наименование с изначальным праславянским корнем **slov*- представляло собой общее самоназвание славян. Этот корень повторяется с видоизменениями в названиях отдельных славянских племенных групп (например, словене в окрестностях оз. Ильмень) и позже славянских народов, особенно в областях, где они составляли меньшинство по отношению к господствующему иноязычному этносу (словаки — в Венгерском королевстве, словенцы — в Австрийской империи и др.). Этимология этого этнонима окончательно не выяснена; наиболее вероятным кажется предположение, исходящее из оппозиции **slov*- ʽвладеющий словомʼ, т. е. ʽговорящий понятноʼ: **němъ*- ʽнемойʼ (для славян), т. е. ʽиноязычныйʼ (в особенности ʽнемецʼ и вообще иноплеменник). Наименования «анты», впоследствии не встречающееся, и «венеты», отражающееся и поныне, в частности, в немецком

названии лужицких сербов (*die Wenden* наряду с более новым *die Sorben*) и др., по происхождению не славянские. Понятие «анты», ассоциирующееся обычно с восточными славянами, по некоторым предположениям, могло относиться к племенному объединению славян с неславянами на территории Восточной Европы. Наименование с корнем **ven(e)t/d-*, по-видимому, было перенесено с названия некоторого племени неясного лингвоэтногенеза на племена, заселившие его территорию позднее, причем не только славянские (ср. германское племя вандалов). В отношении тех или иных групп славян названия, восходящие к этому корню, использовали исключительно их соседи (германцы, а также финские народы).

Дискуссионным является вопрос о прародине (или прародинах) славян, т. е. о территории, на которой произошло и продолжалось становление славянской этноязыковой общности. Одним из первых предпринял попытку уточнить пространство, заселенное славянами по «столпотворении Вавилонском», автор древнерусской «Повести временных лет», монах Киево-Печерской лавры Нестор: «Спустя много времени осели славяне на Дунае, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И оттуда разошлись славяне по земле и взяли себе имена по тому месту, где кто поселился». Версия Нестора была основана на бытовавших еще в его время древних сказаниях. Ученые XIX в. (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) относились к ней с доверием. Но в XX в. ее отвергли как фантастическую; лишь в последние десятилетия к ней обратились вновь (О. Н. Трубачев).

Согласно мнению некоторых историков и языковедов XIX — первой половины XX в. (В. М. Флоринский, К. Мошиньский, Э. Гаспарини), прародина славян находилась в Азии или на востоке Европы — на Оке и Волге. А. А. Шахматов помещал ее в бассейне Немана и Западной Двины, откуда, по его мнению, славяне продвинулись в Повисленье и на Дунай. Большинство современных историков и языковедов локализует прародину славян на территории между Днепром и Одрой (Одером) в лесостепной и лесной зонах, т. е. примерно между 50° и 55° северной широты. Но в вопросе о конкретном ее местонахождении внутри этой территории различные исследователи расходятся. Например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафиньский указывают на Полесье; Я. Чекановский, М. Рудницкий, Т. Лер-Сплавиньский, Т. Милевский, В. В. Мартынов — на район между Одрой и Вислой; М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, Г. Лябуда — на район между Вислой и Днепром.

3. Общее количество носителей С.я. в мире составляет в настоящее время около 290 млн. чел. За последние 150 лет количество славян возросло почти в четыре раза (в 1849 г. П. Й. Шафарик называл число 78 млн. 691 тыс. чел., по данным Т. Д. Флоринского 1911 г., их было 159 млн. 420 тыс.).

4. Современные С.я., выступающие как совокупность взаимосоотнесенных народных говоров (диалектов), различных наддиалектных речевых форм и литературного языка, подразделяются на три группы: восточную (русский, украинский, белорусский), западную (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий с двумя литературными языками: верхне- и нижнелужицким) и южную (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский). Эти группы выделяются по территориальному признаку с учетом исторически сложившихся между соответствующими С.я. различий и сходств (см. 5.).

В группе западных С.я. выделяются подгруппы: чешско-словацкая, лехитская (польский, кашубский, полабский языки) и серболужицкая (исторически, види-

мо, верхнелужицкие диалекты были ближе к чешско-словацкой, а нижнелужицкие — к лехитской подгруппе, но конвергентные процессы привели к их относительной языковой общности, см. статью «Серболужицкий язык» в наст. издании). В группе южных С.я. выделяются сербохорватско-словенская (юго-западная) и болгарско-македонская (юго-восточная) подгруппы. Сербохорватский язык образуют три исторически значительно отличных друг от друга диалекта: што́кавский, ча́кавский и ка́йкавский (последний близок к соседним словенским диалектам). Относительное единство сербохорватского, в настоящее время спорное, создавалось общностью литературного языка (с двумя региональными разновидностями — восточной и западной), которым пользовались четыре народа: сербы, черногорцы, хорваты и боснийские мусульмане, или муслимане. В последние десятилетия XX в. активизировался процесс обособления самостоятельных литературных языков в Хорватии, а также в Боснии и Черногории (см. статью «Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки)» в наст. издании). Болгарский и македонский в историко-диалектологическом отношении образуют единый, хотя с древних времен расчлененный континуум; их современная самостоятельность обусловлена, кроме внутриязыковых факторов, существованием двух отдельных наций с двумя литературными языками.

Между языками внутри каждой из названных трех групп существуют переходные говоры, например, в восточнославянской области украинско-белорусские в Полесье, русско-белорусские на Брянщине и Смоленщине и т. д. Между языками, принадлежащими к разным группам, переходных говоров нет, но встречаются языковые образования с чертами позднего смешения, отнесенность которых к той или иной группе иногда не вполне ясна, например, югославорусинский язык (см. статью «Малые славянские литературные языки (микроязыки)» в наст. издании). Кроме того, имеются различные славянские диалекты и социолекты, возникшие в среде эмигрантов, например, диалект потомков Русской Америки на Аляске; там же функционирует русский язык староверов, в том числе в заново создаваемой литературной форме; есть варианты русского языка различных религиозных общин, иногда в течение нескольких столетий находящихся в других странах, например, в Турции. Известны, далее, идиомы, возникшие в результате смешения славянских языков, прежде всего русского, с неславянскими, в частности, так называемый «руссенорск» (русско-норвежский пиджин), русско-китайский пиджин, таймырская «говорка» и др. (См. также статью «Медновских алеутов язык» в томе «Языки мира: Палеоазиатские языки». М.: Индрик, 1997.)

5. Внутри индоевропейской семьи С.я. обнаруживают давние черты близости в первую очередь к балтийской и далее к ряду других языковых групп, которые свидетельствуют о существовании в период распада индоевропейской общности на рубеже III и II тысячелетий до н. э. относительно единого (но не монолитного) праисторического диалектного пространства прежде всего предков славян и балтов с предками иных народов: по одной версии — германцев, по другой — албанцев, по третьей — иранцев.

Общепризнана самая тесная связь диалектов славян и балтов, однако интерпретация ее характера вызывает дискуссии. Наиболее старая теория предполагает наличие в течение определенного периода этноязыкового единства (племенного объединения) носителей славянских и балтийских диалектов, которые представ-

ляли собой диалекты балто-славянского праязыка. Другие ученые, отрицая существование балто-славянского праязыка, допускают смежность и параллельную эволюцию славянских и балтийских диалектов. Третьи признают сближение славянских и балтийских языков вторичным. Высказываются и иные мнения: например, об исконной общности и позднейшем новом сближении и др.

Период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. Не позднее середины I тысячелетия до н. э. у группы славянских племен сложились собственные диалектные особенности, достаточно отличавшие их от балтов, т. е. возник праславянский язык.

По мере выделения из индоевропейского континуума диалектов, образовавших праславянский язык, происходили некоторые характерные изменения в их фонологической системе. Если позднеиндоевропейский являлся в целом языком вокалического строя, то в ходе истории праславянского языка имело место постепенное возобладание черт консонантного строя. С этим были типологически связаны определенные изменения в праславянской просодической (акцентной) системе.

В вокализме краткие индоевропейские **ă* и **ŏ* совпали в **ŏ* или, возможно, изначально нелабиализованном **ɔ̆* (по другому мнению, в **ă*): праслав. **ŏrati* ʽпахать’ — лат. *ărare*, праслав. **dŏmъ* ʽдом’ — лат. *dŏmus*; долгие **ā* и **ō* — в **ā*: праслав. **māti* ʽмать’ — лат. *māter*, праслав. **dānь* ʽдань’ — лат. *dōnum* ʽдар’; одновременно наступило изменение **ē* в **ā̈* («первый ять» — по другому мнению, в **ē̈*): праслав. **vā̈ra* ʽвера’ — лат. *vērus* ʽверный’, ʽистинный’ (здесь и далее праславянские реконструкции даются в позднепраславянской форме, если им не предшествует символ < , указывающий на более раннюю огласовку; долгота/краткость гласных отмечается только в релевантных для приводимых соответствий морфемах). Позже произошло изменение **ū* в **ȳ* и кратких **ŭ*, **ĭ* в так называемые редуцированные (согласно С. Б. Бернштейну, сверхкраткие, с одновременным понижением подъема) *ъ и *ь: праслав. **sȳnъ* ʽсын’ — литов. *sūnùs*, праслав. **osь* ʽось’ — литов. *ašìs*.

Таким образом, исходная позднеиндоевропейская система вокализма включала симметричные подсистемы кратких и долгих гласных:

Подъем	Краткие			Долгие		
	Ряд					
	Передний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний	ĭ		ŭ	ī		ū
Средний	ĕ		ŏ	ē		
Нижний		ă			ā	

В результате раннепраславянских преобразований она изменилась в систему, в которой собственно количественные оппозиции уже не были фонологически релевантными:

Подъем	Ряд	
	Передний	Непередний
Верхний	ī	ȳ
Средне-верхний	ь	ъ
Средний	ĕ	ŏ
Нижний	ā̈	ā

Индоевропейские слоговые сонорные (независимо от исконной краткости/долготы) изменились, как и в прабалтийском языке, в сочетания *ŭr, *ĭr, *ŭl, *ĭl, *ŭm/ŭn, *ĭm/ĭn, на славянской почве далее в *ъr, *ьr, *ъl, *ьl и *ъm/n > *ǫ, *ьm/ьn > *ę (носовые гласные): праслав. *gъrdlo 'горло' — литов. gurklỹs 'зоб', праслав. *vьlkъ 'волк' — литов. *vil̃kas, праслав. *dǫti 'дуть' — литов. dùmti. Одновременно сократились долгие гласные в сочетаниях с другими неслоговыми сонантами (сочетания с неслоговыми *u̯, *i̯ традиционно именуются дифтонгами).

В области консонантизма произошло исчезновение индоевропейских придыхательных взрывных согласных (реконструкция которых в последнее время ставится под сомнение, в частности, Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Ивановым): праслав. *berǫ 'я беру' — лат. ferō 'я несу'; совпадение лабиализованных заднеязычных с нелабиализованными: праслав. *kъto 'кто' — лат. quis; изменение палатальных заднеязычных в свистящие *ş, *ẓ с последующей утратой ими палатальности, подобно тому, как это было и в других диалектах группы satəm: праслав. *sъto 'сто' — лат. centum, праслав. *(j)azъ 'я' — лат. ego. Старый *s после элементов i, u, r, k (не перед согласными) изменился в *x: праслав. *pi(ь)xati 'толкать (пихать)', *vьrxъ 'верх'.

Таким образом, традиционно реконструируемая позднеиндоевропейская (для языков satəm типа праславянского) система консонантизма изменилась в систему:

По способу образования			По месту образования			
			Лабиальные	Дентально-альвеолярные	Средне-небные	Велярные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t		k
		Зв.	b	d		g
	Фрикативные	Гл.		s		x
		Зв.		z		
Сонорные	Носовые		m	n		
	Боковые			l		
	Дрожащие			r		
	Скользящие		w (u̯)*		j (i̯)	

* Фонема w (u̯), сохраняя в отдельных славянских языках и диалектах и поныне билабиальный характер, с раннепраславянского периода переходила в лабиодентальную v. Символ v ниже условно используется для обозначения w (u̯) / v.

Генеральной тенденцией дальнейшего исторического развития звукового строя праславянского языка была тенденция к консолидации слога. В качестве ее частных проявлений традиционно рассматриваются тенденция к восходящей звучности элементов слога и так называемая тенденция слогового сингармонизма.

Первая закономерность, которая в дальнейшем обусловила действие «закона открытого слога», означала, что элементы слога — в раннепраславянском только начала слога — могли следовать друг за другом исключительно в следующем порядке: фрикативные согласные *s, *z, *x; взрывные *p, *t, *k, *b, *d, *g; сонорные носовые и губные *m, *n, *v; плавные *r, *l; средненебный *j; гласные. При

этом были возможны сочетания либо только глухих, либо только звонких шумных согласных, например, *o-strъ ʻострый’, *no-zdri ʻноздри’ и др.

Вторая тенденция касалась прежде всего сочетаний согласных с гласными. Твердые согласные под влиянием последующих передних гласных смягчались, при этом заднеязычные согласные изменились в мягкие шипящие: *k > č’, *g > ž’, *x > *š’ (этот процесс традиционно именуется первой палатализацией). Те же изменения пережили заднеязычные согласные в сочетаниях с *j. Примеры: *plakati ʻплакать’ — 2 л. ед. ч. наст. вр. *plač’eši(ь), *plač’ь ʻплач’ (< *plakj-); *lъgati ʻлгать’ — *lъž’ь/lъž’a ʻложь’ (< *lŭgĭ-/lŭgj-), *tixъ ʻтихий’ — tiš’ina ʻтишина’. Аналогичные преобразования претерпевали сочетания *sj, *zj > *š’, *ž’: *nositi ʻносить’ — *noš’a ʻноша’. Негубные сонорные в сочетании с *j дали мягкие сонорные: *kon’ь (< *konj-) и т. п. Развитие сочетаний других согласных с *j, в частности, сочетаний *tj, *dj, в раннепраславянский период, вероятно, изменившихся в палатальные *ť, *ď, завершалось в позднепраславянском языке либо уже после распада праславянской общности. После мягких согласных, возникших вследствие изменения сочетаний с *j, в раннепраславянском языке непередние гласные переходили в передние: *š’īti ʻшить’ (< *sjūti), *mor’e ʻморе’ (< *morjo); напротив, передний *ā̆ переходил в *’ā: *lež’āti ʻлежать’ (< *lež’ā̆ti < *legēti).

Основные процессы поздней эволюции праславянского звукового строя были связаны с постепенным действием тенденции к открытию различных типов закрытых слогов (закон открытого слога). К ним в первую очередь относятся следующие изменения:

— утрата согласных в конце слова (*slovo ʻслово’ < *slovos);

— устранение геминат и других сочетаний согласных (*me-sti ʻмести’ < *met-ti, *sъnъ ʻсон’ < *sŭp-n-);

— монофтонгизация дифтонгов *oṷ > *ū, *eṷ > *jū (*tuď-/ťuď- ʻчужой’ < *toṷdj-/teṷdj-), *ei̯ > *ī (*(j)iti ʻидти’ < *ei̯ti), *oi̯ > *ē̆ («второй ять»: *pěti ʻпеть’ < *poi̯ti) или, в определенных морфологических позициях в конце словоформы, *ī (им. п. мн. ч. *stoli ʻстолы’ < *stoloi̯, 2 л. ед. ч. повел. накл. *beri ʻбери!’ < *beroi̯(s)); монофтонгизация *oṷ, *eṷ обусловила восстановление в системе вокализма признака лабиальности, в связи с чем, возможно, произошла лабиализация *ɔ̆ > *ŏ; фонологические последствия других изменений были различны в праславянских диалектах;

— монофтонгизация дифтонгических сочетаний *om/on, *ъm/ъn, *em/en, *ьm/ьn > *ǭ, *ę̄ (*zǫbъ ʻзуб’, *językъ ʻязык’);

— изменение заднеязычных согласных *k, *g перед новыми передними гласными *ē̆ и *ī из *oi̯ в свистящие *c’, *ʒ’ (> *z’) (вторая палатализация: *c’ěna ʻцена’, *ʒ’ělo (> z’ělo) ʻочень’, им. п. мн. ч. *vьlc’i ʻволки’ и т. п.) и аналогичное — непоследовательное — их изменение после гласных *ь, *i, *ę не перед согласными (третья палатализация: *otьc’ь ʻотец’, *děvic’a ʻдевица’, *kъnęʒ’ь ʻкнязь’); при этом *x в подобных позициях изменялся неодинаково по диалектам, см. ниже;

— неодинаковые по диалектам изменения сочетаний «гласный + плавный» (завершались уже после распада праславянской общности).

Распространение праславянского языка на значительной территории от Днепра до Одры (Одера) к середине I тысячелетия до н. э. обусловило возникновение существенных различий между праславянскими диалектами. Историю диалект-

ного членения праславянского языка разные исследователи трактуют по-разному. Ниже излагается одна из наиболее распространенных версий.

В бассейне Днепра формируется восточнославянская диалектная область (восточный макродиалект, объединяющий позднейшие собственно восточные и южные диалекты), а в бассейне Вислы с границей по Западному Бугу на востоке и Одре (Одеру) на западе, с выходами к верхнему течению Лабы (Эльбы), а также к Дунаю на юге, — западнославянская диалектная область (западный макродиалект).

Восточный и западный макродиалекты отличались друг от друга главным образом неодинаковыми последствиями некоторых позднепраславянских звуковых изменений:

— сочетания *tl*, *dl* на востоке переживали утрату взрывного элемента при его сохранении на западе (рус., укр., болг., с.-х. мн. ч. *плели* — польск., чеш. *pletli*, рус., укр., болг., с.-х. *шило* — польск. *szydło*, чеш. *šídlo*);

— задненебный *x* по второй палатализации изменился на востоке в свистящий *s'*, а на западе, как при первой палатализации, в шипящий *š'*, в исходе основы перед флексией также в заимствованиях (рус. *серый* — польск. *szary*, чеш. *šerý*, с.-х. *монах* ʻмонахʼ, им. п. мн. ч. *монаси* — чеш. *mnich* ʻмонахʼ, им. п. мн. ч. *mniši*); те же отличия обнаруживает изменение *x* в позициях третьей палатализации, в первую очередь в морфеме *vьx-* (рус. *весь*, *всякий*, болг. *всеки*, с.-х. *сваки* с перестановкой *vs-* > *sv-* — польск. *wszak*, чеш. *však* ʻвсе жеʼ, ʻоднакоʼ);

— в сочетаниях *kv*, *gv* перед *ě̄* из *oi̯*, а иногда и перед другим гласным переднего образования задненебные согласные на востоке изменялись, как по второй палатализации, соответственно в *c'*, *ʒ'* (> *z'*), а на западе сохранялись (рус. *цвет*, *звезда*, болг. *цвят*, *звезда*, макед. *ѕвезда* — польск. *kwiat*, *gwiazda*, чеш. *květ*, *hvězda*);

— сочетания губных согласных с *j* на стыке морфем на востоке изменялись в сочетания с *l'* (в болгарско-македонских диалектах, возможно, непоследовательно); на западе (а также в болгарско-македонских диалектах) *l'* после губных не получил развития (рус. *земля*, с.-х. *земља* — польск. *ziemia*, чеш. *země*, болг. *земя*, макед. *земја*);

— сочетания *tj*, *kt* (перед *i*, *e*, *ь*) и *dj* изменялись на востоке в шипящие согласные (которые далее претерпевали неодинаковые преобразования в южных диалектах), а на западе в свистящие *c'*, *ʒ'* (праслав. *svoi̯tja*, *medja*, *noktь*, *teu̯dj-* > *ťuď-* — рус. *свеча*, *межа*, *ночь*, *чужой*; польск. *świeca*, *miedza*, *noc*, *cudzy*, чеш. *svíce*, *meze*, *noc*, *cizí*).

Внутри восточного макродиалекта выделились две группы диалектов: собственно восточные, или северо-восточные, и южные, окончательно обособившиеся лишь после заселения их носителями территории от Балкан до Альп к середине I тысячелетия н. э.

Южная группа разделилась на две ветви: будущую болгарско-македонскую и сербохорватско-словенскую, которые отличались, в частности, конечными последствиями изменения сочетаний губных согласных с *j* и сочетаний *dj*, *tj* и *kt* перед *i*, *e*, *ь* (ст.-слав. **штюждь** ʻчужойʼ, **нощть** ʻночьʼ, болг. *чужд*, *нощ*, макед. *туѓ*, *ноќ* при *сношти* ʻвчера вечеромʼ, с.-х. *туђ*, *ноћ*, словен. *tuj*, *noč*) и по ряду других особенностей.

На разных этапах развития имели место контакты отдельных диалектов южной группы либо всей этой группы с той или иной частью западного макродиалекта, внутри которого вычленились чешско-словацкая и лехитская подгруппы с переходной серболужицкой областью. Так, существуют особенности, объединяющие:

— болгарско-македонские диалекты со всеми западными (отсутствие *l'* после губных согласных на месте их исконных сочетаний с **j* — при ст.-слав. **землꙗ**/**земьꙗ** ʽземля’);

— словенские диалекты с большей частью западных (сохранение сочетаний **tl*, **dl*: словен. *pletel* ʽон плёл’, *pletli* ʽони плели’, словен. диал. *šidu̯o* ʽшило’);

— болгарско-македонские диалекты с лехитскими (гласный нижнего подъема на месте «ять» (первого и второго): макед. диал. *vära* ʽвера’, болг. *вяра*, польск. *wiara*); ниже для позднепраславянского языка рефлекс обоих «ять» независимо от диалектных различий условно обозначается знаком *ě*;

— болгарско-македонские и словенские диалекты с лехитскими (отсутствие изменений носовых гласных **ę* > *ä*, **ǫ* > *u*, характерных для остальных диалектов, ср. рус. *мясо*, *рука* — болг. *месо*, *ръка*, макед. *рака*, макед. диал. *рънка*, словен. *meso*, *roka*, словен. диал. *ranka*, польск. *mięso*, *ręka* при *rączka* ʽручка’);

— (средне)словацкие диалекты с южными и восточными (ср.-словац. диал. *šilo* ʽшило’, *na strese* ʽна крыше’, словац. лит. им. п. мн. ч. *mnísi* ʽмонахи’ с изменением **x* в **s'* по второй палатализации) и только с южными (изменение сочетаний типа **orT*, **olT* в **raT*, **laT* в любой позиции, как в южных диалектах, в отличие от западных и восточных, в которых в морфемах, не несущих постоянного ударения, те же сочетания изменялись в **roT*, **loT*, ср. словац. *rást*, *laket'*, с.-х. *раст*, *лакат* — чеш. *růst*, *loket*, польск. *wzrost*, *łokieć*, рус. *рост*, *локоть*);

— чешско-словацкий диалектный массив с южным (изменение сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* в **TraT*, **TlaT*, **TrěT*, **TlěT* в отличие от **TroT*, **TloT*, **TreT*, **TleT* в лехитской и серболужицкой области и так называемого полногласия у восточных славян, ср. с.-х., болг. *страна* ʽсторона’, *злато* ʽзолото’, с.-х. *бреме* (*брјеме*) ʽбремя’, ʽноша’, болг. *мляко* ʽмолоко’; чеш., словац. *strana*, *zlato*, чеш. *břímě*, словац. *mlieko*, польск., в.-луж. и н.-луж. *strona*, *złoto*, польск. *brzemię*, в.-луж. и н.-луж. *mloko* с изменением *e* в *o* перед твердым согласным, рус. *сторона*, *золото*, *беремен-(ная)*, *молоко*).

Результаты изменения сочетаний типа **orT*, **olT* и **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* запечатлели, с одной стороны, обособление южных диалектов от восточных и контакты с ними части либо всего чешско-словацкого диалектного массива, а с другой — начавшийся в тот период процесс сближения западных или северо-западных диалектов с восточными (во втором случае в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные полногласию, ср. в.-луж. *trjebić* ʽпрореживать’, где отсутствие изменения *tr'* > *tř* предполагает продолжительное сохранение вокального элемента, как *r'* в рус. *теребить*).

Примерно то же противопоставление праславянских диалектов обнаруживают изоглоссы, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа **TъrT*, **TъlT* или **TьrT*, **TьlT*. Группы с непередним и передним редуцированным отражались одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний **TъlT* и **TьlT* в целом присоединяются среднесловацкие, а в отношении **TъrT* и **TьrT* почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточ-

нословацкого ареала), и напротив, по-разному — хотя у типа **TьlT*, в отличие от **TъlT*, лишь в отдельных позициях, причем не повсеместно — в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах (ср. болг. *дълг*, *вълк*, с.-х. *дуг*, *вук*, словац. *dlh*, *vlk* — чеш. *dluh*, *vlk*, польск. *dług*, *wilk*, но кашуб. *wołk*), рус. *долг*, *волк* (при *желчь* и т. п.); болг. *гърб*, *връх*, с.-х. *грба*, *врх*, словац., чеш. *hrb*, *vrch* — польск. *garb*, *wierzch*, рус. *горб*, *верх*, в старомосковском произношении и поныне [v'er'x]).

Кроме этих черт сходства восточных диалектов с западными, их северной частью либо даже только с крайней северо-западной периферией данного массива (ср., подобно рус. *волк* и кашуб. *wołk*, также рус. *молоть* и кашуб. *młoc* в отличие от польск. *mleć*), совпадение с состоянием в западной группе отражают некоторые архаизмы восточного ареала, концентрирующиеся в особенности в псковско-новгородской зоне (сохранение сочетаний взрывного согласного с *l* на месте **tl* и **dl* при их замене на *kl* и *gl*, как в польских и кашубских диалектах; сохранение **kv* и **gv* перед **ě* из **oi̯*, в псковско-новгородской зоне связанное с отсутствием второй палатализации задненебных согласных также в других случаях, и т. д.).

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **TorT*, **TolT*, **TerT*, **TelT* и **TъrT*, **TъlT*, **TьrT*, **TьlT*, а также сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед гласными переднего ряда (при своеобразных заменах **dj*, **tj* в псковско-новгородской области, ср. отсюда рус. лит. *пугать* < **pǫdjati*, в праслав. ‘выгонять’, в отличие от рус. диал. *пужать*), относится, далее, концентрация в восточных диалектах морфем с изменением начального **/j/e-* в **o-* (ср. рус. *один* и польск., чеш., словац. *jeden*, с.-х. *jедан*, болг. *един*).

Просодическая (акцентная) система праславянского языка имела морфонологический статус. Место ударения изменяемых слов определялось типом так называемой акцентной парадигмы; при этом выделяются три основных типа: акцентная парадигма *a*, акцентная парадигма *b* и акцентная парадигма *c*. Парадигма *a* характеризовалась постоянным ударением на корне, парадигма *b* — постоянным ударением на элементе, следующем за корнем, парадигма *c* — подвижным ударением. Парадигмы *a* и *b* исторически являлись вариантами одной акцентной парадигмы, которые распределялись в зависимости от долготы (парадигма *a*) / краткости (парадигма *b*) корневой гласной; в обоих этих случаях корневая морфема обладала по отношению к ударению положительной маркировкой (+, во втором случае со сдвигом вправо: →). Распределение между парадигмой *a* и парадигмой *b*, с одной стороны, и парадигмой *c* — с другой, было традиционным. К акцентной парадигме *c* относились слова с отрицательной по отношению к ударению маркировкой корня (–). В словоформах этой парадигмы ударение определялось либо положительной маркировкой флексии, либо, если все морфемы в словоформе были маркированы отрицательно, автоматически приходилось на начальный слог слова или тактовой группы. В соответствии с этим в праславянском языке различают два типа ударения: автономное (в словоформах по меньшей мере с одной положительно маркированной морфемой, на которую оно падает) и автоматическое (в словоформах акцентной парадигмы *c*, в которых все морфемы маркированы отрицательно). Примеры: русская акцентная парадигма *a* *ма̍ть*, акцентная парадигма *b* *жена̍*, акцентная парадигма *c* *голова̍*, вин. п. ед. ч.

го̍лову, в сочетании с предлогом — с возможным переносом ударения на начало тактовой группы: *на̍ голову*. Эти два типа ударения противопоставлялись интонационно: автономное ударение характеризовалось восходящей интонацией (старый акут, например, **mа̋ti*), а автоматическое — нисходящей (старый циркумфлекс, например, вин. п. ед. ч. **gȏlvǫ*).

В позднепраславянскую эпоху эта система усложнилась: возникло новоакутовое ударение с интонацией восходящего типа, в основном в результате ретракции ударения со слогов с так называемым слабым редуцированным и в некоторых других случаях (**korlь̍* > *kórl’ь* ʽкороль’, **volja̍* ʽволя’, вин. п. ед. ч. в позднепраславянском *vóľǫ*), а также явление нового циркумфлекса, которое представляло собой замену рефлексов старого акута на противоположные в определенных морфологических позициях в отдельных группах славянских диалектов.

Грамматическая система праславянского языка, восходя в целом к позднеиндоевропейской, обнаруживала также значительное количество специфических черт.

Морфология представляла флективно-синтетический тип с элементами аналитизма (рассматриваются только особенности основных полнознаменательных частей речи).

В именном склонении сохранялась семипадежная — с особой звательной формой в единственном числе — трехчисловая (единственное, двойственное, множественное число) парадигма. У имен существительных распределение по типам склонения первоначально зависело от наличия/отсутствия основообразующего суффикса (темы) и не было напрямую связано с различиями по роду. В соответствии с этим выделяют тематические и атематические типы склонения. К первым относят склонения: на *-*ā* (продуктивный тип для существительных женского рода, представленный также у некоторых названий лиц мужского либо общего рода: ст.-слав. **жена** ʽженщина’, ʽжена’, **юноша** ʽюноша’, **ѫжика** ʽродственник/родственница’); на -*ŏ* (продуктивный тип для существительных мужского и среднего рода: ст.-слав. **рабъ** ʽраб’, ʽслуга’, **село** ʽселение’, ʽполе’); на *-*ŭ* (непродуктивный тип — всего несколько существительных мужского рода: ст.-слав. **сынъ** ʽсын’, **врьхъ** ʽверх’ и др.); на *-*ĭ* (ограниченно продуктивный тип у существительных женского и непродуктивный у существительных мужского рода: ст.-слав. **кость** ʽкость’, **пѫть** ʽпуть’); на *-*ū* (непродуктивный тип у существительных женского рода: ст.-слав. **любы** ʽлюбовь’, род. п. ед. ч. **любъве**). Вторые — непродуктивные или ограниченно продуктивные — подразделяются в зависимости от первоначально словообразующего суффикса. Таковы, в частности, типы: на *-*on/en* (существительные мужского и среднего рода: ст.-слав. **камы** ʽкамень’, род. п. ед. ч. **камене**; **имѧ** ʽимя’, род. п. ед. ч. **имене**); на *-*os*/*es* (существительные среднего рода: ст.-слав. **слово** ʽслово’, род. п. ед. ч. **словесе**), на *-*ent* (существительные среднего рода, обозначающие главным образом детенышей животных: ст.-слав. **жрѣбѧ** ʽдетёныш осла/лошади’) и др. В результате различных фонетических и морфологических изменений, в последнем случае связанных в основном с явлением аналогии, произошли такие процессы, как: 1) дифференциация продуктивных склонений «твердого» (< *-*ā*, *-*ŏ*) и «мягкого» (< *-*jā*, *-*jŏ*) типов; 2) так называемое «переразложение» между давними основой и флексией: многие элементы, ранее отосившиеся к разным сегментам словоформы, оказались объединены, что усилило флективный характер праславянского языка. В

склонении прилагательных сохранялись только продуктивные типы (ж. р. < *-*ā*, *-*jā*, м. р. и ср. р. < *-*ŏ*, *-*jŏ*), а также постепенно складывалась дифференциация между краткими (именными) и полными (местоименными, т. е. генетически включающими указательное местоимение *-*jь*) формами типа ст.-слав. **добра/добраꙗ** ʽхорошая’ с различным последующим развитием в славянских диалектах и языках. В системе местоимений существовало подобное именному распределение «твердого» и «мягкого» типов при особом склонении, ср. ст.-слав. указательные местоимения **тъ** ʽтот’, род. п. ед. ч. м. р. **того** — **сь** ʽэтот’, род. п. ед. ч. м. р. **сего**; особый случай: **онъ** ʽтот’, ʽоный’, род. п. ед. ч. м. р. **оного** / **онъ** ʽон’, род. п. ед. ч. м. р. **ѥго** и т. д. (от местоимения, восходящего к *-*jь*, ср. ст.-слав. вин. п. ед. ч. м. р. **и** ʽего’). Комплекс причин фонетического и синтаксического характера обусловил зарождение у имен и местоимений будущей категории одушевленности: возникшая после утраты согласных в конце слова омонимия форм именительного и винительного падежа единственного числа привела к нежелательному для существительных со значением «социально полноправного мужского лица» неразличению субъекта и прямого объекта в предложениях типа **Kъnęzь prizъva brat(r)ъ* ʽКнязь призвал брата’, ввиду чего исконные формы винительного падежа единственного числа у слов этой лексико-грамматической категории начинали совпадать с формами родительного падежа единственного числа.

В сфере личных форм глагола в целом сохранялось позднеиндоевропейское распределение типов спряжения в настоящем времени (презенсе) изъявительного наклонения (тематические типы на *-*ŏ*/-*ĕ* с вариантами *-*nŏ*/-*nĕ*, *-*jŏ*/-*jĕ* и на *-*ī*: ст.-слав. **несѫ** ʽя несу’, **несеши** ʽты несёшь’, **прошѫ** ʽя прошу’, **просиши** ʽты просишь’; атематический тип с присоединением флексий к основе без основообразующего суффикса: ст.-слав. **вѣмь** ʽя знаю’, **вѣси** ʽты знаешь’). В системе форм прошедшего времени имела место утрата архаичного имперфекта (реликты: ст.-слав. **вѣдѣ**, др.-чеш. *vědě* с претерито-презентным значением: ʽя знал’ и ʽя знаю’) с заменой его новым имперфектом, в формально-морфологическом отношении связанным с так называемым сигматическим аористом (ст.-слав. имперфект глагола **падати** ʽпадать’ — **падаахъ** ʽя падал’, аорист глагола **пасти** ʽупасть’ — **падохъ** ʽя упал’, при частичном сохранении форм старого асигматического аориста типа **падъ**). Происходила постепенная грамматикализация аналитических временны́х форм: перфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. **палъ ѥсмь**) и плюсквамперфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. **палъ бѣхъ**), обозначавших, в отличие от аориста и имперфекта, результат прошедшего действия, актуальный на некоторый момент соответственно в настоящем и в прошлом. Вместе с тем еще не окончательно грамматикализовались формы будущего времени (ст.-слав. 1 л. ед. ч. **хощѫ пасти**, **имамь пасти**, **бѫдѫ палъ** — конструкции, впоследствии имевшие различное развитие в С.я.). При сохранении в целом системы синтетических форм повелительного наклонения образовывались новые аналитические формы сослагательного, или условного, наклонения с использованием либо особых форм вспомогательного глагола ʽбыть’, типа ст.-слав. **бимь палъ**…, либо форм аориста того же глагола, типа ст.-слав. **быхъ палъ**… (по-видимому, различно по диалектам). Получило дальнейшее распространение выражение способов глагольного действия при помощи префиксации и суффиксации, что вело к зарождению у глаголов противопоставления перфективности/имперфективности, параллельно-

го временны́м оппозициям, т. е. к формированию в системе глагола видовой классификации. Залоговые различия (актив : пассив) первоначально выражались оппозицией невозвратных : возвратных форм глагола (**myjǫ* 'мою' : **myjǫ sę* 'моюсь'). Позже распространились аналитические формы пассива — конструкций вспомогательного глагола 'быть' со страдательным причастием (в настоящем времени глагол 'быть' часто опускался, тогда как конструкции форм настоящего времени этого глагола со страдательным причастием могли выражать результативное значение: др.-чеш. *Dievcě dřéve porozenie jest zvěstováno* 'Деве ранее рождение было возвещено'). Регулярным становилось использование форм отглагольных существительных с суффиксом **-t-* в функции инфинитива и супина (ст.-слав. инфинитив **ловити** 'ловить', супин со значением действия как цели движения **ловитъ**).

Уже в позднепраславянском языке, по-видимому, сложились основные формально-морфологические диалектизмы, например: формы родительного падежа единственного числа и именительного, винительного падежа множественного числа имен склонения на **-jā* с флексией **-ę* в южной и **-ě* в западной и восточной группах (ст.-слав. род. п. ед. ч. **доуша**, др.-рус. **доушѣ**, др.-чеш. *dušě*), сохранение в форме творительного падежа единственного числа имен склонения на **-ŏ* флексии **-omь* в южной (ст.-слав. **рабомь**) и ее замена на **-ъmь* в западной (ср. уже в старославянских Киевских листках X в. **надъ оплатъмь** 'над облаткой') и аналогично в восточной группе и т. д. Первоначальную же связь южных и восточных диалектов отражают лишь некоторые изоглоссы более локального характера, например, укр., с.-х., словен. и словац. диал. флексия *-mo* в формах 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов и другие особенности.

В синтаксисе простого предложения сосуществовали широко представленные в праславянском языке односоставные именные предложения с имплицитной предикативностью (ср. ст.-слав. **горе же непраздьнымъ … въ ты дьни** 'горе (будет) беременным … в те дни') и двусоставные глагольные предложения с обычным порядком компонентов «субъект — выраженный личной формой глагола предикат — объект». Члены предложения обладали значительной степенью автономности, в первую очередь формы глагола, у которых это проявлялось, в частности, в потенциальности местоименного выражения субъекта, а также объекта (ср. др.-чеш. *vzem húbu, naplni octa // ju octa* 'взяв губку, пропитал её уксусом'). Сложные предложения постепенно формировались на базе объединения простых с переосмыслением анафорических элементов в качестве союзных средств (например, ст.-слав. относительное местоимение **иже**, др.-чеш. *jenž* 'который', первоначально 'тот/он' с частицей, сигнализировавшей смысловую второстепенность соответствующего фразового фрагмента).

6. Формирующиеся с конца I — начала II тысячелетия н. э. С.я., унаследовав в целом праславянскую языковую структуру, продолжали некоторые тенденции ее эволюции, обнаружившиеся или наметившиеся ранее, одновременно претерпевая также новые преобразования, определяемые в каждом отдельном языке своими специфическими закономерностями.

Звуковая система С.я. развивалась в различных направлениях: от сохранения преобладавшего в праславянском вокалического строя за счет некоторого обеднения, сравнительно с праславянским состоянием, консонантизма в сербохорватско-словенской языковой области до последовательной консонантизации в

первую очередь в восточнославянской области (в истории других языков наблюдается неодинаковое соотношение этих двух тенденций).

В связи с этим различной оказалась судьба праславянской просодической системы. В сербохорватско-словенской области было сохранено свободное политоническое ударение, утраченное в других языках. В восточнославянской области и в болгарском языке его давно сменило свободное силовое (динамическое) ударение, которое со временем привело к развитию в русском, белорусском и болгарском языках явления редукции безударных гласных. Этот же тип ударения с редукцией безударного вокализма выступал в полабско-поморской области (в кашубском регионе реликты свободного ударения удерживаются и поныне). Ударение в других западнославянских языках, а позже также в македонском, закрепилось за тем или иным слогом в слове или тактовой группе: за первым в чешском, словацком и серболужицком (с отклонениями в сторону польского типа в нижнелужицком), предпоследним в польском и третьим от конца в словах, содержащих более двух слогов, в македонском.

В сербохорватско-словенской области в тесной связи с характером ударения также удержались, а в западнославянских языках независимо от ударения продолжали развиваться количественные различия гласных. Из западнославянских языков эти различия до сих пор сохраняют чешский и словацкий, а в других западнославянских языках долгие гласные к XVI в. сократились, претерпевая при этом качественные преобразования.

Редуцированные гласные *ь и *ъ в так называемой слабой позиции (в безударном положении в конце слова и перед слогами с сильными *ъ, *ь или другими гласными, хотя от этой закономерности наблюдаются частные отклонения по языкам) исчезли в XI–XII вв. во всех С.я. В сильной позиции (перед слогом со слабым редуцированным, конечным или неконечным, и в любом случае под ударением) они перешли в краткие гласные: в восточнославянской, македонской, а первоначально и в среднесловацкой и верхнелужицкой области в *е* и *о* (рус. *день*, *сон*), в восточной части болгарского ареала в *е* и «средний», нелабиализованный ъ (*сън*), в польском и чешском языках в *e* (польск. *dzień*, чеш. *den*, в обоих языках *sen*), в словенском в «средний» краткий *ə*, при вторичном продлении слога переходивший в *a* (словен. *sen* [sən], но *dan*), а в сербохорватском через *ə* в *a* при любой длительности слога (с.-х. *сан*, *дан*). Н. С. Трубецкой эти изменения гласных *ь и *ъ считал последним процессом праславянской эпохи. Действительно, завершив сокращение *ь и *ъ в слабой позиции, происходившее еще в праславянском языке, окончательное их исчезновение означало ослабление тенденции восходящей звучности в слоге, положило конец действию закона открытого слога и предопределило важные преобразования, затронувшие многие звенья структуры С.я.

Завершением другого древнего процесса, который еще был обусловлен тенденцией восходящей звучности, т. е. монофтонгизации дифтонгических сочетаний *em/en, *ьm/ьn в *ę, *om/on, *ъm/ъn в *ǫ (по интерпретации Н. С. Трубецкого, *e^{n}, *o^{n} или *eN, *oN), явилась деназализация гласных, которые образовались по языкам из первоначальных носовых. Утрата ринезма (носового элемента) раньше — в X в. — наступила в сербохорватской, чешско-словацкой, серболужицкой и восточнославянской областях. Напротив, там, где носовые гласные не отличались по степени подъема, она задержалась — до XI в. в словенском и до

XII–XIV вв. в болгарском языке (по их окраинным говорам реликты назализации отражаются в некоторых словах и поныне), а языки лехитской подгруппы с некоторыми изменениями в дистрибуции вообще сохранили носовые гласные.

Развитие тенденции слогового сингармонизма подготовило становление новой категории парной твердости/мягкости согласных в первую очередь в восточных и северо-западных С.я., а также в восточноболгарской области. Исторически возможности употребления мягких согласных в отдельных языках укрепляли наступавшие после них большей частью перед твердыми согласными переходы передних гласных в непередние (т. е. *'ä* > *'a* во всей этой группе, *'e* > *'o* в восточной и северо-западной областях и др.), и напротив, ограничивало происходившее перед гласными переднего ряда отвердение согласных (в украинской, восточноболгарской и полабской областях). Помимо того ряд пар согласных, коррелирующих по твердости/мягкости, зачастую сужало непозиционное отвердение согласных (в белорусском *r'*, в украинском мягких губных, в серболужицком *s'*, *z'*), а с другой стороны — так называемая ассибиляция, т. е. приобретение мягкими согласными шипящего или свистящего призвука (в польском *r'* > $r^{\check{z}/\check{s}}$ > *ž/š*, *s'* > *š'* (*ś*), *z'* > *ž'* (*ź*), в польском и серболужицком *t'* > *č'* (*ć*), *d'* > *dž'* (*ʒ́*), откуда в нижнелужицком *š'*, *ž'*, а в кашубском и белорусском *t'* > *c*, *d'* > *dz*). В чешском и словацком языках тенденция к созданию категории твердости/мягкости согласных была перекрыта действием многоступенчатого процесса депалатализации. В итоге в разном для разных диалектов количестве позиций — большем в словацком языке и меньшем в чешском — здесь сохранились лишь отдельные мягкие согласные, коррелирующие с твердыми: *n'*, по диалектам *l'*, особенно в словацком, также *l'* против «среднего» *l* или твердого *ł* с диалектным изменением в *u̯* (либо «средний» *l* против твердого), *t'* и *d'* с диалектными изменениями *t'* > *c*/*č*, *d'* > *dz*/*dž*, а в окраинных говорах также *s'*, *z'* с изменениями в *š*, *ž* и мягкие губные. В сербохорватско-словенской и аналогично в западноболгарской и македонской областях новая категория твердых/мягких согласных не сложилась, а из старых парных мягких согласных только *n'*, *l'* (< **nj*, **lj*), в первую очередь в сербохорватской зоне, не подверглись отвердению.

В области морфологии в С.я. в целом продолжалось преемственное развитие праславянской системы. Только в болгарско-македонской области на ее эволюцию оказало заметное влияние возникновение многих важных инноваций в общем контексте балканского языкового союза (отмирание падежей с заменой их аналитическими конструкциями, становление постпозитивного артикля, грамматикализация так называемого «пересказывательного» наклонения глаголов и другие явления, см. статьи «Болгарский язык» и «Македонский язык» в наст. издании).

В системе глагола в истории С.я. имели место следующие основные изменения:

— завершалось оформление категории вида, с которой по-разному вступала во взаимодействие категория времени;

— формы простых прошедших времен (аориста и имперфекта) в оппозиции к перфекту сохранились только в болгарско-македонской, сербохорватской и серболужицкой областях (при этом дистрибуция аориста и имперфекта в македонской и серболужицкой областях оказалась связанной с совершенным или несовершенным видом); в истории других С.я. эти формы вытеснил перфект, который в западнославянской области (кроме серболужицкого языка) в 3-м лице, а в вос-

точнославянской и в остальных формах утрачивал вспомогательный глагол 'быть' (в польской и кашубской области данный глагол в 1-м и 2-м лице становился агглютинированным показателем прошедшего времени, ср. польск. *(ja) robiłem* и *jam robił* 'я делал');

— стабилизировались формы будущего времени с опорой на конструкции, содержащие разные в разных языках вспомогательные глаголы: 'быть' — восточнославянский тип «'буду' + инфинитив» (рус. *буду писать*), аналогично в чешско-словацкой и серболужицкой областях; польск. *będę pisać* или, с *l*-причастием, *będę pisał*, словен. (только с *l*-причастием) *bom pisal*; 'иметь' — укр. *писатиму*; 'хотеть' — с.-х. *(ја) ћу писати/писаћу*, болг. *ще пиша*, макед. *ќе пишам*;

— по-разному в С.я. была ограничена система причастий; из кратких причастий возникли деепричастия настоящего и во многих языках прошедшего времени.

У существительных происходило дальнейшее становление категории одушевленности, которая в С.я. имеет неодинаковый охват и разный набор показателей (а в польском и верхнелужицком языках сосуществует с категорией персональности, или мужского лица). У прилагательных завершался праславянский процесс стабилизации полных форм, которые в южнославянских языках продолжают при определенной взаимной дифференциации функционировать параллельно с краткими, а в западно- и восточнославянских языках вытеснили краткие формы прежде всего из атрибутивной позиции. Большинство С.я. утратили двойственное число, которое сохраняется только в словенском и серболужицком, где в живой речи также наблюдается немало нарушений в использовании этой категории.

Лексика С.я. в основном общеиндоевропейского происхождения. Многие ее элементы, не находящие точных соответствий в других индоевропейских языках, связаны с балто-славянской общностью (праслав. **ręka* 'рука' ~ литов. *ranka* и др.). Ряд древних заимствований обязан контактам праславянского с иранскими, кельтскими, германскими и другими индоевропейскими диалектами. В ходе истории отдельных С.я. их лексика расширялась и обогащалась прежде всего за счет собственных ресурсов путем суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий. Источниками лексических заимствований являлись: германские языки (в том числе в поздний период в наибольшей степени немецкий, особенно для западнославянских языков); тюркские и другие восточные языки (прежде всего для южно- и восточнославянских языков); финно-угорские языки для восточнославянских языков; новогреческий, албанский, румынский и другие для языков балканского ареала; румынский и венгерский для языков карпатского ареала и смежных с ним; древнегреческий — не только для Pax Slavia Orthodoxa, латынь — не только для Pax Slavia Latina, французский — для некоторых славянских языков в XIX в. (русский, польский), английский — для всех С.я. в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984, т. 1–2.

Гаспаров Б. М., Сигалов П. С. Сравнительная грамматика славянских языков: В 2-х т. Тарту, 1974.

Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981.

Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000, т. I.

Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Журавлев А. Ф. Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.

Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.

Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (Славянские языки). СПб., 1998.

Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. I. Западнославянские языки. М., 1941.

Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987.

Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977.

Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.

Супрун А. Е. Праславянский язык. Минск, 1993.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Толстой Н. И. Избранные труды. М., 1997–1999. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология, 1997; Т. 2. Славянские литературные языки, 1998; Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию, 1999.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.

Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.

Arumaa P. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Heidelberg, 1964, 1976, 1985, Bd. I–III.

Carlton T.R. Introduction to the phonological history of the Slavic languages. Columbus (Ohio), 1991.

Einführung in die slavischen Sprachen. 3. Auflage / Hrsgb. Peter Rehder. Stuttgart, 1998.

Gołąb Z. The origins of the Slavs. Columbus (Ohio), 1992.

Isačenko A. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen // Linguistica Slovaca, 1939–1940, zv. I–II.

Lamprecht A. Praslovanština. Brno, 1987.

Mareš F.V. Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen. München, 1969.

Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1852–1974, Bd. I–IV.

Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.

Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991.

Shevelov G. Y. A prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1969, t. I; 1973, t. II.

The Slavonic languages / Eds. B. Comrie, G. G. Corbett. London; New York, 1993.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950–1974, v. I–V.

Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Wien, 1906–1908, Bd. I–II.

С л о в а р и

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–2003, вып. 1–30 [продолжающееся издание].

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963—1973, Lief. 1—6.

Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974—2001, t. 1—8 [продолжающееся издание].

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Е. Супрун, *А. М. Молдован*

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Старославянский язык (С.я.) — язык первых славянских письменных памятников: переводов частей Библии и некоторых церковных канонических текстов, а также оригинальных сочинений, принадлежащих славянским первоучителям Константину Философу (Кириллу, 827–869), его брату Мефодию (815–885) и их ученикам и последователям (середина IX — XI в.). В дальнейшем С.я., частично видоизменяясь, использовался в большинстве славянских стран и некоторых неславянских странах (Молдова, Валахия) в качестве стандартного языка христианской вероучительной и богослужебной, отчасти светской письменности, получившего в науке название «церковнославянский язык» (Ц.я.).

1.1.1. Варианты названия: древнецерковнославянский, староцерковнославянский (в русской до 1917 г., польской, английской, отчасти немецкой научной традиции), древне- или староболгарский (в болгарской, отчасти немецкой науке); термин «старославянский» принят в русской, украинской, белорусской, чешской, словацкой, сербской, хорватской, македонской, словенской, французской, отчасти немецкой и американской лингвистике; англ. *Old Church Slavonic*, нем. *Altkirchenslavisch*, реже *Altbulgarisch*, фр. *le vieux slave*, итал. *paleoslavo*, лат. *palaeoslavica*, *slavica antiqua*. В текстах на С.я. этот язык именуется **ѩзꙑкъ словѣньскъ** ʽславянский язык’.

Термин Ц.я., впервые появившийся в «Рассуждении о славянском языке» А. Х. Востокова (1820), указывает на преимущественно церковную сферу его использования; в славистической литературе этому термину соответствуют англ. *Church Slavonic* (*Church Slavic*), нем. *Kirchenslavisch*, фр. *slave ecclésiastique*, итал. *slavo ecclesiastico*. Реже используется термин «древнеславянский язык» (Н. И. Толстой, Ф. Мареш, Н. А. Мещерский, М. М. Копыленко и др.), который подчеркивает общий для южных и восточных славян характер Ц.я. и возможность его внецерковного функционирования. В филологических текстах древних славянских книжников и филологов нового времени Ц.я. назывался «словенский», «славенский», «славянщина». В филологической литературе до сих пор используется термин «славянизмы» в значении «церковнославянизмы». Поскольку Ц.я. развивался из старославянского и нет принципиальных различий между тем языком, который создали Кирилл и Мефодий, и тем, каким он становился в дальнейшем, в понятие Ц.я. нередко включается и С.я., рассматриваемый как его начальная ступень, тем более что доступные науке письменные памятники, на которых строится описание С.я. (X–XI вв.), отстоят от своих оригиналов на полтора-два

столетия, так что, строго говоря, находятся уже за пределами собственно старославянской эпохи — эпохи первых славянских переводов. С другой стороны, сами по себе эти памятники лингвистически амбивалентны: они в основном сохраняют древнюю старославянскую лексику, синтаксис и грамматику старославянского языка IX в., но одновременно отражают орфографические нормы и фонетические особенности того Ц.я. X или XI вв., которым пользовался переписчик древнего текста. Ц.я., употребляемый с конца XIX в., получил название новоцерковнославянский, или поздний Ц.я. Ниже он также называется современный Ц.я.

1.1.2. С.я. принадлежит к южной группе, а внутри нее — к юго-восточной (болгаро-македонской) подгруппе славянских языков.

1.1.3. Созданный уроженцами Солуни (совр. Салоники, Греция) братьями Константином и Мефодием, С.я. использовался сначала в Великой Моравии, куда солунские братья были направлены с церковной миссией (863 г.), и Паннонии, куда Мефодий был назначен епископом (870 г.). В этот период С.я. бытовал в среде западных славян и западной части южных славян — у мораван, чехов, словаков, отчасти поляков, паннонских и альпийских славян. После смерти Мефодия (885 г.) его ученики и последователи в течение следующего столетия распространяли С.я. у хорватов, македонцев, болгар и сербов. У восточных славян Ц.я. получил распространение с официальным принятием Русью христианства (988 г.). За пределами славянских земель Ц.я. функционировал в качестве языка православной церкви в Валахии и Молдавии.

В наше время Ц.я. используется следующими поместными церквями: Русской православной церковью (в России, Белоруссии, на Украине, в Казахстане и других государствах бывшего СССР), Сербской (наряду с сербским языком, в Сербии и Черногории), Болгарской (наряду с болгарским), Македонской (наряду с македонским), Польской (наряду с основным польским), Чехо-Словацкой (наряду со словацким и чешским языками), Американской (наряду с основным английским), Вселенским Патриархатом (в епархиях русской и украинской традиций), а также некоторыми церквями неопределенного статуса: Русской зарубежной православной церковью (РПЦЗ), Украинской православной церковью Киевского патриархата и Украинской автокефальной православной церковью (в последних двух служат на украинском языке или украинском варианте Ц.я.) и разнообразными группами староверов. В некоторых других странах он использовался и используется как язык богослужения в славянских православных монастырях и церквях. Что касается владения Ц.я., то тут следует учесть прежде всего тот факт, что он используется для порождения новых текстов только в специальных случаях (создание новых служб, акафистов) и только в письменной форме. Поэтому обычно владение Ц.я. сводится к умению читать и понимать тексты и пониманию на слух церковных служб.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Дошедшие до нас памятники С.я. X–XI вв. (см. 1.3.2.) отражают диалектные особенности речи переводчиков и переписчиков. Моравские черты отразились в Киевских листках и Пражских глаголических отрывках, восточноболгарские особенности — в Саввиной книге, Супрасльской рукописи, Енинском апостоле, черты западной болгаро-македонской диалектной области — в Ассеманиевом, Зографском евангелиях, в Синайской псалтыри и Синайском требни-

ке, на эти черты наслоились в Мариинском Евангелии и Сборнике Клоца особенности речи переписчика-серба. Эти территориальные особенности (в основном графико-орфографические и фонетические) не были препятствием для чтения и понимания текстов, поэтому они часто сохранялись при переписке рукописей. Памятники последующих лет тоже, как правило, обнаруживают зависимость от орфографии и фонетических особенностей той локальной разновидности Ц.я., в традиции которой они переписывались или создавались.

В современном Ц.я. используется в основном русский извод с произносительными вариантами в зависимости от родного языка говорящего. Основными вариантами являются: украинский, сербский и болгарский (см. подробнее 2.7.0.). Кроме этого, в исключительных случаях в храмах Хорватии и Чехии используются хорватско-глаголический и чешский изводы (или типы) Ц.я. Об истории и развитии изводов см. 1.5.0.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С.я. использовался в качестве языка христианского вероучения и богослужения сначала только у некоторых славянских народов (см. 1.1.3.). По мере расширения территории его распространения у славян Ц.я. приобретал качество общеславянского литературного языка, обеспечивавшего существование не только единой богослужебной литературы на славянском языке, но и других сфер письменности — прежде всего юридических текстов и летописания. Таким образом, по отношению к местным славянским диалектам Ц.я. выступал как книжный (письменный) язык, обладающий соответствующим репертуаром выразительных средств, в отличие от разговорного идиома, выполняющего коммуникативные задачи. С появлением национальных славянских языков нового времени сфера применения Ц.я. ограничивается областью православного богослужения.

Традиция использования Ц.я. в качестве языка богослужения и литературного языка была непрерывной только у православных славян, входивших в греко-славянский культурный ареал; у западных славян, находившихся под римской церковной юрисдикцией, она прекратилась в XI в. Более сложную судьбу имела глаголическая письменность у хорватов. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны верховной власти, периодические запреты богослужения на Ц.я. и господство латинской литургии, в Хорватии до XIV–XVI вв. сохранялся в списках корпус славянских памятников IX–XI вв. и на его основе развивалось глаголическое книгопечатание (первая печатная книга на славянском языке — Хорватский глаголический миссал 1483 г.). Глаголица использовалась, кроме того, для переводов и оригинальных сочинений на хорватском языке.

Ц.я. был языком государственной администрации и православной церкви в Валахии и Молдавии. Церковнославянская литература в этих землях в XV–XVII вв. служила культурной посредницей между южными и восточными славянами, и Ц.я. сохранялся на этой территории до второй половины XVIII в.

1.3.2. С.я. — первый литературный язык славян, язык древнейших памятников (X–XI вв.), характеризующийся последовательным отражением некоторых языковых особенностей, прежде всего довольно правильным употреблением «юсов» — знаков для носовых гласных. Эти памятники составляют так называемый «узкий канон» С.я. К нему относятся четыре списка Евангелия: апракосы — Ассеманиев кодекс (Асс.) и Саввина книга (Савв.); тетры — Мариинское (Мар.),

Зографское (Зогр.) евангелия, Псалтырь — Синайская (Син. пс.), значительно поврежденный и неполный текст Апостола — Енинский (Енин.), требник — Синайкий (Син. тр.), гомилетические тексты — Супрасльская рукопись (Супр.; другое название — Ретков сборник), Сборник Клоца (Клоц.), а также сохранившиеся фрагменты еще примерно десяти рукописей (в том числе упомянутые в 1.2.1. фрагменты с моравскими чертами). В состав памятников С.я. включают несколько надписей X в.: Добруджанская, чергубыля Мостича, царя Самуила и др. К этим памятникам примыкает еще несколько десятков памятников, представляющих собой более поздние (вплоть до XVI в.) копии (списки) текстов, созданных в кирилло-мефодиевский и непосредственно за ним следующий симеоновский периоды, но не сохранившихся в более ранних рукописях; естественно, что в этих памятниках наряду с сохранением ряда особенностей С.я. отражены более поздние и локальные языковые черты. В числе таких памятников («широкий канон» С.я.) — оригинальные славянские произведения: «Закон судный людям», «О письменах» черноризца Храбра, стихотворные тексты «Азбучная молитва», «Проглас» (предисловие к Евангелию), некоторые жития, а также ранние славянские переводы частей Библии, литургические, гомилетические, исторические, юридические тексты и/или их фрагменты.

Диалектной основой С.я. явился болгаро-македонский говор Солуни, родины славянских первоучителей. Высказывавшиеся в XIX в. мысли о паннонской основе С.я. (В. Копитар, Ф. Миклошич) в настоящее время отвергнуты.

Ц.я. воспринимался его носителями как единый на всей территории его распространения и неизменный на всем протяжении своего существования. Представление об определенном единстве Ц.я. верно уже в силу общности для разных православных славянских стран основных богослужебных книг, написанных на Ц.я., таких, как Евангелие, Псалтырь, служебные минеи, триоди, октоихи, паримейники и др. Эти тексты находились в постоянном движении и свободно перемещались из одной области славянского мира в другую. В то же время разные письменные манифестации Ц.я. составляют довольно пеструю картину, которая может быть описана следующим образом.

Во-первых, в составе Ц.я. с древнейших пор существовали по меньшей мере два регистра, ориентированные на разные функциональные категории текстов. Язык Священного Писания и литургических текстов был более стабилен и составлял своеобразное ядро Ц.я., его стандартный регистр. Существование и самовоспроизведение стандартного регистра поддерживалось сначала ориентацией на канонические образцы, позднее его нормы были кодифицированы в грамматиках и словарях. Периферию стандартного регистра образовывал язык текстов, предназначенных отчасти для монастырского богослужения, отчасти для широкого религиозного просвещения (жития, поучения, повести, апокрифы, хронографы, летописи, паломническая литература и другие сочинения, переведенные с греческого языка или создававшиеся славянскими книжниками). Они также подражали соответствующим образцам: агиограф опирался на житийную традицию, автор гомилий — на традицию гомилий и т. д. Но новые тексты неизбежно выходили за рамки тех образцов, которые могла обеспечить предшествующая традиция, и это создавало более свободные условия для языкового творчества и интерференции книжной и некнижной лексики. В результате формировался гиб-

ридный, или «литературный», регистр Ц.я. с более широким, чем в стандартном регистре, спектром языковых средств и иной, более гибкой и открытой для реинтерпретаций системой лингвистических норм.

Во-вторых, и стандартный, и гибридный регистры реализовывались в рамках локальных разновидностей Ц.я., называемых его изводами (или вариантами, редакциями Ц.я.). Изводы Ц.я. проявляются главным образом в фонетико-орфографических, отчасти морфологических признаках сохранившихся славянских рукописей. Это связано с тем, что орфография Ц.я. более чувствительно, чем, например, грамматика, реагировала на особенности местного диалекта и с ней в первую очередь были связаны представления книжников о языковой и вероучительной правильности. На лексическом и синтаксическом уровне различия изводов были еще менее значительны, чем в грамматике, и затрагивали в основном периферийные и непродуктивные элементы.

1.3.3. С.я. с самого начала был не языком, которым овладевают естественно, как родным, но объектом искусственного изучения путем «простого прилежного читания». Превратившись в единый литературный язык многих южных и всех восточных славян, С.я. должен был изучаться всеми, кто овладевал в этих землях грамотой. Поэтому позднее первые восточнославянские грамматики и словари (Л. Зизаний, М. Смотрицкий, П. Берында) были грамматиками и словарями церковнославянского языка. Ц.я. до начала XX в. был предметом школьного обучения в России, Болгарии, Сербии, Черногории, а в хорватско-глаголическом изводе изучался хорватами-«глаголяшами».

Современный Ц.я. преподается прежде всего в православных семинариях, духовных академиях, богословских институтах и других учебных заведениях. Во многих странах развита система воскресных школ, в которых среди прочих предметов детям преподается и Ц.я.

1.4.0. Дошедшие до нас письменные памятники С.я. выполнены двумя видами фонематического письма: глаголицей (в основном памятники западного болгаро-македонского происхождения) и кириллицей (в основном восточноболгарского происхождения). Глаголица, согласно принятой точке зрения, — более раннее письмо, вероятно, изобретенное Константином-Кириллом. Буквы глаголицы отчасти могут быть возведены к буквам существовавших до нее письменностей (например Ⰵ «есть» и Ⱚ «фита» — к греческой, Ⱎ «ша» — к древнееврейской; см. таблицу ниже), а отчасти представляют собой искусственно созданные знаки (таковы комбинации христианских символов треугольника и круга, образующие буквы Ⰻ «иже» и Ⱄ «слово», которые составляли сокращенное обозначение имени Иисуса; составленные из других букв знаки для носовых гласных — «юсов»: Ⱔ, Ⱗ, Ⱘ, Ⱙ). В большинстве славянских стран глаголица была вытеснена кириллицей, и только в Хорватии она получила развитие (так называемая «угловатая» глаголица). При издании памятников С.я. глаголические тексты обычно транслитерируются кириллицей. Кириллица (название, данное в честь создателя славянской письменности, первично использовалось, возможно, для глаголицы) в значительной мере воспроизводит буквы греческого уставного письма; для букв, недостающих в нем, были использованы отчасти буквы глаголицы (Ⱎ «ша», преобразованное Ⰶ «живѣте», вероятно, «юсы»), а отчасти вновь созданные буквы (так, **б** «букы» было образовано путем устранения одной части буквы **в** «вѣдѣ»,

ю «ю» — из сочетания буквы і «иже» и первой части диграфа оѹ «укъ»). Кириллица, введенная, вероятно, в симеоновский период сначала в Восточной Болгарии, затем получает распространение вместе с церковнославянским языком у восточных и южных православных славян (хотя она была, видимо, известна и в Моравии), румын и молдаван. Древнейшая кириллическая печатная книга — церковнославянский «Осмогласник» (с украинскими языковыми чертами) — была напечатана в Кракове в 1491 г. После создания (1708) на базе кириллицы русской гражданской азбуки (которую в противоположность латинице также называют иногда кириллицей), кириллица стала использоваться в России только в культовых целях; у болгар и сербов она использовалась для печати книг некультового содержания вплоть до первой половины XIX в. Названия букв глаголицы и кириллицы совпадают, они восходят, вероятно, большей частью к азбучному акростиху, который до нас не дошел. Буквы используются и для передачи чисел. Священные имена и понятия сокращенно обозначаются под титлами: **б҃гъ** — **богъ** 'Бог', **н҃съ** — **инсѹсъ** 'Иисус'). Буквы глаголицы и кириллицы, их звуковое и числовое значения, названия приводятся в таблице. О диакритике см. 2.1.3.

Латинское письмо для записи древнеславянского текста использовано во Фрейзингских отрывках (конец X в.), которые следует считать памятником словенского языка, хотя в них и отразилось влияние С.я.

Старославянские азбуки

Название буквы	Глаголица IX–XI вв.	Числовое значение	Кириллица	Числовое значение	Звуковое значение
азъ	ⰰ	1	а	1	a
бѹкы	ⰱ	2	б	—	b
вѣдѣ	ⰲ	3	в	2	v
глаголи	ⰳ	4	г	3	g
добро	ⰴ	5	д	4	d
ѥсть	ⰵ	6	є	5	e
живѣте	ⰶ	7	ж	—	ž’
ѕѣло	ⰷ	8	ꙃ (ѕ)	6	dz’
землꙗ	ⰸ	9	ꙁ, з*	7	z
ижеи	ⰻ	20	и	8	i
иже	ⰹ, ⰺ	10	і, ї	10	i
(гервь)	ⰼ	30	(ꙉ)	—	g’
како	ⰽ	40	к	20	k
людиѥ	ⰾ	50	л	30	l
мꙑслите	ⰿ	60	м	40	m
нашь	ⱀ	70	н	50	n
онъ	ⱁ	80	о	70	o
покои	ⱂ	90	п	80	p
рьци	ⱃ	100	р	100	r
слово	ⱄ	200	с	200	s
тврьдо	ⱅ	300	т	300	t
оѹкъ	ⱆ	400	ꙋ, оѹ*	400	u
фрьтъ	ⱇ	500	ф	500	f

Название буквы	Глаголица IX–XI вв.	Числовое значение	Кириллица	Числовое значение	Звуковое значение
хѣръ	Ⱒ	600	**χ**	600	x
отъ	Ⱉ	700	**ѡ**	800	o
ци	Ⱌ	900	**ц, ц***	900	c’
чрьвь	Ⱍ	1000	**ч, ч***	90	č’
ша	Ⱎ	—	**ш**	—	š’
шта	Ⱋ	800	**щ, шт***	—	š’t’
еръ	Ⱏ	—	**ъ**	—	ъ
еръı	ⰟⰊ, ⰟⰋ	—	**ъи, ъı***	—	y
ерь	Ⱐ	—	**ь**	—	ь
ꙗть	Ⱑ	(800)	**ѣ**	—	ě
—	Ⱓ	—	**ю**	—	ju**
—	—	—	**ꙗ**	—	ja**
—	—	—	**ѥ**	—	je**
юсъ малъıи	Ⱔ	—	**ѧ, ѧ***	(900)	ę
—	Ⱗ	—	**ѩ**	—	ję**
юсъ большии	Ⱘ	—	**ѫ**	—	ǫ
—	Ⱙ	—	**ѭ**	—	jǫ**
кси	—	—	**ѯ**	60	ks
пси	—	—	**ѱ**	700	ps
ѳита	Ⱚ	(500)	**ѳ**	9	f
ижица	Ⱛ	(400)	**ѵ, ѵ**	400	i, v

П р и м е ч а н и я: *В настоящей статье в примерах (кроме цитат из памятников) используется второе начертание данной буквы. **Йотированные буквы также использовались для записи фонем /u/, /a/, /e/, /ę/, /ǫ/, одновременно указывая на палатализованность предшествующей согласной.

На протяжении веков орфография Ц.я. изменялась: одни буквы выходили из употребления (прежде всего йотированные юсы), другие развивали дублетные написания, которые (как и некоторые буквы, обозначающие одинаковые звуки) стали использоваться для различения морфологических омонимов, в зависимости от позиции в слове или для обозначения новых звуков (например, «о закрытого»), некоторые лигатуры приобрели статус отдельных графем (например, ѿ для написания приставки и предлога ѿ ‘от’). Так, в современном русском изводе используется кириллица без букв ꙉ («гервь»), ѥ, ѩ, ѭ, ѫ. Добавлена буква й («иже краткое»). Ряд графем находится в дополнительном распределении, в зависимости от позиции в слове или морфологической формы: е («е узкое») / є («е широкое»); ѕ/з; ї/и/ѵ; о/ѻ/ѡ/ѿ/ѽ; ꙋ/ѹ/ѵ; ꙗ/ѧ.

Помимо этого, развивалась система надстрочных знаков, в основном заимствованная из греческого: знаки ударения и придыхания, знаки сокращения слов. Варьировались как сами знаки, так и случаи их употребления (например, список сакральных слов под титлами то сокращался, то расширялся). Окончательно система этих знаков сформировалась в XVII–XVIII вв. и в современном русском изводе включает три знака для ударения (а́ — острое, а̀ — тяжелое и а̑ — облеченное ударение) и знак придыхания, которые могут сочетаться между собой; знаки сокращения слов (простое титло и буквенные титла: ҃ ⷩ҇ ⷬ҇ ⷮ҇); и па́ерок (ꙿ —

используется иногда вместо буквы **ъ**). Знаки ударения и придыхания не связаны с различием в произношении.

Еще одной особенностью функционирования Ц.я. в XX–XXI вв. является широкое распространение текстов на Ц.я., набранных гражданским шрифтом, которые составляют сейчас бóльшую часть печатной продукции на Ц.я.

1.5.0. Краткая периодизация истории С.я и Ц.я.:

Кирилло-мефодиевский период (60–80-е гг. IX в.) был связан с деятельностью Константина-Кирилла и Мефодия, а также их учеников, которые перевели на созданный ими литературный С.я. основную христианскую литературу (евангельские и апостольские чтения, Паримейник, Псалтырь и некоторые богослужебные тексты) и создали ряд оригинальных произведений («Проглас» — предисловие к Евангелию, «Житие Кирилла», «Закон судный людям» и др.). С.я., создание которого было начато солунскими братьями еще на родине, в это время распространяется в Великой Моравии и Паннонии — у предков словенцев и хорватов.

Симеоновский период развития С.я. в Первом Болгарском царстве (конец IX — начало X в.) связан с деятельностью царя Симеона (863/4–927) и вернувшихся на родину после изгнания из Моравии учеников Константина и Мефодия — Климента, Наума, Горазда и др., с развитием Охридской (на западе) и Преславской (на востоке) письменных школ. В этот период продолжалась активная переводческая и творческая деятельность на С.я., были подготовлены новые переводы и оригинальные произведения (в том числе написан трактат черноризца Храбра «О письменах» в защиту глаголицы).

С конца X в. Восточная Болгария, а с начала XI в. и Охрид попадают под власть Византии, автокефальность славянской Охридской церкви нарушается с назначением в 1037 г. архиепископа-грека, а затем богослужение на славянском языке запрещается. Несмотря на это, как следует из дошедших до нас письменных памятников, переписка славянских книг в Болгарии продолжается, создаются и некоторые новые тексты (пресвитер Козма).

Поскольку старославянский и церковнославянский язык является языком книжным, периодизация его истории отражает не хронологию языковых изменений, а этапы его стандартизации славянскими книжниками, которая осуществлялась в соответствии с той или иной металингвистической доктриной. Наиболее существенные изменения норм Ц.я. следовали за радикальными поворотами в церковных спорах по вопросу о месте и роли Ц.я. в жизни общества, о его взаимоотношении с греческим языком прототипических текстов и, с другой стороны, со славянскими национальными языками.

История Ц.я. проходит три периода, в рамках которых могут быть выделены соответствующие территориальные разновидности, или изводы, Ц.я.

1. Древний период (до XIV в.). Сведения об этом периоде наименее надежны из-за малочисленности и фрагментарности дошедших до нас письменных источников. Тем не менее есть основания полагать, что славянские книжники этой эпохи, в соответствии с кирилло-мефодиевской традицией, рассматривали Ц.я. как средство религиозно-церковного просвещения и коммуникации, считая, что люди должны воспринимать христианское учение на языке, который им понятен. Такая установка благоприятствовала развитию гибридного регистра

Ц.я., обслуживавшего неканонические (небогослужебные) тексты, и признанию допустимости локальных вариантов Ц.я., тем более что вариантность проявлялась в основном в орфографии. Переписывая канонические тексты, писцы должны были руководствоваться системой орфографических правил, соответствующих фонетическим и грамматическим особенностям местного извода Ц.я. Сохранившиеся рукописные памятники позволяют говорить о следующих изводах Ц.я.:

1) моравско-чешский извод Ц.я., представленный глаголическими Киевскими листками, Пражскими глаголическими отрывками, а также более поздними (в основном древнерусскими) списками «Жития Вячеслава», «Бесед на Евангелие» папы Григория Великого (Двоеслова) и др. Орфографические признаки памятников этого извода, отражающие особенности его фонемного состава: **ц** на месте праславянских **tj*, **kt*; **з** на месте **dj*, ср. **просѩце** ʽпросящие’, **помоць** ʽпомощь’, **отъдазь** ʽотдай’ в Киевских листках (в старославянском **просѩште, помошть, отъдаждь**); **шч** на месте праславянских **stj*, **skj* и **sk* в позиции первой палатализации (в старославянском **шт**): **зашчітітъ** ʽзащитит’, **зашчіті** ʽзащити’ (3 раза) в Киевских листках; возможно, **з** на месте старославянского **ѕ**, ср. **мнози** ʽмногие’, **нозѣ** ʽноги’ в Пражских отрывках; буквы **а** и **оу** на месте старославянских носовых **ѧ** и **ѫ** и др. Заимствования моравского времени из латинского отражают написания **фелицита** ʽФелицита’ (имя), **прѣфацнѣ** ʽпрефация’ (одна из молитв в мессе) (в случае заимствования из греческого было бы ***филікіта**, ***прѣфатиѣ**). К числу древних лексических богемизмов относятся слова **вьсемогъı** ʽвсемогущий’, **инокость** ʽстранствование по чужбине’, **оплатъ** ʽСвятые дары’, **отъплатити** ʽотплатить’ (ср. старославянское **въздати**), **папежь** ʽпапа’, **рачити** ʽжелать, хотеть’ (сохранилось в русских и хорватских списках чешских текстов), **мьша** ʽмесса’ словосочетание **цвѣтьнаꙗ недѣлꙗ** ʽВербное воскресенье’ и др. Моравско-чешский извод Ц.я. прекратил свое существование после 1097 г. в связи с запретом славянского богослужения и письменности в Чехии;

2) хорватский извод Ц.я., возникший на территории южнославянского чакавского диалекта (предположительно еще в IX в.), связан с великоморавской глаголической традицией Ц.я. Его орфографические особенности: замена **ѫ** на **оу**, **ѧ** на **є** или **ѣ**; смешение еров и одноеровое письмо (только **ъ** на месте **ъ** и **ь**), смешение **ѣ** и **є**, а также **ъı** и **и**. Помимо эпиграфических памятников (древнейшая из датированных надписей на камне — надпись на «Башчанской плите» 1100 г.), к хорватскому изводу Ц.я. древнейшего периода относятся Венские листки конца XI — начала XII в., Башчанские отрывки, Гршковичев и Миханичев отрывки Апостола конца XII — начала XIII в.; два листка Легенды о св. Макарии (Будапештские листки) XII в.; относящиеся к XIII в., но отражающие более древние тексты, списки глаголических миссалов (литургических служебников) и бревиариев (книг для ежедневного чтения католических священников, содержащих фрагменты библейских текстов, Псалтыри, отдельные легенды, гомилии, Апокалипсис, молитвы), а также их отрывки (миссал Кукулевича, Бирбинский отрывок миссала, Лондонский и Врбничский отрывки бревиариев) и др. Среди древнейших полных глаголических миссалов XIV в. — Омишальский (Ватиканский) миссал начала XIV в., Хрвоев миссал, Миссал князя Новака и др.; среди полных бревиариев этого времени — Бодленский, Лобковича, Ватиканский, Парижский и Люблянский. Католическая ориентация богослужения и глаголической пись-

менности были причиной автономного существования хорватского Ц.я. в XIV–XV вв., который оставался вне поля зрения православных книжников, осуществлявших реформаторскую деятельность в других славянских странах. Благодаря этому хорватская письменность данного периода сохранила как древние тексты, так и древнюю структуру глаголической литургической книжности;

3) болгаро-македонский извод Ц.я. Представлен охридскими и преславскими письменными памятниками X–XI вв., составляющими корпус источников С.я. (см. 1.2.1., 1.3.2.), а также многочисленными кириллическими и глаголическими надписями. За пределами старославянского канона находятся такие рукописные памятники болгарского Ц.я., как Добромирово евангелие XII в., Охридский, Слепченский и Струмицкий апостолы XII в. и др., а также ряд памятников, созданных на болгаро-македонской территории, хотя сохранившихся только в списках из других областей (древнерусский список Изборника Святослава 1073 г. и др.). Периодами расцвета староболгарского Ц.я. было правление болгарского царя Симеона (893–927) и Ивана Асеня (1218–1241). Главные орфографические признаки этого извода: смешение букв **ѫ** и **ѧ**; смешение **ъ** и **ь**, причем в некоторых памятниках употребляется только одна из этих букв (одноеровые рукописи); смешение **а** и **ѫ, ѧ** и **є: нѫ** ʽна’, **всѧꙗ** вместо **всєꙗ** ʽвсей’; в некоторых рукописях — смешение **оу** (**ȣ**) и **о: възрадоувалисѧ** ʽвозрадовались’, **растȣчивъ** ʽрасточив’, **на ного** ʽна ногу’; смешение **ъı** и **и: посилаѭ** ʽпосылаю’, **въıждѫ** ʽвижу’ и др.;

4) сербский извод Ц.я. сформировался на территории южнославянского штокавского диалекта. Первоначально он, возможно, был частью единой болгаро-македонско-сербской книжной традиции, поскольку «сербизмы» встречаются в некоторых старославянских рукописях (Мариинское евангелие, Сборник Клоца). В древнейших памятниках сербского Ц.я., относящихся к XII в. (Мирославово и Вуканово евангелия), сербские особенности (смешение **оу** и **ѫ, є** и **ѧ, ъı** и **и**, преобладание написаний с **ь** на месте **ъ**) выступают лишь спорадически. В XIII–XIV вв. орфография сербского Ц.я. уже вполне установилась. Ее особенности: замена **ѫ** на **оу, ѧ** на **є: соуть** (3-е лицо множественного числа от **бъıти** ʽбыть’), **времє** ʽвремя’; одноеревое письмо (только **ь** на месте **ъ** и **ь**), **ю** на месте **оу** (**ѫ**): **дивлѣхюсє** ʽудивлялись’, **прѣмюдрость** ʽпремудрость’; смешение **ъı** и **и: ти** ʽты’, **слиша** ʽуслышал’, **властъı** ʽвласти’; **а** на месте **ъ** и **ь** (с XIV в.): **санъ** ʽсон’, **мастъ** ʽместь’. Расцвет сербской традиции Ц.я. связан с деятельностью св. Саввы (ум. в 1236 г.), возглавлявшего сербскую церковную иерархию и основавшего Хиландарский монастырь на Афоне;

5) русский (древнерусский, восточнославянский) извод Ц.я. формируется после официального крещения Руси в 988 г. Несмотря на определенные региональные различия (например, отражение цоканья в новгородских памятниках, использующих гибридный регистр Ц.я.), большинство церковнославянских памятников, написанных на обширной восточнославянской территории, характеризуется единством лингвистических норм. Основные графико-орфографические особенности восточнославянского извода Ц.я.: буквы **оу, у, ȣ** на месте **ѫ** и «неэтимологическое» использование **ѫ: коупѣль** ʽкупель’, **водоу** ʽводу’, **дрѫжє** ʽдруже’ (звательная форма); орфографическое перераспределение букв **ѧ, ꙗ, а** по отношению к орфографии старославянских памятников; написания с начальным **оу-**, соответствующим **ю-** в старославянской орфографии: **оугъ** ʽюг’, **оуноша** ʽюноша’; напи-

сания **ъръ, ълъ, ьрь** или **ър, ъл, ьр** на месте этимологических **TърT*, **TълT*, **TьrT* (ср. **ръ, лъ, рь, ль** в старославянских памятниках): **търгъ, търъгъ** ʽплощадь', **вълкъ** ʽволк', **вьрьвь** ʽверевка'; написания, отражающие «полногласие»: **городъ** ʽгород', **дерево** ʽдерево' (ср. **градъ, дрѣво** в старославянских памятниках); **ж** на месте праславянского **dj*: **прѣже** ʽпрежде', **рожьши** ʽродившая'; **ч** на месте праславянского **tj* (спорадически): **чужии** ʽчужой', **хочю** ʽхочу'; окончания творительного падежа единственного числа **-ъмь, -ьмь** (ср. **-омь, емь** в старославянских памятниках) и др. Древнейшие рукописные памятники восточнославянского извода Ц.я.: Новгородская псалтырь начала XI в., Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г., Архангельское евангелие 1092 г., Новгородские служебные минеи 1095–1097 гг., Пандекты Антиоха, Слуцкая псалтырь, Туровские листки, Минея Дубровского, Путятина минея и др. (см. статью «Древнерусский язык» в наст. издании).

2. Средний период (XIV–XV вв.). В XIV–XV вв. в среде православных книжников происходит пересмотр представлений о месте и роли Ц.я. в церковной жизни. Новые идеи, оказавшие сильное влияние на развитие Ц.я. в разных славянских странах, разрабатывались в трудах болгарского патриарха Евфимия и его сподвижников и последователей (Тырновская книжная школа). Их учение в лингвистическом аспекте было основано на том, что слово и его значение органически связаны друг с другом, иными словами, связь между означаемым и означающим не является произвольной и конвенциональной. Прямым следствием этой теории было то, что даже случайная ошибка или описка рассматривались как повод для еретической интерпретации текста. Другим следствием этой теории было требование буквальности в переводах греческих текстов богословского содержания на Ц.я.; считалось, что перевод должен соответствовать своему оригиналу даже в самых мелких деталях. В этих условиях древние переводы, которые выполнялись ранее в более свободной манере и которые потом неизбежно искажались в процессе многократного и «многоступенчатого» копирования, стали рассматриваться как опасные своей неточностью. Чтобы преодолеть эту опасность, православные книжники стали исправлять древние переводы по греческим оригиналам; в ряде случаев они переводили эти тексты заново. Новые переводы быстро распространились у православных славян, почти полностью вытеснив древние. Проведенная в этот период текстологическая работа над переводами Нового Завета, Псалтыри, церковного Устава и других книг, явившаяся реакцией на угрозу еретического искажения текстов, способствовала централизации и унификации Ц.я.

В средний период Ц.я. перестает рассматриваться как средство религиозно-церковного просвещения и коммуникации, а становится частью православной теологии. И хотя не требовалось, чтобы Ц.я. был стандартизован во всех деталях, однако орфография все более унифицировалась, что вело к уменьшению числа территориальных различий в Ц.я. Тем не менее в этот период в Ц.я. существовали следующие изводы:

1) болгарский извод Ц.я., который продолжал традицию болгаро-македонского Ц.я., но при этом подвергся существенному реформированию на основе идеологии Тырновской школы. После завоевания Болгарии турками в конце XIV в. церковнославянская письменность здесь приходит в упадок, однако стандарты Тыр-

новской школы распространяются в других странах, в особенности у сербов и восточных славян (так называемое «второе южнославянское влияние»). Ц.я. в его болгарской разновидности становится также языком румынской православной церкви;

2) сербский извод Ц.я., продолживший традицию древнего сербского Ц.я. В начале XV в. он подвергся реформированию в рамках деятельности Ресавской школы, идейно связанной с Тырновской. Активным деятелем этой школы был Константин Костенецкий (около 1380–1431). К концу XV в. после завоевания Сербии турками церковнославянская книжная деятельность здесь замирает;

3) русский (московский) извод Ц.я. Формируется на основе древнерусского Ц.я. после церковно-политического разделения восточнославянской территории на Московскую Русь и Литовскую Русь. Новое направление реформирования Ц.я. поддерживалось и пропагандировалось в Москве митрополитом Киприаном (около 1330–1406), который трудился над исправлением Псалтыри, Служебника, переводил гимнографические тексты и др.;

4) украинско-белорусский извод Ц.я. Также продолжал традицию древнерусского Ц.я. Активным участником исправления церковных текстов в юго-западных областях восточнославянской территории выступал митрополит Григорий Цамблак (предположительно 1365–1419).

3. Поздний период (XVI–XVIII вв.). В этот период программы исправления богослужебных книг строятся на грамматическом анализе славянского текста в соотнесении с греческим оригиналом. Важную роль в «книжной справе» XVI в. играл Максим Грек (около 1470–1555), который стремился развить и усовершенствовать грамматический репертуар Ц.я., чтобы сделать его более пригодным для передачи смысловых оттенков греческого текста. Работая в Москве, Максим Грек осуществил исправление и перевод целого ряда канонических книг: Толковой Псалтыри, Евангелия, Апостола, толковых Деяний св. Апостолов, Цветной Триоди, Часослова и Псалтыри. Стремясь к точности в передаче смысла греческого оригинала, Максим Грек в то же время считал важным добиться понятности перевода и соблюдения норм Ц.я.

Стремление к стабилизации канонических текстов привело к созданию сводов библейских текстов; наиболее значительным из них была Геннадиевская Библия 1499 г., которая легла в основу печатной Острожской Библии 1580–1581 гг.

С развитием книгопечатания во второй половине XVI в. возникает потребность в кодификации норм Ц.я. в грамматиках и словарях.

В ходе церковно-языковой полемики православных книжников с их католическими оппонентами последние утверждали, что приверженность православных славян церковнославянскому языку закрыла для них доступ к достижениям европейской науки и культуры. Ответом православных книжников было провозглашение Ц.я. аналогом латыни у славян, что придавало ему статус классического языка церкви. Для этого необходимо было разработать стандарт Ц.я., и к концу XVI — началу XVII вв. были созданы и изданы грамматики и словари Ц.я., в том числе наиболее известная «Граматики Славенския правильное Синтагма» Мелетия Смотрицкого (первое издание — 1619 г.). Деятельность по новому исправлению богослужебных книг на основе юго-западнорусских изданий осуществлялась в Московской Руси при поддержке патриарха Никона (1605–1681) и вызвала

серьезное противодействие у противников реформ, что явилось одним из поводов для церковного раскола. И если у старообрядцев в употреблении остался старый московский извод Ц.я., то в патриаршей церкви сложился иной извод, называемый синодальным или новоцерковнославянским. Он возник из соединения украинских норм с московскими, в отдельных случаях сверенных по греческим образцам. Во второй половине XVII в. так были исправлены основные богослужебные книги — Служебник, Требник, Триоди, Минеи, а в XVIII в. исправляется и весь текст Библии, результатом чего явилось издание в 1751 г. так называемой Елизаветинской Библии, остающейся в употреблении до сего дня. Впоследствии все издания на территории Российской империи предписывается осуществлять по сверенным московским образцам, в результате чего украинский извод остается в употреблении только за пределами Российской империи, у униатов. Тогда же синодальный извод распространяется и среди южных славян, где из-за османского владычества церковнославянская литература находилась в упадке.

Работа по стандартизации Ц.я. в XVII–XVIII вв. проходила в эпоху культурных перемен в славянских странах; важной составляющей частью их было развитие национальных литературных языков. Секуляризация культуры в славянских странах XVIII в. ограничила применение Ц.я. сферой церковно-религиозной жизни. Вместе с тем Ц.я. оказал значительное влияние на формирование славянских литературных языков нового типа, продолжал и продолжает оставаться для них важным источником обогащения словарного материала, синтаксических и стилистических средств.

4. Новый период (XIX–XXI вв.). В это время Ц.я. функционирует как язык православной церкви в России, Белоруссии, на Украине, в Болгарии, Сербии и Македонии. За это время на Ц.я. было создано большое количество новых текстов (церковных служб, акафистов и молитв). Национальные литературные языки оказывают сильное влияние на вновь создаваемые тексты, что ведет к углублению различий национальных вариантов Ц.я. В результате, например, современные русские церковнославянские тексты не всегда понятны сербу или болгарину, знакомому с церковнославянским языком. Тенденции осовременивания церковнославянской нормы, создания так называемого новоцерковнославянского языка (термин Ф. Мареша) наиболее сильно проявляются в Русской церкви, создавая противовес идее русификации богослужения.

1.6.0. С.я. был создан в процессе перевода на славянский язык византийской христианской литературы. Если вопрос о грецизмах в лексике решается достаточно объективно (см. 2.6.0.), то вопрос о греческом влиянии на другие структурные элементы С.я. вызывал споры. Отрицая греческое влияние на С.я., М. П. Погодин, В. А. Погорелов утверждали, что славянские первоучители якобы слабо знали греческий язык, но это не согласуется с фактами. Утверждение о крайней несамостоятельности синтаксиса и всего строя речи С.я. (О. Грюненталь, Н. К. Грунский) обосновывалось «рабским следованием» первых славянских переводов оригиналу, что также не находит фактического подтверждения (Е. М. Верещагин). Следует исходить из того, что тексты на С.я. — включая их синтаксическое построение — были понятны славянам, в том числе и тем, которые не знали греческого (Р. Ружичка), а следовательно, греческие синтаксические явления, не имевшие соответствий в славянском, могли включаться в тексты лишь в

такой мере, которая не нарушала понятности изложения. Поэтому правомерно говорить об активизации некоторых синтаксических моделей, об увеличении их частотности (Й. Курц), разрабатывать методы выявления тех моделей, которые были стимулированы в С.я. греческими оригиналами (Р. Ружичка), а иногда через греческий и семитскими оригиналами Ветхозаветных книг (Г. Бирнбаум), используя дошедшие до нас памятники разного времени и тщательно анализируя отдельные синтаксические явления (Н. И. Толстой, А. Достал, Р. Вечерка, А. Минчева, А. Шёберг и др.) и вместе с тем обращая внимание на их идиоматику (М. М. Копыленко). Это тем более важно, что С.я. оказал влияние на другие славянские языки, в частности, на русский, перенося в него и возможные грецизмы (Г. Бройер, К. Йордаль и др.).

В области синтаксиса вполне вероятно греческое влияние в употреблении ряда конструкций: 1) номинатив в аппозиции (приложении) при вокативе: **г҃о б҃ъ мои** 'Господи, Боже мой' (Син. пс. 29.13); 2) генитив с предлогом, обозначающий агенс в пассивной конструкции: **кр҃щахѫ сѧ от него** 'были крещены им' (Асс., Мф. 3. 6); 3) множественное число среднего рода атрибутивных слов в функции субстантивированного обобщения: **вьсѣ моѣ твоѣ сѫть** 'всё моё — твоё' (Мар., Лк. 15. 31); 4) аккузатив с инфинитивом при глаголах речи, чувств: **вы же кого мѧ г҃лете быти** 'вы за кого почитаете меня?' (Зогр., Мф. 16. 15). Много общего в синтаксисе причастий греческого и С.я.: большей частью эти схождения опирались на явления живого славянского языка; греческое влияние способствовало распространению некоторых конструкций (глагол **быти** с причастием, причастия после фазовых глаголов и др.), привело к сравнительно частому употреблению абсолютного датива на месте греческого абсолютного генитива; в отдельных случаях фиксируется и калькирование греческих причастных конструкций, но оно не закрепилось и осталось в рамках отдельного употребления, а не системы языка (Р. Вечерка, Р. Ружичка). Развертывание гипотаксиса в С.я. произошло под стимулирующим влиянием греческого языка, но с учетом славянского материала и выбора создателями литературного языка весьма удачных исконных союзных средств; таково, например, полифункциональное **аште** 'если' в уступительных и условных конструкциях, в разделительном употреблении и в возникающих, вероятно, под греческим влиянием вопросительной и обобщающей функциях (Я. и М. Бауэр), таково широко распространившееся употребление союзного слова **иже** 'который' в относительных придаточных предложениях и др.

Наряду с синтаксическим влиянием внутриструктурный характер имели некоторые изменения в фонетической парадигматике и синтагматике С.я. Греческие лексические заимствования принесли с собой фонему /f/, которой в исконном славянском материале не было: **порфѵра** 'пурпур', 'багрянец', **фрѵгиискъ** 'фригийский'. С греческими заимствованиями пришли некоторые не свойственные славянскому сочетания согласных, нарушающие принцип восходящей звучности (см. 2.1.4.): **псалъмъ** 'псалом', **анг҃елъ** 'ангел'; сочетания гласных: **иереи** 'иерей', **авраамъ** 'Авраам'; сочетания заднеязычных согласных с передними гласными: **хитонъ** 'хитон', **кедръ** 'кедр'; участились случаи употребления начальных /a/-, /i/-: **адъ** 'ад', **идолъ** 'идол' и др. Для закрепления соответствующих явлений имелись и внутренние предпосылки, но, бесспорно, внешние факторы сыграли в этом процессе свою роль, расширяя в целом возможности сочетаемости фонем в С.я.

2.0.0. Лингвистическая характеристика (далее на основе системы С.я., с необходимыми дополнениями относительно Ц.я.).

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Имеются различные интерпретации звуковой системы С.я., представленной в созданной Константином-Кириллом азбуке, поскольку ряд знаков прочитывается по-разному, точных сведений относительно произношения, естественно, нет и быть не может, некоторые особенности глаголического алфавита остаются нерасшифрованными (в частности, наличие двух знаков для /x/, трех знаков для /i/, не считая «ижицы»), а некоторые явления допускают разную интерпретацию.

Вокализм включает одиннадцать гласных. По общепринятой схеме это семь нормальных гласных (из которых исторически выделяют две кратких: /e/, /o/, а остальные считают долгими, но для С.я., видимо, это различие было нерелевантным), две сверхкратких (редуцированных) и две назальных. По Н. С. Трубецкому, назальные гласные фонематически представляли собой сочетание нормальных гласных с «неопределенным назальным» согласным *N*. Важнейшей корреляцией гласных была корреляция передних — непередних: /ě/ — /a/, /e/ — /o/, /i/ — /y/, /ь/ — /ъ/, /ę/ — /ǫ/; /u/, как и /y/, противопоставлялся в этом случае /i/:

Гласные

Подъем	Ряд					
	Передний			Непередний		
Верхний	i				y	u
Средний	ę	e	ь	ъ	o	ǫ
Нижний			ě	a		

Согласные

По способу образования			По месту образования			
			Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t		k
		Зв.	b	d		g
	Аффрикаты	Гл.		c’ č’		
		Зв.		ʒ’		
	Фрикативные	Гл.	(f)	s š’		x
		Зв.		z ž’		
	Сложные	Гл.		š’t’		
		Зв.		ž’d’		
Сонорные	Носовые		m	n n’		
	Боковые			l l’		
	Дрожащие			r r’		
	Скользящие		w (v)		i̯ (j)	

Консонантизм насчитывает двадцать шесть согласных. Н. С. Трубецкой исключал из их числа /j/ и добавлял *N*, выступавший в сочетаниях с /o/, /ö/, /e/ (образуя с ними то, что обычно считают назальными гласными). Многие до-

бавляют сюда мягкие /z'/, /s'/, но фонологическая релевантность противопоставления твердых и мягких сибилянтов недостоверна: минимальных пар нет. Мягкость /s'/ не обозначалась специальным знаком (П. Дильс). В С.я. происходил процесс слияния фонем /dz'/ и /z/ в /z/, и в памятниках XI в. часто их написания смешивались (см. 2.7.0.). Фонема /f/ встречалась только в заимствованных словах.

Буквы ѳ и ѵ первоначально обозначали, вероятно, греческие звуки — интердентальный или придыхательный дентальный согласный [θ] и передний верхний лабиальный гласный [ü]. Однако особое произношение чуждых славянской системе звуков не утвердилось, и согласный стал ассоциироваться со звуками [t] или [f], а гласный — со звуком [i]. С этим связаны многочисленные смешения соответствующих написаний. Поэтому эти звуки не могут считаться манифестациями специфических фонем С.я. Следует отметить, что в сочетаниях **єѵ** и **аѵ** буква **ѵ** передает фонему /v/: **єѵдокимъ** [jevdok'imъ] 'Евдоким'.

В С.я. выделяют обычно сложные фонемы /š't'/ и /ž'd'/, для первой из которых наряду с сочетанием **шт** имелся знак **щ**, а вторая передавалась сочетанием букв **жд**. Н. С. Трубецкой, который считал недостаточно обоснованным приписывание буквам С.я. конкретных звуковых значений, постулировал наличие в С.я. особых фонем, обозначавшихся в первичной глаголице буквами Ⱋ и Ⰼ. Последняя буква («гервь») употребляется в сохранившихся старейших рукописях перед гласными переднего ряда в заимствованных словах в значении мягкого /g'/). Учитывая, что в македонском /ѓ'/ (͡ґ'j) выступает в соответствии с болгарским /жд/ (сербохорватским литературным /đ/ [dž'], словенским /j/), а также то, что у хорватов-«глаголяшей» буква Ⰼ стала использоваться в значении /j/, в том числе из **dj*, можно допустить, что буква эта первоначально обозначала рефлексы **dj*, а буква Ⱋ обозначала аналогично различающиеся рефлексы **tj* (у хорватов-«глаголяшей» /c'/ и /š'č'/). Если в том диалекте, который отражен в первичной глаголице, были палатальные /g'/ и /k'/, вполне вероятно, что и наличие в глаголице двух знаков для /x/ связано с обозначением палатального и велярного /x/.

Кроме /ž'd'/, /š't'/, исконно мягкими были /j/, /ž'/, /š'/, /č'/, /dz'/, /c'/. Шипящие и аффрикаты возникли в результате палатализации заднеязычных перед гласными переднего ряда; шипящие — также из сочетаний согласных (заднеязычных и свистящих) с /j/, свистящие аффрикаты — в результате палатализации заднеязычных после /i/, /ь/, /ę/ в недостаточно выясненных условиях. Из сочетаний /l/, /n/, /r/ с /j/ возникли палатальные /l'/, /n'/, /r'/. Палатализация их обозначалась написанием последующей гласной **и**, **ь**, **ѣ**, **ѧ**, **є**, а перед гласными /a/, /ǫ/, /u/, где могли употребляться и твердые, и мягкие согласные, — написанием «йотированных» гласных: **ꙗ**, **ѭ**, **ю**. Мягкость иногда обозначалась также дужкой ͡: **мор͡ю** 'морю' (Зогр. 16, Мф. 8. 26), в этом случае гласная могла быть и не йотированной: **въ земл͡ѫ** 'в землю' (Зогр. 86а, Мк. 4. 26). В восточноболгарских рукописях отмечаются написания, свидетельствующие об отвердении /r/: **сътворѫ** 'сотворю' (Савв. 93а, Мф. 26. 18). Отражаемое в некоторых написаниях отвердение шипящих не имело фонологического значения.

Сочетаниям букв типа **ръ**, **ль** в произношении, возможно, соответствовали слоговые плавные, но фонологически они не были особыми фонемами, а представляли собой сочетания /r/ и /l/ с /ъ/, /ь/ (Н. С. Трубецкой).

В современном употреблении тексты на Ц.я произносятся в соответствии с фонетикой родного языка. Так, фонологическая система русского варианта практически полностью совпадает с соответствующей системой русского языка, однако несколько отличается сочетаемостью фонем. Например, в Ц.я. мягкие согласные не сочетаются с /o/; мягкие /k'/, /g'/, /x'/ встречаются только перед гласными переднего образования; буква **г** в окончаниях **-агѡ**, **-огѡ** произносится как [g].

2.1.2. Точных сведений об ударении в С.я. нет. Только небольшие по объему Киевские листки имеют знаки ударений, которые, однако, не поддаются однозначному истолкованию, так как могут представлять собой не только акцентные знаки, но и невматическую нотацию (с проекцией на греческую или латинскую систему). Согласно косвенным данным, ударение в С.я. было свободным и подвижным. В системе гласных С.я. еще сохранялось характерное для праславянской эпохи различие долгих и кратких гласных, однако в С.я. оно уже не имело фонологического значения.

В современном Ц.я. имеется подвижное разноместное динамическое ударение, оно обязательно обозначается на письме, так как его позиция часто отличается от позиции в живых славянских языках. Различие знаков для обозначения ударения никак не связано с произношением (см. 1.4.0.).

2.1.3. Для /ъ/ и /ь/ различались сильная и слабая позиция. Слабая позиция — в конце слова, в слоге перед слогом с нормальным или с сильным сверхкратким гласным. Сильная позиция — в слоге перед слогом со слабым сверхкратким. Подряд два слога со слабым сверхкратким не встречались. В слабой позиции сверхкраткие исчезали, о чем свидетельствует частый пропуск букв для этимологических /ь/ и /ъ/ в памятниках С.я. В сильной позиции они имели долготу нормальных гласных, и в памятниках С.я. зафиксировано немало примеров перехода сильных /ъ/, /ь/ соответственно в /o/, /e/; первое изменение было более характерно для западноболгарских (македонских) рукописей. Очевидно, падение и вокализация сверхкратких происходили в живой речи, а в письменных памятниках благодаря традиционной орфографии отражались непоследовательно. Не исключено, что различие сильной и слабой позиции сверхкратких являлось частью общей системы различения позиций гласных, но у других гласных это не находило столь четкой манифестации.

В позиции перед /j/ сверхкраткие приобрели тембр [i], [y], что отражалось в обычном в этом случае написании **и**, **ъı** (**свинꙗ** ʿсвинья', **хъıтръıи** ʿхитрый'); в данном случае часто говорят о редуцированных [i], [y], что является, однако, не фонологической, а фонетико-орфографической интерпретацией.

В ряде написаний зафиксирована ассимиляция согласной следующей согласной по глухости (приставки на *-z* перед глухими обычно имеют форму на *-s*: **исходъ** ʿисход', **въскрѣсати** ʿвоскресать', **бесплътьнъ** ʿбесплотен') и по месту образования с последующим слиянием с этой следующей согласной (*izšьstvьje* > **ишьствиѥ** ʿуход', ʿисход'). На стыке приставочного *b* (приставка *ob-*) и корневого *v* произошло выпадение *v-*: **обѣсити** ʿповесить' < *obvěsiti*.

Перед гласными переднего ряда согласные /r/, /l/, /n/ могли приобретать позиционную мягкость. Это отражалось на письме надстрочным знаком (дужкой): **мол҄ѣахѫ** ʿмолили', **огн҄емъ** ʿогнём'. Иногда дужкой передавалась мягкость зад-

неязычных в заимствованных словах: **ќесарѣ** ʿцареʼ, **сраќиньска** ʿсарацинскаяʼ, **анѓелъ** ʿангелʼ (о специальном знаке для /g'/ в глаголице см. 2.1.1.).

2.1.4. Для слогов исконных слов С.я. характерно соблюдение двух принципов построения: восходящая звучность и гармония (в традиционной терминологии — слоговой сингармонизм). Согласно принципу восходящей звучности, слог (состоявший максимально из пяти фонем) строился по схеме STVRA, где S — фрикативная согласная (кроме /x/), T — смычная или /x/, V —сонорная /v/, /m/ или /n/, R — плавная, A — гласная. S и T могли быть в составе одного слога либо глухими, либо звонкими. В схеме слога могли отсутствовать любые элементы (кроме гласной). Две трети слогов в потоке речи состояли из согласной и гласной, одна пятая — из одной гласной, одна десятая — из двух согласных и гласной. Согласно принципу восходящей звучности, все слоги были открытыми (закон открытых слогов): **здра-ви-ѥ** ʿздоровьеʼ, **не-и-сто-вь-ство** ʿнеистовствоʼ, **се-дмь** ʿсемьʼ, **слоу-хъ** ʿслухʼ, **въ-скѫ-ѭ** ʿнапрасноʼ, **въ-здви-гъ** ʿвоздвигʼ, **въ-схꙑ-шта-ти** ʿвосхищатьʼ, **и-схо-дъ** ʿисходʼ, **вра-гъ** ʿврагʼ, **мрь-кнѫ-ти** ʿмеркнутьʼ, **че-тврѣ-но-гъ** ʿчетвероногийʼ, **скврь-на** ʿскверна', **гво-здви** ʿгвоздьʼ. На стыке морфем в рамках слога происходили преобразования, обеспечивающие соблюдение принципа восходящей звучности: **plet-ti* > *plesti*, **vlěk-ti* > *vlěšti* ʿвлечьʼ, **mog-ti* > *mošti* ʿмочьʼ, **vъz-sijati* > *vъsijati* ʿвоссиятьʼ.

Принцип гармонии реализовался с некоторыми ограничениями сочетаемости согласных с последующими гласными.

Матрица сочетаемости согласных с гласными

Согласные	Гласные			
	a, u, ǫ	i, ь, e, ę	ě	y, ъ, o
b, p, v, m, t, d, z, s	+	+	+	+
r, l, n	+			+
r', l', n'	+	+	+	
c', dz'	+	+	+	
j, ž', š', č', ž'd', š't'	+	+		
g, k, x	+			+

П р и м е ч а н и е: Знаком плюс (+) отмечены допустимые сочетания.

Позиция не непосредственно перед гласным жестко не ограничивалась (**хлѣбъ** ʿхлебʼ, **гнити** ʿгнитьʼ), хотя исторически засвидетельствован переход сочетаний **gvě-* > *zvě-* (**звѣзда** ʿзвездаʼ), **kvě-* > *cvě-* (**цвѣтъ** ʿцветʼ), *-*xvi* > *-svi* (**влъсви** ʿволхвыʼ).

В новых заимствованных словах принцип гармонии нередко нарушался в отношении появления заднеязычных перед гласными переднего ряда (см. 1.6.0.). В этом случае заднеязычные палатализовались и отмечались не вполне последовательно специальными знаками на письме (см. 2.1.1., 2.1.3.). Принцип восходящей звучности также нарушался в новых заимствованных словах, хотя иногда, чтобы избежать его нарушения, между согласными вставлялись сверхкраткие гласные (написания типа **анъѓелъ** ʿангелʼ, **вельзѣволъ** ʿВельзевулʼ, **еѓѵпьтъ** ʿЕгипетʼ).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В начале слова в С.я. употреблялись любые согласные и гласные, кроме /ъ/, /ь/, /у/; перед гласными /е/, /ę/ обычно, а перед /а/, /u/ — часто возникал протетический [j]-.

Слова в С.я. оканчивались, как правило, на гласную. На согласную оканчивались первоначально несколько предлогов (**jьz*, **ob*, **bez*), которые либо выступали как проклитики, либо приобретали в конце -ъ (написания типа **изъ** ʻиз', **объ** ʻоб', **безъ** ʻбез'), либо утрачивали конечный согласный (особенно характерно для **об** > **о**). Иноязычные заимствования на согласную обычно приобретали конечный редуцированный или утрачивали согласную (хотя, возможно, в XI в. уже допустимы были закрытые слоги, но традиционное письмо сохраняло конечную сверхкраткую). Больше всего в текстах на С.я. встречалось двусложных слов (около трети), четверть слов — односложных, пятая часть — трехсложных, седьмая часть — четырехсложных, более длинные слова составляют около 6%.

Структура префиксов — CVC, VC, VCV, C*V, C*VCV (где C* — согласная или группа согласных, соответствующая правилам восходящей звучности — см. 2.1.4.): **без-**, **об-**, **отъ-**, **при-**, **по-**, **подъ-**, **прѣдъ-**. Структура словообразовательных суффиксов в системе имени — C*, VC*, реже VC*VC: **-н-**, **-л-**, **-ьб-**, **-ьц-**, **-ьск-**, **-ит-**, **-ьстви**/j/-; структура глагольных словообразующих суффиксов — V, C, CV, VC*V: **-а-**, **-ѣ-**, **-и-**, **-н-**, **-ва-**, **-ова-**.

Словоизменительные суффиксы (окончания) одно- или двусложны. Структура именных окончаний — V, VCV: **-ъ**, **-а**, **-ови**, **-ъмь**, **-оѭ**; глагольных — V, C*V, CVCV: **-ѫ**, **-ши**, **-ста**, **-шете**. Первую согласную в глагольном окончании возможно иногда толковать как часть образующего временну́ю основу суффикса (ср. **-хомь**). Трехсложные окончания, возникавшие при образовании полных (местоименных) прилагательных (см. 2.3.6.), стягивались до двусложных: **доброуѥмоу** > **доброумоу** ʻдоброму'.

Структура корней: C — в местоименных корнях типа **с-ь** ʻэтот', **т-ъ** ʻэтот', ʻтот', V — **въз-ѧ-ти** ʻвзять', C*V — **бы-ти** ʻбыть', **кры-ти** ʻкрыть', VC* — **им-ѣ-ти** ʻиметь', **искр-а** ʻискра', C*VC* — **бразд-а** ʻбразда', **быстр-ъ** ʻбыстрый', **бог-ъ** ʻБог', C*VC*VC* — **челюст-ь** ʻчелюсть', **црькъв-и** ʻцеркви', **бъчел-а** ʻпчела', VC*VC* — **аштер-ъ** ʻящерица', **явор-ъ** ʻклён', C*VC*VC*VC* — **ковьчег-ъ** ʻковчег'; последние два случая нетипичны.

Встречались многосложные комбинации суффиксов: **смокъв-ьнич-ьск-ъ** ʻсмоковный', **за-съ-вѣд-ѣ-тел-ьств-ова-ти** ʻзасвидетельствовать'. Морфема не обязательно совпадала со слогом, хотя как частный случай это было возможно; части морфем могли оказаться в разных слогах, слог мог состоять из частей нескольких морфем (ср. слогоделение в **за-съ-вѣ-дѣ-те-ль-ство-ва-ти**).

2.2.2. Только местоимения и служебные слова могли быть односложными: **ты** ʻты', **сь** ʻэтот'; **и** ʻон', **къ** ʻк', **не** ʻне', **ти** ʻи', ʻда', ʻно'. Предлоги-проклитики могли оканчиваться на согласный: **без** ʻбез', **из** ʻиз', **об** ʻоб'. О некоторых различиях в структуре словообразовательных суффиксов и окончаний имен и глаголов см. 2.2.1.; о чередованиях при словоизменении см. 2.2.3.

2.2.3. Чередования гласных: исторически количественные (краткий ~ долгий) — /о/ ~ /а/, /е/ ~ /ě/, /ь/ ~ /i/, /ъ/ ~ /у/; исторически качественные — /е/ ~ /о/, /ę/ ~ /ǫ/, /ě/ ~ /а/ (/ja/), /е/ ~ /ь/, /ě/ ~ /i/. Чередования гласных с группами гласных и

согласных: /ъ/ ~ /y/ ~ /u/ ~ /ov/ ~ /ъv/, /ę/ ~ /im/ ~ /ьm/, /ę/ ~ /in/ ~ /ьn/, /ǫ/ ~ /ym/ ~ /ъm/, /ǫ/ ~ /yn/ ~ /ъn/, /ě/ ~ /oj/, /i/ ~ /ьj/. Гласные в сочетаниях с плавными могли подвергаться метатезе и чередоваться с нулем: **оумьрѫ** 'умру' — **мрьтвъ** 'мертвый' — **мрѣти** 'умирать'.

Чередования согласных связаны с палатализациями заднеязычных перед гласными переднего ряда и результатами изменения сочетаний согласных с /j/: /g/ ~ /ž'/ ~ /dz'/ (/z'/), /k/ ~ /č'/ ~ /c'/, /x/ ~ /š'/ ~ /s'/, /s/ ~ /š'/, /z/ ~ /ž'/, /d/ ~ /ž'd'/, /t/ ~ /š't'/, /b/ ~ /bl'/, /p/ ~ /pl'/, /v/ ~ /vl'/, /m/ ~ /ml'/. Эти чередования происходили регулярно при образовании: 1) некоторых форм имен: местный падеж единственного и множественного числа и именительный падеж множественного числа, а также звательный падеж единственного числа склонения на *-*ŏ*: **доухъ** 'дух' — местн. п. ед. ч. **доусѣ**, местн. п. мн. ч. **доусѣхъ**, им. п. мн. ч. **доуси**, зват. п. **доуше**; дательный и местный падеж склонения на *-*ā*: **нога** 'нога' — дат. п., местн. п. ед. ч. **нозѣ**; 2) некоторых форм глаголов: 1-е лицо единственного числа презенса: **плакати** 'плакать' — **плачѫ** 'плачу', **писати** 'писать' — **пишѫ** 'пишу', **видѣти** 'видеть' — **виждѫ** 'вижу', **ловити** 'ловить' — **ловлѭ** 'ловлю'; 2-е лицо единственного числа презенса: **рекѫ** 'скажу' — **речеши** 'скажешь'; 2-е лицо единственного числа императива: **пекѫ** 'пеку' — **пьци** 'пеки!' и др.

В рамках одного корня возможно несколько чередований, что отражается в наличии цепочек вариантов корня: **испоконъ** 'начало', **начинати** 'начинать', **начьнѫ** 'начну', **начѧло** 'начало'; **имамь** 'имею', **възьмѫ** 'возьму', **възѧти** 'взять', **подъимати** 'поднимать'; **плоути** 'плыть', **пловѫ** 'плыву', **плавати** 'плавать'; **доухъ** 'дух', **доуша** 'душа', **дъхновение** 'дыхание', 'дуновение', **дыхати** 'дышать', **дъшиши** 'дышишь', **доуси** 'духи' и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

С.я. флективный, синтетический.

2.3.1. Грамматическая специализация слов позволяет выделить самостоятельные части речи: имена существительные и прилагательные, местоимение, глагол, наречие; причастия обладают как глагольными свойствами, так и свойствами прилагательных. Числительное как особая часть речи только начинало формироваться из слов других частей речи (существительных, прилагательных, местоимений), этот процесс в С.я. не был завершен. Служебные части речи: союз, предлог, частица. В текстах встречаются некоторые междометия.

2.3.2. Р о д (мужской, женский, средний) выражается флексией существительных, прилагательных, причастий, некоторых местоимений, числительных и глагольных форм. В именительном падеже единственного числа существительные мужского рода имеют большей частью окончание -*ъ*, реже -*ь* и изредка окончание, восходящее к *-*jь* (на письме **-и**), а также -*a* или -*i*; существительные женского рода имеют большей частью окончание -*a*, реже -*ь*, -*y*, -*i*; существительные среднего рода имеют обычно окончание -*o* или -*e*, реже -*ę*.

Категория о д у ш е в л е н н о с т и находилась в процессе становления. Как и другие грамматические категории, она формируется в результате взаимодействия различных семантико-грамматических факторов. Во-первых, звательный падеж практически использовался для тех существительных, которые обозначали одушевленные существа или мыслились как таковые (олицетворение). Во-вторых, в функции винительного падежа существительных мужского рода, обо-

значавших лиц, использовалась форма родительного падежа (вместо старого винительного, совпадавшего с именительным, поэтому новая форма винительного падежа трактуется как средство различения субъекта и объекта); вторичность родительного падежа здесь подтверждается, в частности, тем, что для слова **сꙑнъ** 'сын' винительный падеж либо совпадает с именительным (**сꙑнъ**), либо винительный падеж имеет форму **сꙑна** 'сына' с окончанием из склонения на *-*ŏ* при исконной форме родительного падежа **сꙑноу**. В-третьих, именно среди названий лиц мужского рода получило распространение окончание дательного падежа *-ovi* (из старого склонения на *-*й*): **адамови** 'Адаму', **доухови** 'духу', **архисѵнагогови** 'начальнику синагоги' и др. Как использование форм родительного падежа в функции винительного, так и использование форм на *-ovi* в дательном падеже не охватывало всего корпуса обозначений лиц мужского пола. Например, слово **рабъ** 'раб' обычно имеет в винительном падеже форму, совпадающую с именительным, многие другие существительные также иногда используются в исконной форме винительного падежа (**братръ** 'брат', **мѫжь** 'муж'); с другой стороны, в форме винительного/родительного падежа употребляются некоторые неличные существительные (**адъ** 'ад', **миръ** 'мир'); имеются непоследовательности, связанные с использованием форм родительного и именительного падежа прилагательных, местоимений; определенную роль в распространении конструкций с родительным падежом могли играть конструкции с отрицанием, с супином.

2.3.3. В С.я. три грамматических ч и с л а: единственное, двойственное и множественное. По числам изменялись существительные, прилагательные, причастия, местоимения, глаголы. Категория числа находила выражение в соответствующих окончаниях изменяющихся слов и в формах согласующихся с ними слов. Двойственное число употреблялось в С.я. последовательно как при использовании имен, обозначающих парные предметы, так и в других случаях, когда речь шла о двух предметах; как с числительными **дъва** 'два', **оба** 'оба', так и без них.

Некоторые имена имели собирательную форму, которая подчеркивала, видимо, единство совокупности отдельных частей, составляющих данное множество: **камениѥ** 'камни', **братиꙗ** 'братья', 'братия', возможно, **народъ** 'народ'. Сказуемое при таких существительных могло употребляться во множественном числе. Собирательные существительные сами не имели грамматического множественного числа. Ряд существительных, в частности, названия лиц, имели сингулятивные формы с суффиксом **-ин-ъ**: **поганинъ** 'язычник', **жителинъ**'житель'.

Некоторые местоимения не имели числовых форм (**къто** 'кто', **чьто** 'что'); числительные **дъва** 'два', **оба** 'оба' имели только двойственное число, **триѥ** 'три', **четꙑре** 'четыре' — только множественное число, **пѧть**..., **девѧть** 'пять'..., 'девять' — только единственное число, **десѧть** 'десять', **съто** 'сто', **тꙑсѫшти** 'тысяча' изменялись по числам. Ряд существительных имел только формы множественного числа (pluralia tantum): **врата** 'врата', **кън҄игꙑ** 'книги'.

2.3.4. В С.я. семь п а д е ж е й: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный, местный, звательный. Падежные значения выражались окончаниями и предложно-падежными конструкциями, а также согласованием в падеже атрибутивных частей речи (прилагательное, причастие, некоторые местоимения и числительные). Склонялись существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастия (кроме *l*-причастий, использовавшихся

только при образовании глагольных форм). Заимствованные существительные подводились под один из типов склонения, при этом наблюдались колебания колебания: **андрєа** и **андрєи** ‘Андрей’; род. п. ед. ч. **фєѵрара** и **фєѵрарѣ** ‘февраля’ и т. п.

П р и н а д л е ж н о с т ь выражалась посессивными прилагательными (**к҃єсарєвъ** ‘царев’, **лазаровъ** ‘лазарев’, **божии** ‘Божий’), посессивными местоимениями (**мои** ‘мой’, **твои** ‘твой’, **нашь** ‘наш’, **вашь** ‘ваш’, **свои** ‘свой’), а также падежными формами. Родительный падеж часто использовался для выражения принадлежности предмету, обозначаемому местоимением 3-го лица (точнее, указательным местоимением в функции 3-го лица): **на съньмиштихъ ихъ** ‘на их собраниях’, реже — для выражения принадлежности предмету, обозначаемому именем: **въ оцѣ братра твоєго** ‘в глазу твоего брата’. Изредка в посессивной функции использовался дательный падеж: **видѣ**… **иоана брата ємоу** ‘видел… Иоанна, его брата’.

Звательный падеж занимал особое место в падежной системе С.я., используясь для передачи обращений. Из особенностей других падежей следует отметить родительный падеж при отрицании, а также части и количества, местный беспредложный — для обозначения места, использование предложных и беспредложных конструкций с дательным, местным, винительным падежом для передачи пространственных отношений. Для творительного падежа в С.я. основным было орудийное значение.

2.3.5. Имелись три з а л о г а: активный, рефлексивный и пассивный. Активные формы, выражаемые личными глаголами и активными причастиями, не содержат в глаголе указания на объект. Рефлексивные глаголы, образовавшиеся путем присоединения возникших на базе возвратного местоимения постфиксов (аккузативного **сѧ**, который утратил объектное значение, и дативного **си**, который сохранял остатки объектных значений), представляли собой в С.я. большей частью единые синтаксические единицы и передавали в общем случае совпадение субъекта и объекта действия (**мꙑти сѧ** ‘мыться’, **облачити сѧ** ‘одеться’). Аналитические пассивные формы представляли собой конструкции форм глагола ‘быть’ с пассивными причастиями настоящего времени на *-m-* или прошедшего времени на *-n-*/*-t-* (**хвалимъ єсмь** ‘я восхваляем’, **хвалєнъ єсмь** ‘я восхвалён’).

Глаголы С.я., способные управлять винительным падежом без предлога (**хвалити бога** ‘хвалить Бога’, **оузьритъ спасєньє** ‘увидит спасение’), родительным падежом без предлога при отрицании (**мѫжа нє знаѭ** ‘не знаю мужа’), характеризуются как глаголы п е р е х о д н ы е.

В С.я. завершалась грамматикализация в и д а: существенным стало не смысловое различие глагольных видовых пар (обозначение действия в его развитии или повторяемости, противопоставленное обозначению завершенного действия и т. п.), а их грамматическое соотношение. Противопоставление по виду проявляется во всех формах спряжения, в том числе в именных формах и в глагольных существительных.

Взаимодействие категории вида с временнóй системой старославянского глагола выражалось в том, что глаголы совершенного вида в презентной форме имели значение будущего времени, а большинство глаголов, употребленных в

имперфекте, были глаголами несовершенного вида. Значение совершенного вида передавалось глагольной основой (**сѣсти** 'сесть', **рещи** 'сказать') и префиксами (сохранявшими и лексическую семантику): **вести** 'вести' — **въвести** 'ввести', **пити** 'пить' — **испити** 'выпить' и др. Значение несовершенного вида содержалось в глагольных основах (**блюсти** 'блюсти', **ꙗхати** 'ехать') и выражалось суффиксально (иногда с чередованиями в корне): **съхранити** 'сохранить' — **съхранꙗти** 'сохранять', **въложити** 'вложить' — **вълагати** 'вкладывать'.

В ряде глаголов выражалось значение направленности/ненаправленности движения: **ити** 'идти' — **ходити** 'ходить', **нести** 'нести' — **носити** 'носить'; в некоторых глаголах выражалось значение многократности (итеративности): **родити** 'родить' — **раждати** 'рождать'. Возможно, что становление категории вида происходило во взаимодействии с этими категориями.

В р е м е н н а́ я система С.я. складывалась из ряда простых и сложных временны́х форм. Простые времена имели абсолютные значения (соотносились с моментом речи): значение настоящего времени — презенс несовершенного вида, будущего времени — презенс совершенного вида, прошедшего времени — аорист (которым переводился греческий перфект) и имперфект. Сложные времена соотносились с моментом повествования: перфект (предшествующее настоящему), плюсквамперфект (предшествующее другому прошедшему), футурум II (будущее, предшествующее другому будущему), футурум I (будущее, следующее за настоящим). Перфект, плюсквамперфект и футурум II образовывались при помощи *l*-причастия основного глагола и личной формы глагола **быти** 'быть' соответственно в презенсе (**есмь писалъ, -а, -о** '(я) написал, -а, -о'), имперфекте (**бѣахѫ видѣли** '(они) видели') или в особой форме будущего времени (**родили бѫдемъ** 'родим'). Футурум I образовывался из личной формы презенса глаголов **начѧти** 'начать', **хотѣти** 'хотеть', **имѣти** 'иметь' и инфинитива основного глагола: **имамь сътворити** 'сотворю', **ненавидѣти сѧ начьнетъ** 'начнет ненавидеть себя'.

Семантическая характеристика времен С.я. затрудняется неполнотой и недостаточной репрезентативностью фактического материала (в частности, слабо представлены формы будущих времен). В связи с этим имеются разногласия в интерпретации даже сравнительно хорошо изученных форм прошедшего времени — аориста, перфекта и имперфекта. Аорист характеризуется как определенное время, прошедшее абсолютное (И. К. Бунина), обозначающее целостное или однократное действие (А. Достал). В перфекте подчеркивают связь с настоящим через наличие результата, последствий (Ю. С. Маслов, И. К. Бунина). Имперфект характеризуется как неопределенное прошедшее, как настоящее в прошедшем (И. К. Бунина), как передающее сопровождающее действие (А. Достал).

Выделяются три н а к л о н е н и я: индикатив, конъюнктив (кондиционал) и императив. Конъюнктив, выражавший гипотетическую модальность, представлял собой конструкции *l*-причастия основного глагола с аористом глагола **быти** 'быть' (1 л. ед. ч. **быхъ**, 2, 3 л. ед. ч. **бы** и т. д.) или с его особой условной формой (1 л. ед. ч. **бимь**, 2, 3 л. ед. ч. **би**, 1 л. мн. ч. **бимъ**, 2 л. мн. ч. **бисте**, 3 л. мн. ч. **бѫ**): **възвеселилъ сѧ бимь** 'чтобы мне повеселиться' (Зогр., Мар., Лк. 15. 29), **вьзвеселилъ сѧ быхъ** (Савв. л. 69).

Императив, выражавший побудительную модальность, образовывался при помощи суффиксов **-ѣ-**, **-и-**: 2 л. ед. ч. **иди** ʻиди!ʼ, **моли** ʻмоли!ʼ; 1 л. дв. ч. **идѣвѣ** ʻпойдём (вдвоём)!ʼ, **моливѣ** ʻпомолимся (вдвоем)!ʼ; 2 л. дв. ч. **идѣта** ʻидите (вы двое)!ʼ, **молита** ʻмолите (вы двое)!ʼ; 1 л. мн. ч. **идѣмъ** ʻидем!ʼ, **молимъ** ʻдавайте молить!ʼ; 2 л. мн. ч. **идѣте** ʻидите!ʼ, **молите** ʻмоли́те!ʼ. Императивное значение передавалось также аналитическими конструкциями глагола 3-го лица индикатива с частицей **да**: **да свѧтитъ сѧ** ʻда будет свято!ʼ. При отрицательном императиве могла либо использоваться отрицательная частица с императивом (**не моли** ʻне моли!ʼ), либо конструкция с глаголом **мошти** ʻмочьʼ и инфинитивом основного глагола: **не мози не вѣровати** ʻне смей не верить!ʼ (Супр. 239.9). Нетематические глаголы имели императивы **бѫди** ʻбудь!ʼ, **даждь** ʻдай!ʼ, **бѫдѣвѣ** ʻбудьте (вы двое)!ʼ, **дадивѣ** ʻдайте (вы двое)!ʼ и т. п.

Инфинитив, образовывавшийся при помощи суффикса **-ти**, выступал: 1) в инфинитивных предложениях с дательным падежом: **бꙑстъ… вънити ѥмоу въ сънꙿмиште** ʻслучилось… войти ему в синагогуʼ; 2) в функции императива: **вино ново въ мѣхꙑ новꙑ въливати** ʻвливать молодое вино в новые мехиʼ; 3) в функции объекта при имени: **врѣмѧ родити сѧ** ʻвремя родитьсяʼ. Супин образовывался с помощью суффикса **-тъ** и обозначал действие, являющееся целью другого действия (**изидете видѣтъ** ʻвыйдите, чтобы увидетьʼ), иногда он заменялся в текстах инфинитивом.

Большинство глаголов обладало двумя основами: презентной, от которой образуются презенс, презентные причастия, императив, и инфинитивной, от которой образуются инфинитив, супин, аорист, имперфект, причастия прошедшего времени. В некоторых глаголах основы презенса и инфинитива совпадали. Были предложены несколько классификаций презентных и инфинитивных основ, а также комбинированных классификаций глаголов, включающих признаки как презентных, так и инфинитивных основ.

2.3.6. Категория л и ц а в глаголе характеризуется противопоставлением трех лиц во всех временны́х формах (в сложных формах — во вспомогательном глаголе) во всех числах.

Категория о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и нашла выражение в сложившемся разряде определенных (= полных, членных, местоименных) прилагательных. Прилагательные, определявшие уже упомянутый или иначе известный предмет, выступали в членной форме, состоявшей первоначально из краткой (именной, отличавшейся от существительных только по изменяемости рода) формы прилагательного и члена — указательного местоимения ***и** ʻонʼ, согласуемого с прилагательным в роде, числе и падеже: **младъ** + **и** ʻмолодойʼ, **млада** + **ꙗ** ʻмолодаяʼ, **младо** + **ѥ** ʻмолодоеʼ, **младъ** + **ихъ** ʻмолодыхʼ и т. п. Подобные формы засвидетельствованы в памятниках. Но памятники отражают и их стяжение (**млада** + **ѥго** → **младааго** → **младаго** ʻмолодогоʼ), в результате которого выработалось особое полное склонение прилагательных, что завершило выделение прилагательных в особую часть речи из общей категории имен.

В старославянских памятниках фиксируются случаи постпозитивного употребления местоимений **тъ** ʻэтотʼ, ʻтотʼ, **сь** ʻэтотʼ в функции, близкой к артиклеобразному выражению определенности: **видѣ мѣсто нѣкако… въ неже мѣсто аште въпадетъ какъ любо скотъ. то к томоу живо не излѣзетъ. съмотривъ**

оуво цѣсарь мѣсто то… ‘Увидел (он) некое место… Если в это место попадет какой-либо скот, то живой не вылезет. Посмотрел царь на это место…’ (Супр. 193.11–18). В этом некоторые ученые видят развития значения постпозитивного определенного члена (см. статьи «Болгарский язык» и «Македонский язык» в наст. издании).

В С.я. имелась достаточно развитая система анафорических и указательных местоимений: ***и** ‘он’, **сь** ‘этот’, **тъ** ‘этот’, ‘тот’, **онъ** ‘он’, **овъ** ‘тот’, ‘этот’. Имеется ряд анафорических наречий, в состав которых входили анафорические местоимения: **тѫдѣ** ‘оттуда’, **сѣмо** ‘здесь’, **тъгъда** ‘тогда’ и т. п.

Отрицание выражалось частицами **не** и **ни**, стоявшими перед словами, к которым относилось отрицание, в том числе перед всем высказыванием: **не лъжесъвѣдѣтель бѫди** ‘не будь лжесвидетелем/не лжесвидетельствуй’ (Зогр., Мар., Асс., Лк. 18. 20; ср. в Савв.: **ни**…); **і тоу не мъногы дьни прѣбыстъ** ‘и там (он) пробыл немного дней’ (Ин. 2. 12); **милости хощѫ а не жрътвѣ** ‘милости хочу, а не жертвы’ (Зогр., Мар., Мф. 12. 7); **ни татие подъкопаѭтъ** ‘ни воры не подкопают’ (Зогр., Мф. 6. 20; ср. в Мар., Асс., Савв.: **татие не подъкопаваѭтъ**). При глаголе с отрицанием винительный падеж прямого дополнения обычно заменялся родительным падежом: **не въжизаетъ ли свѣтильника** ‘не зажжёт (ли) свечи́’ (Зогр., Мар., Лк. 15. 8). Выбор вариантов **не** и **ни** не был жестко обусловлен; **ни** обычно использовалось при повторении (как отрицательный союз): **ни въ тьмници затвори. ни гладъ замори. ни раны дастъ** ‘ни заключил в темницу, ни уморил голодом, ни подверг избиению’ (Супр. 367.14–15). Сочетание **не** + **естъ** дало **нѣстъ**, букв. ‘не есть’, откуда иногда **нѣ**: **нѣ чоудо**, букв. ‘не есть чудо’ (Супр. 437.12–13).

2.3.7. Система частей речи в С.я. была достаточно четко выражена. Имена подразделялись на существительные и прилагательные. Значение предметности, присущее существительным, выражается в классифицирующей категории рода, в формирующейся категории одушевленности, а также в словоизменительных категориях числа и падежа. Значение постоянного признака предмета у прилагательных выражается тем, что они согласуются с существительным, обозначающим носителя признака, в роде, числе и падеже, а также в категории степени признака. Завершение формирования полных (определенных) прилагательных (см. 2.3.6.) содействовало окончательному обособлению этой части речи из общей категории имени, так как привело к выработке специфической системы их склонения.

Местоимения. Личные местоимения имели категории лица (1-го и 2-го; для указания на 3-е лицо использовалось указательное местоимение), числа и падежа, но не имели категории рода. По особенностям склонения к ним примыкало возвратное местоимение, которое не имело также формы именительного падежа и категории числа. Неличные местоимения (указательные, притяжательные, относительно-вопросительные, определительные, неопределенные) были противопоставлены личным по синтаксическим функциям и по морфологическим категориям и формам: они изменялись по родам, числам и падежам в зависимости от определяемого существительного.

У числительных, выражавших число лексически, возникало противоречие с грамматическим числом, разным у разных числительных. Не было раз-

решено и противоречие между классифицирующим родом числительных, происходящих из существительных, и их атрибутивной функцией. Кроме того, весьма близкие семантически числительные были разобщены по своим грамматическим свойствам, что особенно выражалось у сложных числительных. В связи с этим начинались тенденции к унификации свойств числительных, однако действие их в С.я. находилось в начальной стадии.

Собственно н а р е ч и я м и в С.я. может быть признана только небольшая группа слов. Состав наречий пополнялся за счет застывших падежных и предложно-падежных форм имен и некоторых сложных образований.

Г л а г о л характеризуется категориями залога, вида, времени, наклонения, числа, в большей части случаев изменяется по лицам, а в ряде форм — по родам.

П р и ч а с т и я характеризуются гибридной вербально-адъективной природой, т. е., подобно глаголу, обладают категориями залога, вида и времени, но при этом изменяются по числам, родам и падежам, как прилагательные.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е
и к р а т к и е п р и л а г а т е л ь н ы е

Различаются следующие типы склонений:

1) Старая основа на *-*ŏ*: существительные мужского рода на **-ъ**, **-ь** (орфографически также **-и**) и среднего рода на **-о**, **-є** в именительном падеже единственного числа; прилагательные в мужском и среднем роде: **рабъ** ‘раб’, **кон҄ь** ‘конь’, **краи** [krajь] ‘край’; **село** ‘селение’, ‘поле’, **морѥ** ‘море’; **новъ** ‘новый’, **горьн҄ь** ‘верхний’, ‘горний’.

2) Старая основа на *-*ŭ*: несколько существительных мужского рода на **-ъ**: **медъ** ‘мёд’, **домъ** ‘дом’, **сꙑнъ** ‘сын’, **волъ** ‘вол’, **полъ** ‘пол’ и др.

3) Старая основа на *-*ā*: существительные женского и мужского рода на **-а**, **-ꙗ**; прилагательные в женском роде: **жєна** ‘женщина’, ‘жена’, **землꙗ** ‘земля’, **воѥвода** ‘воевода’, **ѹноша** ‘юноша’; **нова** ‘новая’, **горьнꙗ** ‘верхняя, горняя’; старая основа на *-*ī*: существительные женского и мужского рода на **-ꙑни**, **-ии**: **мълнии** ‘молния’, **рабꙑни** ‘рабыня’, **сѫдии** ‘судья’.

4) Старая основа на *-*ĭ*: существительные женского и мужского рода на **-ь**: **кость** ‘кость’, **ношть** ‘ночь’; **голѫбь** ‘голубь’, **пѫть** ‘путь’.

5) Старые основы на согласный: **камꙑ** ‘камень’, **слово** ‘слово’, **сѣмѧ** ‘семя’, **тєлѧ** ‘теленок’, **мати** ‘мать’, а также существительные типа **свєкръі** ‘свекровь’, **боукъі** ‘запись, грамота’, **цьркъі** ‘церковь’.

Падеж	**Ед. число**				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Им.	-ъ/-ь; -о/-є (-ѥ)	-ъ	-а/-ꙗ, -и	-ь	камꙑ тєлѧ слово мати сѣмѧ свєкръі
Род.	-а/-ꙗ	-ѹ	-ꙑ/-ѧ (-ѩ)	-и	камєнє тєлѧтє словєсє матєрє сѣмєнє свєкръвє

Падеж	**Ед. число**				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Дат.	-ѹ/-ю	-ови	-ѣ/-и	-и	камени телѧти словеси матери сѣмени свекръви
Вин.	= им. п.	-ъ	-ѫ (-ѭ)	= им. п.	камень телѧ слово матерь сѣмѧ свекръвь
Твор.	-омь/-ємь (-ѥмь)	-ъмь	-оѭ/-єѭ (-ѥѭ)	-иѭ (-ьѭ); -ьмь	каменьмь телѧтьмь словесьмь материѭ сѣменьмь свекръвиѭ
Местн.	-ѣ/-и	-ѹ	-ѣ/-и	-и	камене телѧте словесе матери сѣмене свекръве
Зват.	-є/-ю	-ѹ	-о/-є	-и	мати свекръі

Падеж	**Дв. число**				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Им., вин., зват.	-а/-ꙗ; -ѣ/-и	-ъі	-ѣ/-и	-и	камени телѧтѣ словесѣ матери сѣменѣ свекръви
Род., местн.	-ѹ/-ю	-овѹ	-ѹ/-ю	-ию (-ью)	каменѹ телѧтѹ словесѹ матерѹ сѣменѹ свекръвѹ
Дат., твор.	-ома/-єма (-ѥма)	-ъма	-ама/-ꙗма	-ьма	каменьма телѧтьма словесьма матерьма сѣменьма свекръвама

Падеж	**Мн. число**				
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Им., зват.	-и; -а (-ꙗ)	-овє	-ъі/-ѧ (-ѩ)	-и, -иѥ (-ьѥ)	камене телѧта словеса матери сѣмена свекръви
Род.	-ъ/-ь	-овъ	-ъ/-ь	-ии (-ьи)	каменъ телѧтъ словесъ матеръ сѣменъ свекръвъ
Дат.	-омъ/-ємъ (-ѥмь)	-омъ	-амъ/-ꙗмъ	-ьмъ, -ємъ	каменьмъ телѧтьмъ словесьмъ матерьмъ сѣменьмъ свекръвамъ
Вин.	-ъі, -ѧ (-ѩ); = им. п.	-ъі	= им. п.	-и	= им. п.
Твор.	-ъі/-и	-ъми	-ами/-ꙗми	-ьми	каменьми телѧтъі словесъі матерьми сѣменъі свекръвами
Местн.	-ѣхъ/-ихъ	-охъ	-ахъ/-ꙗхъ	-ьхъ, -єхъ	каменьхъ телѧтьхъ словесьхъ матерьхъ сѣменьхъ свекръвахъ

П р и м е ч а н и е: Косой чертой отделяются окончания твердой и мягкой разновидности склонения. В скобках даются орфографические варианты. Точкой с запятой отделяются флексии разных родов.

П о л н ы е   п р и л а г а т е л ь н ы е

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	**-ꙑи/-ии**	**-оѥ/-еѥ (-ѥѥ)**	**-аꙗ/-ꙗꙗ**
Род.	**-аѥго/-ꙗѥго**		**-ꙑѩ/-ѩѩ**
Дат.	**-оуѥмоу/-юѥмоу**		**-ѣи/-ии**
Вин.	= им. п.		**-ѫѭ/-ѭѭ**
Твор.	**-ꙑимь/-иимь**		**-оѭ/-еѭ**
Местн.	**ѣѥмь/-иимь**		**-ѣи/-ии**
	Дв. число		
Им., вин.	**-аꙗ/-ꙗꙗ**	**-ѣи/-ии**	**-ѣи/-ии**
Род., местн.	**-оую/-юю**		
Дат., твор.	**-ꙑима/-иима**		
	Мн. число		
Им.	**-ии**	**-аꙗ/-ꙗꙗ**	**-ꙑѩ/-ѩѩ**
Род., местн.	**-ꙑихъ/-иихъ**		
Дат.	**-ꙑимъ, -иимъ**		
Вин.	**-ꙑѩ, -ѩѩ**	= им. п.	
Твор.	**-ꙑими, -иими**		

Наряду с приведенными в таблице формами родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода с **-аѥ-**, **-ꙗѥ-**, дательного падежа единственного числа с **-оуѥ-**, **-юѥ-** и местного падежа единственного числа с **-ѣѥ-** в старославянских рукописях встречаются формы соответственно родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода с **-аа-**, **-ꙗа-**, дательного падежа единственного числа **-оуоу-**, **-юоу-** и местного падежа единственного числа **-ѣѣ-**, **-ѣа-**, например: **слѣпаѥго**, **слѣпааго** ‘слепого’; **послѣдьнюѥмоу**, **послѣдьнюоумоу** ‘последнему’; **слѣпѣѥмь**, **слѣпѣѣмь**, **слѣпѣамь**.

М е с т о и м е н и я

Падеж	Личные		Неличные					
	1 л.	2 л.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число							
	‘я’	‘ты’	‘тот’	‘то’	‘та’	‘этот’	‘это’	‘эта’
Им.	**азъ**	**тꙑ**	**тъ**	**то**	**та**	**сь**	**се**	**си**
Род.	**мене**	**тебе**	**того**		**тоѩ**	**сего**		**сеѩ**
Дат.	**мънѣ, ми**	**тебѣ, ти**	**томоу**		**тои**	**семоу**		**сеи**

<table>
<tr><td rowspan="4">Падеж</td><td colspan="2">Личные</td><td colspan="6">Неличные</td></tr>
<tr><td>1 л.</td><td>2 л.</td><td>М. р.</td><td>Ср. р.</td><td>Ж. р.</td><td>М. р.</td><td>Ср. р.</td><td>Ж. р.</td></tr>
<tr><td colspan="8">Ед. число</td></tr>
<tr><td>ʽя’</td><td>ʽты’</td><td>ʽтот’</td><td>ʽто’</td><td>ʽта’</td><td>ʽэтот’</td><td>ʽэто’</td><td>ʽэта’</td></tr>
<tr><td>Вин.</td><td>мѧ</td><td>тѧ</td><td colspan="2">= им. п.</td><td>тѫ</td><td colspan="2">= им. п.</td><td>сиѭ</td></tr>
<tr><td>Твор.</td><td>мъноѭ</td><td>тобоѭ</td><td colspan="2">тѣмь</td><td>тоѭ</td><td colspan="2">симь</td><td>сеѭ</td></tr>
<tr><td>Местн.</td><td>мънѣ</td><td>тебѣ</td><td colspan="2">томь</td><td>тои</td><td colspan="2">семь</td><td>сеи</td></tr>
</table>

<table>
<tr><td rowspan="2">Падеж</td><td colspan="6">Дв. число</td></tr>
<tr><td>ʽмы вдвоем’</td><td>ʽвы вдвоем’</td><td colspan="2">ʽте двое’</td><td colspan="2">ʽэти двое’</td></tr>
<tr><td>Им.</td><td>вѣ</td><td>ва</td><td>та</td><td>тѣ</td><td>сиꙗ</td><td>си</td></tr>
<tr><td>Род., местн.</td><td>наю</td><td>ваю</td><td colspan="2">тою</td><td colspan="2">сею</td></tr>
<tr><td>Дат., твор.</td><td>нама</td><td>вама</td><td colspan="2">тѣма</td><td colspan="2">сима</td></tr>
<tr><td>Вин.</td><td>на</td><td>ва</td><td colspan="4">= им. п.</td></tr>
</table>

<table>
<tr><td rowspan="2">Падеж</td><td colspan="8">Мн. число</td></tr>
<tr><td>ʽмы’</td><td>ʽвы’</td><td colspan="3">ʽте’</td><td colspan="3">ʽэти’</td></tr>
<tr><td>Им.</td><td>мы</td><td>вы</td><td>ти</td><td>та</td><td>ты</td><td>сии</td><td>си</td><td>сиѩ</td></tr>
<tr><td>Род.</td><td>насъ</td><td>васъ</td><td colspan="3">тѣхъ</td><td colspan="3">сихъ</td></tr>
<tr><td>Дат.</td><td>намъ</td><td>вамъ</td><td colspan="3">тѣмъ</td><td colspan="3">симъ</td></tr>
<tr><td>Вин.</td><td>ны</td><td>вы</td><td>ты</td><td colspan="2">= им. п.</td><td>сиѩ</td><td colspan="2">= им. п.</td></tr>
<tr><td>Твор.</td><td>нами</td><td>вами</td><td colspan="3">тѣми</td><td colspan="3">сими</td></tr>
<tr><td>Местн.</td><td>насъ</td><td>васъ</td><td colspan="3">тѣхъ</td><td colspan="3">сихъ</td></tr>
</table>

Числительные

Им. п., зват. п. — **дъва** (м. р.) ʽдва’, **дъвѣ** (ж. р., ср. р.) ʽдве’, род. п., местн. п. **дъвою**, дат. п., твор. п. **дъвѣма**.

Им. п. **триѥ** (м. р.), **три** (ж. р., ср. р.) ʽтри’, род. п. **трии**, дат. п. **трьмъ**, вин. п. **три**, твор. п. **трьми**, местн. п. **трьхъ**.

Им. п. **четыре** (м. р.), **четыри** (ж. р., ср. р.) ʽчетыре’, род. п. **четыръ**, дат. п. **четырьмъ**, вин. п. **четыри**, твор. п. **четырьми**, местн. п. **четырьхъ**.

Им. п., вин. п. **пѧть** ʽпять’, род. п., дат. п., местн. п. **пѧти**, твор. п. **пѧтиѭ**.

Глаголы

Тематические глаголы: **вести** ʽвести’, **зъвати** ʽзвать’, **стати** ʽстать’, **двигнѫти** ʽдвинуть’, **знати** ʽзнать’, **глаголати** ʽговорить’, **съпати** ʽспать’, **трьпѣти** ʽтерпеть’, **хвалити** ʽхвалить’ и др.

Атематические глаголы: **быти** ʽбыть’, **дати** ʽдать’ и др.

Презенс

	Тематические глаголы	Атематические глаголы	
	Ед. число		
1 л.	**-ѫ/-ѭ**	**ѥсмь**	**дамь**
2 л.	**-еши/-ѥши; -иши**	**ѥси**	**даси**
3 л.	**-етъ/-ѥтъ; -итъ**	**ѥстъ**	**дастъ**
	Дв. число		
1 л.	**-евѣ/-ѥвѣ; -ивѣ**	**ѥсвѣ**	**давѣ**
2 л.	**-ета/-ѥта; -ита**	**ѥста**	**даста**
3 л.	**-ете/-ѥте; -ите**	**ѥсте**	**дасте**
	Мн. число		
1 л.	**-емъ/-ѥмъ; -имъ**	**ѥсмъ**	**дамъ**
2 л.	**-ете/-ѥте; -ите**	**ѥсте**	**дасте**
3 л.	**-ѫтъ/-ѭтъ; -ѧтъ**	**сѫтъ**	**дадѧтъ**

Аорист

ити ʻидтиʼ, **ѩти** ʻвзятьʼ, ʻсхватитьʼ, **вести** ʻвестиʼ (аор. **вѣсъ** и **ведохъ**), **молити** ʻмолитьʼ

	Ед. число				
1 л.	**идъ**	**ѩсъ**	**вѣсъ**	**ведохъ**	**молихъ**
2 л.	**иде**	**ѩтъ**	**веде**	**веде**	**моли**
3 л.	**иде**	**ѩтъ**	**веде**	**веде**	**моли**
	Дв. число				
1 л.	**идовѣ**	**ѩсовѣ**	**вѣсовѣ**	**ведоховѣ**	**молиховѣ**
2 л.	**идета**	**ѩста**	**вѣста**	**ведоста**	**молиста**
3 л.	**идете**	**ѩсте**	**вѣсте**	**ведосте**	**молисте**
	Мн. число				
1 л.	**идомъ**	**ѩсомъ**	**вѣсомъ**	**ведохомъ**	**молихомъ**
2 л.	**идете**	**ѩсте**	**вѣсте**	**ведосте**	**молисте**
3 л.	**идѫ**	**ѩсѧ**	**вѣсѧ**	**ведошѧ**	**молишѧ**

Имперфект

глаголати ʻговоритьʼ, **ити** ʻидтиʼ

	Ед. число	
1 л.	**глаголаахъ**	**идѣахъ**
2 л.	**глаголааше**	**идѣаше**
3 л.	**глаголааше**	**идѣаше**
	Дв. число	
1 л.	**глаголааховѣ**	**идѣаховѣ**
2 л.	**глаголаашета, глаголааста**	**идѣашета, идѣаста**
3 л.	**глаголаашете, глаголаасте**	**идѣашете, идѣасте**

	Мн. число	
1 л.	глаголаахомъ	идѣахомъ
2 л.	глаголаашете, глаголаасте	идѣашете
3 л.	глаголаахѫ	идѣахѫ

l-причастие

	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**
М. р.	-лъ	-ла	-ли
Ср. р.	-ло	-лѣ	-ла
Ж. р.	-ла	-лѣ	-лы

Причастия настоящего времени образуются от глагольных презентных основ: активные — при помощи суффиксов **-ѫшт-/-ѧшт-**, причем элемент **-шт-** в именительном падеже единственного числа мужского рода утрачивался: **крыти** 'покрывать' — им. п. ед. ч. м. р. **крыѩ**, в других формах **крыѭшт-**, **двигнѫти** 'двинуть' — им. п. ед. ч. м. р. **двигны**, в других формах **двигнѫшт-**, **молити** 'просить', 'молить' — им. п. ед. ч. м. р. **молѧ**, в других формах **молѧшт-**; пассивное — при помощи суффикса **-м-**: **крыемъ**, **двигномъ**, **молимъ**. Причастия прошедшего времени образуются от основ инфинитива: активные — при помощи суффиксов **-ъш-/-ьш-/-въш-**, причем элемент **-ш-** в именительном падеже единственного числа мужского рода утрачивался: им. п. ед. ч. м. р. **крывъ**, в других формах **крывъш-**, им. п. ед. ч. м. р. **двигъ**, в других формах **двигъш-**, им. п. ед. ч. м. р. **моливъ**, в других формах **моливъш-**; пассивное — при помощи суффиксов **-н-/-т-**: **крытъ**, **покръвенъ**, **движенъ**, **моленъ**. *l*-причастие прошедшего времени, употреблявшееся для образования ряда сложных глагольных форм, образовывалось присоединением суффикса **-л-** к инфинитивной основе: **крылъ**, **двиглъ**, **молилъ**.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Для С.я. характерны аффиксальные словоформы. Полнозначных слов без аффиксов почти нет. Наиболее распространены словоизменительные суффиксы-окончания, имеющиеся у всех изменяющихся слов (см. 2.4.0.). Словообразовательные суффиксы имеются в большинстве зафиксированных слов С.я., нередко в слове имеются два словообразовательных суффикса, один из которых входит в состав производящей основы. В глаголах возвратного залога используются объектно-местоименные постфиксы, располагаемые после словоизменительных суффиксов. Более трети слов лексикона памятников узкого канона имеют префиксы (часто омонимичные предлогам и частицам), иногда эти префиксы выделяются скорее с исторической, чем с синхронной точки зрения. Имеется некоторое количество слов с двумя префиксами и единичные — с тремя; префиксы характерны для глаголов и наречий, встречаются и в производных от них словах.

Употребительность непроизводных слов (в словнике С.я. Л. Садник и Р. Айцетмюллером зафиксировано около 1200 корней) выше, чем производных и композит; так, 600 непроизводных глаголов зафиксированы А. Досталом в текстах 24 тыс. раз, а 2400 производных — 28 тыс. раз.

2.5.2. Существительные образовывались главным образом путем суффиксации, хотя отмечается сохранение значительного количества бессуффиксальных

образований, возникших, видимо, еще в праславянский период (**похвал-а** ‘похвала’ от **похвалити** ‘похвалить’, **мор-ъ** ‘мор’ от **мрѣти** ‘умирать’, ж. р. **раб-а** ‘раба’ от м. р. **раб-ъ** и др.), а также некоторого количества сложений без соединительной гласной (**братоучѧдъ** ‘племянник’) или с соединительными гласными *-о-*, *-е-* и нередко с суффиксами (**богородица** ‘Богородица’, **заимодавьць** ‘заимодавец’, **миродрьжитель** ‘владыка мира’, **виноградъ** ‘виноградник’, ‘виноград’, **добровоние** ‘благоухание’, **любодѣи** ‘блудник’, **милосрьдие** ‘милосердие’, **тождеплеменьникъ** ‘единоплеменник’).

Среди важнейших продуктивных суффиксов следует отметить ряд суффиксов для обозначения лиц мужского пола: **-икъ** (**длъжьникъ** ‘должник’, **наслѣдьникъ** ‘наследник’), **-ьникъ** (**постьникъ** ‘постник’, **застѫпьникъ** ‘заступник’), **-тель** (**гонитель** ‘гонитель’, **хранитель** ‘хранитель’), **-ьць** (**чьтьць** ‘чтец’, **пришьльць** ‘пришелец’), более редкий **-арь** (**винарь** ‘виноградарь’, **вратарь** ‘привратник’); женского пола: **-ица** (**блѫдьница** ‘блудница’, **пророчица** ‘пророчица’), **-ъıни** (**рабъıни** ‘рабыня’, **сѫсѣдъıни** ‘соседка’). Ряд суффиксов использовался для обозначения отвлеченных понятий, в том числе имен действия, собирательных имен: **-ие** (**камение** собирательное ‘камни’, **хождение** ‘хождение’, **оубиение** ‘убийство’, **възѧтие** ‘получение’, **житие** ‘жизнь’, ‘житие’, **пиꙗньствие** ‘пьянство’), **-ьство** (**дѣвьство** ‘девственность’, ‘чистота’, **лѫкавьство** ‘лукавство’), **-ость** (**благость** ‘доброта’, ‘милость’, **прѣмѫдрость** ‘премудрость’), **-ота** (**срамота** ‘срамота’, **соуѥта** ‘суета’). Некоторые суффиксы использовались для образования уменьшительных существительных: **-ьць** (**градьць** ‘городок’, **рожьць** ‘стручок’), **-ица** (**дъштица** ‘дощечка’, **кроупица** ‘крошка’); названий мест: **-иште** (**хранилиште** ‘хранилище’, **црькъвиште** ‘языческий храм’). С помощью указанных суффиксов названия лиц и абстрактные имена образовывались от прилагательных и глаголов, уменьшительные — от существительных, названия мест — от имен и глаголов.

От существительных образовывались многочисленные прилагательные с суффиксами **-ьн-** (**вѣрьнъ** ‘верный’, **оутрьнь** ‘утренний’), **-ов-** (**китовъ** ‘китовый’, **скѫдьльниковъ** ‘принадлежащий гончару’), **-ив-** (**милостивъ** ‘милостивый’, **незълобивъ** ‘беззлобный’), **-ьскъ** (**троичьскъ** ‘троицын’, ‘относящийся к Троице’, **зълодѣискъ** ‘злодейский’), реже **-ит-** (**именитъ** ‘именитый’, ‘славный’, **плодовитъ** ‘плодовитый’). Префикс **прѣ-**, суффиксы **-ѣиш-**, **-ьш-** использовались для передачи значения превосходной и сравнительной степени признака, выражаемого прилагательными: **прѣсвѧтъ** ‘пресвятой’, **прѣмѫдръ** ‘премудрый’, **старѣиш-** ‘более старый’, **въıшьш-** ‘более высокий’ (в именительном падеже единственного числа мужского рода **-ш-** в этом суффиксе утрачивалось). Некоторые прилагательные представляли собой сложные слова, обычно содержавшие характерные для прилагательных суффиксы: **благовоньнъ** ‘благовонный’, **вьсеноштьнъ** ‘всенощный’, ‘продолжающийся всю ночь’, **нелицемѣрьнъ** ‘нелицемерный’.

Числительные второго десятка образовывались путем соединения названия единицы с сочетанием **на десѧте** ‘на десяти’, которое оставалось неизменным при склонении. Названия десятков и сотен образовывались путем соединения обозначения количества последних со словами **десѧть** ‘десять’ и **съто** ‘сто’ в соответствующем падеже. С **дъва** ‘два’, **триѥ** ‘три’, **четъıре** ‘четыре’ эти слова согласовывались в двойственном и множественном числе мужского или женско-

го и среднего рода, а при числительных от **пѧть** 'пять' до **девѧть** 'девять' употреблялись в родительном падеже множественного числа. Названия единиц могли в этом случае присоединяться при помощи союза **и** или **ти**: **пѧть сътъ и три сьребрьникъі** 'пятьсот и три серебреника' (Супр. 270.26), **пѧти десѧтъ ти пѧти лѣтъ** 'пятидесяти пяти лет' (Супр. 293.16). Унификации образования порядковых числительных еще не произошло, так, например имеются варианты: **осмое на десѧте лѣто** 'восемнадцатый год' (Зогр., Мар., Асс. и др., Лк. 13. 16) и **лѣто осмонадесѧтоѥ** 'год восемнадцатый' (Супр. 254.28), **девѧтъі на десѧте** 'девятнадцатый' (Супр. 168.28) и **девѧтънадесѧтьнѣмь** 'девятнадцатом' (Супр. 273.19), т. е. адъективную форму принимали как первый, так и второй члены обозначений второго десятка. Порядковые числительные на **-десѧтьнъіи**, **-сътьнъіи** обычно содержат суффикс **-ьн-**: **седмьдесѧтъноѥ** 'семнадцатое' (Супр. 295.6); порядковые числительные первого десятка бессуффиксальны: **девѧтоѥ** 'девятое' (Супр. 295.6).

Производные наречия представляли собой застывшие падежные формы: винительного падежа существительных среднего рода единственного числа (**бъістро** 'быстро'), местного падежа существительных (**долоу** 'вниз', **горѣ** 'вверх'), винительного падежа мужского рода множественного числа от прилагательных на **-ьск-** (**грьчьскъі** 'по-гречески'), творительного падежа единственного числа от существительных на **-ица** (**сътормцеѭ** 'стократно'), дательного падежа существительных (**домови** 'домой'); нередко падежные формы имен с предлогами: **заоутра** 'утром', **искони** 'с (самого) начала', **отътоли** 'с того времени', **въсоуѥ** 'напрасно'.

Глаголы образовывались в С.я. путем суффиксации и префиксации. От имен глаголы образовывались при помощи суффиксов **-и-**, **-ѣ-**, **-ова-**: **цѣлѣти** 'исцеляться', **блѣдѣти** 'бледнеть', **бѣлити** 'белить', **праздьньствовати** 'праздновать', **зъловати** 'причинять зло', 'вредить'. Имеется ряд суффиксов внутриглагольного словопроизводства, связанного обычно с видообразованием. Суффикс **-нѫ-/-н-** использовался для образования однократных глаголов: **тлъкнѫти**/**тлъкнеши** 'постучать', 'стукнуть', **двигнѫти**/**двигнеши** 'двинуть'; суффиксы **-ъіва-/-ѣва-** и т. п., **-а-/-є-** — для передачи неоднократных, продолжительных действий: **съмъівати** 'смывать', **съгрѣвати** 'согревать', **скакати**/**скачетъ** 'скакать'. Наиболее продуктивным способом глагольного новообразования была для С.я. префиксация. Продуктивными были префиксы **из-/ис-**, **съ-**, **раз-/рас-**, **о-/об-**, **по-**, **при-**, **про-**, **оу-**, **въз-/въс-**, **подъ-**, **прѣ-**, **до-**, **отъ-**, **на-**, придававшие дополнительные оттенки значению глагольной основы без префикса: **подивити сѧ** 'удивиться', **оудивити** 'удивить', **въздивити** 'удивить', **въгнѣздити сѧ** 'угнездиться', **надоути сѧ** 'вздуться', 'возгордиться', **иштезнѫти** 'исчезнуть', **пролити** 'пролить', **расказити** 'повредить', 'испортить', **съготовати** 'приготовить', **ожесточити** 'ожесточить', **отъмьстити** 'отомстить', **причѧштати** 'причащать', **прѣвъсходити** 'превосходить', **подъкопати** 'подкопать', **насъітити** 'насытить', **досаждати** 'досаждать'. Отмечается некоторое количество сложных глаголов, часть которых образована, видимо, на базе сложных имен: **вельмѫдровати** 'гордиться', **благословити** 'благословить'.

2.5.3. С.я. относится к языкам с номинативным строем предложения. Порядок слов свободный. Обычен порядок SVO с довольно частыми отклонениями. При-

меры: воіни же ведошѧ і вънѫтрь на дворъ 'Воины же вели его внутрь во двор' (Зогр., Мк. 15. 16), ты съвръші зорѩ і слъньце 'Ты уготовал светила и солнце' (Син. пс. 73.16, л. 94а), азъ послахъ вы жѧтъ 'Я послал вас жать' (Мар., Ин. 4. 38). Нередки пропуски и перестановки элементов: лѣто і веснѫ ты създа 'Лето и весну ты создал' (Син. пс. 73.17, л. 94а), нѣстъ оученикъ над оучителемь. ни рабъ надъ г҃мъ своімь 'Ученик не выше учителя и слуга не выше господина своего', букв. 'Не есть ученик над учителем…' (Зогр., Мф. 10. 24). При передаче предиката глагольной формой с показателем лица обозначение субъекта часто опускалось: аште сего ищеши николиже не обрѧштеши 'Если этого ищешь, никогда не найдешь' (субъект ясен из контекста — это Иосиф, которому адресовано обращение Марии) (Супр. 241.23), се въ притъчахъ г҃лахъ вамъ 'Вот в притчах (я) говорил вам' (Савв. 106, Ин. 16. 25). Используются обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения: и се кь немоу прінесѧ ослабленъ жілами 'И вот принесли к нему расслабленного' (Асс. 39б, Мф. 9. 2), не осѫждаите. да не осѫждени бѫдете 'Не судите, да не судимы будете' (Зогр., Мф. 7. 1). Встречаются безличные предложения: ꙗда тѣхъ мнитъ ти сѧ быти добрѣишоу 'Разве тебе кажется, что ты добрее тех' (Супр. 106.27). Наряду с предложениями, подобными данному, где роль формального субъекта играл инфинитив, отмечаются безличные предложения с отрицанием: кораблѣ іного не бѣ тоу 'Иной лодки не было там' (Ин. 6. 22), і҃са не бъістъ тоу ни оученикъ его 'Тут не было (ни) Иисуса, ни учеников Его' (Мар., Ин. 6. 24; і҃съ, і҃с — в Асс. и Зогр.; оученици — в Асс.).

Взаимное расположение определяемого слова и согласованного с ним определения в С.я. свободно, однако определение тяготеет к следованию за определяемым словом: оученици твоі 'ученики твои', заповѣді ч҃чскъ 'заповедей человеческих', прѣданиѣ ч҃ска 'человеческого предания', о҃ца твоѥго 'отца твоего', слово б҃жье 'слово Божие', прѣданиемъ вашимъ 'преданиям вашим', но ср.: нечистама рѫкама 'нечистыми руками', вси іюдѣи 'все иудеи', вьсь народъ 'весь народ' (Мк. 6). Генитивная определительная конструкция также обычно имеет определение после определяемого: по прѣданию старьць 'по преданию старцев', сръдьце іхъ 'сердце их', оучениѣ заповѣді 'учение заповедей', оученици его 'ученики его' (Мк. 6), но изредка встречались и случаи препозиции определения: ею о҃цю 'их (двух) отцу' (Лк. 15. 12).

Типичное выражение: 1) субъекта — именительный падеж существительного, местоимения, причастия; 2) предиката — личная форма глагола, именительный падеж имени (как правило, с глаголом-связкой); 3) прямого объекта — винительный падеж существительного или местоимения, супин; 4) согласованного определения — прилагательное, местоимение, причастие.

Для С.я. характерны конструкции с двойными падежами, в частности, с двойным винительным падежом: імѣі мѧ отъречена 'считай меня отказавшимся' (Зогр., Лк. 14. 18). Широко представлены предложения с различными однородными членами: множьство много людиі. отъ вьсеѩ. іюдѣѩ. і і҃лма. і поморьѣ тоурьскаѣ. і сидоньска 'много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских' (Зогр., Лк. 6. 17).

Вопросительные предложения начинались нередко с вопросительных слов, которые включали в себя местоименный вопросительный компонент к-/ч- (къто

'кто', **чьто** 'что', **къгъда** 'когда', **къде** 'где', **колико** 'насколько'): **комоу оуподоблѭ ц҃рствие б҃жие** 'Кому уподоблю царствие Божие?' (Зогр., Лк. 13. 20). Вопрос сомнения передавался вопросительным словом **еда** 'разве': **еда можетъ слѣпьць слѣпца водити** 'Может ли слепой водить слепого?' (Зогр., Лк. 6. 39). Вопросительная частица **ли** присоединялась к слову, к которому задается вопрос; полнозначное слово в этом случае выдвигалось на первое место в простом предложении: **не достоѣше ли раздрѣшити сеѩ отъ ѫзъı въ дьнь сѫботънъı** 'Не надлежит ли освободить её от уз в день субботний?' (Зогр., Лк. 13. 16).

Синтаксически значимой была, видимо, позиция в начале предложения, в которую выдвигались наиболее важные члены предложения.

Особое место в синтаксической системе С.я. занимали конструкции с дательным самостоятельным, выражавшим временны́е отношения. Эти конструкции обычно состояли из субъекта, выраженного формой дательного падежа, и согласованного с ним причастия (иногда с зависимыми словами), при пассивных причастиях нередко — с причастием вспомогательного глагола. Примеры: **ішьдъшю же емоу въ врата. оузьрѣ и дроугаѣ. і г҃ла емоу** 'Когда же он выходил за ворота, увидела его другая и сказала ему' (Мф. 26. 71), **съпѧштемъ же ч҃комъ. приде врагъ его. і всѣ плѣвелъ. по срѣдѣ пьшеницѧ і отиде** 'Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы, и ушел' (Мф. 13. 25), **зане емоу много кратъı. пѫтъı і ѫжи желѣзнъı. съвѧзаноу сѫштю прѣтрьзаахѫ сѧ отъ нѥго ѫжа желѣзнаа** 'Потому что, когда он многократно был связан железными оковами и цепями, железные оковы им разрывались' (Зогр., Мк. 5. 4). Иногда в рамках временно́го значения в дательном самостоятельном развивался причинный оттенок.

2.5.4. В старославянских текстах, как и в их греческих оригиналах, отчетливо прослеживается сцепление предложений в сложное целое в смысловом и формальном планах. Формальным средством такого сцепления служат союзы (иногда повторяющиеся), однотипные конструкции соединяемых предложений, единство временны́х глаголов-предикатов. В ряде случаев очевидно, что нанизываемые таким образом предложения могут рассматриваться как сложные. В сложных предложениях получают выражение отношения паратаксиса и гипотаксиса, возможно, с более размытыми границами между ними, нежели в современных славянских языках (например, в русском). Бессоюзие представлено в текстах С.я. значительно реже, чем союзное соединение компонентов сложных синтаксических единств, но прямая речь довольно часто вводится бессоюзно: **рече же мариѣ. се раба г҃нѣ. бѫди мънѣ по г҃лоу твоемоу** 'И сказала Мария: «Вот, раба Господня, да будет мне по слову Твоему»' (Асс., Лк. 1. 38).

Для передачи паратаксиса самым характерным являлся соединительный союз **и**: **твоі естъ дьнь і твоѣ естъ нощь** 'Твой день и твоя ночь' (Син. пс. 73.16, л. 94а). В близком значении употреблялись союзы **ти** и иногда **а**, **да**; при отрицании использовалась форма **ни** — отрицательный вариант союза **і**; разделительное значение передавалось союзами **ли** 'ли', **или** 'или', **любо** 'либо'; противопоставление выражалось союзом **нъ** 'но', более слабое противопоставление — союзами **а** 'а', **же** 'же'.

Гипотаксис четко проявляется в предложениях с относительными (присубстантивно-определительными) придаточными, в состав которых входило относи-

тельное местоимение **иже** ‘который’, согласуемое в роде и числе с определяемым в главном предложении существительным и употребляемое в падеже, соответствующем его функции в придаточном: **възгласишѧ же въторицеѭ ч҃ка. іже бѣ слѣпъ** ‘Итак вторично призвали человека, который был слеп’ (Зогр., Ин. 9. 24). Иногда определяемое имя могло отсутствовать: **възьмъ на немьже лежааше** ‘взял, на чем лежал’ (Зогр., Лк. 5. 25). Относительный характер имело также союзное слово **идеже** ‘где’: **видита мѣсто. ідеже лежа х҃съ** ‘посмотрите место, где лежал Христос’ (Мф. 28. 6).

Наиболее употребительным подчинительным союзом довольно широкого значения был союз **ꙗко** (**ꙓко**), присоединявший изъяснительные придаточные, а также выражавший значения причинности, следствия, цели, времени, образа действия. Примеры: **сице рѣсте родителѣ его ꙓко боꙓашете сѧ июдѣі** ‘Так отвечали родители его, потому что боялись иудеев’ (Зогр., Ин. 9. 22), **то вѣвѣ ꙓко сь естъ с҃нъ наю** ‘(это мы вдвоем) знаем, что это сын наш’ (Зогр., Ин. 9. 20), **чьто сътворѭ. ꙓко г҃ъ мої отъемлетъ строенье домоу отъ мене** ‘что мне делать, если господин мой отнимет от меня управление домом’ (Зогр., Лк. 16. 3). Другие союзы имели более ограниченные значения: временно́е — **ѥгъда** ‘когда’, **доньдеже** ‘пока’, ‘пока не’, **донелиже** ‘пока не’; причинное — **бо, ибо, оубо** ‘так как’, ‘ведь’, ‘ибо’; условное — **аште, ели** ‘если’; сравнительное — **акы** ‘как’; уступительное — **цѣ, ацѣ** ‘а между тем’, ‘хотя’ и др. Примеры: **блажени бѫдете егда възненавидѧтъ вы ч҃ци** ‘Блаженны будете, когда возненавидят вас люди’ (Зогр., Лк. 6. 22), **аще хощеши. можеши мѧ іщистити** ‘если хочешь, можешь меня очистить’ (Зогр., Мк. 1. 40), **видѣ симона. і аньдрѣа брата того симона. въметѫща мрѣжѧ въ море. бѣашете бо рыбарѣ**, букв. ‘увидел Симона и Андрея, брата этого Симона, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы’ (Зогр., Мк. 1. 16).

В старославянских текстах отмечаются сложные предложения комбинированного типа (с несколькими придаточными, с подчинением и сочинением): **і г҃ла емоу і҃с. аминʼ г҃лѭ ти. ꙓко ты дьнесь въ сиѭ ношть. прѣжде даже въторицеѭ. коуръ не възгласитъ. три краты отъвръжеши сѧ мене** ‘И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от меня’ (Зогр., Мк. 14. 30), **аште ти повѣдѣ ѥже глагола аггелъ. речеши сама сѧ послоухъ себѣ твориши. твоѥ послоушьство нѣстъ истинъно** ‘Если скажу тебе, что сказал ангел, (ты) скажешь «(Ты) сама себя делаешь свидетелем (и) твоё свидетельство не истинно»’ (Супр. 241.19).

Порядок слов в сложных предложениях, как и в простых, в С.я. характеризовался сравнительной свободой.

2.6.0. В силу особенностей формирования С.я. главным источником заимствований в нем был греческий (среднегреческий) язык. Гебраизмы, арамеизмы и некоторые слова иного происхождения проникали в С.я. через греческий. Лишь отдельные латинизмы и германизмы могли проникнуть в моравский период. По данным Р. М. Цейтлин, из 9616 слов, зафиксированных в учтенных ею памятниках (в основном это узкий канон памятников С.я.), заимствования составляют 1778 слов, т. е. менее 20% словника. Употребительность их в текстах, видимо, ниже употребительности исконных слов; по данным выборочного обследования

(текст Лк. 1 в Зогр.), грецизмы и произведенные от них слова составляют около 5% словоупотреблений текста.

Не менее трех четвертей грецизмов в С.я. — это имена собственные, среди них личные: **адамъ** ʻАдам’, **аетии** ʻАэтий’, **агриколаи** ʻАгриколай’, **акѵндинъ** ʻАкиндин’, **далматии** ʻДалматий’, **дометиꙗнъ** ʻДометиан’, **еракл҃ь** ʻГеракл’, **евпраксиꙗ** ʻЕвпраксия’, **феврониꙗ** ʻФеврония’, **христофоръ** ʻХристофор’; географические: **африкиꙗ** ʻАфрика’, **алеѯандриꙗ** ʻАлександрия’, **арамениꙗ** ʻАрмения’, **дамаскъ** ʻДамаск’, **ефратъ** ʻЕвфрат’, **етни** ʻЭтна’, **ерихонъ** ʻИерихон’, **голъгоѳа** ʻГолгофа’, **галилеꙗ** ʻГалилея’; к ним примыкает некоторое число производных, прежде всего притяжательных и относительных прилагательных: **филистионовъ** ʻФилистионов’, **хоѹзан҃ь** ʻХузов’, **аминадавовъ** ʻАминадавов’, **авраам҃ль** ʻАвраамов’, **аморѣискъ** ʻаморейский’, **алеѯандрискъ** и **александрьскъ** ʻалександрийский’, **асѵрьскъ** ʻсирийский’, **ег҃ѵпьтьскъ** ʻегипетский’; названий лиц по местности: **гоморѣнинъ** ʻгоморрянин’, **галилеꙗнинъ** ʻгалилеянин’, **етиопѣнинъ** ʻэфиоп’, **агарѣнинъ** ʻагарянин’. Из заимствованных апеллятивов значительную часть составляют слова религиозной терминологии: **аггелъ/ан҃гелъ** ʻангел’, **хероѹвимъ** ʻхерувим’, **архан҃гелъ** ʻархангел’, **демонъ** ʻдемон’, **диꙗволъ** ʻдьявол’, **антихрьстъ** ʻантихрист’, **адъ** ʻад’, **г҃еона** ʻгеенна’; названия лиц религиозных иерархий: **апостолъ** ʻапостол’, **архидиꙗконъ** ʻархидиакон’, **архисѵнагогъ** ʻархисинагог’, ʻглава синагоги’, **диꙗкъ** ʻдьякон’, **епархъ** ʻнаместник области’, **епископъ** ʻепископ’, **фарисеи** ʻфарисей’; названия религиозных текстов и их частей: **еван҃гелиѥ** ʻевангелие’, **диꙗпсалма** ʻдиапсалма’, **альлилоѹгиꙗрии** ʻаллилуарий’, **диптоѹха** ʻдиптиха’; названия праздников, церковных служб и памятных периодов: **антипасха** ʻАнтипасха’, ʻвоскресенье после Пасхи’, **енкениꙗ** ʻпраздник восстановления Иерусалимского храма’, **есперина** ʻвечерня’; названия учений: **ересь** ʻересь’; названия элементов одежды: **фелонь** ʻфелонь’, **аналавъ** ʻаналав (часть монашеского облачения)’; отдельные восклицания: **алелоѹгиꙗ** ʻаллилуйя!’, **аминь** ʻаминь!’, **елои** ʻБоже мой!’. Сравнительно небольшую часть грецизмов составляют слова, имевшие более широкое, чем религиозное, распространение, — названия месяцев: **април҃ь** ʻапрель’, **декѧбр҃ь** ʻдекабрь’, **ѥноѹар҃ь** ʻянварь’, **феѵроар҃ь** ʻфевраль’; некоторых монет: **динар҃ь** ʻдинарий’, **драгъма** ʻдрахма’; плодов и растений: **финикъ** ʻфиник’, **алгоѹи** ʻалоэ’; животных: **аспида** ʻзмея’; учений: **философиꙗ** ʻфилософия’; материалов: **алавастръ** ʻалебастровый сосуд’, **хартиꙗ** ʻбумага’. Но бóльшая часть заимствованных слов, не имевших прямого религиозного значения, относится к экзотизмам, т. е. к словам, характеризующим быт и природу других стран: **епендитъ** ʻверхняя одежда рыбака’, **акридъ** ʻсаранча’, **хитонъ** ʻнижнее платье’, **хламида** ʻверхнее платье’, **галиꙗ** ʻсудно’, **антиграфеоѹсъ** ʻсекретарь’.

Кроме грецизмов, в С.я. имелось несколько десятков других заимствований раннего периода, в том числе праславянских и проникших в славянские диалекты, на которые опирались создатели С.я. как литературного языка. Так, слова **хлѣбъ** ʻхлеб’, **шлѣмъ** ʻшлем’, **котьлъ** ʻкотел’, **пѣнѧзь** ʻдинарий’, **цьркъі** ʻцерковь’ были заимствованы в древности из германских диалектов; **моѹринъ** ʻнегр’, **жюпелъ** ʻсера’ — из древневерхненемецкого; **бисьръ** ʻбисер’, **болꙗринъ** ʻбоярин’, **кън҃ига** ʻкнига’, **кръчагъ** ʻглиняный сосуд’, ʻкувшин’, **хорѫгъі** ʻскипетр’ — слова восточного происхождения, пришедшие, скорее всего, через тюркские языки;

капиште ʽстатуя’, ʽидол’, **съıнъ** ʽбашня’, **шаръ** ʽкраска’, **санъ** ʽчесть’, ʽчин’, **коумиръ** ʽкумир’, ʽидол’ относятся к числу булгарских элементов; **корабл҄ь** ʽкорабль’, **коутиꙗ** ʽкутья’ — старые грецизмы; **скриниꙗ** ʽкивот’, ʽковчег’, **поганъ** ʽязычник’, **олѣи** ʽрастительное масло’, **миса** ʽмесса’ считаются романскими по происхождению (**мьша** ʽмесса’ в Киевских листках — через древневерхненемецкий). Эти слова, в отличие от экзотизмов, в той или иной мере вошли в реальное употребление носителей языка. Доля их в словнике составляет менее одного процента.

2.7.0. О разновидностях С.я. — см. 1.2.1., 1.5.0.

Русский извод современного Ц.я. употребляется в богослужебной практике Православной церкви в России, Белоруссии, Украине и других странах бывшего СССР, кроме Молдавии, где богослужение ведется в основном на румынском языке, а также в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине (Республике Сербской), Македонии, Болгарии. Его основными графико-орфографическими особенностями являются: замена **ѫ** на **ѵ/оѵ҆**: **кѵпѣ́ль** ʽкупель’, **во́дѵ** ʽводу’; орфографическое перераспределение букв **ѧ, ꙗ, а** (см. 1.4.0., там же о некоторых других графических особенностях); написания **ор, ол, ер** на месте этимологических *ТърТ*, *ТълТ*, *ТьрТ* (ср. **ръ, лъ, рь, ль** в старославянских памятниках): **во́лкъ** ʽволк’, **верхꙋ̀** ʽсверху’; отражаются результаты падения редуцированных — на месте сильных **ъ, ь** выступают **о, е**, исчезнувшие слабые отражаются только на конце слов: **сонъ** [son] ʽсон’, **сна** ʽсна’ (при старославянских **сънъ, съна**). В соответствии с русской традицией, начиная с XI в., употребляются неполногласные написания: **гра́дъ** ʽгород’, **дре́во** ʽдерево’ (ср. **градъ, дрѣво** в С.я.); **жд** на месте праславянского **dj*: **прежде** ʽпрежде’; **щ** на месте праславянского **tj*: **хощꙋ̀** ʽхочу’ (но **чѵжді́й** ʽчужой’).

Грамматический строй Ц.я. в целом сохранил старославянскую основу, с некоторыми формальными измененями. Дальнейшее развитие получила категория одушевленности, в связи с чем одушевленные имена в винительном падеже единственного числа обычно имеют окончания **-а**, **-ѧ**; во множественном числе основными являются окончания **-ы**, **-и**, но **-ѡвъ**, **-ей** тоже распространены достаточно широко. Слова со старой основой на **-й* в основном перешли в склонение на **-ŏ*, при этом произошло частичное перераспределение окончаний: 1) у отдельных слов в родительном падеже встречается окончание -ꙋ (**до́мѵ**); 2) в дательном падеже многие слова могут иметь окончания **-ови**, **-еви** (**д҃вдови** ʽДавиду’, **цареви** ʽцарю’); 3) в местном (предложном) падеже встречается окончание -ꙋ (**в домꙋ̀**); 5) в именительном падеже множественного числа встречаются окончания **-їе**, **-е**, **-ове**, **-еве** (**ца́рїе** ʽцари’, **дѣ́лателе** ʽработники’, **до́мове** ʽдома’). У личных местоимений 1-го и 2-го лица в двойственном числе формы именительного и винительного падежей вытеснены соответствующими формами множественного числа. Произошло дальнейшее упрощение форм местоименных прилагательных. Наиболее характерным изменением в личных глагольных окончаниях стало развитие в двойственном числе различия по роду: **-ева** (1 л.), **-ета** (2-3 л.) для мужского рода, но **-евѣ**, **-етѣ** для женского и среднего родов. Это различие прослеживается во всех финитных формах. В имперфекте двойные гласные подверглись стяжению.

При общих графико-орфографических, морфологических и синтаксических особенностях варианты русского извода Ц.я. в разных странах отличаются устным произношением, которое варьирует в зависимости от местных языков.

О современном произношении русского варианта см. 2.1.1. Помимо России, он используется также в Белоруссии, на значительной части Украины и в русской диаспоре. Украинский вариант используется на Западной Украине и характеризуется украинской фонетикой: **ѣ** произносится как [i], **г** — как [h], нет редукции гласных и оглушения согласных. В болгарском варианте согласные перед **є** и **і** произносятся полумягко, **щ** произносится как [št], **и** и **ы** не различаются, **ѣ** произносится либо как [’a], либо как [e]. В сербском варианте не различаются мягкие и твердые согласные, кроме палатальных [n’] и [l’]; **ѣ** произносится в соответствии с экавской или екавской произносительной нормой, **ѧ** может произноситься как [e].

ЛИТЕРАТУРА

Бобрик М. А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.) // ВЯ, 1990, № 4.

Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации / Изд. Сретенского монастыря. М., 1999.

Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.

Вукашиновић В. Литургијска обнова у XX веку. Историја и богословске идеје литургијског покрета у Римокатоличкој цркви и њихов узајамни однос с литургијским животом Православне цркве. Београд; Нови Сад; Вршац, 2001.

Граматика на старобългарския език. София, 1993.

Гълъбов И. Старобългарски език с увод в славянско езикознание. София, 1980.

Дуйчев Ив., Кирмагова А., Паунова А. Кирилометодиевска библиография 1940–1980. София, 1983.

Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов В. М. Первый литературный язык славян // Ricerche slavistiche, 1998–1999, vol. 45–46.

Ильинский Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.

Исследования по синтаксису старославянского языка / Научн. ред. И. Курц. Прага, 1963.

Кончаревић К. Расправе о богослужбеном језику у Срба (1868–1969) // Српски језик, 1997, т. 2, № 1–2.

Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX вв.). М., 2001.

Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. 3-е изд. Харьков, 1917.

Лескин А. Грамматика старославянского языка (с дополнением по языку Остромирова евангелия А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина) / Пер. с 1-го нем. изд. М., 1890.

Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка / Пер. с 1-го нем. изд. Казань, 1915.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мареш Ф. В. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // ВЯ, 1961, № 2.

Можаева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945–1974 гг. М., 1980.

Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.

Попруженко М. Г., Romански Ст. Кирилометодиевска библиография за 1934–1940 гг. София, 1942.

Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951, ч. 1; 1952, ч. 2.

Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. М., 1970, сб. 5.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998.

Трифуновић Ђ. Стара српска књижевност. Основе. Београд, 1994.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.

Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911, вып. 3.

Diels Paul. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Heidelberg, 1963.

Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha, 1954.

Huntley D. Old Church Slavonic // The Slavonic languages / Ed. by B. Comrie and G. Gorbett. London; New York, 1993.

Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue berichtigte und erweiterte Ausg. Berlin, 1913.

Kurz J. Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva // Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě, 1958.

Kurz J. Učebnice jazyka staroslověnského. Praha, 1969.

Leskien A. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 2–3. Aufl. Heidelberg, 1919 [1. Aufl., 1909].

Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. 9. Aufl. Heidelberg, 1969 [1. Aufl., 1871].

Lunt H. G. Old Church Slavonic Grammar. 6th ed. The Hague; Paris, 1974.

Mareš F. V. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besed Řegoře Velikého (Dvojeslova) // Slavia 32, 1963, č. 3.

Mareš F. V. Die Neukirchenslavische Sprache des russischen Typus und ihr Schriftsystem // Sagners Slavistische Sammlung. München, 1988, Bd. 14/II.

Matihiesen R. The Determination of Norms (A Problem in the Diachronic Study of Church Slavonic) // American Contributions to the Eight International Congress of Slavists (Zagreb, 1978). I. Linguistics and Poetics / Ed. by H. Birnbaum. Sine loco, 1978.

Matihiesen R. The Church Slavonic Language Question: An Overview (IX–XX Centuries) // Aspects of the Slavic Language Question / Ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. New Haven, CT: Yale Concilium on International and Area Studies, 1984, vol. I.

Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902–1905.

Molnár N. The calqes of Greek origin in the most ancient Old Slavic Gospel texts. Budapest; Köln; Wien, 1985.

Šachmatov A., Shevelov G. Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden, 1960.

Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.

Trubetzkoy N. S. Altkichenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Wien, 1954.

Vaillant A. Manuel du Vieux Slave. Paris, 1948.

Van Wijk N. Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1931, Bd. 1.

Večerka R. Staroslověnština. Praha, 1984.

Vondrák W. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912.

Weingart M. Rukovět' jazyka staroslověnského. Praha, 1937–1938.

Словари и энциклопедии

Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985, т. 1 (А–З); 1995, т. 2 (И–О).

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912, т. 1–3.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1989–1997, seš. 1–7 (a—luna) [продолжающееся издание].

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graecolatinum emendatum auctum. 2. Neudruck der Ausg. Wien, 1862–1865. Aalen, 1977.

Sadnik L. und Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966–1997, I–IV.

Ю. С. Маслов

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Болгарский язык (Б.я.). Вариантов названия нет; болг. *български език*; англ. *Bulgarian*, нем. *Bulgarisch*, фр. *le bulgare*.

1.1.2. Б.я. принадлежит к славянской ветви индоевропейской семьи языков и входит в состав южнославянской группы.

1.1.3. Распространен на территории Республики Болгария (6697 тыс. чел., перепись 2001) и частично в прилежащих к Болгарии областях Греции, Македонии (1,6 тыс. чел., 1994), а также отдельными островками в Турции (101 тыс. чел., 1965, в основном помаки — болгары-мусульмане), Румынии (6,7 тыс. чел., 2002; Банат), Молдавии (около 70 тыс. чел., 1989), южной Украине (131 тыс. чел., 2001), Венгрии, Чехии и Словакии, а за пределами Европы — в США, Канаде (8 тыс. чел.) и Австралии. Б.я. как основным средством общения пользуется свыше 7 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Традиционно выделяют две большие группы говоров: восточноболгарскую и западноболгарскую. Основная изоглосса, разделяющая эти группы, — изоглосса ѣ, или граница ѣ (болг. *я́това гра́ница*), начинается у р. Дунай западнее г. Никопол и идет на юг и юго-запад, оставляя несколько к востоку гг. Тетевен, Пирдоп, Панагюрище, Пазарджик, Велинград, Разлог и Гоце Делчев, а несколько к западу — гг. Плевен, Ботевград и Ихтиман.

Восточноболгарские говоры подразделяются на три группы: мизийские, балканские и рупские говоры.

Мизийские говоры представлены в северо-восточной Болгарии, на территории между гг. Русе и Силистра на севере и Тырговиште, Шумен и Варна на юге, кроме того, отдельными островками (в результате переселений) далеко за пределами указанного ареала (говоры так называемых «загорцев» в разных местах южной Болгарии, некоторые болгарские говоры в Молдавии и на южной Украине). Наиболее типичным представителем этой группы считается шуменский говор. Мизийские говоры в прошлом, по-видимому, занимали более обширную территорию на северо-востоке. На протяжении последних двух столетий они постепенно вытесняются соседними балканскими говорами.

Балканские говоры занимают бóльшую часть ареала восточноболгарских говоров — от Дуная у гг. Свиштов и Никопол на севере до предгорий Родоп южнее гг. Пазарджик и Пловдив на юге и далее на восток до Елхово и Бургаса; кроме

того, на севере они как бы «заходят в тыл» мизийских говоров севернее Варны и в Добрудже. В группе балканских говоров выделяются говоры: 1) центральнобалканский, или габровско-ловечско-троянский; 2) котелско-еленско-дряновский; 3) панагюрский; 4) пирдопский; 5) тетевенский; 6) подбалканский, или сливенско-ямболско-старозагорский, и несколько более мелких.

Рупские говоры занимают южную часть болгарской языковой территории от гг. Разлог и Гоце Делчев на западе до Черного моря южнее Бургаса. Выделяются три подгруппы: 1) восточнорупская (странджанско-фракийская); 2) родопская, включающая смолянский, хвойненский, чепинский (велинградский) и некоторые более мелкие говоры, а также павликянский говор (представлен островками и за пределами южной Болгарии, в частности, в районе Свиштова на Дунае, куда он был занесен болгарами-католиками, переселенцами с юга); 3) западнорупская (разложско-гоцеделчевская).

Западноболгарские говоры подразделяются на северо-западные, юго-западные и «крайнезападные». Северо-западные говоры охватывают территорию к югу от р. Дунай от болгарско-сербской границы на западе до изоглоссы ѣ на востоке. Они представлены белослатинско-плевенским и видинско-ломским говорами. Юго-западные говоры занимают всю юго-западную Болгарию западнее изоглоссы ѣ, а также более северную территорию между гг. София, Ботевград и Враца. Выделяют говоры: ботевградский, врачанский, ихтиманский, софийский, елинпелинский, самоковский, дупницкий, кюстендилский, благоевградский, петричский и несколько более мелких.

Кроме изоглоссы ѣ, отражающей различия в эволюции праславянского «ять», важными являются изоглоссы, связанные с рефлексами старых носовых гласных (особенно праславянского **ǫ*, др.-болг. ѫ), рефлексами сочетаний **tj*, **dj*, с сильной/слабой степенью редукции безударных гласных, количеством и дистрибуцией палатализованных согласных, некоторые морфологические изоглоссы (связанные с членными формами и, в частности, для форм единственного числа мужского рода, с остатками именного склонения, личными окончаниями настоящего времени и др.; см. 2.7.0.).

Более или менее резкие границы между отдельными говорами сохранились местами в горных районах и отчасти там, где сохранению таких границ способствовали религиозные различия (говоры болгар-мусульман и болгар-католиков). В других районах границы диалектов не являются резко очерченными. Кроме того, для горных районов характерно более дробное диалектное членение, а для больших равнин — Дунайской и Фракийской — наличие говоров, каждый из которых занимает более обширную территорию.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Б.я. является государственным языком Республики Болгария.

1.3.2. Современный литературный Б.я. сформировался на протяжении XIX в. на базе северо-восточных, а именно балканских, говоров. Главную роль в установлении его норм играли центральнобалканский (габровско-ловечско-троянский) говор, в несколько меньшей мере — котелско-еленско-дряновский и пирдопский (говор Копривштицы и Клисуры). Отдельные черты были восприняты из других, в частности западных, говоров (например, из юго-западных — дее-

причастие на *-йки*). В дальнейшем — с конца XIX в. — произносительные нормы литературного языка подверглись некоторому влиянию со стороны западных говоров.

Стандартизация литературного языка не является полной: довольно широка область дублетных форм, отчасти официально допускаемых школой и нормативными пособиями, отчасти фактически бытующих в речевой практике носителей литературного языка. К первой группе дублетов относятся, например, многочисленные акцентные дублеты форм аориста и некоторых других глагольных форм (см. 2.4.0.), ко второй — колебания между «краткой» и «полной» членной формами единственного числа мужского рода (см. 2.4.0.). Фактически не вполне стандартизированы произношение безударных гласных, особенно /а/ и /ъ/, степень смягчения согласных перед гласными переднего ряда, употребление «счетной формы» существительных (см. 2.3.3.) в разных типах сочетаний, факультативным является использование простого условного наклонения (см. 2.3.5.). Хотя сложившаяся норма литературного Б.я. восприняла (а после орфографической реформы 1945 г. и закрепила на письме) так называемую частичную перегласовку ѣ (см. 2.2.3.), свойственную северо-восточным и, в первую очередь, центральнобалканским говорам, в поэзии и вообще в языке художественной литературы без ограничений допускаются, а в устной речи довольно широко бытуют полностью перегласованные, «экающие» (западноболгарские) формы.

В языке классиков болгарской литературы Христо Ботева (1848–1876), Ивана Вазова (1850–1921), Алеко Константинова (1863–1897), Пенчо Славейкова (1866–1912), Елина Пелина (1877–1949), Йордана Йовкова (1880–1937) и др. дублетные формы представлены шире, чем в языке второй половины XX в., а у некоторых писателей XIX в. (Михалаки Георгиев, Тодор Влайков) довольно отчетливо выступает диалектная стихия (хотя и не настолько, чтобы можно было говорить об оформившихся региональных вариантах литературного Б.я.).

Во второй половине XIX в. и в 30-е гг. XX в. были попытки создания местной литературной нормы на основе говора болгар Баната (Румыния) (см. статью «Малые славянские литературные языки (микроязыки)» в наст. издании).

1.3.3. На литературном Б.я. ведется преподавание в школах и вузах.

1.4.0. Письмо в целом фонемографическое, с некоторыми отступлениями, связанными со «слоговым принципом» обозначения палатализованных согласных и фонемы /j/. Действующий алфавит — кириллица в «гражданском» начертании. До орфографической реформы 1945 г. алфавит включал графемы ѣ и ѫ.

Болгарская орфография не отражает ассимиляции по глухости/звонкости (в частности, в приставках *без-*, *из-*, *през-*, *раз-* и т. д.) и оглушения шумных согласных на конце слова, а до реформы 1945 г. она не отражала даже фонемного чередования, возникшего на месте старого ѣ. В ряде случаев приняты этимологические и псевдоэтимологические написания (обозначение фонемы /ъ/ буквами *а* или *я* в некоторых окончаниях глаголов и имен: *чета* /четъ/ ʽчитаю’, *четат* /четът/ ʽчитают’, *денят* /ден’ът/ ʽдень’ (членная форма)).

Ударение в практическом письме в принципе не обозначается. Знак ` может применяться для обозначения ударения в случае необходимости дифференциации омографов, а при написании некоторых односложных слов используется ре-

гулярно (*нà* 'возьми' в отличие от предлога *на*). Эта же диакритика отличает в написании всегда безударную местоименную форму *ѝ* 'ей' от союза *и* (также безударного).

1.5.0. Дописьменный период в истории Б.я. охватывает время от проникновения славянских племен на Балканский п-ов — в Дакию и южнее Дуная (VII в.) — до 60-х гг. IX в. В это время (как свидетельствуют, в частности, топонимы славянского происхождения, сохранившиеся в районах ранней ассимиляции славян в Греции и Албании), язык предков нынешних болгар уже характеризовался сочетаниями /шт/, /жд/ — рефлексами праславянских **tj*, **dj*, т. е. специфической особенностью, отличающей Б.я. от других славянских языков.

В дальнейшей истории Б.я. на основании данных письменности выделяют три главных периода: 1) древнеболгарский (60-е гг. IX — конец XI в.); 2) среднеболгарский (XII–XIV вв.) и 3) новоболгарский (с XV в. до наших дней).

Древнеболгарский период — время возникновения двух вариантов славянского письма, глаголицы и кириллицы, и создания старославянского языка. Письменные памятники этого периода отражают начинающееся в определенных позициях «падение» (утрату) гласных /ъ/ и /ь/ и образование групп согласных, что приводило к нарушениям принципа открытого слога; тенденцию к сближению и смешению некоторых типов склонения; появление стяженных форм прилагательных, стяженных форм имперфекта, замену архаичных типов аориста типом на **-охъ** и др.

Среднеболгарский период представлен, помимо большого числа памятников церковной литературы, также памятниками светскими (важнейший из них — «Троянская повесть» XIV в.), грамотами болгарских царей (XIII–XIV вв.) и небольшим числом надписей. В разговорном языке этого периода несомненно произошли существенные структурные сдвиги, хотя в памятниках они нашли лишь сравнительно скудное отражение. По сравнению с древнеболгарским происходит значительное сокращение инвентаря гласных фонем, которое в письменных памятниках отражается как «мена юсов» (букв **ѫ** и **ѧ**, обозначавших носовые гласные), смешение их с различными буквами для неносовых гласных, смешение букв **ъ** и **ь**, в меньшей мере **ы** и **и** и некоторых других. В морфологии имени осуществляется свертывание системы флективных падежей и переход к аналитическому выражению падежных отношений с помощью предлогов, что в памятниках ведет к различным нарушениям в употреблении падежных окончаний. Распространяются новые формы степеней сравнения с препозитивными частицами *по-* и *най-* (засвидетельствованы в «Троянской повести») и членные формы имен. В глаголе происходит формирование нового спряжения (по современной терминологии — третьего), например, **проливамъ** 'проливаю' («Троянская повесть») вместо др.-болг. **проливаѭ**; перестройка форм имперфекта и аориста (сближение окончаний и одновременно установление различия в основах); ряд изменений в формах императива, будущего времени и т. д. В конце XIV в. начинается пятивековое османское иго. Культурная жизнь замирает, многие книжники вынуждены эмигрировать.

Новоболгарский период распадается на два этапа: 1) XV в. — первая четверть XIX в. и 2) первая четверть XIX в. — до наших дней. Первый отмечен отсутст-

вием литературной нормы языка. Язык наиболее характерных памятников этого времени — влахоболгарских грамот XV в. и так называемых дамаскинов XVII–XVIII вв. — представлен пестрой картиной смешения различных традиций и влияний, сквозь которые, однако, все отчетливее проступает стихия живой народной речи со всеми типичными чертами (ново)болгарского языкового типа и с многочисленными диалектными особенностями. Задача создания национального языка в общей форме ставится в «Истории славяноболгарской» (1762) Паисия Хилендарского, но практическую работу по решению этой задачи осуществляют в первой половине XIX в. П. Берон (так называемый «Рыбный букварь», 1824), Неофит Рильский, Хр. Павлович и другие деятели болгарского возрождения. Окончательное закрепление норм литературного (ново)болгарского языка на народной основе происходит в произведениях классиков болгарской литературы (см. 1.3.2.). После освобождения от османского ига (1878) и воссоздания самостоятельного болгарского государства Б.я. получает статус государственного языка.

1.6.0. В структуре Б.я. существенную роль играют так называемые балканизмы — явления, чуждые большинству славянских языков, но присущие (кроме современного Б.я., а также македонского и отчасти юго-восточных сербских (торлакских) говоров) ряду неславянских языков балканского ареала: новогреческому, албанскому, румынскому (включая мегленорумынский диалект и арумынские диалекты на территории Греции, Албании, Македонии и Болгарии). Наиболее характерные грамматические балканизмы: 1) замена инфинитива конструкциями с личными формами глагола (в Б.я. — конструкцией *да* + настоящее время глагола, см. 2.3.5.); 2) местоименная реприза дополнения (см. 2.3.4.); 3) совпадение формального выражения значений адресата и обладателя (дательный притяжательный в личных местоимениях и эквивалентная ему конструкция с предлогом *на*, см. 2.3.4.). К балканизмам Б.я. относят также: 1) постпозицию артикля (см. 2.3.6.) (эта черта отсутствует в новогреческом, имеющем препозитивный артикль, и по своим генетическим корням могла бы с достаточным основанием считаться славянской); 2) упрощение местоименного и полную или почти полную утрату именного склонения; 3) образование форм будущего времени и будущего в прошедшем с помощью служебного элемента, восходящего к глаголу со значением ʻхотеть’ (см. 2.4.0.).

Кроме балканизмов, в структуре Б.я. отмечают явления, обусловленные контактом с турецким языком. Так, турецкое воздействие сыграло важную роль в специфическом развитии (на базе общеславянского аналитического перфекта) форм так называемого «пересказывательного» наклонения (см. 2.3.5.), обнаруживающих последовательный семантический и формальный параллелизм с турецкими формами на *-mış*. Как турцизм рассматривается встречающаяся в народных говорах, в пословицах и т. п. постановка несогласуемого определения перед определяемым: *На лъжата краката са къси* ʻНоги лжи коротки’ при более обычном в литературном языке порядке слов *краката на лъжата*.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонологическая система современного литературного Б.я. насчитывает шесть гласных и от 36 до 39 согласных фонем.

Гласные

Раствор	Ряд		
	Передний	Непередний	
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Узкий	и	ъ	у
Неузкий	е	а	о

Специфическим является гласный /ъ/ — в ударном варианте он характеризуется как гласный среднего подъема среднего ряда.

Согласные

По способу образования			По месту образования			
			Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные	Взрывные	Гл.	п п’	т т’		к к’
		Зв.	б б’	д д’		г г’
	Аффрикаты	Гл.		ц ц’ ч		
		Зв.		(д͡з) (д͡з’) д͡ж		
	Фрикативные	Гл.	ф ф’	с с’ ш		х (х’)
		Зв.	в в’	з з’ ж		
Сонорные	Носовые		м м’	н н’		
	Боковые			л л’		
	Дрожащие			р р’		
	Скользящие				j	

П р и м е ч а н и е: В скобках указаны фонемы, выделяемые не всеми фонологами.

Фонемы /ч/, /д͡ж/, /ш/, /ж/, характеризуемые признаком двухфокусности (шипящие), а также фонема /j/ не участвуют в противопоставлении по палатализованности.

2.1.2. Словесное ударение относят к силовому (динамическому) типу, хотя при восприятии ударного слога наряду с интенсивностью играет роль продолжительность гласного, относительная высота тона и тембровые характеристики. Болгарское ударение является разноместным и — во многих словообразовательных и некоторых словоизменительных разрядах — подвижным. В каждой словоформе и акцентной парадигме место ударения определяется взаимодействием морфологических и морфонологических факторов, а некоторые формы и словообразовательные типы характеризуются постоянной ударностью или безударностью соответствующих морфем. В ряде случаев встречаются минимальные пары слов (*въ́лна* ‘шерсть’ — *вълна́* ‘волна’) и грамматических форм (*пи́шете* ‘вы пишете’ — *пише́те* ‘пиши́те!’), различающихся — при одинаковом фонемном составе — местом ударения. Существует второстепенное (более

слабое) ударение (например, в некоторых сложных словах); имеются также случаи, когда словоформа несет два ударения, примерно одинаковых по силе (в частности, формы сравнительной и превосходной степени, см. 2.3.5.). В качестве особой разновидности дополнительного ударения может рассматриваться обязательное увеличение длительности конечного гласного в форме имени, функционирующей как обращение. Существуют проклитики (односложные и некоторые многосложные предлоги и союзы, частицы *ще*, *да* и др.) и энклитики (так называемые краткие формы личных местоимений, возвратная частица в глаголе, формы настоящего времени глагола *бъда* ʽбыть’, вопросительная частица *ли* и др.).

2.1.3. Важнейшие позиционно обусловленные модификации гласных связаны с редукцией (или «полуредукцией») в неударном слоге: широкие гласные /а/, /о/, /е/ в той или иной мере сужаются, а узкие /ъ/, /у/, /и/ — в значительно меньшей степени — расширяются, так что безударные реализации тех и других оказываются попарно сближенными, а иногда и совпадающими. Так, вместо [а] и [ъ] «полного» стиля произношения в разговорном стиле в первом предударном слоге произносится без различия [ʌ], а в остальных предударных и заударных слогах [ə] (отличное по тембру от ударного [ъ]). Соответственно вместо [о] ударного слога в безударном звучит [ọ] (закрытое), и допускается как факультативный произносительный вариант [у]: *вода* [вọда́] и [вуда́]. Таким образом, в этих случаях можно говорить о нейтрализации противопоставления /а/ : /ъ/ и факультативной нейтрализации противопоставления /о/ : /у/. Впрочем, в третьей паре /е/ : /и/ сближение реализаций не доходит (в рамках допустимого в литературном языке) до совпадения звучания. В «полном» стиле произношения, при пении, скандировании и т. д., допускается лишь сравнительно небольшая степень редукции («полуредукция»), так что все шесть гласных фонем отчетливо разграничиваются и в безударном слоге.

В области согласных имеют место позиционно обусловленные и не зависящие от стиля произношения обязательные модификации:

1) оглушение звонких шумных перед глухими и на конце слова: *градът* [градъ́т] ʽгород’ (членная форма) — *градче* [гратче́] ʽгородок’ — *град* [гра́т] ʽгород’;

2) озвончение глухих шумных перед звонкими: *сватосвам се* [свато́свам се] ʽсвататься’ (словарной формой болгарского глагола является форма 1-го лица единственного числа настоящего времени) — *сватба* [сва́дба] ʽсвадьба’, *страх* [страх] ʽстрах’ — *страх го е* [стра́γ го е] ʽему страшно’;

3) отвердение мягких (палатализованных) на конце слова и перед согласным: *другарю* [друга́р’у] ʽтоварищ’ (звательная форма) — *другар* [друга́р] ʽтоварищ’ — ж. р. *другарка* [друга́рка]. Парные твердые и мягкие согласные противопоставлены только в положении перед гласными непереднего ряда /а/, /ъ/, /о/, /у/, тогда как перед /е/, /и/ выступают «полумягкие», фонологически трактуемые как позиционные варианты твердых (исключение составляют заднеязычные, которые перед /е/, /и/ оказываются не «полумягкими», а мягкими). Перед /о/, /у/ согласные лабиализуются: *топ* [т°оп] ʽпушка’, *друм* [д°р°ум] ʽбольшая дорога’.

Фонема /н/ перед /г/, /к/ реализуется как заднеязычный носовой согласный: *сянка* [с’а́ŋка] ʽтень’, а перед фрикативными как фрикативный носовой: *онзи*

[óNзи] ʽтот’; соответственно и у фонемы /м/ есть фрикативный вариант (перед /в/, /ф/): *пламвам* [пла́Мвам] ʽвспыхивать’.

2.1.4. В Б.я., особенно в середине дву- и многосложных слов, преобладают открытые слоги; на конце слов и в односложных словах слог часто является закрытым. Наиболее распространенные структуры: CV (*зи́-ма* ʽзима’), CCV (*спя* ʽспать’), CVC (*зъб* ʽзуб’), CCVC (*стол* ʽстул’), встречаются также слоги, начинающиеся тремя согласными (*здра́-ве* ʽздоровье’), оканчивающиеся двумя (*кръст* ʽкрест’), состоящие из одного гласного (*у-ло-вя́* ʽпоймать’), а в заимствованных словах и более сложные типы (*сфинкс* ʽсфинкс’). Абсолютно не допускаются слоги, в которых сонорный был бы отделен от вершины слога шумным согласным. Отсюда появление вставных гласных в случаях типа *те-а́-тър* ʽтеатр’ (мн. ч. *те-а́-три*), *ми́-съл* ʽмысль’ (мн. ч. *ми́-сли*), *мъ-гла́* ʽмгла’, *лъ-же́ц* ʽлжец’. Ср. также трактовку интервокальных групп с сонорным: группа «сонорный + шумный» обязательно разбивается слоговой границей (*мом-че́* ʽмальчик’, *ча́н-та* ʽсумка’, *би́л-ка* ʽлекарственное растение’, *бор-ба́* ʽборьба’, *ма́й-ка* ʽмать’), а группа «шумный + сонорный» чаще не разбивается (*я-дро́* ʽядро’, *ле́-сно* ʽлегко’, *по-здра-вя́* ʽпоздравить’, *се-стра́* ʽсестра’), как и сочетание двух шумных (*зве-зди́* ʽзвёзды’, *ма-сти́-ло* ʽчернила’). Приставки, оканчивающиеся согласным, могут произноситься как отдельный слог (*без-до́-мен* наряду с *бе-здо́-мен* ʽбездомный’), но перед корнем, начинающимся с гласного, всегда разбиваются слоговой границей (*бе-зо-гле́-ден* ʽбезоглядный’).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Границы морфемы и слога в большинстве случаев не совпадают. Морфемы могут быть односложными (приставка *на-*), многосложными (корни *работ-* ʽработ-’, *говор-* ʽговор-’, *пеперуд-* ʽбабочк-’), меньшими, чем слог, т. е. состоящими из одного согласного (суффикс *-к-* в *скио́рка* ʽлыжница’), и нулевыми (нулевое окончание общей формы единственного числа существительных мужского рода). При словообразовании и словоизменении соотношение морфемной и слоговой границы очень часто меняется. Далеко не все морфемы обладают постоянным фонемным составом, чаще морфема бывает представлена несколькими вариантами, различающимися по составу фонем и связанными разнообразными чередованиями (см. 2.2.3.). Морфемы характеризуются также определенными супрасегментными свойствами: ударностью/безударностью, воздействием на ударение словоформы и на появление чередований в соседних (как правило, предшествующих) морфемах. На стыках морфем, следующих после корня, типичны явления фузии (ср. *вол* ʽвол’ — *во́лски* ʽволовий’, но *юна́к* ʽмолодец’ — *юна́шки* ʽмолодецкий’, *мъж* ʽмужчина’, ʽмуж’— *мъ́жки* ʽмужской’, *Бурга́с*, название города — *бурга́ски* ʽбургасский’), встречаются асемантические «прокладки» (*март* ʽмарт’ — *ма́ртенски* ʽмартовский’). Предкорневая морфема (префикс) и начало корня в большей мере сохраняют свой звуковой облик, хотя регрессивная ассимиляция по глухости/звонкости (и ассимиляция свистящего шипящему) имеет место и здесь: *изнеса́* ʽвынести’, но *и*[с]*ка́жа* ʽвысказать’, *и*[ж]*живе́я* ʽпрожить’ (орф. *изкажа*, *изживея*), как и в группе «предлог + знаменательное слово». Отметим также своего рода гармонию гласных — приспособление гласного постпозитивного члена к гласному, стоящему на конце соответствующей общей формы (независимо от рода): член *-то* в *дя́дото* ʽдед’ (членная форма), *аташе́то*

ʽатташе’ (членная форма) — член *-та* в *бащáта* ʽотец’ (членная форма), *роднúната* ʽродственник’ (членная форма), а также в формах множественного числа на *-а*: ср. р. *селáта* ʽсёла’ (членная форма), м. р. *练кракáта* ʽнóги’ (членная форма).

2.2.2. В фонологических характеристиках морфем и слов не прослеживается сколько-нибудь отчетливая связь со смысловыми или морфологическими группировками. Можно указать лишь на общую тенденцию служебных слов к меньшей степени ударности и к меньшей средней протяженности по сравнению со знаменательными словами (так, однофонемные слова представлены только среди предлогов и союзов, а также среди междометий; в числе служебных слов многие являются энклитиками или проклитиками). В междометиях встречаются звуки, не входящие в инвентарь фонем (например, щелкающий согласный в междометии, выражающем удивление, сожаление или несогласие и обозначаемом на письме как *цъ* или *ц-ц-ц*).

2.2.3. Важнейшие исторические чередования гласных — это чередования:

— «беглых» (и «вставных») /е/ и /ъ/ с нулем: *ден* ʽдень’ — мн. ч. *дни*, *стáрец* ʽстарик’ — мн. ч. *стáрци*, *слáдък* ʽсладкий’ — наречие *слáдко*; «вставные»: *пéсни* ʽпесни’ — ед. ч. *пéсен*, *бля́скав* ʽблестящий’ — *бля́сък* ʽблеск’;

— /е/ ~ /о/ в суффиксах (*рáдост* ʽрадость’ — *гóрест* ʽгоресть’, *Вáзов*, имя собственное — *Бóтев*, имя собственное), окончаниях (*врагoвé* ʽвраги’ — *боевé* ʽбои’) и соединительной морфеме сложных слов (*водорóд* ʽводород’ — *въглерóд* ʽуглерод’);

— старые чередования аблаутного происхождения в корнях глаголов и отглагольных существительных: *берá* ʽбрать’ — *сбор* ʽсбор’ — *събúрам* ʽсобирать’, *лежá* ʽлежать’ — *слóжа* ʽположить’ — *слáгам* ʽкласть’ и многие другие разновидности.

Важнейшие исторические чередования согласных — это чередования:

— заднеязычных /г/, /к/, /х/ с шипящими /ж/, /ч/, /ш/ и свистящими /з/, /ц/, /с/: *мнóго* ʽмного’ — *мнóжество* ʽмножество’ — *мнозúна* ʽмногие’, *ръкá* ʽрука’ — *ръ́чен* ʽручной’ — *ръцé* ʽрýки’, *сиромáх* ʽбедняк’ — *сиромашúя* ʽбедность’ — *сиромáси* ʽбедняки’;

— переднеязычных взрывных /т/, /д/ с группами /шт/, /жд/: *плáта* ʽплата’ — *плáщам* ʽплачý’, *вúдиш* ʽвидишь’ — *вúждам* ʽвижу’;

— свистящих с шипящими: *писмó* ʽписьмо’ — *пúша* ʽпишу’, *стáрец* ʽстарик’ — звательная форма *стáрче* и т. п.;

— твердых с соответствующими мягкими: *женá* ʽжена’ — *жéня* ʽженить’, *мя́сто* ʽместо’ — *мéстя* ʽперемещать’.

Есть важные исторические чередования, затрагивающие и гласные, и согласные. Это чередования:

— мягкий согласный + /а/ ~ твердый согласный + /е/: *ля́то* ʽлето’ — *лéтен* ʽлетний’, *бря́г* ʽберег’ — *брегoвé* ʽберега’ (связано с так называемой частичной перегласовкой праславянского «ять»);

— плавный + /ъ/ ~ /ъ/ + плавный: *грък* ʽгрек’, *гръ́цки* ʽгреческий’ — *гъркúня* ʽгречанка’, *Гъ́рция* ʽГреция’, *млък* ʽцыц, молчать’ (междометие), *млъ́кна* ʽумолкнуть’ — *мълчá* ʽмолчать’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Морфологический строй современного Б.я. характеризуется тесным переплетением аналитических и синтетических способов выражения грамматических

значений. Аналитические способы наиболее последовательно используются в системе имени. На фоне иной типологической картины, характерной для большинства славянских языков, а также и для древнеболгарского, аналитизм составляет наиболее яркую специфическую особенность новоболгарского языкового типа. Однако и синтетические формы представлены очень широко, в первую очередь в спряжении и в системе личных местоимений, причем преобладают формы, характеризуемые флективно-фузионной тенденцией. В ограниченных пределах встречаются агглютинативные тенденции (например, при образовании относительных местоимений с суффиксом релятивизации *-то*, см. 2.4.0.). Характерно использование смешанных, переходных образований: аналитико-флективных (постпозитивный артикль, квалифицируемый как «подвижная флексия», см. 2.3.6.) и аналитико-агглютинативных (степени сравнения с отделимыми препозитивными частицами *по-* и *най-*; см. 2.3.5.).

2.3.1. Выделяются части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, предикатив, наречие, междометие, предлог, союз, частица. Каждая из них обладает своими синтаксическими функциями, категориальным значением, специфическими грамматическими формами (кроме неизменяемых частей речи) и наборами словообразовательных средств, см. 2.3.7.

2.3.2. Грамматическая категория р о д а выступает как классификационная у имен существительных и как формообразовательная у имен прилагательных, причастий, некоторых разрядов местоимений и некоторых числительных. По своей функции категория рода представляет собой систему согласовательных классов. При этом согласование в роде имеет место почти исключительно в рамках единственного числа (*ширóк булевáрд* ʽширокий бульвар’ — *той* ʽон’, *ширóка ýлица* ʽширокая улица’ — *тя* ʽона’, *ширóко полé* ʽширокое поле’ — *то* ʽоно’), так как в адъективной и прономинальной формообразовательной парадигме различие по роду во множественном числе отсутствует (*ширóки булевáрди*, *ýлици*, *полéта* ʽширокие бульвары, улицы, поля́’ — *те* ʽони’). Числительное ʽдва’ (а также ʽдвадцать два’ и т. п.) имеет отдельные формы для мужского (*два*) и для женского и среднего рода (*две*): *два нóса* ʽдва носа’ — *две ръцé* ʽдве руки’, *две ушú* ʽдва уха’.

У существительных, обозначающих людей (и некоторых животных), грамматический род связан с полом, однако есть личные существительные не только мужского и женского, но и среднего рода: *детé* ʽребёнок’, *лúбе* ʽлюбимый’ и ʽлюбимая’, уменьшительные типа *момчé* ʽмальчик’. Есть также существительные мужского рода, применяемые по отношению к женщинам (*човéк* ʽчеловек’, *инженéр* ʽинженер’), и общего рода, допускающие двоякое согласование в мужском или женском роде в зависимости от пола обозначаемого лица (*далéчен роднúна* ʽдальний родственник’ — *далéчна роднúна* ʽдальняя родственница’). Распределение неличных существительных между мужским, женским и средним родом находится в известном (но не во всех случаях строгом и однозначном) соответствии с их внешней формой (см. 2.4.0.). Вне категории рода стоят pluralia tantum (*гáщи* ʽштаны’).

Отмечаются различия между личными и всеми прочими существительными при выражении количественных отношений: личные существительные мужского рода практически не образуют так называемой счетной формы (см. 2.3.3.) и сочетаются со специальными лично-мужскими формами числительных (см. 2.3.7.).

2.3.3. Грамматическая категория ч и с л а представлена у имен существительных, субстантивных местоимений и — как согласовательная категория — у прилагательных, адъективных местоимений и глаголов противопоставлением форм единственного и множественного числа (см. 2.4.0.). У существительных мужского рода (кроме некоторых разрядов) наряду с формами множественного числа выделяется специальная «счетная форма» (болг. бро́йна фо́рма), используемая в сочетании с количественным числительным от двух и выше (в частности, и с местоименным числительным): *де́сет дво́ра* ‛десять дворов’, *ня́колко дво́ра* ‛несколько дворов’ (ср. мн. ч. *дворо́ве* ‛дворы’).

2.3.4. В современном литературном языке п а д е ж как живая морфологическая категория представлен только у ряда субстантивных местоимений (см. 2.4.0.). За пределами этого класса слов выражение падежных значений осуществляется различными внепадежными способами.

Синтаксические отношения между предикатом и его актантами выражаются: 1) падежными и внепадежными средствами флективной морфологии — падежными формами субстантивных местоимений и формами согласования в сказуемом; 2) служебными словами — некоторыми предлогами и выступающими в служебной функции (в случае так называемой местоименной репризы) энклитическими формами личных местоимений; 3) порядком слов.

Главной формальной приметой подлежащего является согласование с ним сказуемого в числе (и лице), а при использовании в сказуемом слов, изменяемых по роду, и в роде. Если подлежащее выражено субстантивным местоимением (личным или относящимся к лицу), это местоимение ставится в именительном падеже. Ср. *Той* (им. п.) *оби́ча* (3 л. ед. ч.) *деца́та* ‛Он любит детей’.

Все дополнения отграничиваются от подлежащего отсутствием согласования в сказуемом. Прямое дополнение маркируется также постановкой — если оно выражено субстантивным местоимением (личным или указывающим на лицо) — в винительном падеже без предлога (*Ива́н оби́ча те́бе* или *Ива́н те оби́ча* ‛Иван любит тебя’) или с помощью местоименной репризы, т. е. добавления энклитической формы винительного падежа личного местоимения, согласованной с прямым дополнением в числе и в роде (*Ива́н оби́ча живо́та* ‛Иван любит жизнь’ — *Ива́н я* (вин. п. ж. р. ед. ч.) *оби́ча приро́дата* ‛Иван любит природу’ — *Ива́н ги* (вин. п. мн. ч.) *оби́ча деца́та* ‛Иван любит детей’).

Косвенное дополнение со значением адресата действия маркируется предлогом *на* (у субстантивных местоимений — в сочетании с полной формой винительного падежа), или выражается энклитической (реже полной) формой дательного падежа местоимения, либо сопровождается, в случае репризы, такой энклитической формой, согласуемой с адресатным дополнением в числе и в роде: *Ка́звам на Ива́н, на не́го* (вин. п. м. р. ед. ч.) ‛Говорю Ивану, ему’, также *Ка́звам му* (дат. п. м. р. ед. ч.), *Ка́звам му на Ива́н*; *Ка́звам ѝ* (дат. п. ж. р. ед. ч.) *на Мари́я* ‛Говорю Марии, ей’; *Ка́звам им* (дат. п. мн. ч.) *на деца́та* ‛Говорю детям, им’.

Другие косвенные дополнения маркируются предлогами (у субстантивных местоимений — в сочетании с полной формой винительного падежа), например, *с* (*със*) (инструментальное дополнение: *пи́ша с мо́лив* ‛пишу карандашом’), *от* (дополнение, соответствующее агенсу при страдательном залоге: *подпи́сано от дире́ктора* ‛подписано директором’).

Атрибутивные отношения выражаются 1) адъективными словами, согласуемыми с определяемым в числе и роде; 2) предложными сочетаниями, выступающими как несогласуемое определение; 3) некоторыми другими типами несогласуемых определений.

Качественные атрибуты используют все три способа выражения: 1) *ю́жен гра́д* ʽюжный город', *свенли́ва дево́йка* ʽзастенчивая девушка', *ху́баво гро́зде* ʽхороший виноград', *ма́лки деца́* ʽмалые дети'; 2) *лъх на пролетта́* ʽдыхание весны', *чора́пи от на́йлон* ʽноски из нейлона', *сре́ща с друга́ри* ʽвстреча с товарищами'; 3) *заме́стник-дире́ктор* ʽзаместитель директора', *огъ́рлица-би́сер* ʽожерелье из жемчуга' (аппозитивные сочетания, превращающиеся в сложное слово).

Посессивные атрибуты в целом распределяются по тем же трем типам: 1) тип с притяжательным местоимением, согласующимся в числе и роде с объектом обладания и одновременно указывающим на лицо, число и пол (или грамматический род) обладателя (*мо́ят бащ́а* ʽмой отец', *не́говата ма́йка* ʽего мать', *не́йното дете́* ʽее ребёнок', *те́хните роди́тели* ʽих родители') или с притяжательным прилагательным (*Ива́новият си́н* ʽсын Ивана', *се́стрината дъщеря́* ʽдочь сестры'); 2) сочетание с предлогом *на*: *синъ́т на Ива́н* ʽсын Ивана', *библиоте́ката на университе́та* ʽбиблиотека университета'; 3) энклитическая форма дательного падежа личного местоимения (традиционно рассматриваемая как «краткая форма притяжательного местоимения»): *ма́йка ми* ʽмоя мать', *баща́ му* ʽего отец', *земя́та ни* ʽнаша земля', *кни́гите им* ʽих книги'.

Обстоятельственные отношения выражаются 1) наречиями, 2) предложными сочетаниями, 3) придаточными предложениями. Ср., например, выражение обстоятельств времени: *Дойдо́х къ́сно* ʽЯ пришёл поздно', *Дойдо́х след о́бед* ʽЯ пришёл после обеда', *Дойдо́х след като ме пока́ниха* ʽЯ пришёл после того, как меня пригласили'. В редких случаях используются деепричастные конструкции, носящие несколько книжный характер: *Той вървe̋ше ба́вно из за́лата, разгле́ждайки карти́ните* (более обычно — придаточное предложение: *...като разгле́ждаше...*) ʽОн медленно шёл по залу, рассматривая картины'.

2.3.5. Семантико-грамматические разряды глаголов, получающие морфологическое выражение: 1) личные/безличные различаются составом парадигмы лица, числа и рода. Безличные (*съ́мва* ʽсветает', *върви́ (му)* ʽ(ему) везёт') имеют только 3-е лицо единственного числа и только средний род: *съ́мвало* ʽсветало' (пересказывательная форма), *вървя́ло (му)* ʽ(ему) везло' (пересказывательная форма); 2) невозвратные/прямовозвратные/косвенно-возвратные различаются отсутствием/наличием возвратной частицы и ее формой: *се* (прямовозвратная форма) или *си* (косвенно-возвратная форма). Ср. *ми́я* ʽмыть' — *ми́я се* ʽмыться', *оти́да* ʽуйти' — *оти́да си* ʽуйти восвояси'; также с взаимным значением: *те́ се оби́чат* ʽони любят друг друга', *те́ си пома́гат* ʽони помогают друг другу'; 3) предельные/непредельные различаются тем, что предельные, как правило, образуют видовые пары (*дам*/*да́вам* ʽдать/давать'), а непредельные (*и́мам* ʽиметь') принадлежат только к несовершенному виду.

Древнее различие «однонаправленных» и «ненаправленных» глаголов перемещения (типа русских *нести* — *носить*) в Б.я. утрачено: *но́ся* ʽнести' и ʽносить', *летя́* ʽлететь' и ʽлетать' и т. д. Нет разряда многократных глаголов (кроме глагола *би́вам* ʽбывать'), значение многократности получает выражение (в разных комбинациях с другими значениями) с помощью вида.

В категории з а л о г а противопоставлены: актив (действительный залог) и пассив (страдательный залог). Актив является исходным. Пассивное значение выражается 1) страдательным причастием: *да́ден* ʽданный’, *да́ван* ʽдаваемый’, ʽдававшийся (кем-то)’; 2) финитными аналитическими формами глагола, образованными сочетанием страдательного причастия со вспомогательным глаголом *съм*: *да́ден е* ʽдан’, *да́ван е* ʽдается (кем-то)’; 3) финитными формами с возвратной частицей *се*: *да́ва се* ʽдается (кем-то)’, *да́де се* ʽбыл дан’, ʽдали’, *да́ваше се* ʽдавался (кем-то)’; эти формы, часто омонимичные возвратным глаголам, имеют акционально-пассивное значение. Финитные аналитические формы при несовершенном виде причастия также имеют акционально-пассивное значение, а при совершенном виде причастия могут получать, в зависимости от формы вспомогательного глагола и контекста, либо акционально-пассивное, либо статально-пассивное значение (значение «результатива»): *Той разбра́, че кола́та е счу́пена и по́сле попра́вена* ʽОн понял, что телега (была) сломана, а затем починена’. Имеется безличный пассив от непереходных глаголов: *По трева́та е хо́дено* ʽПо траве ходили (букв. ʽхожено’)’, *На те́зи годи́ни ве́че се пълне́е* ʽВ эти годы уже полнеют’.

Категория в и д а, противопоставляющая перфектив (совершенный вид) и имперфектив (несовершенный вид), выражается морфологическим составом и строением глагольной основы (см. 2.4.0.). Специфично очень последовательное развитие суффиксальной имперфективации, не сдерживаемое семантически обусловленными запретами. Виды различаются также 1) составом парадигмы глагола: от перфективных основ не образуются причастие презенса, деепричастие и глагольное существительное процессного значения, а также прохибитив; 2) функционированием одноименных форм: так, презенс несовершенного вида широко используется в значении действия, протекающего в момент речи, а презенс совершенного вида не может иметь этого значения и обычно выражает повторяющееся или потенциальное действие. Как и в подавляющем большинстве других славянских языков, глаголы совершенного вида абсолютно несоединимы с показателями фазовости, т. е. с глаголами и другими словами, обозначающими понятия ʽначать’, ʽпродолжать’, ʽкончить’.

Смысловые различия аспектуального порядка (т. е. содержательно относящиеся к области глагольного вида и взаимодействующие с противопоставлением перфективности и имперфективности) наблюдаются и между формами, входящими в систему глагольных времен — в первую очередь между аористом и имперфектом.

Схема видообразования глаголов

Исходный имперфектив	Производный перфектив (с приставкой или суф. *-н-*)	Вторичный имперфектив (с суф. *-ва*, *-а́ва*, *-а-* и др.)
пи́ша ʽписать’	*запи́ша* *подпи́ша* *напи́ша* и т. д.	*запи́свам* *подпи́свам* *напи́свам*
у́ча ʽучить’	*изу́ча* *нау́ча*	*изуча́вам* *науча́вам*
гле́дам ʽсмотреть’	*огле́дам*	*огле́ждам*
ма́хам ʽмахать’	*ма́хна*	*ма́хвам*

Исходный перфектив (без приставки)	Производный имперфектив (с суф. *-ва-*, *-áва-*, *-а-*, *-ýва-*)	Вторичный перфектив (может превращаться в биаспектив)
чýя ʻуслышатьʼ	*чýвам*	
мúна ʻпройтиʼ	*минáвам*	
вúдя ʻувидетьʼ	*вúждам*	
хвъ́рля ʻброситьʼ	*хвъ́рлям*	*захвъ́рлям* ʻначать бросатьʼ
кýпя ʻкупитьʼ	*купýвам*	*закупýвам* ʻначать покупатьʼ
сéдна ʻсестьʼ	*ся́дам*	3 л. мн. ч. *нася́дат* ʻрассесться по своим местам (о многих)ʼ

Категория в р е м е н и представлена в глаголе богатой системой временны́х форм. «Абсолютное» употребление, ориентирующее обозначаемое событие прямо по отношению к моменту речи, типично для презенса, будущего времени и аориста, в какой-то мере оно встречается в формах перфекта и имперфекта. «Относительное» употребление, ориентированное на промежуточную точку отсчета и уже только через нее на момент речи, возможно в определенном контексте для всех временны́х форм (ср. презенс в примере *Видя́х*, *че валú* ʻЯ увидел, что идёт дождьʼ — т. е. что в тот момент шел дождь); специализированными относительными временами являются плюсквамперфект, будущее предварительное, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем, в большинстве случаев имперфект («прошедшее одновременное» или «настоящее в прошедшем») и перфект (прошедшее, релевантное по своим последствиям для настоящего). Все временны́е формы образуются как в несовершенном, так и в совершенном виде, и многие из них выражают, помимо временны́х, те или иные видовые и модальные значения. Ряд особенностей характеризует систему видо-временны́х форм глагола ʻбытьʼ (см. 2.4.0.), причастно-страдательного спряжения, а также пересказывательного наклонения, в котором, в частности, совпадают формы, соответствующие презенсу и имперфекту изъявительного (примеры см. в 2.3.5.). Относительно-временны́е, или таксисные, значения предшествия и одновременности присущи, наряду с видовыми значениями, причастиям и деепричастию.

К трем общепризнанным н а к л о н е н и я м Б.я. — изъявительному, повелительному и условному — в последнее время обычно прибавляют пересказывательное («заглазное», или «комментатив»).

Изъявительное, повелительное и условное наклонения сходны с соответствующими наклонениями в других славянских языках. Однако в повелительном наклонении, кроме простых форм (императива), есть составные формы с запретительным значением — прохибитив: *недéй пúса* ʻне пишиʼ, *стúга пúса*, *стúга си пúсал* ʻхватит писатьʼ. В условном наклонении рядом с аналитическими формами (*бúх пúсал* ʻя писал быʼ и т. д.) есть употребляемые главным образом в народно-разговорном языке синтетические формы, образованные с помощью суффиксов, омонимичных суффиксам имперфективации или близких к ним, и личных окончаний презенса III спряжения и имперфекта: *я́двам* (или *я́двах*) ʻя ел быʼ, *седя́вам* ʻя сидел быʼ, *бóждам* ʻя колол быʼ, *напрáввам* ʻя сделал быʼ и т. п.

Пересказывательное наклонение служит для передачи чужого утверждения, для сообщения о чем-то, лично говорящим не наблюдавшемся и т. д.: *Той полýчил писмó* ʻОн, мол, получил письмоʼ, *Той пúшел нóв ромáн* ʻОн, дескать, пи-

шет (или писал тогда) новый роман’. Кроме того, оно служит и для подчеркнутого выражения удивления лично наблюдавшимся фактом (функция «адмиратива»): *Та ти́ си би́л ту́к!* ‘Да ты, оказывается, здесь!’. Генетически и по своей форме пересказывательное наклонение связано с перфектом, от которого оно отличается: 1) использованием, помимо причастия аориста (в одних формах), причастия имперфекта (в других), например, *пи́шел* в примере выше, а в некоторых формах, помимо причастия знаменательного глагола, еще и причастия вспомогательного глагола — *би́л*, *щя́л* (*ня́мало*): *И́скали били́ да се сре́щнат* ‘Они якобы хотят (или хотели) встретиться’, *Щя́л би́л да жъ́не* ‘Он утверждает, что будет жать (но этого не произойдет!)’; 2) опущением вспомогательного глагола *е*, *са* в 3-м лице единственного и множественного числа (в перфекте вспомогательный глагол, как правило, не опускается: *Той е полу́чил писмо́* ‘Он получил письмо’).

Модальные значения передаются также временны́ми формами (будущим в прошедшем, имперфектом и др.) и особенно сочетанием форм презенса или перфекта с частицей *да* (так называемая *да*-конструкция, или конъюнктив): *Да рабо́тим!* ‘Будем(те) трудиться!’, *Какво́ да пра́вя?* ‘Что мне делать?’, *Да не си́ оба́дил ни́кому!* ‘Смотри, никому не говори!’ и т. п. *Да*-конструкция служит также заменой вышедшего из употребления инфинитива: *мо́га да до́йда* ‘могу прийти’, *мо́жеш да до́йдеш* ‘можешь прийти’, *запо́чвам да пи́ша* ‘начинаю писать’; *Да ду́маш е ле́сно*, *да пра́виш е по́-мъ́чно* ‘Говорить легко, делать труднее’.

Интенсивность признака может быть выражена морфологически с помощью степеней сравнения не только у качественных прилагательных и наречий, но иногда также у слов других частей речи, если в значении этих слов содержится качественный элемент, допускающий варьирование по степени интенсивности. Сравнительная и превосходная степени маркируются прибавлением препозитивных частиц, соответственно *по́-* и *на́й-*, всегда сильно ударных, к исходной форме, также сохраняющей свое ударение: *ху́бав* ‘хороший’ — *по́-ху́бав* ‘лучший’ — *на́й-ху́бав* ‘самый лучший’, *добре́* ‘хорошо’ — *по́-добре́* ‘лучше’ — *на́й-добре́* ‘лучше всего’; *ма́йстор* ‘мастер’ — *по́ ма́йстор* ‘более мастер’ — *на́й ма́йстор* ‘самый большой мастер’; *оби́чам* ‘люблю’ — *по́ оби́чам* ‘больше люблю’ — *на́й оби́чам* ‘больше всего люблю’. Между частицей и словом, к которому она относится, в ряде случаев возможна вставка энклитики, вспомогательного глагола и т. п.: *По́ ми бе́ше жа́л за не́го* ‘Больше мне было жаль его’; *На́й си е на мя́стото…* ‘Наиболее уместно…’ и т. д.

2.3.6. Категория лица представлена в личных (и притяжательных) местоимениях и в глаголе. Она трехчленна (1-е, 2-е и 3-е лицо) и объединена с категорией числа. 3-е лицо единственного числа в местоимении и в глагольных формах, включающих причастие, дифференцируется также по роду (см. 2.4.0.). Инклюзив и эксклюзив не различаются, но форма 1-го лица множественного числа *да*-конструкции практически может иметь значение инклюзива (призыв к действию, совместному для говорящего и собеседника или собеседников): *Да върви́м!* ‘Пойдем(те)!’. 2-е лицо множественного числа, помимо своего прямого назначения, используется как форма официального обращения к одному лицу. Другие употребления: обобщенно-личное (во 2 л. ед. ч.: *Какво́то надроби́ш*, *това́ ще сърбаш* ‘Что накрошишь, то и будешь хлебать’), безличное (3 л. ед. ч. ср. р.: *Свечеря́-*

ва се 'Вечереет', *Ду́хало му от врата́та* 'Ему, мол, дует от двери'), неопределенно-личное (3 л. мн. ч. *ка́кто ка́зват* 'как говорят').

Категория о п р е д е л е н н о с т и характеризует именную группу (существительное, наличное или подразумеваемое, вместе с его возможными определениями). Определенность чаще всего является индивидуальной определенностью данного предмета мысли (идентифицируемого как уже известный, ранее названный, единственно возможный в данной ситуации и т. д.). Она может быть выражена не только лексико-синтаксическим или лексическим способом (употребление указательного местоимения или имени собственного), но и морфологически — с помощью определенного артикля, или члена, постпозитивно присоединяемого как «подвижный групповой оформитель» к первому по порядку слову именной группы: ср. *поле́то* 'поле (определенное)' — *широ́кото поле́* 'широкое поле' — *на́шето широ́ко поле́* 'наше широкое поле'. Соответственно у имен существительных, прилагательных и числительных, у притяжательных и некоторых других местоимений формы с определенным членом («определенные», или «членные») противостоят немаркированным («общим») формам (см. 2.4.0., 2.3.7.). Неопределенность (трактовка предмета мысли как «одного из многих») может быть специально подчеркнута употреблением неопределенного местоимения, а иногда постановкой при общей форме своего рода неопределенного артикля *еди́н* (*Какво́ и́скаш от една́ жена́, коя́то не оби́чаш!* 'Чего ты хочешь от женщины, которую не любишь!'), не получившего систематического развития. Особые случаи функционирования определенной формы — ее использование в генерализующей функции (*Чове́кът е гре́шен* 'Человек грешен') и в значении количественной определенности, соответствующей полному охвату некоторого множества (*вой́ни́ците от вто́ра ро́та* '(все) солдаты второй роты').

Противопоставление б л и з к о е / д а л е к о е выступает у указательных местоимений (см. 2.4.0.) и указательных местоименных наречий (*ту́к* или *ту́ка* 'здесь' : *та́м* 'там', также *сега́* 'теперь' : *тога́ва* 'тогда'); противопоставление значения пребывания, направительного и отложительного значений — у вопросительных, указательных и некоторых других местоименных наречий: *къде́* 'где?' — *накъде́* 'куда?' — *откъде́* 'откуда?'. Среди предлогов отложительное значение закреплено за предлогом *от*: *дале́ч от градá* 'далеко от города', *сва́лям от ма́сата* 'сбрасывать со стола', *изва́ждам от земя́та* 'извлекать из земли'. Однако для многих предлогов типично совмещение значений пребывания и направления: *Стоя́ при бо́лен* 'Нахожусь при больном' и *Оти́вам при бо́лен* 'Иду к больному'; *Живе́я към га́рата* 'Живу возле вокзала' и *Приближа́вам се към целта́* 'Приближаюсь к цели'; *Седя́ до стена́та* 'Сижу у стены' и *Пра́тиха до кума́* 'Послали к куму'; также *Живе́я в Со́фия* 'Живу в Софии' и *Оти́вам в Со́фия* 'Еду в Софию' и т. д., а для предлога *из* — совмещение отложительного значения (*изва́ждам хля́ба из пещта́* 'Вынимаю хлеб из печи') со значением разбросанного расположения в границах пространства (*Из гора́та и́ма мно́го гъ́би* 'В лесу много грибов') или движения внутри этих границ (*Разхо́ждам се из градá* 'Гуляю по городу').

Средства выражения о т р и ц а н и я. Отрицательная морфема, имеющая форму *не*, используется как: 1) словообразовательный префикс: *нездра́в* 'нездоровый, больной'; 2) препозитивная частица, присоединяемая к глаголу (*Тя́ не отгово́ри*

ʽОна не ответила’) и к словам других категорий (*Не́ все́ки мо́же така́* ʽНе каждый может так’) и отделяемая от знаменательного служебным словом (*Не би́х и́скал* ʽЯ не хотел бы’, *не́ с не́го* ʽне с ним’); 3) «эквивалент предложения», ответ на заданный вопрос и т. п. С глаголом *и́мам* ʽиметь’ и безличным *и́ма* ʽесть’, ʽимеется’ препозитивная отрицательная частица сливается, образуя глаголы *ня́мам* ʽне иметь’ и безличный *ня́ма* ʽнет’, ʽне существует’. В группе будущих времен обычно, а в повелительном наклонении — часто используются специальные отрицательные формы (см. 2.4.0.). В отрицательных предложениях принято плеонастическое (двойное и тройное) выражение отрицания (*Ни́кому ни́що не съм напра́вил* ʽЯ никому ничего не сделал’), но в парных конструкциях с *ни́... ни́* (*ни́то... ни́то*) повторение отрицания при глаголе не является обязательным (*Ни́ дъжд, ни́ сня́г ще вали́ = Ни́ дъжд, ни́ сня́г няма да вали́* ʽНи дождя, ни снега не будет’).

2.3.7. Части речи продразделяются на самостоятельные и служебные.

Самостоятельные части речи.

Имя с у щ е с т в и т е л ь н о е имеет категории рода, числа, определенности. Некоторые разряды существительных образуют в единственном числе звательную форму. Остатки падежных форм в той или иной мере еще использовались в языке XIX — первой половины XX в. (главным образом у некоторых личных существительных мужского рода), а сейчас встречаются лишь как архаизмы в отдельных застывших выражениях.

Имя п р и л а г а т е л ь н о е имеет категории числа, рода и определенности. Есть прилагательные, которые изменяются только по числам, но не по родам (*късметли́я* ʽсчастливый, -ая, -ое’, мн. ч. *късметли́и*), и редкие прилагательные, не получающие никаких окончаний (*е́кстра* — *е́кстра парче́* ʽотборный кусочек’). Качественные прилагательные образуют степени сравнения, как и другие слова с качественным значением.

Имя ч и с л и т е л ь н о е (количественное) характеризуется отсутствием морфологического единообразия. Все числительные имеют общие формы: *три* ʽтри’, *пет* ʽпять’, *се́дем* ʽсемь’, *сто* ʽсто’, *три́ста* ʽтриста’ и определенные формы: *три́те*, *петте́*, *седемте́*, *стоте́*, *три́стата*. Только числительные ʽодин’ и ʽдва’ (а также ʽдвадцать один’, ʽдвадцать два’ и т. п.) имеют формы рода: м. р. *еди́н* — ж. р. *една́* — ср. р. *едно́*, м. р. *два* — ж. р., ср. р. *две*. Немногие, например, *хиля́да* ʽтысяча’, *милио́н* ʽмиллион’ — имеют формы числа: *три́ хи́ляди* ʽтри тысячи’, *пе́т милио́на* ʽпять миллионов’. Специфичны некоторые специальные разряды числительных, в частности так называемые лично-мужские формы (*два́ма*, *пети́ма*, *седми́на* и др.), употребляемые при указании количества лиц, из которых хотя бы одно — мужского пола. Порядковые числительные (*пъ́рви* ʽпервый’, *вто́ри* ʽвторой’, *тре́ти* ʽтретий’, *пе́ти* ʽпятый’ и т. д.) обычно рассматриваются как прилагательные.

М е с т о и м е н и е. Личные местоимения имеют категории лица, числа, рода (только в 3-м лице единственного числа) и падежа (см. 2.4.0.). Категория падежа представлена и у других субстантивных местоимений (возвратных, вопросительных, неопределенных, отрицательных и относительных), поскольку они относятся к лицам. Субстантивные местоимения, относящиеся к не-лицам, и все несубстантивные не изменяются по падежам. Адъективные местоимения (притяжательные,

указательные, вопросительные и др.) изменяются, подобно прилагательным, по числам и в единственном числе по родам, а притяжательные и некоторые определительные (*цял* ʻвесьʼ, ʻцелыйʼ, *сам* ʻсамʼ), кроме того, образуют определенные формы. Местоимения-числительные и местоименные наречия неизменяемы.

Г л а г о л характеризуется категориями вида, залога, в финитных формах — также наклонения, времени и согласовательными категориями лица, числа и (в аналитических формах, использующих причастия) рода. Система глагола включает также следующие нефинитные формы: 1) четыре причастия, которые противопоставляются друг другу по значениям залога, вида и таксиса (относительного времени), изменяются по числам и родам и (за исключением причастия имперфекта) образуют определенные формы; причастие имперфекта используется только в составе некоторых аналитических времен пересказывательного наклонения и определенных форм не образует; 2) деепричастие; 3) глагольное существительное процессного значения (способное, в отличие от других типов существительных, производных от глаголов, управлять прямым дополнением: *прибúране рекóлтата* ʻсобирание урожаяʼ); 4) инфинитив, используемый крайне ограниченно, в основном в составе прохибитива с *недéй*. Образование глагольных форм описано в 2.4.0.

Неглагольный п р е д и к а т и в, выделяемый как часть речи некоторыми грамматистами, объединяет предикативные (преимущественно безлично-предикативные) слова с аналитическим формообразованием типа *стрáх (ме) е* ʻ(мне) страшноʼ, *жáл (ми) е* ʻ(мне) жальʼ, *мъ́чно (му) е* ʻ(ему) трудноʼ, *грехотá е* ʻгрехʼ, *къ́сно е* ʻпоздноʼ, *вúдело е* ʻсветлоʼ. Знаменательная часть такого предикатива подобна и часто омонимична существительному (*страх*), наречию (*къ́сно*), прилагательному в форме среднего рода (*мъ́чно*), но в ряде случаев омонимии нет (так, *грехотá* не употребляется как существительное). С глаголом неглагольный предикатив сближается исключительным использованием в предикативной функции, ролью по отношению к актантам и категориями времени и наклонения. Отдельную группу составляют предикативы, которые употребляются с подлежащим, но знаменательная часть которых не согласуется с ним в роде и в числе и остается неизменяемой: *той е добрé* ʻон здоров и благополученʼ, *тя е добрé* ʻона здорова и благополучнаʼ, *те са жúво и здрáво* ʻони живы и здоровыʼ.

Качественные н а р е ч и я имеют степени сравнения, см. 2.3.5.

М о д а л ь н ы е с л о в а: *да* ʻдаʼ, *не* ʻнетʼ, *сúгурно* ʻнаверноʼ, ʻвероятноʼ, *мóже би* ʻможет бытьʼ, *ся́каш* ʻкак будтоʼ, ʻсловноʼ неизменяемы.

М е ж д о м е т и я неизменяемы. Некоторые способны быть сказуемыми (*пля́с по гърбá* ʻхлоп по спинеʼ).

С л у ж е б н ы е части речи. Традиционно выделение предлогов, союзов и не вполне отчетливо отграничиваемой категории частиц. Артикль (определенный), являясь в Б.я. подвижным постпозитивным аффиксом, не выделяется в качестве части речи; неопределенный артикль, на статус которого могло бы претендовать слово *едúн* (см. 2.3.6.), не получил систематического развития. Правомерным являлось бы выделение в качестве служебных частей речи 1) связочных и вспомогательных глаголов, 2) энклитических личных местоимений, когда они, в случаях местоименной репризы, выступают в отчетливо служебной функции (см. 2.3.4.), 3) «союзных слов», т. е. относительных местоимений и местоименных наречий.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

<table>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">Формы, образуемые от основы существительного</td><td rowspan="2">М. р.</td><td colspan="2">Ж. р.</td><td colspan="2">Ср. р.</td></tr>
<tr><td>тип А</td><td>тип Б</td><td>тип А</td><td>тип Б</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Общая</td><td>ед. ч.</td><td>-∅</td><td>-а (-я)</td><td>-∅</td><td>-о, -е</td><td>-∅</td></tr>
<tr><td>мн. ч.</td><td>-и, -ове</td><td colspan="2">-и</td><td>-а (-я)</td><td>-та</td></tr>
<tr><td>Звательная</td><td>ед. ч.</td><td>-е</td><td>-о</td><td>= общая форма</td><td colspan="2">= общая форма</td></tr>
<tr><td>Счетная</td><td></td><td>-а (-я)</td><td colspan="2">= общая форма</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Определенная (образуется от общей формы прибавлением постпозитивного члена)</td><td>ед. ч.</td><td>-/ът/, -/ъ/ орф. -ът (-ят), -а (-я)</td><td>-та</td><td>-та́</td><td colspan="2">-то</td></tr>
<tr><td>мн. ч.</td><td>-те</td><td colspan="2">-те</td><td colspan="2">-та</td></tr>
</table>

П р и м е ч а н и е: В таблице приведены важнейшие флексии имени существительного. Знаком ударения здесь и далее отмечены показатели, всегда несущие ударение.

У существительных мужского рода общая форма единственного числа с нулевой флексией оканчивается на согласный: *сват* ʽсват’, *нож* ʽнож’, *час* ʽчас’, *бой* ʽбой’, *наро́д* ʽнарод’, *учени́к* ʽученик’. У ряда личных существительных выступают другие флексии: *-а* (*бащá* ʽотец’, *съдия́* ʽсудья’), *-о* (*дя́до* ʽдед’).

Окончание *-ове* представлено в общей форме множественного числа у большинства односложных существительных: *сва́тове*, *ножо́ве*, *часове́* (есть вариант *-еве*: *боеве́*), а также у некоторых многосложных: *подти́пове* ʽподтипы’, *бодига́рдове* ʽтелохранители’; *-и* — главным образом у многосложных: *наро́ди* ʽнароды’, *учени́ци* ʽученики’ (чередование в основе), *бащи́* ʽотцы’, *съди́и* ʽсудьи’. Другие флексии: *-овци* (*-евци*) у некоторых типов личных существительных (*дя́довци* ʽдеды́’, *Или́евци* — мн. ч. от *Или́я*), *-á* (*кракá* ʽно́ги’ — ед. ч. *крак*), *-é* (*мъжé* ʽмужчины’, ʽмужья’ — ед. ч. *мъж*) и др.

Примеры звательных форм единственного числа существительных мужского рода: *сва́те!* ʽсват!’, *наро́де!* ʽнарод!’; также *-о* (*учени́ко!* ʽученик!’), -/у/ (орф. *-ю*): *друга́рю!* ʽтоварищ!’. Ударение всегда на основе, но во флексии имеет место некоторое удлинение гласного (см. 2.1.2.).

Примеры счетных форм существительных мужского рода: *(три́) но́жа* ʽ(три) ножа’, *(пе́т) ко́ня* ʽ(пять) лошадей’ (общ. форма ед. ч. *кон*). Ударение всегда на основе.

Показатели определенных форм единственного числа существительных мужского рода могут быть ударными (*часъ́т* или *часа* /часъ́/ ʽчас’, *денят* /ден’ъ́т/ или *деня* /ден’ъ́/ ʽдень’) и неударными (*но́жът* или *но́жа* ʽнож’, *друга́рят* или *друга́ря* ʽтоварищ’). В разговорном языке и поэзии употребление формы с конечным *-т* («полной») факультативно. Но для письменного прозаического текста принято искусственное правило, требующее синтаксического разграничения: формы с *-т* употребляются в функции подлежащего или именной части сказуемого, а также приложения к ним (*орéлът лети́* ʽорёл летит’), формы без *-т* — в остальных случаях (*ви́ждам орéла* ʽвижу орла’).

У редких существительных мужского рода, общая форма множественного числа которых оканчивается на *-а*, в определенной форме множественного числа вместо *-те* используется *-та*: *craка́та* ʽно́ги'.

Примеры существительных женского рода типа А: *жена́* ʽжена', ʽженщина', *земя́* ʽземля', *ни́ва* ʽнива', *ста́я* ʽкомната'. К этому же типу принадлежат существительные общего рода: *родни́на* ʽродственник' и ʽродственница'.

Звательные формы существительных женского рода типа А: *се́стро!* ʽсестра!', *зе́мьо!* ʽземля' и т. п. Есть также окончание *-е* (*Мари́йке!* ʽМарийка!'). Ударение и удлинение конечного гласного — как в мужском роде.

Формы существительных женского рода типа Б с нулевой флексией в общей форме единственного числа оканчиваются на согласный: *нощ* ʽночь', *пе́сен* ʽпесня', *лой* ʽжир', ʽсало'. В определенной форме единственного числа член всегда получает ударение (*нощта́* и т. п.).

Флексия множественного числа существительных женского рода *-и* может быть ударной и неударной (причем ударение на флексии или на основе обычно совпадает с единственным числом): *жени́*, *земи́*, *ни́ви*, *ста́и*, *но́щи*, *пе́сни*. Из других флексий: *-е́* (*ръце́* ʽру́ки' — ед. ч *ръка́*).

Примеры существительных среднего рода типа А: *се́ло* ʽсело́', *писмо́* ʽписьмо', *дру́жество* ʽобщество', *лице́* ʽлицо', *ло́зе* ʽвиноградник'. Во множественном числе ударение в одних словах переносится с основы на флексию (*села́*, *лозя́*), в других сохраняется на том же слоге — на основе (*дру́жества*) или на флексии (*писма́*, *лица́*). Другие флексии множественного числа: *-и* — *очи́* ʽглаза' (ед. ч. *око́*), *уши́* ʽуши' (ед. ч. *ухо́*), также у субстантивированных прилагательных типа *живо́тни* ʽживотные' (ед. ч. *живо́тно*); *-ия* — *хо́дения* ʽхождения' (ед. ч. *хо́дене*) и др.

У существительных среднего рода типа А, общая форма множественного числа которых оканчивается на *-и*, в определенной форме множественного числа вместо *-та* используется *-те*: *очи́те*, *уши́те*, *живо́тните*.

Формы существительных среднего рода типа Б с нулевой флексией оканчиваются на *-е* (сохраняющееся во множественном числе перед флексией *-та*): *а́гне* ʽягненок' (мн. ч. *а́гнета*), *момче́* ʽмальчик' (мн. ч. *момче́та*) и, у заимствованных существительных среднего рода, на *-и*, *-у* (орф. также *-ю*): *такси́* ʽтакси' (мн. ч. *такси́та*), *бижу́* ʽукрашение' (мн. ч. *бижу́та*), *меню́* ʽменю' (мн. ч. *меню́та*).

П р и л а г а т е л ь н ы е

Ед. число				**Мн. число**
М. р.		Ж. р.	Ср. р.	
тип А	тип Б			
Общая форма (образуется от основы)				
-∅	*-и*	*-а* (*-я*)	*-о*, *-е*	*-и*
Определенная форма (= общая форма + постпозитивный член)				
-ият/*-ия*	*-ят*/*-я*	*-та*	*-то*	*-те*

Прилагательные типа А: *млад* ʽмолодой', *син* ʽголубой'; определенная форма *мла́дия(т)*, *си́ния(т)*. В единственном числе встречается также флексия *-и*, как в

типе Б, но только при использовании прилагательного в функции обращения или определения к обращению (*Млáди мóмко!* ʽМолодой человек!’) и в застывших формулах (*Сúни вúр*, топоним).

Прилагательные типа Б: *български* ʽболгарский’, *птúчи* ʽптичий’, *пéти* ʽпятый’ и с ударением на флексии: *деловú* ʽделовой’; определенная форма *бъ́лгарския(т)* и т. д.

В женском роде написание *-я* имеет место после основ на мягкий согласный: *сúня* ʽголубая’ (в общих формах мужского рода имеет место отвердение в конечной позиции, см. 2.1.3.), *крáвя* ʽкоровья’ (м. р. *крáви*).

В среднем роде вариант *-о* является основным (*млáдо*, *сúньо*, *бъ́лгарско*, *пéто*, *деловó*), вариант *-е* встречается в формах прилагательных типа *птúче* ʽптичий’, *крáве* ʽкоровье’.

Определенный член в формах прилагательного всегда безударен. Употребление форм с *-т* и без *-т* в единственном числе мужского рода в живой речи и в поэзии факультативно, а в письменном прозаическом тексте принято синтаксическое правило, как и в отношении соответствующего разграничения у имен существительных.

Местоимения

		Личные					Притяжательные	
		Им. п.	Вин. п.		Дат. п.		Общая форма (м. р. ед. ч.)	Определенная форма (м. р. ед. ч.)
			Полная форма	Краткая форма	Полная форма	Краткая форма		
Ед. число								
1 л.		*аз* ʽя’	*мéне* (*мен*)	*ме*	*на мéне* (*мен*)	*ми*	*мóй* ʽмой’	*мóя(т)*
2 л.		*ти* ʽты’	*тéбе* (*теб*)	*те*	*на тéбе* (*теб*)	*ти*	*твóй* ʽтвой’	*твóя(т)*
3 л.	м. р.	*той* ʽон’	*нéго*	*го*	*нéму*	*му*	*нéгов* ʽего’	*нéговия(т)*
	ср. р.	*то* ʽоно’						
	ж. р.	*тя* ʽона’	*нéя*	*я*	*нéи*	*ѝ*	*нéин* ʽее’	*нéйния(т)*
Мн. число								
1 л.		*нúе*/*ний* ʽмы’	*нас*	*ни*	*нам*	*ни*	*наш* ʽнаш’	*нáшия(т)*
2 л.		*вúе*/*вий* ʽвы’	*вас*	*ви*	*вам*	*ви*	*ваш* ʽваш’	*вáшия(т)*
3 л.		*те* ʽони’	*тях*	*ги*	*тям*	*им*	*тéхен* ʽих’	*тéхния(т)*
Возвратные		—	*сéбе си* ʽсебя’	*се*	*на сéбе си*	*си*	*свой* ʽсвой’	*свóя(т)*

Личные и возвратные: полная форма дательного падежа (устар. *мене*, *тебе*, *сéбе*) утрачена и заменяется конструкцией «предлог *на* + полная форма винительного падежа»: *на мене*, *на тебе*, *на сéбе си*.

Притяжательные: формы женского рода, соответственно, общая — *мóя* ʽмоя’, *твóя* ʽтвоя’, *нéгова* ʽего’, *нéйна* ʽее’, *нáша* ʽнаша’, *вáша* ʽваша’, *тя́хна* ʽих’, *свóя* ʽсвоя’; определенная — *моята*/*(мóйта)*..., *нáшата*/*(нáшта)* и т. д.; формы среднего рода, соответственно, общая — *мóе*..., *нáше*..., *тя́хно* и т. д.; определенная — *мóето*/*(мóйто)*..., *нáшето*/*(нáшто)* и т. д.

Важнейшие указательные местоимения

	Ед. число			**Мн. число**
	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	
ʻэтотʼ	*то́зи* (*тоз*)/*то́я*	*та́зи* (*таз*)/*та́я*	*това́*/*ту́й*	*те́зи* (*тез*)/*ти́я*
ʻтотʼ	*о́нзи*/*о́ня*	*она́зи* (*она́з*)/*она́я*	*онова́*/*ону́й*	*оне́зи* (*оне́з*)/*они́я*
ʻтакойʼ	*такъ́в*/*онакъ́в*	*така́ва*/*онака́ва*	*тако́ва*/*онако́ва*	*таки́ва*/*онаки́ва*

П р и м е ч а н и е: Сокращенные формы (*тоз*, *таз* и т. д.) используются в разговорном языке и поэзии.

Семантические разряды местоимений	Местоимения-существительные[1]			Местоимения-прилагательные[4]	
	Для лиц[2]		Для не-лиц[3]	Для лиц и не-лиц	Для выражения принадлежности
	Им. п.	Вин. п.			
Вопросительные	*кой* ʻктоʼ	*кого́*	*що*, *какво́*, *кое́*	*кой* ʻкакойʼ	*чий*
Неопределенные	*ня́кой* ʻнектоʼ	*ня́кого*	*не́що*	*ня́кой* ʻкакой-тоʼ	*не́чий*
Отрицательные	*ни́кой* ʻниктоʼ	*ни́кого*	*ни́що*	*ни́кой* ʻникакойʼ	*ни́чий*
Относительные	*ко́йто* (*кой*) ʻтот, ктоʼ	*кого́то*	*кое́то*, *какво́то*, *що*/(*що́то*)	*ко́йто* ʻкоторыйʼ	*чи́йто*

П р и м е ч а н и я: 1. Не изменяются по категориям рода и числа. 2. Требуют согласования в мужском роде: *Ко́й е напра́вил това́?* ʻКто это сделал?ʼ. 3. Требуют согласования в среднем роде: *Какво́ се е слу́чило?* ʻЧто случилось?ʼ. 4. Изменяются по родам и числам — ед. ч.: м. р. *кой*, ж. р. *коя́*, ср. р. *кое́*; мн. ч. *кои́*; ед. ч.: м. р. *чий*, ж. р. *чия́*, ср. р. *чие́*; мн. ч. *чии́*.

Г л а г о л ы

Синтетические финитные формы

	Презенс			Простое прошедшее		Императив	
	I спр.	II спр.	III спр.	Имперфект	Аорист	I, II спр.	III спр.
Ед. число							
1 л.	-/ъ/ (орф. *-а*, *-я*)		*-м*	*-х*		—	
2 л.	*-е-ш*	*-и-ш*	*-ш*	*-ше*	*-∅*	*-и́*, *-∅*	*-й*
3 л.	*-е*	*-и*	*-∅*			—	
Мн. число							
1 л.	*-е-м*	*-и-м*	*-ме*	*-х-ме*		—	
2 л.	*-е-те*	*-и-те*	*-те*	*-х-те*		*-е́-те*, *-те*	*-й-те*
3 л.	-/ът/ орф. *-ат*, *-ят*		*-т*	*-х-а*		—	

Флексии синтетических финитных форм присоединяются: в I и II спряжении к основам: «первой» в презенсе и императиве, той же первой, но расширенной суффиксом, восходящим к «ять» (*-а-* *(-я-)*/*-е-* или *-е-*), в имперфекте, и «второй» в аористе (см. таблицу основ); в III спряжении — к общей глагольной основе, всегда оканчивающейся на *-а-*/*-я-*. Ударение в пределах парадигмы одного времени остается неподвижным.

Ударение форм презенса у глаголов I и II спряжения падает либо на флексию (*кова* /ковъ́/ ʻкуюʼ, *кове́ш* ʻкуёшьʼ и т. д., *търпя* /търп’ъ́/ ʻтерплюʼ, *търпи́ш*

ʽтерпишь’ и т. д.), либо на основу (*ма́жа* ʽмажу’, *ма́жеш* ʽмажешь’ и т. д., *игра́я* ʽиграю’, *игра́еш* ʽиграешь’ и т. д., *у́ча* ʽучу’, *у́чиш* ʽучишь’ и т. д.); у глаголов III спряжения — на основу, на один из слогов, предшествующих суффиксу -*а*-: *гле́дам* ʽсмотрю’, *гле́даш* ʽсмотришь’ и т. д., *вече́рям* ʽужинаю’, *вече́ряш* ʽужинаешь’ и т. д., *намо́крювам* ʽнамачиваю’, *намо́крюваш* ʽнамачиваешь’ и т. д.).

Окончание -*м* в форме 1-го лица единственного числа, кроме глаголов III спряжения, имеют также два глагола I спряжения, образующих эту форму с усечением последнего согласного корня: *ям* ʽем’, ср. *яде́ш* ʽешь’, *дам* ʽдам’, ср. *даде́ш* ʽдашь’.

Если у глагола в презенсе ударение на флексии, то в имперфекте оно всегда падает на суффикс, восходящий к «ять» (*ковя́х* ʽ(я) ковал’, *кове́ше* ʽ(ты/он) ковал’), а в аористе в большинстве случаев на суффикс второй основы (*кова́х* ʽ(я) ковал’, *кова́* ʽ(ты/он) ковал’); только глаголы так называемого «*ох*-разряда» сдвигают в аористе ударение на корневой гласный: *чета* /четъ́/ ʽчитаю’, *чете́ш* ʽчитаешь’, имперфект *четя́х* ʽ(я) читал’, аорист *че́тох* ʽ(я) читал’, *че́те* ʽ(ты/он) читал’ и др. Глаголы, имеющие в презенсе ударение на основе, сохраняют его в имперфекте на том же слоге (*ма́жех* ʽ(я) мазал’, *ма́жеше* ʽ(ты/он) мазал’; *гле́дах* ʽ(я) смотрел’, *гле́даше* ʽ(ты/он) смотрел’), а в аористе одни из них сохраняют (например, перфективы с приставками *нама́жа* ʽнамажу’ — аорист *нама́зах* ʽ(я) намазал’, *огле́дам* ʽосмотрю’ — аорист *огле́дах* ʽ(я) осмотрел’ и др.), другие сдвигают на последний слог основы факультативно (*ма́зах* ʽ(я) мазал’, *ма́за* ʽ(ты/он) мазал’, *гле́дах* ʽ(я) смотрел’, *гле́да* ʽ(ты/он) смотрел’ и *маза́х*, *маза́*, *гледа́х*, *гледа́*) или — единичные, но очень употребительные глаголы — обязательно: *мо́га* ʽмогу’, *мо́жеш* ʽможешь’ — аорист *можа́х* ʽ(я) мог’, *можа́* ʽ(ты/он) мог’; *ви́дя* ʽувижу’, *ви́диш* ʽувидишь’ — аорист *видя́х* ʽ(я) увидел’, *видя́* ʽ(ты/он) увидел’; *до́йда* ʽприду’, *до́йдеш* ʽпридёшь’ — аорист *дойдо́х* ʽ(я) пришёл’, *дойде́* ʽ(ты/он) пришёл’.

Суффикс имперфекта глаголов I, II спряжения выступает с чередованием только под ударением: *ковя́х* ʽ(я) ковал’, *кове́ше* ʽ(ты/он) ковал’, *ковя́хме* ʽ(мы) ковали’, *ковя́хте* ʽ(вы) ковали’, *ковя́ха* ʽ(они) ковали’; *търпя́х* ʽ(я) терпел’, *търпе́ше* ʽ(ты/он) терпел’, *търпя́хме* ʽ(мы) терпели’ и т. д., а в безударной позиции без чередования: *ма́жех* ʽ(я) мазал’, *ма́жеше* ʽ(ты/он) мазал’, *у́чех* ʽ(я) учил’, *у́чеше* ʽ(ты/он) учил’. У некоторых глаголов с ударением на суффиксе есть колебания: *лежа́х* ʽ(я) лежал’, *леже́ше* ʽ(ты/он) лежал’, *лежа́хме* ʽ(мы) лежали’ и т. д. и *леже́х*, *леже́ше*, *леже́хме* и т. д.

Флексии императива -*и́*, -*е́те* (всегда ударные, независимо от ударения форм презенса) — у большинства глаголов I, II спряжения: *кови́* ʽкуй’, *кове́те* ʽкуйте’; *търпи́* ʽтерпи’, *търпе́те* ʽтерпи́те’; *мажи́* ʽмажь’, *маже́те* ʽмажьте’; *учи́* ʽучи’, *уче́те* ʽучи́те’; показатели -*Ø*, -*Ø*-*те* — у глаголов с «первой» основой на -/j/- (*игра́й* ʽиграй’, *игра́йте* ʽиграйте’) и у немногих других (*влез* ʽвойди’ — *вле́зте* ʽвойдите’, *яж* ʽешь’ — *я́жте* ʽешьте’, *дръж* ʽдержи’ — *дръ́жте* ʽдержите’). Глаголы III спряжения сохраняют ударение презенса: *гле́дай* ʽсмотри’, *гле́дайте* ʽсмотрите’.

Флексии императива -*й*, -*йте* имеет также глагол *дам* ʽдать’: *дай* ʽдай’, *да́йте* ʽдайте’.

Основы глаголов I, II спряжения и формы, образуемые от этих основ

	1-ая (презентная) основа оканчивается на согласный — корневой: *ков-* ʽковать’, *маж-* ʽмазать’, *уч-* ʽучить’, /търп’/- ʽтерпеть’ или суффиксальный: *чу-j-* ʽчувствовать’, *би-j-* ʽбить’, *игр-а-j-* ʽиграть’, *шеп-н-* ʽшептать’	2-ая (аористическая) основа оканчивается на гласный — суффиксальный: *ков-а-* ʽковать’, *маз-а-* ʽмазать’, *уч-и-*ʽучить’, /търп’-а/- ʽтерпеть’ и др., реже — корневой: *чу-* ʽчувствовать’, *би-* ʽбить’
Финитные формы	презенс имперфект (с расширением основы) императив	аорист

2-ая основа может быть получена из 1-ой либо добавлением гласного, либо усечением последнего согласного. Добавляются суффиксы второй основы *-а-*, *-и-* (в страдательном причастии *-е-*: *у́чен* ʽобучен’), -/’а/- (чередуется с *-е-*, ср. страдательное причастие *търпя́н* от ʽтерпеть’, мн. ч. *търпе́ни*), а у глаголов *ох*-разряда суффиксы *-о-*/*-е-*/-∅-: *пека* /пекъ́/ ʽпечь’ — аорист *пе́кох* ʽ(я) пёк’, *пе́че* ʽ(ты/он) пёк’, *пе́кохме* ʽ(мы) пекли’, *пе́кохте* ʽ(вы) пекли’, *пе́коха* ʽ(они) пекли’, *l*-причастие женского рода *пе́кла* ʽпекла’ (в мужском роде *пе́кън* ʽпёк’ появляется вставное *-ъ-*, см. 2.1.4.), страдательное причастие *пе́чен* ʽпечёный’.

Нефинитные глагольные формы

	Суффиксы глагольных форм		Окончания
	I, II спр.	III спр.	
Причастие презенса	*-я́щ*/*-а́щ*, *-ещ*	*-щ*	родочисловые окончания адъективной парадигмы
Причастие имперфекта	*-л* (после суф. имперфекта)	*-л*	
Причастие аориста	*-л* (после 2-ой основы)	*-л*	
Страдательное причастие	*-н*, *-т*	*-н*	
Деепричастие	*-ейки*	*-йки*	—
Глагольное существительное	*-н-*, *-ен-*	*-н-*	ед. ч. *-е* мн. ч. *-ия*
Инфинитив	*-∅*	*-∅*	—

Нефинитные формы глагола I спряжения *кова́* ʽковать’: *ковя́щ* (причастие презенса), *ковя́л* (причастие имперфекта), *кова́л* (причастие аориста), *кова́н* (страдательное причастие), *кове́йки* (деепричастие), *кова́не* (глагольное существительное), *кова́* (инфинитив).

Суффикс причастия презенса *-ещ* используется при ударении презенса не на окончании: *ма́жещ* от ʽмазать’, *у́чещ* от ʽучить’.

Суффикс страдательного причастия *-т* выступает у некоторых глаголов I спряжения: *пян*/*пят* от *пе́я* ʽпою’.

Суффикс глагольного существительного *-ен-* используется, если оно образуется от 1-ой основы: *шепнене* ʽшёпот’, *бръснене* ʽбритьё’.

Нефинитные формы глагола III спряжения *гле́дам* ʽсмотреть’: *гле́дащ* (причастие презенса), *гле́дал* (причастие имперфекта), *гле́дал*/*гледа́л* (причастие имперфекта/аориста с факультативным различием в ударении), *гле́дан* (страдательное причастие), *гле́дайки* (деепричастие), *гле́дане* (глагольное существительное), *гле́да*/*гледа́* (инфинитив).

Глаголы *бъда* ʽбыть’ и *ща* ʽхотеть’

	Важнейшие формы глагола ʽбыть’			Вспомогательные глаголы	
	Презенс (энклитические формы)	Простое прошедшее	Императив	Условное наклонение	Будущее в прошедшем
Ед. число					
1 л.	*съм*	*бя́х*	—	*би́х*	*щя́х*
2 л.	*си*	*бе́ше*/*бе́*	*бъди́*	*би́*	*ще́ше*
3 л.	*е*	*бе́ше*/*бе́*	—	*би́*	*ще́ше*
Мн. число					
1 л.	*сме*	*бя́хме*	—	*би́хме*	*щя́хме*
2 л.	*сте*	*бя́хте*	*бъде́те*	*би́хте*	*щя́хте*
3 л.	*са* /*съ*/	*бя́ха*	—	*би́ха*	*щя́ха*
Нефинитные формы					
	прич. прош. вр., 1 л. ед. ч.: м. р. *би́л*, ж. р. *била́*, ср. р. *било́*, мн. ч. *били́*; дееприч. *биде́йки*			—	прич. прош. вр., 1 л. ед. ч.: м. р. *щя́л*, ж. р. *щя́ла*, ср. р. *щя́ло*, мн. ч. *ще́ли*

Есть также параллельные не энклитические формы глагола ʽбыть’: 1 л. ед. ч. *бъда*, 2 л. ед. ч. *бъ́деш* и т. д., которые используются ограниченно, главным образом в составе будущего времени (*ще бъда* ʽ(я) буду’) или в конструкции с *да* (*да бъ́деш* ʽчтобы ты был’ и т. д.).

У глагола ʽбыть’ прошедшее время не подразделяется на имперфект и аорист. Параллельно существует ограниченно используемый имперфект: 1 л. ед. ч. *бъ́дех*, 2, 3 л. ед. ч. *бъ́деше* и т. д. и совсем редкий аорист: 1 л. ед. ч. *бидо́х*, 2, 3 л. ед. ч. *биде́* и т. д.

Причастие прошедшего времени глагола ʽбыть’ не подразделяется на причастие имперфекта и причастие аориста. Параллельно существует ограниченно используемое причастие имперфекта *бъ́дел*. Причастия презенса *същ*/*същи* и *бъ́дещ* превратились в прилагательные.

Форма инфинитива *би* встречается только в составе устойчивого сочетания *мо́же би* ʽможет быть’.

Формы вспомогательного глагола условного наклонения по происхождению — старый аорист от глагола ʽбыть’ (др.-болг. **быхъ** и т. д.).

Формы вспомогательного глагола будущего в прошедшем по происхождению — старый имперфект от **хоштѫ** ʽхотеть’, к которому восходит и частица *ще*, участвующая в образовании будущего времени.

Важнейшие аналитические формы глагола (действительный залог)

	Способ образования	Примеры с глаголами *пра́вя* ʽделать’, *напра́вя* ʽсделать’
Изъявительное наклонение		
Будущее время	неизменяемая проклитическая частица *ще* (отрицание: *ня́ма да*) + презенс (несов./сов. вида)	1 л. ед. ч. *ще пра́вя*, *ня́ма да пра́вя*, *ня́ма да напра́вя*

Перфект	прич. аориста + вспом. глагол ʽбыть’ в наст. вр. (энклитическая форма для 1-го, 2-го, 3-го лица ед. и мн. числа)	1 л. ед. ч. *пра́вил* (ж. р. *пра́вила*) *съм*, 3 л.: ед. ч. *пра́вил* (ж. р. *пра́вила*, ср. р. *пра́вило*) *е*, мн. ч. *пра́вили са*
Плюсквамперфект	вспом. глагол ʽбыть’ в простом прош. вр. (*бях* и т. д.) + прич. аориста	1 л. ед. ч. *бя́х пра́вил* (ж. р. *пра́вила*)
Будущее в прошедшем	вспом. глагол *щя́х* (отрицание: *ня́маше*) + *да* + презенс	1 л. ед. ч. *щя́х да пра́вя*, *ня́маше да пра́вя*
Условное наклонение		
	вспом. глагол *бих* + прич. аориста	1 л. ед. ч. *би́х пра́вил* (ж. р. *пра́вила* ср. р. *пра́вило*)
Пересказывательное наклонение		
Основное прошедшее	прич. аориста + вспом. глагол ʽбыть’ в наст. вр. (энклитические формы, опускаются в 3-м лице)	1 л. ед. ч. *пра́вил* (ж. р. *пра́вила*) *съм*, 3 л.: ед. ч. *пра́вил* (ж. р. *пра́вила*, ср. р. *пра́вило*), мн. ч. *пра́вили*
Настоящее прошедшее	прич. имперфекта + вспом. глагол ʽбыть’ в наст. вр. (энклитические формы, опускаются в 3-м лице)	1 л. ед. ч. *пра́вел* (ж. р. *пра́вела*) *съм* 3 л.: ед. ч. *пра́вел* (ж. р. *пра́вела*, ср. р. *пра́вело*), мн. ч. *пра́вели*
Будущее	прич. *щя́л* + вспом. глагол ʽбыть’ в наст. вр. (энклитические формы, опускаются в 3-м лице) + *да* + наст. вр. (отрицание *ня́мало* + *да* + наст. вр.)	1 л. ед. ч. *щя́л* (ж. р. *щя́ла*) *съм да пра́вя*, 3 л.: ед. ч. *щя́л* (ж. р. *щя́ла*, ср. р. *щя́ло*) *да пра́ви*, мн. ч. *ще́ли да пра́вят*, *ня́мало да пра́вя*
Запретительные формы		
	недéй (мн. ч. *недéйте*) + инф. несов. вида	*недéй* (*недéйте*) *пра́ви*/*прави́*

Все эти формы (кроме запретительных) образуются как в несовершенном, так и в совершенном виде (см. 2.3.6.).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Используются следующие типы аффиксов: 1) словообразовательные префиксы; 2) словообразовательные суффиксы; 3) формообразующие суффиксы, следующие в составе слова после словообразовательных; иногда они характеризуют отдельные формы (суффикс деепричастия), но чаще — группы форм (суффиксы 2-ой основы и суффикс имперфекта в глаголах I и II спряжения); 4) флексии отдельных форм (лично-числовые в глаголе, родо-числовые в адъективной парадигме); 5) подвижный постпозитивный артикль; 6) интерфиксы — соединительные морфемы в сложных словах. На грани между аффиксом и служебным словом стоят возвратные частицы *се* и *си* (см. 2.3.5.), линейная позиция которых определяется правилами расстановки энклитик (*ми́я се* ʽумываться’ — *а́з се ми́я* ʽя умываюсь’, *не сé ми́я* ʽя не умываюсь’ и т. д.), и частицы степени *пó-* и *на́й-* (см. 2.3.5.). Встречается разрыв флексии «вклинившимся» аффиксом: *град* ʽгород’ — мн. ч. *градовé* — уменьш. *градéц* ʽгородок’ — мн. ч. от уменьш. *градовцé*.

Типичные структуры словоформ:

— финитные формы глагола — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + суффикс основы + флексия: *глéд-а-м* ʽсмотрю’; *раз-глéжд-а-ш* ʽрассматриваешь’;

— нефинитные формы глагола — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + (суффикс основы) + формообразовательный суффикс + флексия + (определительный член): *глéд-а-йки* ʽглядя’, *раз-глéд-а-л-и* — причастие аориста

множественного числа глагола *разгле́дам* ʽрассмотретьʼ, *раз-гле́д-а-н-а-та* ʽрассмотреннаяʼ (членная форма);

— имена и местоимения — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + (флексия) + (определенный член): *вод-а́ч-и-те* ʽпроводникиʼ, ʽпредводителиʼ (членная форма), *пре-вод-а́ч-еск-и* ʽпереводческийʼ, *мо́-и-те* ʽмоиʼ (членная форма);

— наречия — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс): *по́сле* ʽпослеʼ, ʽпотомʼ; *ло́ш-о* ʽплохоʼ;

— непроизводные слова остальных частей речи — корень.

2.5.2. Деривация осуществляется с помощью словообразовательных аффиксов. В именном словообразовании преобладает суффиксация (*млад* ʽмолодойʼ — *мла́дост* ʽмолодостьʼ, *младина́* ʽмолодостьʼ, *пуст* ʽпустойʼ — *пустота́* ʽпустотаʼ, *брат* ʽбратʼ — *бра́тство* ʽбратствоʼ, *стремя́ се* ʽстремитьсяʼ — *стреме́ж* ʽстремлениеʼ, *целу́вам* ʽцеловатьʼ — *целу́вка* ʽпоцелуйʼ, *реша́* ʽрешитьʼ — *реше́ние* ʽрешениеʼ), но используется и префиксация (*се́лянин* ʽжитель селаʼ, ʽкрестьянинʼ — *съсе́лянин* ʽжитель того же селаʼ, *стар* ʽстарыйʼ — *въ̀зста́р* ʽстароватыйʼ), как и сочетание того и другого (*град* ʽгородʼ — *предгра́дие* ʽпредместьеʼ). В глагольном словообразовании широко используется префиксация (см. 2.4.0.), но также и суффиксация: *глад* ʽголодʼ — *гладу́вам* ʽголодатьʼ, *бял* ʽбелыйʼ — *беле́я* ʽстановиться белымʼ, *бело́сам* ʽпобелитьʼ.

Используется морфологическая конверсия, т. е. словообразование посредством либо полной замены формообразовательной парадигмы (*съпру́г* ʽсупругʼ, мн. ч. *съпру́зи* — ж. р. *съпру́га*, мн. ч. *съпру́ги*, *пет* ʽпятьʼ, опред. форма *петте́* — *пе́ти* ʽпятыйʼ, ж. р. *пе́та*), либо ее сужения (при субстантивации прилагательных: *сла́дък* ʽсладкийʼ, ж. р. *сла́дка*, ср. р. *сла́дко* — сущ. *сла́дко* ʽвареньеʼ) и синтаксическая конверсия, состоящая в изменении сочетаемости (наречие *преди́* ʽраньшеʼ — предлог *преди́* ʽпередʼ).

Словосложение представлено типами с интерфиксом (*ри́ба* ʽрыбаʼ + *лов* ʽловʼ — *рибо́ло́в* ʽрыбная ловляʼ, *си́н* ʽголубойʼ + *око́* ʽглазʼ — *синео́к* ʽголубоглазыйʼ, *вода́* ʽводаʼ + *снабдя́* ʽобеспечитьʼ — *водоснабдя́* ʽобеспечить водойʼ) и без интерфикса (*вели́к* ʽвеликийʼ + *де́н* ʽденьʼ — *Вели́кден* ʽПасхаʼ), часто — в сочетании с суффиксацией (*пи́ша на маши́на* ʽписать на машинкеʼ — *машинопи́ска* ʽмашинисткаʼ, *де́н* ʽденьʼ + *но́щ* ʽночьʼ — *деноно́щие* ʽсуткиʼ), иногда в сочетании с усечением слагаемых компонентов (аббревиация: *Европейски съюз* ʽЕвропейский союзʼ — *Евросъюз*).

Другие типы словообразования. Усечение используется в стилистически окрашенных вариантах слов: уменьшительные от личных имен *Пе́тър* — *Пе́те*, *Христи́на* — *Ти́на*; *тролейбу́с* ʽтролейбусʼ — *троле́й*; редупликация представлена в узкой группе звукоподражательных и близких к ним глаголов: *бърбо́ря* или *дърдо́ря* ʽбормотатьʼ, *цъ̀рцо́ря* ʽвытекать тонкой струйкойʼ. Как аналитическое словообразование можно рассматривать образование возвратных глаголов (см. 2.3.5.).

2.5.3. По структуре сказуемого предложения подразделяются на два главных типа: 1) с глагольным сказуемым, 2) с неглагольным сказуемым.

В первом типе сказуемое может быть знаменательным глаголом в финитной форме (*У́тре замина́вам* ʽЗавтра я уезжаюʼ), сочетанием глаголов (*Иди́ купи́ хля́б* ʽПойди купи хлебаʼ, *По́чнах да чета́* ʽЯ начал читатьʼ), изредка — междометием,

занимающим синтаксическую позицию финитного глагола (*А ни́е ки́с! ки́с! ки́с!* ʽА мы хи да ха’, ср. *А ни́е се ки́скаме* ʽА мы хихикаем’). Во втором типе сказуемое обычно состоит из неглагольной знаменательной части (неглагольного предикатива, имени существительного, прилагательного или числительного, местоимения, наречия) и финитной формы служебного глагола ʽбыть’: *Не мé е стрáх* ʽМне не страшно’, *Тя́ е бъ́лгарка* ʽОна болгарка’, *Морéто бéше спокóйно* ʽМоре было спокойно’, *Тé ще бъ́дат десети́на* ʽИх будет человек десять’, *Товá бя́х áз* ʽЭто был я’, *Той е ту́к* ʽОн здесь’. Реже встречается неглагольное сказуемое без служебного глагола: *И въ́лкът си́т, и áгнето ця́ло* ʽИ волк сыт, и ягненок цел’, *Сня́г до коля́но* ʽСнег — по колено’. В качестве промежуточного типа можно рассматривать предложения со сказуемым, содержащим неглагольное знаменательное слово и полузнаменательную связку: *Той се кáзва Стоя́н* ʽЕго зовут Стоян’, *Тя́ му се видя́ чу́жда* ʽОна показалась ему чужой’, *Той остáна равноду́шен* ʽОн остался равнодушным’.

Другие члены предложения. Подлежащее выделяется как то слово, с которым согласуется сказуемое и которое, будучи выражено местоимением, различающим падежи, выступает в форме именительного падежа (см. 2.3.4.). Подлежащее отсутствует в безличных предложениях: *Зазоря́ва се* ʽЗанимается заря’, *Стрáх ме е* ʽМне страшно’, *В стáята е вли́зано* ʽВ комнату входили’, а также в неопределенно-личных: *Кáзват* ʽГоворят’ и во многих определенно-личных предложениях, особенно если сказуемое имеет форму 1-го или 2-го лица: *Присти́гнах вчéра* ʽЯ приехал вчера’, *Оцáпахте се* ʽВы испачкались’, *Бóлна е* ʽОна больна’. Изредка в безличных предложениях используется формальное подлежащее *то*: *Тó се е мръ́кнало вéче* ʽУже стемнело’. О формах выражения дополнений, определений и обстоятельств см. 2.3.4.

Порядок слов лишь в небольшом числе случаев выступает как средство грамматической дифференциации. Так, порядок SVO становится грамматически релевантным, когда ни согласование глагола, ни его семантика (на предшествующий контекст) не указывают однозначно, который из двух актантов (выраженных беспадежными словами) является подлежащим: *Ивáн оби́ча Мари́я* ʽИван любит Марию’ — *Мари́я оби́ча Ивáн* ʽМария любит Ивана’. В подобных случаях инверсия (порядок OVS) оказывается возможной, в частности, при использовании местоименной репризы (см. 2.3.4.). В остальном порядок слов варьируется в зависимости от актуального членения, ритмических факторов и т. п. Чаще встречается SV (*Ивáн зами́на* ʽИван уехал’), но широко используется и VS (*Минáваха коли́* ʽПроезжали телеги’, с подлежащим — ремой: *“Нé” — отговóри тóй* ʽ«Нет», — ответил он’; *Такá разсъждáват тéзи девóйки* ʽТак рассуждают эти девушки’ и т. п.). Наряду с более обычным SVO встречается и OVS (как с местоименной репризой, так и без нее): *Нéго жалéят земя́ и нéбо* ʽЕго жалеют земля и небо’, *Клóните на бу́ките залю́шка вя́търът* ʽВетви буков стал качать ветер’. Еще более свободен выбор позиции для обстоятельств.

В атрибутивной группе определение, выраженное адъективными словами или числительными, как правило, предшествует определяемому (*къ́сна éсен* ʽпоздняя осень’, *дéсет лéва* ʽдесять левов’), помещаясь, при наличии предлога, после него (*зад далéчните планини́* ʽза далекими горами’); а несогласуемое определение, выраженное предложным сочетанием существительного, конъюнктивной конст-

рукцией глагола или наречием, ставится, как правило, после определяемого (*чéтка за зъби* ʽзубная щетка’, *решимосттá да се бóриш* ʽтвоя решимость бороться’, *прозóрецът гóре* ʽокно вверху’).

Более строгие правила регулируют расположение энклитик. Энклитика не может начинать предложение, а всегда ставится после ударного слова (*Тýк е* ʽОн здесь’ — *Вéче е тýк* ʽОн уже здесь’; *Видя́х го* ʽЯ видел его’ — *Вчéра го видя́х* ʽВчера я его видел’) или после проклитики (*Ще му кáжа* ʽЯ скажу ему’).

Средствами выражения вопроса являются вопросительные слова, вопросительные частицы (важнейшая из них — энклитика *ли*) и интонация.

2.5.4. Сложносочиненные предложения образуются с участием сочинительных союзов (соединительных, разделительных, противительных и др.) или являются бессоюзными, скрепленными лишь интонационно. В сложноподчиненных предложениях используются различные подчинительные союзы или союзные слова (относительные и вопросительные местоимения и местоименные наречия), выступающие в качестве того или иного члена в придаточном предложении. Специфично использование слов *дéто* (*гдéто*) или *що* (без согласования по числу и роду), особенно в народно-разговорном языке, в просторечии, нередко в поэзии: *Дóйде пáк онáзи*, *дéто те тъ́рсеше* ʽОпять пришла та, что (= которая) тебя искала’. В функции дополнения придаточного предложения они сочетаются с местоименной энклитикой, обеспечивающей согласование (разновидность местоименной репризы): *Тúя чудновáти рáботи*, *дéто ми ги разпрáвяш*, *защó ми са?* ʽЭти странные вещи, которые ты мне рассказываешь, на что мне они?’. Встречаются и бессоюзные придаточные предложения, в частности, условные: *Пóиска я ня́кой*, *той го нахóка* ʽЕсли кто-нибудь посватается за нее, он на него накричит’.

Деепричастия и деепричастные обороты используются редко и носят книжный, искусственный характер. Обычно в аналогичной функции выступают придаточные образа действия с *като* и *бéз да*: *Такá тóй извървя́ долá*, *като се провúраше под свéдените върбú* ʽТак он прошёл всю долину, продираясь под склонившимися вербами’; *Той го изслýша мълчалúво*, *бéз нúто веднъ́ж да го прекъ́сне* ʽОн выслушал его молча, ни разу не прервав’.

Специфично использование конъюнктивной конструкции с *да*, функционально соответствующей инфинитиву других языков (см. 2.3.5.).

2.6.0. Доля заимствованных элементов в словарном составе довольно велика. Важнейшие их группы:

— балканские элементы адстратного происхождения, в частности грецизмы народного языка (*пирóн* ʽгвоздь’, *стóмна* ʽглиняный кувшин’, *сúнор* ʽмежа’, *хóра* ʽлюди’, *кóкал* ʽкость’, *éвтин* ʽдешёвый’, *елá* ʽиди сюда’, *мя́зам* ʽбыть похожим на’, *макáр* ʽнесмотря на то, что’) и заимствования из балканской народной латыни или румынского (*мáса* ʽстол’, *сапýн* ʽмыло’, *комúн* ʽдымовая труба’, *дисáги* ʽперекидная сума’), а также древнейший пласт тюркизмов из языка аспаруховых болгар (самоназвание *българин*, слова *бéлег* ʽпризнак’, ʽметка’, *тоя́га* ʽпалка’, ряд личных имен);

— турцизмы и другие ориентализмы, вошедшие в Б.я. в период османского ига, включая собственно турцизмы (*балкáн* ʽгора’, *кайш* ʽремень’, *боя́* ʽкраска’, *куршýм* ʽпуля’, *ергéн* ʽхолостяк’, *комшúя* ʽсосед’, *демéк* ʽдескать’, ʽто есть’) и слова арабского происхождения (*джоб* ʽкарман’, *кибрúт* ʽспички’, *кадифé*

ʽбархат’, *зана́ят* ʽремесло’, *ина́т* ʽупрямство’ и ʽупрямый’, *беля́* ʽбеда’, *береке́т* ʽплодородие’, ʽизобилие’) и персидского (*герда́н* ʽожерелье’, *дола́п* ʽстенной шкаф’, *чадъ́р* ʽзонтик’, *зарзава́т* ʽовощи’), заимствованные через турецкое посредство;

— русизмы и другие заимствования из родственных славянских языков, включая церковнославянизмы с чертами русской редакции (*прича́стие* ʽпричастие’, *разпя́тие* ʽраспятие’, *съпру́г* ʽсупруг’, *възмуще́ние* ʽвозмущение’, *изча́дие* ʽисчадие’), заимствования XIX — начала XX в. (*зада́ча* ʽзадача’, *нача́ло* ʽначало’, *поня́тие* ʽпонятие’, *ща́стие* ʽсчастье’, *тру́женик* ʽтруженик’, *парахо́д* ʽпароход’, *къ́нки* ʽконьки’, *склад* ʽсклад’, *о́черк* ʽочерк’, *ра́зписка* ʽрасписка’, *обстано́вка* ʽобстановка’, *необя́тен* ʽнеобъятный’, *вероя́тен* ʽвероятный’, *стара́я се* ʽстараться’, *тро́гна* ʽтронуть’, *наблюда́вам* ʽнаблюдать’, *уважа́вам* ʽуважать’, *заявя́вам* ʽзаявлять’, *препода́вам* ʽпреподавать’, *обсле́двам* ʽобследовать’) и заимствования новейшего времени (*отли́чник* ʽотличник’, *устано́вка* ʽустановка’, *очи́стка* ʽочистка’, *полезащи́тен* ʽполезащитный’);

— интернациональные слова греко-латинского происхождения (начиная со слов, заимствованных еще в период христианизации) и слова, заимствованные в новое время из языков Западной Европы (*га́ра* ʽвокзал’, *асансьо́р* ʽлифт’, *камио́н* ʽгрузовик’ — из французского; *бо́рса* ʽбиржа’ — из итальянского; *виц* ʽанекдот’, *шла́гер* ʽмодная песенка’ — из немецкого; *суи́нг* ʽпижон’, ʽстиляга’, *уи́ски* ʽвиски’, *фу́тбол* ʽфутбол’, *дъ́мпинг* ʽдемпинг’ — из английского).

2.7.0. Диалектные особенности в области фонетики:

1) фонемы, отсутствующие в литературном языке, например, «открытое *э*» (принятое обозначение: /ê/) — в родопских, мизийских и других говорах, «открытое *о*» /ô/, /ы/ — в некоторых родопских говорах;

2) особые реализации фонем и сочетаний фонем, имеющихся в литературном языке: сильно палатализованные [л’’], [н’’], [к’’], [г’’] — во многих западных говорах; слоговые [л̥], [р̥] (= группам [ъл/лъ] и [ър/ръ]) — там же; редуцированные [ẹ], [ọ], [ạ] — в неударных слогах в восточных говорах;

3) различия в правилах дистрибуции фонем: в ряде говоров наличие палатализованных согласных в ауслауте, перед согласным и перед /е/, /и/; в крайнезападных возможность звонких в ауслауте;

4) различия в фонемном составе словоформ в связи с различиями в рефлексах праславянского **ě*, носовых, **ъ*, **ь*, сочетаний **tj*, **dj* и т. д. Так, в восточных говорах **ě* в зависимости от типа последующего согласного и от ударения дает разные рефлексы: ср. под ударением балканские [б’а́л] — [бе́ли] (лит. соответственно *бял* ʽбелый’, *бели* ʽбелые’), мизийские [б’а́л] — [бếли], родопские и западнорупские [бếл, бếли], в неударном слоге по говорам [биле́jъ], [било́свъм], [б’ạло́свạм] и др. (лит. *белея* ʽбелеть’, *белосвам* ʽбелить’); в западных же говорах **ě* во всех положениях дает один рефлекс — /е/: [бе́л, бе́ли, беле́ем, бело́свам]. Праславянское **ǫ* (например, **zǫbъ* ʽзуб’) в юго-западных говорах отражается как /а/: [зап], в родопских — как /ô/: [зôп], в крайнезападных — как /у/: [зуб], в большинстве других говоров — как /ъ/: [зъп] = лит. орф. *зъб* ʽзуб’. Праславянские **tj*, **dj* в большинстве говоров, как и в литературном языке, дают [шт] (лит. орф. *щ*) и [жд], а в крайнезападных /ч/, /д͡ж/: [сре́ча], [мед͡жа́], ср. лит. *сре́ща* ʽвстреча’, *ме́жда* ʽмежа’).

Особенности морфологии имени:

1) определенная (членная) форма единственного числа мужского рода с конечным *-т* сохраняется лишь в небольшом числе говоров (габровские, странджанские *во́лът* ʽвол’ — членная форма, *носъ́т* ʽнос’ — членная форма, родопские *во́лат*, *носо́т*), а в остальных используется «краткая» форма (в большинстве балканских и в северо-западных *во́лъ*, *носъ́*, мизийские *во́лу*, *нусо́*, юго-западные *во́ло*, *носо́* и т. д.);

2) в родопских и трынских говорах, кроме определенных форм обычного типа (родопские *ма̣жо́т*, *же̣на́та̣* и т. д.), существуют определенные формы для близких (родопские *ма̣жо́с*, *же̣на́са̣*, трынские *му́жъв*, *жена́ва*) и для далеких предметов (родопские *ма̣жо́н*, *же̣на́на̣*, трынские *му́жън*, *жена́на* и т. д.);

3) сохраняются формы косвенных падежей во многих восточных говорах, главным образом у личных существительных — имен собственных и терминов родства, а в крайнезападных говорах и у неличных существительных. Представлены падежи:

— общекосвенный — в единственном числе мужского рода (центральнобалканские *Ива́на̣* ʽИвана’, *си́на̣* ʽсына’, *д’а́да̣* ʽдяди’, крайнезападные *вола́* ʽвола’, *кон’а́* ʽконя’), реже — женского рода (габровские *вид’а́л жинъ̀ си* ʽвидел свою жену’ — при именительном падеже *жина́ му душла́* ʽего жена пришла’, крайнезападные *отидѐ у́ гору* ʽпошёл/пошла в лес’, *удари́ га по́ главу* ʽударил/ударила его по голове’); 2) дательный — в единственном числе (пирдопские, фракийские, родопские *Ива́ну* ʽИвану’, *си́ну* ʽсыну’, *ба́би* ʽбабушке’, *ма́йци* ʽматери’), реже — и во множественном числе (смолянский *л’у́дêм* ʽлюдям’). В некоторых говорах сохраняются падежные формы согласуемых определений и постпозитивного артикля: фракийские *на́ш’ък Пе́тра* ʽнашего Петра’, *мо́мч’етуму* ʽмальчику’ — членная форма, родопские *ста́рутуму чиле́ку* ʽстарому человеку’ — членная форма, *де́тенуму* ʽребёнку’ — членная форма, *деца́мсêм* ʽдетям’ — членная форма, крайнезападные *мину́л реку́ту* ʽперешёл реку’.

Особенности морфологии глагола:

1) унификация окончаний презенса у всех глаголов по типу III спряжения: а) в 1-м лице единственного числа в северо-западных (видинско-ломский *чете́м* ʽчитаю’, *но́сим* ʽношу’), крайнезападных, некоторых юго-западных и отчасти родопских говорах; б) в 1-м лице множественного числа во всех западных (*чете́ме*, *но́симе*, в крайнезападных *чете́мо*, *но́симо*) и некоторых юго-восточных говорах;

2) существенные различия по говорам в ударении форм аориста (западные и рупские *моли́х* ʽ(я) просил’, *моли́* ʽ(ты/он) просил’, *дигна́х* ʽ(я) поднял’, *дигна́* ʽ(ты/он) поднял’, балканские *мо́лих*, *мо́ли*, *ди́гнах*, *ди́гна*; у глаголов с приставками частично иначе), императива (западные *мо́ли*, *мо́лете*, *по́моли*) и некоторых других форм;

3) использование разных частиц для образования будущего времени: центральнобалканские, западнобалканские, плевенские и др. *ште* (лит. *ще*); белослатинский, михайловградский, врачанский, тырновский, разградский и др. *ше*; центральнобалканский, белослатинский, плевенский, шуменский, смолянский, гоцеделчевский *шъ*; восточнобалканский, родопский, плевенский, никополский, свиштовский *же*; крайнезападные, видинско-ломский, юго-западные *че*; юго-западные *-к’е*; софийский, пазарджишский и др. *-к’у*;

4) отсутствие во всех говорах причастия презенса (форма чисто литературная, книжная), а в западных говорах также — причастия имперфекта;

5) использование разных суффиксов (*-штиц*, *-штим*, *-ешката*, *-ешкум* и др. и только в части юго-западных говоров *-ейки*, *-йки*) для образования деепричастия.

Между говорами отмечают также яркие различия в области местоимений (ср.: балканские, мизийские *ас* ʽя’ — западные *йа*, восточные *той* ʽон’, *т’я*, *то* — западные *он*, *oнá*, *онó*, восточные *т’áм* ʽим’, *т’ах* — западные *ним*, *них* и др.) и в словаре, ср. общеболгарские *крак* ʽнога’, *кóтка* ʽкошка’, *úскам* ʽхотеть’, *ям* ʽесть’ — в ряде западных и рупских говоров *ногá* ʽнога’, *мáчка* ʽкошка’, *сáкам* ʽхотеть’, *рýчам* ʽесть’ и др.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977.

Андрейчин Л. Основна българска граматика. 2. изд. София, 1978 [русский перевод: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949].

Андрейчин Л., Въгленов М. Изговор и транскрипция на чужди имена в българския език. София, 1974.

Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст. Граматика на българския език. София, 1977.

Аронсон Г. Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974 [англ. оригинал: 1968].

Бернар Р. Българистични изследвания. София, 1982.

Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. Язык валашских грамот XIV–XV вв. М.; Л., 1948.

Бояджиев С. Употреба на предлога *на* в българския книжовен език // Известия на Института за български език, 1952, кн. I.

Бояджиев Т. Българска лексикология. София, 1986.

Венедиктов Г. К. Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981.

Вопросы грамматики болгарского литературного языка / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1959.

Въпроси на българската лексикология / Съст. П. Пашов. София, 1978.

Генадиева-Мутафчиева З. Подчинителният съюз *да* в съвременния български език. София, 1970.

Георгиев Ст. Морфология на българския език. Велико Търново, 1996.

Георгиева Е. Обособени части в българския книжовен език. София, 1964.

Герджиков Г. Една специфична глаголна категория в съвременния български книжовен език (категория «ангажираност на говорещия с изказването за действието») // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии, 1977, т. 69/2.

Граматика на съвременния български книжовен език. София, 1982, т. I. Фонетика; 1983, т. II. Морфология; 1983, т. III, Синтаксис.

Деянова М. Имперфект и аорист в славянските езици. София, 1966.

Деянова М. История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език. София, 1970.

Единството на българския език в миналото и днес // Български език, 1978, № 1.

Иванов Й. Българска диалектология. Пловдив, 1994.

Иванова К. Десемантизацията на глаголните представки в съвременния български книжовен език. София, 1966.

Иванова К. Начини на глаголното действие в съвременния български език. София, 1974.

Иванчев Св. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.

Иванчев Св. Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978.

История на новобългарския книжовен език / Отгов. ред. Е. Георгиева, Ст. Жерев, В. Станков. София, 1989.

Кодов Хр. Ударението в българския книжовен език. София, 1966.

Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001.

Кръстев Б. Умалителността в български език. София, 1976.

Леков И. Опит за фонологичната характеристика на българския език // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1941, т. 37.

Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963.

Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Матеев Др. Семантиката на глаголните представки и тяхното отношение към видовото значение на глаголите // Известия на Института за български език, 1952, кн. 1.

Матеев Др. Новата форма за условно наклонение в български език // Известия на Института за български език, 1954, кн. 3.

Мирчев К. Историческа граматика на българския език. 3. изд. София, 1978.

Младенов Ст. История на българския език. София, 1979 [оригинал: *Mladenov S.* Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1929].

Мутафичев Р. Сегашно историческо време в съвременния български език. София, 1964.

Ничева К. Българска фразеология. София, 1983.

Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск, 1972.

Пашов П. Глаголи с местоименни корени в български език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, 1965, т. 59.

Пашов П. Българският глагол. София, 1966.

Пашов П. Българска граматика. София, 1999.

Пашов П., *Първев Хр.* Българският правоговор. София, 1983.

Пенев Б. История на новата българска литература. София, 1932–1936, т. 2–4.

Помагало по българска морфология. Глагол / Съст. П. Пашов и Р. Ницолова. София, 1976.

Помагало по българска фонетика / Съст. Х. Първев и В. Радева. София, 1980.

Попов К. По някои основни въпроси на българския книжовен език. София, 1973.

Попов К. Съвременен български език. Синтаксис. 4. изд. София, 1979.

Попова Т. В. Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975.

Първев Хр. Очерк по история на българската граматика. София, 1975.

Рожновская М. Г. Синтаксис прилагательного в болгарском литературном языке. М., 1970.

Рожновская М. Г. Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением. М., 1979.

Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. София, 1984.

Селимски Л. Безсуфиксните съществителни, съотносителни с глаголи, в българския език // Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий» В. Търново. София, 1970, т. 7.

Станков В. Имперфектът в съвременния български език. София, 1966.

Станков В. Българските глаголни времена. София, 1969.

Станков В. Конкуренция на глаголните видове в български книжовен език. София, 1976.

Станков В. Глаголният вид в българския книжовен език. София, 1980.

Станков В. Стилистични особености на българския глагол. София, 1981.

Стойков Ст. Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1948, т. 44.

Стойков Ст. Увод във фонетиката на българския език. 3. изд. София, 1966.

Стойков Ст. Българска диалектология. 2. изд., 1968.

Стойков Ст. Българска диалектология. 3. изд. / Под ред. на М. Сл. Младенов. София, 1993.

Стоянов Ст. Употреба и значение на определителния член в съвременния български книжовен език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет, 1959, т. 53, кн. 2.; 1963, т. 57, кн. 1.

Стоянов Ст. Граматика на българския книжовен език. 3. изд. София, 1980.

Стоянов Ст. Граматическата категория определеност в българския език. София, 1980.

Теодоров-Балан А. Състояние на българската граматика. София, 1947.

Теодоров-Балан А. Нова българска граматика за всякого. София, 1954–1961.

Тилков Д. Интонацията в българския език. София, 1981.

Тилков Д., Бояджиев Т. Българска фонетика. София, 1977.

Тилков Д., Бояджиев Т. Ударението в българския книжовен език. София, 1978.

Цонев Б. История на българский език. София, 1934–1940, т. 1–3.

Цыхун Г. А. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968.

Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск, 1981.

Чолакова Кр. Частиците в съвременния български книжовен език. София, 1958.

Andrejczin L. Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej. Kraków, 1938.

Beaulieux L. Grammaire de la langue bulgare. 2. éd. Paris, 1950.

Feuillet J. Grammaire synchronique du bulgare. Paris, 1996.

Miletič Lj. Das Ostbulgarische. Wien, 1903.

Sławski Fr. Gramatyka języka bułgarskiego. Warszawa, 1954.

Walter H. Temporale, aspektliche und modale Semantik des verbum finitum im modernen Bulgarischen. Berlin, 1977.

Словари и энциклопедии

Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1966.

Български етимологичен речник. София, 1971–1999, т. 1–5.

Енциклопедия България / Гл. ред. В. Георгиев. София, 1978–1996, т. 1–7.

Кратка българска енциклопедия / Гл. ред. В. Георгиев. София, 1963–1969, т. 1–5.

Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975, т. 1–2.

Обратен речник на съвременния български език / Отгов. ред. Л. Андрейчин. София, 1975.

Пашов П., Първев Хр. Правоговорен речник на българския език. 2. изд. София, 1979.

Правописен речник на съвременния български книжовен език / Отгов. ред. Е. Георгиева, В. Станков. София, 1983.

Речник на българския език / Гл. ред. К. Чолакова. София, 1977–2000, т. 1–9 [продолжающееся издание].

Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / Под ред. на Ст. Илчев. София, 1974.

Речник на съвременния български книжовен език / Гл. ред. С. Романски. София, 1954–1959, т. 1–3.

Речник на чуждите думи в българския език / Отгов. ред. Ст. Илчев. София, 1982.

Атласы

Български диалектен Атлас. София, 1964–1981, т. I–IV.

Р. П. Усикова

МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Македонский язык (М.я.) — язык македонцев, славянского этноса, проживающего в географической области Македонии на Балканах. Славянские племена начали селиться в этом ареале с VI в. Земли, населяемые македонскими славянами, входили в состав различных средневековых государств: Византии, Болгарского царства, Сербии, затем более 550 лет были под властью Османской империи. В XX в. после двух Балканских войн и Первой мировой войны географическая область Македония была разделена между королевской Югославией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринская Македония). В этих государствах македонские славяне считались частью основного этноса: в Болгарии — болгарами, в Югославии — сербами, в Греции — греками-«славянофонами».

Много веков — со времени поселения на Балканах — македонские славяне в основном говорили на своих диалектах. Для общения с иноязычными этносами они пользовались и своим родным, и иноязычным диалектом. Определенная часть носителей македонских диалектов могла пользоваться также официальным языком соответствующего государства: греческим, турецким, сербским. Языковым обеспечением духовных и культурных потребностей македонских славян веками служил наддиалектный славянский идиом народной поэзии (фольклора), в церкви — церковнославянский в различных редакциях или греческий язык. На протяжении веков (до 1945 г.) этнический М.я. функционировал главным образом в виде локальных диалектов, а часть его носителей были би- и полилингвами.

Длительный процесс становления македонской нации привел к возникновению македонской государственности лишь в 1944 г. на территории Вардарской Македонии. Это была Народная (затем Социалистическая) Республика Македония в составе Югославии. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославия в 1991 г. Республика Македония стала самостоятельным независимым государством.

1.1.1. Вариантов названия нет. Макед. *Макéдонски јазик*; англ. *Macedonian*, нем. *Makedonisch*, фр. *le macédonien*. В Греции македонцев называют «славянофонами», а язык — Σλαβικά διάλεκτος (‘славянский диалект’).

1.1.2. Генетически М.я. относится к восточной подгруппе южнославянской группы славянских языков индоевропейской языковой семьи. Со структурно-типологической точки зрения входит в так называемый балканский языковой союз вместе с болгарским языком, южноторлакскими сербскими говорами и неславянскими языками индоевропейской языковой семьи.

1.1.3. Распространен на Балканском п-ове, главным образом в Республике Македония с населением 2 022,5 тыс. чел. (2002, перепись). Кроме основного этноса — македонцев (64% населения), на М.я. говорят и иные народности, живущие в республике: албанцы (около 25% населения), сербы, цыгане, турки, влахи и др. (около 11% населения).

Македонцы проживают также в соседних странах: в северной части Греции (Эгейская Македония, по оценкам, до 200 тыс. чел.), на востоке Албании (120–350 тыс., официально только 5 тыс. чел.), на юго-западе Болгарии (по оценкам, до 250 тыс. чел.), в Сербии (26 тыс. чел.). Не менее 400 тыс. чел. составляют македонскую диаспору в Австралии, США, Канаде и некоторых странах Европы.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Современная македонская языковая территория на востоке граничит с болгарской, на севере — с сербской, на западе — с албанской, на юге — с греческой.

Диалекты М.я. делятся на три основные группы: западную, восточную и северную, границы между которыми обозначены многочисленными изоглоссами, отражающими структурно-типологические различия в фонетике, просодии (акцентуации), морфологии и синтаксисе. Современная диалектная дифференциация македонской территории, сформировавшаяся к XIII в., в значительной степени отражает как собственно славянские, так и балканские инновации.

Наиболее специфичны говоры западной группы. Здесь выделяются центральные говоры к югу от Скопье: поречский, кичевский, прилепский, битоль-

ский, велесский, где праславянский носовой *ǫ изменился в *а* и где другие типично западномакедонские особенности представлены в полной мере; юго-западные — говоры охридско-преспанского региона; дебрский на западе, гостиварский на северо-западе, а также некоторые архаичные островные говоры вдоль границы с албанской языковой территорией и македонские диалектные анклавы в самой Албании. Граница между западной и восточной диалектными группами в виде пучка из 36–37 изоглосс проходит по долинам рек Пчиня, Вардар и Црна.

Территория восточной (юго-восточной) диалектной группы простирается к востоку от западных говоров и к югу от линии Скопье — Св. Николе — Злетово. Она включает штипско-струмицкую группу говоров в Республике Македония, солунско-воденские говоры в Эгейской Македонии и македонские говоры Пиринской Македонии в Болгарии.

Между западной и восточной диалектными группами расположена полоса переходных тиквешско-мариовских, преспанских и корчанско-костурско-леринских говоров.

Северная македонская диалектная группа близка к южным сербским (южноторлакским) говорам и крайнезападным болгарским говорам и находится на севере Республики Македония в районе г. Тетово и Скопской Црной Горы, немного севернее Скопье, в Кумановской, Овчепольской и Кратовской областях и вокруг г. Крива Паланка. Южная граница этой группы обозначена пучком из 46–47 фонетических и структурно-грамматических изоглосс, отделяющих северную македонскую группу от западной и восточной групп.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С 1991 г. М.я. является официальным языком Республики Македония. Большинство грамотного населения республики, получившего образование во времена королевской Югославии и СФРЮ, владеет в той или иной мере сербохорватским (сербским) языком. В официальной и полуофициальной коммуникации М.я. пользуются не только его носители, но и иноязычные этносы, проживающие в Македонии (см. 1.1.3.). Для Македонии характерна языковая ситуация би-/полилингвизма и диглоссии.

В Албании М.я. официально признан в основном в округе г. Корчи. В Болгарии М.я. считается продолжением болгарского, и существование македонского меньшинства не признается. В Греции долгие годы М.я. был запрещен. В 1980-х гг. официальный запрет был снят, однако М.я. до сих пор не признан.

1.3.2. На момент кодификации литературного языка правительственным декретом Народной Республики Македония в 1945 г. этнический М.я. существовал в виде локальных говоров и профессиональных жаргонов; вероятно, были и региональные койне вокруг крупных городов (Скопье, Битоль, Охрид). Литературный М.я. как главное средство официальной языковой коммуникации был введен в школах, государственных учреждениях, средствах массовой информации. Были открыты курсы обучения литературному языку, создавались органы печати, радиостанции, театры, киностудия и т. д. В 1949 г. открыт Университет в Скопье, в 1967 г. — Академия наук и искусств. С конца 60-х гг. XX в. на М.я. работает телевидение. После провозглашения в 1968 г. автокефальности Македонской православной церкви М.я. используется в богослужении.

Нормы литературного М.я. развивались быстрыми темпами: уточнялась кодификация грамматических и орфоэпических норм, обогащался лексический состав, главным образом за счет терминологический лексики. С 80-х гг. XX в. можно говорить о наличии развитых функциональных стилей литературного М.я. — научного, общественно-политического, административно-делового, разговорного, публицистического, художественного и т. д.

В кодификацию, а также в научное исследование М.я. определяющий вклад внесли македонские ученые Б. Конеский, Б. Видоеский, Б. Корубин, Л. Минова-Гюркова, В. А. Мошин, П. Илиевский, Р. Угринова-Скаловска, С. Велковска и др.

Современный литературный М.я. очень близок к народно-разговорному и не отягощен элементами многовековой книжной традиции. Нормы литературного М.я. опираются на диалектную базу центральных говоров западной диалектной группы (фонологическая и просодическая, а в основном также словообразовательная, морфологическая и синтаксическая системы) с введением некоторых черт из иных говоров (глагольные формы презенса, перфекта II и плюсквамперфекта II); кодификаторы литературного М.я. учитывали также опыт языка фольклора, македонской авторской поэзии и драматургии начала XX в. и некодифицированные тексты на М.я. периода борьбы против фашизма и за национальное освобождение 1941–44 гг. Во внимание были приняты некоторые принципы кодификации соседних славянских литературных языков, главным образом сербохорватского (в плане графики и орфографии, опоры на народно-разговорный язык без учета книжной традиции, отсутствия языкового пуризма в области лексики).

1.3.3. В Республике Македония литературный М.я. обладает полным учебно-педагогическим статусом (начальная, средняя, средняя специальная, высшая школы). В Албании на нем ведется преподавание в начальной школе в некоторых селах с македонским населением.

Крупные зарубежные научные центры изучения М.я. — университеты России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Пермь), Франции (Сорбонна и др.), Германии (Галле), Австрии (Вена), Италии, США (Чикаго и штат Северная Каролина), Канады (Торонто), Австралии (Сидней). В Словении, Хорватии, Сербии курс М.я. читается на филологических факультетах ведущих университетов.

В XIX в. македонцы могли получать школьное образование на локальных македонских вариантах «народно-разговорного языка» с изучением грамоты на основе кириллицы или греческой азбуки; в первой половине XX в. — на неродных языках: сербохорватском (в Вардарской Македонии), греческом (в Эгейской Македонии), болгарском (в Пиринской Македонии).

1.4.0. В древний период на территории Македонии в Охридской книжной школе применялись старо(церковно)славянские азбуки глаголица и кириллица (X–XIII вв.); разные варианты церковнославянской кириллицы использовались вплоть до XIX в., в южной половине македонской языковой территории в XIX–XX вв. использовалась греческая графика; запись фольклорных, художественных и общественно-политических текстов производилась с помощью графики болгарского и сербского языков (XIX–XX вв. до кодификации М.я.).

Графика современного М.я. — вариант кириллицы со специфическими буквами *ќ*, *ѓ*, обозначающими мягкие средненебные аффрикаты, переходные к задне-

небным [к͡'j], [г͡'j]; *ѕ*, *џ*, обозначающими твердые аффрикаты, соответственно свистящую [д͡з] и шипящую [д͡ж]; *љ* [л'], *њ* [н']. Используются также надстрочные знаки. Знак ' 1) обозначает призвук слогового *р* /р̥/ (пишется только в начале корня): *'рж* [ᵊр̥ш] 'рожь', но *срце* [сᵊрце] 'сердце'; 2) может писаться в нелитературных вариантах некоторых слов (диалектизмах, турцизмах) для обозначения гласного звука [ә], [ă]. Знак ` используется для различения некоторых омографов: *ѝ* 'ей', 'её' — *и* 'и' (союз), *нѐ* 'нас' — *не* 'не' (отрицательная частица). См. 2.1.1.

1.5.0. Краткая периодизация истории М.я.:

1) Древнейший период — распад праславянского единства; начало выделения македонских диалектов (в рамках болгаро-македонского диалектного континуума), к XI в. выразившегося, в частности, в прояснении сильных и падении слабых редуцированных: в македонских говорах сильные *ъ* > *о*, *ь* > *е*. В этот период в македонских, как и в болгарских, диалектах **tj* > [št'], **dj* > [žd']; *ě*, вероятно, звучал как [ä]; различались носовые гласные переднего и заднего ряда. Македонские диалектные черты отражают старо(церковно)славянские памятники X–XI вв.: Мариинское, Зографское, Ассеманиево евангелия и др.

2) В XII–XIII вв. в большинстве македонских говоров исчезают носовые гласные; *ě* и *ę* совпадают в [ä]; в большинстве говоров *ǫ* > [ă], в некоторых > [o], в северных > [u]; в западных говорах происходит мена носовых в ряде позиций (**ѩзыкъ** 'язык' > **ѭзыкъ**); в большинстве македонских говоров в направлении с севера к юго-востоку под сербским влиянием на месте прежних [št'], [žd'] (< **tj*, **dj*) появляются новые специфические средненебные аффрикаты *ќ*, *ѓ*. К XIII в. формируются группы македонских диалектов, существующие до сих пор. Эти черты отражают такие памятники церковнославянской письменности Македонии данного периода, как Добромирово Евангелие, Паримейник Григоровича, Болонская Псалтирь, Битольская Триодь (XII в.); Добрейшово Евангелие, Македонское Евангелие попа Йована, Струмицкий Апостол и др. (XIII в.). Канонические тексты средневековых памятников церковнославянской письменности почти не отражали структурно-типологические изменения в македонских диалектах, проходившие на Балканах под влиянием контактов с неславянскими диалектами. Предполагается, однако, что к XIV–XV вв. в македонских диалектах в той или иной степени уже сформировались основные особенности, связанные с развитием аналитических черт в процессе балканизации.

3) В XIV–XVIII вв. на территории Македонии преобладала церковнославянская письменность сербской редакции. Элементы народного М.я. постепенно проникают в язык церковной литературы с XVI в. (так называемые дамаскины — сборники проповедей Дамаскина Студита в переводе с греческого, например, Крнинский дамаскин). Язык юго-западных македонских диалектов нашел отражение в словаре XVI в. (исследован А. Вайаном) и в «Четырехъязычнике Даниила» (конец XVIII в.).

4) В XIX в. на северной половине территории македонских диалектов в функции письменного языка использовались церковнославянский язык в церковной службе и некоторые диалектные и региональные наддиалектные варианты народно-разговорного языка при обучении в начальной школе. Стремление писать на языке, понятном народу, проявилось в первопечатных книгах церковно-просветительного содержания, которые были созданы монахами Иоакимом Крчов-

ским и Кириллом Пейчиновичем. В южной половине македонской диалектной территории (главным образом в Эгейской Македонии) в этот период пользовались греческой азбукой (например, так написано Кулакиское Евангелие на костурском диалекте — начало XX в.), языком высокой культуры считался греческий язык, применявшийся в богослужении. Устным языком культуры продолжал оставаться язык фольклора, имевший некоторые наддиалектные особенности.

Попытки создать литературный язык на народно-разговорной основе у славян Македонии проявлялись в течение всего XIX в. Немногочисленная тогда македонская интеллигенция полагала, что этот литературный язык должен быть единым для славян Македонии и Болгарии и называться болгарским, однако, участвуя в работе по созданию норм такого общего литературного языка, в качестве его диалектной базы предлагала собственный македонский говор (грамматика П. Зографского). Практически такие опыты проявлялись в близкой к фольклору поэзии на народно-разговорном языке, опирающемся на диалект автора (классик македонской литературы К. Миладинов, писавший на стружском диалекте), иногда с элементами церковнославянского или русского языкового влияния (Р. Жинзифов, Г. Прличев).

Первая квалифицированная попытка создать собственно македонский литературный язык на базе центральных говоров западной диалектной группы была предпринята в 1903 г. носителем солунского диалекта македонцем К. П. Мисирковым, выпускником С.-Петербургского университета, издавшим в Софии на созданном им литературном языке книгу «За македонцките работи» («О македонских проблемах»), однако этот опыт не получил распространения и в самой Македонии не был известен до 1940-х гг.

1.6.0. М.я. является наиболее балканизированным из всех языков, входящих в балканский языковой союз: не только потому, что его территория географически находится в центре Балканского п-ова в окружении греческого, албанского, романских языков и он веками существует в условиях интенсивных межъязыковых контактов с ними, но и в силу социолингвистических причин — македонский этнос долго не имел родного литературного идиома, который авторитетными нормами сдерживал бы иноязычное влияние на диалектном уровне. Социолингвистические причины обусловили утверждение у македонцев балканского языкового менталитета и языковой модели мира, когда в стремлении донести информацию и быть понятым иноплеменниками легко усваивается и присваивается чужое, становящееся как бы своим. Македонские диалекты и литературный язык содержат в своей структуре почти все основные балканизмы — типологические черты, свойственные другим балканским языкам. В грамматике это: постпозитивный определенный член (артикль); аналитические степени сравнения; утрата инфинитива и замена его *да*-конструкцией; образование будущего времени глаголов с частицей *ќе*, восходящей к глаголу с исконным значением ʽхотетьʼ; наличие глагольной категории «пересказа», глагольной категории результатива (конструкции перфектных форм глагола *има* ʽиметьʼ с причастием на *-н*/*-т* в среднем роде и глагола *сум* ʽбытьʼ с причастием на *-н*/*-т*; грамматикализация удвоения прямого и непрямого объекта адресата с помощью кратких форм личных местоимений; функциональное совпадение старых форм дательного и родительного падежа, семантика которых выражает-

ся одной аналитической конструкцией; использование кратких форм дательного падежа личных и возвратных местоимений в притяжательной (посессивной) функции при существительных — терминах родства. В фонетике и фонологии — система вокализма из пяти фонем при наличии в диалектах также фонемы /ә/. В лексике — отсутствие языкового пуризма, что проявлялось и проявляется в заимствованиях, калькировании слов и фразеологизмов из престижных языков (турецкого, греческого, сербского, в последние годы — из английского), а в некодифицированных идиомах также в интерференции с ними.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	и		у
Средний	е	(ә)	о
Нижний		а	

И ударные, и безударные позиции для всех гласных, кроме [ә], являются сильными: *вади* ‘вытаскивать’ (словарной формой глагольной лексемы в М.я. принято считать форму 3-го лица единственного числа презенса, на русский язык здесь и далее она переводится инфинитивом) — *води* ‘вести’, ‘водить’ — *види* ‘видеть’, ‘глядеть’, *сом* ‘сом’ — *сум* 1 л. ед. ч. наст. вр. глагола ‘быть’, *сече* ‘резать’ — *суче* ‘сучить’, *бела* ‘белая’, *бело* ‘белое’, *бели* ‘белые’, *насочен* ‘направленный’ — *насечен* ‘нарезанный’ — *насучен* ‘намотанный’, ‘раскатанный (о тесте)’, *меѓа* ‘межа’, мн. ч. *меѓи* — *меѓу* ‘между’.

Гласный [ә] как нелитературный вариант фонемы /а/ встречается в турцизмах, диалектных топонимах, звукоподражательных словах и именах собственных и выполняет лишь стилистическую и экспрессивную функцию, будучи принадлежностью разговорного языка и просторечия: *к’смет* [кәсмет] = лит. *касмет* ‘удача, счастье’, *с’клет* [сәклет] = лит. *саклет* ‘душевное беспокойство’. В литературном языке [ә] выступает факультативно лишь перед согласной /р/ в позиции начала корня и в середине корня между согласными, являясь призвуком слогового /р̥/. Смыслоразличительная функция этого однофонемного сочетания проявляется, например, в парах: *врба* [вᵊр̥́ба/вр̥́ба] ‘верба’ — *верба* ‘вера’, *крка* [кᵊр̥́ка/кр̥́ка] ‘клокотать’ — *корка* ‘корка’, *’рка* [ᵊр̥́ка] ‘храпеть’ — *урка* ‘прялка’, *мрка* [мᵊр̥́ка/мр̥́ка] ‘мурлыкать’ — *марка* ‘марка’, *’рска* ‘хрустеть’ — *Ирска* ‘Ирландия’. Чаще /ᵊр̥/ выступает под ударением, но может быть и в безударной позиции: *’ржи* [ᵊр̥́жи] ‘рычать’ — *за’ржи* [за́ᵊр̥жи] ‘зарычать’.

Во многих македонских говорах /ә/ является фонемой, выступая рефлексом древнего носового заднего ряда: [пәт] ‘путь’, [рә́ка] ‘рука’. В этих же говорах вместо /р̥/ представлено двуфонемное сочетание /әр/: [сә́рце] ‘сердце’, [кәрф] ‘кровь’.

Согласные

По способу образования			По месту образования					
			Губные		Переднеязычные		Средне-язычные	Задне-язычные
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвео-лярные	Средне-небные	Задне-небные
Шумные	Взрывные	Гл.	п		т			к
		Зв.	б		д			г
	Аффрикаты	Гл.			ц	ч	к͡’j	
		Зв.			д͡з	д͡ж	г͡’j	
	Фрикативные	Гл.		ф	с	ш		х
		Зв.		в	з	ж		
Сонорные	Носовые		м		н		н’	
	Боковые					л	л’	
	Дрожащие					р		
	Скользящие						j	

По участию шума и голоса противопоставлены шумные и сонорные согласные. Для шумных характерна оппозиция парных глухих и звонких согласных (см. 2.1.3.).

Слова с /к͡’j/, /г͡’j/ (орф. *ќ*, *ѓ*) на месте более старых рефлексов **tj*, **dj* болгарского типа (*шт*, *жд*) зафиксированы памятниками не ранее XIV в.: совр. *меѓа* ‘межа’, но *межник* ‘межевой камень’, *свеќа* ‘свеча’, но *свешник* ‘подсвечник’, *моќен* ‘могущественный’, но *немошен* ‘немощный’.

В большинстве диалектов непарная согласная /х/ утратилась. В говорах западной группы /х/ изменилось в /в/: *страв* ‘страх’, *уво* ‘ухо’, или утратилось; так же и в литературном языке: *леб* ‘хлеб’, *снаа* ‘сноха’. Начальное сочетание **xv* дало /ф/: *фати* ‘схватить’, *фала* ‘спасибо’. В современном М.я. /х/ встречается лишь в книжных словах и заимствованиях: *воздух* ‘воздух’, *храна* ‘пища’, *доход* ‘доход’, *хемија* ‘химия’, *хеликоптер* ‘вертолет’.

По твердости/мягкости в современном М.я. противопоставлены только две пары фонем — /н/ : /н’/ и /л/ : /л’/, причем мягкие возможны в позиции на стыке морфем и крайне редко в конце слова: *коњ* ‘лошадь’, *детаљ* ‘деталь’, *крило* ‘крыло’ — *крилја* [крил’а] ‘крылья’. В большинстве случаев бывшие мягкие /н/, /л/ отвердели: *клун* ‘клюв’, *клуч* ‘ключ’, *ден* ‘день’, *молба* ‘просьба’, *вишна* ‘вишня’. Непарные мягкие /к͡’j/, /г͡’j/, /j/ встречаются чаще и в любой позиции: *ливаѓе*/*ливадје* ‘луга’, *куќа* ‘дом’, *ќерка* ‘дочь’, *ќеф* ‘удовольствие’, *туѓ* ‘чужой’ — ж. р. ед. ч. *туѓа* — ср. р. ед. ч. *туѓо* — мн. ч. *туѓи*, *ѓум* ‘кувшин’. У остальных согласных — губных и зубных взрывных, зубных фрикативных, сонорных /р/, /м/ — корреляция по твердости/мягкости во всех позициях утратилась, согласные отвердели: *димам* ‘дымлю’, *димат* ‘дымят’; *борба* ‘борьба’. В именах существительных при утрате мягкости у губных на стыке морфем выделился *j*: *земја* ‘земля’, *сабја* ‘сабля’, *чапја* ‘цапля’.

2.1.2. В М.я. ударение во всех диалектах экспираторное. В западной диалектной группе оно фиксировано на третьем слоге от конца слова или акцентной группы и не носит смыслоразличительного характера. В восточной диалектной

группе ударение, выполняя парадигматическую функцию, может падать на один из трех слогов от конца слова (в некоторых говорах возможно двойное ударение в многосложном слове). В литературном М.я., как и в центральных говорах западной диалектной группы, ударение в многосложных словах фиксировано на третьем слоге от конца слова, в двусложных словах — на втором, и фонетически подвижно в зависимости от изменения слогов в слове или акцентной группе. В исконных словах при изменении числа слогов ударение перемещается, ср. формы от глагола ʽ(на)писать': презенс 3 л. ед. ч. *пи́ше* — 2 л. мн. ч. *пи́шете* — императив 2 л. ед. ч. *на́пиши* — 2 л. мн. ч. *напи́шете*; презенс 3 л. ед. ч. *пи́шува* ʽписать' — 3 л. мн. ч. *пиши́ваат*; *Македо́нија* ʽМакедония' — общ. форма *Маке́донец* ʽмакедонец' — опред. форма *Македо́нецот* — общ. форма прил. м. р. *маке́донски* ʽмакедонский' — опред. форма *македо́нскиот*. В заимствованных словах ударение может падать на первый или второй слог от конца и имеет тенденцию к неподвижности, перемещаясь лишь затем, чтобы быть не далее третьего слога: *журнали́ст* ʽжурналист' — мн. ч. общ. форма *журнали́сти* — опред. форма *журнали́стите*, ср. *дијале́ктичар* ʽдиалектик' — *дијалекти́чари* — *дијалектича́рите*. В разговорной практике иногда, вопреки требованиям нормы, присоединение к многосложным существительным слога с членной морфемой не влечет переноса ударения на третий слог: *ра́бота* ʽработа', ʽдело' — опред. форма *ра́ботата*.

Акцентную группу с ударением на третьем или втором слоге от конца составляют синтагмы из знаменательного слова в сочетании с клитиками или из двух знаменательных слов, представляющих фразеологическое единство: *Да́ј‿го!* ʽДай его (это)!' — *Да́јте‿го!* ʽДайте это!' —*Дајте́‿ми‿го!* ʽДайте мне это!'; *Ќе‿по́јдам ка́ј‿него* ʽЯ пойду к нему'; *суво́‿грозје* ʽизюм', но *зе́лено гро́зје* ʽзелёный виноград'. На место ударения в акцентных группах влияет модальность высказывания: при отрицании и вопросе ударение ставится на третьем слоге, даже если это проклитика: *Му‿да́дов* ʽЯ ему дал' — *Не‿му́‿дадов* ʽЯ не дал ему' — *Што‿му́‿даде?* ʽЧто ты ему дал?', *Ќе‿по́јдам* ʽЯ пойду' — *Не‿ќе́‿појдам* ʽНе пойду' — *Кога‿ќе́‿појдам?* ʽКогда я пойду?', *Сум‿ре́кол* ʽЯ сказал' — *Не‿су́м‿рекол* ʽЯ не говорил'; ср. также *Што‿су́м‿рекол?* / *Што́ сум‿ре́кол?* ʽЧто я сказал?' — *Кој‿го́‿рекол?* / *Ко́ј го‿ре́кол?* ʽКто это сказал?'.

2.1.3. Звонкие и глухие согласные противопоставляются в позиции перед гласными, /в/ и сонорными. В исходе слова перед паузой и перед глухой шумной возможен лишь глухой член пары, в позиции перед звонкой шумной — лишь звонкий член пары. Регрессивная ассимиляция согласных по глухости/звонкости отражается в орфографии, исключая позицию конца слова и некоторые частные случаи. Примеры: *даб* [дап] ʽдуб' — *дабје* ʽдубняк', *сладок* — *слатка* ʽсладкий', *подбира* ʽподбирать' — *потпира* ʽподпирать', *клас* ʽколос' — *глас* ʽголос', *дава* ʽдавать' — *тава* ʽсковорода', *песна* ʽпесня' — *бесна* ʽбешеная', *дворец* ʽдворец' — *творец* ʽтворец', *шега* ʽшутка' — *жега* ʽжара', *џин* ʽвеликан' — *чин* ʽакт', ʽдействие', *зол* ʽзлой' — *сол* ʽсоль', *'рж* [ᵊр̥ш] ʽрожь' — *'ржен* ʽржаной'.

Звуковые реализации фонем /н/, /н'/ различаются во всех позициях: перед гласными, согласными (кроме /j/), в исходе слова: *кон* ʽк' (предлог) — *коњ* ʽконь', *дене* ʽдеть' — *дење* ʽднём', *корен* ʽкорень' — *(два) корена* ʽ(два) корня', *корени* ʽкорни' — *корења*, *корење* ʽкоренья'.

Звуковые реализации фонем /л/, /л'/ различаются перед гласным непереднего ряда, перед согласными (кроме /j/) и в исходе слова. В позиции перед гласными переднего ряда и /j/ реализуется лишь мягкое [л'], орфографически передаваемое в этих случаях буквой *л*. Примеры: *лубеница* ʿарбуз' — *љуби* ʿлюбить', *кол* ʿкол' — *кељ* ʿцветная капуста', *метал* ʿметалл' — *детаљ* ʿдеталь', *метална* ʿметаллическая' — *детаљна* ʿдетальная', но *метали* ʿметаллы', *детали* ʿдетали', *колје*/*колја* ʿколья'. Лексемы, различающиеся исключительно противопоставлением /л/ : /л'/, единичны: *плачка* ʿплакса' — *пљачка* ʿдобыча', *бела* ʿбелая' — *беља* ʿбеда', но *бели* ʿбелые' и ʿбеды'.

Регрессивной ассимиляции по месту образования подвергаются группы согласных /сч/ > /шч/: *расчисти* [рашчисти] ʿрасчистить', /зж/ > /ж/: *изживее* [иж̄ивее] ʿпрожить', /сш/ > /ш/: *рашири* ʿрасширить', /зд͡ж/ > /жд͡ж/: *изџвака* [ижд͡жвака] ʿпрожевать'.

Две одинаковые согласные, возможные на стыке морфем, произносятся обычно как один звук. Литературная норма допускает произношение и требует написания двух согласных лишь для различения смысла и в некоторых типах словоформ: *одели* ʿоделить' — *оддели* ʿотделить', *подржи* ʿподержать' — *поддржи* ʿподдержать', *пети* ʿпятки' — *петти* ʿпятый'.

Группы из трех согласных упрощаются: /стј/ > /сј/: *лист* — *лисје* ʿлистья'; /стн/ > /сн/: *местен* ʿместный' — *месна* ʿместная'; /стл/ > /сл/: *постеле* ʿпостелить' — *послан* ʿпостланный'; /штн/ > /шн/: *училиште* ʿшкола' — *училишна* ʿшкольная' и отсюда *училишен* ʿшкольный'; /стт/ > /ст/: *радост* + *та* > *радоста* ʿрадость' (опред. форма); /здј/ > /зј/: *грозд* ʿгроздь' — *грозје* ʿвиноград'; /ждн/ > /жн/: *нужда* ʿнужда' — *нужна* ʿнужная', ср. р. *нужно*, отсюда м. р. *нужен*.

Характерна утрата некоторых согласных в интервокальной позиции, наиболее последовательно — согласной /в/: *снаа* ʿсноха' (< *снава* < *снаха*), *пишаа* аорист ʿ(они) написали' (диал. *пишава* < *пишаха*), а также *страв* ʿстрах' — мн. ч. *стравови* (диал. *страој*), *правиш* ʿделаешь' (диал. *прајш*/*праиш*).

В отличие от говоров западной диалектной группы, в литературном М.я. сохраняется интервокальная /в/ в некоторых аффиксах: в суффиксе имперфективации *-ува* (*исплетува* ʿсплетать'), во флексии множественного числа существительных *-ови* (*градови* ʿгорода', *брегови* ʿберега', *тенкови* ʿтанки').

Две одинаковые гласные в потоке речи могут произноситься как два отдельных звука (так обязательно на стыке приставки и корня), либо как один долгий звук, являющийся факультативным аллофоном двух соседних одинаковых гласных фонем: *пооди* ʿпоходить', *заапе* ʿначать кусать', но *змии* [змӣ] ʿзмеи', *викаат* [викāт] ʿзовут', *вакуум*/*вакум* ʿвакуум'.

При стечении гласных /и/ + /а/, /о/ + /а/ появляется «хиатовый йот»: *пие* ʿпьёт', но *пијам* ʿпью', *брои* ʿсчитает', но *бројам* ʿсчитаю', *чиј* ʿчей', *чија* ʿчья', но *чие* ʿчьё', *чии* ʿчьи'.

При стечении трех гласных между второй и третьей *j* обязателен: *пее* ʿ(он) поёт', *пеат* ʿ(они) поют', но *пееја* ʿ(они) пели' (имперфект).

2.1.4. Носителем слога является гласный или слоговой *р* (/ᵊр̥/). Допустимы слоги открытые и закрытые. Слог может состоять из одного гласного или из сочетания гласного с одним, двумя или тремя согласными — V, CV, CVC, CCV,

CCCV, CCVC, CCVCC, VC: *о-ко* ʻокоʼ, *ʼр-чи* ʻ(он) храпитʼ, *пе-е* ʻ(он) поётʼ, *ви-ка-ат* ʻ(они) кричатʼ, *ви-кај-ќи* дееприч. от ʻкричатьʼ, *диг-не*/*ди-гне* ʻподнятьʼ, *срт* ʻхребетʼ, *власт* ʻвластьʼ, *вла-стен*/*влас-тен* ʻвластныйʼ, *брат* ʻбратʼ, *брат-ство* ʻбратствоʼ, *од-де-ли* ʻотделитьʼ, *ум* ʻумʼ, *ек* ʻотзвукʼ.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Фонологическая структура слога определяется закономерностями строения слога (см. 2.1.4.), а также межслоговыми явлениями, которые нередко имеют межморфемный характер (см. 2.1.3.).

Для позиции конца слова необычны сочетания «шумная + сонорная». В общенародной (исконной и заимствованной) лексике между этими согласными появляются «беглые» и «вставные» гласные: *бодар* ʻбодрыйʼ — ж. р. *бодра*, *рекол* ʻсказалʼ — ж. р. *рекла*, *радосен* ʻрадостныйʼ — ж. р. *радосна*, общ. форма *комунизам* ʻкоммунизмʼ — опред. форма *комунизмот*, *министер* ʻминистрʼ — мн. ч. *министри*, *калибар* ʻкалибрʼ — мн. ч. *калибри*. Но несколько новейших заимствований не имеют такого гласного: *тембр* ʻтембрʼ, *спектакл* ʻспектакльʼ, *ансамбл* ʻансамбльʼ. Для позиции начала слова сочетание «шумная + сонорная» нормально: *древен* ʻдревнийʼ, *здравје* ʻздоровьеʼ, *три* ʻтриʼ, *змија* ʻзмеяʼ, *страв* ʻстрахʼ, однако нетипично сочетание «сонорная + шумная»; в таких случаях появляется гласный *а*: *магла* ʻмглаʼ, *лаже* ʻлгатьʼ.

2.2.2. Вопрос не изучен.

2.2.3. В литературном М.я. наблюдаются две противоположные тенденции: 1) к утрате чередований, т. е. замене словоформ с чередованиями словоформами без чередований (ед. ч. наст. вр. от ʻпечьʼ: 1 л. *печам*, 2 л. *печеш*, 3 л. *пече*); 2) к распространению модели с чередованием на все словоформы без исключения (например, /к/ ~ /ц/, /г/ ~ /з/, /х/ ~ /с/ при образовании множественного числа существительных мужского рода).

Чередования г л а с н ы х:

/о/ ~ /е/ — в окончании множественного числа односложных существительных мужского рода, в частичной зависимости от фонетических условий — качества корневой гласной и мягкости конечной согласной: *син* ʻсынʼ — мн. ч. *синови*, *еж* ʻёжʼ — мн. ч. *ежови*, *кеј* ʻнабережнаяʼ — мн. ч. *кејови*, но *бој* ʻбойʼ — мн. ч. *боеви*, *лој* ʻсалоʼ — мн. ч. *лоеви*;

/о/ ~ ∅, /е/ ~ ∅ — в различных морфологических условиях, исторически связано с прояснением «сильных» еров: *сомеле* ʻсмолотьʼ — аорист *сомлев* ʻ(я) смололʼ, *сон* ʻсонʼ, ʻмечтаʼ — мн. ч. *соништа*/*сништа*, *старец* ʻстарикʼ — мн. ч. *старци*, *ден* ʻденьʼ — мн. ч. *дни*/*денови*, *лакот* ʻлокотьʼ — мн. ч. *лакти*, *орел* ʻорёлʼ — мн. ч. *орли*;

/о/ ~ /а/, ∅ ~ /е/ ~ /и/, ∅ ~ /и/ — при глагольном видообразовании и формообразовании; гласные /а/, /и/ указывают на имперфективные основы: *изговори* ʻвыговоритьʼ — *изговара* ʻвыговариватьʼ, *избере* ʻизбратьʼ — аорист *избра* ʻ(он) избралʼ — *избира* ʻизбиратьʼ, *умре* ʻумеретьʼ — *умира* ʻумиратьʼ;

/е/ ~ /и/ ~ /о/ ~ ∅ — в словообразовании: *собере* ʻсобратьʼ — *собира* ʻсобиратьʼ — *соборна црква* ʻсоборʼ — *собрание* ʻсобраниеʼ, ʻпарламентʼ.

Чередования с о г л а с н ы х:

/к/ ~ /ч/, /г/ ~ /ж/, /х/ ~ /ш/, /в/ (< /х/) ~ /ш/ — в словообразовании: *рака* ʻрукаʼ — *рачка* ʻручкаʼ, *нога* ʻногаʼ — *ноже* ʻножкаʼ, *тивок* ʻтихийʼ — *тишина*

ʽтишина’; при образовании вокатива: *човек* ʽчеловек’ — *човече*, *бог* ʽБог’ — *боже*; в глагольном формообразовании и видообразовании: *испече* ʽиспечь’ — аорист *испеков* ʽ(я) испёк’ — несов. вид *испечува*/*испекува* ʽвыпекать’, *иструже* ʽвыстругать’ — аорист *истругав* ʽ(я) выстругал’ — несов. вид *истругува*/*истружува* ʽвыстругивать’;

/к/ ~ /ц/, /г/ ~ /з/, /х/ ~ /с/ — при образовании множественного числа существительных мужского рода перед окончанием *-и*: *јунак* ʽгерой’ — мн. ч. *јунаци*, *полог* ʽкуриное гнездо’ — мн. ч. *полози*, *успех* ʽуспех’ — мн. ч. *успеси*; в этой категории словоформ нет исключений: *бифтек* ʽбифштекс’ — мн. ч. *бифтеци*, *митинг* ʽмитинг’ — мн. ч. *митинзи*. В глагольном видообразовании и формообразовании — у форм глагола ʽвойти’: 1 л. ед. ч. презенса *влезам* — 3 л. ед. ч. презенса и аориста *влезе* — 1 л. ед. ч. аориста *влегов* и других приставочных от этого корня: *излезе* ʽвыйти’, *излегов* ʽ(я) вышел’ и т. п.

/т/ ~ /к͡’j/, /д/ ~ /г͡’j/, /н/ ~ /н’/ — при образовании собирательных существительных с суффиксами *-је*, *-ја*: *брат* — мн. ч. *браќа*, *брут* ʽгвоздь’ — мн. ч. *бруќе*; при образовании несовершенного вида глаголов с суффиксами *-ја*, *-јава*: сов. вид *вети* — несов. вид *веќава*/*ветува* ʽобещать’, *роди* ʽродить’ — *раѓа* ʽрождать’, *мени* ʽсменить’ — *мењава*/*менува* ʽменять’;

/ск/ ~ /шт/, /ст/ ~ /шт/ — в глагольном слово- и видообразовании: *писка* ʽвизжать’ — *пишти* ʽпищать’, *крсти* ʽокрестить’ — *крштава* ʽкрестить’, *прости* ʽпростить’ — *проштава* ʽпрощать’;

/ц/ ~ /ч/, /с/ ~ /ш/, /з/ ~ /ж/ — в словообразовании: *овца* ʽовца’ — *овчи* ʽовечий’, *птица* ʽптица’ — *птичји* ʽптичий’, *запис* ʽзапись’ — *запише* ʽзаписать’, *близок* ʽблизкий’ — *доближи* ʽприблизить’;

фрикативная согласная ~ /ф/ — при образовании диминутивов с суффиксами *-це*, *-ца*, *-че*: *месо* ʽмясо’ — *мевце* [мефце] ʽмясцо’, *опашка* ʽхвост’ — *опавче* ʽхвостик’, *крлеж* ʽклещ’ — *крлевче* ʽклещик’, *кутија* ʽкоробка’ — *кутивче* ʽкоробочка’, *воз* ʽпоезд’ — уменьш. *вовче*, *мост* [мос] ʽмост’ — *мовче* ʽмостик’;

/т/, /д/ ~ ∅ — при образовании аористной *l*-формы: *плете* ʽплести’ — ед. ч. м. р. *плел*, *даде* ʽдать’ — ед. ч. м. р. *дал*; в некоторых глаголах /с/ ~ ∅: *донесе* ʽпринести’ — ед. ч. м. р. *донел*/*донесол*.

Больше всего чередований встречается в глагольном видо- и формообразовании. Однако здесь же более всего проявляется тенденция к утрате чередований и унификации основ. Например, утрачены давние чередования /з/ ~ /ж/, /с/ ~ /ш/ между презентными и аористными основами: (*ќе*) *пише* ʽнапишет’ — *пишав* ʽ(я) написал’, (*ќе*) *каже* ʽскажет’ — *кажав* ʽ(я) сказал’; чередования /к/ ~ /ч/, /г/ ~ /ж/ внутри презентных основ: *печам* ʽпеку’ — *печеш* ʽпечёшь’, *можам* ʽмогу’ — *можеш* ʽможешь’, хотя последнее чередование сохраняется между презентной и аористной основами: *(ќе) (ис)печам* ʽ(ис)пеку’ — *(ис)пеков* ʽ(я) (ис)пёк’, *стрижам* ʽстригу’ — *(по)стригов* ʽ(я) (по)стриг’, *лажам* ʽлгу’ — *(из)лагав* ʽ(я) (со)лгал’. Многие имперфективированные глаголы, образованные при участии чередующихся фонем, имеют дублетные конкурентные формы с продуктивным суффиксом *-ува* без чередований, ср. *изложи* ʽизложить’ — *излага*/*изложува* ʽизлагать’, *породи* ʽпородить’ — *пораѓа*/*породува* ʽпорождать’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

М.я. принадлежит к флективному синтетическому типу, в то же время в нем довольно сильно развит аналитизм.

В системе глагола аналитические формы и конструкции образуются с помощью частиц *ќе*, *да* и вспомогательных глаголов *сум* и *има* (см. 2.4.0.). Синтаксические отношения имени выражаются прежде всего с помощью предлогов, выступающих как в пространственно-временных и иных обстоятельственных значениях, так и в качестве показателей объектных и посессивных отношений; при этом возможно одновременное употребление двух и иногда трех предлогов: *јадење за по пат* ʽеда в дорогу', *до над манастирот* ʽоколо места, что над монастырём'. В выражении объектных и посессивных отношений имени, кроме предлогов, как формализованные показатели участвуют также краткие формы личных местоимений: *Му ја раскажав содржината на романот од М. Фотев на татко ми* ʽЯ рассказал содержание романа М. Фотева моему отцу' (см. 2.3.4., 2.3.6.).

2.3.1. В соответствии с семантико-грамматическими признаками и синтаксическими функциями в М.я. выделяются части речи: знаменательные — существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие; служебные — предлог, частица, модальные слова, союз; междометие.

2.3.2. Имена существительные распределяются по трем грамматическим р о д а м: мужской род характеризуется грамматической моделью на согласный, флексия в единственном числе — *-Ø* (некоторые существительные мужского рода, обозначающие лиц мужского пола, имеют окончания *-а*, *-о*, *-е*); существительные женского рода имеют в единственном числе флексию *-а* или *-Ø* после согласного (непродуктивный разряд слов, главным образом завершающихся на *-ост*); существительные среднего рода имеют флексию единственного числа *-о*, *-е*. Примеры: мужской род: *град* ʽгород', *работник* ʽрабочий', *коњ* ʽконь', *судија* ʽсудья', *дедо* ʽдед', имена собственные: *Јован*, *Илија*, *Марко*, *Блаже*; женский род: *куќа* ʽдом', *соба* ʽкомната', *земја* ʽземля', ʽстрана', *жена* ʽжена', ʽженщина', *ноќ* ʽночь', *сол* ʽсоль', *власт* ʽвласть', *радост* ʽрадость', *глупост* ʽглупость'; средний род: *село* ʽсело', *писмо* ʽписьмо', *училиште* ʽшкола', *дете* ʽребёнок', *теле* ʽтелёнок', *знаме* ʽзнамя', *решо* ʽэлектроплитка', *сиже* ʽсюжет', *ателје* ʽателье'.

Существительные pluralia tantum не различают рода: *финансии* ʽфинансы', *скии* ʽлыжи', *макарони* ʽмакароны', *гаќи* ʽштаны'.

Различие между одушевленными и неодушевленными именами проявляется лишь при подстановке вопросительного местоимения *кој*, *што*: *Кој е? — Човек, војвода, чичко, сестра, момче* ʽКто это? — Человек, воевода, дядя, сестра, мальчик', *Што е? — Молив, книга, пенкало* ʽЧто это? — Карандаш, книга, ручка'.

Грамматически релевантна группа существительных — названий лиц мужского пола (имен собственных и некоторых нарицательных), имеющая факультативную не-номинативную падежную форму, см. 2.4.0.

Имена лиц мужского пола во множественном числе сочетаются с особой лично-мужской формой количественного числительного: *двајца мажи* ʽдвое мужчин', *тројца селани* ʽтрое крестьян'.

Определения, выраженные прилагательными, порядковыми числительными, местоимениями, согласуются с существительными и личными местоимениями в

единственном числе по роду: *висок* (*некој, овој, еден*) *човек* ʽвысокий (некий, этот, один) человекʼ, *висока* (*некоја, оваа, една*) *жена* ʽвысокая (какая-то, эта, одна) женщинаʼ, *високо* (*некое, ова, едно*) *дрво* ʽвысокое (какое-нибудь, это, одно) деревоʼ; согласуются по роду с подлежащим и сказуемые, выраженные глаголами в *l*-форме: *рекол еден човек* ʽсказал один человекʼ, *рекла една жена* ʽсказала одна женщинаʼ, *рекло едно дете* ʽсказал один ребёнокʼ.

2.3.3. Категория ч и с л а выражена противопоставлением форм единственного и множественного числа существительного, прилагательного, местоимения, глагола. Показателем числа является окончание. В единственном числе существительных это морфемы, одновременно служащие показателем рода.

Во множественном числе у существительных мужского и женского рода, у прилагательных, местоименных прилагательных и причастий выступает окончание *-и*, при этом у большинства односложных существительных мужского рода продуктивен вариант окончания *-ови*/*-еви*, у некоторых существительных — названий лиц мужского пола — *-овци*/*-евци*. Примеры: *град* ʽгородʼ — мн. ч. *градови*, *нож* ʽножʼ — мн. ч. *ножеви*, *филм* ʽфильмʼ — мн. ч. *филмови*; *коњ* ʽконьʼ — мн. ч. *коњи*, *волк* ʽволкʼ — мн. ч. *волци*, *маж* ʽмужʼ, ʽмужчинаʼ — мн. ч. *мажи*, *израз* ʽвыражениеʼ — мн. ч. *изрази*, *лакот* ʽлокотьʼ — мн. ч. *лакти*, *прозорец* ʽокноʼ — мн. ч. *прозорци*, *работник* ʽрабочийʼ — мн. ч. *работници*, *белег* ʽзнакʼ — мн. ч. *белези*, *монарх* ʽмонархʼ — мн. ч. *монарси*; *чичко* ʽдядяʼ — мн. ч. *чичковци*, *Иван* ʽИванʼ — мн. ч. *Ивановци*, *Петре* ʽПётрʼ — мн. ч. *Петревци*; *ученичка* ʽученицаʼ — мн. ч. *ученички*, *земја* ʽземляʼ — мн. ч. *земји*, *ноќ* ʽночьʼ — мн. ч. *ноќи*; *бел*, *-а*, *-о* ʽбелый, -ая, -оеʼ — мн. ч. *бели*; *тесен*, *-а*, *-о* ʽузкий, -ая, -оеʼ — мн. ч. *тесни*; *кој*, *-а*, *-е* ʽкакой, который, -ая, -оеʼ — мн. ч. *кои*; *дојден*, *-а*, *-о* ʽпришедший, -ая, -оеʼ — мн. ч. *дојдени*; *пишан*, *-а*, *-о* ʽнаписанный, -ая, -оеʼ — мн. ч. *пишани*.

Существительные среднего рода имеют во множественном числе окончание *-а*, продуктивный вариант — *-иња*: *писмо* ʽписьмоʼ — мн. ч. *писма*, *училиште* ʽшколаʼ — мн. ч. *училишта*, *пиле* ʽцыплёнокʼ — мн. ч. *пилиња*, *време* ʽвремяʼ — мн. ч. *времиња*, *дете* ʽребёнокʼ — мн. ч. *деца*/*дечиња*, *решо* ʽэлектроплиткаʼ — мн. ч. *реша*/*решоа*.

У глагольной *l*-формы окончание множественного числа *-е*: *напишал*, *-а*, *-о* ʽнаписал, -а, -оʼ — мн. ч. *напишале*; *викал*, *-а*, *-о* ʽкричал, -а, -оʼ — мн. ч. *викале*.

В личных простых формах глагола показателем числа является окончание, информирующее одновременно о лице, времени, наклонении. В сложных модально-временных глагольных формах показателем числа (и лица) служат также формы вспомогательных глаголов *сум* ʽбытьʼ и *има* ʽиметьʼ, ʽиметьсяʼ: *сум дошол* ʽя пришёлʼ — *сме дошле* ʽмы пришлиʼ, *имаш дојдено* ʽты пришёлʼ — *имате дојдено* ʽвы пришлиʼ.

Существительные мужского рода (со значением не-лица) образуют также форму счетного множественного числа с окончанием *-а*, употребляющуюся в сочетании с количественными числительными *два*, *три*, *четири*: *два коња* ʽдва коняʼ, *три града* ʽтри городаʼ, *четири учебника*/*учебници* ʽчетыре учебникаʼ. Некоторые существительные мужского и женского рода имеют, кроме того, форму собирательного множественного числа, не употребляющуюся в сочетании с количественными определениями и образующуюся с помощью окончаний *-је*/*-ја*:

пат ʻпуть, дорогаʼ, *два пата* ʻдве дорогиʼ, *многу патишта* ʻмного дорогʼ — собир. *паќе* ʻпути-дорогиʼ, *сноп* ʻснопʼ, *два снопа* ʻдва снопаʼ, *многу снопови* ʻмного сноповʼ — собир. *снопје* ʻснопыʼ, *планина* ʻгораʼ, *(две, многу) планини* ʻдве горыʼ, ʻмного горʼ — собир. *планиње* ʻгорыʼ.

О числительных см. 2.3.7.

2.3.4. П а д е ж н ы е отношения у существительных выражаются аналитически: с помощью порядка слов, предлогов, местоимений, дублирующих существительное в функции прямого и косвенного дополнения (адресата действия).

Местоимения-существительные имеют падежные формы для именительного (подлежащее), винительного (прямое дополнение) и дательного (косвенное дополнение адресата) падежа; в остальных падежных функциях употребляются местоименные формы винительного падежа с предлогами (см. 2.4.0.).

Субъектно-объектные отношения выражаются порядком слов: S +V + O в неопределенной форме, S + краткое местоимение в винительном падеже + V + O в определенной форме. Допускается и инверсия: O (у имен нарицательных — с определенным артиклем или имя собственное) + краткое местоимение в винительном падеже + V + S (см. 2.3.5.). Примеры: *Јас читам книга* ʻЯ читаю книгуʼ, *Марија го сака Иван* ʻМария любит Иванаʼ, *Стојан ја сака Мария* ʻСтоян любит Мариюʼ, *Иван го сака Марија* ʻИвана любит Марияʼ, *Тој ја чита книгата (оваа, твојата книга)* ʻОн читает (эту, твою, известную) книгуʼ. Местоименный субъект-подлежащее часто опускается: *Што сакаш?* ʻЧего ты хочешь?ʼ, *Читам книга* ʻЧитаю книгуʼ, *Го видовме* ʻМы его виделиʼ (см. 2.5.3.).

Существительное, обозначающее адресата, выступает с предлогом *на* и всегда дублируется кратким личным местоимением в дательном падеже: *Му давам на Иван книга* ʻДаю Ивану книгуʼ, *Ѝ завидувам на Марија* ʻЗавидую Марииʼ, *Им велам на децата* ʻГоворю детямʼ.

П р и н а д л е ж н о с т ь может быть выражена: 1) притяжательными местоимениями: *моја тетратка* ʻмоя тетрадьʼ, *наш град* ʻнаш городʼ; 2) притяжательными прилагательными: *таткова куќа* ʻдом отцаʼ; 3) несогласованными определениями-существительными с предлогом *на*, реже — *од*: *Му ја давам на Иван мојата книга (книга на сестра ми)* ʻДаю Ивану мою книгу (книгу моей сестры)ʼ, *роман од П. Андреевски* ʻроман П. Андреевского (написанный П. Андреевским)ʼ.

Определение количества, меры, объема выражается беспредложным сочетанием количественного числительного, местоимения, наречия с существительным или же двух существительных: *едно јаболко* ʻодно яблокоʼ, *две јаболка* ʻдва яблокаʼ, *многу јаболка* ʻмного яблокʼ, *килограм јаболка* ʻкилограмм яблокʼ, *кошница јаболка* ʻкорзина яблокʼ, *две кошници јаболка* ʻдве корзины яблокʼ и т. д.

Все остальные синтаксические отношения существительных и местоимений выражаются с помощью предлогов: 1) локативность: *Влегов во собата* ʻЯ вошёл в комнатуʼ, *Таа оди на кино* ʻОна идёт в киноʼ; 2) темпоральность: *Се вратив пред два часа* ʻЯ вернулся два часа тому назадʼ, *Ќе дојдам по еден час* ʻЯ приду через часʼ; 3) инструментальность: *Работам со лопата/со речник* ʻЯ работаю лопатой/с помощью словаряʼ; 4) социативность: *Работам со еден колега* ʻРаботаю с одним коллегойʼ; 5) объект при глаголах «идеальной деятельности»: *Читам за војната/за тебе* ʻЧитаю о войне/о тебеʼ и т. п.

Из-за отсутствия падежей и глаголов однонаправленного/разнонаправленного действия (*води* ʽвести’ и ʽводить’, *носи* ʽнести’ и ʽносить’, *оди* ʽходить’ и ʽидти’ и т. п.) в М.я. признаки места и направления различаются ситуативно: *сега*/*секој ден одам на факултет* ʽсейчас я иду/каждый день хожу на факультет’ и *работи на факултет* ʽон работает на факультете’.

2.3.5. Выражение з а л о г о в ы х значений в М.я. имеет ряд особенностей.

П а с с и в выражается глагольными формами с возвратным местоименным компонентом *се*, имеющим, кроме пассивного, и другие значения, или сочетанием причастия с суффиксом *-н*/*-т* и глагола-связки ʽбыть’. Причастие на *-н*/*-т* (единственное сохранившееся в М.я.) образуется от любого глагола совершенного или несовершенного вида, переходного и непереходного. При этом морфологическое противопоставление актив/пассив зачастую оказывается «стертым», и в различении этой категории решающую роль начинает играть контекст и наличие синтаксической конструкции, указывающей на агенса: *Тој е миен* (от *мие* ʽмыть’ и от *се мие* ʽмыться’) ʽОн вымыт (его вымыли)’, но также ʽОн вымылся (сам)’, *Тој е легнат* (от *легне* ʽлечь’ и от *(го) легне* ʽуложить (его)’) ʽОн лёг (находится в лежачем положении)’ и ʽЕго уложили (кто-то уложил)’; *Девојчето е уплашено* / *се уплаши од кучето* ʽДевочка напугана собакой / испугалась собаки’, *Куќата е изградена* / *се изгради од добри мајстори* ʽДом построен хорошими мастерами’.

Противопоставление по п е р е х о д н о с т и / н е п е р е х о д н о с т и выражается аналитически и синтаксически: почти любой глагол, обозначающий действие либо состояние живых существ, может стать переходным, если присоединить к нему краткое личное местоимение в винительном падеже: *Тој легна* ʽОн лёг’ — *Тој го легна детето* ʽОн уложил ребёнка’. Не только непереходные глаголы могут иметь морфологический показатель — возвратную морфему *се* (*се грижи* ʽзаботиться’, *се бори* ʽбороться’, *се шегува* ʽшутить’), но и переходные глаголы получают свой морфологический показатель — краткое личное местоимение в винительном падеже: *Тој се смее* ʽОн смеётся’ — *Тој ме смее* ʽОн меня смешит’. Часть глаголов традиционно не имеет показателя переходности/непереходности: *спие* ʽспать’, *умре* ʽумереть’ (но *Ти ќе ме умреш* ʽТы меня уморишь’, где *умре* получил показатель переходности), *чита*, *пишува*: *знае да пишува* ʽ(он) умеет писать’ — *пишува писмо* / *го пишува писмото* ʽ(он) пишет письмо’, *знае да чита* ʽ(он) умеет читать’ — *чита книга* / *ја чита книгата* ʽ(он) читает книгу’.

Протекание глагольного действия выражается категорией глагольного в и д а и способами глагольного действия. Видовое противопоставление основано на признаке целостность/нецелостность и предельность/непредельность. Ядром категории вида являются видовые пары типа «префиксальный глагол совершенного вида — суффиксальный глагол несовершенного вида», причем имперфективация возможна у любого глагола совершенного вида, не содержащего суффикса имперфективации: *напише* ʽнаписать’ — *напишува* ʽписать’ (букв. ʽнаписывать’), *потпише* ʽподписать’ — *потпишува* ʽподписывать’ и т. д., *дојде* ʽприйти’ — *доаѓа* ʽприходить’, *купи* ʽкупить’ — *купува* ʽпокупать’. Первичные беспрефиксные глаголы чаще относятся к непредельным несовершенного вида (imperfectiva tantum): *лежи* ʽлежать’, *спие* ʽспать’, иногда — к предельным совершенного ви-

да: *купи* ʻкупить', *плати* ʻзаплатить', *види* ʻувидеть', *пише* ʻнаписать'. Возможны также глаголы, имеющие в одних случаях совершенное, а в других несовершенное видовое значение: *јаде* ʻесть/поесть'. Многие имперфективные глаголы с самым продуктивным суфиксом *-ува* не способны выражать актуальное настоящее, а выступают обычно либо в значении настоящего исторического, либо в значении повторяющегося или потенциального действия: *Таа година тој напишува уште еден нов роман* ʻВ этом году он пишет еще один новый роман', *Го купувам* ʻЯ покупаю это (сейчас/всегда готов купить)'.

С помощью противопоставленных друг другу рядов глагольных форм выражаются два типа модальности: 1) модальность, основанная на признаках отношения действия к реальности, представлена н а к л о н е н и я м и — индикативом, императивом, кондиционалом и потенциалом (две разновидности условного наклонения), а также конъюнктивом, состоящим из сочетания морфемы (частицы/союза) *да* с темпоральными формами презенса, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта; 2) модальность, основанная на противопоставлении по признаку достоверности/недостоверности действия с точки зрения говорящего, что выражено модально-темпоральными формами так называемого п е р е с к а з а во временах индикатива, кондиционала и конъюнктива, обязательным компонентом которых служит имперфектная или аористная *l*-форма. В М.я. формы пересказа обычно употребляются при эксплицитном подчеркивании недостоверности действия с точки зрения говорящего.

Категория в р е м е н и в глаголе выражена многочисленными формами: настоящее, будущее, будущее в прошедшем, аорист, имперфект, перфект (I и II), плюсквамперфект (I и II), будущее результативное.

В основе системы времен лежит противопоставление по признакам: предшествование — одновременность — следование относительно момента речи или прошедшего ориентационного момента, временнáя определенность (локализованность), нерезультативность — неопределенность, результативность. Для определенных прошедших времен аориста и имперфекта релевантен также модальный признак наблюдаемости действия говорящим, для неопределенного прошедшего времени перфекта — модальный признак предположения, сомнения. Эти признаки связаны с противопоставлением всех времен в двух их модальных разновидностях: «пересказ — непересказ», если говорящий передает чужую информацию о событии, он использует времена пересказа, если свою собственную — «обычные», непересказывательные временны́е формы. Для настоящего времени и имперфекта релевантен также видовой признак непрекращенности, а для аориста — прекращенности, прерванности действия. В отличие от результативных времен, определенные времена могут употребляться в связном повествовании, обозначая динамичность, т. е. смену ситуации, наступление новой ситуации (формы совершенного вида аориста, будущего и будущего в прошедшем) или статичность в данной ситуации (формы несовершенного вида имперфекта, настоящего, будущего и будущего в прошедшем): *Тој влезе в соба, седна и се огледа. Додека се огледуваше, молчеше* ʻОн вошёл в комнату, сел и огляделся. Пока оглядывался, молчал', *Ќе оди на одмор на море. Ќе се сонча, ќе плива и ќе ужива* ʻОн поедет на отдых к морю. Будет загорать, плавать и наслаждаться жизнью'.

Система времен глагола

Определенные времена (локализованные во времени)

Ориентационный момент	Предшествование	Одновременность	Следование
момент речи (настоящий)	аорист (прекращенность) имперфект (непрекращенность)	настоящее время	будущее время
прошедший момент	аорист	имперфект	будущее в прошедшем

Неопределенные времена (нелокализованные, результативные)

Ориентационный момент	Одновременность	Следование
момент речи (настоящий)	перфект I, II	будущее результативное
прошедший момент	плюсквамперфект I, II	будущее результативное в прошедшем

Формы перфекта II, плюсквамперфекта II и будущего результативного заимствованы литературным М.я. из юго-западных говоров, в которых форма перфекта I употребляется лишь в модальных значениях недостоверного действия или совсем утрачена. В литературном М.я. перфект I и II, плюсквамперфект I и II различаются формально, являясь синонимами по темпоральной семантике и выражая чаще всего обобщенный факт или результат прошедшего действия, актуальный для ориентационного момента: *Дали си бил во Охрид? — Сум бил* / *Го имам видено* ʽБывал ли ты в Охриде? — Бывал / Видел (повидал) его'. Данные формы могут также выражать конкретный результат совершившегося действия, актуальный в ориентационный момент. В последнем значении способны выступать также сочетания с глаголом *сум* + причастие на *-н*/*-т*, что дает некоторым исследователям основание говорить о грамматической категории результатива, выражаемой всеми этими формами: *Дојде ли тој? — Да, дојде* / *дошол* / *има дојдено* / *дојден е* ʽОн пришёл? — Да, пришёл (и находится здесь)'. В литературном языке формы перфекта I, кроме того, омонимичны пересказывательным модально-темпоральным формам аориста, имперфекта и настоящего времени, а также составляют обязательный компонент в формах пересказа будущих времен, кондиционала и конъюнктива.

Отношения интенсивности и сравнения (степени сравнения) выражаются аналитически частицами *по-* (сравнительная степень), *нај-* (превосходная степень) и отсутствием показателя в положительной степени. Частицы *по-* и *нај-* могут присоединяться к качественным прилагательным и наречиям, а также к существительным и глаголам и даже употребляться самостоятельно, заменяя полнозначные слова, выражающие сравнение: *добар* ʽхороший' — *подобар* ʽболее хороший' — *најдобар човек* ʽсамый лучший человек', *добро* ʽхорошо' — *подобро* ʽлучше' — *најдобро* ʽлучше всего', *мајстор* ʽмастер' — *помајстор* ʽбольший мастер' — *најмајстор* ʽсамый лучший мастер'; *Тој пó знае (повеќе*

знае) од тебе 'Он больше тебя знает', *Тој нај знае* 'Он знает больше (лучше) всех'; *Тој понезнае* 'Он знает еще меньше / Он не знает еще больше (чем ты)'.

2.3.6. Категория л и ц а в глаголе выражена с помощью флексий личных форм и вспомогательных глаголов *сум* 'быть' и *има* 'иметь', 'иметься' (см. 2.4.0.).

Примеры форм глагола *чита* 'читать': наст. вр. — ед. ч. 1 л. *читам*, 2 л. *читаш*, 3 л. *чита*, мн. ч. 1 л. *читаме*, 2 л. *читате*, 3 л. *читаат*; перфект I и пересказывательный презенс/имперфект — ед. ч. 1 л. *сум читал*, *-а*, 2 л. *си читал*, *-а*, 3 л. *читал*, *-а*, *-о*, мн. ч. 1 л. *сме читале*, 2 л. *сте читале*, 3 л. *читале*; перфект II — ед. ч. 1 л. *имам(/немам) читано*, 2 л. *имаш(/немаш) читано*, 3 л. *има(/нема) читано*, мн. ч. 1 л. *имаме(/немаме) читано*, 2 л. *имате(/немате) читано*, 3 л. *имаат(/немаат) читано*; см. также 2.4.0.

Форма 2-го лица единственного числа может служить также показателем обобщенно-личного значения: *Што ќе правиш!* 'Что (же) делать!' / 'Ничего не поделаешь!', а форма 3-го лица единственного числа в сочетании с возвратной морфемой *се* — показателем безличного значения: *Овде не се пуши* 'Здесь не курят' / 'Не курить'.

Вне системы глагола категория лица выражена личными местоимениями 1-го, 2-го, 3-го лица единственного и множественного числа, имеющими полные формы именительного падежа и полные и краткие формы винительного и дательного падежа. При этом полная форма винительного и дательного падежа при глаголе всегда сопровождается (удваивается) краткой формой, например: *Го сакам него* 'Его я люблю'; *Го сакам* 'Я люблю его'; *Кого го сакаш? — Него* 'Ты кого любишь? — Его'.

А н а ф о р и ч е с к и е с р е д с т в а. Местоимения употребляются как в дейктической, так и в анафорической функции. Идентифицирующие указательные и обобщительные местоимения-прилагательные определяют существительное, выражая тем самым известный, определенный в данной речевой ситуации предмет.

В дейктической и анафорической функциях выступает также грамматический детерминатор — определенный постпозитивный артикль (член) при нарицательных именах существительных, который присоединяется к флексии первого слова в именной синтагме: *Тетраткаta е на масата* 'Тетрадь лежит на столе' — *Мојата тетратка е на работната маса* 'Моя тетрадь лежит на рабочем столе' — *Мојата црна тетратка е на големата работна маса* 'Моя черная тетрадь лежит на большом рабочем столе'. В литературном М.я., как и в говорах западной диалектной группы, членные морфемы и указательные местоимения представлены вариантами с морфами *-в-/-н-*, противопоставленными по признаку местонахождения предмета относительно говорящего и слушающего (близкое — далекое), и морфом *-т-*, не выражающим пространственного признака: *соба* 'комната' — *собата* 'эта комната' — *собава* 'вот эта комната' — *собана* 'та комната'. Практически определенный член с пространственными морфами чаще выступает в переносном оценочно-экспрессивном значении: *Смири го детено да не вреска* 'Успокой ты этого (противного) ребёнка, чтобы не вопил', *Детево ми плаче зашто е болно* '(Родненький бедный) ребёнок у меня плачет, потому что болен'. Отсутствие члена при нарицательном существительном обозначает имплицитную неопределенность, которая эксплицитно может быть выражена выступающим в функции неопределенного артикля числительным (местоимением) *еден* 'один' (ж. р. *една*, ср. р. *едно*, мн. ч. *едни*): *Се запознав со една жена. И же-*

нава (/ жената) ми вели… 'Познакомился я с одной женщиной. И женщина эта мне говорит…'. В ограниченных случаях определенность/неопределенность существительного выражается с помощью предлогов: *во среда* 'в среду', 'по средам', *в среда* 'в ближайшую, будущую среду', *во средата* 'в прошлую среду'. Имена собственные обычно выступают без артикля, выражая определенность семантически.

Анафора в М.я., кроме местоимений и определенного члена, может быть выражена наречиями места и времени: *таму* 'там', *ваму* 'здесь', 'сюда', *овде* 'здесь', 'сюда', *тука* 'здесь', 'сюда', *тогаш* 'тогда', *сега* 'сейчас', 'теперь', *утредента* 'на следующий день' и т. д.; словосочетаниями: *покрај тоа* 'кроме (э)того', *токму така* 'именно так', *исто така* 'так же', 'таким же образом', *и јас* 'и я', 'я тоже'.

Указательные местоимения, как и постпозитивный член, имеют формы, противопоставленные по признаку нахождения предмета в пространстве относительно говорящего/собеседника: *тој* 'этот' (без указания на пространственную ориентацию) — *овој* 'этот (рядом с говорящим)' — *оној* 'тот (далекий от говорящего)'.

О т р и ц а н и е выражается частицей *не* перед глаголом, существительным, прилагательным, наречием: *Тој не знае* 'Он не знает', *луѓе* 'люди', *нелуѓе* 'нелюди', *невкусен* 'невкусный, безвкусный', *немалку* 'немало', *не помалку* 'не менее'. Глагольные формы с частицей *ќе* и вспомогательным глаголом *има* 'иметь' могут выступать со вспомогательным глаголом *нема* 'не иметь': *не ќе дојдам/нема да дојдам* 'я не приду', *има дојдено* 'он пришёл' — *нема дојдено* 'он не пришёл'. Отрицательные местоимения и местоименные наречия образуются с помощью частицы *ни-*: *никој* 'никто, никакой', *ништо* 'ничто, ничего', *никаде* 'нигде, никуда' и т. д.

2.3.7. Для имен с у щ е с т в и т е л ь н ы х характерна классифицирующая категория грамматического рода. Внутри класса мужского рода выделяется подкласс имен — названий лиц мужского пола, противопоставленный всем прочим. Для нарицательных существительных характерна оппозиция форм по определенности/неопределенности. Исчисляемые существительные противостоят неисчисляемым (собирательным, вещественным и отвлеченным). Всем существительным свойственна категория числа, но оппозиция форм единственного и множественного числа наиболее последовательно выражена у исчисляемых существительных.

П р и л а г а т е л ь н ы е. Среди прилагательных выделяются семантико-грамматические разряды качественных прилагательных, образующих степени сравнения, и относительных (вместе с притяжательными). Так называемые порядковые числительные грамматически образуют все формы, свойственные качественным прилагательным. Прилагательные характеризуются словоизменительными согласовательными грамматическими категориями числа, рода (в единственном числе), определенности, степени сравнения (качественные).

Класс количественных ч и с л и т е л ь н ы х грамматически неоднороден в отношении категорий рода, числа. Все числительные, кроме *еден* 'один' и составных, оканчивающихся на *еден*, требуют от существительного, которое определяют, формы множественного числа. Числительные 'два', 'три', 'четыре' могут сочетаться с существительными мужского рода в счетном множественном числе (см. 2.3.3.). Все количественные числительные, кроме 'один', 'два' и составных, содержащих один из этих компонентов, не различают категории рода: *еден брат, молив* 'один брат, карандаш', *една сестра, тетратка* 'одна сестра, тетрадь', *ед-*

но дете, село ʽодно дитя, село’, *едни панталони* ʽодни брюки’, *два брата* (счетная форма мн. ч.) ʽдва брата ’, *два молива* ʽдва карандаша’, *две сестри, тетратки, деца, села* ʽдве сестры, тетрадки, двое детей, два села’, *дваесет и еден молив* ʽдвадцать один карандаш’, *дваесет и два моливи* ʽдвадцать два карандаша’, *дваесет и едно дете, село* ʽдвадцать один ребёнок, село’, *дваесет и две деца, села* ʽдвадцать два ребёнка, села’, но: *пет(мина) браќа* ʽпять (пятеро) братьев’, *пет моливи, сестри, тетратки, деца, села* ʽпять карандашей, сестёр, тетрадей, детей, сёл’, *четириесет и пет браќа, моливи, сестри, тетратки, деца, села* ʽсорок пять братьев, карандашей, сестёр, тетрадей, детей, сёл’ и т. п. Лично-мужские формы числительных с суффиксами *-јца*, *-ица*, *-мина* употребляются с именами — лицами мужского пола: *двајца браќа* ʽдвое братьев’, *петмина браќа* ʽпятеро братьев’. Числительные *илјада* ʽтысяча’ (ж. р.), *милион* ʽмиллион’ (м. р.) и *милијарда* ʽмиллиард’ (ж. р.) имеют категории рода, числа (*многу илјади* ʽмного тысяч’, *три милиони, милијарди* ʽтри миллиона, миллиарда’) и определенности (*илјадата*, *милионот*, *милијардата*: *двете илјади, милијарди* ʽ(эти) две тысячи, два миллиарда’, *двата милиона* ʽ(эти) два (оба) миллиона’, *единаесетте илјади, милиони, милијарди* ʽ(эти) одиннадцать тысяч, миллионов, миллиардов’). У составных числительных членная морфема присоединяется к последнему слову: *сто и двата* ʽ(эти) сто два’, *две илјади триста деведесетте* ʽ(эти) две тысячи триста девяносто’, а у оканчивающихся на *илјада*, *милион*, *милијарда* — к предпоследнему: *деветстотини педесет и петте илјади* ʽ(эти) девятьсот девяносто пять тысяч’ и т. п. У лично-мужских форм количественных числительных с суффиксом *-мина* членная форма присоединяется перед ним: *деветмина* — *деветтемина* ʽ(эти) девятеро’.

В классе м е с т о и м е н и й противопоставлены группы слов по категориальным значениям, присущим иным частям речи, — местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоименные наречия. Местоимения могут указывать на пространственную и непространственную определенность (указательные), на субъективную и объективную неопределенность (неопределенные, вопросительные) и на ряд других признаков детерминирующего характера: персональность (личные, притяжательные), тотальность (совокупные) и т. д. Для местоимений-прилагательных релевантно противопоставление по указанию на признаки идентификации — качества — количества и величины — посессивности.

Н а р е ч и я делятся на семантические разряды: времени, места, количественной и качественной характеристики, разных логических отношений и т. п. Многие наречия образуют формы степеней сравнения, см. 2.3.5.

Семантико-грамматические разряды г л а г о л о в выделяются на основании различных признаков: личные/безличные; дефектные по парадигме лица и рода, неспособные сочетаться с подлежащим; переходные/непереходные; предельные (совершенного и несовершенного вида)/непредельные (только несовершенного вида); вспомогательные и полувспомогательные (фазовые и модальные)/полнозначные и т. д. Все глаголы характеризуются грамматической категорией глагольного вида. Глагольные формы, выступающие в функции сказуемого, характеризуются также грамматическими категориями лица, числа, двух типов модальности (наклонения и пересказ/непересказ), времени; часть форм противопоставлена и по роду. Категория залога в М.я. не имеет четкого парадигматического выражения (см. 2.3.5.).

Неличные формы глагола: 1) единственное сохранившееся в современном М.я. причастие с суффиксом *-н*/*-т*, которое образуется от любого — переходного, непереходного, возвратного глагола, от глагола совершенного и несовершенного вида, — и в зависимости от исходного глагола может обозначать и пассив, и действительный залог, результат прошедшего действия или же признак процесса действия: *дигнат* ʽподнятый’, *дигнуван* ʽподнимаемый’, *читан* ʽчитанный’, ʽчитаемый’, *прочитан* ʽпрочитанный’, *седнат* ʽсевший’, ʽусаженный’, *виден* ʽ(у)виденный’, *дојден* ʽпришедший’; 2) деепричастия с суффиксом *-ејќи*/*-ајќи*, образуются от глаголов несовершенного вида и обозначают действие, одновременное главному действию: *викајќи* ʽкрича’, *седејќи* ʽсидя’, *дигнувајќи* ʽподнимая’; 3) глагольное существительное со значением процесса действия; образуется от глаголов несовершенного вида, характеризуется средним родом, не имеет форм множественного числа: *седење* ʽсидение’, *викање* ʽкрик’, букв. ʽкричание’.

П р е д л о г и в М.я. являются одним из главных средств выражения синтаксических отношений имен существительных в предложении. Кроме пространственных, временны́х и др. обстоятельственных функций, некоторым предлогам свойственно выполнять и чисто грамматические функции, когда они указывают на принадлежность, на функцию косвенного дательного дополнения адресата действия, на производителя действия в пассивных конструкциях и т. д.

По составу предлоги делятся на простые (*без* ʽбез’, *до* ʽдо’, ʽвозле’, ʽоколо’, ʽне более’, *за* ʽза’, ʽдля’, ʽо’, ʽна’, ʽв’, *од* ʽот’, ʽс’, ʽиз’ и т. д.) и сложные (*накај* ʽк, по направлению к’, *покрај* ʽрядом с’, ʽу’, ʽвдоль’, ʽкроме’, *сосе* ʽс, вместе с’). Некоторые предлоги соотносительны с другими частями речи: *крај* ʽоколо’ и ʽкрай’ (сущ.), *место* ʽвместо’ и ʽместо’ (сущ.), *околу* ʽвокруг’, ʽприблизительно’, ʽоколо’ и ʽвокруг’ (наречие) и т. д.).

Примеры употребления предлогов:

— *без* ʽбез’: *без леб* ʽбез хлеба’; в сочетании с глагольной *да*-конструкцией выражает действия в придаточном предложении образа действия: *без да знае* ʽне зная’;

— *в*, чаще *во* ʽв’: *Живеам во Скопје* ʽЯ живу в Скопье’, *Влези в кујна* / *Влези во кујната* ʽЗаходи в кухню’;

— *врз* ʽна’, ʽна поверхности чего-л.’: *врз масата* ʽна столе, поверх стола’;

— *до* ʽдо’, ʽу’, ʽоколо’, ʽрядом’: *висок до небо* ʽвысотой до неба’, *до десет души* ʽоколо десяти человек’ и т. д.; сочетается с наречием *близу* ʽоколо’, образуя сложный предлог: *близу до селото* ʽрядом с селом’;

— *за*: 1) ʽза’: *за рака* ʽза руку’, *за десет денари* ʽза десять денаров’ и т. д.; 2) указывает на место назначения: *Оди за Белград* ʽОн(а) едет в Белград’; 3) ʽо’ с глаголами «идеальной деятельности»: *Пишува за војната* ʽОн(а) пишет о войне’; 4) ʽдля’, ʽна’ или дательный падеж без предлога (указывает на предназначение): *материјал за фустан* ʽматерия на платье/для платья’, *фустан за ќерката* ʽплатье для дочери’, *Го купив за синот* — ʽЯ купил это сыну/для сына’; 5) ʽиз-за’ (причина): *Се скараа за нивата* ʽОни поссорились из-за нивы’; 6) ʽна’ (во временно́м значении), ʽчерез’: *Возот ќе стигне за пет минути* ʽПоезд придёт через пять минут’, *Доцни за пет минути* ʽОн(а) опаздывает на пять минут’;

— *кај*, *каде*, *кон* ʽу’, ʽк’: *кај*/*кон, каде бунарот* ʽу колодца; к колодцу’, *кон* употребляется также в выражениях с переносным значением: *љубов кон татковината* ʽлюбовь к отечеству’;

— *крај*, *накрај*, *покрај* ʽу', ʽоколо', ʽвдоль': *крај масата* ʽу/около стола'; *покрај* означает также ʽкроме', ʽнаряду с': *покрај тоа* ʽкроме того'.

Некоторые предлоги, кроме обстоятельственных (пространственных, временны́х и т. п.) значений, имеют и грамматические функции. Например:

— *на*: 1) выражает грамматические функции: а) косвенного дополнения адресата действия (см. 2.3.4.); б) принадлежности: *покрив на куќата* ʽкрыша дома', *сопственост на манастирот* ʽсобственность монастыря'; 2) ʽна', ʽв' в пространственных, временны́х и др. обстоятельственных функциях: *на масата* ʽна столе', *на гости* ʽв гости/в гостях', *на школо* ʽв школу', *Го рече на шега* ʽОн сказал это в шутку', *на есен* ʽосенью', *Снегот паѓа на партали* ʽСнег падает хлопьями', *смрди на лук* ʽвоняет чесноком', *личи на татко си* ʽпохож на отца', *Тој е осуден на смрт* ʽЕго приговорили к смерти' и т. д.; 3) с глагольным существительным означает момент времени совершения действия: *На излегување ништо не рече* ʽВыходя (когда выходил), он ничего не сказал';

— *над*: 1) ʽнад': *над селото* ʽнад селом'; 2) значение превосходства и превышения: *над еден час* ʽболее часа', *мајстор над мајстори* ʽмастер среди мастеров';

— *од*: 1) пространственные значения ʽот', ʽиз', ʽс': *од собата* ʽиз комнаты', *од воз* ʽс поезда', *лево од патот* ʽслева от дороги'; 2) временны́е значения: *од среда* ʽсо среды', *од два часа* ʽв течение двух часов', *дете од седум години* ʽребёнок семи лет'; 3) ʽиз' (происхождение, материал, из которого сделан предмет): *Јас сум од Москва* ʽЯ из Москвы', *прстен од злато* ʽперстень из золота'; 4) грамматическое значение принадлежности, связанное со значением происхождения: *шум од дождот* ʽшум дождя', *поглед од жена му* ʽвзгляд его жены', *роман од Јаневски* ʽроман Яневского'; 5) значение партитивности: *една од девојките* ʽодна из девушек', *од грозје не каснал* ʽне попробовал винограда'; 6) сравнение: *повисок од мене* ʽвыше меня'; 7) в пассивных конструкциях указывает на производителя или причину действия: *убиен од куршум* ʽубитый пулей'; 8) разные обстоятельственные значения: причины (*умре од болест* ʽумер от болезни'), меры, стоимости (*банкнота од пет илјади* ʽбанкнота в пять тысяч') и др. (*Тоа ќе биде од полза* ʽЭто будет полезно', *Не разбира од збор* ʽОн слов не понимает' и т. д.);

— *со*: 1) ʽс' в разных значениях: *со Никола* ʽс Николой', *со здравје* ʽсо здоровьем, на здоровье, будь здоров'; 2) значение инструментальности (соответствует творительному падежу без предлога в русском): *со метла* ʽметлой'; 3) ʽна' или эквивалент творительного падежа без предлога при указании на средство передвижения: *со воз* ʽпоездом, на поезде', *со кола* ʽна легковом автомобиле'.

Специфическим для М.я. при выражении сложных синтаксических отношений является одновременное употребление двух и даже трех предлогов, причем каждый из них сохраняет свое функциональное значение: *Одам на пат* ʽЯ еду в командировку' и *Се готвам за на пат* ʽГотовлюсь к командировке'; *Тој се скри зад врата* ʽОн скрылся за дверью' и *Тој излезе од зад врата* ʽОн вышел из-за двери', *од под глава* ʽиз-под головы' и т. п.

С о ю з ы. Сочинительная связь выражается союзами: соединительными: *и* ʽи', *па* ʽи', ʽзатем', *исто* ʽтакже и', *не само што… туку и* ʽне только… но и'; противительными: *а* ʽа', ʽкак только', *а… а* ʽкак только… сразу же', *или* ʽили', *но* ʽно', *ама* ʽно', *ами* ʽно и', *туку* ʽно', ʽно и', ʽвпрочем', ʽтолько', *пак* ʽа', ʽно', *меѓутоа* ʽоднако', ʽмежду тем'; разделительными: *или* ʽили', *ни(ту)… ни(ту)* ʽни… ни',

ту… ту ʻто… тоʼ, *ем… ем* ʻи… иʼ, ʻне только… но иʼ, *само* ʻтолькоʼ, ʻлишьʼ, *само што* ʻтолько чтоʼ, ʻкак толькоʼ, *освен (што)* ʻкромеʼ и др. Подчинительная связь выражается союзами: *да* ʻчтобыʼ, ʻеслиʼ, *за да* ʻчтобыʼ, *дека* ʻчтоʼ, ʻпотому чтоʼ, *оти* ʻпотому чтоʼ, *што* ʻчтоʼ, ʻкоторыйʼ, *штом* ʻкак толькоʼ, ʻраз, еслиʼ, *зашто* ʻпотому чтоʼ, *кога* ʻкогдаʼ, *дури* ʻдо тех пор покаʼ, *додека* ʻдо тех пор покаʼ, *пред да* ʻпрежде чемʼ, *откога* ʻс тех пор какʼ, *како да* ʻкак если быʼ, *колку (и) да* ʻсколько бы ниʼ, *божем* ʻкак будтоʼ, *бидејќи* ʻпоскольку', *затоа што* ʻпотому чтоʼ, *така што* ʻтак чтоʼ, *ако* ʻесли, если быʼ, *ако да* ʻесли, если быʼ, *иако* ʻхотя иʼ, *макар* ʻхотяʼ, ʻвопреки тому, чтоʼ, *макар што* ʻнесмотря на то, чтоʼ, *макар (и) да* ʻхотя иʼ, *при сè што* ʻпри всем том, чтоʼ и т. д.

Частицы выражают логические, эмоционально-экспрессивные, модальные значения, а также образуют формы слова. Частицы *ќе*, *би*, *годе* выступают только в роли формообразующих морфем в глаголах, местоимениях. Разряды частиц: утвердительные: *да* ʻдаʼ; отрицательные: *не* ʻнетʼ, ʻнеʼ, *ни* ʻниʼ; вопросительные: *ли* ʻлиʼ, *дали* ʻлиʼ, *зар* ʻразве?ʼ, ʻнеужели?ʼ, *нели* ʻне правда ли?ʼ; побудительные: *нека* ʻпустьʼ, *да* ʻдаʼ, *де* ʻнуʼ, *ајде* ʻну-каʼ, ʻайдаʼ; указательные: *еве*, *ете* ʻвотʼ, *ене* ʻвонʼ, *на* ʻнаʼ; при них обязательно краткое местоимение прямого объекта: *Еве го Стојан!* ʻВот и Стоян!ʼ; ограничительные, уточнительные: *барем* ʻпо крайней мереʼ, *баш* ʻкак разʼ, ʻименноʼ, *речиси* ʻтак сказатьʼ, *скоро* ʻпочтиʼ, *токму* ʻкак разʼ, *одвај* ʻедваʼ и т. д.; усилительные: *дури* ʻдажеʼ, *пак* ʻжеʼ, *веќе* ʻужеʼ.

К частицам близки модальные слова: глагольные формы (*значи* ʻзначитʼ, *можеби* ʻможет бытьʼ, *се разбира* ʻконечноʼ); наречия (*сигурно* ʻнаверноеʼ, *веројатно* ʻвероятноʼ, *бездруго* ʻнепременноʼ); застывшие сочетания существительных и местоимений с предлогами (*за жал* ʻк сожалениюʼ, *за среќа* ʻк счастьюʼ, *без сомнение* ʻбез сомненияʼ, *впрочем* ʻвпрочемʼ и т. д.).

В народном М.я. междометия часто употребляются при обращении: *бре!* и *brej!* ʻэй, ну ты!ʼ (к лицу мужского пола), *море!* ʻэй, слушайʼ (к мужчине или ребенку), *мори!* ʻэй, слушай!ʼ (к женщине). Они могут передавать и эмоции: удивление (*Море летање!* ʻВот это полёт!ʼ), недовольство, презрение (*Море, голема работа!* ʻПодумаешь, большое дело!ʼ), протест (*Море како!* ʻКак бы не так!ʼ) и т. д.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные
(флексии + членная морфема)

		Ед. число		Мн. число	
		Общ. форма	Опред. форма	Общ. форма	Опред. форма
М. р.	не-лицо	*-∅*	*+ от*	*-и* *-ови/-еви**	*+ те*
	лицо	*-∅* *-а* *-о/-е*	*+ от* *+ та* *+ то*	*-и* *-и* *-овци/-евци*	*+ те*
Ср. р.		*-о* *-е*	*+ то*	*-а* *-ишьа/-а*	*+ та*
Ж. р.		*-а* *-∅*	*+ та*	*-и*	*+ те*

Примечание: *У большинства односложных существительных.

В таблице не указаны формы: 1) счетного множественного числа, образуемые только существительными мужского рода — не-лицами (флексия *-а*); 2) не-именительного падежа, образуемая только существительными мужского рода — именами собственными и некоторыми другими, обозначающими лиц (флексия *-а*/*-та*/*-ја*); 3) собирательного множественного числа (флексия *-је*/*-ја*/*-иштa*), образуемая от некоторых существительных и в значительной степени лексикализованная; 4) вокатива (флексии *-е*, *-у*, *-о*, *-∅*).

В определенной форме указан лишь один вид члена — с морфом *-т-*.

Прилагательные, причастия, местоименные прилагательные и порядковые числительные

(флексии + членная морфема)

	Ед. число		**Мн. число**	
	Общ. форма	Опред. форма	Общ. форма	Опред. форма
М. р.	*-∅* *-и*	*+ -иот* *+ от*	*-и*	*+ те*
Ср. р.	*-о*	*+ то*		
Ж. р.	*-а*	*+ та*		

Местоимения

Субстантивные местоимения

Личные и лично-возвратные

		Формы			
		Субъектная (им. п.)	Объектная (вин. п.)	Косвеннообъектная (дат. п.)	Предложная
Ед. число					
1 л.		*јас* ʻяʼ	*мене*, *ме*	*мене*, *ми*	*(за) мене*
2 л.		*ти* ʻтыʼ	*тебе*, *те*	*тебе*, *ти*	*(за) тебе*
3 л.	м. р.	*тој* ʻонʼ	*него*, *го*	*нему*, *му*	*(за) него*
	ср. р.	*тоа* ʻоноʼ			
	ж. р.	*таа* ʻонаʼ	*неа*, *ја*	*нејзе*, *ѝ*	*(за) неа*
Мн. число					
1 л.		*ние* ʻмыʼ	*нас*, *нѐ*	*нам*, *ни*	*(за) нас*
2 л.		*вие* ʻвыʼ	*вас*, *вѐ*	*вам*, *ви*	*(за) вас*
3 л.		*тие* ʻониʼ	*нив*, *ги*	*ним*, *им*	*(за) нив*
Лично-возвратные			*себе (си)*, *се* ʻсебяʼ	*(на) себе (си)*, *си*	*(за) себе*/ *(за) себе си*

Прочие

Семантические разряды местоимений	Местоимения, указывающие на лица			
	Формы			
	Субъектная (им. п.)	Объектная (вин. п.)	Косвенно-объектная (дат. п.)	Предложная
Вопросительные	*кој* ʽкто?ʼ	*кого?*/ *кого го?*	*кому?*/ *кому му?*	*(за) кого?*
Указательные	*тој* ʽэтотʼ, ʽонʼ	как у личных местоимений		
	овој ʽэтотʼ *оној* ʽтотʼ	*овој го* (*овега*) *оној го* (*онега*)	*на овој му* (*овему*) *на оној му* (*онему*)	*(за) овој* *(за) оној*
Отрицательные	*никој* ʽниктоʼ	*никого*	*никому*	*(за) никого*
Определительные	*секој* ʽвсякийʼ, ʽкаждыйʼ	*секого*	*секому*	*(за) секого*
Неопределенные	*некој* ʽкто-тоʼ, ʽкто-нибудьʼ *еден* ʽодинʼ, ʽкто-тоʼ, ʽкакой-тоʼ *кој-годе* ʽкто угодноʼ *кој било* ʽкто бы то ни былʼ *кој и да е* ʽкто бы то ни былʼ	*некого* *едного* *кого-годе* *кого било* *кого и да е*	*некому* *едному* *кому-годе* *кому било* *кому и да е*	*(за) некого* *(за) еден* *(за) кого-годе* *(за) кого било* *(за) кого и да е*
Относительные	*кој*/*којшто* ʽкоторыйʼ	*кого*/ *когошто*	*кому*/ *комушто*	*(за) кого*/ *(за) когошто*

Семантические разряды местоимений	Местоимения, указывающие на предметы
Вопросительные	*што* ʽчто?ʼ
Указательные	*тоа* ʽэтоʼ *ова* ʽэтоʼ *она* ʽтоʼ
Отрицательные	*ништо* ʽничтоʼ, ʽничегоʼ
Определительные	*сè, сешто* ʽвсёʼ
Неопределенные	*нешто* ʽнечтоʼ, ʽчто-тоʼ, ʽчто-нибудьʼ *што-годе* ʽчто угодноʼ *што било*; *што и да е* ʽчто бы то ни былоʼ
Относительные	*што* ʽчтоʼ

Адъективные местоимения

Указательные

Детерминируют лицо, предмет			Указывают на свойство, признак лица, предмета при сопоставлении его с другим лицом, предметом	
			по качеству	по величине
Указывают на положение лица, предмета относительно говорящего или речевой ситуации		*тој* ʽэтотʼ	*таков* ʽтакойʼ	*толкав* ʽтакойʼ
	близкое	*овој* ʽэтотʼ	*ваков*	*(в)олкав*
	далекое	*оној* ʽтотʼ	*онаков*	*онолкав*

Притяжательные

Разряды				М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Мн. число
				Ед. число			
Вопросительные				*чиј* ʽчейʼ	*чие*	*чија*	*чии*
Относительные				*чиј*, *чијшто* ʽчейʼ	*чие*, *чиешто*	*чија*, *чијашто*	*чии*, *чиишто*
Неопределенные				*нечиј* ʽчей-тоʼ	*нечие*	*нечија*	*нечии*
Отрицательные				*ничиј* ʽничейʼ	*ничие*	*ничија*	*ничии*
Лично-притяжательные	**Ед. число**	1 л.		*мој* ʽмойʼ (*мојот*)	*мое(то)*	*моја(та)*	*мои(те)*
		2 л.		*твој(от)* ʽтвойʼ	*твое(то)*	*твоја(та)*	*твои(те)*
		3 л.	м. р. ср. р.	*негов(иот)* ʽегоʼ	*негово(то)*	*негова(та)*	*негови(те)*
			ж. р.	*нејзин(иот)* ʽееʼ	*нејзино(то)*	*нејзина(та)*	*нејзини(те)*
	Мн. число	1 л.		*наш(иот)* ʽнашʼ	*наше(то)*	*наша(та)*	*наши(те)*
		2 л.		*ваш(иот)* ʽвашʼ	*ваше(то)*	*ваша(та)*	*ваши(те)*
		3 л.		*нивни(от)* ʽихʼ	*нивно(то)*	*нивна(та)*	*нивни(те)*
Возвратные				*свој(от)* ʽсвойʼ	*свое(то)*	*своја(та)*	*свои(те)*

Прочие

Разряды местоимений	Семантические категории		
	Детерминирующие имя	Указывающие на признаки, свойства имени	
		по качеству	по величине
Вопросительные	*кој* ʽкоторыйʼ, ʽкакойʼ	*каков*	*колкав*
Относительные	*кој*, *којшто*, *што* ʽкоторыйʼ, ʽкакойʼ	*каков*, *каковшто*, *што*	*колкавшто*, *што*
Отрицательные	*никој* ʽникакойʼ	*никаков*	—
Обобщительные	*секој* ʽвсякийʼ, ʽлюбойʼ	*секаков*	—
Неопределенные	*некој* ʽкакой-тоʼ, ʽкакой-нибудьʼ *кој-годе* ʽкакой угодноʼ *кој (и да) било* *кој (и) да е*	*некаков* *каков-годе* *каков (и да) било* *каков (и) да е*	— *колкав-годе* *колкав (и да) било* *колкав (и) да е*

Г л а г о л ы

Словарная форма — форма 3-го лица единственного числа презенса (см. 2.1.1.).

Одни глагольные словоформы образуются от основ презенса, имеющих три класса (спряжения) в соответствии с тематическими гласными *-а-*, *-и-*, *-е-*, другие — от основ аориста, распределяемых на разряды с тематическими *-а-*, *-и-*, *-е-*, *-о-/-е-*, **-∅-**. Глаголы *а*-класса имеют одну неизменную основу на *-а-*, к которой присоединяются формообразующие аффиксы. У глаголов *е*-класса основы аориста от основ настоящего времени могут отличаться, кроме тематических гласных, также чередованием гласных и согласных в основе (см. 2.2.3.).

Формы, образуемые от основ настоящего времени

		Ед. число	Мн. число
Настоящее время[1]	1 л.	*-м*/*-ам*	*-ме*
	2 л.	*-ш*	*-те*
	3 л.	*-∅*	*-ат*
Имперфект[2]	1 л.	*-в*	*-вме*
	2 л.	*-ше*	*-вте*
	3 л.	*-ше*	*-а*
Деепричастие[3]		*-јќи* (*а*-класс), *-ејќи* (*и*-класс, *е*-класс)	
Глагольное существительное[3]		*-ње* (*а*-класс), *-ење* (*и*-класс, *е*-класс)	
Императив		*-ј*, *-јте*[4]; *-и*, *-ете*[5]	

П р и м е ч а н и я: 1. В 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа тематические *-и-*, *-е-* опускаются. В 1-м лице единственного числа у глаголов *а*-класса окончание *-м*. 2. Тематические *-и-*, *-е-* отбрасываются, окончания присоединяются к тематическому суффиксу имперфекта *-е-*. 3. Образуются только от глаголов несовершенного вида. 4. *а*-класс и глаголы *и*-класса и *е*-класса с основой на гласную перед *и*, *е*. 5. Глаголы *и*-класса и *е*-класса с основой на согласную.

Формы, образуемые от основы аориста и имперфекта

Аорист — ед. ч.: 1 л. *-в*, 2 л. *-∅*, 3 л. *-∅*; мн. ч.: 1 л. *-вме*, 2 л. *-вте*, 3 л. *-а*.

Причастие — суффикс *-н*/*-ен*/*-т*/*-ет* + флексии рода и числа, как у прилагательных. Суффикс *-т*/*-ет* присоединяется к основам, у которых последняя согласная *-н*, суффикс *-н*/*-ен* — к основе на любую другую согласную. Суффикс *-ет*/*-ен* присоединяется к основам с тематическими *-и-*, *-∅-*, *-о-*/*-е-*; тематические *-и-*, *-о-* при этом отбрасываются. Некоторые глаголы образуют причастие и от основы настоящего времени как конкурентную форму.

Глагольная *l*-форма — образуется от основ имперфекта (у глаголов несовершенного и совершенного вида) и от основ аориста (у глаголов совершенного вида) + родовые флексии единственного числа *-∅*, *-а*, *-о* или флексия множественного числа *-е*. Глагольная *l*-форма употребляется только в составе сложных модально-темпоральных форм.

Словоформы супплетивного глагола *сум* 'быть':

— настоящее время: ед. ч. 1 л. *сум*, 2 л. *си*, 3 л. *е*; мн. ч. 1 л. *сме*, 2 л. *сте*, 3 л. *се*;

— аорист/имперфект: ед. ч. 1 л. *бев*, 2 л. *беше*, 3 л. *беше*; мн. ч. 1 л. *бевме*, 2 л. *бевте*, 3 л. *беа*;

— императив: 2 л. ед. ч. *биди*, 2 л. мн. ч. *бидете*;

— *l*-форма: *бил*/*бидел*;

— причастие: *биден*;

— деепричастие: *бидејќи*.

Аналитические глагольные формы

Перфект I (с *l*-формой от аористной основы у глаголов совершенного вида и от имперфектной основы у глаголов несовершенного вида), пересказывательный ао-

рист (обычно с *l*-формой от аористной основы у глаголов совершенного вида), пересказывательные имперфект и презенс (только с *l*-формой от имперфектной основы у глаголов несовершенного и совершенного вида) образуются по модели: презенс вспомогательного глагола *сум* (опускается в 3-м лице единственного и множественного числа) + *l*-форма смыслового глагола с флексиями рода и числа. Например, *дојде* ʻприйти' — ед. ч. 1 л. м. р./ж. р. *сум дошол*/*дошла*, 2 л. м. р./ж. р. *си дошол*/*дошла*, 3 л. м. р./ж. р./ср. р. *дошол*/*дошла*/*дошло*; мн. ч. 1 л. *сме дошле*, 2 л. *сте дошле*, 3 л. *дошле*; от глагола *седи* ʻсидеть' — ед. ч. м. р. 1 л. *сум седел*, 2 л. *си седел*, 3 л. *седел*; мн. ч. 1 л. *сме седеле*, 2 л. *сте седеле*, 3 л. *седеле*. Формы перфекта с *сум* омонимичны формам пересказа.

Плюсквамперфект I образуется по модели: имперфект вспомогательного глагола *сум* + *l*-форма с флексиями рода и числа. Например, *дојде* ʻприйти' — ед. ч. 1 л. *бев дошол*/*дошла*, 2 л. *беше дошол*/*дошла*, 3 л. *беше дошол*/*дошла*/*дошло*; мн. ч. 1 л. *бевме дошле*, 2 л. *бевте дошле*, 3 л. *беа дошле*.

Перфект II образуется по модели: презенс вспомогательного глагола *има*/*нема* ʻиметь/не иметь' + причастие на *-н*/*-т* неизменно в среднем роде единственного числа от любого глагола, причем возвратный компонент *се* сохраняется: *имам* (*имаш*, *има*, *имаме*, *имате*, *имаат*) *видено* ʻя (ты, он, мы, вы, они) видел(и)'; *се имам погрижено* ʻя позаботился' и т. д.

Плюсквамперфект II по образованию отличается от перфекта II тем, что вспомогательный глагол выступает в форме имперфекта: *имав* (*имаше*, *имавме*, *имавте*, *имаа*) *видено* ʻя (ты, он, мы, вы, они) видел(и)'; *се имав* (*се имаше*) *погрижено* ʻя (ты, он) позаботился' и т. д.

Пересказывательные формы перфекта II и плюсквамперфекта II образуются по модели: пересказывательная форма от вспомогательного глагола *има* в соответствующем времени + причастие на *-н-*/*-т-* в среднем роде единственного числа: *тој имал видено* ʻон (якобы) видел', *тој бил имал видено* ʻон (якобы, до некоторого момента в прошлом) видел'.

Формы будущего времени образуются по модели: частица *ќе* + презенс глагола совершенного/несовершенного вида. Отрицательные формы будущего времени образуются по модели: *не* + *ќе* + презенс глагола совершенного/несовершенного вида или неизменяемая форма 3-го лица единственного числа вспомогательного глагола *нема* + *да* + презенс: ед. ч. 1 л. *ќе дојдам* ʻприду', 2 л. *ќе дојдеш*, 3 л. *ќе дојде*; мн. ч. 1 л. *ќе дојдеме*, 2 л. *ќе дојдете*, 3 л. *ќе дојдат*; *не ќе дојдам* ʻя не приду' и т. п. или ед. ч. 1 л. *нема да дојдам* ʻя не приду', 2 л. *нема да дојдеш*, 3 л. *нема да дојде*; мн. ч. 1 л. *нема да дојдеме* и т. д.

Будущее в прошедшем образуется по модели: *ќе* + имперфект глагола совершенного/несовершенного вида: ед. ч. 1 л. *ќе дојдев*, 2 л. *ќе дојдеше* и т. д. Отрицательные формы будущего в прошедшем образуются по модели: *не ќе* + имперфект смыслового глагола совершенного/несовершенного вида или, реже, *немаше* + *да* + презенс смыслового глагола совершенного/несовершенного вида: ед. ч. 1 л. *не ќе дојдев*, 2 л. *не ќе дојдеше* и т. д., 1 л. *немаше да дојдам*, 2 л. *немаше да дојдеш*, 3 л. *немаше да дојде*; 3 л. мн. ч. *немаше да дојдат*.

Будущее результативное образуется по модели: *ќе* + перфект II — 1 л. ед. ч. *ќе имам дојдено*, 2 л. ед. ч. *ќе имаш дојдено* и т. д.; отрицательные формы: 1 л. ед. ч. *нема да имам дојдено*, 2 л. ед. ч. *нема да имаш дојдено* или *не ќе имаш дојдено* и т. д.

Формы кондиционала омонимичны темпоральным формам следования (чаще всего — будущего в прошедшем) с *ќе* и с *нема(ше) да*.

Потенциал образуется по модели: частица *би* + *l*-форма смыслового глагола совершенного/несовершенного вида; информацию о лице и числе несет личное местоимение или существительное в функции субъекта (*јас би дошол* ʽя бы пришёл’, *ти би дошол* ʽты бы пришёл’ и т. д.).

Формы конъюнктива образуются по модели: *да* + спрягаемая форма смыслового глагола совершенного/несовершенного вида в презенсе, имперфекте, редко в перфекте I, II — 3 л. ед. ч. *да дојде* ʽчтобы он пришёл’, ʽпусть придёт’, ʽприйти’, 2 л. ед. ч. *да дојдеше* ʽесли бы он пришёл’.

Пересказывательные формы будущего времени, будущего в прошедшем и кондиционала с частицей *ќе* и конъюнктива с *да* содержат *l*-форму от имперфектной основы смыслового глагола при сохранении частиц *ќе* и *да*, например, будущее пересказывательное, пересказывательные будущее в прошедшем и кондиционал: *(не) ќе сум дојдел* ʽя (дескать, мол) (не) должен был прийти/чуть не пришёл’ и т. д.; пересказывательный конъюнктив — *да (не) сум дојдел* ʽчтобы я да (не) пришёл? (как бы не так)’ и т. д. При пересказе форм времен следования и кондиционала со вспомогательным компонентом *има*/*нема* форму пересказа получает этот компонент, например, будущее пересказывательное, будущее в прошедшем пересказывательное и пересказывательный кондиционал — *немало да дојдеш* ʽ(говорят), ты не должен был прийти/(говорили), что ты не придёшь’, *немало да дојдеме* ʽ(говорят), мы не должны были прийти/(говорили), что мы не придём’ и т. д. В условном наклонении (потенциале) не различаются формы пересказа/непересказа.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Наиболее типичная структура словоформ (префикс) + корень + (суффикс); кроме того, встречаются инфиксы и постфикс, которым является членная морфема:

— корень: *ден* ʽдень’, *град* ʽгород’, *сол* ʽсоль’, *ноќ* ʽночь’, *коњ* ʽконь’, *ателје* ʽателье’, *бел* ʽбелый’, *каде* ʽкуда’, *да* ʽда’, *не* ʽнет’;

— корень + определенный член: *сол-та* ʽ(известная; вся; эта) соль’, *град-от* ʽ(известный; этот/тот) город’, *град-ов* ʽ(этот) город’, *град-он* ʽ(тот) город’, *ателје-то* ʽ(известное) ателье’, *ателје-во* ʽ(это) ателье’, *ателје-но* ʽ(то) ателье’;

— префикс + корень: *ни-каде* ʽникуда’, *не-каде* ʽгде-то’, *пот-пис* ʽподпись’, *на-стан* ʽсобытие’, *по-глуп* ʽболее глупый’, *нај-глуп* ʽсамый глупый’;

— корень + суффикс: *олк-у* ʽстолько’, *олк-ав* ʽтакой по величине’, *как-ов* ʽкакой’, *ред-ум* ʽрядом’, *пер-е* ʽстирает’, *од-и* ʽидёт’, ʽходит’, *вик-а* ʽзовёт’, *ум-ен* ʽумный’, *вод-ен* ʽводный’, ʽвлажный’;

— корень + суффикс + суффикс: *пиш-а-н* ʽнаписанный’; корень + суффикс + суффикс + суффикс: *пиш-ув-а-јќи* деепричастие от ʽписать’;

— префикс + корень + суффикс: *на-пиш-а* ʽон написал’ (аорист от *напише*);

— префикс + корень + суффикс + суффикс: *на-пиш-а-н* ʽнаписанный’; префикс + префикс + корень + суффикс + суффикс: *по-на-пиш-а-н* ʽпонаписанный’; префикс + префикс + префикс + корень + суффикс: *ис-по-на-пиш-а* ʽпонаписал’ (аорист); префикс + префикс + префикс +корень + суффикс + суффикс: *ис-по-на-пиш-а-л* ʽпонаписал’ (*l*-форма);

— корень + флексия: *вод-а* ʽвода’, *ноќ-и* ʽночи’, *коњ-и* ʽкони’, *град-ови* ʽгорода́’, *ателје-а* ʽателье’ (мн. ч.), *бел-а* ʽбелая’, *бел-о* ʽбелое’, *бел-и* ʽбелые’;

— корень + флексия + определенный член: *ноќ-и-те* ʽэти (известные; все) ночи’, *вод-а-та* ʽэта (известная; вся) вода’, *град-ови-ве* ʽэти города’, *бел-а-ва* ʽэта белая’, *бел-и-не* ʽте белые’;

— (префикс) + корень + суффикс + флексия: *(на-)пиш-а-в* ʽ(я) написал’ (аорист), *(на-)пиш-е-ш* (2 л. ед. ч. презенса от ʽ(на)писать’), *сед-е-ше* ʽон сидел’ (имперфект);

— (префикс) + корень + суффикс + суффикс + флексия: *пот-пиш-ув-а-м* ʽподписываю’, *пот-пиш-ув-а-в* ʽя подписывал’ (имперфект), *по-диг-н-е-ш* (2 л. ед. ч. презенса от ʽподнять’);

— корень$_1$ + инфикс + корень$_2$: *вод-о-вод* ʽводопровод’; корень$_1$ + инфикс + корень$_2$ + суффикс + флексия: *плод-о-род-н-а* ʽплодородная’;

— корень$_1$ + (суффикс) + корень$_2$ + (флексия): *Илинден* (*Ил-ин-ден*) ʽИльин день’, *нацрт-закон* (мн. ч. *нацрт-закон-и*) ʽзаконопроект’.

2.5.2. Переход одной части речи в другую возможен при адвербиализации существительных с предлогами или существительных с определенным членом; как наречия воспринимаются некоторые старые застывшие падежные формы существительных: *дома* ʽдома’, ʽдомой’, *надвор* ʽна дворе’, ʽна улице’, ʽвон’, *навидум* ʽвнешне’, ʽна вид’, *годинава* (литературная норма требует в этом случае переноса ударения: *година́ва*) ʽв этом году’. Возможна также субстантивация прилагательных: *болен* ʽбольной’, *стариот* ʽотец’, ʽдед’, *старата* ʽмать’, ʽбабушка’, *старите* ʽ(мои) старики, родители’.

Суффиксация. У существительных: *коњ* ʽконь’ — *коњ-а-ник* ʽвсадник’ — *коњ-че* ʽлошадка’, *воден* ʽводяной, водный’ — *воден-иц-а* ʽводяная мельница’ — *воден-ич-ар* ʽмельник’, *бер-е* ʽбрать’ — *бер-ба* ʽсбор’, *зна-е* ʽзнать’ — *зна-е-ње* ʽзнание’. У прилагательных: *заб* ʽзуб’ — *заб-е-н* ʽзубной’, *тра-е* ʽдлиться’ — *тра-е-н* ʽпрочный’, ʽдлительного пользования’, *гриж-а* ʽзабота’ — *гриж-лив* ʽзаботливый’, *град* ʽгород’ — *град-ск-и* ʽгородской’. У глаголов: *жолт* ʽжёлтый’ — *жолт-ос-а* ʽпожелтеть’ — *жолтос-ув-а* ʽстановиться жёлтым’, ʽжелтеть’, *троп-а* ʽстучать(ся)’ — *троп-к-а* ʽстучать(ся) негромко’ — *троп-н-е* ʽстукнуть’ — *тропн-ув-а* ʽпостукивать, стучать’, *пиш-е* ʽнаписать’ — *пиш-ув-а* ʽписать’, *куп-и* ʽкупить’ — *куп-ув-а* ʽпокупать’, *шеф* ʽшеф’ — *шеф-ува* ʽбыть шефом’, *телефон* ʽтелефон’ — *телефон-ира* ʽзвонить по телефону’. У наречий: *ноќ* ʽночь’ — *ноќ-е* ʽпо ночам’, ʽночью’, *мал* ʽмалый’ — *мал-у* ʽнемного’.

Префиксация. У глаголов: *пише* ʽписать’ — *на-пише* ʽнаписать’, *до-пише* ʽдописать’, *о-пише* ʽописать’, *рас-пише* ʽрасписать’ и т. д., *дејствува* ʽдействовать’ — *без-дејствува* ʽбездействовать’. У прилагательных: *гласен* ʽгромкий’ — *без-гласен* ʽбезгласный’, ʽбезголосый’, *солен* ʽсолёный’ — *не-солен* ʽнесолёный’, *пре-солен* ʽпересоленный’. У наречий: *каде* ʽкуда, где’ — *до-каде* ʽдокуда’, *от-каде* ʽоткуда’, *сила* ʽсила’ — *со-сила* ʽсилой’.

Префиксация с суффиксацией: *пат* ʽпуть’ — *рас-паќ-е* (< *рас-пат* + *је*) ʽперекрёсток’.

Словосложение: с инфиксацией — *риб-о-лов* ʽрыбная ловля’, *мал-о-летен* ʽмалолетний’, *син-о-ок* ʽсинеокий’, *југ-о-запад* ʽюго-запад’, *ум-о-творба* ʽтворческое произведение’, *македонск-о-руски* ʽмакедонско-русский’; без инфиксации —

оро-водец 'ведущий в хороводе', *кино-реклама* 'кинореклама', *предлог-резолуција* 'проект резолюции', *педесет-годишнина* 'пятидесятилетие', *заменик-претседател* 'заместитель председателя', *молчи-толчи* 'коварный человек, интриган', *многу-пати/повеќе-пати* 'много раз'.

2.5.3. М.я. принадлежит к номинативному типу. Личные предложения имеют структуру SVO. Подлежащее, выраженное личным местоимением, может быть опущено, если это тема и информацию о нем несет личная форма глагола: *Дојдов вчера* 'Я приехал вчера'. Личные местоимения, обозначающие рему предложения, не опускаются: *Ние ќе ви помогнеме* 'Мы́ вам поможем'. О выражении субъектно-объектных отношений см. 2.3.4.

Для М.я. характерна проклиза кратких местоимений: *Му го дадов* 'Я ему его (это) дал'. В побудительных предложениях со сказуемым в императиве краткие личные и возвратные местоимения занимают позицию энклитик: *Дај ми го!* 'Дай мне его (это)!'. Краткие местоимения и другие проклитики при глаголе имеют четко определенное место: (*не*) + (*ќе*) + местоимение в дательном падеже + местоимение в винительном падеже + глагольная форма: *Не ќе му ја дадам* 'Я не дам ему ее', *(Не) ми се пие* 'Мне (не) хочется пить'; (*не*) + *сум* + местоимение в дательном падеже + местоимение в винительном падеже + *l*-форма: *Дали си му ги дал?* 'Дал ли ты ему их?'; (*не*) + (*ќе*) + местоимение в дательном падеже + местоимение в винительном падеже + *има* + причастие на *-н-/-т-* в среднем роде единственного числа: *(Не) му се имаше пиено* 'Ему (не) хотелось пить'.

Дублирование местоимений в винительном и дательном падеже носит грамматически регулярный характер: 1) прямое дополнение, обозначающее в данной речевой ситуации объект, выраженный полной формой личного местоимения (рема), существительным собственным или существительным нарицательным в определенной форме (тема или рема), дублируется кратким личным местоимением в винительном падеже: *Го видов него / Него го видов* 'Именно его я видел', *Го видов детето* 'Я видел (этого) мальчика'. Неопределенный объект — прямое дополнение (обычно рема) не удваивается: *Видов (некое, едно) дете* 'Я видел (какого-то, одного) мальчика'; 2) косвенное дополнение адресата действия по норме обязательно удваивается кратким местоимением в дательном падеже, независимо от определенности/неопределенности объекта: *Му ја дадов на детето (/ на едно дете) книгата* 'Я дал (эту) книгу (этому) мальчику (одному/какому-то мальчику)'.

Предикат может быть выражен: 1) модально-темпоральной формой глагола; 2) сочетанием связочного глагола в модально-темпоральной форме с существительным, прилагательным, причастием, наречием; 3) междометиями: *Ај на плажа!* 'Айда на пляж!'. Как правило, глагол-связка не опускается: *Тој е студент* 'Он студент', *Ние сме добро / Добро сме* 'У нас всё хорошо'. Многие глаголы могут иметь предикативное определение, согласованное в роде и числе с подлежащим или с прямым дополнением, но не выступающее в определенной форме: *Ја видов весела* 'Я увидел её весёлой', *Студентите се јавија на испит добро подготвени* 'Студенты явились на экзамен хорошо подготовленными'.

Согласованные определения (прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные) обычно предшествуют определяемому имени; членная морфема при однородных приименных определениях присоединяется к флексии первого из них: *На перонот на малата железничка станица немаше никој* 'На перроне

маленькой железнодорожной станции никого не было’. Несогласованные определения обычно следуют после определяемого: *Му читам роман на (/ од) П. Андреевски* ‘Читаю ему роман П. Андреевского’.

Обстоятельства могут быть переданы наречиями и сочетаниями существительных с предлогами. Обычно обстоятельства, в зависимости от темо-рематических отношений, стоят в начале или конце предложения, или же рядом со словом, к которому примыкают: *Дојдов вчера* ‘Я приехал вчера’, *Вчера дојдов* ‘Я вчера приехал’, *Лани не отидов на одмор* ‘В прошлом году я не поехал на отдых (отдыхать)’, *Годинава тој нема намера да оди на одмор* ‘В этом году он не намерен ехать на отдых (отдыхать)’.

Отрицательная модальность выражается частицей *не,* которая ставится обычно перед сказуемым, даже если отрицается не все высказывание в целом, а лишь его субъект или объект: *Не ја видов* ‘Я не видел её’, *Не бев јас* ‘Это был не я’, *Не ја сакам* ‘Я не люблю её’, *Не ја сакам неа (туку една друга девојка)* ‘Я люблю не её (а другую девушку)’. Возможно двойное и тройное выражение отрицания: *Никому ништо не сум му рекол* ‘Я никому ничего не сказал’.

Вопросительная модальность при общем вопросе выражается с помощью вопросительной интонации и иногда вопросительной частицы: *Одиме?* ‘Пошли? / Пойдём?’, *Вчера дојде? / Вчера ли дојде?* ‘Ты вчера приехал?’, *Слободен си? / Дали си слободен?* ‘Ты свободен?’, *Иван дојде?* ‘Иван пришёл?’, *Иван ли дојде?* ‘Это Иван пришёл? / Пришёл ли Иван?’, *Нели одиме?* ‘Ведь мы идём, не так ли?’, *Зар не знаеш?* ‘Неужели не знаешь?’. Специально-вопросительные предложения начинаются с вопросительных местоимений и наречий: *Кој дојде?* ‘Кто пришёл?’, *Што рековте?* ‘Что Вы сказали?’, *Кога дојде?* ‘Когда (он, ты) пришёл?’, *Зошто го рече?* ‘Зачем (почему) ты это сказал?’, *Кому му рече?* ‘Кому (именно) ты (он) сказал?’.

В безличных предложениях сказуемое может быть выражено: 1) регулярно образуемой безличной формой глагола (3-е лицо единственного числа + возвратный компонент *се*): *Се вели* ‘Говорят’, *(Не) се знаеше* ‘(Не) было известно’; 2) безличными глаголами, выступающими только в 3-м лице единственного числа: *Грми* ‘Гремит (о громе)’, *Врне* ‘Идёт дождь’, *има* ‘есть’, ‘имеется’, *нема* ‘нет’, ‘не имеется’, *треба* ‘нужно’, *мора* ‘необходимо’, *може* ‘можно’, *(не) бидува* ‘(не) годится’; 3) глаголами со значением физического или психического состояния в 3-м лице единственного числа, в сочетании с возвратным компонентом *се* или без него и в сочетании с личным местоимением в винительном или дательном падеже, обозначающим носителя признака: *Ги мрзи* ‘Им лень’, *Не ме бидува* ‘Я не гожусь’, *Го тресе* ‘Его трясёт (знобит)’, *Ни се јаде* ‘Нам хочется есть’; 4) безличными неглагольными предикативами с глаголом-связкой в сочетании с личным местоимением в дательном или винительном падеже, обозначающим носителя признака или без него: *Жешко е* ‘Жарко’, *Беше доцна* ‘Было поздно’, *Жал ми е* ‘Мне жаль’, *Страв му беше* ‘Ему было страшно’, *Срам те било!* ‘Как тебе не стыдно!’.

2.5.4. С л о ж н о с о ч и н е н н ы е предложения образуются путем соединения простых предложений с союзами или без союзов. В инвентаре союзов есть турцизмы (*ама* ‘но’, *ем… ем* ‘и… и’), значения некоторых общеславянских союзов специфичны (см. 2.3.7.).

С л о ж н о п о д ч и н е н н ы е предложения соединяются с помощью подчинительных союзов, относительных и вопросительных местоимений. Вопроси-

тельные изъяснительные придаточные соединяются с главной частью вопросительными местоимениями или вопросительной частицей *дали*. Повествовательные изъяснительные придаточные с реальной модальностью соединяются с главной частью союзами *дека* 'что', *како* 'как', *што* 'что', а с ирреальной модальностью — союзом *да* 'чтобы': *Знам дека си студент* 'Я знаю, что ты студент', *Сакам да станеш студент* 'Хочу, чтобы ты стал студентом', *Јас гледав како бледнее* 'Я видел, как она бледнеет', *Жал ми е што Ве навредив* 'Мне жаль, что я Вас обидел'. Придаточные цели соединяются с главной частью союзами *да*, *за да* 'чтобы': *Таа дошла за да нè шпионира* 'Она прибыла, чтобы шпионить за нами'. Союз *да* имеет также значение союза условия и входит в состав некоторых временны́х союзов: *додека да* 'до тех пор, пока', *пред да* 'до того как, перед тем как', *дури да* 'пока, в то время как'. Придаточные с союзом *да* отличаются специфичным порядком слов: сказуемое должно стоять непосредственно после *да*, глагол может выступать в формах презенса, имперфекта, перфекта, изредка аориста, но выражает ирреальную модальность, некоторые члены этого придаточного могут быть вынесены вперед за рамки придаточного: *Му кажал брат му да ги пасе овците* 'Он сказал ему, чтобы его брат пас овец'. В условных придаточных, вводимых союзами *ако* 'если', *да* 'если, если бы', *ако да* 'если бы', не употребляются глагольные формы с *ќе*: *Ако најдев можност, ќе дојдев* 'Если бы я нашёл возможность, пришёл бы', *Да најдам можност — ќе дојдам* 'Если найду возможность, то приду'. Определительные придаточные вводятся относительными местоимениями и наречиями *кој*/*којшто* 'который', *каков што* 'каковой', 'который', *каде што* 'где', 'куда', *чиј*/*чијшто* 'чей' и т. д. Немаркированное относительное местоимение *што* 'что' может заменять местоимение *кој(што)*: *Човекот кој(што)*/*што дојде вчера е мојот пријател* 'Человек, который приехал вчера, мой друг', *Децата кои(што)*/*што играат во дворот…* 'Дети, которые играют во дворе…'.

Обособленными оборотами, заменяющими временные придаточные, в литературном М.я. могут быть обороты: 1) с деепричастием: *Чекајќи го* / *Додека го чекаше, таа читаше* 'Ожидая его / Пока его ждала, она читала'; 2) с причастием на *-н-*/*-т-*: *Седната на еден камен, таа замислено гледаше во вода* 'Сидя (букв. 'сидевшая') на камне, она задумчиво смотрела на воду'; 3) обособления с глагольным существительным процессного значения с суфиксом *-ње*: *Едно влегување (Штом влезе), падна* 'Как только он вошёл, сразу упал'. В литературном языке возможны и обособленные определения: *Иван, подгрбавен и замислен, нервозно кружеше низ собата* 'Иван, сгорбившийся и задумавшийся, нервно кружил по комнате'.

2.6.0. Основной лексический фонд македонских диалектов и литературного языка составляет общеславянская лексика: *човек* 'человек', *маж* 'мужчина', 'муж', *жена* 'жена', 'женщина', *дете* 'ребёнок', 'мальчик', *син* 'сын', *ќерка* 'дочь', *брат* '(родной) брат', *сестра* '(родная) сестра', *село* 'село', *град* 'город', *земја* 'земля', 'страна', *небо* 'небо', *леб* 'хлеб', *месо* 'мясо', *риба* 'рыба', *птица* 'птица', *дрво* 'дерево', *трева* 'трава', *оди* 'ходить', 'идти', *седи* 'сидеть', *лежи* 'лежать', *спие* 'спать', *јаде* 'есть', *пие* 'пить', *гледа* 'смотреть', *слуша* 'слышать', 'слушать', *пее* 'петь', *живее* 'жить', *умре* 'умереть'.

М.я., существуя на Балканах более тысячи лет в условиях непосредственных междиалектных контактов с неславянскими языками, пополнял лексический

фонд за счет престижных в разные периоды балканских языков. Влияние этих языков шло на междиалектном бытовом и на культурно-языковом уровне. Так, в македонских диалектах около тысячи греческих заимствований. Это и культурно-книжная христианская лексика: *манастир* 'монастырь', *Евангелие* 'Евангелие', *парастос* 'панихида', *кандило* 'лампада'; и общебытовая лексика: *илјада* 'тысяча', *евтин* 'дешёвый', *панаѓур* 'ярмарка', *киниса* 'покинуть', 'уехать', *макар* 'хотя', *оти* 'потому что', 'почему'. В македонских диалектах более трех тысяч слов, заимствованных из турецкого; продуктивными стали также суффиксы турецкого происхождения *-џија*, *-чија*, *-лак*: *филмаџија* 'киношник', *војниклак* 'солдатская служба'. Слова, обозначавшие термины экономической и государственной жизни Османской империи, в современном М.я. перешли в разряд исторических терминов, но общебытовая лексика осталась: *шеќер* 'сахар', *ракија* 'водка', *чаршав* 'покрывало', 'скатерть', 'простыня', *чорап* 'чулок', 'носок', *таван* 'потолок', 'чердак', *кат* 'этаж', *занает* 'ремесло', *алат* 'инструмент', *челик* 'сталь', *бакар* 'медь', *памук* 'хлопок'. Сербская лексика проникала в результате многовековых контактов с соседними македонскими диалектами, а наиболее интенсивно в XX в. — через образование и официальное общение, которые в Вардарской Македонии были возможны до 1940-х гг. лишь на сербохорватском языке; сербско-македонская диглоссия и билингвизм в Македонии живы и сейчас, способствуя проникновению сербской лексики в македонские диалекты, жаргоны и просторечие.

Литературный М.я. очень близок к народно-разговорному языку. По мере развития функциональных стилей его лексический состав, особенно в терминологии, обогащался за счет калькирования сербских слов по продуктивным словообразовательным моделям, прямых заимствований из сербского, а также интернационализмов (через сербохорватский): *доход* 'доход', *извештај* 'отчёт', *побарувачка* 'спрос', *континуитет* 'преемственность', *прецизност* 'точность', *просперитет* 'процветание', *просперира* 'процветать', *резултат* 'результат', *резултира* 'явиться/являться результатом'. Многие лексемы, прежде заимствованные или калькированные из престижных языков — турецкого, греческого, сербского, по мере утраты их престижа «опускаются» в М.я. в просторечие или разговорный стиль, часто с экспрессивной окраской, получая в литературном языке синонимы для нейтрального или высокого стиля речи: *ава — воздух* 'воздух', *талас — бран* 'волна', *кандиса — се согласи* 'согласиться'. Традиционная церковнославянская книжная и южнославянская культурная (болгарская и сербская) лексика в современном литературном М.я. заменяется на общенародные лексемы с продуктивными словообразовательными моделями: *состојание — состојба* 'состояние', *желание — желба* 'желание', *течение — тек* 'течение', *движение — движење* 'движение', *сведение — податок* 'сведение', *событие/догађај — настан* 'событие', *рачун — сметка* 'счёт'; некоторые книжные слова в разговорном языке приобрели экспрессивную ироническую окраску и произносятся с особой интонацией (*патешествие* 'путешествие' — нейтральное лит. *патување*), некоторые остались в составе общеупотребительной нейтральной лексики (*офицер* 'офицер', *благајна* 'касса', *аптека* 'аптека', *странка* 'клиент', 'проситель'). Существует немало фразеологизмов, заимствованных и калькированных из турецкого и сербского языков, при этом в диалектах и сленгах сильна лексическая и

фразеологическая интерференция с престижными языками (в недавний период с сербским, а в последние годы — с английским).

М.я. во всех своих функциональных стилях и идиомах лишен какого-либо пуризма в области лексики.

2.7.0. Основные особенности з а п а д н о й диалектной группы, которая ближе других групп к литературному языку:

— в области фонетики: 1) просодическая система с фонетически подвижным и закрепленным за третьим слогом от конца слова или синтагмы ударением: *водéница* ʻмельницаʼ — определенная форма *воденѝцата*, *тој знáе* ʻон знаетʼ — *тој нé‿знае* ʻон не знаетʼ; 2) отсутствие редукции безударных гласных; в) система вокализма в центральных говорах из пяти фонем: *а*, *о*, *у*, *е*, *и*; в периферийных говорах есть также и фонема /ә/; 3) отсутствие фонемы /х/ или замена ее фонемой /в/: *леб* ʻхлебʼ, *прав* ʻпыльʼ, ʻпрахʼ; 4) утрата интервокального /в/ (*осноа* ʻосноваʼ); 5) **ě* > /е/ во всех позициях; 6) так называемая «мена юсов», т. е. изменение **ę* > **ǫ* после *j* (*јазик* ʻязыкʼ) в большинстве западных говоров и мена начального **ǫ* > *ја* (*јаглен* ʻугольʼ) и другие фонетические особенности;

— в области морфосинтаксиса: 1) тройной постпозитивный определенный артикль: *човекот* ʻизвестный человекʼ, *човеков* ʻэтот человекʼ, *човекон* ʻтот человекʼ, *жената* ʻизвестная женщинаʼ, *женава* ʻэта женщинаʼ, *женана* ʻта женщинаʼ, *детето* ʻизвестный ребёнокʼ, *детево* ʻэтот ребёнокʼ, *детено* ʻтот ребёнокʼ; 2) проклиза кратких форм личных местоимений; 3) регулярное удвоение прямого объекта и косвенного объекта адресата с помощью кратких личных местоимений и местоименная реприза; 4) окончание *-т* в 3-м лице единственного числа презенса: *дават* ʻдаётʼ, *знаит* ʻзнаетʼ; 5) личное местоимение в 3-м лице *тој* ʻонʼ и некоторые другие особенности.

В о с т о ч н а я (юго-восточная) диалектная группа. В отличие от западной группы для нее характерны:

— в области фонетики: 1) разные акцентные системы, но преимущественно с разноместным ударением, играющим смыслоразличительную роль; 2) редукция безударных гласных в направлении большей краткости и закрытости, вплоть до полной утраты безударного слога в южных восточномакедонских говорах; 3) *цана* вместо зап.-мак. *цена* < **cěna*; 4) отсутствие мены юсов (*език* ʻязыкʼ); 5) протетический [в] перед **ǫ (ваглен* ʻугольʼ); 6) регулярное сохранение интервокального [в] (*основа*); 7) сохранение фонемы /х/ в одних говорах группы и /х/ > /j/ или полная его утрата — в других: зап.-мак. *кожув* ʻдубленкаʼ — вост.-мак. *кожух*, зап.-мак. *чевли* ʻтуфлиʼ, ʻботинкиʼ — вост.-мак. *чејли*, зап.-мак. *мев* ʻживотʼ, ʻпузоʼ — вост.-мак. *ме*;

— в области морфологии: 1) отсутствие тройного артикля (членные морфемы — ед. ч. м. р. *-о*, ж. р. *-та*, ср. р. *-то*; мн. ч. *-те*); 2) отсутствие флексии *-т* в 3-м лице единственного числа презенса: *даа* ʻдаётʼ, *знае* ʻзнаетʼ.

С е в е р н а я группа диалектов. Характерные особенности:

— в области фонетики: 1) **ǫ* > /у/ (*рука*), **l̥* > /у/ (*вук* ʻволкʼ); после зубного **l̥* > *лу* (*длуго* ʻдолгоʼ); 2) сильные редуцированные переходят в /ӑ/: *дӑн* ʻденьʼ, *дӑш* ʻдождьʼ; 3) сохранились корневые *љ* и *њ*: *поље* ʻполеʼ, *њива* ʻниваʼ;

— в области морфологии: 1) форма неименительного падежа существительных женского рода с флексией *-у*: *дом на културу* ʻдом культурыʼ; 2) флексия *-е*

во множественном числе существительных на *-а* (*куќе* ʽдомá’); 3) флексия *-мо* в 1-м лице множественного числа и *-в* в 3-м лице множественного числа презенса, соответственно *имамо* ʽимеем’, *имав* ʽимеют’; а также некоторые другие черты.

ЛИТЕРАТУРА

Велковска С. Изразување на резултативноста во македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1998.

Видоески Б. Фонолошки описи на македонските говори // Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1998, т. I; 1999, т. II–III.

Конески Б. Македонский язык в развитии славянских литературных языков. Скопје, 1968.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1981, дел. I и II [1-е изд., 1952, 1954].

Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1981 [1-е изд., 1965].

Конески Б. Македонскиот литературен јазик // Реферати на македонските слависти за XI меѓународен конгрес во Братислава. Скопје, 1993.

Конески К. Зборообразувањето во современиот македонски јазик. Скопје, 1995.

Корубин Б. Јазикот наш денешен. Скопје, 1969, кн. 1; 1976, кн. 2.; 1980, кн. 3; 1986, кн. 4; 2000, кн. 5; 2001, кн. 6.

Македонски јазик. Opole, 1998.

Минова-Ѓуркова Л. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1994.

Минова-Ѓуркова Л. Сврзувачки средства во македонскиот јазик. Скопје, 1997.

Минова-Ѓуркова Л. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје, 2003.

Савицка И., Спасов Љ. Фонологија на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1997.

Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918.

Селищев А. М. Полог и его болгарское население. София, 1929.

Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.

Селищев А. М. Македонские кодики XVI–XVIII веков. София, 1933.

Тополињска З. Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Скопје, 1974.

Усикова Р. П. Морфология имени существительного и глагола в македонском литературном языке. Скопје, 1967.

Усикова Р. П. Македонский язык // Славянские языки. М., 1977.

Усикова Р. П. Македонский язык: Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем. Скопје, 1985.

Усикова Р. П. Языковая ситуация в Республике Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение, 1997, № 2.

Усикова Р. П. Македонский язык // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона (славянские языки). СПб., 1998, ч. 2.

Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.

Цивьян Т. В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Цыхун Г. А. Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

Friedman V. The grammatical categories of the macedonian indicative. Columbus, Ohio 1977.

Gołąb Zb. Conditionalis typu bałkańskego w językach południowosłowiańskich ze szczególnym uwzględnieniem macedońsnkiego. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1964.

Lunt H. Grammar of the macedonian language. Skopje, 1952.

С л о в а р и

Конески К. Правописен речник на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1999.

Македонско-русский словарь / Сост. Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. Под ред. Н. И. Толстого. С приложением краткого грамматического справочника, составленного В. М. Илличем-Свитычем. М., 1963.

Македонско-руски речник. Македонско-русский словарь / Ред. Р. Усикова. Сост. Р. П. Усикова, З. К. Шанова, М. А. Поварницына, Е. В. Верижникова. Скопје, 1997, т. I–III.

Македонско-русский словарь // Сост. Р. П. Усикова, З. К. Шанова, М. А. Поварницина, Е. В. Верижникова. Под общей ред. Р. П. Усиковой и Е. В. Верижниковой. М., 2003.

Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Ред. Б. Конески. Сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Скопје, 1961, т. I; 1965, т. II; 1966, т. III.

Чундева Н., Сидоровска-Најческа М., Накев С. Руско-македонски речник. Русско-македонский словарь. Скопје, 1997.

Ширилова В. Голем лексикон на странски зборови и изрази. Скопје, 2001.

А. Г. Кречмер, Г. Невекловский

СЕРБОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК
(сербский, хорватский, боснийский языки)

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Сербохорватский язык (С.-х.я.). Это название употреблялось с конца XIX в. до 1991 г. для обозначения стандартного (литературного) языка южных славян — сербов, черногорцев, хорватов и принявших (преимущественно в Боснии) ислам славян. После распада в 1991 г. общего государства — Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) — употребляются названия языков соответствующих титульных наций новых государств данного ареала: хорватский (*hrvatski* — Хорватия, хорваты в Боснии и Сербии), сербский (*српски* — Сербия и Черногория, сербы в Боснии и Хорватии). В Боснии, где титульной нации нет, название «боснийский» (*bosanski*) является лингвонимом боснийских мусульман (самоназвание *Bošnjaci*, ранее *Muslimani*). Название С.-х.я. и в настоящее время употребляется для всего данного языкового ареала, особенно в зарубежной научной литературе. Русские обозначения: серб(ск)о-хорватский, хорватскосербский, сербский; название «боснийский/босанский язык» в настоящее время используется лишь окказионально; англ. *Serbo-Croatian*/*Serbo-Croat*, фр. *serbo-croate*, нем. *Serbokroatisch* (*Kroatisch-Serbisch*). После распада СФРЮ в зарубежной славистике, наряду с традиционными обозначениями, содержащими оба компонента (сербский и хорватский), все чаще употребляются обозначения типа сербский/хорватский/боснийский (например, в Австрии и Франции), *Former Serbo-Croatian* (в США и Канаде).

1.1.2. С.-х.я., вместе со словенским языком, образует западную подгруппу южнославянской группы славянских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью.

1.1.3. По данным последней переписи 1991 г. население СФРЮ составляло 23,5 млн. чел. Носителями С.-х.я. были 16,7 млн. чел., из них — 8,5 млн. сербов, 4,6 млн. хорватов, 2,35 млн. так называемых мусульман, 540 тыс. черногорцев и 710 тыс. жителей, декларировавших себя как югославы. Для большинства других граждан СФРЮ С.-х.я. являлся вторым языком. В настоящее время на С.-х.я. говорят в Сербии (около 7 млн. чел., 2002) и Черногории (617 тыс. чел., 2003), в Хорватии (4,3 млн. чел., 2001) и в Боснии и Герцеговине (около 4 млн. чел.,

оценка 2003). Определенное число носителей С.-х.я. проживает (как национальные меньшинства) в пограничных странах — Италии (2–3 тыс. чел.), Австрии (20 тыс. чел., 2001), Венгрии (19 тыс. чел., 2001), Румынии (27 тыс. чел., 2002), Словении (154 тыс. чел., 2002), Македонии (58 тыс. чел., 2002), Албании. Кроме того, во многих странах западной Европы живут рабочие-мигранты, носители С.-х.я (например, в Германии 650 тыс. чел., 2002). Значительная диаспора имеется в США (234 тыс. чел., 2000), Канаде (109 тыс. чел., 2001), Австралии (11 тыс. чел., 2001). Всего на С.-х.я. говорит около 17,4 млн. чел. (в том числе 9,1 млн. сербов и черногорцев, 5,6 млн. хорватов, 2,4 млн. боснийцев и мусульман), из них за пределами бывшей СФРЮ — 1,5 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Диалекты сербохорватского языкового континуума представлены четырьмя группами — чакавской, кайкавской, штокавской и торлакской. Торлакский диалект (южная и восточная Сербия) отличается преимущественно структурными признаками, сближающими его с языками балканского языкового союза, прежде всего болгарским и македонским. Названия остальных сербохорватских диалектов мотивированы различными реализациями вопросительного местоимения ʻчтоʼ (чак. *ča*, кайк. *kaj*, шток. *što*). Штокавский диалект является самым крупным и наиболее распространенным. На нем говорят на большей части территории Сербии и Хорватии, в Черногории, в Боснии и Герцеговине. В смежных со Словенией районах Хорватии (в том числе в столице Хорватии Загребе) говорят на более близком к словенскому кайкавском диалекте, в хорватском Приморье — на чакавском диалекте. Членение сербохорватского диалектного континуума основано на генетических и структурных критериях, проявляющихся в акцентной системе, вокализме, консонантизме, морфологии, лексике и др. Особенно важными диалектными признаками являются различные рефлексы **ě*: *e*, *ije*/*je*, *i* (*reka*, *rijeka*, *rika* ʻрекаʼ; *devojka*, *djevojka*, *divojka* ʻдевушкаʼ). Соответствующие говоры принято называть экавскими, екавскими и икавскими. В целом междиалектные различия достаточно велики и могут значительно затруднять взаимопонимание носителей различных диалектов, не владеющих стандартным (литературным) языком.

Диалектный ландшафт С.-х.я. резко изменился в XV–XVII вв., во время турецкого завоевания Балкан, когда крупные группы населения бежали на еще свободные от турок территории. Позже, вплоть до XX в., имел место и обратный миграционный поток: когда Османская империя вынуждена была отступать с завоеванных территорий, «турки» (славяне, принявшие ислам) бежали в районы, остававшиеся под турецкой властью. Таким образом, сформировались достаточно четкие междиалектные границы, тогда как еще в начале XV в., до массовых миграций, наблюдалась определенная размытость диалектных границ и переходные междиалектные зоны.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. До 1991 г. С.-х.я. фактически являлся основным языком общения в СФРЮ, особенно в общественной сфере коммуникации (при юридическом равноправии языков отдельных ее народов и национальностей). В настоящее время сербский язык является государственным языком в Сербии и Черногории, хорватский язык — в Хорватии. В Боснии три юридически равноправных языка —

боснийский, сербский и хорватский, при фактической дифференциации языкового употребления по этнически-территориальному признаку (раздельное обучение, национальная ориентация средств массовой информации). В Черногории в последние годы наблюдаются определенные тенденции к выделению особого черногорского литературного языка (см. 1.3.2.). Носители С.-х.я., живущие за границей, используют лингвонимы, соответствующие их национальной принадлежности. Кроме литературного хорватского языка, существуют отдельные хорватские микроязыки, имеющие свои литературные традиции — с XVII в. язык градищанских хорватов в Австрии и смежных районах Венгрии и Словакии (чакавская диалектная основа, около 50 тыс. носителей); язык молизских хорватов в Италии (провинция Кампобассо, штокавско-икавская основа, несколько сотен носителей) (см. статью «Малые славянские литературные языки» в наст. издании).

1.3.2. В основе сербохорватского языкового стандарта лежит модель Вука Караджича, кодифицировавшего основные ее черты в первой половине XIX в. (в 1814–1818 гг. в сербской «Грамматике», словаре, сборнике народных песен; в 1847 г. в переводе Нового Завета). В 1850 г. между ведущими сербскими и хорватскими интеллектуалами был заключен так называемый «Венский литературный договор» о создании единого литературного языка сербов и хорватов по модели В. Караджича. Становление, официальное признание и кодификация С.-х.я. происходят во второй половине XIX в. В 1954 г. так называемым «Новосадским договором» вновь закрепляется модель единого литературного языка с двумя равноправными вариантами — западным (хорватским) и восточным (сербским). В 1960 г. была опубликована орфографическая норма обоих вариантов. Языковой базой С.-х.я. являются новоштокавские говоры (восточногерцеговинский и воеводинско-шумадийский) с двойной, экавской и екавской, нормой произношения. Для сербохорватского языкового стандарта характерны сознательное моделирование (не спонтанное развитие) при ярко выраженной ориентации на диалектный язык и фольклорное койне, а также фонетический принцип правописания.

До создания С.-х.я. имелись различные региональные письменные традиции на базе отдельных диалектов. При этом для древнего периода можно говорить лишь о территориальной, отчасти конфессиональной, но не об этнической атрибуции памятников. Одной из наиболее ярких черт письменной традиции сербохорватского языкового ареала до начала XVI в. является оппозиция культурно-языкового полицентризма неправославных областей (Истрия, Далмация, Дубровник, Славония, внутренняя Хорватия, Босния) и гомогенности православной культуры. Один из центров западной письменной традиции находился на территории чакавского диалекта, где сосуществовали хорватско-церковнославянская письменность и тексты на народно-языковой основе, например, так называемая «Башчанская плита» (около 1100 г.) и многие другие надписи на камнях в Истрии и Далмации, а также Винодольский статут, или законник, 1288 г. К чакавско-церковнославянской традиции относятся старейший печатный глаголический текст — миссал 1483 г. и «Лекционар» Бернардина Спличанина (латиница) 1495 г. Один из центров древней штокавской письменности (Хум) находился на территории Боснии и Герцеговины. К его памятникам относятся грамота боснийского бана Кулина 1189 г. на народно-языковой основе, сербско-церковно-

славянское Мирославово Евангелие (конец XII в.), надписи на плитах (например, так называемая «Хумацкая плита», XII в.). Примером богомильской боснийской письменности может служить церковнославянский кодекс христианина Хвала 1404 г. Как предположительно богомильские атрибуируются Груичево (конец XIII в.), Копитарево (вторая половина XIV в.) и Никольское (около 1400 г.) Евангелия.

Средневековый период для западного культурного региона заканчивается около 1500 г. В Далмации развиваются светские литературные традиции Возрождения и барокко, ср. чакавско-икавские тексты Марка Марулича из Сплита (около 1500 г.), штокавскую поэму «Осман» Ивана Гундулича (после 1600 г.). В XVI в. развивается кайкавская литература (ср. «Kronika vezda znovich zpravliena kratka szlouenzkim iezikom» Антуна Врамца, 1578 г.). В 1595 г. в Венеции выходит первый словарь (на чакавской основе) Фауста Вранчича «Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum». В Боснии широко представлена религиозная письменность (ср. «Наук карстиански» Матии Дивковича, 1611 и 1616 гг.). Значительную роль здесь сыграла деятельность ордена францисканцев. Бартол Кашич в 1604 г. создал первую хорватскую грамматику (на надрегиональной чакавской основе с указаниями на соответствующие штокавские формы) «Institutiones linguae illyricae». Значительную роль в дальнейшем развитии литературного хорватского языка сыграла деятельность так называемого Озальского круга (XVII в.) с его чакавско-кайкавско-штокавским койне (ср. «Adrianskoga morja sirena» Петра Зринского, Венеция, 1660 г.). В XVII–XVIII вв. выходят словари на различной диалектной основе, ср. «Dictionar» Юрая Хабделича (Грац, 1670 г.), «Blago jezika slovinskoga» Якова Микали (Лорето, 1649 г.), «Gazophylacium» Ивана Белостенца (Загреб, 1740 г.), «Dizionario italiano, latino, illirico» Арделио делла Белла (Венеция, 1728 г.). «Nova slavonska i nimacska gramatika» Матии Антуна Рельковича (Загреб, 1767 г.) имеет штокавско-славонские черты. Большую роль в становлении литературного хорватского языка сыграл полный перевод Святого Писания, изданный Петром Катанчичем в 1831 г. (штокавско-икавские (боснийские) черты). Литературный язык на штокавской основе употреблялся у хорватов от Славонии до Дубровника (включая Боснию) уже в начале XIX в. Параллельно, вплоть до 1870–х гг. был в употреблении и кайкавский региональный литературный язык. Под влиянием чешской орфографической модели были созданы хорватский орфографический кодекс Л. Гая (Буда, 1830 г.) и грамматика В. Бабукича (Загреб, 1836 г.). К середине XIX в. у хорватов имелись различные региональные концепции литературного языка (Загреб, Риека, Задар). Победила концепция иллирического движения: литературный язык на штокавской диалектной основе. В конце XIX в. модель общего С.-х.я. кодифицируется в «Хорватском правописании» И. Броза (1892 г.), «Грамматике и стилистике хорватского или сербского литературного языка» Т. Маретича (1899 г.) и в «Словаре хорватского языка» Ф. Ивековича и И. Броза (1901 г.).

Сербское государство Неманичей (Рашка) и традиция сербского афонского монастыря Хиландара относились к культурному ареалу православного славянства, в котором единый письменный язык (региональные редакции старославянского), региональный деловой язык и локальная устная традиция составляли функциональное единство. При этом у сербов церковнославянский язык в дело-

вой письменности представлен значительно сильнее, чем у восточных славян. К числу наиболее важных памятников древнего (дотурецкого) периода относятся: XII в. — Волканово Евангелие, «Хиландарский типик»; XIII в. — Жичский и Хиландарский круг Житий св. Симеона (Стефана Немани), Жития св. Саввы (1242 г., конец XIII в.), Апостол Матицы Сербской, Синайская Псалтирь, Требник Груича, паримейники и патерики; XIV в. — «Жития королей и епископов сербских» архиепископа Даниила, свод законов царя Душана («Душанов Законик», 1349 г.), «Эпистолии кир Силуяновы»; XV в. — так называемая «Александрида». Период турецкого владычества характеризуется постепенным затуханием собственно литературно-письменной традиции, но расширением деловой письменности, включая корреспонденцию (на сербском языке) турецких властей. Наиболее значительными текстами конца XVII — начала XVIII в. являются так называемые «Хроники» Дж. Бранковича и тексты монахов-рачан. В 1690 г. большая группа сербского населения под предводительством патриарха Арсения III Чарноевича бежала на территорию Австро-Венгерской империи (современная Воеводина). Здесь во второй половине XVIII в. развивается так называемая славяносербская письменность амальгамного характера, объединяющая в различных соотношениях элементы русско-церковнославянского, русского (высокий и средний стиль), сербско-церковнославянского и сербского языка (городское и фольклорное койне). Против славяно-сербского в начале XIX в. выступил В. Караджич со своей моделью нового языкового стандарта, в которой значительную роль играла богатая штокавская устная фольклорная традиция.

Хотя официально С.-х.я. оставался единым языковым стандартом до 1991 г., уже в 1960–е гг. все заметнее становятся сепаратистские тенденции в Хорватии (1967 г.: «Декларация об имени и положении хорватского литературного языка», так называемый «маспок» начала 1970–х гг. — массовые протесты хорватских интеллектуальных кругов), а с 1974 г. здесь официально вводится название «хорватский язык».

В свете развития современной языковой ситуации на территории бывшей СФРЮ — с ярко выраженной установкой на монолингвальные общества и максимальное расподобление языков-наследников С.-х.я. — особое значение приобретают (действительные и предположительные) различия между ними. Наибольшей степенью вариативности отличается лексика, тогда как различия в фонетике и грамматике скорее немногочисленны и часто реализуются лишь на уровне допустимых внутрисистемных вариантов, ср. лексические дублеты (все примеры даются латиницей): серб. *supa* (*čorba*) ʽсуп' — хорв. *juha*, серб. *voz* ʽпоезд' — хорв. *vlak*, серб. *uslov* ʽусловие' — хорв. *uvjet*, серб. *sedmica* (*ned(j)elja*) ʽнеделя' — хорв. *tjedan*, серб. *fabrika* ʽфабрика' — хорв. *tvornica*, серб. *prisutan* ʽприсутствующий', ʽналичествующий' — хорв. *nazočan*, серб. *januar* ʽянварь' — хорв. *siječanj*, серб. *februar* ʽфевраль' — хорв. *veljača*, серб. *mart* ʽмарт' — хорв. *ožujak* (и т. д. другие месяцы), серб. *zav(j)era* ʽзаговор' — хорв. *urota*, серб. *kleveta* ʽклевета' — хорв. *objeda*, серб. *birač* ʽизбиратель' — хорв. *izbornik*, серб. *sumnjiv* ʽсомнительный', ʽподозрительный' — хорв. *dvojben*, серб. *pažnja* ʽвнимание' — хорв. *pozornost*. Наряду с полными дублетами, возможны различия на морфемном уровне: серб. *ovlaštenje* ʽполно-

мочие' — хорв. *ovlast*, серб. *počasni* 'почётный' — хорв. *začasni*, серб. *malol(j)etan* 'малолетний', 'несовершеннолетний' — хорв. *malodoban*, серб. *preduzeće* 'предприятие' — хорв. *poduzeće*, серб. *sudski* 'судебный' — хорв. *sudbeni* и т. д. Интернационализмы сербского языка в хорватском языке обычно имеют славянские соответствия (традиционный для хорватского языка пуризм заметно усилился в начале 1990-х гг., после получения Хорватией государственности): серб. *muzika* 'музыка' — хорв. *glazba*, серб. *taksa* 'такса' — хорв. *pristojba*, серб. *depozit* 'депозит' — хорв. *pohrana*, серб. *lupa* 'лупа' — хорв. *povećalo*, серб. *municija* 'боеприпасы' — хорв. *streljivo*, серб. *cifra* 'цифра' — хорв. *brojka*, серб. *kompozitor* 'композитор' — хорв. *skladatelj*, серб. *policija* 'полиция' — хорв. *redarstvo*, серб. *apoteka* 'аптека' — хорв. *ljekarna*, серб. *opozicija* 'оппозиция' — хорв. *oporba*.

Исключительно сербской является экавская произносительная норма, екавская же может быть и сербской, и хорватской, и боснийской. В хорватском языке /h/ сохраняется во всех позициях, в сербском в большом числе случаев утрачивается и реализуется как ∅, /v/, /j/: серб. *duvan* 'табак' — хорв. *duhan*, серб. *uvo* 'ухо' — хорв. *uho*, серб. *suv* 'сухой' — хорв. *suh*. Иногда /h/, однако, сохраняется: *ruho* 'одежда', *uhoda* 'шпион'. Таким образом, в определенных случаях идентичные в остальном лексемы сербского и хорватского языков различаются лишь по одному фонетическому признаку. Ср. следующие соответствия: серб. *št* ~ хорв. *ć* (серб. *opšti* 'общий' — хорв. *opći*, серб. *opština* 'муниципалитет' — хорв. *općina*, серб. *sveštenik* 'священник' — хорв. *svećenik*); серб. *t* ~ хорв. *ć* (серб. *plata* 'зарплата' — хорв. *plaća*).

В сербском языке числительные в большей степени утратили систему склонения, чем в хорватском: серб. *iz dv(ij)e zemlje* 'из двух стран' — хорв. *iz dviju zemalja*, серб. *služiti dva gospodara* 'служить двум господам' — хорв. *služiti dvama gospodarima*. Имеются различия в употреблении определенной/неопределенной формы прилагательного: серб. *u Andrićevom* (опред. прил.) *d(j)elu* 'в произведении Андрича' — хорв. *u Andrićevu* (неопред. прил.) *djelu*. Лексемы в сербском и хорватском языках могут иметь различный грамматический род: серб. *osnov* 'основа' — хорв. *osnova*, серб. *minut* 'минута' — хорв. *minuta*, серб. *prtljag* 'багаж' — хорв. *prtljaga*. Nomina agentis в сербском языке имеют суффикс *-ista*, в хорватском — *-ist*: серб. *rusista* 'русист' — хорв. *rusist*, серб. *biciklista* 'велосипедист' — хорв. *biciklist*. Сербские дериваты женского рода от существительных мужского рода образуются преимущественно суффиксом *-ka*/*-kinja*, хорватские — *-ica*: серб. *profesorka* 'женщина-профессор' — хорв. *profesorica*, серб. *studentkinja* 'студентка' — хорв. *studentica*. Диминутивы в сербском языке обычно имеют суффикс *-če*, в хорватском — *-č(ić)*: серб. *unuče* 'внучек' — хорв. *unučić*, серб. *kamenče* (*kamenčić*) 'камешек' — хорв. *kamenčić*. Собирательные числительные в сербском языке образуются на *-oro*, в хорватском — на *-ero*: серб. *petoro* 'пятеро' — хорв. *petero*. Сербским глаголам иностранного происхождения на *-irati*, *-isati*, *-ovati* в хорватском языке соответствуют лишь формы на *-irati*: серб., хорв. *telefonirati* 'звонить, говорить по телефону', но серб. *intervjuisati* 'интервьюировать' — хорв. *intervjuirati*, серб. *protestovati* 'протестовать' — хорв. *protestirati*.

К основным признакам боснийского языкового стандарта можно отнести:

1) тенденцию к сохранению и вторичному появлению фонемы /h/ (в скобках приводится соответствующая форма сербохорватского языкового стандарта; в случае наличия региональных вариантов первой приводится сербская, второй — хорватская форма): *bahnuti* (*banuti*) ʽнеожиданно появиться’, *horiti se* (*oriti se*) ʽотражаться’, *hrđa* (*rđa*) ʽржавчина’, *hrzati* (*rzati*) ʽржать’, *hudovica* (*udovica*) ʽвдова’, *lahak*, *lahka*, *lahko* (*lak -a*, *-o*) ʽлёгкий, -ая, -ое’, *mehak*, *mehka*, *mehko* (*mek*, *-a*, *-o*) ʽмягкий, -ая, -ое’, *sahat* (*sat*) ʽчас’, ʽчасы’ и т. д.;

2) распространение турцизмов и ориентализмов, предпочтительно в форме, наиболее близкой к исходной: *aždaha* (*aždaja*) ʽдракон’, ʽзмей’, *bahsuz* (*baksuz*) ʽнеудачник’, *bašča* (*bašta*, *bašća*) ʽсад’, *buzdohan* (*buzdovan*) ʽбулава’, *ćeif* (*ćef*) ʽудовольствие’, *findžan* (*fildžan*) ʽчашка’, *kafez* (*kavez*) ʽклетка’, *kahva* (*kafa*/*kava*) ʽкофе’, *mehlem* (*melem*) ʽбальзам’, *mejdan* (*megdan*) ʽплощадь’, *mekteb* (*mejtef*) ʽмусульманская школа’, *hurma* (*urma*) ʽхурма’, *pehlivan* (*pelivan*) ʽакробат’, *sabahile* (*sabaile*) ʽутром’.

Кроме того, наблюдается уменьшение числа бывших ранее в употреблении сербизмов при одновременном увеличении числа хорватских форм. Однако сохраняются и некоторые традиционные сербские формы: *hirurg* ʽхирург’ (хорв. *kirurg*), *hemija* ʽхимия’ (хорв. *kemija*), *okean* ʽокеан’ (хорв. *ocean*), *varvarski* ʽварварский’ (хорв. *barbarski*), *Evropa* ʽЕвропа’ (хорв. *Europa*), *opština* ʽмуниципалитет’ (хорв. *općina*) (но *opći* ʽобщий’, серб. *opšti*), *niko* ʽникто’ (хорв. *nitko*), *tačan* ʽточный’ (хорв. *točan*), *tačka* ʽточка’ (хорв. *točka*).

В 1995 г. группа черногорской интеллигенции, возглавляемая Пен-клубом, приняла декларацию о положении черногорского языка, в числе прочего указывающую на то, что только черногорский народ (из числа народов бывшей СФРЮ) пользуется языком, название которого мотивирует чужой этноним. Черногорский язык понимается при этом не как полностью автономная система, но как составная часть сербохорватской диалектной системы. В 1997 г. было создано орфографическое пособие по черногорскому языку, вводящее три новые графемы в кириллический и латинский алфавиты. При этом диалектные элементы получают статус литературной нормы. Однако официальным языком в Черногории до сих пор остается сербский язык.

1.3.3. До распада СФРЮ в 1991 г. обе орфографические нормы (в том числе оба алфавита) и обе орфоэпические нормы С.-х.я. преподавались в школе. В настоящее время педагогический статус языков-наследников С.-х.я. регулируется законодательством соответствующих государств. Особое положение сложилось при этом в Боснии и Герцеговине, где в учебных заведениях выбор языка обучения и общения часто определяет национальная принадлежность учеников. Так, в боснийской Республике Сербской официальным языком в системе высшего образования является сербский; в Мостаре как хорваты, так и мусульмане имеют свой университет; в то же время в некоторых других университетах Боснии употребляются все три языковых стандарта. Сербский, хорватский, боснийский языки обычно являются языками обучения национальных меньшинств, неносителей С.-х.я., зачастую параллельно с их родным языком.

Изучением С.-х.я. занимаются Институт славяноведения РАН (Россия, Москва), аналогичные секции в академиях наук других стран. В ряде университетов мира ведется преподавание С.-х.я. (и языков-наследников) и исследовательская работа.

1.4.0. Первые памятники С.-х.я. написаны глаголицей и кириллицей. Глаголица характерна при этом для хорватской письменности на чакавской основе (надписи, литургические тексты, деловая письменность). Со временем здесь развился особый тип письма, так называемая угловатая, или хорватская, глаголица. Она употреблялась для литургических целей вплоть до XIX–XX вв. Латинский алфавит начал употребляться у хорватов с XIV в. в Далмации (по образцу итальянской графики), а с XVI в. на территории кайкавского диалекта (по венгерскому образцу). В 30–е гг. XIX в. хорваты переходят на алфавит с диакритическими знаками чешского типа. В качестве надстрочных знаков при этом употребляются ˇ (*č*, *š*, *ž*), ´ (*ć*), ¯ (*đ*), кроме того, употребляются лигатуры *lj*, *nj*, *dž*. Для обозначения различных рефлексов праславянского **ě* употреблялась графема *ě*. В XX в. латиница распространилась также у сербов, мусульман и черногорцев.

В сербских землях употреблялась только кириллица. Вплоть до победы языковой реформы В. Караджича во второй половине XIX в. алфавит соответствовал дореформенному русскому. В результате реформы были удалены неадекватные сербской фонетической системе графемы, введены новые, и таким образом установлено соответствие между звуковой и графической системами. Введены были две лигатуры — *љ* и *њ* (из *л* + *ь* и *н* + *ь*), графема *ђ* по аналогии с *ћ*, а также *џ* (стилизация *ч*); кроме того, в употребление был введен из латинского алфавита *j*.

На территории Боснии и Герцеговины сохранились немногочисленные памятники и следы глаголицы, достаточно рано вытесненной кириллицей, развившей здесь особый тип, известный также в Далмации, так называемую «босанчицу» (боснийский алфавит). В XVII–XVIII вв. ею пользовались католики, впоследствии она была вытеснена латиницей. У боснийских мусульман для передачи своего языка в употреблении частично было и арабское письмо. В начале XX в. оно было реформировано по образцу графических систем с диакритическими знаками, что обеспечивало однозначное прочтение. Этим алфавитом вплоть до 1940-х гг. печаталась религиозная литература.

В настоящее время С.-х.я. имеет два алфавита: кириллический (преимущественно в Сербии и Черногории) и латинский (единственный в настоящее время в Хорватии, у мусульман и хорватов в Боснии; с 1991 г. заметно сокращение употребления в Сербии и Черногории). При использовании обоих типов графики орфография фонетическая. В кириллическом варианте имеет место полное соответствие звукового и графемного состава: тридцати фонемам (без различения количества гласных) соответствуют тридцать графем. Следующие графемы отличаются от русских: *ђ* [đ], *j* [j], *љ* [l'], *њ* [n'], *ћ* [ć], *џ* [dž]. В латинском варианте имеются диграфы *dž*, *lj*, *nj*; в словарях они выступают как целое; имеются также специальные буквы *č*, *ć*, *đ*, *š*, *ž*.

1.5.0. Поскольку основой (языковой базой) литературного С.-х.я. стало штокавское наречие, в дальнейшем рассматривается прежде всего именно его историческое развитие. Первый этап развития (до XII в.) характеризуется изменением системы гласных, что, в частности, привело к неразличению и совпадению палатализованных и непалатализованных слоговых сонантов, деназализацией носовых гласных (*ę* > *e*, *ǫ*> *u*), сужением *ě* до *ẹ*. Изменения в консонантизме: отверде-

ние мягких согласных *s'* и *r'*, переход *dz* > *z*, *t'* > *ć*, *d'* > *đ*, *št'* > *št*, *žd'* > *žd*. Падение редуцированных ъ/ь в слабой позиции приводит к образованию закрытых слогов и тем самым новых групп согласных.

На втором этапе развития (XIII–XIV вв.) происходят следующие изменения. Различные рефлексы **ě* (*e*, *i*, *ije*/*je*) становятся одним из важнейших дифференциальных признаков сербохорватских диалектов; ъ, ь > *a* (*dan* ʽдень', *san* ʽсон'). Слоговое *l* вокализуется (> *u*, ср. *vuk* ʽволк'). Характерен переход комбинации *v* + редуцированный > *u* (*unuk* ʽвнук'). В конце этого этапа конечно-слоговое *l* > *o*, ср. *seoba* ʽпереселение', *bio* ʽбыл'. Важнейшим фонетическим феноменом является новоштокавское передвижение ударения на один слог к началу слова. При этом ударные слоги получают восходящую интонацию, вступающую в первом слоге словоформы в оппозицию со словоформами, уже имевшими ударение на первом слоге: **rū'kȁ* ʽрука' > *rúka*, вин. п. ед. ч. *rûku*. Изменения затрагивают и морфологию: исчезает двойственное число (сыгравшее важную роль в развитии морфологии имени), в единственном числе развивается категория одушевленности, сокращается число типов склонения, в родительном падеже множественного числа развивается долгое *-ā*. Прилагательные начинают склоняться по местоименному типу. В системе спряжения обобщаются окончания 1-го лица единственного числа (*-m*) и множественного числа (*-mo*), конечное *-t* в 3-м лице единственного и множественного числа настоящего времени отпадает.

XV–XVII вв. — период массовых миграций, вызванных войнами и турецкими завоеваниями и заметно меняющих диалектную карту. Звуковая система при этом в основном остается неизменной, в то время как морфологическая развивается далее.

Последний период — с конца XVII в. до наших дней — характеризуется, прежде всего, двумя фонетическими феноменами — утратой фонемы /h/ и так называемым новым йотированием (тип *brat* ʽбрат' — *braća* ʽбратья', *kamen* ʽкамень' — *kamenje* ʽкамни'), а также окончательным оформлением новоштокавского склонения с синкретизмом окончания в дательном, творительном и местном падежах множественного числа.

1.6.0. С.-х.я. в основном хорошо сохранил фонетический и морфологический характер славянских языков. В фонологическую систему вошли две новые фонемы: еще в старославянский период /f/ из греческого и, начиная с турецких завоеваний в XIV в., /dž/ из турецкого языка. На периферии сербохорватского ареала имело место влияние и других языков, не распространявшееся, однако, на литературный С.-х.я. Сюда, помимо прочего, можно отнести оглушение звонких согласных в конце слова, переход политонической системы ударения в динамическую, переход в начале слога /lj/ > /j/ (*judi* ʽлюди'), конечного /m/ > /n/ (*vidin* ʽя вижу').

Влиянием балканского языкового союза можно объяснить образование будущего времени со связкой *ću*/*ćeš*/*će* и т. д. (*radiću*/*radit ću* ʽя буду работать'), образованной от модального глагола ʽхотеть'. Влиянием языковых контактов можно объяснить и следующие морфосинтаксические особенности (не исключено, однако, и спонтанное развитие): 1) упрощение временно́й системы, в первую очередь, утрата синтетических претеритов — употребление имперфекта в настоящее

время весьма ограничено на всей территории С.-х.я., аорист реже употребляется в северо-западных областях, чем в юго-восточных; 2) в переходном торлакском диалекте исчезает падежная система; 3) в Черногории известен особый тип сослагательного наклонения (ср. *šćaše poginuti* 'он чуть было не погиб') со связкой в имперфекте (сходная конструкция имеется в болгарском языке); 4) числительные от двух до четырех утрачивают способность к склонению (особенно в сербском языке); утрата склонения числительными от пяти и выше является общим явлением С.-х.я.; 5) более редки несклоняемые прилагательные, ср. *šećerli* 'сладкий, как сахар' (турцизм у боснийских мусульман) или *braon cipele* 'коричневые ботинки' (из нем.).

По образцу немецкого, венгерского и русского языков образуются сложные слова типа *zakonodavac* 'законодатель', *glavobolja* 'головная боль'. В С.-х.я. вошли также заимствованные словообразовательные элементы: из турецкого *-ana*, *-džija*, *-lija*, *-luk* (*ciglana* 'кирпичный завод', *lovdžija* 'охотник', *Bečlija* 'житель Вены', *bezobrazluk* 'наглость'); интернациональные *-ija*, *-irati*, *-izam*, *-ist(a)* (*štamparija* 'типография', *grupirati* 'группировать'); из греческого *-isati* (только в сербском языке: *grupisati* 'группировать') и т. д. Иноязычное влияние наблюдается и на уровне синтагмы (включая фразеологизмы). Ср. балканские конструкции *dobro došli* 'добро пожаловать', *ned(j)elja dana* 'неделя (как промежуток времени)', *za godinu dana* 'через год' (букв. 'неделя/год дней' при постпозиции 'день'); фразеологизмы *prodaje se kao halva* 'продается нарасхват', *t(j)erati svoj ćef* 'поступать по своей воле' (сербохорватское соответствие *vršiti svoju volju/ono, što je komu milo*). К заимствованиям из западноевропейских языков можно отнести следующие: *nije dobro s nekim trešnje jesti*, букв. 'нехорошо есть черешню с таким-то' (о человеке, с которым нелегко иметь дело), ср. нем. *mit jemandem ist nicht gut Kirschen essen*; *t(j)erati vodu na čiji mlin/čiju vodenicu* 'лить воду на чью-либо мельницу', ср. нем. *Wasser auf jemandes Mühlen gießen*.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Современный С.-х.я. имеет десять гласных фонем, противопоставленных по краткости/долготе, и 25 согласных фонем.

Гласные

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i ī		u ū
Средний	e ē		o ō
Нижний		a ā	

Функциональным эквивалентом гласного выступает также слогообразующий плавный сонорный /r/, различающий краткость/долготу и нисходящую/восходящую интонацию в ударных слогах.

Согласные

По способу образования			По месту образования: Лабиальные	Дентальные	Передне-палатальные	Палатальные	Велярные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t			k
Шумные	Взрывные	Зв.	b	d			g
Шумные	Аффрикаты	Гл.		c	č	ć	
Шумные	Аффрикаты	Зв.			dž	đ	
Шумные	Фрикативные	Гл.	f	s	š		h
Шумные	Фрикативные	Зв.	v	z	ž		
Сонорные	Носовые		m	n		n’	
Сонорные	Боковые			l		l’	
Сонорные	Дрожащие			r			
Сонорные	Скользящие					j	

2.1.2. Словесное ударение в С.-х.я. музыкальное (тоническое); в ударных слогах различаются нисходящая и восходящая интонации. Их комбинации с краткостью и долготой обозначаются следующими надстрочными знаками: ̏ краткое нисходящее, ` краткое восходящее, ˆ долгое нисходящее и ´ долгое восходящее ударение. Краткие и долгие гласные фонемы различаются и в заударных слогах. Ударения и долгота как правило на письме не обозначаются.

Место ударения условно свободное и играет дистинктивную роль: род. п. ед. ч. *ȉmena* ‘имени’ — им. п., вин. п. мн. ч. *imèna*, род. п. ед. ч. *jȅzera* ‘озера’ — им. п., вин. п. мн. ч. *jezèra*; опред. прил. ж. р. *zèlenā* ‘зелёная’ — неопред. прил. ж. р. *zelèna*. Потенциальная комбинаторика места ударения, интонации и количества гласных ограничивается следующими правилами: 1) односложные слова имеют только нисходящее ударение: *grâd* ‘город’, *grȁd* ‘град’; 2) в дву- и многосложных словоформах ударение не падает на последний слог; 3) в середине многосложной словоформы ударение восходящее: *prispévānje/prispijèvānje* ‘прибытие’, *p(j)enùšav* ‘пенистый’; 4) одна словоформа может иметь до трех безударных долгот, но только за ударным слогом: *zàlāžēm* ‘я закладываю’ — *zàlažēm* ‘я ввожу в заблуждение ложью’, *Dalmàtīnācā* род. п. мн. ч. ‘далматинцев’; 5) фонологическая оппозиция нисходящее/восходящее ударение возможна только в первом слоге словоформы: им. п. ед. ч./вин. п. ед. ч. *rúka*/*rûku* ‘рука’, *nòga*/*nȍgu* ‘нога’. Что касается фонетической природы нисходящих/восходящих тонем, экспериментально-фонетические исследования показывают, что движение (и/или высота) тона в ударном слоге вместе с высотой тона следующего, безударного, слога играют существенную роль в восприятии оппозиции по интонации. При нисходящей интонации частота основного тона безударного слога ниже, а при восходящей выше частоты основного тона ударного слога (*nȍg*$_u$: *nòg*^{a}).

Безударные гласные в С.-х.я. не редуцируются.

О дистинктивной функции просодических средств см. 2.2.3.

В С.-х.я. достаточно распространены клитики: энклитики — краткие формы настоящего времени глагола *biti* ‘быть’ (*sam*, *si*, *je* и т. д.), связка в сослагательном наклонении (*bih*, *bi*, *bismo* и т. д.), формы личных местоимений типа *mi*

ʻмнеʼ, *ga* ʻегоʼ, *ju/je* ʻеёʼ, *ih* ʻихʼ, возвратное местоимение *se* ʻсебяʼ, частица *li* и др., и проклитики — обычно предлоги и союзы. Проклитики притягивают ударение на себя, только если следующий слог имеет нисходящее ударение: *ȕgrād* ʻв городʼ, *ȉtī* ʻтакже тыʼ, *iz kućē* ʻиз домуʼ. Ударение проклитик может быть как нисходящим, так и восходящим (конкретная реализация обусловлена историческими процессами развития).

2.1.3. Звонкие шумные на стыке словоформ перед звонкими, сонорными или гласными и в конечной позиции не оглушаются: *gra*[d] *Zagreb* ʻгород Загребʼ, *gra*[d] *Mostar* ʻгород Мостарʼ, *gra*[d] *Užice* ʻгород Ужицеʼ. На морфемных швах, а также на стыке слов имеет место последовательная ассимиляция по звонкости: *Srbin* ʻсербʼ — *srpski* ʻсербскийʼ, *učiti* ʻучить(ся)ʼ — *udžbenik* ʻучебникʼ, *vrabac* ʻворобейʼ — род. п. ед. ч. *vrapca*, *l(ij)ep dan* [l(ij)eb dan] ʻхороший деньʼ. В позиции перед звонкими реализуются также звонкие варианты непарных глухих согласных фонем /h/ и /c/: род. п. мн. ч. *mojih dobrih* [mojiɣdobrix] ʻмоих хорошихʼ, *pisac dobar* [pisadzdobar] ʻхороший писательʼ. Исключение из этого правила представляет фонема /v/, которая ведет себя как сонорный согласный: *Ivka* [ivka] ʻИвкаʼ, имя собственное, *tvoj* [tvoj] ʻтвойʼ. Ассимиляция /d/ в позиции перед /s/, /š/ на письме не обозначается: *preds(j)ednik* ʻпредседательʼ, *odšetati* ʻуйти гулятьʼ. Фонема /n/ в позиции перед /k/, /g/ представлена позиционным вариантом [ŋ]: *tanki* [taŋki] ʻтонкийʼ.

В С.-х.я. нет долгих согласных. На стыке морфем два одинаковых согласных полностью ассимилируются: *od-dvojiti* > *odvojiti* ʻразъединитьʼ, *iz-stupiti* > *istupiti* ʻвыступитьʼ, ср. также превосходную степень прилагательного с основой на *j*: *naj-jači* [nâjȁčī] ʻсамый сильныйʼ (однако именно в этом случае не исключено произношение [nâjjȁčī]). В позиции перед /s/, /z/, /š/, /ž/ после префикса/предлога *s* вставляется беглая /a/: *saznati* ʻузнатьʼ, *sašiti* ʻсшитьʼ, *sažeti* ʻсжатьʼ, *sa sestrom* ʻс сестройʼ, *sa ženom* ʻс женойʼ. Ассимиляция имеет место также у зубных взрывных /d/, /t/ в позиции перед аффрикатой: *odcepiti*/*odcijepiti* [océpiti/ocijèpiti] ʻотцепитьʼ, *otac* ʻотецʼ, род. п. ед. ч. *oca*, зват. п. ед. ч. *oče*; *bitka* ʻбойʼ, дат. п. ед. ч. *bici*; однако в хорватском языке внутри основы допускается двойное написание (*otče*/*oče*, *bitci*/*bici*), поскольку именно в данной позиции возможно двойное произношение.

Фонемы /s/, /z/, /h/ перед палатальными согласными ассимилируются по месту образования (и одновременно по звонкости): серб. *odvešću* ʻотвезуʼ (в хорватском и боснийском языках при идентичности произношения написание *odvest ću*), *b(ij)esan* ʻбешеныйʼ — сравнительная степень *b(j)ešnji*, *snalaziti se* ʻприспосабливатьсяʼ — *snalažljiv* ʻнаходчивыйʼ, *orah* ʻорехʼ — уменьш. *oraščić*, *trbuh* ʻживотʼ — уменьш. *trbuščić*. Ассимиляция на морфемном шве: *iščupati* ʻвырватьʼ, *izđikati* ʻвыраститиʼ (ср. *is-traživati* ʻисследоватьʼ). Ассимиляция не имеет места, если корневая морфема начинается с /l'/-, /n'/-: *raz-ljutiti* ʻрассердитьʼ. В екавском варианте контактная позиция согласных /s/, /z/ и /l'/, /n'/ возможна также внутри корня, если /l'/, /n'/ представляют собой результат сочетания с рефлексом **ě*: *slijep* ʻслепойʼ, *sljepota* ʻслепотаʼ, *snijeg* ʻснегʼ, *snjegovi* ʻснегáʼ (в экавском варианте соответственно *slep*, *slepota*, *sneg*, *snegovi*).

В позиции между /s/, /z/, /š/, /ž/ и другим согласным (кроме /r/, /v/) обнаруживается выпадение /d/, /t/: краткое (неопределенное) прилагательное *bolestan*

ʽбольной’—полное (определенное) *bolesni*; краткое *izv(j)estan* ʽнекоторый’ — полное *izv(j)esni*, *godište* ʽгод’ (рождения, школьного выпуска и т. п.) — *godišnji* ʽежегодный’, ʽгодовой’, *nužda* ʽнужда’ — *nužni* ʽнужный’, но *božanstven* ʽбожественный’, *smrtni* ʽсмертный’, *mrtvi* ʽмёртвый’. Согласные /d/, /t/ сохраняются в следующих двух случаях: 1) в словах иностранного происхождения как *aorist-ni* ʽаористный’, *azbest-ni* ʽасбестовый’, *feminist-kinja* ʽфеминистка’; 2) если /s/, /z/ являются конечными согласными префикса: *is-tkati* ʽсоткать’, *iz-drati se* ʽраскричаться’. Фонема /n/ переходит в /m/ перед губными /p/ и /b/: *stan* ʽквартира’ — *stambeni* ʽквартирный’.

В С.-х.я. существует тенденция к удлинению кратких гласных (ударных и безударных), если слог заканчивается сонорным: *stàrac* ʽстарик’ — род. п. ед. ч. *stârca*, *lòvac* ʽохотник’ — род. п. ед. ч. *lóvca*, *mòmak* ʽпарень’ — род. п. ед. ч. *mómka*, *lôj* ʽсало’ — род. п. ед. ч. *lȍja*, *zȁlogāj* ʽкусок (пищи)’ — род. п. ед. ч. *zȁlogaja*, *òdlomak* ʽотрывок’ — род. п. ед. ч. *òdlōmka*; *d(j)èvōjka* ʽдевушка’ — род. п. мн. ч. *d(j)èvojākā*. В результате стяжения гласных /a/ + /o/, /o/ + /o/ возникает долгий гласный /ō/: *đȁvō* ʽдьявол’ — род. п. ед. ч. *đȁvola*, *stô* ʽстол’ — род. п. ед. ч. *stȍla*. Если в словоформе следуют друг за другом два не стягивающихся гласных, то они всегда краткие: *dȅo*/*dȉo* ʽчасть’, но род. п. ед. ч. *dêla*/*dȉjela*; *bȅo*/*bȉo* ʽбелый’, но ж. р. *bêla*/*bȉjela*.

Фонема /l/ в конце слога встречается очень редко: *mol-ba* ʽпросьба’ (см. 2.2.3.).

2.1.4. Слогообразующими элементами в С.-х.я. являются гласные (V), слоговой сонорный [r̥] (S) и в редких случаях (в иностранных словах) /l/, /n/, но только в заударном положении. Возможны следующие типы слога: 1) V: *i* ʽи’, *a* ʽа’, *o* ʽо’, *u* ʽв’, *i-li* ʽили’, *a-li* ʽно’, *o-štar* ʽострый’, *u-čiti* ʽучить(ся)’; 2) S: *r-đa* ʽржавчина’; 3) VC/SC/VCC: *od* ʽот’, *rt* ʽмыс’, *uč-tiv* ʽвежливый’, *ur-nebes* ʽсильный шум’, *akt* ʽакт’; 4) CV/CS/CCV/CCS/CCCV: *ru-ka* ʽрука’, *vr-ba* ʽверба’, *bici-kl* ʽвелосипед’, *ple-me* ʽплемя’, *psi* ʽпсы’, *zbr-ka* ʽпутаница’, *svla-čiti* ʽраздевать’; 5) CVC/CSC/ CCVC/CSCC/CVCC/CCVCC/CCCVC/CCCVCC: *pas* ʽпёс’, *vrt* ʽсад’, *štap* ʽпалка’, ʽтрость’, *v(j)ešt* ʽловкий’, *prst* ʽпалец’, *grozd* ʽгроздь’, *svrab* ʽзуд’, *strast* ʽстрасть’.

В екавском варианте в начале словоформы возможны сочетания с /j/, /l’/, /n’/: *djevojka* ʽдевушка’, *pjevati* ʽпеть’, *hljeb* ʽхлеб’, *zvjerad* ʽзверьё’. Для С.-х.я. характерны сочетания из двух-трех согласных в начале словоформы. В группе из трех согласных последний должен быть сонорным. В конце словоформы в собственно сербохорватских словах допустимы только сочетания *-st*, *-zd*, *-št*. В заимствованных словах наблюдаются колебания типа *projek(a)t* ʽпроект’ (но только *student* ʽстудент’). Наиболее часто встречающимися типами структуры слога являются сочетания с одним или двумя начальными согласными и открытые слоги, а также слоги, оканчивающиеся на один согласный.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Фонетический облик слова и других единиц речевого потока определяется закономерностями структуры слога (см. 2.1.4.), ассимиляциями согласных фонем по глухости/звонкости и по способу образования.

2.2.2. В С.-х.я. междометия и звукоподражательные слова могут не подчиняться общим фонетическим правилам построения словоформ. Возможны следующие отклонения: 1) слогообразующие элементы, невозможные в собственно сер-

бохорватских словах: *mhm* (знак подтверждения), *pst* ʽтсс’ и 2) нарушения нормы ударения, например, нисходящее ударение не на первом слоге словоформы (*kukurȉkū* — пение петуха, *juhȕ* — выражение радости) или восходящее ударение на последнем слоге словоформы: *kokodák* (кудахтанье), *mú* (мычание скота), *bé* (блеяние овцы).

Наблюдается фонологическая оппозиция морфологических категорий по типичным моделям слоговой структуры. Для существительного и прилагательного характерна основа на согласный: *orl-* (им. п. ед. ч. *orao*, род. п. ед. ч. *orla*) ʽорёл’, *opasn-* ʽопасный’, *plemen-* ʽплемя’, *vod-* ʽвода’, *mor-* ʽморе’, *ust-* ʽрот’, *morsk-* ʽморской’. Глагол может иметь основы как на гласный, так и на согласный: *usta-ti* ʽвстать’, *da-ti* ʽдать’, *umr(ij)e-ti* ʽумереть’, *pi-ti* ʽпить’, *ču-ti* ʽслышать’, но *mog-u* ʽ(я) могу’ (инф. *moći*), *jed-em* ʽ(я) ем’ (инф. *jesti*) ʽесть’, ʽкушать’, *tres-ti* ʽтрясти’, *drž-a-ti* ʽдержать’, *kup-ova-ti* ʽпокупать’. Именные суффиксы обязательно оканчиваются на согласный, глагольные суффиксы на гласный. Именные суффиксы могут начинаться на гласные и согласные, могут быть неслогообразующими или состоять из одного или двух слогов; глагольные суффиксы состоят из одного или двух слогов. Ср. суффиксы *-c-*: *siv-c-* (им. п. ед. ч. *sivac*, род. п. ед. ч. *sivca*) ʽсерый конь’, ʽосёл’ (от *siv* ʽсерый’); *-b-*: *bor-b-a* ʽборьба’ (от *boriti se* ʽбороться’), *-idb-*: *plov-idb-a* ʽплавание’; *-ost-*: *grub-ost* ʽгрубость’; *-stv-*: *novinar-stv-o* ʽжурналистика’; *-otinj-*: *gol-otinj-a* ʽнагота’, ʽбедность’; *-a-*: *s(j)ed-a-ti* ʽсадиться’ (от *s(j)esti* ʽсесть’), *donaš-a-ti* ʽ(многократно) приносить’ (от *donositi* ʽприносить’); *-ova-*: *imen-ova-ti* ʽназывать’; *-aka-*: *ljub-aka-ti* ʽцеловать’ (уменьш.); *-ucka-*: *drem-ucka-ti* ʽподрёмывать’ (уменьш.). Структура префиксов соответствует в основном структуре слога (см. 2.1.4.), причем реализуются не все возможности (например, *iz-*, *iza-*, *za-*, *pred-*), так как число префиксов гораздо меньше числа корней. Слоговая структура окончаний проста (см. 2.4.0.).

2.2.3. Существенную роль в словообразовании и словоизменении играют фонематические и просодические чередования. Древнейшие вокалические чередования аблаутного происхождения в современном С.-х.я. непродуктивны: *reći* ʽсказать’ — *pro-rok* ʽпророк’, *teći* ʽтечь’ — *tok* ʽтечение’, *ras-točiti* ʽразлить’ — несов. вид *ras-takati*, *(u)mr(ij)eti* ʽумереть’ — *s-mrt* ʽсмерть’ — *mrtav* ʽмёртвый’, *brati* ʽрвать’ (цветы, плоды) — 1 л. ед. ч. наст. вр. *berem* — *birati* ʽвыбирать’ — *sa-bor* ʽсобрание’, *don(ij)eti* ʽпринести’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *donesem* — несов. вид *donositi*, *do-vesti* ʽпривезти’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *dovezem* — *voziti* ʽвозить’. Ограниченно продуктивными являются чередования гласных при формировании глагольного вида и способа действия: *proreći* ʽпредсказать’ — несов. вид *proricati*, *prionuti* ʽприльнуть’ — несов. вид *prianjati*, *don(ij)eti* ʽпринести’ — итеративный *donašati*, *navoziti* ʽнавозить’ — итеративный *navažati*.

Структурно и морфологически обусловлено чередование беглого гласного с нулем. При этом в словоформах, оканчивающихся на группы согласных, перед последним согласным прибавляется /a/. На стыке корневых морфем с префиксами и суффиксами во избежание недопустимых сочетаний согласных также вводится беглое /a/. В других позициях беглый гласный имеет морфологическую значимость, например, в родительном падеже множественного числа существительных, причем /a/ здесь всегда долгое: *mòmak* ʽпарень’ — род. п. ед. ч. *mómka* — род. п. мн. ч. *momákā*, *stȁrac* ʽстарик’ — род. п. ед. ч. *stârca* —

род. п. мн. ч. *stȁrācā*, *nòvac* ʽденьги’ — род. п. ед. ч. *nóvca* — род. п. мн. ч. *novácā*. Ср. также *dȍbar* ʽдобрый’ — ж. р. *dòbra*, *sà-žēti* ʽсжать’ — 1 л. наст. вр. *sȁ-žmēm*, *jȕtār-njī* ʽутренний’ — *jȕtro* ʽутро’, *bòsān-skī* ʽбоснийский’ — *Bȍsna* ʽБосния’.

Количественные чередования всех гласных продуктивны, иногда они морфологизованы. Ср. следующие пары: род. п. ед. ч. *ȕčenika* ʽученика’ — род. п. мн. ч. *ȕčenīkā*, род. п. ед. ч. *prȉjatelja* ʽприятеля’ — род. п. мн. ч. *prȉjatēljā*, род. п. ед. ч. *sèla* ʽсела́’ — род. п. мн. ч. *sêlā*, *žèna* ʽженщина’ — род. п. мн. ч. *žénā*, *kȕća* ʽдом’ — род. п. мн. ч. *kûćā*; реже встречаются примеры типа: неопред. прил. ж. р. *stȁra* — опред. прил. ж. р. *stârā* ʽстарая’. Количественные чередования связаны с закрытостью/открытостью слога и с количеством слогов (в закрытых слогах гласный может удлиняться, третий от конца гласный словоформы может сокращаться), но в целом они непредсказуемы: *môj* ʽмой’ — ж. р. *mòja*, *bôg* ʽбог’ — род. п. ед. ч. *bȍga*, *sîn* ʽсын’ — род. п. ед. ч. *sîna* — им. п. мн. ч. *sȉnovi*, *snêg*/*snȉjeg* ʽснег’ — род. п. ед. ч. *snêga*/*snȉjega* — им. п. мн. ч. *snȅgovi*/*snjȅgovi*, но *krâlj* ʽкороль’ — род. п. ед. ч. *králja* — им. п. мн. ч. *králjevi*.

Широко распространены интонационные оппозиции при словоизменении: род. п. ед. ч. *sèla* ʽсела́’ — им. п. мн. ч. *sȅla*, род. п. ед. ч. *pȍlja* ʽпо́ля’ — род. п. мн. ч. *pòlja*, 1 л. ед. ч. наст. вр. глагола ʽмочь’ *mògu* — 3 л. мн. ч. наст. вр. *mȍgū*, 1 л. ед. ч. аориста глагола ʽкрикнуть’ *víknuh* — 2, 3 л. ед. ч. аориста *vîknū*.

В конце слога фонема /l/ в большинстве случаев вокализуется (> /o/): *čitao* ʽчитал’ — ж. р. *čitala*, *deo*/*dio* ʽчасть’ — род. п. ед. ч. *d(ij)ela*. Однако чередования здесь непредсказуемы: *ogledalo* ʽзеркало’ — уменьш. *ogledalce*, *stolnjak* ʽскатерть’ (от *stô* ʽстол’ — род. п. ед. ч. *stòla*).

В екавском варианте встречаются также следующие чередования (в экавском варианте им соответствует чередование /ē/ ~ /e/): /ije/ ~ /je/: *snijeg* ʽснег’ — *snjegovi*; /ije/ ~ /e/ (/je/): *ždrijebe* ʽжеребёнок’ — род. п. ед. ч. *ždrebeta* (*ždrjebeta*); /ije/ ~ /i/: *dijela* ʽчасть’ — *dio*. В определенных случаях /jē/ не переходит в /ije/: *mjȅra* ʽмера’ — род. п. мн. ч. *mjêrā*, *djȅd* ʽдедушка’ — ласкательное *djédo*, *zàmjeriti* ʽупрекнуть’ — несов. вид *zamjérati*.

Продуктивные чередования согласных:

/k/ ~ /č/ ~ /c/, /g/ ~ /ž/ ~ /z/, /h/ ~ /š/ ~ /s/: *junak* ʽгерой’ — зват. п. *junače* — им. п. мн. ч. *junaci*, *daska* ʽдоска’ — уменьш. *daščica* (одновременная ассимиляция по месту образования), *noga* ʽнога’ — дат. п., местн. п. ед. ч. *nozi* — уменьш. *nožica*; *siromah* ʽбедняк’ — им. п. мн. ч. *siromasi* — *siromašan* ʽбедный’;

/c/ ~ /č/, /z/ ~ /ž/, /s/ ~ /š/: *otac* ʽотец’ — зват. п. *oče*, *vezati* ʽсвязать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *vežem*, *pisati* ʽписать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *pišem*;

/t/ ~ /ć/, /d/ ~ /đ/, /l/ ~ /l’/, /n/ ~ /n’/, /p/ ~ /pl’/, /b/ ~ /bl’/, /m/ ~ /ml’/, /v/ ~ /vl’/, /f/ ~ /fl’/: *smrt* ʽсмерть’ — твор. п. ед. ч. *smrću*, *drhtati* ʽдрожать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *dršćem*, *mlad* ʽмолодой’ — сравнительная степень *mlađi*, *zagrliti* ʽобнять’ — *zagrljaj* ʽобъятие’, *oženiti* ʽженить’ — *oženjen* ʽженатый’, *snop* ʽсноп’ — собир. *snoplje*, *ljubiti* ʽцеловать’ — страдат. прич. *ljubljen*, *grm* ʽкуст’ — собир. *grmlje*, *krv* ʽкровь’ — твор. п. ед. ч. *krvlju*, *Vakuf*, топоним — *Vakufljanin* ʽжитель Вакуфа’;

/st/ ~ /št/, /zd/ ~ /žd/: *pustiti* ʽ(вы)пустить’ — несов. вид *puštati*; *grozd* ʽгроздь’ — *grožđe* ʽвиноград’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Стандартный С.-х.я. (и большая часть диалектов), как и большинство славянских языков, хорошо сохранил индоевропейский флективно-синтетический морфологический тип. Черты аналитизма, в том числе, влияние балканского языкового союза, в стандартном С.-х.я. незначительны, но широко представлены в диалектах, пограничных с болгарским и македонским языками, входящими в балканский языковой союз.

2.3.1. По грамматическим и семантическим критериям в С.-х.я. выделяются следующие части речи: знаменательные — существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие; служебные — союз, предлог; частица, междометие. Морфосинтаксический статус частиц и междометий недостаточно прояснен. Частицы представляют собой одно из центральных средств выражения модальности (модальной рамки высказывания), фатической функции (ср. 2.5.3.). Междометия (в тесной связи с паралингвистическими средствами) выражают прежде всего субъективную модальность. Словоизменительными категориями обладают существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол; остальные морфологически не выделяемы или выделяемы слабо (наречие).

Морфологические критерии делают возможным достаточно четкое выделение знаменательных изменяемых разрядов слов. Общие именные категории (выраженные преимущественно морфологически) — род (см. 2.3.2.), число (см. 2.3.3.), падеж (см. 2.3.4.). Они, как и формально выраженная категория одушевленности, представлены у существительного наиболее полно и определяют форму согласуемых слов. У прилагательного формально выражена категория определенности, а также (как и у наречия) формы степеней сравнения. Общие глагольные категории — время, вид, наклонение, залог (см. 2.3.5.). У личных форм выражены категории лица, числа, у причастных форм — грамматический род. Неличные формы: инфинитив, причастие (действительное и страдательное) и деепричастие (настоящего и прошедшего времени). Категорию лица имеют отдельные местоименные классы (см. 2.3.6., 2.3.7., 2.4.0.). Наречие и служебные, а также модальные слова грамматических категорий не имеют.

Богатая морфология и последовательное согласование допускают высокую степень вариативности линейной структуры высказывания. Поэтому она, как и синтаксические роли, лишь ограниченно может служить основой для частеречной классификации. То же справедливо в отношении сочетаемости служебных слов: союзы обладают почти универсальной сочетаемостью с автосемантическими словами; предлоги свободно сочетаются практически со всеми именами (см. 2.5.3.–2.5.4.).

2.3.2. Трехчленная категория р о д а выражена морфологически четко, например, у существительных: м. р. *-Ø* (*otac* ʻотецʼ, *pas* ʻпёсʼ, *grad* ʻгородʼ), ср. р. *-o*/*-e* (*l(j)eto* ʻлетоʼ, *polje* ʻполеʼ, *d(ij)ete* ʻребёнокʼ), ж. р. *-a*/*-Ø* (*majka* ʻматьʼ, *stvar* ʻвещьʼ); см. 2.4.0.

В именной флексии наблюдается тесное переплетение морфологических маркеров рода, числа и падежа. Поэтому важную роль в актуализации формы играет ударение. Каждое существительное имеет определенное родовое значение, задающее грамматический род согласуемых слов (атрибута, предиката). В целом

между полом референта и грамматическим родом обозначающего его существительного имеется логическая связь. В определенных случаях она, как и согласование по роду, может быть нарушена. Ср., например, обозначение профессий, особенно когда носителем (ранее мужской) профессии является женщина: *Ona je dobar profesor*/*dobra profesorka* ʽОна хороший/хорошая профессор(ша)ʼ, но *On(a) je dobar sudija* ʽОн(а) хороший судьяʼ. Существительные со значением ʽсудьяʼ, ʽвладыкаʼ, ʽслугаʼ, ʽстарейшинаʼ, ʽколлегаʼ, имеющие морфологическое оформление женского рода, но (первоначально) обозначавшие лиц мужского пола, показывают определенную вариативность согласования, ср. в единственном числе атрибут мужского рода: *svetski vladika* ʽвладыка мираʼ, *mladi gazda* ʽмолодой хозяинʼ, *sluga pokoran* ʽслуга покорныйʼ, *veliki vojvoda* ʽвеликий воеводаʼ, *mlađi kolega* ʽмладший коллегаʼ; во множественном числе могут быть представлены оба рода: женский род *same sudije* ʽсами судьиʼ, *moje sluge* ʽмои слугиʼ, *razredne star(j)ešine* ʽклассные старостыʼ, мужской род *stalni sudije* ʽпостоянные судьиʼ, *ovi kolege* ʽэти коллегиʼ, *sudije su se našli* (м. р.) / *našle* (ж. р.) ʽсудьи встретилисьʼ. Современный С.-х.я. показывает здесь ясную тенденцию к семантическому, не грамматическому согласованию. Атрибут слов общего рода (типа *pristalica* ʽсторонникʼ, *pijanica* ʽпьяницаʼ, *mušterija* ʽклиентʼ) чаще имеет форму женского рода, даже когда обозначает лиц мужского пола. Формы действительного причастия (близкого к прилагательным) согласуются в роде с субъектом высказывания (*On je došao* ʽОн пришёлʼ, *Ona se udala* ʽОна вышла замужʼ). Атрибуты и местоимения, относящиеся к группам лиц или предметам различной родовой принадлежности, имеют окончание мужского рода: *Otac, mati i d(ij)ete pošli su na izlet* ʽОтец, мать и ребёнок поехали на экскурсиюʼ. Некоторые существительные показывают определенную (иногда регионально детерминированную) вариативность родовой принадлежности: *doba* ʽвремяʼ (ж. р./ср. р.), *veče(r)* ʽвечерʼ (м. р./ж. р./ср. р.) (см. 1.3.2.).

Категории рода не имеют: личные местоимения 1-го и 2-го лица, возвратное местоимение *sebe* ʽсебяʼ, числительные от трех и выше. Остаточной родовой парадигмой обладает числительное ʽдваʼ (см. 2.3.3., 2.4.0.). Во множественном числе у имени (особенно в мужском и среднем роде) наблюдается омонимия падежного и родового выражения (см. 2.4.0.). В этикетном ʽВыʼ родовое значение нейтрализовано: *Vi ste došli* ʽВы пришлиʼ (м. р./ж. р.).

У существительных, обозначающих живые существа мужского рода, выражена категория о д у ш е в л е н н о с т и: формы винительного падежа единственного числа совпадают с формами родительного падежа единственного числа, ср. *imam oca*/*konja* ʽу меня есть отец/коньʼ, букв. ʽимею отца/коняʼ, но *imam zadatak* ʽу меня есть заданиеʼ, букв. ʽимею заданиеʼ.

2.3.3. Категория ч и с л а охватывает все изменяемые разряды слов и имеет морфологическое, лексическое (количественные слова), а также синтаксическое (последовательное согласование на уровне синтагмы и высказывания) выражение. У отдельных классов местоимения и числительного парадигма числа значительно упрощена. Ряд форм исторически восходит к формам двойственного числа (формы родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, именительного и винительного падежа множественного числа женского рода), например, при числительном ʽдваʼ, ʽобаʼ: *dva brata* ʽдва/оба братаʼ, *dv(ij)e godine*

ʽдва годаʼ. Предикат при этом может иметь форму множественного числа: *Opet su oba konzula, svaki za sebe, počeli da brinu* ʽОпять оба консула, каждый сам по себе, начали волноватьсяʼ. Числительное *dva* ʽдваʼ, *oba* ʽобаʼ не сочетается с собирательными существительными на *-ad* и *-a*: *čeljad* ʽдомашниеʼ, *unučad* ʽвнукиʼ, *vlastela* ʽзнатьʼ, *d(j)eca* ʽдетиʼ, *braća* ʽбратьяʼ.

Категория числа отсутствует у вопросительных (ʽктоʼ/ʽчтоʼ) и возвратно-личного местоимений, инфинитива и деепричастия. Оппозиция по числу нейтрализована у некоторых существительных (и согласуемых с ними слов). Так, в единственном числе согласуются: 1) собирательные на *-e*: *kamenje* ʽкамниʼ, *lišće* ʽлистваʼ; ср. *cv(ij)eće je procvetalo* ʽцветы зацвелиʼ, *lišće opada* ʽлиства опадаетʼ; 2) *doba* ʽвремяʼ (ограниченная парадигма): *teško doba* ʽтяжелое времяʼ; 3) вещественные: *so* ʽсольʼ, *voda* ʽводаʼ, *ugljen* ʽугольʼ, *p(ij)esak* ʽпесокʼ, *dugmad* ʽпуговицыʼ, *čeljad* ʽдомашниеʼ. Согласование во множественном числе при существительных pluralia tantum: *makaze* ʽножницыʼ, *naočari* (*naočale*) ʽочкиʼ, *leđa* ʽспинаʼ, *grudi* ʽгрудьʼ, *kola* ʽавтомобильʼ, *vrata* ʽдверь (-и)ʼ, *novine* ʽгазетаʼ, *boginje* ʽоспаʼ. Согласование в единственном и множественном числе при 1) коллективных существительных: *d(j)eca* ʽдетиʼ, *braća* ʽбратьяʼ, *gospoda* ʽгосподаʼ, *vlastela* ʽзнатьʼ; 2) множественном субъекте и собирательных существительных на *–ad*: *paščad laju* ʽпсы лаютʼ, *siročad traže* ʽсироты требуютʼ. Имеется небольшая группа супплетивных образований: *čov(j)ek* ʽчеловекʼ — мн. ч. *ljudi*; в парах *brat* ʽбратʼ — *braća* ʽбратьяʼ, *gospodin* ʽгосподинʼ — *gospoda* ʽгосподаʼ множественное число представлено собирательной формой.

Основным неграмматическим средством выражения количественности является система числительных и близких к ним количественных слов: *mnogo* ʽмногоʼ, *malo* ʽмалоʼ, *nekoliko* ʽнесколькоʼ, *većina* ʽбольшинствоʼ, *gomila* ʽкучаʼ, ʽмассаʼ.

2.3.4. С.-х.я., как и большинство славянских языков, имеет развитую, морфологически четко выраженную семичленную систему традиционных падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, звательный (спорный падежный статус). Наибольшую синтаксическую нагрузку несут родительный и винительный падежи. У остальных можно выделить дополнительное статичное (местный) и динамичное (дательный, творительный) синтаксическое значение.

Падеж выражается преимущественно морфологически, а также синтаксически (предлоги). Падежное словоизменение имеют существительное, прилагательное, страдательное причастие, большинство местоименных классов. Во множественном числе, а также у числительных наблюдается упрощение флексии (см. 2.4.0.).

Именительный падеж — единственный, никогда не употребляющийся с предлогами. Он имеет чисто назывную (непредикативную) функцию. Синтаксические функции именительного падежа: 1) субъект: *Devojka je lepa* ʽДевушка красиваʼ; в этой функции именительный падеж вступает в оппозицию с объектными падежами; 2) (неглагольный) предикатив: *Selo Bistrica je njegova rodna zemlja* ʽСело Бистрица — его родинаʼ, *To je naš župnik* ʽЭто наш священникʼ. Номинативные предложения в С.-х.я. представлены слабее, чем, например, в русском языке: *Noć* ʽНочьʼ, *Tvrda nemilosna zemlja* ʽТвердая, немилосердная земляʼ.

Родительный падеж наиболее полисемантичен. Основные значения: 1) партитивное: *kašika šećera* ʽложка сахаруʼ; часто реализуется при глаголах *kupiti*

ʻкупитьʼ (только с вещественными прилагательными), *nakupiti* ʻнасобирать, накопитьʼ, *naesti se* ʻнаестьсяʼ, *naslušati se* ʻнаслушатьсяʼ, *doliti* ʻдолитьʼ и др.; 2) посессивное: *pradomovina Slovena*/*Slavena* ʻпрародина славянʼ; 3) атрибутивное: *d(j)evojka plavih očiju* ʻдевушка с голубыми глазамиʼ; 4) адвербиальное: *iz sela* ʻиз деревниʼ; 5) восклицательное: *Divna večera!* ʻ(О) чудесный вечер!ʼ.

Синтаксические функции родительного падежа: 1) объект (дополнение) при различных элементах высказывания: *Mama je kupila krušaka* ʻМама купила грушʼ; 2) субъект: *Nema naše majke* ʻНет нашей материʼ, *Kod crkve se sakupilo naroda* ʻОколо церкви собрался народʼ; 3) атрибут (определение): *To je tašna mog druga* ʻЭто сумка моего другаʼ; 4) различные типы обстоятельства: места (*Rano je Stojan krenuo od kuće* ʻРано Стоян отправился из домуʼ), времени (*Toga dana nisam bila u gradu* ʻВ тот день я не была в городеʼ) и др., например: *Otišao je bez r(ij)eči pozdrava* ʻОн ушёл, (даже) не попрощавшисьʼ, *Put se odlaže zbog kiše* ʻПутешествие (поездка) откладывается из-за дождяʼ, *To se dešava radi poboljšanja proizvodnje* ʻЭто делается в интересах улучшения производстваʼ.

Родительный падеж может употребляться самостоятельно и с предлогами: 1) пространственными (локативно-аблативными): *blizu* ʻвозлеʼ, *do* ʻдоʼ, ʻоколоʼ, ʻвозлеʼ, *duž* ʻвдольʼ, *ispod* ʻподʼ, *ispred* ʻпередʼ, *iz* ʻизʼ, *iza* ʻзаʼ, ʻпозадиʼ, ʻпослеʼ, *između* ʻмеждуʼ, *iznad* ʻнадʼ, *kod* ʻуʼ, *kraj* ʻвозлеʼ, *mimo* ʻбезʼ, ʻкромеʼ, *niže* ʻподʼ, ʻнижеʼ, *od* ʻотʼ, *oko(lo)* ʻоколоʼ, ʻвозлеʼ, *pored* ʻвозлеʼ, ʻнаряду/рядом сʼ, ʻв сравнении сʼ, ʻвопрекиʼ, *na-(/u-/po-)sred* ʻпосредиʼ, *s(a)* ʻсʼ, *(iz)van* ʻвнеʼ, ʻкромеʼ, ʻбезʼ, *više* ʻнадʼ, ʻсверхʼ; 2) темпоральными: *nakon*, *posl(ij)e* ʻпослеʼ, *pr(ij)e* ʻдоʼ, *uoči* ʻнаканунеʼ, *za* ʻвʼ, ʻприʼ; 3) каузальными: *usl(ij)ed*, *zbog* ʻвследствиеʼ; 4) финальными: *radi* ʻдляʼ; 5) ограничительными (экстенсионально-эксклюзивными): *bez* ʻбезʼ, *osim*/*sem*, *van* ʻвнеʼ, ʻкромеʼ. Наблюдается определенное вытеснение родительного падежа винительным, в том числе при отрицании.

Значения дательного падежа: 1) назначения, цели (отношение, направление): *prema toj d(j)evojci* ʻпо отношению к той девушкеʼ, *k nečem novom* ʻк чему-то новомуʼ; 2) обстоятельства, например, местное: *prema šumi* ʻв сторону лесаʼ; 3) посессивное: *žena mu* ʻего женаʼ, *spomenik poginulim junacima* ʻпамятник погибшим героямʼ.

Синтаксические функции дательного падежа: 1) субъект в безличных конструкциях, при глаголах, выражающих чувства, ощущения: *Baki se stalno spava* ʻБабушке постоянно хочется спатьʼ, *Žao je meni* ʻЖалко мнеʼ, *Tako je njima l(ij)epo* ʻИм так хорошоʼ; 2) атрибут: *To je učinio iz ljubavi prema otadžbini* ʻОн сделал это из любви к Родинеʼ, *Je li njemu zemlja Bosna?* ʻЕго страна (земля) — Босния?ʼ; 3) косвенный объект (часто адресатный): *Neša piše pismo tetki* ʻНеша пишет письмо тётеʼ; 4) обстоятельства: *Voz je krenuo prema jugu* ʻПоезд двинулся на югʼ. Спецификой дательного падежа в С.-х.я. является так называемый dativus ethicus (дательный заинтересованности): *Dobro mi došli!* ʻДобро (ко мне) пожаловать!ʼ, *Kako ste mi?* ʻКак вы (мне) поживаете?ʼ. Дательный падеж может употребляться самостоятельно и с предлогами, прежде всего *k* (*ka*) ʻкʼ, *prema* ʻ(по отношению) кʼ, ʻв направленииʼ, *(na)suprot*, *u(s)prkos* ʻвопрекиʼ, ʻнапротивʼ. В исторической перспективе имело место вытеснение дательного падежа винительным.

Значения винительного падежа близки значениям родительного падежа, однако винительный падеж не так полисемантичен. Основные значения: 1) значение

дополнения (не партитивное): *Saša kupuje hl(j)eb i ml(ij)eko* ʽСаша покупает хлеб и молоко'; 2) адвербиальное: *Putujete li l(j)etos na more?* ʽВы едете летом на море?', *Sastajemo se u subotu* ʽВстречаемся в субботу'; 3) атрибутивное (реже): *Kupićemo krevete na rasklapanje* ʽКупим раскладные кровати', *Je li ovo voz za Beograd?* ʽЭто поезд на Белград?'.

Главная синтаксическая роль винительного падежа — прямой объект при переходном глаголе. Но он может выступать и в роли субъекта (часто при глаголах чувства, ощущения): *Boli me glava* ʽУ меня болит голова', *Raduje me što ste došli* ʽЯ рад(а), что Вы/вы пришли'. Винительный падеж может употребляться самостоятельно и с предлогами (преимущественно локативными и темпоральными): *kroz* ʽчерез', ʽсквозь', *među* ʽмежду', *na* ʽна', *niz* ʽвниз', ʽпод', *o* ʽо', *po* ʽпо', *pod* ʽпод', ʽза', *pred* ʽперед', *u* ʽв', *uz* ʽвверх по', ʽпротив' (только с винительным падежом), *za* ʽза'.

Значения творительного падежа: 1) социативно-инструментальное: *sa sv(ij)etom* ʽс миром (светом)'; *sa sv(ij)ećom* ʽсо свечой'; *čov(j)ek s pecačkim priborom* ʽчеловек с принадлежностями для рыбалки'; 2) адвербиальное: а) локативное: *šetamo gradom* ʽгуляем по городу (городом)'; б) темпоральное: *sr(ij)edom i petkom* ʽпо средам и пятницам'; в) образа действия: *s mukom ćemo izaći* ʽс трудом (сможем) выйти'; 3) квалитативное: *Dušan se proglasio carem* ʽДушан объявил себя царем'.

Синтаксические роли творительного падежа: 1) предикатив: *Dok je moja baka bila d(j)evojkom* ʽПока моя бабушка была девушкой', *on je por(ij)eklom* ʽон родом'; 2) атрибут: *d(j)evojka sa crnom kosom* ʽчерноволосая девушка'; 3) обстоятельство: *pred kućom je vrt* ʽперед домом сад'. Субъект (в пассивных конструкциях) в форме творительного падежа в современном С.-х.я. практически утрачен. Творительный падеж может иметь при себе следующие предлоги (в основном с адвербиальными значениями): *među* ʽмежду', ʽсреди', *nad* ʽнад', *pod* ʽпод', *pred* ʽперед', *s* (*sa*) ʽс', *za* ʽза', ʽк', ʽпо'.

Основные значения местного падежа: 1) адвербиальное: а) локативное: *ručak je na stolu* ʽобед на столе'; б) темпоральное: *O Novoj godini je bilo mnogo sn(ij)ega* ʽНа Новый год было много снега'; в) образа действия: *teško je živ(j)eti o plati* ʽтяжело жить на зарплату'; 2) объектное: *Mislio sam o našim zajedničkim danima* ʽЯ думал о днях, которые мы провели вместе'.

Синтаксические функции местного падежа: 1) обстоятельство: *Ne bih išao van po ovoj hladnoći* ʽЯ бы не выходил по такому холоду'; 2) дополнение: *Mnogo se govorilo o filmu* ʽО фильме много говорили'; 3) атрибут: *Izašla je nova knjiga o šahu* ʽВышла новая книга о шахматах'. Местный падеж употребляется только с предлогами, а именно: *pri* (только с местным падежом) ʽпри', ʽвозле', *na* ʽна', *u* ʽв', *o* ʽо', *po* ʽпо', ʽпосле', а также *prema* ʽк', ʽотносительно', ʽпо направлению к', (ср. в дательном падеже).

Звательный падеж по своему синтаксическому статусу заметно отличается от других падежей, поскольку имеет самостоятельное употребление без предикативности. Его формы морфологически четко оформлены и высокочастотны.

Таким образом, все падежи С.-х.я. (кроме звательного) в большей или меньшей степени способны выражать субъектно-объектные отношения. Атрибутивное значение характерно прежде всего для родительного, дательного, творительного, местного падежей. Посессивное значение выражается родительным и да-

тельным падежом. Адвербиальные значения могут выражаться всеми падежами, кроме именительного и звательного. В целом наблюдается значительная полисемантичность и полифункциональность падежных форм, в которой немалую роль играет семантика глагола (предиката) и предлога. В рамках высказывания актуализируются и другие релевантные средства выражения всех трех групп падежных значений: субъектно-объектных, атрибутивно-посессивных и адвербиальных. Для первой группы это прежде всего структурная характеристика: линейная структура высказывания и интонация, т. е. коммуникативная перспектива. Главными неграмматическими носителями атрибутивно-посессивного значения являются прилагательные и местоимения. Так, в С.-х.я. в значительно большей степени, чем в русском языке, сохранена и употребительна система притяжательных прилагательных (*majčin* 'материн', *bratov* 'братов', *vučji* 'волчий') с размытой границей относительно собственно относительных прилагательных (*srpski* 'сербский', *gradski* 'городской', *narodni* 'народный'). Отношения посессивности в С.-х.я. (и других славянских балканских языках) способны выражать также энклитические формы личных местоимений в дательном падеже: *otac mu* 'его отец', *majka mi* 'моя мать', *da ti čujem glas* '(чтобы) (у)слышать твой голос', а также притяжательные прилагательные и местоимения в препозиции: *moja kuća* 'мой дом', *sestrina kuća* 'сестрин дом'; падежные формы существительного: *to je kuća moje sestre* 'Это дом моей сестры'; вопросительно-относительное местоимение *čiji* 'чей'; глагол *imati*/*nemati* 'иметь/не иметь' (где значение посессивности может ослабляться) и семантически близкие глаголы обладания: *pripadati* 'принадлежать кому-л.' (с субъектом в дательном падеже), *pos(j)edovati* 'иметь что-л.' и т. п.

2.3.5. Категория з а л о г а в С.-х.я. представлена действительными и страдательными формами. Страдательные конструкции, особенно в разговорной речи, редки и часто стилистически маркированы. Они могут иметь морфологическое и синтаксическое выражение: 1) личные формы глагола-связки *biti* 'быть' + страдательное причастие: *to je napisano u knjizi* 'это написано в книге', *kuća je sagrađena* 'дом построен'; 2) возвратные формы: *sve se to piše u knjizi* 'обо всем этом пишется в книге', *kuća se gradi* 'дом строится'; 3) формы будущего II, образованные с помощью страдательного, а не действительного причастия: *kada budu sahranjeni* 'когда они будут похоронены' (в данном употреблении возможна замена страдательного причастия возвратной формой: *kada se sahrane*). Наблюдается определенная взаимозависимость между переходностью и залоговым значением: большинство непереходных глаголов не способно выражать пассивное значение: *nalaziti se* 'находиться', *ležati* 'лежать', *boraviti* 'проживать', 'пребывать', *spavati* 'спать', *trčati* 'бежать', *putovati* 'путешествовать'.

В С.-х.я., как и в других славянских языках, широко представлена категория п е р е х о д н о с т и (транзитивность), выражаемая морфологически и синтаксически (способность глагола иметь при себе управляемую форму объекта). Наблюдается определенная взаимозависимость между категориями вида и переходности, залога и переходности. Так, при перфективизации непроизводные глаголы (однонаправленного) движения, формально имеющие форму несовершенного вида, становятся переходными: *ići* 'идти' — *pr(ij)eći* 'перейти', *let(j)eti* 'лететь' — *prelet(j)eti* 'перелететь', *trčati* 'бежать' — *pretrčati* 'перебежать'.

Собственно переходными являются глаголы, управляющие прямым объектом (в винительном падеже), в том числе нулевым. Пассивные трансформации переходных глаголов ввиду низкой частотности пассива в С.-х.я. ограничены. Способность к переходности полностью отсутствует у возвратных глаголов (часто образованных от переходных). У полисемантических глаголов значение переходности/непереходности актуализируется в конкретном употреблении: *Ona je čitala s pet godina* ʻОна умела читать с пяти летʼ.

Особую группу составляют широко представленные в С.-х.я. возвратные глаголы, у которых значение переходности отсутствует и которые обычно не имеют невозвратных соответствий. Они делятся на: 1) собственно возвратные — действие направлено на субъект: *previše se hvališ* ʻ(ты) слишком хвастаешьсяʼ, *pripremite se za putovanje* ʻприготовьтесь к поездкеʼ; 2) взаимно-возвратные — два или более субъектов; возможно наличие энклитического возвратного местоимения в дательном падеже: *dogovoriti se* ʻдоговоритьсяʼ, *posvađati se* ʻпоругатьсяʼ, *dodaju si loptu* ʻпередают (перебрасывают) друг другу мячʼ, *obećali su si v(j)ernost* ʻ(они) обещали друг другу верностьʼ; 3) мнимо-возвратные: *igrati se* ʻразвлекатьсяʼ, ʻвеселитьсяʼ, *pridržavati se* ʻпридерживатьсяʼ, *naoblačiti se* ʻпокрыться облакамиʼ, *brinuti se* ʻбеспокоиться, заботитьсяʼ, *nadati se* ʻнадеятьсяʼ. Возвратные глаголы используются и для выражения безличности (при возможной невыраженности субъекта в дательном падеже): *spava mi se* ʻмне спитсяʼ, *pričalo se* ʻговорили (говорилось)ʼ.

Переходные глаголы могут реализовывать различные залоговые значения: *Danas tučemo konoplju* ʻСегодня (мы) треплем коноплюʼ (действительный залог, переходность), *Nekada su se đaci za kaznu u školi tukli* ʻНекогда учеников в школе в наказание билиʼ (страдательный залог, переходность), *sada se tučeš po glavi* ʻсейчас бьешь себя по головеʼ (собственно возвратное значение), *Milan i Nada se tuku* ʻМилан и Нада дерутсяʼ (взаимно-возвратное значение), *noga se tuče o nogu* ʻнога бьется о ногуʼ (медиальное значение).

Бинарная категория совершенного/несовершенного в и д а охватывает подавляющее большинство глаголов С.-х.я.; она в высокой (но меньшей, чем в русском языке) степени грамматикализована, имеет преимущественно морфологическое выражение и является ведущей составляющей единой видо-временной системы, близкой к русской. Выделение чисто видового и временного значения возможно лишь ограниченно, поскольку категории вида и времени в славянских языках находятся в крайне сложном соотношении и взаимозависимости. Глаголы несовершенного вида образуют формы всех трех временны́х ступеней, у глаголов совершенного вида отсутствует значение актуального презенса. Императивное дебитивное значение могут иметь оба вида, прохибитивное, однако, более свойственно формам несовершенного вида: дебитивное *(Na)piši!* ʻ(На)пиши!ʼ и прохибитивное *Ne piši!*, *Nemoj pisati!* ʻНе пиши!ʼ. Имеется значительная группа потенциально двувидовых глаголов, часто иностранного происхождения, нередко высокочастотных, чье актуальное видовое значение задается контекстом: *angažovati* ʻангажироватьʼ, *čestitati* ʻпоздравлять/поздравитьʼ, *čuti* ʻслышать/услышатьʼ, *diplomirati* ʻполучать/получить дипломʼ, *doručkovati* ʻзавтракать/позавтракатьʼ, *finansirati* ʻфинансироватьʼ, *imenovati* ʻназывать/назватьʼ, *izolovati* ʻизолироватьʼ, *jesti* ʻесть/кушатьʼ, *konfiskovati* ʻконфисковатьʼ, *obrazovati* ʻобразовывать/

образовать’, *regrutovati* ‘рекрутировать’, *ručati* ‘обедать/пообедать’, *sav(j)etovati* ‘советовать/посоветовать’, *telefonirati* ‘говорить (звонить)/поговорить (позвонить) по телефону’, *telegrafirati* ‘телеграфировать’, *v(j)enčati* ‘венчать’, *večerati* ‘ужинать/поужинать’, *vezati* ‘связывать/связать’, *vid(j)eti* ‘видеть/увидеть’. Большинство непроизводных форм глагола — несовершенного вида. Основное средство видообразования — аффиксация. Префиксацией образуются глаголы совершенного вида (от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида). При этом, однако, практически всегда имеет место слияние грамматического и лексического значения, изменение способа действия: *čitati* ‘читать’ — *pročitati* ‘прочитать’, *raditi* ‘работать’ — *preraditi* ‘переработать’. Суффиксацией образуются формы обоих видов: *gurati* ‘толкать’ — *gurnuti* ‘толкнуть’, *pomoći* ‘помочь’ — *pomagati* ‘помогать’. Возможна множественная видовая трансформация (при одновременной смене способа действия): *gledati* ‘смотреть’ — *pregledati* ‘просмотреть’ — *pregledavati* ‘просматривать’ — *poispregledavati* ‘напросматривать’. Некоторые глаголы не образуют видовой пары, например, глагол совершенного вида *reći* ‘сказать’ (несовершенный вид выражается глаголом *govoriti* ‘говорить’); глаголы несовершенного вида: *moći* ‘мочь/быть в состоянии’, *sm(j)eti* ‘сметь’, *um(ij)eti* ‘уметь’. Непроизводные глаголы (однонаправленного) движения являются по сути своей вневидовыми, формально имея форму несовершенного вида. Некоторые из них имеют супплетивные видовые пары: *otići* ‘уйти’ — *odlaziti* ‘уходить’, *naći* ‘найти’ — *nalaziti* ‘находить’, *doći* ‘прийти’ — *dolaziti* ‘приходить’. От префиксальных форм глаголов движения (в широком смысле) формы несовершенного вида могут образовываться безаффиксальным способом: *don(ij)eti* (*donesti*) ‘принести’ — *donositi* ‘приносить’, *napasti* ‘напасть’ — *napadati* ‘нападать’. Категория вида охватывает как личные, так и неличные формы глагола.

Еще один компонент видо-временной системы С.-х.я. — семантическая категория с п о с о б а г л а г о л ь н о г о д е й с т в и я, благодаря богатой морфологии весьма развитая и обладающая высоким функциональным потенциалом. Способ глагольного действия изучен слабо и часто описывается вместе с видом. Основные семантические типы:

1) непрерывность/кратность: а) дуративность (*boriti se* ‘бороться’, *govoriti* ‘говорить’ — несов. вид), б) итеративность (*zatvarati* ‘закрывать’, *ubijati* ‘убивать’, *padati* ‘падать’ — несов. вид; при множественном субъекте/объекте — дистрибутивность); в) однократность (*pasti* ‘(у)пасть’, *skočiti* ‘прыгнуть’, *gurnuti* ‘толкнуть’ — сов. вид);

2) каузальность: а) фактитивность (*(po)b(ij)eliti* ‘(по)белить/отбелить’, *s(j)edati*/*s(j)esti* ‘садиться/сесть’), которой противостоит б) стативность (*b(ij)eliti se* ‘белеть(ся)’, *s(j)ed(j)eti* ‘сидеть’);

3) результат: а) постепенное протекание, результат действия виден в каждой фазе (*gradi (kuću)* ‘строит (дом)’ и б) собственно результативность (*kuvati (kuhati)*/*skuvati (skuhati)* ‘варить/сварить’, *žut(j)eti*/*požut(j)eti* ‘желтеть/пожелтеть’);

4) фазовость: а) инхоативность (*polaziti*/*poći* ‘отправляться/отправиться’, *počinjati*/*početi* ‘начинать/начать’), б) финитивность (*dograđivati*/*dograditi* ‘достраивать/достроить’);

5) интенсивность (относительно нормы; одновременно градационное значение): а) диминутивность (*grickati*/*gricnuti* ‘грызть’, *poigravati*/*poigrati se* ‘поигры-

вать/поиграть'), б) аугментативность (*prejedati*/*prejesti se* 'переедать/переесть', *presaljati*/*presoliti* 'пересаливать/пересолить'), в) более высокая степень интенсивности (результата) относительно некой другой (*nadigravati*/*nadigrati* 'обыгрывать/обыграть');

6) интенсивность (без соотнесения с нормой): а) интенсивность (*razveseljavati*/ *razveseliti se* 'развеселяться/ развеселиться', *zamišljati*/*zamisliti se* 'задумываться/ задуматься'), б) интенсивно-результативный способ действия (*načitati se* 'начитаться', *najesti se* 'наесться' (обычно совершенный вид).

Возможны и другие классификации.

Основное средство формообразования — аффиксация, в том числе множественная.

В С.-х.я. имеется три н а к л о н е н и я: изъявительное, повелительное, сослагательное. Значение наклонения выражается преимущественно морфологически (изъявительное, сослагательное, 1-е лицо множественного числа и 2-е лицо единственного и множественного числа повелительного наклонения). Иногда выделяется четвертое наклонение — оптатив, — не имеющее собственного морфологического выражения. Категории времени и лица полностью представлены только в изъявительном наклонении.

Наряду с синтетическими формами повелительного наклонения (*čitaj(te)!* 'читай(те)!', *čekajmo još malo!* 'подождем еще немного!'), весьма распространена в данном значении полисемантическая балканская конструкция «*da* + личная форма глагола в настоящем времени»: *da radimo* '(давайте) работать' (1 л. мн. ч.), *da čekam* '(я) (должен, хочу, буду) ждать/мне нужно ждать' (в 1-м лице единственного числа императивность может быть значительно ослабленной; актуальное значение задается контекстуально). Лексическими маркерами повелительного наклонения служат прежде всего частицы: 1) *neka* (при глаголах в форме 3-го лица единственного и множественного числа) употребляется с формами настоящего времени (*neka b(j)eži* 'пусть бежит', *neka dođu* 'пусть придут') и, кроме собственно императивного, выражает широкий спектр модальных значений — разрешения, согласия и т. п.; 2) заимствованная из турецкого языка *hajde* (1 л. мн. ч. *hajdemo*, 2 л. мн. ч. *hajdete*), при которой могут быть как формы повелительного наклонения, так и конструкция «*da* + личная форма глагола в настоящем времени» (*Hajde, izići (da izideš) ovamo!* 'Давай, выходи сюда!'). Значение запрещения выражается с помощью запретительного модального глагола *nemoj(te)*, употребляющегося с формами инфинитива и его эквивалента — конструкции «*da* + личная форма глагола в настоящем времени»: *Nemoj da dolazis!* 'Не смей приходить!', *Nemojte plakati!* 'Не плачьте!'. Синтетическое повелительное наклонение (только в форме 2-го лица единственного числа) может употребляться в функции (исторического) нарратива: *Pobuni tu se Srbin pod Crnim Đorđijem, skoči sa svake strane, potuci Turke po Šumadiji, popali im kule i uzmi gradove…* 'Восстал тут серб под Черным Георгием, вскочил со всех сторон, побил турок по Шумадии, пожег их башни и взял города…' Так называемый гномический императив употребляется в пословицах: *Čini dobro, ne kaj se, čini zlo, nadaj se* 'Делаешь добро — не кайся, делаешь зло — надейся!'.

С.-х.я. имеет две формы сослагательного наклонения, образуемого сочетанием действительного причастия основного глагола и аориста связки *biti* 'быть', в со-

слагательном II дополненным действительным причастием того же глагола (сослагательное I: *radila bih* ʽя бы работалаʼ, *došao bi* ʽон бы пришёлʼ; сослагательное II: *ne bi se bio zadovoljio* ʽ(он) не был бы удовлетворёнʼ). Спектр значений весьма широк: возможность, желание, условие, намерение, утверждение (с варьирующейся степенью уверенности), предположение, уверенность; для усиления значения или для дополнительных модальных оттенков часто употребляются лексические маркеры: *O, kako bi se čov(j)ek želio izvući odavde!* ʽО, как бы человек хотел выбраться отсюда!ʼ (оптатив), *Danas bi, prema tome, mogao biti petak ili subota* ʽСегодня, следовательно, могла бы быть пятница или субботаʼ (неуверенность), *Kad bismo im se obratili za pomoć, mi tu pomoć neminovno bismo dobili* ʽЕсли бы (мы) обратились к ним за помощью, то (мы) бы эту помощь непременно получилиʼ (ирреальность), *Što bi tako do podne preveo, to bi posle podne meni čitao* ʽТо, что он переводил до обеда, он мне после обеда читалʼ (обычное, повторяющееся действие в прошлом). Сослагательное II употребляется значительно реже, особенно в разговорной речи, и является, в определенной степени, аналогом сослагательного I в плане прошедшего времени при значительном усилении момента невозможности, неосуществимости действия, выраженного основным глаголом: *Takav ga odgovor zac(ij)elo ne bi bio zadovoljio* ʽТакой ответ его действительно не смог бы удовлетворитьʼ, *Da nijesu bili u crkvi stari Vinčić bio bi mu odgovorio makar što* ʽЕсли бы они были не в церкви, старик Винчич ему кое-что ответил быʼ.

Иногда оптатив семантически выделяется как особое наклонение, приближаясь к значению преформативности: *Živ(j)eli mladenci!* (поздравление молодоженам), *Dobro došli!* ʽДобро пожаловать!ʼ, *U zdravlju pošla i što tražiš našla!* ʽИди здоровой и найди то, что ищешь!ʼ (благопожелание), *Bog ga (ne) ubio!* (проклятие).

Глагол обладает грамматикализованным выражением в р е м е н н ы́ х отношений (в тесной связи с категориями вида и способа действия). Временны́е значения могут быть абсолютными (соотнесение с моментом говорения) и относительными (соотнесение с некоторым другим моментом). Наряду с основным значением, каждая временна́я форма С.-х.я. может использоваться для выражения других временны́х и невременны́х, в первую очередь, модальных отношений. Это касается прежде всего форм настоящего времени (значение актуального настоящего могут иметь только глаголы несовершенного вида). Характерной для настоящего времени является функция нарративного и исторического презенса (прерывность наррации маркирована формами совершенного вида). Формы несовершенного вида достаточно свободно употребляются в функции будущего I, формы совершенного вида обычно употребляются только в зависимых синтаксических конструкциях.

Основным средством выражения прошедшего времени в современном С.-х.я. является перфект, в значительной степени утерявший собственно перфектные значения и образующийся от глаголов обоих видов. Медиальные глаголы совершенного вида в перфекте имеют значение результатива при определенной адъективизации значения действительного причастия (сближающегося со значением страдательного): *To se onaj kamen pretvorio u zlato, te sija kao sunce* ʽЭто тот камень превратился в золото и сияет, как солнцеʼ. Бессвязочные формы перфекта нейтральны при синтаксически обусловленном употреблении, например, в 3-м лице возвратных глаголов. Конструкции «личная форма будущего времени гла-

гола-связки ʽбыть’ + перфект основного глагола» могут, кроме собственно временнóго (относительного) значения (*Kad se ponovo vidimo, ja ću biti položio sve ispite* ʽКогда мы вновь увидимся, я уже сдам все экзамены’), выражать предположение, гипотетичность: *Biće pao sn(ij)eg* ʽВероятно (я предполагаю, что), выпал снег’. Современный С.-х.я. сохраняет остаточные формы синтетических претеритов: аорист и имперфект. Аорист утерян в чакавском и кайкавском, а также во многих (особенно западных) говорах штокавского диалекта. Он более присущ письменным формам языка, особенно беллетристике, где, кроме собственно временнóго, может иметь модальное (особенно в языке фольклора и в разговорной речи: *Dobro, kad nećeš da učutiš, ja odoh u kafanu* ʽЛадно, если не замолчишь, я пошел (пойду) в кафе’) и гномическое (вневременное, афористическое) значение (обычно в пословицах и т. п.): *Niko se ne ogreja na tuđem ognjištu* ʽНикто не сможет согреться чужим огнём’. Аорист образуется почти исключительно от глаголов совершенного вида и выражает немаркированное прошедшее (в художественной литературе): *počeka neko vr(ij)eme pa pokuca opet* ʽподождал, -а некоторое время и постучал, -а снова’. Имперфект (образуется только от глаголов несовершенного вида) в современном С.-х.я. весьма редок, особенно в западных регионах, в диалектах и в целом в устной речи, но может встречаться в индивидуальном авторском языке, где, в противоположность аористу, несет оттенок продолжительности действия в прошлом: *bijaše doba prol(j)etnih oluja* ʽбыл период летних бурь’. Плюсквамперфект редко употребляется в устной речи, в деловом и техническом стиле, но может встречаться в беллетристике и поэзии как характеристика индивидуального авторского языка. Он выражает таксисные значения, преимущественно предшествование относительно некоторого момента в прошлом; возможно также выражение одновременности и следования. Актуальное значение задается лексическими показателями, темпоральными и модальными, формами деепричастия настоящего времени: *dok* ʽпока’, *tog dana* ʽв тот день’, *kad* ʽкогда’, *vraćajući se* ʽвозвращаясь’. В современном С.-х.я. более распространены формы плюсквамперфекта глаголов совершенного вида.

Основным средством формального выражения значения будущего времени является будущее I, образуемое от глаголов обоих видов с помощью глагола ʽхотеть’ в полной (*hoćemo li pričati* ʽмы будем разговаривать’) или краткой форме (*pričaćemo* (хорв. *pričat ćemo*), *mi ćemo pričati*, *mi ćemo da pričamo* ʽпоговорим, будем разговаривать’). Наблюдается определенная конкуренция между использованием в составе форм будущего времени инфинитива и конструкции «*da* + форма глагола в настоящем времени» (*ti ćeš dobiti* — *ti ćeš da dobiješ* ʽты получишь’). Использование инфинитива более характерно для западных регионов, конструкции с *da* — для восточных. При относительном употреблении будущего I момент соотнесения может находиться как в прошлом (*Na tri dana prije nego će pobjeći, M. napiše pismo* ʽЗа три дня до побега М. написал письмо’) — такое употребление в современном С.-х.я. сокращается, так и в будущем (*Ja ću gradit b*’*jela manastira, gdje će živjet mnogi kaluđeri* ʽЯ построю белый монастырь, где будет жить много монахов’). Собственно временнóе значение здесь может подчиняться модальному. Для будущего I характерно модальное употребление (*Iziđe mu daleko u susret kako će ga pre svih pozdraviti* ʽВышел/-а ему навстречу, чтобы приветствовать его раньше всех’), возможно и гномическое, часто в по-

словицах (*Daj psetu prst da ga oliže, ono će ti celu ruku uhvatiti* ʻДай псу палец полизать, он всю руку отхватит’). Неоднозначно интерпретируются формы будущего II (иногда называемого условным будущим), образующиеся преимущественно от глаголов несовершенного вида и обычно выражающие значение предшествования. Его синтаксическим эквивалентом выступают формы глаголов совершенного вида в настоящем времени: *Ako on to ne učini, mi ćemo te odmah pogubiti* ʻЕсли он этого не сделает, то мы тебя тотчас убьём’.

У причастий С.-х.я. временнóе значение нейтрализовано, но сохранено у деепричастий: *Odgovarajući, on nije mogao da gleda mi u oči* ʻОтвечая, он не мог смотреть мне в глаза’ (см. 2.4.0.).

Репертуар средств выражения м о д а л ь н о с т и в С.-х.я. весьма богат. Он включает в себя как лексические (модальные слова в широком смысле слова: частицы, местоименные наречия, местоимения), так и морфологические (временны́е формы глагола, оценочно-модальные аффиксы), просодические и синтаксические (инверсия, типы гипотаксиса и т. п.) средства.

Модальное значение глагольных времен. Настоящее время может выражать значение субъективной модальности: *Što ne dođeš?* ʻПочему не приходишь?’. В таком употреблении высокочастотна (обычно в несамостоятельной синтаксической позиции) конструкция «*da* + личная форма глагола в настоящем времени» при модальных глаголах (*Ti znaš to da radiš* ʻТы умеешь это делать’), субститутом которой служат инфинитивные конструкции (*Ti znaš to raditi* ʻТы умеешь это делать’). Бессвязочный перфект выражает преимущественно модальные значения (императивные, оптативные, эксекламационные, эмотивные (благословения, заклятия), а также уступительные, кондициональные, гипотетические и т. п.) (возможна и полная форма): *Živ(e/i)o!* ʻДа здравствует!’, *Čekao ne čekao nećeš dobiti* ʻЖдал — не ждал, не получишь’, *Ko nas dvoje rastavio, bog ga s v(j)erom rastavio* ʻКто нас разлучит, того (пусть) Бог от веры отлучит’, *Propao si* ʻ(Ты) пропал’. Значение долженствования имеют и конструкции со вспомогательным глаголом ʻбыть’ и инфинитивом основного глагола: *Bio ranije doći* (архаическая форма) ʻ(Нужно) было прийти раньше’. Аорист, особенно в беллетристике, также может иметь модальное значение: *Ak' ne pođoh, neću vidjet drage* ʻЕсли не пойду, не увижу любимой’. Модальный имперфект в современном С.-х.я. как правило заменяется кондиционалом: *Odista ga pogubiti šćaše* → *pogubio bi* ʻОн в самом деле хотел его погубить (но не погубил)’. Модальное употребление характерно для будущего I, часто дополняемого лексическими маркерами (прохибитивное, императивное значение, долженствование, намерение, возможность, уступка, неизбежность, уверенность, неопределенность): *Uzećeš svoje stvari, pa ići* ʻБери вещи и марш’, *Ako ćeš mene slušati, to da ne učiniš* ʻЕсли послушаешь меня, то этого не сделаешь’, *Iziđe mu daleko u susret kako će ga pr(ij)e svih pozdraviti* ʻ Вышел, -а ему навстречу, чтобы приветствовать его раньше всех’, *Valjda će i to proći* ʻВерно, и это пройдёт’. Для будущего II, обычно употребляющегося в несамостоятельных синтаксических конструкциях (см. 2.5.4.), в целом характерно скорее модальное значение гипотетичности, чем собственно временнóе, благодаря чему его иногда относят к сфере наклонения, а не времени: *Budeš li i dalje tako radio…* ʻЕсли и дальше будешь так работать…’, *...samo ako bude imao slobodu* ʻ…только если будет свободен’.

2.3.6. Формальное выражение категории л и ц а имеют личные и притяжательные местоимения и личные формы глагола (см. 2.4.0.). У местоимения она выражена лексически, у глагола морфологически (в сопряжении с выражением числа) и представляет собой элемент системы спряжения. Выражение персональности у местоименных форм независимое, в то время как у глагола оно подчинено согласованию. Это ведет к избыточности средств выражения, позволяющей опущение формального местоименного выражения лица-субъекта. Такое опущение возможно прежде всего в разговорном употреблении и в перфектных конструкциях: *Dobio sam poruku* '(Я) получил сообщение', *Otišao je na more* '(Он) уехал на море'.

Центром поля персональности является 1-е лицо, т. е. говорящий и его эквиваленты (грамматический/логический субъект). Периферию поля составляют предметное 3-е лицо и безличные конструкции, широко представленные в С.-х.я.

В С.-х.я. различаются три типа безличных конструкций: 1) предикат выражен безличным глаголом с незанятой глубинной субъектной валентностью: *Grmi* 'Гремит'; 2) анонимный агенс; предикат — личная форма глагола с безличным значением (усиленным рефлексивным постфиксом *se*; эти формы высокопродуктивны: *Izdaleka se vid(j)elo da…* 'Издалека было видно, что…', *Po gradu se govorilo o…* 'По городу говорили о…'; 3) ядром предиката выступает наречие или существительное в адвербиальной функции, глагол в инфинитиве, обобщенный логический субъект: *Bolje je poginuti nego tuđina dvoriti* 'Лучше погибнуть, чем прислуживать чужаку', *Teško je živ(j)eti a ne raditi* 'Тяжело жить и не работать'. К безличным относятся и конструкции с модальными маркерами типа *treba* 'нужно': *treba se boriti (da se bori)* 'нужно бороться'. К собственно безличным семантически близки неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции: *Javili su s Kopaonika da je sn(ij)eg pogodan za skijanje* 'С Копаоника сообщили, что снег пригоден для лыжного спорта'. Субъект обобщенно-личных предложений подразумевает любого адресата, глагол стоит во 2-м лице единственного или множественного числа повелительного наклонения: *Čuvaj se psa!* 'Берегись собаки!', *Ne lupaj(te) na vrata* 'Не стучи(те) в дверь'.

Местоименные личные формы являются важным средством ориентации относительно позиции говорящего в высказывании. Одним из главных дейктических средств С.-х.я. является развитая система указательных местоимений с трехступенчатой шкалой удаления относительно говорящего при ярко выраженной связи между временно́й и пространственной семантикой: 1) *ovaj* 'этот' — сфера 1-го лица, то, о чем в данный момент говорится, или то, что еще будет сказано: *u ovom članku govori se o…* 'в данной статье говорится о…', *kad se sve uzme u obzir, možemo zaključiti ovo…* 'приняв всё во внимание, мы можем заключить следующее…'; 2) *taj* 'тот' — сфера 2-го лица, то, о чем уже шла речь: *kad se sve to uzme u obzir…* 'если принять всё это во внимание…'; 3) *onaj* 'тот', 'там' — сфера 3-го лица. Функционально близки к указательному местоимению его дериваты — местоименные прилагательные, сохраняющие шкалу удаленности: *ovakav*, *takav*, *onakav* 'такой' (по качеству), *ovolik*, *tolik*, *onolik* 'такой' (по количеству); интенсификаторы субъектно-объектных указательных, а иногда и

личных местоимений и существительных: *sam* ʽсам’, *isti* ʽтакой же’, ʽтот самый’. Дейктические функции выполняют и другие разряды местоимений: относительные, вопросительные и другие местоимения в вопросительной функции (*koji?* ʽкоторый?’, *kakav?* ʽкакой?’, *čiji?* ʽчей?’), а также частицы, модальные слова и конструкции.

Некоторые авторы выделяют — как дейктически значимый класс — так называемые местоименные наречия (П. Пипер): *dakle* ʽитак, следовательно’, ʽзначит’, *gde* ʽгде’, *kuda* ʽкуда’, *mnogo* ʽ(на)много’, *prema tome* ʽто есть, соответственно’, *radi* ʽради, для’, *sada* ʽсейчас, теперь’, *sasvim* ʽсовсем, полностью’, *tamo* ʽтам’, ʽтуда’, *uopšte* (*uopće*) ʽвообще’, ʽв целом’, *zato* ʽпоэтому’, *zbog* ʽиз-за, вследствие’. Их основные семантические типы: местоименные наречия пространства, времени, образа действия, количества, цели, следствия.

Прилагательное имеет грамматикализованное (остаточное) выражение о п р е д е л е н н о с т и. Неопределенные формы имеют словоизменительную парадигму именного, определенные — местоименного склонения (см. 2.4.0.). Неопределенная форма обозначает лишь общий признак референта, отвечая на вопрос *kakav?* ʽкакой/каков?’, определенная дополнительно уточняет референта (класс референтов), отвечая на вопрос *koji?* ʽкоторый?’. Выбор формы задается синтаксическим статусом прилагательного — в предикативной функции выступают лишь неопределенные (*kaput je nov* ʽпальто новое’), в атрибутивной — чаще определенные формы (*star*/*stari čov(j)ek* ʽстарый человек’). В обеих формах может выступать лишь качественное прилагательное. При указательном местоимении, а также в составе имени собственного возможна лишь определенная форма. Только определенную форму имеют некоторые непроизводные прилагательные (*jarki* ʽяркий’, ʽогненный’), формы на *-ći* (*sl(j)edeći* ʽ(по)следующий’, *idući* ʽследующий, будущий’), пространственно-временные формы (*desni* ʽправый’, *noćni* ʽночной’, *m(j)esečni* ʽ(еже)месячный’, *antikni* ʽантичный’), формы на *-ni*/*-ani*/*-eni* (*kućni* ʽдомашний’, *radni* ʽрабочий’, *sunčani* ʽсолнечный’). Притяжательные прилагательные — в зависимости от морфологического оформления — могут иметь либо только определенную (формы на *-ji*/*-nji*/*-šnji*/*-ski*/*-ki* — *kozji* ʽкозий’, *jutarnji* ʽутренний’, *unutrašnji* ʽвнутренний’, *gradski* ʽгородской’), либо только неопределенную форму (формы на *-ov*/*-ev*/*-ljev*/*-in* — *sinov* ʽсынов(ний)’, *drugov* ʽпринадлежащий приятелю’, *stričev* ʽдядин’, *svekrvin* ʽсвекровин’). В современном С.-х.я категория определенности у прилагательного значительно десемантизирована, в основном за счет вытеснения из употребления неопределенных форм (особенно в сербском языке).

Некоторые местоимения и их производные выражают неопределенность лексически. Это прежде всего неопределенные местоимения *neki*, *nekakav* ʽкакой-то’, ʽкакой-либо’, *nečiji* ʽчей-то’, ʽчей-либо’, *ne(t)ko* ʽнекто’, *nešto* ʽнечто’, *nekolik* ʽнесколько’, составные местоимения с *-god* ʽ-либо’, ʽ-нибудь’ (*(t)kogod* ʽкто угодно’, *kojigod* ʽкакой угодно’). К полю отрицательной определенности относятся также отрицательные местоимения *nikoji*, *nikakav* ʽникакой’, ʽни один’, *ničiji* ʽничей’, *ni(t)ko* ʽникто’, *ništa* ʽничто’ и общие местоимения *svaki*, *svakakav*, *ikoji* ʽвсякий’, ʽкаждый’. Значение неопределенности способны выражать отдельные временны́е формы глагола (см. 2.5.3.), а также числительное ʽодин’ в функции неопределенного артикля.

Наряду с морфологическим выражением (см. 2.3.5.) темпоральность (и таксис) может иметь синтаксическое выражение (временны́е придаточные и т. п., см. 2.5.4.). Основным неграмматическим средством ее выражения служат различные лексические маркеры. Важную роль играет при этом обширный класс местоименных наречий, причем переход между временны́ми и пространственными значениями может быть размытым, что обусловлено глубинной связью между категориями «время» и «пространство».

Отрицание выражается преимущественно лексически (отрицательные местоимения, частицы *ne*, *ni* и их дериваты; см. также 2.5.3.). Имеет место стяжение отрицательного форманта и вспомогательных глаголов *imati* ʻиметьʼ, *ht(j)eti* ʻхотетьʼ, *biti* ʻбытьʼ: 1 л. ед. ч. *nemam*, *neću*, *nisam*; 3 л. ед. ч. *nema*, *neće*, *nije*.

В побудительных предложениях используются отрицательная частица *ne* или прохибитивный глагол *nemoj(te)* ʻне, не надоʼ: *Ne smetajte! / Nemojte da smetate (smetati)!* ʻНе мешайте!ʼ. Маркерами отрицания служат отрицательные формы местоимений и наречий: *Nisam ništa doneo (donio)* ʻ(Я) ничего не принёсʼ, *Nikad ne v(j)erujte u to* ʻНикогда этому не верьтеʼ. Отрицание может относиться как к отдельным элементам, так и ко всему высказыванию (см. 2.5.4.). В С.-х.я. представлено славянское двойное отрицание: *Nikog nisam video (vidio)* ʻЯ никого не виделʼ.

2.3.7. Знаменательные разряды слов С.-х.я. (кроме наречий) разделяются на склоняемые (частично обладающие системой компарации) и спрягаемые (способные к выражению времени и тем самым процессности). С.-х.я. имеет два типа склонения: именной (существительное, неопределенные формы прилагательного) и местоименно-адъективный (местоимение, определенные формы прилагательного, причастие). Классификационной доминантой именного склонения является грамматический род: различаются два склонения женского рода и одно мужского/среднего рода (единая схема классификации в грамматикографии отсутствует). Деклинационная система упрощена у определенных классов местоимений и в еще большей степени у числительного (см. 2.4.0.).

Семантические группы существительных: имена собственные (наличие индивидуального референта), нарицательные (внутри нарицательных собирательные, обычно не имеющие формы множественного числа), вещественные. Грамматические категории существительного — род, число, падеж, частично одушевленность выражаются преимущественно морфологически.

Семантические подгруппы прилагательных: качественные, вещественные и притяжательные (единая классификационная схема отсутствует). Грамматические категории у прилагательного не самостоятельны, но задаются главным словом (обычно существительным или местоимением).

Качественные прилагательные (частично и наречия) обладают системой градации (компарации). Она может выражаться как морфологически — суффиксами сравнительной степени *-(i)ji/-ši* (с альтернацией на морфемном шве) и дополнительной префиксацией компаративной формы в превосходной степени, так и описательно — с помощью лексических маркеров *više* ʻболееʼ, *manje* ʻменееʼ, *mnogo* ʻмного, в большой степениʼ. Примеры: *jak* ʻсильныйʼ — *(naj)jači* ʻсамый

(более) сильный’, *visok* ‘высокий’ — *(naj)viši* ‘самый (более) высокий’, *kratak* ‘краткий’ — *(naj)kraći* ‘самый (более) краткий’, *debeo* ‘толстый’ — *(naj)deblji* ‘самый (более) толстый’. Некоторые пары образуются супплетивно: *dobar* ‘хороший’ — *(naj)bolji* ‘(самый) лучший’, *loš* ‘плохой’ — *(naj)gori* ‘самый плохой/худший/наихудший’, *mali* (*malen*) ‘маленький’ — *(naj)manji* ‘самый маленький/меньший/наименьший’, *velik* ‘большой’ — *(naj)veći* ‘самый большой/больший/наибольший’. Элатив имеет как синтетическое, так и описательное выражение, ср. ‘очень большой’ *prevelik(i)*, *mnogo je velik*.

Традиционно выделяются следующие семантические группы м е с т о и м е н и й (при общей гетерогенности классификации):

— личные (формы 1-го и 2-го лица не имеют категории рода): *ja* ‘я’, *ti* ‘ты’, *mi* ‘мы’, *vi* ‘вы’, *on* ‘он’, *ona* ‘она’, *ono* ‘оно’, *oni*, *one*, *ona* ‘они’ и лично-возвратное *sebe* (отнесение к субъекту; род и число не выражены; дефектная падежная парадигма); высокочастотны энклитические формы;

— притяжательные (местоимение-прилагательное): *moj* ‘мой’, *tvoj* ‘твой’, *njegov* ‘его’, *njen* ‘её’, *naš* ‘наш’, *vaš* ‘ваш’, *njihov* ‘их’ и возвратно-притяжательное *svoj* ‘свой’ (отнесение к субъекту);

— указательные (три степени удаленности относительно говорящего, см. 2.3.6.);

— относительные: *koji* ‘который’, *čiji* ‘чей’, *kakav* ‘какой/каков’ (по качеству), *kolik* ‘какой’ (по количеству);

— вопросительные: *(t)ko* ‘кто?’ *što*/*šta* ‘что?’ (не выражены лицо, род, число; остаточная падежная парадигма); в некоторых классификационных схемах оба эти класса объединяются в один — относительно-вопросительных местоимений;

— неопределенные: *ne(t)ko* ‘некто’, *nešto* ‘нечто’, *(po)neki* ‘некоторый, какой-то’ (идентифицирующее), *nekakav* ‘некоторый, какой-то’ (по качеству), *nečiji* ‘чей-то’, *nekolik* ‘некоторый’ (по количеству); для этого класса характерна выраженная нечеткость полевой структуры, дополнительные модальные и оценочные оттенки (см. 2.3.6.);

— отрицательные: *ni(t)ko* ‘никто’, *ništa* ‘ничто’, *nikakav* ‘никакой’, *ničiji* ‘ничей’ (см. 2.3.6.);

— общие (иногда выносимые за границы местоимений): *sav* ‘весь’, *svaki* ‘всякий’, ‘каждый’, *svakolik* ‘всякий’, ‘каждый’ (по количеству), *svakakav* ‘всякий’, ‘каждый’ (по качеству); а также *koji* ‘который’, *kolik* ‘какой’, *kakav* ‘какой’ и производные от них с помощью (модальных) элементов *ma*, *god*, *i-*, *bilo*: *ma koji*, *ikolik*, *koji god*, *koji bilo* с общим значением ‘любой’, ‘всякий’.

Семантические классы ч и с л и т е л ь н ы х: определенно-количественные, неопределенно-количественные или собирательные, порядковые (морфологически прилагательные), дробные. В структурном отношении различаются простые и составные числительные (линейная структура: слева направо от большего к меньшему числу). Из количественных числительных только *jedan* ‘один’ имеет полную деклинационную парадигму (прилагательного), согласуется в роде, числе, падеже (и одушевленности) с определяемым словом и с предикатом. У *dva* и *oba(dva)* ‘два’ сокращена парадигма (особенно в сербском языке),

особые формы мужского/среднего рода *dva*, *oba(dva)* и женского рода *dv(ij)e*, *obe(dv(ij)e)*. Еще более упрощена парадигма у числительных *tri* ʻтриʼ и *četiri* ʻчетыреʼ (особенно в сербском языке). Согласуемые слова при числительных от двух до четырех в именительном, винительном и звательном падеже имеют форму старого двойственного числа, совпадающую в мужском и среднем роде с формой родительного падежа единственного числа, а в женском роде — с формой именительного падежа множественного числа. Личное местоимение здесь имеет форму родительного падежа множественного числа: *Idemo nas tri* ʻИдём мы троеʼ. В остальных падежах — соответствующие формы множественного числа: *Bez vas triju lako ćemo* ʻБез вас троих мы легко обойдёмсяʼ; *Onim trima reci neka se ne šale* ʻЭтим троим скажи, чтобы не шутилиʼ (здесь наблюдается тенденция к переходу на аналитическое выражение, особенно в сербском языке): *sa sve četiri strane* ʻсо всех четырёх сторонʼ. Числительные от пяти и выше систему склонения практически утратили; управляемые слова имеют форму родительного падежа множественного числа. Числительные от одиннадцати до девятнадцати, а также десятки и сотни представляют собой застывшие, в синхронном аспекте синтетические формы: *jedanaest* ʻодиннадцатьʼ, *dvanaest* ʻдвенадцатьʼ и т. д., *dvadeset* ʻдвадцатьʼ, *četrdeset* ʻсорокʼ и т. д., *dv(j)esta* ʻдвестиʼ, *petsto* ʻпятьсотʼ и т. д. Собственно составные формы представляют собой числительные от двадцати одного до двадцати девяти, от тридцати одного до тридцати девяти и т. д. Форму управляемого слова определяет последний элемент. *Stotina* ʻстоʼ, *hiljada*/*tisuća* ʻтысячаʼ, *milijun*/*milion* ʻмиллионʼ, *milijarda* ʻмиллиардʼ склоняются как существительные. Вместо *stotina* часто употребляется несклоняемое *sto*.

Порядковые числительные (*prvi* ʻпервыйʼ, *dvadeset prvi* ʻдвадцать первыйʼ, *pedeset peti* ʻпятьдесят пятыйʼ и т. д.) морфологически выступают как определенные прилагательные. У составных форм склоняемым является только последний элемент, определяющий форму согласуемого слова.

Собирательные числительные имеют значительно упрощенную систему склонения (имеются лишь формы единственного числа, не выражена одушевленность, в женском и среднем роде омонимия флексии в именительном, винительном и звательном падеже и в дательном, творительном и местном падеже). Формообразование преимущественно суффиксальное (*-oje*, *-oro*/*-ero*), ср. *dvoje* ʻдвоеʼ, *oboje* ʻобаʼ, *četvoro*/*četvero* ʻчетвероʼ. Косвенные падежные формы малоупотребительны; наблюдается согласование по падежу: *vama dvoma* ʻвам двоимʼ, *nama desetorima* ʻнам десятерымʼ. В предложных конструкциях (особенно генитивных) обычно употребляется неизменяемая форма количественного винительного падежа: *između dv(ij)e vatre* ʻмежду двух огнейʼ, *prema sva tri druga* ʻпо отношению ко всем трем друзьямʼ, *hiljadu puta sam ti rekao* ʻтысячу раз я тебе говорилʼ, *s petoro d(j)ece* ʻс пятью детьмиʼ.

К собственно числительным примыкают количественные слова (различной частеречной принадлежности), причем граница здесь между ними не всегда четко определима: *dvojica* ʻдвоеʼ (о лицах мужского пола), *desetak* ʻдесятокʼ.

Общий обзор г л а г о л ь н ы х категорий см. в 2.3.3., 2.3.5., 2.3.6.

Спрягаемые формы: презенс, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, будущее I, будущее II, императив, кондиционал I, кондиционал II.

Неспрягаемые формы глагола: инфинитив, деепричастие настоящего времени, деепричастие прошедшего времени, действительное причастие, страдательное причастие.

Глагольные формы образуются от одной из двух основ: презентной (формы настоящего времени, деепричастия настоящего времени, формы имперфекта и императива большинства глаголов) и инфинитивно-аористной (инфинитив, формы аориста, действительные причастия (от всех глаголов) и страдательные причастия (от большинства глаголов), формы имперфекта и императива некоторых глаголов). Формообразовательная классификация (по инфинитивной основе) охватывает шесть (иногда семь) классов глаголов, три из которых имеют подклассы. Широко представлена омонимия окончаний, поэтому ударение играет большую форморазличительную роль. Система спряжения в условном наклонении сокращена: имеются лишь две временны́е формы, отсутствует выражение залога. В повелительном наклонении имеются лишь формы 1-го и 2-го лица при отсутствии выражения как времени, так и залога. В С.-х.я. широко распространены различные формы безличности (см. 2.3.6.). Причастие представлено очень слабо. Действительное причастие служит прежде всего для образования описательных форм (перфект, плюсквамперфект, кондиционал, будущее II; см. 2.4.0.), реже выступая в атрибутивной функции. Страдательное причастие образуется преимущественно от переходных глаголов и употребляется как для образования пассивных конструкций, так и в атрибутивной функции. Страдательные причастия склоняются по местоименному типу, категории числа и рода сохраняются.

Семантические подгруппы н а р е ч и й: места (*gore* ʽнаверху’, *tuda* ʽтуда’); времени (*kada* ʽкогда’, *jutros* ʽсегодня утром’, *uskoro* ʽвскоре’), способа действия (*kako* ʽкак’, *bolje* ʽлучше’, *l(ij)epo* ʽхорошо’), причины (*zašto* ʽпочему’, *bezrazložno* ʽбеспричинно’), степени/интенсивности (*vrlo* ʽочень’, *dovoljno* ʽдостаточно’, *sasvim* ʽсовсем’, ʽполностью’, *mnogo* ʽнамного’, ʽочень’). Иногда выделяется значение неопределенной количественности: *nešto* ʽнемного, некоторое количество’, *mnogo* ʽ(на)много’, *malo* ʽмало, недостаточно’ и др. Класс наречий оформлен морфологически (несклоняемые формы на гласный, формы степеней сравнения у определенных классов) и синтаксически (обстоятельства в высказывании). Формы степеней сравнения наречия идентичны соответствующим формам прилагательного среднего рода (*brže* ʽбыстрее’). Граница между наречием, с одной стороны, и местоимением и числительным, с другой, размыта (ср. значительный класс так называемых местоименных наречий). Большая часть наречий возникла из слов других знаменательных классов или же из предложных конструкций.

П р е д л о г и с формально-синтаксической точки зрения можно разделить на первичные (исходные), вторичные и сложные.

Первичные имеют исключительно функцию предлога: *bez* ʽбез’; *do* ʽ(вплоть) до’; *iz* ʽиз’, ʽот’; *k* ʽк’; *na* ʽна’; *nad* ʽнад’; *o* ʽо’, ʽоколо’ (локативное значение), ʽоколо, в’ (временное значение)’; *po* ʽпо’, ʽпосле’ (временное значение); *pod* ʽпод’, ʽиз-под’; *pri* ʽпри’, ʽу’, ʽк’, ʽоколо’; *protiv* ʽ(на)против’; *radi* ʽради’, ʽдля’, ’из-за’; *s(a)* ʽс’; *za* ʽза’, ʽдля’, ʽна, в’ (временное значение), ʽкак’, ʽв качестве’.

Вторичные (дериваты) могут выполнять также наречную функцию: *blizu* ʽблиз’, ’вблизи’; *mimo* ʽмимо’ (пространственное значение), ʽболее, чем’, ʽкроме’; *niže* ʽниже’; *pomoću* ʽс помощью’; *pored* ʽоколо’; *povodom* ʽпо поводу’; *van* ʽвне’,

ʽкроме'; *više* ʽнад', ʽвыше'. Сложные предлоги представляют собой сочетание двух предлогов или предлога с существительным: *između* ʽмежду', *iznad* ʽнад', *izvan* ʽвне', *nasuprot* ʽнапротив', *povrh* ʽсверх'. Предлоги, с одной стороны, связаны с глагольной системой, являясь элементами валентной структуры глагола (как циркумстанты), с другой стороны, с системой склонения. В данной связи различаются одно- и многопадежные предлоги (преимущественно не первичные).

С о ю з ы являются важным средством организации высказывания (см. 2.5.4.). Можно выделить следующие семантические группы союзов (при значительной гетерогенности классификационных схем): 1) соединительные: *i*, *pa(k)*, *te* ʽи', *ni(ti)* ʽни'; 2) противительные: *a*, *ali*, *dok*, *nego*, *no*, *već* ʽа', ʽно'; 3) разделительные: *ili… ili* ʽили… или'; 4) градационные: а) корреляционные: *ne samo… nego*/*no*/*već* ʽне только…, но и', б) некорреляционные: *a kamoli*, *a nekmoli*, *a tim pr(ij)e* ʽне говоря уж', ʽтем более'; 5) пояснительные: *to jest*, *odnosno* ʽто есть', *a*/*i to* ʽа именно' и т. п.; 6) ограничительные, выражающие отношения исключения: *samo (što)*, *tek (što)* ʽтолько (что)', *jedino* ʽединственно (что)', *osim (što)* ʽкроме того, что'; 7) причинно-следственные: *dakle*, *zato*, *stoga* ʽтаким образом', ʽпоэтому'; 8) изъяснительные: *da (li)* ʽчто', *kako* ʽкак', *gd(j)e* ʽгде'; 9) временны́е: *čim* ʽкак только', *dok* ʽпока', *kad*/*kada* ʽкогда', *kako* ʽкак', *pošto*, *nakon što* ʽпосле того, как'; 10) причинные: *jer*, *budući da*, *što*, *gd(j)e*, *kako* ʽпотому что', ʽпоскольку'; 11) целевые: *da*/*eda*, *kako*, *neka* ʽчтобы'; 12) следствия: *da*, *pa*, *te* ʽтак что'; 13) компаративные: *kako*, *kao (što)* ʽкак', *nego*, *no* ʽчем'; 14) условные: *ako*, *da* ʽесли', *kada* ʽкогда'; 15) уступительные: *premda*, *iako*, *ako i*, *makar* ʽхотя (бы)'. Возможны и другие классификационные схемы.

В формально-синтаксическом отношении различаются первичные (имеющие чисто союзную функцию) и вторичные союзы (другие части речи в функции союзов: вопросительное и относительное местоимение, местоименное наречие, частицы): *ko*/*tko* ʽкто', *što* ʽчто', *koji* ʽкоторый', *čiji* ʽчей', *gd(j)e* ʽгде', *kad*/*kada* ʽкогда', *kako* ʽкак', *kamo* ʽкуда', *kud*/*kuda* ʽкуда', *odakle* ʽоткуда', *pošto* ʽпоскольку', ʽпосле того, как', *zašto* ʽпочему', *zato* ʽпоэтому', *stoga* ʽпоэтому', *neka* ʽпусть', *samo* ʽтолько', *tek* ʽтолько', *istom* ʽлишь только', *još* ʽеще'. Возможны союзные конструкции из двух и более элементов: *a da* ʽи чтобы', *ako i* ʽесли и', *a kamoli* ʽа тем более', *budući da* ʽпоскольку', *kao što* ʽкак', *osim toga što* ʽкроме того, что', *samo da* ʽтолько бы не', *s obzirom na to da* ʽпринимая во внимание, что', *tek ako* ʽтолько если'.

Статус, критерии выделения и границы так называемых ч а с т и ц в С.-х.я. во многом остаются невыясненными. Иногда внутри класса частиц выделяется подгруппа модальных слов, иногда оба понятия употребляются как синонимы. Частицы (генетически часто наречия или союзы) — важное средство смысловой организации как целого текста, так и его отдельных блоков, элементы модальной рамки высказывания:

— опровержение, противопоставление: *ne* ʽне', ʽнет', *pak* ʽже': *Sit gladnu ne v(j)eruje* ʽСытый голодному не верит', *U tim r(ij)ečima pak ima dosta istine* ʽВ этих словах все же много истинного';

— проверка истинности высказывания, вопрос: *li* ʽли' (только в неначальной позиции), *zar* ʽразве' (всегда в начальной позиции): *Je li vam hladno?* ʽВам холодно?', *Zar ćeš sve to pojesti?* ʽРазве ты съешь все это?'; *li* может высту-

пать с условным значением: *Misliš li me mrtva požaliti, požali me dok sam u životu* ʽЕсли ты собираешься пожалеть меня мёртвого, пожалей меня, пока я жив’;

— усиление утверждения/опровержения: *da* ʽда’, *jest* (*e*) ʽда’, *dabome* ʽей-богу’, *dakako* ʽконечно’, *svakako* ʽконечно’, *ne* ʽнет’, *nikako* ʽни за что’: *Da, to je bilo tako* ʽДа, это (действительно) было так’, *Jest, prol(j)eće se vraća* ʽДа, весна возвращается’, *Ja ću svakako doći na vr(ij)eme* ʽЯ непременно приду вовремя’;

— нетерпение, желание, удовлетворенность: *bar(em)* ʽхотя бы’, ʽпо крайней мере’, *baš* ʽочень’, ʽименно’, *čak* ʽдаже’, *i* ʽи’, *jedva* ʽедва’, *još* ʽеще’, *ni* ʽни’, *niti* ʽни’, *opet* ʽопять’, *samo* ʽтолько’, *tek* ʽтолько’, *već* ʽуже’: *Baš smo se l(ij)epo odmorili* ʽМы по-настоящему (действительно) хорошо отдохнули’, *Putovao je čak u Kinu* ʽОн ездил даже в Китай’, *I ja sam pročitao tu knjigu* ʽЯ тоже прочитал эту книгу’, *Brod je već nestao s vidika* ʽПароход уже исчез из виду’, *Ni ja, ni on, niti obojica zajedno nismo mogli maknuti kamen s ceste* ʽНи я, ни он, ни оба мы вместе не смогли сдвинуть камень с шоссе’, *Pitali su za tebe već nekoliko puta* ʽО тебе уже несколько раз спрашивали’, *Opet nisi došao* ʽОпять ты не пришёл’, *Okupao sam se samo nekoliko puta* ʽЯ всего несколько раз искупался’;

— безразличие, допущение: *ma*, *makar*, *bilo*, *god* — различные контекстуальные значения при семантическом инварианте ʽлюбой’, ’какой угодно’, ʽхоть какой’: *Nije ga moglo zadovoljiti bilo što* ʽНичто не могло его удовлетворить’, *Nemoj se uzrujavati zbog ma kakve nezgode* ʽНе беспокойся ни о каких невзгодах’, *Što se god dogodi, vas se to ne tiče* ʽЧто бы ни случилось, вас это не касается’;

— собственное мнение, оценка: *bez sumnje* ʽнесомненно’, *doista* ʽдействительно’, *zaista* ʽдействительно’, *gotovo* ʽпочти’, *skoro* ʽпочти’, *istina* ʽправда’, *možda* ʽможет быть’, *verovatno*/*vjerojatno* ʽвероятно’, *naravno* ʽконечно’, *sigurno* ʽконечно’, *nekako* ʽкак-то’, *potpuno* ʽполностью’, *sasvim* ʽсовсем’, *veoma* ʽвесьма’, *vrlo* ʽочень’; генетически частицы этой группы часто являются обстоятельственными наречиями, но относятся не к отдельным элементам, а ко всему высказыванию в целом: *Pas je doista vrlo sličan vuku* ʽСобака действительно весьма похожа на волка’, *Gotovo svi su uskliknuli od radosti* ʽПрактически все вскрикнули от радости’, *To je sigurno najbolje r(j)ešenje* ʽЭто, безусловно, наилучшее решение’, *On to naravno nije ni mogao znati* ʽОн этого, конечно же, не мог знать’, *Njihove su r(ij)eči, dakako, mnogo pomogle da se stvar razjasni* ʽИх слова, конечно, во многом помогли разъяснению дела’, *To se, vjerojatno, nikad neće saznati* ʽОб этом, вероятно, никогда не узнают’, *Danas će, možda, padati kiša* ʽСегодня, возможно, будет дождь’, *Ja na to, sigurno, neću odgovoriti* ʽЯ на это, безусловно, отвечать не буду’, *Istina, on o svemu tome nije imao ni pojma* ʽНа самом деле он об этом и понятия не имел’.

К частицам иногда относят десемантизованные слова-заполнители пауз *ovaj* ʽэто’, *onaj* ʽэто’, *čuj* ʽслышь’, *kaže* ʽговорят’, *vele* ʽговорят’, *dragi moj* ʽмой дорогой’: *Bio sam tamo pa, ovaj, nisam vidio nista, ali, ovaj, čuo se, ovaj, neki potmuo glas* ʽБыл я там и… это… ничего не видел, но… это… слышался… это… какой-то глухой голос’.

Функциональным эквивалентом однословных частиц могут выступать словосочетания и целые предложения, утерявшие собственное значение и выполняющие фатическую или эмотивную функции: *tako reći* ʽтак сказать’, *općenito*

govoreći ʽвообще говоря’, *sve u svemu* ʽтаким образом’, *hoćeš-nećeš* ʽхочешь-не хочешь’, *bolje rekavši* ʽлучше сказать’, *kao što znate* ʽкак вы знаете’, *oprostite* ʽпростите’: *On je na sve to, oprostite, jednostavno šutio* ʽОн на все это, извините, просто молчал’, *Vi to, na sreću, niste os(j)etili, ali ja, kažem vam, i te kako jesam* ʽВы этого, к счастью, не почувствовали, а я, скажу вам, почувствовал, да еще как’.

Междометия представляют собой более однородную группу, чем частицы, однако единых принципов их выделения и классификации в сербскохорватском языкознании нет. По своей роли в высказывании и по своей знаковой функции они близки к невербальным средствам выражения эмоций, часто содержат оттенок аффекта. Основными функциями междометий являются: 1) выражение душевного состояния, чувств: *uh* ʽух!’, *oh* ʽох!’, *eh* ʽэх!’, *ih* ʽэх!’, *ah* ʽах!’, *joj* ʽой!’, *ijuju* ʽой!’, *oho* ʽого!’; 2) апеллятивная, обращение на себя внимания адресата, побуждение его к чему-либо или запрещение: *hajde* ʽдавай’, *pst* ʽтсс!’; 3) обращение к животным: *mac* — к кошке, *guc* — к гусю, *pi-pi-pi* — к цыплёнку, *hojs* — к лошади; 4) звукоподражательная: *pljus* ʽплюх’, *bum* ʽбум’, *tres* ʽшлёп’; *mijau* ʽмяу’, *vau-vau* ʽгав-гав’, *ga* ʽга-га’, *kukuriku* ʽку-ка-реку’, *kokodak* ʽко-ко-ко’, *mu* ʽму’, *be* ʽбе-е’; 5) неартикулированные звуки, издаваемые человеком: *mhm* ʽугу’, *hm* ʽгм’. Ономатопоэтические междометия могут выступать в роли предиката: *Zatrčao se i hop preko plota* ʽОн разбежался и прыг через забор’.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

Существительные мужского и среднего рода на согласный, *-o*, *-e*

Падеж	М. р.	Ср. р.	М. р.	Ср. р.
	Ед. число		**Мн. число**	
Им.	*-∅*, *-o*/*-e*	*-o*/*-e*, *-∅*	*-i*	*-a*
Род.	*-a*		*-ā*, *-ī*	*-ā*
Дат.	*-u*		*-ima*	
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*-e*	*-a*
Твор.	*-om*/*-em*		*-ima*	
Местн.	*-u*		*-ima*	
Зват.	*-e*/*-u*, = им. п.	= им. п.	*-i*	*-a*

Большинство существительных мужского рода в именительном падеже единственного числа имеет нулевую флексию; у основ на *-o* наблюдается в косвенных падежах чередование с *-l*: *ânđeo* ʽангел’ — род. п. ед. ч. *ânđela*. Формы мужского рода на *-o*/*-e* имеют преимущественно заимствования, личные имена и гипокористики: *râdio* ʽрадио’ (мн. ч. *râdiji*), *Péro*, *Pâvle*, имена собственные, *nestaško* ʽшалун’. У слов мужского рода на *-o*/*-e* звательный падеж совпадает с именительным. Выбор вариантов флексий *-o*/*-e* и *-om*/*-em* в именительном падеже среднего рода и творительном падеже мужского и среднего родов единственного числа обусловлен фонологически (после передне-палатальных и палатальных соглас-

ных реализуется *-e*: *sèlo* ʽсело’ — твор. п. *sèlom*, *pȍlje* ʽполе’ — твор. п. *pȍljem*). Выбор вариантов флексий *-e*/*-u* в звательном падеже также обусловлен фонологически (*-u* реализуется после передне-палатальных и палатальных согласных и в некоторых других случаях: *prȉjatelju* ʽдруг!’, *strâhu* ʽ(о) страх!’, *grâde* ʽгород!’, *čȍv(j)eče* ʽчеловек!’). Формы дательного и местного падежа единственного числа могут иметь различное ударение (интонацию): ʽгород’ дат. п. *grâdu*, местн. п. *grádu*, ʽкамень’ дат. п. *kȁmenu*, местн. п. *kamènu*. Большинство односложных существительных мужского рода имеет во множественном числе расширенную основу на *-ov-*/*-ev-*: *grȁdovi* ʽгорода’, *králjevi* ʽкороли’. Расширенную основу в косвенных падежах имеют также некоторые существительные среднего рода (остатки старых непродуктивных словоизменительных классов): *ȉme* ʽимя’ — род. п. ед. ч. *ȉmena*, *ùže* ʽверевка’, ʽканат’, ʽтрос’ — род. п. ед. ч. *ùžeta*. В родительном падеже множественного числа достаточно частотно вариантное окончание *-ī*: *m(j)esécī* ʽмесяцев’. О просодических чередованиях и чередованиях основы (им. п. ед. ч. *jùnāk* ʽгерой’ — зват. п. ед. ч. *jȕnāče* — им. п. мн. ч. *junáci*) см. 2.2.3.

Существительные женского и мужского рода на гласный

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-a*, *-o*, *-e*	*-e*
Род.	*-ē*	*-ā*, *-ī*, *-ū*
Дат.	*-i*	*-ama*
Вин.	*-u*	= им. п.
Твор.	*-ōm*	*-ama*
Местн.	*-i*	*-ama*
Зват.	*-o*, *-e*, *-a*	= им. п.

Большинство существительных на *-a* женского рода (*žèna* ʽженщина’, *p(j)ȅsma* ʽпесня’, ʽстихотворение’), но встречаются и слова, обозначающие лиц мужского пола (*zanàtlija* ʽремесленник’, *slúga* ʽслуга’). Регулярное окончание звательного падежа единственного числа *-o* (*žȅno*, *p(j)ȅsmo*); форма звательного падежа равна форме именительного падежа у некоторых терминов родства и личных имен: *strîna* ʽтётка!’ (жена брата отца). Форму звательного падежа единственного числа на *-e* имеют существительные на *-ica*: *sèstrice* ʽсестричка!’, ʽсестрица!’. Наиболее распространенное окончание родительного падежа множественного числа *-a* (род. п. мн. ч.: для ʽвода’ — *vódā*, для ʽсестра’ — *sestárā*, для ʽхозяин’ — *gâzdā*); основы на группу согласных в родительном падеже множественного числа могут иметь окончание *-ī* (*čèžnja* ʽтоска’ — род. п. мн. ч. *čéžnjī*). Окончание старого двойственного числа имеют существительные *rúka* ʽрука’ — род. п. мн. ч. *rùkū*, *nòga* ʽнога’ — род. п. мн. ч. *nȍgū*, *slúga* ʽслуга’ — род. п. мн. ч. *slùgū*. В дательном и местном падеже единственного числа имеет место чередование основы: /k/ ~ /c/, /g/ ~ /z/, /h/ ~ /s/ (*rúka* ʽрука’ — дат. п., местн. п. *rûci*, *nòga* ʽнога’ — дат. п., местн. п. *nȍzi*, *mùha* ʽмуха’ — дат. п., местн. п. *mùsi*). К этому словоизменительному классу относится и существительное *mȁti* ʽмать’ (зват. п. = им. п.; расширение основы в косвенных падежах, ср. р. ед. ч. *mȁterē*, вин. п. ед. ч. *mȁtēr*).

Существительные женского рода на согласный

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*, *-i*	*-i*
Род.	*-i*	*-ī*, *-ijū*
Дат.	*-i*	*-ima*
Вин.	*-∅*	= им. п.
Твор.	*-i*, *-ju*/*-u*	*-ima*
Местн.	*-i*	*-ima*
Зват.	*-i*	= им. п.

Возможны просодические чередования, ср. ед. ч.: им. п., вин. п. *stvâr* ʽвещь’, род. п., дат. п. *stvâri*, местн. п. *stvári*; мн. ч.: им. п. *stvâri*, род. п. *stvárī*, дат. п., твор. п., местн. п. *stvárima*. К этому словоизменительному классу относится также существительное *kćî* ʽдочь’ (род. п. ед. ч. *kćèri*, вин. п. ед. ч. *kćêr*). Дистрибуция окончаний творительного падежа единственного числа *-i*, *-ju*/*-u* отчасти определяется словообразовательными особенностями основы; выбор флексий *-ju*/*-u* задается конечным согласным основы, ср. твор. п. *kćêrju* (*kćî* ʽдочь’), но твор. п. *smrću*, *kȓvlju* (*smrt* ʽсмерть’, *kȓv* ʽкровь’) (см. 2.2.3.). Окончание родительного падежа множественного числа *-ijū* имеют лишь единичные формы (ʽкость’ — род. п. мн. ч. *kòstijū*).

П р и л а г а т е л ь н ы е

Неопределенные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	*-∅*	*-o*/*-e*	*-a*
Род.	*-a*		*-ē*
Дат.	*-u*		*-ōj*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*-o*/*-e*	*-u*
Твор.	*-īm*		*-ōm*
Местн.	*-u*		*-ōj*
Зват.	= им. п.		
	-ī	*-ō*/*-ē*	*-ā*
	Мн. число		
Им.	*-i*	*-a*	*-e*
Род.	*-īh*		
Дат.	*-īm(a)*, *-im(a)*		
Вин.	*-e*	= им. п.	
Твор.	*-īm(a)*, *-im(a)*		
Местн.	*-īm(a)*, *-im(a)*		
Зват.	*-i* (*-ī*)	*-a* (*-ā*)	*-e* (*-ē*)

Определенные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	*-ī*	*-ō*	*-ā*
Род.	*-ōg(a)*/*-ēg(a)*		*-ē*
Дат.	*-ōm(u, e)*/*-ēm(u)*		*-ōj*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*-ū*
Твор.	*-īm*		*-ōm*
Местн.	*-ōm(u, e)*/*-ēm(u)*		
Зват.	= им. п.		
	Мн. число		
Им.	*-ī*	*-ā*	*-ē*
Род.	*-īh*		
Дат.	*-īm(a)*, *-ima*		
Вин.	*-ē*	= им. п.	
Твор.	*-īm(a)*, *-ima*		
Местн.	*-īm(a)*, *-ima*		
Зват.	= им. п.		

Алломорфы на *-o*/*-e* обусловлены формой основы, ср. *stȁro*/*stârō m(j)esto* и *túđe*/*tûđē m(j)esto* ʽстарое/чужое место’. Формы с гласным в скобках являются свободными вариантами. У неопределенных форм наблюдается выпадение гласного: им. п. ед. ч. *težak* ʽтяжёлый’ — род. п. ед. ч. *teška*. Определенные/неопределенные формы могут различаться просодической характеристикой: неопред. *stȁro* — опред. *stârō* ʽстарое’, неопред. *túđe* — опред. *tûđē* ʽчужое’, неопред. *zelèna* — опред. *zèlenā* ʽзелёная’.

Ч и с л и т е л ь н ы е

Количественные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
	ʽодин’	ʽодно’	ʽодна’
Им.	*jèdan*	*jèdno*	*jèdna*
Род.	*jèdnog*, *-a*		*jèdnē*
Дат.	*jèdnom*, *-u*, *-e*		*jèdnōj*, *-oj*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*jèdnu*
Твор.	*jèdnīm*, *-im*		*jèdnōm*, *-om*
Местн.	*jèdnom*, *-u*, *-e*		*jèdnōj*, *-oj*
Зват.	= им. п.		

	Мн. число		
Им.	*jèdni*	*jèdna*	*jèdne*
Род.	*jèdnīh*		
Дат.	*jèdnīm*, *-ima*		
Вин.	*jèdne*		= им. п.
Твор.	*jèdnīm*, *-ima*		
Местн.	*jèdnīm*, *-ima*		
Зват.	= им. п.		

	М. р., ср. р.	Ж. р.		
Падеж	ʽдва’	ʽдве’	ʽтри’	ʽчетыре’
Им., вин., зват.	*dvâ*	*dvê*, *dvȉje*	*trî*	*čètiri*
Род.	*dvàjū* (*dvájū*)	*dvéju*, *dvìjū*	*trìjū* (*tríjū*)	*četirìjū* (*čètiriju*)
Дат., твор., местн.	*dvàma* (*dváma*), *dv(j)èma*	*dvéma*, *dvjèma*	*trìma* (*tríma*)	*četirìma* (*četir(i)ma*)

Собирательные

Падеж	ʽдвое’
Им., вин., зват.	*dvȍje*
Род.	*dvòjega* (*dvȍjega*), *dvó(j)ga*, *dvôg*, *dvòga*
Дат., твор., местн.	*dvòjem(u)* (*dvȍjemu*), *dvôm*, *dvóme*, *dvòjima*, *dvòjīm*, *dvóma*

П р и м е ч а н и е: Приведенные в таблице формы числительных ʽдва’, ʽтри’, ʽчетыре’ и *dvoje* представляют собой свободные варианты.

	ʽчетверо’
Падеж	*čȅtvoro*/*čȅtvero*
Им., вин., зват.	*čȅtvoro*/*čȅtvero*
Род.	*četvórga*, *četvóroga*/*četvérga*
Дат., твор., местн.	*četvórmu*, *četvórme*, *četvórma*, *četvòrīm(a)/četvérmu* (*četvèrīm(a)*)

П р и м е ч а н и е: В сербском языке представлены формы на *-oro*, в хорватском языке и боснийском языке — на *-ero*.

Количественные прилагательные
(при существительных pluralia tantum, ср. *dvoja vrata* ʽдве двери’)

Падеж	**Мн. число**		
Им.	*dvòji* (*dvȍji*)	*dvòja* (*dvȍja*)	*dvòje* (*dvȍje*)
Род.	*dvòjīh* (*dvȍjīh*)		
Дат.	*dvòjima* (*dvòjīm*, *dvȍjim*)		
Вин.	*dvòje* (*dvȍje*)	= им. п.	
Твор.	*dvòjima* (*dvòjīm*, *dvȍjim*)		
Местн.	*dvòjima* (*dvòjīm*, *dvȍjim*)		

Местоимения

Падеж	Личные		Лично-возвратное
	1 л.	2 л.	
	Ед. число		
	ʽя’	ʽты’	ʽсебя’
Им.	*jâ*	*tî*	—
Род.	*mȅne* (*mène*), *me*	*tȅbe* (*tèbe*), *te*	*sȅbe* (*sèbe*), *se*
Дат.	*mȅni* (*mèni*), *mi*	*tȅbi* (*tèbi*), *ti*	*sȅbi* (*sèbi*), *si*
Вин.	*mȅne* (*mène*), *me*	*tȅbe* (*tèbe*), *te*	*sȅbe* (*sèbe*), *se*
Твор.	*mnôm(e)* (*mnóme*)	*tȍbōm*	*sȍbōm*
Местн.	*mȅni* (*mèni*)	*tȅbi* (*tèbi*)	*sȅbi* (*sèbi*)
Зват.	—	= им. п.	—
	Мн. число		
	ʽмы’	ʽвы’	
Им.	*mî*	*vî*	
Род.	*nâs*, *nas*	*vâs*, *vas*	
Дат.	*nȁma*, *nam*	*vȁma*, *vam*	
Вин.	= род. п.		
Твор., местн.	*nȁma*	*vȁma*	
Зват.	—	= им. п.	

Падеж	3 л.		
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
	ʽон’	ʽоно’	ʽона’
Им.	*ôn*	*ȍno*	*ȍna*
Род.	*njȅga* (*njèga*), *ga*		*njê*, *je*
Дат.	*njȅmu* (*njèmu*), *mu*		*njôj*, *joj*
Вин.	*njȅga* (*njèga*), *ga*, *nj*		*njû*, *ju*, *je*
Твор.	*njîm* (*njíme*)		*njôm* (*njóme*)
Местн.	*njȅm(u)* (*njèmu*)		*njôj*
	Мн. число		
Им.	*ȍni*	*ȍna*	*ȍne*
Род.	*njîh*, *ih*		
Дат.	*njȉma*, *im*		
Вин.	= род. п.		
Твор., местн.	*njȉma*		

Прочие местоимения: *taj* ʽтот’, *ovaj* ʽэтот’, *onaj* ʽтот’; *ovakav* ʽтакой’ (по качеству), *ovolik* ʽтакой’ (по количеству); *sav* ʽвесь’; *koji* ʽкоторый’, *čiji* ʽчей’; *(t)ko* ʽкто’, *šta*/*što* ʽчто’; *svaki* ʽвсякий’, ʽкаждый’; притяжательные *moj* ʽмой’, *naš* ʽнаш’ и т. д.:

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Падеж	**Ед. число**		
Им.	*-∅*, *-āj*, *-ī*	*-o* (*-ō*) / *-e* (*-ē*)	*-a* (*-ā*)
Род.	*-og(a)* (*-ōg(a)*, *-òga*, *-ȍg(ā)*) / *-eg(a)* (*-ēg(a)*, *-èga*)		*-ē* (*-ȅ*, *-ê*)
Дат.	*-omu*, *-om*, *-ome*, *-òmū*, *-òme*, *-ȍm(e)*, *-ȍm(u)* / *-èmu*		*-ōj* (*-ôj*)
Вин.	одуш. = род. п., неодуш. = им. п.	= им. п.	*-u* (*-ū*, *-û*, *-ȕ*)
Твор.	*-īm*, *-ime* (*-îm*, *-íme*)		*-ōm* (*-ôm*)
Местн.	*-omu*, *-om*, *-ome*, *-òmū*, *-òme*, *-ȍm(e)*, *-ȍm(u)* / *-èmu*, *-ȅm*, *-èmu*		
Зват.	= им. п. / —		
	Мн. число		
Им.	*-i* (*-ī*, *-ȉ*)	*-a* (*-ā*, *-â*, *-ȁ*)	*-e* (*-ē*, *-ȅ*, *-ê*)
Род.	*-īh* (*-îh*), *-iju*		
Дат.	*-ima* (*-íma*, *-ȉma*, *-îm*)		
Вин.	*-e* (*-ē*, *-ȅ*, *-ê*)	= им. п.	*-e*
Твор.	*-ima* (*-íma*, *-ȉma*, *-îm*)		
Местн.	*-ima* (*-íma*, *-ȉma*, *-îm*)		
Зват.	= им. п. / —		

Алломорфы на *-o*/*-e* обусловлены характером основы.

Г л а г о л ы

Синтетические формы

Презенс

Сочетание тематических элементов презенса — *-ē-*(*-e-*), *-ā-*(*-a-*), *-ī-* — с личными окончаниями дает следующие варианты спряжения:

	Ед. число
1 л.	*-ēm*/*-em*; *-ām*; *īm*
2 л.	*-ēš*/*-eš*; *-āš*; *-īš*
3 л.	*-ē-∅*/*-e-∅*; *-ā-∅*; *-ī-∅*
	Мн. число
1 л.	*-ēmo*/*emo*; *-āmo*; *-īmo*
2 л.	*-ēte*/*-ete*; *-āte*; *-īte*
3 л.	*-ū*, *-jū*; *-ajū*; *-ē*

Формы связки *biti* ‘быть’: ед. ч. 1 л. *jèsam*, 2 л. *jèsi*, 3 л. *jȅst(e)*; мн. ч. 1 л. *jèsmo*, 2 л. *jèste*, 3 л. *jèsu*; энклитические: ед. ч. 1 л. *sam*, 2 л. *si*, 3 л. *je*, мн. ч. 1 л. *smo*, 2 л. *ste*, 3 л. *su*; отрицательные: ед. ч. 1 л. *nísam*, 2 л. *nísi*, 3 л. *nȉje*, мн. ч. 1 л. *nísmo*, 2 л. *níste*, 3 л. *nísu*.

Формы глагола *biti* ‘быть’, образованные от основы *bud-*: ед. ч. 1 л. *bȕdēm*, 2 л. *bȕdēš* и т. д.

Формы вспомогательного глагола *ht(j)eti* ‘хотеть’: ед. ч. 1 л. *hòću*, 2 л. *hȍćeš*, 3 л. *hȍće*; мн. ч. 1 л. *hȍćemo*, 2 л. *hȍćete*, 3 л. *hòćē*; отрицательные: ед. ч. 1 л. *néću*, 2 л. *nêćeš*, 3 л. *nêće* и т. д.

Аорист

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*-h*	*-smo*
2 л.	*-∅*	*-ste*
3 л.	*-∅*	*-še* (*-šē*)

Имперфект

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*-h*	*-smo*
2 л.	*-še*	*-ste*
3 л.	*-še*	*-hu*, (*-hū*)

Связочная морфема перед флексией всегда *-(ij/j)ā-* (*nòsiti* ʻносить’: ед. ч. 1 л. *nȍšāh*, 2 л. *nȍšāše*, 3 л. *nȍšāsmo* и т. д.).

Повелительное наклонение

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	—	*-mo*; *-imo*; *-jmo*
2 л.	*-∅*, *-i*, *-j*	*-te*; *-ite*; *-jte*

Морфонологические чередования в глаголе:

1) просодические: оппозиция между основой инфинитива и презенса; например, инф. *mòliti* ʻпросить’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *mȍlīm*, инф. *pítati* ʻспрашивать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *pîtām*; 1 л. ед. ч. аориста *pítah* — 1 л. ед. ч. имперфекта *pîtāh*; 3 л. ед. ч. наст. вр. *vȍzī* ʻ(он) возит’ — 2 л. ед. ч. императива *vòzi*. У аориста формы 2-го и 3-го лица единственного числа могут вступать в оппозицию со всеми остальными формами (глагол ʻпечь’: 1 л. *pèkoh* — 3 л. *pȅče*);

2) чередования согласных: /s/ ~ /t/, /d/ (инф. *plesti* ʻплести’, ʻвязать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *pletem*, *bosti* ʻколоть’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *bodem*); /ps/ ~ /p/, /b/ (*crpsti* ʻчерпать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *crpem*, *zepsti* ʻмёрзнуть’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *zebem*), а также *nasuti* ʻналить’, ʻнасыпать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *naspem*, *kleti* ʻклясть’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *kunem*, *žeti* ʻжать’, ʻдавить’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *žmem*; ср. также *peći* ʻпечь’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *pečem* — 3 л. мн. ч. наст. вр. *peku* — 2 л. ед. ч. императива *peci*; инф. *vid(j)eti* ʻвидеть’ — 1 л. ед. ч. имперфекта *viđah*, страдат. прич. *viđen*, *-a*/*-o*; инф. *pisati* ʻписать’ — 1 л. ед. ч. наст. вр. *pišem*; инф. *ljubiti* ʻцеловать’ — страдат. прич. *ljubljen* и т. д. (см. 2.2.3.).

Описательные формы: перфект, плюсквамперфект, будущее II и кондиционал образуются от форм действительного причастия основного глагола и различных форм связки *biti* ʻбыть’ (перфект — энклитический презенс; плюсквамперфект — имперфект/перфект; будущее II — формы от основы *bud-*; кондиционал I — (безударный) аорист, кондиционал II — кондиционал).

čitati ‘читать’ (м. р., ср. р., ж. р.)

Перфект

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*čìtao, -la sam*	*čìtali, -le smo*
2 л.	*čìtao, -la, -lo si*	*čìtali, -le, -la ste*
3 л.	*čìtao, -la, -lo je*	*čìtali, -le, -la su*

Плюсквамперфект

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*b<ȅ/ȉ>jāh/b(j)ȅh čìtao, -la*	*b<ȅ/ì>jāsmo/b(j)ȅsmo čìtali, -le*
2 л.	*b<ȅ/ȉ>jāše/b(j)ȅše čìtao, -la, -lo*	*b<ȅ/ì>jāste/b(j)ȅste čìtali, -le, -la*
3 л.	*b<ȅ/ȉ>jāše/b(j)ȅše čìtao, -la, -lo*	*b<ȅ/ȉ>jāhū/b(j)ȅhū čìtali, -le, -la*
	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*bȉo/bíla sam čìtao, -la*	*bíli/bíle smo čìtali, -le*
2 л.	*bȉo/bíla/bílo si čìtao, -la, -lo*	*bíli/bíle/bíla ste čìtali, -le, -la*
3 л.	*bȉo/bíla/bílo je čìtao, -la, -lo*	*bíli/bíle/bíla su čìtali, -le, -la*

Формы типа *bejah/bijah/b(j)eh čìtao* стилистически маркированы (архаичны), формы типа *bio sam čìtao* нейтральны. Формы *bejah/beh* и *bijah/bjeh* являются свободными вариантами.

Будущее II

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*bȕdēm čìtao, -la*	*bȕdemo čìtali, -le*
2 л.	*bȕdēš čìtao, -la, -lo*	*bȕdēte čìtali, -le, -la*
3 л.	*bȕdē čìtao, -la, -lo*	*bȕdū čìtali, -le, -la*

Кондиционал I

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*čìtao, -la bih*	*čìtali, -le bismo*
2 л.	*čìtao, -la, -lo bi*	*čìtali, -le, -la biste*
3 л.	*čìtao, -la, -lo bi*	*čìtali, -le, -la bi*

Кондиционал II

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*bȉo/bíla bih čìtao, -la*	*bíli/bíle bismo čìtali, -le*
2 л.	*bȉo/bíla/bílo bi čìtao, -la, -lo*	*bíli/bíle/bíla biste čìtali, -le, -la*
3 л.	*bȉo/bíla/bílo bi čìtao, -la, -lo*	*bíli/bíle/bíla bi čìtali, -le, -la*

Будущее I

Образуется с помощью энклитических форм вспомогательного глагола *ht(j)eti* ʻхотеть’ и инфинитива основного глагола (в восточных регионах также конструкции «*da* + личная форма глагола в настоящем времени»: *ja ću da pitam* ʻя спрошу’).

čìtati ʻчитать’, *pèći* ʻпечь’

Ед. число		
1 л.	*ću čìtati*, *čìtaću* (*čìtat ću*)	*ću peći* (*pèći ću*)
2 л.	*ćeš čìtati*, *čitaćeš* (*čìtat ćeš*)	*ćeš pèći* (*pèći ćeš*)
3 л.	*će čìtati*, *čìtaće* (*čìtat će*)	*će pèći* (*pèći će*)
Мн. число		
1 л.	*ćemo čìtati*, *čìtaćemo* (*čìtat ćemo*)	*ćemo pèći* (*pèći ćemo*)
2 л.	*ćete čìtati*, *čìtaćete* (*čìtat ćete*)	*ćete pèći* (*pèći ćete*)
3 л.	*ćē čìtati*, *čìtaćē* (*čìtat ćē*)	*ćē pèći* (*pèći će*)

П р и м е ч а н и е: Слитное написание (*čìtaću*) соответствует орфографической норме сербского языка, раздельное (*čìtat ću*) — боснийского языка и хорватского языка.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

Критерии выделения слова в С.-х.я.: определенная свобода перемещения в звуковой цепочке; наличие лексического и/или грамматического значения; графическая выделенность в письменной и просодическая выделенность в устной манифестации. Слово в С.-х.я. может содержать от одного до двадцати и более звуков.

2.5.1. Части речи С.-х.я. имеют следующую типовую структуру словоформ, где P — префикс, R — корень, S_t — тематический (основообразующий) суффикс, S_d — словообразовательный суффикс, S_i — интерфикс, S_f — формообразующий суффикс, F — окончание, Pf — постфикс (пишется раздельно):

— имя: 1) основная схема — (P)–R–(S_d)–F: *stol-a* ʻстола’ (род. п. ед. ч.), *pot-krov-lj-e* ʻчердак’, *jutar-nj-i* ʻутренний’, *ova-k-av-∅* ʻтакой’, ʻтаков’; 2) при смене частеречной принадлежности, в формах степеней сравнения — (P)–R–(S_t)–(S_d)–S_f–F: *ček-a-o-nic-a* ʻзал ожидания’, *naj-ne-sreć-n-ij-i* ʻсамый несчастливый’; 3) словосложение — (P)–R_1–(S_i)–R_2–(S_f)–F: *glav-o-bol-j-a* ʻголовная боль’, *spomen-ploč-a* ʻпамятная плита’; 4) аббревиатуры — R_1–R_2–…–Rn–(F) (множественность R при сокращении плана выражения вплоть до инициальных графем/фонем): *SKOJ* — *Savez Komunisticke Omladine Jugoslavije* ʻСоюз Коммунистической Молодежи Югославии’, *Nolit* — *Nova Literatura* (название издательства);

— глагол: 1) личные формы — (P)–R–(S_d)–(S_t)–S_f–F: *pre-pis-iv-a-ć-eš* ʻбудешь переписывать’ (2 л. ед. ч. наст. вр.), *čit-a-še* ʻчитал(а)’ (2-3 л. ед. ч. имперфекта); 2) неличные формы — (P)–R–(S_t)–(S_d)–S_f–(F): *čit-a-ti* ʻчитать’, *čit-a-vš-i* (дееприч. прош. вр.), *čit-a-n-a* (страдат. прич., им. п. ед. ч. ж. р.);

— служебные слова: союзы, предлоги — (R_1)–R_2: *nad*, *na-suprot* ʻнапротив’, *ako* ʻесли’.

Следует упомянуть ярко выраженную полисемантичность (полифункциональность) сербохорватских аффиксов и флексии. Возможна формальная невыражен-

ность элементов (кроме R), множественность аффиксов, особенно у стилистически маркированных слов (способ действия, см. 2.3.5.; диминутивы, гипокористики, аугментативы и т. д., см. 2.5.2.). На морфемных швах высокочастотны морфонологические чередования (см. 2.2.3.).

2.5.2. Основными способами словообразования в С.-х.я. являются деривация, словосложение, конверсия и аббревиация. При деривации различаются словообразовательные модели с префиксацией и суффиксацией.

При префиксации меняется лишь лексическое значение деривата, но не его грамматический статус: *čist* ʽчистый' — *nečist* ʽнечистый', *đakon* ʽдьякон' — *arhiđakon* ʽархидьякон'.

Именные префиксы имеют значение: 1) локализации: *među-*, *nad-*, *pod-* (*međusprat* ʽпромежуточный этаж', *natpoštar* ʽглавный почтовый служащий', *potpreds(j)ednik* ʽзаместитель председателя'); 2) степени: *na-*, *ne-*, *nuz-*, *o-*, *pa-*, *po-*, *polu-*, *pre-*, *pri-*, *pro-*, *su-*, *vele-* (*nagluh* ʽглуховатый', *nebriga* ʽбеззаботность', *neveseo* ʽневесёлый', *nuzgredan* ʽвторостепенный', *omalen* ʽнебольшой', *pazalog* ʽвторичный залог', *povelik* ʽдовольно большой', *poluistina* ʽполуправда', *polupismen* ʽполуграмотный', *prekrasan* ʽпрекрасный', *priglup* ʽглуповатый', *prohladan* ʽпрохладный', *sulud* ʽпридурковатый', *velekupac* ʽоптовый покупатель'); 3) темпоральности: *pra-*, *pred-* (*prabaka* ʽпрабабка', *predjelo* ʽзакуска'); 4) совместности: *sa-*/*su-* (*saradnik* ʽсотрудник, коллега', *suautor* ʽсоавтор'); 5) противительное: *protu-* (*protureformacija* ʽконтрреформация'); 6) большую группу составляют префиксы, выражающие неистинность, недостоверность и т. п.: *nadri-*, *nazovi-*, *kvazi-*, *pseudo-*, *po-* (*nadrip(j)esnik* ʽрифмоплёт', *nazovipisac* ʽгоре-писатель', *kvazitradicija* ʽквазитрадиция', *pseudonauka* ʽпсевдонаука', *pomajka* ʽприёмная мать').

В сфере глагола префиксация (с одновременной сменой вида) — наиболее продуктивная словообразовательная (отглагольная) модель. Глагольные префиксы могут выражать: 1) способ действия: финитивный (*do-b(j)ežati* ʽдобежать', *pod-miriti* ʽудовлетворить'); интенсивно-результативный (*i-spavati se* ʽвыспаться', *na-gledati se* ʽнаглядеться'); дистрибутивный (*is-pre-pletati* ʽпереплести', ʽперепутать'); начинательный (*na-gristi* ʽнадкусить'); накопительно-суммарный (*o-graditi* ʽогородить', *o-bogatiti* ʽобогатить'); диминутивный (*po-ležati* ʽполежать'); майоративный (*nad-igrati* ʽобыграть'); интенсивный (*raz-ljutiti se* ʽрассердиться'); каузативный (*za-popiti (se)* ʽ(стать/сделать) священником'); 2) способ движения: инкурсивный (*u-vesti* ʽвзвести', *za-vesti* ʽзавести'); экскурсивный (*iz-vesti* ʽвывести'); абкурсивный (*od-vesti* ʽотвести', *uz-dići* ʽподнять'); адкурсивный (*do-vesti* ʽдовести'); транскурсивный (*mimo-ici* ʽидти/проходить мимо', *nad-let(j)eti* ʽперелететь', *pre-vesti* ʽперевести', *pro-vesti* ʽпровести'); 3) локативность (*do-baciti* ʽдокинуть', *na-l(ij)epiti* ʽнаклеить', *od-l(ij)epiti* ʽотклеить', *pot-kopati* ʽподкопать'); 4) совместность (*su-d(j)elovati* ʽсотрудничать').

Наречия имеют префиксы: *o-*, *polu-*, *pre-*, *pro-*, *ne-*, *u-*, *prek(o)-* (*olako* ʽлегко', ʽслегка', *polumrtvo* ʽполумёртво', *predaleko* ʽслишком далеко', *prohladno* ʽпрохладно', *nesrećno*/*nesretno* ʽнесчастливо', *udesno* ʽнаправо', *prekjuče* ʽпозавчера').

Суффиксация является в С.-х.я. самым продуктивным способом словообразования существительных и прилагательных. Наиболее продуктивны суффиксы *-ac*, *-ak*, *-čić*, *-ic-*, *-ić*, *-in-*, *-inj-*, *-k-*, *-ost*, *-telj*, *-an-* (у существительных), *-n-*, *-ast*, *-av*, *-(lj)iv*, *-ov(-ev)*, *-in*, *-sk-* (у прилагательных): *poklopac* ʽкрышка', *dobitak* ʽприбыль',

prozorčić ‘оконце’, *sekretarica* ‘секретарша’, *sestrić* ‘племянник (сын сестры)’, *junačina* ‘молодчина’, *strankinja* ‘иностранка’, *ministarka* ‘женщина-министр’, *grubost* ‘грубость’, *reditelj* ‘режиссёр’, *mirisan* ‘ароматный’, *masovni* ‘массовый’, *rumenkast* ‘розоватый’, *dlakav* ‘волосатый’, *ostvar(lj)iv* ‘осуществимый’, *Miroslavljev* ‘Мирославов’, *javorov* ‘яворовый’, *majčin* ‘материн’, *gradski* ‘городской’. Малопродуктивны суффиксы *-an*, *-ečak*, *-ičak*, *-urd-* (у существительных), *-cat*, *-nat*, *-j-* (у прилагательных): *glupan* ‘дурак’, *plamečak*/*plamičak* ‘огонёк’, *nožurda* ‘ножища’, *zdravcat* ‘здоровёшенек’, *papirnat* ‘бумажный’, *lisičji* ‘лисий’. Непродуктивны суффиксы *-en*, *-er*, *-av*, *-ca*: *prsten* ‘кольцо’, *pleter* ‘плетень’, ‘переплёт’, *rukav* ‘рукав’, *r(ij)ečca* ‘словцо’, ‘частица’. Суффикс может быть формально не выражен (так называемый нулевой суффикс): *ulaz-i-ti* и *ulaz* ‘вход’. Суффиксация широко применяется при образовании стилистически маркированных форм (аугментативов, диминутивов и т. п.): *pilence* ‘цыплёночек’, *crvić* ‘червячок’, *sn(ij)ežak* ‘снежок’, *kamičak* ‘камешек’, *crkvica* ‘церковка’, *jezerce* ‘озерцо’, *m(j)estašce* ‘местечко’, *čov(j)ečuljak* ‘человечек’, ‘карлик’, *prijateljčina* ‘дружище’, *babetina* ‘бабища’, *travurina* ‘травища’), а также уменьшительно-ласкательных форм — имен нарицательных, например, *nestaško* ‘шалунишка’ и имен собственных: *Grgur* — *Grga*/*Grgo*, *Matija* — *Mate*, *Jelena* — *Jela*/*Jelica*, *Zlatan* — *Zlatko*.

С помощью суффиксации образуются также собирательные существительные: *bure* ‘бочка’ — *burad* ‘бочки’, *biser* ‘жемчуг’ — *biserje* ‘жемчуг’, *učitelj* ‘учитель’ — *učiteljstvo* ‘учителя’, *snop* ‘сноп’ — *snoplje* ‘снопы’.

В сфере глагола используются следующие суффиксы: 1) при образовании глаголов от глаголов а) без изменения вида (часто с итеративным, пейоративным и диминутивным значением): *-a-*, *-ka-*, *-cka-*, *-uši-*, *-kara-*, *-ara-*, *-aka-*, *-ulji-* (*let(j)eti* ‘лететь’ — *l(ij)etati* ‘летать’, *govoriti* ‘говорить’ — *govorkati* ‘поговаривать’, *p(j)evati* ‘петь’ — *p(j)evušiti* ‘попевать’, *trčati* ‘бегать’, ‘бежать’ — *trčkarati* ‘бегать туда-сюда’, *seliti se* ‘переезжать’ — *seljakati se* ‘часто переезжать’, *sm<e/i>jati se* ‘смеяться’ — *sm<e/i>juckati*/*sm<e/i>juljiti se* ‘посмеиваться’); б) с изменением вида: *-a-*, *-ja-*, *-va-*, *-iva-*, *-nu-*, *-∅* (*pasti* ‘(у)пасть’ — *padati* ‘падать’, *dobiti* ‘получить’ — *dobijati* (*dobivati*) ‘получать’, *s(j)esti* ‘сесть’ — *s(j)edati* ‘садиться’, *kazati* ‘сказать’ — *kazivati* ‘говорить’, ‘рассказывать’, *vikati* ‘кричать’ — *viknuti* ‘крикнуть’); 2) при образовании глаголов от имен и наречий: *-a-*, *-ova-*, *-i-*, *-ira-*, *-(j)e-* (*večera* ‘ужин’ — *večerati* ‘ужинать’, *bol* ‘боль’ — *bolovati* ‘болеть’, *gr(ij)eh* ‘грех’ — *gr(ij)ešiti* ‘грешить’, *protiv* ‘против’ — *protiviti se* ‘противиться’, *lak* ‘лак’ — *lakirati* ‘лакировать’, *star* ‘старый’ — *star(j)eti* ‘стареть’); 3) при образовании глаголов от междометий: *-a-*, *-nu-*, *-ka-* (*blejati* ‘блеять’, *kucnuti* ‘стукнуть’, *gukati* ‘ворковать’).

Суффиксы наречий: *-o*/*-e*, *-i*, *-ačke*, *-(i)ce*, *-imice*, *-ke* (*l(ij)ep* ‘красивый’ — *l(ij)epo* ‘красиво’, *vruć* ‘горячий’ — *vruće* ‘горячо’, *glava* ‘голова’ — *glavačke* ‘вниз головой’, *doslovno*/*doslovce* ‘дословно’, *časom*/*časomice* ‘быстро’, ‘тотчас’, *s(j)edeći*/*s(j)edečke* ‘сидя’.

Суффиксально-префиксальный способ: *do-život-an* ‘пожизненный’, *do-kol(j)en-ica* ‘гольф’, *pod-vod-an* ‘подводный’, *bez-glav-∅* ‘безголовый’, *bez-obzir-ce* ‘не считаясь ни с чем’, *iz-jasn-i-ti* ‘разъяснить’. Некоторые префиксы (*bez-*, *izvan-*, *za-*) используются только в этом типе словообразования: *bez-vod-an* ‘безводный’, *iz-van-red-an* ‘выдающийся’, *za-sić-en* ‘насыщенный’.

В С.-х.я. различают несколько типов словосложения (при отсутствии единой классификационной схемы) — собственно словосложение, сращение, словосложение с суффиксацией и аббревиация. Собственно словосложение, в свою очередь, имеет два подтипа — так называемое чистое сложение (*basn-o-pisac* 'басн-о-писец', *brat-o-ubojica* 'братоубийца', *mal-o-brojan* 'малочисленный', *društveno-politički* 'общественно-политический') и полусложение (*spomen-ploča* 'мемориальная доска', *uzor-majka* 'образцовая мать', *Jadranfilm* — название киностудии). В обоих случаях речь идет о сочетании в одной словоформе двух (редко более) слов (как правило, знаменательных). Между ними может стоять инфикс (гласный). Основное различие между этими подтипами заключается в том, что при чистом сращении один из элементов свое ударение утрачивает, у полусложных же слов оба элемента ударение сохраняют. При этом, однако, первый элемент полусложного слова становится неизменяемым. Второй же элемент может выступать как в полной форме, так и в виде основы: *brod-o-vlasnik* 'корабл-е-владелец', *put-o-kaz* 'дорожный знак' от *put* 'дорога' и *kaz(iv)ati* 'рассказывать, указывать', *pad-o-bran* 'парашют' от *padati* 'падать' и *bran-i-ti* 'оборонять, защищать'. Под сращением понимается сочетание в одной словоформе членов синтагмы, сохраняющих при этом свои грамматические характеристики, но получающих одно, общее ударение (как правило, не совпадающее с ударением исходных форм): *mnogo-poštovani* 'многоуважаемый', *dan-gubiti* 'тратить время зря' (от *dan* 'день' и *gubiti* 'терять'). Достаточно широко распространен комбинированный тип словообразования — словосложение с одновременной суффиксацией: *Nov-o-zelanđ-an-in* 'новозеландец', *srednj-o-v(j)ek-ov-n-i* 'средневековый'.

Различается аббревиация: 1) на уровне инициальных графем (собственно аббревиация); здесь различаются фонетическое (звуковое) прочтение: *SANU* — *Srpska akademija nauka i umetnosti* 'Сербская академия наук и искусств', *HAZU* — *Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti* 'Хорватская академия наук и искусств' и буквенное (раздельное прочтение): *SFRJ* — *Socijalistička Federativna Republika Jugoslavija* 'Социалистическая Федеративная Республика Югославия'; 2) на уровне слогов: *Nolit* — *Nova literatura* 'Новая литература' (название издательства), *INA* — *Industrija nafte* 'Индустрия нефти'; 3) смешанная: *Tanjug* — *Telegrafska agencija nove Jugoslavije* 'Телеграфное Агентство Новой Югославии'. Сложносокращенные слова, как правило, сохраняют систему склонения и имеют родовую принадлежность, ударение, т. е. словный статус (существительного): *u Tanjug-u*, *u Nolit-u* (местн. п. ед. ч.). Все типы словосложения свойственны прежде всего существительным и прилагательным.

Словообразование без частеречного перехода имеет место преимущественно при деривации. При частеречном же переходе (так называемая конверсия) могут меняться и грамматическая характеристика и синтаксический статус слова (при неизменном звуковом составе).

Типы конверсии: 1) субстантивация а) полная: *dobro* 'имущество', *Draga*, имя собственное, *Kosovo* 'Косово' (все исходные формы в примерах — прилагательные); б) семантическая (сохраняется исходный морфологический статус): *Francuska* 'Франция', *Visoko*, топоним (все исходные формы в примерах — прилагательные); в) синтаксическая (сохраняются семантический и морфологический статус): *stara* '(моя) старуха', *crveni* 'красные' (политическая принадлежность)

(все исходные формы в примерах — прилагательные); 2) адъективация (исходная форма часто причастие или деепричастие): *uvezena roba* ‘импортированный товар’, *osv(j)ežavajuće piće* ‘прохладительный напиток’; 3) адвербиализация (часто из предлогов и союзов): *I Ana putuje s njima* ‘Даже Аня с ними путешествует’, *zaljubljen je nasmrt* ‘влюблен насмерть’; 4) конъюнкционализация: *Ne niči gd(j)e te ne s<e/i>ju* ‘Не расти, где тебя не сеют’, поговорка; 5) препозиционализация: *sredinom godine* ‘в середине года’ (твор. п. ед. ч. сущ. *sredina*).

2.5.3. Нейтральная структура п р о с т о г о предложения в С.-х.я. — SVO. Роль субъекта типична для существительного и его субститутов (личного/указательного местоимения, числительного) в именительном падеже: *Učenik/On/Ne(t)ko je zakasnio* ‘Ученик/Он/Кто-то опоздал’, *Nas dvojica smo bili na nastavi* ‘Мы двое были на занятиях’, реже — в косвенных падежах (преимущественно в дательном): *Biće nam* (дат. п.) *prijatno* ‘Нам будет приятно’, *Majku* (вин. п.) *je sramota* ‘Матери стыдно’. Возможен инфинитивный субъект: *Krasti je sramota* ‘Красть стыдно’, реже — адъективный: *Sit gladnu ne v(j)eruje* ‘Сытый голодному не верит’. Согласование и связанная с ним избыточность флексии допускают нулевой субъект: *Gledao je u izloge* ‘(Он) смотрел на витрины’. Предикат может быть простым и составным, именным и глагольным, образуемым глаголом, существительным, местоимением, (неопределенным) прилагательным: *Ptica leti* ‘Птица летит’, *Tražila sam majku i svoje selo* ‘(Я) искала мать и свою деревню’, *Morala sam dugo razmišljati* ‘(Я) должна была долго думать’, *On je dobar učenik* ‘Он — хороший ученик’. Объект может быть прямым (в форме винительного падежа при одушевленном объекте мужского рода — родительного) и косвенным (преимущественно дательный падеж) и выражается, как правило, теми же разрядами слов, что и субъект: *Kupio sam knjigu* ‘(Я) купил книгу’, *Učenik se oslobodio straha* ‘Ученик освободился от страха’, *Često njemu pišem* ‘(Я) часто ему пишу’.

Как согласованное определение при субъекте/объекте выступает прежде всего прилагательное и близкие ему по характеру (неличные) местоимения, страдательное причастие, порядковое числительное: *plava haljina* ‘голубое (синее) платье’, *naša škola* ‘наша школа’, *treći razred* ‘третий класс’, *prošla godina* ‘прошлый год’. Несогласованные определения представлены прежде всего предложно-падежными конструкциями: *miris ruzmarina* ‘запах розмарина’, *prsten od zlata* ‘золотое кольцо’, *čov(j)ek s brkovima* ‘усатый человек’, *zakašnjavanje putnika* ‘опоздание пассажиров’.

В С.-х.я. различаются приложения: атрибутивные (*grad Sarajevo* ‘город Сараево’) и аппозитивные (*Romanija, planina, vrlo je l(ij)epa* ‘Романия, гора, очень красива’). Для последних характерна постпозиция и интонационное и графическое обособление. Обстоятельственные значения выражаются преимущественно наречиями: *tu* ‘здесь’, *tamo* ‘там’, *sada* ‘сейчас’, *zato* ‘поэтому’, *negd(j)e* ‘где-то’, *svuda* ‘повсюду’, *isto tako* ‘так же’, *različito* ‘по-разному’, *često* ‘часто’, *ponekad* ‘иногда’. В функции обстоятельства выступают также деепричастия: *Tražeći njega, zalutali smo* ‘В поисках его мы заблудились’, *Ustavši, rekao je* ‘Встав, он сказал’. Морфосинтаксические средства выражения обстоятельств — предложно-падежные конструкции с существительными и личными местоимениями: *ispod kuće* ‘под домом’, *praznikom* ‘на праздник’, *posl(ij)e tebe* ‘после тебя’. В функции обстоятельств могут выступать и целые высказывания (см. 2.5.4.).

В С.-х.я ярко выражены и строго упорядочены синтагматические отношения: согласование, управление и примыкание (морфологически не выраженное: *On l(ij)epo peva* ʽОн хорошо поёт’). Так, атрибут согласуется с доминантой (например, существительным) в роде, числе, падеже, (не)одушевленности; предикат с субъектом — в лице, числе, в определенных случаях в роде, падеже: *planinskom dolinom* ʽгорной долиной’ (согласование по роду, числу, падежу), *Majka je imala samo njega* ʽУ матери был только он’ (согласование по лицу, числу и роду), *Otac je bio dobar čov(j)ek* ʽОтец был хороший человек’ (согласование по лицу, числу, роду и падежу). Именной предикат может не согласоваться с субъектом по роду: *Ona je bila veliki junak* ʽОна была большим героем’. Определенные отклонения в согласовании показывают: предикаты при собирательных существительных, при существительных общего рода, а также конструкции с субъектами различного рода и лица (см. 2.3.2.). Управление, в зависимости от частеречной принадлежности доминанты, может быть глагольным, именным, наречным: *Ja sam kupila mantil* (винительный падеж объекта при переходном глаголе) ʽЯ купила пальто’, *Dodajte vode* (партитивный родительный при переходном глаголе) ʽПередайте воду (воды)’, *Takvu lepotu nismo dosad videli — Takve lepote nismo dosad videli* (винительный/родительный падеж при переходном глаголе ʽТакую красоту / такой красоты мы до сих пор не видели’; *pevanje pesme* (родительный падеж при отглагольном существительном) ʽпение песни’; *mnogo vode* (родительный падеж при количественном наречии) ʽмного воды’.

Односоставные предложения в С.-х.я. распространены в меньшей степени, чем, например, в русском языке. Возможны следующие их типы: 1) определенно-личные (нулевой грамматический субъект): *Pisala sam njemu* ʽ(Я) писала ему’; 2) номинативные: *Noć* ʽНочь’, *Beskrajno prostranstvo* ʽБескрайнее пространство’; 3) инфинитивные (независимый инфинитив): *Napisati pismo!* ʽНаписать письмо!’. Широко представлены различные типы безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений (см. 2.3.6.). Пассивные конструкции в С.-х.я. (особенно в диалектах) представлены значительно слабее, чем активные (и чем, например, в русском языке). В них имеет место инверсия синтаксических ролей: в форме грамматического объекта выступает логический субъект: *Nama je to suđeno* ʽНам это суждено’, *Mi smo stigli potpuno izubijani kišom* ʽМы пришли (прибыли), совершенно побитые дождем’. Характерной для С.-х.я. является при этом конструкция с логическим субъектом в родительном падеже с предлогом *od*: *Moja su deca čuvana od bake* ʽЗа моими детьми смотрит бабушка’.

Порядок слов в предложении С.-х.я. относительно свободный, смыслоразличение достигается морфологическими и просодическими средствами. Для согласованного определения нейтральной является препозиция относительно доминанты, для несогласованного — постпозиция. Для объекта нейтральной является постпозиция относительно предиката. Обстоятельства могут занимать относительно глагола обе позиции. Широко распространены инверсии (не всегда маркированные), особенно в разговорной речи, например, постпозиция атрибута относительно доминанты, начальная позиция подчиненных элементов высказывания и т. п. Значительно строже позиционные правила многочисленных клитических элементов С.-х.я. Так, энклитики тяготеют к началу предложения и располагаются после первого слова с самостоятельным ударением. Они могут стоять между атрибутом и его доминантой: *Od toga **je** doba mnogo vode proteklo* ʽС той поры

много воды утекло’; между элементами составных неопределенных местоимений: *(T)ko* ***bi*** *god jeo te jabuke*… ‘Кто бы ни ел те яблоки…’. Кроме начальной позиции в предложении (синтагме), для них закрыты также постпозиция относительно отрицательной частицы и союзов *i* ‘и’, *a* ‘а’. Впрочем, глагольная энклитика *je* (3 л. ед. ч. от глагола *biti* ‘быть’) вместе с энклитикой *li* ‘ли’ занимает начальную позицию в вопросительных предложениях, получая при этом ударение: *Je li to tako?* ‘Это так?’. При наличии в предложении нескольких клитических элементов, что для С.-х.я. весьма обычно, на первом месте стоит *li*, за ней — глагольные (кроме *je*), за глагольными — местоименные энклитики, за ними — связка *je* (опускается при возвратных глаголах с постфиксом *se*): *Ne znam, da* ***li ćete mu*** *vi moći pomoći* ‘Не знаю, сможете ли вы ему помочь’, *Ona* ***se*** *plašila* ‘Она боялась’. При наличии нескольких местоименных энклитик очередность определяется их падежной формой: дательный — родительный — винительный падеж: *Roditelji* ***su im ga*** *poklonili* ‘Родители им его подарили’, *S(j)ećam* ***se je*** ‘(Я) ее помню’, *Žao* ***mi ga je*** ‘Жаль мне его’. Проклитики (преимущественно предлоги, союзы и частицы) занимают позицию перед первым словом с самостоятельным ударением: *Ne plačem* ‘(Я) не плачу’, *Ugrizao ga pas za prst* ‘Укусил его пёс за палец’.

Нейтральной для коммуникативной структуры высказывания в С.-х.я. является препозиция темы при высокочастотных инверсиях, которые могут нейтрализоваться, в первую очередь, просодическими средствами.

При отрицании перед предикатом вводится отрицательная частица *ne*: *Jedino se ona ne boji* ‘Одна она не боится’. Отрицание может относиться как к отдельным элементам, так и ко всему высказыванию (ср. 2.5.3., 2.5.4.). В С.-х.я. представлено славянское двойное отрицание, ср. *Nikog nisam video (vidio)* ‘Я никого не видел’, *Nema ni traga* ‘Нет ни следа’.

Трансформация повествовательного предложения в вопросительное может достигаться чисто просодическими средствами, без изменения поверхностной структуры (на письме вместо точки вводится вопросительный знак). Лексическими показателями вопроса служат вопросительные частицы *li* (начальная позиция глагола): *Voliš li mene?* ‘Ты меня любишь?’; *da*, *da li*, *zar* в начальной позиции: *Da li me voliš?* ‘Ты меня любишь?’, *Da nisi bolesna?* ‘Да не больна ли ты?’, *Zar me ne voliš?* ‘Разве ты меня не любишь?’; вопросительные местоимения и наречия: *O četu se priča?* ‘О чём разговор?’, *Čija je ovo knjiga?* ‘Чья это книга?’, *Gd(j)e on stanuje?* ‘Где он живёт?’, *Kada ćeš se vratiti?* ‘Когда вернёшься?’.

Основным средством выражения восклицания служит интонация (на письме вместо точки вводится восклицательный знак). Побуждение выражается морфологически — формами повелительного наклонения (см. 2.3.5.), лексически — частицами *da*, *neka* и интонационно: *Da su živi i zdravi!* ‘Пусть живут и здравствуют’, *Neka mi se javi* ‘Пусть он мне позвонит (даст о себе знать)’.

2.5.4. Сложное предложение в С.-х.я. представлено союзным (о союзах см. 2.3.7.) и бессоюзным типами. Союзные сложные предложения подразделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Различаются следующие семантические типы сложносочиненных предложений:

— соединительный: *Prođe nekoliko vremena i carica ne vidi svoje snahe* ‘Прошло некоторое время, и царица не видит своей невестки’, *Tvoga sam oca ubio, pa ću i tebe* ‘(Я) твоего отца убил, да и тебя убью’;

— противительный: *Ja sam došao na vr(ij)eme, a ti si zakasnio* ʻЯ пришёл вовремя, а ты опоздалʼ, *Sunce zađe, a m(j)esec izađe* ʻСолнце зашло, а месяц взошёлʼ, *Bacio bi se on na Marka, ali se ne usuđuje* ʻОн бы бросился на Марка, но не осмеливаетсяʼ, *Lasno je naučiti, nego je muka odučiti* ʻНаучить легко, а отучить — мукаʼ;

— разделительный: *Više nije mislio, ili makar ne posve intenzivno* ʻБольше он не думал, или, по крайней мере, не очень напряжённоʼ, *Bio je vrlo uznemiren, čas je s(j)edao za sto, čas gledao kroz prozor…* ʻОн был очень неспокоен, то садился за стол, то смотрел в окно…ʼ;

— градационный: *U novim naseljima nema dovoljno prodavaonica, a kamoli knjižnica, servisa.* ʻВ новых районах недостаточно магазинов, не говоря уже о библиотеках, службах сервисаʼ, *Pa ne samo što je ovako častio i dočekivao, nego je i novaca davao, i na poklon i u zajam* ʻИ не только так угощал и принимал, но и денег давал, и в подарок и взаймыʼ, *Ne samo da nas nije pos(j)etio već nije ni pitao za nas* ʻОн не только не посетил нас, но даже и не спросил о насʼ;

— пояснительный: *Akcenat je bio slobodan, to jest mogao se nalaziti na bilo kom slogu* ʻУдарение было свободным, то есть могло находиться на любом слогеʼ.

Многие грамматики выделяют также ограничительный тип: *Oluja nam već raskida krov iznad glave, samo mi ništa ne čujemo* ʻБурей нам уже разнесло крышу над головой, только мы ничего не слышимʼ, *Nikuda i ne izlazi, već što malo prošeta po parku* ʻНикуда и не выходит, только что немного прогуляется по паркуʼ, *Tišina je, samo klizi pero gospodina plemenitog* ʻТишина, только скользит перо господина благородногоʼ, *Ništa se ne čuje, jedino što se sova ponekad oglasi* ʻНичего не слышно, только сова иногда отзовётсяʼ и причинно-следственный тип: *Moja krava, dakle moje i tele* ʻМоя корова, значит, и телёнок мойʼ, *Vr(ij)eme je prohladno, dakle treba nositi toplo od(ij)elo* ʻПогода прохладная, значит, нужно носить тёплую одеждуʼ, *A traži nož da mu dodam, valjda bi htio da pokida konopce i da bježi* ʻА просит меня нож ему дать — видно, хотел бы сорвать верёвки и бежатьʼ. В целом классификационные схемы сложносочиненных предложений в сербохорватском языкознании значительно различаются.

По своей синтаксической соотнесенности различаются типы подчинения:

— субъектный: *Po svemu se os(j)eća da je danas ned(j)elja* ʻПо всему чувствуется, что сегодня воскресеньеʼ, *Bakina smrt, ženina bolest i što sin nije završio fakultet nikako mu nisu dali mira* ʻСмерть бабушки, болезнь жены и то, что сын не закончил университет, никак не давали ему покояʼ;

— предикатный: *Grad više nije što je nekad bio* ʻГород уже не тот, каким был некогдаʼ, *Kad d(j)evojka spava, to je kao da jabuke mirišu* ʻКогда девушка спит, как будто пахнет яблокамиʼ;

— атрибутивный: *Našao sam knjigu koju sam izgubio* ʻЯ нашёл книгу, которую потерялʼ, *Nema čov(j)eka da mu se Milan nije zam(j)erio* ʻНет такого человека, с которым бы Милан не поссорилсяʼ, *I ustane kao čov(j)ek koji ne zna što bi* ʻИ встал, как человек, который не знает, что делатьʼ;

— объектный, в том числе: 1) декларативный: *Znali smo da ćeš doći* ʻМы знали, что ты придёшьʼ, *Kod kuće su mu naredili da tako kaže* ʻДома ему велели так сказатьʼ; 2) косвенный вопрос: *Pitao nas je kada ćemo doći* ʻ(Он) спросил нас, когда мы придёмʼ, *Majka je pitala kakvo je vr(ij)eme napolju* ʻМать спросила, какая погода на улицеʼ;

— адвербиальный, в том числе: 1) темпоральный: *Kad sam došao kući, prvo sam oprao ruke* 'Когда я пришёл домой, я первым делом вымыл руки', *Dok smo mi radili, oni su se zabavljali* 'Пока мы работали, они развлекались', *Tek sokolu prvo perje nikne, on ne može više mirovati* 'Как только у сокола вырастут первые перья, он не может оставаться спокойным'; 2) целевой: *Išao sam l(j)ekaru da me pregleda* 'Я пошёл к врачу, чтобы он меня осмотрел', *Zatoptao je nogama kako bismo se svi razb(j)ežali* 'Он затопал ногами, чтобы мы все разбежались'; 3) компаративный: *Oni su se ponašali kao da ga ne prim(j)ećuju* 'Они вели себя так, как будто не замечают его', *Brat je uradio onako kako mu je bilo rečeno* 'Брат сделал так, как ему было сказано', *Bilo bi bolje da smo ostali kod kuće nego (no) što smo išli na izlet* 'Было бы лучше, если бы мы остались дома, а не поехали на экскурсию', *Učio je i ono što nije zadato, kamoli neće naučiti zadate lekcije* 'Он учил и то, что не было задано, разве он не выучит заданный урок', *Okretao se što brže može* 'Он поворачивался как можно быстрее'; 4) локативный: *Brat je jutros otišao kamo su ga pozvali* 'Брат (сегодня) утром пошёл туда, куда его позвали', *Našao sam kaput gd(j)e sam ga bio zaboravio* 'Я нашёл пальто там, где его забыл'; 5) причинный: *Budući da moja majka nije bila govorljiva, ja od nje nisam naučio narodnih umotvorina* 'Поскольку моя мать не была говорливой, я от неё не научился народному творчеству', *Nisam došao na nastavu zbog toga što/zato što sam bio bolestan* 'Я не пришёл на занятия потому, что был болен'; 6) меры и степени: *Konj je bio toliko jak da on nije mogao njime da upravlja* 'Конь был так силён, что он не мог им править', *Magla je zaista bila tako gusta… te su jedva raspoznavali grmlje pred sobom* 'Туман был таким густым… что они едва различали кустарник перед собой'; 7) условный: *Da sam tada pošao na put, nastradao bih i ja* 'Если бы я тогда отправился в путь, пострадал бы и я', *Odmorićeš se dobro ako dođeš k nama* 'Если ты к нам приедешь, хорошо отдохнёшь'; 8) уступительный: *Oni mnogo toga ne razum<e/i>ju premda misle da im je sve jasno* 'Они многого из этого не понимают, хотя и думают, что им всё ясно', *Iako Ana nije još dovoljno ozdravila, ipak je došla na nastavu* 'Хотя Анна еще недостаточно выздоровела, она всё-таки пришла на занятия', *Naćiću ga ma ga tražio čitav dan* 'Я его найду, хотя бы целый день искал'.

Некоторые грамматики выделяют модальные придаточные, например, волюнтативное, оптативное, императивное. Согласно другой, структурно-семантической, классификационной модели различаются предложения: 1) расчлененные (придаточное относится ко всему главному предложению) и 2) нерасчлененные (придаточное относится к одному из элементов главного предложения). Первые делятся на относительно-распространительные (*Smatrali su ga ludim, što nije točno* 'Его считали сумасшедшим, что неверно', *Počeli su kružiti priče, kako već biva u takvim prilikama* 'Начали кружить слухи, как и бывает в таких случаях') и детерминативные (см. адвербиальный тип). Вторые делятся на атрибутивные (*Želja koja se naglo javila nije se ispunila* 'Желание, которое быстро появилось, не сбылось') и местоименно-соотносительные (*Problem je u tome što se nisu javili* 'Проблема в том, что они не дали о себе знать').

Бессоюзные конструкции в сербохорватском языкознании описаны недостаточно. Наиболее исчерпывающую их классификацию дает И. Пранькович (Pranjković 1993), который понимает бессоюзие на уровне сложного предложения как имплицитное сочинение/подчинение в отличие от эксплицитных, союзных кон-

струкций. Имплицитное сочинение представлено открытыми структурами, для которых характерны синтаксический параллелизм и неограниченное число частей (наиболее типичный случай имплицитного сочинения: *Htio je skočiti, ali nije mogao, htio je odgovoriti, ali nije mogao, htio je da prestane salutirati, ali ni to nije išlo* ʽ(Он) хотел подскочить, но не мог, хотел ответить, но не мог, хотел перестать отдавать честь, но и это не получалось’) и закрытыми двучленными структурами с более или менее определенной смысловой корреляцией (*Sloboda nema krila, ima štake* ʽУ свободы нет крыльев, есть костыли’).

Согласно И. Праньковичу, различаются следующие семантические типы имплицитного сочинения: соединительный, противительный, разделительный. Соединительный тип подразделяется на подтипы: 1) собственно соединительный: *Potukao se negd(j)e, razbili su mu glavu* ʽ(Он) где-то подрался, разбили ему голову’; 2) причинный: *Ne mogu vam reći, krivo ćete shvatiti* ʽНе могу сказать вам, вы неправильно поймёте’; 3) следствия: *Hladno je, zatvorite vrata* ʽХолодно, закройте дверь’; 4) условный: *Radio ne radio — isto ti se piše* ʽРаботал — не работал, записывают тебе то же’; 5) результативный: *Oni su već od naroda saznali mnoge pojedinosti, nećeš morati mnogo govoriti* ʽОни уже узнали многие подробности от народа, тебе не придётся много говорить’; 6) примыкательный: *Opet ste zakasnili; uv(ij)ek ista priča* ʽВы опять опоздали, каждый раз та же история’; 7) временной: *Danas je čitav dan oblačno, slično je bilo i juče(r)* ʽСегодня целый день облачно, вчера было похоже’; 8) местный: *Napokon su došli na uzvisinu s koje se vid<e/i>o grad; na tom su m(j)estu svi odahnuli* ʽНаконец они пришли на возвышенность, с которой был виден город; в этом месте все отдохнули’.

Противительное сочинение разделяется на подтипы: 1) собственно противительный: *Brat mu je studirao medicinu, on ekonomiju* ʽЕго брат учился на медицинском, он — на экономическом’; 2) ограничительный: *Ništa se ne čuje, samo kiša* ʽНичего не слышно, только дождь’; 3) уступительный (*Ni(t)ko ih nije zvao, sami su došli* ʽНикто их не звал, сами пришли’.

Более сложным является имплицитное подчинение, для которого характерна лишь бинарная (закрытая) структура при синтаксической обязательности (синтаксическом присутствии) одной из частей (обычно второй). Первая часть при этом содержит катафорический, предиктивный элемент относительно второй части, обладающей высокой степенью свободы (в количественном и качественном отношении). Классификация имплицитного подчинения базируется на характере этого предиктивного элемента. В числе типичных для имплицитного бессоюзного подчинения конструкций Пранькович приводит, например, следующие: *Vidi mu se, mr(ij)et(i) mu se neće* ʽВидно по нему, что не помрёт’, *Reci, što si to učinio* ʽСкажи, что это ты натворил!’. Каждая из подгрупп может разбиваться на более мелкие; так, например, в отдельную группу выделяются конструкции с (не)прямой речью (*Rekao si mi, doći ćeš navr(ij)eme* ʽ(Ты) мне сказал, что придёшь вовремя’), с обращением (или междометием) в качестве (знаменательного) типизирующего элемента; с катафорическим дейксисом (*To je to: sad je sve propalo* ʽТо-то и оно, теперь всё пропало’), модальными модификаторами высказывания (служебный типизатор).

2.6.0. Основной словарный фонд С.-х.я. — славянского происхождения. Еще до переселения на Балканский полуостров славяне заимствовали германскую, иранскую и греческую лексику, и поныне представленную во всех славянских языках.

Византийское происхождение имеют такие общеупотребительные слова, как *miris* ʽзапахʼ, *drum* ʽдорогаʼ, *koliba* ʽхижинаʼ, *jeftin* ʽдешёвыйʼ. Особенно заметно греческое влияние в сфере православной церкви: *kaluđer* ʽмонахʼ, *manastir* ʽмонастырьʼ, *patrijarh* ʽпатриархʼ, тогда как терминология католической церкви латинского происхождения: *fratar* ʽмонахʼ, *katedrala* ʽсоборʼ, *misa* ʽмессаʼ. Имеется также определенное количество дублетных форм, заимствованных в сербский язык из греческого, а в хорватский — из латинского (иногда через посредство немецкого) языка: серб. *episkop*, хорв. *biskup* ʽепископʼ, серб. *hrišćanin*, хорв. *kršćanin* ʽхристианинʼ. К кирилло-мефодиевской традиции восходят такие слова, как *blagosloviti* ʽблагословитьʼ, *blažen* ʽблаженныйʼ, *Vaskrs*/*Uskrs* ʽПасхаʼ. Церковного происхождения также определенный слой абстрактной лексики: *dostojanstvo* ʽдостоинствоʼ, *jedinstven* ʽединыйʼ, *milosrđe* ʽмилосердиеʼ, *pokajanje* ʽпокаяниеʼ, ʽраскаяниеʼ.

В западных регионах С.-х.я. заимствовалась романская лексика: *jarbol* ʽмачтаʼ, *čavao* ʽгвоздьʼ, *lignja* ʽкаракатицаʼ.

Наиболее ранние заимствования из венгерского и немецкого языков засвидетельствованы в письменности на кайкавском диалекте, ведущей свою историю с XVI в., — из венгерского: *kip* ʽстатуяʼ, *kipar* ʽскульпторʼ, *varoš* ʽгородʼ; из немецкого: *kuhinja* ʽкухняʼ, *škare* ʽножницыʼ, *škoda* ʽвредʼ.

После турецкого завоевания, с XV в. в С.-х.я. проникали турцизмы (в том числе арабского и персидского происхождения). Общим достоянием С.-х.я. являются такие слова, как *alat* ʽинструментʼ, ʽорудиеʼ, *bakar* ʽмедьʼ, *boja* ʽцветʼ, ʽкраскаʼ, *budala* ʽдуракʼ, *bunar* ʽколодецʼ, *čarapa* ʽчулокʼ, ʽносокʼ, *jastuk* ʽподушкаʼ, *sokak* ʽулицаʼ, *top* ʽпушкаʼ. Турцизмы более распространены на территориях, дольше других находившихся под турецким владычеством; они часто имеют синонимы славянского или иного происхождения: *pendžer* и *prozor* ʽокноʼ, *komšija* и *sus(j)ed* ʽсоседʼ, *zejtin* и *ulje* ʽмаслоʼ. Особенное — культурное и религиозное — значение на территории С.-х.я. турцизмы имеют для мусульман: *avdest* ʽритуальное омовениеʼ, *dova* ʽмолитваʼ, *džamija* ʽмечетьʼ и т. д. (см. также 1.3.2., 1.6.0.).

Начиная с XVI в., в период владычества Габсбургской монархии, в С.-х.я. вводились немецкие слова: *cigla* ʽкирпичʼ, *kofer* ʽчемоданʼ, *kugla* ʽшарʼ, *plac* ʽучастокʼ, *štof* ʽсукноʼ, *šnicla* ʽшницельʼ, а также венгерские: *cipela* ʽбашмакʼ, *čipka* ʽкружевоʼ, *čopor* ʽстадоʼ, *gazda* ʽхозяинʼ.

В XVIII в. сербы заимствовали лексику (и целые словосочетания) из русского и церковнославянского языков: *blagodarnost* ʽблагодарностьʼ, *blagodejanje* ʽблагодеяниеʼ, *vospitavati* ʽвоспитыватьʼ, *vospominanije* ʽвоспоминаниеʼ, с возможной их ассимиляцией: *vaspitavati* ʽвоспитыватьʼ, *uspomena* ʽвоспоминаниеʼ.

В XIX в., в связи с обогащением и славянизацией словарного состава, заимствуется лексика из русского и чешского языков — русизмы: *basna* ʽбасняʼ, *bodar* ʽбодр(ый)ʼ, *čin* ʽчинʼ, *činovnik* ʽчиновникʼ, *iskren* ʽискреннийʼ, *izjaviti* ʽизъявитьʼ, *ljubopitan* ʽлюбопытныйʼ, *nacrt* ʽначертаниеʼ, *nadležan* ʽнадлежащийʼ, *nastupati* ʽнаступатьʼ, *nauka* ʽнаукаʼ, *nužda* ʽнуждаʼ, *objasniti* ʽобъяснитьʼ, *obmana* ʽобманʼ, *obrazovati* ʽобразоватьʼ, *odličan* ʽотличныйʼ, *oduševiti* ʽодушевитьʼ, *opred(ij)eliti* ʽопределитьʼ, *porok* ʽпорокʼ, *predložiti* ʽпредложитьʼ, *prosveta* ʽпросвещениеʼ, *r(ij)ešiti* ʽрешитьʼ, *saopćiti*/*saopštiti* ʽсообщитьʼ, *savremen*/*suvremen* ʽсовременныйʼ и т. д.); богемизмы (более употребляемые у хорватов, чем у сербов): *bitan* (< чеш.

bytný) ʽсущественный’, *dojam* (< чеш. *dojem*) ʽвпечатление’, *dosl(j)edan* (< чеш. *důsledný*) ʽпоследовательный’, *dotičan* (< чеш. *dotyčný*) ʽданный’, *dražba* (< чеш. *dražba*) ʽторги’, ʽаукцион’, *listina* (< чеш. *listina*) ʽграмота’, *naklada* (< чеш. *náklad*) ʽиздание’, *nazor* (< чеш. *názor*) ʽмнение’, *pojam* (< чеш. *pojem*) ʽпонятие’, *poprsje* (< чеш. *poprsí*) ʽбюст’, *prevaga* (< чеш. *převaha*) ʽперевес’, *sustav* (< чеш. *soustava*) ʽсистема’, *tlak* (< чеш. *tlak*) ʽдавление’, *uloga* (< чеш. *úloha*) ʽроль’, *uzor* (< чеш. *vzor*) ʽобразец’. Следующие примеры могут восходить как к русскому, так и к чешскому языкам: *prvenstvo* (рус. *первенство*, чеш. *prvenství*), *surov* (рус. *суровый*, чеш. *surový*), *ukus* (рус. *вкус*, чеш. *vkus*), *ustav* (рус. *устав*, чеш. *ústava*) и т. д.

В XIX в. С.-х.я. обогащается многочисленными интернационализмами латинского и греческого происхождения: *kultura* ʽкультура’, *republika* ʽреспублика’, *filozofija* ʽфилософия’, *biografija* ʽбиография’, *telefon* ʽтелефон’, *energija* ʽэнергия’. В сербском языке такие лексемы встречаются чаще в их греческой форме, в хорватском языке — в латинской (или же в греческой, но через посредство других языков). Различное происхождение этих заимствований отражается в их фонетике, ср.: серб. *okean*, хорв. *ocean* ʽокеан’, серб. *hirurg*, хорв. *kirurg* ʽхирург’, серб. *hemija*, хорв. *kemija* ʽхимия’, серб. *demokratija*, хорв. *demokracija* ʽдемократия’. В хорватском языке, где ярко выражены пуристические тенденции, интернационализмам сербского языка соответствуют хорватские неологизмы: серб. *geografija*, хорв. *zemljopis* ʽгеография’, серб. *telegram*, хорв. *brzojav* ʽтелеграмма’, серб. *apoteka*, хорв. *ljekarna* ʽаптека’ (см. также 1.3.2.).

В XIX–XX вв. заимствуется французская лексика: *angažman* ʽангажемент’, *parfem* ʽдухи’, *šarm* ʽшарм’; в сербском языке обычно представлена французская форма (*ofanziva* ʽнаступление’, *santimetar* ʽсантиметр’, *aktuelan* ʽактуальный’), в хорватский язык эта лексика вошла через посредство других языков (*ofenziva*, *centimetar*).

В XX в. преобладают заимствования из английского языка: *vikend* ʽуик-енд’, *klub* ʽклуб’, *imidž* ʽимидж’, *sport* ʽспорт’, *tenis* ʽтеннис’, *džez* ʽджаз’, *kompjuter*/*kompjutor* ʽкомпьютер’.

Заимствованные слова, как правило, морфологически ассимилируются: *bife* ʽбуфет’ — род. п. ед. ч. *bifea* — им. п. мн. ч. *bifei*. Для современного языка характерны словосочетания типа *žiro račun* ʽтекущий счет’, ʽжировка’, *remek d(j)elo* ʽшедевр’ с несклоняемой первой частью.

2.7.0. Диалектная система (см. также 1.2.1.).

Ч а к а в с к и й диалект получил свое название по форме вопросительного местоимения *ča* ʽчто’, род. п. *česa* (вопросительное наречие *zač* ʽпочему’). В вокализме наблюдаются следующие тенденции: 1) в некоторых случаях в слабом положении вокализуются праславянские сверхкраткие *ъ/ь: *malin* (лит. *mlin*) ʽмельница’, *s manon* (лит. *sa mnom*) ʽсо мной’; 2) праславянский гласный **ě* переходит в одних говорах в *i* (северо-запад Истрии, южн. Далмация), в других — в *e* (центр и северо-восток Истрии, о. Црес), в третьих (экавско-икавские говоры, центральная Хорватия и Кварнерские о-ва) — в *i*/*e*, в зависимости от соседних согласных: *leto* ʽлето’, ʽгод’, *venac* ʽвенец’, *delo* ʽработа’, но *vrime* ʽвремя’, *dite* ʽребёнок’, *rika* ʽрека’, *kadi* ʽгде’; на о. Ластово (у средней Далмации) сохранился екавский говор; 3) при слогообразующем *r* в большинстве говоров развивается сопровождающий гласный (*e*/*a*): *čern*/*čarn* ʽчёрный’; 4) в некоторых случаях пра-

славянский носовой гласный переднего ряда *ę переходит в *a* (лит. *e*): *jazik*/*zajik* ʻязык’, *žatva* ʻурожай’; 5) с развитием вокализма связана дифтонгизация: во многих говорах долгие и/или ударные гласные *e*/*o* переходят в *ie*/*uo*, тогда как *a* переходит в *o*/*å*: *buôg* ʻБог’, род. п. ед. ч. *glåvié* ʻголовы́’; 6) чакавские говоры имеют различные акцентные системы, для большинства которых характерно наличие особой восходящей интонации, так называемого чакавского акута (˜). Там, где старое место ударения сохранено, имеет место трехакцентная система с безударными долготами: *krãlj* ʻкороль’, *nogȁ* ʻнога’, *rūkȁ* ʻрука’ — вин. п. ед. ч. *rûku*. Имеются и другие системы ударения. В отношении консонантизма можно упомянуть произношение фонемы *ć* как взрывной [t’] и соответствие литературного *đ* диалектному *j*: *meja* (лит. *međa*) ʻмежа’; сохранение *čr*- (как и в кайкавском): *črīvȍ* ʻкишка’ (лит. *cr(ij)evo*). Для морфологии характерно сохранение старых окончаний именного склонения. Языковые контакты с носителями романских языков ввели в употребление значительное количество лексем романского (далматинского, венецианского, итальянского) происхождения. В средние века территория чакавского диалекта была значительно больше, чем теперь. На чакавском диалекте сегодня говорят прежде всего на Адриатическом побережье и на островах, а на материке — на территории Лики и в районе р. Купы. Основная территория диалекта находится в пределах Хорватии. Чакавские анклавы существуют в Австрии (градищанские хорваты, Бургенланд) и смежных районах Венгрии и Словакии. Чакавский диалект пользуется бо́льшим престижем. На его основе в средние века и позже существовала богатая письменность. С начала XX в. существует региональная чакавская литература. (См. также ст. «Малые славянские литературные языки (микроязыки)».)

К а й к а в с к и й диалект получил свое название по форме вопросительного местоимения *kaj* ʻчто’ (вопросительное наречие *zakaj* ʻпочему’). Он имеет ряд общих черт со словенскими диалектами. Вокалическая система состоит из следующих гласных, которые в большинстве своем могут быть краткими и долгими: *a*, *e*, *o*, *ẹ*, *ọ*, *i*, *u*. Гласные *e* и *o* более открыты, чем в литературном языке. Закрытый гласный *ẹ* возник из праславянского *ě и сверхкраткого *ь, таким образом в литературном языке ему соответствует, с одной стороны *e*, *ije*/*je* (*tẹlo* ʻтело’), а с другой — *a* (*pẹs* ʻсобака’, лит. *pas*). Закрытый гласный *ọ* возник из праславянского носового гласного заднего ряда *ǫ (*mọš* ʻмужчина’) и слогового *l* (*vọk* ʻволк’). В большей части кайкавских говоров существует трехакцентная система (*lȉpa* ʻлипа’, *mêso* ʻмясо’, *sũša* ʻзасуха’), которая, однако, отличается от чакавской системы. Типичными являются морфонологические чередования в корне кратких и долгих ударных гласных: инф. *mȉsliti* ʻдумать’ — 2 л. наст. вр. *mîsliš*, *lopȁta* ʻлопата’ — твор. п. ед. ч. *(z) lopâtọ(m)*. Безударная долгота сохраняется только перед ударным кратким слогом: *kūpȉti* ʻпокупать’; во многих говорах, однако, вообще нет долгих безударных гласных. В одних говорах ударение перемещается с последнего на предшествующий слог: *ženȁ* > *žȅna*, в других говорах имеют место два разнонаправленные перемещения ударения: *lopȁta* > *lȍpata* ʻлопата’, но *jȁgoda* > *jagȍda* ʻклубника’. Особенности консонантизма: оппозиция *č* ~ *ć*, *dž* ~ *đ* нейтрализована, *l* в конце слога сохраняется (*dal* ʻдал’), звонкие согласные в конце слова оглушаются (*krof* ʻкрыша’). Типичны протетические согласные перед гласными и слоговым *r* в начальной позиции: *vuho* ʻухо’, *hrdža* ʻржавчина’; раз-

витие палатализованного *r*’, как в словенском языке, в *rj*: *morje* ‘море’. Развитие более поздних сочетаний согласных с *j* отличается от рефлексации первоначальных сочетаний: *cvetje* ‘цветки’ (лит. *cv(ij)eće*) — *sveča* ‘свеча’ (лит. *sv(ij)eća*), *grmje* ‘кустарник’ (лит. *grmlje*) — *zemlja* ‘земля’; также 1 л. ед. ч. наст. вр. *pojdem* (лит. *pođem*), инф. *pojti* (лит. *poći*) ‘пойти’. Не проведена вторая славянская палатализация (*v rọki* ‘в руке’). Сохраняются старые окончания именного склонения; отсутствуют синтетические претериты, аорист и имперфект. При числительных от двух до четырех употребляется множественное число (*dva, tri, četiri sini* ‘два, три, четыре сына’). Личное местоимение 1-го лица единственного числа имеет форму *jas*/*jest* ‘я’, вопросительное местоимение — *gdo*/*što* (< *kto*) ‘кто’. В лексике заметно немецкое и венгерское влияние. На кайкавском диалекте говорят в северо-западной Хорватии и в районе Горски Котар. Он пользуется определенным престижем и до XIX в. имел статус регионального литературного языка.

Ш т о к а в с к и й диалект представлен шестью подклассами: младоикавским, славонским (включающим икавские, икаво-екавские и экавские говоры), восточногерцеговинским (екавским), зетско-ловченским (екавским), шумадийско-воеводинским (экавским) и косовско-ресавским (экавским, особо выделяются смедерево-вршачские говоры), названия которых (кроме младоикавского) в определенной степени соответствуют их территориальному распространению. Два наиболее важные критерия членения штокавского диалекта — рефлексы праславянского **ě* (экавское, екавское, икавское произношение) и ударение. Экавское и екавское произношение являются литературными. В так называемых новоштокавских говорах, просодическая система которых лежит в основе литературного языка, ударение, в отличие от других штокавских диалектов, перемещается на один слог к началу словоформы. К общим особенностям всех штокавских диалектов относятся следующие: форма вопросительного местоимения *što* ‘что’ и вопросительного наречия *zašto* ‘почему’, *-l* в конце слога переходит в *-o*, слоговое *l* переходит в *u*, различаются аффрикаты *č*/*ć*, *dž*/*đ*. В именном склонении во множественном числе совпадает флексия дательного, творительного и местного падежей; окончание родительного падежа множественного числа *-a*. Большинство односложных существительных мужского рода во множественном числе расширяет основу аффиксом *-ov-* (*vuk-ov-i* ‘волки’). Сохраняются простые претериты: аорист, а частично и имперфект. Большинство диалектов не имеет фонемы /h/. Звуковая система шумадийско-воеводинского и восточногерцеговинского диалектов легла в основу литературного С.-х.я. Различия между диалектными группами во многом связаны с различными рефлексами **ě* (последовательный экавизм косовско-ресавского диалекта, отдельные икавизмы воеводинских говоров, более последовательный екавизм в одной части восточногерцеговинского диалекта (формы связки *nijesam* и т. д. или формы прилагательного (род. п. мн. ч. *visokijeh* ‘высоких’), которые употребляются в Черногории и как литературные). В некоторых регионах Боснии и Герцеговины и Санджака существуют говоры, в которых рефлекс **ě* (*i*/*(i)je*) обусловлен его количеством, например, долгое **ě* переходит в *ī*, краткое — в *je*: *dite* ‘ребёнок’ — *djeca* ‘дети’, или же долгое **ě* переходит в *ije*, краткое — в *i* или *e*: *dijete* — *dica*/*deca*. Некоторые говоры Черногории имеют передний гласный нижнего подъема [æ]: *dæn* ‘день’ (лит. *dan*) на месте редуцированных. В консонантизме диалектные различия касаются фонем /h/ и

/f/, которые сохраняются в языке боснийских мусульман, тогда как в других говорах /h/ обычно теряется, а /f/ заменяется на /v/, /p/. В позиции перед рефлексами *ě возникают фрикативные переднеязычные *ś*/*ź* (*śeme* ʽсемя’, *źenica* ʽзрачок’) и расширяется сфера употребления *đ*/*ć* (*đevojka* ʽдевочка’, лит. *djevojka*; *ćerati* ʽгонять’, лит. *tjerati*), и т. п. В штокавских диалектах встречаются лексические заимствования из греческого, турецкого, венгерского, немецкого и других языков. Штокавский диалект является самым распространенным диалектом С.-х.я. На нем говорят в Сербии, за исключением южной и юго-восточной части, на всей территории Черногории и Боснии и Герцеговины и в большей части Хорватии. Соответствующие статистические данные отсутствуют, но можно предположить, что на нем говорят примерно две трети носителей С.-х.я.

Т о р л а к с к и й диалект отличается следующими особенностями: наличием лишь динамического свободного и подвижного ударения: *selȍ* ʽсело’, *čovȅk* ʽчеловек’, *kȁžem* ʽя говорю’. Кроме пяти гласных литературного языка, имеется передний гласный нижнего подъема *æ* (*momǽk* ʽпарень’) (исторически он развился из сверхкраткого *ь, в литературном языке ему соответствует /a/). Звонкие шумные в конце слова оглушаются: [grat] ʽгород’. Фрикативные согласные часто переходят в аффрикаты: *pcuje* ʽон ругается’ (лит. *psuje*), *dzvezda* ʽзвезда’ (лит. *zv(ij)ezda*). Остаточная система именного склонения ограничена в основном двумя падежами и звательной формой. Функцию окончаний берут на себя, с одной стороны, предлоги, а с другой — удвоение личных местоимений: *s jednu nogu* ʽс одной ногой’, *do ćupriju* ʽдо моста’, *tebe ću ti dam* ʽя дам тебе’, *men me pa sramota* ʽмне стыдно’. Как и в македонском языке, развивается постпозитивный артикль: *babava*, *babata* ʽэта старуха’, *babana* ʽта старуха’. Сравнительная и превосходная степень образуются с помощью префиксов *po-*, *naj-*: *bogat* ʽбогатый’, *pobogat* ʽболее богатый’, *najbogati* ʽсамый богатый’ (наряду с такими образованиями известны также остатки старого синтетического образования). Упомянутый тип сравнительных форм имеют и другие части речи: *znaje* ʽон знает’ — *poznaje* ʽон знает лучше’, *volim* ʽя люблю’ — *najvolim* ʽя люблю больше всего’, *junak* ʽгерой’ — *pojunak* ʽбольший герой’. К генетическим признакам диалекта относится: экавизм, более последовательный, чем в литературном С.-х.я.: *stareji* ʽстарший’, *nesæm* (отрицательная форма глагола ʽбыть’ в 1-м лице единственного числа); сохранение слогового *l* (в литературном языке /u/): *slza* ʽслеза’, *slnce* ʽсолнце’. На торлакском диалекте говорят в южной и юго-восточной Сербии в районах, приграничных с Македонией и Болгарией, где он представлен тремя группами говоров: призренско-моравскими (переходные к штокавскому), западноторлакскими (запланьско-сврлижскими) и восточноторлакскими (тимочско-лужничскими). Данные говоры обнаруживают значительную генетическую близость с северомакедонскими и «крайнезападными» болгарскими говорами.

ЛИТЕРАТУРА

Грицкат И. О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама // САНУ. Посебна издања. Књ. XXIII. Институт за српски језик. Књ. 1. Београд, 1954.

Гудков В. П. Сербохорватский язык // Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977.

Дмитриев П. А. Очерки по синтаксису сербохорватского языка. Л., 1966.

Ивић П. Српскохрватски дијалекти // Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад, 1994, т. III.

Ивић П. Преглед историје српског језика // Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад, 1998, т. VIII.

Ковачевић М. Синтакса сложене реченице у српском језику. Београд, 1998.

Невекловски Г. (Neweklowsky) Языковое состояние на территории распространения бывшего сербохорватского языка // Славяноведение, 2001, № 1.

Поповић Љ. Ред речи у реченици // Библиотека Књижевност и Језик. Београд, 1997, књ. 2.

Радовановић М. и др. Српски језик на крају века // Институт за српски језик САНУ. Службени гласник. Београд, 1996.

Ристић С. Начински прилози у савременом српскохрватском књижевном језику. Лексичко-граматички приступ // Институт за српскохрватски језик. Библиотека јужнословенског филолога. Београд, 1990, н. сер., књ. 9.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1970, т. I.; 1986, т. II.

Танасић С. Презент у савременом српском језику // Институт за српски језик САНУ. Библиотека јужнословенског филолога. Београд, 1996, н. сер., књ. 12.

Толстой Н. И. Культурно-языковая ситуация у южных славян // Избранные труды. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998, (Язык. Семиотика. Культура).

Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku // Djela JAZU. Razred za filologiju. Zagreb, 1986, knj. 62.

Barić E. et al. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1990.

Brozović D., Ivić P. Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.

Bulić R. Bosanski jezik u praksi i normi. Tuzla, 1999.

Halilović S. Bosanski jezik. Sarajevo, 1998.

Halilović S. Pravopis bosanskoga jezika: Priručnik za škole. Sarajevo, 1999.

Jahić Dž. Bošnjački narod i njegov jezik. Sarajevo, 1999.

Jahić Dž. Bosanski jezik u 100 pitanja i 100 odgovora. Sarajevo, 1999.

Jahić Dž. Školski rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo, 1999.

Jahić Dž., Halilović S., Palić I. Gramatika bosanskoga jezika. Zenica, 2000.

Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku // Djela JAZU. Razred za filologiju. Zagreb, 1986, knj. 61.

Minović M. Sintaksa srpskohrvatskog — hrvatskosrpskog književnog jezika za više škole. Rečenica, padež, glagolski oblici. Sarajevo, 1987.

Okuka M., Stančić Lj. Književni jezik u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske vladavine // Geschichte, Kultur und Geisteswelt der Südslaven. München, 1991, Bd. II.

Piper P. Zamenički prilozi // Radovi Instituta za strane jezike i književnosti. Novi Sad, 1983.

Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Pranjković I. Koordinacija u hrvatskom književnom jeziku // Znanstvena biblioteka Hrvatskog filološkog društva 13. Zagreb, 1984.

Pranjković I. Hrvatska skladnja // Biblioteka jezikoslovlje. Zagreb, 1993, knj. 3.

Radovanović M. Spisi iz sintakse i semantike. Novi Sad, 1990.

Vuković J. Sintaksa glagola: Studije. Sarajevo, 1967.

А. Д. Дуличенко

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Словенский язык (С.я.). Варианты названия: до конца XIX в. в русской славистике С.я. называли *краинским*/*крайнским*, *виндским* (из нем. *Windisch*), *карниольским*, *карнийским*, *хорутанским*, *хорутан*(*ск*)*о-словенским*, *крайно-словенским*. С конца XIX — начала XX в. возобладали формы с пояснениями в скобках: *словинец* (*словенец*) и *словинский* (*словенский*) *язык*, а несколько позднее: *слове-*

нец (*словинец*) и *словенский* (*словинский*) *язык*, после чего формы с *-и-* исчезли. Англ. *Slovene*/*Slovenian*, нем. *Slovenisch*/*Slowenisch*/*Windisch*, фр. *le slovène*.

В XVI в. словенский просветитель П. Трубар употребляет для обозначения словенцев этноним *sloueniz* и лингвоним *Slouenski Jeſig* наряду с региональными названиями *Crainci*, *Coroshci*, *Dolenci* и т. п. и *Crainski Jeſig* ʽкрайнский язык'. В переводе Библии (1584) Ю. Далматин различает язык *Slovénſki ali Besjázhki* (восточнее) и *Crajnſki*, *Coroshki* (западнее). Уже в конце XVIII в. региональные этнонимы и лингвонимы постепенно утрачиваются и в XIX в. заменяются соответственно на *Slovenec* ʽсловенец' (мн. ч. *Slovenci*) и *slovenski jezik*, *slovenščina* ʽсловенский язык'.

1.1.2. С.я. входит в западную подгруппу южной группы славянских языков.

1.1.3. Распространен в Словении (до середины 1991 г. входила в состав Югославии), столица г. Любляна. Пределом С.я. на севере являются территории, занимаемые немецким языком, на северо-востоке — венгерским, на западе — итальянским и фриульским (фурланским) и на юго-востоке — хорватским. Исходная словенская этническая территория включает исторические области Крайна (полностью расположена в пределах Словении), Штирия (частью входит в Австрию), Каринтия (почти полностью находится в Австрии) и часть исторической области Приморье. Таким образом, вне границ Словении словенский язык распространен в Италии (Триестский и Горицкий Крас, Венецианская Словения, Резья, Трбиж и Канальская долина), в Австрии (Каринтия, частично Штирия) и Венгрии (Порабье).

Численность говорящих по-словенски: Словения — 1,7 млн. чел. (2002), Италия — от 80 до 100 тыс. чел., Австрия — 25,4 тыс. чел. (2001), Хорватия — 12 тыс. чел. (2001), Венгрия — 3 тыс. чел. (2001). В местах новейшего расселения словенцев насчитывается приблизительно 400 тыс. человек (из них в США — около 150 тыс., Аргентине — около 30 тыс., Австралии — 22 тыс., Канаде — 29 тыс., Германии — 15 тыс., Франции — 10 тыс. и т. д.), однако пользуется С.я. из них меньше половины. Общая численность говорящих — около 2,1 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. С.я. является одним из самых диалектно дробных славянских языков: он членится на семь диалектных зон — каринтийскую (Канальская, Зильская и Дравская долины), приморскую (крайний запад и юго-запад), ровтарскую (бассейн рек Идрийца, Полянщица до верхнего течения р. Сочи), гореньскую (верховья р. Савы до Любляны включительно), доленьскую (от рек Мирна и Крка, впадающих в Саву, далеко на юго-запад), штирийскую (течение р. Савиня, область Похорья и восточной части Козьянска), паннонскую (северо-восток Словении). Каждая из этих зон в свою очередь делится на диалекты и говоры — их всего 48 (см. 2.7.0.). Особое место занимают кочевские говоры (район Кочевья), представляющие собою словенско-немецкое языковое смешение.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С.я. является государственным в Словении и с 2004 г. одним из официальных языков Европейского Союза. В приграничных районах Словении отмечается словенско-итальянское и словенско-венгерское двуязычие. Среди словенцев, проживающих в пограничных со Словенией районах Австрии, существует немецко-словенское двуязычие.

1.3.2. Словенская письменность существует с конца X — начала XI в. В основе современного литературного языка лежит крайнское (гореньско-доленьское) диалектное ядро с центром в Любляне, при этом вокалическая норма основывается на системе гореньского диалекта, а в морфологии отражаются некоторые важные черты нецентральных диалектов — прежде всего каринтийского и штирийского.

В истории литературного С.я. выделяются пять периодов.

1. X/XI — середина XVI в. — допечатный период: первый словенский памятник, исполненный латиницей, — Брижинские (Фрейзингские) отрывки X — начала XI в.; затем следуют созданные в разных местах рукописи религиозного содержания: Целовецкая (Ратечская) (1362–1390), Стичненская (Стишская) (1428–1440), Старогорская (1492–1498), Ауэршпергова (предположительно XV в.), светского содержания — Краньская (Крайнская) (1440–1556; присяги горожан на верность королю), Удинская (Видемская) (1458; перечень числительных), Шкофьелокская (1466; названия месяцев), Чернейская (Чедадская, Чивидальская) (с 1497 г.; запись прихожан о пожертвованиях церкви) и др. Памятники происходят преимущественно из западной и центральной частей словенского ареала, в некоторых из них заметны диалектные черты.

2. Вторая половина XVI в. (1550–1595 гг.) — становление протестантского литературного языка. Примож Трубар (1508–1586) переводит с немецкого катехизис (1550), Евангелие от Матфея (1555), Новый Завет (1557–1560), а также создает первый словенский букварь (1550). Букварь и катехизис были изданы немецким готическим шрифтом, а остальные тексты — латиницей. В языковом плане Трубар ориентировался на центральную доленьско-гореньскую зону Любляны и особенности своего родного говора села Ращица. Под влиянием П. Трубара С. Крель издал латиницей «Детскую Библию» (1566), а также перевод «Словенской (славянской) постиллы» (1567), несколько усовершенствовав графическую систему. Ю. Далматин, переводчик Библии (полный текст издан в 1584 г.), как и П. Трубар, писал на языке центрально-словенского типа, а в отношении графики и орфографии следовал за С. Крелем, при этом пытаясь писать так, чтобы его понимали все словенцы. В 1584 г. А. Бохорич издает по-латински первую словенскую грамматику («Arcticae horulae ucci ivae de Latinocarniolana Literatvra…»), в которой предлагает усовершенствованную графику, названную позднее бохоричицей и просуществовавшую до середины XIX в. ([ž] передается как *sh*, [š] — как *ſh*, [č] — как *zh*, [šč] — как *ſzh*). Первые словарные опыты представлены в так называемом «Регистре» к Библии Ю. Далматина (своеобразный словарь синонимов из крайнского, каринтийского, собственного словенского и безъячского диалектов, а также из хорватской, далматинской, истрийской и красской диалектных зон), а также в немецко-латинско-словенско-итальянском словаре И. Мегизера (1592). Процесс становления и утверждения протестантского литературного языка был прерван Контрреформацией.

3. XVII — первая половина XVIII в. — период литературно-языковой дисперсии, отхода от доленьско-гореньской нормы и ориентации на говор родного края. Эти процессы отразились преимущественно в переводах и переложениях различных сочинений духовного содержания (Матия Кастелец, Адам Скалар, Янез Светокрижский и др.), а также в рукописях административно-хозяйственного и судебного назначения. В XVIII в. усиливается литературно-языковой регионализм,

проявившийся, в частности, в формировании каринтийского, штирийского, прекмурского региональных литературных языков и (полу)островного резьянского литературного языка (о прекмурском и резьянском см. статью «Малые славянские литературные языки (микроязыки)» в наст. издании), создававших своеобразную конкуренцию центральнословенскому («крайнскому»). Отмечаются попытки лексикографической обработки С.я. в жанре дву- и трехъязычных словарей (печатный итальянско-словенский словарь 1607 г. Алазии да Соммарипа, рукописные латинско-словенские словари около 1680 г. М. Кастельца и 1703–1710 гг. Грегора Воренца, трехъязычный словарь Ипполита (Янеза) Адама Гайгера). В 1715 г. Ипполит издал на латинском языке «Грамматику латино-немецко-словенскую» — по существу перепечатку грамматики А. Бохорича.

4. Вторая половина XVIII — 70-е гг. XIX в. — период национального возрождения словенцев, формирования, стабилизации (и утверждения — по конец XIX в.) общесловенского литературного языка. С 70-х гг. XVIII в. вводится обязательное начальное образование, в том числе и на С.я., активизируется интерес к собственной истории («Опыт истории Крайны и других южных славян Австрии» 1788–1791 гг. А. Линхарта и др., деятельность просветительского кружка Жиги Цойса, В. Водник издает первую словенскую газету «Lublanske Novize», 1797–1800), в Люблянском лицее открывается первая кафедра С.я., начинает развиваться словенская литература. Юрий Япель и его сотрудники делают новый перевод Библии («Novi Testament», I–II, 1784–1786; «Stari Testament», I–VIII, 1791–1802), опираясь на традиции протестантского литературного языка. С.я. подвергается интенсивной обработке (в трудах, написанных по-немецки): в 1768 г. Марко Похлин издает «Крайнскую грамматику…» (переиздана в 1783 г.), ориентируясь на люблянский говор; в 1791 г. Михаэль Загайшек (под псевдонимом «Юрий Зеленко») выпускает компилятивную грамматику, копируя труд предыдущего автора. Тенденции развития литературного С.я. определили такие последующие работы, как: «Грамматика славянского (словенского) языка в Крайне, Каринтии и Штирии» 1808/1809 гг. Бартоломея (Варфоломея, Ернея) Копитара, ориентированная на языковые особенности центральной зоны (с предпочтением гореньской фонетики и этимологического принципа правописания), «Теоретико-практическая словенская грамматика» 1812 г. И. Шмигоца, опиравшаяся на предыдущую грамматику и учитывавшая восточноштирийские особенности, и первая (школьная) грамматика на С.я. В. Водника («Piʃmenoʃt ali Gramatika sa Perve Shole», 1811). При этом литературно-языковой регионализм окончательно не исчезает: появившиеся на немецком языке в 1824 и 1825 гг. грамматики Петера Дайнко и Франца Метелко ориентируются соответственно на восточноштирийский и доленьский диалекты; предложенные этими авторами алфавитные новшества («дайнчица» и «метелчица») привели к «графической войне» и не были приняты. С середины XIX в. выявляются и различия в подходе к созданию единого литературного С.я.: 1) так называемое «косескование» (40-е гг.) — эксперимент поэта Йована Косеского по искусственному созданию слов и форм; 2) так называемое «левстикование» (середина 60-х — 80-е гг.) — попытка Франа Левстика в системе единого языка к доленьско-гореньским особенностям присовокупить элементы старославянского и русского языков (против выступил Станислав Шкрабец); 3) славянизация как стремление отказаться от специфически словенских языко-

вых черт, ориентация на так называемый иллирийский, или «южнославянский», язык как промежуточную стадию на пути к всеславянскому языку (Матия Маяр), а также на старославянский и русский; 4) основной подход, который в дальнейшем возобладал в истории С.я., был направлен на сохранение самобытности С.я. (большинство деятелей культуры; созданная в 1863 г. Словенская Матица). Опыты грамматической кодификации представлены трудами М. Маяра (1850), Антона Янежича (1854), Ф. Левстика (1866; на немецком языке) и Й. Шумана (1882), лексикографической — двухтомным практическим словарем словенского и немецкого языков (1850–1851) А. Янежича, первым словенским словарем научной терминологии Матея Цигале (1880), двухтомным «Словенско-немецким словарем» М. Плетершника (1894–1895), первым орфографическим словарем Ф. Левеца (1899).

5. В XX в. развитие литературного С.я. характеризовалось постепенным укреплением его социолингвистических позиций (несколько ограниченных до 1991 г.), совершенствованием норм и их кодификацией в грамматиках и словарях: грамматики А. Брезника (1916 и 1934), «Словенская грамматика» А. Баеца, Р. Коларича и М. Рупела (1956), четырехтомный «Словенский литературный язык» (1965–1970), «Словенская грамматика» Й. Топоришича (1967 г. и последующие издания), «Словенский орфографический словарь» (1950), усовершенствованные правила орфографии 1994 г., пятитомный академический толковый «Словарь словенского литературного языка» (1970–1991), многочисленные специальные словари различного назначения.

Для современного С.я. характерно деление на стандартный (литературный, литературно-письменный) и разговорный; между ними существуют большие различия. Стандартный реализуется в письменной форме и употребляется во всех сферах жизни. Он выполняет национально-репрезентативную и консолидирующую функцию в жизни словенского населения в Словении и за рубежом. Разговорный язык реализуется в основном в устной форме, реже — в письменной. В некоторых регионах он вытесняет территориальные диалекты. Разговорный язык делят на наддиалектный общеразговорный (словен. splošni pogovorni jezik), который в настоящее время относят к литературной разновидности национального языка, и областные, или региональные (словен. pokrajinski pogovorni jeziki). Основные различия между стандартным и общеразговорным языками представлены в фонетике, меньше — в словаре и синтаксисе и еще меньше — в морфологии. Так, для общеразговорного языка характерно отпадение конечного гласного (обычно это *-i*) в различных морфологических формах: в падежных флексиях множественного числа типа *-am* < *-ami*, *-em* < *-emi*, *-im* < *-imi* (*za goram* < *za gorami* ʻза горами'), в формах инфинитива (*delat* < *delati* ʻработать, делать'), во множественном числе *l*-причастий (*smo delal* < *smo delali* ʻмы работали, делали') и т. п.; неударное *u* исчезает в формах типа *verjem* < *verujem* ʻя верю', *prijatu*/*pərjatu* < *prijatelj* ʻдруг', но родительный падеж *prijatla*/*pərjatla* ʻдруга', ʻприятеля'; краткое *a* перед *j* произносится как *e* (*zdèj* < *zdàj* ʻздесь'), а перед *u*/*v* — как *o* (*delov* < *delal* — причастие от ʻработать, делать') и т. п. В морфологии проявляется тенденция к утрате двойственного числа, к маскулинизации среднего рода, расширению основ с помощью элемента *-t-* у существительных мужского рода на гласную (*Marko*, род. п. *Markota* (мужское имя) при лит. *Marko*, род. п. *Marka*), определенности прилагательного, выражающейся с помо-

щью неизменяемого определенного члена *ta* (*ta nov*, *ta novga* '(этот) новый, (этого) нового'), и т. д. Для общеразговорного синтаксиса характерен ненормативный порядок слов, нередкое отсутствие четкого грамматического согласования, отсутствие причастных и деепричастных конструкций и др. В общеразговорном языке практически не используются лексические архаизмы и книжно-литературные новообразования; в нем употребляются старые заимствования, устраненные из литературного языка в процессе его славянизации (*folk* 'люди', *gvant* 'одежда', *žajfa* 'мыло' и др.) и новые заимствования (*ful* 'очень', *kul* 'здорово', *filing* 'ощущение'). Отдельные элементы и признаки общеразговорного варианта кодифицируются в нормативных грамматиках и словарях.

Областные разговорные языки также представляют собой своеобразные наддиалектные образования. Выделяются центральнословенский разговорный язык (Крайна с центром в Любляне), южноштирийский (Целье), северноштирийский (Марибор; также подвариант в районе г. Мурска Собота), приморский (с подвариантами в гг. Нова Горица, Триест, Копер, Постойна), возможно, также ровтарский (г. Шкофья Лока и его индустриальные окрестности) и каринтийский в Австрии.

Истоки литературы на С.я. восходят к допечатному периоду письменности (X/XI — середина XVI в.), когда распространялись рукописи религиозного и светского содержания, затем — печатной протестантской (в основном переводческой) традиции XVI в. (П. Трубар и др.). В период Контрреформации традиция языкового единства протестантской письменности была нарушена, создаются диалектно окрашенные тексты. Важную роль в развитии С.я. и литературы сыграли первый словенский поэт В. Водник (1758–1819), затем — поэт-романтик Ф. Прешерен (1800–1849), основоположник реалистической прозы Ф. Левстик (1831–1887) и др. С XIX в. в словенской литературе успешно развиваются все прозаические и поэтические жанры.

1.3.3. В Словении на С.я. преподавание ведется на всех уровнях — от начального и среднего до высшего университетского. За рубежом С.я. изучается в качестве родного языка там, где в большом количестве проживают словенцы, — в Италии, Австрии, Венгрии; в ряде других европейских стран, а также в странах Америки С.я. среди переселенцев представлен в школах как предмет. В качестве иностранного он традиционно изучается в университетах славянских (Хорватия, Сербия, Россия, Польша и др.) и неславянских стран (Италия, Австрия, Венгрия, Германия, Франция, США и др.).

1.4.0. Письменность на латинской основе (так называемая южнославянская латиница) включает 25 букв. Особенностью являются графемы *č*, *š*, *ž*; для обозначения смягчения *l* и *n* используется *j* (т. е. *lj*, *nj*). В некоторых заимствованных словах и в иноязычных собственных именах могут использоваться также графемы языка-оригинала (*New York*, *Mariánské Lázně*, *Quai d'Orsay*). Иноязычные имена собственные также могут транслитерироваться (*Varšava*).

Правописание С.я. основывается преимущественно на историко-этимологическом принципе с элементами фонетического.

1.5.0. Выделяется пять периодов развития С.я.:

1. VI –VIII вв. — праславянский диалект южнославянского типа (по другой терминологии — южнославянский прадиалект) с развитой вокалической системой (долгие *ā*, *ē*, *ę̄*, *ī*, *ȳ*, *ǭ*, *ū*; краткие *ŏ*, *ĕ*, ъ, ь), смягчением большинства соглас-

ных перед гласными переднего ряда, сохранением оппозиции по признаку твердости/мягкости, действием принципа открытого слога и др.

2. IX –X/XI вв. — период «альпийского славянского», общего для будущих словенского, кайкавского и частично чакавского диалектов сербохорватского языка. Для него характерны: совпадение *i* и *y* в одном *i* (**byti* > *biti* ʻбыть’), исчезновение редуцированных в слабой позиции (что привело к появлению закрытых слогов) и переход их в сильной позиции в словенское шва /ə/ (*dьnь* > *dьn* > *dən*); сокращение долгого акута (род. п. ед. ч. *bráta* > *bràta* ʻбрата’), перенос места ударения (**dušà* > *dúša* ʻдуша’), отвердение согласных, переход *dj* > *i̯* > *j* (**kradja* > *krai̯a* > *kraja* ʻкража’) и др.; флексия родительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных *-go* переходит в *-ga* (*dobrogo* > *dobroga* > *dobrega* ʻхорошего’), утрачивается флексия *-t* в 3-м лице единственного и множественного числа в глаголах настоящего времени (**nesetъ* > *neset* > *nese* ʻон несёт’) и др. Вследствие контактов с соседними языками и процесса христианизации появляются заимствования из латино-романского и баварско-немецкого языковых источников.

3. С XII –XIII вв. начинается собственно словенская языковая история, которая характеризуется такими процессами, как редукция неударных гласных перед слогами с ударным гласным, перенос нисходящего ударения на конец слова (*prôso* > *prosô* ʻпросо’), а краткого восходящего — на предударный долгий гласный (*zvezdá* > *zvézda* ʻзвезда’), дифтонгизация монофтонгов типа *ě* (из **ē*) > *e͡i̯* или *i͡e* (*lěto* > *le͡ito*, *li͡eto* ʻлето’), *ô* > *o͡u̯* или *u͡o* (*nôč* > *no͡u̯č*, *nu͡oč* ʻночь’) и т. д.; наметилась деназализация: *ę* > *e* (**ęzykъ* > *ęzik* > *jezik* ʻязык’) и *ǫ* > *o* (**rǫka* > *roka* ʻрука’). В области морфологии начинают оформляться типы склонения существительных на основе категории рода, а в рамках прилагательного новые флексии для определенного и неопределенного видов вытесняют субстантивные (типа родительного падежа единственного числа мужского рода *stara* > *starega* ʻстарого’); флексия 1-го лица единственного числа глаголов настоящего времени под влиянием атематических глаголов стала оформляться посредством *-m* (**tręsǫ* > *tresem* ʻя трясу’); отпадает флексия *-st* в 3-м лице единственного числа атематических глаголов (*jest* > *je* ʻон/она есть’); начинается процесс постепенной утраты аориста и имперфекта. Продолжается процесс заимствования лексики из соседних немецкого и итальянского языков.

4. В XIV–XVI вв. в результате колонизации словенских земель, передвижения политико-административных и религиозных границ происходит диалектизация С.я., формируются основные диалектные группы. Во внутриязыковом плане продолжается процесс вокалической редукции (*i* перед сонорными переходит в *ə*: *hodil* > *hodəl* ʻходил’, *ě* > *i*: *děvica* > *divica* ʻдевушка’, ʻмолодая женщина’), развивается так называемая вокалическая гармония, когда краткие гласные качественно подстраиваются под ударные долгие (*siróta* > *sorota* ʻсирота’; явление сохраняется в некоторых говорах Резьи и Каринтии); процесс монофтонгизации дифтонгов; интенсивно продолжается процесс деназализации *ę* и *ǫ* (незавершенный до настоящего времени в подъюнских говорах); удлинение кратких ударных гласных типа **lȅto* > *léto* ʻлето’ и т. п. В области морфологии заметно некоторое ослабление позиций двойственного числа имени, замена (за исключением личных местоимений) родительного и предложного падежа двойственного числа форма-

ми множественного числа; исчезает звательный падеж; происходит смешение падежных флексий и унификация типов склонения по категории рода; расширяется система клитических форм личных местоимений за счет форм двойственного и множественного числа; завершается процесс контракции флексий в именительном и косвенных падежах прилагательных (*dobri* < **dobrii* ‛добрый’, ‛хороший’); 1-е лицо множественное число глаголов настоящего времени оформляется флексией *-mo*; глагол *biti* ‛быть’ начинает спрягаться с новой основой: 1 л. ед. ч. *bom*, 2 л. ед. ч. *boš* и т. д.; в конкуренцию с настоящим совершенным и модальными глаголами (с инфинитивом), использовавшимися для выражения будущего времени, вступает по-новому спрягающийся вспомогательный глагол *biti* в сочетании с *l*-причастием (*bom pisal* ‛я буду писать’); отмирают имперфект и аорист (за исключением резьянских говоров) и расширяется использование перфекта; утрачивается страдательное причастие настоящего времени, а на базе действительного причастия прошедшего времени окончательно формируется деепричастие.

5. С XVII по XIX/XX в. формируются основные черты современного С.я. Наиболее существенные процессы продолжаются в области вокализма: некоторые долгие гласные, пройдя стадию дифтонгизации, снова превращаются в соответствующие долгие монофтонги разного качества и количества (и распределяются по диалектам неравномерно): *ě* (из **ē*) > *i͡e* > *i͡ə* > *ī* (**sněgъ* > *sni͡eg* > *sni͡əg* > *snīg* ‛снег’), *ě* (из **ē*) > *ē* (*snēg*) и т. п.; одновременно появляются и новые дифтонги (*ô* > *o͡u̯*: *bôg* > *bo͡u̯g* > *bog* ‛Бог’ и т. д.); окончательно сформировалось проявившее себя еще в XVI в. аканье (*a* < *o*) в предударной, ударной и заударной позициях (*kȁsmat* < *kȍsmat* ‛косматый’, *bagȁt* < *bogȁt* ‛богатый’, *stárast* < *stárost* ‛старость’); региональный характер приобретают уканье (*u* < *o*) и иканье (*i* < *e*) и процессы в области консонантизма. В области морфологии в основном завершаются отмеченные выше процессы.

1.6.0. Выделение С.я. из западной части южнославянских диалектов относится к X в. Наиболее тесные отношения сложились между С.я. и кайкавским диалектом сербохорватского языка ввиду их общего происхождения и территориальной близости. Выделяются следующие словенско-кайкавские изоглоссы: *ǫ* > *o* (**rǫka* > *roka* ‛рука’), *zdj*/*zgj* > *ž* (**jezdja* > *ježa* ‛езда’), *r’* > *rj* (**mor’e* > *morje* ‛море’), вопросительно-относительное местоимение *kaj* ‛что’ (при *što* — в штокавском и *ča* в чакавском диалектах), будущее время образуется с помощью **bǫdǫ* > *bom* + *l*-причастие, флексия *-ov* в родительном падеже множественного числа мужского рода существительных (*grobov* ‛могил’) и др. При этом число общих изоглосс особенно увеличивается в таких зонах контактных говоров, как, например, восточнословенских (штирийских) и западнокайкавских, ср.: конечный слога *-l* > *-o*, *-l̥* > *-u̯*, перед *u* развивается протеза *v*, конечный *-m* > *-n*, наличие только нисходящего ударения; флексия *-ov*/*-óu̯v* в родительном падеже единственного числа женского рода (*ženóu̯v* ‛жены́’, ‛женщины’), флексии *-oga* и *-omu* соответственно для родительного и дательного падежа единственного числа прилагательных и др.

Словенско-чакавские изоглоссы: нулевая флексия родительного падежа множественного числа существительных женского и среднего рода (*lipa* — *lip* ‛лип’, *mesto* — *mest* ‛городов’), дательный падеж множественного числа на *-am*/*-om*

(*lipam*, *mestom*), контракция в притяжательных местоимениях типа *moja* > *ma* (диалектное явление), остатки старых форм склонения на **ū* (*kri* ʽкровь’), сохранение префикса *vy-* (в диалектах) наряду с *iz-* и др.

Словенско-кайкавско-чакавские изоглоссы: сочетание *čr-* (при штокавском *cr-*: *črn* — *crn* ʽчёрный’), *d’*/*dj* > *j* (**rodjenъ* > *rojen* ʽрождённый’), *t’*/*tj* > *ć* и *č* (**vętje* > *več* ʽбольше’), а в этой связи и *stj* > *šć*/*šč*, в штокавском *št* (**městjan* > *meščan* ʽгорожанин’), в творительном падеже единственного числа женского рода: *-o*/*-u* (**rybojǫ* > *rybo* > *ríbo* или *ribu*, при штокавском *ribom* ʽрыбой’), предлог *z* < *iz* и др.

В С.я. заметен также западнославянский инфильтрат, являющийся результатом очень ранних контактов прежде всего северо-западных словенских говоров в первую очередь со среднесловацкими говорами. О фонетических и некоторых морфологических словенско-западнославянских изоглоссах см. статью «Славянские языки» в наст. издании. Эти связи подкрепляют также изолексы: словен., хорв., словац. и чеш. *cesta* ʽдорога’, словен. *teden*, хорв. *tjedan* и чеш. *týden* ʽнеделя’, словен. *dvorek* ʽрукоять сверлильного устройства’ и словац. *doren* ʽустройство для растягивания обода’; этноним *Dudlebi* в северной Каринтии, в Штирии (у р. Муры) и в южной части Чехии; западнославянский тип имен собственных на словенском северо-западе и др. Обнаруживаются также словенско-восточнославянские изоглоссы.

В результате длительных исторических контактов на С.я. сильное лексическое влияние оказали: на севере и северо-западе (Каринтия, Штирия) — немецкий язык, на западе (Приморье, Крас) — романские (итальянский и фриульский), на северо-востоке (Прекмурье) — венгерский, а на юго-востоке (район Сотлы и Колпы/Купы) — хорватский (см. 2.6.0.). Словенцы указанных мест говорят с весьма заметным немецким, романским и т. д. «акцентом», проявляющемся в артикуляции отдельных звуков, в ритме речи, в использовании в оригинальной форме иноязычных элементов.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. С.я. является самым вокалическим и в то же время самым малоконсонантным из всех южнославянских языков: в нем 13 гласных фонем и 22 согласные фонемы.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i i:		u u:
Средне-верхний	ẹ:		ọ:
Средне-нижний	e e:	ə	o o:
Нижний		a a:	

П р и м е ч а н и е: В практической графике фонема /ə/ передается графемой *e*, долгота и разница между двумя средними подъемами не отмечаются.

Признак краткости/долготы гласных и различие между двумя средними подъемами служит семантическому и грамматическому разграничению слов и их форм: 1) краткость/долгота: *br*[a]*t* ʻбрат' — *br*[a:]*t* ʻчитать' (супин); 2) закрытость/открытость: *m*[ọ:]*ra* ʻон должен' — *m*[o:]*ra* ʻкошмар', *v*[ọ:]*di* ʻведет' (3 л. ед. ч. наст. вр.) — *v*[o:]*di* ʻведи' (2 л. ед. ч. повел. накл.), *p*[ẹ:]*ti* ʻпеть' — *p*[e:]*ti* ʻпятый' и т. п.

Состав гласных фонем существенно меняется (в сторону уменьшения) в безударной позиции, см. 2.1.3.

С о г л а с н ы е

По способу образования		По месту образования					
		Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Передне-небные	Средне-небные	Задне-небные
Взрывные	Гл.	p		t			k
	Зв.	b		d			g
Аффрикаты	Гл.			c	č		
Фрикативные	Гл.		f	s	š		h
	Зв.		v	z	ž	j	
Носовые		m		n		n'	
Боковые					l	l'	
Дрожащие					r		

П р и м е ч а н и е: Некоторые авторы считают, что в систему согласных фонем также следует включать /d͡ž/.

Взрывные и фрикативные вступают в оппозицию по звонкости/глухости перед гласными, сонорными и /v/; перед шумными это противопоставление нейтрализуется: *sladek* ʻсладкий' — ж. р. *sladka* [slatka], *glas* ʻзвук'— *glasba* [glazba] ʻмузыка'. Корреляция по твердости/мягкости не характерна для словенских согласных, за исключением пар /l/ : /l'/ и /n/ : /n'/ (впрочем, в последнее время мягкие фонемы /l'/ и /n'/ имеют тенденцию к замене сочетаниями /l + j/ и /n + j/). Согласные /ž/, /š/ несколько мягче соответствующих русских шипящих; /č/, напротив, тверже русского /ч/; фонема /l/ близка среднеевропейскому [l].

2.1.2. Долгота, ударность и интонация формируют в С.я. два типа ударения — экспираторное (или динамическое), наиболее распространенное и общепринятое в качестве нормы литературного языка, и (поли)тоническое (или музыкальное), также признаваемое нормативным. (Поли)тоническое ударение более древнее, оно до сих пор сохраняется в литературной речи жителей центральной Словении, носителей гореньского и доленьского диалектов, части говоров каринтийской и приморской диалектных зон. Для (поли)тонической системы ударения характерно противопоставление восходящей и нисходящей интонации на долгом слоге (долгих гласных и *ər*) и практическое отсутствие (исключения редки, в словах с несколькими ударениями и т. п.) такого противопоставления на кратком слоге, где реализуется нисходящая интонация. Для обозначения различных типов (поли)тонического ударения используются следующие транскрипционные знаки: акут ˊ — восходящее ударение на долгом гласном и *ər*, циркумфлекс ˆ — нисходящее ударение на долгом гласном и *ər*, гравис ˋ — восходящее ударение на

кратком гласном (редко, статус проблематичен), двойной гравис ̏ — нисходящее ударение на кратком гласном. Закрытый характер *e* и *o* в этой системе транскрипции обозначается точкой под гласным, открытый — ее отсутствием. Противопоставление восходящей и нисходящей интонации используется в (поли)тонической системе для разграничения значений и форм слов: род п. мн. ч. *lás* ʻволóсʼ — им. п. ед. ч. *lâs* ʻвóлосʼ, *péto* ʻпятýʼ — *pêto* ʻпятóйʼ.

В динамической норме произношения различаются только два акцентных статуса: наличие и отсутствие ударения. В транскрипционной системе, принятой для записи динамической нормы, используемые надстрочные диакритики отражают, наряду с ударностью, также краткость/долготу гласных, а также закрытость/открытость гласных среднего подъема. Знак ̀ (гравис) обозначает краткость ударного гласного, знак ́ (акут) над *a*, *i*, *u* выражает их долготу, а над *e* и *o*, кроме того, их закрытый характер; знак ̂ (циркумфлекс) над *e* и *o* обозначает их долготу и открытый характер. Таким образом, среди ударных корреляции по краткости/долготе образуют: [à] : [á], [ù] : [ú], [ì] : [í]; краткие [è] и [ò] противопоставлены соответствующим долгим [é], [ê] и [ó], [ô]. Указанная оппозиция проявляется только в односложных словах и в конечном слоге многосложных слов.

Сравнительная таблица транскрипционных систем
для записи ударных гласных

Фонемная транскрипция, использованная в таблице гласных фонем		i	iː	ẹː	e	eː	ə	a	aː	ọː	o	oː	u	uː
Транскрипция, принятая при записи динамической нормы		ì	í	é	è	ê	ə̀	à	á	ó	ò	ô	ù	ú
Транскрипция, принятая при записи (поли)тонической нормы	Нисходящее ударение	ȉ	î	ệ	ȅ	ê	ə̏	ȁ	â	ộ	ȍ	ô	ȕ	û
	Восходящее ударение	—	í	ẹ́	—	é	ə̀	—	á	ọ́	—	ó	—	á

В практической словенской графике ни динамическое, ни (поли)тоническое ударение обычно не обозначаются. В дальнейшей части данной статьи в ряде случаев ударение обозначено; в этих случаях используется транскрипция, ориентированная на динамическую норму произношения.

Место ударения в С.я. не фиксировано. Особенно это относится к ударным долгим гласным: *gláva* ʻголоваʼ (первый слог), *visòk* ʻвысокийʼ (последний/второй слог), *univêrza* ʻуниверситетʼ (третий слог от начала/второй слог от конца). Ударение может передвигаться в пределах морфологической парадигмы, например, при склонении существительного женского рода *stvár* ʻвещьʼ в единственном числе: им. п. *stvár*, род. п. *stvarí*, дат. п. *stvári*, вин. п. *stvár*, твор. п. *s stvarjó*, предл. п. *o stvári*. Непоследний слог может иметь краткое ударение только в исключительных случаях: на *ə* (*deska* [də̀ska] ʻдоскаʼ), в словах с двумя ударениями: *nàjugódnejši* ʻсамый выгодныйʼ. В ряде случаев сохраняется древнейшее место ударения (как в русском): *hotéti* — рус. *хотéть*, *délati* — рус. *дéлать*, *govoríti* — рус. *говорúть*. Однако имеет место и перенос ударения на предшествующий

гласный (*rôka* — рус. *руќа*, *ládja* ʽкорабль’ — рус. *ладья́*, *céna* — рус. *цена́*, *ôkno* — рус. *окно́*) либо на последующий (*nebó* — рус. *не́бо*, *domá* — рус. *до́ма*, *srcé* — рус. *се́рдце*, *zlató* — рус. *зо́лото*).

Безударными в С.я. являются клитические формы личных местоимений, вспомогательные формы глагола в перфекте, плюсквамперфекте и будущем времени (см. 2.4.0.), предлоги, некоторые частицы, союзы и т. п.

2.1.3. Как было показано в 2.1.1., система кратких гласных фонем меньше, чем система долгих гласных: среди кратких отсутствуют гласные средне-верхнего подъема. В неударной позиции долгие гласные не встречаются. Тем самым в неударной позиции встречаются только шесть фонем /i/, /e/, /ə/, /a/, /o/, /u/.

В (поли)тонической норме произношения ситуация с позиционной дистрибуцией фонем такая же, как в динамической, за исключением того обстоятельства, что при нисходящем тоне встречаются те же шесть гласных фонем, а при восходящем, из числа кратких фонем, только /ə/.

В разговорной речи краткие безударные могут попросту выпадать, например, фраза *Prinesite nama tudi kruha — Črnega ali belega?* ʽПринесите нам двоим также хлеба. — Чёрного или белого?’ в общеразговорном варианте прозвучит: [Prineste nama tut kruha. — Čərnga al beu̯ga?] (здесь пять вокалических потерь и вызванные этим два изменения согласных).

В связи с позиционными изменениями /i/ > [i̯], /v/ > [u̯], а также в сочетаниях «гласный + *j*» наблюдаются дифтонгические образования типа «гласный + [i̯]/[u̯]» (*naizust* [na͡i̯zust] ʽнаизусть’, *naj* [na͡i̯] ʽпусть’, *nov* [no͡u̯] ʽновый’).

Позиционные варианты согласных: /č/ перед звонкими согласными может выступать в виде аллофона [d͡ž], /c/ — [d͡z]: *učbenik* [ud͡žbenik] ʽучебник’, *borec ga je videl* [bored͡z ga je videl] ʽвоин видел его’. Звонкие согласные оглушаются в конце слов и перед глухими согласными (см. 2.1.1.). /l/ в позиции конца слова или перед другим согласным переходит в [u̯]: *gol* [go͡u̯] ʽголый’, *stol* [sto͡u̯] ʽстул’, *poln* [po͡u̯n] ʽполный’, *molčati* [mo͡u̯čati] ʽмолчать’, род. п. ед. ч. *bralca* [bra͡u̯ca] ʽчитателя’. Аналогично /v/ > [u̯]: *nov* [no͡u̯], в начале и середине слов, а также в предлоге *v* наблюдается переход в [u]: *vsak* [usak] ʽвсякий’, ʽкаждый’, *vzeti* [uzeti] ʽвзять’, *predvsem* [predusem] ʽпрежде всего’, *v redu* [u redu] ʽв порядке’. /n/ перед заднеязычными /g/, /k/, /h/ реализуется в виде [ŋ]: *Anka* [aŋka], имя собственное, *angel* [aŋgel] ʽангел’. Предлог *k* перед *k*- переходит в [h], что отражается на письме: *h konju* ʽк лошади’ и перед *g*- > [γ]: *γ glavi* ʽк голове’.

2.1.4. Наиболее распространенные типы слогов CV и CVC: *no-ga* ʽнога’, *do* ʽдо’, *je-sen* ʽосень’, *kam* ʽкуда’. Достаточно частотны и структуры типа CVCC (*ža-lost* ʽпечаль’), CCV и CCVC (*pre-cej* ʽсейчас’, *slad-ka* ʽсладкая’), V (*o-pe-ka* ʽкирпич’), VC (*ot-rok* ʽребёнок’). При делении консонантных сочетаний к последующему слогу переходит последний согласный: *hit-rost* ʽскорость’. Изолированные слоги типа V встречаются среди предлогов (*o* ʽо’, *v* > *u* ʽв’) и союзов (*a* ʽно’, ʽоднако’). В разговорной речи при диерезе кратких безударных гласных структура слога в словах может отличаться от таковой в литературном языке: *na-re-di-ti* ʽсделать’ (лит.), но *nər-dit* (разг.).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Слог и морфема могут совпадать (*pot-nik* ʽпассажир’, *dva-krat* ʽдважды’, *na-rod-n-ost* ʽнародность’), но чаще всего такого совпадения не наблюдается, ср.:

be-se-da ʻсловоʼ — три слога, но *besed-a* — две морфемы, аналогично: *po-to-va-ti* ʻездитьʼ, но *pot-ova-ti*, *zbo-gom* ʻпрощай(те)ʼ, но *z-bog-om*.

2.2.2. Фонологические противопоставления морфологических единиц и категорий в С.я. представлены слабо.

2.2.3. С процессами словоизменения и словообразования в С.я. связаны различные виды чередований гласных, согласных, сочетаний согласных, которые происходят главным образом в корне или в основе различных частей речи.

Чередования гласных весьма разнообразны: /e/ ~ /o/ (*teče* ʻтечётʼ — *tok* ʻпотокʼ), /i/ ~ /u/ (*dišati* ʻдышатьʼ — *duh* ʻдухʼ), /o/ ~ /a/ (*vzgojiti* ʻвыраститьʼ — *vzgajati* ʻвыращиватьʼ), /a/ ~ /i/ (*dotakniti* ʻприкоснутьсяʼ — *dotik* ʻприкосновениеʼ), /ə/ ~ /a/ (*pes* ʻсобакаʼ — *pasji* ʻсобачийʼ), /e/ ~ /i/ (*spremeniti* ʻизменитьʼ — *spreminjati* ʻизменятьʼ), также с нулем: ∅ ~ /i/ (*umreti* ʻумеретьʼ — *umirati* ʻумиратьʼ), ∅ ~ /o/ (*klati* ʻрезатьʼ — *koljem* ʻрежуʼ), ∅ ~ /e/ (*mleti* ʻмолотьʼ — *meljem* ʻмелюʼ) и даже ∅ ~ /e/ ~ /o/ ~ /i/ (*izbrati* ʻвыбратьʼ — *izberem* ʻвыберуʼ — *izbor* ʻсборʼ, ʻвыборкаʼ — *izbirati* ʻвыбиратьʼ) и т. п.

Чередования согласных: /s/ ~ /š/ (*nositi* ʻноситьʼ — *noša* ʻодеждаʼ), /k/ ~ /č/ (*jokati* ʻплакатьʼ — *jočem* ʻплачуʼ), /g/ ~ /ž/ (*strog* ʻстрогийʼ — *strožji* ʻстрожеʼ), /h/ ~ /š/ (*uho* ʻухоʼ — *ušesa* ʻушиʼ), /z/ ~ /ž/ (*voziti* ʻвозитьʼ — *vožnja* ʻпоездкаʼ), /c/ ~ /č/ (*klicati* ʻзватьʼ — *kličem* ʻзовуʼ), /d/ ~ /j/ (*rediti* ʻразводитьʼ — *reja* ʻразведениеʼ), /t/ ~ /č/ (*svetiti* ʻсветитьʼ — *sveča* ʻсвечаʼ).

Особую группу составляют чередования по смягчению: /l/ ~ /lʼ/ (*zahvaliti se* ʻпоблагодаритьʼ — *zahvaljevati se* ʻблагодаритьʼ), /n/ ~ /nʼ/ (*zapozniti* ʻопоздатьʼ — *zapoznjevati* ʻопаздыватьʼ), /r/ ~ /rj/ (*ustvariti* ʻсоздатьʼ — *ustvarjati* ʻсоздаватьʼ); при губных согласных: /b/ ~ /blʼ/ (*zgubiti* ʻпотерятьʼ — *zgubljati* ʻтерятьʼ), /p/ ~ /plʼ/ (*potopiti* ʻпотопитьʼ — *potapljati* ʻтопитьʼ), /v/ ~ /vlʼ/ (*prenoviti* ʻобновитьʼ — *prenavljati* ʻобновлятьʼ), /m/ ~ /mlʼ/ (*prelomiti* ʻсломатьʼ — *prelamljati* ʻломатьʼ).

Отмечаются также чередования на уровне сочетаний согласных: /st/ ~ /šč/ (*mesto* ʻгородʼ — *meščan* ʻгорожанинʼ), /sn/ ~ /šnʼ/ (*zakasniti* ʻопоздатьʼ — *zakašnjevati* ʻопаздыватьʼ), /sl/ ~ /šlʼ/ (*premisliti* ʻпередуматьʼ — *premišljati* ʻпередумыватьʼ). Случаи трехступенчатых чередований: /k/ ~ /č/ ~ /c/ (*rekel* ʻсказалʼ — *reče* ʻговоритьʼ — *reci* ʻскажиʼ), /g/ ~ /ž/ ~ /z/ (*strigel* ʻстригʼ — *strižem* ʻстригуʼ — *strizi* ʻстригиʼ).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

С.я. принадлежит к числу флективных языков, синтетические способы выражения грамматических значений преобладают над аналитическими. В именных категориях словоизменение носит синтетический характер (элементы аналитизма возникают у существительных за счет употребления предлогов: *mesto* ʻгородʼ, род. п. *mesta*, дат. п. *mestu*, вин. п. *mesto*, но предл. п. *pri mestu* ʻоколо городаʼ, твор. п. *z mestom* ʻ(с) городомʼ), в глаголе — синтетический (например, спряжение в настоящем времени: 1 л. ед. ч. *berem* ʻчитаюʼ, 2 л. ед. ч. *bereš*, 3 л. ед. ч. *bere*) в сочетании с аналитическим (например, спряжение глагола ʻчитатьʼ в единственном числе: перфект 1 л. *bral sem*, 2 л. *bral si*, 3 л. *bral je*; плюсквамперфект 1 л. *sem bil bral*; будущее время 1 л. *bom bral*, 2 л. *boš bral*, 3 л. *bo bral*).

2.3.1. Выделяются части речи: знаменательные — существительное, прилагательное, местоимение и числительное, глагол, причастие, совмещающее в себе именные и глагольные признаки, наречие; служебные — предлоги, союзы, частицы, а также междометия.

Части речи выделяются по семантическому, морфологическому и синтаксическому критериям. Наибольшие различия проявляются между именными частями речи и глаголом: для имен характерны род, число (непоследовательно представлены у числительных и местоимений) и падеж (с тенденцией утраты его количественными числительными), для глаголов — вид, залог, время, переходность/непереходность, наклонение, лицо, число, а также род в тех категориях, одним из компонентов которых является *l*-причастие. Прилагательное сохраняет категорию определенности/неопределенности (*mlad* — *mladi* ʽмолодойʼ), глагол — достигательное наклонение супин (*grem spat* ʽя иду спатьʼ).

2.3.2. Р о д у существительных — лексико-грамматическая категория. Существительные относятся к какому-либо одному роду — мужскому, женскому или среднему. У прилагательных, порядковых числительных, личных местоимений 3-го лица, адъективных местоимений, причастий категория рода определяется синтаксической зависимостью от соответствующего существительного. Для существительных мужского рода характерны в единственном числе именительного падежа флексии **-Ø** (*rojak* ʽродственникʼ, *sever* ʽсеверʼ), а также (реже) *-a* (*sluga* ʽслугаʼ) и финали типа *-e* (*bife* ʽбуфетʼ, род. п. *bifeja*), *-u* (*kenguru* ʽкенгуруʼ, род. п. *kenguruja; remi* ʽничьяʼ, род. п. *remija*) и др.; для женского рода флексия *-a* (*knjiga* ʽкнигаʼ), финаль *-i* (*mati* ʽматьʼ), а также **-Ø** (*stvar* ʽвещьʼ, *starost* ʽстаростьʼ); для среднего рода — флексии *-e* (*srce* ʽсердцеʼ), *-o* (*okno* ʽокноʼ) и финали *-e* (*ime* ʽимяʼ) и *-o* (*drevo* ʽдеревоʼ). Средний род составляют в основном неодушевленные существительные, однако существует достаточно много существительных среднего рода со значением ʽневзрослое существоʼ, ср. *dekle* ʽдевушкаʼ, *tele* ʽтелёнокʼ, *zaspane* ʽсоняʼ. Родовая дифференциация наблюдается также во множественном и двойственном числе: мн. ч. им. п. м. р. *-i* (*rak* ʽракʼ — *raki* ʽракиʼ), ср. р. *-a* (*mesto* ʽгородʼ — *mesta* ʽгорода́ʼ), ж. р. *-e* (*lipa* ʽлипаʼ — *lipe* ʽлипыʼ); в двойственном числе именительного падежа *-i* выражает женский и средний род: *lipi* ʽ(две) липыʼ, *mesti* ʽ(два) городаʼ, *-a* — мужской род: *raka* ʽ(два) ракаʼ, дат. п. *rakom*, *mestom* — *lipam*. Колебания в роде существительных редки: им. п. м. р. или ж. р. *laket* ʽлокотьʼ — род. п. м. р. *lakta*, ж. р. *lakte*; также *sled* ʽследʼ, *obrt* ʽремеслоʼ, *grez* ʽилʼ, *pot* ʽпутьʼ, ʽдорогаʼ (последнее существительное в единственном числе склоняется по женскому и мужскому типам, а во множественном числе — по среднему). В прилагательных род является синтаксически зависимой категорией, ср. флексии в именительном падеже единственного числа: м. р. **-Ø**/*-i* (*star*/*stari* ʽстарыйʼ), ж. р. *-a* (*stara*), ср. р. *-o* (*staro*). Из количественных числительных лишь *en*/*eden* ʽодинʼ имеет формы всех родов, числительные от двух до четырех — лишь мужского и женского/среднего рода (соответственно *dva* — *dve*, *trije* — *tri*, *štirje* — *štiri*), остальные по роду не различаются. В глаголе род представлен лишь в причастных компонентах аналитических форм времени, например, в перфекте: *sem delal*, *-a*, (*-o*) ʽя работал, -а, (-о)ʼ.

Противопоставление по признаку о д у ш е в л е н н о с т и / н е о д у ш е в л е н н о с т и проявляется в С.я. только в парадигме единственного числа существительных мужского рода: у неодушевленных существительных винительный падеж совпадает с именительным (*Vidim stol* ʽЯ вижу стулʼ — *Stol stoji* ʽСтул стоитʼ), а у одушевленных винительный падеж совпадает с родительным (*Vidim otroka* ʽЯ вижу ребёнкаʼ — *Ni otroka* ʽНет ребёнкаʼ). Неодушевленные существи-

тельные мужского рода, которые по происхождению являются именами собственными или одушевленными, в винительном падеже ведут себя как одушевленные, ср.: *Imam forda* (вин. п. = род. п.) ʽУ меня есть «Форд»’, *On ima raka* ʽУ него рак’ (болезнь). Во множественном и двойственном числе категория одушевленности/неодушевленности не проявляется: *Vidim stole* ʽЯ вижу стулья’ — *Vidim otroke* ʽЯ вижу детей’, *Vidim stola* ʽЯ вижу два стула’ и *Vidim otroka* ʽЯ вижу двоих детей’.

2.3.3. С.я. единственный из южнославянских сохранил, помимо форм единственного и множественного ч и с л а, древнее двойственное число, употребляющееся, когда речь идет о двух объектах (за исключением парных предметов), в том числе при числительных *dva*/*dve* ʽдва’, ʽдве’ и *oba*/*obe*, *obadva*/*obadve* ʽоба’, ʽобе’, *dva raka* ʽдва рака’, *dve lipi* ʽдве липы’ и т. п. Существительные, обозначающие парные предметы, в нейтральном контексте употребляются во множественном числе (ср. *noge* ʽноги’, *ruke* ʽруки’, *škarje* ʽножницы’); употребление двойственного числа в этом случае является маркированным (как правило, имеет место после числительного *oba*/*obe*: *Izgubil je obe roké in obe nogé* ʽОн потерял обе руки и обе ноги’). Формы двойственного числа имеются у именных частей речи (из количественных числительных — только *dva*/*dve*) и глагола. Морфологически двойственное число выражено только в именительном/винительном и дательном/творительном падеже; вместо родительного и предложного падежа двойственного числа употребляются соответствующие падежи множественного числа. Родительный и предложный падеж двойственного числа сохраняется у личных местоимений: *naju* ʽнас двоих’, *vaju* ʽвас двоих’, *njiju* ʽих двоих’. Категория числа выражается падежными флексиями, а в глаголах прошедшего и будущего времени — спрягаемыми формами вспомогательного глагола *biti* ʽбыть’ и *l*-причастием (см. 2.4.0.). Случаи супплетивного выражения множественного числа весьма редки: *človek* ʽчеловек’ — *ljudje* ʽлюди’.

Большинство существительных обладает формами единственного, двойственного и множественного числа. Часть существительных лишена противопоставления по линии единственное/множественное число — это существительные группы singularia tantum (*raznovrstnost* ʽразнообразие’, *toplota* ʽтепло’, *mleko* ʽмолоко’) и pluralia tantum (*hlače* ʽбрюки’, *počitnice* ʽканикулы’, *očala* ʽочки’).

2.3.4. П а д е ж н ы е значения выражаются морфологически, с помощью флексий, а в творительном и предложном падеже дополнительно с помощью предлогов. Всего в С.я. шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный (местный); звательный падеж утрачен (вместо него используется именительный). Падежи характеризуются многозначностью, их конкретные значения выявляются на основе синтаксических функций как в словосочетании, так и в предложении.

Субъект выражается существительным или субстантивным местоимением в именительном падеже единственного, двойственного или множественного числа, согласуясь с определением в роде, числе и падеже, а со сказуемым — в лице и числе: *Sonce zahaja* ʽСолнце заходит’, *Dobri otrok starše ljubi* ʽХороший ребёнок родителей любит’, *Potniki pokažejo nadzorniku vozovnice* ʽПассажиры показывают контролёру билеты’, *Kdo čaka na peronu?* ʽКто ожидает на перроне?’.

Прямой объект выражается винительным падежом: *Posvetil je* ***knjigo*** *materi* ʽОн посвятил книгу матери’, *Boli* ***me*** *glava* ʽУ меня болит голова’. Косвенный

объект выражается всеми остальными падежами (кроме именительного и винительного). Для родительного падежа характерны, например, значения: партитивное (*naliti* ***vina*** ʽналить вина’), определительное (*občutek* ***veselja*** ʽощущение радости’), квалитативное (*fant* ***modrih oči*** ʽпарень с голубыми глазами’), междометное (*Vraga!* ʽЧёрт возьми!’) и др. Значение объекта-адресата выражает дательный падеж: ***Otrokom*** *je napravil gugalnico* ʽДетям он сделал качели’.

Локативные значения передаются предложным падежом (*pri mizi* ʽза столом’; ***Na nebu*** *zvezde sevajo*, ***na vasi*** *fantje pevajo* ʽНа небе звёзды сияют, на деревне парни поют’), а также родительным (*Padel je* ***z drevesa*** ʽОн упал с дерева’), винительным с предлогом (*Skril se je* ***za vrata*** ʽОн скрылся за ворота’), творительным с предлогом (*Stoji za vrati* ʽОн стоит за дверью’).

Временны́е значения также выражаются несколькими падежами: предложным (*To se je zgodilo* ***v septembru*** ʽЭто случилось в сентябре’), родительным с предлогом (*bedeti* ***do jutra*** ʽне спать до утра’) и без предлога (*vrniti se* ***avgusta*** ʽвернуться в августе’), винительным с предлогом (***Pod večer*** *sem bil že v mestu* ʽПод вечер я был уже в городе’) и без предлога (*Že* ***tri dni*** *potujemo z vlakom)* ʽУже три дня мы едем на поезде’).

Инструментальное (или орудийное) значение передается творительным падежом, который в С.я. употребляется только с предлогами (*pišemo* ***z roko*** ʽпишем рукой’).

Посессивность выражается несколькими падежами — родительным (*knjiga* ***Ivana*** ʽкнига Ивана’) и дательным (*Ogenj pritajen v očeh* ***jim*** *gori* ʽЗатаённый огонь горит в их глазах’).

2.3.5. Залоговые, видо-временные значения, а также значение наклонения выражаются в С.я. либо синтетически (с помощью флексий), либо аналитически (посредством вспомогательных форм).

Специфику з а л о г а образует противопоставление двух форм — действительной и страдательной: первой обладают все переходные глаголы, второй преимущественно переходные глаголы несовершенного вида с возвратной частицей *se* (*dopis se piše* ʽписьмо пишется (кем-то)’). Традиционно выделяются также конструкции со страдательными причастиями на *-n*/*-t*, образованными от глаголов совершенного вида и выступающими в связке со спрягаемыми формами вспомогательного глагола *biti* ʽбыть’ (см. 2.4.0.): *Kruh je pečen* ʽХлеб испечён’, *Streha je krita s slamo* ʽКрыша крыта соломой’.

П е р е х о д н о с т ь / н е п е р е х о д н о с т ь присуща словенскому глаголу. Переходные глаголы обозначают действие, которое распространяется на так называемый прямой объект (он выражен винительным падежом, реже — родительным беспредложным): *pisati pismo* ʽписать письмо’, *pohvaliti učenca* ʽпохвалить ученика’, *veseliti se sonca* ʽрадоваться солнцу’. Прямой объект регулярно выражается родительным падежом при отрицании: *Pisal je pismo* ʽОн писал письмо’ — *Ne pisal pisma* ʽОн не писал письма/письмо’. Непереходные глаголы не требуют прямого объекта: *Vlak stoji* ʽПоезд стоит’, *Prijatelj živi v Mariboru* ʽДруг живет в Мариборе’. Непереходными являются возвратные глаголы: *Peljal sem se z vlakom* ʽЯ ехал поездом’, *Gledali smo televizijo in se pogovarjali* ʽМы смотрели телевизор и разговаривали’.

Глаголу свойственна категория в и д а — совершенного и несовершенного, образуемого префиксальным и суффиксальным способами. Видовая корреляция

формируется преимущественно на базе имперфективации с помощью суффиксов *-a-*, *-ja-*, *-va-*, *-ová-/-evá-*, *-áva-*, *-éva-* (*odobríti* ʽодобрить' — *odobrávati* ʽодобрять', *osvobodíti* ʽосвободить' — *osvobájati* ʽосвобождать'). Нередко при суффиксах *-a-* и *-ová-/-evá-* этот процесс сопровождается вокалическо-консонантными чередованиями (*napojíti* ʽнапоить' — *napájati* ʽнапаивать', *izobráziti* ʽобразовать' — *izobražévati* ʽобразовывать') и конкуренцией самих суффиксов (*izčístiti* ʽвычистить' — *izčiščaváti*/*izčiščeváti* ʽвычищать', *odpísati* ʽотписать' — *odpisávati*/*odpisováti* ʽотписывать'). Перфективация осуществляется преимущественно с помощью префиксации, затрагивая при этом и способы глагольного действия (*delati* ʽработать' — *dodelati* ʽдоработать', *nesti* ʽнести' — *prinesti* ʽпринести'), однако в целом префиксация развита достаточно слабо, что в известной мере компенсируется наличием группы двувидовых глаголов (*videti* ʽвидеть/увидеть', *darovati* ʽдарить/подарить', *čestitati* ʽпоздравить/поздравлять' и др.) и с интернациональными основами (*deklarirati* ʽдекларировать/продекларировать' и др.). Использование совершенного вида (например, для повторяющегося действия в прошлом) в С.я. шире, чем в других славянских языках.

В С.я. имеются следующие н а к л о н е н и я: изъявительное, сослагательное и повелительное; о достигательном наклонении — супине см. 2.3.7. Изъявительное наклонение выражает реальные действия в настоящем, прошедшем и будущем в р е м е н и. При этом настоящее время выражается синтетически, с помощью личных окончаний, а значения двух прошедших форм (перфект — обычное прошедшее, плюсквамперфект — стилистически маркированная форма, выражающая как предпрошедшее действие, так и действие, относящееся к далекому прошлому) и будущего реализуются аналитически, причем в спрягаемых формах вспомогательного глагола ʽбыть' отражается лицо и число, а в причастных формах число и род. В сравнении с другими южнославянскими языками временна́я система значительно упрощена.

Для настоящего времени используются две модели спряжения — тематическая и атематическая (к ней принадлежит небольшая группа глаголов типа *dati* ʽдать', *vedeti* ʽзнать', *jesti* ʽесть' и др.). Некоторые тематические глаголы с презентной основой на *-e-* в 3-м лице множественного числа имеют вариантную флексию *-ó* (*pêčejo* — *pekó* ʽпекут'), а глаголы на *-i-* — флексию *-é* (*spíjo* — *spé* ʽспят'). В спряжении атематических глаголов отличия наблюдаются во 2-м и 3-м лице двойственного числа (*da-sta*) и во 2-м лице множественного числа (*da-ste*); в 3-м лице множественного числа вариантные флексии *-do* и *-jo* (*da-do* и *da-jo*).

Перфект — аналитическая форма времени, складывающаяся из (положительных или отрицательных) форм настоящего времени вспомогательного глагола *biti* и *l*-причастия. Плюсквамперфект образуется от форм перфекта вспомогательного глагола *biti* и *l*-причастия совершенного вида: *sem bil zagledal* ʽя увидел (давно, когда-то)' и т. д. (см. 2.4.0.).

Будущее время имеет также аналитический характер и образуется из форм простого будущего времени вспомогательного глагола *biti* и *l*-причастия (причастие может быть образовано от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида); см. 2.4.0.

Особенностью повелительного наклонения является наличие синтетической и аналитической форм. Синтетическую форму (положительную и отрицательную с

препозиционной частицей *ne* ʽне’) имеет 2-е лицо единственного числа и 1-е и 2-е лицо множественного и двойственного числа, при этом от презентной основы на *-i-* и *-e-* 2-е лицо единственного числа образуется с помощью флексии *-i* (*hoditi* ʽходить’, *hódi* ʽходит’ — *hôdi* ʽиди’; *nesti* ʽнести’, *nese* ʽнесёт’ — *nesi* ʽнеси’), на *-a-* — *-aj-* (*delati* ʽделать’, ʽработать’, *dela* ʽделает’ — *delaj* ʽделай’), *-je-* — *-j-* (*biti* ʽбить’, *bije* ʽбьёт’ — *bij* ʽбей’). В 1-м и 2-м лице множественного и двойственного числа к этим флексиям присоединяются соответствующие презентные флексии: 1 л. мн. ч. *hodimo*, 2 л. мн. ч. *hodite*, 1 л. дв. ч. *hodiva*, 2 л. дв. ч. *hodita* и т. д. При этом ударение с тематического гласного основы переносится на коренной гласный (*bežím* ʽбегу’ — *béži* ʽбеги’). В глаголах на *-či* происходит альтернация /k/ ~ /č/ ~ /c/: *rekel* ʽсказал’ — *rečem* ʽскажу’, ʽговорю’ — *reci* ʽскажи’, /g/ ~ /ž/ ~ /z/: *strigel* ʽстриг’ — *postrižem* ʽпостригу’ — *postrizi* ʽпостриги’). Аналитическая форма образуется сочетанием препозиционной частицы *naj* ʽпусть’ с личными формами настоящего времени совершенного вида изъявительного либо сослагательного наклонения или с формой прошедшего времени сослагательного наклонения (отрицание осуществляется с помощью *ne*, стоящим перед смысловым глаголом): *naj gledam* ʽпусть я посмотрю’, *naj gledaš* ʽпосмотри’, *naj gleda* ʽпусть смотрит’ и т. д. Повелительные формы возможны для всех трех лиц всех трех чисел, при этом в настоящем/будущем и прошедшем временах для них единые формы — различия между числами проходят по линии *l*-причастия: *naj bi gledal*, *-a*, *-o*; *naj bi bil gledal*, *-a*, *-o*.

Сослагательное наклонение обозначает действие предположительное или желаемое, имеет две формы времени и образуется сочетанием частицы *bi* ʽбы’ с *l*-причастием (настоящее время) и настоящего времени сослагательного наклонения вспомогательного глагола *biti* ʽбыть’ с *l*-причастием (прошедшее время). Значение лица выражается личным местоимением: *jaz bi gledal*, *-a*, (*-o*) ʽя бы смотрел, -а, (-о)’, *ti bi rekel*, *-kla*, (*-klo*) ʽты бы сказал, -а, (-о)’; *jaz bi bil gledal*, *-a*, (*-o*) ʽя бы посмотрел, -а, (-о)’ (прош. вр.) и т. п.

2.3.6. Категория л и ц а выражается у существительных словообразовательными средствами (см. 2.5.2.). Родо-половая словообразовательная парность существительных со значением лица представлена последовательно: *filozof* ʽфилософ’ — *filozofinja* ʽфилософ (женщина)’, *minister* ʽминистр’ — *ministrica* ʽминистр (женщина)’.

Личные местоимения формируют систему из трех лиц единственного, двойственного и множественного числа (1 л. ед. ч. *jaz* — 1 л. мн. ч. *mi* — 1 л. дв. ч. *midva* и т. д.). Категорию лица выражают также притяжательные прилагательные и местоимения, а в глаголе — формы времени и наклонения (см. 2.4.0.).

Категория о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и у прилагательных имеет реликтовый характер и отражается лишь в именительном падеже единственного числа мужского рода (есть исключения: неопред. *majhen, -hna, -o* ʽмаленький’ — опред. *mali*, *-a*, *-o*; неопред. *velik*, *-a*, *-o* ʽбольшой’ — опред. *veliki*, *-a*, *-o*). Неопределенное, или краткое, прилагательное имеет нулевую флексию, а также беглые *a* и *e* ([ə]) в многосложных словах, употребляется при неопределенном референте и синтаксически выступает в функции определения и предиката (*nesrečen človek* ʽнесчастный человек’); определенное, или полное, прилагательное в именительном падеже единственного числа мужского рода имеет

флексию *-i*, употребляется при определенном объекте и синтаксически выступает в функции определения (*nesrečni človek* ʽ(этот) несчастный человек’, ср. полную форму в родительном падеже *nesrečnega človeka* ʽнесчастного человека’). Помимо семантического, имеются некоторые синтаксические регуляторы использования этой категории: после указательных и притяжательных местоимений (и притяжательных прилагательных) употребляется определенное (*ta nesrečni človek* ʽэтот несчастный человек’, *moj nesrečni prijatelj* ʽмой несчастный друг’), после определительного местоимения *vsak* ʽвсякий, каждый’ — неопределенное (*vsak nesrečen človek* ʽкаждый несчастный человек’). В системе местоимений противопоставляются неопределенные и определительные местоимения; указательные местоимения тяготеют к выражению определенности (см. 2.3.7., 2.4.0.). Количественное числительное *en* ʽодин’ обладает функцией артикля, выражая неопределенность предмета: *študent ima knjigo* ʽу студента книга’ или *študent ima eno knjigo* ʽу студента (одна) книга’; особенно это характерно для разговорной речи (ср. *en star človek* ʽодин/какой-то старый человек’). Количественная неопределенность выражается наречными словами *malo* ʽмало’, *veliko* ʽмного’, *več* ʽбольше’ и др. (*malo kruha* ʽмало хлеба’, *veliko ljudi* ʽмного людей’).

Отрицание характерно как для именных частей речи, так и для глагола, наречия, а также для частиц. Среди местоимений выделяется разряд с префиксом *ni-*: *nihče* ʽникто’, *nič* ʽничто’, *nikogaršen* ʽничей’ и др.; особый вид у отрицательных местоимений *noben*, *nobeden* ʽникто’, ʽникакой’. Аналогично у наречий: *nikjer* ʽнигде’, *nikdar* ʽникогда’, *nobenkrat* ʽни разу’. У глагола в настоящем времени, помимо регулярного отрицания с помощью частицы *ne* ʽне’ (*ne delaš* ʽне работаешь’), имеются слитные отрицательные формы от модальных глаголов *hoteti* ʽхотеть’ (*nočem*, *nočeš*, *noče* и т. д.), *imeti* ʽиметь’ (*nimam*, *nimaš*, *nima* и т. д.) и *biti* ʽбыть’ (*nisam*, *nisi*, *ni* и т. д.).

2.3.7. Существительные имеют категории рода, числа и падежа. Склонение существительных осуществляется по трем типам, в основе которых лежит учет рода, а также совокупность флексий. В двойственном числе различаются именительный/винительный и дательный/творительный падежи; в функции родительного и предложного падежей выступают соответствующие падежные формы множественного числа.

Прилагательные обладают категориями определенного/неопределенного вида, неодушевленности/одушевленности, рода, числа, падежа и степени сравнения. Род, число и падеж — изменяемые категории, так как они зависят от соответствующих категорий имени существительного: *stara* (ж. р. ед. ч. им. п.) *žena* ʽстарая женщина’. При склонении различия в роде частично сохраняются в именительном/винительном падежах двойственного и множественного числа, в то время как в других падежах этих чисел произошла последовательная унификация флексий. В женском роде наблюдается сильная омонимия флексий — четыре флексии на шесть падежей. Ударение в большинстве случаев на основе прилагательного (исключения носят архаичный характер и не всегда обязательны в литературном языке). Степени сравнения имеют синтетический или аналитический вид. Синтетическая сравнительная форма образуется от качественных прилагательных с помощью суффиксов *-š(i)*, *-j*(*i*) и *-ejš(i)*, причем к односложным прилагательным и основам с беглыми гласными присоединяются первые два

суффикса (при альтернации под влиянием *-j-* таких конечных согласных, как *k* > *č*, *g* > *ž*, *h* > *š*, *b* > *blj*: *strog* ʽстрогий' — *strožji* ʽстроже, более строгий', *tih* ʽтихий' — *tišji* ʽтише, более тихий'; *d* > *j* требует прибавления *-š(i)*: *hud* ʽзлой' — *hujši* ʽзлее, более злой'), к многосложным основам и частично к односложным, оканчивающимся на сочетание согласных и без них, — *-ejš(i)*: *močen* ʽсильный' — *močnejši* ʽсильнее, более сильный', *svet* ʽсвятой' — *svetejši* ʽсвятее, более святой'. Имеется небольшая группа супплетивных форм типа *dober* ʽдобрый, хороший, приятный' — *boljši* ʽлучше, более хороший', *majhen* ʽмаленький' — *manjši* ʽменьше, более маленький' и др. Аналитические формы образуются с помощью слов *bolj* ʽболее' и *manj* ʽменее' от прилагательных со значением цвета (*bolj zelen* ʽзеленее, более зелёный'), образованных от причастий (*bolj vroč* ʽгорячée, более горячий'), производных с суффиксами *-en*, *-av*, *-at*, *-ast* (*bolj duševen* ʽдушевнее, более душевный'). Превосходная степень образуется на базе сравнительной синтетической — с помощью префикса *naj-* (*svetejši* — *najsvetejši* ʽнаисвятейший, самый святой'), аналитическая — с помощью *najbolj* ʽнаиболее', *najmanj* ʽнаименее' (*najbolj vroče poletje* ʽсамое жаркое лето'). Синтетические формы степени сравнения в С.я. имеют те же морфологические признаки (род, число, падеж), что и положительные.

По морфологическим характеристикам выделяются субстантивные и адъективные м е с т о и м е н и я. К субстантивным относятся личные, возвратное, частично вопросительно-относительные, неопределенные, отрицательные. Как и в других славянских языках, склонение личных местоимений в С.я. супплетивное, в родительном, дательном и винительном падежах всех чисел наряду с полными имеются клитические (неударные) формы. Полные употребляются при логическом выделении местоименного объекта и могут начинать предложение. В творительном и предложном падежах всех чисел клитические формы отсутствуют, так как эти падежи употребляются только с предлогами (см. 2.4.0.). Формы двойственного числа сохраняются больше, чем в других именных категориях. В именительном падеже множественного и двойственного числа личных местоимений выражена категория рода (см. 2.4.0.).

Специфической чертой является слияние односложного предлога с соответствующими формами винительного падежа: *záme* ʽдля меня', *záte* ʽдля тебя', м. и ср. р. ед. ч. *zánj* ʽдля него', ж. р. ед. ч. *zánjo* ʽдля нее', мн. ч. *zánje* ʽдля них', дв. ч. *zánju* ʽдля них (двоих)', *záse* ʽдля себя'.

Возвратное местоимение *sebe* ʽсебя' склоняется по типу *ti* — *tebe* ʽты — тебя' и аналогичным образом в родительном, дательном и винительном падежах имеет клитики *se*, *si*, *se*.

Адъективные местоимения в склонении в основном характеризуются теми же признаками, что и прилагательные (исключения *ta* ʽ(э)тот, (э)та', *vsa* ʽвся'). Структура собственно-указательного местоимения в С.я. трехчленна: *ta* ʽ(э)тот, (э)та', *to* ʽэто' — указание на близкий предмет, *tisti*, *-a*, *-o* ʽтот, тот же самый' — указание на предмет средней удаленности, *oni*, *-a*, *-o* ʽтот' — указание на дальний предмет. Имеются также указательно-количественные *tolik*, *-a*, *-o* ʽстолький', *tolikšen*, *-šna*, *-šno* ʽ(столький), такой', указательно-качественные *tak*, *-a*, *-o* ʽтакой', *takšen*, *-šna*, *-šno* ʽто же', указательно-идентифицирующее *isti*, *-a*, *-o* ʽтакой же', указательно-наглядное с препозиционно-постпозиционной частицей

le-/-le: *tale*, *le-ta* ʽвот (э)тот' и т. п. Притяжательные местоимения: для выражения принадлежности двум лицам используются формы двойственного числа *najin* ʽнаш (принадлежащий нам двоим)', *vajin* ʽваш (принадлежащий вам двоим)', *njun* ʽих (принадлежащий им двоим)' (различаются также по родам). Местоимения субстантивного и адъективного характера имеются среди неопределенных (ср.: *nekdo* ʽнекто, кто-то' — *nekateri*, *-a*, *-o* ʽнекоторый', *nekak*, *-a*, *-o* ʽнекий' и др.), отрицательных (*nihče* ʽникто', *nič* ʽничего', *noben* ʽникакой'), определительных (*vsakdo* ʽкаждый, всякий', *vsakršen*, *-šna*, *-šno* ʽвсякого рода' и др.), вопросительных (*kdo* ʽкто', *kaj* ʽчто' — *kateri*, *-a*, *-o* ʽкоторый', *čigav*, *-a*, *-o* ʽчей', *kakšen*, *-šna*, *-šno* ʽкакой' (по качеству), *kolikšen*, *-šna*, *-šno* ʽкакой' (по количеству)). В отличие от вопросительных, относительные местоимения (за исключением *kateri* и *ki* ʽкоторый') имеют наращение *-r*, сохраняющееся в косвенных падежах: *kdo* ʽкто' — *kdor* ʽтот, кто', *kaj* ʽчто' — *kar* ʽтот, что', *kakršen* ʽтакой, какой', *kolikršen* ʽстолько, сколько', *čigar* ʽтот, чей'. Местоимение *ki* не изменяется, а его морфологические признаки (род, число, падеж) выражаются дистантно формами личных местоимений: *fant*, *ki* ***ga*** *ne poznam* ʽпарень, которого (его) я не знаю'; *žena, ki* ***jo*** *poznam* ʽженщина, которую (её) я знаю'; *ljudje ki* ***jih*** *ne poznam* ʽлюди, которых (их) я не знаю'.

Ч и с л и т е л ь н ы е в значительной мере сохранили общеславянский характер, однако приобрели и немало новых черт. Количественное числительное *en* (и *eden*) ʽодин' имеет формы всех трех родов, числительные от двух до четырех — формы мужского и женского/среднего родов, т. е. *dva* — *dve* ʽдва', ʽдве', *trije* — *tri* ʽтри', *štirje* — *štiri* ʽчетыре'. Числительные от 21 до 99 калькируют немецкий образец, в них простое числительное предшествует десятку: *enindvajset* ʽдвадцать один' … *devetindevedeset* ʽдевяносто девять'. При склонении числительного *sto* ʽсто' происходит расширение основы: род. п. *stotih* и т. д. Также существуют числительные-существительные — *tisoč* ʽтысяча', *million* ʽмиллион', *patina* ʽодна пятая' и т. д. Порядковые числительные образуются от количественных прибавлением флексий прилагательных: *šest* ʽшесть' — *šesti*, *-a*, *-o* ʽшестой' (супплетивным способом образуются: *prvi* ʽпервый', *drugi* ʽвторой', *četrti* ʽчетвёртый'); склоняются как прилагательные. Собирательные числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-oj* для числительных от одного до трех (*enoj*, *-a*, *-e* ʽодин', ʽпо одному'; *dvoj*, *-a*, *-e* ʽдвое'; *troj*, *-a*, *-e* ʽтрое'), *-er-* для остальных (*četver*, *-a*, *-o* ʽчетверо'). Склоняются как прилагательные и используются при существительных с парным значением (*dvoje oči* ʽдва глаза') и pluralia tantum (*troje hlač* ʽтрое брюк'), а также при обозначении неточного числа объектов типа *petero vino* ʽпять сортов вина' (что в современном разговорном языке часто заменяется количественным числительным: *pet vrst vina* букв. ʽпять сортов вина'). Дробные числительные состоят из количественного числительного как числителя и числительного-существительного как знаменателя (*dve tretjini* ʽдве трети'). Кратные образуются от собирательных с помощью *-en* (*enojen* ʽоднократный', ʽединственный', *četveren* ʽчетырёхкратный'), *-krat(e)n* (*en-kraten* ʽединственный', *štiri-kraten* ʽчетырёхкратный' и т. д.) и склоняются как прилагательные. Архаичная категория определенности отражена в числительном *obadva* ʽ(эти) оба' (при *oba* ʽоба') и *obedve* ʽ(эти) обе' (при *obe* ʽобе').

Г л а г о л ь н а я система С.я. значительно упрощена, хотя и сохранила отдельные архаические признаки. Возвратные глаголы образуются с помощью ме-

стоименной клитики *se*; в распространенном предложении частица (клитика) имеет тенденцию употребляться дистантно по отношению к глаголу: *Meso in klobase* ***se*** *lepo* ***konzervirajo*** *v masti* ʽМясо и колбасы хорошо сохраняются в масле’. Некоторые глаголы употребляются с частицей *si* (*pomagati si* ʽпомогать (себе)’), другие — с обеими частицами (*premisliti si*/*se* ʽпередумать (себе)’).

Показатель инфинитива *-ti*, а также *-či* (для небольшой группы глаголов): *gledati* ʽсмотреть’, *peči* ʽпечь’.

С.я. — единственный из славянских языков, сохранивший супин — форму достигательного наклонения, образующуюся от инфинитивной основы глаголов несовершенного вида посредством суффиксов *-t* и *-č* и указывающую на цель действия. Супин употребляется только при глаголах движения: *pojdi spat* ʽиди спать’.

Действительные причастия имеют две формы времени — настоящего с суффиксом *-č* + флексия рода и числа (*gledati* ʽсмотреть’ — 3 л. мн. ч. *gledajo* — *gledajoč*) и прошедшего, образующегося от инфинитивной основы совершенного и несовершенного видов суффиксом *-l* + флексии рода и числа: *gleda-ti* — ед. ч. *gleda-l*, *-a*, *-o*, дв. ч. *-a* (м. р.), *-i* (ж. и ср. р.); мн. ч. *-i* (м. р.), *-e* (ж. р.), *-a* (ср. р.). Последнее обычно используется в аналитических формах глагола. Сохраняется старое праславянское действительное причастие I прошедшего времени, которое образуется от инфинитивной основы совершенного вида суффиксом -(*v*)*ši* (*vstopiti* ʽвступить’ — *vstopivši* ʽвступивший’). Страдательные причастия настоящего времени утрачены, функционируют лишь причастия прошедшего времени, образующиеся от инфинитивной основы чаще всего совершенного вида суффиксами *-n* + флексия рода и числа (*pisati* ʽписать’ — *pisan*, *-a*, *-o* ʽписан(ный)’) и реже — *-t* (*ubi-ti* ʽубить’ — *ubit*, *-a*, *-o* ʽубит(ый)’). Причастия в С.я. склоняются как прилагательные и могут адъективироваться. Деепричастия настоящего времени образуются от презентной основы несовершенного вида с помощью суффиксов *-č*, реже *-e* (*gledajo* ʽони смотрят’ — *gledajoč* ʽсмотря’, *stojim* ʽстою’ — *stoje* ʽстоя’); формы прошедшего времени имеют суффикс -(*v*)*ši*, присоединяемый к инфинитивной основе, как правило, совершенного вида (*pozabiti* ʽпозабыть’ — *pozabivši* ʽпозабыв’). Действительные причастия настоящего и прошедшего времени и деепричастия в современном С.я. употребляются исключительно редко и являются стилистически маркированными (архаизмы и канцеляризмы).

Н а р е ч и я имеют степени сравнения: *tiho* ʽтихо’ — *tiše* ʽтише’, ср. форму сравнительной степени прилагательного *tišje* ʽтише’; нередки совпадения этих форм в прилагательных и наречиях, например, *lepše* ʽкрасивее, более красивый’ — сравнительная степень и от ʽкрасивый’, и от ʽкрасиво’. Наречия формируются главным образом на базе прилагательных — среднего рода именительного падежа единственного числа (*dobro* ʽхорошо’), старых форм родительного падежа единственного числа (типа *znova* ʽснова’) и творительного падежа (*tihoma* ʽтихо’, ʽпотихоньку’), от форм на *-ski* (*slovenski* ʽпо-словенски’), на базе числительных с *-krat* (*enkrat* ʽоднажды’), местоимений (*tam* ʽтам’, *kje* ʽгде’, *povsod* ʽповсюду’ и т. п.). В качестве наречий могут функционировать деепричастия.

Ч а с т и ц ы делятся на формообразующие (отрицательная частица *ne* при глаголе, *bi* в сослагательном наклонении, *naj* — в повелительном и т. д.) и словообразующие, присоединяемые к местоимениям и наречиям: *-le*/*le-* (*tamle*/*le-tam*

ʽ(именно) там’), а также *–j* (*zjutraj* ʽс утра’), *-lej* (*doklej* ʽдо каких пор’), *-da* (*resda* ʽда, ʽдействительно’) и др.

П р е д л о г и подразделяются на первичные (*do* ʽдо’, *brez* ʽбез’, *iz* ʽиз’, *z*/*s* ʽс’, *za* ʽза’ и др.) и производные от других частей речи типа *namesto* ʽвместо’, *mimo*, *okoli* ʽоколо’, *kraj* ʽу’, ʽпри’ и др. Предлоги употребляются, как правило, с одним или двумя падежами, реже — с тремя, ср.: с род. п. *iz*, *do*, *brez*, (*i*)*zmed* ʽмежду’, (*i*)*znad* ʽиз-за’, *zpod*/*ispod* ʽиз-под’, *izpred*/*spred* ʽперед’, ʽот’, *zaradi* ʽиз-за’, ʽради’, *izza* ʽиз-за’ и др., с дательным падежом *k*/*h* ʽк’, *kljub* ʽвопреки’, ʽнесмотря на’, *proti* ʽпротив’ и т. д.

С о ю з ы подразделяются на простые и составные. Простые бывают первичные (*in* ʽи’, *ter* ʽ(а) также’, *pa* ʽа’, *a* ʽа’, *da* ʽчто’, *če* ʽесли’) и производные (*zato* < *za* + *to* ʽпотому что’, *dasi* < *da* + *si* ʽесли’). Составные типа *kljub temu da* ʽвопреки тому, что’, *pred tem ko* ʽперед тем как’, *med tem ko* ʽмежду тем как’ и др.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

Склонение ж е н с к о г о р о д а включает существительные на *-a* (а также небольшую группу слов мужского рода с этим же признаком типа *sluga* ʽслуга’) в именительном падеже единственного числа и на *-e* в именительном падеже множественного числа, к которым относятся также существительные с нулевой флексией на *-ev* (*britev* ʽбритва’) и существительные *mati* ʽмать’, *hči* ʽдочь’, в косвенных падежах которых имеется наращение в виде *-er-*. К женскому роду относится также ряд существительных с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа.

lipa ʽлипа’, *voda* ʽвода’, *mati* ʽмать’, *pesem* ʽпесня’, *stvar* ʽвещь’

Падеж	**Ед. число**				
Им.	*lípa*	*vôda*	*máti*	*pésem*	*stvár*
Род.	*lípe*	*vodé*	*mátere*	*pésmi*	*stvarí*
Дат.	*lípi*	*vôdi*	*máteri*	*pésmi*	*stvári*
Вин.	*lípo*	*vodó*	*máter*	= им. п.	
Твор.	*lípo*	*vôdó*	*máterjo*	*pésmijo*	*stvárjo*
Предл.	*lípi*	*vôdi*	*máteri*	*pésmi*	*stvári*
	Дв. число				
Им., вин.	*lípi*	*vodé*	*máteri*	*pésmi*	*stvarí*
Дат., твор.	*lípama*	*vodáma*	*máterama*	*pésmima*	*stvaréma*
	Мн. число				
Им.	*lípi*	*vodé*	*mátere*	*pésmi*	*stvarí*
Род.	*líp*	*vodá*	*máter*	*pésmi*	*stvarí*
Дат.	*lípam*	*vodàm*	*máterem*	*pésmim*	*stvarém*
Вин.	*lípe*	= им. п.			
Твор.	*(z) lípami*	*vodámi*	*máterami*	*pésmimi*	*stvarmí*
Предл.	*(pri) lípah*	*vodàh*	*máterah*	*pésmih*	*stvaréh*

В родительном падеже множественного числа с основой на сочетание согласных типа «шумный + сонорный» появляется беглый *e* [ə], а перед *j* — *i*: *sestra*

ʽсестра’ — *sester*, *ladja* ʽкорабль’ — *ladij*; в основах на конечное сочетание сонорных изменений не происходит: *gostilna* ʽтрактир’ — *gostiln*; флексия *-á* в этом падеже не продуктивна, она стилистически маркирована и встречается лишь у некоторых групп существительных, имеющих подвижное ударение, например, *kôsa* ʽкоса’ — *kosá*. Ударение при склонении имеет тенденцию закрепляться на корне.

В склонении существительных женского рода на нулевую флексию в именительном падеже единственного числа и на *-i* в именительном падеже множественного числа, а также существительного *kri* ʽкровь’ наблюдается сильная омонимия флексий, ср. флексию *-i*, которая используется для родительного, дательного, предложного падежа единственного числа, именительного, винительного падежа двойственного числа, именительного, родительного и винительного падежа множественного числа. Творительный падеж единственного числа выступает с вариантной флексией *-jo*/*-ijo* (*nit* ʽнить’ — *z nitjo*, *pesem* ʽпесня’ — *z pesmijo*); дательный, творительный падежи двойственного числа имеют вариантную флексию *–ma*/*-ima*/*-éma*; во множественном числе в дательном падеже флексия *-im*/*-ém*, в творительном падеже — *-mi*/*-imi*, в предложном падеже — *-ih*/*-éh*. При склонении существительного *kri* в косвенных падежах (кроме винительного) вместо *-i* появляется альтернант *v*: *krvi* и т. д. В связи с местом ударения этот тип склонения подразделяется на два подтипа — с постоянным в основе (в многосложных словах и небольшое исключение — в односложных словах) и непостоянным (большая часть односложных существительных).

Склонение существительных м у ж с к о г о р о д а на нулевую флексию, вокалическую финаль (*Tone* — мужское имя, *oče* ʽотец’) и среднего рода на *-o*, *-e*, а в именительном падеже множественного числа соответственно на *-i*/*-je* и *-a* имеют много общего.

potnik ʽпутник’, *mož* ʽмуж’, *most* ʽмост’, *dan* ʽдень’, *kenguru* ʽкенгуру’

Падеж	**Ед. число**				
Им.	*pótnik*	*móž*	*móst*	*dán*	*kengurú*
Род.	*pótnika*	*možá*	*mostú*	*dné*, *dnéva*	*kengurúja*
Дат.	*pótniku*	*móžu*	*môstu*	*dnévu*	*kengurúju*
Вин.	= род. п.		= им. п.		= род. п.
Твор.	*pótnikom*	*móžu*	*móstom*	*dném*, *dnévom*	*kengurújem*
Предл.	*pótniku*	*móžem*	*môstu*	*dnévu*	*kengurúju*
	Дв. число				
Им., вин.	*pótnika*	*možá*	*mostá*, *-óva*	*dnéva*; *dní* (вин. п.)	*kengurúja*
Дат., твор.	*pótnikoma*	*možéma*	*mostóvoma*	*dnéma*, *dnévoma*	*kengurújema*
	Мн. число				
Им.	*pótniki*	*možjé*	*mostóvi*	*dnévi*	*kengurúji*
Род.	*pótnikov*	*mož*	*mostóv*	*dní*	*kengurújev*
Дат.	*pótnikom*	*možém*	*mostóvom*	*dném*, *dnévom*	*kengurújem*
Вин.	*pótnike*	*možé*	*mostóve*	*dní*, *dnéva*	= род. п.
Твор.	*pótniki*	*možmí*	*mostóvi*	*dnéma*, *dnévoma*	*kengurúji*
Предл.	*pótnikih*	*možéh*	*mostóvih*, *mostéh*	*dnéh*, *dnévih*	*kengurújih*

Склонение существительных среднего рода

leto ʽгод’, *srce* ʽсердце’, *ime* ʽимя’, *dekle* ʽдевушка’, *drevo* ʽдерево’

Падеж	**Ед. число**				
Им.	*léto*	*srcé*	*imé*	*deklè*	*drevó*
Род.	*léta*	*srcá*	*iména*	*dekléta*	*drevésa*
Дат.	*létu*	*srcu*	*iménu*	*deklétu*	*drevésu*
Вин.	= им. п.				
Твор.	*létom*	*srcem*	*iménom*	*deklétom*	*drevésom*
Предл.	*létu*	*srcu*	*iménu*	*deklétu*	*drevésu*
	Дв. число				
Им., вин.	*léti*	*srci*	*iméni*	*dekléti*	*drevési*
Дат., твор.	*létoma*	*srcema*	*iménoma*	*deklétoma*	*drevésoma*
	Мн. число				
Им.	*léta*	*srca*	*iména*	*dekléta*	*drevésa*
Род.	*lét*	*src*	*imén*	*deklét*	*drevés*
Дат.	*létom*	*srcem*	*iménom*	*deklétom*	*drevésom*
Вин.	= им. п.				
Твор.	*léti*	*srci*	*iméni*	*dekléti*	*drevési*
Предл.	*létih*	*srcih*	*iménih*	*deklétih*	*drevésih*

У существительных на *-r* или на вокалическую финаль в косвенных падежах происходит, как правило, вставка *-j-* (*direktor* ʽдиректор’ — *direktorja*, *atelje* ʽателье’ — *ateljeja*), у имен собственных на *-e* — вставка *-t-* (*Tone* — *Toneta*; также *oče* — *očeta*). У некоторых групп существительных среднего рода происходит известное другим славянским языкам расширение основ с помощью *-en-* (*pleme* ʽплемя’ — *plemena* ʽплемена’), *-es-* (*kolo* ʽколесо’ — *kolesa* ʽколесá’) и *-et-* (*tele* ʽтелёнок’ — *teleta* ʽтелёнка’).

Это склонение более чем какое-либо другое характеризуется вариантностью падежных флексий. Так, в родительном падеже единственного числа мужского рода некоторые односложные существительные выступают вариантно: *mosta* — *mostú* ʽмоста’. Вариантность в творительном падеже единственного числа (*-om*/*-em*), дательном, творительном падеже двойственного числа (*-oma*/*-ema*), дательном падеже множественного числа, а также в родительном падеже множественного числа (*-ov*/*-ev*) вызвана характером конечного согласного основы: вторые, «мягкие», варианты флексий появляются после *c*, *č*, *j*, *ž*, *š*, ср.: *nož* ʽнож’ — *nožem* ʽножом’, *nožema* ʽдвум ножам’, *nožév* ʽножей’. В именительном падеже множественного числа от существительных мужского рода некоторые односложные существительные на *-d*, *-t* (прежде всего со значением лица) вместо *-i* используют флексию *-je*: *fant* ʽпарень’ — *fantje*. В родительном падеже множественного числа, помимо вариантных флексий *-ov*/*-ev*, для нескольких односложных существительных используется также нулевая флексия (*mož* ʽмужей’) и *-i* — только для существительных *človek* ʽчеловек’ — *ljudi* ʽлюдей’, *dan* ʽдень’ — *dni* ʽдней’. В творительном падеже множественного числа вариантность флексий возникает за счет ограниченно употребляющейся флексии *-mi*: *možmi* ʽмужьями’,

drvmi ‘поленьями’. Флексия *-eh* в предложном падеже множественного числа употребляется лишь у некоторых односложных существительных: *breg* ‘берег’ — *bregeh* (при более употребительном *bregovih*). Для данного склонения характерна тенденция к постоянному месту ударения в слове и в парадигме, однако существует целый ряд отступлений от этого.

Прилагательные

nov/*novi* ‘новый’

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	*nòv*/*nôvi*	*nôvo*	*nôva*
Род.	*nôvega*		*nôve*
Дат.	*nôvemu*		*nôvi*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*nôvo*
Твор.	*nôvim*		*nôvo*
Предл.	*nôvem*		*nôvi*
	Дв. число		
Им., вин.	*nôva*	*nôvi*	
Дат., твор.	*nôvima*		
	Мн. число		
Им.	*nôvi*	*nôva*	*nôve*
Род.	*nôvih*		
Дат.	*nôvim*		
Вин.	*nôve*	= им. п.	
Твор.	*nôvimi*		
Предл.	*nôvih*		

Числительные

Падеж	‘один’	‘одна’	‘два’	‘три’	‘четыре’	‘пять’
Им.	*êden*/*èn* ср. р. *êno*	*êna*	*dvá* ж. р. *dvé*	*tríje* ж. р. *trí*	*štírje* ж. р. *štíri*	*pét*
Род.	*ênega*	*êne*	*dvéh*	*tréh*	*štírih*	*pêtih*
Дат.	*ênemu*	*êni*	*dvéma*	*trém*	*štírim*	*pêtim*
Вин.	*ênega*/*èn* ср. р. = им. п.	*êno*	= им. п.	*trí*	*štíri*	= им. п.
Твор.	*ênim*	*êno*	*dvéma*	*trémi*	*štírimi*	*pêtimi*
Предл.	*ênem*	*êni*	*dvéh*	*tréh*	*štírih*	*pêtih*

М е с т о и м е н и я

Личные

Падеж	1 л.		2 л.		3 л.		
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число						
	ʽяʼ		ʽтыʼ		ʽонʼ	ʽоноʼ	ʽонаʼ
Им.	*jàz*		*tì*		*òn*	*ôno*	*ôna*
Род.	*mêne*, *me*		*têbe*, *te*		*njêga*, *ga*		*njé*, *je*
Дат.	*mêni*, *mi*		*têbi*, *ti*		*njêmu*, *mu*		*njéj*, *jej*
Вин.	*mêne*, *me*		*têbe*, *te*		*njêga*, *ga*		*njó*, *jo*
Твор.	*mênój*, *máno*		*tebój*, *tábo*		*njím*		*njó*
Предл.	*mêni*		*têbi*		*njêm*		*njéj*
	Дв. число						
	ʽмы вдвоёмʼ		ʽвы вдвоёмʼ		ʽони вдвоёмʼ		
Им.	*mídva*	*médve*	*vídva*	*védve*	*ônadva*	*ônidve*	*ônidve*
Род.	*náju*, *naju*		*váju*, *vaju*		*njíju*, *ju*/*njìh*, *jih*		
Дат.	*náma*, *nama*		*váma*, *vama*		*njíma*, *jima*		
Вин.	*náju*, *naju*		*váju*, *vaju*		*níju*, *ju*/*njìh*, *jih*		
Твор.	*náma*		*váma*		*njíma*		
Предл.	*náju*		*váju*		*njíju*		
	Мн. число						
	ʽмыʼ		ʽвыʼ		ʽoниʼ		
Им.	*mí*	*mé*	*ví*	*vé*	*ôni*	*ôna*	*ône*
Род	*nàs*, *nas*		*vàs*, *vas*		*njìh, jih*		
Дат.	*nàm*, *nam*		*vàm*, *vam*		*njìm*, *jim*		
Вин.	*nàs*, *nas*		*vàs*, *vas*		*njìh, jih*		
Твор.	*nàmi*		*vámi*		*njími*		
Предл.	*nàs*		*vàs*		*njìh*		

Указательные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
	ʽ(э)тотʼ	ʽ(э)тоʼ	ʽ(э)таʼ
Им.	*tá*	*tó*	*tá*
Род.	*téga*		*té*
Дат.	*tému*		*téj*/*tì*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*tó*
Твор.	*tém*		*tó*
Предл.	*tém*		*téj*/*tì*
	Дв. число		
	ʽэти двоеʼ, ʽте двоеʼ		
Им., вин.	*tá*	*tì*/*té*	
Род.	*téh*		
Дат., твор., предл.	*téma*		

	Мн. число		
	ʻэти’, ʻте’		
Им.	*tì*	*tá*	*tè*
Род	*téh*		
Дат.	*tém*		
Вин.	*té*	= им. п.	*té*
Твор.	*témi*		
Предл.	*téh*		

Вопросительные

Падеж	ʻчто’	ʻкто’
Им.	*káj*	*kdó*
Род.	*čésa*	*kóga*
Дат.	*čému*	*kómu*
Вин.	*káj*	*kóga*
Твор.	*čím*	*kóm*
Предл.	*čém*	*kóm*

Г л а г о л ы

Изъявительное наклонение

delati ʻделать’, ʻработать’, *govoriti* ʻговорить’, *imeti* ʻиметь’, *jesti* ʻесть’, *biti* ʻбыть’, *ne biti* ʻне быть’

Настоящее время						
Ед. число						
1 л.	*délam*	*govorím*	*imám*	*jém*	*sèm*	*nísem*
2 л.	*délaš*	*govoríš*	*imáš*	*jéš*	*sì*	*nísi*
3 л.	*déla*	*govorí*	*imá*	*jé*	*jè*	*ní*
Дв. число						
1 л.	*délava*	*govoríva*	*imáva*	*jéva*	*svà*	*nísva*
2 л. 3 л.	*délata*	*govoríta*	*imáta*	*jésta*	*stà*	*nísta*
Мн. число						
1 л.	*délamo*	*govorímo*	*imámo*	*jémo*	*smò*	*nísmo*
2 л.	*délate*	*govoríte*	*imáte*	*jéste*	*stè*	*níste*
3 л.	*délajo*	*govoríjo*	*imájo*	*jedó*	*sò*	*níso*

	Прошедшее время					
	Перфект		Плюсквамперфект		Будущее время	
Ед. число						
1 л.	*sem*	*delal, -a, -o*	*sem*	*bil, -a, -o* *delal, -a, -o*	*bom*	*delal, -a, -o*
2 л.	*si*		*si*		*boš*	
3 л.	*je*		*je*		*bo*	

Дв. число			
1 л.	*sva* } *delala, -i, -i*	*sva* } *bili, -a, -o delali, -a, -o*	*bova* } *delala, -i, -i*
2 л.	*sta*	*sta*	*bosta*
3 л.	*sta*	*sta*	*bosta*
Мн. число			
1 л.	*smo* } *delali, -e, -a*	*smo* } *bili, -a, -o delali, -a, -o*	*bomo* } *delali, -e, -a*
2 л.	*ste*	*ste*	*boste*
3 л.	*so*	*so*	*bodo*

Сослагательное наклонение

Настоящее время

Ед. число	Дв. число	Мн. число
bi delal, -a,-o	*bi delala, -i, -i*	*bi delali, -e, -a*

Прошедшее время

Ед. число	Дв. число	Мн. число
bi bil, -a, -o delal, -a, -o	*bi bila, -i, -i delala, -i, -i*	*bi bili, -e, -a delali, -e, -a*

Повелительное наклонение

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1 л.		*delajva*	*delajmo*
2 л.	*delaj*	*delajta*	*delajte*

Повелительное аналитическое наклонение

Настоящее время

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1 л.	*naj* { *delam*	*naj* { *delava*	*naj* { *delamo*
2 л.	*delaš*	*delata*	*delate*
3 л.	*dela*	*delata*	*delajo*

Настоящее/будущее время

Ед. число	Дв. число	Мн. число
naj bi delal, -a,-o	*naj bi delala, -i, -i*	*naj bi delali, -e, -a*

Прошедшее время

Ед. число	Дв. число	Мн. число
naj bi bil delal, -a,-o	*naj bi bila delala, -i, -i*	*naj bi biti delali, -e, -a*

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичная структура словоформы: корень + нулевая флексия (для части именных категорий), корень + флексия, корень + суффикс/суффиксы + флексия, префикс + корень + флексия, префикс + корень + суффикс + флексия.

2.5.2. Из словообразовательных способов наиболее распространены аффиксация и словосложение, в меньшей мере — морфолого-синтаксический и семантический способы. Из аффиксальных способов широко используется суффиксальный, реализуемый с помощью многих десятков продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных суффиксов для образования прежде всего существительных, а также других именных частей речи, глаголов, наречий. Существительные могут быть мотивированы другими существительными (*novinar* ʽжурналистʼ — *novinar-k-a* ʽжурналисткаʼ, *zid* ʽстенаʼ — *zid-ar* ʽкаменщикʼ), глаголами (*kuhati* ʽваритьʼ — *kuh-*(*a*)*r*) ʽповарʼ, *hvaliti* ʽхвалитьʼ — *hval-ec* ʽхвастунʼ), прилагательными (*dober*/*dobri* ʽдобрыйʼ, ʽхорошийʼ — *dobr-ot-a* ʽдобротаʼ, *slovenski* ʽсловенскийʼ — *slovenšč-in-a* ʽсловенский языкʼ). Прилагательные мотивируются другими прилагательными (*rdeč* ʽкрасныйʼ — *rdeč-kast* ʽкрасноватыйʼ, *grozen* ʽужасныйʼ — *groz-ovit* ʽужаснейшийʼ), существительными (*les* ʽдревесинаʼ — *les-en* ʽдеревянныйʼ, *Ljubljana* — *ljubljan-sk-i* ʽлюблянскийʼ) и другими частями речи. Морфемный инвентарь префиксального способа количественно уступает суффиксальному особенно в рамках именных частей речи и, наоборот, преобладает над суффиксальным в глаголе; префиксально-суффиксальный способ, располагающий более скромными словообразовательными средствами, используется реже двух других. Помимо словообразовательных морфем общеславянского и собственно словенского происхождения, в С.я. активно используются интернациональные (в основном греко-латинские) элементы типа префиксальных *anti-* (*anti-fašist* ʽантифашистʼ), *eks-* (*eks-teritorialen* ʽэкстерриториальныйʼ), *trans-* (*trans-kontinentalen* ʽтрансконтинентальныйʼ), *super-* (*super-sila* ʽсверхдержаваʼ), *re-* (*re-konstruirati* ʽреконструироватьʼ), *ko-* (*ko-produkcija* ʽсовместное производствоʼ), *sub-* (*sub-sistem* ʽподсистемаʼ) и т. п. и суффиксальных типа *-ij-a* (*geograf-ij-a* ʽгеографияʼ), -(*i*)*zem* (*cin-izem* ʽцинизмʼ), *-až-a* (*dren-až-a* ʽдренажʼ), *-ist* (*bud-ist* ʽбуддистʼ), -(*iza*)*cij-a* (*sloven-iz-acij-a* ʽсловенизацияʼ) и т. д. Компонентами сложения могут быть: существительное + существительное (*nosorog* ʽносорогʼ), прилагательное + существительное (*zlat-o-ust* ʽзлатоустʼ), существительное + глагол (*vod-o-mer* ʽводомерʼ, где *-mer* из *meriti* ʽмеритьʼ) и др.

2.5.3. Структуру п р о с т о г о предложения можно представить как SVO, хотя в целом для С.я. характерен так называемый свободный порядок слов — с учетом, правда, некоторых ограничений, связанных, например, с необходимостью различения омонимичных функций именительного и винительного падежей: *Tele gleda žrebe* ʽТелёнок смотрит на жеребёнкаʼ или *Žrebe gleda tele* ʽЖеребёнок смотрит на телёнкаʼ, *Slovenke su pogostile tujke* ʽСловенки угостили иностранокʼ — *Tujke su pogostile Slovenke* ʽИностранки угостили словенокʼ. Регламентация порядка слов связана также с препозицией определения по отношению к определяемому, предлогов по отношению к существительным, а также с использованием клитик. Последние помещаются сразу же за имеющим самостоятельное ударение словом или именным словосочетанием (устойчивым словосочетанием): *Teden* ***je*** *hitro minil* ʽНеделя быстро прошлаʼ, *Ta teden* ***je*** *hitro minil* ʽЭта неделя

быстро прошла’, *Ta najsrečnejši teden v njegovom življenju* ***je*** *hitro minil* ‘Эта счастливейшая неделя в его жизни быстро прошла’; *Zanimajo* ***jo*** *novi kraji in ljudje* ‘Интересуют её новые края и люди’; *Zelo* ***jo*** *zanimajo novi kraji in ljudje* ‘Её очень интересуют новые края и люди’; если клитик несколько, то, например, глагольные, образованные от связки *biti* ‘быть’ (за исключением 3-го лица единственного числа настоящего и всех форм будущего времени), чаще употребляются препозиционно по отношению к местоименным: *Čakal* ***sem ga*** *na postaji* ‘Я ожидал его на станции’, но *Čakal* ***ga je*** *na postaji* ‘Он ожидал его на станции’; *Čakal* ***ga bom*** *na postaji* ‘Я буду ждать его на станции’. Есть и некоторые другие ограничения.

Личные местоимения, как правило, не употребляются в функции подлежащего, так как лицо четко выражено флексиями во всех временны́х формах изъявительного наклонения (исключения — при необходимости логического выделения местоименного объекта, в экспрессивных конструкциях и др.). При именном составном сказуемом связка обязательна: *Njegovi prijatelji* ***so*** *inozemci* ‘Его друзья — иностранцы’. Составное глагольное сказуемое используется реже, чем, например, в русском языке, вместо него могут выступать побудительные конструкции с частицей *naj* ‘пусть’ или придаточные предложения с союзом *da* ‘что’, ‘чтобы’: *Mesar mu je svetoval*, ***naj*** *vzame cel kos mesa* ‘Мясник посоветовал ему: пусть купит весь кусок мяса’ (т. е. посоветовал ему купить весь кусок мяса). В С.я. встречается конструкция «винительный падеж + инфинитив»: *Slišala sem* ***ptičko peti*** ‘Я слышала, как поёт/пела птичка’.

Характерной чертой синтаксиса являются модальные конструкции, компонентами которых выступают предикативное наречие *lahko* и глагол: *Lahko prisedem?* ‘Могу ли я сесть рядом?’; предикативное прилагательное *rad* + глагол: *Rad bi se učil slovensko* ‘С удовольствием изучал бы словенский язык’ и др.

Простые предложения делятся на дву- и односоставные; из последних спецификой обладают безличные (глагол выражен формой 3-го лица единственного числа): *Zagrmelo je* ‘Загремело’; при этом нередко в функции безличного сказуемого употребляются слова категории состояния: *Lepo je* ‘Красиво’.

Вопросительные предложения препозиционно оформляются вопросительным местоимением или наречием; при отсутствии таковых используется союз *ali* ‘(и)ли’: *Ali veste*, *kje je železniška postaja?* ‘Знаете ли (= Не знаете ли), где (находится) железнодорожная станция?’, который также может опускаться, а предложение оформляется в этом случае вопросительной интонацией.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения формируются за счет союзов и делятся на два типа. Сложносочиненные образуются союзами соединительными: *in* ‘и’, *pa* и *ter* ‘а также’, ‘и’; противительными: *a* ‘но’, ‘все же’, *ampak* ‘однако’ и др.; разделительными: *ali* ‘или’, *ne… ne* ‘не… не’ и т. п. и некоторыми другими. Сложноподчиненные предложения делятся на изъяснительные (придаточные части вводятся соответствующими изъяснительными союзами и союзными словами типа *da* ‘что’, ‘чтобы’, *ali* ‘или’, *naj* ‘пусть’), определительные (союзы *ki* и *kateri* ‘который’, *da* и др.), обстоятельственные места (*kjer* ‘где’, *kamor* ‘куда’, *odkoder* ‘откуда’ и др.), времени (*ko*, *kadar* ‘когда’, *preden* ‘пока’, ‘прежде чем’ и др.), образа действия, а также причинные, следствия, уступительные, условия и сравнения и др. Союз *da* является многофункциональным, так как он вводит несколько типов придаточных предложений. Главное предложение занимает по преимуще-

ству препозицию по отношению к придаточному, однако это не абсолютное правило. В придаточной части клитики стоят сразу же после союза: *Prijatelj mi je včasih telefoniral in sporočil*, *da* ***je*** *vse v redu* ʽДруг иногда звонил мне и сообщал, что (у него) всё в порядкеʼ; в главной части предложения, стоящей после придаточной, клитики занимают препозицию: *Kadar se je vrnil*, ***sem ga*** *čakal na postaji in mu pomagal nesti prtljago* ʽВсякий раз, когда он возвращался, я ждал его на станции и помогал ему нести багажʼ.

Части бессоюзных предложений могут находиться друг по отношению к другу в соединительных, сравнительных, пояснительных, противительных и иных связях, ср.: *Labod z labodico je hotel v nebesa* / *labod brez družice je padel na tla* ʽЛебедь с лебедью хотел в небеса, лебедь без лебеди упал на землюʼ (противительная связь) и т. п.

2.6.0. Лексические заимствования в С.я. имеют давнюю историю и занимают значительное место. Из наиболее раннего пласта выделяется романский топонимический субстрат, заимствованный в первые века проживания в альпийском регионе, ср.: *Koper* < *Capris*/*Caprae* (название города), *Soča* < *Sot'a* < *Sontius* (название реки) и др. Романская лексика попадала в С.я. и позднее. Особенно это характерно для западных регионов: *bajta* ʽхижинаʼ (видимо, через романское посредство, ср. фриул. *bajte*), *fant* ʽпареньʼ (< итал. *fante*), *golida* ʽподойникʼ (< вульг. лат. **galeda*), *hlače* ʽштаныʼ (< среднелатинские диалекты *calcae*), *jambor* ʽмачтаʼ (< лат. *arbor*) и др.

Многочисленны германизмы, проникавшие в С.я. с VIII по XIX в. и отражавшие быт, хозяйство, социальную жизнь и т. д.: *cajna* ʽкорзинкаʼ (< баварско-австрийское диалектное *Zeine*), *flinta* ʽружьеʼ (< н.-в.-нем. *Flinte*), *gater* ʽрамка на пилеʼ (< ср.-в.-нем. *garter*), *gmajna* ʽобщина, общинная земляʼ (< ср.-в.-нем. *gemeine*), *krompir* ʽкартофельʼ (< нем. *Grundbirne*, ст.-фриул. *cronjir*) и др. С XVI в. германизмы проникают и в письменный язык (начиная с переводных текстов П. Трубара), и лишь с начала XIX в. стараниями Б. Копитара, В. Водника, а позднее Ф. Левстика и др. проводится сознательный контроль над этими заимствованиями. Лексические элементы латино-греческого происхождения проникают главным образом через немецкое посредство. В основном это слова религиозной, а также социально-бытовой и культурной сферы: *klošter* ʽмонастырьʼ, *pridiga* ʽпроповедьʼ, *škrinja* ʽсундукʼ, *rožmarin* ʽрозмаринʼ, *špital* ʽбольницаʼ, *tinta* ʽчернилаʼ и т. д.

Начиная с периода Реформации, а особенно с эпохи национального возрождения словенцев (XIX в.), С.я. сознательно подвергается славянизации. Активно берутся слова из старославянского языка: *prestol* ʽпрестолʼ, *žezlo* ʽжезлʼ, *žrtva* ʽжертваʼ и *žrtvovati* ʽжертвоватьʼ, *prosveta* ʽпросвещениеʼ, *zavesa* ʽзавесаʼ, *raven* ʽравнинаʼ и др. В XIX в. в большом количестве заимствовались хорватизмы, нередко без фонетической и иной адаптации, ср.: *otac* ʽотецʼ при словен. *otec*, *podroban* ʽподробныйʼ при словен. *podroben*, *sveučilište* ʽуниверситетʼ при словен. *vseučilišče*. Это создавало конкуренцию между хорватизмами и собственно словенскими словами. Заимствования из хорватского и сербского в XX в. подвергаются адаптации. С XIX в. в С.я. проникают заимствования из чешского, а также русского (нередко через сербохорватское посредство) языков: *čustvo* ʽчувствоʼ, *izvestije* ʽизвестиеʼ (чаще в форме *izvestje*), *stremljenje* ʽстремлениеʼ, *slog* ʽстильʼ, *skromen* ʽскромныйʼ, *narečje* ʽнаречиеʼ и др.

2.7.0. Чрезвычайная диалектная пестрота С.я. обусловлена феодальными политико-административными и церковными границами, процессами колонизации словенских земель, горным ландшафтом и заболоченными местами долин, контактами с немецкими, романскими, венгерскими, а также несловенскими южнославянскими диалектами. При этом наиболее архаичными остаются северо-западные диалекты. Выделяемые семь диалектных зон с их 48 диалектами и говорами, между которыми проходят не всегда четкие границы (см. 1.2.0.), располагаются на территории распространения С.я. (т. е. в том числе и за пределами современных государственных границ Словении).

К а р и н т и й с к а я зона включает шесть диалектов (зильский, рожанский, обирский, подъюнский, межицкий, северопохорско-ремшникский) и одну группу говоров (крайнскогорскую) со следующими особенностями:

1) *ę*, *ǫ* > *e*, *o*, за исключением части подъюнского диалекта, сохранившего их носовой характер (*pǟt* — лит. *pet* ʽпять'), ъ и ь в сильной позиции дали *e*, а в слабой позиции в неконечном слоге — *ə* (**dьnь* > *dên* ʽдень', **mьglā* > *məgu̯a* ʽмгла'), *ě* > *i͡e*, *i͡ə* и др. (*ši͡əst* — лит. *šest* ʽшесть');

2) *r* переходит в увулярное *ʁ*, твердое *ł* > *u̯*/*w*, *l'* > *l* (*vóle* — лит. *volja* ʽволя'), вторичная палатализация заднеязычных *k*, *g*, *x* перед *e* и *i* соответственно в *č*, *j*, *š* (в некоторых говорах) типа *rojî* — лит. *rogi* ʽрогá' и т. д., более широкое, чем в словенском литературном языке, сохранение групп *dl*, *tl* в зильском диалекте (*krídlo*/*krídu̯o* — лит. *krilo* ʽкрыло');

3) в числительных от 40 до 90 обязательным компонентом является *-red* (*štiriredi* ʽсорок'), средний род существительных унифицирован в пользу женского и т. п.

П р и м о р с к а я зона состоит из семи диалектов (резьянский, присочский/обсошский, терский, надижский, брдский/бришский, нотраньский, красский, истрийский — делится на истрийский, рижанский и шавринский) и автономного говора (баньшицкого/баньшского) и отличается неоднородностью. Резьянские говоры, связывающиеся многими изоглоссами с соседними каринтийскими говорами, имеют:

1) *ě* > *i* или *e* (*lis* ʽдерево', но *z leso* ʽс дерева'), ъ и ь > *e* и *a* (*den* ʽдень' — лит. *dan*, но также *dín*);

2) *g* > *γ* (*γlawa*/*γlava* ʽголова') и *h* > *γ* (*γliv* ʽхлев'), конечное *-m* > *-n*, сохраняется *n'*, *ć* (< *tj*), нейтрализуются конечные звонкие согласные;

3) остатки двойственного числа (им. п. *midwa* ʽмы оба/двое', вин. п. *nájo* ʽнас обоих/двух'), сохраняется имперфект, будущее время по модели *ćon* ʽхочу' + инфинитив;

4) архаичная лексика типа *kun'ad* ʽмуж сестры', *kun'ada* ʽсестра мужа', *n'eča* ʽплемянница', ʽвнучка' и др., специфические заимствования из фриульского и немецкого языков. Некоторые из приведенных изоглосс обнаруживаются в венецианской группе (терский, надижский и брдский диалекты), в красском и истрийском диалектах.

Р о в т а р с к а я зона включает шесть диалектов (толминский, церкнский/церклянский, полянский, шкофьелокский, чрноврхский/чрновршский, хорьюлский) и один говор (бачский/башский):

1) на месте носовых — дифтонгические образования (*desi͡et* ʽдесять', *zu͡op* < *zǫb* ʽзуб'), *ě* > *i* и в дифтонг (*svít* ʽмир', *li͡əta* ʽлето', ʽгод'), аканье типа *bayȁt* ʽбогатый';

2) *l̥* > *o͡u̯* (*to͡u̯čt* < **tl̥kti* ʽтолочь’), *l’* > *i̯l*/*l*, а *n’* > *i̯n*/*n* (*pastejle* ʽпостель’, *käjn* ʽконь’), нередка вторичная палатализация заднеязычных в *č*, *j*, *š*, преобразование *g* > *γ* (*druγa* ʽдругая’), конечное *-m* > *-n* и т. п.

Гореньская зона состоит из собственно гореньского и селцского/селшского диалектов и восточногореньского говора. Особенности:

1) вокализм без дифтонгических явлений, четкое различение акута и циркумфлекса, сильная редукция безударных гласных, акцентуация, близкая к литературной, аканье в заударных закрытых слогах (*stárast* ʽстарость’);

2) *l’*, *n’* отвердели (за исключением района так называемого Бохиньского угла); *ła* > *u̯͡a*/*wa* (*bwa* ʽбыла’ < *bila* ʽбыла’); вторичная палатализация *k*, *g*, *x* соответственно в *č*, *j*, *š* перед *e* и *i* (*čídat* — лит. *kidati* ʽкидать’, *nojè* — лит. *noge* ʽнóги’, ʽноги́’, *oré:še* — лит. *orehe* ʽорехи’), *šč* (из *št’*) > *š* (*táša* — лит. *tášča* ʽтёща’);

3) маскулинизация среднего рода, во множественном числе мужского рода распространяются флексии с *-a-*.

Доленьская зона включает семь диалектов (собственно доленьский, посавский, северобелокрайнский, южнобелокрайнский, костелский), при этом посавский диалект делится на два говора — загорско-трбовльский и севницко-кршкский, отдельную позицию занимает восточнодоленьский говор. Особенности:

1) как и в гореньском, различение нисходящей и восходящей интонации;

2) на месте долгих гласных — монофтонгическо-дифтонгические рефлексы: *ě* > *e͡i̯*, *a͡i̯* (*mle͡i̯ku* — *mléko* ʽмолоко’), *ǫ* > *u̯͡o* (*zu̯͡op* — лит. *zob* ʽзуб’), *o* > *u* (*gospud* — лит. *gospod* ʽгосподин’), известно аканье в безударном слоге (*atrȁk* — лит. *otrok* ʽребёнок’), акцентуация как в литературном языке;

3) система согласных в доленьском архаичнее, чем в гореньском: сохраняются группы *ła*, *šč*; *g* не перешел в *γ*; сохраняется мягкость *l’*, *n’* (хотя и неравномерно); нет вторичной палатализации заднеязычных в *-j* и *-š*;

4) в основном архаичнее и морфология (в сравнении с гореньской): редок переход существительных среднего рода в мужской род, нет характерной для ряда диалектов унификации падежных форм, особенно во множественном числе.

Штирийская зона включает пять диалектов (среднесавиньский, верхнесавиньский, среднештирийский, южнопохорский, козьянско-бизелский) и три говора (солчавский, козьякский, лашкский). Особенности:

1) фиксируется лишь нисходящая интонация;

2) как и в доленьском, система гласных состоит из монофтонгов и дифтонгов (*ě* > *e͡i̯*, *a͡i̯*: *zve͡i̯zda*, *zva͡i̯zda* ʽзвезда’), ъ и ь в долгих слогах дали закрытый *ẹ* (*dẹn* — лит. *dan*), в кратких — открытый *e* (*pes* — лит. *pes* [pəs] ʽпёс’, ʽсобака’);

3) *r̥* > *ar* (*obarvi* — лит. *obrvi* [obərvi] ʽброви’), *n’* > *j*, *l’* > *l*;

4) в творительном падеже единственного числа существительных женского рода флексия *-oj* (*z rokoi*/*rokoj* ʽрукой’, ʽс рукой’), в именительном и винительном падеже единственного числа среднего рода прилагательных и местоимений на мягкий согласный флексия *-o* (*tujo* ʽчужое’, *našo* ʽнаше’), указательное местоимение *toti*, *-a*, *-o* (лит. *ta*) и др.

Паннонская зона состоит из четырех диалектов (прекмурского, горицкого/горичанского, прлекийского, халозского). Особенности:

1) только одна нисходящая интонация;

2) в части диалектов, например, в прекмурском имеются дифтонгические образования;

3) *u* > *ü* (*tüdi* — лит. *tudi* 'также'), безударное *u* > *i* (*pistiti* — лит. *pustiti* 'пустить');

4) *l'* > *l*, конечное *-m* > *-n*, сохранение группы *čr-*;

5) перед начальным *u-* — протеза *v-* (*vučeni* — лит. *učeni* 'учёный'), *v* перед глухими согласными оглушается (*ofca* — лит. *ovca*/*ou̯ca* 'овца');

6) средний род существительных феминизируется, именительный падеж существительных на согласный (исторически на *-en) имеет финаль *-n* (*bremen* 'бремя'), в качестве наречий выступают причастия на *-č* с частицей *-ki* (*stoječki* 'стоя') и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко А. Д. Словенский язык // Основы балканского языкознания. Славянские языки. СПб., 1998, ч. 2.

Мечковская Н. Б. Словенский язык. Минск, 1991.

Плотникова О. С. Словенский язык // Славянские языки. М., 1977.

Плотникова О. С. Словенский язык. М., 1990.

Толстой Н. И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Bajec A. Besedotvorje slovenskega jezika. Ljubljana, 1950–1959, t. 1–3.

Bajec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica. 2. izd. Ljubljana, 1964.

Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Bezlaj F. Zbrani jezikoslovni spisi I–II / Ur. M. Furlan. Ljubljana, 2003.

Lencek R. L. The structure and history of the Slovene language. Columbus, 1982.

Logar T. Pregled zgodovine slovenskega jezika // Slovenski jezik, literatura in kultura: Informativni zbornik. Ljubljana, 1974.

Logar T. Slovenska narečja. Besedila. Ljubljana, 1975.

Logar T., Rigler J. Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1986.

Logar T. Dialektološke in jezikovnozgodovinske razprave. Ljubljana, 1996.

Mikhailov N. Frühslowenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam, 1998.

Orožen M. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Ljubljana, 1996.

Orožen M. Razvoj slovenske jezikoslovne misli. Maribor, 2003.

Petr J. Základy slovinštiny. Praha, 1971.

Pogorelec B. Nastajanje slovenskega knjižnega jezika. Od začetkov do konca 18. stoletja // Jezikovni pogovori. II. Ljubljana, 1967.

Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. I. Ljubljana, 1936.

Ramovš F. Zbrano delo. Knj. 2. Razprave in članki / Ur. J. Toporišič. Ljubljana, 1997.

Rigler J. Začetki slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1968.

Rigler J. Zbrani spisi. I. Jezikovnozgodovinske in dialektološke razprave / Ur. V. Smole. Ljubljana, 2002.

Slovenska zvrstna besedila / Ur. J. Toporišič. Ljubljana, 1981.

Slovenski jezik / Red. A. Vidovič-Muha. Opole, 1998.

Slovenski jezik, literatura in kultura. Informativni zbornik. Ljubljana, 1974.

Slovenski pravopis. I. Pravila. 3. izd. Ljubljana, 1994.

Slovenski pravopis. Ljubljana, 2001.

Šivic-Dular A. O dosedanjem preučevanju slovenske lingvogeneze // XXIII seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1987.

Toporišič J. Slovenski knjižni jezik. Maribor, 1965–1970, t. 1–4.

Toporišič J. Slovenski pogovorni jezik // Slavistična revija, 1970, 18/1–2.

Toporišič J. Nova slovenska skladnja. Ljubljana, 1982.

Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 1976 [2. izd. 1984].

Toporišič J. Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992.

Toporišič J. Slovenska slovnica. 4. izd. Maribor, 2000.

Toporišič J. Oblikoslovne razprave. Ljubljana, 2003.

Vidovič-Muha A. Slovensko skladenjsko besedotvorje. Ob primerih zloženk. Ljubljana, 1988.

Vidovič-Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja. Ljubljana, 2000.

Zbornik Brižinski spomeniki / Ur. J. Kos, F. Jakopin, J. Faganel. Ljubljana, 1996.

Словари

Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967.

Pretnar J. Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1964.

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991, t. I–V.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997 [2. izd. pregl. in dop. 2003].

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

С. С. Скорвид

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Варианты названия: чешский язык (Ч.я.) именуется носителями *český jazyk* (официальное название), или *čeština* (общераспространенное название); англ. *Czech*, нем. *Tschechisch*, устар. *Böhmisch*, фр. *le tchèque*.

1.1.2. Относится к западной группе славянских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью.

1.1.3. Распространен главным образом в Чешской Республике, на территории исторических земель Чехии и Моравии (включая моравскую часть Силезии), где согласно переписи 2001 г. чехами являются 9641 тыс. чел. (в том числе 380 тыс. назвались мораванами, а 11 тыс. — силезцами). Свыше 500 тыс. чехов проживает за пределами Чешской Республики: в первую очередь в Словакии (48 тыс. говорящих на Ч.я. (2001), однако нет компактного чешского населения), в Польше и далее в черте окраин бывшей Австрийской империи (с 1867 г. — Австро-Венгрии), на территории современных Румынии (3,4 тыс. чел., 2002), Хорватии (7 тыс., 2001), Боснии, и бывшей Российской империи, на территории современных Украины, Молдовы, России (13 тыс. чел. говорит на Ч.я., 2002), Казахстана и государств Средней Азии, а также в Австрии (18 тыс. носителей, 2001), ФРГ, Франции, Бельгии, США (около 200 тыс. чел.), Канаде (15 тыс. чел.), Аргентине и Австралии (14 тыс. чел., 2001).

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Диалекты Ч.я. на территории Чехии и Моравии делятся на собственно чешские (т. е. диалекты Чехии), среди которых вычленяются центральные (среднечешские), северо-восточные, юго-западные и переходные к моравским юговосточные, и три группы диалектов Моравии: центральноморавские («ганацкие»), североморавские (силезские, или «ляшские») и восточноморавские (моравско-словацкие). Происходившая с чрезвычайной интенсивностью во второй половине XVIII и в XIX в. интеграция собственно чешских диалектов определила возникновение такого наддиалектного образования, как народно-обиходный Ч.я. (obecná čeština), которое выросло из возобладавшего на территории Чехии центрального интердиалекта и сейчас по крайней мере в рамках этого региона превратилось в общенародную субстандартную форму Ч.я. Спорен вопрос о возникновении параллельных наддиалектных образований в Моравии: против такой точки зрения возражают лингвисты, полагающие, что историческая интеграция внутри названных групп диалектов Моравии была гораздо меньшей и на их территории сложились лишь областные интердиалекты, какие не имеют характера

региональных разновидностей обиходного Ч.я., а образуют только «субстрат», при интерференции с которым здесь ширится обиходный язык из Чехии.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. В Чешской Республике имеет статус официального языка (úřední jazyk) и с 2004 г. является одним из официальных языков Европейского Союза.

1.3.2. Литературный Ч.я. обнаруживает глубокие отличия от наддиалектных и диалектных форм на различных языковых уровнях, что исторически обусловлено достаточно искусственным возрождением литературного Ч.я. во второй половине XVIII — XIX в. с опорой на старый культурно-письменный Ч.я., возникший в конце XIII — начале XIV в. и после 300-летнего непрерывного развития достигший расцвета в XVI в. Базой языка старой чешской письменности являлись в основном центральные чешские диалекты, хотя его норма допускала и регионализмы (в том числе моравизмы); такое положение отчасти сохранялось и в возрожденном литературном Ч.я. до второй половины XIX в.

Разрыв между литературным и обиходным Ч.я. начал сокращаться только после 1918 г. В новообразованном чехословацком государстве обе формы Ч.я. вступили во взаимодействие, приведшее к определенной демократизации литературной (письменной) нормы, а с другой стороны — к развитию особого устного идиома, который в ряде социолингвистических работ рассматривается как разговорный вариант литературного Ч.я.

Далее описывается в основном литературный Ч.я., с учетом разговорных и обиходных вариантов.

1.3.3. Литературный Ч.я. является языком обучения в начальной, средней и высшей школе. Преподавание и научное изучение Ч.я. за пределами Чешской Республики ведется: в Австрии, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Италии, Канаде, Корее, Норвегии, Польше, России, Румынии, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции и других странах.

1.4.0. Первые чешские памятники написаны латиницей без адаптации к особенностям Ч.я. В дальнейшем в истории чешской письменности сменились три графические системы: первая и вторая лигатурные, основанные на передаче отсутствующих в латыни фонем буквенными комбинациями (например, обозначение /č/ как *chz* и *cz* или *czz*), и диакритическая с использованием надстрочных знаков (например, обозначение /č/ как *ċ*), авторство которой приписывают Я. Гусу.

Современная графика литературного Ч.я. восходит к диакритической системе, окончательно возобладавшей в XVI в. Используются надстрочные знаки: 1) знак ˇ («гачек») обозначает: а) шипящие /č/, /š/, /ž/ и дрожаще-шипящую /ř/; б) мягкие /n'/, /ť/, /d'/, кроме позиций перед /i/ и /e/, у строчных *t* и *d* — только в рукописном тексте: *daň* ʽналог', *Ťan-šan* ʽТянь-Шань'; в) над буквой *e* — мягкость предшествующих /n'/, /ť/, /d'/, йотацию губных и эпентезу /n'/ (в моравском произношении также йотацию) после *m*: *něco* [n'eco] ʽчто-то', *vědět* [vjed'et] ʽзнать', *město* [mn'esto] ʽгород'; 2) знак ' (апостроф) выступает как вариант ˇ при строчных *t* и *d* в печатных текстах, обозначая мягкость соответствующих согласных: *pleť* ʽкожа'; 3) знак ´ обозначает долготу гласных: *stát* [stāt] ʽстоять', *lidé* [lidē] ʽлюди', *úroda* [ūroda] ʽурожай'; 4) знак ° над *u* обозначает долгую /ū/, возникшую из /ō/: *dům* [dūm] ʽдом'. Диграф *ch* обозначает фонему /x/, диграфы *dz* и *dž* — соответственно звонкие варианты фонем /c/ и /č/.

1.5.0. В истории Ч.я. выделяют: 1) древнечешский период, условно ограничиваемый 1500 г. (stará čeština), в рамках которого различают дописьменный и письменный этапы; 2) старочешский период с XVI до первой половины XVIII в. (starší čeština, при этом культурно-письменный язык XVI в. иногда именуют «гуманистическим» — humanistická čeština, а следующих полутора веков «барочным» — barokní čeština); 3) новочешский период (nová čeština) с начала чешского национального возрождения во второй половине XVIII в. (литературный язык этого времени называют obrozenská čeština) до современности (současná čeština).

На дописьменном этапе на базе западнославянских племенных диалектов Чехии и Моравии формировался язык средневековой чешской народности. Черты названных диалектов и собственно Ч.я. отражали на этом этапе памятники на старо- или церковнославянском языке (ср. формы **обѣцѣнитѣ** ‘обещания’, **подазь** ‘подай’ с западнославянскими либо чешскими рефлексами *tj*, *dj* в «Киевских листках» X в., **модлитвоу** ‘молитву’ с западнославянским сохранением **dl* и чешской деназализацией **ǫ* в «Пражских отрывках» XI в. и др.), а также отдельные слова (так называемые богемики) и краткие приписки (глоссы) в латинских текстах. Первая запись связной чешской фразы — глосса начала XIII в. в грамоте 1057 г. об учреждении Литомержицкого капитула.

Древнечешский язык письменного этапа хорошо документирован многочисленными рукописными памятниками разнообразных жанров, стихотворных и прозаических, духовных и светских, в том числе некнижного характера, материал которых позволяет проследить основные изменения в Ч.я. В исторической фонетике это перегласовки *ä* > *ě*, *’u* (*ü*) > *i*, *’o* (*ö*) > *ě*, дифтонгизации и монофтонгизации *ě* > *i̯e* > *ī*, *ō* > *u̯o* > *ū* и др.; в морфологии перестройка типов склонения и спряжения, развитие категории одушевленности/неодушевленности существительных, утрата двойственного числа, утрата синтетических форм прошедшего времени глаголов и т. д.

Старочешский язык XVI в. представлен уже большим количеством печатных книг. Культурно-письменная норма получила закрепление в грамматиках (первая из них — 1533 г.). Усилилась стилистическая дифференциация этой нормы, сложился ее «высокий» вариант, не вобравший некоторых явлений народного языка: таких, как дифтонгизация *ȳ* > *ai̯*, изменение *ē* > *ī*, протеза *v* перед *o* в начале слова и др. Эталоном «высокой» нормы XVI в. стала протестантская Кралицкая Библия (издана в 1576–1594 гг.).

В XVII в., после поражения чешских протестантов в битве у Белой Горы (1620 г.), традиции языка Кралицкой Библии продолжали в основном писатели-эмигранты. Норма же языка католической литературы на территории самой Чехии оказалась приближена к живой речи, что деятели чешского национального возрождения расценили как упадок.

Альтернативой этому состоянию в конце XVIII — начале XIX в. стал возврат к «высокой» норме XVI в. Ее кодификация для новой эпохи Й. Добровским («Ausfürliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache», 1809), поддержанная и дополненная особенно в области лексикографии деятелями младшего поколения чешской интеллигенции, в первую очередь Й. Юнгманом («Slovník česko-německý», 1836–1839), отвечала также идее создания литературного Ч.я. в духе чешско-словацкой и, шире, славянской языковой взаимности. Изначально присущая этой

литературно-языковой программе пуристическая тенденция усилилась во второй половине XIX в.

Пересмотр кодификации литературного Ч.я., осуществленный с младограмматических позиций Я. Гебауэром в 1890-е гг., закрепил его отрыв не только от диалектных, но и от сложившейся общенародной обиходно-языковой формы. В XX в. в связи с расширением сферы функционирования литературного Ч.я. и активизацией его общественной роли этот отрыв частично уменьшился (см. 1.3.2.).

1.6.0. Ряд внутриструктурных изменений на разных уровнях Ч.я. обусловлен его давними контактами с немецким языком. Начавшиеся еще в период племенных диалектов, эти контакты особенно усилились с XIII в. в условиях интенсивной немецкой колонизации чешских земель и вновь активизировались с вхождением Чехии в империю Габсбургов в XVII в. При этом следует различать результаты ареального взаимодействия Ч.я. с немецким и литературно-языковых (книжных) контактов.

Среди ареальных явлений отмечается возможная связь некоторых процессов исторической фонетики Ч.я. с подобными им немецкими (перегласовки, дифтонгизации и монофтонгизации, а также отдельные последствия депалатализации согласных, в частности, совпадение твердой /ł/ и мягкой /l'/ в так называемой среднеевропейской /l/). Наибольшее количество контактных черт наблюдается в плане выражения некоторых семантических категорий, в функционировании тех или иных грамматических форм и синтаксических конструкций, в области словообразования, лексики и фразеологии. Из семантико-грамматических явлений Ч.я. это: 1) частое употребление указательного местоимения *ten* для выражения определенности имени (аналогично немецкому определенному артиклю); 2) распространение конструкций с глаголом *mít* ʽиметь' в ущерб более ранним конструкциям с глаголом *být* ʽбыть', как посессивных, так и модальных (*mám něco napsat* ʽмне надо кое-что написать' — нем. *ich habe etwas zu schreiben*), а также квазиперфектных со значением «результативного состояния» (*mám napsáno* ʽя написал/у меня написано' — нем. *ich habe geschrieben*) и др.; 3) широкое функционирование отглагольных существительных на *-ní*/*-tí*, частично вытесняющих инфинитив: *něco k pití* ʽчто-нибудь попить' — нем. *etwas zu trinken* с инфинитивом при диалектном *zum Trinken* с отглагольным существительным; 4) развитие некоторых предложно-падежных конструкций, объектных и адвербиальных: *čekat na* + вин. п. ʽждать кого-либо/чего-либо' — нем. *warten auf*, *prosit o* + вин. п. ʽпросить о чём-либо' — нем. *bitten um*, *před týdnem* ʽнеделю назад' — нем. *vor einer Woche* и т. д. В словообразовании контактные явления обнаруживаются особенно в сфере глагольной префиксации (*předejít* ʽопередить', ʽобогнать' — нем. *vorgehen*, *vyměnit* ʽзаменить', ʽобменять' — нем. *auswechseln*, *nabídnout* ʽпредложить' — нем. *anbieten* и др.), а в лексике — прежде всего в семантической структуре многозначных слов (*běžet* ʽбежать (о человеке)', ʽбыстро течь (о воде)', ʽработать (о машинах)' — нем. *laufen*), как и в многочисленных лексических заимствованиях.

Книжным путем из немецкого или при поддержке немецкого Ч.я. усвоил отдельные синтаксические конструкции (например, accusativus cum infinitivo при глаголах восприятия) и словообразовательные модели (ср., в частности, уже древнечешские сращения с формой родительного падежа существительного типа *boha-*

bojný ʻбогобоязненный’ — нем. *gottesfürchtig*). С другой стороны, многие лексические германизмы в силу специфики развития литературного Ч.я. в XIX в. были отторгнуты им, оставшись принадлежностью диалектного или обиходного языка.

Восточно- и североморавские (силезские) диалекты Ч.я. связаны контактной общностью соответственно со словацкими и с польскими. Так, для силезских диалектов характерно польского типа ударение на предпоследнем слоге, сокращение долгих гласных при их качественных изменениях, как в польских говорах (*ā* > *o* и т. п.), развитие категории твердости/мягкости согласных, а в морфологии, например, выражение категории мужского лица существительных во множественном числе или образование псевдоаористных форм глагола типа *pisołch* ʻя писал’.

В остальном контакты Ч.я. с другими славянскими языками осуществлялись через литературный язык. Интенсивные в период чешского национального возрождения, а в случае словацкого и русского языков также в XX в., эти контакты сказались в основном в лексике и лишь в незначительной мере в грамматике (ср. заимствование из русского в XIX в. действительных причастий прошедшего времени на *-ší*/*-vší*).

Аналогично заимствования из латинского и греческого языков, а в новейшее время прежде всего из английского языка только в узких рамках могли и могут затрагивать также грамматическую систему литературного Ч.я. (ср., с одной стороны, кодифицированное Я. Гебауэром склонение латинизмов и грецизмов, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на *-us*/*-os* (м. р.), *-um*/*-on* (ср. р.), с устранением этих элементов в остальных формах, а с другой — распространение в новейший период препозитивного несогласованного определения в калькируемых с английского сочетаниях типа *hi-fi věž* ʻмузыкальный центр’).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В современном литературном Ч.я. десять гласных фонем, образующих две подсистемы, последовательно противопоставленные по признакам краткости/долготы.

Гласные

Подъем	Ряд					
	Передний		Средний		Задний	
	Нелабиализованные				Лабиализованные	
Верхний	i	ī			u	ū
Средний	e	ē			o	ō
Нижний			a	ā		

Примечание: Фонемы /i/ и /ī/ обозначаются каждая двумя буквами: *i*, *y* и *í*, *ý*; их написание после *n*, *t*, *d* указывает на мягкость/твердость соответствующей согласной (кроме заимствованных слов), а в остальном является традиционным: *bít* [bīt] ʻбить’ и *být* [bīt] ʻбыть’. Две буквы используются также для обозначения долгой /ū/ (см. 1.4.0.). Долгая /ō/ встречается лишь в заимствованиях и в экспрессивных словах.

В систему вокализма входят нисходящие дифтонги /ou̯/, /eu̯/, /au̯/ (орф. *ou*, *eu*, *au*); последние два встречаются только в заимствованиях, междометиях и звукоподражательных словах.

Функциональными эквивалентами гласных выступают также слогообразующие плавные сонорные [r̥] и [l̥] (орф. *r*, *l*), не различающие краткости/долготы. В отдельных случаях слогообразующую функцию может выполнять сонорный [m] (см. 2.1.4.).

Согласные

По способу образования			По месту образования			
			Лабиальные	Дентально-альвеолярные	Палатальные	Велярные и ларингальные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t	ť	k
		Зв.	b	d	d’	g
	Аффрикаты	Гл.		c č		
	Фрикативные	Гл.	f	s š		x
		Зв.	v	z ž		h
Сонорные	Носовые		m	n	n’	
	Боковые			l		
	Дрожащие			r ř		
	Скользящие				j	

Примечание: Ларингальная /h/ объединена в таблице с велярными, так как в позициях оглушения она коррелирует с /x/.

2.1.2. Словесное ударение — экспираторное, закрепленное за первым слогом слова или тактовой группы. Односложные предлоги в именных группах, как правило, перетягивают ударение на себя, особенно в группах с одно- и двусложными существительными или местоимениями: '*na hrad* ‘в замок’, '*do Prahy* ‘в Прагу’, '*od nás* ‘от нас’, '*bez tebe* ‘без тебя’. Остальные предлоги, некоторые союзы и во фразовых условиях другие одно- и двусложные слова выступают как безударные проклитики. Формы глагола *být* в составе аналитических форм прошедшего времени (1 л. ед. ч. *jsem*, 2 л. ед. ч. *jsi* и т. д.) и сослагательного наклонения (1 л. ед. ч. *bych*, 2 л. ед. ч. *bys* и т. д.), возвратные частицы *se* и *si*, односложные формы местоимений (*mě* ‘меня’, *ti* ‘тебе’ и т. п.) и некоторые другие короткие слова являются энклитиками: '*Já jsem si tě tam ani* '*nevšiml* ‘Я тебя там и не заметил’.

В словах и тактовых группах, содержащих не менее трех слогов, наряду с главным факультативно реализуется также слабое второстепенное ударение, которое падает, как правило, на нечетные слоги, считая от начала (третий, пятый), реже — главным образом в сложных словах — на четные: '*neu*,*vědo*,*mělý* ‘несознательный’, '*devěta*,*třicet* ‘тридцать девять’. На первом принципе постановки второстепенного ударения основаны размеры в чешском силлабо-тоническом стихосложении.

2.1.3. Особенности позиционной реализации обнаруживают прежде всего согласные фонемы.

Шумные звонкие оглушаются в середине слова перед глухими согласными и в конце слова, если за ним не следует слово, начинающееся с парной звонкой со-

гласной: *(to je) obchod* [opxot] ʽ(вот) магазин’. Глухой вариант имеет также сонорная /ř/, которая, в отличие от парных звонких фонем, оглушается и после глухой согласной: *přát* [prˢāt] ʽжелать’ и т. п.

Шумные глухие озвончаются в середине и в конце слова перед звонкими согласными (кроме /v/): *platba* [pladba] ʽплатёж’, *vlak brzdí* [vlag‿br̥zdī] ʽпоезд тормозит’. В данной позиции реализуются и звонкие варианты непарных глухих фонем /c/, /č/ — соответственно [ʒ], [ǯ]: *leckdo* [leʒgdo] ʽкое-кто’, *proč by ne* [proǯ‿by‿ne] ʽпочему бы и нет’. Исключение составляет группа /*sh*/ в середине слова: в Чехии здесь чаще всего наступает оглушение /*h*/, регрессивное же озвончение /*s*/, допускаемое литературной орфоэпией, характеризует моравское произношение: *na shledanou* [na‿sxledanou̯], моравское [na‿zhledanou̯] ʽдо свидания’.

Перед сонорными и /v/ на стыке слов могут озвончаться глухие и не подвергаться оглушению звонкие согласные в конце некоторых предлогов, наречных и модальных слов. В предлоге *přes* ʽчерез’ согласная в подобных случаях озвончается всегда (*přes most* [prˢez‿most] ʽчерез мост’), в предлоге *s* ʽс’, ʽиз’ — часто (в конструкциях с родительным падежом предлоги *s* ʽс’ и *z* ʽиз’ в произношении, как правило, совпадают), но не перед местоименными формами (*s námi* [s‿nāmi] ʽс нами’); в предлогах *bez* ʽбез’, *nad* ʽнад’, *od* ʽот’, *pod* ʽпод’, *před* ʽперед’ и *v* ʽв’ оглушение согласного в данной позиции отсутствует (ср. *bez vůně* [bez‿vūn’e] ʽбез запаха’, но *bez voní* [bes‿von’ī] ʽсирень пахнет’).

Перед гласными в начале слова после паузы и факультативно в начале и в середине слова в позиции «зияния», а также после предлогов и изредка приставок на согласную появляется так называемый глухой гортанный приступ: *otevřu okno* [ˀotevrᶻu (ˀ)okno] ʽоткрою окно’, *použít* [po(ˀ)užít] ʽвоспользоваться’ (в отличие, например, от *pouze* [pou̯ze] ʽтолько’), *k autu* [k (ˀ)autu] ʽк машине’. Звонкие согласные перед таким приступом (при его отсутствии — перед гласным) оглушаются: *v autě* [f ˀauťe]/[f‿auťe] ʽв машине’ и т. п.

Согласная /n/ перед /k/, /g/ представлена позиционным вариантом [ŋ]: *tenký* [teŋkī] ʽтонкий’, *tango* [taŋgo] ʽтанго’.

2.1.4. Слогообразующими элементами являются гласные (V), дифтонги (D) и слоговые сонорные (S̥). Возможные типы слога: 1) (ˀ)V/(ˀ)D: *a* ʽи’, ʽа’ (союз), *ou-ško* ʽушко’; 2) (ˀ)VC/(ˀ)DC, (’)VCC: *už* ʽуже’, *auk-ce* ʽаукцион’, *erb* ʽгерб’; 3) CV/CD/CS̥: *ru-ka* ʽрука’, *hou-ba* ʽгриб’, *vr-ba* ʽверба’; 4) CVC/CDC/CS̥C: *had* ʽзмея’, *kouř* ʽдым’, *mlč* ʽмолчи’ (2 л. ед. ч. повел. накл.); 5) модификации типов (3) и (4) с консонантными группами в начале и/или в конце слога. До слогообразующего элемента допустимы две, три и (не перед S̥) четыре согласных: *ská-la* ʽскала’, *dlou-ho* ʽдолго’, *čtvr-tý* ʽчетвёртый’, *vstříc* ʽнавстречу’, в том числе, по крайней мере в начале слова, группы сонорных, включая /r/ и /l/, с последующими сонорными или шумными (кроме слогов с S̥): *rmou-tit* ʽпечалить’, *lsti-vý* ʽхитрый’, *jmě-ní* [jmn’e-n’ī] ʽимущество’; ср. также *třpyt* ʽблеск’ с /ř/ между шумными. После слогообразующего элемента могут стоять только две и изредка (кроме слогов с S̥) три согласных: *šept-mo* ʽшёпотом’, *smršť* ʽсмерч’, *zábst* ʽмёрзнуть’; при этом встречаются, особенно в конце слова, группы с сонорными перед другими сонорными или шумными, но почти отсутствуют группы с сонорными после шумных согласных (исключая /ř/: *pepř* ʽперец’). В подобной по-

зиции не только /r/ и /l/, но в отдельных случаях и /m/ становятся слогообразующими: *se-dm* ʽсемь’, *o-sm* ʽвосемь’ с вариантами произношения [se-dum], [(ˀ)o-sum].

Наиболее характерными типами структуры слога в Ч.я. являются (3), (4) и (5); в рамках последнего спектр ограничений в народно-обиходном языке несколько шире: здесь подверглись упрощению многие группы согласных как в начале, так и в конце слога: *di-cki* ʽвсегда’ (лит. *vždy-cky*), *řbi-tov* ʽкладбище’ (лит. *hřbi-tov*), *du* ʽиду’ и *poť*/*pōť* ʽпойди (сюда)’ (лит. *jdu*, *pojď*), в их числе старые конечнослоговые группы шумных согласных с /l/ до приобретения им слоговости: *jap-ko* ʽяблоко’ (лит. *ja-bl-ko*), *čet* ʽчитал’ (лит. *če-tl*) и др.

Долгота/краткость является признаком гласных фонем, см. 2.1.1.; лишь в обиходном языке наблюдается их сокращение (в первую очередь /ī/, /ū/) и продление в определенных слоговых, межслоговых и фразовых условиях: [nēn’i] при лит. *není* (отрицательная форма 3-го лица единственного числа глагола ʽбыть’) и т. п.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Фонологическая структура слова определяется закономерностями строения слога (см. 2.1.4.), а с другой стороны — межслоговыми явлениями, которые нередко имеют межморфемный характер.

Современный Ч.я. лишь ограниченно допускает на стыке слогов (морфем) сочетания двух одинаковых или близких согласных, которые обычно стягиваются в один: *kamenný* [kamenī] ʽкаменный’, *babiččin* [babičin] ʽбабушкин’, *dražší* [drašī] ʽболее дорогой’, *francouzští* [francoṷšťī] ʽфранцузские’ (им. п. мн. ч. м. р. одуш.), *rozžehnout* [rozžehnoṷt]/[rožehnoṷt] (обиходное [rožnoṷt]) ʽзажечь’). В случаях последнего типа, а также в формах словоизменения (*pecka* ʽкосточка’ — дат. п., местн. п. ед. ч. *pecce*, 2 л. повел. накл. *vraťte* ʽверните’ и т. п.) отсутствие стяжения согласных бывает вызвано стремлением сохранить морфемную структуру. Двойные согласные не сливаются также на стыке частей сложного слова и двух слов, в том числе предлога с существительным: *bezzubý* [bezubī] ʽбеззубый’, но *bez zubu* [bez‿zubu] ʽбез зуба’.

На стыке слогов, граница которых может совпадать и не совпадать с морфемной, происходят также другие ассимиляции, в частности, /t/ + /s/, /d/ + /s/, /t/ + /c/, /d/ + /c/ > [c]: *bohatství* [bohactvī] ʽбогатство’, *srdce* [sr̥ce] ʽсердце’, /t/ + /š/, /d/ + /š/ > [č]: *větší* [vječī] ʽбольший’, *nadšení* [načen’ī] ʽвдохновение’; /d/ + /z/ > [ʒ], /d/ + /ž/ > [ǯ]: *podzim* [poʒim] ʽосень’ и др. Те же ассимиляции могут происходить в предложных сочетаниях типа *před celnicí* [pře‿celn’icī] ʽперед таможней’, *pod zemí* [po‿ʒemī] ʽпод землёй’.

2.2.2. Фонологическая противопоставленность остальным лексико-грамматическим категориям в Ч.я. прослеживается лишь у междометий и звукоподражательных слов, которые содержат фонемы, редкие либо вообще невозможные в собственно чешских словах, иногда в необычных для них сочетаниях (*ó* при восклицаниях, *au* при боли, *fí*/*pfí* о звуке свиста), или нарушают действующие в Ч.я. законы строения слога (*pst* ʽтсс’ со слогообразующей функцией шумной фрикативной согласной), а на уровне дистрибуции фонем также у отдельных союзов (таковы сочинительные *a*, *i* и их производные без протетического *j* перед гласной в начале слова).

2.2.3. Чередования гласных и согласных играют существенную роль в словообразовании и словоизменении.

Древнейшие вокалические чередования праславянского аблаутного происхождения в современном Ч.я. непродуктивны: *téci* ʽтечь’ — *točit* ʽналивать’, ʽцедить’, *potok* ʽпоток’; *mořit* ʽморить’, ʽмучить’ — *mařit* ʽгубить’ — *umřít* ʽумереть’ — *mrtvý* ʽмёртвый’, либо ограниченно продуктивны: *(do)nést* ʽ(до)нести’ — *(do)nosit* ʽ(до)носить’ — *(do)nášet* ʽ(до)нашивать’; *(se)beru* ʽ(со)беру’ — *(se)brat* ʽ(со)брать’ — *(s)bírat* ʽ(со)бирать’; ср. отглагольное существительное *sbor* ʽсобрание’, ʽсостав’, ʽкорпус’, ʽхор’ с аблаутом и новообразование *sběr* ʽсбор’ без аблаута. Из чередований, сформировавшихся в истории Ч.я., многие также лексикализованы, в частности, качественные /a/ ~ /e/, /ā/ ~ /ī/: *úřad* ʽучреждение’ — *úředník* ʽслужащий’, *svatý* ʽсвятой’ (прил.) — *světec* ʽсвятой’ (сущ.), *přítel* ʽдруг’ — *přátelé* ʽдрузья’, и в ряде случаев количественно-качественные (*řídit* ʽуправлять’ — *ředitel* ʽдиректор’, *bílý* ʽбелый’ — *bělejší* ʽболее белый’) и количественные (*mladý* ʽмолодой’ — *mlád* ʽмолод’, *mládenec* ʽюноша’).

Продуктивными или ограниченно продуктивными в рамках определенных категорий остаются в первую очередь следующие чередования гласных:

— количественно-качественные: /e/ ~ /ī/, /o/ ~ /ū/, /u/ ~ /ou̯/: *kámen* ʽкамень’ — *kamínek* ʽкамешек’, *slon* ʽслон’ — *slůně* ʽслонёнок’, *hustý* ʽгустой’ — *houšť*/*houští* ʽгустые заросли’, *houstnout* ʽгустеть’, *přát* ʽжелать’ — *přeji* ʽжелаю’, *přeješ* ʽжелаешь’ и т. д., *říci* ʽсказать’ — *řekl* ʽсказал’, *dům* ʽдом’ — род. п., дат. п. ед. ч. *domu* и т. д., *houba* ʽгриб’ — род. п. мн. ч. *hub*;

— количественные: /a/ ~ /ā/, /e/ ~ /ē/, /i/ ~ /ī/, /u/ ~ /ū/: *klas* ʽколос’ — *klásek* ʽколосок’, *léto* ʽлето’ — *letní* ʽлетний’, *urazit* ʽобидеть’ — *urážet* ʽобижать’, *mýt* ʽмыть’ — *myji* ʽмою’, *myješ* ʽмоешь’ и т. д., *myl* ʽмыл’, *chválit* ʽхвалить’ — *chval* ʽхвали’, *mířit* ʽцелиться’ — *miř* ʽцелься’, *mráz* ʽмороз’ — род. п., дат. п., местн. п. ед. ч. *mrazu* и т. д., *jméno* ʽимя’ — род. п. мн. ч. *jmen*, *síla* ʽсила’ — твор. п. ед. ч. *silou*, род. п. мн. ч. *sil*, *úzký* ʽузкий’ — *užší* ʽболее узкий’;

— чередования /e/ ~ ∅, /é/ ~ ∅: *tma* ʽтьма’ — *temný* ʽтёмный’, *okno* ʽокно’ — *okénko* ʽокошко’, *den* ʽдень’ — род. п. ед. ч. *dne* и т. д.

Продуктивные чередования согласных:

/k/ ~ /č/ ~ /c/, /h/ и /g/ ~ /ž/ ~ /z/, /x/ ~ /š/: *ruka* ʽрука’ — дат. п., местн. п. ед. ч. *ruce*/*ručka* ʽручка’, *pstruh* ʽфорель’ — им. п. мн. ч. *pstruzi*, *biolog* ʽбиолог’ — местн. п. мн. ч. *(o) biolozích*, *černoch* ʽнегр’ — им. п. мн. ч. *černoši*/*černošský* ʽнегритянский’;

/sk/ ~ /šť/, /ck/ ~ /čť/: *lidský* ʽчеловеческий’, ʽчеловечный’ — им. п. мн. ч. м. р. одуш. *lidští*, *lidštější* ʽболее человечный’, *anglický* ʽанглийский’ — им. п. мн. ч. м. р. одуш. *angličtí*, *angličtina* ʽанглийский язык’;

/c/ ~ /č/, /s/ ~ /š/, /z/ ~ /ž/: *otec* ʽотец’ — звательная форма *otče*, *otčina* ʽотчизна’, *psát* ʽписать’ — *píšu* ʽпишу’, *píšeš* ʽпишешь’ и т. д., *(z)kazit* ʽ(ис)портить’ — *zkažený* ʽиспорченный’;

/ť/ ~ /c/, /ď/ ~ /z/: *vrátit* ʽвозвратить’ — *vrácený* ʽвозвращённый’, *vracet* ʽвозвращать’, *osvobodit* ʽосвободить’— *osvobozovat* ʽосвобождать’;

/st/ ~ /šť/, /zd/ ~ /žď/, /sl/ ~ /šl/: *propustit* ʽуволить’ — *propuštěný* ʽуволенный’, *jezdit* ʽездить’ — *odjíždět* ʽуезжать’, *poslat* ʽпослать’ — *pošlu* ʽпошлю’, *pošleš* ʽпошлёшь’ и т. д.;

/t/ ~ /ť/, /d/ ~ /d'/, /n/ ~ /n'/: *čest* 'честь' — род. п., дат. п., местн. п. ед. ч. *cti*, *hrad* 'за́мок' — местн. п. ед. ч. *(na) hradě*, *jelen* 'олень' — им. п. мн. ч. *jeleni*, *vstanu* 'встану', *vstaneš* 'встанешь' и т. д. — *vstaň* 'встань';

/r/ ~ /ř/: *jaro* 'весна' — местн. п. ед. ч. *(na) jaře*, *bratr* 'брат' — звательная форма *bratře*, им. п. мн. ч. *bratři*, *sbratření* 'братство';

/p/ ~ /pj/, /b/ ~ /bj/, /v/ ~ /vj/, /f/ ~ /fj/, /m/ ~ /mn'/ (/mj/): *koupit* 'купить' — *koupě* 'купля', *holub* 'голубь' — *holoubě* 'птенец голубя', *tráva* 'трава' — дат. п., местн. п. ед. ч. *trávě*, *karafa* 'графин'— дат. п., местн. п. ед. ч. *karafě*, *krám* 'лавочка' — местн. п. ед. ч. *(v) krámě*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Флективно-синтетический язык с элементами аналитизма в спряжении глагола (формы прошедшего и будущего времени, а также страдательного залога).

2.3.1. По грамматическим и семантическим признакам выделяются части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол, предлог, союз, частица, междометие (см. 2.3.7.).

2.3.2. К классификационным категориям существительного в Ч.я. относятся род (мужской, средний, женский) и, в пределах мужского рода, одушевленность/неодушевленность. У прилагательных и других согласующихся с существительными слов, как и у местоимения *on* 'он', *ona* 'она', *ono* 'оно', эти категории являются словоизменительными.

Р о д существительных выражается: морфологически — наборами окончаний с типичными для разных родовых парадигм показателями в единственном и множественном числе (см. 2.4.0.) и синтаксически — формами согласуемых слов: м. р. *starý dům* 'старый дом', ж. р. *stará ulice* 'старая улица', ср. р. *staré město* 'старый город' (им. п. мн. ч. *staré domy*, *ulice*, но *stará města*). У отдельных имен наблюдаются расхождения между морфологической и определяющей в таких случаях синтаксической характеристикой (ср. *český kníže* 'чешский князь', род. п. ед. ч. *českého knížete* и т. д. при склонении, свойственном существительным среднего рода), а также морфологические и синтаксические аномалии во множественном числе (ср. им. п. мн. ч. *česká knížata* с согласованием по среднему роду, *Tantalova muka* 'Танталовы муки' с дальнейшим склонением по женскому роду и др.).

О д у ш е в л е н н о с т ь существительных мужского рода выражается также двояко. Морфологические признаки этой категории (в отличие от неодушевленных существительных): 1) совпадение формы винительного падежа единственного числа с формой родительного, а не именительного падежа, кроме существительных типа *starosta* 'староста', 'мэр' (род. п. ед. ч. *starosty*, вин. п. ед. ч. *starostu*), *soudce* 'судья' (род. п., вин. п. ед. ч. = им. п. ед. ч.); 2) окончание *-ovi* в дательном и местном падеже единственного числа с вариантами *-u*, *-i*: *(k, o) mistru Janu Husovi* '(к) магистру Яну Гусу', '(о) магистре Яне Гусе', *(ke, o) králi*, *-ovi* '(к) королю', '(о) короле', или без вариантов *(ke, o) starostovi* '(к) старосте', '(о) старосте', кроме существительных адъективного склонения; 3) окончания *-i*, *-ové*, *-é* в именительном падеже множественного числа: *Češi* 'чехи', *předkové* 'предки', *měšťané* 'горожане', *učitelé* 'учителя' и т. д., кроме существительных адъективного склонения (но *kočí* 'кучер', род. п. ед. ч. *kočího* и т. д. — им. п. мн. ч. *kočí*/*kočové*, регулярно *abbé* 'аббат', род. п. ед. ч. *abbého* и т. д. — им. п.

мн. ч. *abbéové*) и ряда других (*kněz* ʽсвященник’ — им. п. мн. ч. *kněží*). Первый признак проявляется также синтаксически, у слов, согласующихся с одушевленными существительными: *potkal dobrého přítele* ʽон встретил хорошего знакомого’. В именительном падеже множественного числа эти существительные требуют особых форм согласуемых слов с окончаниями *-í* (у полных форм морфологических прилагательных твердого типа склонения и у некоторых местоимений), *-i* (в остальных случаях), даже если они сами не имеют специфического показателя одушевленности: *moji*/*mí vraní koně* ʽмои вороные кони’ и т. п. Отдельные признаки грамматической одушевленности могут обнаруживать существительные, обозначающие неживые объекты, что мотивируется либо формально (*významní činitelé* ʽважные деятели’ и ʽважные факторы’), либо семантически (обиходное *chytat taxíka* ʽловить такси’, *koupit si mobila* ʽкупить мобильник’, *dát si hamburgra* ʽсъесть гамбургер’ и др.).

При предикативном употреблении родовая и, во множественном числе, одушевленная/неодушевленная форма согласуемых слов может диктоваться не существительным, а его значимым неэллиптическим отсутствием (форма среднего рода единственного числа, ср. *bylo zima* ʽбыло холодно’ и *byla zima* ʽбыла зима’), или непосредственно соотноситься с действительностью, обозначая реальный физический пол лица либо лиц: *Byl (-a, -i, -y) jste spokojen (-a, -i, -y)?* ʽВы остались довольны?’ (при обращении на «Вы» к мужчине, женщине или к группе лиц, включающей/не включающей хотя бы одного мужчину).

Формы причастий прошедшего времени на *-l* во множественном числе сигнализируют одушевленность/неодушевленность лишь графически (написание *-i*/*-y*: м. р. одуш. *byli* [bili] / м. р. неодуш., ж. р. *byly* [bili] ʽбыли’). Из других согласуемых с существительными слов категорию рода, но не одушевленности выражают деепричастия, которые используются только в книжном Ч.я.: м. р. ед. ч. *přijda*, ж. р. и ср. р. ед. ч. *přijdouc*, мн. ч. *přijdouce* ʽпридя’ и числительные ʽдва’, ʽоба’ (м. р. *dva*, *oba*, ж. р. и ср. р. *dvě*, *obě*). Числительные ʽтри’ и выше ни рода, ни одушевленности не различают.

Лексические значения местоимений *kdo* ʽкто’, *co* ʽчто’ и их производных с грамматической категорией одушевленности не связаны. В некоторых случаях местоимение *co* может употребляться по отношению к живому существу, например: *Co se jim má narodit: chlapeček nebo holčička?* ʽКто у них должен родиться: мальчик или девочка?’.

2.3.3. Категория ч и с л а у существительных, прилагательных и других согласуемых с существительными слов, у местоимения *on* и у личных форм глагола является словоизменительной и выражается парадигматически, противопоставлением наборов падежных или личных окончаний единственного и множественного числа (см. 2.4.0.).

Из существительных в числовых противопоставлениях не участвуют имена singularia tantum (*mládež* ʽмолодёжь’, *žízeň* ʽжажда’, *nafta* ʽнефть’ и т. п.) и pluralia tantum (*Čechy* ʽЧехия’, *kvasnice* ʽдрожжи’, *šaty* ʽплатье’, *volby* ʽвыборы’ и т. п.). У счетных pluralia tantum количественные отношения сигнализируются числительными и местоимением *všechen* ʽвесь’: *jedny noviny* ʽодна газета’ — *dvoje*, *patery*, *všechny noviny* ʽдве, пять, все газеты’. У несклоняемых заимствованных существительных числовые оппозиции, а также род и одушевленность выражаются ис-

ключительно синтаксически: *vojenský atašé* 'военный атташе' — им. п. мн. ч. *vojenští atašé*.

Числовая форма слов других частей речи, имеющих данную категорию, может мотивироваться существительным (или его значимым отсутствием) либо непосредственно соотноситься с действительностью, выражая реальные количественные отношения и в ряде случаев иные смыслы, особенно определенность/неопределенность: *každý víme, že…* 'всякий знает (все мы знаем), что…' и т. п.

У личных местоимений 1-го и 2-го лица *já* 'я' — *my* 'мы', *ty* 'ты' — *vy* 'вы' категория числа является классификационной.

2.3.4. У имен и местоимений выделяется шесть п а д е ж е й: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный; существительные мужского и женского рода в единственном числе имеют особую звательную форму, которую иногда также считают падежной.

Функции именительного падежа: 1) субъектная; с субъектом в именительном падеже может быть согласовано сказуемое: *Kniha je dárek nejmilejší* 'Книга — лучший подарок'; 2) главного члена односоставного именного предложения: *Polibek, kapesník, siréna, lodní zvonec…* 'Поцелуй, платок, гудок, судовой колокол…' (В. Незвал) и чисто назывная: *Zahradní slavnost* «Праздник в саду» (название пьесы В. Гавела); транспозиция последней представлена также в атрибутивных сочетаниях типа *týdeník Respekt* 'еженедельник «Респект»'.

Именительный падеж субъекта противопоставляется прежде всего винительному как падежу прямого объекта: *Spisovatel chystá novou knihu* 'Писатель готовит новую книгу'. Объектную функцию могут иметь также остальные падежи. Родительный обычно реализует ее при глаголах с возвратным компонентом *se* (*ptát se babičky* 'спрашивать бабушку') или с определенными приставками: *do-*, *u-*, *na-* и др. В последнем случае с собственно объектным бывают сопряжены иные значения, свойственные родительному падежу, в особенности пространственное (аллативное: *dosáhnout úspěchu* 'достичь успеха') и квантитативное (*upít vody* 'отпить воды', ср. *trochu vody* 'немного воды'; *nadělat hluku* 'наделать шума', ср. вторичное субъектное употребление *Toho hluku tam bylo!* 'Там было так шумно!'). Объектным дательным падежом часто выражается адресат (в том числе при таких глаголах, как *děkovat komu* 'благодарить кого-либо', *nadávat komu* 'ругать кого-либо' и т. п.). За этой и другими семантическими функциями приглагольного дательного также могут просматриваться пространственные значения приближения/удаления: *Dětem dali*/*vzali hračky* 'Детям дали / У детей отобрали игрушки' и др. В результате возобладания собственно объектной семантики ряд глаголов в современном Ч.я. переходит от управления родительным или дательным к управлению винительным падежом: *použít výtahu*/*výtah* 'воспользоваться лифтом', *učit se jazykům*/*jazyky* 'изучать языки'. В разнообразных объектных конструкциях выступают винительный и все косвенные падежи с предлогами, а также беспредложный творительный. При этом в одних случаях употребление таких падежей диктуется лишь традиционным глагольным управлением, а в других они выявляют более конкретную семантику в тесной связи с семантикой предлога. Для большей части падежей это преимущественно пространственные или выводимые из них значения, а для творительного еще орудийное и социативное: *obrátit se k oknu* (дат. п.) *zády* (твор. п.) 'повернуться к окну спиной', *obrátit se po hlase* (местн. п.)

‘обернуться на голос’, *obrátit se na vedení* (вин. п.) *se stížností* (твор. п.) ‘обратиться к начальству с жалобой’; *udeřit do stolu* (род. п.) ‘ударить по столу’, *udeřit na gong* (вин. п.) ‘ударить в гонг’, *udeřit proti nepříteli* (дат. п.) ‘ударить по врагу’ и т. д.

Винительный и косвенные падежи в конструкциях с предлогами или без предлога выражают также обстоятельства места, времени, образа действия и др. Примеры: *Pták vyletěl na střechu*/*nad střechu* (вин. п.) ‘Птица взлетела на крышу/выше крыши’, ср. *Pták je na střeše* (местн. п.)/*nad střechou* (твор. п.) ‘Птица на крыше/над крышей’; *Jak se dostaneme do divadla* (род. п.)/*k divadlu* (дат. п.)*?* ‘Как нам попасть в театр/пройти к театру?’; *Přijďte v pátek*/*příští pátek* (вин. п.) ‘Приходите в пятницу/в следующую пятницу’; *To všechno se stalo v roce* (местн. п.) *1989*/*toho roku* (род. п.), *kdy…*/*rok* (вин. п.) *poté, co…* ‘Все это случилось в 1989 году/в тот год, когда…/через год после того, как…’; *Jel autem* (твор. п.) *rychlostí* (твор. п.) *60 km*/*h* ‘Он ехал на машине со скоростью 60 км/ч’; *Divže nepadám únavou* (твор. п.) ‘Я чуть не падаю от усталости’. Творительным падежом и сочетанием винительного падежа с предлогом *za* выражается и так называемое «сказуемостное определение», или предикативный детерминант (чеш. doplněk, см. 2.5.3.).

В атрибутивной функции выступают родительный и другие косвенные падежи, а также винительный падеж, нередко с предлогами. При этом в ряде случаев речь идет о выражении некоторых частных значений падежей и предложно-падежных конструкций, реализующихся и неатрибутивно: родительный квантитативный — *doušek čerstvého vzduchu* ‘глоток свежего воздуха’; дательный адресата — *dopis příteli* ‘письмо другу’; винительный предназначения с предлогом *na* — *koš na papíry* ‘корзина для бумаг’; местный «предмета» с предлогом *o* — *kniha o Tibetu* ‘книга о Тибете’ и др. В иных случаях представлена транспозиция обстоятельственной или объектной функции: *dům na náměstí* ‘дом на площади’ ← *stojící na náměstí* ‘стоящий на площади’, *obchod s dámskou konfekcí* ‘магазин женской одежды’ ← *obchodovat s* + твор. п. ‘торговать чем-либо’. В атрибутивном употреблении родительного падежа при отглагольных существительных также возможно усматривать результат транспозиции (с трансформацией) либо винительного падежа прямого объекта, либо именительного падежа субъекта: *oprava domu* ‘ремонт дома’ ← *opravit dům* ‘отремонтировать дом’, *narození dítěte* ‘рождение ребёнка’ ← *narodilo se dítě* ‘родился ребёнок’.

Атрибутивный родительный падеж, помимо этого, служит одним из основных средств выражения функционально-семантической категории посессивности (принадлежности). К посессивности в широком смысле причисляют всякое значение принадлежности, включая принадлежность неживым предметам (*ručičky hodin* ‘стрелки часов’); в узком смысле сюда относят лишь принадлежность одному или многим одушевленным существам, чаще всего лицам (*obojek štěněte* ‘ошейник щенка’, *domov důchodců* ‘дом престарелых’ и т. п.). Ряд специфических модификаций подобных атрибутивных отношений выражается не родительным падежом, а различными предложно-падежными конструкциями — *u*, *do*, *od* + род. п., *po* + местн. п. и др.: *tkaničky u*/*do bot* ‘шнурки ботинок’, *obraz od známého malíře* ‘картина известного художника’, *vdova po učiteli* ‘вдова учителя’. В предложении отношение принадлежности может также сигнализировать син-

таксически приглагольный дательный падеж: *Džbánu chybí ucho* ʽУ кувшина нет ручки’, *Rozbušilo se jí srdce* ʽУ неё заколотилось сердце’; ср. подобную функцию генетически дативного возвратного компонента *si* в контекстах типа *Zlomil si nohu* ʽОн сломал ногу (себе/свою)’.

С родительным падежом при выражении принадлежности (и иных атрибутивных отношений) конкурируют относительные и притяжательные прилагательные. Относительные типа *dětský* ʽдетский’, *městský* ʽгородской’, *hvězdný* ʽзвёздный’, *noční* ʽночной’, *kávový* ʽкофейный’ и так называемые коллективно-притяжательные прилагательные типа *dívčí* ʽдевичий’, *rybí* ʽрыбий’, ʽрыбный’ представляют собой чисто словообразовательную категорию; их семантика «внепадежна», т. е. вбирает в себя обширный набор значений разных приименных падежей, включая предложно-падежные сочетания, и безразлична к числовым оппозициям производящего существительного: *dětský domov* (= *dětí*, *pro děti*) ʽдетский дом (= детей, для детей)’ и *dětské oči* (= *dětí*/*dítěte*) ʽдетские (ребячьи) глаза (= детей/ребенка)’, *hvězdná záře* (= *hvězd*/*hvězdy*) ʽзвёздное сияние (= звёзд/звёзды)’ и *hvězdná obloha* (= *s hvězdami*) ʽзвёздное небо (= со звёздами)’, *rybí kost* (= *ryby*) ʽрыбья кость (= рыбы)’ и *rybí polévka* (= *z ryb*) ʽрыбный суп (= из рыб, -ы)’. Собственно же притяжательные прилагательные, регулярно (за немногими исключениями) образуемые от существительных со значением лица и, реже, от названий животных мужского (с суффиксом *-ův-* в именительном падеже единственного числа мужского рода и *-ov-* в остальных формах) и женского рода (с суффиксом *-in-*), интерпретируются некоторыми исследователями как «ассоциированные» с парадигмой производящего существительного варианты приименного родительного падежа. При парадигматическом образовании такие притяжательные прилагательные, выражая значение принадлежности и другие атрибутивные отношения к единичным индивидам, семантически полностью эквивалентны родительному падежу единственного числа производящего существительного. Функционально притяжательные прилагательные и родительный падеж единственного числа в литературном Ч.я., согласно его современной кодификации, дополнительно распределены: притяжательные прилагательные — при возможности их образования — обязательно употребляются в случаях, когда соответствующее существительное, обозначающее определенное лицо или персонифицированное животное, не имеет зависимых членов, ср. *prezidentův projev* ʽречь президента’, но *projev pana prezidenta*/*prezidenta České republiky* ʽречь господина президента/президента Чешской Республики’. Реальный узус, особенно разговорный, демонстрирует, однако, экспансию родительного падежа в ущерб притяжательным прилагательным, сохраняя за ними лишь статус маркированного средства выражения атрибутивного отношения к единичному индивиду и, вместе с тем, его определенности, ср. разг. *Já se směju spíš humoru Chaplina* (*chaplinovskému*) ʽМеня смешит скорее юмор Чаплина (чаплиновский)’ при лит. *Směji se spíše Chaplinovu humoru*.

В разговорном Ч.я. существуют также несогласуемые «семейно-притяжательные» формы на *-ovic* типа *Novákovic*, *sousedovic*, выражающие принадлежность (*v Novákovic bytě* ʽв квартире Новаков’, *se sousedovic klukem* ʽс соседским мальчишкой’), которые могут употребляться и в качестве субстантивных наименований семьи (*přišli Novákovic* ʽпришли Новаки’).

В рамках класса местоимений эквивалентами притяжательных прилагательных (и атрибутивного родительного падежа) выступают согласуемые посессивные формы (притяжательные местоимения) *můj* ʻмойʼ, *tvůj* ʻтвойʼ, *svůj* ʻсвойʼ, *náš* ʻнашʼ, *váš* ʻвашʼ, *její* ʻеёʼ и несогласуемые *jeho* ʻегоʼ, *jejich* ʻихʼ, в системе относительных местоимений аналогично *jejíž*, *jehož*, *jejichž*, и вопросительное местоимение *čí* ʻчейʼ (разг. также *koho*).

Лексически принадлежность выражают глагол *mít* ʻиметьʼ (выполняет и иные функции): *Soused má nové auto* ʻУ соседа новая машинаʼ, *Soused má radost* ʻУ соседа радостьʼ (но также *Soused má auto rozbité* ʻУ соседа сломалась машинаʼ, *Soused má po radosti* ʻСосед уже не радʼ и т. п.) и более специфицированные, с аналогичной валентностью, глаголы *vlastnit* ʻобладать/быть владельцем чего-либоʼ и, с другой конструкцией, *patřit*, *(při)náležet* ʻпринадлежатьʼ: *Sousedovi patří/náleží polovina domku* ʻСоседу принадлежит половина домаʼ.

2.3.5. Для глагола характерны категории: вид, способ глагольного действия, переходность/непереходность, залог и — в системе личных форм глагола — наклонение, время, лицо и число (для причастий и деепричастий также время и число, последнее в качестве именной категории).

Лексико-грамматическая категория в и д а охватывает подавляющее большинство глаголов, относящихся к одному из двух семантически и грамматически противопоставленных классов: к совершенному виду со значением ограниченности действия пределом, или его целостности, комплексности, либо к несовершенному виду, семантика которого в отношении указанного признака нейтральна. В связи с этим глаголы совершенного вида не могут обозначать длящееся действие в так называемом актуальном настоящем (ср. *Co to děláš?* (несов. вид) ʻЧто это ты делаешь?ʼ, но не **Co to uděláš?* (сов. вид) букв. ʻЧто это ты сделаешь?ʼ) и вообще действие, развертываемое во времени, в том числе пофазисно; отсюда их несочетаемость с фазисными глаголами (ср. *začít/přestat dělat* ʻначать/перестать делатьʼ, но не **začít/přestat udělat* букв. ʻначать/перестать сделатьʼ). В остальном семантика совершенного вида реализуется во всех временны́х планах, в частности, и в (неактуальном) настоящем, и при регулярном для Ч.я. употреблении его как средства выражения повторяющихся действий, имеющих всякий раз свой предел, совместима со значением длительности, ср. сочетаемость таких глаголов с лексическими показателями кратности и длительности: *Často se stane, že dlouho nic nenapíše* ʻЧасто случается (букв. ʻслучитсяʼ), что он долго ничего не пишет (букв. ʻне напишетʼ)ʼ. Морфологически межвидовые различия проявляются в отсутствии у глаголов совершенного вида аналитических форм будущего времени со вспомогательным глаголом *být* ʻбытьʼ (а также действительных причастий настоящего времени на *-oucí/-ící*).

Глаголы совершенного и несовершенного вида обычно вступают в видовые пары, будучи связаны словообразовательными отношениями деривации или кодеривации.

При образовании глаголов несовершенного вида (имперфективации) используется исключительно суффиксальный способ в сочетании с чередованиями корневых гласных и согласных. Имперфективирующими суффиксами, которые ниже приводятся так, как они представлены в инфинитивной основе, являются непродуктивные в современном языке *-a-*, *-e-* (*skákat* ʻпрыгатьʼ — *skočit* ʻпрыгнутьʼ,

lekat se ʽпугаться’ — *leknout se* ʽиспугаться’, *říkat* ʽговорить’ — *říci* ʽсказать’, *házet* ʽбросать’ — *hodit* ʽбросить’, *vracet* ʽвозвращать’ — *vrátit* ʽвернуть’, *míjet* ʽпроходить (мимо)’ — *minout* ʽпройти’) и продуктивные *-ova-*, *-va-* (*kupovat* ʽпокупать’ — *koupit* ʽкупить’, *nahrazovat* ʽзаменять’ — *nahradit* ʽзаменить’, *poskytovat* ʽпредоставлять’ — *poskytnout* ʽпредоставить’, *nalévat* ʽналивать’ — *nalít* ʽналить’, *potkávat* ʽвстречать’ — *potkat* ʽвстретить’, *rozpracovávat* ʽразрабатывать’ — *rozpracovat* ʽразработать’); иногда дериваты с непродуктивным и продуктивным суффиксом сосуществуют в качестве вариантов (ср. *popouzet*/ *popuzovat* ʽвозмущать’ — *popudit* ʽвозмутить’).

Основной способ образования глаголов совершенного вида (перфективации) — префиксальный. Чисто перфективирующую функцию могут иметь префиксы *u-*, *na-*, *po-*, *s(e)-*, *z(e)-*, *za-* и др.: *udělat* ʽсделать’, *napsat* ʽнаписать’, *poprosit* ʽпопросить’, *smíchat* ʽсмешать’, *změřit* ʽизмерить’, *zazpívat* ʽспеть’. Однако те же префиксы в сочетании с иными глагольными основами, как и все остальные (*při-*, *pře-*, *pro-*, *ob(e)-* и т. д.), меняют не только вид, но и лексическое значение глагола.

Во многих случаях при этом префиксальный глагол отличается от непрефиксального способом глагольного действия, т. е. вхождением в одну из лексико-семантических групп глаголов, тем или иным образом представляющих протекание действия во времени и пространстве, а также с точки зрения квантитативных характеристик самого действия либо его актантов. Например, с префиксами *do-* и *od-* образуются глаголы завершительного и финитивного способов действия (*dopsat* ʽдописать’, *odkvést* ʽотцвести’), префиксы *po-* и *za-* (последний в сочетании с возвратным компонентом *si*), выражают ограничительный способ действия (*posedět* ʽпосидеть’, *zaplavat si* ʽпоплавать’), а префикс *roz-* (обычно с возвратным компонентом *se*) — начинательный (*rozdělat práci* ʽначать делать работу’, *rozstonat se* ʽзаболеть’, ʽразболеться’); в то же время префиксы *do-*, *od-* и др. обслуживают различные пространственные способы действия, выступая носителями значений аллативности (*dovézt* ʽдовезти’, ʽпривезти’, ʽввезти’), аблативности (*odvézt* ʽотвезти’, ʽувезти’) и т. д. Префиксы *do-* и *od-*, наряду с *při-* и *u-*, передают партитивный способ действия (*dolít*, *přilít* ʽдолить’, *odlít*, *ulít* ʽотлить’), а префиксы *po-*, *z-* и их комбинации — дистрибутивный (*postřílet* ʽперестрелять’, *pozotvírat* ʽпооткрывать’). Для выражения кратных способов используется суффиксация: посредством суффикса *-nou-* образуются одноактные глаголы (*mávnout* ʽмахнуть’), а суффиксами *-a-*, *-va-*, их комбинацией и удвоением либо даже утроением *-va-* — парадигматически продуктивные, но имеющие в современном Ч.я. относительно низкую частотность многократные глаголы: *vidět* ʽвидеть’ → *vídat*, *vídávat* ʽчасто видеть (= видывать)’, *chodit* ʽходить’ → *chodívat*, *chodívávat* ʽчасто ходить (= хаживать)’.

Принадлежность к определенным способам глагольного действия и другие факторы, как семантические, так и формальные, обусловливают существование групп одновидовых глаголов, не имеющих чисто видовой пары с одинаковым лексическим значением (perfectiva и imperfectiva tantum), и двувидовых глаголов. К группе perfectiva tantum относятся, в частности, глаголы многих квантифицирующих способов действия, например дистрибутивного, кумулятивного (*nasekat* ʽнарубить’), сатуративного (*najíst se* ʽнаесться’), префиксальные глаголы со зна-

чением способности (*vydržet* ʽвыдержать', *vyznat se* ʽразбираться в чем-либо', *dovést*, *dokázat* ʽуметь', ʽмочь') и т. д. В группу imperfectiva tantum входят многократные глаголы, ряд глаголов со значением физического и психического состояния (*být* ʽбыть' при лексически несоотносительном *pobýt* ʽпробыть (какое-то время)', *žít* ʽжить', *chybět*, *scházet* ʽотсутствовать', ʽнедоставать', *doufat* ʽнадеяться', *tušit* ʽпредчувствовать', *snít* ʽмечтать'), модальные и близкие им глаголы (*moci* ʽмочь', *smět* ʽсметь', ʽбыть вправе', *muset* и *mít* ʽбыть должным', *potřebovat* ʽнуждаться в чем-либо', *umět* ʽуметь'), а также глаголы разнонаправленного движения (*chodit* ʽходить', *nosit* ʽносить') и др. Двувидовыми являются такие глаголы, как *stanovit* ʽустанавливать/установить', *věnovat* ʽпосвящать/посвятить и т. п.' и некоторые др., часто образованные от интернациональных основ суффиксом *-ova-*, типа *informovat* ʽ(про)информировать': *Rozhodl se, že tomu věnuje/bude věnovat všechny síly* ʽОн решил, что приложит/будет прилагать к этому все усилия', *Zítra vás o tom informuji/budu informovat* ʽЗавтра я вас об этом (про)информирую'.

Особое место занимают глаголы однонаправленного движения *jít* ʽидти', *jet* ʽехать', *letět* ʽлететь' и др. По семантическим и формальным признакам их можно счесть находящимися вне категории вида: значения ограниченности/неограниченности действия пределом (целостности/нецелостности) в данной группе выражаются лишь в плане будущего формами самих этих глаголов, а в прочих временны́х и модальных планах эти глаголы либо аспектуально индифферентны, либо — в повелительном наклонении — дифференциация их форм сопряжена с определенной ориентацией движения в отношении говорящего: *Zítra jdu/půjdu k lékaři* ʽЗавтра я иду/пойду к врачу', но только *Když jsem šel k lékaři…* ʽКогда я шёл/пошёл к врачу…', *Koncem týdne jedeme/pojedeme na venkov* ʽВ конце недели мы едем/поедем в деревню', но *Vy nechcete/Nechtěli byste jet na venkov?* ʽКак, вы не хотите ехать/Вы не хотели бы поехать в деревню?'; повелительное наклонение: *Jdi se projít* ʽИди/пойди погуляй', но *Pojď se projít* ʽПойдём погуляем', *Pojď sem!* ʽПойди/иди сюда!'. Глаголы типа *nést*, разделяя формальные признаки этой группы, однако, тяготеют к разряду imperfectiva tantum: *Ten kufr ponesu/budu nést já* ʽЭтот чемодан понесу/буду нести я'.

Квалифицирующая категория п е р е х о д н о с т и / н е п е р е х о д н о с т и связана с грамматической категорией залога: переходные глаголы, в действительном залоге способные иметь при себе прямой объект в винительном падеже, образуют формы страдательного залога (формы пассива с глаголом *být* и рефлексива с возвратным компонентом *se*) с регулярной трансформацией объекта в субъект: *tisknout/vytisknout knihu* ʽпечатать/напечатать книгу' → *kniha je tištěna (se tiskne)/je vytištěna (se vytiskne)* ʽкнига печатается/напечатана (будет напечатана)'. Лишь у некоторых переходных глаголов эти формы в силу ряда семантических и формальных причин не образуются либо не употребляются: таковы глаголы *mít* ʽиметь', *umět* ʽуметь', *vědět* и *znát* ʽзнать', *dostat* ʽполучить' и *sehnat* ʽдостать' (при модальном *Kde se to sežene?* ʽГде это можно достать?') и т. п. В свою очередь отдельные непереходные глаголы в пассиве допускают также преобразование в субъект непрямого объекта: *dotázat se* + род. п. ʽспросить', ʽзапросить' → *byl dotázán* ʽон был спрошен', *polichotit* + дат. п. ʽпольстить' → *je polichocen* ʽон польщён', *pohrdat* + твор. п. ʽпренебрегать' → *je pohrdán* ʽим пренебрегают'. Пассив и рефлексив других непереходных глаголов, как и рефлексив

безобъектных глаголов, реализующиеся исключительно в форме 3-го лица единственного числа (среднего рода), функционируют бессубъектно, в остальном же сохраняют глагольное окружение неизменным, ср. *dosáhnout úspěchů* (род. п.) 'достичь успехов' → *bylo dosaženo úspěchů* 'были достигнуты успехи', *pokračovat v práci* (местн. п.) 'продолжать работу' → *v práci bude pokračováno*/*v práci se bude pokračovat* 'работа будет продолжаться', *letět do Prahy dvě hodiny* 'лететь в Прагу два часа' → *do Prahy se letí dvě hodiny* 'в Прагу лететь два часа'.

Грамматическая категория з а л о г а, таким образом, имеет сложную иерархию. Формам действительного залога противопоставляются два типа форм страдательного залога: формы аналитического пассива у объектных глаголов, в первую очередь переходных, и формы рефлексива, или возвратного пассива, почти у всех глаголов, исключая исходно возвратные с компонентами *se* и *si* (а также *být* 'быть', *chybět* 'недоставать' и некоторые другие). Оба типа форм страдательного залога выражают одну и ту же диатезу «синтаксический субъект равен пациенсу или отсутствует», но сфера их функционирования несколько отлична. С одной стороны, формы аналитического пассива стилистически маркированы как книжные, с другой — рефлексив практически не выступает в повелительном наклонении (редкое исключение составляет фразеологизм *posvěť se jméno Tvé* 'да святится имя Твое'), а субъектные формы рефлексива ограниченно (в тесной связи с семантикой глагола) употребляются в предложениях с определенными классами субъекта, особенно со значением одушевленного существа. Эти ограничения обусловливаются потенциальной омонимией рефлексива и разных словообразовательных модификаций, как правило, переходных глаголов: возвратных дериватов типа *zavírat se* 'закрываться', *vrátit se* 'вернуться', *učesat se* 'причесаться', *seznámit se* 'познакомиться' и т. п. Разграничить те и другие иногда позволяет только контекст, в частности, характер смыслового отношения субъекта к действию, а из формальных признаков — взаимозаменяемость рефлексива с пассивом и почти полная его неспособность к образованию действительных причастий. Примеры: *Budova se zavírá denně v 22 hodin* 'Здание закрывается ежедневно в 22 часа (кем-либо)' (= *je zavírána*), но *Pozor, dveře se zavírají* 'Осторожно, двери закрываются (сами)' (ср. *automaticky se zavírající dveře* 'автоматически закрывающиеся двери'), *Poukázané peníze se odesílateli vrátily* 'Переведённые деньги вернулись к отправителю' (= *byly vráceny* 'были возвращены'), но *Stěhovaví ptáci se na jaře vrátili* 'Перелётные птицы весной вернулись'.

Возвратные глаголы, не являющиеся грамматикализованными формами рефлексива, а также исходно возвратные глаголы (лексические reflexiva tantum) с компонентами *se* и *si* формируют лексическую категорию возвратности. Подобными глаголами — в сфере действительного залога — обозначается направленность действия на субъект, который либо полностью охватывается действием (у глаголов с *se*: *zajímat se* 'интересоваться', *připravit se* 'приготовиться', *setkat se* 'встретиться'), либо затрагивается им как адресат (у глаголов с *si*: *(vy)půjčit si* 'взять взаймы', *hovět si* 'нежиться', *povídat si* 'разговаривать (друг с другом)'). При этом возвратные компоненты таких глаголов, сохраняя морфологическую связь с парадигмой возвратного местоимения *sebe*, в разной степени близки к членам предложения или — в особенности *si* — к синтаксически «свободным» элементам его семантической структуры. Это позволяет говорить скорее о се-

мантической категории возвратности, различные значения которой реализуются как в рамках глагола или его ближайшего окружения (*pamatovat* + *Ø*/*se*/*si* ʽпомнить/вспоминать/припоминатьʼ), так и в предложении (прежде всего «свободное» употребление *si* в контекстах типа *Jdu si pro balík* ʽЯ за посылкойʼ). В предложении значение возвратности выражают также остальные формы возвратного местоимения *sebe* (например, *Pojďte s sebou!* ʽПойдёмте со мной (вместе)!ʼ), иногда тесно связанные с глаголом (*házet se*/*sebou* ʽметатьсяʼ, ʽбитьсяʼ), наречие *spolu* (*My spolu nemluvíme* ʽМы друг с другом не разговариваемʼ) и другие средства.

Формы аналитического пассива состоят из кратких страдательных причастий, согласуемых с субъектом, а при его отсутствии выступающих в среднем роде единственного числа, и вспомогательного глагола *být* в соответствующем лице, числе, времени и наклонении, который изредка может быть опущен (так, во вводных оборотах типа *obrazně řečeno* ʽобразно говоряʼ имеет место эллипсис формы повелительного наклонения *budiž*). В разговорном Ч.я. эти формы практически не употребляются; с другой стороны, здесь распространена проникающая и в литературный Ч.я. так называемая «категория результативного состояния»: конструкции со вспомогательным глаголом *mít* ʽиметьʼ или *dostat* ʽполучитьʼ в сочетании с полными формами страдательных причастий, согласуемых с прямым объектом, а при его отсутствии — с краткими формами среднего рода единственного числа на *-no*/*-to*, типа *máme věci sbalené*/*máme sbaleno* ʽу нас вещи собраны/мы собраныʼ, *nedostal zaplaceno* ʽему не заплатилиʼ. В конструкциях без прямого объекта причастными формами на *-no*/*-to* бывают представлены и глаголы, которые страдательных причастий как таковых не имеют: *spadnout* ʽупастьʼ, ʽобрушитьсяʼ → *má na mě spadeno* ʽон на меня золʼ, *vynadat* + дат. п. ʽотругать кого-либоʼ → *dostal vynadáno* ʽего отругалиʼ.

В сфере причастий залоговые оппозиции могут выражаться асимметрично. Страдательные причастия с суффиксами *-en-*, *-n-*, *-t-* образуют глаголы как несовершенного вида (тип *dělaný* ʽделаемыйʼ с процессуально-пассивной семантикой, т. е. причастия настоящего времени), так и совершенного вида (тип *udělaný* ʽсделанныйʼ с результативно-пассивной семантикой, т. е. причастия прошедшего времени). В действительном залоге им реально соответствуют лишь причастия настоящего времени от глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ouc-*, *-íc-* типа *dělající* ʽделающийʼ, так как устаревшие действительные причастия прошедшего времени типа *dělavší* ʽделавшийʼ, *udělavší* ʽсделавшийʼ в современном Ч.я. почти вышли из употребления. В связи с этим в прошедшем времени страдательные причастия или образования, формально совпадающие с ними, внедряются в парадигму главным образом возвратных глаголов с компонентом *se*, имеющих медиоактивное или медиопассивное значение, сходное с грамматическим страдательным, но на правах действительных причастий; ср. *Stál opřen*/*opřený o stůl* ʽОн стоял, опершись (букв. ʽоперевшийсяʼ) о столʼ ← *opřít se* ʽопереться ʼ (при наличии страдательного причастия *opřený* ← *opřít* ʽоперетьʼ) и т. п.

Категорию н а к л о н е н и я формирует противопоставление форм трех наклонений: изъявительного, повелительного и сослагательного, или условного. Непассивные формы изъявительного наклонения частично синтетические (главным образом в презенсе: *(pře)čtu* ʽ(про)читаюʼ, *(pře)čteš* ʽ(про)читаешьʼ, *(pře)čte…* ʽ(про)читает…ʼ), частично аналитические (в прошедшем и будущем

времени у глаголов несовершенного вида: *(pře)četl* + *jsem*, *jsi* (или *(pře)četls* с неотделяемым показателем *-s*) -∅… ʽя, ты, он (про)читал…’, *budu*, *budeš*, *bude*… + *číst* ʽбуду, будешь, будет… читать’). Непассивные формы повелительного наклонения — исключительно синтетические: *(pře)čti* ʽ(про)читай’, *(pře)čtěte* ʽ(про)читайте’, *(pře)čtěme* ʽдавай, -те читать’, ʽдавай, -те прочитаем’. Аналитические конструкции с частицами *ať* и книжной *nech(a)ť* ʽпусть’ при презентных формах глагола, выражающие побуждение 3-го лица, но возможные и в других лицах (ср. *ať (pře)čte* ʽпусть (про)читает’ и *Ať se do večera vrátíš!* ʽЧтобы к вечеру (ты) вернулся!’, *Ať už vás tu nevidím!* ʽЧтобы я вас тут больше не видел!’), морфологическими формами повелительного наклонения не являются, а обслуживают функционально-семантическую категорию побуждения. Она выражается также иными конструкциями (например, разг. *pojd’ to koupit* ʽдавай купим’, *koukej zmizet* ʽубирайся’, букв. ʽгляди исчезнуть’), транспонированными формами изъявительного и сослагательного наклонений, инфинитива и т. д. (*Jdeme!* ʽПойдем, -те/Пошли!’, *Vy byste raději mlčel* ʽВам бы лучше помолчать’, *Sednout!* ʽСесть!’). Формы сослагательного наклонения образуются аналитически из особых форм вспомогательного глагола *být* (*bych*, *bys*, *by*…) и причастия на *-l-*: *(pře)četl bych* ʽя бы (про)читал’. Значение потенциального действия, морфологически выражаемое сослагательным наклонением, может сигнализировать также инфинитив и, в сложных предложениях с эксплицитно выявленной потенциальностью в придаточной части, форма изъявительного наклонения в главной части: *Mít peníze, tak to koupím* ʽИмей я деньги/Будь у меня деньги, я бы это купил’.

Категория в р е м е н и в области глагола реализуется по-разному в изъявительном и сослагательном наклонении, а также в системах причастий и деепричастий.

В изъявительном наклонении у глаголов совершенного вида противопоставляются синтетические формы настоящего/будущего времени (презенса) и аналитические формы прошедшего времени; у глаголов несовершенного вида — синтетические формы настоящего времени и аналитические формы будущего и прошедшего времени (см. 2.3.5.). Особые синтетические формы будущего времени имеют глагол *být* (*budu*, *budeš*, *bude*…) и глаголы направленного движения (*jít* ʽидти’ → *půjdu*, *jet* ʽехать’ → *pojedu* и т. д.). На периферии данной системы находятся устаревшие формы давнопрошедшего времени типа *byl jsem (pře)četl* ʽя (про)читал (раньше, когда-то)’ (в современном Ч.я. неупотребительны). Формы прошедшего времени и не совпадающего с настоящим будущего времени семантически маркированы, в отличие от нейтральных форм презенса, выражающих значение и настоящего, и будущего (в том числе у глаголов несовершенного вида), и прошедшего (так называемое настоящее историческое: *Tak já šlápnu na brzdu, a lidi, to byl smyk!* ʽЯ жму (букв. ʽнажму’) на тормоз — и представляете, как меня занесло!’ — К. Чапек).

В сослагательном наклонении различаются нейтральные формы типа *(pře)četl bych* ʽя бы (про)читал’ и маркированные формы прошедшего времени типа *byl bych (pře)četl* ʽя бы (про)читал (раньше)’. Последние, будучи вполне узуальными в современном Ч.я., в том числе и в разговорном, имеют значение потенциального действия в прошлом, какое могло бы реализоваться до начала другого прошедшего действия, но не реализовалось.

В системе причастий относительное прошедшее/непрошедшее (настоящее) время, т. е. значение предшествования или одновременности по отношению к основному действию в предложении, проявляется в тесной связи с видом глагола практически только в страдательном залоге. Страдательные причастия прошедшего времени у некоторых глаголов совершенного вида, чаще всего возвратных, приобретают значения действительного залога, образуя пары типа *opřený* ʽопершийся' — *opírající se* ʽопирающийся' (см. 2.3.5.). Действительные причастия прошедшего времени с суффиксом *-š-* или *-vš-* (*přišedší* ʽпришедший', *(u)dělavší* ʽ(с)делавший'), заимствованные некогда книжным путем из русского языка, в современном Ч.я. не являются системными; соответственно в действительном залоге значение предшествования атрибутивно представленного действия сигнализируется разнообразными средствами: в пределах совершенного вида, кроме страдательных по образованию причастий, это также полные формы причастия на *-l-* от безобъектных глаголов (ср. *přišlý* ʽпришедший', *napadlý*/*napadaný sníh* ʽвыпавший снег' ← *napadnout*/*napadat* ʽвыпасть', ʽнападать'), а у глаголов несовершенного вида — причастия на *-ouc-*, *-íc-*, выражающие и одновременность (*Milosrdná sestra, sedící vedle lůžka, se s námahou zvedla* ʽСестра милосердия, сидевшая (букв. ʽсидящая') у постели, с трудом поднялась' — К. Чапек).

В системе деепричастий (искусственно кодифицированной в XIX в. для литературного Ч.я.) различаются формы настоящего времени со значением одновременности у глаголов несовершенного вида (м. р. ед. ч. *jda* ʽидя', *vidě* ʽвидя', ж. р., ср. р. ед. ч. *jdouc*, *vidíc*, мн. ч. *jdouce*, *vidíce*), формы прошедшего времени со значением предшествования, как правило, у глаголов совершенного вида (м. р. ед. ч. *přišed* ʽпридя', ʽпришед(ши)', *uviděv* ʽувидев', ж. р., ср. р. ед. ч. *přišedši*, *uviděvši*, мн. ч. *přišedše*, *uviděvše*; ср. также ед. ч. м. р. *byv*, ед. ч. ж. р., ср. р. *byvši*, мн. ч. *byvše* ʽбыв' при наст. вр. ед. ч. м. р. *jsa*, ед. ч. ж. р., ср. р. *jsouc*, мн. ч. *jsouce* ʽбудучи' от глагола *být*) и формы будущего времени со значением предшествования основному действию в будущем у некоторых глаголов совершенного вида (м. р. ед. ч. *přijda*, ж. р., ср. р. ед. ч. *přijdouc*, мн. ч. *přijdouce* ʽпридя'). Из этих деепричастий в современном литературном Ч.я. используются в книжном стиле по большей части формы настоящего времени; в разговорном Ч.я. деепричастия как таковые отсутствуют.

2.3.6. Категория л и ц а в системе личных форм глагола выражается в сочетании с категорией числа личными формами глагола 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Дефектную парадигму в данном смысле имеет повелительное наклонение, в котором по семантическим причинам отсутствуют формы 1-го лица единственного числа, а синтетические формы 3-го лица единственного числа и в отдельных случаях множественного числа, совпадающие с формами 2-го лица, выступают лишь изредка в составе более или менее фразеологизованных оборотов типа *nedej Pánbůh* ʽне дай Бог'; ср. также повелительное наклонение 3-го лица глагола *být* в пассиве: *Pochválen buď Ježíš Kristus!* ʽСлава Иисусу Христу!' (о конструкциях *ať*/*nech(a)ť* + презенс со значением побуждения 3-го лица см. 2.3.5.).

Классифицирующая категория лица присуща личным и притяжательным местоимениям: 1 л. *já* ʽя', *můj* ʽмой', *my* ʽмы', *náš* ʽнаш'; 2 л. *ty* ʽты', *tvůj* ʽтвой', *vy* ʽвы', *váš* ʽваш'; 3 л. *on* ʽон', *ono* ʽоно', *ona* ʽона', *oni* (м. р. одуш.), *ony* (м. р. не-

одуш., ж. р.), *ona* (ср. р.) ʽони’, *jeho* ʽего’, *její* ʽеё’, *jejich* ʽих’. Личные местоимения в функции субъекта при личных формах глагола в Ч.я. обычно опускаются. Их субъектное употребление всегда маркировано: или семантически, в случае логического акцентирования местоимения (*Víte to vy, vím to já…* ʽОб этом знаете вы, знаю я…’ — В. Гавел), или стилистически — в эмоционально окрашенных предложениях (типа *Ty to nevíš?* ʽКак, ты не знаешь?’), а также в разговорной речи. В обиходном Ч.я. местоимения 1-го лица в роли субъекта могут иметь грамматическую функцию показателей личной отнесенности глагола в прошедшем времени (при опущении вспомогательных форм *jsem* в единственном числе и *jsme* во множественном числе: *Já to věděl!* ʽЯ так и знал!’).

Для обозначения 3-го лица, кроме местоимения *on*, используется указательное местоимение *ten* ʽэтот/тот’, часто придающее предложению экспрессивный оттенок (*Ten nám tu ještě chyběl!* ʽЕго нам тут только не хватало!’). Местоимения *on* и *ten*, наряду с *ten* в книжном языке иногда *onen* ʽтот (другой)’, а также относительные *jenž* (книжн.), *který* ʽкоторый’ и *co* ʽчто’ (разг., в объектной позиции в сочетании с формами местоимения *on*) выступают в качестве основных а н а ф о р и ч е с к и х средств: *Konzultoval jsem lékaře, ale on mi nepomohl*/*… a ten mi pomohl* ʽЯ проконсультировался с врачом, но он мне не помог/… и он мне помог’, *Potkal známého, jehož*/*kterého*/*co ho dlouho neviděl* ʽОн встретил знакомого, которого давно не видел’.

Дейктическая функция является первичной для указательных местоимений *ten* и семантически маркированных *tento* ʽэтот (ближний)’ и *tamten* ʽтот (далекий)’ наряду с устаревшим *onen* ʽтот’, ʽоный’ (в разговорном Ч.я. соответственно *tenhle*/*tenhleten* в оппозиции к *tamhleten* и др.). Немаркированный член этой системы — местоимение *ten* — имеет ряд других смысловых функций, в частности, функцию напоминания и экспрессивную; при этом его высокочастотное и в некоторых случаях обязательное употребление в различных функциях позволяет заключить, что оно сближается с определенным артиклем: *Počkejte s* ***tím*** *děckem venku* ʽПодождите с ребёнком в коридоре’, *Já jdu na* ***tu*** *hodinu* ʽЯ на урок (как мы договорились)’, *Zavři* ***to*** *okno!* ʽЗакрой (ты это) окно!’ — З. Сверак). Определенность может выражаться также в связи со значением принадлежности, например притяжательными прилагательными (см. 2.3.4.).

Для выражения значения н е о п р е д е л е н н о с т и используются разнообразные средства: функционально местоименные слова *jeden* ʽодин’ и *člověk* ʽчеловек’ (*Byl jednou jeden král* ʽЖил-был (один) король’, *Ty jeden!* ʽАх ты, такой-сякой!’, *Člověk neví, co má dělat…* ʽНе знаешь, как и быть…’, *Člověka by to nikdy nenapadlo!* ʽТакое и в голову прийти не могло!’), а также целая система неопределенных местоимений и местоименных наречий с препозитивными частицами *ně-*, *leda-*, *lec-*, *všeli-*, *kde-*, *málo-* и постпозитивными частицами *-si* (*-s*), *-koli(v)*: *něco* ʽчто-то’, ʽчто-нибудь’, *cosi* ʽчто-то неизвестное’, ʽнечто’, *ledacos* ʽкое-что’, ʽвсякое (там)’, *leccos* ʽкое-что’, ʽмногое’, *cokoli(v)* ʽчто угодно’, *všelicos* ʽвсякое’, *kdeco* ʽмногое’, ʽвсё’, *máloco* ʽмало что’. На синтаксическом уровне неопределенность агенса выражают конструкции с формами пассива, рефлексива и «результативного состояния» глаголов (см. 2.3.5.), как и неопределенно- или обобщенно-личные предложения без субъекта с глагольными формами действительного залога 3-го и 1-го лица множественного числа, реже — 2-го лица единственного

числа и, в сравнительных оборотах, 3-го лица единственного числа: *Tak nám zabili Ferdinanda* ʽУбили, значит, Фердинанда-то нашего’ (Я. Гашек), *Žampiony očistíme, omyjeme a nakrájíme na plátky* ʽШампиньоны почистить, промыть и нарезать ломтиками’, *Hlavou zeď neprorazíš* ʽСтену лбом не прошибешь’, *Je to co by kamenem dohodil* ʽЭто рукой подать (букв. ʽкак будто бы камень добросил’)’. Неопределенность действия либо всего содержания предложения с точки зрения говорящего может передаваться формами будущего времени глагола *být*, модальными глаголами со значением долженствования *muset* и *mít*, словами типа *asi* ʽнаверное’, *prý* ʽговорят’ и другими лексическими средствами: *Vy to nebudete vědět* ʽВы, наверное, этого не знаете’, *V noci muselo pršet* ʽНочью, должно быть, шёл дождь’, разг. *Měl prý kvůli tomu mít nějaké komplikace* ʽГоворят, у него из-за этого были какие-то неприятности’ и т. п.

Временны́е отношения в предложении могут выражаться также лексически и синтаксически: падежными либо предложно-падежными конструкциями существительных со значением определенного отрезка времени: *za rok* (вин. п.) ʽчерез год (с момента в настоящем или будущем)’, *po roce* (местн. п.) ʽспустя год (с момента в прошлом)’, *do roka* (род. п.) ʽв течение года’ и т. п., в сложном предложении — союзами: *až* ʽкогда (с момента в настоящем или будущем)’, *když* ʽкогда (с момента в прошлом)’, *jakmile*/*jen (co)*/*sotva(že)* ʽкак только’, ʽедва’ и др.

Грамматическое о т р и ц а н и е выражает прежде всего частица *ne*, которая может иметь и самостоятельную предикативную функцию: *Nemáte hlad? — Zatím ne* ʽВы не голодны? — Пока нет’, *Stalo se mi tuhle, co už dlouho ne* ʽСо мной на днях произошло такое, чего уже давно не происходило’ (К. Чапек). В иных случаях частица *ne* выступает обычно при личных формах глагола (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения — при *l*-причастии), даже если подразумевается не общее, а частное отрицание: *Nebylo to na jaře, ale ještě v zimě* ʽЭто было не весной, а ещё зимой’. При акцентировании частного отрицания *ne* ставится перед другим членом предложения: *...v podchodech metra plakali lidé ne dojetím, ale slzným plynem* ʽ…в переходах метро плакали люди — не от чувств, а от слезоточивого газа’. (Б. Грабал). Эмфатическую мотивацию имеет также употребление отрицательной частицы в начале предложений (*Ne abys upadl!* ʽСмотри не упади!’, *Ne že bych se bál* ʽНе то чтобы я боялся’), в конструкциях с инфинитивом (*Otec ne a ne přijít* ʽОтец всё не приходит/не приходил’). Акцентированное отрицание, как общее, так и частное, выражает также книжная частица *nikoli(v)*: *«Nikoliv, otče», čte Klára ze své role* ʽ«Нет, отец!», — читает Клара свою роль’ (К. Чапек).

Лексико-грамматическим средством выражения частного отрицания выступают отрицательные местоимения и наречия с частицей *ni-*: *nikdo* ʽникто’, *nikdy* ʽникогда’, а также местоимение *žádný* ʽникакой’, ʽникто’. В предложении они могут сочетаться друг с другом и с основным отрицанием, формируя единую негативную модальность: *Nikdy se nikoho o nic neprosí* ʽОн никогда никого ни о чём не просит’. Напротив, двойное отрицание с *ne*, в одном случае чаще всего лексическое, меняет негативную модальность предложения на противоположную, например: *Není to tak nesmyslné* ʽЭто не так бессмысленно’ (ср. также *Nebylo to špatně řečeno* ʽНеплохо было сказано’ с лексически отрицательным наречием без *ne*) и в авторском тексте *...nad ránem ke mně přicházejí bytosti, které ne neznám, ale*

naopak ʻ…под утро меня посещают существа, которые не незнакомы мне, а наоборот’ (Б. Грабал).

Отрицание с *ne* может усиливать частица *ani*: *Ani se neptejte!* ʻИ не спрашивайте!’ Связывая два члена отрицательного предложения или повторяясь при каждом из двух либо нескольких таких членах, она приобретает функцию сочинительного союза: *Ráno ani v poledne*/*Ani ráno, ani v poledne teplá voda v domě netekla* ʻНи утром, ни в обед горячей воды в доме не было’. К той же частице восходит подчинительный союз *aniž*, вводящий придаточные предложения со значением негативного побочного обстоятельства главного действия, сказуемое которых отрицания не имеет: *Odešel, aniž pozdravil* ʻОн ушёл не попрощавшись’.

Отрицание в современном Ч.я., как правило, не влияет на синтаксическую структуру предложения: *Mám peníze* ʻУ меня есть деньги’ — *Nemám peníze* ʻУ меня нет денег’, *Byl jsem doma* ʻЯ был дома’ — *Nebyl jsem doma* ʻМеня не было дома’. Трансформация именительного падежа субъекта и винительного падежа прямого объекта в родительный при отрицании наблюдается лишь во фразеологизованных выражениях типа *o tom není pochyb* ʻв этом нет сомнений’ и в архаическом стиле: *Jsou lidé, kteři nemají peněz* ʻБывают люди, у которых нет денег’ (К. Чапек).

2.3.7. По характеру категориальной семантики глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение относятся к полнознаменательным (автосемантическим), а предлог, союз, частица, междометие — к неполнознаменательным (синсемантическим) словам. С грамматической же точки зрения части речи делятся прежде всего на изменяемые (первые шесть, причем изменяемость наречий сводится только к образованию некоторыми из них форм степеней сравнения) и неизменяемые (прочие четыре помимо отдельных изменяемых союзов, частиц и междометий).

Г л а г о л, обозначающий действия и состояния, характеризуется наличием ряда специфических категорий, неодинаковый набор которых присущ разным глагольным формам (см. 2.3.5., 2.3.6.). Переходную ступень между глаголом и прилагательными представляет система причастий, которые изменяются по родам, числам и падежам и синтаксически функционируют подобно другим адъективным словам. Деепричастия по синтаксической функции близки наречиям, но в отличие от них имеют в литературном (книжном) Ч.я. формы числа, а в единственном числе также рода. К системе глагола чешская грамматическая традиция относит и отглагольные существительные с суффиксами *-en*/*-ení*, *-n*/*-ní* и *-t*/*-tí* в силу парадигматичности их образования и регулярного сохранения ими глагольного вида и в отдельных случаях возвратности, ср. *čtení* ʻчтение’ — *přečtení* ʻпрочтение’, *učení* ʻобучение (кого-либо)’ — *učení se* ʻизучение’.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е, имеющие значение предметности в широком смысле, и п р и л а г а т е л ь н ы е, обозначающие признак предмета, обладают общими для них именными категориями рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа, которые у существительных являются самостоятельными (первая классифицирующей, две другие — словоизменительными), а у прилагательных — зависимыми (согласовательными). Переходный статус имеют притяжательные прилагательные, тяготеющие к падежным формам существительного (см. 2.3.4.). Качественные прилагательные и принимающие качественное значе-

ние относительные прилагательные характеризуются также наличием форм степеней сравнения: *krásný* ʽкрасивый' — *krásnější* ʽболее красивый' — *nejkrásnější* ʽсамый красивый', *těžký* ʽтяжёлый' — *těžší* ʽболее тяжёлый' — *nejtěžší* ʽсамый тяжёлый' и т. д. К парадигме таких прилагательных иногда относят и отадъективные наречия (с их собственными формами степеней сравнения), которые обозначают признак действия или другого признака либо состояния: *krásně* ʽкрасиво' — *krásněji* ʽкрасивее' — *nejkrásněji* ʽкрасивее всего', *těžce*/*těžko* ʽтяжело (признак/состояние)' — *tíže* ʽтяжелее' — *nejtíže* ʽтяжелее всего'. К н а р е ч и я м также относятся неизменяемые слова, выражающие разнообразные обстоятельственные отношения, в первую очередь пространственные и временнóе, в том числе так называемые местоименные наречия типа *tam* ʽтам', ʽтуда', *tehdy* ʽтогда', семантически близкие местоимениям.

К ч и с л и т е л ь н ы м, которые по значению являются счетными словами (квантификаторами), относятся грамматически неоднородные разряды прежде всего количественных, порядковых и собирательных числительных.

Количественные числительные объединяют слова: *jeden* ʽодин', грамматически не отличающееся от омонимичного ему местоимения; имеющие особые парадигмы *dva* ʽдва', *oba* ʽоба', *tři* ʽтри', *čtyři* ʽчетыре', согласуемые с существительными в формах множественного числа, и числительные, начиная с пяти: *pět* ʽпять'…, *osm* ʽвосемь'…, *jedenáct* ʽодиннадцать'…, *dvacet* ʽдвадцать'…, *padesát* ʽпятьдесят'…, *devadesát* ʽдевяносто', управляющие родительным падежом множественного числа существительных в исходной форме и согласующиеся с существительным в остальных падежах; морфологически близкие к существительным, но синтаксически тяготеющие к числительным предыдущей группы и в некоторых выражениях неизменяемые *sto* ʽсто', *tisíc* ʽтысяча' (ср. *ke stu lidí*/*ke stu lidem*/*ke sto lidem* ʽк сотне человек', *s tisícem korun*/*s tisíc korunami* ʽс тысячей крон'), существительные *milión* ʽмиллион', *miliarda* ʽмиллиард' и др.; составные числительные типа *čtyřicet pět* ʽсорок пять' (и наряду с ними сложные типа *pětačtyřicet*), а также *dvě stě* ʽдвести', *tři sta* ʽтриста', *pět set* ʽпятьсот', грамматические характеристики которых заданы свойствами их компонентов; неизменяемые слова *půl* ʽпол-', *čtvrt* ʽчетверть' и выражение *tři čtvrti*/*tři čtvrtě* ʽтри четверти', входящие в сочетания с родительным падежом единственного числа существительных в позиции субъекта и прямого объекта и с прочими косвенно-падежными формами в остальных случаях (названия дробей типа *jedna pětina* ʽодна пятая' являются обычными сочетаниями числительного с существительным). Всем количественным числительным, исключая слова последней группы и *oba*, соответствуют порядковые числительные, в грамматическом плане представляющие собой прилагательные (или их сочетания): *první* ʽпервый', *druhý* ʽвторой', *pátý* ʽпятый', *dvacátý* ʽдвадцатый', *stý* ʽсотый', *tisící* ʽтысячный', *milióntý* ʽмиллионный' и т. д., а также *čtyřicátý pátý* (и *pětačtyřicátý*) ʽсорок пятый', *sto*/*stý dvacátý třetí* ʽсто двадцать третий', *dvoustý* ʽдвухсотый', *pětistý* ʽпятисотый' и т. п. Особую группу порядковых числительных составляют не имеющие форм именительного падежа сочетания типа *půldruhé* (*hodiny*) (род. п.) ʽполтора (часа)', ср. *před půldruhou hodinou* (твор. п.) ʽполтора часа назад' и т. п.

Собирательные (видовые) числительные имеют два ряда форм: краткие и полные. Краткие формы типа *dvoje* ʽдва/две (двое)', *troje* ʽтри (трое)', *čtvero* ʽчетыре

(четверо)' и др., требующие родительного падежа множественного числа существительных, грамматически функционируют как существительные среднего рода; в современном Ч.я. встречаются лишь во фразеологизованных сочетаниях (*desatero Božích přikázání* 'десять Божьих заповедей' и др.). Краткие формы множественного числа типа *dvoje* (и *oboje*), *troje*, *čtvery* (ср. р. *čtvera*) и иногда единственного числа среднего и женского рода (соответственно *čtvero* и *čtvera*), согласующиеся с существительным в числе, представлены только в именительном и винительном падежах; они сочетаются в основном с существительными pluralia tantum или названиями предметов, считаемых парами и иными множествами, и в редких случаях с собирательными, вещественными и абстрактными существительными (в единственном числе), обозначая при этом простое количество предметов: *dvoje hodinky* 'двое часов', разг. *čtvery marlborky* 'четыре пачки «Мальборо»', книжн. *oboje stanovisko* 'обе точки зрения' и т. п. В косвенных падежах подобные числительные выступают в полных формах. Только из полных форм состоит парадигма морфологически адъективных числительных типа *dvojí* (*obojí*), *trojí*, *čtverý* и т. д., обозначающих количество видов: *dvojí látka* 'ткань двух видов', *tisícerá nebezpečí* 'тысяча опасностей (разных)' и др.

Чешская грамматическая традиция относит к данной части речи так называемые кратные числительные, которые представляют собой прилагательные типа *dvojnásobný* 'двукратный' и наречия типа *dvakrát* 'дважды', и разделительные числительные — сочетания предлога *po* с количественными числительными в местном падеже типа *po dvou* 'по два', имеющие дистрибутивное значение. В рамках перечисленных разрядов традиционно рассматриваются и так называемые неопределенные числительные — склоняемые слова *málo* 'мало', *mnoho* 'много' (и неизменяемые *trochu* 'немного', разг. *hodně*, *moc* 'много'), а также семантически близкие местоимениям *kolik* 'сколько', *tolik* 'столько', *několik* 'несколько', имеющие порядковые, собирательные и кратные формы: *kolikátý* 'какой по счету', *tolikerý* 'стольких видов', *několikrát* 'несколько раз'.

М е с т о и м е н и я как особая часть речи выделяются на основании их общекатегориального значения указания или отсылки к другим частям речи, в первую очередь к именам существительным и прилагательным. С учетом парадигматических связей и в большей или меньшей степени грамматических свойств различают соответственно местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. По характеру семантики местоимения подразделяются на личные, включая возвратное *sebe*, притяжательные, указательные, неопределенные, отрицательные (см. 2.3.6.), вопросительные и относительные *kdo* 'кто', *co* 'что', *který* 'который', *jaký* 'какой (по качеству)', *čí* 'чей' (в группу относительных помимо того входят книжные *jenž* 'который', *kdož* 'кто' и обобщающее *což* 'что'), а также определительные *všechen* 'весь', *každý* 'каждый', *(ten)týž* 'тот же', *sám* 'сам', *samý* 'сам', 'весь (сплошной)'.

П р е д л о г и и с о ю з ы служат для связи слов в предложении или (только союзы) предложений друг с другом. Предлоги делятся на первичные: *bez* 'без', *od* 'от', *pro* 'для' и др., и вторичные: *místo* 'вместо', *díky* 'благодаря', *vyjma* 'за исключением' и т. п. Первичные предлоги часто сохраняют соотносительность с глагольными приставками и способны дублировать их (*dojíst do konce* 'доесть до

конца’, *obrat o peníze* ʽобобрать, отняв деньги’), а в разговорном Ч.я. некоторые из них могут приобретать наречную функцию подобно немецким отделяемым приставкам (разг. *Plavem přes!* ʽПоплыли на ту сторону!’). Союзы подразделяются на простые непроизводные *a*, *i* ʽи’, *že* ʽчто’ и др., производные *proto* ʽпоэтому’, *ačkoli(v)* ʽхотя’ и др., составные *i když* ʽхотя’, в том числе неодноместные *nejen… ale i* ʽне только… но и’, *bud’… (a)nebo* ʽлибо… либо’. В соответствии с характером выражаемой ими синтаксической связи различают союзы сочинительные (соединительные *a*, *i*, разделительные *a*/*nebo*, *či* ʽили’, противительные *ale* ʽно’, *(a)však* ʽоднако’, градационные *ba* ʽи даже’, *a navíc* ʽболее того’, пояснительные *totiž* ʽто есть’, *a tak* ʽвот и’ и др.) и подчинительные (времени *když* ʽкогда’, *zatímco* ʽпока’, условия *jestli(že)* ʽесли’, спрягаемый *kdybych*, *kdybys*, *kdyby…* ʽесли бы’, причины, следствия и цели *protože* ʽпотому что’, *takže* ʽтак что’, спрягаемый *abych*, *abys*, *aby…* ʽчтобы’ и др.).

Частицы придают содержанию предложения модальную либо экспрессивную окраску или же выделяют определенный член предложения. Модальную функцию имеют частицы: побудительные *ať*, *nechť* ʽпусть’ (см. 2.3.5.); отрицательные, включая словообразующую *ni-* (см. 2.3.6.); вопросительные *jestli*, *zda(li)* ʽли’, вводящие чаще косвенные вопросы (*Nevím, jestli je to pravda* ʽНе знаю, правда ли это’) и др. Экспрессивная функция может сочетаться с модальной, например у частицы *ať* в конструкциях типа *Ať už jsi zticha!* ʽДа тихо ты!’, у оптативной *kéž* ʽхоть бы’ (*Kéž už konečně přijde/by už konečně přišel!* ʽХоть бы он уже пришёл!’) и др. Чисто экспрессивную функцию выполняют постпозитивная частица *-pak*, присоединяющаяся к вопросительным словам (*Copak?* ʽЧто такое?’), частицы *vždyť*, *přece*, *však* ʽведь’, ʽже’ и др. Выделительные частицы: *právě, zrovna* ʽименно’, ʽкак раз’, *dokonce* ʽдаже’, *aspoň* ʽхотя бы’ и т. п. Частицы обнаруживают тесную связь с союзами: между теми и другими нередко наблюдаются переходы в обоих направлениях. Так, союзами становятся частицы *ani* ʽни’ (см. 2.3.6.), *jen* ʽтолько’, *leda* ʽразве что’, *stejně* ʽвсё равно’ и т. д. (*Jen jsem se dal do práce, hned někdo zvonil* ʽСтоило мне начать работать, как кто-то позвонил’, *Dnes nikam nejdu, leda večer*/*… stejně venku lije* ʽСегодня я никуда не пойду, разве что вечером/… всё равно на улице льёт дождь’); при этом многие частицы выступают также компонентами сложных или составных союзов: *aniž* ʽбез того чтобы’, *jenže* ʽда только’, *jen co* ʽкак только’, *i když… přece* ʽхотя… всё же’. В частицы, наоборот, переходят такие союзы, как *ale*, *že*, *proto* (*To je ale počasí!* ʽНу и погода!’, *Že se nestydíte!* ʽИ не стыдно вам?’, *No proto!* ʽТо-то же!’), спрягаемый союз *abych*, *abys*, *aby…*, который может терять изменяемость (*Určitě přijdu včas* — *Jen aby!* ʽЯ точно приду вовремя — Ну-ну!’) и др. В качестве частиц функционируют и слова других частей речи, особенно наречия и местоимения. К последним восходят частицы *to* (*To už je tady?* ʽКак, он уже здесь?’) и согласуемая с субъектом, а при его отсутствии принимающая форму среднего рода *on*, *ona*, *ono*, которая выражает удивление или пояснение (*Ono se zase ochladilo!* ʽНадо же, опять похолодало!’, *Ona ta babička to s vámi myslí dobře…* ʽВедь бабушка желает вам добра…’).

Междометия подразделяются на звукоподражания типа *mňau* ʽмяу’, *pfí* ʽфью’, ʽфьюить’ и слова, выражающие эмоции и волевые проявления говорящего; такие слова бывают простыми (непроизводными): *jé* ʽой (при удивлении или

восхищении)’, *hej rup* ‘раз-два, взяли’, *haló* ‘эй, послушайте’, и производными от других частей речи: *Bože!*/*Bóže!* ‘Боже!’, *no dovol*/*dovolte!* ‘ну, знаешь/знаете! (букв. ‘Позволь/позвольте!’) и т. п. Междометия последней группы по сравнению с первоначальными формами иногда фонетически модифицируются, при этом все еще оставаясь способными сохранять остатки изменяемости и синтагматики исходной части речи, например: *hele* ‘эй’, *heled’* ‘гляди-ка’ (← 2 л. ед. ч. повел. накл. глагола *hledět* ‘глядеть’) при *heleďme*/*helejme*/*heleme se*, *heleďte*/*helejte se* в 1-м и 2-м лице множественного числа, а также *hele ho* и *vida ho* (← дееприч. м. р. ед. ч. глагола *vidět* ‘видеть’) ‘поглядите-ка на него!’ Подобного типа изменяемость в отдельных случаях распространяется и на непроизводные междометия, ср. *kuš!* ‘цыц!’ и *kušte!* при обращении к нескольким лицам, *sakra* и *ksakru* ‘чёрт возьми’ (по аналогии с *čerta* ‘ни черта’, *k čertu* ‘к чёрту’).

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

Мужской род

Падеж	Твердый тип *hrad* ‘замок’, *pán* ‘господин’		Мягкий тип *palác* ‘дворец’, *muž* ‘мужчина’	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*	одуш. *-i*, *-ové*, *-é* неодуш. *-y*	*-∅*	одуш. *-i*, *-ové*, *-é* неодуш. *-e*
Род.	одуш. *-a* неодуш. *-u*, *-a*	*-ů*	*-e*	*-ů*
Дат.	одуш. *-ovi*, *-u* неодуш. *-u*	*-ům*	одуш. *-ovi*, *-i* неодуш. *-i*	*-ům*
Вин.	одуш. =род. п. неодуш. =им. п.	*-y*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*-e*
Местн.	одуш. *-ovi*, *-u* неодуш. *-’e*, *-u*	*-ech*, *-’ích*, *-ách*	одуш. *-ovi*, *-i* неодуш. *-i*	*-ích*
Твор.	*-em*	*-y*	*-em*	*-i*
Зват.	*-e*, *-u*	—	*-i*, *-e*	—

Средний род

Падеж	Твердый тип *město* ‘город’		Мягкий тип *pole* ‘поле’		Тип *stavení* ‘здание’	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-o*	*-a*	*-e*	*-e*	*-í*	*-í*
Род.	*-a*	*-∅*	*-e*	*-í*, *-∅*	*-í*	*-í*
Дат.	*-u*	*-ům*	*-i*	*-ím*	*-í*	*-ím*
Вин.	= им. п.					
Местн.	*-’e*, *-u*	*-ech*, *-’ích*, *-ách*	*-i*	*-ích*	*-í*	*-ích*
Твор.	*-em*	*-y*	*-em*	*-i*	*-ím*	*-ími*
Зват.	—					

Женский род

Падеж	Твердый тип *žena* ʻженщина'		Мягкий тип *duše* ʻдуша', *píseň* ʻпесня'		Тип *kost* ʻкость'	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-a*	*-y*	*-e*, *-∅*	*-e*	*-∅*	*-i*
Род.	*-y*	*-∅*	*-e*	*-í*, *-∅*	*-i*	*-í*
Дат.	*-'e*	*-ám*	*-i*	*-ím*	*-i*	*-em*
Вин.	*-u*	= им. п.	*-i*, = им. п.	= им. п.		
Местн.	*-'e*	*-ách*	*-i*	*-ích*	*-i*	*-ech*
Твор.	*-ou*	*-ami*	*-í*	*-emi*	*-í*	*-mi*
Зват.	*-o*	—	*-e*	—	*-i*	—

Примечание: У существительных и других склоняемых слов порядок падежей дается в соответствии с национальной грамматической традицией. Апостроф перед флексией обозначает возможную палатализацию или другое чередование предшествующей согласной.

Выбор вариантов окончаний (в таблицах даются через запятую) может быть традиционным (*-a* в родительном падеже единственного числа неодушевленных существительных мужского рода твердого склонения: *dvůr* ʻдвор' — *dvora*, *chléb* ʻхлеб' — *chleba*, *život* ʻжизнь' — *života*, всего несколько десятков имен) или обусловливаться разнообразными факторами: помимо одушевленности/неодушевленности у существительных мужского рода, морфонологическими (*-'ích* в местном падеже множественного числа существительных мужского и среднего рода твердого склонения, прежде всего у имен с основой на велярные и ларингальные с чередованиями /k/ ~ /c/, /h/ и /g/ ~ /z/, /x/ ~ /š/: *zámek* ʻдворец' — *na zámcích*, *roh* ʻугол' — *v rozích*; *-u* в звательной форме существительного мужского рода твердого склонения с основой на те же согласные); морфонолого-стилистическими (*-ách* в местном падеже множественного числа тех же существительных, в первую очередь уменьшительных с основой на /-k/: *kousek* ʻкусок' — *po kouskách* при книжн. *po kouscích*); морфонолого-семантическими (*-u* в местном падеже единственного числа тех же существительных с основой на /k/, /h/, /g/, /x/ и другие согласные, особенно у новых слов, во избежание чередования перед *-'e*, а также для дифференциации пространственного и отвлеченного значений, ср. *po západu slunce* ʻпосле захода солнца' — *na západě* ʻна западе'); семантическими (*-ové* с собирательным значением в именительном падеже множественного числа одушевленных существительных мужского рода твердого и мягкого склонения, ср. *otec* ʻотец' — *otcové*); словообразовательными в сочетании с традиционным выбором (*-é* в именительном падеже множественного числа одушевленных существительных мужского рода твердого и мягкого склонения, особенно типа *měšťan* ʻгорожанин' — *měšťané*, *učitel* ʻучитель' — *učitelé*; *-∅* в родительном падеже множественного числа существительных среднего и женского рода мягкого склонения, особенно типа *letiště* ʻаэропорт' — *letišť* и *železnice* ʻжелезная дорога' — *železnic*; *-e* в звательной форме существительных мужского рода мягкого склонения типа *chlapec* ʻмальчик' — *chlapče!*); синтагматическими (*-u* и *-i* в дательном и местном падеже одушевленных существительных мужского рода твердого и мягкого склонения наряду с *-ovi*, см. 2.3.2.). Существительные женского рода мягкого склонения в именительном и винительном падеже единственного числа могут иметь

окончания соответственно *-e*, *-i* (тип *duše*) и *-∅* (тип *píseň*); многие существительные женского рода с окончанием *-∅* в именительном падеже единственного числа колеблются в склонении между типами *píseň* и *kost*. Существительные среднего рода типа *kuře* ʽцыплёнокʼ с расширяющейся основой имеют в косвенных падежах единственного числа окончания мягкого (род. п. *kuřete*, дат. п. *kuřeti* и т. д.), а во множественном числе — твердого (им. п. *kuřata*, род. п. *kuřat*, дат. п. *kuřatům* и т. д.) склонения. Аналогично окончания мягкого склонения, иногда только в качестве вариантов, принимают в косвенных падежах единственного числа существительные среднего рода типа *písmeno*/*písmě* ʽбукваʼ и мужского рода типа *kámen* ʽкаменьʼ. Отдельные существительные среднего и женского рода, обозначающие парные части тела, сохраняют в некоторых формах или же во всей парадигме множественного числа окончания бывшего двойственного числа (*-ou* в родительном и местном падеже существительных среднего рода *kolena* ʽколениʼ, *ramena* ʽплечиʼ, *prsa* ʽгрудьʼ, женского рода *nohy* ʽногиʼ и *ruce* ʽрукиʼ с особым окончанием также в именительном падеже; *-ama* в творительном падеже тех же существительных женского рода и *-ima* у существительных *oči* ʽглазаʼ, *uši* ʽушиʼ, в остальном склоняющихся во множественном числе по типу *kost*). Одушевленные существительные мужского рода с окончанием именительного падежа единственного числа *-a* типа *starosta* ʽстаростаʼ, ʽмэрʼ имеют также в родительном, винительном и творительном падеже единственного числа формы по типу *žena*, а существительные мужского рода типа *soudce* ʽсудьяʼ только в именительном падеже единственного числа отличаются окончанием от существительных типа *muž*.

П р и л а г а т е л ь н ы е

Падеж	Твердый тип *dobrý* ʽхорошийʼ						Мягкий тип *letní* ʽлетнийʼ		
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р., ср. р.	Ж. р.	М. р., ср. р., ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**			**Ед. число**		**Мн. число**
Им.	*-ý*	*-é*	*-á*	одуш. *-í* неодуш. *-é*	*-á*	*-é*	*-í*		*-í*
Род.	*-ého*		*-é*	*-ých*			*-ího*	*-í*	*-ích*
Дат.	*-ému*		*-é*	*-ým*			*-ímu*	*-í*	*-ím*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		*-ou*	*-é*	= им. п.		= им. п.		
Местн.	*-ém*		*-é*	*-ých*			*-ím*	*-í*	*-ích*
Твор.	*-ým*		*-ou*	*-ými*			*-ím*	*-í*	*-ími*

Некоторые качественные прилагательные твердого типа, а также страдательные причастия имеют краткие формы именительного падежа и редко употребляемые формы винительного падежа с окончаниями, как у существительных соответствующего рода твердого склонения (*hoden* ʽдостоинʼ, ж. р. *hodna*, ср. р. *hodno*, мн. ч. м. р. одуш. *hodni* и т. д.; вин. п. ед. ч. м. р. одуш. *Neuznala ho za hodna pohledu* ʽОна не сочла его достойным взглядаʼ). Притяжательные прилагательные типа *otcův* ʽотцовʼ, *matčin* ʽматеринʼ имеют такие краткие формы не только в именительном и винительном падеже обоих чисел, но и в родительном, дательном и местном падеже единственного числа (м. р. и ср. р. — род. п. *otcova*, дат. п. *otcovu*, местн. п. *otcově*/*otcovu*, ж. р. — род. п. *otcovy*, дат. п., местн. п. *otcově*).

Числительные

Количественные и неопределенные

Падеж	ʻдва’, ʻоба’, ʻдве’, ʻобе’	ʻтри’	ʻчетыре’	ʻпять’	ʻмного’	ʻстолько’
Им., вин.	м. р. *dva*, *oba* ср. р., ж. р. *dvě*, *obě*	*tři*	*čtyři*	*pět*	*mnoho*	*tolik*
Род.	*dvou*	*tří*, разг. *třech*	*čtyř*, разг. *čtyřech*	*pěti*	*mnoha*	*tolika*
Дат.	*dvěma*	*třem*	*čtyřem*	*pěti*	*mnoha*	*tolika*
Местн.	*dvou*	*třech*	*čtyřech*	*pěti*	*mnoha*	*tolika*
Твор.	*dvěma*	*třemi*	*čtyřmi*	*pěti*	*mnoha*	*tolika*

Местоимения

Личные

Падеж	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
	Ед. число		**Мн. число**	
	ʻя’	ʻты’	ʻмы’	ʻвы’
Им.	*já*	*ty*	*my*	*vy*
Род.	*mne*, *mě*	*tebe*, *tě*	*nás*	*vás*
Дат.	*mně*, *mi*	*tobě*, *ti*	*nám*	*vám*
Вин.	*mne*, *mě*	*tebe*, *tě*	*nás*	*vás*
Местн.	*mně*	*tobě*	*nás*	*vás*
Твор.	*mnou*	*tebou*	*námi*	*vámi*

Возвратное местоимение *sebe* ʻсебя’, не имеющее формы именительного падежа, склоняется как *ty* (*tebe*). Краткие формы родительного, винительного и дательного падежа местоимений *já*, *ty* и возвратного в литературном Ч.я. являются энклитическими, за исключением формы родительного и винительного падежа *mě*, которая под влиянием разговорного узуса вытесняет полную форму, ср. *Mě si nevšímejte* (устар. *Mne*...) ʻНа меня не обращайте внимания’. В разговорном Ч.я. местоимение *já* имеет в родительном, винительном и дательном падеже единую форму [mn’e] с кратким вариантом дательного падежа *mi*.

Прочие местоимения

Падеж	Твердый тип *ten* ʻэтот’, ʻтот’					
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**		
Им.	*-∅*	*-o*	*-a*	одуш. *-i* неодуш. *-y*	*-a*	*-y*
Род.	*-oho*		*-é*	*-’ech*		
Дат.	*-omu*		*-é*	*-’em*		
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*-é*	*-u*	*-y*	= им. п.	
Местн.	*-om*		*-é*	*-’ech*		
Твор.	*-ím*		*-ou*	*-’emi*		

Падеж	Мягкий тип *náš* ʽнаш’			
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р., ср. р., ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**
Им.	*-∅*	*-e*	*-e*	одуш. м. р. *-i* неодуш. м. р.; ср. р., ж. р. *-e*
Род.	*-eho*		*-í*	*-ich*
Дат.	*-emu*		*-í*	*-im*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*-i*	*-e*
Местн.	*-em*		*-í*	*-ich*
Твор.	*-ím*		*-í*	*-imi*

По твердому типу *ten* (далее с основой без *-en*) склоняются указательные местоимения, неопределенное местоимение и числительное *jeden* ʽодин’, а также не различающее рода и числа местоимение *kdo* ʽкто’ и его производные (далее с основой *k*-, твор. п. *kým*). В именительном падеже обоих чисел формы по тому же типу образует местоимение 3-го лица *on*, в именительном и винительном падеже обоих чисел местоимение *sám* ʽсам’, имеющее в остальном адъективное склонение, а в тех же падежах единственного числа и во всех падежах множественного числа также *všechen* ʽвесь’ (ср. р. *všechno*, ж. р. *všechna*; та же основа в прочих формах прямых падежей, особо — одушевленно-мужская форма именительного падежа множественного числа *všichni*). Окончания мягкого типа имеют остальные формы местоимений *on* (с основой *j*-, после предлога — *n’*-, кроме кратких форм родительного, винительного и дательного падежа мужского и среднего рода *ho*, *mu*) и *všechen* (с основой *vš*-), как и все формы местоимения *co* ʽчто’ и его производных (далее с основой *č*-), относительного *jenž* (далее с основой *j*-/*n’*- при сохранении постфикса *-ž*) и притяжательных местоимений *náš* ʽнаш’, *váš* ʽваш’ (далее с сокращением корневого гласного). Те же окончания принимают формы прямых падежей притяжательных местоимений *můj* ʽмой’, *tvůj* ʽтвой’, *svůj* ʽсвой’ от основ на *-j* (ж. р. и ср. р. ед. ч. *moje*, одушевленно-мужская форма им. п. мн. ч. *moji* и т. д.), которые в косвенных падежах, а в качестве вариантов — и в прямых, кроме именительного падежа единственного числа мужского рода, образуют формы по типу прилагательных от основ *m*-, *tv*-, *sv*-.

Глаголы

Для глаголов даются только окончания синтетических личных форм; колебания глаголов и имен между разными типами спряжения и склонения и чередования в основе не учитываются.

Презенс

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*-u*, *-i*, *-m*	*-me*
2 л.	*-š*	*-te*
3 л.	*-∅*	*-ou*, *-í*

Окончания 1-го лица единственного числа *-u*, *-i* и 3-го лица множественного числа *-ou*, *-í* получают глаголы, образующие остальные формы с тематическим суффиксом *-e-*; при этом окончания *-i* и *-í* выступают у глаголов с презентной основой на *-j* (наряду с разговорным *-u* в 1-м лице единственного числа и обиходным *-ou* в 3-м лице множественного числа) и в устаревших вариантах соответствующих форм у глаголов с презентной основой на шипящие: *nést* ʽнести' — ед. ч.: 1 л. *nesu*, 2 л. *neseš*, 3 л. *nese*, мн. ч.: 1 л. *neseme* (разг. *nesem*), 2 л. *nesete*, 3 л. *nesou*; *pracovat* ʽработать' — ед. ч.: 1 л. *pracuji* (разг. *pracuju*), 2 л. *pracuješ*, 3 л. *pracuje*, 3 л. мн. ч. *pracují*; *psát* ʽписать' — 1 л. ед. ч. *píšu*, 3 л. мн. ч. *píšou* (устар. *píši*, *píší*). Только окончание *-i* в 1-м лице единственного числа имеет глагол *chtít* ʽхотеть' — ед. ч.: 1 л. *chci*, 2 л. *chceš*, 3 л. *chce* при нерегулярной форме 3-го лица множественного числа *chtějí*.

Окончание *-m* в 1-м лице единственного числа получают глаголы, образующие эту и другие формы, кроме 3-го лица множественного числа, с тематическими суффиксами *-á-* (типа *dělat* ʽделать' — ед. ч. 1 л. *dělám*, 2 л. *děláš*, 3 л. *dělá* и т. д.) и *-í-* (типа *umět* ʽуметь' — ед. ч. 1 л. *umím*, 2 л. *umíš*, 3 л. *umí* и т. д. и *prosit* ʽпросить' — ед. ч. 1 л. *prosím*, 2 л. *prosíš*, 3 л. *prosí* и т. д.; у отдельных глаголов гласная *-í-* основы является корневой, ср. *vědět* ʽзнать' — ед. ч. 1 л. *vím*, 2 л. *víš*, 3 л. *ví* и т. д.). В 3-м лице множественного числа такие глаголы имеют окончание *-í*; при этом в типе *dělat* основа оканчивается на *-aj* (*dělají*), в типе *umět* — на *-ej* (*umějí*), а в типах *prosit* и *vědět* — на корневую согласную (*prosí*, *vědí*).

Синтетические приставочные формы будущего времени глаголов движения образуются так же, как бесприставочные формы презенса.

Повелительное наклонение

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	—	*-me*, *-eme*
2 л.	*-∅*, *-i*	*-te*, *-ete*

Формы повелительного наклонения образуются от презентной основы без тематического суффикса, у глаголов типа *umět* и *dělat* — от основы 3-го лица множественного числа; при этом в типе *dělat* конечное *-aj* изменяется в *-ej*. Согласные *n*, *t*, *d* в исходе основы перед окончаниями повелительного наклонения, включая *-∅*, смягчаются (*vstaň* ʽвстань', *pojďme* ʽпойдём, -те', *nejezděte* ʽне ездите'), а губные согласные перед окончаниями множественного числа *-eme*, *-ete* йотируются (*pozvěte* ʽпригласите'). Окончания без гласных выступают после основ, завершающихся одиночной согласной и отдельными консонантными группами; в остальных случаях используются окончания с гласными.

Формы глагола *být* ʽбыть'

	Презенс		Сослагательное наклонение	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
1 л.	*jsem*	*jsme*	*bych*	*bychom*
2 л.	*jsi*	*jste*	*bys*	*byste*
3 л.	*je*	*jsou*	*by*	*by*

В функции вспомогательного глагола при образовании форм прошедшего времени глагол *být* имеет в 3-м лице обоих чисел нулевую форму, а во 2-м лице единственного числа может иметь форму *-s*, регулярно функционирующую у возвратных глаголов (*vrátil ses* ʽты вернулся’) и факультативно, преимущественно в разговорном Ч.я., у остальных (*přišel jsi*/*přišels* ʽты пришёл’). Формы будущего времени глагола *být* образуются от основы *bud(e)-* с презентными окончаниями глаголов типа *nést*; та же основа выступает в формах повелительного наклонения (*buď* и т. д.). Отрицательная форма 3-го лица единственного числа презенса имеет нерегулярный вид *není*.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичные структуры словоформ:

— личные формы глагола — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + основообразующий, или тематический, суффикс + окончание: *koup-í-m* ʽя куплю’, *na-kup-uj-e-š* ʽты покупаешь’;

— неличные формы глагола — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + (основообразующий, или тематический, суффикс) + формообразующий суффикс + (окончание): *koup-en-ý* ʽкупленный’, *na-kup-uj-íc-í* ʽпокупающий’, *na-kup-ov-a-t* ʽпокупать’;

— имена и местоимения — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + окончание: *ná-kup-∅* ʽпокупка’, *ná-kup-n-í* ʽпокупной’, ʽдля покупок’;

— формы степеней сравнения прилагательных — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + формообразующий суффикс + окончание: (*nej)-lev-n-ějš-í* ʽсамый/более дешёвый’;

— отадъективные наречия — (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + формообразующий суффикс: *lev-n-ě* ʽдёшево’, (*nej)-lev-n-ěji* ʽдешевле (всего)’;

— местоимения также — корень + окончание + постфикс: *t-ý-ž*, *t-ého-ž* и т. д. ʽтот же самый’, *ten-∅-to*/*-hle*, *t-oho-to*/*-hle* и т. д. ʽэтот’; ср. разг. *tenhleten*, *tohohletoho* и т. д.;

— непроизводные слова остальных частей речи — корень.

2.5.2. Основные способы словообразования:

— суффиксальный: *sed-ě-t* ʽсидеть’ — *sed-nou-t* ʽсесть’ — *sed-a-t* ʽсадиться’, *seda-c-í* ʽсидячий’, ʽдля сидения’, *seda-dlo* ʽсиденье’, *mladý* ʽмолодой’ — *mlád-nou-t* ʽмолодеть’, *mlád-enec* ʽмолодой человек’, ʽхолостяк’, *mládenec-k-ý* ʽхолостяцкий’, *lyže* ʽлыжи’ — *lyž-ova-t* ʽкататься на лыжах’;

— префиксальный: *u-sednout*, *u-sedat* ʽсесть’, ʽсадиться (за что-либо)’, *o-mládnout* ʽпомолодеть’, *za-lyžovat si* ʽпокататься на лыжах’, *věk* ʽэпоха’, ʽвозраст’ — *pra-věk* ʽпервобытная эпоха’, *krásný* ʽкрасивый’ — *pře-krásný* ʽпрекрасный’;

— префиксально-суффиксальный: *běh-a-t* ʽбегать’ — *vy-běh-nou-t* ʽвыбежать’, *níz-k-ý* ʽнизкий’ — *s-níž-i-t* ʽснизить’, *otrok* ʽраб’ — *z-otroč-i-t* ʽпоработить’, *hvězda* ʽзвезда’ — *sou-hvězd-∅-í* ʽсозвездие’, *čas* ʽвремя’ — *do-čas-n-ý* ʽвременный’;

— словосложение: *provaz-o-chodec* ʽканатоходец’ (*provaz* ʽверёвка’, ʽканат’ + *chodec* ʽпешеход’), *čern-o-bílý* ʽчёрно-белый’ (*černý* ʽчёрный’ + *bílý* ʽбелый’);

— словосложение с суффиксацией: *hor-o-lez-ec* ʽальпинист’ (*hora* ʽгора’ + *lézt* ʽлезть’), *svat-o-václav-sk-ý* ʽсвятовацлавский’ (*svatý Václav* ʽсвятой Вацлав’);

— сращение: *knih-tisk* ʽкнигопечатание' (*kniha* ʽкнига', род. п. мн. ч. *knih* + *tisk* ʽпечать'), *smyslu-plný* ʽосмысленный' (*smysl* ʽсмысл', род. п. ед. ч. *smyslu* + *plný* ʽполный');

— сращение с суффиксацией: *sobě-stač-n-ý* ʽсамодостаточный' (*sobě* ʽсебе', дат. п. местоимения *sebe*, + *stačit* ʽбыть достаточным').

2.5.3. П р о с т о е предложение может быть двусоставным, содержащим субъект, в некоторых случаях опущенный, и предикат, выраженный личной формой глагола либо включающий такую форму, изредка нулевую, в роли связки (*Dítě spí* ʽРебёнок спит', (*Vy) Jste velmi hodný* ʽВы очень добры', *Všechno (je) ztraceno* ʽВсё потеряно'), и односоставным бессубъектным с одним главным членом, глагольным или неглагольным (*Prší* ʽИдёт дождь', *Už je*/*bylo tma* ʽУже темно/было темно', *Nekouřit*/*Zákaz kouření* ʽНе курить/Курить запрещается' (букв. ʽзапрет курения') и т. д.).

Синтаксические отношения в простом предложении, согласно чешской грамматической традиции: 1) предикация — отношение между субъектом и предикатом двусоставного предложения, выражаемое обычно посредством синтаксической связи согласования; 2) детерминация (подчинение), выражаемая посредством согласования, управления и примыкания; 3) координация (сочинение).

Со стороны глагольных членов предложение распространяют управляемые объектные и примыкающие обстоятельственные члены. Взаимный порядок частей распространяемого ими предложения зависит в первую очередь от актуального членения, а также от ряда формальных факторов (простой или составной характер предиката, отсутствие или наличие при глагольной форме возвратного компонента, неместоименное или местоименное выражение второстепенных членов и др.). Так, в двусоставных утвердительных предложениях обычный порядок слов «субъект — предикат — объект — обстоятельство» или иной с субъектом в начальной позиции (*Angličané pijí čaj tradičně v pět hodin* / *Angličané pijí tradičně v pět hodin čaj* ʽАнгличане по традиции пьют чай в пять часов / в пять часов пьют чай'), может заменяться на «объект/обстоятельство — предикат — субъект — обстоятельство/объект» при простом предикате с невозвратным глаголом (*Čaj pijí Angličané tradičně v pět hodin* ʽЧай англичане по традиции пьют в пять часов', *V pět hodin pijí Angličané tradičně čaj* ʽВ пять часов англичане по традиции пьют чай'); при составном предикате субъект ставится между лично- и нелично-глагольной (именной) его частью, при возвратных же глаголах он может занимать место между возвратным компонентом и основной глагольной формой (*V pět hodin mají Angličané ve zvyku* / *pět hodin si Angličané zvykli (si zvykli Angličané) pít čaj* ʽВ пять часов англичане имеют привычку / привыкли пить чай'). Те же закономерности действуют в двусоставных частновопросительных предложениях: *Odkdy pijí Angličané* / *Odkdy mají Angličané ve zvyku* / *Odkdy si Angličané zvykli pít v pět hodin čaj?* ʽС какого времени англичане пьют / имеют привычку / привыкли пить чай в пять часов?', тогда как для общевопросительных предложений (включая глагольные односоставные) характерно вынесение личной формы глагола на первое место: *Pijí Angličané dodnes v pět hodin čaj?* / *Mají Angličané dodnes ve zvyku pít v pět hodin čaj?* ʽАнгличане до сих пор пьют / имеют привычку пить чай в пять часов?'; ср. также *Bývá v Anglii opravdu často zamlženo?* ʽВ Англии действительно часто бывает туман?'.

В случаях, когда объектные и/или обстоятельственные члены дву- либо односоставного предложения выражены личными и указательными местоимениями (местоименными наречиями), они, не будучи логически акцентированы и соответственно вынесены в начало либо в конец предложения, включаются вместе с некоторыми другими словами в группу энклитик и полуэнклитик (при этом отдельные местоимения, функционируя без предлогов, принимают краткую форму). Эта группа обычно занимает в предложении второе место; строго упорядоченная в Ч.я. последовательность элементов внутри нее следующая: I. собственно энклитики: 1) формы вспомогательного глагола ʻбытьʼ (*jsem…*/ *bych…*) при *l*-причастиях; 2) возвратные компоненты *se*/*si*; 3) формы дательного падежа личных местоимений (*mu* ʻемуʼ, *vám* ʻвамʼ и др.); 4) формы родительного и винительного падежа личных местоимений (*ho* ʻегоʼ, *jich*, *je* ʻихʼ, *tě* ʻтебяʼ, *nás* ʻнасʼ и др.); 5) форма винительного падежа единственного числа среднего рода местоимения *ten* (*to* ʻэтоʼ); 6) короткие местоименные наречия типа *tam* ʻтамʼ, ʻтудаʼ; II. полуэнклитики: 7) другие формы личных местоимений и указательного *ten*, включая сочетания с предлогами (например, дат. п. *tomu* ʻэтомуʼ, вин. п. *na ně* ʻна нихʼ); 8) формы будущего времени и *l*-причастия вспомогательного или связочного глагола ʻбытьʼ (*budu*, *byl* и т. д.) (не в составе глагольных форм пассива); 9) модальные глаголы (уже в начале группы полуэнклитик могут выступать также частицы и вводные слова типа *asi* ʻнаверноеʼ, *prosím* ʻпожалуйста/извини, -теʼ и т. п.). Примеры: *Včera jste se ho prý na to měl zeptat* ʻВчера вы как будто должны были спросить его об этомʼ, *Teď by mu to už ale vůbec nebylo divné* ʻСейчас это вовсе не показалось бы ему страннымʼ и т. д.

Распространителями синтаксически субстантивных членов предложения являются согласованные и несогласованные (управляемые или примыкающие) определения, первые большей частью препозитивные (*ta moje*/*sestřina nejstarší dcera* ʻэта моя/сестрина старшая дочьʼ), вторые — постпозитивные (*dcera mé sestry* ʻдочь моей сестрыʼ, *dům o pěti patrech* ʻдом в шесть этажейʼ и др.). Препозитивное несогласованное определение может выступать по аналогии с согласованным в генитивных конструкциях, выражающих принадлежность и подобные ей отношения: *Trubeckého a Jakobsonovy studie* ʻработы Трубецкого и Якобсонаʼ (ср. разг. *Novákovic holka* ʻдочь Новаковʼ), а постпозитивное (согласованное) — в терминологических и экспрессивных сочетаниях типа *kysličník uhličitý* ʻокись углеродаʼ и *kluku líná* ʻты, лентяй!ʼ. Особые типы представляют собой: 1) так называемое «сказуемостное определение», которое обнаруживает зависимость как от синтаксически субстантивного, так и от глагольного члена: *Chlapec chodí bos* (книжн.)/*bosý* ʻМальчик ходит босойʼ, *Souseda zvolili předsedou*/*za předsedu* ʻСоседа выбрали председателемʼ (неполное согласование с субстантивным членом только в роде и числе); 2) субстантивное приложение в сочетаниях типа *město Praha* ʻгород Прагаʼ. Некоторые чешские лингвисты называют приложением любое (не только субстантивное) дополнительно и свободно присоединенное определение. Согласно другой точке зрения, приложение (аппозиция) — это особый тип синтаксических отношений, промежуточный между подчинением и сочинением (отношение «отождествления в широком смысле»), который также представлен не только в субстантивно-субстантивных сочетаниях.

2.5.4. Сложные предложения подразделяются в зависимости от формальной выраженности/невыраженности отношений между частями на союзные и бессоюзные. Среди первых вычленяются сложносочиненные и сложноподчиненные; маркерами той или иной связи в них служат соответствующие союзы (см. 2.3.7.), а также относительные местоимения и местоименные наречия. Среди вторых по характеру смысловых отношений между частями различаются аналогичные подтипы; ср. бессоюзное сложное предложение в авторском тексте: *Já jsem seděl ve výčepu, skoro vždycky ve výčepu bylo chladno, pil jsem ale limonádu…* 'Я сидел в пивном зале, почти всегда в зале было холодно, пил я, однако, лимонад…' (первое и третье предложения, последнее с частицей *ale*, связаны семантически, подобно частям сложносочиненного с омонимичным союзом, а второе близко к придаточному определительному, т. е. *ve výčepu, kde…* 'в зале, где…').

2.6.0. Лексические заимствования (помимо общеславянских) проникали в Ч.я., начиная с периода племенных диалектов, в результате контактов западнославянских племен с соседними германскими (ср. др.-чеш. *diek(a)* 'благодарность', *děkovati* 'благодарить', совр. чеш. *dík*, *děkovat* с соответствиями во всех западнославянских языках < др.-в.-нем. *denk-*, совр. нем. *Dank*, *danken* и т. п.). С развитием феодальных отношений заимствовалась немецкая лексика, относящаяся к устройству общества (*šlechta* 'дворянство' < др.-в.-нем. *slahta*, совр. нем. *Geschlecht* 'род'; др.-чеш. *hrabie* 'граф', совр. чеш. *hrabě* < др.-в.-нем. *grāveo*, совр. нем. *Graf*; позднее также др.-чеш. *lan(d/t)krabie* 'ландграф', *markrabie* 'маркграф', *purkrabie* 'бургграф'), к сфере военного дела (др.-чеш. *rytieř* 'рыцарь', позднее 'мелкий (безземельный) дворянин', совр. чеш. *rytíř* < др.-в.-нем. *rītaere*, совр. нем. *Reiter* 'всадник'; др.-чеш. *krunéř* 'панцирь', совр. чеш. *krunýř* < др.-в.-нем. *brunna*, совр. нем. *Brünne*), хозяйства (*hák* др.-чеш. 'вид плуга', совр. чеш. 'крюк' < ср.-в.-нем. *hāke*, совр. нем. *Haken*; *lán* 'полоса поля', связано с нем. *lehnen* 'передавать в пользование'; позднее из того же источника *léno* 'ленное владение') и др. По мере распространения христианства были заимствованы многие соответствующие термины — часто через посредство немецкого языка, латинского либо также греческого происхождения (*kostel* 'церковь', ср. нем. *Kastell* 'крепость', 'замок' < лат. *castellum* 'крепость', 'укрепление'; *klášter* 'монастырь' < др.-в.-нем. *klōstar*, совр. нем. *Kloster* < лат. *claustrum* 'закрытое место'; *mnich* 'монах' < др.-в.-нем. *munih*, совр. нем. *Münch* (поэт.), *Mönch* < лат. *monicus* < греч. μοναχός и др.); к северо-восточным итальянским диалектам восходит чешское название основного христианского символа: *kříž* 'крест' (< *krūže*, лат. *crux*). В формировании христианской терминологии Ч.я. велика доля великоморавского старославянского или более позднего чешско-церковнославянского наследия (ср., в частности, *Hospodin* 'Господь' и другие церковнославянизмы в древнечешском духовном гимне *Hospodine, pomiluj ny!* 'Господи, помилуй нас!'; лексема *Hospodin* в XV в. была заменена на *Pán*, позднее отчасти восстановлена).

В период расцвета феодального чешского государства, в условиях интенсивной с конца XIII в. немецкой колонизации, в Ч.я. возросло количество немецких заимствований, а также латинизмов, воспринимаемых непосредственно или через немецкое посредство. Против засилья германизмов, особенно в городской речи, в начале XV в. выступал Ян Гус, упрекавший пражан и других чехов в том, что они говорят *hantuch* 'полотенце' (< нем. *Handtuch*) вместо *ubrusec*, *šorc* 'фартук'

(< нем. *Schürze*) вместо *zástěra*, *knedlík* ʽизделие из варёного теста' (< южнонемецкое *Knödel*) вместо *šiška*, *pancieř* ʽпанцирь' (< нем. *Panzer*) вместо *krunéř* (также германизм), *maršťale* ʽконюшня' (< нем. *Marstall*) вместо *konnice*, *mantlík* ʽплащ' (< нем. *Mantel*) вместо *pláštiek*, *forman* ʽвозница' (< нем. *Fuhrmann*) вместо *vozataj* и др. Из отвергаемых Гусом германизмов в общем употреблении, однако, до сих пор удерживается слово *knedlík*, а в обиходном Ч.я. *maštal*, *forman*. При этом ни сочинения самого Гуса, ни последующая литература так называемого гуситского периода (первая треть XV в.) не свободны от германизмов, ср. в боевом гимне гуситов «Вы, воители Господни»: *drabant* ʽпехотинец' < нем. *Trabant* ʽтелохранитель', *hauptman* ʽкапитан' < нем. *Hauptmann*, *retuj* ʽспасай' < нем. *retten* ʽспасать' и др.

К периодам Ренессанса, Гуманизма и барокко относятся многочисленные заимствования в первую очередь в литературном Ч.я. из латыни или через посредство латыни из греческого (в области науки и школьного образования: *akademia* ʽакадемия', ʽвысшая школа', совр. *akademie*; *bibliotéka* ʽбиблиотека', совр. *knihovna*, *lekcí* ʽурок', совр. *lekce*; в области административной терминологии: *akta* ʽдело', *appellovati* ʽапеллировать', совр. *apelovat*, и др.), из романских языков, главным образом из итальянского и испанского (в области военного и особенно морского дела: *marinář* ʽморяк', совр. *námořník*, *náve* ʽкорабль', совр. *loď*, и др.), а также, в условиях все более тесной интеграции с империей Габсбургов, из немецкого: ср. германизм в первоначальном названии главного литературного труда писателя-эмигранта XVII в. Я. А. Коменского «Лабиринт света и Рай сердца»: «Labirynt světa a Lusthauz (< нем. ʽбеседка') srdce» (позднее заменено на «…Ráj srdce»).

Пуристическая направленность языковой программы деятелей национального возрождения, начиная со второй половины XVIII в., привела к вытеснению из литературного Ч.я. большинства германизмов (и некоторых других европеизмов), кроме давно освоенных. Они, однако, во многих случаях вплоть до настоящего времени сохраняются в обиходном Ч.я., часто как экспрессивные и стилистически маркированные слова (*fotr* ʽпапаша' < нем. *Vater* ʽотец', при обычном *táta*, *tatínek* ʽпапа', *otec* ʽотец'; *ksicht* ʽрожа' < нем. *Gesicht* ʽлицо', при обычном *obličej* ʽлицо'; *špacírovat* ʽгулять' < нем. *spazieren*, при обычном *procházet se*). В духе концепции славянской взаимности в период национального возрождения в словарный состав литературного Ч.я. были включены некоторые заимствования из других славянских языков, сохраняющиеся на современном этапе как книжные лексемы, например: из русского *sudba* ʽсудьба', при обычном *osud*, *vesna* ʽвесна', при обычном *jaro*; из польского *sličný* ʽпрекрасный'; из сербского *snacha* ʽсноха'.

В период после Второй мировой войны из русского в Ч.я. активно проникали «советизмы» (ныне практически вышедшие из употребления), а также, в условиях существования чехословацкого социалистического государства, отдельные словакизмы: *výdobytek* ʽдостижение' (чеш. *vymoženost*), *dovolenka* ʽотпуск (у солдат)' (чеш. *dovolená*). В новейшее время распространяются лексические заимствования из западноевропейских языков, в особенности из английского: *billboard* ʽрекламный щит', *speaker*/*spíkr* ʽспикер', *fax* ʽфакс', *on-line* ʽонлайн', *leasing* ʽлизинг', *cash*/*keš* ʽналичные', *second-hand* > *sekáč* ʽсеконд хэнд', *oukej* ʽокей' и др. Некоторые новые заимствования могут стилистически дифференцироваться со старыми и с собственно чешскими лексемами, ср. слова с общим значением ʽторговля': нейтральное исконно чешское (с XIV в.) *obchod* — устаревшее оби-

ходное пейоративное *handl* (< нем. *Handel*) — современное *shopping* ʻшоппингʼ (< англ.).

2.7.0. С о б с т в е н н о ч е ш с к и е диалекты и три группы м о р а в с к и х говоров (см. 1.2.1.) отличаются друг от друга и литературного Ч.я. в первую очередь наличием/отсутствием в системе вокализма долгих гласных и дифтонгов и составом долгого вокализма. Собственно чешские диалекты характеризует наличие долгих гласных (за исключением /ō/, /ē/ во всяком случае в исконно чешских неэкспрессивных словах), дифтонга /ou̯/ из *ū* и дифтонгического сочетания /e/ + /j/ из *ȳ* и (в неравномерном по говорам объеме) *ī*, а также на месте тавтосиллабического сочетания *aj*, например: [mou̯ka] ʻмукáʼ, [nesou̯] ʻ(они) несутʼ, [ou̯skej] ʻузкийʼ, [bejt] ʻбытьʼ, центрально- и северо-восточночешские огласовки [cejťit] ʻчувствоватьʼ, [vozejk] ʻповозкаʼ при юго-западночешских [cīťit], [vozīk] (литературный Ч.я. воспринял первое изменение, кроме начала корня, а второе — только в позициях *ej* < *aj*, собственно чешские диалектные и литературные формы *dej* ʻдайʼ, *nejdelší* ʻсамый длинныйʼ). Для центральноморавских диалектов характерно изменение /ou̯/ в /ō/ и /ej/ в /ē/ ([mōka], [nesō], [(h)ōskē], [bēt], [dē], [nēdelšī]). В собственно чешских и в центральноморавских диалектах имело место также «сужение» /ē/ > /ī/ (в ряде случаев воспринятое и литературным Ч.я.), ср. [dobrī mlīko] ʻхорошее молокоʼ. Восточно- и североморавские диалекты таких изменений *ū*, *ȳ* (*ī*), *aj*, *ē* в целом не знали: в восточноморавских диалектах сохраняется старая система долгих гласных, а в североморавских они сократились.

В области консонантизма главные диалектные отличия касаются мягких согласных. Так, к парным мягким согласным в большей части собственно чешских и центральноморавских диалектов относятся только /n'/, /ť/, /d'/. Притом в моравских диалектах, включая восточно- и североморавские (в последних по говорам /ť/, /d'/ изменяются в /c'/, /dz'/ или /č/, /dž/), они шире функционируют в конце слова и перед согласными, ср., например, центрально- и восточноморавские огласовки [svad'ba] ʻсвадьбаʼ, [kosť] ʻкостьʼ, [kořen'] ʻкореньʼ — собственно чешские [svadba], [kost], [kořen], но [kūn'] < **kōnjь*, как и перед гласными, особенно непереднего ряда, например, центрально- и восточноморавское [d'īťa] ʻдитяʼ, род. п. ед. ч. [staven'ā] ʻзданияʼ, дат. п. ед. ч. [staven'ū]/[staven'ō] ʻзданиюʼ — собственно чешское [d'īťe], [staven'ī] в результате древнечешских перегласовок *ä* > *ě*, *'u* > *i*; ср. также североморавские огласовки [d'en']/[dz'en']/[džen'] ʻденьʼ — чешское [den] < **dьnь*. В восточно- и североморавских, в соседствующих с ними центральноморавских и в периферийных чешских диалектах (юго-западных и северо-восточных), помимо этого, образуют пару мягкий /l'/ либо «среднеевропейский» /l/ и твердый /ł/ или его замена — губно-губной /u̯/. В североморавских диалектах выступают еще мягкие /s'/, /z'/ (переходящие по говорам в /š/, /ž/), а в североморавско-польском пограничье и местами в восточноморавских и в окраинных южночешских говорах — мягкие губные согласные. В остальном былую мягкость губных согласных отражает йотация или, как у /m/ в Чехии (кроме окраинных говоров на юго-западе) и в отдельных областях Центральной Моравии, эпентеза /n'/; ср.: [nevjesta] ʻневестаʼ, [hřībje] ʻжеребёнокʼ (в восточно- и североморавских диалектах [hřībja]/[hřīb'a], [hřybja]/[hřyb'a]), [zemn'e] ʻземляʼ (в центральноморавских диалектах твор. п. ед. ч. pod [zemjō]/[zemn'ō] ʻпод землёйʼ), а также юго-западночешские огласовки [pjivo] ʻпивоʼ, [bjīlej] ʻбелыйʼ, восточноморавские и североморавские [bjič]/[bjyč] ʻкнут, бичʼ.

Из других диалектных особенностей консонантизма заслуживают внимания различная реализация *v* (в северо-восточных чешских и в смежных центрально-моравских говорах в виде [u̯] не перед гласными в качестве альтернанта губно-зубного /v/ или, на окраинах, [w] в любой позиции: [prau̯da] ʽправда', периферийное [wiprawowať] ʽрассказывать'); комбинаторные явления: упрощение/неупрощение геминат (ср. общечешские огласовки [kamenej] ʽкаменный', [bezubej] ʽбеззубый', [pře‿domem] ʽперед домом' при северо-восточночешских [kamennej]/[kamednej], южночешских и южноморавских [bejzubej], [přej‿domem] и т. д.), ассимиляции согласных по глухости/звонкости, особенно оглушение/озвончение в группе /s/ + /h/ (ср. собственно чешскую огласовку [na‿sxledanou̯] ʽдо свидания' при [na‿zhledanō] в восточной части Центральной Моравии, аналогично в Восточной и Северной Моравии) и тип сандхи перед гласными и сонорными (ср. общечешское [uš‿abis‿uťīkal] ʽты бы уже бежал', [nūš‿navīc‿nemām] ʽлишнего ножа у меня нет' — в восточной части Центральной Моравии [už‿abiz‿uťekal], [nūž‿navīdz‿nemām], аналогично в Восточной и Северной Моравии), разнообразно распределенные протетические согласные — ˀ (гортанный приступ), /v/ и /h/ (ср. общечешское [ˀaby jenom nepršelo] ʽтолько бы не пошёл дождь', [von tam nebyl] ʽего там не было' — центральноморавское [habi]/[habe enim nepršelo], восточноморавское [ˀon tam nebyl]) и др.

Морфологические отличия отчасти мотивированы неодинаковой по говорам реализацией отдельных фонетических процессов в истории Ч.я. Так, с отсутствием древнечешских перегласовок *ä* (из **ę*, **'a*, **ьja*) > *ě*, *'u* (в том числе из **ьju*) > *i* или аналогическим устранением их результатов в моравских диалектах связана меньшая дифференциация в них по сравнению с собственно чешскими говорами твердых и мягких типов склонения имен и местоимений (ср. центрально-, восточно- и североморавские формы *naša ulica* ʽнаша улица', вин. п. ед. ч. *našu ulicu* — собственно чешские *naše ulice*, *naši ulici*), а отчасти и спряжения глаголов (в центрально-, восточно- и североморавских диалектах 1-е лицо единственного числа презенса *chcu* ʽхочу' — в собственно чешских *chci*). Фонетический источник имеют также окончание *-oj* < *-ow'i* в дательном и местном падеже единственного числа одушевленных существительных мужского рода в северо-восточных чешских говорах (*ocoj* ʽотцу', ʽоб отце' — центральночешское *ocovi*/ *otcovi*), как и завершение *-ojc*/*-ou̯c*/*-oc*/*-uc* < *-ow'ic* у «семейно-притяжательных» форм типа *Novákojc* ʽсемья Новаков' в юго-западных говорах (центральночешская форма *Novákovic*, см. 2.3.4.), долгота в окончании именительного падежа множественного числа одушевленных существительных мужского рода в юго-западных говорах (*sedlácí* ʽкрестьяне' — центральночешская форма *sedláci*) и другие явления. Некоторые морфологические черты отображают своеобразные результаты развития тех или иных категорий, например, неизменяемые формы притяжательных прилагательных на *-ovo*/*-ino* типа *bratrovo* ʽбратов/брата', *sestřino* ʽсестрин/сестры' в юго-западных чешских говорах. Иные обязаны своим возникновением действию аналогии, ср. особенно презентные формы 3-го лица множественного числа глаголов типа *prosit* ʽпросить', *umět* ʽуметь': в центрально- и северо-восточных чешских говорах *prosej(í*/*i)*, *umn'ej(í*/*i)* — в юго-западных *prosí*, *umí* — в центральноморавских диалектах *prosijó*, *umijó* — в восточноморавских *prosí*/*prosá*/*prosijú*/*prosyjú*/*prosýja*, *umí*/*umjá*/*umijú*/*um'íja* — в североморавских *prosa*/*pros'o*/*prošy*/*prošu*, *umja*/*umjo*/*umi*/*umju*. Отдельные явле-

ния имеют еще праславянское происхождение, например, окончания презентных форм 1-го лица единственного числа глаголов: общечешские флексии *-me*/*-m* — североморавские *-my*/*-m* (вторые варианты только у глаголов с формой 1-го лица единственного числа на *-u*, ср. общечешское *neseme*/*nesem* — североморавское *n'esemy*/*n'esem* 'мы несём').

Между диалектами Ч.я., главным образом между собственно чешскими вместе с западной частью центральноморавских и остальными моравскими, существуют также лексические различия, например: собственно чешские лексемы *žito* 'рожь', *ves*/*(vesnice)* 'деревня' — моравские *rež*, *d'ed'ina* (в Северной Моравии также *dz'edz'ina*/*džedžina*); общечешская *kluk* 'парень' (в юго-западных говорах чаще *chlapec*, в северо-восточных чаще *hoch*) — в Восточной Моравии *pachołek*, в Северной Моравии *synek*; общечешская *dělat* 'делать', 'работать' — североморавская *robiť*/*robic'*/*robič* и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. Ч. I. Фонетика — словообразование — морфология. М., 1950.

Широкова А. Г. Чешский язык // Славянские языки. М., 1977.

Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А. Чешский язык. М., 1999.

Широкова А. Г., Нещименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.

Dokulil M. Tvoření slov v češině. I. Teorie odvozovani slov. Praha, 1960.

Český jazyk na přelomu tisíciletí / Fr. Daneš a kol. Praha, 1997.

Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého. Praha, 1979.

Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1981.

Hubáček J. O českých slanzích. Ostrava, 1979.

Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historický vývoj češtiny. Hláskosloví, tvarosloví, skladba. Praha, 1977.

Mluvnice češtiny. Praha, 1986–1987, t. I–III.

Palková Z. Fonetika a fonologie češtiny. Praha, 1994.

Pravidla českého pravopisu. Praha, 1986.

Výslovnost spisovné češtiny. Praha, 1978.

Словари

Чешско-русский словарь / Ред. Л. В. Копецкий, Й. Филипец и О. Лешка. М.; Прага, 1973.

Česko-ruský slovník / Под ред. Л. Копецкого. Praha, 1976, d. 1–2.

Rusko-český slovník. Praha, 1952–1962.

Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971.

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1990.

Velký rusko-český slovník. Praha, 1952–1962.

Л. Н. Смирнов

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Словацкий язык (С.я.). Варианты названия: устар. *венгеро-словенский язык*; словац. *slovenčina*, *slovenský jazyk*, *slovenská reč*; англ. *Slovak*, нем. *Slowakisch*, фр. *le slovaque*.

1.1.2. Принадлежит к западной группе славянской ветви индоевропейской семьи языков.

1.1.3. На С.я. говорит более 4,5 млн. словаков (2001), составляющих основное население Словацкой Республики (84%), а также более 1 млн. словаков (лишь 0,4 млн. из них активно пользуется С.я.), проживающих за ее пределами: в Венгрии (18 тыс. говорящих, 2001), Румынии (16 тыс. чел., 2002), Чехии (193 тыс. словаков, 2001), Сербии (59 тыс. словаков, 2002), Канаде (10 тыс. чел., 2001), США (510 тыс. словаков, 2000).

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. С.я. традиционно расчленяется на три диалектные группы: западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую, которые образуют единый диалектный континуум. К западнословацкой группе относятся: верхнетренчинские, нижнетренчинские, кисуцкие, поважские, нижненитранские, трнавские и загорские диалекты; к среднесловацкой — липтовские, оравские, турчанские, верхненитранские, зволенские, тековские, гонтянские, новоградские, модрокаменские, ипельские, западногемерские, среднегемерские, восточногемерские и верхнегронские диалекты; к восточнословацкой — спишские, абовские, шаришские, земплинские, ужские и сотацкие диалекты. Диалектное членение основывается прежде всего на фонетических и морфологических признаках. К числу важнейших структурных изоглосс можно отнести различную судьбу праславянских сочетаний **orT*, **olT* не под акутовым ударением, рефлексы праславянского **ę*, наличие/отсутствие долгих гласных и дифтонгов, разные окончания в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода и др. (см. 2.7.0.).

Диалектная дифференциация С.я. связана с процессом становления и развития словацкого этноса, а также с административным делением феодального Венгерского королевства, в составе которого длительное время находилась словацкая этническая территория. К XVI в. основные характеристики трех названных диалектных групп определились уже достаточно четко.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С.я. является государственным языком Словацкой Республики и с 2004 г. одним из официальных языков Европейского Союза.

1.3.2. Современный литературный С.я. сформировался относительно поздно. Предки словаков, жившие в Великоморавской державе (IX–X вв.), использовали в письменности старославянский язык. Во второй половине X в. территория современной Словакии вошла в состав Венгерского королевства. Словаки в течение ряда столетий употребляли в письменности латынь. С конца XIV в. получил распространение чешский язык, который с XV в. фактически стал выступать как письменно-литературный язык словацкой народности (использовался параллельно с латынью в административно-деловой письменности, при совершении религиозных обрядов, в литературно-художественных и научных произведениях). У словацких протестантов с XVI в. он стал также литургическим языком.

В XVI–XVIII вв. в устном общении образованных словаков получили распространение своеобразные интердиалектные формации, сложившиеся в результате взаимодействия местной народно-разговорной речи и чешского литературного языка. Они занимали промежуточную ступень между местными словацкими говорами и чешским литературным языком. Определенные черты и признаки этих

«культурных интердиалектов», которые выступали в трех областных разновидностях (западнословацкий, среднесловацкий и восточнословацкий), из устной сферы постепенно проникали в словацкую письменность.

С середины XVIII в. все более заметно проявляется осознанное стремление словаков к литературно-письменной самостоятельности. В языковом плане этот этап ознаменовался реформой католического священника А. Бернолака, который разработал и осуществил первую научно обоснованную программу кодификации норм литературного С.я. («Филологически-критическое рассуждение о славянских письменностях» с приложением «Словацкой орфографии», 1787 г., «Словацкая грамматика», 1791 г., шеститомный «Словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский словарь», 1825–1827 гг. и др.). Литературный С.я., введенный в культурный обиход А. Бернолаком и его последователями, получил название «бернолаковщина». Основной исходной базой для этого литературного языка являлся «западнословацкий культурный интердиалект», кроме того, в литературных нормах, узаконенных А. Бернолаком, просматривается прямое отражение отдельных диалектных черт (главным образом западнословацких), а также признаков чешского литературного языка. Бернолаковщина не стала единым литературным языком всех словаков; она получила признание и распространение лишь в среде словацкой интеллигенции католического вероисповедания (протестанты продолжали пользоваться чешским литературным языком). На бернолаковском языке за время его полувекового функционирования было издано значительное число произведений религиозной литературы (в частности, перевод Библии) и произведений светского характера (просветительские труды Ю. Фандли), большое значение имело литературно-художественное творчество поэта Я. Голлого.

В середине XIX в. благодаря усилиям словацкой протестантской интеллигенции в лице Л. Штура, Й. М. Гурбана и М. Годжи был кодифицирован и введен в жизнь новый вариант литературного С.я., названный впоследствии «штуровщиной». Его исходной базой является «среднесловацкий культурный интердиалект». Новый литературный язык, в отличие от бернолаковщины, представляет собой систему среднесловацкого типа. В 1844 г. на нем были опубликованы первые произведения, с 1845 по 1848 г. издавалась «Словацкая национальная газета». В 1846 г. вышли в свет основные лингвистические труды Л. Штура («Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии», «Наука словацкого языка»). Нормы штуровского литературного языка в большей мере, чем языка бернолаковского, соответствовали живой народно-разговорной речи словаков. В 1851 г. в Братиславе группа ведущих представителей протестантского и католического течений утвердила единые литературные нормы С.я. По предложениям М. Годжи и М. Гатталы в систему норм и правил, кодифицированных Л. Штуром, были внесены изменения и дополнения. В исправленной форме, которая была отражена в «Краткой словацкой грамматике» (1852 г.; издана анонимно, но подготовлена М. Гатталой), он стал единым литературным языком словаков. Новый язык стал важным стимулом и средством литературно-художественного творчества, а также развития публицистического и научного стилей. Таким образом, во второй половине XIX в. сформировался литературный С.я., система норм которого, несмотря на ряд последующих модификаций и уточнений, в основном сохраняется до настоящего времени.

На рубеже XIX и XX вв. важную роль сыграла кодификаторская деятельность С. Цамбела, автора «Руководства по литературному словацкому языку» (1902 г., переиздания под редакцией Й. Шкультеты 1915 г. и 1919 г.), которое в течение 30 лет было основным пособием, фиксирующим нормы литературного С.я.

В XX в. на развитие и функционирование литературного С.я. существенное влияние оказывали изменения государственного устройства: вхождение Словакии в состав Чехословацкой Республики (1918–1939 гг.); кратковременное существование Словацкой Республики (1939–1945 гг.); послевоенной Чехословацкой Республики (1945–1960 гг.), затем Чехословацкой Социалистической Республики (1960–1989 гг.), Чешской и Словацкой Федеративной Республики (1990–1992 гг.). С провозглашением в январе 1993 г. Словацкой Республики как независимого государства создались новые условия для полноценного функционирования литературного С.я.

Начиная с XVIII в. предпринимались попытки создать литературный язык на основе некоторых говоров восточнословацкого диалекта (см. в статье «Малые славянские литературные языки (микроязыки)»).

1.3.3. Язык обучения в начальной, средней и высшей школе. Преподавание и научное изучение С.я. за пределами Словакии ведется: в Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, России, Румынии, Сербии, США, Украине, Чехии, Швеции и других странах.

1.4.0. В С.я. используется латинский алфавит. При этом ряд графем имеет надстрочные диакритические знаки: 1) знак ˊ обозначает долгие гласные и слогообразующие сонорные /r̥̄/, /l̥̄/: *pán* ʽгосподин’, ʽчеловек’, *vŕba* ʽверба’; 2) знак ˆ над буквой *o* — дифтонг /u̯o/: *stôl* ʽстол’; 3) знак ¨ над буквой *a* — так называемое «широкое открытое [e]»: *mäkký* ʽмягкий’; 4) знак ˇ — а) шипящие /š/, /ž/, /č/ и /ǯ/ (в диграфе *dž*), б) мягкие /n’/ и у заглавных букв /ť/, /ď/, кроме позиций перед графемами *e* и *i*, *í*: *hrebeň* ʽгребень’, *baňa* ʽрудник’, ʽшахта’, *Ďaleký východ* ʽДальний Восток’; 5) знак ’ — мягкие /ť/, /ď/ (у строчных букв) и /ľ/, кроме позиций перед графемами *e* и *i*, *í*: *ľúbiť* ʽлюбить’.

Как правило, каждая буква обозначает особую фонему, только фонемы /i/, /ī/ передаются двумя буквами, соответственно *i*, *y* и *í*, *ý*. Их написание является в основном традиционным, например *viť* [viť] ʽвить’ и *vyť* [viť] ʽвыть’. Лишь после *n*, *t*, *d*, *l* оно указывает на мягкость/твердость соответствующей согласной, помимо флексий некоторых морфологических форм. Так, твердый согласный выступает перед *-i*/*-í* в одушевленных формах именительного падежа множественного числа прилагательных и местоимений типа *pekní*, *krásni* ʽкрасивые’, *tí* (и в неодушевленной форме с дифтонгом *tie*) ʽте’, ʽэти’, в приставочных образованиях типа *odísť* ʽуйти’, в заимствованных и звукоподражательных словах типа *politika* ʽполитика’, *tikať* ʽтикать’ (о часах). Мягкое произношение *n*, *t*, *d*, *l* предполагается и перед буквой *e* (но не *é*), за исключением некоторых форм прилагательных (*krásnej* ʽкрасивой’, *krásneho* ʽкрасивого’), местоимения *ten* ʽтот’, ʽэтот’ (*tej* — род. п., дат. п., местн. п. ед. ч. ж. р.) и исторически связанных с ним слов (*teraz* ʽтеперь’) и других лексикализованных случаев, а также заимствований (*termín* ʽтермин’, ʽсрок’).

Дифтонги /i̯a/, /i̯e/, /i̯u/ и согласные фонемы /x/, /ʒ/, /ǯ/ обозначаются диграфами *ia*, *ie*, *iu* и *ch*, *dz*, *dž*, соответственно.

Буква *ó* (и соответствующая долгая гласная /ō/) встречается только в заимствованных и экспрессивных словах, буквы *q*, *w*, *x* — только в заимствованиях.

1.5.0. Формирование С.я. представляло собой сложный процесс интеграции разнородных в генетическом отношении славянских диалектов. Этот процесс подразделяется на три периода:

1) послемиграционный (VI–VII вв.), к которому восходит значительная часть дифференциальных признаков современных словацких диалектов (сохранение или упрощение праславянских сочетаний **tl*, **dl*, изменение **x* по второй палатализации в *s* или *š*, изменение сочетаний **orT-*, **olT-* не под акутовым ударением в *raT-*, *laT-* или в *roT-*, *loT-* и др.);

2) интеграционный (VIII–IX вв.), когда многие процессы в диалектах, впоследствии ставших диалектами С.я., реализовались одинаково, причем отчасти сходно с западнославянскими, а отчасти — с незападнославянскими языками (сохранение сочетаний **kv-*, **gv-* в начале слова перед **ě*, отсутствие *l* после губных согласных на месте их давних сочетаний с **j*, изменение сочетаний **tj*, **dj* соответственно в *c*, *dz*, изменение **jь-* в начале слова в *i-*, развитие слоговых сонорных в сочетаниях **TrьT*, **TrъT*, **TlьT*, **TlъT* и т. д.);

3) конститутивный (X–XI вв.), в течение которого словацкий выделился как самостоятельный язык и приобрел ряд черт, отличающих его от других западнославянских языков (различие результатов изменения праславянских сочетаний **dj*, **gj*, а также **g* по первой палатализации, краткость на месте старого акута и т. д.).

В более поздний период (главным образом до XVI в.) в С.я. осуществились другие фонетические и морфологические процессы, объединяющие или дифференцирующие словацкие диалекты.

Об истории языка словацкой письменности см. 1.3.2.

1.6.0. Вследствие внешнеязыковых контактов в разные периоды истории С.я. произошли некоторые изменения, затронувшие его фонологическую систему, состав и механизм образования морфологических форм, синтаксис и лексику (о лексических заимствованиях см. 2.6.0.).

На диалектном уровне в указанном отношении выделяются прежде всего говоры Восточной Словакии. Их давние связи с соседними польскими говорами обусловили закрепление ударения на предпоследнем слоге слова, сокращение долгих гласных, а в морфологии особенно образование специфических глагольных форм прошедшего времени типа *pisal jem*/*pisal mi* ʽя писал’, *pisalam*/*pisala mi* ʽя писала’ и сослагательного наклонения типа *pisal bim* ʽя бы писал’ (выступающих наряду с формами типа *ja pisal* и *ja bi pisal*, которые, вероятно, появились в результате украинско-восточнословацких контактов). Под воздействием венгерского языка некоторые восточнословацкие говоры утратили фонему /x/, совпавшую с /h/: *muha* ʽмуха’, лит. *mucha*, *horosc* ʽболезнь’, лит. *choroba*. Влияние немецкой фонетики, по-видимому, способствовало возникновению в среднесловацком ареале, в районе некогда интенсивной немецкой колонизации вокруг горняцких городов Банска Быстрица и Банска Штьявница, так называемых «твердых» и «мягких» говоров, в которых парные мягкие согласные либо отвердели, либо последовательно реализуются как мягкие перед гласными переднего ряда любого происхождения: *tižden* или *ťižďen* ʽнеделя’, лит. *týždeň* [tīžďen’].

В сфере грамматики процессы, стимулируемые контактами С.я. с венгерским и немецким языками, большей частью выходили за узкие диалектные рамки. Так, по мере исторического развития С.я. усилились позиции агглютинативного способа образования морфологических форм (см. 2.3.0.), что, возможно, произошло благодаря его контактам с венгерским языком как языком агглютинирующего строя. При поддержке немецкой глагольной системы в С.я., в первую очередь в разговорном, расширился состав форм глагола: возникла так называемая «категория результативного состояния», т. е. конструкция из личной формы вспомогательного глагола *mať* ʻиметьʼ и формы среднего рода единственного числа страдательного причастия, потенциально амбивалентная в залоговом отношении (*Mám zaplatené* ʻЯ заплатил / Мне заплатилиʼ).

В литературный С.я. некоторые грамматические заимствования пришли не прямо, а через язык-посредник, например, через немецкий — латинская конструкция accusativus cum infinitivo при глаголах восприятия (*Počul hodiny odbíjať* ʻОн (у)слышал, как бьют часыʼ), через чешский — русского происхождения действительные причастия прошедшего времени (*urobivší* ʻсделавшийʼ).

В новейшее время активные внешнеязыковые контакты привели к восстановлению в системе литературного С.я. фонемы /ō/, ранее подвергшейся среднесловацкой дифтонгизации *ō* > *u̯o* (*móda* ʻмодаʼ, *pól* ʻполюсʼ, *kódex* ʻкодексʼ); укрепились позиции фонемы /ē/, также подвергшейся некогда дифтонгизации *ē* > *i̯e* (*téma* ʻтемаʼ, *šéf* ʻшефʼ, *distributér* ʻдистрибьюторʼ), и согласных фонем /f/ (*fakľa* ʻфакелʼ, *fyzika* ʻфизикаʼ, *mufti* ʻмуфтийʼ) и /g/ (*generál* ʻгенералʼ, *geológia* ʻгеологияʼ, *globálny* ʻглобальныйʼ). Появились, хотя и на абсолютной периферии системы, прежде отсутствовавшие передние гласные /ü/ и /ö/ (*menu* [menü] ʻменюʼ, *fleuret* [flöret] ʻрапираʼ).

Ряд специфических отступлений от закономерностей С.я. представляет склонение иноязычных существительных. Имена мужского рода на *-us*/*-os* и среднего рода на *-um*/*-on*, включая довольно старые заимствования, склоняются с усечением указанных элементов, в языке-источнике — латинском, древнегреческом — являвшихся окончаниями именительного падежа единственного числа (*génius* ʻгенийʼ, род. п. ед. ч. *génia*; *kozmos* ʻкосмосʼ, род. п. ед. ч. *kozmu*; *múzeum* ʻмузейʼ, род. п. ед. ч. *múzea*; *epiteton* ʻэпитетʼ, род. п. ед. ч. *epiteta*), иначе ведут себя, однако, целиком адаптированные в С.я. имена (*dátum* м. р. ʻдатаʼ, род. п. ед. ч. *dátumu*). Встречаются и другие изменения основы в соответствии с языком-источником (*Nero* ʻНеронʼ, род. п. ед. ч. *Neróna*; *pontifex* ʻпонтификʼ, род. п. ед. ч. *pontifika*; *sfinx* ж. р. ʻсфинксʼ, род. п. ед. ч. *sfingy*). Имена женского рода на *-ea* колеблются в склонении между твердым и мягким типами (*idea* ʻидеяʼ, род. п. ед. ч. *idey*, но дательный и местный падеж единственного числа — с окончанием *-i*). Распространились несклоняемые либо лишь частично склоняемые имена (*revue* ж. р. ʻревюʼ, возможна форма дат. п., местн. п. ед. ч. *revui*; *skóre* ср. р. ʻсчетʼ (в спорте), возможна форма твор. п. ед. ч. *skórom*). Широко представлены несклоняемые иноязычные прилагательные: в разговорной речи (*fain*, *príma* ʻотличныйʼ, *feš* ʻшикарныйʼ, *nóbl* ʻизысканныйʼ, ʻизбранныйʼ), в профессиональном стиле, в частности, при цветообозначении (*khaki* ʻхакиʼ), в деловом языке (*bianko* ʻчистыйʼ, ʻбланковыйʼ) и др.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Характерной чертой вокализма С.я. является наличие кратких и долгих гласных, а также восходящих дифтонгов.

Система кратких гласных может принимать двоякий вид в зависимости от включения/невключения в нее фонемы /ä/ переднего ряда нижнего подъема (так называемое «широкое открытое [e]», выступающей после губных согласных: *päta* ʽпятаʼ, ʽпяткаʼ, *holúbä* ʽптенец голубяʼ, *svätý* ʽсвятойʼ, *najmä* ʽособенноʼ).

В первом случае краткий вокализм построен по четырехугольной схеме, при этом симметричная ей схема долгого вокализма помимо собственно гласных содержит и дифтонги.

Гласные и дифтонги

	Краткие		Долгие и дифтонги	
Подъем	Ряд			
	Передний	Непередний	Передний	Непередний
Верхний	i	u	ī i̯u	ū
Средний	e	o	ē i̯e	ō u̯o
Нижний	ä	a	i̯a	ā

Фонема /ä/ в современном С.я. встречается редко: она употребляется в основном в устаревшем стиле книжного языка и в диалектах, в речи же большинства словаков совпадает с /e/. Это произношение представляет собой также вариант орфоэпической нормы литературного С.я. Поэтому фонему /ä/ можно не учитывать среди кратких гласных. Тогда схема краткого и параллельно долгого вокализма (без дифтонгов) получает треугольную форму.

Гласные

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i ī		u ū
Средний	e ē		o ō
Нижний		a ā	

Как дифтонги в словацкой лингвистике рассматриваются лишь сочетания неслоговых элементов [i̯] и [u̯] с последующими краткими гласными (/i̯a/, /i̯e/, /i̯u/, /u̯o/), выступающие в функции долгих гласных и чередующиеся с соответствующими краткими (см. 2.2.3.). Дифтонг /i̯u/ функционирует ограниченно, встречаясь только в окончаниях некоторых морфологических форм: *lístie* ʽлистваʼ, род. п. ед. ч. *lístia*, дат. п. ед. ч. *lístiu*; *staršia pani* ʽпожилая женщинаʼ, вин. п. ед. ч. *staršiu paniu*. Сочетания гласных с последующим неслоговым элементом *u̯* — /ou̯/ (например, в формах творительного падежа единственного числа имен и местоимений женского рода типа *(s) tou starou ženou* ʽ(с) той старой женщинойʼ и в субстантивных формах родительного падежа множественного числа мужского рода — у одушевленных существительных также винительного падежа множественного числа — типа *pánov* ʽгосподʼ); /eu̯/, /au̯/ (в особенности в заимствова-

ниях типа *auto* ‘автомобиль’, но род. п. мн. ч. *áut* — дифтонгами не признаются, а считаются сочетаниями соответствующих гласных с неслоговым [u̯] как вариантом /v/.

Функциональными эквивалентами гласных выступают также различающие краткость/долготу слогообразующие плавные сонорные [r̥], [l̥] и [r̥̄], [l̥̄], ср. *trnka* ‘тёрн (ягода)’, *tŕnie* ‘терновник’, *vlk* ‘волк’, *vĺča* ‘волчонок’.

С о г л а с н ы е

<table>
<tr><td colspan="3" rowspan="2">По способу образования</td><td colspan="4">По месту образования</td></tr>
<tr><td>Лабиальные</td><td>Дентально-альвеолярные</td><td>Палатальные</td><td>Велярные и ларингальные</td></tr>
<tr><td rowspan="6">Шумные</td><td rowspan="2">Взрывные</td><td>Гл.</td><td>p</td><td>t</td><td>ť</td><td>k</td></tr>
<tr><td>Зв.</td><td>b</td><td>d</td><td>ď</td><td>g</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Аффрикаты</td><td>Гл.</td><td></td><td>c č</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Зв.</td><td></td><td>ʒ ǯ</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Фрикативные</td><td>Гл.</td><td>f</td><td>s š</td><td></td><td>x</td></tr>
<tr><td>Зв.</td><td>v</td><td>z ž</td><td></td><td>h</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Сонорные</td><td>Носовые</td><td></td><td>m</td><td>n</td><td>n’</td><td></td></tr>
<tr><td>Боковые</td><td></td><td></td><td>l</td><td>ľ</td><td></td></tr>
<tr><td>Дрожащие</td><td></td><td></td><td>r</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>Скользящие</td><td></td><td></td><td></td><td>j</td><td></td></tr>
</table>

П р и м е ч а н и е: Ларингальная фонема /h/ объединена с велярными, так как в позициях оглушения она коррелирует с /x/.

2.1.2. Ударение в слове экспираторное, или динамическое, и при этом постоянное (фиксированное): падает на первый слог, подчеркивая в потоке речи начало слова: *'druhá 'mladosť* ‘вторая молодость’, *'list 'ešte 'neprišiel* ‘письмо ещё не пришло’. Односложные предлоги в сочетании с одно- и двусложными существительными и местоимениями часто перетягивают ударение на себя: *'pod zem* ‘под землю’, *'na strome* ‘на дереве’, *'pred nami* ‘перед нами’. Если слово содержит более трех слогов, кроме главного ударения появляется, как правило, дополнительное (второстепенное) ударение на третьем или четвертом слоге от начала слова: *'obyˌvatel* ‘житель’, *'demokraˌtický* ‘демократический’.

Всегда безударны: проклитики (односложные союзы *a* ‘и’, ‘а’, *i* ‘и’, *že* ‘что’ и др.), энклитики (односложные формы личных местоимений *ma* ‘меня’, *ťa* ‘тебя’, *ho* ‘его’, *ju* ‘её’, *mi* ‘мне’, *ti* ‘тебе’, *mu* ‘ему’, *jej* ‘ей’ и др., а также формы винительного и дательного падежа возвратного местоимения *seba* ‘себя’, соответственно *sa*, *si*), а также формы вспомогательного глагола *byť* ‘быть’ и частица *by* ‘бы’ (о взаиморасположении энклитик в предложении см. 2.5.3.).

В плане выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию, актуального и ритмического членения предложения важную роль играет фразовое (логическое) ударение (ср. ***Brat*** *včera prišiel* — *Brat* ***včera*** *prišiel* — *Brat včera* ***prišiel*** ‘Брат вчера приехал’ с логическим акцентированием разных членов предложения), интонация, темп речи и паузы. Утвердительные предложения характеризуются нисходящей интонацией (*Otec sa vrátil z práce domov*↘ ‘Отец вернулся с работы домой’); вопросительные предложения без вопроси-

тельного местоимения — восходящей (*Bol si v kine?*↗ 'Ты был в кино?'), а начинающиеся вопросительным местоимением — нисходящей (*Čo budeme robiť?*↘ 'Что мы будем делать?').

Краткость/долгота являются признаками элементов вокализма; вместе с тем они выступают носителями просодически значимой краткости/долготы слога, которая рассматривается как моровая: краткий слог равняется одной море, долгий — двум морам.

Характерной чертой С.я. является ритмический закон (закон слоговой гармонии, правило ритмического сокращения), согласно которому в слове не могут следовать друг за другом два долгих слога. Если при словоизменении или словообразовании рядом оказываются два долгих слога, то во втором происходит сокращение долготы: *dobrý* 'хороший', род. п. ед. ч. *dobrého*, но *krásny* 'красивый', род. п. ед. ч. *krásneho*; им. п. мн. ч. *polia* 'поля', дат. п. *poliam*, местн. п. *na poliach*, но *pľúca* 'лёгкие', дат. п. *pľúcam*, местн. п. *na pľúcach*.

В виде исключения долгота в слоге, следующем за долгим слогом, сохраняется: 1) в падежных окончаниях существительных среднего рода на *-ie*: *lístie* 'листва', 'листья' — род. п. ед. ч. *lístia*, дат. п. *lístiu*, местн. п. *v lístí*, твор. п. *lístím*; 2) в окончаниях родительного падежа множественного числа существительных женского рода: *básní* 'стихотворений', *piesní* 'песен'; 3) в окончаниях притяжательных прилагательных типа *páví* 'павлиний', *vtáčí* 'птичий'; 4) в формах глаголов типа *rozumieť* 'понимать', имеющих в основе долгий гласный (*zmúdrieť* 'поумнеть' — 1 л. ед. ч. *zmúdriem*, 2 л. *zmúdrieš*, 3 л. *zmúdrie* и т. д.); 5) в многократных глаголах на *-ievať*: *chválievať* '(часто) хвалить', 'похваливать'; 6) в сложных словах: *tisícnásobný* 'тысячекратный', *prvýkrát* 'впервые', *jedenásťmiestny* 'одиннадцатиместный' и др.

2.1.3. Для С.я. характерно слитное произношение звуков в потоке речи: *do‿ohňa* 'в огонь', а также *naopak* [na‿opak] 'наоборот' и т. п.; другие случаи связаны с нейтрализацией противопоставления согласных по звонкости/глухости.

Парные звонкие согласные произносятся как соответствующие глухие (см. 2.1.1.): 1) в конце слова перед паузой: *du**b*** [p] 'дуб', *hra**d*** [t] 'зáмок', *drá**z*** [s] 'мороз', *strá**ž*** [š] 'караульный', 'стража'; 2) в конце слова, если следующее слово начинается с глухого согласного: *du**b*** [p] *schne* 'дуб сохнет', *lo**ď*** [ť] *pláva* 'корабль плывёт'; 3) внутри слова перед глухими согласными: *ry**b**ka* [p] 'рыбка', *sla**d**ký* [t] 'сладкий', *na**d**pis* [t] 'заголовок', *polo**ž**te* [š] 'положите'. Исключение составляет звонкая /v/, представленная в конце слова и в середине слова перед любым согласным вариантом [u̯]: *kr**v*** 'кровь', *die**v**ča* 'девочка', 'девушка'.

Глухие озвончаются: 1) в конце слова, если следующее слово начинается со звонкого либо сонорного согласного или с гласного: *konie**c*** [dz] *básne* 'конец стихотворения', *poto**k*** [g] *hučí* 'ручей шумит', *ovo**s*** [z] *rastie* 'овёс растёт', *ná**š*** [ž] *národ* 'наш народ', *pä**ť*** [ď] *robotníkov* 'пять рабочих', *chla**p*** [b] *ako buk* 'здоровяк'; 2) внутри слова на границе корня (основы) и словообразовательного суффикса перед парным звонким: *pro**s**ba* [z] 'просьба', *mla**t**ba* [d] 'молотьба', *lie**č**ba* [ǯ] 'лечение'; 3) перед окончанием 1-го лица множественного числа *-me* в форме повелительного наклонения: *kú**p**me* [b] 'давайте купим', *no**s**me* [z] 'давайте понесём', *zapla**ť**me* [ď] 'давайте заплатим' и др.

Проявлением позиционной реализации фонем можно считать возникновение двойных согласных на морфемном шве в производных словах и в некоторых формах словоизменения, а также на стыке слов. Эти сочетания двух согласных произносятся как долгие согласные: *oddych* ʻотдыхʼ, *mäkký* ʻмягкийʼ, *denník* ʻдневникʼ, *najjednoduchší* ʻпростейшийʼ, *štvorročný* ʻчетырёхлетнийʼ, *vyšší* ʻвысшийʼ, *bezzubý* ʻбеззубыйʼ, *od dobroty* ʻот добротыʼ. Двойные согласные возникают также в результате ассимиляции: *odteraz* [otteraz] ʻотнынеʼ, *rozsekať* [rossekať] ʻразрубитьʼ, *otca* [occa] ʻотцаʼ, *radca* [racca] ʻсоветникʼ, *choďte* [xoťťe] ʻходитеʼ, *predsa* [precca] ʻвсё-такиʼ, *mladší* [mlaččī] ʻмладшийʼ, *ťažší* [ťaššī] ʻболее тяжёлыйʼ.

2.1.4. Слогоносителями являются гласные и функционально эквивалентные гласным дифтонги, а также плавные сонорные [r̥], [l̥] в позиции между согласными. Наиболее распространенная структура слога — открытая: CV (где V — любой слогоноситель). Как перед слогоносителем, так и после него, в закрытых слогах, может быть несколько согласных. Примеры открытых слогов: *stra-na* ʻсторонаʼ, *kr-va-vý* ʻкровавыйʼ; примеры закрытых слогов: *blesk* ʻмолнияʼ, *ujsť* ʻуйтиʼ, ʻубежатьʼ.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. О фонологических факторах, определяющих структуру морфем С.я., см. 2.1.1., 2.1.2., 2.1.3.

2.2.2. Фонологическое противопоставление остальным лексико-граматическим категориям представлено только у междометий (*ó* ʻо! (при восклицании)ʼ, *hja* ʻмдаʼ, *brr* ʻбррʼ).

2.2.3. По характеру фонем, чередующихся в рамках одной и той же морфемы, различаются чередования гласных и согласных. В зависимости от характера (статуса) морфемы, которая вызывает альтернацию, выделяются чередования морфологические и словообразовательные.

Чередования г л а с н ы х. Количественные (в словообразовании и словоизменении):

/a/ ~ /ā/: *znak* ʻзнакʼ — *značik* ʻзначокʼ, *zahradiť* ʻзагородитьʼ — *záhrada* ʻсадʼ, *skala* ʻскалаʼ — род. п. мн. ч. *skál*, *manko* ʻнедостачаʼ — род. п. мн. ч. *mánk*, *capnúť* ʻшлёпнутьʼ — *cápať* ʻшлёпатьʼ, *pasiem* ʻ(я) пасуʼ — *pásol* ʻ(он) пасʼ, *stratiť* ʻпотерятьʼ — *strácať* ʻтерятьʼ;

/u/ ~ /ū/: *uklonit' sa* ʻпоклонитьсяʼ — *úklon* ʻпоклонʼ, *sud* ʻбочкаʼ — *súdok* ʻбочонокʼ, *buchnúť* ʻхлопнутьʼ — *búchať* ʻхлопатьʼ, *počuť* ʻслышатьʼ, ʻуслышатьʼ — *počúvať* ʻслушатьʼ;

/i/ ~ /ī/: *list* ʻлистʼ, ʻписьмоʼ — *lístie* ʻлистваʼ, ʻлистьяʼ, *sila* ʻсилаʼ — род. п. мн. ч. *síl*, *minúť* ʻистратитьʼ — *míňať* ʻтратитьʼ, *vybrať* ʻвыбратьʼ — *výber* ʻвыборʼ, *rypnúť* ʻкопнутьʼ — *rýpať* ʻкопатьʼ, *motyka* ʻмотыгаʼ — род. п. мн. ч. *motýk*;

/ā/ ~ /a/: *hádať* ʻгадатьʼ — *hadač* ʻгадальщикʼ, *udávať* ʻдоноситьʼ — *udavač* ʻдоносчикʼ, *mlátiť* ʻмолотитьʼ — *mlatba* ʻмолотьбаʼ, *schváliť* ʻодобритьʼ — *schvaľovať* ʻодобрятьʼ, *mráz* ʻморозʼ — род. п. ед. ч. *mrazu*;

/ē/ ~ /e/: *schéma* ʻсхемаʼ — *schematický* ʻсхематическийʼ;

/ō/ ~ /o/: *próza* ʻпрозаʼ — *prozaický* ʻпрозаическийʼ;

/ī/ ~ /i/: *čítať* ʻчитатьʼ — *čitateľ* ʻчитательʼ, *blýskať* ʻблестетьʼ, ʻсверкатьʼ — *blyskač* ʻлютикʼ, ʻблеснаʼ;

/ū/ ~ /u/: *fúz* ʽус' — *fuzač* ʽусач', *údiť* ʽкоптить' — *udiareň* ʽкоптильня', *túlať sa* ʽбродить' — *tulák* ʽбродяга', *húsť* ʽиграть' — *hudiem* ʽ(я) играю', *kúpiť* ʽкупить' — *kupovať* ʽпокупать'.

Качественно-количественные:

/ä/, /a/ ~ /i̯a/: *hovädo* ʽскотина' — *hoviadko* ʽскотинка', *päť* ʽпять' — *piaty* ʽпятый', *začať* ʽначать' — *začiatok* ʽначало', *čas* ʽвремя' — род. п. мн. ч. *čias*, *čľapnúť* ʽбрызнуть', ʽплеснуть' — *čliapať* ʽбрызгать', ʽплескать';

/a/ ~ /i̯e/: *podľahnúť* ʽподдаться' — *podliehať* ʽподдаваться';

/e/ ~ /i̯e/: *kvet* ʽцвет' — *kvietok* ʽцветок', *streknúť* ʽбрызнуть' — *striekať* ʽбрызгать', *žena* ʽженщина' — род. п. мн. ч. *žien*, *mesto* ʽгород' — род. п. мн. ч. *miest*;

/o/ ~ /ā/: *dovoz* ʽподвоз' — *dovážať* ʽподвозить', *dosoliť* ʽдосолить' — *dosáľať* ʽдосаливать', *hodiť* ʽбросить' — *hádzať* ʽбросать';

/o/ ~ /u̯o/: *krok* ʽшаг' — *krôčik* ʽшажок', *hora* ʽлес' — *hôrny* ʽлесной', *voda* ʽвода' — род. п. мн. ч. *vôd*, *kôň* ʽконь' — *koňa* ʽконя', *môcť* ʽмочь' — *mohol* ʽ(он) мог';

/i/ ~ /i̯e/: *svitať* ʽсветать' —*svietiť* ʽсветить';

/ie/ ~ /e/: *hviezda* ʽзвезда' — *hvezdár* ʽастроном', *zbierať* ʽсобирать' — *zberateľ* ʽсобиратель', *vietor* ʽветер' — *vetra* ʽветра', *znieť* ʽзвучать' — *zneje* ʽзвучит'.

Качественные:

/i/ ~ /e/: *visieť* ʽвисеть' — *vešať* ʽвешать';

/i/ ~ /o/: *hniť* ʽгнить' — *hnoj* ʽнавоз';

/i̯e/ ~ /ā/: *priniesť* ʽпринести' — *prinášať* ʽприносить';

/e/ ~ /o/: *veziem* ʽ(я) везу' — *voziť* ʽвозить' и др.

Отмечаются многочисленные чередования гласной с нулём: *berie* ʽ(он) берёт' — *brať* ʽбрать', *cirkev* ʽцерковь' — род. п. ед. ч. *cirkvi*, *kázeň* ʽпроповедь' — род. п. ед. ч. *kázne*, *deň* ʽдень' — род. п. ед. ч. *dňa*, *uhoľ* ʽуголь' — род. п. ед. ч. *uhľa*, *chrbát* ʽспина' — род. п. ед. ч. *chrbta*, *zohnúť sa* ʽсогнуться' — *zohýnať* ʽсгибаться', *vyhnať* ʽвыгнать' — *vyháňať* ʽвыгонять', *matka* ʽмать' — род. п. мн. ч. *matiek*, *kvapka* ʽкапля' — род. п. мн. ч. *kvapôk* и т. п.

Чередования с о г л а с н ы х:

/ť/ ~ /t/: *hrsť* ʽгорсть' — *hŕstka* ʽгорстка', *masť* ʽжир' — *mastný* ʽжирный';

/ď/ ~ /d/: *chodiť* ʽходить' — *chodba* ʽкоридор', *loď* ʽкорабль' — *lodný* ʽкорабельный';

/ľ/ ~ /l/: *palec* ʽпалец' — род. п. ед. ч. *palca*, *palček* ʽпальчик', *umelec* ʽхудожник' — род. п. ед. ч. *umelca*;

/n'/ ~ /n/: *sviňa* ʽсвинья' — *svinka* ʽсвинка', *baňa* ʽрудник', ʽшахта' — *banský* ʽшахтёрский';

/s/ ~ /š/, /z/ ~ /ž/, /c/ ~ /č/: *vysoký* ʽвысокий' — *vyšný* ʽверхний', *nízky* ʽнизкий' — *nižný* ʽнижний', *noc* ʽночь' — *nočný* ʽночной', *česať* ʽрасчёсывать' — *češem* ʽрасчёсываю', *mazať* ʽмазать' — *mažem* ʽмажу', *ulica* ʽулица' — *ulička* ʽулочка';

/k/ ~ /č/: *ruka* ʽрука' — *rúčka* ʽручка', *mlieko* ʽмолоко' — *mliečnik* ʽмолочник', *plakať* ʽплакать' — *plačem* ʽ(я) плачу';

/h/ ~ /ž/: *sluha* ʽслуга' — *slúžka* ʽслужанка', *roh* ʽугол' — *rožný* ʽугловой', *luhať* ʽлгать' — *lužem* ʽлгу';

/x/ ~ /š/: *mucha* ʽмуха' — *muška* ʽмушка', *černoch* ʽнегр' — *černošský* ʽнегритянский', *brechať* ʽлаять' — *brešem* ʽлаю', *suchý* ʽсухой' — *sušiť* ʽсушить' и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

С.я. является по преимуществу языком флективного типа. В процессе его формирования и развития произошло некоторое сокращение флективных черт, унаследованных от праславянского: утратились формы двойственного числа и звательная форма существительных (сохранились лишь отдельные реликты); уменьшилось количество чередований в основе слова (особенно в позиции перед флексией) и т. д.

Отмечаются элементы агглютинативного характера, что проявляется в тенденции к унификации окончаний и основ: единое окончание *-m* у глагольных форм 1-го лица единственного числа настоящего времени независимо от класса глагола и фонемного окружения этого окончания (*volám* ʻ(я) зову', *rozumiem* ʻ(я) понимаю', *nesiem* ʻ(я) несу', *češem* ʻ(я) расчёсываю', *chudnem* ʻ(я) худею', *pracujem* ʻ(я) работаю'), единая форма 3-го лица множественного числа глагола в прошедшем времени независимо от рода имени существительного (*chlapi*, *ženy*, *dievčatá pracovali* ʻмужчины, женщины, девушки работали'), устранение чередований согласного в конце основы (*vlečiem* ʻ(я) волоку', *vlečieš* ʻ(ты) волочёшь', *vlečú* ʻ(они) волокут' и т. п.).

Отмечаются также черты аналитизма: *budem pracovať* ʻ(я) буду работать', *som zvolený* ʻя избран' и др.

Иногда черты разных типов проявляются в морфологии одной и той же части речи: флективные ярко выражены, например, в глагольных формах настоящего времени, зато в других формах глагола используются элементы агглютинативного и изолирующего (аналитического) типа.

2.3.1. Части речи выделяются на основе комплекса семантических и формально-грамматических критериев (иногда используются и функциональные критерии). Все части речи подразделяются на знаменательные (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол), служебные (предлог, союз, частица) и междометия.

Между отдельными частями речи не всегда существуют четкие границы: некоторые разряды слов обладают свойствами глаголов и прилагательных (причастия) или глаголов и наречий (деепричастия). В словацкой грамматической традиции в рамках глагольной парадигмы рассматриваются и отглагольные существительные типа *zvýšenie*/*zvyšovanie* ʻповышение (результат/процесс)', *obviňovanie sa* ʻвзаимные обвинения', которые сочетают в себе глагольные (вид, возвратность) и именные свойства.

2.3.2. Классификационными категориями существительного являются р о д (мужской, женский, средний) и, в рамках мужского рода, о д у ш е в л е н н о с т ь / н е о д у ш е в л е н н о с т ь. Обе категории выражаются двояко: морфологически, парадигмами склонения, и синтаксически, формами согласуемых с существительными слов, включая именные компоненты аналитических форм глагола. У согласуемых слов эти категории имеют характер словоизменительных (см. 2.4.0.).

Некоторые словацкие лингвисты описывают одушевленность/неодушевленность в составе категории рода, вычленяя мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний род. Иногда выделяется также анимальный род, к которому относят названия животных мужского рода, имеющие в единст-

венном числе признаки одушевленных существительных (совпадение форм родительного и винительного падежа): *chrobáka* 'жука', как *chudáka* 'бедняка', и др., а во множественном числе — чаще всего неодушевленных (совпадение форм именительного и винительного падежа): *chrobáky* 'жуки', 'жуков', в отличие от одушевленных существительных с особыми флексиями в формах именительного падежа и совпадением форм родительного и винительного падежа: *chudáci* (им. п.) 'бедняки', *chudákov* (род. п., вин. п.) 'бедняков'. Обычно, однако, анимальные существительные признаются не морфологической категорией, а лексико-грамматическим разрядом.

2.3.3. Категория числа (единственное и множественное) у существительных, прилагательных и других согласуемых с существительными слов, а также в системе личных форм глагола является словоизменительной и выражается набором флексий (см. 2.4.0.). В классе существительных некоторые слова имеют или только форму множественного числа (pluralia tantum): *dvere* 'дверь' и 'двери', *husle* 'скрипка' и др., или только форму единственного числа (singularia tantum): *hydina* 'домашняя птица', *lov* 'охота', 'добыча' и др.

У личных местоимений 1-го и 2-го лица категория числа — классификационная.

2.3.4. Существительные, прилагательные, местоимения и числительные изменяются по падежам. Формально категория падежа выражается окончаниями. В С.я. выделяются падежи: именительный, родительный, дательный, винительный, местный и творительный. Основные синтаксические функции именительного падежа — субъектная, именной части сказуемого, главного члена односоставного предложения. Другие падежи без предлога (кроме местного) или с предлогом обозначают широкий спектр разных объектных, адвербиальных и атрибутивных отношений, выражая соответственно дополнение, обстоятельство места, времени и др. либо определение. Примеры:

— родительный падеж: *chopiť sa moci* 'захватить власть', *vzdať sa moci* 'отказаться от власти', *napiť sa vina*/*vypiť vina* 'выпить вина', *ostať bez peňazí* 'остаться без денег', *dôjsť dňa dvadsiateho apríla roku 2003* 'поступить двадцатого апреля 2003 года (об официальной корреспонденции)', *bývať mimo mesta* 'жить за городом', *košík húb* 'корзина грибов', *úsmev dieťaťa* 'улыбка ребёнка';

— дательный падеж: *pomáhať ľuďom* 'помогать людям', *podobať sa matke* 'походить на мать', *plávať proti prúdu* 'плыть против течения', *služby obyvateľstvu* 'услуги населению';

— винительный падеж: *zavolať priateľov* 'позвать друзей', *zavolať na priateľov* 'окликнуть друзей', *čakať chvíľu* 'ждать некоторое время', *zabočiť za roh* 'завернуть за угол', *peniaze na cestu* 'деньги на дорогу';

— местный падеж: *zúčastniť sa na schôdzi* 'принять участие в собрании', *hovoriť o futbale* 'говорить о футболе', *stretnúť sa v kaviarni*/*pri kaviarni* 'встретиться в кафе/у кафе', *prechádzať sa po parku* 'гулять по парку', *vrátiť sa po pol hodine* 'вернуться спустя полчаса', *prednáška na univerzite* 'лекция в университете', *film o vojne* 'фильм о войне';

— творительный падеж: *pohnúť prstami* 'пошевелить пальцами', *pohnúť kameňom* 'сдвинуть камень', *žialiť nad*/*za vyrúbaným hájom* 'жалеть вырубленную рощу', *písať perom* 'писать ручкой', *hrať sa s loptou* 'играть в мяч', *odviezť sa*

autom ʻпоехать на машине’, *letieť so Slovenskými aerolíniami* ʻлететь на самолёте «Словацких аэролиний»’, *prísť s priateľom* ʻприйти с другом’, *triasť sa zimou* ʻдрожать от холода’, *rozmýšľať dňom i nocou* ʻдумать днём и ночью’, *cesta lesom* ʻдорога лесом/через лес’, *čaj s citrónom* ʻчай с лимоном’. Существительное и другие имена в творительном падеже могут выступать и в роли именной части составного сказуемого: *Môj brat je učiteľom* ʻМой брат — учитель’.

Родительный падеж в атрибутивной функции является одним из основных средств выражения значения п р и н а д л е ж н о с т и, или п о с е с с и в н о с т и. К посессивности в широком смысле относят любое значение принадлежности, включая принадлежность неживым предметам (*veža kostola* ʻзвонница церкви’), а в узком смысле — только значение принадлежности одушевленным существам, прежде всего лицам. Некоторые модификации подобных значений выражаются конструкциями с другими падежами: *obraz od Modiglianiho* (род. п.) ʻкартина Модильяни’, *literárna pozostalosť po spisovateľovi* (местн. п.) ʻлитературное наследие писателя’. Значение принадлежности может выражать и приглагольный дательный падеж: *Matke sa rozbúšilo srdce* ʻУ матери заколотилось сердце’.

При выражении принадлежности и других атрибутивных отношений с родительным падежом конкурируют прилагательные, притяжательные и относительные. Относительные прилагательные типа *detský* ʻдетский’ или *líščí* ʻлисий’ представляют собой словообразовательные категории (последние в словацкой грамматической традиции часто причисляют к притяжательным, хотя они, подобно относительным прилагательным, обозначают отношение к виду). Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ov-* и *-in-*, практически регулярно образующиеся от существительных со значением лица и изредка, в основном в случаях персонификации, от названий животных мужского и женского рода, типа *otcov* ʻотца, отцов’, *matkin* ʻматери, материн’, *líškin* ʻлисы, лисицын’, некоторые исследователи трактуют как варианты субстантивных форм родительного падежа единственного числа, которым они семантически полностью эквивалентны. В функциональном плане притяжательные прилагательные и родительный падеж единственного числа находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Притяжательные прилагательные, если они могут быть образованы (исключение составляют наименования лиц среднего рода, существительные, склоняющиеся по адъективному типу, и др.), употребляются главным образом в случаях, когда соответствующее существительное, обозначающее определенное лицо или персонифицированное животное, не имеет зависимых членов, ср. *posledná autorova próza* ʻпоследнее прозаическое произведение автора’, но *posledná próza v tomto desaťročí najúspešnejšieho autora* ʻпоследнее прозаическое произведение наиболее популярного в этом десятилетии автора’. В диалектном и, в текстах некоторых писателей, литературном С.я. встречаются конструкции притяжательного прилагательного с адъективным определением в родительном падеже типа *starého otcov dom* ʻдедушкин дом’, а также неизменяемые формы на *-ovie* типа *Martinovie*, выражающие принадлежность семье.

В сфере местоимений притяжательным прилагательным и атрибутивному родительному падежу соответствуют притяжательные местоимения *môj* ʻмой’, *tvoj* ʻтвой’, *svoj* ʻсвой’, *náš* ʻнаш’, *váš* ʻваш’, *jeho* ʻего’, *jej* ʻеё’, *ich* ʻих’ и вопросительно-относительное местоимение *čí* ʻчей’.

Лексически принадлежность выражается глаголами *mať* ʻиметьʼ, *vlastniť* ʻобладать чем-либоʼ, ʻбыть владельцем чего-либоʼ и др.

2.3.5. Важнейшей классифицирующей категорией глагола является лексико-грамматическая категория в и д а (совершенный/несовершенный), которая служит для выражения противопоставления глаголов по признаку предельности/непредельности действия. В С.я. различаются глаголы: 1) парные по виду: *oznámiť* ʻсообщитьʼ — *oznamovať* ʻсообщатьʼ, *udržať* ʻудержатьʼ — *udržiavať* ʻудерживатьʼ, *robiť* ʻделатьʼ — *urobiť* ʻсделатьʼ; 2) двухвидовые: *obetovať* ʻжертвоватьʼ и ʻпожертвоватьʼ, *diferencovať* ʻдифференцироватьʼ; 3) одновидовые perfectiva tantum: *mŕštiť* ʻшвырнутьʼ, *detrónizovať* ʻсвергнуть с тронаʼ и imperfectiva tantum: *byť* ʻбытьʼ, *ležať* ʻлежатьʼ, *obávať sa* ʻопасатьсяʼ, *musieť* ʻбыть должнымʼ. В видовых парах формальным показателем видового значения являются суффиксы имперфективации *-a-*, *-va-*, *-ova-*, *-áva-*/*-iava-*, *-ieva-*, *-úva-* (*chytiť* ʻсхватитьʼ — *chytať* ʻхататьʼ, *dať* ʻдатьʼ — *dávať* ʻдаватьʼ, *kúpiť* ʻкупитьʼ — *kupovať* ʻпокупатьʼ, *odrezať* ʻотрéзатьʼ — *odrezávať* ʻотрезáтьʼ, *požičať* ʻодолжитьʼ — *požičiavať* ʻодалживатьʼ, *dozrieť* ʻдозретьʼ — *dozrievať* ʻдозреватьʼ, *zhrabať* ʻсгрестиʼ — *zhrabávať*/*zhrabúvať* ʻсгребатьʼ) или так называемые «чистовидовые» приставки *s-*, *z-*/*zo-*, *u-*, *na-*, *o-*, *po-*, *za-* (*kaziť* ʻпортитьʼ — *skaziť* ʻиспортитьʼ, *ničiť* ʻуничтожатьʼ — *zničiť* ʻуничтожитьʼ, *písať* ʻписатьʼ — *napísať* ʻнаписатьʼ, *soliť* ʻсолитьʼ — *osoliť* ʻпосолитьʼ, *častovať* ʻугощатьʼ — *počastovať* ʻугоститьʼ, *farbiť* ʻкраситьʼ — *zafarbiť* ʻпокраситьʼ). Видовое противопоставление выражается также супплетивными парами: *brať* ʻбратьʼ — *vziať* ʻвзятьʼ (наряду с *zobrať*), *hovoriť* ʻговоритьʼ — *povedať* ʻсказатьʼ, *klásť* ʻкластьʼ — *položiť* ʻположитьʼ, *robiť* ʻделатьʼ — *spraviť* ʻсделатьʼ (наряду с *urobiť*).

Классификационная категория п е р е х о д н о с т и / н е п е р е х о д н о с т и тесно связана со словоизменительной категорией з а л о г а. Различаются залоги действительный (*pracovať* ʻработатьʼ) и страдательный (*byť zvolený* ʻбыть избраннымʼ). Формы страдательного залога образуются от переходных глаголов, чаще совершенного вида, в действительном залоге способных иметь дополнение в беспредложном винительном падеже. Существуют два типа форм страдательного залога — 1) пассивные конструкции, состоящие из страдательных причастий и личных форм вспомогательного глагола *byť* ʻбытьʼ: изъявительное наклонение *som zvolený* ʻя избранʼ, *bol som zvolený* ʻя был избранʼ, *budem zvolený* ʻя буду избранʼ; условное наклонение *bol by som zvolený* ʻя был бы избранʼ и др.; формы повелительного наклонения встречаются редко, например, *buď vítaný* ʻдобро пожаловатьʼ, букв. ʻбудь приветствуемʼ; 2) конструкции с возвратным компонентом *sa*: *pole sa orie* ʻполе вспахиваетсяʼ и т. д.

Н а к л о н е н и е (изъявительное, повелительное и условное, или сослагательное) и в р е м я (в изъявительном наклонении — настоящее, прошедшее, изредка давнопрошедее, будущее; в сослагательном наклонении — настоящее и прошедшее) представляют собой словоизменительные категории, характеризующие личные формы глагола. Время (настоящее и прошедшее) представлено также у действительных и страдательных причастий. Формы настоящего времени изъявительного наклонения (непассивные) образуются прибавлением личных окончаний к основе настоящего времени глагола: ед. ч. 1 л. *-m*, 2 л. *-š*, 3 л. *-Ø*; мн. ч. 1 л. *-me*, 2 л. *-te*, 3 л. *-ú*/*-u*, *-ia*/*-a* (см. 2.4.0.). Формы прошедшего времени

образуются при помощи *l*-формы смыслового глагола и личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *byť*. В 3-м лице единственного и множественного числа вспомогательный глагол опускается. *l*-форма изменяется по родам (в единственном числе) и числам: ед. ч. 1 л. *robil*, *-a*, *-o som* ʻ(я) делал, -а, -о', 2 л. *robil*, *-a*, *-o si*, 3 л. *robil*, *-a*, *-o*; мн. ч. 1 л. *robili sme*, 2 л. *robili ste*, 3 л. *robili*. Малоупотребительными являются формы давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта): ед. ч. 1 л. *bol*, *-a*, *-o som robil* ʻ(я) (давно, перед этим) делал, -а, -о', 2 л. *bol*, *-a*, *-o si robil*, 3 л. *bol*, *-a*, *-o robil*; мн. ч. 1 л. *boli sme robili*, 2 л. *boli ste robili*, 3 л. *boli robili*. В образовании форм будущего времени проявляется тесная связь категорий времени и вида. От глаголов несовершенного вида образуется аналитическая форма будущего времени: ед. ч. 1 л. *budem robiť* ʻ(я) буду делать', 2 л. *budeš robiť*, 3 л. *bude robiť* и т. д. У глаголов совершенного вида значение будущего времени передается формой настоящего времени: ед. ч. 1 л. *urobím* ʻ(я) сделаю', 2 л. *urobíš*, 3 л. *urobí* и т. д.

Повелительное наклонение в единственном числе имеет форму 2-го лица с нулевым окончанием либо, после групп согласных, *-i*: *Píš!* ʻПиши!', *Umy!* ʻПомой!', *Pozvi!* ʻПригласи!'; во множественном числе — формы 1-го и 2-го лица с показателями *-me*, *-te*, которые присоединяются к форме единственного числа как агглютинативные элементы: *Píšme!* ʻДавай(-те) писать!', *Píšte!* ʻПишите!', *Umyme!* ʻДавай(-те) помоем!', *Umyte!* ʻПомойте!', *Pozvime!* ʻДавай(-те) пригласим!', *Pozvite!* ʻПригласите!'.

В условном наклонении различаются формы настоящего и прошедшего времени; первая образуется сочетанием форм прошедшего времени смыслового глагола с частицей *by*: ед. ч. 1 л. *volal*, *-a*, *-o by som* ʻ(я) звал, -а, -о бы', 2 л. *volal*, *-a*, *-o by si*, 3 л. *volal*, *-a*, *-o by*; мн. ч. 1 л. *volali by sme*, 2 л. *volali by ste*, 3 л. *volali by*; вторая образуется сочетанием форм настоящего времени условного наклонения глагола *byť* с *l*-формой смыслового глагола: ед. ч. 1 л. *bol*, *-a*, *-o by som volal*, *-a*, *-o*, 2 л. *bol*, *-a*, *-o by si volal*, *-a*, *-o*, 3 л. *bol*, *-a*, *-o by volal*, *-a*, *-o*; мн. ч. 1 л. *boli by sme volali*, 2 л. *boli by ste volali*, 3 л. *boli by volali*. Условное наклонение прошедшего времени выражает значение действия, которое могло бы осуществиться в прошлом, но не осуществилось, например: *Bol by som sa prešiel, ale pršalo* ʻЯ бы вышел погулять, но был дождь'.

2.3.6. Дейктическая категория л и ц а характерна для личных форм глагола и для местоимений, личных и притяжательных. Различаются три лица в единственном и множественном числе (см. 2.4.0.).

Дейктическую функцию выполняют указательные местоимения *ten* ʻэтот', ʻтот', производные от него *tento* ʻэтот' (указывает на близкий предмет): *V tomto dome som býval tri roky* ʻВ этом доме я жил три года' и разг. *tamten*, *henten* ʻтот' (указывают на далекий предмет): *Zbadal ju na tamtej strane ulice* ʻОн заметил её на той стороне улицы', а также книжн. *onen* ʻтот', ʻоный' (указывает на значительно отдаленный в пространстве и во времени предмет): *na onom svete* ʻна том свете'.

Указательные местоимения *ten* и иногда *onen* выступают и при выражении анафоры: *Bol raz jeden kráľ a ten mal troch synov* ʻЖил-был один король, и было у него три сына'. Другие анафорические средства: личные и притяжательные местоимения 3-го лица, относительные местоимения *ktorý* ʻкоторый' и *čo* ʻчто'.

Дейктическую функцию выполняют также местоимения *taký* ʻтакойʼ, *toľký* ʻстолькийʼ и местоименные наречия *tak* ʻтакʼ, *toľko* ʻстолькоʼ, *tu* ʻтутʼ, ʻздесьʼ, *tam* ʻтамʼ, ʻтудаʼ, *tade*/*tadiaľ* ʻтамʼ, ʻв том направленииʼ, *odtiaľ* ʻотсюдаʼ, *sem* ʻсюдаʼ и др. Эти слова и корреспондирующие с ними относительные местоимения и местоименные наречия типа *aký* ʻкакойʼ, *kde* ʻгдеʼ, ʻкудаʼ, подобно субстантивным анафорическим средствам, кроме того, могут отсылать к элементам предыдущего контекста.

Функционально-семантическую категорию определенности/неопределенности выражают прежде всего местоимения. Широко употребляемое в С.я. указательное местоимение *ten* не имеет непосредственно дейктической или анафорической функции, сближаясь, особенно в разговорной речи, с определенным членом в артиклевых языках, например: *Dopijeme tú kávu a pôjdeme domov* ʻДопьём кофе (= наш, начатый) и пойдём домойʼ. Значение неопределенности имеют местоименные слова *jeden* ʻодинʼ, *človek* ʻчеловекʼ (*človek nikoly nevie* ʻчеловек никогда не знаетʼ, ʻникогда не знаешьʼ) и сложная система неопределенных местоимений и местоименных наречий, которые образуются при помощи препозитивных или постпозитивных частиц: 1) *nie-* (*ne-*), *da-*, *voľa-*, *-si*: *niekto* ʻкто-тоʼ, *nejaký* ʻкакой-тоʼ, *dakde* ʻгде-тоʼ, *voľakam* ʻкуда-тоʼ, *kedysi* ʻкогда-тоʼ, ʻнекогдаʼ; 2) *hoci-* (*hoc-*), *bárs-* (*bár-*), *-koľvek* со значением произвольности: *hocikto* ʻкто угодноʼ, *bársaký* ʻкакой угодноʼ, *kde-koľvek* ʻгде угодноʼ; 3) *kade-* (*kde-*), устар. *leda-*, *leci-* со значением случайности: *kadekto* ʻкто попалоʼ, *ledajaký* ʻкакой попалоʼ; 4) *všeli-* со значением максимального и *málo-*, *zriedka-*, *sotva-* минимального разнообразия: *všelikto* ʻвсякийʼ, ʻкаждыйʼ, *máločo* ʻмало чтоʼ, *zriedkakde* ʻредко гдеʼ, *sotvakedy* ʻвряд ли когдаʼ; 5) *bohvie-*, *ktovie-* и др. со значением полной неопределенности: *bohviekto* ʻБог знает ктоʼ.

Средствами выражения пространственных отношений являются наречия места, местоименные и неместоименные, и предложно-падежные сочетания с пространственным значением (см. 2.3.7.).

Отрицание выражается при помощи отрицательных частиц *ne-* ʻнеʼ и *nie* ʻнетʼ, ʻнеʼ. Частица *ne-* пишется слитно не только с именем и наречием, но и с глаголом: *nefajčiar* ʻнекурящийʼ, *nepríjemný* ʻнеприятныйʼ, *nedobre* ʻнехорошоʼ, *Nepočujem* ʻ(Я) не слышуʼ, *Nespávam dobre* ʻ(Я) плохо сплюʼ, *Nespi!* ʻНе спи!ʼ и т. п. В формах прошедшего времени и сослагательного наклонения настоящего времени *ne-* присоединяется к полнознаменательному глаголу: *nehovoril som* ʻя не говорилʼ, *nemohli by sme...* ʻне могли бы мы...ʼ. В других сложных глагольных формах *ne-* присоединяется к вспомогательному глаголу: *nebudem písať* ʻ(я) не буду писатьʼ, *nebol by som odišiel* ʻя бы не ушёлʼ (наряду с *bol by som neodšiel*). Частица *nie* используется либо при отрицательном ответе (*Dokončil si článok? — Bohužiaľ nie* ʻТы закончил статью? — К сожалению, нетʼ), либо при отрицании неглагольного компонента предложения (*Ovocie je zrelé, ale nie sladké* ʻФрукты зрелые, но несладкиеʼ). С помощью частицы *nie* выражается также отрицание форм настоящего времени глагола *byť* ʻбытьʼ: ед. ч. 1 л. *nie som*, 2 л. *nie si*, 3 л. *nie je*; мн. ч. 1 л. *nie sme*, 2 л. *nie ste*, 3 л. *nie sú*. Формам 3-го лица единственного и множественного числа полнозначного глагола *byť* в отрицательном предложении может соответствовать предикативное слово *niet* (*nieto*) ʻнетʼ; при этом имени-

тельный падеж субъекта утвердительного предложения заменяется родительным падежом: *Niet inej cesty* 'Другого пути нет'; аналогично *Nebolo inej cesty* 'Другого пути не было' и т. п. В остальном в современном С.я. родительный падеж отрицания встречается редко, преимущественно при одновременном выражении партитивного значения или при подчеркивании отрицания, например, частицей *ani* 'ни', 'даже': *Ani chleba už nemáme* 'У нас уже даже хлеба нет'. Для усиления отрицания используются отрицательные местоимения и местоименные наречия с частицей *ni-*: *nikto* (*nik*) 'никто', *nič* 'ничто', 'ничего', *nijaký* 'никакой', *žiadny* 'никакой', 'никто', *nikdy* 'никогда' и др.

2.3.7. Части речи с грамматической точки зрения делятся на изменяемые (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и образующие формы степеней сравнения наречия) и неизменяемые (прочие наречия, предлог, союз, частица и междометие).

С у щ е с т в и т е л ь н ы е и п р и л а г а т е л ь н ы е характеризуются категориями рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа (см. 2.3.2., 2.3.3., 2.3.4.). Прилагательные подразделяются на качественные, относительные и притяжательные. Для С.я. характерно отсутствие противопоставления полных и кратких форм прилагательных. Качественные прилагательные имеют степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную. Формы сравнительной степени образуются от основы положительной степени с помощью суффиксов *-ší*, *-ejší*: *dlhší* 'более длинный', 'длиннее', *pevnejší* 'более прочный', 'прочнее'; формы превосходной — от форм сравнительной степени с помощью приставки *naj-*: *najdlhší* 'самый длинный', *najpevnejší* 'самый прочный', 'прочнейший'.

Основные разряды ч и с л и т е л ь н ы х: количественные (*jeden* 'один', *dva* 'два', *päť* 'пять', *sto* 'сто' и т. д.), собирательные (*troje* 'трое', *pätoro* 'пятеро', *desatoro* 'десятеро' и т. д.), порядковые (*prvý* 'первый', *druhý* 'второй' и т. д.), видовые (*dvojaký* 'двоякий', *dvojako* 'двояко', *desatoraký*, *desatorako* 'десяти видов' и т. д.), кратные (*dvojitý* 'двойной', *trojnásobný* 'трёхкратный', *trikrát* 'трижды', *štyri razy* 'четыре раза' и т. д.), неопределенные (*veľa* 'много', *viacnásobný* 'многократный', *niekoľkokrát* 'несколько раз').

В классе м е с т о и м е н и й выделяются разряды: личные, притяжательные, возвратное и возвратно-притяжательное (см. 2.4.0.), указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные, определительные (см. 2.3.6., 2.4.0.).

В сфере г л а г о л а различаются личные и неличные формы; к последним относятся действительные и страдательные причастия, изменяющиеся по образцам прилагательных, неизменяемые деепричастия и инфинитив, а также отглагольные существительные. О категориях глагола см. 2.3.5., 2.3.6.

Н а р е ч и я выражают различные обстоятельства. Разряды наречий: места (*tu* 'здесь', *tam* 'там', 'туда', *dolu* 'вниз', *spredu* 'спереди', *mimo* 'мимо'), времени (*dnes* 'сегодня', *ráno* 'утром', *teraz* 'теперь'), образа действия (*veselo* 'весело', *bratsky* 'по-братски', *potichu* 'потихоньку'), меры и степени (*trochu* 'немного', *veľmi* 'очень', *dosť* 'довольно') и др. Особую группу составляют наречия состояния (*dusno* 'душно', *zima* 'холодно') и модальные (*treba* 'нужно', *neslobodno* 'нельзя'). С точки зрения образования производные наречия могут соотноситься с прилагательными (*hrubo* 'грубо', *doslovne* 'дословно', *spoločensky* 'социально'), с формами существительных с предлогом и без предлога (*spočiatku* 'сначала',

zdola 'снизу', *letkom* 'мимолётно') и с формами глагола, обычно деепричастными (*nechtiac* 'нехотя', *poležiačky* 'лёжа'). Формы степеней сравнения отадъективных наречий совпадают с формами именительного и винительного падежа единственного числа среднего рода сравнительной и превосходной степени прилагательных: *dlhšie* 'длиннее', *najdlhšie* 'длиннее всего'; *pevnejšie* 'прочнее', *najpevnejšie* 'прочнее всего'. В остальном наречия неизменяемы.

П р е д л о г и неизменяемы; их значение проявляется в сочетании с падежными формами существительных и местоимений: *pod stolom* 'под столом', *na stole* 'на столе', *nad stolom* 'над столом', *v škole* 'в школе', *zo zeme* 'с земли' и т. д. Предлоги делятся на первичные (*o* 'о', *do* 'до', *za* 'за', *pred* 'перед', 'до' и т. д.) и вторичные, или производные (*neďaleko* 'недалеко от', *vďaka* 'благодаря', *bez ohľadu na* 'невзирая на'). С точки зрения структуры производные предлоги подразделяются на простые (в том числе сращенные типа *popri* 'наряду', *spomedzi* 'среди'), сложные (*kvôli* 'из-за', *uprostred* 'посередине') и составные (*na základe* 'на основании', *v dôsledku* 'в результате').

С о ю з ы неизменяемы; служат для соединения членов предложения и предложений. Подразделяются на сочинительные (*a* 'и', 'да', 'но', *i*, *aj* 'и', *alebo* 'или', *avšak* 'что', 'как', *no* 'но', 'да', *ba* 'даже', *totiž* 'то есть', *veď* 'ведь' и др.) и подчинительные (*že* 'что', 'как', *žeby*, *aby* 'чтобы', *ak* 'если', *keď* 'когда', 'если', *keby* 'если бы', *pretože* 'потому что', *hoci* 'хотя').

Ч а с т и ц ы неизменяемы; передают различные смысловые и модальные оттенки, выражают субъективное отношение говорящего к высказыванию: *bár* 'если бы', 'хоть', *bodaj* 'если бы', *nech*, *kiež* 'пусть' и др.

М е ж д о м е т и я неизменяемы: *ach* 'ах', 'ох', *ejha* 'ого', *fuj* 'фу', 'тьфу', *bŕ* 'брр', *jaj* 'ай', 'ой', 'ох', 'ух', *hybaj* 'айда', 'пошёл', *pst* 'ш-ш-ш', 'тсс' и др.; в особую группу выделяются звукоподражательные междометия: *bác* 'бац', *bum* 'бух', 'бум', *čľup* 'бултых', 'шлёп', *frk* 'вжик' и др.

2.4.0. Образцы парадигм.

Склонение существительных представляют двенадцать основных типов (по четыре для каждого рода). В каждом типе парадигму склонения составляют формы шести падежей в единственном и множественном числе. Звательная форма как регулярная парадигматическая форма не сохранилась, лишь отдельные слова имеют эту форму: *bratku* 'братец', *otče* 'отец', *kmotre* 'кум', *priateľu* 'друг' и др.; при обращении обычно используется форма именительного падежа: *kmotor*, *priateľ* и т. п. Порядок падежей в парадигме соответствует национальной грамматической традиции. (В образцах парадигм существительных женского и среднего рода не учитываются случаи сокращения *-á-*/*-ia-* под влиянием ритмического закона и в позиции после *-j-*).

Существительные мужского рода склоняются по типам *chlap* 'мужчина', *hrdina* 'герой', *dub* 'дуб', *stroj* 'машина', 'станок', выделенным на основе таких критериев, как противопоставление одушевленности/неодушевленности и характер финали основы (функционально твердая/мягкая).

По типу *chlap* склоняются одушевленные существительные, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на согласный или на *-o*. По типу *hrdina* — одушевленные существительные, оканчивающиеся в именительном падеже на *-a*, а также словацкие фамилии на *-o*.

Существительные

Падеж	*chlap* ʻмужчинаʼ		*hrdina* ʻгеройʼ	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*, *-o*	*-i*, *-ia*, *-ovia*	*-a*	*-ovia*, *-i*
Род.	*-a*	*-ov*	*-u*	*-ov*
Дат.	*-ovi*	*-om*	*-ovi*	*-om*
Вин.	= род. п.			
Местн.	*-ovi*	*-och*	*-ovi*	*-och*
Твор.	*-om*	*-mi*, *-ami*	*-om*	*-ami*, *-mi*

По типу *dub* склоняются неодушевленные существительные, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на функционально твердый согласный. По типу *stroj* — неодушевленные существительные, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на функционально мягкий согласный, а также на *-r*, *-l*, если находящийся перед ними гласный *e* в косвенных падежах выпадает, на *-ár*, *-iar*, *-ier* и некоторые другие.

Имена мужского рода на *-l*, *-r* в ряде случаев имеют смешанное склонение: *hotel* ʻгостиницаʼ, местн. п. ед. ч. *(v) hoteli*, но им. п., вин. п. мн. ч. *hotely*. Существительные с основой на гласный и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа изменяются по особому типу *kuli* ʻкулиʼ, в единственном числе с местоименными флексиями (род. п. *kuliho*), а во множественном числе — с характерными для одушевленных имен субстантивными флексиями (им. п. *kuliovia*, род. п., вин. п. *kuliov*).

Падеж	Твердый тип *dub* ʻдубʼ		Мягкий тип *stroj* ʻмашинаʼ, ʻстанокʼ	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*	*-y*	*-∅*	*-e*
Род.	*-a*, *-u*	*-ov*	*-a*, *-u*	*-ov*
Дат.	*-u*	*-om*	*-u*	*-om*
Вин.	= им. п.			
Местн.	*-e*, *-u*	*-och*	*-i*	*-och*
Твор.	*-om*	*-mi*, *-ami*	*-om*	*-mi*, *-ami*

В склонении существительных женского рода выделяются четыре основных типа: *žena* ʻженщинаʼ, ʻженаʼ, *ulica* ʻулицаʼ, *dlaň* ʻладоньʼ, *kosť* ʻкостьʼ. Первые два типа объединены общим признаком — окончанием *-a* в именительном падеже единственного числа, для последних двух типов характерна нулевая флексия в именительном падеже единственного числа.

По типу *žena* склоняются существительные, имеющие в финали основы функционально твердый согласный, а также иностранные слова, оканчивающиеся на *-oa*, *-ua* (существительные на *-ea* имеют смешанный тип). По типу *ulica* склоняются существительные, имеющие в финали основы функционально мягкий согласный, производные с продуктивными словообразовательными суффиксами *-ica*, *-ovica*, *-nica*, *-ňa*, *-ovňa*, *-yňa*; отдельные pluralia tantum; иностранные слова, оканчивающиеся на *-ia*, *-ya*.

Падеж	Твердый тип *žena* ʽженщина’, ʽжена’		Мягкий тип *ulica* ʽулица’	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-a*	*-y*	*-a*	*-e*
Род.	*-y*	*-∅*	*-e*	*-∅*, *-í*
Дат.	*-e*	*-ám*	*-i*	*-iam*
Вин.	*-u*	= им. п.	*-u*	= им. п.
Местн.	*-e*	*-ách*	*-i*	*-iach*
Твор.	*-ou*	*-ami*	*-ou*	*-ami*

Для распределения существительных, имеющих в исходе мягкий согласный, по типам *dlaň* и *kosť* нет достаточно жестких правил. Ориентировочные признаки: по первому типу склоняются слова, оканчивающиеся на *-ň*, *-j*, *-ľ*, *-ď*, *-č*, *-š*, *-dz*, *-z*, *-ž*, на *-šť*, а также иностранные слова на *-x*; по второму типу — оканчивающиеся на *-c*, *-s*, *-p*, *-v*, *-sť*. Слова, оканчивающиеся на *-r*, *-ť*, могут склоняться как по первому, так и по второму типу.

Падеж	*dlaň* ʽладонь’		*kosť* ʽкость’	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*	*-e*	*-∅*	*-i*
Род.	*-e*	*-í*	*-i*	*-í*
Дат.	*-i*	*-iam*	*-i*	*-iam*
Вин.	= им. п.			
Местн.	*-i*	*-iach*	*-i*	*-iach*
Твор.	*-ou*	*-ami*	*-ou*	*-ami*

У существительных женского рода выделяется еще один (непродуктивный) тип склонения — *gazdiná* ʽхозяйка’. По нему склоняются несколько слов на *-iná*, *-ná*, *-ovná*, образованные от существительных мужского рода: *ujčiná* ʽтётка’, *švagriná* ʽзоловка’, ʽневестка’, ʽсвояченица’, *stryná* ʽтётя’, ʽтётка’ и др. В единственном числе они склоняются как прилагательные типа *pekná*, во множественном числе — по типу *žena*, отличаясь лишь окончанием *-é* в формах именительного и винительного падежей.

Существительные среднего рода склоняются по типам *mesto* ʽгород’, *srdce* ʽсердце’, *vysvedčenie* ʽсвидетельство’, *dievča* ʽдевочка’, ʽдевушка’. Эти типы выделяются на основе взаимодействия формальных признаков: окончания и характера финали основы слова. Первый тип представляет собой твердую разновидность, второй и третий — мягкую, последний — тип смешанного характера.

По типу *mesto* склоняются существительные: с окончанием *-o*, pluralia tantum *bradlá* ʽбрусья’, *ústa* ʽрот’, ʽуста’, *vráta* ʽворота’; иностранные слова с окончанием *-um*, *-ium*, *-yum*, *-eum*, *-uum*, *-on*, *-ion*. По типу *srdce* — существительные с окончанием *-e*, pluralia tantum на *-ia*/*-a*. По типу *vysvedčenie* — существительные, оканчивающиеся на *-ie*.

Падеж	Твердый тип		Мягкий тип			
	mesto ʽгород’		*srdce* ʽсердце’		*vysvedčenie* ʽсвидетельство’	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-o*	*-á*	*-e*	*-ia*	*-ie*	*-ia*
Род.	*-a*	*-∅*	*-a*	*-∅* (*-í*)	*-ia*	*-í*
Дат.	*-u*	*-ám*	*-u*	*-iam*	*-iu*	*-iam*
Вин.	= им. п.					
Местн.	*-e* (*-u*)	*-ách*	*-i*	*-iach*	*-í*	*-iach*
Твор.	*-om*	*-ami*	*-om*	*-ami*	*-ím*	*-iami*

Специфическую парадигму имеет тип *dievča*. По этому типу склоняются существительные с окончанием на *-a* (после губных — на *-ä*), которые, как правило, называют детенышей (*dieťa* ʽребёнок’, *dojča* ʽгрудной ребёнок’, *mača* ʽкотёнок’, *holúbä* ʽголубёнок’ и др.) или имеют экспрессивно-уменьшительное значение (*chlápä* ʽхлопец’, *pastierča* ʽпастушок’, *žieňa* ʽбабёнка’ и др.). Во множественном числе представлены двоякие формы: 1) с основой на *-at* (после губных — на *-ät*); 2) на *-enc-*, иногда на *-c-* (*pras-c-e* ʽпоросята’, дат. п. *pras-c-om*, местн. п. *o pras-c-och*). В родительном падеже множественного числа действует ритмический закон (*dievčat*, *holúbät*, но *šteniat* ʽщенков’, *chlapčiat* ʽмальчиков’).

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*dievča*	*dievčatá* / *dievčence*
Род.	*dievčaťa*	*dievčat* / *dievčeniec*
Дат.	*dievčaťu*	*dievčatám* / *dievčencom*
Вин.	= им. п.	
Местн.	*dievčati*	*dievčatách* / *dievčencoch*
Твор.	*dievčaťom*	*dievčatami* / *dievčencami*

П р и л а г а т е л ь н ы е

Выделяются три типа склонения: *pekný* ʽкрасивый’, *cudzí* ʽчужой’, *otcov* ʽотцовский’. По первым двум склоняются качественные и относительные прилагательные; при этом они представляют твердую и мягкую разновидности: по типу *pekný* склоняются прилагательные, основа которых оканчивается на функционально твердый согласный; по типу *cudzí* — прилагательные с основой на функционально мягкий согласный. В соответствии с ритмическим законом долгие гласные во флексиях этих прилагательных сокращаются после основы с долгим гласным, кроме типа *líščí* ʽлисий’. По третьему типу склоняются притяжательные прилагательные со значением принадлежности лицу, оканчивающиеся на *-ov*, *-ova*, *-ovo* или *-in*, *-ina*, *-ino*: *bratov*, *-a*, *-o* ʽбрата, братов’, *matkin*, *-a*, *-o* ʽматери, материн’.

Падеж	М. р.		Ж. р.		Ср. р.	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
	Твердый тип: *pekný* ʽкрасивый’					
Им.	*-ý*	одуш. *-í* неодуш. *-é*	*-á*	*-é*	*-é*	*-é*
Род.	*-ého*	*-ých*	*-ej*	*-ých*	*-ého*	*-ých*
Дат.	*-ému*	*-ým*	*-ej*	*-ým*	*-ému*	*-ým*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		*-ú*	= им. п.		
Местн.	*-om*	*-ých*	*-ej*	*-ých*	*-om*	*-ých*
Твор.	*-ým*	*-ými*	*-ou*	*-ými*	*-ým*	*-ými*

Падеж	М. р.		Ж. р.		Ср. р.	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
	Мягкий тип: *cudzí* ʽчужойʼ					
Им.	*-í*	одуш. *-í*, неодуш. *-ie*	*-ia*	*-ie*	*-ie*	*-ie*
Род.	*-ieho*	*-ích*	*-ej*	*-ích*	*-ieho*	*-ích*
Дат.	*-iemu*	*-ím*	*-ej*	*-ím*	*-iemu*	*-ím*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		*-iu*	= им. п.		
Местн.	*-om*	*-ích*	*-ej*	*-ích*	*-om*	*-ích*
Твор.	*-ím*	*-ími*	*-ou*	*-ími*	*-ím*	*-ími*
	Прилагательные типа *otcov* ʽотцовскийʼ					
Им.	*-∅*	одуш. *-i*, неодуш. *-e*	*-a*	*-e*	*-o*	*-e*
Род.	*-ho*	*-ých*	*-ej*	*-ých*	*-ho*	*-ých*
Дат.	*-mu*	*-ým*	*-ej*	*-ým*	*-ho*	*-ým*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		*-u*	= им. п.		
Местн.	*-om*	*-ých*	*-ej*	*-ých*	*-om*	*-ých*
Твор.	*-ým*	*-ými*	*-ou*	*-ými*	*-ým*	*-ými*

У прилагательных мужского рода во всех трех типах различаются одушевленные/неодушевленные формы в падежах:

— вин. п. ед. ч. *pekn-ého chlapca* ʽкрасивого мальчикаʼ — *pekn-ý dom* ʽкрасивый домʼ; *cudz-ieho syna* ʽчужого сынаʼ — *cudz-í kraj* ʽчужой крайʼ; *otcov-ho syna* ʽотцова сынаʼ — *otcov-(∅) dom* ʽотцовский домʼ;

— им. п. мн. ч. *pekn-í chlapci* — *pekn-é domy*; *cudz-í synovia* — *cudz-ie kraje*; *otcov-i synovia* — *otcov-e domy*;

— вин. п. мн. ч. *pekn-ých chlapcov* — *pekn-é domy*, *cudz-ích synov* — *cudz-ie kraje*; *otcov-ých synov* — *otcov-e domy*.

Числительные

Порядковые, видовые и кратные, имеющие форму прилагательных, склоняются по типу прилагательных: в основном по типу *pekný*, только *tretí* ʽтретийʼ, *tisíci* ʽтысячныйʼ — по типу *cudzí*. Количественные имеют собственное склонение:

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**		
Им.	*jeden* ʽодинʼ	*jedno*	*jedna*	*jedni* (одуш.) *jedny* (неодуш.)	*jedny*	
Род.	*jedného*		*jednej*	*jedných*		
Дат.	*jednému*		*jednej*	*jedným*		
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*jednu*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	
Местн.	*jednom*		*jednej*	*jedných*		
Твор.	*jedným*		*jednou*	*jednými*		

Числительные *dva* ʻдваʼ, *tri* ʻтриʼ, *štyri* ʻчетыреʼ имеют формы:

Падеж	ʻдваʼ, ʻдвеʼ	ʻтриʼ	ʻчетыреʼ
Им.	*dvaja* (м. р. одуш.) *dva* (м. р. неодуш.) *dve* (ж. р., ср. р.)	*traja* (м. р. одуш.) *tri* (м. р., ж. р., ср. р.)	*štyria* (м. р. одуш.) *štyri* (м. р., ж. р., ср. р.)
Род.	*dvoch*	*troch*	*štyroch*
Дат.	*dvom*	*trom*	*štyrom*
Вин.	м. р. одуш. = род. п. м. р. неодуш. = им. п. *dve* (ж. р., ср. р.)	м. р. одуш. = род. п. м. р. неодуш., ж. р., ср. р. = им. п.	м. р. одуш. = род. п. м. р. неодуш., ж. р., ср. р. = им. п.
Местн.	*dvoch*	*troch*	*štyroch*
Твор.	*dvoma*	*troma*, *tromi*	*štyrmi*

Склонение числительных *päť* ʻпятьʼ — *deväťdesiatdeväť* ʻдевяносто девятьʼ: им. п. *piati* (м. р. одуш.), *päť* (для всех родов), род. п. *piatich*, дат. п. *piatim*, вин. п. *piatich* (м. р. одуш.), *päť* (для всех родов), местн. п. *o piatich*, твор. п. *piatimi*. Так склоняются числительные от пяти до девяноста девяти, кроме составных числительных с элементом *-jeden* во второй части, начиная от *dvadsaťjeden* ʻдвадцать одинʼ, которые являются несклоняемыми (*dvadsaťjeden mužov* ʻдвадцати одного мужчиныʼ, *dvadsaťjeden mužom* ʻдвадцати одному мужчинеʼ и т. п.)

Местоимения

Падеж	Личные				Возвратное
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.	
	Ед. число		**Мн. число**		
	ʻяʼ	ʻтыʼ	ʻмыʼ	ʻвыʼ	*sa* ʻ-сяʼ, ʻсебяʼ
Им.	*ja*	*ty*	*my*	*vy*	—
Род.	*mňa*, *ma*	*teba*, *ťa*	*nás*	*vás*	*seba*
Дат.	*mne*, *mi*	*tebe*, *ti*	*nám*	*vám*	*sebe*, *si*
Вин.	*mňa*, *ma*	*teba*, *ťa*	*nás*	*vás*	*seba*, *sa*
Местн.	*mne*	*tebe*	*nás*	*vás*	*sebe*
Твор.	*mnou*	*tebou*	*nami*	*vami*	*sebou*

У личных местоимений в родительном, дательном, винительном падеже и у возвратного в дательном и винительном падеже наряду с полными формами представлены краткие. Они употребляются в том случае, когда на них не падает логическое ударение: *Nevrav mi, nedotýkaj sa ma!* ʻНе говори мне, не дотрагивайся до меня!ʼ. Краткие формы не употребляются в начале предложения и после предлога.

3 л.						
Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**		
	ʽонʼ	ʽоноʼ	ʽонаʼ	ʽониʼ		
Им.	*on*	*ono*	*ona*	*oni* (одуш.) *ony* (неодуш.)	*ony*	*ony*
Род.	*jeho*, *ho*, *neho* -*ňho*, -*ň*		*jej*, *nej*	*ich*, *nich*		
Дат.	*jemu*, *mu*, *nemu*		*jej*, *nej*	*im*, *nim*		
Вин.	*jeho*, *ho*, *neho* -*ňho*, -*ň*	*ho*, -*ň*	*ju*, *ňu*	*ich*, *nich* (одуш.) *ich*, *ne* (неодуш.)	*ich*, *ne*	
Местн.	*ňom*		*nej*	*nich*		
Твор.	*ním*		*ňou*	*nimi*		

Краткие формы *ho*, *mu* употребляются в том случае, когда на них не падает логическое ударение; не употребляются в начале предложения и после предлогов. Формы с начальным мягким *n* употребляются после предлогов: *od neho* ʽот негоʼ, *k nemu* ʽк немуʼ, *s ňou* ʽс нейʼ, *k nim* ʽк нимʼ и т. п. Формы -*ňho*, -*ň* употребляются с предлогами, оканчивающимися на гласный: *doňho*, *doň* ʽдо негоʼ, *zaňho*, *zaň* ʽза негоʼ, *uňho* ʽу негоʼ, *oň* ʽоб негоʼ, ʽо нёмʼ и др. Наряду с ними используются формы *cezeň* ʽчерез негоʼ, *nadeň* ʽнад нимʼ, *podeň* ʽпод негоʼ, ʽпод нимʼ, *predeň* ʽперед нимʼ.

Притяжательные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**		
	ʽмойʼ	ʽмоёʼ	ʽмояʼ	ʽмоиʼ		
Им.	*môj*	*moje*	*moja*	*moji* (одуш.) *moje* (неодуш.)	*moje*	
Род.	*môjho*		*mojej*	*mojich*		
Дат.	*môjmu*		*mojej*	*mojim*		
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*moju*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	
Местн.	*mojom*		*mojej*	*mojich*		
Твор.	*mojím*		*mojou*	*mojimi*		

Так же склоняются местоимения *tvoj* ʽтвойʼ, *svoj* ʽсвойʼ, *náš* ʽнашʼ, *váš* ʽвашʼ. Местоимение 3-го лица *jeho* ʽегоʼ, *jej* ʽеёʼ, *ich* ʽихʼ не склоняется.

Указательные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число			**Мн. число**		
	ʽэтотʼ	ʽэтоʼ	ʽэтаʼ	ʽэтиʼ		
Им.	*ten*	*to*	*tá*	*tí* (одуш.) *tie* (неодуш.)	*tie*	
Род.	*toho*		*tej*	*tých*		
Дат.	*tomu*		*tej*	*tým*		
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*tú*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	
Местн.	*tom*		*tej*	*tých*		
Твор.	*tým*		*tou*	*tými*		

Так же склоняются *tento* ʽэтотʼ, *táto* ʽэтаʼ, *toto* ʽэтоʼ; *tamten* ʽ(вон) тотʼ, *tamtá* ʽ(вон) таʼ, *tamto* ʽ(вон) тоʼ; *henten* ʽэтотʼ, *hentá* ʽэтаʼ, *hento* ʽэтоʼ; *tenže* ʽтот жеʼ, *táže* ʽта жеʼ, *tože* ʽто жеʼ.

Местоимения *onen* ʽэтотʼ, ʽтотʼ, *oná* ʽэтаʼ, ʽтаʼ, *ono* ʽэтоʼ, ʽтоʼ и *sám* ʽсамʼ, *sama* ʽсамаʼ, *samo* ʽсамоʼ склоняются по типу прилагательного *pekný*. По этому же типу склоняются местоимения *taký* ʽтакойʼ, *samý* ʽсамыйʼ, *koľký* ʽкоторыйʼ, ʽкакойʼ, *aký* ʽкакойʼ, *ktorý* ʽкоторыйʼ и образованные от них неопределенные местоимения (*vaľajaký* 'какой-нибудьʼ, *daktorý* ʽкоторый-нибудьʼ и т. п.).

Глаголы

Для распределения глаголов по классам и типам спряжения существенное значение имеет выделение основы настоящего времени и инфинитивной основы. Основа настоящего времени имеет два варианта: 1) совпадающий с формой 3-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения: *padá* ʽпадаетʼ, *chváli* ʽхвалитʼ; 2) совпадающий с основой 3-го лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения: *padaj-ú* ʽпадаютʼ, *môž-u* ʽмогутʼ, *chvál-ia* ʽхвалятʼ, *stroj-a* ʽготовятʼ, ʽустраиваютʼ. Инфинитивная основа вычленяется путем отделения от инфинитива окончания *-ť*: *pada-ť* ʽпадатьʼ, *kupova-ť* ʽпокупатьʼ.

В зависимости от основообразующего суффикса настоящего времени глаголы делятся на семь классов. Внутри классов регулярные глаголы распределяются по четырнадцати типам спряжения в зависимости от основообразующего суффикса инфинитива:

Класс	Тип	Настоящее время (3 л. ед. ч.)	Инфинитив
I	1	*chyt-á*, 3 л. мн. ч. *chyt-aj-ú*	*chyt-a-ť* ʽловитьʼ
II	2	*rozum-ie*, 3 л. мн. ч. *rozum-ej-ú*	*rozum-ie-ť* ʽпониматьʼ
III	3	*nes-ie*	*nies-ť* ʽнестиʼ
	4	*min-ie*	*min-ú-ť* ʽистратитьʼ
	5	*tr-ie*	*tr-ie-ť* ʽтеретьʼ
	6	*ber-ie*	*br-a-ť* ʽбратьʼ
IV	7	*češ-e*	*čes-a-ť* ʽрасчёсыватьʼ
	8	*žn-e*	*ža-ť* ʽжатьʼ,ʽ убиратьʼ

Класс	Тип	Настоящее время (3 л. ед. ч.)	Инфинитив
V	9	*chud-ne*	*chud-nú-ť* ʽхудетьʼ
VI	10	*žu-je*	*žu-ť* ʽжеватьʼ
	11	*prac-uj-e*	*prac-ova-ť* ʽработатьʼ
VII	12	*rob-í*	*rob-i-ť* ʽделатьʼ
	13	*vid-í*	*vid-ie-ť* ʽвидетьʼ
	14	*krič-í*	*krič-a-ť* ʽкричатьʼ

В глагольной парадигме различаются простые формы (*kupujem* ʽпокупаюʼ, *kupovať* ʽпокупатьʼ, *kupujúc* ʽпокупаяʼ, *kupovaný* ʽпокупаемыйʼ и т. д.) и сложные, подразделяющиеся на описательные — их составной частью является вспомогательный глагол *byť* (*nosil som* ʽя носилʼ, *nosil by som* ʽя бы носилʼ, *budem nosiť* ʽя буду носитьʼ и т. д.) и возвратные — в их состав входят формы возвратного местоимения *sa*, *si*.

Вспомогательный глагол *byť* ʽбытьʼ

		Наст. время	Буд. время	Прош. время
Ед. число	1 л.	*som*	*budem*	*bol*, *-a*, *-o som*
	2 л.	*si*	*budeš*	*bol*, *-a*, *-o si*
	3 л.	*je*	*bude*	*bol*, *-a*, *-o*
Мн. число	1 л.	*sme*	*budeme*	*boli sme*
	2 л.	*ste*	*budete*	*boli ste*
	3 л.	*sú*	*budú*	*boli*
Императив	*buď!*, *buďme!*, *buďte!*			
Сослагательное наклонение настоящего времени	*bol*, *-a*, *-o by som...* *boli by sme...*			
Сослагательное наклонение прошедшего времени	*bol*, *-a*, *-o by som býval*, *-a*, *-o...*			
Давнопрошедшее время	*bol som býval*			
Деепричастие	*súc*			
Инфинитив	*byť*			
Отглагольное существительное	*bytie*			

От основы настоящего времени образуются формы:

1) настоящее время при помощи окончаний: ед. ч. 1 л. *-m*, 2 л. *-š*, 3 л. *-Ø*; мн. ч. 1 л. *-me*, 2 л. *-te*, 3 л. *-ú* (пример с глаголом ʽнестиʼ: ед. ч. 1 л. *nesiem*, 2 л. *nesieš*, 3 л. *nesie*; мн. ч. 1 л. *nesieme*, 2 л. *nesiete*, 3 л. *nesú*);

2) императив: *Volaj!* ʽЗови!ʼ, *Kupuj!* ʽПокупай!ʼ, *Nes!* ʽНеси!ʼ, *Bež!* ʽБеги!ʼ;

3) деепричастие: *padajúc* ʽпадаяʼ, *nesúc* ʽнесяʼ, *bežiac* ʽбежавшиʼ;

4) действительное причастие настоящего времени: *volajúci* ʽзовущийʼ, *chváliaci* ʽхвалящийʼ.

От основы инфинитива образуются формы:

1) инфинитив: *padať* ʽпадатьʼ;

2) *l*-форма: *česal* ʽрасчёсывалʼ, *padal* ʽпадалʼ, *kupoval* ʽпокупалʼ, *padol* ʽупалʼ, *niesol* ʽнёсʼ, *viezol* ʽвёзʼ;

3) действительное причастие прошедшего времени: *predavší* ʽпродавшийʼ, *porozumevší* ʽпонявшийʼ, *zakryvší* ʽзакрывшийʼ;

4) страдательное причастие: *čítaný* ʽчитаемый’, *robený* ʽделаемый’, *bitý* ʽбитый’;

5) отглагольное существительное на *-ie*, мотивированное основой страдательного причастия: *chytanie* ʽловля’, *siatie* ʽсеяние’, *kosenie* ʽкошение’.

К сложным относятся формы:

1) будущего времени, образованная от глаголов несовершенного вида при помощи вспомогательного глагола *byť* в личной форме будущего времени и инфинитива смыслового глагола: *budem, budeš, bude volať* ʽбуду, будешь, будет звать’;

2) 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени: основная форма прошедшего времени + вспомогательный глагол *byť* в личной форме настоящего времени: *volal*, *-a*, *-o som* ʽя звал, -а, -о’, *volal*, *-a*, *-o si* ʽты звал, -а, -о’, *volali sme* ʽмы звали’, *volali ste* ʽвы звали’;

3) давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта): *bol som volal* ʽя звал’, *bol si volal* ʽты звал’, *bol volal* ʽон звал’;

4) условного (сослагательного) наклонения: настоящего времени (*volal*, *-a*, *-o by som* ʽя бы звал, -а, -о’, *volal*, *-a*, *-o by si* ʽты бы звал, -а, -о’) и прошедшего времени (*bol by som volal* ʽя бы звал’);

5) описательные формы страдательного залога (сложный пассив): *som volaný* ʽя (по)зван’, *budem volaný* ʽя буду (по)зван’, *bol som volaný* ʽя был (по)зван’;

6) возвратная форма страдательного залога: *čaká sa* ʽожидается’, *hovorí sa* ʽговорят’, ʽговорится’, *orie sa* ʽпашут’.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. В структуре словоформы обычно выделяются морфемы: 1) корневые: ***žen****-a* ʽженщина’, ***hríb****-ov-ý* ʽгрибной’, *z-**obraz**-i-ť* ʽизобразить’; 2) реляционные — флексии склонения и спряжения (примеры см. в 2.4.0.); 3) тематические в глагольной словоформе: *chyt-**a**-ť* ʽловить’, *rozum-**ie**-ť* ʽпонимать’; 4) деривационные (аффиксальные) с различной семантической нагрузкой (см. 2.5.2.).

При словообразовательном анализе словоформа расчленяется на две части: производящую основу и словообразовательный формант: *ryb-ár* ʽрыболов’, ʽрыбак’, *vod-ár* ʽработник водоснабжения’, *lamp-ár* ʽфонарщик’. Производящей основой может быть производное слово: *zemepis* ʽгеография’ — *zemepisec* ʽгеограф’, *rybník* ʽпруд’ — *rybnikár* ʽрыбовод’ — *rybnikárstvo* ʽрыбоводство’.

2.5.2. Основные способы словообразования в С.я.: деривация, субстантивация прилагательных и причастий, словосложение, аббревиация.

Суффиксальный способ образования широко представлен в системе имен и глагола. Продуктивные субстантивные суффиксы *-teľ*, *-č*, *-ec*, *-ár*, *-ák*, *-an*, *-ka*, *-ičk(a)*, *-ik*, *-ník*, *-osť*, *-stv(o)* и др. Примеры:

— отглагольные производные: *hlásateľ* ʽглашатай’, ʽдиктор’, *rozkrádač* ʽрасхититель’, *chodec* ʽпешеход’, *rezbár* ʽрезчик по дереву’, *jedák* ʽедок’, *pracovník* ʽработник’;

— отыменные производные: *čudák* ʽчудак’, *cestár* ʽдорожник’, *lesník* ʽлесничий’, ʽлесовод’, *horliviec* ʽэнтузиаст’, ʽфанатик’, *múdrosť* ʽмудрость’, *darebáctvo* ʽлентяйство’, *učiteľka* ʽучительница’.

В группе производных со значением «название предмета» продуктивен суффикс *-in(a)*, *-ovin(a)*: *kyselina* ʽкислота’, *rakovina* ʽрак’, *zlučenina* ʽ(химическое) соединение’; «название орудия» — суффиксы *-dl(o)*, *-č*/*-áč*: *čerpadlo* ʽнасос’, ʽпомпа’, *sladidlo* ʽсладкое вещество’, *odfarbovač* ʽобесцвечивающее средство’,

vypínač 'выключатель', *zaradovač* 'скоросшиватель'; «название места» — суффиксы *-áreň*, *-iareň*: *cukráreň* 'кондитерская', *tlačiareň* 'типография', *obrazáreň* 'картинная галерея'.

Качественные прилагательные образуются с помощью широкого набора суффиксов, в том числе: *-sk(ý)*, *-ick(ý)* (*pánsky* 'мужской', *lyrický* 'лирический'), *-ový* (*citový* 'эмоциональный', *ľudový* 'народный'), *-n(ý)*, *-teľn(ý)* (*farebný* 'цветовой', 'цветной', *badateľný* 'заметный'), *-at(ý)* (*chlpatý* 'волосатый', *zubatý* 'зубастый'), *-av(ý)* (*deravý* 'дырявый', *slzavý* 'слезливый') и др. Среди глаголов распространены отыменные образования с суффиксами *-ovať*, *-iť*, *-ieť*: *bačovať* 'быть чабаном', *hladovať* 'голодать', *farbiť* 'красить', *triediť* 'сортировать', 'классифицировать', *chudobnieť* 'беднеть', *šedivieť* 'седеть'.

Префиксальный способ также используется при образовании имен и глаголов: *pradedo* 'прадед', *nadporučík* 'старший лейтенант', *protihrač* 'противник (в спорте)', *premúdry* 'очень мудрый', *priúzky* 'слишком узкий', *nadprodukcia* 'перепроизводство', *odniesť* 'отнести', *podplatiť* 'подкупить', *rozhrešiť* 'отпустить грехи'.

В сфере глагола продуктивным является также префиксально-суффиксальный способ образования производных слов (т. е. с использованием разорванного аффикса): *o-krídl-iť* 'окрылить', 'воодушевить', *s-kvalitn-iť* 'повысить качество', *zo-všeobecn-iť* 'обобщить', *z-bezočiv-ieť* 'обнаглеть', *s-prísn-ieť* 'стать строгим' и т. п.

Примеры субстантивации прилагательных и причастий: *cestovné* 'командировочные', *chyžná* 'горничная', *hostinská* 'хозяйка ресторана', *strážny* 'караульный', *prísediaci* 'заседатель', *hriate* 'жжёнка', *údené* 'копчёное мясо'.

Словосложение наиболее характерно для существительных и прилагательных: *drevorubač* 'лесоруб', *jemnocit* 'чуткость', *prvotlač* 'первопечатная книга', *samovražda* 'самоубийство', *vetrolam* 'ветрозащитная полоса', *bledoružový* 'бледно-розовый', *skalopevný* 'непреклонный', *okoloidúci* 'прохожий' и т. п. В новейший период данный способ словообразования в С.я. заметно активизировался. Причем новые слова такого типа возникают не только из словацких составных частей: *rýchlooprava* 'срочный ремонт', *samoobsluha* 'самообслуживание', *spoluzodpovednosť* 'совместная ответственность', но и путем соединения словацких и иноязычных (интернациональных) элементов, благодаря чему расширяется фонд так называемых «гибридных» слов: *elektroliečba* 'электролечение', *minihodinky* 'микрочасы', *monočlánok* 'моноячейка', *stereoprístroj* 'стереоприбор', *vodoinštalatér* 'водопроводчик', *vzduchotechnika* 'воздухотехника', *medzikontinentálny* 'межконтинентальный' и др.

В современном С.я. активным является также способ аббревиации; используются как буквенные аббревиатуры типа *SAV* (*Slovenská akadémia vied*) «Словацкая академия наук», так и сложносокращенные слова типа *Slovnaft* «Словнафт» (название предприятия).

2.5.3. Простое предложение может быть односоставным (*Prší* 'Идёт дождь', *Blýska sa* 'Сверкает молния') и двусоставным (*Otec je chorý* 'Отец болен', *Školník cengá* 'Школьный сторож звонит'). В простом двусоставном предложении главными членами являются подлежащее и сказуемое. Характерная черта синтаксиса С.я. — обязательное употребление глагола-связки *byť* 'быть' не только в прошедшем, но и в настоящем времени: *Cesta bola dlhá* 'Дорога была долгой', *Sestra je učiteľka* 'Сестра работает учительницей'. Употребление личных место-

имений в двусоставном предложении не является обязательным, так как спрягаемая форма глагола передает одновременно значение лица и числа: *Som prekvapený* ʽЯ удивлён', *Pracujem na vysokej škole* ʽЯ работаю в вузе'. В качестве второстепенных членов предложения выступают дополнение, определение и обстоятельства. Особое место среди них занимает так называемое «второе сказуемое» («сказуемостное определение», словац. doplnok). Его характерный признак — двойная зависимость: от глагола-сказуемого и от подлежащего или дополнения: *Brat prišiel unavený* ʽБрат пришёл усталым', *Brata som stretol unaveného* ʽБрата я встретил усталым'.

Порядок слов в предложении определяется тремя факторами: смысловым, грамматическим и ритмическим. Смысловой фактор (как правило, основной) заключается в том, что слова располагаются по их смысловой (логической) нагрузке. С этим связано выделение темы и ремы высказывания. В первой части предложения ставятся менее значимые слова, во второй — те, на которые падает логическое ударение: *Chlapec píše list* ʽМальчик пишет письмо', *List píše chlapec* ʽПисьмо пишет мальчик'. Грамматический фактор важен главным образом для установления места определения при существительном, например в атрибутивной синтагме, где определение предшествует определяемому: *biela stena* ʽбелая стена', *milá vec* ʽсимпатичная вещь', *Slovenská jazykovedná spoločnosť* ʽСловацкое лингвистическое общество'. Члены предложения обычно располагаются в следующем порядке: подлежащее — сказуемое — дополнение (объективный порядок слов). Для эмоционально-экспрессивного высказывания характерен обратный порядок: сказуемое — подлежащее — дополнение или подлежащее — дополнение — сказуемое (субъективный порядок слов): *Cestujúci vystúpili z autobusu* ʽПассажиры вышли из автобуса' — *Vystúpili cestujúci z autobusu* / *Cestujúci z autobusu vystúpili*. Положение сказуемого в начале или конце предложения является показателем стилистически маркированного высказывания.

Ритмический фактор определяет обязательный порядок употребления энклитик в предложении: они всегда стоят после первого ударного компонента, которым может быть слово, словосочетание или придаточное предложение. В предложении может выступать несколько энклитик, между которыми существуют строгие иерархические отношения. Сразу же за первым ударным компонентом следует частица *by*, за ней — личные формы вспомогательного глагола *byť*, далее — возвратные компоненты *sa*, *si* и, наконец, формы местоимений, причем личные местоимения предшествуют указательным, формы без предлогов — предложным и формы дательного падежа — формам винительного, например: *Radšej by som sa jej na to spýtal včera* ʽЛучше бы я спросил её об этом вчера'.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения подразделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные. По характеру смысловых отношений между предложениями, входящими в состав сложносочиненного предложения, различаются соединительные, усилительные (градационные), противительные, разделительные, причинно-следственные и пояснительные.

В сложноподчиненных предложениях грамматическая зависимость придаточной части от главной выражается различными средствами, прежде всего союзами и союзными словами: *aby* ʽчтобы', *alebo* ʽили', *ak* ʽесли', *ako* ʽкак', *keď* ʽкогда', ʽесли', ʽпоскольку', *kto* ʽкто', *kým* ʽв то время как', *lebo* ʽпотому что', *že* ʽчто'

и др.; в ряде случаев соотнесенными с ними указательными местоимениями и наречиями *ten* ʽтотʼ, *taký* ʽтакойʼ, *tam* ʽтамʼ, *vtedy* ʽтогдаʼ и др. или соотносительными парами *kde* ʽгдеʼ — *tam* ʽтамʼ, *odkiaľ* ʽоткудаʼ — *odtiaľ* ʽоттудаʼ, *všade* ʽвсюдуʼ — *kde* ʽгдеʼ, *vtedy* ʽтогдаʼ — *keď* ʽкогдаʼ и др. Различаются типы придаточных предложений: дополнительные, определительные, обстоятельственные и др.

2.6.0. Словарный состав С.я. с древнейших времен развивался в условиях межъязыковых и этнокультурных контактов. Поэтому наряду с праславянским наследием и собственно словацким лексическим фондом в нем значительное место занимают лексические заимствования (из более чем 30 языков).

К древним заимствованиям из латинского языка относятся: *almužna* ʽмилостыняʼ, *diabol* ʽдьяволʼ, *lucifer* ʽсатанаʼ, *omša* ʽмессаʼ, *oplatka* ʽоблаткаʼ, ʽвафляʼ, *sobota* ʽсубботаʼ, *škola* ʽшколаʼ, *tabuľa* ʽдоскаʼ и др. К средневековой латыни восходит значительный слой общественно-политической терминологии: *árenda* ʽарендаʼ, *dežma* ʽдесятинаʼ, *konvent* ʽконвентʼ, *kurátor* ʽкураторʼ, ʽпопечительʼ, *notár* ʽнотариусʼ, *oficiál* ʽчиновник канцелярииʼ, *patent* ʽпатентʼ, *privilégium* ʽпривилегияʼ, *vakácie* ʽканикулыʼ и др.

Большое число заимствований восходит к немецкому языку. Часть из них обусловлена контактами предков словаков с германскими племенами в IX–X вв.: *kňaz* ʽсвященникʼ, *peniaz* ʽмонетаʼ, мн. ч. *peniaze* ʽденьгиʼ. Через древненемецкий язык проникли, в частности, некоторые слова латинского происхождения: *kláštor* ʽмонастырьʼ, *kostol* ʽцерковьʼ, *mních* ʽмонахʼ, *olej* ʽмаслоʼ, *žehnať* ʽкреститьʼ, ʽблагословлятьʼ и т. п. Основная часть заимствований из немецкого языка относится к XII–XIV и к XV–XVII вв. Можно выделить несколько тематических групп немецких заимствований: 1) слова, характеризующие социальное расслоение общества, имущественный и социальный статус граждан: *gróf* ʽграфʼ, *hajtman* ʽгетманʼ, *rytier* ʽрыцарьʼ, *šoltýs* ʽсельский староста' и др.; 2) названия профессий, ремесел, орудий производства и т. п.: *cech* ʽцехʼ, *dratva* ʽдратваʼ, *fárať* ʽработать шахтёромʼ, *farba* ʽкраскаʼ, *garbiar* ʽкожевникʼ, *hoblík* ʽрубанокʼ, *kramár* ʽлавочникʼ, *majster* ʽмастерʼ, *pančucha* ʽчулокʼ, *štôlňa* ʽштольняʼ, *rašpľa* ʽрашпильʼ, *vrštat* ʽверстакʼ и др.; 3) торговая лексика: *grajciar* ʽкрейцерʼ (название монеты), *halier* ʽгеллерʼ (название монеты), *handel* ʽторговляʼ, *jarmok* ʽярмаркаʼ, *krám* ʽлавкаʼ, *rínok* ʽплощадьʼ, *plech* ʽжестьʼ и др.

Заимствованиями из венгерского языка являются: *beťár* ʽозорникʼ, *bíreš* ʽбатракʼ, *bosorka* ʽведьмаʼ, *cifrovať* ʽукрашатьʼ, *čižma* ʽсапогʼ, *golier* ʽворотникʼ, *guláš* ʽгуляшʼ, *hajdúch* ʽстражникʼ, ʽгайдукʼ, *husár* ʽгусарʼ, *korbáč* ʽплетьʼ, ʽкнутʼ, *merťuk* ʽмеркаʼ, *oldomáš* ʽмагарычʼ, *šiator* ʽпалаткаʼ, ʽшатёрʼ, *ťarcha* ʽтяжестьʼ и др.

С валашской колонизацией Карпат (XIV–XV вв.) связан сравнительно небольшой и тематически довольно четко ограниченный слой заимствований, восходящий к румынскому языку. Это так называемые лексические «карпатизмы», представляющие собой в основном пастушескую терминологию овцеводства: *bača* ʽ(старший) пастухʼ, ʽчабанʼ, *bryndza* ʽбрынзаʼ, *fujara* ʽфуяра (музыкальный инструмент)ʼ, *grúň* ʽобрывʼ, ʽоткосʼ, *kľag(a)* ʽсычугʼ, *košiar* ʽкошараʼ, *meridzať* ʽпережёвыватьʼ, *redikať sa* ʽтащитьсяʼ, ʽплестисьʼ, *salaš* ʽшалашʼ, *valach* ʽовчарʼ, ʽпастухʼ, *vatra* ʽкостёрʼ, *žinčica* ʽжинчицаʼ (кипяченая сыворотка из овечьего молока) и др.

Из славянских языков наибольшее число заимствований составляют слова из близкородственного чешского языка. Чешские слова достаточно свободно и быстро осваивались С.я. в фонетическом и формально-грамматическом плане, поэтому не всегда можно легко установить их первоначальный источник. К богемизмам, в частности, относятся: *bájka* ʻбасняʼ, ʻсказкаʼ, *četník* ʻжандармʼ, *dojem* ʻвпечатлениеʼ, *dôverník* ʻдоверенныйʼ, *drzý* ʻдерзкийʼ, *menovite* ʻа именноʼ, *nápadne* ʻкричащеʼ, ʻвызывающеʼ, *obnos* ʻсуммаʼ, *otázka* ʻвопросʼ, *pojem* ʻпонятиеʼ, *rozbor* ʻанализʼ, *udalosť* ʻсобытиеʼ, *ústava* ʻконституцияʼ, *všeobecný* ʻвсеобщийʼ, *zámer* ʻзамыселʼ, *živočích* ʻживотноеʼ. В некоторых случаях слова, восходящие к чешскому языку, имеют характерные словообразовательные форманты *-itý* (*dôležitý* ʻважныйʼ, *náležitý* ʻнадлежащийʼ, *nepretržitý* ʻнепрерывныйʼ), *-teľný*, *-teľnosť* (*znesiteľný* ʻсносныйʼ, *zrozumiteľný* ʻпонятныйʼ, *prozreteľnosť* ʻпровидениеʼ).

В середине и второй половине XIX в. в литературный С.я. проникло немало слов из русского языка. Значительная часть русизмов впоследствии вышла из употребления, однако некоторые из них иногда используются как стилистически окрашенные слова-поэтизмы. К числу русизмов относятся: *baťko* ʻбатяʼ, *bodrý* ʻбодрыйʼ, ʻживойʼ, *blahodarný* ʻблаготворныйʼ, *celovať* ʻцеловатьʼ, *činovník* ʻчиновникʼ, *čudesný* ʻчудесныйʼ, ʻдивныйʼ, *dejateľ* ʻдеятельʼ, *dejstvovať* ʻдействоватьʼ, *duma* ʻдумаʼ, *iskrenný* ʻискреннийʼ, *kormidlo* ʻрульʼ, ʻкормилоʼ, *rozpoloženie* ʻнастроениеʼ, ʻсостояниеʼ, *trud* ʻтрудʼ, *vesna* ʻвеснаʼ и др.

Отмечается небольшое число заимствований из других славянских языков: болгарского (*jogurt* ʻйогуртʼ, *mastika* ʻмастикаʼ), сербохорватского (*čata* ʻбригадаʼ, ʻвзводʼ, *častovať* ʻугощатьʼ, *junák* ʻюношаʼ, ʻудалецʼ), польского (*kresliť* ʻрисоватьʼ и др.).

Из западноевропейских языков наибольшее число заимствований восходит к английскому: *džez* ʻджазʼ, *interview* ʻинтервьюʼ, *klaun* ʻклоунʼ, *pulóver* ʻпуловерʼ, *tvíd* ʻтвидʼ, *víkend* ʻуик-эндʼ и др.; большую группу составляет спортивная лексика: *aut* ʻаутʼ, *boxing* ʻбоксʼ, *derby* ʻдербиʼ, *coach* ʻтренерʼ, *futbal* ʻфутболʼ, *gól* ʻголʼ, *klub* ʻклубʼ, *ofsajd* ʻофсайдʼ, *šprint* ʻспринтʼ и др. Много заимствований и из французского языка: *aféra* ʻафераʼ, *bagáž* ʻбагажʼ, *dekoltáž* ʻдекольтеʼ, *detail* ʻдетальʼ, *garáž* ʻгаражʼ, *hotel* ʻгостиницаʼ, ʻотельʼ, *kravata* ʻгалстукʼ, *móda* ʻмодаʼ, *parola* ʻпарольʼ, *reportáž* ʻрепортажʼ, *silueta* ʻсилуэтʼ, *vizita* ʻвизитʼ и др. Из итальянского языка заимствованы главным образом музыкальные термины: *adagio* ʻадажиоʼ, *bas* ʻбасʼ, *fagot* ʻфаготʼ, *intermezzo* ʻинтермеццоʼ, *kavatina* ʻкаватинаʼ, *soprán* ʻсопраноʼ и т. п. Имеются также небольшие группы слов или отдельные слова, заимствованные из других языков.

2.7.0. Три диалекта С.я. (см. 1.2.1.) подразделяются в свою очередь на группы говоров (всего около тридцати).

З а п а д н о с л о в а ц к и й диалект характеризуется следующими фонетическими и морфологическими признаками:

1) на месте праславянских сочетаний **orT-*, **olT-* не под акутовым ударением в большинстве случаев представлены *roT-*, *loT-*: [rokita] ʻракитаʼ, [rosťem] ʻя растуʼ, [vlon'i] ʻв прошлом годуʼ;

2) редуцированные ь, ъ в сильной позиции вокализировались в /e/: [deska] ʻдоскаʼ, [kotel] ʻкотёлʼ, [oves] ʻовёсʼ, [ocet] ʻуксусʼ, [statek] ʻскотʼ, [ven] ʻвонʼ, ʻвнеʼ;

3) на месте исконного *ę* после губных согласных в кратком слоге выступает /a/: [masso] ʻмясо’, [hovado] ʻскотина’, а в долгом слоге — /ā/: [pātek] ʻпятница’, [svātek] ʻпраздник’, [ďevātī] ʻдевятый’, [pamātka] ʻпамять’, ʻпамятник’;

4) в большей части говоров отсутствуют дифтонги, на месте которых выступают долгие гласные /ā/, /ē/, /ō/ или /ī/, /ū/: [robā] ʻони делают’, [začātek] ʻначало’, [mlēko/mlīko] ʻмолоко’, [kōň/kūň] ʻконь’, ʻлошадь’;

5) не действует закон ритмического сокращения слога: [bīlī] ʻбелый’, [dāvām] ʻя даю’, [xvālīm] ʻя хвалю’, [krāsnā] ʻкрасивая’, [stūpāme] ʻмы ступаем’, ʻмы поднимаемся’;

6) в большинстве говоров сохраняется группа согласных /šč/: [ešče] ʻещё’, [ščedrī] ʻщедрый’, [ščasnī] ʻсчастливый’;

7) наличие сдвоенных согласных: [kašša] ʻкаша’, ʻпюре’, [vaččī] ʻбольший’, [stojjā] ʻони стоят’, [slamennī] ʻсоломенный’; в некоторых говорах сдвоенные согласные /-ll-/, /-nn-/ выступают на месте исконных сочетаний *-dl-*, *-dn-*: [sallo] ʻсало’, [šillo] ʻшило’, [jenna] ʻодна’, [palla] ʻупала’;

8) оглушение *v* в конце слова и перед глухой согласной: [ocōf] ʻотцов’, [ďifka] и [dzīfka] ʻдевушка’, [lāfka] ʻлавка’, ʻмостик’;

9) окончание *-o* в именительном падеже единственного числа существительных среднего рода: [līco] ʻщека’, [srcco] ʻсердце’, [vajco] ʻяйцо’;

10) окончание *-é*, *-ové* или (с дифтонгом) *-ie*, *-ovie* в именительном падеже множественного числа одушевленных существительных мужского рода: [luďē]/[ludē] ʻлюди’, [rodičē]/[rodičie] ʻродители’, [sinovē]/[sinovie] ʻсыновья’;

11) окончание *-ú*/*-u* в творительном падеже единственного числа существительных женского рода: [s tū dobrū ženū] / [s tu dobru ženu] ʻс этой доброй женщиной’;

12) окончание *-ém* в местном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода: [o dobrēm ďecku] ʻо добром ребёнке’;

13) глагольные формы настоящего времени и инфинитива без долготы: [ňesem] ʻя несу’, [pečem] ʻя пеку’, [vedet] ʻзнать’ и др.

С р е д н е с л о в а ц к и й диалект характеризуется признаками:

1) на месте **orT*-, **olT*- не под акутовым ударением выступают *raT*-, *laT*-: [rakita], [rasťiem], [lakeť] ʻлокоть’, [lan’i] ʻв прошлом году’;

2) различны результаты вокализации сильных редуцированных ь, ъ (ь > /e/, /o/: [deň] ʻдень’, [pes] ʻпёс’, [ovos] ʻовёс’, [orol] ʻорёл’; ъ > /e/, /o/, /a/: [ten] ʻэтот/тот’, [mox]/[max] ʻмох’, [blāzon] ʻсумасшедший’, [statok] ʻскот’, [doska]/[daska] ʻдоска’, [raž]/[rož] ʻрожь’);

3) на месте исконного *ę* после губных согласных в кратком слоге во многих говорах выступает гласная /ä/ ([mäso] ʻмясо’, [päť] ʻпять’, [ďeväť] ʻдевять’); в долгом слоге дифтонг /i̯a/ ([pami̯atka] ʻпамять’, ʻпамятник’, [pi̯atok] ʻпятница’, [ďevi̯ati] ʻдевятый’); аналогичная ситуация представлена и в литературном языке, однако, в отличие от литературного языка, /ä/ выступает и после /k’/, /g’/ и других согласных ([käčka] ʻутка’, [ukäzovať] ʻпоказывать’, [gäti] ʻштаны’, [oťäľ] ʻоттуда’, [nigďäľ] ʻникогда’, [staväť] ʻставить’, [zarābäť] ʻзарабатывать’);

4) существуют дифтонги /i̯a/, /i̯e/, /u̯o/, /i̯u/ ([vi̯azať] ʻвязать’, ʻсвязывать’, [hňi̯ezdo] ʻгнездо’, [ku̯oň] ʻконь’, [cudzi̯u] ʻчужую’);

5) более последовательно, чем в литературном языке, действует закон ритмического сокращения слога ([krāsni] ʻкрасивый’, [krāsna], [krāsno], но [peknī] ʻкра-

сивый', 'хороший', [peknā], [peknu̯o]; [pīlim] 'я пилю', [dāvam] 'я даю', но [robīm] 'я работаю', [volām] 'я зову'; [xvāľa] 'они хвалят', но [robi̯a] 'они работают');

6) сочетание согласных *šč* изменилось в /šť/ ([ešťe] 'ещё', [šťedrī] 'щедрый', [šťasnī] 'счастливый');

7) на месте исконных сочетаний *dl*, *tl* выступает /l/: [šilo] 'шило', [salo] 'сало', [omelo] 'помело' (< *ometlo*);

8) конечное *-l* в основной форме прошедшего времени мужского рода единственного числа произносится как /-u̯/: ([bou̯] 'был', [dau̯] 'дал', [mau̯] 'имел', [viďeu̯] 'видел' (ср. лит. *bol*, *dal*, *mal*, *viďel*);

9) в закрытом слоге /v/ произносится как /u̯/: [dāu̯no] 'давно', [prau̯da] 'правда', [sliu̯ka] 'слива', [stou̯ka] 'сотня', [bratou̯] 'братов', [mrkeu̯] 'морковь', [stau̯] 'состояние';

10) мягкость согласных /ď/, /ť/, /ľ/, /n'/ перед /e/, /i/, /i̯a/, /i̯e/, /i̯u/: [ďeťi] 'дети', [na ďeďin'e] 'в деревне', [ľipa] 'липа', [ľen'ivī] 'ленивый', [ďi̯era] 'дыра', [kon'i̯ec] 'конец', [ľiať] 'лить' (есть ряд исключений, например: [ten] 'этот', [teraz] 'теперь', [jeden] 'один'и др.);

11) окончания *-i̯a* и *-e* в именительном падеже единственного числа существительных среднего рода: [zdravi̯a] 'здоровье', [znamen'i̯a] 'знак', [more] 'море', [poľe] 'поле', [vajce] 'яйцо';

12) окончания *-i̯a*, *-ovi̯a* в именительном падеже множественного числа одушевленных существительных мужского рода: [braťi̯a] 'братья', [priaťeľi̯a] 'друзья', [sinovi̯a] 'сыновья';

13) окончание *-ou̯* в творительном падеже единственного числа существительных женского рода: [s tou̯ dobrou̯ ženou̯] 'с этой доброй женщиной';

14) окончание *-u* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода типа *hrdina*: [baču] 'чабана', 'овчара', [gazdu] 'хозяина';

15) окончание *-om* в местном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода: [o dobrom] 'о добром', 'о хорошем', [o zdravom] 'о здоровом';

16) окончание *-u̯o* в именительном падеже единственного числа прилагательных среднего рода: [dobru̯o] 'доброе', 'хорошее', [peknu̯o] 'красивое', 'хорошее';

17) наличие дифтонга в глагольных формах настоящего времени и инфинитива: [beri̯em] 'я беру', [veďi̯em] 'я знаю', [rozumi̯eť] 'понимать', [veďi̯eť] 'знать';

18) форма *sa* в 3-м лице множественного числа глагола *byť*: [on'i sa] 'они есть' (литературная форма *sú*); и др.

Восточнословацкий диалект характеризуется признаками:

1) на месте **orT-*, **olT-* не под акутовым ударением выступают *roT-*, *loT-*: [rokita], [lokec], [loňi] (совпадает с западнословацким диалектом);

2) результатом вокализации сильных редуцированных *ь*, *ъ* чаще всего выступает /e/, но встречаются и другие гласные: [deska], [oves], [statek], [blazen], [von], [diźdž], [bočka]/[bačka] 'бочка';

3) на месте исконного *ę* в кратком слоге /e/: [meso], [hovedo], [pamec], [dzevec]; в долгом слоге после губных согласных — /i̯a/, после других — /a/: [pi̯ati], [pami̯atka], [dzevi̯ati], [častka] 'часть', [poradek] 'порядок';

4) отсутствуют долгие гласные: [mam] 'я имею', [brazda] 'борозда', [davam] 'я даю', [luka] 'луг', [dobri] 'добрый', 'хороший';

5) ударение в слове падает на предпоследний слог;

6) на месте слоговых [r̥], [l̥], характерных для литературного языка, выступают различные сочетания плавных с гласным (/ar/, /er/, /ir/, /ri/, /al/, /el/, /ol/, /ul/, /lu/, /li/): [zarno] ʽзерно’, [tvardi] ʽтвёрдый’, [vi̯erba]/[verba]/[virba] ʽверба’, [śerco], [xerbet]/[xarbet] ʽспина’, [halboki] ʽглубокий’, [hľiboko] ʽглубоко’, [kolbasa] ʽколбаса’, [polno]/[pulno] ʽполно’, [slunko] ʽсолнце’, [bolxa]/[blixa] ʽблоха’, [viľk]/[veľk] ʽволк’;

7) происходит оглушение /v/ в конце слова и перед глухой согласной: [bratof] ʽбрата’, [poľefka] ʽсуп’;

8) мягкие *ť*, *ď* изменились в /c/, /dz/: [dzeci], [dzedzina] ʽдеревня’, [dzivi] ʽдикий’, [cixo] ʽтихо’, [poscel] ʽпостель’, [volac] ʽзвать’, [vracic] ʽвозвратить’, ʽвернуть’;

9) наличие мягких шипящих /s’/, /z’/: [śeno] ʽсено’, [śivi] ʽседой’, [źima] ʽзима’, ʽхолод’, [źac] ʽжать’, ʽубирать’;

10) окончания *-o*, *-e* в именительном падеже единственного числа существительных среднего рода: [moro] ʽморе’, [poľo] ʽполе’, [ľisce] ʽлиства’, ʽлистья’, [veśeľe] ʽсвадьба’;

11) окончание *-u* в творительном падеже единственного числа существительных женского рода: [zo ženu] ʽс женщиной’, [s paľicu] ʽс дубиной, палкой’;

12) окончание *-i* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода типа *hrdina*: [bači] ʽчабана’, ʽовчара’, [gazdi] ʽхозяина’;

13) унифицированные окончания: в родительном и местном падеже множественного числа существительных всех трех родов — *-och*: [bratox] ʽбратьев’, ʽо братьях’, [ženox] ʽженщин’, ʽо женщинах’, [mestox] ʽгородов’, ʽо городах’, и в дательном падеже множественного числа существительных всех трех родов — *-om*: [bratom], [ženom], [mestom];

14) окончание *-ima* в творительном падеже множественного числа прилагательных и местоимений: [s tima dobrima] ʽс этими добрыми’, [z mojima] ʽс моими’, [ś n’ima] ʽс ними’;

15) глагольные формы настоящего времени в 3-м лице множественного числа на большей части восточнословацкой области имеют окончания *-u* или *-i̯a*, *-a*: [vedu] ʽведут’, [robi̯a] ʽработают’, [voźa] ʽвозят’;

16) специфические формы прошедшего времени глагола *byť* ʽбыть’: [bul] ʽон был’, [bula] ʽона была’, [bulo] ʽоно было’, [buľi] ʽони были’;

17) наряду с обычными формами будущего времени [budzem robic] ʽя буду делать’ употребляются и формы [budzem robil] ʽя буду делать’, [budu robiľi] ʽони будут делать’.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Л. И. Словацкий язык // Славянские языки. М., 1977.

Лифанов К. В. Морфология словацкого языка. М., 1999.

Паулини Э. Краткая грамматика словацкого языка / Пер. со словацкого языка. М., 1982.

Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1970.

Смирнов Л. Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., 1970.

Смирнов Л. Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780–1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Blanár V., Jóna E., Ružička J. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974.

Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Bratislava, 1974.

Doruľa J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977.

Dvonč L. Dynamika slovenskej morfológie. Bratislava, 1984.

Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968.

Horecký J. Morfematická štruktúra slovenčiny. Bratislava, 1964.

Horecký J. Slovenská lexikológia. Tvorenie slov. Bratislava, 1971.

Horecký J., Buzassyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.

Kačala J. Doplnok v slovenčine. Bratislava, 1971.

Kačala J. Sloveso a sémantická štruktúra vety. Bratislava, 1989.

Kočiš F. Zložené súvetie v slovenčine. Bratislava, 1973.

Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1974.

Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. Bratislava, 1974.

Krajčovič R. Pôvod a vývin slovenského jazyka. Bratislava, 1981.

Kráľ Á. Pravidlá slovenskej výslovnosti. 3. vyd. Bratislava, 1996.

Mistrík J. Štylistika slovenského jazyka. 3. vyd. Bratislava, 1997.

Mlacek J. Slovenská frazeológia. 2. vyd. Bratislava, 1984.

Morfológia slovenského jazyka / Ved. red. J. Ružička. Bratislava, 1966.

Ondrejovič S. Medzi slovesom a vetou. Bratislava, 1989.

Ondrus P. Kapitoly zo slovenskej morfológie. Bratislava, 1978.

Oravec J. Väzba slovies v slovenčine. Bratislava, 1967.

Oravec J., Bajzíková E. Súčasný slovenský spisovný jazyk. Syntax. Bratislava, 1982.

Palkovič K. Slovenské nárečia. Banská Bystrica, 1981.

Pauliny E. Slovenská fonológia. Bratislava, 1979.

Pauliny E. Slovenská gramatika. Opis jazykového systému. Bratislava, 1981.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od najstarších čias po súčasnosť. Bratislava, 1983.

Pauliny E., Ružička J., Štolc J. Slovenská gramatika. 5. vyd. Martin, 1968.

Pravidlá slovenského pravopisu. Bratislava, 1991.

Schulcová O. Úvod do fonetiky slovenčiny. Bratislava, 1970.

Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Bratislava, 1980.

Slovenský jazyk / Red. nauk. J. Bosák. Opole, 1998.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1967–1973, t. I–V.

Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.

С л о в а р и

Словацко-русский словарь / Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова, Е. Васильева. М.; Братислава, 1976.

Historický slovník slovenského jazyka. A–P / Ved. red. M. Majtán. Bratislava, 1991–1995, t. I–V.

Krátky slovník slovenského jazyka / Ved. red. J. Kačala. Bratislava, 1987 [2. vyd., 1997].

Mistrík J. Retrogradný slovník slovenčiny. Bratislava, 1976.

Slovník slovenského jazyka / Hl. red. Š. Peciar. Bratislava, 1959–1968, t. I–VI.

Slovník slovenských nárečí. A–K / Ved. red. I. Ripka. Bratislava, 1994, t. I.

Veľký rusko-slovenský slovník. Bratislava, 1960–1970, t. I–V.

Veľký slovensko-ruský slovník. Bratislava, 1979–1995, t. I–VI.

М. И. Ермакова, А. Ю. Недолужко

СЕРБОЛУЖИЦКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Серболужицкий язык (С.я.). Варианты названия: серболужицкий язык (*serbšćina*) или серболужицкие (лужицкие) языки — верхнелужицкий язык (*hornjoserbšćina*, *hornjoserbska rěč*); нижнелужицкий язык (*dolnoserbšćina*, *dolnoserbska rěc*). Эта двойственность связана с существованием точки зрения, согласно кото-

рой можно говорить о двух самостоятельных серболужицких языках: верхнелужицком (в.-луж.) и нижнелужицком (н.-луж.), представляющих близкородственные, но различные этносы. Носителями С.я. являются лужицкие сербы, или серболужичане. Самоназвание в единственном числе мужского рода *Serb*. Иноязычные варианты названия: англ. *Sorbian* (*Upper*, *Lower Sorbian*), *Lusitian*, нем. *Sorbisch* (*Obersorbisch*, *Niedersorbisch*), *Lausitzisch*, ранее также *Wendisch*, фр. *le sorabe*, *le wende*.

1.1.2. С.я. относится к западной группе славянской ветви индоевропейской языковой семьи.

1.1.3. Серболужичане — небольшой славянский остров среди немецкого населения на востоке ФРГ. Область распространения нижнелужицкого языка — окрестности г. Котбус (по-нижнелужицки Хошебуз, по-верхнелужицки Хочебуз) в Нижней Лужице, территория которой входит в состав федеральной земли Бранденбург. Жителей региона, владеющих нижнелужицким языком, насчитывается не более 8 тыс. чел., из них лишь для 3 тыс. чел. (преимущественно старше 70 лет) он является в диалектной форме родным. Верхнелужицкий язык распространен на территории Верхней Лужицы в федеральной земле Саксония, культурный центр г. Бауцен (по-серболужицки Будишин). Численность граждан ФРГ, владеющих верхнелужицким языком, составляет около 55 тыс. чел. (1991), из них около 15 тыс. регулярно им пользуются (1996, данные Summer Institute of Linguistics). Существуют также говоры, переходные между нижнелужицкими и верхнелужицкими. Наибольшая плотность населения, говорящего на С.я., отмечается в некоторых районах Верхней Лужицы, особенно на территории распространения так называемого католического диалекта (см. 1.2.1.).

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. С.я. представлен двумя основными диалектными комплексами: собственно верхнелужицкие и собственно нижнелужицкие диалекты. Отдельно могут рассматриваться переходные говоры. В фонетике последних преобладают верхнелужицкие признаки, в морфологии они ближе к нижнелужицким диалектам.

Верхнелужицкий комплекс включает диалекты (названия диалектов и соответствующих населенных пунктов ниже приводятся в серболужицкой форме, немецкая огласовка при необходимости дается в скобках): будишинский; католический — распространен в католических приходах между Будишином и Каменцем; близкий католическому куловский — распространен в окрестностях Кулова (Виттихенау), пушчанский — диалект деревни Вохозы (Нохтен), для которого, в отличие от остальных, характерно, в частности, ударение на предпоследнем, а не на первом слоге слова.

В составе собственно нижнелужицких диалектов выделяются: северо-восточный — в окрестностях населенного пункта Пицнё (Пейц); северо-западный — в окрестностях населенных пунктов Бурков, Смогорьёв и Прявоз (Бург/Шпреевальд, Шмогоров, Феров); диалект окрестностей Ветошова (Фетшау); хошебузский, включающий центральный, западный, восточный и южный поддиалекты; диалект окрестностей населенного пункта Гродк (Шпремберг) и говор деревни Рогов (Хорно) со специфическими чертами, отличающими его от остальных нижнелужицких диалектов.

Переходный диалектный пояс представлен говорами в окрестностях населенных пунктов Мужаков (Мускау), Слепо (Шлейфе), Блуня (Блуно) и Заброда (За-

бродт), Шпрейцы (Шпреевиц), Войерецы (Хойерсверда), Кошины (Гросскошен), а также Злы Коморов (Зенфтенберг).

Ряд изоглосс, проходящих с севера на юг и пересекающих оба языковых ландшафта, а также зону переходных диалектов, указывает на относительное единство серболужицкой языковой территории.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. С.я. — язык славянского национального меньшинства, проживающего в ФРГ. В Саксонии и Бранденбурге, согласно законам этих земель, С.я. может употребляться наравне с немецким, в том числе в официальных учреждениях. Существует радиовещание на С.я., а в земле Бранденбург с 1992 г. раз в месяц выходит телевизионная программа на нижнелужицком языке. С 2002 г. на частном телеканале Саксонии «МДР» ежемесячно проводятся получасовые передачи на верхнелужицком языке. Государственной периодической печати в Лужице нет. Из частной периодики выпускаются газеты и журналы издательства «Домовина», иногда издаются информационные бюллетени общин.

Для серболужичан характерно состояние полного коллективного двуязычия (С.я. и немецкий язык), переход к которому осуществлялся в течение длительного времени и завершился в первой половине XX в. Массовый билингвизм, немецкое окружение, сохранение компактного серболужицкого населения только на территории распространения католического диалекта и неудобство практического использования С.я. в официальных сферах приводит к его функциональной ограниченности.

1.3.2. Серболужичане пользуются двумя литературными языками: верхнелужицким и нижнелужицким, каждый из которых связан с соответствующей территорией.

В формировании литературного верхнелужицкого языка решающую роль сыграл будишинский диалект, на базе которого в начале XVIII в. был создан протестантский вариант наддиалектной (литературной) нормы. Наряду с протестантским вариантом в формировании литературного верхнелужицкого языка принял участие и католический вариант. В середине XIX в. наметилось сближение протестантского и католического вариантов. Окончательно католический и протестантский варианты слились после Второй мировой войны. Влияние пуристических тенденций нашло выражение в разрыве между кодифицированной нормой и изобилующим германизмами реальным узусом (см. 1.5.0.). С 1960-х гг. о верхнелужицком литературном языке можно говорить как о поливалентной надрегиональной форме языковой коммуникации, употребляемой как в письменной, так и в устной речи.

Основой литературного нижнелужицкого языка явился хошебузский диалект. Неблагоприятная политическая ситуация в различные исторические периоды обусловила менее интенсивное развитие литературного нижнелужицкого языка по сравнению с литературным верхнелужицким языком. На всех уровнях языковой системы, особенно в лексике, проявилось влияние литературного верхнелужицкого языка. В литературном нижнелужицком языке значительно меньше, чем в верхнелужицком, проявлялись пуристические тенденции, в лексике сохраняется много старых немецких заимствований, грамматические нормы отличаются значительной нестабильностью и вариативностью. Сфера применения литера-

турного нижнелужицкого языка очень ограничена. При существующем серболужицком литературно-языковом параллелизме литературный нижнелужицкий язык не обладает той степенью самостоятельности, какая свойственна литературному верхнелужицкому языку. В Нижней Лужице иногда наблюдается феномен отторжения этой формы языка носителями диалектов.

1.3.3. На территории распространения С.я., в землях Саксония и Бранденбург, с 1952 г. действовали школы двух типов: с преподаванием на С.я. (тип А) и с преподаванием С.я. как предмета (тип Б), два лицея, педагогическое училище. После объединения Германии в Саксонии и Бранденбурге была проведена реформа школьного образования: ликвидирована сеть серболужицких средних школ при сохранении лишь некоторых из них. Наряду с этим с 1998 г. на территории обеих Лужиц началось осуществление программы возрождения С.я. (так называемый проект «Witaj», букв. ʽДобро пожаловать!ʼ), которая охватывает воспитание детей начиная с детского сада, школы и, в перспективе, кончая профессиональным или университетским образованием. Цель этой программы — достижение в районах с серболужицким населением двуязычия нового качества.

Центром научного изучения С.я. в ФРГ являются Серболужицкие институты в Будишине и Хошебузе и Институт сорабистики в Лейпцигском университете, в котором осуществляется также подготовка учителей для серболужицких школ.

1.4.0. Серболужицкая письменность возникла в XVI в. В тот период использовались немецкий алфавит и готические начертания букв. С конца XVII в. вплоть до начала XIX в. литературный верхнелужицкий язык имел две графические системы, протестантскую и католическую, близкие соответственно немецкой и чешской. В XIX в. создана единая для католиков и протестантов диакритическая система графики и правописания на основе латинского алфавита. Это так называемое аналогическое правописание строилось по образцу других славянских языков, в первую очередь чешского и польского. В XX в. на эту систему окончательно перешел и литературный нижнелужицкий язык.

Современный верхнелужицкий алфавит включает 34 буквы, из которых восемь с диакритическими знаками. Графемы *č*, *ć* обозначают фонетически мягкий шипящий [č’], соответственно праславянского происхождения и возникший из **ť* (принцип написания этимологический), *ž* и *š* — фонетически мягкие шипящие [ž’], [š’]; графема *ř* выступает только в сочетаниях *př*, *kř*, *tř*, в произношении соответственно [pš’], [kš’] и [c’] или [č’]; графема *ń* используется для обозначения мягкой /n’/; графемы *ě*, *ó* — для обозначения специфических гласных верхнесреднего подъема переднего и непереднего ряда. Две буквы представляют собой лигатуры: *dź* для звонкой шипящей аффрикаты /ǯ/ и *ch* для глухого велярного фрикативного /x/. Графема *ł*, как и *w*, обозначает неслоговую /u̯/. Нижнелужицкий алфавит не имеет графемы *ó* (которая, впрочем, используется в ряде изданий для обозначения варианта /o/, см. 2.1.3.) и графем *ř*, *dź* и включает дополнительно графемы *ŕ*, *ź* и *ś*, обозначающие мягкую дрожащую и мягкие шипящие согласные (тогда как графемы *ž*, *š* обозначают отвердевшие шипящие).

1.5.0. В истории С.я. выделяют дописьменный (древнелужицкий) и письменный периоды. Имеющиеся в распоряжении исследователей данные по истории С.я. дают основания предполагать, что уже на древнелужицкой языковой территории выделялись северная и южная диалектные области: к северу от Лужицкого

леса (на территории исторической Нижней Лужицы) — собственно нижнелужицкая (первоначально диалект племени лужичан), к югу от нее — собственно верхнелужицкая (первоначально диалект мильчан). О диалектной дифференциации С.я. в период до появления письменности (VI–XV вв.) можно судить лишь по некоторым топонимам, патронимам, названиям угодий, урочищ и т. д. в сохранившихся документах, относящихся к этим территориям. Единственными дошедшими до нас записями на С.я. этого периода являются глоссы в Магдебургской Псалтири XII в.

К основным фонетическим изменениям древнелужицких диалектов относятся: 1) метатеза групп типа **TorT*, **TolT* > *TroT*, *TłoT*: в.-луж. *hród* ʽза́мок’, н.-луж. *grod*, *Grodk* (топоним), в.-луж. *błóto* ʽболото’, н.-луж. *błoto*, *Błota* (топоним); 2) переход редуцированного непереднего ряда в сильной позиции в в.-луж. в *o* (*moch* ʽмох’), в н.-луж. в *e* (*mech*); 3) утрата носовых гласных: переход носового непереднего ряда в *u* (ср. написание *Lusici* (название племени) при более древнем *Lunsici*) и носового переднего ряда в в.-луж. *a*/*e* (*pjaty* ʽпятый’, *pjeć* ʽпять’, *dźěćo* ʽребёнок’ < *dźěće*), н.-луж. *ě*/*i* (*pěć*, *źiśe*); 4) изменение **g* в в.-луж. в фрикативный *h* (*hora* ʽгора’) при сохранении взрывного *g* в н.-луж. (*gora*). В XIV–XV вв. произошло смягчение велярных *k*, *g* (в.-луж. *h*), *x* (в.-луж.), после которых в графике теперь употребляется только *i*; в н.-луж. *x* сохранил твердость, ср. в.-луж., н.-луж. *ruki* ʽруки’ (род. п. ед. ч., им. п. мн. ч.); н.-луж. *gibaś* ʽдвигать’, в.-луж. *hibać*; в.-луж. *muchi* ʽмухи’ (род. п. ед. ч., им. п. мн. ч.), но н.-луж. *chytaś* ʽловить’, *duchy* ʽду́хи’ (им. п. мн. ч.).

Из морфологических изменений по отражениям древнелужицких диалектов прослеживаются: перестройка систем склонения и спряжения, развитие формального выражения личности в именительном падеже множественного числа и категории одушевленности/неодушевленности, утрата простых глагольных форм в нижнелужицком языке (в современном литературном языке они были искусственно восстановлены по аналогии с верхнелужицким) и супина в верхнелужицком языке и др.

Памятники серболужицкой письменности XVI в. связаны с периодом Реформации. Первым связным текстом светского характера на С.я. считается присяга горожан Будишина начала XVI в. Первая рукописная книга — перевод Нового Завета на северо-восточный нижнелужицкий диалект, выполненный в 1548 г. М. Якубицей. Серболужицкие памятники XVI в. свидетельствуют о завершении перехода *e* > *o* перед твердыми согласными и (только в верхнелужицком) в конце слова: в.-луж., н.-луж. *žona* ʽженщина’, в.-луж. *zbožo* ʽсчастье’, *polo* ʽполе’; *r’* в сочетаниях *kr’*, *pr’*, *tr’* изменяется через стадию дрожаще-шипящего *ř* в фрикативный *š* (в.-луж.), *ś* (н.-луж.): в.-луж. *křidło* ʽкрыло’, н.-луж. *kśidło*; в.-луж. *třasć* ʽтрясти’, н.-луж. *tśěsć*.

В XVII — начале XVIII в. происходит параллельное развитие верхнелужицкой и нижнелужицкой письменности. Появляются первые верхнелужицкие (1679) и нижнелужицкие (около 1640) грамматики, латинско-серболужицкие словари, новые переводы Евангелия и Библии. В XVIII в. формируются верхнелужицкая протестантская, верхнелужицкая католическая и нижнелужицкая системы орфографии (см. 1.4.0.). Среди фонетических изменений этого периода можно отметить общелужицкий переход *y* > *u* (в.-луж. *wumjo* ʽвымя’, н.-луж. *wumje*; в.-луж.,

н.-луж. *wudra* ʽвыдра’; в.-луж. *wuć* ʽвыть’, н.-луж. *wuś*), развитие билабиального характера твердого *ł* и др. В конце XVII в. верхнелужицкое *a* любого происхождения между мягкими согласными переходит в *e*; в нижнелужицком такого изменения не было: в.-луж. *přećel* ʽдруг’ — н.-луж. *pśijaśel*, в.-луж. *bojeć so* ʽбояться’ — *bojaś se*, в.-луж. *dźeržeć* ʽдержать’ — н.-луж. *žaržaś*.

В 40-е гг. XIX в. в Верхней Лужице начинают активно развиваться пуристические тенденции, которые, хотя и в меньшей степени, сохраняются до сих пор. Кроме «очищения» лексического состава, усилия пуристов были направлены на устранение таких грамматических германизмов, как образование пассива с помощью глагола *wordować* ʽстановиться’ (< нем. *werden*), употребление указательного местоимения *tón* ʽэтот’ для обозначения грамматической категории определенности, образование аналитического будущего времени с глаголами совершенного вида (*budu dobyć* ʽвыиграю’) и употребление местоимения 3-го лица *wón* ʽон’ для обозначения неопределенного субъекта. В результате устранения германизмов литературно-языковые нормы значительно отдалились от диалектов. В Нижней Лужице языковой пуризм не получил такого распространения, как в Верхней, в результате чего в литературном нижнелужицком языке сохранилось большее количество лексических и грамматических германизмов. После Второй мировой войны пуристические тенденции в Лужице вновь усилились, однако проявились в основном в области лексики.

1.6.0. На протяжении всей своей истории С.я. находился в тесном контакте с немецким языком, влияние которого обусловило ряд внутриструктурных изменений на всех языковых уровнях.

К фонетическим изменениям последнего столетия относится прежде всего употребление в верхнелужицком языке увулярного [R] вместо существовавшего ранее апикального [r]. Иногда под влиянием немецкого языка наблюдается аспирированное произношение дентальных и велярных согласных. При взаимной интерференции двух систем могут возникать другие контактные явления (например, в С.я. молодого поколения Саксонии наблюдается утрата оппозиции по звонкости/глухости, что характерно для разговорного немецкого языка на данной территории).

Большое количество контактных черт наблюдается в плане выражения некоторых семантических категорий, в функционировании тех или иных грамматических форм и синтаксических конструкций, в области словообразования, лексики и фразеологии. К морфологическим германизмам как литературного верхнелужицкого, так и литературного нижнелужицкого языков относятся: отсутствие беспредложного творительного падежа, в том числе в предикативном употреблении (в.-луж. *budźe z wučerjom* ʽон будет учителем’); образование форм страдательного причастия прошедшего времени от непереходных глаголов (в.-луж. *padnjeny* от *padnyć* ʽупасть’, *zemrěty* от *zemrěć* ʽумереть’); распространение квазиперфектных конструкций с глаголом *měć* ʽиметь’ (н.-луж. *měś*) типа в.-луж. *Jan ma polo zworane* ʽЯн вспахал поле/У Яна вспахано поле’; регулярное образование косвенного пассива с глаголом в.-луж. *dóstać* ʽполучить’ (в разговорном языке *krydnyć* < нем. *kriegen*), н.-луж. *krydnuś* (в.-луж. *Nichtó njeje pomhane dóstał* ʽНикому не помогли’) и каузатива с глаголом *dać* ʽдать’ по аналогии с нем. *lassen*: в.-луж. *Jurij je šklenču padnyć dał* ʽЮрий уронил стакан’ (букв. ʽЮрий

стакану упасть дал'); последовательное различение в пассиве значений действия и состояния; образование практически от всех глаголов отглагольных существительных на *-će*, *-nje* и употребление их в конструкциях типа в.-луж. *něšto je k widźenju* < нем. *etwas ist zu sehen* 'что-то можно увидеть'; частотное употребление указательного местоимения *tón* 'этот' (н.-луж. *ten*) для выражения определенности имени (аналогично немецкому определенному артиклю); развитие некоторых предложно-падежных конструкций (в.-луж. *so wjeselić na* + вин. п. 'с нетерпением ждать' < нем. *sich freuen auf* + вин. п.; *so zajmować za* + вин. п. 'интересоваться' < нем. *sich interessieren für* + вин. п. и др.). В нижнелужицком и в разговорном верхнелужицком языках пассивный залог образуется с помощью глагола н.-луж. *wordowaś*, в.-луж. *wordować* < нем. *werden*. Некоторые лингвисты считают германизмом также образование в разговорном языке аналитического будущего времени от глаголов совершенного вида (в.-луж. *budu zabyć* 'забуду').

В словообразовании контактные явления обнаруживаются в сфере глагольной префиксации (в.-луж. *wob-stać* 'выдержать', ср. нем. *be-stehen*; в.-луж. *wob-dźěłać* 'обработать', ср. нем. *be-arbeiten*; в.-луж. *wob-dźiwać* 'восхищаться', ср. нем. *be-wundern*; в.-луж. *samo-zwuk* 'гласный звук', н.-луж. *samo-zuk*, ср. нем. *Selbstlaut*). Особенностью С.я. является наличие отделяемых адвербиальных префиксов, причем как полностью заимствованных (в.-луж. *durich hladać* 'просматривать', 3 л. ед. ч. наст. вр. *hlada durich*, ср. нем. *durchsehen*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *sieht durch*), так и калькированных с немецкого (в.-луж. *horjećahnyć*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *ćehnje horje* 'поднимать', ср. нем. *aufziehen*; 3 л. ед. ч. наст. вр. *zieht auf*; *sobuhić* 'идти вместе', ср. нем. *mitgehen*). Из синтаксических явлений характерно наличие в С.я. так называемой рамочной конструкции (см. 2.5.3.), хотя и не вполне регулярной: *Jurij je wčera wječor wo swojim dowolu w Italskej powědał*, букв. 'Юрий вчера вечером о своем отпуске в Италии рассказывал', ср. нем. *Jurij hat gestern abend von seinem Urlaub in Italien erzählt*.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

Далее описывается прежде всего система литературного верхнелужицкого языка (с учетом разговорных и диалектных вариантов). При необходимости даются также комментарии, касающиеся нижнелужицкой системы.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Гласные

Подъем	Ряд		
	Нелабиализованные		Лабиализованные
	Передний	Средний	Задний
Верхний	i		u
Верхне-средний	ě		ó
Средний	e		o
Нижний		a	

Примечание: В нижнелужицком языке фонема /ó/ отсутствует.

Согласные

По способу образования			По месту образования							
			Лабиальные		Дентально-альвеолярные		Средне-небные	Веляр-ные	Увулярные и ларингальные	
			Тв.	Мяг.	Тв.	Мяг.			Тв.	Мяг.
Шумные	Взрывные	Гл.	p	p’	t			k		
		Зв.	b	b’	d			g		
	Аффрикаты	Гл.			c		č			
		Зв.			(ʒ)		ǯ’			
	Спиранты	Гл.	f		s		š	x	h	
		Зв.	v		z		ž			
Сонорные	Носовые		m	m’	n	n’				
	Боковые				l					
	Дрожащие								R	R’
Скользящие			u̯	u̯’			j			

Фонемы /f/, /v/ встречаются только в заимствованных словах: *geofyzika* ‘геофизика’, *voltmeter* ‘вольтметр’. В верхнелужицком /ʒ/ — факультативная фонема, на месте которой в современном литературном языке чаще употребляется /z/. В нижнелужицком различаются твердые и мягкие /č/, /ǯ/, /š/, /ž/ и /č’/, /ǯ’/, /š’/, /ž’/, а также существуют твердая и мягкая дентально-альвеолярные сонорные /r/, /r’/ (под влиянием немецкого языка возникла также увулярная /R/, мягкое соответствие которой практически не реализуется).

2.1.2. В литературных верхнелужицком и нижнелужицком языках и в большинстве верхнелужицких диалектов существует постоянное динамическое ударение, закрепленное за первым слогом тактовой группы: ˈ*město* ‘город’, ˈ*do města* ‘в город’, ˈ*na wiki* ‘на рынок’, ˈ*ke mni* ‘ко мне’. Предлоги, оканчивающиеся на согласный, расширяются гласным *-e-*, если за ними следует слово, начинающееся с близкого по звучанию согласного или нескольких согласных, и перетягивают на себя ударение: ˈ*ze šule* ‘из школы’, ˈ*we wodźe* ‘в воде’, ˈ*we jstwě* ‘в комнате’, ˈ*we mni* ‘во мне’ и др. Односложные или расширенные гласным *-e-* предлоги регулярно перетягивают на себя ударение с односложных слов *stwa* ‘комната’, *wjes* ‘деревня’, *mša* ‘месса’, *ja* ‘я’, *wšón* ‘весь’, *što* ‘что’: ˈ*do wsy* ‘в деревню’, ˈ*wote mnje* ‘от меня’. В остальных сочетаниях с односложными предлогами акцентируется либо предлог, либо следующее за ним слово: ˈ*wot njeho* или *wot* ˈ*njeho* ‘от него’. В сочетаниях с многосложными предлогами ударение падает на каждый элемент отдельно: ˈ*přećiwo* ˈ*wójnje* ‘против войны’. Исключение составляют заимствования, в которых сохраняется ударение языка-источника (ср. *teo*ˈ*rija* ‘теория’, *ad*ˈ*resa* ‘адрес’) или переходит на третий от конца слог (*agi*ˈ*tacija* ‘агитация’). Об односложных и многосложных предлогах см. также 2.3.7. В некоторых нижнелужицких диалектах и в верхнелужицком диалекте деревни Вохозы ударение может падать на предпоследний слог (*če*ˈ*lata* ‘телята’).

В тактовых группах, содержащих не менее трех слогов, наряду с главным, факультативно реализуется также слабое второстепенное ударение, которое, как правило, падает на предпоследний слог: ˈ*domo*ˌ*wina* ‘родина’.

2.1.3. В С.я. различную позиционную реализацию обнаруживают следующие г л а с н ы е фонемы:

— /e/ имеет два варианта: в верхнелужицком под ударением перед мягкими согласными и в нижнелужицком перед /j/ представляет собой закрытый узкий [e], после которого в верхнелужицком в некоторых случаях появляется [j], ср. в.-луж. *zemja* [zejmja] ʽземля’, *knježić* [knejžič’] ʽгосподствовать’, н.-луж. *sejźeś* ʽсидеть’; в нижнелужицком между мягкими согласными /e/ реализуется как закрытый [e]: *jeleń* ʽолень’; в остальных позициях /e/ является широким и открытым (в.-луж. *derje* ʽхорошо’, *wjedro* ʽпогода’);

— /ě/ реализуется: в ударной позиции как звук, средний между [e] и [i]: в.-луж. *ćěkać* [č’ěkač’] ʽбежать’, н.-луж. *źěłaś* ʽработать’; как узкий [e] перед /j/: в.-луж. *měć* [m’ěč’] ʽиметь’, но повелительное наклонение *měj* [m’ej] ʽимей’; как дифтонг при медленном темпе речи: в.-луж. *bě* [bi̯e] ʽбыл, -а, -о’, *ně* [ni̯e] ʽнет’ и в нижнелужицком после односложных предлогов в безударном слоге в сочетаниях типа *we jśpě* ['u̯ei̯š’pi̯e] ʽв комнате’; в верхнелужицком иногда как [y]: *rěbl* [rybl] ʽлестница’, *rěč* [ryč’] ʽязык’; как более широкий гласный в безударном положении: в.-луж. *wuběrk* [wub'erk] ʽкомитет’;

— /i/ реализуется: как передний [i] после мягких и велярных согласных (в.-луж. /k/, /g/, /x/; н.-луж. /k/, /g/); как средний [y] после твердых согласных, в нижнелужицком и после велярного /x/;

— /o/ в нижнелужицком произносится: после твердых лабиальных /b/, /p/, /m/, /u̯/ и велярных /g/, /k/, /x/ в ударном слоге, если за ним не следует лабиальный или велярный различно по диалектам: как открытое [e] в центральных и как [y] в северо-восточных: *polo* [pylo] ʽполе’, *gora* [gyra] ʽгора’; в остальных случаях как [o]: '*na poli* ['napoli] ʽв поле’;

— /ó/ в верхнелужицком в ударной позиции в закрытом слоге реализуется как звук, средний между [o] и [u]: *bóh* [bó] ʽБог’, *nós* [nós] ʽнос’; в безударном слоге — как [o]: '*njemóžu* ['n’emožu] ʽне могу’.

Особенности позиционной реализации с о г л а с н ы х фонем:

— звонкие шумные согласные оглушаются на конце и в середине слова перед глухими согласными: в.-луж. *dub* [dup] ʽдуб’, *susodka* [susotka] ʽсоседка’, н.-луж. *sněg* [sněk] ʽснег’;

— перед звонкими шумными согласными внутри слова могут находиться только звонкие шумные согласные: в.-луж. *ličba* [liǯba] ʽчисло’, н.-луж. *licba* [liʒba];

— во внешнем сандхи глухость шумного согласного сохраняется (н.-луж. *koš jaj* [koš jai̯] ʽкорзина яиц’), а звонкость шумного согласного исчезает (в.-луж. *had lěze* [hat lěze] ʽзмея ползет’);

— /x/ реализуется в литературных верхнелужицком и нижнелужицком языках как так называемый *ach*-лаут внутри слова, между гласными непереднего ряда и в конце слова после этих гласных: в.-луж. *bachtać* ['baxtač’] ʽкрякать’, *brjuch* [bR’ux] ʽживот’, *duch* [dux] ʽдух’, *dychać* ['dyxač’] ʽдышать’, *proch* ['prox] ʽпыль’, н.-луж. *spěwach* [sp’ěu̯ax] ʽя пел’; аналогичная реализация этой фонемы наблюдается в литературном нижнелужицком в начале слова и после /ě/: *chto* [xto] ʽкто’, *chromy* [xromy] ʽхромой’, *wuspěch* [u̯usp’ěx] ʽуспех’; в верхнелужицком /x/ в начале морфемы реализуется как [k^h]: *chlěb* [k^hl’ěp] ʽхлеб’; как *ich*-лаут [x’]: в верхнелужицком после /i/ и частично после /e/, /ě/, а в нижнелужицком после /e/, /i/:

в.-луж. *mnich* [mnix’] ‘монах’, н.-луж. *mech* [mex’] ‘мешок’, *wichor* [u̯’ix’or] ‘шторм’, *pśichod* [pš’ix’ot] ‘будущее’;

— /h/ в верхнелужицком реализуется как слабо аспирированный звук только в начале слова перед гласными; в нижнелужицком [h] встречается только в начале слова и не произносится при быстром темпе речи;

— верхнелужицкие /z/, /s/ имеют также мягкие варианты, которые чаще выступают в иностранных словах: *telewizija* ‘телевизор’, *epilepsija* ‘эпилепсия’. Мягкие сибилянты в верхнелужицком (*zjawny* [z’au̯ny] ‘общественный’, *zjewić* [z’eu̯’ič’] ‘обнаружить’, *zhibować* [z’ibou̯ač’] ‘сгибать’, *swjatk* [s’atk] ‘праздник’, *swjaty* [s’aty] ‘святой’) оцениваются по-разному, в частности, и как двухфонемные сочетания /zj/, /sj/, а [z’] — как позиционный вариант /z/;

— мягкий [c] в верхнелужицком является результатом ассимиляции сочетаний /t/ + /š/, /t/ + /č/, /d/ + /š/ и /d/ + /č/: *třo* [c’o] ‘трое’, *tčeć* [c’eč’] ‘торчать’, в.-луж. диал. *młódši* [mu̯óc’i], сравнительная степень от *młody* ‘молодой’, *swědčić* [su̯’ěc’ič’] ‘свидетельствовать’;

— /n/ перед заднеязычными согласными представлена позиционным вариантом [ŋ]: *klanka* [klaŋka] ‘кукла’.

2.1.4. Типичные структуры слога: CV, CVC (где С — согласный/группа согласных). Носителем слога обычно является гласный, в некоторых случаях — сонорный *l*. Примеры: в.-луж. *ro-la* ‘поле’, *mě-ra* ‘мера’, *pos* ‘собака’, *kós* ‘дрозд’, *kor-bik* ‘корзинка’, *wrobl* [ro-bl] ‘воробей’; н.-луж. *cło* ‘пошлина’, *pło-mje* ‘огонь’. Слоги в исконных лексемах С.я. не начинаются с гласной, исключения редки. В заимствованиях слоговая структура языка-источника не меняется: *absurdny* ‘абсурдный’, *emigrant* ‘эмигрант’, *unija* ‘союз’, ‘уния’. При сочетании согласных фонем внутри слога (как и на границе слогов и слов) действуют процессы ассимиляции (см. 2.2.1.).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Фонологическая структура морфем С.я. определяется закономерностями строения слога (см. 2.1.4.), фонологическими и морфонологическими чередованиями. Корневые морфемы, как правило, имеют структуру CVC (где С — согласный/группа согласных); слоговая структура аффиксов определяется их позицией в словоформе: префиксы — C(V)(C), суффиксы — произвольная структура.

В современном С.я. действуют многочисленные обслуживающие грамматику морфонологические чередования. Среди словообразовательных изменений можно выделить чередование заднеязычных согласных со средненебными перед уменьшительными суффиксами *-k*, *-ic*: в.-луж. *mucha* ‘муха’ — *muška* ‘мушка’, *noha* ‘нога’ — *nožicy* ‘ножницы’, смягчение согласных перед суффиксом *-an* (*horjan* ‘горец’) и др. К словоизменительным аффиксам, оказывающим различное влияние на фонологическую структуру основы, относятся: окончание именительного падежа множественного числа лично-мужской формы существительных и прилагательных (*knjez* ‘господин’ — *knježa* ‘господа’), окончание *-e* в дательном и местном падеже единственного числа (*skora* ‘кора’ — *skorje* ‘коре’, *błóto* ‘болото’ — *w błóće* ‘в болоте’), тематический гласный *-e-* в спряжении глаголов в настоящем времени и т. д.

Современный С.я. допускает на стыке слогов (морфем) сочетания нескольких одинаковых или близких согласных лишь ограниченно, в результате чего проис-

ходит либо ассимиляция по месту и способу образования (/tst/ > [ct]: в.-луж. *bohatstwo* [bohactu̯o] ʻбогатство’, /zs/ > [s], /tc/, /dc/ и /č’c/, /ǯ’c/ в конце основы слова > [cc]: в.-луж. *klětce* [kl’ecce] ʻклетке’), либо стяжение двух согласных в один (/dd/ > [d]: *poddany* [podany] ʻподданный’, /zš/ > [š’]: в.-луж. *rozšěrić* [roš’ěrič’] ʻрасширить’, /zž/ > [ž’], /sš’/ > [s], /žs/ > [s], /ž’š’/ > [š’] и др.).

2.2.2. Фонологическая противопоставленность остальным лексико-грамматическим категориям в С.я. прослеживается у некоторых междометий (*aw* ʻай’, *ow* ʻой’, *ach* ʻах’ и др.), звукоподражательных слов, содержащих фонемы, редкие либо вообще невозможные в других словах иногда в необычных для них сочетаниях (*pst* ʻтсс’, *brr* ʻбрр’ и др.), и у некоторых союзов, которые, вопреки действующему в С.я. правилу, начинаются с гласной (*a* ʻи’, *ale* ʻно’, *ani* ʻни’, *abo* ʻили’).

2.2.3. Существенную роль в словообразовании и словоизменении С.я. играют чередования гласных и согласных. Чередования участвуют в оформлении противопоставления падежных форм субстантивной парадигмы и личных форм глагольной, в выражении видовых оппозиций и временны́х форм глагола, форм степеней сравнения прилагательных и наречий.

В о к а л и ч е с к и е чередования малопродуктивны. Наиболее распространенными чередованиями гласных внутри основы в верхнелужицком языке являются:

1) переход /a/ > /e/ между мягкими согласными. Наблюдается как в составе основы (*rjad* ʻряд’ — местн. п. ед. ч. *rjedźe*, *ćahnyć* ʻтянуть’ — 3 л. ед. ч. наст. вр. *ćehnje*), так и во флексиях (*-aj* — при исходе основы на твердый, *-ej* — на мягкий согласный: ср. им. п. дв. ч. *dubaj* ʻдва дуба’, но *mužej* ʻдвое мужчин’). Правило содержит ряд исключений, ср. *jama* ʻяма’ — но местн. п. ед. ч. *jamje* и др.;

2) чередование /o/ ~ /ó/, исторически связанное с заместительным продлением гласного *o*, на синхронном уровне соотносится с характером слога (см. 2.2.1): *lód* ʻлёд’ — *lodu* ʻльда’; *hora* ʻгора’ — род. п. мн. ч. *do hór*;

3) /e/ ~ /ě/ наблюдается в косвенных падежах в словах *měd* ʻмёд’ — род. п. ед. ч *mjeda* и *pěc* ʻпечь’ — род. п. ед. ч. (и др. формы) *pjecy*;

4) специфической особенностью именной морфонологии С.я. является утрата продуктивности аффиксов с так называемой беглой гласной, которая характерна для других славянских языков: чередование /o/, /e/ ~ ∅ является непродуктивным в словах *kozoł* ʻкозёл’ — род. п. ед. ч. *kozoła*/*kózła*, *woheń* ʻогонь’ — род. п. ед. ч. *wohenja*/*wohnja*, *dźeń* ʻдень’ — *dnja* ʻдня’, *wjes* ʻдеревня’ — род. п. ед. ч. *wsy* и некоторых других. Это чередование представлено и в нижнелужицком, где также является непродуктивным: *kozoł* — *kozła*/*kozoła*, но *wogeń* — *wognja*, *wosoł* ʻосёл’ — *wosła*. В остальном сегменты с бывшими беглыми /o/, /e/ либо окончательно их утратили (*ptak* ʻптица’ — *ptačk* ʻптичка’, род. п. ед. ч. *ptačka*), либо сохраняют во всей парадигме (*Pawoł* ‘Павел’, *Pawoła* ‘Павла’). Некоторые слова сохранили оба варианта с семантической дифференциацией (*swjatk* ʻпраздник’, *swjatok* ʻконец рабочего дня’).

Чередования с о г л а с н ы х в исходе именной основы в С.я.:

Верхнелужицкий	Нижнелужицкий
blido ʻстол’ — *na blidźe* ʻна столе’	*blido* ʻстол’ — *na bliźe* ʻна столе’
lěto ʻгод’ — *w lěće* ʻв году’	*lěto* ʻгод’ — *w lěśe* ʻв году’
dźěło ʻработа’ — *na dźěle* ʻна работе’	*źěło* ʻработа’ — *na źěle* ʻна работе’

Верхнелужицкий	Нижнелужицкий
brjóh ʽберег' — *na brjoze* ʽна берегу'	*brjog* ʽберег' — *na brjoze* ʽна берегу'
próch ʽпыль' — *w proše* ʽв пыли'	*proch* ʽпыль' — *w proše* ʽв пыли'
mlóko ʽмолоко' — *w mloce* ʽв молоке'	*mloko* ʽмолоко' — *w mloce* ʽв молоке'

Кроме того, в С.я. происходят чередования: /k/ ~ /č/ (в.-луж. *pjec* ʽпечь' — *pjeku* ʽпеку' — *pječeš* ʽпечёшь'; *člowjek* ʽчеловек' — зват. форма *člowječe*), /c/ ~ /č/ (*hólc* ʽмальчик' — зват. форма *hólče*), /z/ ~ /ž/ (*wozyć* ʽвозить' — *wožu* ʽвожу'), /h/ ~ /ž/ (*móžu* ʽмогу' — *móhł* ʽмог').

В определенных грамматических позициях и перед фонемами /i/, /ě/ происходят чередования парных твердых согласных с соответствующими мягкими /b/ ~ /b'/ (в.-луж. *huba* ʽрот' — дат. п. ед. ч. *hubje*, н.-луж. *klěb* ʽхлеб' — местн. п. ед. ч. *klěbje*), /p/ ~ /p'/ (*lipa* ʽлипа' — дат. п. ед. ч. *lipje*, *kupa* ʽостров' — местн. п. ед. ч. *kupje*), /m/ ~ /m'/ (*mama* ʽмама' — дат. п. ед. ч. *mamje*), /u̯/ ~ /u̯'/ (*row* ʽмогила' — местн. п. ед. ч. *rowje*), /n/ ~ /n'/ (*nan* ʽотец' — местн. п. ед. ч. *nanje*), /R/ ~ /R'/ (в.-луж. *hara* ʽшум' — местн. п. ед. ч. *harje*).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По своему морфологическому типу С.я. является флективно-синтетическим языком с элементами аналитизма в спряжении глагола (формы прошедшего и будущего времени, прямого и косвенного пассива, частично сослагательного наклонения).

2.3.1. Традиционной для серболужицкой грамматики является классификация частей речи с учетом семантического, морфологического и синтаксического критериев, в рамках которой выделяются глагол, существительное, прилагательное, числительное, наречие, местоимение, союз, предлог, частица и междометие. В новейшей верхнелужицкой грамматике (1980) как отдельные части речи рассматриваются также посессивы типа *nanowy* ʽотцов(ский)', *maćerny* ʽматерин(ский)' и модальные слова *zawěsće* ʽнаверняка', *wězo* ʽконечно' и т. п. (см. 2.3.7.).

2.3.2. В литературных верхнелужицком и нижнелужицком языках находят выражение грамматические категории рода, числа, падежа, одушевленности, а в верхнелужицком также категория личности. Категории рода, одушевленности и личности (последние в пределах мужского рода) у существительных являются классифицирующими. У прилагательных и других согласующихся с существительными слов эти категории являются словоизменительными.

Категория р о д а (мужской, женский, средний) у существительных выражается морфологически — наборами окончаний с типичными для разных родовых парадигм показателями в единственном и двойственном числе (см. 2.4.0.) и синтаксически — формами согласуемых с ними слов: в.-луж. м. р. *dobry člowjek* ʽхороший человек' — ж. р. *dobra žona* ʽхорошая женщина' — ср. р. *dobre dźěćo* ʽхороший ребёнок', *dobraj člowjekaj* ʽдва хороших человека', *dobrej žonje* ʽдве хорошие женщины'. У некоторых имен мужского рода наблюдаются расхождения между морфологической и определяющей в таких случаях синтаксической характеристикой (названия лиц мужского пола на *-a*: *nawoženja* ʽжених', *ćěsla* ʽплотник'). У несклоняемых и заимствованных слов род определяется синтагматически (*čerwjeny Škoda* ʽкрасная «шкода»', *smjerdźata Casino* ʽдурно пахнущее казино'). На принадлежность имени к тому или иному роду могут указывать не-

которые продуктивные словообразовательные суффиксы; для мужского рода: в.-луж. *-ar*/*-er*, *-ač*, *-ak*, *-an*, *-'enc*, *-cel*, *-cer*, *-c*, *-ck*, *-ik*, *-nik*, *-čk*, *-owe*, *-uch*/*-och*, *-ot*, *-ušk*, *-ešk*; для женского рода: *-(i)ca*, *-(a)wa*, *-i(z)na*, *-osć*, *-ota*, *-(o)ba*, *-nja*, *-ka*; для среднего рода: *-'e*, *-stwo*, *-(d)ło*, *-ko*, *-(i)wo*, *-išćo*.

Одушевленность выражается у существительных мужского рода, причем в верхнелужицком языке только в единственном числе. Морфологическим признаком этой категории является совпадение формы винительного падежа с формой родительного, а не именительного падежа (кроме существительных типа *ćěsla* 'плотник', которые изменяются частично по женскому типу): в.-луж. *widźu lawa* 'вижу льва', но *widźu dom* 'вижу дом'. У слов, согласующихся с одушевленными существительными, этот признак проявляется и синтаксически: *Widźu wulkeho lawa* 'Вижу большого льва'. Некоторые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, а также существительные, основной денотат которых одушевленный, имеют морфологический признак одушевленности, соответственно: *Sym prawaka namakał* 'Я нашёл белый гриб' и *zmija pušćić* 'запустить бумажного змея'.

Категория личности выражается только в верхнелужицком языке и реализуется в рамках мужского рода в двойственном и множественном числе, где у лично-мужских существительных форма винительного падежа также совпадает с формой родительного: *Mam dweju bratrow*/*třoch bratrow* 'У меня есть два брата/три брата'. В именительном падеже множественного числа употребляются особые окончания: *nan* 'отец' — мн. ч. *nanojo*, *přećel* 'друг' — мн. ч. *přećeljo*, *wojak* 'солдат' — мн. ч. *wojacy*, *bur* 'крестьянин' — мн. ч. *burja*. Среди словоизменительных особенностей слов, согласуемых с лично-мужскими существительными, можно отметить употребление числительных, оканчивающихся на *-o* (*třo šulerjo* 'трое школьников') и окончание *-i* в перфекте (*mužojo su pisali* 'мужчины писали' при возможной, хотя устаревшей форме *žony su pisałe* 'женщины писали').

2.3.3. Категория числа у существительных, прилагательных и других согласуемых с существительными слов, у местоимений и личных форм глагола является словоизменительной и выражается парадигматически, противопоставлением наборов падежных или личных окончаний единственного, двойственного и множественного числа (см. 2.4.0.).

Из существительных в числовых противопоставлениях не участвуют имена singularia tantum (в.-луж. *hroch* 'горох', н.-луж. *groch*, в.-луж. *pěsk* 'песок', н.-луж. *pěsk*, в.-луж. *hordosć* 'гордость', н.-луж. *gjardosć*) и pluralia tantum (в.-луж. *cholowy* 'брюки', *durje* 'дверь'). У счетных pluralia tantum количественные отношения сигнализируются числительными и местоимениями: в.-луж. *jedne cholowy* 'одна пара брюк', *dwoje durje* 'две двери', *wjele hrabjow* 'много грабель'. У несклоняемых заимствованных существительных числовые оппозиции, а также род и одушевленность выражаются исключительно синтаксически.

Числовая форма других частей речи, имеющих данную категорию, может либо мотивироваться числом существительного (грамматическое согласование): в.-луж. *Piln-y hólc derje wukn-je* 'Прилежный мальчик хорошо учится', либо непосредственно соотноситься с действительностью (логическое согласование): *Jakub a Michał staj bratraj* 'Якуб и Михал — братья'. За исключением инфинитива и деепричастия, категория числа выражается во всех формах глагола. У лич-

ных местоимений 1-го и 2-го лица *ja* 'я' — *my* 'мы', *ty* 'ты' — *wy* 'вы' категория числа является классификационной.

2.3.4. У имен и местоимений выделяется шесть п а д е ж е й: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный; кроме того, в верхнелужицком существительные мужского рода, а также женского рода *mać* 'мать' в единственном числе имеют особую звательную форму, которая также считается падежной.

Именительный падеж выступает: 1) в позиции субъекта: *Kluč tči w durjach* 'Ключ торчит в двери'; 2) в позиции именной части сказуемого: *Farar bě pedagog a tež dobry psycholog* 'Священник был педагогом и хорошим психологом', *Wona je kucharka wuknyła* 'Она училась на повара'; 3) в аппозиции: *Erich*, *tón dźěłaćer*, *jim něšto powědaše* 'Эрих, рабочий, им что-то рассказывал'. Из логико-семантических ролей важнейшей для именительного падежа является выражение агенса в активном залоге (*Jan wuknje* 'Ян учится') и пациенса в пассивном залоге (*Kóń bu bity* 'Лошадь (по)били'). Может выступать также в роли адресата в косвенном пассиве (*Hilža dósta šat šity* 'Хильже сшили платье') и каузатора в косвенном активе (*Mać da Hilži nowy šat zešić* 'Мать заказала сшить новое платье для Хильжи').

Родительный падеж в атрибутивных синтагмах употребляется для обозначения следующих логико-семантических отношений: 1) агенс: *směch přihladowarjow* 'смех зрителей'; 2) пациенс: *twar mosta* 'постройка моста'; 3) посессор: *dźowka molerja* 'дочь художника'; 4) отношение целого к части: *durje małeje stwički* 'дверь маленькой комнатки'; 5) метафора: *płomjo lubosće* 'огонь любви'; 6) признак по отношению к носителю признака: *čłowjek kruteho charaktera* 'человек крутого нрава'; 7) атрибут места и времени: *puć do Budyšina* 'дорога в Будишин', *baseń z lěta 1906* 'стихотворение 1906 года'. Родительный отрицания, не будучи обязательным, иногда встречается с отрицательной частицей: н. -луж. *My njamamy ženogo klěba wěcej* 'У нас больше нет хлеба', в.-луж. *Ani zornjatka njeje tym kokošam dała* 'Она курам ни зёрнышка не дала'.

Основной функцией дательного падежа является выражение адресата: *Pisam nanej* 'Я пишу отцу'. В зависимости от контекста в дательном падеже могут употребляться также названия других участников действия: *Mi so tu hubjenje sedźi* 'Мне здесь неудобно сидеть', *Piwu wokisnyć dać je škoda* 'Жалко дать пиву прокиснуть', *To je Janej předrohe* 'Для Яна это слишком дорого'. Употребляется при сравнении (наряду с конструкцией «*na* + винительный падеж»): *Jurij je nanej podobny* / *Jurij je na nana podobny* 'Юрий похож на отца'. Беспредложный дательный падеж используется для выражения обстоятельства места: *Bližachmy so městu* 'Мы приближались к городу'. Существительные в дательном падеже часто употребляются с предлогом *k* в позиции объекта (*modlić so k Bohu* 'молиться Богу') и именной части сказуемого (*něšto je k widźenju* 'что-то можно увидеть'). Обстоятельство, выраженное существительным в дательном падеже с предлогом *k*, может иметь пространственное значение, указывая направление, цель или конечный пункт движения: *Michał je k susodźicom šoł* 'Михал пошел к соседям', *Hólc hladaše k lěsej* 'Мальчик смотрел в сторону леса', а также обозначать цель и время действия: *K wobjedu dźěchu do hosćenca* 'Обедать они пошли в ресторан', *K jutram chce mje lěkar do chorownje pósłać* 'На Пасху доктор собирается отправить меня в больницу'. Приименной дательный падеж употребляется с

именами действия для обозначения актантов соответствующих пропозиций: *signal k bitwje* ʻсигнал к боюʼ.

Винительный падеж противопоставляется прежде всего именительному как падеж прямого объекта: *Jan čita knihu*/*Jan knihu čita* ʻЯн читает книгуʼ. Кроме того, существительное в винительном падеже может выступать в логико-семантической роли адресата (наравне с дательным падежом): *Jurij pisa na nana list* ʻЮрий пишет письмо отцуʼ, *Dach Jurija k sebi přińć* ʻЯ велел Юрию прийти ко мнеʼ. Употребляется также в роли обстоятельства времени и места: *Cyłu nóc njejsym wusnyć móhł* ʻЯ всю ночь не мог заснутьʼ, *Pjatk přińdu* ʻЯ приду в пятницуʼ, *Na durje smy napisali*, *zo tu bydla Słowjenjo* ʻМы написали на двери, что тут живут славянеʼ.

Творительный падеж в С.я. употребляется всегда с предлогом. В творительном падеже выступают в первую очередь существительные, обозначающие средство или инструмент, с помощью которого осуществляется действие: *Móžeš z ćahom abo z awtom jěć* ʻМожешь поехать на поезде или на машинеʼ. Как факультативный актант предложные конструкции с творительным падежом употребляются со значительным числом глаголов. Творительный с предлогом *z* маркирует обязательные актанты у возвратных глаголов (*woženić so z dźowku bura* ʻжениться на дочери крестьянинаʼ) и значение совместности (*Nan wosta z maćerju doma* ʻОтец с матерью остались домаʼ). Употребляется также как обстоятельство места и времени: *z woknom hladać* ʻсмотреть в окноʼ, *čakać před durjemi* ʻждать перед дверьюʼ, *před tydźenjom* ʻнеделю назадʼ; в именной части составного глагольного сказуемого при обозначении профессии или принадлежности к классу: *Bě w Budyšinje z wučerjom* ʻОн был учителем в Будишинеʼ.

В литературном С.я. местный падеж так же, как творительный, употребляется только в конструкции с предлогом (*w* ʻвʼ, *na* ʻнаʼ, *po* ʻпоʼ и др.). В устной речи предлог *w* часто не произносится, что служит причиной дискуссий о наличии в С.я. беспредложного локатива. Типичным для конструкций с местным падежом является выражение обстоятельств места и времени: *w awće* ʻв машинеʼ, *w přichodźe* ʻв будущемʼ. Существительное в местном падеже с предлогом *po* может иметь дистрибутивное значение: *Třikróć běše po štyrjoch tydźenjach w jastwje sedźał* ʻОн трижды сидел в тюрьме по четыре неделиʼ. Местный падеж является основным средством маркирования предмета обсуждения (*powědać wo literaturje* ʻбеседовать о литературеʼ), в некоторых контекстах используется дательный падеж (*Što k tomu měniš?* ʻЧто ты об этом думаешь?ʼ), в разговорной речи под влиянием немецкой модели с предлогом *von* в этой позиции иногда встречается также родительный падеж (*Rěčeše so wot wjedra* ʻГоворили о погодеʼ).

Специальных исследований употребления падежных форм в нижнелужицком языке нет.

2.3.5. Для глагола характерны следующие классификационные категории: вид, способ глагольного действия, переходность/непереходность. Словоизменительные грамматические глагольные категории: залог и — в системе личных форм глагола — наклонение, время, лицо и число. Причастия обладают также именными категориями.

В серболужицкой грамматической традиции рассматривается шесть значений категории з а л о г а, выражающих отношение между членом предложения

(субъект, объект, косвенное дополнение) и логико-семантической ролью участника ситуации (агенс, пациенс, адресат и каузатор: активный залог (*Jan pisa nastawk* ʽЯн пишет статью'), рефлексив с возвратным компонентом *so* (*Šaty so płokaja* ʽПлатье стирается'), пассивный залог — конструкции с особыми формами глагола *być* ʽбыть' (ед. ч. 1 л. *buch*, 2л., 3 л. *bu* и т. д.) (*Hólc bu wot nana bity* ʽМальчик был отшлёпан отцом'), а также косвенный актив (*Mać da sotře nowy šat zešić* ʽМать отдала сшить сестре новое платье'), косвенный рефлексив (*Jan njeje so naręčeć dał* ʽЯн не позволил себя уговорить') и косвенный пассив (*Hilža je nowu suknju wot maćerje darjenu dóstała* ʽГильжа получила в подарок от матери новую юбку').

Для выражения пассивного залога в С.я. сосуществуют различные, частично синонимичные, средства. В литературном языке используется конструкция «*buch* + страдательное причастие», которая употребляется только в прошедшем времени. В разговорном языке такая конструкция отсутствует, вместо нее во всех временах употребляется конструкция «*wordować* + страдательное причастие»: *Hólc je wot nana bity wordował* ʽМальчик был отшлёпан отцом', *Chěže wordowachu (na)twarjene* ʽДома строились/были построены', *Husyca wordw'e (za)rězana* ʽГуся режут', причем видовое значение причастия на смысл не влияет. В нижнелужицком конструкция с *wordowaś* употребляется и в литературном языке. В отличие от других славянских языков, пассивные конструкции в С.я. могут образовываться также от непереходных глаголов: в случае, если субъект в исходной активной конструкции является агенсом: *ja pomham jemu* ʽя ему помогаю' > *jemu bu (wote mnje) pomhane*; *my smy spali* ʽмы спали' > *potom bu spane* ʽпотом (мы, там) спали'; и с глаголами ненаправленного движения: *Jow njeworduje tam a sem łažene* ʽТут туда-сюда не лазят', *K nim njebu ženje chodźene* ʽК ним никогда не ходили'. Стилистически нейтральной является рефлексивная конструкция, употребляемая также для обозначения пассива действия во всех временах и наклонениях: *Hólc je so wot nana bił* ʽМальчик был отшлёпан отцом', *Hólcy so bija* ʽМальчиков (кто-то) бьёт/Мальчики дерутся'. С.я. последовательно различает формы пассивного залога действия и так называемые результативные конструкции (пассив состояния). Пассив действия выражается описанными выше способами. Для выражения пассива состояния используется конструкция «*być* + страдательное причастие»: *Cholowy su z dobreho płata (ze)šite* ʽБрюки сшиты из хорошего материала', в том числе с непереходными глаголами: *Hdyž sym domoj přišoł bě moja sotra hižo stanjena* ʽКогда я пришёл домой, моя сестра уже встала'. В диалектах и в старых текстах на С.я. конструкция «*być* + страдательное причастие» со значением действия может использоваться и в настоящем времени: *Husyca budźe (za)rězana* ʽГуся режут', где *budźe* ʽбудет' используется как эквивалент нем. *wird*. Сочетанием предлога *wot* ʽот' с существительным в родительном падеже в пассивных конструкциях любого типа может быть выражен агенс.

Косвенные залоговые значения выражает прежде всего каузатив (косвенный актив), который образуется с помощью глагола *dać* ʽдать' во всех временны́х формах и наклонениях и инфинитива смыслового глагола. Основные значения косвенного пассива — фактитив: *Da konja wupřahnyć* ʽОн велел распрячь коня' и пермиссив: *Horbank a jeho žona daštaj wučerjej rěčeć* ʽГорбанек с женой не мешали (разрешили, дали) учителю говорить'. Каузируемый участник в каузативных

конструкциях выражается существительным либо в дательном, либо в винительном падеже: *dać karanej/karan padnyć* ʽуронить кувшин’); дательный падеж употребляется чаще, но винительный падеж однозначно указывает на каузативно-фактитивное значение. Косвенный (реципиентный) пассив образуется в литературном верхнелужицком языке с помощью глаголов *dóstać*/(реже) *dóstawać* ʽполучить/получать’ и страдательного причастия смыслового глагола. Косвенный пассив с *dóstać* используется во всех временах и наклонениях, кроме императива, и образуется от всех глаголов, как переходных, так и непереходных, имеющих валентность в отношении реципиента: *Šwalca maćeri šat šije* ʽПортниха шьёт матери платье’ > *Mać dóstanje (wot šwalce) šat šity*, букв. ʽМать получит от портнихи сшитое платье’, *Wšitcy jemu pomhaju* > *Wón dóstanje (wot wšitkich) pomhane* ʽЕму все помогут/помогают’. Причастие смыслового глагола может вступать в противоречие с глаголом *dóstać*: *Štom je dóstał wše hałuzy wotrězane* ʽУ дерева срезали все ветки’, букв. ʽДерево получило все ветки отрезанными’, что свидетельствует о грамматикализации данной конструкции. В разговорном верхнелужицком языке и в диалектах вместо глагола *dóstać* используется *krydnyć* с тем же значением (н.-луж. *krydnuś*), восходящий к нем. *kriegen* ʽполучать’: в.-луж. *Su to preč wzate krydnyli* ʽУ них это забрали’. В С.я. (как в литературном, так и в диалектах) косвенный пассив очень продуктивен, что связано с продуктивностью подобной конструкции в немецких диалектах на территории Лужиц.

Кроме прямых и косвенных залоговых значений, в С.я. выделяются так называемые посессивные результативные конструкции, состоящие из личной формы глагола *měć* ʽиметь’ во всех временах и наклонениях и страдательного причастия смыслового глагола. Они образуются, как правило, от переходных глаголов. Из непереходных такие конструкции образуют только глаголы ненаправленного движения: *mam pochodźene* ʽя походил’. Страдательное причастие согласуется с прямым объектом конструкции в роде, числе и падеже: *Mam suknju zešitu* ʽМне сшили юбку’, при отсутствии прямого объекта имеет форму винительного падежа единственного числа среднего рода. Конструкции с *měć* употребляются в основном с глаголами совершенного вида и обозначают совершившееся действие. В литературном языке эти конструкции малоупотребительны и стилистически маркированы. Чаще всего они используются в диалектах и в разговорном языке, а в литературном языке предпочитаются формы прямого процессуального актива.

В нижнелужицком языке залоговые формы употребляются аналогично верхнелужицкому.

Грамматическая категория в и д а выражается в формальном и семантическом подразделении глагольных лексем на глаголы совершенного и несовершенного вида. Каждая глагольная форма обладает определенным видовым значением. Чистыми видовыми парами считаются пары глаголов совершенного и несовершенного вида с идентичным значением. Такими парами являются: некоторые бесприставочные глаголы (*kulić* ʽпрокатить’ — *kuleć* ʽкатить’, *wróćić* ʽвернуть’ — *wróćeć* ʽвозвращать’), приставочные глаголы, за исключением тех, которые обозначают конкретную фазу действия и значения которых далеки от значений соответствующих бесприставочных глаголов (*zabić* ʽубить’ — *zabiwać* ʽубивать’, *pokazać* ʽпоказать’ — *pokazować* ʽпоказывать’), приставочные глаголы, бесприставочный вариант которых в языке не употребляется (*zuć* ʽразуть’ — *zuwać*

ʻразувать', *dótknyć* ʻкоснуться' — *dótkać* ʻкасаться', *zamknyć* ʻзапереть' — *zamkać* ʻзапирать'). Принадлежность к определенным способам глагольного действия и другие факторы, как семантические, так и формальные, обусловливают существование групп одновидовых глаголов, не имеющих чисто видовой пары с идентичным лексическим значением (perfectiva и imperfectiva tantum). К группе perfectiva tantum относятся все приставочные глаголы, сужающие значение соответствующего бесприставочного глагола. В частности, это глаголы таких квантифицирующих способов действия, как дистрибутивный (*zezamkać* ʻпозапереть'), кумулятивный (*narubać* ʻнарубить', *nanosyć* ʻнаносить'), сатуративный (*so najěsć* ʻнаесться') и т. д. К группе perfectiva tantum принадлежат также некоторые другие глаголы, в силу своего значения не выражающие специфического способа действия: *popadnyć* ʻнапасть', *namakać* ʻнайти', *wobstać* и *wunjesć* ʻвыдержать'. В группу imperfectiva tantum входят многократные глаголы (*bywać* ʻбывать'), ряд глаголов со значением физического и психического состояния (*być* ʻбыть', *pobrachować* ʻотсутствовать', ʻнедоставать', *nadźeć so* ʻнадеяться', *sonić* ʻмечтать'), глаголы разнонаправленного движения (типа *chodźić* ʻходить', *nosyć* ʻносить'), модальные и семантически близкие им глаголы (*móc* ʻмочь', *směć* ʻсметь', ʻиметь право', *dyrbjeć* ʻбыть должным', *trjebać* ʻнуждаться в чем-л.'). Глагол *měć* ʻиметь' имеет личные формы настоящего времени (*mam* ʻимею' и т. д.) и будущего времени (*změju* ʻбуду иметь' и т. д.). С.я. располагает большим количеством двухвидовых глаголов. Таковыми являются практически все приставочные глаголы на *-ować*, не характеризующие специфический способ действия: *rozžohnować so* ʻпрощаться/проститься', *přihotować* ʻ(при)готовить'. Принадлежность словоформ таких глаголов к совершенному или несовершенному виду определяется по способу образования простых прошедших времен и деепричастий.

Основной способ образования глаголов совершенного вида — префиксальный. Добавление приставки к большинству глаголов, не имеющих суффиксов, приводит к перфективации: *bić* ʻбить' — *rozbić* ʻразбить', *přebić* ʻпобить' и др. Исключение составляют в основном глаголы, построенные по немецкому образцу (ср. верхнелужицкие глаголы несовершенного вида *wobknježić* ʻвладеть', *wupadać* ʻвыглядеть'). В результате префиксации во многих случаях изменяется лексическое значение глагола; при этом префиксальный глагол отличается от непрефиксального способом глагольного действия, т. е. вхождением в одну из лексико-семантических групп глаголов, тем или иным образом представляющих протекание действия во времени и пространстве. Например, с префиксом *do-* образуются глаголы завершительного (финитивного) способа действия (*dopisać* ʻдописать'), префиксы *po-* и *při-* выражают ограничительный способ действия: *pospać* ʻпоспать', *popowědać* ʻпоболтать', *přizačinić* ʻприкрыть'. Префиксы *z(e)-*, *s-*, присоединяясь к приставочным глаголам, образуют глаголы относительно-дистрибутивного способа действия: *zwottorhać* ʻпоотрывать' и т. п.

При образовании глаголов несовершенного вида (имперфективации) используется исключительно суффиксальный способ в сочетании с чередованиями корневых гласных и согласных. Имперфективирующими суффиксами являются продуктивные *-owa-*, *-wa-*: *kupić* ʻкупить' — *kupować* ʻпокупать', *pokazać* ʻпоказать' — *pokazować* ʻпоказывать', *wopytać* ʻнавестить' — *wopytować* ʻнавещать', *wobuć* ʻобуть' — *wobuwać* ʻобувать', *rozbić* ʻразбить' — *rozbiwać* ʻразбивать' и

непродуктивный в современном языке суффикс *-a-*, чередующийся с *-e-* в позиции между мягкими согласными: *slec* ʻраздетьʼ — *slěkać* ʻраздеватьʼ, *wubrać* ʻвыбратьʼ — *wuběrać* ʻвыбиратьʼ, *začinić* ʻзакрытьʼ — *začinjeć* ʻзакрыватьʼ, *přizjewić* ʻзаявитьʼ — *přizjewjeć* ʻзаявлятьʼ и т. д. Иногда дериваты с непродуктивным и продуктивным суффиксом сосуществуют в качестве вариантов: *polěpšeć*/*polěpšować* ʻулучшатьсяʼ, *poskićeć*/*poskićować* ʻпредлагатьʼ, *postajeć*/*postajować* ʻназначатьʼ.

Глаголы совершенного вида в целом имеют значение ограниченности действия пределом, или его целостности, комплексности, в то время как семантика несовершенного вида в отношении этого признака нейтральна. В связи с этим в литературном С.я. невозможно обозначение глаголами совершенного вида длящегося действия в так называемом актуальном настоящем, ср. *Što wón runje čini?* (несов. вид) ʻЧто он сейчас (в данный момент) делает?ʼ, но не **Što wón runje sčini?* (сов. вид). Однако в разговорном С.я. и в этом случае совершенный вид иногда допустим. Так, ответ на приведенный выше вопрос может звучать *Wón kupi jenu knihu* ʻОн покупает книгуʼ (букв. ʻОн купит одну книгуʼ), а также *Wón runje wokno zasadźi* ʻОн как раз вставляет окноʼ (букв. ʻОн как раз вставит окноʼ) при нормативном *zasadźuje* ʻвставляетʼ. В литературном С.я. глаголы совершенного вида не сочетаются с фазисными глаголами (*započeć*/*zastać činić* — несов. вид — ʻначать/закончить делатьʼ, но не **započeć*/*zastać sčinić* — сов. вид), однако в разговорной речи последнее возможно (*Wón je započał jeho začišće napisać* ʻОн начал описывать (букв. ʻописатьʼ) свои впечатленияʼ). Употребление несовершенного вида необходимо при выражении итеративных и в большинстве случаев дистрибутивных значений. Глаголы несовершенного вида, как правило, употребляются с глаголами со значением способности и возможности (*Jurij wě so zakitować* ʻЮрий может за себя постоятьʼ), продолжающегося либо постоянного действия (*Zemja so wokoło słónca wjerći* ʻЗемля вращается вокруг Солнцаʼ) и при одновременности действий (*Žona wari a muž čaka* ʻЖена готовит, а муж ждётʼ). Глаголы совершенного вида употребляются в перформативных высказываниях (*Slubimoj wam zo so bórze wróćimoj* ʻОбещаем, что скоро вернёмсяʼ) и как средство выражения последовательности действий (*Muž stany, hrabny swój kłobuk z polcy, pohladny na cuzeho a woteńdźe* ʻМужчина встал, взял с полки свою шляпу, глянул на чужака и вышелʼ). В остальных случаях глаголы совершенного и несовершенного вида взаимозаменяемы, причем чаще выбирается более простая с точки зрения формального выражения форма (*Maćeri je so tykanc derje radźił*/(реже) *poradźił* ʻПирог маме удалсяʼ).

В нижнелужицком языке функционирование видовых пар недостаточно изучено.

Категория в р е м е н и по-разному реализуется в глагольных формах изъявительного наклонения и в системе деепричастий. В верхнелужицком языке выделяются шесть времен: настоящее (презенс), будущее, перфект, синтетический претерит (в котором в принципе совпали исконные аорист и имперфект), плюсквампретерит и итеративный претерит. В нижнелужицком языке синтетические претеритные формы фактически отсутствуют (в литературный нижнелужицкий язык они вторично введены под влиянием верхнелужицкого).

Формы презенса образуются синтетически и в большинстве случаев обозначают событие, происходящее в настоящем. Презентные формы имеют также значение

прошедшего времени при обозначении praesens historicum или если обозначаемое глаголом действие непосредственно предшествует моменту речи: *To je rjenje, zo was tu zetkam* 'Хорошо, что я вас здесь встретил'. Кроме того, презентные формы могут иметь значение действия в будущем, если значение будущего времени выражено лексически: *Jutře susodźicy běrny zběraja* 'Завтра соседи будут копать картошку'.

Формы будущего времени образуются аналитически с помощью личных форм будущего времени глагола *być* 'быть' и инфинитива смыслового глагола. В разговорном языке аналитическое будущее время свободно образуется от глаголов совершенного вида: *budu nastawk napisać* 'я напишу статью', причем иногда личная форма может вообще отсутствовать: *ja to činić* 'я это сделаю', однако в литературном языке такие формы кодифицированы только в случае наличия у них дополнительного модального значения намерения. Некоторые глаголы образуют формы будущего времени синтетически. К ним относятся *być* 'быть' (ед. ч. 1 л. *budu*, 2 л. *budźeš* и т. д.), *měć* 'иметь' (ед. ч. 1 л. *změju*, 2 л. *změješ* и т. д.) и глаголы направленного движения *hić* 'идти' (ед. ч. 1 л. *póńdu*, 2 л. *póńdźeš* и т. д.), *njesć* 'нести' (ед. ч. 1 л. *ponjesu*, 2 л. *ponjeseš* и т. д.), аналогично *lězć* 'лезть', *wjezć* 'везти', *běžeć* 'бежать', *ćahnyć* 'тянуть' и др. Кроме своего основного значения, формы будущего времени могут обозначать действие, происходящее в настоящем: *Twój direktor změje zawěsće swoje wjeselo z tobu* 'Твоему директору с тобой наверняка очень весело'.

Перфект образуется аналитически с помощью презентных форм глагола *być* и *l*-причастия смыслового глагола. Употребление перфекта является обязательным, когда время совершения действия предшествует времени описываемой ситуации, совпадающему с моментом речи: *Sym wam poprjancy sobu přinjesł* 'Я вам пряников принёс'. Формы перфекта факультативно употребляются на месте синтетического претерита: *To je snano před třiceći lětami było, na dnju mojich narodnin* 'Это было лет тридцать назад, в мой день рождения'. Они могут также обозначать действие, которое завершится к некоторому моменту в будущем: *Hdyž sy nastawk dopisał, jón wotedaj* 'Когда допишешь статью, сдай ее'.

Формы претерита (в парадигме которого в принципе совпали бывшие аорист и имперфект) в верхнелужицком языке образуются синтетически (см. 2.4.0.), принимая во 2-м и 3-м лице единственного числа окончания бывшего имперфекта у глаголов несовершенного вида и бывшего аориста у глаголов совершенного вида: *wróći* 'вернул' — *wróćeše* 'возвращал'. Употребляются при повествовании для обозначения действия в прошлом, время совершения которого совпадает со временем описываемой ситуации: *Hdyž k nim do dwora přińdźech, ležeše tam wulka hromada wuhla* 'Когда я вошёл к ним во двор, там лежала большая куча угля'. В разговорном верхнелужицком языке на месте синтетического претерита чаще употребляются формы перфекта.

Плюсквампретерит образуется аналитически с помощью претеритных форм глагола *być* (1 л. ед. ч. *běch*, 2 л., 3 л. ед. ч. *bě*/*běše* и т. д.) и *l*-причастия смыслового глагола и обозначает действие, совершившееся ранее другого действия в прошлом: *Wuwědomichmy sej, zo běchmy so wopak zadźerželi* 'Мы поняли, что вели себя неправильно'.

Итеративный претерит обозначает повторяемость событий в прошлом независимо от контекста, по форме совпадает с сослагательным наклонением: *Kóždu*

njedźelu by nan po kemšach na piwo šoł ʻКаждое воскресенье после мессы отец заходил выпить пива'.

В системе деепричастий различаются формы настоящего времени со значением одновременности у глаголов несовершенного вида на *-'o*/*-cy*: *wjedźo* ʻведя', *pječo* ʻвыпекая', *kopajo*/*kopajcy* ʻкопая', *kupujo*/*kupujcy* ʻпокупая' и формы прошедшего времени со значением предшествования у глаголов совершенного вида на *-wši*/*-ši*: *nakupowawši* ʻнакупив', *rozbiwši* ʻразбив', *donjesši* ʻдонеся'. Из этих деепричастий в книжном стиле современного литературного верхнелужицкого языка используются по большей части формы на *-'o* и на *-wši*. Деепричастия отсутствуют в нижнелужицком и практически не употребляются в разговорном верхнелужицком языке.

Категория н а к л о н е н и я представлена граммемами изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. Основная функция изъявительного наклонения — выражение реальных ситуаций, однако его формы не маркированы и могут выражать также смысл императива: *Wy wostanjeće doma* ʻВы останетесь дома' или сослагательного наклонения: *Žadam sej, zo so hnydom wróćiš* ʻЯ хочу, чтобы ты немедленно вернулся'. Часто, особенно в разговорном языке, глаголами в изъявительном наклонении заменяются сослагательные формы в плюсквампретерите: *běch dźěłał*, букв. ʻя работал', вместо *bych dźěłał* ʻя бы работал', что объясняется прежде всего схожестью форм. Глаголы изъявительного наклонения употребляются во всех временах.

Формы сослагательного наклонения образуются в верхнелужицком языке с помощью личных форм аориста вспомогательного глагола *być* ʻбыть' и *l*-причастия смыслового глагола. Такая глагольная форма может иметь все временны́е значения: в.-луж. *Njebył-li ty mój bratr, bych hinak z tobu rěčał* ʻНе будь ты мой брат, я бы с тобой не так поговорил!'; *Praj Janej, zo by mi tola raz napisał* ʻСкажи Яну, чтобы он мне как-нибудь написал'. В разговорной речи и в большинстве верхнелужицких диалектов, а также в нижнелужицком языке вспомогательный глагол *być* утрачивает личные окончания, в результате все формы сослагательного наклонения унифицируются: *ja by kopał* ʻя бы копал', *ty by kopał* ʻты бы копал' и т. д. В С.я. менее употребительны формы сослагательного наклонения, где вместо аориста от *być* в качестве вспомогательного глагола употребляются формы *być* будущего времени: *To budźeše prawje było* ʻЭто было бы правильно' и конструкции с двумя вспомогательными глаголами: *K Twojim narodninam bych Ći zbožo přał, hdyž bych je w prawym času wot Hanki zhonił był* ʻЯ бы поздравил тебя с днём рождения, если бы я вовремя узнал о нём от Ганки'. Конструкции последнего типа были заимствованы из чешского и употребляются только для обозначения нереального события в прошедшем времени. Модальные глаголы в сослагательном наклонении часто употребляются без вспомогательного глагола: *To njesměło so stać* ʻЭтого не должно было бы случиться'. Высказывания с глаголами в сослагательном наклонении передают значение желательности: *Přeju sej, zo by so to stało njeby* ʻЯ хочу, чтобы этого не случилось', предположительности, нереальности: *By-li kedźbował, by to wědźał* ʻБыл бы он внимательнее, он бы это знал' и др.

Формы повелительного наклонения образуются от основы настоящего времени путем присоединения формантов *-j* или *-i*: *kupuj* ʻпокупай', *stań* ʻвстань', *wzmi*/*wozmi* ʻвозьми'. Императив в С.я. может принимать различные залоговые

значения (*daj so česać* ʻпусть тебя причешутʼ) и имеет дефектную парадигму, в которой по семантическим причинам отсутствуют формы 1-го лица единственного числа, а синтетические формы 3-го лица единственного числа и в отдельных случаях множественного числа, совпадающие с формами 2-го лица, выступают лишь изредка в составе более или менее фразеологизованных оборотов типа *Čert ju wzmi!* ʻЧёрт её побери!ʼ, *To žona wutraj!* ʻЖенщина всё это пойди вытерпи!ʼ

2.3.6. Категория л и ц а в сфере личных форм глагола выражается в сопряжении с категорией числа личными окончаниями глагола 1-го, 2-го и 3-го лица единственного, двойственного и множественного числа. Личные окончания у глаголов различаются по временам (см. 2.4.0.). Классифицирующая категория лица присуща личным и притяжательным местоимениям: в.-луж. 1 л. *ja* ʻяʼ — *mój* ʻмы двоеʼ — *my* ʻмыʼ; 2 л. *ty* ʻтыʼ — *wój* ʻвы двоеʼ — *wy* ʻвыʼ. Для обозначения 3-го лица наряду с местоимением *wón* используется указательное местоимение *tón* ʻэтот/тотʼ. В сочетании с личной формой глагола личные местоимения часто опускаются: *Čehodla płakaš?* ʻПочему ты плачешь?ʼ. Формы 2-го лица единственного числа могут употребляться в общем значении, включая в число адресатов и говорящего: *Wyše stupiš — dale widźiš* ʻЧем выше поднимешься, тем больше увидишьʼ. При вежливом обращении к одному адресату личная форма глагола стоит во множественном числе, а именная часть сказуемого чаще в единственном, причем ее род соответствует полу адресата: *Wy sće była dobra hospoza* ʻВы были хорошей хозяйкойʼ.

Для выражения категории о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и в С.я. нет специального морфологического показателя, в литературном языке определенность выражается исключительно синтаксическими и семантическими средствами. В допуристический период (до середины XIX в.) для выражения определенности регулярно использовалось указательное местоимение *tón* ʻэтот/тотʼ, правила употребления которого были близки, но не идентичны правилам употребления определенного артикля в немецком языке. Впоследствии «артиклевое» употребление *tón* было изъято из литературной нормы. В настоящее время указательное местоимение *tón* в качестве маркера определенности именной группы часто встречается в разговорном С.я., прежде всего при анафорическом повторе: *Chcemó jenu hru hrać. Ta hra so ći budźe zawěsće lubić* ʻДавай сыграем в одну игру. Эта игра тебе точно понравитсяʼ и при обозначении единичных в данной ситуации объектов: *Hanka njepojědźe sobu do tych hór* ʻГанка не поедет с нами в горыʼ. Отсутствие регулярно действующих правил употребления *tón* не позволяют говорить о наличии в разговорном С.я. определенного артикля. Определенность может выражаться также в связи со значением принадлежности, например, притяжательными прилагательными или местоимениями: *Ja sym jónu zabyła něhdźe moju hłowu nutř ćahnyć a něhdźe rjesła* ʻЯ как-то раз забыла втянуть (мою) голову и обо что-то там ударилась'.

Разнообразными средствами сигнализируется в С.я. значение неопределенности. Те неопределенные именные группы, которые в немецком языке имели бы при себе неопределенный артикль *ein*, в С.я. (больше в разговорном, однако иногда и в литературном языке) употребляются с неопределенным местоимением *jedyn* ʻодинʼ (в разговорном языке сокращается до *jen*): *Tak ruče kaž maš ty jen čitarski dopis, je to po starym* ʻКак только встречается какое-нибудь письмо от чита-

теля, так там всё то же'; *Takle přińdźe jena staroba, dyš ty cyle jednore wjace ničo njewěš* 'Вот так, приходит (один) возраст, когда ты больше ничего не помнишь'. Местоимение *jedyn* (*jen*) употребляется также для обозначения неопределенного субъекта (ср. нем *man*): *To jen při powědanju woprawdźe njekedźbuje na to* 'Когда мы говорим, мы на самом деле не обращаем на это внимания'; *Papa, što jen zez jenej łžicu čini?* 'Папа, как пользуются ложкой?'. На синтаксическом уровне неопределенность агенса выражают конструкции с формами пассива, рефлексива и «результативного состояния» глаголов.

К числу анафорических средств относятся многочисленные местоимения и местоименные слова типа *tón* 'этот/тот', *tutón* 'этот', *kotryž* 'который' и др. Анафорическая отсылка входит также в семантику большой группы слов, обычно не причисляемых к местоименным: *tohodla* 'поэтому', *potom* 'потом', *nawopak* 'наоборот' и др. При анафорическом повторе может выступать именная группа с указательным местоимением *tón* или именная группа без местоимения, со значением определенности, выраженным отсутствием фразового ударения и общим контекстом. Указательное местоимение *tón* в анафорической функции часто конкурирует с личным местоимением 3-го лица *wón* 'он', причем местоимение *tón* употребляется прежде всего в том случае, если оно обозначает объект, который в предшествующем высказывании находился в реме, в то время как если упоминаемый ранее объект находился в теме высказывания, предпочитается *wón*: *Chcychu nana wopytać, tón pak njebě doma* 'Они хотели навестить отца, но его не было дома', но *Nan pak je najskerje na zhromadźiznu šoł, tohodla wón njebě doma* 'Скорее всего отец пошёл на собрание, поэтому его не было дома'. Анафорическая отсылка входит также в значение некоторых частиц (*tež* 'тоже', *i* 'и' и др.). Большинство анафорических местоимений сочетает анафорическую функцию с дейктической, причем различие между ними может стираться.

В системе указательных местоимений выделяются две группы дейктических элементов, указывающих на различную пространственную ориентацию объектов относительно говорящего. В С.я. различаются местоимения и местоименные наречия, которые указывают на пространственную или временну́ю близость (*tole* 'это', *tajkile* 'такой', *tónle*, *tutón* 'этот', *jowle*, *tu*, *tudy* 'тут', 'здесь', *semle* 'вот сюда', *nětkole* 'именно сейчас') и показатели, которые указывают на удаление во времени и пространстве (*wony*, *tamny*, *tamón* 'тот', *tam*, *tamle* 'там', *tehdy* 'тогда', *potom* 'потом'). Местоимения *tón* 'этот/тот', *tak* 'так', *jow* 'здесь', *sem* 'сюда', *nětko* 'сейчас' и др. могут употребляться в обеих функциях. Указательное местоимение *tón* в дейктической функции встречается редко, в основном в сопровождении обстоятельства места: *Je to w tej tyzce tam?* 'Это там, в той коробочке?' или в нейтральных контекстах, где наличие/отсутствие указания не влияет на значение высказывания: *Chce něchtó hišće tu solojtwju? Směm ja zjěsć?* 'Хочет ещё кто-нибудь (этот) салат? Можно я доем?'. При необходимости выделить указание употребляется местоимение *tutón*: *Ja chcu tutón* 'Я хочу вот этот'.

Отрицание в С.я. имеет несколько различных показателей. Приглагольное отрицание выражается с помощью отрицательной частицы префиксального характера *nje-* (в.-луж. *ječinju* 'не делаю', *njeboju so* 'не боюсь', н.-луж. *njecakamy* 'не ждём') с вариантами в верхнелужицком *no-* (*chcyć* 'хотеть' — наст. вр. ед. ч. 1 л. *nochcu*/ *njecham*, 2 л. *nochceš*/*njechaš* и т. д.) и *ni-* (*měć* 'иметь' —

наст. вр. ед ч. 1 л. *nimam*, 2 л. *nimaš* и т. д.), в нижнелужицком *nja-* (*moc* ʻмочь’ — наст. вр. ед. ч. 1 л. *njamogu*, 2 л. *njamožoš* и т. д., *měś* ʻиметь’ — наст. вр. ед. ч. 1 л. *njamam*, 2 л. *njamaš* и т. д.) и *njo-* (*kśěś* ʻхотеть’ — наст. вр. ед. ч. 1 л. *njok*, 2 л. *njocoš* и т. д.). В случаях, когда отрицание не относится непосредственно к личной форме глагола, используется форма *nic* ʻнет, не’, которая может иметь и самостоятельную предикативную функцию: *Hanka je tam była, nic Madlenka* ʻТам была Ганка, а не Мадленка’, *Dźeš tam? Ja nic* ʻТы пойдёшь туда? Я нет’, *Prošu, nic wotčinić* ʻНе открывайте, пожалуйста’. Функцию пропозиционального отрицания имеет также в.-луж. *ně* ʻнет’: *Sy ty to wědźał? — Ně* ʻТы это знал? — Нет’.

Лексико-грамматические средства выражения частного отрицания — отрицательные местоимения и наречия с частицей *ni-*: в.-луж. *nichtó* ʻникто’ (н.-луж. *nichten*), *nihdy* ʻникогда’ наряду с *ženje* (н.-луж. *žednje*), а также местоимение *žadyn* ʻникакой, никто’ (н.-луж. *žeden*). В предложении они могут сочетаться друг с другом и с основным отрицанием, формируя единую негативную модальность: в.-луж. *Nichtó so nikoho za ničim njepraša* ʻНикто никого ни о чём не спрашивает’. Отрицание может усиливать частица *ani*: в.-луж. *Ani so njeprašej!* ʻДаже и не спрашивай!’.

2.3.7. В современных грамматиках верхнелужицкого литературного языка выделяются части речи: глагол, имя существительное, имя прилагательное, посессив, имя числительное, наречие, местоимение, союзы, предлоги, модальные слова, частицы и междометия. В нижнелужицких грамматиках посессивы не выделяются и рассматриваются в составе прилагательных.

Г л а г о л, обозначающий действия и состояния, характеризуется наличием ряда специфических категорий, неодинаковый набор которых присущ разным глагольным формам (см. 2.3.5., 2.3.6.). Переходную ступень между глаголом и прилагательным представляет система причастий, которые изменяются по родам, числам и падежам и синтаксически функционируют подобно другим адъективным словам, но сохраняют актантную структуру глагола, от которого они образованы (*hólc pisa nanej list* ʻмальчик пишет письмо отцу’ — *nanej list pisacy hólc* ʻпишущий отцу письмо мальчик’, букв. ʻотцу письмо пишущий’) и обладают значением действия или состояния (*pisacy* ʻпишущий’, *bity* ʻбитый’). Деепричастия по синтаксической функции близки к наречиям, но, в отличие от них, в верхнелужицком литературном языке различают значение времени. Помимо того, к системе глагола относятся инфинитив и отглагольные существительные с суффиксами *-nje*, *-će* в силу полной регулярности их образования. В нижнелужицком языке после глаголов движения выступают также формы супина: *Żinsa wjacor pojźomy rejowat* ʻСегодня вечером мы пойдём танцевать’.

Имя с у щ е с т в и т е л ь н о е в С.я. имеет формальные средства для выражения грамматических категорий рода, числа, падежа, а также в определенном объеме категории одушевленности и личности (только в верхнелужицком). Субстантивные категории числа и падежа являются парадигматическими (словоизменительными): соответствующие формы образуются в принципе от всех существительных. Грамматические категории рода, одушевленности и личности являются классификационными (селективными). Они связаны с определенной базисной или деривационной морфемой существительного. В предложении существительное выступает в функции подлежащего, дополнения, несогласованного опреде-

ления, обстоятельства или именной части сказуемого. Кроме того, существительные могут использоваться как самостоятельные высказывания: *Kedźbu!* ʽВнимание!ʼ.

В зависимости от семантических, синтаксических и морфологических особенностей выделяются различные подклассы существительных. По своей семантике существительные делятся на собственные и нарицательные. В группе имен нарицательных лексически противопоставлены конкретные и абстрактные существительные. Имена нарицательные обозначают различные классы денотатов: так называемые сингулятивы, т. е. существительные, способные обозначать как отдельные экземпляры, так и классы объектов, и сочетающиеся с числительными и другими квантификаторами: *dwě rybje* ʽдве рыбыʼ, *wjele rybow* ʽмного рыбʼ; коллективные существительные, обозначающие группы, состоящие из отдельных экземпляров: *swójba* ʽсемьяʼ, а также образования с собирательными суффиксами типа *wučer-stwo* ʽучителяʼ, букв. ʽучительствоʼ; так называемые континуативы, т. е. существительные, обозначающие неделимую и количественно неопределимую субстанцию: *pěsk* ʽпесокʼ, *kislik* ʽкислородʼ, *woda* ʽводаʼ и т. д. В сочетании с количественными местоимениями они имеют форму родительного падежа единственного числа (singularia tantum) или множественного числа (pluralia tantum) с партитивным значением: *něšto butry* ʽнемного маслаʼ. Некоторые коллективные существительные в синтаксическом отношении подобны сингулятивам, т. е. выступают во всех числах: *swójba* ʽсемьяʼ — *swójbje* ʽдве семьиʼ — *swójby* ʽсéмьиʼ и после количественных местоимений имеют форму родительного паежа множественного числа: *wjele swójbow* ʽмного семейʼ. Другие (singularia tantum) являются названиями целых классов: *sad* ʽфруктыʼ, *zelenina* ʽовощиʼ, *skót* ʽскотʼ и др. и не сочетаются с числительными. В сочетании с местоимениями они выступают только в родительном падеже единственного числа в партитивном значении: *tójšto zeleniny* ʽмного овощейʼ.

Класс имен п р и л а г а т е л ь н ы х представлен двумя различными (с морфологической точки зрения) рядами форм — согласуемыми и несогласуемыми. К несогласуемым прилагательным относят отадъективные наречия, которые обозначают признак действия или другого признака либо состояния: *rjenje* ʽкрасивоʼ, *wusko* ʽузкоʼ, а также распространенные в С.я. несклоняемые прилагательные, частично заимствованные из немецкого или образованные по немецкому образцу: *fajn*, *prima* ʽотличныйʼ, ʽзамечательныйʼ (разг.), *blond* ʽсветлыйʼ, *njeboh* ʽпокойныйʼ, *rady* ʽс удовольствиемʼ (наречное слово, употребляющееся аналогично нем. *gern*), *napředań* ʽпродающийсяʼ, ʽимеющийся в продажеʼ, *bosy* ʽбосойʼ, ʽбосикомʼ и т. д. Прилагательные в С.я. употребляются в функции определения: *połny koš* ʽполная корзинаʼ, *fajn holca* ʽзамечательная девушкаʼ, именной части сказуемого: *Koš je połny* ʽКорзина полнаʼ и в качестве предикативного дополнения: *My tam pěši póńdźemy* ʽМы пойдём туда пешкомʼ (букв. ʽпешиеʼ), *Mać je suknju čerwjenu wobarbiła* ʽМама покрасила юбку в красный цветʼ. Согласуемые прилагательные характеризуются словоизменительными категориями рода, числа, падежа, одушевленности и личности, которые формально выражаются в рамках одной морфемы: *słab-i* ʽслабыеʼ — им. п. м. р. мн. ч. лично-мужская форма. Качественные прилагательные и принимающие качественное значение относительные характеризуются также наличием форм степеней сравнения: *mokry* ʽмокрыйʼ — *mokriši* ʽмокреeʼ — *najmokriši* ʽсамый мокрыйʼ при *nanajmokriši*

ʽсамый что ни на есть мокрый’ (абсолютная степень). Отадъективные наречия образуют степени сравнения с помощью морфемы *-o*, которая присоединяется к соответствующей форме согласуемого прилагательного: *ćopliši* ʽтеплее’ (прил.) — *ćoplišo* ʽтеплее’ (наречие). У некоторых наречий степени сравнения образуются особым образом: *lěpši* ʽлучше’ (прил.) — *lěpje* ʽлучше’ (наречие), *dlěši* ʽдлиннее’ (прил.) — *dlěje* ʽдлиннее’ (наречие) и др. К классу н а р е ч и й относятся также несклоняемые лексемы, выполняющие в предложении функцию обстоятельства места: *doma* ʽдóма’, *deleka* ʽвнизу’, *nalěwo* ʽналево’, времени: *dźensa* ʽсегодня’, *tuchwilu* ʽсейчас’ и другие: *znowa* ʽснова’, *naraz* ʽвдруг’, *wosebje* ʽособенно’ и т. д.

К ч и с л и т е л ь н ы м относятся слова, выражающие числовые понятия, не определяемые адъективным или местоименным атрибутом и не имеющие детерминативной функции в атрибутивной позиции. Морфологическая характеристика числительных зависит от их функции. Различаются адвербиальные и адъективные числительные.

Адвербиальные числительные: в.-луж. *jónu* ʽодин раз’, ʽоднажды’, *dwójce* ʽдважды’, *trójce* ʽтрижды’ или *dwojako* ʽдвояко’, *trojako* ʽтрояко’; н.-луж. *dwojcy*, *dwojako*.

Среди адъективных числительных выделяется три ряда: 1) дифференциальные числительные с суффиксом *-aki*: в.-луж. *dwojaki* ʽдвоякий’, н.-луж. *dwojaki*, в.-луж. *trojaki* ʽтроякий’, н.-луж. *tšojaki*, в.-луж. *pjećoraki* ʽпяти родов’ и т. д.; 2) количественные числительные: в.-луж. *jedyn* ʽодин’, н.-луж. *jadyn*, в.-луж. *dwaj* ʽдва’, н.-луж. *dwa*, в.-луж. *tři* ʽтри’, н.-луж. *tśi*, в.-луж. *štyri* ʽчетыре’, н.-луж. *styri* и т. д.; они указывают на точное число объектов; 3) собирательные числительные: в.-луж. *dwoji* ʽдвое’, н.-луж. *dwoji*, в.-луж. *troji* ʽтрое’, н.-луж. *tšoji*, в.-луж. *pjećory* ʽпятеро’, н.-луж. *pěśory* и т. д., специфической областью употребления которых является называние количества собирательных понятий: *troje rukajcy* ʽтрое рукавиц’, *štwore wišnje* ʽчетыре банки вишнёвого варенья’. Порядковые числительные: *prěni* ʽпервый’, *druhi* ʽвторой’, *třeći* ʽтретий’ и т. д., а также субстантивные *połojca* ʽполовина’, *štwórć* ʽчетверть’, *miliarda* ʽмиллиард’ в серболужицкой грамматической традиции числительными не считаются, а рассматриваются соответственно как прилагательные и существительные.

М е с т о и м е н и я как особая часть речи выделяются на основании их значения указания или отсылки к другим частям речи, в первую очередь к именам существительным и прилагательным. С учетом синтагматических связей и, в большей или меньшей степени, грамматических свойств различают местоимения-существительные: *ja* ʽя’, *wón* ʽон’, *něchtó* ʽкто-то’ и др.; местоимения-прилагательные: *tón* ʽэтот’, ʽтот’, *tajki* ʽтакой’, *někotry* ʽнекоторый’ и др.; местоимения-наречия: *tam* ʽтам’, *ženje* ʽникогда’, *druhdy* ʽиногда’ и др.; местоимения-посессивы: *mój* ʽмой’, *swój* ʽсвой’, *něčeji* ʽчей-то’ и др.; местоимения-числительные: *telko* ʽстолько’, *mało* ʽмало’. По характеру семантики местоимения подразделяются на личные, включая возвратное *sebje* ʽсебя’; указательные; неопределенные; вопросительные; обобщающие: *kóždy* ʽкаждый’, *wšudźe* ʽвезде’, *nichtó* ʽникто’ и др.; сравнительные: *samsny* ʽтакой же’, *hinaši* ʽдругой’, *wšelako* ʽпо-разному’ и др.; ограничительные: *sam* ʽсам’, ʽодин’, *luty* ʽсплошной’ и др.; относительные: *štož* ʽчто’, *kaž* ʽкак’, *kotryž* ʽкоторый’ и др.

К классу п о с е с с и в о в относят слова со словообразовательными формантами *-ow*, *-in* типа в.-луж. и н.-луж. *nanowy* ʻотцов(ский)’, в.-луж. *sotřiny* ʻсестрин’, н.-луж. *sotśiny*. Подобно прилагательным, посессивы характеризуются грамматическими категориями рода, числа и падежа: в.-луж. *sotřina kniha* ʻкнига сестры’ — *sotřine knihi* ʻкниги сестры’. Как и прилагательные, они употребляются в синтаксической функции атрибута или предикатива: *nanowy kłobuk* ʻпапина шляпа’ — *kłobuk je nanowy* ʻшляпа — папина’. Посессивы не образуют форм степеней сравнения. В отличие от прилагательных, посессивы обладают также субстантивными категориями рода, числа и падежа. Эти категории находят выражение в конструкциях, где посессив выступает в сочетании с атрибутом: род, число и падежная форма атрибута определяется родом, числом и синтаксической функцией исходного для посессива существительного (в глубинной структуре). Так как посессиву соответствует существительное в родительном падеже единственного числа, атрибут, определяющий посессив, получает именно эту форму: в.-луж. *knjeza wučerjowa kniha* ʻкнига господина учителя’ (букв. ʻгосподина учителева книга’), *mojeje sotřiny dźěći* ʻдети моей сестры’ (букв. ʻмоей сестрины дети’). Хотя посессивы в литературном языке конкурируют с формами родительного падежа единственного числа соответствующих существительных, замена посессива на соответствующее существительное не всегда возможна: *tuta kniha je nanowa* ʻэта книга папина’, но не **tuta kniha je nana*.

С о ю з ы относятся к классу синсемантических (неполнознаменательных) слов, которые не являются членами предложения и не имеют референциального значения. Союзы служат для связи слов в предложении или предложений друг с другом. В соответствии с характером выражаемой ими синтаксической связи различают союзы сочинительные (соединительные *a* ʻи’, *ani... ani...* ʻни... ни...’, разделительные *abo* ʻили’, *pak... pak* ʻили... или’, противительные *ale* ʻно’, *hač na* ʻкроме’ и др.) и подчинительные (*zo* ʻчто’, *hdyž* ʻкогда’, *jeli* ʻесли’, *dokelž* ʻпотому что’, *hačrunjež* ʻхотя’ и др.; н.-луж. *až* ʻчто’, *pśeto* ʻпотому что’ и др.). Слова *nimo* ʻкроме’, *jako* ʻкак’, *hdy*/*hdyž* ʻкогда’ и др. выступают в качестве союзов только в том случае, если они не являются членами предложения (так, *nimo* — союз в предложении *Nimo Jana je tež Jurij přišoł* ʻКроме Яна, пришёл ещё Юрий’, но не в предложении *Jurij je nimo šoł* ʻЮрий проходил мимо’). Союзы в С.я. подразделяются на простые непроизводные: *a* ʻи’, *zo* ʻчто’; производные: *tohodla* ʻпоэтому’, *hačrunjež* ʻхотя’; составные: *mjeztym zo* ʻв то время как’, н.-луж. *mjazy tym až*, *tak zo* ʻтак что’, н.-луж. *tak až*.

П р е д л о г и выступают в сочетаниях с косвенными падежами именных групп, реже с наречиями (*wot horjeka* ʻсверху’) и в предложении занимают всегда строго определенную позицию перед именной группой (а послелог *dla* ʻиз-за’ — после нее). Выделяются предлоги первичные: *na* ʻна’, *po* ʻпо’, *wo* ʻо’, *pod* ʻпод’, *před* ʻдо’, н.-луж. *pśed* и др. и производные, образованные от наречий, прилагательных, существительных или глаголов: *wokoło* ʻоколо’, *blisko* ʻрядом с’, *niže* ʻниже’, ʻпод’, н.-луж. *nižej*, *prjedy* ʻдо (во временнóм значении)’, н.-луж. *prědk*, в.-луж. *najebać* ʻнесмотря на’ и др. Наиболее часто встречаются предложные сочетания с родительным, местным, творительным и винительным падежом, реже — с дательным.

М о д а л ь н ы е   с л о в а представляют собой особую группу среди неизменяемых частей речи. Одни из них обозначают степень вероятности сообщаемой ситуации, например, в.-луж. *wěsće* ʽнаверняка', *woprawdźe* ʽв самом деле', *wězo* ʽконечно', *pječa* ʽмол', *nimale* ʽпочти', н.-луж. *snaź* ʽнаверное', *popšawom* ʽсобственно', *zda se* ʽкажется' и т. д., другие выражают отношение говорящего к содержанию высказывания: в.-луж. *takrjec* ʽтак сказать', *bohužel* ʽк сожалению', *na zbožo* ʽк счастью', н.-луж. *božko* ʽк сожалению', *na gluku* ʽк счастью' и т. д. Отличие модальных слов от частиц состоит в том, что они: 1) могут употребляться самостоятельно, в частности, в качестве ответа на вопрос: *Je Jan chory? — Najskerje* ʽЯн болен? — Скорее всего', или за пределами предложения: *Janowa rysowanka je najlepša*, *woprawdźe* ʽРисунок Яна — самый красивый, правда'; 2) относятся ко всему предложению в целом и в его составе не имеют строго определенной позиции: *Najskerje njeje Jan wčera domjacy nadawk napisał*/*Jan njeje wčera najskerje domjacy nadawk napisał* ʽСкорее всего, Ян не написал вчера домашнее задание' и т. д.

Ч а с т и ц ы придают содержанию предложения модальную либо экспрессивную окраску или же выделяют некоторый член предложения, сами при этом членами предложения не являясь. Синтаксическая позиция частицы связана с членом предложения, к которому она относится: ***Jenož Jan*** *je domjacy nadawk wčera napisał*/*Wčera je* ***jenož Jan*** *domjacy nadawk napisał*/*Wčera je domjacy nadawk* ***jenož Jan*** *dopisał* ʽДомашнее задание вчера написал **только Ян**'. Частицы никогда не стоят в конце предложения, а односложные *drje*, *pak* ʽже' всегда выступают как энклитики и поэтому не могут стоять в начале предложения. В С.я. выделяются две группы частиц. Первые выражают ту или иную оценку говорящим конкретной ситуации с точки зрения ее соответствия ожидаемому: в.-луж. *da* ʽну', *drje* ʽхоть', ʽвпрочем', ʽразве', *ha* ʽже', *hakle* ʽтолько' (во временно́м значении), *hišće* ʽеще', *jenož* ʽтолько' (в ограничительном значении), *lědma* ʽедва ли', *na přikład* ʽнапример', *potajkim* ʽитак', *runje* ʽкак раз', *scyła* ʽвовсе'; н.-луж. *hyšći* ʽещё', *jano* ʽтолько', *samo* ʽдаже', *wšak* ʽведь'. Вторые содержат некоторую отсылку к предыдущему тексту или к ситуации. Эти частицы могут: указывать на следствие предшествующего предложения (*Jutře budźemy doma,* ***tuž*** *přijědźće* ʽЗавтра мы будем дома, **так что** приезжайте'), выражать противопоставление (*Ty wostań doma, ja* ***pak*** *tam pojědu* ʽТы оставайся дома, **а** я туда съезжу'), классифицировать события, о которых сообщается в тексте (в.-луж. *Sprěnja njejsy to widźał a zdruha ničo tajke njeje so mohło stać* ʽВо-первых, ты этого не видел, а во-вторых, ничего такого и быть не могло').

М е ж д о м е т и я подразделяются на звукоподражания типа *kikeriki* ʽкукареку', *kwak-kwak* ʽква-ква' и слова, выражающие эмоции и волевые проявления говорящего: *ach* ʽах', *fuj* ʽфу', *božičkecy* ʽБоже мой'. Выделяются также так называемые диалоговые междометия (*haj* ʽда', *ně* ʽнет', *hm* ʽгм', *nó* ʽну', ʽну да') и междометия, выражающие обращение (*halo*, *hej* ʽэй', *hlej* ʽсмотри').

2.4.0. Образцы парадигм.

Ниже даются только парадигмы верхнелужицкого литературного языка; отличия нижнелужицкого литературного языка приводятся после соответствующей таблицы.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	*-∅*	*-o*	*-a*, *-∅*
Род.	*-a*/*-u*	*-a*	*-y*/*-e*
Дат.	*-ej*/*-u*	*-u*	*-e*/*-y*/*-i*
Вин.	одуш. = род. п., неодуш. = им. п.	= им. п.	*-u*, *-∅*
Твор.	*-om*		*-u*
Местн.	*-e*/*-u*		*-e*/*-y*/*-i*
Зват.	*-o*/*-e*		= им. п.
	М. р.	Ср. р., ж. р.	
	Дв. число		
Им.	*-aj*, *-ej*	*-e*/*-y*/*-i*	
Род.	*-ow*		
Дат.	*-omaj*		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	
Твор.	*-omaj*		
Местн.	*-omaj*		
Зват.	= им. п.		
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Мн. число		
Им.	личн. *-ojo*, *-jo*, *-i*, *-a*, неличн. *-y*/*-e*	*-a*	*-y*/*-e*
Род.	*-ow*		
Дат.	*-am*		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	
Твор.	*-ami*/*-emi*		
Местн.	*-ach*		
Зват.	= им. п.		

Окончание *-u* в родительном падеже единственного числа имеют некоторые односложные существительные мужского рода с основой на твердую согласную: *lud* ʽнародʼ — *ludu*, *sad* ʽфруктыʼ — *sadu*. В дательном падеже существительные мужского рода могут иметь окончание *-u*, если они стоят после предлога *k*/*ke* (*k wobjedu* ʽк обедуʼ); обязательным это окончание является у слова *bóh* ʽБогʼ. Выбор между *-e* и *-u* в местном падеже единственного числа существительных мужского рода зависит от исхода основы (после сибилянтов, мягких и велярных согласных выступает *-u*, в остальных случаях — *-e* с соответствующими чередованиями (ср. *blido* ʽстолʼ — местн. п. *na blidźe*). Звательная форма существительных мужского рода с основой на твердую согласную (кроме *-c*, *-z*, *-s*) может оканчиваться на *-e* (*Jakubo*/*Jakubje)*.

Нулевое окончание в именительном и винительном падеже единственного числа имеют существительные женского рода типа *myš* ʽмышьʼ. Существительные женского рода с основой на твердую согласную имеют в родительном падеже единственного числа окончание *-y* (после велярных *-i*), на мягкую согласную — *-e* (*zemja* ʽстранаʼ — род. п. *zemje*). В дательном и местном падеже единственного числа у существительных женского рода и в именительном и винительном паде-

же двойственного числа женского и среднего рода окончания распределяются в соответствии с исходом основы: *-i* после мягких согласных (*w zemi* 'в стране'), *-y* после сибилянтов (*wo kozy* 'о козе'), *-e* в остальных случаях (*žonje* 'женщине', *ruce* 'руке').

Личные окончания именительного падежа множественного числа распределяются по морфонологическим правилам. Неличные окончания именительного падежа и окончания творительного падежа множественного числа распределяются соответственно твердости/мягкости основы.

В литературном нижнелужицком языке отсутствуют звательная форма и категория личности. Одушевленность существительных мужского рода выражается в совпадении форм винительного падежа единственного и двойственного числа с формами родительного падежа: *Mamy małego kocora* 'У нас есть маленький котёнок', *Znajom teju konjowu* 'Я знаю этих (двух) лошадей'. У неодушевленных существительных формы винительного падежа совпадают с формами именительного падежа. Во множественном числе формы винительного падежа одушевленных существительных совпадают с формами родительного падежа только в том случае, если данное существительное стоит после числительного или личного местоимения в винительном падеже: *Mam štyrjoch konjow* 'У меня есть четыре лошади'. В остальных случаях формы винительного падежа совпадают с формами именительного падежа: *Znaju twoje bratšy* 'Я знаю твоих братьев'.

Отличными от верхнелужицких являются окончания:

1) дат. п. ед. ч. м. и ср. р. *-oju*: н.-луж. *grodoju* 'замку', в.-луж. *hrodej*;

2) им., вин. п. дв. ч. м. р. *-a*: н.-луж. *dwa woza* 'два вагона', в.-луж. *dwaj wozaj*;

3) дат., твор., местн. п. дв. ч. *-oma*: н.-луж. *z wozoma* 'вагонами', в.-луж. *z wozomaj*;

4) род. п. дв. ч. *-owu*, не совпадающее с окончанием соответствующей падежной формы множественного числа: *rěcowu* '(двух) языков', но *rěcow* 'языков (более двух)'.

П р и л а г а т е л ь н ы е

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им., зват.	*-y*	*-e*	*-a*
Род.	*-eho*		*-eje*
Дат.	*-emu*		*-ej*
Вин.	одуш. = род. п., неодуш. = им. п.	= им. п.	*-u*
Твор.	*-ym*		*-ej*
Местн.	*-ym*		*-ej*
	Дв. число		
Им., зват.	*-aj/-ej*	*-ej*	
Род.	*-eju*		
Дат.	*-ymaj*		
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.	
Твор.	*-ymaj*		
Местн.	*-ymaj*		

	Мн. число	
Им., зват.	личн. *-i*, неличн. *-e*	*-e*
Род.	*-ych*	
Дат.	*-ym*	
Вин.	личн. = род. п., неличн. = им. п.	= им. п.
Твор.	*-ymi*	
Местн.	*-ych*	

Окончания в именительном падеже и звательной форме двойственного числа *-aj*/*-ej* — факультативные варианты.

В литературном нижнелужицком языке отличными от верхнелужицкого являются окончания:

1) род. п. ед. ч. м. р. и ср. р. *-ego*: *dobrego* ‘хорошего’;

2) твор. п. ед. ч. м. р. и ср. р. *-em*: *dobrem* ‘хорошим’;

3) дат. п., твор. п., местн. п. дв. ч. *-yma*: *dobryma* ‘хорошими’.

Ч и с л и т е л ь н ы е

Количественные

Падеж	‘два’	‘три’	‘четыре’	‘пять’
Им.	м. р. *dwaj* ср. р., ж. р. *dwě*	личн. *třo* неличн. *tři*	личн. *štyrjo* неличн. *štyri*	личн. *pjećo*/*pjeć* неличн. *pjeć*
Род.	*dweju*	*třoch*	*štyrjoch*	*pjećoch*/*pjeć*
Дат.	*dwěmaj*	*třom*	*štyrjom*	*pjećom*/*pjeć*
Вин.	лично-муж. = род. п., неличн-муж. = им. п.			
Твор	*dwěmaj*	*třomi*	*štyrjomi*	*pjećomi*/*pjeć*
Местн.	*dwěmaj*	*třoch*	*štyrjoch*	*pjećoch*/*pjeć*

По образцу *pjeć* склоняются все количественные числительные до 99.

В литературном нижнелужицком языке *dwa* (м. р.), *dwě* (ж. р., ср. р.) в дательном, творительном и местном падеже имеют форму *dwěma*; в винительном падеже форма *dweju* употребляется с одушевленными существительными, *dwa* — с неодушевленными.

М е с т о и м е н и я

Личные

Падеж	1 л.			2 л.		
	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
	‘я’	‘мы двое’	‘мы’	‘ты’	‘вы двое’	‘вы’
Им.	*ja*	*mój*	*my*	*ty*	*wój*	*wy*
Род.	*mje*, полная форма *mnje*	*naju*	*nas*	*će*, *tebje*	*waju*	*was*
Дат.	*mi*, полная форма *mni*	*namaj*	*nam*	*ći*, *tebi*	*wamaj*	*wam*
Вин.	*mje*, полная форма *mnje*	*naju*	*nas*	*će*, *tebje*	*waju*	*was*
Твор.	(*ze*) *mnu*	(*z*) *namaj*	(*z*) *nami*	(*z*) *tobu*	(*z*) *wamaj*	(*z*) *wami*
Местн.	(*wo*) *mni*	(*wo*) *namaj*	(*wo*) *nami*/*nas*	(*wo*) *tebi*	(*wo*) *wamaj*	(*wo*) *wami*, *was*

3 л.					
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Дв. число**	**Мн. число**
Падеж	**Ед. число**				
	ʻонʼ	ʻоноʼ	ʻонаʼ	ʻони двое/дваʼ	ʻониʼ
Им.	*wón*	*wone* (*wono*)	*wona*	*wonaj*[3], *wonej*[4]	*woni*[3], *wone*[4]
Род.	*jeho*/*njeho*		*jeje*/*njeje*	*jeju*/*njeju*	*jich*/*nich*
Дат.	*jemu*/*njemu*		*jej*/*njej*	*jimaj*/*nimaj*	*jim*/*nim*
Вин.	*jeho*/*njeho*[1] *jón*/*njón*[2]	*je* (*jo*)/*nje* (*njo*)	*ju*/*nju*	*jej*/*njej*[4] *jeju*/*njeju*[3]	*je*/*nje*[4] *jich*/*nich*[3]
Твор.	(*z*) *nim*		(*z*) *njej*	(*z*) *nimaj*	(*z*) *nimi*
Местн.	(*wo*) *nim*		(*wo*) *njej*	(*wo*) *nimaj*	(*wo*) *nich* (*nimi*)

П р и м е ч а н и я: 1. При указании на одушевленное существительное. 2. При указании на неодушевленное существительное. 3. При указании на личное существительное. 4. При указании на неличное существительное.

Возвратное местоимение *sebje* ʻсебяʼ склоняется аналогично местоимению 2-го лица единственного числа (в полных формах), но имеет краткие формы родительного и винительного падежа *so* и дательного падежа *sej*.

В литературном нижнелужицком языке многие формы личных местоимений отличны от верхнелужицких:

1) местоимение 1-го лица единственного числа в дательном и винительном падеже имеет краткую форму *mě*, в родительном, дательном, винительном и местном падеже полную форму *mnjo*; местоимение 2-го лица единственного числа в родительном, дательном, винительном падеже имеет краткую форму *śi* и, в тех же падежах, а также в местном падеже, полную форму *tebje*; краткая форма возвратного местоимения — *se*;

2) местоимения 1-го и 2-го лица двойственного числа имеют формы именительного падежа *mej*, *wej*, а в дательном, творительном и местном падеже форму *nama*, *wama*; те же окончания в соответствующих формах имеет в двойственном числе местоимение 3-го лица;

3) у местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа, а также у местоимения 3-го лица во множественном числе в местном падеже отсутствуют формы, совпадающие с формами творительного падежа;

4) местоимение 3-го лица в единственном числе мужского и среднего рода имеет в именительном падеже формы *won*, *wono*; в винительном падеже верхнелужицким формам *jón*/*njón* соответствуют нижнелужицкие *jen*/*njen*, в других падежах (родительном, дательном, местном, винительном и одушевленной форме мужского рода) в соответствии с верхнелужицкими *je-*/*nje-* выступает нижнелужицкое *jo-*/*njo-*: род. п. *jogo*/*njogo* и т. д.;

5) в двойственном и множественном числе у местоимения 3-го лица не выражается категория личности (им. п. *wonej*, *womi*), а формы винительного падежа, совпадающие с верхнелужицкими, различаются по одушевленности/неодушевленности.

Местоимение *tón* ʻэтот/тотʼ

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Дв. число	Мн. число
	Ед. число				
Им.	*tón*	*te* (*to*)	*ta*	*taj*, *tej*	*ći*[3], *te*[4]
Род.	*toho*		*teje*	*teju*	*tych*
Дат.	*tomu*		*tej*	*tymaj*	*tym*
Вин.	= род. п.[1] = им. п.[2]	= им. п.	*tu*	= род. п.[3] = им. п.[4]	= род. п.[3] = им. п.[4]
Твор.	*tym*		*tej*	*tymaj*	*tymi*
Местн.	*tym* (*tom*)		*tej*	*tymaj*	*tych*

П р и м е ч а н и я: 1. Для согласующихся с одушевленными существительными. 2. Для согласующихся с неодушевленными существительными. 3. Для согласующихся с личными существительными. 4. Для согласующихся с неличными существительными.

Так же склоняются местоимения *žadyn* ʻникакойʼ, род. п. м. р. *žanoho* и т. д., *sam* ʻсамʼ, ʻодинʼ, числительное (и неопределенное местоимение) *jeden* ʻодинʼ, род. п. м. р. *jednoho* и т. д.

Отличия нижнелужицкого литературного языка: местоимение *ten*, *to*, *ta*, числительное-местоимение *jaden*, *jadno*, *jadna* и др. имеют в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода окончание *-ogo*, в местном падеже единственного числа мужского и среднего рода — только *-om*, в творительном падеже единственного числа женского рода — *-eju*; в именительном падеже двойственного и множественного числа выступают формы с окончаниями соответственно *-ej* и *-e*, а совпадение форм винительного падежа двойственного и множественного числа с формами родительного или именительного падежа выражает одушевленность/неодушевленность.

Г л а г о л ы

Презенс

В соответствии с типом основы в верхнелужицком литературном языке выделяются три спряжения:

	e-спряжение *njesć* ʻнестиʼ	*i*-спряжение *chwalić* ʻхвалитьʼ	*a*-спряжение *dźełać* ʻработатьʼ
	Ед. число		
1 л.	*njesu*	*chwalu*	*dźěłam*
2 л.	*njeseš*	*chwališ*	*dźěłaš*
3 л.	*njese*	*chwali*	*dźěła*
	Дв. число		
1 л.	*njesemoj*	*chwalimoj*	*dźěłamoj*
2–3 л.	*njesetaj*, *-tej*	*chwalitaj*, *-tej*	*dźěłataj*, *-tej*
	Мн. число		
1 л.	*njesemy*	*chwalimy*	*dźěłamy*
2 л.	*njeseće*	*chwaliće*	*dźěłaće*
3 л.	*njesu*/*njeseja*	*chwala*	*dźěłaja*

Окончания во 2-м и 3-м лице двойственного числа *-taj*, *-tej* — факультативные варианты.

Некоторые глаголы не относятся к перечисленным трем классам и спрягаются особо. К ним относятся *jěsć* ʻестьʼ, *wědźeć* ʻзнатьʼ, *směć* ʻсметьʼ и др.

В нижнелужицком языке отсутствует *e*-спряжение, но дополнительно выделяются *o-*/*jo*-спряжение (*njasć* ʻнестиʼ, ед. ч. 1 л. *njasu*/*njasom*, 2 л. *njasoš* и т. д.) и *j*-спряжение (*stojaś* ʻстоятьʼ, ед. ч. 1 л. *stojm*, 2 л. *stojš* и т. д.). Окончания *-om* и *-u* в 1-м лице единственного числа *o-*/*jo*-спряжения являются факультативными вариантами, соответствуя диалектным различиям в нижнелужицком языке. Кроме того, в нижнелужицком сформировались парадигматические различия в спряжении бесприставочных глаголов несовершенного и приставочных глаголов совершенного вида: *kopam* ʻкопаюʼ — *rozkopajom* ʻраскопаюʼ.

Претерит

Синтетическими формами претерита обладает только верхнелужицкий литературный язык (в нижнелужицком литературном языке подобные формы были искусственно калькированы с верхнелужицких). В зависимости от вида глагола формы претерита образуются от разных основ (презентной и инфинитивной) и имеют разные окончания во 2-м и 3-м лице единственного числа.

wuknyć ʻучитьʼ, ʻизучатьʼ (презенс: 1 л. ед. ч. *wuknu*, 2 л. ед. ч. *wuknješ* и т. д.), *nawuknyć* ʻнаучитьсяʼ

	Несовершенный вид			Совершенный вид		
	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
1 л.	*wuknjech*	*wuknjechmoj*	*wuknjechmy*	*nawuknych*	*nawuknychmoj*	*nawuknychmy*
2 л.	*wuknješe*	*wuknještaj*, *-štej*	*wuknješće*	*nawukny*	*nawuknyštaj*, *-štej*	*nawuknyšće*
3 л.	*wuknješe*	*wuknještaj*, *-štej*	*wuknjechu*	*nawukny*	*nawuknyštaj*, *-štej*	*nawuknychu*

До издания последней грамматики Г. Фасске (1981) в серболужицкой грамматической традиции говорили о двух синтетических прошедших — имперфекте (формы, образованные от глаголов несовершенного вида) и аористе (формы, образованные от глаголов совершенного вида).

Императив

kupować ʻпокупатьʼ, *wzać* ʻвзятьʼ

	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**
1 л.	—	*kupujmoj*, *w(o)zmimoj*	*kupujmy*, *w(o)zmimy*
2 л.	*kupuj*, *w(o)zmi*	*kupujtaj*, *-tej*, *w(o)zmitaj*, *-tej*	*kupujće*, *w(o)zmiće*

Формы глагола *być* ʻбытьʼ

	Презенс			Будущее время		
	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
1 л.	*sym*	*smój*	*smy*	*budu*	*budźemoj*	*budźemy*
2 л.	*sy*	*staj*/*stej*	*sće*	*budźeš*	*budźetaj*, *-tej*	*budźeće*
3 л.	*je*	*staj*/*stej*	*su*	*budźe*	*budźetaj*, *-tej*	*budu*/*budźeja*

	Претерит			Формы, образующие сослагательное наклонение		
	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
1 л.	*běch*	*běchmoj*	*běchmy*	*bych*	*bychmoj*	*bychmy*
2 л.	*bě*/*běše*	*běštaj*, *-tej*	*běšće*	*by*	*byštaj*, *-tej*	*byšće*
3 л.	*bě*/*běše*	*běštaj*, *-tej*	*běchu*	*by*	*byštaj*, *-tej*	*bychu*

Формы, выступающие в сослагательном наклонении, образуют также итеративный претерит. Для образования страдательного залога служат формы от основы *bu-* с теми же окончаниями, какие выступают в формах, образующих сослагательное наклонение (ед. ч. 1 л. *buch*, 2 л. *bu*, 3 л. *bu* и т. д.).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Специальных исследований структуры словоформ нет. В общем случае словоформа имеет следующий вид: (префикс) + (префикс) + корень + (суффикс) + (суффикс) + (суффикс) + (флексия). Наличием флексии характеризуются изменяемые части речи — глаголы, существительные, местоимения и изменяемые прилагательные. Специфику С.я. составляют лексемы, в которых сочетаются два префикса, иногда идентичные: *donadźiwać* ʻнасмотреться’, *nanańć*, букв. ʻпонаприходить’ (*Na swjedźenju je so wjele ludźi nanašło* ʻНа праздник пришло много народа’). Кроме обычных приставок, корню могут предшествовать так называемые адвербиальные префиксы, по своим функциям напоминающие (но не полностью копирующие) немецкие отделяемые приставки (см. 2.5.2.). Часто встречаются сочетания двух основ существительного, каждая из которых может быть распространена своими собственными аффиксами: *žiwjenj-o-běh* ʻбиография’, *zmysł-a-połny* ʻосмысленный’ и т. д.

2.5.2. Основные способы словообразования:

1) суффиксальный: *wuč-ić* ʻучить, обучать’ > *wuč-b-a* ʻучёба’, *wuč-b-nic-a* ʻучебник’, *wuč-omni-sk-i* ʻученический’, *wuč-er* ʻучитель’; *młod-y* ʻмолодой’, *młodź-in-a* ʻмолодежь’, *młodź-in-sk-i* ʻмолодёжный’, *młod-ny-ć* ʻмолодеть’;

2) префиксальный: *při-lěpi-ć* ʻприлепить’, *ze-ze-bra-ć* ʻзабрать всё’ (усилительное), *na-zeleń* ʻзеленоватый’, *pře-zahe* ʻслишком рано’, *pa-kluč* ʻотмычка’, *pra-dźěd* ʻпрадед’;

3) префиксально-суффиксальный: *prašeć so* ʻспрашивать’, *woprašeć so* ʻспросить’ > *wu-wo-praš-ować* ʻрасспрашивать’, *z-wu-wo-praš-ować* ʻвыспрашивать’;

4) конверсия: *starši* ʻстарший’, им. п. дв. ч. м. р. *staršej* → *staršej* ʻродители’;

5) словосложение с соединительным элементом *-o-*: *dalok-o-wid* ʻбинокль’ (*daloki* ʻдалёкий’ + *widźeć* ʻвидеть’), *now-o-twar* ʻновостройка’ (*nowy* ʻновый’ + *twarić* ʻстроить’);

6) словосложение с суффиксацией: *proch-srěb-ak* ʻпылесос’ (*proch* ʻпыль’ + *srěbać* ʻвсасывать’);

7) сращение: *prawdźe-podobny* ʻвероятный’ (*prawda* ʻправда’, дат. п. + *podobny* ʻподобный’), *rěče-spyt* ʻязыкознание’ (*rěč* ʻязык’, род. п. + *spyt-ować* ʻразыскивать’).

Еще одним распространенным источником словообразования для С.я. является калькирование немецких композитов. Немецкие композиты переводятся на С.я. как словосочетания, состоящие из существительного и прилагательного (в.-луж. *swójski dom* ʻособняк’ < нем. *Eigenheim*), существительного и другого существительного в родительном падеже (в.-луж. *system wosebiteho zastaranja* ʻсистема спецснабжения’ < нем. *Sonderversorgungssystem*), существительного и предлож-

ной конструкции (*pjenjezy za bjezdźělnych* ʽпособие по безработице' < нем. *Arbeitslosengeld*); как именные композиты (в.-луж. *zynkopask* ʽмагнитофонная плёнка' < нем. *Tonband*), именные дериваты (в.-луж. *fachowc* ʽспециалист' < нем. *Fachmann*) и др. Кальки, состоящие из нескольких словоформ, в серболужицкой грамматической традиции принято считать одной лексемой.

В литературном языке допуристической эпохи и в современном разговорном языке употребляются также композиты, часть которых заимствована из немецкого: в.-луж. *šucjandźel* ʽангел-хранитель' (нем. *Schutzengel*), *świgermać* ʽмачеха' (нем. *Schwiegermutter*).

2.5.3. С точки зрения контенсивной типологии С.я. является языком номинативного типа. Наиболее распространенная структура п р о с т о г о предложения имеет, в отличие от большинства других славянских языков, вид SOV: *Hanka wobjed wari* ʽГанка готовит обед'. Вопросительные предложения образуются с помощью вопросительных слов (*Štó wobjed wari?* ʽКто готовит обед?'), инверсии (*Wari Hanka wobjed?* ʽГанка готовит обед?') или вопросительной интонации.

Клитики, как правило, занимают второе место в предложении: *Bóh će žohnuj!* ʽБлагослови тебя Господь!'. Клитиками являются: 1) краткие формы возвратного и личных местоимений: *mje*, *mi*, *će*, *ći*, *jón*, *je*, *ju*, *so*, *sej*; 2) формы настоящего времени и сослагательного наклонения вспомогательного глагола ʽбыть'; 3) некоторые союзы и частицы: *drje* ʽразве', *pak* ʽже', *wšak* ʽведь' и др. Клитика *so* ʽ-ся', ʽсебя' занимает в предложении либо второе место (тогда смысловой глагол выносится в конец предложения: *Ja **so** přez tón dar wjeselu* ʽЯ рада этому подарку'), либо позицию после смыслового глагола (*Ja wjeselu **so** přez tón dar*). В остальном словоформы в дательном падеже предшествуют словоформам в винительном падеже.

В С.я. распространена так называемая рамочная конструкция: в простом предложении при наличии в нем составного сказуемого вспомогательный глагол занимает место после первой именной или адвербиальной группы, а именная часть выносится в конец предложения: *Jurij je wčera wo swojim dowolu w Italskej powědał* ʽЮрий вчера рассказывал о своем отпуске в Италии'. Некоторые частицы (в.-луж. *wšak* ʽведь', *pak* ʽже' и др.) не являются членами предложения и обычно ставятся перед глаголами и местоимениями: *Ja wšak sym ći je rjenje wumył* ʽЯ ведь их хорошо помыл'. Подлежащее, выраженное личным местоимением, часто опускается: *Dźensa njepóńdu do šule* ʽСегодня (я) не пойду в школу'.

Распространителями субстантивных членов предложения являются согласованные и несогласованные определения, первые большей частью препозитивные: *ta moja wudata dźowka* ʽэта моя замужняя дочь', вторые — постпозитивные: *dźowka mojeje sotry* ʽдочь моей сестры'. Препозитивное несогласованное определение часто выступает по аналогии с согласованным в генитивных конструкциях, выражающих принадлежность, чаще в разговорном языке: *Markec swójba* ʽсемья Марковых', *Kubašec Jan* ʽЯн Кубаш/Ян из семьи Кубаш'.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения подразделяются на союзные и бессоюзные. Среди первых выделяются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Маркерами той или иной связи служат союзы, а также относительные местоимения (см. 2.3.7.). Бессоюзные предложения по характеру смысловых отношений между частями могут быть аналогичны союзным, сложносочиненным или сложноподчиненным: *To wam prajić njemóžu, njewěm to* ʽЭтого я не могу вам ска-

зать, (потому что) не знаю’. Косвенный вопрос вводится подчинительным союзом *hač*, н.-луж. *lěc* ‘ли’: н.-луж. *Pšašaj pšosym, lěc co wona sobu hyś* ‘Спроси её, хочет ли она пойти с нами’.

2.6.0. В лексике С.я. широко представлены заимствования из немецкого языка различного характера и относящиеся к различным периодам, заимствования из других славянских языков, в частности — в нижнелужицком языке заимствования из верхнелужицкого, — а также интернационализмы.

Наибольшее влияние лексический состав С.я. испытал со стороны немецкого языка. Старые лексические заимствования полностью адаптировались системой С.я. и воспринимаются уже как часть собственной лексики: в.-луж. *kěrluš* ‘хорал’, ‘песнопение’ < нем. *Kirchenlied*, *kěrchow* ‘кладбище’ < нем. *Kirchhof*, *kumšt* ‘искусство’ < нем. *Kunst*. В эпоху национального возрождения в литературных серболужицких языках (прежде всего в верхнелужицком) получил распространение славянский языковой пуризм (см. 1.5.0.), представители которого наложили запрет на употребление многих германизмов. Последние заменялись заимствованиями из славянских языков: в.-луж. *štunda* ‘час’ — *hodźina* (< чеш. *hodina*), вместо *lazować* ‘читать’ — *čitać* (< польск. *czytać*) и т. д. В разговорном языке и в диалектах сохраняются в употреблении многочисленные лексические германизмы, не признаваемые литературной нормой: в.-луж. *loster* ‘порок’ < нем. *Laster*, *cyndunka* ‘зажигание’ < нем. *Zündung* и т. д.).

Помимо немецкого, на лексический состав С.я. в различные периоды оказывали сильное влияние также соседние славянские языки, прежде всего чешский и польский, ср. из чешского: в.-луж. *dźiwadło* ‘театр’ < чеш. *divadlo*, *hudźba* ‘музыка’ < чеш. *hudba*, *přestawka* ‘перерыв’ < чеш. *přestávka*; из польского, возможно, *tysac* ‘тысяча’ < польск. *tysiąc* и др.

Распространение интернационализмов в С.я. контролируется немецким языком. Если немецкий заимствует новое слово, С.я. также заимствует его без изменений: в.-луж. *image* ‘имидж’ (нем. *Image* < англ. *image*), *know-how* ‘ноу-хау’(нем. *Know-how* < англ. *know-how*), *okay* ‘окей’ (нем. *okay* < англ. *okay*). Если термин переводится в немецком, он в большинстве случаев будет переводиться и в С.я.: в.-луж. *wobrazowka* ‘экран, монитор’ (нем. *Bildschirm*, ср. англ. *screen* ‘экран’), *pućowanski přewodnik* ‘гид, путеводитель’ (нем. *Reiseführer*, ср. англ. *guide*). Некоторые несоответствия объясняются заимствованием интернационализмов через посредство других славянских языков: нем. *Fernseher*, но в.-луж. *telewizija* ‘телевизор’ — ср. чеш. *televize*, польск. *telewizja*.

В период национального возрождения (после 1840 г.) и затем после Второй мировой войны (1945 — конец 1950-х гг.) некоторое влияние на развитие лексики из области политической и социальной жизни оказал также русский язык (советизмы *aktiwist* ‘активист’, *brigada* ‘бригада’ и др.). Нижнелужицкий литературный язык испытал значительное влияние литературного верхнелужицкого языка.

2.7.0. Внутри современной серболужицкой языковой территории выделяются две диалектные области: верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты. Отдельно часто рассматриваются переходные говоры, сочетающие в себе черты этих двух областей (см. 1.2.1.).

Основные отличия верхнелужицких диалектов от нижнелужицких

В области исторической фонетики		
	Верхнелужицкие диалекты	Нижнелужицкие диалекты
Рефлексы сочетаний типа _*TorT_ под староакутовым ударением	_błóto_ ʽболото’, _brěza_ ʽберeза’	_błoto_, _brjaza_ < _*br’eza_
Рефлексы слоговых плавных сонорных	_hornc_ ʽгоршок’, _korčma_ ʽкабак’	_gjarnc_, _kjarcma_
Рефлексы _*ę_	_mjaso_ ʽмясо’, _rjad_ ʽряд’, _pjeć_ ʽпять’, _pjaty_ ʽпятый’	_měso_, _rěd_, _pěś_, _pěty_
Рефлексы _*ъ_	_krot_ ʽкрот’, _moch_ ʽмох’	_kšet_, _mech_
Рефлексы _*pr_, _*tr_, _*kr_ с несмягченным сонорным	_prawy_ ʽправый’, _trawa_ ʽтрава’, _kradnyć_ ʽкрасть’	_pšawy_, _tšawa_, _kšadnuś_
Рефлексы _t’_, _d’_	_ćeta_ ʽтетя’, _dźeń_ ʽдень’	_śota_, _źeń_
Рефлексы _*č_	_čisty_ ʽчистый’	_cysty_
Рефлексы _*e_	_njesć_ ʽнести’	_njasć_
Рефлексы _*g_	_hora_ ʽгора’	_gora_
-_a_- между мягкими согласными	_přećel_ ʽдруг’	_pśijaśel_
В области морфологии		
	Верхнелужицкие диалекты	Нижнелужицкие диалекты
Категория личности	+	—
Звательная форма	+	—
Синтетические формы прошедшего времени	+	—
Супин	—	+
В области лексики (выборочно)		
	Верхнелужицкие диалекты	Нижнелужицкие диалекты
ʽчеловек’	_člowjek_	_luź_
ʽрубашка’	_košla_	_zgło_
ʽсчастье’	_zbožo_	_gluka_
ʽскот’	_skót_	_zbožo_
ʽкровать’	_łožo_	_postola_
ʽдерево’	_štom_	_bom_
ʽсвобода’	_swoboda_	_lichota_

В верхнелужицких диалектах обнаруживаются также многочисленные внутренние различия. Наиболее показательны следующие:

1) распространение _o_ в соответствии с литературным _e_ в некоторых флексиях в западных диалектах (католическом и куловском): _twarjenje_ > _twarjenjo_ ʽздание’, _dobreho_ > _dobroh_ ʽхорошего’;

2) изменение _y_ в _ó_, _u_ (часто затем совсем исчезающее) после лабиальных согласных в католическом диалекте (_my_ > _mó_ ʽмы’, _nowy kłobuk_ > _now(u) kłobuk_ ʽновая шляпа’) и в _ó_, _o_ в будишинском и пушчанском диалектах (_budźemy_ > _budźemo_ ʽбудем’);

3) отражение сочетания согласных *sć* в виде *šć* в католическом диалекте (*kósć* > *kóšć* ʽкость’) и *st* в будишинском диалекте (*kóst*);

4) депалатализация согласных в католическом диалекте: *brjuch* > *bruch* ʽживот’, *sewjer* > *sewer* ʽсевер’;

Различия между нижнелужицкими диалектами прослеживаются, например, при реализации фонемы /o/ в позиции после велярных и лабиальных согласных, если за ними не следует велярный или лабиальный, см. 2.1.3. На юго-востоке нижнелужицкого диалектного комплекса сочетание /pr/ сохранилось (*prawy* ʽправый’), а в остальных регионах изменилось в /pš/ (*pšawy*). На севере и северо-востоке, а также на востоке нижнелужицкой языковой территории произносится дентальный твердый [l], в то время как в остальных регионах он имеет билабиальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого языка. Морфология. М., 1973.

Ермакова М. И. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М., 1979.

Мудра И., Петр Я. Учебник верхнелужицкого языка. Bautzen, 1983.

Селищев А. М. Лужицкие сербы (сербо-лужичане) // Славянское языкознание. Западнославянские языки. М., 1941, т. 1.

Трофимович К. К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.

Faßke H. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1980.

Faska H. Pućnik po hornjoserbšćinje. Bautzen, 2003.

Janaš P. Niedersorbische Grammatik. Bautzen, 1976.

Serbšćina / Red. H. Faska. Opole, 1998.

Siatkowska E., Meškank T. O języku łużyczan prawie wszystko. Warszawa, 2001.

Stone G. Das Obersorbische. Das Niedersorbische // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 2003.

Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Fonetika a morfologija. Budyšin, 1968.

Šewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Syntaksa. Budyšin, 1976.

Словари и атласы

Верхнелужицко-русский словарь = Hornjoserbsko-ruski słownik / Сост. К. К. Трофимович. М.; Бауцен, 1974.

Słownik hornjoserbsko-němski / Zest. B. Rewerk, K. Malinkowa, L. Kowarjowa. Budyšin, 1990.

Sorbischer Sprachatlas = Serbski rěčny atlas / Red. H. Faßke, H. Jentsch, S. Michalk. Bautzen, 1965–1996, t. 1–16.

Т. С. Тихомирова

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Польский язык является языком поляков, получивших свое имя по историческому племени полян, живших в бассейне среднего течения рек Нотец и Варта. Впервые этот этноним упоминается в латинском житии св. Войтеха (997–1002) в связи с государством полян, правитель которого Болеслав Хробрый именуется там *rex Palaniorum*. Впоследствии это наименование было перенесено и на всю позднейшую польскую территорию.

1.1.1. Польский язык (П.я.). Вариантов названия нет; польск. *język polski*, *polszczyzna*, англ. *Polish*, нем. *Polnisch*, фр. *le polonais*.

1.1.2. П.я. принадлежит к лехитским языкам, входящим в состав западной группы славянских языков.

1.1.3. Современный ареал П.я. охватывает всю территорию Республики Польша и в целом совпадает с бассейном Вислы и правых притоков Одера на Польской низменности. С севера естественной границей распространения П.я. является Балтийское море, на юге — северные отроги Судет и Карпат.

Согласно переписи 2002 г., в Польше на П.я. дома говорят 37 389 тыс. чел., или 97,8% населения. Для 841 тыс. чел. он является вторым языком. В той или иной степени П.я. используется в польской диаспоре (так называемой Полонии) в среде лиц польского происхождения, оказавшихся вне Польши в результате эмиграции, переселений, изменений государственных границ (указана численность обычно говорящих дома по-польски): в Литве (235 тыс. чел., 2001), Белоруссии (18 тыс. чел., 1999), России (94 тыс. чел., 2002), Казахстане (47 тыс. чел., 1999), Украине (19 тыс. чел., 2001), Латвии (12 тыс. чел., 2000), ряде европейских стран — Чехии (52 тыс. чел., 2001), Словакии, Германии (300 тыс. поляков, 2002), Великобритании, Франции, в странах Америки — США (667 тыс. чел., 2000), Канаде (164 тыс. чел., 2001), Бразилии и др., в Австралии. Число носителей П.я., живущих вне Польши, по разным данным, превышает 1,7 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. На территории Польши наряду со стандартным литературным языком функционирует несколько диалектных разновидностей, восходящих ко времени племенных объединений, а позднее — к государственным племенным образованиям. Обычно выделяют: великопольские диалекты (Великопольша), малопольские диалекты (Малопольша), мазовецкие диалекты (Мазовше), силезские диалекты (Силезия).

Вопрос о языковом статусе пятой — кашубской — зоны остается в значительной мере дискуссионным. С генетической точки зрения она представляет один из самостоятельных лехитских языков со своими значительными и яркими отличиями, но вместе с тем сильная языковая и историческая общность кашубских говоров с прочими диалектами П.я. нередко позволяет рассматривать их в составе собственно польских диалектов (см. статью «Кашубский язык» в наст. издании).

Как самостоятельные диалектные районы иногда отмечаются так называемые периферийные, или окраинные («крэсовэ») говоры, новые говоры без «мазурения» и некоторые другие.

После Второй мировой войны на воссоединенных с Польшей исконно польских западных, северных и северо-восточных землях в среде польских репатриантов и переселившихся сюда носителей разных диалектов сложились условия для межъязыковой интеграции. В результате этих процессов начали формироваться так называемые смешанные говоры, которые в настоящее время активно вытесняются общепольской нормой.

Польские говоры вне Польши являются, как правило, продолжением приграничных говоров на польской стороне, например, в Чехии (Моравии) — говоры Чешинской Силезии (Заолзье) района Яблонкова, смешанные переходные польско-чешские говоры, в Словакии — говоры районов Спиша и Оравы. Они нахо-

дятся под сильным воздействием соответственно чешского и словацкого языков. Более или менее многочисленные островные польские говоры сохраняются в Литве, Белоруссии (район Налибокской Пущи, Барановичей, Гродно), отчасти на Украине, а также в Молдавии, Румынии, Венгрии, Турции.

На территории других, не пограничных стран П.я. распространен среди выходцев из Польши и их потомков в качестве родного или второго языка в своей литературной или же диалектной разновидности (например, кашубы в Канаде). В наиболее крупных польских сообществах под воздействием местных государственных языков формируются особые разновидности П.я., например, так называемый польско-бразильский вариант, язык американской Полонии.

Диалектные различия на территории Польши (за исключением кашубской зоны) в целом незначительны и не препятствуют взаимопониманию. К ним относятся прежде всего фонетические, словообразовательные и лексические явления, хотя отмечается также незначительная морфологическая дифференциация. Наиболее древние диалектные особенности разделяют северную часть польской территории (поморские говоры с кашубским, Мазовше) и южную (частично Великопольша, Малопольша, Силезия).

Разграничение диалектных зон базируется на фонетических основаниях. К важнейшим структурным изоглоссам относятся:

1) так называемое «мазурение» — замена ряда твердых шипящих *š*, *ž*, *č* рядом твердых свистящих *s*, *z*, *c*, при разграничении этих исторически различных рядов в литературном языке и других диалектах (время возникновения — предположительно XIII–XIV вв.). Возможны и другие типы смешения рядов согласных *s*, *š* и *ś*, например, *s*/*ś* > *s* («кашубение»), *š*/*ś* > *š'* («сякание»);

2) характер ассимиляции по глухости/звонкости (сонорности) на стыке слов: озвончение конечных глухих и сохранение звонких согласных перед начальными гласными и сонорными согласными (так называемый озвончающий вариант сандхи) и сохранение глухости (оглушающий вариант);

3) результаты изменения исторических носовых гласных;

4) развитие бывших долгих гласных.

Морфологические изоглоссы обособлены друг от друга и не образуют резких границ. К наиболее ярким диалектным чертам относятся: отсутствие оппозиции лично-мужских и нелично-мужских (женско-вещных) форм, специфические словообразовательные суффиксы (например, *-ak*), унифицированные суффиксы без беглого гласного *-k*, *-c* (*domk* ‘домик’, лит. *domek*, мн. ч. *domki*; *kupc* ‘купец’, лит. *kupiec*, мн. ч. *kupcy*), отдельные падежные окончания существительных (дат. п. ед. ч. м. р. *-ewi*, род. п. ед. ч. ж. р. *-e*), личные окончания глаголов (1 л. ед. ч. прош. вр. *-ch*/*-k*: *byłech*/*byłek* ‘(я) был’, лит. *byłem*; 1 л. мн. ч. наст. вр. *-m*, *-ma*, 2 л. мн. ч. прош. вр. *-ta*).

Большинство черт, характеризующих польские диалектные зоны, образовалось сравнительно поздно, так как основные фонетические процессы дописьменной и раннеписьменной поры были осуществлены на польской языковой территории однотипно. Известны лишь отдельные изоглоссы, восходящие к праславянским процессам, по которым противопоставляются северная и южная части Польши (развитие **r̥'*, сочетаний типа **TorT*, **TelT* и др.). В диалектах сохранился ряд архаических черт, исчезнувших из литературного языка: фонетическая и фоноло-

гическая самостоятельность рефлексов бывших долгих гласных, свободное или инициальное ударение, не только формальная, но и семантическая обособленность некоторых глагольных форм двойственного числа, притяжательные прилагательные, отсутствие согласовательной категории мужского лица и т. д.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. П.я. является официальным государственным языком Республики Польша и с 2004 г. одним из официальных языков Европейского Союза.

За пределами Польши функции П.я. ограничены преимущественно устно-разговорными неофициальными сферами: он бытует в семейном общении, культурной деятельности, отчасти — в просвещении. В районах со значительной прослойкой польскоязычного населения (в США, Канаде, Литве) на П.я. с разной степенью регулярности издаются газеты и журналы, ведутся радио- и телепередачи.

В сфере социальных диалектов П.я. можно отметить наиболее изученный городской жаргон Варшавы и отличающуюся наибольшим своеобразием городскую устную речь Силезии.

1.3.2. По мнению большинства исследователей, П.я. приобретал ранг литературного языка в XV–XVI вв. С этого времени он охватывает все основные сферы языкового функционирования: государственное судо- и делопроизводство, оригинальное художественное творчество (проза и поэзия), политическую, религиозную, философскую публицистику. Тогда же П.я. начинает проникать в школу как вспомогательный язык при обучении древним языкам. В этих функциональных сферах П.я. пришел на смену латинскому языку, выступавшему в Польше в качестве письменно-литературного языка до XVI в., а в некоторых сферах (юриспруденция, наука) — и до XVIII в. Становление литературного П.я. явилось результатом последовательной деятельности польских просветителей — писателей, публицистов, печатников, проповедников XIV–XVI вв., направленной на введение П.я. во все области общественной и культурной жизни и на выработку его основных фонетических, грамматических и лексических норм.

Вопрос о диалектной основе литературного П.я. имеет в польской лингвистике длительную историю и много лет вызывал ожесточенные споры. Сторонники «великопольской» теории (А. Калина, К. Нитч, Т. Лер-Сплавинский, М. Рудницкий, С. Урбанчик, С. Роспонд и др.) связывали возникновение литературного П.я. с великопольскими диалектами и возводили его возникновение к X–XI вв. (ранний период существования польского государства со столицей в г. Гнезно). Сторонники «малопольской» теории (А. Брюкнер, С. Шобер, В. Ташицкий, Т. Милевский, А. М. Селищев и др.) относили возникновение литературного языка к XII–XV вв. (период консолидации польских земель вокруг малопольского государства со столицей в Кракове). В настоящее время наиболее распространенным является мнение о последовательном включении формирующегося литературного языка и его норм в орбиту воздействия разных диалектных зон (З. Штибер, З. Клеменсевич и др.): первоначально великопольской, затем малопольской, а в конце XVI в. и мазовецких говоров (после смещения государственного и общественно-политического центра страны на территорию бывшего мазовецкого княжества со столицей в Варшаве). В отдельные периоды литературный П.я. испытывал также влияние речи выходцев из других диалектных зон, в частности, с юго-восточной или северо-восточной окраины.

Первые дошедшие до нас записи польских слов (преимущественно географические названия, личные имена, названия поборов и повинностей) содержатся в латинских документах XII в. Наиболее полно (около 410 слов) они представлены в Гнезненской булле 1136 г. Эта дата принимается за начало исторического (письменного) периода П.я. Древнейшим сохранившимся связным памятником П.я. являются Свентокшиские проповеди (рукопись середины — второй половины XIV в., хотя архаичность языка позволяет считать ее списком более древнего текста XIII — начала XIV в.). К наиболее значительным древнейшим памятникам относятся также: Флорианская Псалтирь (конец XIV — начало XV в.), Гнезненские проповеди (начало XV в.), Пулавская Псалтирь (конец XV — начало XVI в.) и Библия королевы Зофьи, или Шарошпатацкая Библия (середина XV в.). Самый ранний светский памятник — переведенный с латыни Кодекс Свентослава (1449 г.). С конца XV — начала XVI в. польская письменность представлена большим числом рукописных произведений религиозной, художественной, политической, публицистической и прочей литературы, а со второго десятилетия XVI в. — и печатными изданиями.

Литературный П.я. отличается длительной историей кодификации. Первые свидетельства сознательного отношения к использованию П.я. восходят к XV–XVI вв. и связаны с попытками установления орфографических норм, точнее — правил передачи польских звуков латинскими буквами (латинский «Трактат об орфографии польской» Якуба Паркошовица, 1440 г.). К XVI в. относится первый опыт создания польско-иноязычных и иноязычно-польских, прежде всего латинско-польских словарей: словарь Мурмелиуша («Dictionarius… variarum rerum… cum Germanica atque Polonica interpretatione», 1526), словарь Яна Мончиньского («Lexicon Latino-Polonicum», 1564) а также предназначенных для иностранцев грамматик П.я. (на латинском языке). Наиболее известна грамматика Петра Статориуса-Стоеньского («Polonicae grammatices institutio», 1568). Со второй половины XVIII в. появляются польские грамматики на П.я.; наиболее популярна была грамматика Онуфрия Копчиньского («Gramatyka dla szkół narodowych», 1778 и переиздания 1780, 1781). Кодификаторская деятельность в современном понимании началась в конце XIX в., причем проблематика культуры речи нередко, особенно на начальном этапе, тесно сопрягалась с нарождающейся наукой о П.я., а иногда и подменяла ее. В настоящее время литературный П.я. представляет высокую степень стандартизации, что выражается в наличии строго упорядоченных орфоэпических, грамматических, лексических, стилистических и др. правил и норм, закрепленных в многочисленных нормативных словарях, в сильной нормализаторской направленности школьного преподавания, в пристальном общественном внимании к культуре речи (теле- и радиопередачи о речевой правильности, специальные рубрики в периодической печати, деятельность обществ культуры речи).

1.3.3. На территории Польши П.я. обладает полным учебно-педагогическим статусом современного литературного стандартного языка (начальная, средняя, высшая школа).

В качестве самостоятельной учебной дисциплины П.я. введен в школьные программы в XVIII в.

Вне пределов Польши среди польскоязычного населения уровень преподавания П.я. различен. На территориях с компактным польским населением (Литва,

Белоруссия, Чехия, Словакия, США и др.) работают школы разного уровня или же классы с преподаванием на П.я.; в некоторых странах (Россия, Казахстан, Франция, Германия и др.) преподавание П.я. ведется в вечерних и воскресных школах, в том числе при костёлах.

1.4.0. Графика современного литературного П.я. основана на латинице, приспособленной для нужд польской фонетики. Используются диакритические знаки: буквы *ą*, *ę* обозначают так называемые носовые гласные, см. 2.1.1.; буква *ż* — твердую шипящую /ž/; буквы *ć*, *ś*, *ź* — мягкие среднеязычные шипящие, соответственно аффрикату /ć/ и фрикативные /ś/, /ź/; буква *ń* — мягкую /n'/; буква *ó* — /u/; буква *ł* — скользящий /u̯/, а также многочисленные диграфы: *cz*, *sz*, *rz*, *dż* обозначают соответственно твердые шипящие /č/, /š/, /ž/, /ǯ/; *dź* — мягкую шипящую /ʒ́/; *ch* — глухую фрикативную /x/. Сочетаниями различных букв с буквой *i* в позиции перед гласной обозначается мягкость согласных (*nie* [n'e] ʽнет' и т. п.).

Польская графика на латинской основе прошла несколько этапов развития, в ходе которого значительно изменялась. Современная графическая система в целом установилась в начале XIX в., последняя значительная реформа орфографии осуществлена в 1956 г., отдельные орфографические инновации введены в 1999 г.

1.5.0. В истории П.я. выделяются периоды:

1) дописьменный: до середины XII в.;

2) древнепольский (старопольский): с середины XII до конца XV — начала XVI в.;

3) среднепольский: начало XVI — середина или третья четверть XVIII в. Среднепольский период иногда разделяют на два подпериода: до середины XVII в. и позже, до конца XVIII в.;

4) новопольский: со второй половины XVIII в. до наших дней.

Дописьменный период охватывает время после распада праславянской языковой общности, когда протекали процессы формирования протопольских языковых особенностей, и условно завершается временем возникновения первых сохранившихся записей польской речи (булла 1136 г.). В этот период в П.я. осуществился ряд общеславянских и собственно польских изменений, непосредственно в польской письменности не документированных, в частности:

1) так называемая лехитская перегласовка — диспалатализация гласных переднего ряда **ě*, **e*, сонорных **r̥'*, **l̥'* перед твердыми переднеязычными согласными и изменение их соответственно в *a*, *o*, *r̥*, *l̥* при фонетическом и фонологическом сближении рефлексов *ě* и *e* в других позициях: *věra* > *wiara* ʽвера', *Petr* > *Piotr* ʽПётр';

2) вокализация слогообразующих плавных сонорных *r̥*, *r̥'*, *l̥*, *l̥'*;

3) падение редуцированных *ъ* и *ь* в слабой позиции и изменение сильных *ъ* и *ь* в гласный *e*;

4) выпадение интервокального *j* и стяжение гласных (контракция);

5) возникновение новых долгих гласных в результате заместительного удлинения после падения слабых редуцированных и другие процессы.

Ввиду того, что связные польские тексты до XIV в. не известны, верхняя граница многих дописьменных грамматических явлений не прослеживается. Наиболее значительными морфологическими изменениями, происшедшими к этому

времени, следует считать начало процесса перестройки именного склонения по родовому признаку и утрату простых форм прошедших времен (в польских памятниках зафиксировано лишь 26 форм предполагаемого имперфекта и аориста).

Язык древнепольского периода отражен в рукописных памятниках XII–XIII вв. в виде отдельных слов и фраз, вставленных в латинские тексты, а со второй половины XIV в. — в связных польских текстах. К этому времени относятся также первые свидетельства формирования наддиалектных норм собственно литературного языка, зачатков стилистической дифференциации языковых средств. Для древнепольского периода характерны:

1) оппозиция долгих и кратких гласных, которая в результате сокращения долгих и изменения их тембра к концу периода во второй половине XV в. превращается в оппозицию качественно различных звуков, т. е. оппозицию краткие/бывшие долгие (или так называемые «суженные», польск. ścieśnione, либо «склоненные», польск. pochylone);

2) совпадение общеславянских носовых *ǫ и *ę в одном гласном типа *ą*^{o} или *ą*^{e} (по диалектным зонам) и дальнейшее развитие этого гласного в зависимости от его длительности (в литературном языке долгие при сокращении давали рефлекс ǫ, краткие — ę);

3) развитие в части диалектов и литературном языке так называемого «расщепленного» произношения носовых гласных перед смычными согласными (см. 2.1.1.);

4) установление вместо свободного и подвижного ударения фиксированного, первоначально, по-видимому, инициального, позднее — парокситонического (см. 2.1.2.);

5) переход (XII в.) палатализованных переднеязычных согласных *s'*, *z'*, *t'*, *d'* в среднеязычные палатальные шипящие.

Таким образом, основным процессом в истории фонетического строя П.я. является упрощение системы вокализма и постепенное подчинение ее все усложняющейся системе консонантизма.

В области морфологии отмечается:

1) дальнейшее формирование новой, построенной по родовому признаку системы склонения существительных: мужского типа (с бывшими основами на *-ŏ*, *-jŏ*, *-ŭ*), женского типа (с бывшими основами на *-ā*, *-jā*, *-ĭ*), среднего типа (с бывшими основами на *-ŏ*, *-jŏ* и на согласный);

2) ограничение использования кратких именных форм прилагательных и причастий вплоть до их исчезновения;

3) развитие из форм перфекта новообразованных упрощенных форм прошедшего времени типа *wyszedł jestem* > *wyszedłem* 'я вышел', *przyszli jeśmy* > *przyszliśmy* 'мы пришли'.

Границу между древнепольским и среднепольским периодами определяют как значительные грамматико-структурные преобразования П.я., так и принципиальные сдвиги в его функционировании, начавшиеся в эпоху Возрождения: развитие книгопечатания, проникновение П.я. вместо латинского во все сферы письменно-литературного использования, становление разнообразной по стилям и жанрам оригинальной польской письменности.

В среднепольский период окончательно устанавливается парокситоническое ударение, постепенно исчезает фонетическая и фонологическая противопостав-

ленность кратких/бывших долгих (суженных) гласных вследствие постепенного слияния последних с теми или иными краткими гласными. Устанавливается современная оппозиция вокального компонента носовых гласных. Наиболее значительными процессами в сфере консонантизма являются: диспалатализация в XVI в. ранее мягких шипящих *š'*, *ž'*, *č'*, *ǯ'* и свистящих *c'*, *ʒ'*, а также конечных мягких губных, что в совокупности с предшествующими изменениями (лехитская перегласовка, развитие носовых гласных) заложило предпосылки к установлению более поздней фонологической оппозиции по твердости/мягкости.

В области морфологии именного склонения на этот период приходится формирование двух категорий — общеславянской категории одушевленности/неодушевленности и польской категории мужского лица (к XVII–XVIII вв.), а также утрата категории двойственного числа. Значительные изменения произошли во флективной парадигме имени существительного: перераспределение и закрепление падежных окончаний за определенными группами слов, исчезновение форм двойственного числа, что в совокупности привело к состоянию, близкому к современному. В области глагола установилась современная система форм времен и наклонений: нулевое окончание в базовой форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, личные показатели сослагательного наклонения, преобразованные по типу форм прошедшего времени изъявительного наклонения (*bych* > *bym* 'я бы', *bychom*/*bychmy*/*bysmy* > *byśmy* 'мы бы', *bychą* > *by* 'они бы'). Произошла формальная и функциональная дифференциация склоняющихся причастных и утративших склонение деепричастных форм действительного залога.

Новопольский период условно начинается с середины — третьей четверти XVIII в., что определяется прежде всего не столько структурными инновациями, сколько изменениями в языковой ситуации (утрата Польшей в результате разделов конца XVIII в. политической и национальной независимости и значительное ограничение функциональных сфер П.я.). В пределах этого периода (также по внеязыковым причинам) иногда выделяются этапы: 1) середина и вторая половина XVIII в. — 1918 г.; 2) 1918–1945 гг. (время восстановления польской государственности и военный период); 3) с 1945 г. до наших дней. Структурные изменения этого периода реализуют начавшиеся ранее тенденции обновления и обогащения грамматической и лексической систем языка и не отмечены резкими изменениями. В целом новопольский период литературного языка характеризуется стремлением к унификации, устранению имеющихся вариантов и дублетов в норме и узусе.

1.6.0. Длительное взаимодействие П.я. в сфере письменности с латинским языком нашло отражение в лексических заимствованиях (см. 2.6.0.), в макароническом стиле литературного языка XVII — начала XVIII в., а также в отдельных структурных явлениях, в целом, однако, неустойчивых. Это окончание *-a* в именительном и винительном падеже множественного числа типа *instrumenta* 'инструменты', *dokumenta* 'документы', свойственное заимствованным существительным мужского рода латинского происхождения с XV до начала XX в. и ныне практически вытесненное регулярным окончанием *-y*. На ранних этапах литературного языка отмечалось влияние латинского синтаксиса (использование конструкции accusativus cum infinitivo, впоследствии вышедшей из употребления, широкое применение причастных и деепричастных конструкций и др.).

Своеобразным было воздействие чешского языка (XIV–XVI вв.), который служил не только посредником при заимствовании латинских и немецких слов (см. 2.6.0.), образцом калькирования, в том числе и синтаксического, но и эталоном кодификации. При конкуренции диалектных вариантов признание в литературной норме получал тот, который совпадал с состоянием в чешском языке.

К заимствованным вместе с лексикой структурным явлениям следует отнести суффиксы *-acja*, *-ator*, *-izm* и т. п., префиксы *anty-*, *arcy-*, *eks-* и т. п. Наличие заимствованных слов создало в системе словоизменения уникальные подгруппы несклоняемых существительных (*foyer* ʽфойе’, *jury* ʽжюри’, *video* ʽвидео’ и др.) или прилагательных (*khaki* ʽхаки’, *mini* ʽмини’).

Структурное воздействие иноязычных элементов обнаруживается и в фонологической системе литературного П.я. — заимствованные слова, не полностью освоенные в фонетическом отношении, создают базу особой подсистемы. Для нее характерны как наличие звуков, отсутствующих в исконно польских словах (мягкие переднеязычные [s’], [z’], [t’], [d’], [r’]: *sinus* ʽсинус’, *diuna* ʽдюна’ и т. п., носовые гласные типа [ą], [į]: *szansa* ʽшанс’, *ring* ʽринг’ и т. п., дифтонги [au̯], [eu̯]: *auto* ʽавтомобиль’, *Europa* ʽЕвропа’ и т. п.), так и специфическая дистрибуция собственно польских звуков (сочетания твердых заднеязычных с гласными переднего ряда: *kefir* ʽкефир’, *gejsza* ʽгейша’ и т. д., сочетания мягких заднеязычных с гласными непереднего ряда: *giaur* ʽгяур’ и т. д.).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i (y)		u
Средний	e		o
Нижний		a	

Проблема признания оппозиции назальность/неназальность гласных фонологической и соответственно звуков [ǫ] и [ę] самостоятельными фонемами вызывает дискуссии. Неоднотипность фонологической трактовки носовых гласных, обозначаемых буквами *ą* и *ę*, объективно связана не только с прогрессирующими артикуляционными изменениями и ограничением дистрибуции этих гласных (см. 2.1.3.), с возможностью реализации в заимствованных корнях назальных вариантов всех гласных (*szansa* [šąsa] ʽшанс’, *inżynier* [įžyn’er] ʽинженер’), но и с несовместимостью применяемых фонологических теорий. Наибольшее распространение в последнее время получила трактовка всех назальных гласных в морфемах любого происхождения как позиционных аллофонов двуфонемных сочетаний «чистый гласный + носовой согласный». В этом случае назальность гласных (в отличие от согласных) оценивается только как позиционно-факультативный признак.

Отсутствует также единая общепризнанная трактовка *i* и *y*: их рассматривают либо как аллофоны одной фонемы /i/, либо как самостоятельные фонемы.

Согласные

По способу образования			По месту образования					
			Губные		Переднеязычные		Средне-язычные	Задне-язычные
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвео-лярные		
Шумные	Взрывные	Гл.	p p’		t (t’)			k k’
		Зв.	b b’		d (d’)			g g’
	Аффрикаты	Гл.			c	č	ć	
		Зв.			ʒ	ǯ	ʒ́	
	Фрикативные	Гл.		f f’	s (s’)	š	ś	x x’
		Зв.		v v’	z (z’)	ž	ź	
Сонорные	Носовые		m m’		n		n’	
	Боковые					l (l’)		
	Дрожащие					r (r’)		
	Скользящие		u̯				i̯	

Основной оппозицией в классе согласных является оппозиция сонорных и шумных; шумные обладают последовательной корреляцией по глухости/звонкости, которая реализуется в парах с разной степенью функциональной нагруженности (за исключением глухой /x/).

Мягкие губные [m’], [p’], [b’], [v’], [f’], а также мягкие заднеязычные [k’], [g’], [x’] трактуются иногда как аллофоны соответствующих твердых согласных.

Палатализованный согласный [l’] является позиционным вариантом /l/ (перед гласным [i]).

Смягченные [t’], [d’], [s’], [z’], [r’] выступают только в заимствованных словах.

Согласные [ŋ] и [ŋ’] выступают в качестве позиционных вариантов носового /n/ перед заднеязычными.

2.1.2. Ударение в П.я. носит динамический характер. Словесное ударение фиксированное и парокситоническое (т. е. падает на предпоследний слог в слове: '*gałąź* ‘ветка’ — *ga*'*łązka* ‘веточка’ — *rozgałę*'*ziony* ‘разветвлённый’); свойственно преимущественно полнозначным словам, к которым могут примыкать безударные проклитики (отрицательная частица, предлоги) или же энклитики (частица *się*, местоименные краткие формы, частицы и подвижные личные окончания). В многосложных словах появляется также второстепенное инициальное ударение, особенно сильное в некоторых стилях речи (ораторская речь, при эмфазе). Парокситоническое ударение традиционно не охватывало некоторые грамматические формы (множественного числа прошедшего времени, сослагательного наклонения: '*byliśmy*/'*byłyśmy* ‘мы были’, '*bylibyśmy*/'*byłybyśmy* ‘мы были бы’) и отдельные слова, преимущественно заимствованные (*mate*'*matyka* ‘математика’). В настоящее время наблюдается сильная тенденция (особенно в речи молодого поколения) к распространению парокситонического ударения на все типы форм и слов (что пока не кодифицировано нормой).

Ударение в П.я. не имеет фонологического или же грамматического характера, но по отношению к полнозначным единицам несет определенную делимитаци-

онную функцию, которая, однако, ограничена наличием односложных слов, проклитик и энклитик, инициального ударения в многосложных словах.

Исторически польское парокситоническое ударение выводится из тонического свободного и подвижного праславянского (ср. сохранение такого ударения в северо-кашубских говорах). Для древнепольского языка, по мнению исследователей, было характерно инициальное ударение, также сохранившееся по окраинным говорам (Подгалье).

2.1.3. Реализация г л а с н ы х фонем не зависит от их ударности/безударности; качественная редукция отсутствует; количественная редукция неударенных гласных незначительна. В соседстве палатальных согласных наблюдаются регулярные передвижения гласных в переднюю зону.

Большую зависимость от фонетических условий проявляют носовые гласные [ǫ] и [ę]. Они реализуются только внутри слова перед фрикативными согласными (в аналогичных условиях реализуются также и носовые [ą], [į], [ų], [y̨] в заимствованных словах) и в конце слова. В обиходно-разговорной речи отмечается сильная тенденция к ослаблению назализации [ǫ] или к полной ее утрате для гласного [ę] > [e] в позиции конца слова. В прочих позициях рефлексы исторических носовых гласных **ǫ* и **ę* произносятся либо как чистые [o] и [e] (в позиции перед /l/, /u̯/), либо — перед смычным согласным — как сочетания чистого гласного и носового согласного, совпадающего по месту образования с последующим взрывным («расщепленное» произношение).

Для сочетаний с о г л а с н ы х, парных по глухости/звонкости, характерна регрессивная ассимиляция по глухости/звонкости (*główka* [gu̯ufka] ʻголовка’, но *głowa* [gu̯owa] ʻголова’). В сочетаниях глухих с последующими звонкими /v/ и /ž/ наблюдается прогрессивная ассимиляция по глухости (*świat* [śf’at] ʻсвет’, ʻмир’, *twoja* [tfoi̯a] ʻтвоя’, *przód* [pšut] ʻперед’). В конце слова перед паузой оглушаются звонкие парные согласные, а в некоторых позициях (между глухими и на конце слова после глухого) — также и сонорные /m/, /n/, /r/, /l/. Особый тип сочетаемости глухих и звонких согласных представлен на стыке слов в южной и западной части Польши (в диалектной и литературной речи): озвончение конечного глухого согласного перед последующим начальным сонорным и гласным, так называемый озвончающий вариант сандхи (*brat ojca* [brad‿oi̯ca] ʻбрат отца’). На остальной территории действуют закономерности середины слова — оглушающий вариант (см. 1.2.1., 2.7.0.).

Мягкие губные и заднеязычные согласные не выступают в позиции конца слова и перед согласными (*siedmiu* ʻсеми’, но *siedem* ʻсемь’). Фрикативные /s/, /z/ могут подвергаться регрессивной ассимиляции по мягкости (*spać* ʻспать’, но *śpię* ʻя сплю’).

2.1.4. Слогообразующая функция присуща только гласным. Преобладающая структура слога — согласный (или их сочетание) и гласный, т. е. прикрыто-открытые слоги CV, CCV, реже — прикрыто-закрытые слоги CVC, возможны и другие типы. Начало слога допускает как одиночные согласные (любые), так и их сочетание: от двух до четырех в начале слова (*źdźbło* [źʒ́bu̯o] ʻстебель’) и до пяти — в одиночных лексемах — в середине и конце слова (*przestępstwo* [pšestempstfo] ʻпреступление’). Основные типы последовательностей согласных в слове: взрывной + фрикативный, взрывной + взрывной, фрикативный + взрывной + сонорный.

В пределах слога произносится только один гласный, в заимствованных словах возможны и дифтонги. Сочетание двух гласных на стыке слогов в исконной лексике возможно лишь на стыке морфем: двух префиксов (*uodpornić* ʽзакалить', *poukładać* ʽуложить, положить') или префикса и корня (*poobiedni* ʽпослеобеденный').

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. П.я. относится к языкам фузионным, внутри морфем и на их стыке при словообразовании и словоизменении выступают с различной, нередко абсолютной регулярностью чередования гласных и согласных, сопровождающие аффиксацию (см. 2.2.3.). Основные фонологические типы корней — CVC(VC): *dom-* ʽдом', *łotr-* ʽподлец, негодяй', *kapust-* ʽкапуста'; флексий — V(C(V)): *syn-a* ʽсына', *kobiet-om* ʽженщинам', *dobr-ymi* ʽхорошими'; словообразовательных суффиксов — ((C)V)C: *dom-k-* ʽдомик', *pań-stw-* ʽгосударство', *śpiew-ak-* ʽпевец', *wilg-oć-* ʽвлажность'.

2.2.2. Морфемы частично разграничиваются по своему фонологическому составу, в частности, существует избирательность аффиксов по отношению к фонемам (отсутствие в аффиксах фонем /ź/, /f/, /ǯ/, /ʒ́/, /ʒ/ и др.), аналогична избирательность служебных частей речи.

2.2.3. П.я. отличается значительным морфонологическим варьированием многих как корневых, так и словообразовательных морфем, проявляющимся в глагольном и именном словообразовании и словоизменении (чередования в основе).

Основные типы чередований г л а с н ы х: /e/ ~ /a/: *miał* ʽон имел' — *mieli* ʽони имели'; /e/ ~ /o/: *zaproszony* ʽприглашённый' — *zaproszeni* ʽприглашённые'; /u/ ~ /o/: *stół* ʽстол' — *stołu* ʽстола', *mógł* ʽон мог' — *mogła* ʽона могла'; /e/ ~ ∅: *sen* ʽсон' — *snu* ʽсна', *bułka* ʽбулка' — *bułek* ʽбулок', *bułeczka* ʽбулочка'. Имеют место также чередования бифонемных сочетаний, отображаемых буквами *ę*, *ą*: *mąż* ʽмуж' — *męża* ʽмужа', *wziął* ʽон взял' — *wzięła* ʽона взяла'. Эти чередования наиболее регулярны, особенно в формообразующих суффиксах.

Прочие чередования гласных включают как отдельные фонемы, так и их сочетания: /o/ ~ /u/ ~ /a/ (*powrotny* ʽобратный' — *wrócić* ʽвернуться' — *wracać* ʽвозвращаться'); ∅ ~ /u/ ~ /y/ ~ /e/ (*uschnąć* ʽвысохнуть' — *suchy* ʽсухой' — *usychać* ʽвысыхать' — *usechł* ʽон высох') или чередования бифонемных сочетаний: [ǫ] ~ [ę] ~ /m/ ~ /ym/ (*dąć* ʽдуть' — *dęty* ʽдутый' — *dmę* ʽя дую' — *nadymać* ʽнадувать').

Чередования с о г л а с н ы х в целом формируют пять рядов альтернантов: I ряд составляют исходно (этимологически) твердые согласные альтернанты, II ряд — фонетически мягкие согласные (кроме заднеязычных), последующие ряды — в основном бывшие мягкие, впоследствии отвердевшие шипящие и свистящие: /t/ ~ /ć/ ~ /c/ (*zapłata* ʽ(о)плата' — *zapłacić* ʽзаплатить' — *zapłacę* ʽя заплачу'). Для некоторых типов согласных указанные ряды совмещаются. Основные модели чередований: твердые согласные чередуются с отвердевшими (морфологически мягкими) или мягкими и отвердевшие и мягкие между собой. Часть чередований обладает высокой степенью регулярности и обязательности и специализирована по типам морфем, например, чередование /k/ ~ /c/ (I и II ряды) свойственно только именному склонению и сопровождает флексии дательного и местного падежей единственного числа женского рода (*matka* ʽмать' — *matce* ʽматери') или именительного падежа множественного числа лично-мужских существительных (*Polak* ʽполяк' — *Polacy* ʽполяки'). Чередования /ś/ ~ /š/, /ć/ ~ /c/

и др. свойственны глагольному словоизменению, а также именному словообразованию (*prosić* ʻпроситьʼ — *proszę* ʻя прошуʼ, *płacić* ʻплатитьʼ — *płacę* ʻя плачуʼ, *kapelusz* ʻшляпаʼ — *kapelusik* ʻшляпкаʼ), иные чередования характеризуются более широкой сферой функционирования.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

П.я. принадлежит к флективным языкам синтетического типа, что реализуется в системе падежно-числового формообразования существительных, прилагательных, местоимений, причастий, падежного словоизменения числительных и глагольных имен, в спряжении личных форм глагола в настоящем времени изъявительного и отчасти форм повелительного наклонения. При падежных формах широко употребляются предлоги. Отдельные формы словоизменения носят аналитический характер (будущее время изъявительного наклонения, страдательный залог, отчасти — степени сравнения прилагательных и наречий). Элементы агглютинации отмечаются в формах прошедшего времени изъявительного наклонения и в формах сослагательного наклонения глаголов (см. 2.5.1.). Наблюдается тенденция к усилению аналитизма, в частности, замена беспредложных конструкций предложными.

2.3.1. Грамматические семантико-функциональные разряды слов (части речи) выделяются по совокупности семантических, морфологических и синтаксических признаков. Семантический, собственно онтологический аспект наиболее полно противопоставляет семантически знаменательные слова (обозначение предметов-субстанций, их признаков, действий или состояний) словам служебным, выполняющим функции грамматических морфем — предлогам, союзам, частицам. Особую позицию занимают местоимения, числительные, междометные и вводные слова. К морфологическим признакам частей речи относят состав грамматических категорий и связанные с ним типы словоизменения и формообразования, а также типы словообразования (наиболее распространенные способы словопроизводства и модели). По морфологическим основаниям выделяются основные группы: слова склоняемые, изменяющиеся по падежам и по числам, отчасти — по родам; слова спрягаемые, изменяющиеся по лицам, наклонениям и временам, и слова неизменяемые. Синтаксические особенности представлены функциями и позицией слов в структуре предложения, их синтаксической сочетаемостью, некоторыми правилами линейной упорядоченности. В соответствии с этим выделяются слова, основной функцией которых является функция: 1) главного конституирующего члена предложения — предиката (глаголы, наречные предикативы); 2) главного члена именной группы (существительные и часть местоимений); 3) адвербиального определения (наречия, в том числе местоименные); 4) приименного определения (прилагательные, числительные, некоторые местоимения). В целом грамматическая система знаменательных частей речи в П.я. строится на противопоставлении разряда глагола (к которому функционально тяготеют наречные предикативы) разрядам именных частей речи — существительному, прилагательному, числительному и местоимению, к которым тяготеет и наречие, связанное с именами по происхождению. Эта противопоставленность опирается как на морфологические, так и на функционально-синтаксические свойства слова. Указанные типы слов морфологически охарактеризованы с помощью по существу не пересекающихся грамматических категорий, исключение

составляет общая категория числа и согласовательные формы рода и мужского лица, унаследованные некоторыми личными глагольными формами от именных форм причастий, входящих в их состав. Синтаксическую обособленность глаголу обеспечивает его ведущая роль в выражении предикативного отношения. Ввиду несовпадения границ в распределении семантико-синтаксических и категориальных морфологических признаков существуют промежуточные группы слов, совмещающих признаки, соотносимые с разными частями речи: глагольное имя, глагольное прилагательное (причастие), деепричастия, порядковые числительные, местоименные наречия и т. д.

В истории П.я. принципиальных изменений в составе частей речи не отмечено. В памятниках письменности отражены лишь процессы морфологического становления неизменяемого деепричастия (из склоняемых причастных форм) и пополнение одних частей речи (особенно предлогов, наречий, существительных и союзов) за счет других.

П.я. свойственны одиннадцать морфологических грамматических категорий. Словоизменительная категория числа охватывает существительные и все изменяемые части речи. Родовая классификация построена иерархически и включает квалифицирующие селективные категории рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица (личности). Существительные, местоимения и прочие склоняющиеся слова имеют категорию падежа. Все именные категории: число, род, падеж, одушевленность, мужское лицо (личность) выражены с помощью морфологических флективных форм (а падеж — также с помощью аналитических предложно-падежных сочетаний). Все эти категории имеют формы согласования в других склоняемых частях речи и отчасти в глаголе.

Категория лица свойственна личным местоимениям и глаголам, категория залога — глаголу и глагольным формам причастий, категория наклонения — личным формам глагола, категория времени — личным формам глагола и деепричастиям, категория вида — всем глагольным формам, включая глагольное имя. Глагольные категории глагола в целом имеют словоизменительный характер и выражаются морфологическими средствами. Согласование, или координация, соотносит глагол с существительным-подлежащим по числу, иногда также по роду, а с местоимением в той же функции — по лицу. Категории вида, залога, наклонения, времени выражаются только самими формами глагола и в согласовании не проявляются.

Значение интенсивности находит отражение в морфологической категории степеней сравнения качественных прилагательных и наречий (которая часто трактуется как словообразовательная категория), а также отчасти в глаголе (в способе глагольного действия — итеративе) и в лексических показателях меры и степени. Прочие универсальные категории — определенность/неопределенность, собирательность, уменьшительность и т. п. выражаются нерегулярно лексическими, не собственно грамматическими средствами или представляют собой словообразовательные категории (например, собирательность, уменьшительность). Значение притяжательности (посессивности) передается нерегулярно либо лексическими средствами (притяжательные местоимения, глаголы со значением обладания), либо различными синтаксическими падежными конструкциями. Притяжательные прилагательные единичны.

2.3.2. Существительным (и отчасти местоимениям) свойственна несловоизменительная квалифицирующая р о д о в а я классификация, которая представляет собой единую иерархически построенную систему грамматических классов и подклассов — рода (мужского, женского и среднего), одушевленности/неодушевленности и мужского лица (личности), для личных имен в целом соотносимых с денотатом. Для выражения категориальных различий классов используются как морфологические средства, так и согласование связанных с существительным форм определений и согласуемой формы сказуемого. Морфологическое выражение рода существительных сводится к разграничению наборов многозначных фузионных падежно-числовых флексий (типов склонения), в целом дифференцированных по родовому признаку (см. 2.4.0.) и специализированным словообразовательным моделям. Морфологические различия по роду и мужскому лицу имеют также личные местоимения 3-го лица, а вопросительные и базирующиеся на них местоимения лексически отражают отнесенность к живым и неживым объектам (ср. *kto* 'кто', *co* 'что'). Согласуемыми формами являются формы прилагательных (включая степени сравнения), причастий, так называемых родовых местоимений (указательных, части притяжательных, вопросительных, неопределенных и отрицательных), числительных, некоторые спрягаемые формы глагола (согласование по роду и мужскому лицу). В согласуемых формах категории рода и мужского лица, имея специфические аффиксы, носят словоизменительный характер.

Учет как морфологических, так и синтаксических особенностей согласования указанных категорий позволяет выделить пять основных родовых классов существительных: слова женского, среднего, мужского неодушевленного, мужского одушевленного и лично-мужского родовых классов. При включении всех морфологических типов существительных и согласовательных моделей в рамках сложных предложений их число может быть увеличено до девяти. Каждый из пяти родовых классов характеризуется своеобразным типом падежного синкретизма (омонимии) зависимых согласуемых форм, прежде всего в единственном числе (см. 2.4.0.).

Общий класс существительных мужского рода включает два подкласса: одушевленные и неодушевленные. Семантически обусловленная оппозиция о д у ш е в л е н н о с т и / н е о д у ш е в л е н н о с т и не имеет собственных специфических флексий, но последовательно выражается в винительном падеже единственного числа через омонимию падежно-числовых форм и форм согласования (кроме собственно глагольных). Мужской неодушевленный класс характеризуется омонимией именительного и винительного падежа единственного и множественного числа, мужской одушевленный — омонимией винительного и родительного падежа единственного числа. Категория м у ж с к о г о л и ц а реализуется у существительных лично-мужского родового класса. Морфологически она наиболее последовательно выражается через омонимию форм винительного и родительного падежа множественного числа и для части существительных — через особые падежно-числовые флексии именительного падежа множественного числа. В согласуемых формах лично-мужские существительные противопоставлены (в том числе и с помощью специфических флексий) существительным всех прочих родовых классов, согласующимся с единой нелично-

мужской (иначе — женско-вещной) формой: *Tam siedzieli dwaj nieznani Polacy* 'Там сидели два незнакомых поляка'; *Tam siedziały dwie nieznane Polki* 'Там сидели две незнакомых польки'; *Tam siedziały dwa nieznane ptaki* 'Там сидели две неизвестные птицы' (*ptak* — существительное нелично-мужского класса).

Выбор классного показателя рода или мужского лица в согласуемых формах может определяться также непосредственной ориентацией на обозначаемый референт и отражать различия по признаку пола: в единственном числе — *przeczytałam zadowolona* 'довольная, я прочитала', *przeczytałem zadowolony* 'довольный, я прочитал'; во множественном числе — через формальную оппозицию лично-мужских и нелично-мужских форм: *byłyśmy tam obie* 'мы обе там были' (женщины о себе), *byliśmy tam* 'мы там были' (о мужском или смешанном обществе). В собирательных числительных возможно разграничение мужского (*obaj byli* 'оба были') и смешанного общества (*oboje byli*).

Ограниченность базы выражения категорий одушевленности/неодушевленности и мужского лица (личности) одной-двумя формами, грамматическая нейтрализация некоторых морфологических средств, возможность использовать нелично-мужские показатели в стилистических целях — все это может свидетельствовать о неполной грамматичности данных категорий, что в значительной степени определяется сравнительно поздним их становлением (XVI–XVIII вв.). В говорах наблюдается еще более непоследовательное выражение категории мужского лица (см. 2.7.0.).

2.3.3. Морфологическая категория ч и с л а охватывает оппозицию единственного и множественного числа существительных и личных местоимений (формы множественного числа местоимений 1-го и 2-го лица — инклюзивные). Имеются группы существительных pluralia и singularia tantum. Категория числа находит выражение как на морфологическом уровне, так и в формах согласования. Морфологическая оппозиция единственного и множественного числа формируется особыми наборами многозначных аффиксов-флексий, составляющих два независимых типа парадигм — падежно-числовой в именах и лично-числовой в глаголах. Кроме значений числа, эти флексии несут также значение падежа (соответственно — глагольного лица), а в некоторых формах также именного родового класса, включая мужское лицо (см. 2.3.2.).

Современная двучленная оппозиция числа восходит к трехчленной (единственное, множественное и двойственное число), однако формы последнего, отмечавшиеся преимущественно у существительных и глаголов, к XVI в. были вытеснены в литературном языке формами множественного числа. В ряде говоров отдельные такие формы сохранились, но обычно они передают значение множественного, реже — двойственного числа (район Пулав, Тарнобжега и др.; см. 2.7.0.).

Значение совокупной множественности передается прежде всего с помощью малопродуктивной словообразовательной категории собирательности и лексически, а в определенных условиях контекста — формами числа существительных. Значение собирательности свойственно некоторым типам числительных.

Лексическим показателем конкретного количества является особая часть речи — числительные, которые семантически и структурно подразделяются на слова со значением конкретного количества (количественные: *dwa* 'два', *dwanaś-*

cie ʻдвенадцать’, *czterysta* ʻчетыреста’), совокупного количества (*dwoje* ʻдвое’, *dwanaścioro* ʻдвенадцатеро’), неопределенного количества (*kilka* ʻнесколько’, *wiele* ʻмного’) и количественно-неопределенной совокупности (*kilkoro* ʻнесколько’). Семантически к числительным примыкают количественные прилагательные (так называемые порядковые числительные): *drugi* ʻвторой’, *dwunasty* ʻдвенадцатый’. Числительные имеют специфические флективные формы словоизменения по падежам и категории мужского лица, лишь парадигма собирательных числительных имеет формальное сходство со склонением существительных среднего рода в единственном числе.

2.3.4. Категория падежа присуща существительным, глагольному имени, личным и части вопросительных и отрицательных местоимений, а также согласуемым с ними словам. Формально падежная система включает шесть падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный), а для существительных мужского и женского рода в единственном числе — еще особую форму наименования собеседника — звательную. Показателем падежного значения является флексия, синтетически выражающая также значение числа и иногда родового класса; нередко флексия сопряжена с морфологическими чередованиями гласных и согласных в основе (см. 2.2.3.). Система склонения существительных распадается на несколько типов, каждый из которых — равно как и выбор флексии для отдельной падежно-числовой словоформы — обусловлен рядом факторов. К ним прежде всего относятся: принадлежность слова к родовому классу, в том числе для некоторых падежных форм — принадлежность к подклассу мужских неодушевленных, мужских одушевленных и лично-мужских существительных (см. 2.3.2.), тип основы (характер финали), а также, но значительно реже — лексические, словообразовательные или иные особенности лексемы. Система падежных форм тесно сопрягается с многочисленными семантически разнообразными предлогами (исключение — именительный падеж), для формы же местного падежа наличие предлога обязательно. Согласование по падежу охватывает прилагательные (включая формы степеней сравнения), родовые местоимения, числительные, причастия, что реализуется с помощью синтетических падежных флексий, обязательно обладающих также значением числа и, в определенных случаях, родового класса. Почти каждая падежная форма совмещает в себе собственно синтаксические и семантические функции. Выражение субъекта действия присуще формам именительного падежа (при глагольных формах активного залога, см. 2.3.5.), родительного (при глагольных именах действия, в количественно-именных сочетаниях типа *dwóch studentów szło* ʻдва студента шли’, *pięc ptaków odleciało* ʻпять птиц улетело’), дательного и винительного субъекта состояния при безличных конструкциях типа *chce mi się spać* ʻмне хочется спать’, *mdli mnie* ʻменя тошнит’, предложно-падежному сочетанию *przez* + винительный падеж (в пассивных конструкциях, см. 2.3.5.). Выражению прямого объекта действия служат в основном формы винительного падежа при активном залоге, именительного — при пассивном залоге, родительного — при глагольном имени, при некоторых глаголах и в отрицательных конструкциях при прямопереходных глаголах. Прочие типы объектов-актантов (косвенный объект, адресат, орудие и т. п.) передаются различными предложно-падежными и беспредложными формами.

Атрибутивные и посессивные значения, не составляющие в П.я. морфологических категорий, выражаются различными беспредложными и предложными формами косвенных падежей, преимущественно формами родительного падежа, а также прилагательными, местоимениями и причастиями в согласуемых формах. Посессивность передается: формой родительного падежа (в приименном использовании: *książka ojca* 'книга отца', в предикативном: *Ta książka jest ojca* 'Эта книга — отца'), формой дательного падежа с двойным — приглагольным и приименным — подчинением (*Oczy mu zalśniły* 'У него заблестели глаза'), а также системой притяжательных местоимений и другими лексическими средствами.

Для выражения обстоятельственных значений (темпоральных, локальных, причины, цели, образа действия и т. п.) используются беспредложные и предложно-падежные формы, наречия, а для темпоральных, причинных и качественно-обстоятельственных значений также деепричастия. Все указанные значения могут быть выражены придаточными предложениями, присоединяемыми с помощью подчинительных союзов и относительных местоимений.

2.3.5. Глаголу свойственны грамматические категории залога, вида, наклонения, времени, лица; в его формах находят отражение грамматические категории числа, отчасти родовых классов, в склоняемых формах причастия и глагольного имени — также падежа.

Грамматическая противопоставленность форм з а л о г а выражает различную трактовку говорящим взаимоотношений агенса и пациенса через посредство действия. Это отношение представлено либо применительно к агенсу (активный залог), либо применительно к пациенсу (пассивный залог). В морфологическом отношении эта оппозиция реализуется противопоставлением форм действительного и страдательного причастия (*czytający* 'читающий/читавший' — *czytany* 'читаемый/читанный'), но традиционно выражение залоговых значений трактуется как противопоставление конструкций. Действительный залог базируется на действительной форме глагола-сказуемого, при которой агенс занимает позицию подлежащего в форме именительного падежа, а пациенс — в форме винительного падежа: *Murarze budują dom* 'Каменщики строят дом'. Средством выражения страдательного залога признается аналитическая форма — пассивная конструкция, состоящая из страдательного причастия, формирующего вместе со вспомогательным глаголом *być* 'быть' или *zostać* 'стать' сказуемое при пациенсе-подлежащем в именительном падеже и агенсе в форме винительного падежа с предлогом *przez*: *Dom jest budowany*/*został zbudowany przez murarzy* 'Дом строится/был построен каменщиками'. Противопоставление форм активного и пассивного залога характерно только для переходных глаголов. Формальным показателем п е р е х о д н о с т и является управление винительным падежом прямого объекта (а также — при отрицании — родительным, реже — другими падежами) и способность образовывать страдательное причастие: *czytać artykuł* 'читать статью' — *czytany* 'читаемый/читанный'. Залоговые значения (т. е. отношения агенса и пациенса) могут передаваться страдательным причастием и в позиции атрибута: *do domu budowanego przez murarzy* 'к дому, строящемуся каменщиками', и глагольным именем: *budowanie domu przez murarzy* 'постройка дома каменщиками' (см. 2.3.4.).

Границы и статус залога являются предметом дискуссии. Традиционно в категорию залога включают в качестве форм третьего, так называемого возвратного,

залога (рефлексива) формы тех возвратных глаголов, которые соотносятся с переходными глаголами и обладают возвратно-страдательным значением, типа *myć się* ʽмыться'. Иногда формы залога трактуются как синтаксические образования, а категорию залога признают синтаксической.

Все глагольные формы принадлежат к одному из двух рядов лексико-грамматической квалифицирующей категории в и д а — совершенного или несовершенного: сов. *zaprosić* ʽпригласить' — несов. *zapraszać* ʽприглашать'. Видовая оппозиция находит отражение: в регулярных отношениях словообразовательной мотивации, в наличии морфологических ограничений (объем словоизменительных парадигм парных по виду глаголов различен), в семантических особенностях соотносительных форм других категорий (главным образом времени, но также категории залога и наклонения), в особенностях синтаксической сочетаемости (например, с фазовыми глаголами) и в различной семантико-формальной связи категории вида с лексико-грамматической классификацией глаголов по способу глагольного действия.

Словоизменительная категория н а к л о н е н и я строится на противопоставлении трех рядов форм: изъявительного наклонения — обозначение действия как реального в прошлом, настоящем или будущем: *piszę* ʽя пишу'; повелительного — обозначение нереального действия, мыслимого как желательное: *Pisz!* ʽПиши!'; сослагательного — обозначание нереального действия, мыслимого как предполагаемое или возможное: *czytałabym* ʽя бы читала'. Ограниченное в использовании противопоставление так называемых временны́х форм сослагательного наклонения типа *przyszedłby* ʽон бы пришёл' — *byłby przyszedł* ʽон пришёл бы (в прошлом)' — отражает разграничение гипотетически возможного действия от реально не осуществленного. Специфические функции выполняют формы сослагательного наклонения в сложных предложениях типа *Chciałem, żebyś przyszedł* ʽЯ хотел, чтобы ты пришёл', что иногда интерпретируется как особое «зависимое наклонение».

Словоизменительная категория в р е м е н и охватывает спрягаемые формы залога и наклонений (кроме повелительного), а также деепричастия. Полное формальное выражение категория времени имеет лишь в формах изъявительного наклонения глаголов несовершенного вида, а ограниченно — в изъявительном наклонении глаголов совершенного вида. Особенно тесно (семантически и формально) формы времени связаны с категорией вида. Видо-временным формам глагола свойственны различные значения, в том числе и обусловленные контекстуально, однако формально противопоставленными являются лишь значения: действие, длившееся в прошлом до момента речи (несовершенный вид); целостное действие, совершившееся в прошлом (совершенный вид); действие, длящееся в настоящем, в момент речи (несовершенный вид); действие, длящееся в будущем после момента речи (несовершенный вид); целостное действие в будущем (совершенный вид). Иной семантический тип представляет собой категория времени, формально сопряженная с видом, в деепричастиях, соотносящих время дополнительного действия лишь с временны́м планом действия основного, но безотносительно к моменту речи: несовершенный вид — одновременность (*czytając* ʽчитая'), совершенный вид — предшествование (*przeczytawszy* ʽпрочитав').

В сложных предложениях формы времени в зависимости от лексических и видо-временных характеристик контекста способны передавать относительное время (см. 2.3.6.).

2.3.6. Словоизменительная категория глагольного л и ц а актуализирует действие применительно к участникам коммуникации, реализуется в формальной оппозиции трех лиц, соотносима с категорией лица в местоимении и согласуется с ней в предикативной синтагме. Показателями лица являются многозначные лично-числовые флексии (три набора), они оформляют все формы залога, наклонения и времени, что в совокупности составляет спряжение глагола.

Местоименные слова включают семантически и морфологически разнородные типы (разряды), соотносимые с субстантивными, адъективными и адвербиальными словами. Классификация по категориально-синтаксической соотнесенности (местоимения-существительные, местоимения-атрибуты — так называемые родовые, местоимения-наречия, иногда выделяются также местоименные числительные) пересекается с функционально-семантической классификацией (местоимения личные, возвратные, указательные, вопросительные, неопределенные, отрицательные, относительные). Дейктические и анафорические функции формально не специализированы.

Среди дейктических слов центральное место занимают личные и лично-притяжательные местоимения, в которых представлена дифференциация не только по категории лица, но и по категориям падежа и числа. Категория лица охватывает лексемы трех лиц в двух числах: 1-е лицо — *ja* ‛я’, *my* ‛мы’ — обозначение говорящего, 2-е лицо — *ty* ‛ты’, *wy* ‛вы’ — обозначение собеседника, 3-е лицо — *on* ‛он’, *ona* ‛она’, *ono* ‛оно’, *oni* ‛они’ (лично-муж.), *one* ‛они’ (нелично-муж.) — обозначение лица/лиц, находящихся вне коммуникативной ситуации. Формы множественного числа — инклюзивные. Лично-возвратное и возвратно-притяжательное местоимения служат для идентификации с субъектом действия, независимо от его лица, прочих актантов предиката: *Kupiłem **sobie** palto* ‛Я купил себе пальто’ — *Jan kupił **sobie** palto* ‛Ян купил себе пальто’, *Biorę **swoje** palto* ‛Я беру свое пальто’ — *Jan bierze **swoje** palto* ‛Ян берёт свое пальто’.

Система трех лиц местоимения соотносится с категорией глагольного лица, однако узуальное наименование участников коммуникации не во всем совпадает с указанной формально-грамматической системой. В современном литературном П.я. общепринят способ обозначения одного (так называемое «“Вы” вежливости») или многих собеседников с помощью прономинализированных слов *pan*, *pani*, *państwo* и некоторых других слов: ‛Я вас знаю’: к мужчине — *Znam pana*, к женщине — *Znam panią*, к смешанному обществу — *Znam państwa*. В сочетании с этими лексемами глагольная форма 3-го лица означает действие собеседника/собеседников: ‛Вы разрешите?’: к мужчине — *Pan pozwoli?*, к женщине — *Pani pozwoli?*, к смешанному обществу — (*Czy*) *państwo pozwolą?*

Анафорические функции в речи выполняют личные местоимения 3-го лица, отражающие значение падежа, числа и родового класса, а также указательные местоимения. В сложных предложениях средством анафоры служат лексически совпадающие с вопросительными относительные местоимения, которым в глав-

ном предложении может соответствовать катафорически указательное местоимение: *...ten sam dom, w którym...* '…тот же самый дом, в котором…'.

Значение о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и не грамматикализовано и может быть выражено лексически: указательными (*ten* 'этот', *tam* 'там') либо неопределенными местоимениями различных типов (*pewien* 'один, некий', *ktoś* 'кто-то, кто-нибудь', *kilka* 'несколько', *jakikolwiek* 'какой-нибудь, какой-либо'), сложными прилагательными с местоименными корнями (*kilkakrotny* 'повторяющийся несколько раз'), предлогами (*z pięć kilometrów* 'около пяти километров', *około szóstej* 'приблизительно в шесть часов'), а также порядком слов (*Ona ma lat dwadzieścia* 'Ей около двадцати лет'). Лишь в глаголе значение определенного деятеля (1-е, 2-е, 3-е лицо) противопоставлено значению неопределенного лица формально, благодаря специализированным формам с формантами *-no*, *-to*, имеющим значение прошедшего времени изъявительного наклонения. В этом же неопределенно-личном значении используются бессубъектные формы 3-го лица множественного числа (*mówią* 'говорят', *mówili* 'говорили') и формы 3-го лица единственного числа невозвратных глаголов с частицей *się* (*mówiło się* 'говорилось', *mówi się* 'говорится'). Некоторые указательные и неопределенные местоимения, а также местоименные наречия лексически передают ориентацию на говорящего (ближний и дальний предмет: *ten* 'этот' — *tamten* 'тот', *tu* 'здесь, сюда' — *tam* 'там, туда').

Соотношение времени действия и акта коммуникации представлено в грамматической словоизменительной категории в р е м е н и (см. 2.3.5.) как противопоставленность трех временны́х планов: прошедшего (до момента речи), настоящего (одновременно с моментом речи) и будущего (после момента речи). Остаточные формы давнопрошедшего времени соотносят время действия с другим, следующим за ним действием в прошлом. Прочие соотношения временны́х планов выражаются видо-временными глагольными формами, их последовательностью, а также лексическими средствами — местоименными и иными наречиями, предложно-падежными темпоральными конструкциями и т. п.

О т р и ц а н и е не имеет морфологического выражения и представлено преимущественно лексически. К показателям отрицания относятся: отрицательная частица *nie*, повторяющиеся отрицательные союзы (*ni... ni*, *ani... ani* 'ни… ни; не… и не'), отрицательные местоимения — аналоги существительных, прилагательных и наречий (*nikt* 'никто', *żaden* 'никакой', *nigdzie* 'нигде'). Отрицательный экзистенциальный глагол имеет супплетивные формы: *nie było* 'не было' — *nie ma* 'нет' — *nie będzie* 'не будет'. Некоторые показатели отрицания связаны в тексте облигаторно, что дает двойное и тройное отрицание: *Nigdzie z nikim nie pójdę* 'Я никуда ни с кем не пойду'. На уровне слова выступают словообразовательные отрицательные морфемы: префиксы *ni-* (в образовании отрицательных местоимений), *bez-*, *nie-*, *anty-* (*nieładny* 'некрасивый', *beznogi* 'безногий', *antytalent* 'бездарь'). К синтаксическим показателям отрицания можно отнести обязательную замену в отрицательных предложениях формы винительного прямого дополнения на родительный (*Kocham Annę* 'Я люблю Анну' — *Nie kocham Anny* 'Я не люблю Анну') и некоторые синтаксические конструкции (*To nie do darowania* 'Это нельзя простить').

2.3.7. В П.я. обычно выделяют следующие части речи:

— с у щ е с т в и т е л ь н ы е — значение предметности реализуется в категориях рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица, числа и падежа; первичная функция — зависимый от глагола главный член именной группы;

— п р и л а г а т е л ь н ы е — значение вневременного признака реализуется в согласовательных категориях рода, одушевленности/неодушевленности, мужского лица, числа и падежа, а у качественных прилагательных — в категории степеней сравнения; первичная функция — зависимый член именной группы;

— ч и с л и т е л ь н ы е (количественные и собирательные) — называние количества в формах падежа и мужского рода; первичная функция — зависимый член именной группы;

— г л а г о л ы — значение признака во времени (действия или состояния) реализуется в грамматических категориях вида, залога, наклонения, времени, лица и числа, выражаемых в спрягаемых формах; первичная функция спрягаемых форм — главный конституирующий член предложения. Кроме спрягаемых форм полная глагольная парадигма включает также дополнительные парадигмы склоняемых глагольных форм — глагольного имени, причастий (действительные и страдательные) и ряд неизменяемых форм — деепричастия (действительные и страдательные) и инфинитив; имеются также специализированные предикативные формы с неопределенно-личным значением (см. 2.3.6.) и особая группа безличных глаголов, выступающих только в предикативной функции и характеризующихся рядом грамматических ограничений: неспособностью сочетаться с показателем субъекта действия в именительном падеже, иметь формы лица, повелительного наклонения, деепричастий и т. п.;

— н а р е ч и е — обозначение признака в неизменяющихся лексемах, часть которых, а именно имеющие качественное значение, образует формы степеней сравнения; первичная функция — адвербиальное определение;

— м е с т о и м е н и я — дейктические и анафорические слова с различными синтаксическими функциями, ядром являются личные местоимения трех лиц и двух чисел, склоняются по падежам;

— п р е д л о г и — неизменяемые припадежные служебные слова;

— с о ю з ы — неизменяемые служебные слова, соединяющие слова и предложения в синтаксические единицы более высокого ранга;

— ч а с т и ц ы — неизменяемые служебные слова-морфемы, модифицирующие значение слов или предложений и обладающие значением модальности, неопределенности, усилительности и т. д.;

— м е ж д о м е т и я — носитель экспрессивной функции; во вторичной функции способны выступать в качестве сказуемого (*Wszyscy bęc na podłogę* 'Все бух на пол').

В новейших описаниях частей речи выделяются также так называемые нефлективные глаголы типа *można* 'можно', *widać* 'видно', *szkoda* 'жаль' и т. д., объединяемые под общим названием «предикативы» с глаголами; кроме того, особо трактуются слова, соединяющиеся с любым членом предложения и выражающие субъективную модальность типа *może* 'может быть', *niby* 'вроде' (так называемые модализаторы) и слова, обладающие функцией прагматических операторов типа *jeszcze* 'ещё' или *nawet* 'даже' и т. п. В зависимости от избранных

критериев (см. 2.3.1.) вся система частей речи и границы между представленными классами могут быть описаны по-разному у разных исследователей.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

Склонение существительных по падежам и числам определяется родовой принадлежностью существительного и характером финали его основы. В соответствии с этим выделяются основные типы: мужское склонение (с учетом одушевленных и лично-мужских существительных), женское и среднее; в рамках каждого различаются твердая и мягкая разновидности. К твердой разновидности относятся существительные, основы которых заканчиваются на твердые согласные /b/, /p/, /v/, /f/, /m/, /z/, /s/, /d/, /t/, /n/, /u̯/, а во множественном числе и на /k/, /g/, /x/. К мягкой разновидности относятся существительные, основы которых заканчиваются на мягкие согласные /ś/, /ź/, /ć/, /ʒ́/, /n’/, /j/ и /l/, на твердые шипящие и свистящие /š/, /ž/, /č/, /ǯ/, /c/, /ʒ/, на мягкие губные /b’/, /p’/, /v’/, /f’/, /m’/ (перед нулевой флексией выступают твердые губные). Существительные женского рода с основой на /k/, /g/, /x/ в единственном числе склоняются по твердой разновидности, мужского и среднего — по мягкой. При учете всех вариантов падежных форм, а также регулярных наращений и чередований в основе, номинативных и грамматических особенностей лексем, склонение польских существительных может включать до 50 парадигматических классов.

Мужской род (основной тип)

Здесь и далее варьирование *-i*/*-y* и *-y*/*-i* является графическим показателем твердости/мягкости предшествующего согласного основы.

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*	лично-муж. *-i*/*-y*[3], *-owie*, *-e*[2]
		нелично-муж. *-y*/*-i*, *-e*[2]
Род.	одуш. *-a*	*-ów*, *-i*/*-y*
	неодуш. *-u*, *-a*	
Дат.	*-owi*	*-om*
Вин.	одуш. = род. п.	лично-муж. = род. п.
	неодуш. = им. п.	нелично-муж. = им. п.
Твор.	*-em*	*-ami*
Местн.	*-e*[1], *-u*[2]	*-ach*
Зват. форма	= местн. п.	

П р и м е ч а н и я: 1. У существительных твердой разновидности. Перед флексией *-e* в основе выступают регулярные чередования согласных: твердые согласные чередуются со своими функционально (морфологически) мягкими альтеранантами (I ~ II ряды, см. 2.2.3.). 2. У существительных мягкой разновидности. 3. У существительных твердой разновидности с чередованием в основе твердых и функционально (морфологически) мягких альтернантов (I ~ II ряды, см. 2.2.3.).

Женский род (основной тип)

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-a*, *-Ø*[2], *-i*[2]	*-y*/*-i*, *-i*/*-y*, *-e*[2]
Род.	*-y*/*-i*, *-i*/*-y*	*-Ø*, *-i*/*y*[2]
Дат.	*-e*, *-i*/*-y*	*-om*
Вин.	*-ę*, *-Ø*[2]	= им. п.
Твор.	*-ą*	*-ami*
Местн.	*-e*[1], *-i*/*-y*	*-ach*
Зват. форма	*-e*, *-u*[2], *-i*/*-y*[2]	

П р и м е ч а н и я: 1. У существительных твердой разновидности. Перед окончанием *-e* твердые согласные регулярно чередуются со своими функционально (морфологически) мягкими альтернантами (I ~ II ряды, см. 2.2.3.). 2. Только у существительных мягкой разновидности.

Средний род (основной тип)

Падеж	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-o*, *-e*, *-ę*[1]	*-a*
Род.	*-a*	*-Ø*, *-i*/*-y*[2]
Дат.	*-u*	*-om*
Вин.	= им. п.	
Твор.	*-em*	*-ami*
Местн.	*-e*[3], *-u*	*-ach*

П р и м е ч а н и я: 1. В косвенных падежах и во множественном числе происходит наращение основы: *cielę* ‛телёнок’ — род. п. ед. ч. *cielęcia*, им. п. мн. ч. *cielęta*, род. п. мн. ч. *cieląt* и т. п. 2. Возможно у существительных мягкой разновидности. 3. У существительных твердой разновидности. Перед окончанием *-e* твердые согласные регулярно чередуются со своими функционально (морфологически) мягкими соответствиями (I ~ II ряды, см. 2.2.3.).

П р и л а г а т е л ь н ы е, п р и ч а с т и я, р о д о в ы е м е с т о и м е н и я

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			**Мн. число**	
Им.	*-y*/*-i*	*-e*	*-a*	*-i*/*-y*	*-e*
Род.	*-ego*		*-ej*	*-ych*/*-ich*	
Дат.	*-emu*		*-ej*	*-ym*/*-im*	
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*-e*	*-ą*	= род. п.	= им. п.
Твор.	*-ym*/*-im*		*-ą*	*-ymi*/*-imi*	
Местн.	*-ym*/*-im*		*-ej*	*-ych*/*-ich*	

О б р а з о в а н и е с т е п е н е й с р а в н е н и я

	Сравнительная	Превосходная	
	суффикс	префикс	суффикс
Прилагательные	*-sz*, *-ejsz*	*naj-*	*-sz*, *-ejsz*
Наречия	*-ej*	*naj-*	*-ej*

П р и м е ч а н и е: Падежно-родовые окончания совпадают с окончаниями прилагательных.

Числительные

Для числительных от одного до четырех характерны специфические парадигмы; у числительных от пяти и выше в косвенных падежах выступает единая флексия *-u* (в творительном падеже возможна также флексия *-oma*). В именительном и винительном падеже различаются формы лично-мужские (окончание *-u*) и нелично-мужские (исходная форма именительного падежа). Собирательные числительные склоняются по типу существительных среднего рода (с наращением основы).

Местоимения

Местоимения-существительные

Падеж	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.	Возвратное ‘себя’
	Ед. число		**Мн. число**		
	‘я’	‘ты’	‘мы’	‘вы’	
Им.	*ja*	*ty*	*my*	*wy*	—
Род.	*mnie*, *mię*	*ciebie*, *cię*	*nas*	*was*	*siebie, się*
Дат.	*mnie*, *mi*	*tobie*, *ci*	*nam*	*wam*	*sobie*
Вин.	*mnie*, *mię*	*ciebie*, *cię*	*nas*	*was*	*siebie, się*
Твор.	*mną*	*tobą*	*nami*	*wami*	*sobą*
Местн.	*mnie*	*tobie*	*nas*	*was*	*sobie*

Падеж	3 л.				
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			**Мн. число**	
	‘он’	‘оно’	‘она’	‘они’	
Им.	*on*	*ono*	*ona*	*oni*	*one*
Род.	*jego*/*niego*, *go*		*jej*/*niej*	*ich*/*nich*	
Дат.	*jemu*/*niemu*, *mu*		*jej*/*niej*	*im*/*nim*	
Вин.	*jego*/*niego*, *go*	*je*/*nie*	*ją*/*nią*	*ich*/*nich*	*je*/*nie*
Твор.	*nim*		*nią*	*nimi*	
Местн.	*nim*		*niej*	*nich*	

Примечания: Полные формы употребляются после предлогов и при эмфазе. Аналогично склоняются местоимения *kto* ‘кто’, *co* ‘что’ (род. п. соответственно *kogo*, *czego* и т. д.)

Глагол

Полная парадигма глагольной лексемы включает спрягаемые формы трех наклонений, именные склоняемые формы (глагольное имя, причастия) и неизменяемые деепричастия и инфинитив. Парадигматические формы одной лексемы, образующиеся либо от основы настоящего времени, либо от основы инфинитива, связаны друг с другом рядами регулярных альтернаций. Каждая модель альтернации характеризует один из девяти основных глагольных классов и двадцати одного подкласса.

Инфинитив

I	*-ować, -ywać, -ać*	VI	*-eć*
II	*-ać*	VII	*-yć, -ić*
III	*-eć, -ać, -yć, -ić*	VIII	*-ać*
IV	*-nąć, -ść*	IX	*-eć*
V	*-ąć, -eć, -ść, -c*		

Формы от основы настоящего времени

Презентные формы (настоящее время — несовершенный вид, простое будущее время — совершенный вид) распределяются по трем типам спряжения.

	I спряжение	II спряжение	III спряжение
	Ед. число		
1 л.	*-ę*	*-ę*	*-m*
2 л.	*-esz*	*-isz/-ysz*	*-sz*
3 л.	*-e*	*-i*	*-∅*
	Мн. число		
1 л.	*-emy*	*-imy/-ymy*	*-my*
2 л.	*-ecie*	*-icie/-ycie*	*-cie*
3 л.	*-ą*	*-ą*	*-ą*

Повелительное наклонение

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	—	*-my*
2 л.	*-∅*	*-cie*
3 л.	—	—

Действительное причастие — несовершенный вид: суффикс *-ąc* + падежно-родовые окончания *-y*, *-a*, *-e*.

Деепричастие со значением одновременности — несовершенный вид: суффикс *-ąc*.

Формы от основы инфинитива (на гласный V или согласный C)

Причастная основа на *-ł*: основа инфинитива на V + *-ł*; основа инфинитива на C + *-ł*.

Изъявительное наклонение

Будущее время

Несовершенный вид — личные формы будущего времени глагола *być* ‘быть’ в сочетании либо с причастными формами на *-ł* с родовыми показателями, либо с инфинитивом:

			М. р.	Ж. р.	Ср. р.	
Ед. число						
1 л.	*będę*	+	*-ł*	*-ła*	*-ło*	инфинитив
2 л.	*będziesz*	+				
3 л.	*będzie*	+				

			Лично-муж.	Нелично-муж.	
Мн. число					
1 л.	*będziemy*	+	*-li*	*-ły*	инфинитив
2 л.	*będziecie*	+			
3 л.	*będą*	+			

Прошедшее время

Причастная основа на *-ł* + родовые показатели с личными окончаниями прошедшего времени:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			**Мн. число**	
1 л.	*-łem*	*-łam*	—	*-liśmy*	*-łyśmy*
2 л.	*-łeś*	*-łaś*	—	*-liście*	*-łyście*
3 л.	*-ł*	*-ła*	*-ło*	*-li*	*-ły*

Особые формы 1-го и 2-го лица единственного числа среднего рода отсутствуют. При персонификации в художественной речи используется форма мужского или женского рода.

Неличная (неопределенно-личная) форма прошедшего времени изъявительного наклонения: суффиксы *-no*, *-to*, *-ono*, *-ęto*.

Сослагательное наклонение

Причастная основа на *-ł* с родовыми и числовыми показателями + формант *by* с личными окончаниями прошедшего времени:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			**Мн. число**	
1 л.	*-łbym*	*-łabym*	—	*-libyśmy*	*-łybyśmy*
2 л.	*-łbyś*	*-łabyś*	—	*-libyście*	*-łybyście*
3 л.	*-łby*	*-łaby*	*-łoby*	*-liby*	*-łyby*

Страдательное причастие: суффиксы *-n*, *-on*, *-t*, *-ęt* + окончания прилагательных.

Деепричастие предшествования — совершенный вид: V + суф. *-wszy*, C + суф. *-łszy*.

Глагольное имя: форманты *-nie*, *-enie*, *-cie*, *-ęcie*.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Строение лексемы, ее морфологическая членимость/нечленимость и структура зависят от частеречной принадлежности. В знаменательных словах (в существительных, прилагательных, глаголах, числительных) основными компонентами являются: корень (в сложных словах — два и более, до четырех) и аффиксы (префиксы, суффиксы), а для слов изменяющихся — также словоизменительные флексии, несущие, как правило, несколько грамматических значений. При парадигматических противопоставлениях выделяется нулевой аффикс (флексия): им. п. *dom-∅* 'дом' — род. п. *domu*. В сложных словах с двумя и большим числом корней возможны словообразовательные интерфиксы *-o-*, *-u-*, реже — *-i/-y-*: *pracodawca* 'работодатель', *dwunogi* 'двуногий', *łamigłówka* 'головоломка'. Особое место занимают постфиксы, включающиеся в словоформу после словоизменительной флексии: показатели неопределенности в местоимениях (*jakiś* 'какой-то', *jakiegoś* 'какого-то'), так называемая возвратная частица *się*, входящая в состав возвратных глаголов или образующая особые глагольные формы. Кроме *się*, способной занимать различные позиции в предложении, подвижными могут быть также личные глагольные окончания: *Trochęśmy się spóźnili* = *Spóźniliśmy się trochę* 'Мы немного опоздали'. Большинство аффиксов являются синтетическими, лишь некоторые глагольные аффиксы близки к агглютинирующим, например, в форме *chodziłabym* 'я бы ходила' обособлены показатели прошедшего времени *-ł*, единственного числа и женского рода *-a*, сослагательного наклонения *-by* и 1-го лица единственного числа *-m*. В целом структуру польских изменяющихся слов отличает противопоставленность основы слова (в составе корня и возможных словообразовательных и формообразующих префиксов и суффиксов) и словоизменительной флексии.

Суффиксация используется при образовании слов всех знаменательных частей речи, а также в формообразовании: глагольном (*czytany* 'читаемый/читанный', *przeczytawszy* 'прочитав') и степеней сравнения прилагательных и наречий. Флексия служит прежде всего словоизменению. Префиксация применяется в основном в словообразовании: при глагольном слово- и видообразовании (перфективация, способы глагольного действия) в сочетании с суффиксами (*śnieg* 'снег' — *odśnieżyć* 'очистить от снега', *siedzieć* 'сидеть' — *posiedzieć* 'посидеть', *rzucać* 'бросать' — *porozrzucać* 'поразбросать'), в словообразовании прилагательных, менее — существительных (*nadkwaśność* 'повышенная кислотность'). Связанность префикса с суффиксами может носить облигаторный характер, например, в конфиксации (*pracować* 'работать' — *napracować się* 'наработаться').

Соединение корня с суффиксами и суффиксов между собой имеет фузионный характер и нередко проявляется в морфонологических альтернациях разной степени регулярности: *ręka* 'рука' — *rączka* 'ручка', *morze* 'море' — *morski* 'морской', *zaprosić* 'пригласить' — *zapraszać* 'приглашать', см. 2.2.3.

В разрядах неизменяемых служебных слов и для некоторых местоимений наиболее типичным является морфологически неделимый и самостоятельно функционирующий корень. Исключение составляют вторичные производные образования — предлоги, возникшие в результате грамматикализации предложно-падежных сочетаний: *wzdłuż* 'вдоль' (префикс *wz-*), а также союзы типа *chociaż* 'хотя' и т. п.

2.5.2. Для П.я. характерны прежде всего суффиксальный, префиксально-суффиксальный и префиксальный способ словообразования, а также корне- и основосложение, сопровождаемое чаще всего суффиксацией и интерфиксацией: *trójskok* 'тройной прыжок', *dwugłos* 'дуэт', *językoznawstwo* 'языкознание', *gruboziarnisty* 'крупнозернистый'.

Основные модели слов: R: *tam* 'там', *do* 'до', 'к', *bo* 'потому что'; x + y + R: *naodwrót* 'наоборот'; x + R: *bezruch* 'неподвижность'; x + R + y + z: *nauczyciel* 'учитель'; x + y + R + z: *zaokrąglić* 'закруглить'; $R_1 + x + R_2$: *żywopłot* 'живая изгородь'; $R_1 + R_2$: *trójkąt* 'треугольник'; $R_1 + R_2 + x$: *trójkątny* 'треугольный'; $R_1 + x + R_2 + y + z$: *małoobrazkowy* 'малоформатный'.

В дериватах нередко выступают морфонологические альтернации: *brzeg* 'берег' — *wybrzeże* 'побережье'.

Типы словообразования и их продуктивность избирательно связаны с частями речи: префиксация наблюдается преимущественно у глаголов, а корне- и основосложение — у существительных, прилагательных и числительных.

Парадигматические способы словообразования (адвербиализация, субстантивация, адъективация и т. п.) представляют собой ограничение или переосмысление словоизменительной парадигмы: *warszawski*, *-a*, *-e* 'варшавский, -ая, -ое' — ср. р. *Warszawskie* 'Варшавское воеводство', *wzgląd* 'взгляд' — *względem* 'относительно' (предлог по происхождению — форма творительного падежа). Иногда в парадигматическое словообразование включают случаи переходности частей речи с формальными изменениями парадигмы типа: существительное *lis* 'лиса' — прилагательное *lisi* 'лисий', прилагательное *biały* 'белый' — глагол *bielić* 'белить'.

В последнее время широкое распространение получили сложносокращенные слова-аббревиатуры: *PAN — Polska Akademia Nauk* 'Польская академия наук', *PWN — Państwowe Wydawnictwo Naukowe* 'Государственное научное издательство', *UW — Uniwersytet Warszawski* 'Варшавский университет'.

2.5.3. Предложения классифицируются на простые и сложные, а также по цели сообщения и по структурным схемам.

Связь синтаксических единиц может быть сочинительной и подчинительной. Сочинительная связь единиц любого уровня выражается соположением, интонацией, сочинительными союзами. Подчинительная связь между словами реализуется формально посредством согласования и управления (беспредложного и предложного) и семантически — примыканием. Особые типы формальной взаимозависимости характерны для связи подлежащего со сказуемым и в количественно-именных сочетаниях (*dwie studentki* 'две студентки', *pięć studentek* 'пять студенток', *pięciu studentów* 'пять студентов').

П.я. свойственны два основных типа п р о с т ы х предложений: структура, базирующаяся на личной форме глагола, и структура без нее, что в польской лингвистической традиции трактуется как различие собственно предложения (польск. zdanie) и эквивалента предложения, или сообщения (польск. oznajmienie). Исследования схем простого предложения последнего двадцатилетия XX в. преимущественно ориентированы на семантико-синтаксическое облигаторное распространение предикатов (так называемые аргументно-предикативные структуры), однако разнообразие применяемых критериев не позволило пока установить общего списка минимальных структурных моделей, и их число колеблется от 11 до 26.

Исходя из формального устройства компонентов предложения, основными структурными схемами можно признать следующие:

— имя в именительном падеже + глагол в личной форме: *Janek śpi* 'Янек спит', *Przyszło kilka osób* 'Пришло несколько человек', *Napiszę do Pana* 'Я Вам напишу';

— имя в родительном падеже + глагол в личной форме: *Wody ubywa* 'Воды всё меньше';

— имя в именительном падеже + связка + прилагательное: *Dziecko jest grzeczne* 'Ребёнок послушный/послушен';

— имя в именительном падеже + связка + имя в именительном/творительном падеже: *Janek jest nauczycielem* 'Янек учитель', *Czas to pieniądz* 'Время — деньги';

— имя в именительном падеже + связка + имя в косвенном падеже: *Był słusznego wzrostu* 'Он был высокого роста', *Pudełko jest ze skóry* 'Коробочка — из кожи';

— предлог *z* + имя в родительном падеже + связка + имя в именительном падеже: *Z niego był dobry kolega* 'Он был хорошим другом';

— инфинитив + связка + имя в именительном/творительном падеже: *Iść za postępem to nakaz chwili* 'Идти в ногу со временем — это требование момента';

— инфинитив + связка + инфинитив: *Żyć to pracować* 'Жить — значит работать';

— инфинитив + связка + наречие: *Czytać jest pożytecznie* 'Читать полезно';

— глагол в форме 3-го лица единственного числа + инфинитив: *Wypada zaczekać* 'Следует подождать';

— предикатив + инфинитив: *Można to zbadać* 'Это можно изучить', *Czas wracać* 'Время возвращаться';

— глагол в форме 3-го лица единственного числа: *Grzmi* '(Гром) гремит', *Mdli go* 'Его тошнит';

— имя в именительном падеже: *Cisza* 'Тишина';

— предикатив + связка: *Jest ładnie* 'Красиво', *Późno się robi* 'Становится поздно';

— глагол в форме 3-го лица множественного числа: *Zamykają bramę* 'Закрывают ворота';

— глагол в форме 3-го лица + частица *się*: *Uprasza się o ciszę* 'Просят соблюдать тишину';

— глагол в форме на *-no*, *-to*: *Powiedziano mi o tym* 'Мне об этом сказали';

— инфинитив: *Milczeć!* 'Молчать!'.

Синтаксическую позицию грамматического подлежащего может занимать форма именительного падежа существительного, глагольного имени, местоимения, числительного, а также любой субстантивированной части речи — прилагательного, причастия и т. д. — и инфинитив. Кроме грамматического, традиционно выделяется так называемое логическое подлежащее, соотносимое в семантической структуре с субъектом ситуации и выражаемое формой родительного падежа без предлога (*Wody ubywa*) или с предлогом *z* (*Dziwak z ciebie* 'Ты чудак').

Позиция сказуемого представлена спрягаемыми формами глагола (личными, неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными), формами связочных и безличных глаголов, инфинитивом, существительными и всеми прочими знаменательными частями речи, включая так называемые предикативы типа *trzeba* 'нужно', *szkoda* 'жаль', *bęc* 'бух' и т. п. Неглагольное сказуемое, как правило, выступает в сочетании со связкой, преимущественно глагольной: *być* 'быть', *zostać* 'стать', *to* 'это' и т. д.

Субъектно-объектные отношения реализуются в разнообразных предложных и предложно-падежных формах именных частей речи. П.я. принадлежит к языкам номинативного типа. При действительном залоге переходного глагола-сказуемого обозначение агенса (в именительном падеже) занимает позицию подлежащего, объект-пациенс — позицию прямого дополнения (преимущественно в форме беспредложного винительного падежа). В пассивной конструкции при глаголе в форме страдательного залога (страдательное причастие) позицию подлежащего занимает объект-пациенс (в именительном падеже), а агенс-субъект является предложным косвенным дополнением (предлог *przez* + винительный падеж) (см. 2.3.4., 2.3.5.).

Определения-атрибуты различаются по типу связи и семантически. Определениями, согласованными по роду, числу и падежу, могут быть прилагательные (включая формы степеней сравнения: *Proszę pokazać ciemniejszy szalik/ciemniejszą bluzkę* 'Покажите, пожалуйста, шарф потемнее/блузку потемнее'), родовые местоимения, причастия, числительные (см. 2.3.2.–2.3.4.). В качестве несогласованных определений выступают беспредложные и предложно-падежные формы существительных и глагольных имен, местоимений, а также инфинитив и наречия: *data urodzenia* 'дата рождения', *krawat w paski* 'галстук в полоску', *jajko na twardo* 'яйцо вкрутую', *Nadeszła pora działać* 'Пришла пора действовать'. Особый тип определения (согласование преимущественно в числе и падеже) представляют приложения — аппозитивные субстантивные определения: *rzeka Wisła* 'река Висла', *z moim bratem biologiem* 'с моим братом биологом'. Для приложений и некоторых других типов определений, в частности, выраженных прилагательными и причастиями, отмечается возможность предикативного значения.

Определительно-обстоятельственные отношения выражаются наречиями, беспредложными и предложно-падежными формами существительных, глагольного имени, деепричастиями, местоимениями и охватывают значения места, времени, способа, меры, цели, причины, уступки, отношения, сопутствующего обстоятельства, условия.

Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения в целом базируются на одних и тех же структурных моделях простого предложения, но могут проявлять и некоторые структурные особенности и всегда имеют специализированную интонацию. Для повествовательных предложений характерна нисходящая низкая и ровная низкая интонация (каденция). Вопросительные предложения при обязательной вопросительной интонации (низкая восходящая — антикаденция), как правило, содержат вопросительные местоимения, являющиеся аналогами всех знаменательных частей речи (кроме глагола), или вопросительные частицы *czy* и др. и отличаются некоторыми особенностями словопорядка (например, инициальной позицией вопросительных слов). Типичными компонентами побудительных предложений являются формы императива или же формы сослагательного наклонения в том же повелительном значении, звательная форма, побудительные частицы (*niech* и др.) и эмфатическая интонация. Побудительным предложениям свойственны также специальные структурные схемы, например, инфинитивные предложения.

Модальная характеристика высказывания грамматически представлена в глагольных категориях наклонения (объективно-модальная оценка реальности/не-

реальности). Разнообразная семантика так называемой субъективной модальности факультативна и реализуется главным образом лексическими средствами (модальные глаголы и предикативы, модальные вводные слова-модализаторы, эмфатические частицы типа *że*, *no* и т. п.), интонацией, специализированными синтаксическими конструкциями типа dativus ethicus местоимений. Отрицательные предложения оформляются преимущественно с помощью лексических показателей (отрицательными частицами и местоимениями, см. 2.3.6.).

Порядок слов в П.я. свободный, но не произвольный, и определяется рядом разнородных факторов: 1) семантической и синтаксической связанностью слов (взаимосвязанные слова тяготеют друг к другу и позиционно); 2) синтаксической функцией слова в предложении и его частеречной характеристикой (дополнение чаще предшествует обстоятельству); 3) семантикой (квалифицирующее определение стоит после определяемого слова, характеризующее — в препозиции); 4) темо-рематическими отношениями (тема обычно предшествует реме); 5) стилистико-просодическими закономерностями. Элементы грамматической функции порядка слов усматриваются лишь в обязательной последовательности SVO при омонимии именительного и винительного падежей: *Byt określa świadomość* 'Бытие определяет сознание' и некоторые аналогичные случаи.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения классифицируются по семантике отношений между составными частями и способу связи. Сложносочиненные предложения соединены или бессоюзно, или с помощью различных по семантике сочинительных союзов. К сложносочиненным традиционно относят предложения с однородными глагольными сказуемыми при одном и том же субъекте-подлежащем типа *Stałem i patrzyłem* 'Я стоял и смотрел'.

Сложноподчиненные предложения по характеру придаточного разделяются на два типа: с придаточными, являющимися по существу аналогами синтаксических позиций члена предложения (придаточные подлежащные, дополнительные, места, причины и т. п.), и с придаточными предложениями без такой аналогии — предложениями развивающими (*Powiedział mi szczerą prawdę, co mnie głęboko wzruszyło* 'Он сказал мне чистую правду, что меня глубоко тронуло'). Особый тип составляют так называемые интенсиональные предложения, обусловленные семантическими особенностями предиката главного предложения (например, ментальных глаголов, глаголов волеизъявления): *Jan wie, że Piotr przyjechał* 'Ян знает, что Пётр приехал', *Jan chce, żeby Piotr przyjechał* 'Ян хочет, чтобы Пётр приехал'. Показателями связи в сложноподчиненных предложениях могут быть союзы, относительные местоимения в функции союзных слов и интонация.

Как самостоятельные предикативные единицы (так называемый эквивалент предложения) в польской лингвистике традиционно рассматривались распространенные синтаксические конструкции с деепричастиями, которые, обозначая дополнительное действие субъекта, несут временны́е, причинные или уступительные значения.

2.6.0. Лексика в П.я. в основном состоит из слов общеславянского и польского происхождения как по своему корнеслову, так и по словообразовательным моделям. Наибольшее число заимствований — из латинского, немецкого, чешского, английского, итальянского, французского языков. Они составляют в П.я. хронологически разные пласты, также различна степень фонетического и морфологического освоения заимствованных слов (см. 1.6.0.). Кроме прямых заимствований

(устных или через письменность) широко распространено калькирование (*listonosz* ʽпочтальон, письмоносецʼ, ср. нем. *Briefträger*, *nastolatek* ʽподростокʼ, ср. англ. *teenager*), семантические заимствования (*cienki* ʽтонкий, деликатныйʼ, ср. рус. *тонкий намёк*). При воздействии близкородственных языков (чешского, русского и других восточнославянских) может заимствоваться лишь отличающаяся от польской инославянская огласовка общеславянских слов и корней (*własny* ʽсобственныйʼ, ср. чеш. *vlastní-*, вместо исконно польск. *włos(t)ny* и т. п.).

Общелитературные заимствования относятся преимущественно к книжному стилю речи, особенно много их в научной и технической терминологии, меньше — в бытовой лексике. Самые древние заимствования — латинские, проникавшие в П.я. с XI в., в том числе через немецкое и чешское посредство: христианская лексика (*anioł* ʽангелʼ, ср. лат. *angelus*, *kościół* ʽкостёлʼ, ср. лат. *castella*, *pacierz* ʽмолитваʼ, ср. лат. *Pater noster* ʽОтче нашʼ), а позднее, особенно с XVI–XVIII вв., — юридическая и философская терминология. В современной научно-технической терминологии широко используются интернационализмы с латинской, реже — с древнегреческой базой (*telewizja* ʽтелевидениеʼ, *radiofonia* ʽрадиовещаниеʼ и т. п.). Немецкие заимствования (ремесленная, торговая, политико-административная лексика) наиболее активно проникали в XIII–XV вв. (*handel* ʽторговляʼ, *ratusz* ʽратушаʼ и т. д.). Чешское влияние (до XVI в.) проявлялось прежде всего в заимствовании чешской огласовки общеславянских корней и в посредничестве при заимствованиях из латинского и немецкого языков. Итальянские (с XVI–XVII вв.) и французские (с XVII–XVIII вв.) заимствования представлены в лексике, относящейся к кулинарии, одежде, искусству. Современный П.я. характеризуется обилием англицизмов в спортивной, морской терминологии, во всех областях научно-технической сферы, в лексике масс-культуры (*boks* ʽбоксʼ, *szkuner* ʽшхунаʼ, *komputer* ʽкомпьютерʼ, *menedżer* ʽменеджерʼ, *xero* ʽксероксʼ, *aerobic* ʽаэробикаʼ и т. п.).

Иноязычные заимствования в диалектах составляют иногда довольно значительный пласт лексики, не совпадающий к тому же с литературным языком. Наиболее многочисленными являются заимствования из немецкого языка на севере Польши (*knap* ʽмальчикʼ, *rejtować* ʽехатьʼ), в Силезии (*śrank* ʽшкафʼ), а также чешские, венгерские, украинские, белорусские — в южных и восточных приграничных говорах.

2.7.0. Диалектная дифференциация П.я. обычно приводит к выделению следующих основных диалектных зон: Великопольша (Великая Польша), Малопольша (Малая Польша), Силезия, Мазовше. Также в качестве польской диалектной зоны, хотя и наиболее обособленной, нередко рассматриваются Кашубы (см. 1.2.1. и статью «Кашубский язык» в наст. издании).

В е л и к о п о л ь с к и е диалекты охватывают северо-западную часть польских земель, их граница проходит через Коло — Калиш — Острув-Великопольски — Равич — Бабимост, на юг около Мендзыхода и Кшижа, далее по реке Нотець до Варты. Основные отличия:

1) отсутствие мазурения, т. е. сохранение всех трех рядов *s*, *š*, *ś*;

2) озвончающий вариант сандхи — межсловной фонетики;

3) дифтонгизация некоторых гласных, в частности, бывших долгих *ā* > *a*^{o}*u̯*, *ou̯*, *ȯu̯*; *ō* > *u̯o*, $^{u̯}$*o*, *oe̯* и т. д. и начального гласного *o-* > *u̯o*, *u̯e*;

4) в северной части — совпадение звуков *y* и *i* в одном произносительном варианте, в южной части происходит дифтонгизация *y*^{i}, *yj*;

5) носовые гласные всегда сохраняют свою оппозицию и реализуются в более узком и высоком по сравнению с литературной нормой звучании (*ę* как *y̨*, *ǫ* как *ų*), но, как и в литературном языке, перед взрывными «расщепляются» на сочетание гласного и носового согласного.

Отмечается также сильная тенденция к упрощению групп согласных (*šur* 'крыса' вместо лит. *szczur*), выравнивание по аналогии форм без беглого *e* типа *domk* 'домик' (лит. *domek*). В области морфологии: наличие оппозиции флексий: *-ow-* после твердых и *-ew-* после мягких согласных, в частности, в окончании дательного падежа единственного числа существительных мужского рода: *synovi*, но *kon'evi*; окончание *-ma* в форме 1-го лица множественного числа императива типа *śeʒma* 'давайте сядем'.

М а л о п о л ь с к и е диалекты распространены в юго-восточной и центральной части Польши с центром в Кракове, охватывают районы Ловича, Лодзи, Люблина, Жешува, Кельце, а на юге, в районе Оравы, выходят на территорию Словакии. Малопольские говоры выделяются:

1) наличием мазурения;

2) озвончающим вариантом сандхи;

3) особым произношением исторических носовых гласных, отмеченным большим разнообразием как по типу назальности (вокальное, «расщепленное» произношение, полная утрата назализации), так и по тембру, вплоть до совпадения в одном звуке;

4) сохранением на бóльшей части территории особого рефлекса бывшего долгого *ā* > *a*^{o}.

Типично малопольской чертой является слабость согласного *x* и переход конечного *-x* в *-k* или в *-f*: *na nogak* 'на ногах' (лит. *na nogach*). Преимущественно в Малопольше выступает удвоение согласных *s*, *z* в некоторых словах типа *bosso* 'босиком'. Из морфологических особенностей интересно сохранение аористного окончания в форме 1-го лица единственного числа прошедшего времени: *byłek* 'я был' (лит. *byłem*), *nosiłek* 'я носил' (лит. *nosiłem*). Наиболее обособлен район Подгалья, где, в частности, отмечается особый тип мазурения — так называемый подгальский архаизм (сохранение мягкости новых свистящих перед гласным *i*: *z'ito* 'рожь' — лит. *żyto*), а также инициальное ударение.

М а з о в е ц к и е диалекты с центром в Варшаве охватывают северо-восточную и центрально-восточную часть Польши и издавна проявляют тенденцию к распространению — на запад через Куявы до севера Великопольши, в район Мазуров, на Вармию и Коцевье, на северную часть Малопольши. Выделяют ближнее и дальнее Мазовше. Мазовецкие говоры наиболее специфичны; характерные особенности:

1) мазурение — явление, получившее отсюда свое название (см. 1.2.1.);

2) оглушающий вариант сандхи;

3) монофтонгическое произношение гласных (кроме начального *o-* > *ųo-*).

К специфическим мазовецким чертам относится распространенное также в Вармии, на Курпях и на Мазурах асинхроническое произношение мягких губных согласных с выделением палатального элемента различного качества: 'вера' *vi̯ara*, *vźara*, *źara* и даже *γara* (лит. *wiara*), 'город' *mi̯asto*, *mn'asto* (лит. *miasto*),

при сохранении на большей части территории конечного мягкого губного; наличие твердого переднеязычного *l* перед *i* ([lyst] ʽписьмо' — лит. *list* [l'ist]), наличие твердого губного в случаях типа [š'fyn'a] ʽсвинья' — лит. *świnia* [š'f']; превращение праславянского **ě* в особую фонему /e^{i}/; тенденция к широкому и переднему произношению бывших долгих *ō* > *o*, *ā* > *a*^{o}/*a*. Из морфологических явлений отмечается: использование глагольных окончаний бывшего двойственного числа в значении множественного числа индикатива (*xoʒ́iva* ʽмы ходим', *xoʒ́ita* ʽвы ходите'); контаминированное окончание дательного падежа единственного числа существительных мужского рода -*ov'u* (из -*u* и -*ovi*); сужение звука *e* в окончании родительного падежа единственного числа мужского рода у прилагательных и родовых местоимений (*tėgo dobrėgo*) и некоторые другие особенности. Ряд мазовецких черт широко распространен в литературном языке: суффикс существительных -*ak* (*cielak* ʽтелёнок'), форма инфинитива на -*ywać*/-*iwać* (*podskakiwać* ʽподскакивать, подпрыгивать'). Наиболее обособлены: курпевский говор, ближнее и дальнее Мазовше, Мазуры, Вармия и мальборгско-любавские говоры.

Силезские диалекты сохранились в юго-западной части Польши, а также на небольшой территории в Чехии и ограничены линией Сыцув — Люблинец — Тарновске-Горы — Катовице — Бельско-Бяла — Прудник. Различают говоры южной (так называемой верхней) и северной (нижней) Силезии, иногда также центральной. Не обладая каким-либо специфическими диалектными признаками, Силезия очень четко характеризуется несколькими устойчивыми изоглоссами: широким произношением *ę* как [ą]: *v'ïʒą tą lampą* ʽя вижу эту лампу' (лит. *widzę tę lampę*) при наиболее распространенном узком произношении непереднего носового гласного: *vǫsk'i*/*vųsk'i* ʽузкий', *p'ǫty*/*p'ųty* ʽпятый' (лит. *wąski*, *piąty*). Наличие мазурения на севере и его отсутствие на юге отграничивает силезские говоры от соседних великопольских и малопольских. Специфическим является яблунковский говор со смешением рядов *s* и *ś* в промежуточном варианте *s̆́*. В северо-западной Силезии сочетания гласных с конечными носовыми согласными изменяются в носовые гласные: *potą* ʽпотом' (лит. *potem*), *vą* ʽя знаю' (лит. *wiem*). Окончание 1-го лица множественного числа прошедшего времени -*chmy*: *byl'ïxmy* ʽмы были' (лит. *byliśmy*) и 1-го лица единственного числа -*ch*: *byłek* ʽя был' (лит. *byłem*). С Великопольшей северную Силезию объединяет дифтонгическое произношение некоторых гласных. В последнее время, в рамках движения за Силезскую автономию, отмечена тенденция придания силезскому диалекту статуса отдельного языка. Одним из результатов этого явилось выделение в последней переписи (2002 г.) населения 173 тыс. силезцев, хотя по оценкам их число достигает миллиона.

О кашубских диалектах см. статью «Кашубский язык» в наст. издании.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М., 1994.

Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.

Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка. Л., 1975–1976, ч. 1–2.

Посвянская А. С. Польский язык // Славянские языки. М., 1977.

Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941.

Тихомирова Т. С. Курс польского языка. М., 1988.

Benni T. Fonetyka opisowa języka polskiego z obrazami głosek polskich podług Abińskiego. 3. wyd. Wrocław, 1959.

Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. Warszawa, 1973, t. I.

Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności leksykalnej. Słownictwo rodzime. Warszawa, 1982, t. II.

Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław, 1973.

Długosz-Kurczabowa R., Dubisz St. Gramatyka historyczna języka polskiego. I. Pochodzenie. Fonetyka. Fonologia. Warszawa, 1993.

Dłuska M. Prosodia języka polskiego. Kraków, 1947.

Doroszewski W. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963, cz. 1.

Furdal A. Klasyfikacja odmian współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1973.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Fonetyka i fonologia / Pod red. H. Wróbla. Kraków, 1995.

Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / Pod red. R. Grzegorczykowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla. 2. wyd. Warszawa, 1998.

Gramatyka współczesnego języka polskiego: Składnia / Pod red. Z. Topolińskiej. Warszawa, 1984.

Grzegorczykowa R. Zarys słowotwórstwa polskiego. Warszawa, 1979.

Grzegorczykowa R. Wykłady ze składni polskiej. Warszawa, 1998.

Jassem W. Akcent języka polskiego. Wrocław, 1962.

Język polski poza granicami kraju / Pod red. St. Dubisza. Warszawa, 1997.

Jodłowski St. Podstawy polskiej składni. Warszawa, 1976.

Klebanowska B. Interpretacja fonologiczna zjawisk fonetycznych w języku polskim. Warszawa, 1990.

Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. 2. wyd. Warszawa, 1974.

Klemensiewicz Z. O różnych odmianach współczesnej polszczyzny // W kręgu języka literackiego i artystycznego. Warszawa, 1961.

Klemensiewicz Z. Zarys składni polskiej. 6. wyd. Warszawa, 1969.

Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk St. Gramatyka historyczna języka polskiego. 3. wyd. Warszawa, 1965.

Kurkowska H., Skorupka St. Stylistyka polska. Warszawa, 1959.

Laskowski R. Studia nad morfonologią współczesnego języka polskiego. Wrocław, 1975.

Lubaś W. Społeczne uwarunkowanie współczesnej polszczyzny: Szkice socjolingwistyczne. Kraków, 1979.

Mańczak W. Polska fonetyka i morfologia historyczna. Warszawa, 1983.

Nagórko A. Zarys gramatyki polskiej. Warszawa, 1998.

Nitsch K. Dialekty języka polskiego. 3. wyd. Wrocław, 1957.

Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych. 2. wyd. Warszawa, 1960.

Ostaszewska D., Tambor J. Fonetyka i fonologia współczesnego języka polskiego. Warszawa, 2002.

Polszczyzna 2000 / Pod red. W. Pisarka. Kraków, 1999.

Rospond St. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1971.

Saloni Z., Swidziński M. Składnia współczesnego języka polskiego. 4. wyd., uzup. Warszawa, 1999.

Stieber Z. Historyczna i współczesna fonologia języka polskiego. Warszawa, 1966.

Skubalanka T. Historyczna stylistyka języka polskiego. Wrocław, 1984.

Smółkowa T. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Kraków, 2001

Tokarski J. Czasowniki polskie. Warszawa, 1951.

Tokarski J. Fleksja polska. Warszawa, 1973.

Urbańczyk St. Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1953.

Wierzchowska B. Fonetyka i fonologia języka polskiego. Wrocław, 1980.

Wilkoń A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice, 1987.

Словари и энциклопедии

Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. Варшава; М., 1983, т. 1–2.

Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И. Большой русско-польский словарь. М.; Варшава, 1970, т. 1–2.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. 3. wyd. Warszawa, 1974.

Encyklopedia języka polskiego / Pod red. St. Urbańczyka. Wrocław, 1991.

Kurcz I., Lewicki A. M., Sambor J., Szafran K., Worończak J. Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej. Kraków, 1990.

Nowy słownik poprawnej polszczyzny PWN / Pod red. A. Markowskiego. Warszawa, 2000.

Podracki J. Słownik interpunkcyjny języka polskiego. Warszawa, 1993.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952.

Słownik gwar polskich. Wrocław; Kraków, 1974–1998, t. I [pod kier. M. Karasia], t. II–V [pod kier. J. Rejchana i St. Urbańczyka].

Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958–1969, t. 1–11.

Słownik polszczyzny XVI wieku / Pod red. M. R. Mayenowej. Wrocław, 1966– [продолжающееся издание].

Słownik poprawnej polszczyzny / Pod red. W. Doroszewskiego i H. Kurkowskiej. Warszawa, 1973.

Słownik staropolski / Pod red. St. Urbańczyka. Wrocław, 1953– [продолжающееся издание].

Słownik wymowy polskiej / Pod red. M. Karasia i M. Madejowej. Warszawa; Kraków, 1977.

Współczesny język polski // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Wrocław, 1993.

А т л а с ы

Mały atlas gwar polskich. Wrocław, 1957–1970, t. I–II [pod kier. K. Nitscha], t. III–XIII [pod kier. M. Karasia].

А. Д. Дуличенко

КАШУБСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Кашубский язык (К.я.). Варианты названия: рус. *кашубско-словинский язык*, англ. *Kashubian*, *Cassubian*, *Pomorian*, нем. *Kaßubisch*, фр. *le cachoube*, кашуб. *kaszëbizna*, *kaszëbsczi jãzëk*, польск. *kaszubszczyzna*, *język kaszubski*; в польской науке нередко — *dialekt kaszubski* ‘кашубский диалект’. С конца XIX в. до 20–30-х гг. XX в. использовались также лингвонимы рус. *поморский язык*, польск. *język pomorski*, *pomorszczyzna* или рус. *поморско-кашубский язык*, польск. *język pomorsko-kaszubski*. Устаревшим является бытовавший в XIX в. в России лингвоним *кашебский язык*. Самоназвание носителей — *Kaszëbi* ‘кашубы’, польск. *Kaszubi*.

1.1.2. Относится к западным языкам лехитской подгруппы западнославянских языков.

1.1.3. Распространен в Польше, в исторической области Поморье (устар. Померания) и прилегающих регионах (северная часть так называемой Западной Пруссии). В административном плане это бывшие воеводства Гданьское, Слупское и Быдгощское (с 1999 г. — Поморское воеводство), где кашубы проживают в сорока трех гминах и составляют в большинстве из них свыше 50% населения. По данным специально проведенного социологического исследования Яна Мордавского, в 1995 г. кашубов насчитывалось 367 724 чел., к которым следует добавить еще 119 480 так называемых «полукашубов» (у которых один из родителей является кашубом). По данным переписи Польши 2002 г., кашубами себя назвали лишь 5062 чел. Учитывая эти данные, а также наличие отдельных поселений кашубов вне границ собственно кашубской области (в Польше), в других странах, в том числе в США и Канаде (в этой стране их около 20 тыс. чел.), общую численность этноса можно определить приблизительно в 500 тыс. чел. Более 90% кашубов и «полукашубов» проживает в бывшем Гданьском воеводстве, преимущест-

венно в сельской местности. Наиболее важными историко-культурными центрами для кашубской популяции являются Гданьск, а также Картузы, Вейхерово и Косцежина. В качестве языка ежедневного общения кашубский, согласно социологическому исследованию 1986–1989 гг. под руководством М. Лятошека, используют 28% населения бывшего Гданьского воеводства (его население в 1992 г. — 1 431 600 чел.), по тому или иному случаю — 58%. При этом объясняется по-кашубски в бывшем Гданьском воеводстве 70%, в бывшем Слупском — 41% и в бывшем Быдгощском — 30% кашубов.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. К.я. относится к самым диалектно дробным славянским языкам. По классификации Ф. Лоренца (1925 г.), в нем насчитывается 76 диалектов и говоров. Вторая мировая война нарушила диалектную картину К.я. Тем не менее в переизданной в 1958 г. «Поморской грамматике» Ф. Лоренца его классификация 20–30-х гг. XX в. сохранена. Сложная диалектная картина К.я. в общих чертах может быть представлена двояко. Согласно классификации Ф. Лоренца, выделяются два основных массива: севернокашубский, распадающийся на словинский диалект и собственно северные говоры, и южнокашубский, который делится на собственно южные говоры и переходные кашубско-заборские.

Согласно атласу кашубских диалектов (1964–1978 гг.), выделяются шесть диалектных массивов: севернокашубские говоры (бóльшая часть Пуцкской и Вейхеровской гмин, п-ов Хель), среднекашубские (гмины Картузская, частично Вейхеровская и Косцежинская), западнокашубские (от южной части Пуцкской гмины до юго-западных окраин кашубской области и частично до ее центрального массива), восточнокашубские (восточная часть центрального массива кашубской области), юго-западнокашубские и юго-восточнокашубские.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. К.я. не имеет официального статуса; он функционирует как локальное средство бытового общения и региональной культуры (используется в художественной литературе, периодике, церкви, на радио и телевидении, в образовании). В прошлом кашубы, помимо родного языка, активно пользовались также немецким; ныне они проживают в условиях полного кашубско-польского двуязычия.

1.3.2. Частичное использование К.я. в польскоязычной литературе отмечено с XV в.; начиная с XIX в. развивается литературный К.я. с письменностью на основе латиницы польского типа.

Единой диалектной базы литературный К.я. не имел и не имеет до настоящего времени. Дошедшие до нас тексты XV/XVI–XVIII вв. базируются на разных говорах. Лишь с XIX в. начинаются поиски диалектной основы, которые продолжаются до сих пор. В развитии идеи литературного К.я. можно выделить три больших периода:

1. Предвозрожденческий период (начало XV — первая половина XIX в.) характеризуется преимущественным использованием К.я. в религиозной сфере. Однако чисто кашубских по языку памятников письменности в этот период по существу нет, за исключением отдельных фрагментов в некоторых текстах. Дошедшие до нас памятники письменности написаны в основном на польском литературном языке Поморья. Специфической их чертой является «налет» в виде кашубских фонетических, грамматических и лексических элементов, что позво-

ляет говорить о функционировании кашубской редакции польского литературного языка Поморья. Первый такой памятник относится к 1402 г. — так называемые «Dutki brzeskie», представляющие собой собрание хозяйственных записей. С распространением протестантизма появляется перевод с немецкого духовных песен М. Лютера, сделанный Шимоном Крофеем («Duchowne piesnie D. Marcina Luthera…, w Gdainsku», 1586). В XVII в. выходит малый катехизис М. Лютера в издании Михала Мостника («Mały Catechism D. Marciná Lutherá…, w Gdaińsku», 1643), переизданный в 1758 г. К 1643 г. относится рукопись в целом светского содержания, хотя и навеянная библейскими мотивами: «Трагедия о богаче и Лазаре» («Tragedia o bogaczy y Łazarzy»), в которой достаточно четко отдельными фрагментами представлен К.я. Далее следуют некоторые религиозные памятники, как, например, «Дополнительные вопросы о вере» («Pytania dodatkowe o wierze», 1675), «Смолдзинские перикопы» («Perykopy smołdzińskie», 1699–1701), так называемый кашубский песенник («Śpiewnik kaszubski», XVI–XVIII вв.) и др. XVI–XVIII вв. датируется юридический памятник, написанный в Косцежине («Kościerskie księgi sądowe»); в 1706–1722 гг. появляются словинские присяги из Вежхоцина («Przysięgi słowińskie z Wierzchocina»). В большинстве названных памятников обнаруживаются элементы севернокашубского диалекта. Значительные интервалы между появлением письменных документов говорят о том, что, несмотря на очевидное внимание к местной кашубской речи, культурно-языковой процесс носил здесь прерывный характер.

2. Возрожденческий период приходится на 40–50-е гг. XIX в., когда Флориан Цейнова (Florian Cenôwa, в написании XIX в. Ceynowa, польск. Cejnowa, 1817–1881) под влиянием чешского и серболужицкого возрождения пытается пробудить национально-языковое самосознание своих соотечественников. В 1850–1851 гг. он издает первые книги на К.я., в 1866–1868 гг. — первый кашубский журнал «Защита кашубско-словинского языка». Ф. Цейнова был первым нормализатором и кодификатором литературного К.я.: в 40-е гг. XIX в. он составил грамматику, частично используя польскую графику и опираясь на свой родной говор (села Славошино) и говоры вокруг Вейхерова, Картуз, Косцежины, Лемборка и Бытова. Грамматика, однако, осталась в рукописи и была обнаружена только в 1994 г. (издана автором наст. статьи и В. Лефельдтом в 1998 г.). В 1879 г. Ф. Цейнова издал (по-немецки) другую грамматику. Возрожденческая деятельность Ф. Цейновы не вызвала массового движения. Но все же его дело продолжил поэт Иероним Дердовский (Hieronim Derdowsczi, польск. Derdowski, 1852–1902), ставший классиком кашубской литературы, создатель поэмы-эпоса «О пане Чорлинском, который за сетями в Пуцк ехал» («O panu Czorlińscim, co do Pucka po sece jachoł», 1880).

3. Последний период — XX в. Он во многом связан с предыдущим возрожденческим, так как и в это время продолжаются усилия по определению путей развития кашубской литературы и культуры, по поискам приемлемой письменности и основ единого литературного К.я.

В начале XX в. возникает движение так называемых младокашубов во главе с писателем Александром Майковским (Aleksander Majkowsczi, польск. Majkowski, 1876–1938). Движение организовало первое кашубское общество и с 1908 г. начало издавать журнал «Gryf». А. Майковский создал первый кашубский роман «Жизнь и приключения Ремуса» (отдельной книгой вышел в 1938–39 гг.), в язы-

ковом плане ориентируясь на говоры юго-западнее от Картуз и Косцежины. Написанная им кашубская грамматика осталась в рукописи. В младокашубском русле поэзию создавали Ян Карновский (Jan Karnowsczi, польск. Karnowski), Леон Хейке (Léòn Heyke, польск. Leon Heyke), Францишек Сендзицкий (Francëszk Sãdzëcczi, польск. Franciszek Sędzicki) и др. В 30-е гг. XX в. вокруг газеты «Кашубский союз» («Zrzesz Kaszëbskô») сформировалась группа писателей, которые стояли на позициях автономности кашубов как этноса и кашубского как самостоятельного славянского языка: Александр Лябуда (Aleksander Labùda, польск. Labuda), Ян Трепчик (Jan Trepczik, польск. Trepczyk), Ян Ромпский (Jan Rómpsczi, польск. Rompski), Стефан Бешк (Sztefan Bieszk, польск. Stefan Bieszk), Францишек Груча (Francëszk Grëcza, польск. Franciszek Grucza) и др. Они предпринимали попытки создания кашубской графики и орфографии и работали над созданием единых норм литературного языка. Перед Второй мировой войной этой группе противостояли по идейным соображениям писатели, издававшие газету «Klëka» (название герба сельского старосты): Леон Роппель (Léòn Roppel, польск. Leon Roppel), Юзеф Цейнова (Józef Cenôwa/Cejnowa), Павел Шефка (Paweł Szefka) и др.

По инициативе ряда писателей в 1956 г. в Гданьске было создано общество «Кашубское объединение» (с 1964 г. «Кашубско-Поморское объединение»), издающее журнал «Pomerania» и стимулирующее использование К.я. Кашубский литературно-художественный процесс возрождается: в 50–60-е гг. продолжается творчество довоенных писателей, а затем появляется плеяда новых имен, среди которых Антони Пеплинский (Antón Peplińsczi, польск. Antoni Pepliński), Алойзы Нагель (Alojzy Nôdzel/Nôgel, польск. Nagel), Станислав Пестка (Stanisłôw Pestka, польск. Stanisław Pestka), Ян Пепка (Jan Piepka), Ян Джежджон (Jan Drzéżdżón, польск. Drzeżdżon), Мариан Селин (Marian Selin), Станислав Янке (Stanisłôw Janke, польск. Stanisław Janke) и др. Кашубская поэзия хорошо представлена в антологиях.

В конце XX в. наблюдается новый виток кашубского возрождения: расширяется число периодических изданий (помимо журнала «Pomerania» выходят возрожденная в Вейхерове газета «Zrzesz Kaszëbskô», приложение «Norda» к гданьской газете «Dziennik Bałtycki» и др.), в Гданьском университете организуется обучение К.я., телевидение и радио Гданьска ведут передачи по-кашубски, открывается кашубская школа в селе Брусы, вводится преподавание К.я. в некоторых других сельских школах, на К.я. отправляется также богослужение в некоторых храмах Поморья (для чего были переведены и изданы религиозные книги, в том числе перевод Священного Писания). В то же время появляются польско-кашубские и кашубско-польские словари, переводы художественных произведений с одного языка на другой. В 1975 г. изданы «Основы кашубского правописания» (частично изменены в 1996 г.), в 1981 г. — грамматика, в 1992 г. — первый учебник К.я. для студентов. Отмеченные факторы способствуют формированию единых норм литературного К.я., однако этот процесс далек от завершения, поскольку до сих пор не изжита практика ориентации пишущих на свои родные говоры.

Далее в настоящей статье описывается «усредненный» вариант К.я., т. е. по мере возможности учитываются элементы и признаки, имеющие общее распространение.

1.3.3. К.я. изучается как факультативный предмет в Гданьском университете, а также используется как язык обучения в начальной школе в селе Брусы и некоторых других местах.

1.4.0. Кашубская графика опирается на латиницу польского типа, отличаясь от нее рядом существенных особенностей. После изменений, принятых в 1996 г., она выглядит следующим образом: *A a*, *ą*, *ã*, *B b*, *C c*, *D d*, *E e*, *é*, *ë*, *F f*, *G g*, *H h*, *I i*, *J j*, *K k*, *L l*, *Ł ł*, *M m*, *N n*, *ń*, *O o*, *Ó ó*, *ô*, *P p*, *R r*, *S s*, *T t*, *U u*, *W w*, *y*, *Z z*, *Ż ż*; диграфы *ch*, *cz*, *dz*, *dż*, *rz*, *sz*. В отличие от польской графики, в кашубской отсутствуют буквы *Ć ć*, *ę*, *Ś ś*, *Ź ź* и диграф *dź*, но добавлены *ã*, *é*, *ë*, *ô*.

Гласные буквы с диакритикой обозначают: *ą* — более задний лабиализованный носовой; *ã* — более передний лабиализованный носовой; *é*, *ó* — соответственно передний и непередний гласные верхне-среднего подъема между *y* и *e* и между *u* и *o*; *ô* — средний гласный между *e* и *o*; *ë* — «шва» (нелабиализованный средний гласный [ə]); штрих влево над *o* и *u* (*ò*, *ù*) указывает на билабиальный призвук перед соответствующими гласными в начале слова или после согласных *b*, *p*, *m*, *w*, *k*, *g*, *h* и употребляется по усмотрению пишущего, т. е. можно писать *mòwa* и *mowa* 'язык', однако недопустимо применять оба способа в одном тексте. Так же, как в польском языке, функционируют согласные буквы с диакритикой и диграфы: *sz* /š'/, *ż* и *rz* /ž'/, *cz* /č'/, *dż* /ǯ'/ (эти шипящие фрикативные и аффрикаты являются в К.я., в отличие от польского, палатализованными); *ń* обозначает /n'/ в конце слова и перед согласными (в других позициях /n'/ и мягкость губных согласных передается по польскому образцу посредством последующей буквы *i*; в отличие от польского языка, она же обозначает мягкость [š'], [ž'], [č'] и [ǯ'], тогда как буква *y* используется лишь для обозначения /i/ после твердых /n/, /s/, /z/, /c/ и /ʒ/, орф. *dz*). Как в польском языке, буквой *ł* обозначется неслоговой [u̯], диграфом *ch* — велярная /x/.

Правописание основывается на историко-этимологическом принципе с использованием также фонетических написаний.

1.5.0. О периодизации истории К.я. см. 1.3.2.

1.6.0. В К.я. обнаруживается немало внутриструктурных черт, обусловленных внешними языковыми причинами. Подобные явления возникли прежде всего под влиянием польского и немецкого языков в силу длительных и многообразных контактов. Так, в пограничных диалектных регионах отмечается постепенное замещение ряда кашубских черт польскими (например, наличие мягких зубных согласных, чуждых К.я.). По польскому образцу в современном К.я. распространено употребление личных окончаний глаголов в прошедшем времени: *sã nie poddôłem* 'я не сдался' (польск. *nie poddałem się*); ср. также аналогичное образование сослагательного наклонения с формами *bëm*, *bës*... (польск. *bym*, *byś*...). Для К.я. характерна препозиция прилагательного по отношению к существительному, однако под влиянием литературного польского языка нередко прилагательное употребляется постпозиционно: *jãzëk kaszëbsczi* вместо *kaszëbsczi jãzëk* (польск. *język kaszubski*) и т. д.

Воздействие немецкого языка стало проявляться, видимо, уже с принятием в Поморье христианства (до X в.). Так, помимо обычного способа образования составных количественных числительных типа *dwadzesce jeden* 'двадцать один', используется также немецкая модель *jeden dwadzesce* (нем. *einundzwanzig*). Отме-

чается употребление немецких глагольных отделяемых приставок: *pój ze mną mët* ʽпойдём со мной’; употребление предлога *od* в именных и глагольных конструкциях типа *Ana od Néclów* ʽАнна из семьи Нецель’, *urwac od tëch jabk* ʽсорвать часть этих яблок’ и предлога *z*(*e*) с творительным падежом: *biła jego ze skrzidłami* ʽона била его крыльями’. Ср. также образование пассива: *bëło gôdóné* ʽбыло сказано’ (нем. *es wurde gesprochen*), конструкцию-кальку с немецкого *sétmë lat stôri* ʽему семь лет’ (нем. *er ist sieben Jahre alt*) и т. п. Польское и немецкое влияние на К.я. проявляется также в глагольном управлении, в соединении предложений и их частей и особенно в лексике.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В К.я. 11 гласных и 28 согласных фонем.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд			
	Нелабиализованные		Лабиализованные	
	Передний	Средний		Задний
Верхний	i (y)			u
Верхне-средний	é			ó
Средне-нижний	e	ё	ô	o
Нижний		a	ã	ą

Оппозиция гласных по долготе/краткости, по-видимому, просуществовала до начала XX в., однако ныне она утратила фонологическую значимость.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования					
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Передне-небные	Средне-небные	Задне-небные
Шумные	Взрывные	Гл.	p p’		t			k
		Зв.	b b’		d			g
	Аффрикаты	Гл.			c	č’		
		Зв.			ʒ	ǯ’		
	Фрикативные	Гл.		f f’	s	š’		x
		Зв.		v v’	z	ž’		
Сонорные	Носовые		m m’				n’	
	Боковые					l		
	Дрожащие					r		
	Скользящие		u̯				j	

В консонантной системе отчетливо выделяются оппозиции по глухости/звонкости и твердости/мягкости.

Неслоговой [u̯] (орф. *ł*) фактически выступает вариантом гласной фонемы /u/.

2.1.2. Ударение экспираторное, по месту в слове ареально варьирующее. В севернокашубском диалекте оно разноместное (*'kolano* ʽколено’ — им. п. мн. ч. *ko'lana*), что приводит к сильной редукции безударных гласных (*do 'koscła < do*

kos'coła ʽв костёл’) вплоть до исчезновения целых слогов (*katézmus* < *katéchizmus* ʽкатехизис’). В среднекашубском ареале свобода постановки ударения в слове ограничивается: *ko'szik* ʽкорзинка’ — род. п. ед. ч. *ko'szika*, дат. п. ед. ч. *ko'szikowi*. В южном диалекте ударение фиксированное, оно находится на первом слоге в слове (*'kapelusz* ʽшляпа’ — им. п. мн. ч. *'kapelusze*) либо, на юго-востоке, на предпоследнем, как в польском языке. Различия в месте ударения стали проявляться с XIV–XV вв.

2.1.3. Позиционные изменения фонем весьма многочисленны и разнообразны и не всегда охватывают весь кашубский ареал.

В области гласных следует отметить:

— /a/ в сочетании с /j/ переходит в /e/: *daj* > *dej* ʽдай!’; /ał/ > /ôł/: *białka* > *biôłka* ʽженщина’; перед носовыми согласными /a/ назализуется: *tąm* ʽтам’, *scąna* ʽстена’; /a/ > /e/ в позиции перед /n’/: *greńca* ʽграница’;

— /e/ > /é/ перед /j/ и перед носовыми согласными: *chcéj* повелительное наклонение от ʽхотеть’, *chcémë* ʽ(мы) хотим’, *jedén* ʽодин’;

— /é/ в сочетаниях /én/, /éń/, /ém/ переходит в /i/ ([y]): *dzéń* > *dzyń* ʽдень’, *nié móm* > *ni móm* ʽу меня нет’; аналогично в сочетании /éj/, причем /j/ часто утрачивается: *daléj* > *dali* ʽдальше’ и т. п.;

— в закрытом слоге /ó/ часто переходит в /u/ перед носовыми согласными: *dóm* > *dum* ʽдом’; /ój/ > /u(j)/: *mój* > *muj* ʽмой’.

Среди согласных наблюдаются важнейшие позиционные изменения, связанные с ассимиляцией по глухости/звонкости. Это: 1) озвончение глухого перед звонким в случаях типа *prozba* ʽпросьба’ (при *prosic* ʽпросить’), также и на стыке слов: *bra*[t] *szedł* ʽбрат шёл’, но *bra*[d] *biégł* ʽбрат бежал’; 2) оглушение звонких в конце слова и перед глухими: *dą*[p] ʽдуб’, *brzó*[s]*ka* ʽберёза’; в результате морфологической аналогии оно иногда распространяется и на другие позиции, ср. *se*[c] < *sedz* ʽсиди’ и *se*[c]*më* < *sedzmë* ʽдавайте сидеть’.

2.1.4. Наиболее характерны для К.я. типы слогов CV, CVC: *më* ʽмы’, *dzys* ʽсегодня’, *miec* ʽиметь’, также в составе многосложных слов: *gô-do-më* ʽговорим’, *cza-së* ʽвремена’, *dôw-no* ʽдавно’; весьма часты также слоги типа CCV (*gdze* ʽгде’), CCVC (*przez* ʽчерез’), VC (*od* ʽот’) и др. При делении групп согласных последний отходит, как правило, к последующему слогу: *zamk-łosc* ʽсодержание, оглавление’, *prôw-da* ʽправда, истина’, *wszët-ce* ʽвсе’ и т. п.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Как морфема, так и слово в целом могут иметь вокалическое начало и вокалический конец, ср.: *a-bo* ʽили’, *o-sob-lë-wo* ʽособенно’. Слог и морфема могут совпадать (*znôw* ʽснова’, *do-kôz* ʽдоказательство’), однако чаще всего такого совпадения нет: *wë-szi-wac* и *wë-szi-wa-c* ʽвышивать’ — три слога и четыре морфемы, *po-przed-nëch* и *po-przed-n-ëch* ʽпредыдущих’ — три слога и четыре морфемы, *nôd-ba* и *nôd-b-a* ʽмнение, взгляд’ — два слога и три морфемы, *pod-chô-da-nié* и *pod-chôd-an-(i)é* ʽподход’ — частично не совпадающие четыре слога и четыре морфемы и т. п.

2.2.2. Фонологическое противопоставление морфологических единиц и категорий для К.я. в целом не характерно.

2.2.3. Чередования в К.я. связаны прежде всего с процессами словоизменения и словообразования и нередко варьируют по говорам.

Из чередований г л а с н ы х наиболее характерны: /e/ ~ /a/ (*kwiece* ʻцветыʼ (собир.) — *kwiat* ʻцветокʼ, *sedzelë* ʻсиделиʼ — *sedzała* ʻсиделаʼ), /e/ ~ /o/ (*nieslë* ʻнеслиʼ — *niosła* ʻнеслаʼ), /e/, /é/ ~ ∅ (*dzéń* ʻденьʼ — род. п. ед. ч. *dnia*), /a/ ~ /ô/ (*sedzała* ʻсиделаʼ — *sedzôł* ʻсиделʼ), /e/ ~ /é/ (род. п. ед. ч. *brzegu* — *brzég* ʻберегʼ), /o/ ~ /ó/ (*krowa* ʻкороваʼ — род. п. мн. ч. *krów*), /ë/ ~ /i/([y]) (род. п. ед. ч. *dëmu* — *dim* ʻдымʼ), /ã/ ~ /ą/ (*czãsc* ʻчастьʼ — *cząstka* ʻчастицаʼ), /ã/ ~ /i/, /ã/ ~ /ë/ (*klãti* ʻклястьʼ — *klic* ʻпроклинатьʼ — *klëcé* ʻпроклятиеʼ) и др.

Чередования с о г л а с н ы х: /w/ ~ /w'/ (*mowa* ʻязыкʼ — *mówic* ʻговоритьʼ), /b/ ~ /b'/ (*dąb* ʻдубʼ — *dãbina* ʻдубнякʼ), /d/ ~ /ʒ/ (*woda* ʻводаʼ — *w wodze* ʻв водеʼ), /t/ ~ /c/ (*błoto* ʻболото, грязьʼ — *błocëc* ʻпачкатьʼ), /r/ ~ /ž/ (*wiara* ʻвераʼ — *wierzëc* ʻверитьʼ), /k/ ~ /c/ ~ /č/ (*rãka* ʻрукаʼ — дат. п., местн. п. ед. ч. *rãce* — род. п. ед. ч. *rãczi* — *rãczëc* ʻручатьсяʼ), /g/ ~ /ʒ/ ~ /ǯ/ ~ /ž/ (*droga* ʻдорогаʼ — дат. п., местн. п. ед. ч. *drodze* — род. п. ед. ч. *drodżi* — *dróżka* ʻдорожкаʼ), /x/ ~ /š/ (*ptôch* ʻптицаʼ — *ptôszny* ʻптичийʼ) и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

К.я. относится к флективным языкам; синтетические способы выражения грамматических значений преобладают над аналитическими. Элементы аналитизма отмечаются в формах падежей, употребляющихся с предлогами (*w szkołach* ʻв школахʼ, *na podwórku* ʻво двореʼ), у некоторых форм глагольного времени, например, в архаичном сложном перфекте (*jô jem stojôł* ʻя стоялʼ), в сложном будущем (*jô mdã miôł* ʻя буду иметьʼ) и некоторых других.

2.3.1. На основании комплексного учета семантического, морфологического и синтаксического критериев в К.я. выделяются следующие части речи: знаменательные — существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, причастие, наречие; служебные — предлоги, союзы, частицы, междометия.

2.3.2. Р о д в К.я. — категория, в разной степени присущая именным частям речи, местоимениям, а также глаголу в формах сложного прошедшего и сложного будущего времени. У имен существительных это лексико-грамматическая категория: каждое существительное выступает обычно в каком-либо одном роде — мужском (*odżin* ʻогоньʼ, *kóń* ʻконьʼ), женском (*chojna* ʻсоснаʼ, *kuchniô* ʻкухняʼ) или среднем (*jadro* ʻсетьʼ, *sërce* ʻсердцеʼ, *żëcé* ʻжизньʼ, *celã* ʻтелёнокʼ). Двуродовых существительных немного, например, *kaléka* ʻкалекаʼ, *sërota* ʻсиротаʼ и т. д.

Синтаксически зависимый от существительного грамматический род проявляется у прилагательных: м. р. *młod-i* (*chłop*) ʻмолодой (мужчина)ʼ, ж. р. *młod-ô* (*białka*) ʻмолодая (женщина)ʼ, ср. р. *młod-é* (*sërce*) ʻмолодое (сердце)ʼ; аналогично у причастий, порядковых числительных, адъективных местоимений и личного местоимения 3-го лица.

В системе глагола по роду различаются формы простого и сложного прошедшего времени (перфекта): *jô chodzył*/*chodzyła* (*chodzyło*) — *jô jem chodzył*/*chodzyła* (*chodzyło*) ʻя ходил, -а, -оʼ; то же наблюдается и в одной из форм будущего сложного времени: *jô bãdã*/*mdã gôdał*/*gôdała* (*gôdało*) ʻя буду говоритьʼ.

Небольшая группа так называемых кратких прилагательных по форме имеет мужской род (*gotów* ʻготов(ый)ʼ, *rôd* ʻрадʼ), однако употребляется также по отношению к женскому и среднему роду, а также множественному числу: *on je rôd* ʻон радʼ, *ona je rôd* ʻона радаʼ, *oni sã rôd* ʻони радыʼ.

Из количественных числительных различные родовые формы имеют ʻодинʼ (м. р. *jeden*, ж. р. *jednô*, ср. р. *jedné*) и ʻдваʼ, ʻобаʼ (м. р. *dwaj*, *dwa*, ж. р. *dwie*, ср. р. *dwa*).

Категория о д у ш е в л е н н о с т и / н е о д у ш е в л е н н о с т и выражается у существительных мужского рода (и согласуемых с ними слов) в единственном числе: у одушевленных существительных наблюдается совпадение формы винительного падежа с формой родительного (*drëch-a* ʻдругаʼ), у неодушевленных форма винительного падежа совпадает с формой именительного (*brzég* ʻберегʼ).

Категория л и ч н о с т и у существительных мужского рода со значением лица (а также у согласуемых с ними слов) проявляется в формах винительного падежа множественного числа в совпадении их с формами родительного падежа (*drëchów* ʻдрузейʼ), тогда как нелично-мужские формы винительного падежа множественного числа совпадают с формами именительного падежа (*brzedżi* ʻберегаʼ, аналогично *wilk* ʻволкʼ — им. п., вин. п. мн. ч. *wilczi*). Кроме того, у прилагательных, других адъективных слов и у личного местоимения 3-го лица эта категория находит выражение в именительном падеже множественного числа: лично-мужские формы *oni (ni), ti moji młodi* — нелично-мужские формы *onë (në), të (té) moje młodé* ʻони, эти мои молодыеʼ. Количественные числительные ʻдваʼ, ʻобаʼ, ʻтриʼ, ʻчетыреʼ имеют в именительном падеже особые лично-мужские формы *dwaj*, *obaj*, *trzej*, *sztërzej* (нелично-мужские — *dwa*, *oba*, ж. р. *dwie*, *obie*, для всех родов — *trzë*, *sztërë*). Лично-мужские и нелично-мужские формы также различаются посредством чередования *l*/*ł* [u̯] в глаголах прошедшего времени — соответственно *më jesmë stojalë* и *...stojałë* ʻмы стоялиʼ.

2.3.3. В К.я. два грамматических ч и с л а — единственное и множественное. Кроме того, заметны также следы двойственного числа. Так, в склонении существительных женского рода *rãka* ʻрукаʼ и *noga* ʻногаʼ в родительном и предложном падеже множественного числа сохраняются старые формы двойственного числа *rãku* и *nogu*. У существительных, прилагательных и адъективных местоимений давняя флексия двойственного числа служит для выражения значения творительного падежа наряду с первоначальной флексией множественного числа: *chłop-ami* и *chłop-ama* ʻмужчинамиʼ. Реликты двойственного числа имеются также в некоторых падежных формах личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа: им. п. *ma* ʻмыʼ — *wa* ʻвыʼ (при исконных здесь *më* и *wë*), дат. п., твор. п. *nama* — *wama* (при исконных *nóm*, *nami* и *wóm*, *wami*). При этом в севернокашубском диалекте вышеприведенные формы сохраняют дуальное значение: *ma* ʻмы двоеʼ, *wa* ʻвы двоеʼ и т. д. Ср. также в склонении количественных числительных от ʻдвухʼ до ʻчетырехʼ формы дательного и творительного падежей типа *dwóma*, *dwuma*, *dwiema* (для всех родов). В глаголе давняя флексия двойственного числа *-ma* конкурирует в 1-м лице множественного числа с исконной здесь *-më* (равноправно употребляются формы *më sedzymë* и *ma sedzyma* ʻмы сидимʼ), а флексия 2-го лица множественного числа *-ta* (*wa sedzyta* ʻвы сидитеʼ) употребляется даже чаще, чем флексия *-ce*/*-cë*, в большей степени специализирующаяся на выражении вежливого обращения (в сочетании с местоимением *Wë*).

2.3.4. В К.я. выделяются семь п а д е ж е й: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный, а также считающаяся падеж-

ной звательная форма. Значения падежей выражаются преимущественно с помощью флексий, однако некоторые падежи дополнительно оформляются еще и предлогами, а предложный падеж без них вообще не употребляется: ***W koscelë*** *modlëmë sã po kaszëbsku* ʻВ костёле мы молимся по-кашубски’, *Malëjemë* ***na szkle*** ʻМы рисуем на стекле’ и т. д. Большинство падежей характеризуются многозначностью; конкретные значения проявляются в тексте. Прямой объект выражается винительным падежом: *Ona znała jeho* ***córkã*** ʻОна знала его дочь’. Косвенный объект выражается остальными падежами (кроме именительного и звательной формы).

Посессивность может быть выражена родительным падежом: *Chëcz* ***tatka*** *stojôł przë wodze* ʻДом отца стоял у воды (= озера)’, а также притяжательными прилагательными типа *tatków* ʻотцов’, *matczin* ʻматерин’ и т. п.

2.3.5. Значения залога, вида и времени, наклонения выражаются синтетически, т. е. с помощью грамматических морфем, или аналитически, т. е. посредством вспомогательных форм.

З а л о г о в ы е отношения выражаются в противопоставлении действительной и страдательной форм. Формы собственно страдательного залога образуют путем сочетания форм вспомогательного глагола ʻбыть’ и страдательного причастия только переходные глаголы несовершенного и совершенного видов: *Wë jescë proszony* ʻВас просят (зовут)’, *Konie bëłë zaprzęgłé* ʻЛошадей запрягли’ (букв. ʻЛошади были запряжены’); помимо того, существуют страдательно-возвратные формы: *Zbożе sã młoło* ʻЗерно мололось’. От этих форм отличаются бессубъектные конструкции типа *Przez całą noc bëło spiéwané/sã spiéwało* ʻВсю ночь пели’, а также калькированные с немецкого перфектные конструкции типа *On je wëjechóny* ʻОн уехал’ и *On mô zeżniwiony/zeżniwioné* ʻОн сжал (поле)’.

Категория в и д а охватывает большинство глаголов. Глаголы совершенного и несовершенного вида вступают в видовые пары, связанные словообразовательными отношениями. При образовании глаголов несовершенного вида (имперфективации) используется суффиксальный способ. Имперфективные суффиксы: *-owa-* (*zapisac* ʻзаписать’, но *zapis-owa-c* ʻзаписывать’, *zapitac* ʻспросить’, но *zapit-owa-c/zapët-owa-c* ʻспрашивать’), *-a-* (*kupic* ʻкупить’, но *kup-a-c* ʻпокупать’) и др. Образование глаголов совершенного вида (перфективация) осуществляется с помощью префиксов, затрагивающих также семантику самого глагола: *z-rzeszëc* ʻсвязать, объединить’, *u-grãdzëc* ʻпридавить’, *prze-tołmaczëc* ʻперевести’, *od-jachac* ʻотъехать’, *wë-jachac* ʻвыехать’ и т. п.

Прошедшее в р е м я выражается аналитически (если для простой его формы иметь в виду обязательность употребления личного местоимения, см. ниже); настоящее и будущее простое (настоящее совершенное) — синтетически; будущее сложное — аналитически, при этом в формах вспомогательного глагола выражаются лицо и число, а в формах на *l-* основного глагола — род и число.

Прошедшее время выражается несколькими аналитическими формами, две из которых по происхождению являются перфектом: архаичная со спрягаемым вспомогательным глаголом ʻбыть’ при *l*-причастии (*jô jem chodzył* ʻя ходил’), новая форма без глагола ʻбыть’ (*jô chodzył*). При этом важно подчеркнуть обязательность употребления здесь личного местоимения и то, что первая форма ис-

пользуется преимущественно в художественной литературе, а вторая повсеместно. Ограниченно применяется описательная форма, в которой при личном местоимении одним компонентом выступает глагол *miec* ʽиметь’, а другим — страдательное причастие: *jô mòm zasané (żëto)* ʽя посеял (рожь)’. Южнокашубское распространение имеет специфическая форма прошедшего времени, состоящая из оформляемого личными окончаниями элемента *że-* + *l*-причастие: *jô żem szedł* ʽя шёл’. В южно- и среднекашубских говорах в 3-м лице единственного числа вместо форм *ona trzimała* ʽона держала’, *ona wzãła* ʽона взяла’ используются стяженные формы, соответственно *ona trzima*, *ona wzã*. О польском влиянии на кашубское прошедшее время см. 1.6.0.

Плюсквамперфект типа *jô béł chodzył* ʽя ходил/хаживал’ практически уже не используется.

Формы настоящего времени сильно варьируют по говорам, например, в южнокашубском диалекте: 1 л. ед. ч. глагола ʽбыть’ *jô jezdem*, *jô jestem*, *jô żem je*, *jô je*, *jô jest*. О следах двойственного числа в спряжении см. 2.3.3.

Будущее время выступает в виде простого (то же, что настоящее совершенное) и сложного, образующегося сочетанием особых спрягаемых форм вспомогательного глагола ʽбыть’ в полной или краткой форме и *l*-причастия или инфинитива (соответственно *jô bãdã*/*bądã robił* — *jô bdã*/*mdã robił* ʽя буду делать, работать’; *jô bãdã*/*bądã robic* — *jô bdã*/*mdã robic* ʽя буду делать, работать’) (см. 2.4.0.). Обе формы равноправны в употреблении, ср.: *Jak jô mdã starszi ë* ***mdã miôł*** *swoje dzecë, one téż* ***mdą gôdac*** *po naszémù* ʽКогда я буду взрослым и буду иметь своих детей, они тоже будут говорить по-нашему (т. е. по-кашубски)’.

В К.я. три н а к л о н е н и я: изъявительное, повелительное и сослагательное. Изъявительное наклонение выражает реальное действие в трех временных планах: прошедшем, настоящем и будущем (см. 2.3.6.). Повелительное наклонение образуется в основном синтетически. Исходной является форма 2-го лица единственного числа с флексиями *-ë* у глаголов *e*-спряжения, а также *i*-спряжения с основой на твердый согласный (*piszë* ʽпиши’, *prosë* ʽпроси’), *-i* у остальных глаголов *i*-спряжения (*robi* ʽделай/работай’) и **-∅** у всех глаголов с основой 3-го лица множественного числа настоящего времени на *-j* (*lej* ʽлей’, *stój* ʽстой’, *gôdôj* ʽговори’). При этом многие такие формы сильно варьируют, ср.: *gri*/*gré*/*grôj* ʽиграй’, *bãdze*/*bądzë*/*bãdz*/*bądz* ʽбудь’ и т. п. К этим формам агглютинируются образующие формы 1-го и 2-го лица множественного числа показатели *-më* и *-ta*/*-ce*: *piszëmë* ʽдавай(те) писать’, *piszëta*/*piszëce* ʽпишите’ (последняя форма употребляется при вежливом обращении к одному или нескольким лицам). Формы 3-го лица единственного и множественного числа образуются аналитически — с помощью частицы *niech* ʽпусть’ и глагола в соответствующей личной форме: *niech sądze* ʽпусть он сядет’ и т. п.

Сослагательное наклонение образуется аналитически, путем присоединения к *l*-причастию неизменяемой частицы *bë* вне зависимости от лица: *jô bë chcôł* ʽя бы хотел’, *të bë chcôł* ʽты бы хотел’ и т. д. Под воздействием польского языка используется также сослагательное наклонение, в котором вместо частицы выступают спрягаемые формы вспомогательного глагола ʽбыть’: *jô bëm chcôł* ʽя бы хотел’, *të bës chcôł* ʽты бы хотел’. Устаревшей считается форма типа *chcôłbë jem* ʽя бы хотел’.

2.3.6. Категорию л и ц а в качестве лексической имеют личные, а также притяжательные местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. В глаголе словоизменительной категорией лица обладают формы настоящего, простого будущего (настоящего совершенного) и сложного будущего времени; в прошедшем времени лицо выражается присутствием личного местоимения (при архаичном способе образования — также формами глагола ʻбыть’).

Категория о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и выражается различными средствами. Отчетливо данная категория представлена в системе местоимений. Указательные местоимения служат для выражения определенности; в фольклоре и в разговорной речи местоимения *ten* и *nen* ʻэтот’, ʻтот’ могут выступать в функции артикля: *ten kupc* ʻ(этот) покупатель’, *ta białka* ʻ(эта) женщина’. В известной мере категорию определенности/неопределенности выражают также разряды соответственно определительных и неопределенных местоимений (см. 2.3.7., 2.4.0.). Числительное *jeden* также может выступать в функции неопределенного артикля, ср. *jeden chłop* ʻ(один, какой-то) мужчина’.

О т р и ц а н и е используется практически при любой части речи. Так, частица *nie* ʻне’ вводит отрицание как существительного (*Jachôł **nie wozem**, pogóniôł **nie batigem*** ʻОн ехал не на телеге, погонял не кнутом’), так и глагола (*W niechtërnëch chëczach tatk i nënka **nie godają** z môléma dzecama po kaszëbsku* ʻВ некоторых домах отец и мать не говорят с маленькими детьми по-кашубски’). Для К.я. характерно так называемое двойное отрицание с *nie* и *ni* ʻни’, ʻне’ типа: ***Nicht nie** zwrôcôł uwadżi* ʻНикто не обращал внимания’, *Kaszëbsczégo jô **nigdë nie** zabądã* ʻЯ никогда не забуду кашубский (язык)’, *Dlô chcącégo **ni ma nick** trudnégo* ʻДля хотящего нет ничего трудного’. При этом *ni* употребляется достаточно ограниченно при таких глаголах, как ʻиметь’ и ʻмочь’: *Jeden chłop **ni miôł** dzecy* ʻУ одного мужчины не было детей’, *Jô sã z tim **ni mogã** zgodzëc* ʻЯ с этим не могу согласиться’. Она же выступает в составе частицы *ani*: ***Nie** chce przedac **ani** krowë, **ani** kura* ʻОн не хочет продать ни корову, ни петуха’). Существуют также отрицательные местоимения (*nijaczi* ʻникакой’, *żóden* ʻникакой, ни один’, *nicht* ʻникто’, *nick* ʻничто’ и др.) и местоименные наречия (*nigdë* ʻникогда’, *nijak* ʻникак’ и др.).

2.3.7. О составе частей речи см. 2.3.1.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е обладают категориями рода, числа и падежа. На основе рода выделяются три типа склонения: мужской, средний и женский (см. 2.4.0.). При этом следует иметь в виду, что падежные флексии всех типов достаточно сильно варьируют по говорам.

П р и л а г а т е л ь н ы е выступают обычно в полной форме: в единственном числе — в трех родах: *daleczi* ʻдалёкий’, *dalekô* ʻдалёкая’, *daleczé* ʻдалёкое’, во множественном числе различаются лично-мужские и нелично-мужские формы (в именительном падеже множественного числа соответственно *daleczi*, *daleczé*). Так называемые краткие прилагательные немногочисленны (см. 2.3.2.). Относительные и качественные прилагательные изменяются по твердому (*jiwerny* ʻхлопотливый’) и мягкому типам (*snożi* ʻпрекрасный’, ʻпрелестный’). Притяжательные прилагательные, образующиеся от названий лиц с помощью суффиксов *-ów*

(в именительном падеже единственного числа мужского рода, в других формах — *-ow*) и *-in* (в именительном падеже единственного числа мужского рода; возможны также варианты с *-ën*), склоняются по твердому типу, сохраняя в именительном и (для неодушевленных прилагательных) винительном падеже мужского рода, а также в именительном падеже женского и среднего рода краткие формы: *tatków*, *tatkowa*, *tatkowo* ʽотцов, -а, -оʼ, *matczin*, *matczina*, *matczino* ʽматерин, -а, -оʼ (в среднем роде в качестве вариантов возможны полные формы на *-é*).

Степени сравнения прилагательных выражаются синтетически. Сравнительная степень образуется с помощью суффиксов *-szi* и *-ejszi*: *lepszi* ʽкрасивее, более красивыйʼ, *czëstszi* и *czëscejszi* ʽчище, более чистыйʼ, превосходная — путем присоединения к формам сравнительной степени префикса *nô-* ʽнаи-ʼ: *nôlepszi* ʽ(наи)красивейшийʼ, *nôpustszi* ʽ(наи)пустейшийʼ. Степени сравнения имеют те же грамматические категории (род, число, падеж), что и прилагательные в положительной степени.

М е с т о и м е н и я по своим грамматическим свойствам делятся на субстантивные (личные, возвратное) и адъективные (указательные, притяжательные, определительные); среди вопросительно-относительных, неопределенных, а также отрицательных одни попадают в первую, а другие во вторую группу.

У личных местоимений склонение супплетивное, с наличием энклитических (неударных) форм в родительном, дательном и винительном падеже (об остатках форм двойственного числа см. 2.3.3.). Возвратное местоимение не имеет формы именительного падежа.

Указательные местоимения:

— *ten* ʽэтотʼ, ж. р. *ta*, ср. р. *to*; *nen* ʽтотʼ, ж. р. *na*, ср. р. *no*; *tamten* ʽ(вон) тотʼ, ж. р. *tamta*, ср. р. *tamto*; *tuten* ʽ(вот) этотʼ, ж. р. *tuta*, ср. р. *tuto*;

— притяжательные: ед. ч. 1 л. *mój* ʽмойʼ, ж. р. *moja*, ср. р. *moje*; 2 л. *twój* ʽтвойʼ, ж. р. *twoja*, ср. р. *twoje*; мн. ч. 1 л. *nasz* ʽнашʼ, ж. р. *nasza*, ср. р. *nasze*; 2 л. *wasz* ʽвашʼ, ж. р. *wasza*, ср. р. *wasze*;

— вопросительно-относительные: *chto* ʽктоʼ, *co* ʽчтоʼ; *chtórny* ʽкоторыйʼ, ж. р. *chtórna*, ср. р. *chtórno*; *jaczi* ʽкакойʼ, ж. р. *jakô*, ср. р. *jaczié*; *czij* ʽчейʼ, ж. р. *czija*, ср. р. *czije*;

— определительные: *kożdi* ʽкаждыйʼ, ж. р. *kożda*, ср. р. *kożdé*; *sóm* ʽсамʼ, ʽсамыйʼ, ж. р. *sama*, ср. р. *samo*;

— отрицательные см. 2.3.6.;

— неопределенные: *niechto* ʽнектоʼ, *nieco* ʽнечтоʼ, *chto le* ʽкто-тоʼ, *chtokolwiek* ʽкто угодноʼ, *bële chto* ʽхоть бы ктоʼ, *bële co* ʽхоть бы чтоʼ и др.

Некоторые из адъективных местоимений могут иметь также краткую форму, ср.: *chtórny*, но *chtëren*, только *żóden* и т. п.

Ч и с л и т е л ь н ы е в целом сохранили общеславянский облик. Из количественных числительных склоняются только *jeden* ʽодинʼ, *dwa(j)* ʽдваʼ, *trzë* ʽтриʼ, *sztërë* ʽчетыреʼ, а также *sto* ʽстоʼ. О реликтах двойственного числа см. 2.3.3. Порядковые числительные образуются посредством присоединения к количественным родовых, числовых и падежных флексий прилагательных: *szesc* ʽшестьʼ — *szósti*, *szóstô*, *szósté* ʽшестой, -ая, -оеʼ; числительные от одного до четырех образуют порядковые супплетивно: *jeden* — *pierwszi* ʽпервыйʼ, *dwa*(*j*) — *drëdżi*, *drudżi*

ʻвторойʼ и т. д. Собирательные числительные образуются от количественных суффиксами *-oje* и *-oro*: *dwoje* ʻдвоеʼ, *czwioro*/*czworo* ʻчетвероʼ, *dzesyńcoro*/ *dzesãcoro* ʻдесятероʼ и т. п.; кратные образуются от собирательных с помощью суффиксов *-ak* с вариантом *-acz*(*i*), *-n*(*y*): *dwojaczi*/*dwójny* ʻдвоякий, двойнойʼ, *czwioraczi*/*czworaczi*/*czwórny* ʻчетырёх видовʼ. Существуют и наречные формы этих числительных: *dwojak(o)* ʻдвоякоʼ, *czwiorak(o)*/*czworak(o)* ʻчетырьмя способамиʼ. Так называемые дробные числительные образуются с помощью слова *dzél* ʻчастьʼ, прибавляемого к порядковому числительному: *sódmi dzél* ʻседьмая часть, одна седьмаяʼ и т. д.

Система г л а г о л а в К.я. отличается большой сложностью. В настоящем времени выделяются четыре типа спряжения: I спряжение на *-ã*, *-esz* (*skôczã* ʻскачуʼ, *skôczesz* ʻскачешьʼ); II спряжение на *-ã*, *-isz*/*-ysz* (*zwóniã* ʻзвоюʼ, *zwónisz* ʻзвонишьʼ); III спряжение на *-óm*, *-ôsz* (*pitóm* ʻспрашиваюʼ, *pitôsz* ʻспрашиваешьʼ); IV спряжение на *-ém*, *-ész* (*wiém* ʻзнаюʼ, *wiész* ʻзнаешьʼ). В III спряжении сохранились архаичные нестяженные формы 1-го лица единственного числа типа *pitajã*, конкурирующие с новыми стяженными формами типа *pitóm*. Глагол *bëc* ʻбытьʼ, служащий для образования сложных форм будущего и прошедшего времени, а также выступающий в именном составном сказуемом в качестве связки, имеет три основные общекашубские парадигмы спряжения (см. 2.4.0.).

Из действительных п р и ч а с т и й функционируют формы настоящего времени с суффиксом *-ąc-*: м. р. *sedzący* ʻсидящийʼ, ж. р. *sedzącô*, ср. р. *sedzącé*; формы прошедшего времени на *-ł* (*l*-причастия) участвуют в образовании сложных прошедшего и будущего времени, а при имени выступают в качестве прилагательного и, следовательно, в функции определения (*umarłi chłop* ʻумерший мужчинаʼ). Страдательные причастия образуются с помощью суффиксов *-t*(*i*), *-n*(*y*): *podarti*/*podzarti* ʻразорванный, разодранныйʼ и *rozerwóny* ʻразорванныйʼ. Д е е п р и ч а с т и я употребляются практически только в литературном языке: *robiącë* (наст. вр.) ʻработаяʼ, *rzekłszë* (прош. вр.) ʻсказавʼ.

Н а р е ч и я формируются на базе существительных: *zëmą* ʻзимойʼ от *zëma* ʻзимаʼ, прилагательных (с суффиксами *-e* или *-o*: *spokojnie*/*spokojno* ʻспокойноʼ от *spokójny* ʻспокойныйʼ, но также *dalek* наряду с *daleko* ʻдалекоʼ от *daleczi* ʻдалекийʼ) и слов других частей речи или их сочетаний (*terôz*/*terëz*/*terôzku* ʻсейчасʼ < *ten rôz* ʻэтот разʼ).

С л у ж е б н ы е части речи. Предлоги делятся на первичные (*na* ʻнаʼ, *ob* ʻчерез, в течениеʼ, *bez* ʻбезʼ, *dlô* ʻдляʼ, *z*/*ze* ʻсʼ, *za* ʻзаʼ и т. д.) и производные от других частей речи (*okom* ʻу, приʼ, *strzód*/*postrzód*/*westrzód* ʻсредиʼ, *obok* ʻоколо, мимоʼ и т. п.). Предлоги используются с одним или двумя, реже с тремя падежами. Союзы бывают простые (*a*, *i*, *ë* ʻиʼ, *czë* ʻилиʼ и т. п.) и сложные (*dlôcz*/*dlôcze*/*dlôczego* < *dlô cz*(*ego*) ʻзачем, с какой цельюʼ, *pokąd* ʻпока, покудаʼ и т. д.). Частицы: *czë* (вводит вопросительные предложения), *że* ʻжеʼ, *le* ʻтолькоʼ, *jino* ʻединственно, толькоʼ, *ko* ʻну-каʼ и др. Некоторые выполняют формообразующую функцию, например, *so*, *sã* ʻ-сяʼ (при возвратных глаголах), *bë* ʻбыʼ (в сослагательном наклонении), *niech* ʻпустьʼ (в повелительном наклонении) и т. п.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

Мужской род

knôp ʻмальчикʼ, *brzég* ʻберегʼ, *zajc* ʻзаяцʼ, *kosz* ʻкорзинаʼ

Падеж	**Ед. число**			
Им.	*knôp*	*brzég*	*zajc*	*kosz*
Род.	*knôpa*	*brzega*, *-u*	*zajca*	*kosza*
Дат.	*knôpu*, *-owi*	*brzegowi*	*zajcowi*, *-u*	*koszowi*, *-u*
Вин.	= род. п.	= им. п.	= род. п.	= им. п.
Твор.	*knôpã*, *-em*	*brzedżem*	*zajcã*, *-em*	*koszem*
Предл.	*knôpie*	*brzegu*	*zajcu*	*koszu*
Зват.	*knôpie*	*brzegu*	*zajcu*	*koszu*
	Мн. число			
Им.	*knôpi*	*brzedżi*	*zajce*	*kosze*
Род.	*knôpów*	*brzegów*	*zajci*, *-ów*	*koszi*, *-ów*
Дат.	*knôpom*	*brzegom*	*zajcom*	*koszom*
Вин.	= род. п.	= им. п.		
Твор.	*knôpami*, *-ama*	*brzegami*, *-ama*	*zajcami*, *-ama*	*koszami*, *-ama*
Предл.	*knôpach*	*brzegach*	*zajcach*	*koszach*
Зват.	= им. п.	*brzegu*	= им. п.	

Женский род

rëba ʻрыбаʼ, *noga* ʻногаʼ, *zemia* ʻземляʼ, *môłniô* ʻмолнияʼ

Падеж	**Ед. число**			
Им.	*rëba*	*noga*	*zemia*	*môłniô*
Род.	*rëbë*	*nodżi*	*zemi*, *-e*	*môłni*, *-e*, *-é*
Дат.	*rëbie*	*nodze*	*zemi*	*môłni*, *-é*
Вин.	*rëbã*	*nogã*	*zemiã*	*môłniã*
Твор.	*rëbą*	*nogą*	*zemią*	*môłnią*
Предл.	*rëbie*	*nodze*	*zemi*	*môłni*, *-é*
Зват.	*rëbo*	*nogo*	*zemio*	*môłniô*
	Мн. число			
Им.	*rëbë*	*nodżi*	*zemie*	*môłnie*, *-é*
Род.	*rib*	*nogów*	*zemiów*	*môłni*, *-ów*
Дат.	*rëbom*	*nogom*	*zemiom*	*môłniom*
Вин.	= им. п.			
Твор.	*rëbami*, *-ama*	*nogami*, *-ama*	*zemiami*, *-ama*	*môłniami*, *-ama*
Предл.	*rëbach*	*nogach*	*zemiach*	*môłniach*
Зват.	= им. п.			

Средний род

wiodro ʻпогодаʼ, *sërce* ʻсердцеʼ, *sumienié* (*sëmienié*) ʻсовестьʼ, *semiã* ʻсемяʼ, *celã* ʻтелёнокʼ

Падеж	**Ед. число**				
Им.	*wiodro*	*sërce*	*sumienié* (*sëmienié*)	*semiã*	*celã*
Род.	*wiodra*	*sërca*	*sumieniégo*, *-ô*, *-a*, *-u*, *-i*	*semienia*	*celãca*
Дат.	*wiodru*	*sërcu*	*sumieniému*, *-u*, *-owi*	*semiu*, *-owi*	*celãcu*
Вин.	= им. п.		*sumienié*	= им. п.	
Твор.	*wiodrã*, *-em*	*sërcã*, *-em*	*sumienim*, *-ém*	*semieniã*, *-em*	*celãcã*, *-em*
Предл.	*wiodrze*	*sërcu*	*sumienim*, *-u*	*semieniu*	*celãcu*
Зват.	= им. п.		*sumienié*	= им. п.	
	Мн. число				
Им.	*wiodra*	*sërca*	*sumienia*	*semiona*	*celãta*
Род.	*wiodrów*	*sërców*	*sumieniów*	*semionów*	*celãt*, *celąt*
Дат.	*wiodrom*	*sërcom*	*sumieniom*	*semionom*	*celãtom*
Вин.	= им. п.				
Твор.	*wiodrami*, *-ama*	*sërcami*, *-ama*	*sumieniami*, *-ama*	*semionami*, *-ama*	*celãtami*, *-ama*
Предл.	*wiodrach*	*sërcach*	*sumieniach*	*semionach*	*celãtach*
Зват.	= им. п.				

Прилагательные

dobri ʻхорошийʼ

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число		
Им.	*dobri*	*dobré*	*dobrô*
Род.	*dobrégo*		*dobri*
Дат.	*dobrému*		*dobri*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*dobrą*
Твор.	*dobrim*		*dobrą*
Предл.	*dobrim*		*dobri*

	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Мн. число	
Им.	*dobri*	*dobré*
Род.	*dobrich*, *-ëch*	
Дат.	*dobrim*	
Вин.	= род. п.	= им. п.
Твор.	*dobrimi*, *-ima*	*dobrëmi*, *-ëma*
Предл.	*dobrich*, *-ëch*	

Ч и с л и т е л ь н ы е

Падеж	ʽодин’			ʽдва’		
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Им.	*jeden*	*jedné*	*jednô*	лично-муж. *dwaj* нелично-муж. *dwa*	*dwa*	*dwie*
Род.	*jednégo*		*jedny*		*dwuch*	
Дат.	*jednému*		*jedny*		*dwóm*, *dwóma*, *dwómë* и др.	
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*jedné*	*jedną*	лично-муж. *dwuch* нелично-муж. *dwa*	= им. п.	
Твор.	*jednym*		*jedną*		*dwóma*, *dwuma*, *dwiema*	
Предл.	*jednym*		*jedny*		*dwuch*	

М е с т о и м е н и я

Падеж	1 л.	2 л.	1 л.		
	Ед. число		**Мн. число**		
	ʽя’	ʽты’	ʽмы’	ʽкто’	ʽчто’
Им.	*jô*	*të*	*më*, *ma*	*chto*, *chtëż*, *chtóż*, *chtuż*	*co*
Род.	*mnie*, *mie*	*cebie*, *ce*	*nas*, *nôs*, *naju*, *naji*	*kogo*, *kogóż*, *koguż*	*czego*, *cze*
Дат.	*mnie*, *mie*	*tobie*, *cë*	*nóm*, *nama*, *nami*	*komu*, *komóż*, *komuż*	*czemu*, *czému*
Вин.	*mnie*, *mie*, *miã*	*cebie*, *ce*, *cę*	*nas*, *nôs*	*kogo*, *kogóż*, *koguż*	*co*
Твор.	*mną*	*tobą*	*nami*, *nama*	*czim*, *czimże*	*czim*
Предл.	*mnie*, *mie*	*cebie*, *tobie*	*nas*, *nôs*	*czim*, *czimże*	*czim*
			(аналогично *wa* ʽвы’, *wë* ʽВы’)		

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Лично-муж.	Нелично-муж.
	Ед. число			**Мн. число**	
	ʽэтот’	ʽэто’	ʽэта’	ʽэти’	
Им.	*ten*, *tén*	*to*	*ta*	*ti*	*të*, *té*
Род.	*tego*		*ti*	*tich*, *tëch*	
Дат.	*temu*		*ti*	*tim*	
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= им. п.	*tã*	*tich*	= им. п.
Твор.	*tim*		*tą*	*timi*, *tëmi*	
Предл.	*tim*		*ti*	*tich*	

Г л а г о л ы

Настоящее время

Типы спряжения				
	-ã, *-esz*	*-ã*, *-isz*/*-ysz*	*-óm*, *-ôsz*	*-ém*, *-ész*
Ед. число				
1 л.	*niosã* ʽнесу’	*sedzã* ʽсижу’	*spiéwóm* ʽпою’	*wiém* ʽзнаю’
2 л.	*niesesz*	*sedzysz*	*spiéwôsz*	*wiész*
3 л.	*niese*	*sedzy*	*spiéwô*	*wié*
Мн. число				
1 л.	*niesemë*/*niesema*	*sedzymë*/*sedzyma*	*spiéwómë*/*spiéwóma*	*wiémë*/*wiéma*
2 л.	*nieseta*	*sedzyta*	*spiéwôta*	*wiéta*
3 л.	*niosą*	*sedzą*	*spiéwają*	*wiédzą*

Спряжение вспомогательного глагола *bëc* ʽбыть’

	Настоящее время	Будущее время	
		Полная форма	Краткая форма
Ед. число			
1 л.	*jem*	*bãdã*/*bądã*	*mdã*/*bdã*/*mbdã*
2 л.	*jes*	*bãdzesz*/*bądzesz*	*mdzesz*/*bdzesz*/*mbdzesz*
3 л.	*je*	*bãdze*/*bądze*	*mdzesz*/*bdzesz*/*mbdzesz*
Мн. число			
1 л.	*jesmë*/*jesma*	*më bãdzemë*/*bądzemë*, *ma bãdzema*/*bądzema*	*më mdzemë*/*bdzemë*/*mbdzemë*, *ma mdzema*/*bdzema*/*mbdzema*
2 л.	*jesta*	*bãdzeta*/*bądzeta*	*mdzeta*/*bdzeta*/*mbdzeta*
3 л.	*są*	*bãdą*/*bądą*	*mdą*/*bdą*/*mbdą*

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичные схемы словоформы: корень + нулевая флексия, корень + флексия, корень + суффикс/суффиксы + флексия, префикс + корень + флексия, префикс/префиксы + корень + суффикс/суффиксы + флексия.

2.5.2. Словообразовательные способы разнообразны. Наибольшей продуктивностью обладает суффиксальный, менее продуктивен префиксальный способ; представлен также семантический способ; слово- и основосложение имеют перспективу активизации в связи с тенденцией к формированию и развитию публицистического и научного стилей. При этом характерной чертой словообразования в К.я. остается сильное (в том числе и фонетическое) варьирование слов, образованных по одной модели, ср. ʽтанцор’: *tancerz*/*tańcérz* — *tancôrz*/*tańcôrz* — *tanecznik*/*taniecznik* — *tancownik*/*tańcownik* — *tancer*/*tańcer*. Для К.я. специфичными являются суффиксы: *-iszcze*/*-ëszcze*, *-cziszcze*/*-czëszcze*, *-awiszcze*/*-owiszcze* (*pszeniszcze*/ *pszéniszcze* ʽстерня’, ʽжнивьё’), *-iczé* (*brzozowiczé* ʽветвь берёзы’), *-aw*(*a*) (*burzawa* ʽметель’), *-ëc*(*a*) (*wróblëca* ʽворобьиха’) и др. Используется очень архаичный префикс *są-*, выражающий значения беременности у животных: *sąkocô*/*sąkotnô* ʽкотная’, ʽщенная’ (ср. рус. *су-котная*, *су-ячная*). Очень развита в К.я. система диминутивных форм: *gołąbk* (< *gołąb* ʽголубь’), *daleczczi* (< *daleczi* ʽдалёкий’), *szëroczk* (< *szërok*/*szëroko* ʽшироко’) и т. п. Наблюдаются многочисленные несовпадения в функциях суффиксов и других словообразовательных формантов между кашубским и польским языками, ср.: *mił-ot-a* ʽлюбовь’ — польск. *mił-ość*, *kos-b-a* ʽкосьба’ — польск. *kosz-eni-e*, *bieg-ôrz* ʽбегун’ — польск. *bieg-acz*, *płëw-ôrz* ʽпловец’ — польск. *pływ-ak*, *rid-ôrz* ʽездок’ — польск. *jeździ-ec*, *znaj-ôrz* ʽзнаток’ — польск. *znaw-c-a* и т. д.

2.5.3. При относительно свободном порядке слов в предложении наблюдаются некоторые ограничения. Для К.я. более характерна препозиция определения по отношению к определяемому слову, хотя под давлением польского языка это соотношение нарушается, ср.: *kaszëbskô porcelana* и *porcelana kaszëbskô* ʽкашубский фарфор’. Существуют краткие, энклитические формы местоимений, которые не могут стоять в начале предложения: *Wszëtko* ***go*** *bolało* ʽВсё у него болело’.

В именном составном сказуемом связка обязательна; при этом, в отличие от польского языка, сказуемое выражается существительным в именительном паде-

же, а не в творительном: *On je poéta*, но ср. польск. *On je poetą* ʻОн поэтʼ. По существу обязательным в К.я. является использование при глаголе личного местоимения: *Wszëtcë jakbë zabëlë, że tu gdze* ***më jesmë****, mieszkają leno Kaszëbi* ʻВсе как будто забыли, что здесь, где мы есть (находимся), живут только кашубыʼ. О субъектно-объектных отношениях см. 2.3.5.

П р о с т ы е предложения обычно строятся по схеме SVO; они делятся на повествовательные, вопросительные, восклицательные; одно- и двусоставные и т. д.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения оформляются союзами и союзными словами (см. 2.3.7.) и делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. В отличие от польского языка, нередко наблюдается опущение союза в сложноподчиненном предложении, что объясняется преобладанием использования устной формы языка над письменной: *Gust sã zamëslôł*, (***bo***) *nie chcôł bëlno w to wierzëc* ʻАвгуст задумался, (так как) не хотел наивно этому веритьʼ. Союзы и союзные слова могут быть многофункциональными, вводя различные типы придаточных предложений, ср. *co* ʻчтоʼ, которое может вводить придаточное предложение дополнительное (*Jô sãceszã,* ***co*** *jô to zrobił* ʻЯ рад, что я это сделалʼ), сказуемостное (*On je taczi sóm,* ***co*** *jego białka* ʻОн сам такой (же), что (как и) и его женаʼ), обстоятельственное причины (*On sã redowôł,* ***co*** *on to dostôł tak tónie* ʻОн радовался, что купил это так дёшевоʼ) и т. д. О немецком влиянии на кашубский синтаксис см. 1.6.0.

2.6.0. Иноязычные слова в К.я. имеют давнюю историю и занимают в его словаре весомое место. Особенно это касается слов из соседних языков — немецкого и польского. Считают, что в кашубском словаре около 5% немецких заимствований (при 2% в польском). Германизмы стали проникать в Поморье с принятием христианства (перед X в.), о чем свидетельствует такое древнее заимствование, как *jastrë* < нем. *Ostern* ʻпасхаʼ. По содержанию эти заимствования весьма различны, ср. выборку германизмов с начальным *f*: *flaba* ʻротʼ, ʻмордаʼ (< нем. *Flabbe*, *Flabb*), *flauta* ʻгладкая поверхность моряʼ (< нем. *Flaut*), *flara* ʻплатье из тонкой тканиʼ и т. д. (< нем. *Flirre* ʻчепец с разными лентами, тесёмкамиʼ), *flëska* ʻшальная, легкомысленная девушкаʼ (< нем. *Flitze*, *Flittchen*), *flich* ʻмалое количество чего-либоʼ (< нем. *Fliesche* ʻпучок вычесанной шерсти или льняного волокнаʼ), *fuńca* ʻкеросиновая лампаʼ (< нем. *Funz*) и др. При этом многие германизмы вовлечены в словообразовательные процессы: *flaba* — *flabotac* ʻговорить беспрестанноʼ; *flëszer* ʻмясникʼ (< нем. *Fleischer*) — *flëszerka* ʻжена мясникаʼ — *flëszerski* ʻотносящийся к мясникуʼ — *flëszerstwo* ʻмясная лавкаʼ и т. п. Практически неограниченны семантический и частеречный планы польских заимствований: *niedola* ʻгорькая доляʼ (при наличии кашуб. *biéda*), *racja* ʻправота, истинаʼ (кашуб. *prôwda*), *stosunek* ʻотношениеʼ (кашуб. *uprocëmnienié*), *znamię* ʻпризнак, знакʼ (кашуб. *znanka*), *również* ʻтакжеʼ (кашуб. *téż*), *szczególnie* ʻособенноʼ (кашуб. *osoblëwie*), *który* ʻкоторыйʼ (кашуб. *chtëren*, *jaczi*) и т. д. В К.я. зафиксированы также русизмы: *bies* ʻзлой духʼ (рус. *бес*), *barachło* (рус. *барахло*), *sobaka* ʻколдунья, ведьмаʼ (при рус. *собака* ʻпёсʼ), *drëch* (рус. *друг*).

2.7.0. О классификации диалектов см. 1.2.1. Необычайная диалектная пестрота К.я. объясняется рядом причин, как внешних (неустойчивые с феодального

времени политико-административные границы, перемещения населения, в том числе и немецкого, колонизации и т. д.), так и внутренних языковых (саморазвитие системы, воздействие соседних говоров). Диалекты собственно К.я. представляют собой языковое единство, отличающее их от соседнего польского языка и его говоров. Однако многие кашубские языковые черты ареально ограничены и по-разному характеризуют север, центр и юг кашубской области. Так, ударение на севере разноместное, в центре закреплено за определенной морфемой, а на юге постоянно падает на первый слог (см. 2.1.2.). Формы с огласовкой типа *cwiardi*/*twiardi* ʽтвёрдый' последовательнее представлены на севере, чем в центре и на юго-западе. Процесс перехода *t* > (*ć* >) *c*, *d* > (*dź* >) *dz* на севере, юго-западе, а также в центре реализовался не всегда последовательно (ср. *nôdeja* ʽнадежда', *tãtół* ʽдятел' при польск. *dzięcioł*). Утрата беглого *e* (особенно в суффиксах *-ek*, *-ec*) наблюдается в большей части ареала (*dómk* ʽдомик', *ojc* ʽотец'), однако не представлена на юго-востоке. Подобного рода ареальные различия характеризуют и морфологию, ср. флексии *-a*, *-u* (*brzega* — *brzegu*) в мужском склонении в родительном падеже единственного числа для большей части кашубской области, за исключением юга, где *-u* > *-ë* (*mrozë* ʽмороза'); эта же флексия выступает на северо-востоке в дательном падеже единственного числа наряду с общими для всей территории *-owi*/*-ewi*, *-u* (*chłopowi*, *chłopu* и *chłopë*); флексия творительного падежа *-em* на северо-западе назализовалась, т. е. имеет вид *-ę*, и т. д. Такое варьирование, проявляющееся не только на фонетическом и морфологическом уровнях, составляет специфику К.я. и в то же время служит объективным препятствием на пути создания единых норм литературного К.я.

Особым диалектом К.я. является вымерший словинский, на котором говорили словинцы — ветвь кашубов (А. Ф. Гильфердинг, который открыл их в 1856 г., считал их самостоятельным славянским народом), исчезнувшая в XX в. Проживали они к северо-западу от кашубской территории, между озерами Лебским и Гардно. Еще в XIX в. словинский использовался в церкви, но вследствие многовековой германизации к началу XX в. словинцев оставалось несколько сот человек (все билингвы). После Второй мировой войны большая их часть переселилась в Германию, преимущественно в район Гамбурга, где, вероятно, постепенно и ассимилировалась. Некоторые остались, и еще в 1950-х гг. в деревне Клюки были старики, помнившие отдельные фрагменты языка своих предков. Словинский диалект относился к западной части северокашубского наречия и характеризовался следующими историко-фонетическими признаками:

1) **TorT* > *TarT*: *varna* — польск. *wrona* ‘ворона';
2) **TelT* > *TloT*: *mlou̯ko* — польск. *mleko* ‘молоко';
3) **l̥* > *ou̯*/*öu̯*: *köuböusa* — польск. *kiełbasa* ‘колбаса';
4) **dj*, **g'* > *z*: *saza* — польск. *sadza* ‘сажа';
5) **ę̄* > *i*: *cignǫc* — польск. *ciągnąć* ‘тянуть';
6) *s'*, *z'*, *c'* > *s*, *z*, *c*: *zäma* — польск. *zima* ‘зима';
7) место ударения в слове нефиксированное (в отличие от польского);
8) безударные гласные редуцируются.

ЛИТЕРАТУРА

Гильфердинг А. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки и проблема литературной кашубщины // Obraz językowy słowiańskiego Pomorza i Łużyc. Warszawa, 1997.

Селищев А. М. Поляки и поморяне (кашубы) // Славянское языкознание. Западнославянские языки. М., 1941, т. 1.

Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1897, ч. 2 [VII. Кашубский язык].

Bòrzëszkòwsczi J., Mòrdawsczi J., Tréder J. Historia, geògrafia, jãzëk i pismienizna Kaszëbów. Gduńsk, 1999.

Breza E. Kaszubszczyzna wśród języków słowiańskich, jej status językowy // Kaszubszczyzna we świecie: Materiały… Wejherowo, 1994.

Breza E., Treder J. Zasady pisowni kaszubskiej. Gdańsk, 1975 [2. wyd. 1984].

Breza E., Treder J. Gramatyka kaszubska. Zarys popularny. Gdańsk, 1981.

Bukowski A. Regionalizm kaszubski. Poznań, 1950.

Cenôva F. Zares do Grammatikj Kaŝébsko-Słovjinskè Mòvé. Poznań, 1879.

Ceynowa F. Kurze Betrachtungen über die kaßubische Sprache als Entwurf zur Grammatik / Hgb. von A. D. Duličenko und W. Lehfeld. Göttingen, 1998.

Gołąbk E. Rozmówki kaszubskie. Gdańsk, 1992.

Kaszubszczyzna/kaszëbizna / Red. E. Breza. Opole, 2001.

Kaszubszczyzna we świecie: Materiały z konferencji naukowej, Jastrzębia Góra 1–2.X.1993. Wejherowo, 1994.

Lorentz F. Slovinzische Grammatik. St. Petersburg, 1903.

Lorentz F. Slovinzische Texte. St. Petersburg, 1905.

Lorentz F. Kaschubische Grammatik. Danzig, 1919.

Lorentz F. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin; Leipzig, 1925.

Lorentz F. Gramatyka pomorska. Wrocław etc., 1927–1937, t. 1–8 [также издание в 3-х т.: Wrocław, 1958–1962].

Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna. Zarys dziejów. Warszawa, 1980.

Popowska-Taborska H. Szkice z kaszubszczyzny. Leksyka. Zabytki. Kontakty językowe. Gdańsk, 1998.

Popowska-Taborska H., Boryś W. Leksyka kaszubska na tle słowiańskim. Warszawa, 1996.

Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Materiały z sesji popularnonaukowej 17.X.1991. Gdańsk, 1992.

Stone G. Cassubian // The Slavonic languages. London; New York, 1995.

Szultka Z. Studia nad rodowodem i językiem Kaszubów. Gdańsk, 1992.

Szultka Z. Piśmiennictwo polskie i kaszubskie Pomorza Zachodniego od XVI do XIX wieku. Poznań, 1994.

Wosiak-Śliwa R., Cybulski M. Kaszubski język literacki. Podręcznik dla lektoratów. Gdańsk, 1992.

Zaręba A. Literackie języki regionalne w Polsce? // Język polski, 1988, LXVIII, zesz. 2–3.

Словари и энциклопедии

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa, 1994, t. I [продолжающееся издание].

Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny / Pod red. J. Tredera. Gdańsk, 2002.

Hinze F. Wörterbuch und Lautlehre der deutschen Lehnwörter im Pomeranischen (Kaschubischen). Berlin, 1965.

Labuda A. Słowniczek kaszubski. Warszawa, 1960.

Labuda A. Słownik polsko-kaszubski. Słowôrz kaszëbsko-polsczi. Gdańsk, 1981–1982.

Lorentz F. Slovinzisches Wörterbuch. St. Petersburg, 1908–1912, Bd. 1–2.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1967–1976, t. I–VII.

Trepczyk J. Słownik polsko-kaszubski. Gdańsk, 1994, t. 1–2.

Атласы

Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Wrocław etc., 1964–1978, t. I–XV.

А. Е. Супрун

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Полабский язык (П.я.). Варианты названия: древянский, древяно-полабский, залабский, вендский (устар.), люнебургско-вендский (устар.); англ. *Polabian*, нем. *Polabisch*, фр. *le polabe*.

1.1.2. Принадлежит к лехитской подгруппе западнославянских языков.

1.1.3. П.я. — сохранявшийся до середины XVIII в. язык древян, относившихся к полабским славянам, или «вендам» (нем. *Wenden*), и живших, начиная с рубежа I и II тыс. н. э., на левом берегу нижней Лабы (Эльбы) вдоль реки Етцель, в округе Люхов — Данненберг бывшего княжества Люнебург в герцогстве Ганновер (ныне земля Нижняя Саксония в ФРГ). Первое упоминание относится к 1004 г. Записи немногочисленных текстов, словосочетаний и словарики относятся к 1670–1750 гг. и были сделаны главным образом в окрестностях Люхова.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. В памятниках отражены три говора из окрестностей Люхова: зютенский (записи Я. Парум-Шульце), вустровский, или кленовский (записи Х. Хеннига), и люховский (записи Й. Ф. Пфеффингера). Различия между говорами не очень значительны.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Еще в середине XVIII в. П.я. существовал и как язык бытового общения крестьян в древянских селах (Дравенланд), и как язык устного народного творчества (песен, заговоров, причитаний). Записано и несколько христианских молитв на П.я. С развитием полабско-немецкого двуязычия П.я. ограничивался сугубо бытовыми функциями. Х. Хенниг, составивший наиболее полный полабский словарь, писал в 1710 г., что П.я. пользуются лишь немолодые люди, молодежь же стесняется своего языка (слыть «вендом» означало подвергаться не только насмешкам, но и преследованиям властей). Информант Хеннига Енишге, еще хорошо знавший П.я., умер в 1710 г. в возрасте 54 лет. В семье Я. Парум-Шульце, составившего свои записи в 1725 г., преобладал немецкий язык: дед и отец хорошо владели П.я., были билингвами, младшая сестра понимала по-полабски, но брат, который был на восемь лет моложе информанта, уже не знал П.я. Последняя запись на П.я. («Отче наш») была сделана С. Бухгольцем между 1744 и 1752 гг. В 1756 г. отмечена смерть последней женщины, владевшей П.я. и знавшей полабские песни. В 1751 г. анонимный путешественник писал, что регион производит впечатление полностью немецкого по языку, а «венды» стремятся скрыть свою национальность. В 1790 г. составитель первого сводного полабского словаря Й. Юглер не смог найти никого, кто хоть немного владел бы П.я.

1.3.2. См. 1.3.1.

1.3.3. Использование П.я. в общении со светскими и церковными чиновниками, а также в школе было запрещено. Школьный учитель около 1670 г. жаловался, что детей трудно «отучать от вендского языка».

В настоящее время П.я. является предметом научного изучения.

1.4.0. П.я. письменности не имел. Сохранившиеся записи сделаны любителями, большей частью немцами, и выполнены средствами латинской графики в немецкой орфографии без единой транскрипции и четкой последовательности.

1.5.0. Письменные источники дают сведения только о последнем этапе существования П.я. Данные о более раннем языковом состоянии черпаются из топономастического материала, что затрудняет периодизацию истории языка.

1.6.0. Взаимодействие П.я. с нижненемецкими диалектами сопровождалось внутриструктурными изменениями. Нижненемецкие лексические заимствования (см. 2.6.0.) принесли с собою фонемы /f/, /š/. На последнем этапе существования П.я. можно, видимо, говорить о наличии у полабско-немецких билингвов общей звуковой системы на нижненемецкой базе. Следует отметить и общность некоторых изменений звуковой системы, например **a > o*, **o > ü*, **i > ai*. В полабском глагольном спряжении под немецким влиянием получили развитие формы пассива, в том числе образуемые при помощи заимствованного вспомогательного глагола *vårdot* ʻстановитьсяʼ. В будущем времени получили распространение сложные формы со вспомогательными глаголами *cą* ʻхочуʼ и *mom* ʻимеюʼ. Отмечены факты разрушения грамматической системы — замены категорий и форм. Так, вместо именительного падежа несколько раз использован родительный (видимо, первоначально обозначавший часть целого): *tü paivo ją dübră* ʻЭто пиво хорошееʼ (Х. Хенниг), а вместо дательного и винительного падежей — именительный: *jo cą ait kå büză daisko* ʻЯ пойду (букв. ʻхочу идтиʼ) к причастию (букв. ʻБожьему столуʼ)ʼ (Й. Пфеффингер, у Х. Хеннига исправлено), *tritě dan afstör'ăl komině, vådă, zim'ă* ʻ(На) третий день отделил камни, воду, землюʼ (Г. Ф. Митхоф). Отмечены и нарушения согласования в роде: *jaddånn defkă* ʻодна (букв. ʻодинʼ) девушкаʼ (Я. Парум-Шульце). В словообразовании отмечается, в частности, использование немецких словообразовательных элементов, например, префикса *an-*: *anvåz'ǫtě* ʻприятныйʼ, глагольных постфиксов типа немецких «наречных частиц»: *tągně-vex* ʻоттягиваетʼ, *virgně-dål* ʻбросает внизʼ и т. п. Немецкое влияние проявилось в становлении союзных средств в сложном предложении (см. 2.5.4.). Необходимо, однако, учитывать, что бóльшая часть дошедших до нас текстов — переводы, что могло быть причиной калькирования, распространенность же подобных конструкций в спонтанной полабской речи неясна.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Полабский вокализм включает восемь монофтонгов (/i/, /ü/, /u/, /e/, /ö/, /o/, /a/, /å/), дифтонги (/ai/, /au/ с вариантами), две носовых гласных (/ą/, /ǫ/) и редуцированные (/ă/, /ě/ — только в слабой позиции). Н. С. Трубецкой отрицал фонемный статус носовых, предполагая соединение неносового гласного с носовым согласным. Вслед за А. Шлейхером Т. Лер-Сплавинский рассматривал гласный, обозначавшийся в записях как *a*, *o*, *oa*, *ao*, как лабиализованное /å/, а Н. С. Трубецкой как делабиализованное /o/ (в его транскрипции α), что фонологически более вероятно. Р. Олеш видит /å/ только в ограниченном числе случаев, обозначаемых у Х. Хеннига через *oa*, что, однако, ведет к некоторым непоследовательностям. Мы придерживаемся транскрипции, принятой в словаре К. Полянского — Дж. Зенерта, которая строится на базе транскрипции Т. Лер-Сплавинского с некоторыми заменами.

Гласные

	Принятая транскрипция	Написания в памятниках
Монофтонги	a	*a*, реже *e*
	å (Н. С. Трубецкой: α)	*oa*, *ao*, *a*, *o*
	o	*o*, иногда *u*, изредка *a*
	ö	*e* и *ö*, изредка *ü*
	e	*e*, изредка *i*
	i	*i*, *ü*, *y*
	ü	*ü*, *i*, *y*, изредка *u*
	u	*u*
Дифтонги	ai	*ey*, *ei*, *ai*, *ay*, изредка *äu*
	oi/åi	*oi*, *oy*, *eu*, *äu*, (Х. Хенниг также: *ai*, *ay*, *ei*, *ey*)
	au	*au*
	åu	*au*, *ou*, *u* (в диалекте Я. Парум-Шульце: *u*)
Назальные	ǫ	*un*, *ung*, *um*, реже: *on*, *om*
	ą	*an*, *ang*, *am*
Слабые редуцированные	ă (Т. Лер-Сплавинский: ə)	*a*, *e*, ∅
	ĕ	*i*, *e*, ∅, изредка *a*

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Ларин-гальные
Взрывные	Гл.	p p’	t t’		k	ˀ
	Зв.	b b’	d d’		g	
Аффрикаты	Гл.		c (c’)			
	Зв.		ʒ (ʒ’)			
Фрикативные	Гл.	f	s (s’) š		x x’	
	Зв.	v v’	z (z’)			(h)
Носовые		m m’	n	n’		
Боковые			l l’			
Дрожащие			r r’			
Скользящие				j		

Н. С. Трубецкой вычленял в заимствованиях заднеязычные звонкие фрикативные [γ], [γ’], что недостаточно подтверждается материалом, и допускал существование незасвидетельствованного f’. Едва ли могут трактоваться как особые фонемы [g’], [k’], которые называет Т. Лер-Сплавинский; К. Полянский и Дж. Зенерт, а также Р. Олеш на их месте отмечают либо сочетания /gj/, /kj/, либо обычные /g/, /k/. Палатальным соответствием заднеязычных /g/ и /k/ являются /d’/ и /t’/. По Н. С. Трубецкому, [h] — вариантное представление анлаутного приступа /ˀ/.

В записях согласные обозначались соответствующими немецкими буквами: *m*, *n*, *r*, *l*, *w*, *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g*, *h*; /x/ передавалось сочетанием букв *ch*, /r’/ — *sch*, /f/ — буквой *f* или *v*, /j/ — буквами *j*, *g*, *i* или *y*. Записывавшие немцы на месте звонких нередко употребляли буквы для глухих и наоборот. Нередко для передачи согласных использовались удвоенные буквы. Фонемы /c/ и /ʒ/ передавались одинаково — буквами *c*, *z*, сочетаниями *ts*, *tz*, иногда *s*; /s/, /z/ передавались буквами *ss*,

s, *z*. Палатальность передавалась присоединением к соответствующей согласной букв *j*, *y*, *i*, *ij*, *g*, а иногда вовсе не передавалась. Палатальная /x'/ передавалась как *chi*, *chj*, *chg*, иногда *sch*. Палатальные /ť/ и /ď/ передавались как *dg*, *dj*, *tsch*, *ty*, *tg*, *tj*, а иногда и как *g*, *j*, *d*; звучали они, видимо, как краепалатальные согласные; Н. С. Трубецкой транскрибировал их как ƙ, ɠ. Фонемы /f/, /h/, /r'/ встречаются лишь в нижненемецких заимствованиях (если не считать f < v перед глухими). Велярные возводятся к соответствующим велярным или палатальным (палатализованным) праславянским согласным; предполагается этап утраты палатальности в системе полабского консонантизма, а затем ее возникновение заново.

2.1.2. Ударение динамическое и/или долготное, подвижное, падает на последний или на предпоследний слог, если в последнем редуцированный (краткий) гласный (Р. Олеш). Т. Лер-Сплавинский полагал, что ударение можно рассматривать как свободное, а количество гласного зависимо от ударения, а Н. С. Трубецкой — что ударение постоянно и зависит от долготы слога: на последнем слоге с долготой. Выдвинутая Е. Куриловичем гипотеза о постоянном ударении на первом слоге, основывающаяся на возможности неточного отражения ударения в записях и на типологических соображениях, может объяснить промежуточный этап развития полабского ударения, но не охарактеризовать зафиксированный синхронный срез. Фразовая интонация П.я. неизвестна.

2.1.3. В слабой позиции для гласных (по Т. Лер-Сплавинскому, в заударном слоге, во втором предударном, а также в первом предударном, если он оказывался заударным по отношению к нефонологическому второстепенному ударению) фонемы /a/, /å/, /e/, /o/, /ö/ реализовались как редуцированный открытый передне-среднего ряда [ă] ([ə]); /i/, /ü/, /ai/, /åi/, /oi/, /au/ в слабой позиции превращались в редуцированный [ĕ]. Носовой [ą] в слабой позиции в конце слова иногда утрачивал назальность, реализуясь как [ă]. Звонкие перед глухими оглушались (*bopka* ʽбабка' < **babъka*); оглушение в конце слова отражается на письме редко.

2.1.4. Частая структура слога: CV, CVC, V, VC; допустимые структуры: VCC, VCCCC (*enkst* ʽжеребец'), CVCC, CVCCC (*våkårst* ʽокрест', *tipst* ʽтрепать (лён)'), CCV, CCVC, CCVCC (*knext* ʽбатрак'), CCVCCC (*pügripst* ʽзакопать'), CCCV (*skrüpě* ʽпокропит'), CCCVC (*strox* ʽстрах'), CCCVCC (*splint* ʽмера жидкости'). Сочетания согласных в слоге определялись тремя правилами: 1) шумные имеют порядок: фрикативный (изредка аффриката) + взрывной (единичные исключения в заимствованных словах не в анлауте: *spring**pf**ert'en* ʽкузнечик'); 2) сонорный до гласного следует за шумным или группой шумных; таким образом, до гласного в слоге наблюдается стремление к восходящей звучности; 3) сонорный после гласного предшествует шумному или группе шумных. По отношению к шумному /v/ может принимать статус сонорного; группы сонорных единичны (в ауслауте два заимствования: *t'arl* ʽмуж', ʽмужчина' и *torn* ʽтюрьма'); в анлауте в шести случаях лабиальные *m*, *v* предшествуют плавным, приравниваясь шумным (*mlådě* ʽмолодой', *vlås* ʽволос').

Противопоставление долгих и кратких слогов либо зависело от ударения, либо было свободным, обусловливающим несвободное динамическое ударение (см. 2.1.2.).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. В начале слова в П.я. отмечены почти все согласные (кроме /ʒ/, /ʒ'/ и случайно отсутствующего /n'/), причем [h] употребляется лишь в анлауте (в заимст-

вованиях). Возможны группы согласных, соответствующие модели слога (см. 2.1.4.). Гласные в анлауте редки: 56 слов начинаются на /ai/ (< **u*, **i*), ряд слов нижненемецкого происхождения — на другие гласные: по два десятка слов на /a/, /e/, /o/, семь слов на /i/, четыре — на /u/, три — на /å/, одно — на /ö/. По Н. С. Трубецкому, в этих случаях гласному предшествует приступ, трактуемый как согласный: префиксальные и корневые морфемы не начинаются с гласного. В ауслауте отмечены все велярные согласные (кроме [h]) и все гласные (кроме /ö/, /u/). Консонантные сочетания в ауслауте подчиняются правилам слоговой структуры (см. 2.1.4.). Можно, таким образом, говорить о зеркальном распределении сонорных и шумных в начале и в конце слова и слога. Суффиксальные морфемы всегда оканчиваются на согласный. Префиксальная морфема имеет структуру: CV, CVC, где C — согласный или группа согласных (соответствующая правилам 2.1.4.); корневая морфема: C, VC, CVC, CVCVC; суффиксальная морфема: C, VC, CVC, VCVC; окончание после основы на согласный: V, VC, после основы на гласный: C, CV, CVC. Морфема не обязательно совпадает со слогом; префиксы и словоизменительные аффиксы не превышают одного слога; количество слогов в корневых и словообразовательных суффиксальных морфемах не ограничено, но обычно не превышает двух.

2.2.2. Редуцированный вокализм в односложных словах представлен только в отдельных клитиках: предлогах (*vĕ* ʽо’), союзах (*ă* ʽа’), местоимениях (*mĕ* ʽмне’), глаголах (*că*, *cĕ* — форма глагола *cą* ʽхочу’ после отрицания *ni*). О слоговой и фонологической структуре морфем см. 2.2.1.

2.2.3. Отмечены чередования гласных: /e/ ~ /i/ (*cesăt* ʽчесать’ — *cisĕ* ʽчешет’), /ö/ ~ /ü/ (*döl* ʽдолина’ — *vå dülă* ʽв долине’), /o/ ~ /e/ (*l’otü* ʽлето’, ʽгод’ — *vå letă* ʽлетом’), /ǫ/ ~ /ą/ (*diśǫt* — *disą(t)* ʽсто’), /å/ ~ /i/ (*våboj* ʽоба’ — *vibĕ* ʽобе’), /o/ ~ /a/ (*corne* ʽчёрный’ — *carnaićă* ʽчерника’), /å/ ~ /a/ (*råmą* ʽплечо’ — *raminai* ʽплечи’), /ai/ ~ /å/ (аорист *aipaustaix* ʽупустил’ — претерит *aipaustål* ʽупустил’), /ai/ ~ /i/ (*bait* ʽбить’ — *bijĕ* ʽбьёт’). Гласные на месте старых редуцированных и новые эпентетические гласные /ă/, /ĕ/ чередуются с нулем (/å/, /i/, /a/, /ă/, /ĕ/ ~ ∅): *asål* ʽосёл’ — *no asl’ĕ* ʽна осле’, *bard’ir* ʽбюргер’ — *bargri* ʽбюргеры’, *sribarnĕ* ʽсеребряный’ — *srebrü* ʽсеребро’, *d’ölǫbăk* ʽголубок’ — *d’ölǫbt’ĕ* ʽголубки’, *pesĕn* ʽпесня’ — *pesnai* ʽпесни’. При исторически обусловленной палатализации согласных происходит чередование велярных с палатальными, причем заднеязычные /k/, /g/ чередуются с /t’/, /d’/ (*nügă* ʽнога’ — *nüd’ĕ* ʽноги’). В П.я. отмечается также чередование согласных: /g/ ~ /ʒ/ ~ /z/ (*büg* ʽбог’ — *büʒai* ʽбоги’ — *büzĕ* ʽбожий’), /k/ ~ /c/ (*tauknĕ* ʽтолкнёт’ — *taucĕ* ʽтолчёт’), /x/ ~ /x’/ ~ /s/ (*vaixă* ʽуши’ — *vausai* ʽуши’), /d/ ~ /d’/ ~ /ʒ/ ~ /z/ (*jedĕ* ʽест’ — *jeʒ* ʽешь’); некоторые группы согласных чередуются с отдельными согласными: /xt/ ~ /xt’/ ~ /t’/, /d’/ (*lüt’it* ʽлокоть’ — *lüxt’åm* ʽлоктем’, *nüd’it* ʽноготь’ — *nüxte* ʽногти’).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

П.я. флективный, синтетический.

2.3.1. Самостоятельные части речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, наречие. Грамматические свойства числительных представлены в сохранившемся материале недостаточно для безоговорочного отделения числительных как части речи от существительных, прилагательных, местоимений, хотя и позволяют пронаблюдать определенные процессы унификации, характерные

для языков, где числительные стали особой частью речи. Служебные части речи: союз, предлог, частица. Зафиксировано междометие *ai*. Значение предметности, присущее существительным, выражается в классифицирующих категориях рода и одушевленности, а также в словоизменительных категориях числа и падежа. Значение постоянного признака предмета у прилагательных находит выражение в том, что они согласуются с существительным, обозначающим носителя признака, в роде, числе и падеже, по которым прилагательные изменяются, а также в категории степени признака. Местоимения не едины по своим признакам; ряд местоимений имеет лицо субъекта (личные) или владельца (притяжательные), многие местоимения характеризуются категорией числа, некоторые местоимения изменяются по родам, все местоимения изменяются по падежам. Глаголы изменяются по видам, временам, числам, в большой части случаев также по лицам, в претерите — по родам; образуемые от глаголов причастия характеризуются как презенсные активные и претеритные пассивные; при помощи последних образуются формы пассива; имеется императив, инфинитив.

2.3.2. Род существительных (мужской, женский, средний) находит выражение в согласовании с прилагательными, причастиями, некоторыми местоимениями и числительными, а также с претеритными глагольными формами и в специфических окончаниях: в именительном падеже единственного числа существительные мужского рода после гласного имеют большей частью (свыше 500 случаев) нулевое окончание, в 30 случаях *-ă* (*-o*); женского рода — большей частью (около 350 случаев) имеют окончание *-ă*, в 68 случаях *-o*, в 28 случаях — нулевое окончание после согласного, в 20 случаях *-åi*, *-ai*, в 2 случаях *-ĕ*; среднего рода — свыше 80 слов *-ĕ*, около 50 слов *-ü*, 22 слова *-ą*, 5 слов *-i* и 3 слова *-ă*.

Граммема категории одушевленности/неодушевленности выражается совпадением формы винительного падежа единственного числа у слов мужского рода, оканчивающихся на согласный, с формой родительного падежа (*büg* ʽбогʼ — *bügo* ʽбогаʼ); проследить последовательность манифестации этой категории не представляется возможным из-за немногочисленности имеющихся фактов.

2.3.3. В П.я. три грамматических числа: единственное, двойственное и множественное. Изменение по числам охватывало существительные, прилагательные, местоимения и глаголы, но формы двойственного числа засвидетельствованы лишь для нескольких существительных и глаголов. Судя по случаю употребления числительного ʽдваʼ с существительным в форме множественного числа *ai dåvüx groik* ʽу двух грушʼ (топоним у Я. Парум-Шульце), двойственное число в П.я. находилось в состоянии разложения. Значение числа находило выражение в окончаниях, частично в ударении, а также в согласовании.

2.3.4. В П.я. шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный. Падежные значения выражались при помощи окончаний (иногда в соединении с предлогами) и согласования прилагательного с существительным.

2.3.5. В П.я. противопоставление несовершенного и совершенного видов находит внешнее выражение в префиксальных и суффиксальных средствах. Это проявляется в ограниченном числе случаев, так как наблюдатели-немцы не об-

ращали внимания на видовые различия, а потому, как правило, не фиксировали видовых пар и не выражали четко видовые различия в немецких эквивалентах полабских слов и фраз. Ср., однако: *zarăt* (нем. *sehen*) ʽсмотреть’ — *vizarăt* (нем. *besehen*) ʽосмотреть’, *dvaizĕ* (нем. *bähret*) ʽподнимает’ (Парум-Шульце) — *dvaignǫt* (нем. *aufheben*) ʽподнять’ (Хенниг). Имперфектный суффикс с элементом *-va-* в П.я., видимо, не получил развития, в связи с чем полного становления категории вида не произошло. В р е м е н н á я система складывалась для активного залога в соотношении с видовой: аорист (прошедшее время главным образом глаголов совершенного вида) — *aipaustaix* ʽя упустил’, имперфект (прошедшее время главным образом глаголов несовершенного вида) — *aipaustăs* ʽон упускал’, претерит (наиболее употребительное прошедшее время глаголов обоих видов, обычно используемое без вспомогательного глагола, особенно в 1-м и 2-м лице) — *aipaustål* ʽупустил’, *blǫdål* ʽблуждал’, *zoblǫdål* ʽзаблудился’; в аористе и имперфекте глагол изменялся по лицам и числам, а в претерите — по родам и числам; настоящее время для глаголов несовершенного вида — *d'olojĕ/d'olă* ʽработает (делает)’, *dåmĕ* ʽдует’; будущее простое время для глаголов совершенного вида — *nodåmĕ* ʽнадует’; будущее сложное время, образуемое соединением личных форм вспомогательных глаголов *cą* ʽхочу’, *mom* ʽимею’ и инфинитива основного глагола обоих видов, — *ci ait* ʽбудет идти’, *mos jest* ʽбудешь есть’, *mos voipĕt* ʽвыпьешь’. Таким образом, по крайней мере в двух временах (претерите и будущем сложном) возможны были глаголы обоих видов. Немецкие эквиваленты не позволяют однозначно противопоставить значение презентных форм по виду; возможно, что в П.я. под немецким влиянием происходило стирание видовых противопоставлений.

В источниках зафиксированы три-четыре десятка сложных форм пассивного з а л о г а, образуемых из пассивного причастия прошедшего времени на *-n-*, *-t-* в соединении с личными формами вспомогательных глаголов *boit* ʽбыть’, *vårdot* ʽстановиться’, *met* ʽиметь’. Отмечены пять разновидностей таких форм: 1) *ją zazonĕ* ʽон сожжён’ (нем. *er ist verbrandt*); 2) *mo voijădonĕ* ʽон съел’, букв. ʽимеет съедено’ (нем. *hat ausgegessen*); 3) *vårdă airüdenĕ* ʽон будет рожден’ (нем. *er wird geboren werden*); 4) *vibăsenĕ* ʽбыть повешенным’ (нем. *aufgehenkt sein*); 5) *vårdol baitĕ* ʽон был (по)бит’ (нем. *er geschlagen werden*). К последнему случаю примыкают такие, когда вспомогательный глагол употреблен в неличной форме: 6) *dånau vizenă vårdot* ʽбыть введённым (внутрь)’ (нем. *hinein geführet werden*), *j'tĕ vårdonĕ* ʽбывшие взятыми’ (нем. *gefangen werden*). Исходя из немецких эквивалентов и соотношения между полабскими формами, можно предполагать, что форма (1) имела перфектно-претеритное значение, форма (2) — значение перфекта, форма (3) — значение будущего времени; формы (4), (5), (6) переводятся обычно пассивным инфинитивом, причем можно предполагать, что форма (4) имеет скорее презенсное значение, а форма (5) — значение претерита пассива (с меньшей, чем в форме (1) выраженностью перфектного значения). Форме (3), переведенной формой будущего времени, близка форма *aiv'zonă vårdă* ʽбыть привязанным’ (нем. *angebunden werden*), где в переводе использован инфинитив, как в формах (4), (5), (6), а временнóй оттенок не отчетлив.

Наряду с глаголами изъявительного наклонения в материалах представлены также императивы и инфинитивы. Императивы отмечены в формах 2-го лица единственного и множественного числа. Для единственного числа характерно окончание *-ai* или отсутствие окончания: *ricai* ʽскажи', *laiz* ʽлижи', *doj* ʽдай', *jeʒ* ʽешь'; во 2-м лице множественного числа к этой форме агглютинируется окончание *-tě*: *jectě* ʽешьте'. Инфинитив, всегда образуемый при помощи окончания *-t*, возможно, отличался от исторического супина ударением, но недостаточное количество текстов не позволяет выявить функции этих форм, а потому реальность супина в П.я. зафиксированного периода сомнительна.

Переходность выражалась возможностью употребления при глаголе прямого дополнения: *l'ån råvăt* ʽтеребить лён', *gnüj voimetăt* ʽвыметать навоз'; ограниченное количество текстов затрудняет характеристику всего корпуса глаголов в этом плане.

Общепринятой классификации глаголов П.я. по словоизменительным классам нет. Праславянские классные различия подверглись значительным унифицирующим изменениям, а из-за недостаточности представленных в материале форм одних и тех же слов выработать единую классификацию затруднительно. Выделяют (К. Полянский и Дж. Зенерт) два спряжения в презенсе: *d'olă*/*d'olojě* ʽработает (делает)' и *codě* ʽчадит', что по существу не влияет на присоединение зафиксированных личных окончаний. Особо спрягаются глаголы *boit* ʽбыть' и *met* ʽиметь'; в презенсе к *met* примыкает еще несколько глаголов (*nexăm* ʽпозволяю', *opăm* ʽнадеюсь', возможно, в говорах также *rezăm* ʽрежу', *secăm* ʽсеку').

2.3.6. Категория лица в глаголе характеризуется противопоставлением трех лиц в большинстве глагольно-временны́х форм (кроме претерита, где лицо выражалось большей частью через местоимение, поскольку личная форма вспомогательного глагола часто опускалась). С глаголом соединялась иногда энклитическая форма местоимения, обозначавшего объект: *püvaucai-jěg* ʽпоучи его', *sviknai-mě* ʽударь его' (букв. ʽему'), *doj-năm* ʽдай нам', *dirzai-să* ʽдержись', *ricai-mě* ʽскажи мне'. Несмотря на проявление немецкого влияния, в П.я. не произошло становления грамматической категории определенности/неопределенности имени: отдельные случаи передачи немецкого определенного артикля местоимениями представляют собой следствие пословного перевода. В материалах представлены анафорические местоимения, в частности, *tǫ* ʽтот', а также анафорические наречия типа *tom* ʽтам', *tok* ʽтак', *tüd'ě* ʽтогда'. Отрицание выражалось при помощи частицы *ni*/*ně*; при наличии объекта, обозначенного отрицательным местоимением, частица дублирует отрицание: *ni büli-mě nic* ʽне болит у меня (букв. ʽмне') ничего', *joz ni cajă nic* ʽя ничего не чувствую'.

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм.

Приводятся основные парадигмы, особые случаи в таблицы не включаются; пропуск категории, окончания или формы означает их отсутствие в источниках.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

Мужской и средний род

Падеж	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
Им., вин.	м. р. *-∅*, ср. р. *-ü*, *-i*, *-ă*, *-ĕ*	*-ă*	*-ai*, *-åi*, *-oi*, *-ă*, *-ĕ*, *-üvĕ*
Род.	*-o*, *-ă*, *-au*, *-ai*	—	*-∅*, *-üv/-ev*
Дат.	*-ai*, *-au*, *-ĕ*	—	*-üm*
Твор.	*-åm*	—	*-ă*
Местн.	*-e*, *-ai*, *-ĕ*, *-ă*	—	*-åx*

Женский род (три варианта)

Падеж	**Ед. число**	**Дв. число**	**Мн. число**
Им.	*-o*, *-ă* / *-∅* /*-åi*, *-ai*, *-oi*	*-e*, *-ĕ*	*-åi*, *-oi*, *-e*, *-ĕ*, *-voi* / *-ai*, *-ă*, *-ĕ* / *-voi*
Род.	*-ĕ*, *-ă* / *-ai*, *-i*/*-ĕ*	—	*-∅* / — / —
Дат.	*-e*, *-ă* / *-ai* / —	—	*-ăm* / — / —
Вин.	*-ǫ -ą*, *-ă* / *-∅* / *-iv*	—	= им. п. / — / —
Твор.	*-ą*, *-ă* / *-ą* / —	*-omă*	*-omĕ* / — / —
Местн.	*-e*, *-ă*, *-ĕ* / — / *-ĕ*	—	—

П р и л а г а т е л ь н ы е

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
Падеж	**Ед. число**			**Мн. число**		
Им.	*-ĕ*, *-∅*	*-ă*, *-ĕ*	*-ă*	*-ĕ*, *-ă*	*-ă*	
Род.	*-ăg*		—	*-ĕx*		
Дат.	*-ümĕ*		*-ĕ*	—		
Вин.	= им. п.		*-ǫ*	= им. п.		
Местн.	—		*-ăj*	—		

М е с т о и м е н и я

Личные

Падеж	1 л.		2 л.	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
	ʽя’	ʽмы’	ʽты’	ʽвы’
Им.	*jo*, *joz*	*moi*	*tåi*, *tĕ*	*jai*
Род.	*mane*, *mană*	—	*(ai) tibĕ*	—
Дат.	*mane*, *mine*, *mană* / *mĕ*	*nom*, *năm*	*tibĕ*, *tĕ*	*vom*
Вин.	*mine*, *mane* / *mĕ* / *(zo*, *no) mą*	*nos*, *năs*	*tibĕ*, *tebe*, *(prid) tą*	—
Твор.	*(så) manǫ*, *manĕ* (?)	*(så) nomĕ*	*(så) tabǫ*	*(så) vomĕ*

Личные местоимения 3-го лица, указательные местоимения

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Дв. число**	**Мн. число**
	Ед. число				
	ʽон’, ʽтот’, ʽэтот’	ʽто’, ʽэто’	ʽона’, ʽта’, ʽэта’	ʽони’	
Им.	*vån* / *tǫ* / *sǫ*	— / *tü* / *sü*	*vånă* / *to* / *so*	—	*vinai* / — / —
Род.	*jěg* / *tüg* / *sěg*		—	—	—
Дат.	*mě* / — / —		—	(*kå*) *naimo*	*jaim* / — / —
Вин.	*jeg*, *něg* / *tǫ* / —	— / *tü* / —	— / *tǫ* / —	—	—
Твор.	(*så*) *něm* / — / —		—	—	—
Местн.	(*vå*) — / — / *sem*		—	—	—

Глаголы

Актив

Презенс

	Ед. число	**Дв. число**	**Мн. число**
1 л.	*-ą*, *-m*	—	*-moi*, *-mě*
2 л.	*-ěs*, *-s*	—	*-tě*
3 л.	*-ě* (*-ją*, *-jă*, *-i*)	*-to*, *-tă*, *-tě*	*-ą*

Сложное будущее время со вспомогательными глаголами *mom* ʽимею’, *cą* ʽхочу’ (*ait* ʽидти’, *jest* ʽесть’, *sådăt* ʽсделать’, *komot* ʽприйти’, *vist* ʽвезти’, *svorět* ʽругаться’)

	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
1 л.	*mom ait*	—	*cą ait*	*cimě vist*
2 л.	*moš jest*	*motě komot*	*cis ait*	*citě svorět*
3 л.	*mo sådăt*	—	*ci ait*	

Претерит

1 л. ед. ч. *joz*, *jiz*, 2 л. ед. ч. *tåi*, *jis*, 3 л. ед. ч. *vån*, *ją* + м. р. *-l*, ж. р. *-lo*, ср. р. *-lü*, *-lă*; мн. ч. *-lai*, *-lă*

Примечание: Для каждой формы дан местоименный и возможный глагольный (от глагола ʽбыть’) показатель.

Аорист

1 л. ед. ч. *-∅*, *-(ai)x*	3 л. ед. ч. *-e*, *-i*

Имперфект

1 л. ед. ч. *-ex*, *-ăx*	3 л. ед. ч. *-es*, *-ăs*	3 л. мн. ч. *-exǫ*

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Для П.я. характерны аффиксальные словоформы. Наиболее распространены словоизменительные аффиксы — окончания (см. 2.4.0.). Словообразовательные суффиксы имеются в двух третях зафиксированных слов П.я.; если сло-

воизменительный суффикс бывает в слове, как правило, один, то словообразовательных — нередко два, иногда и три. Ряд глаголов имеет расположенные после словоизменительных суффиксов постфиксы: объектно-местоименные (как и в других славянских языках) и адвербиальные (как в германских языках). В 10–15% зафиксированных слов (большей частью глаголов) отмечены префиксы, обычно в словоформах с суффиксами. Сложных слов известно немного, приблизительно 1% от всей засвидетельствованной лексики.

2.5.2. Словообразовательная система различается по частям речи. В системе существительных наиболее распространены суффиксы с элементом *-k-*: мужского рода *-ěk* — *goděk* ʽчервякʼ, *zątěk* ʽженихʼ, *-ăk* — *d'ölǫbăk* ʽголубокʼ, *brotacăk* ʽбраточекʼ, *cåunăk* ʽчелнокʼ; женского рода *-kă* — *bopkă* ʽбабкаʼ, *paist'olkă* ʽпищалкаʼ, *d'örkă* ʽгоркаʼ, *-aikă* — *lozaikă* ʽжабаʼ; слов с этими суффиксами зафиксировано около 150. Около ста слов имеют суффиксы с элементом *-c-*: мужского рода *-ăc* — *polăc* ʽпалецʼ, *slepăc* ʽпетухʼ; женского рода *-aic'ă* — *dǫbaic'ă* ʽдубнякʼ, *carkvaic'ă* ʽчасовняʼ, *laisaic'ă* ʽлисицаʼ. Зафиксировано около 50 отглагольных существительных среднего рода с суффиксом *-ně* (*aipădeně* ʽотпадениеʼ, *glådüveně* ʽнуждаʼ, букв. ʽголоданиеʼ) и столько же существительных мужского рода с суффиксами *-åf*, *-er*, *-ir*, большей частью заимствований со значением лица (*toblår* ʽволшебникʼ, *šiper* ʽкорабельщикʼ, *krigir* ʽвоенныйʼ). Обращает на себя внимание незасвидетельствованность абстрактных существительных на *-stvo*, фиксация всего лишь одного слова с суффиксом *-üst* (*rådüst* ʽсвадьбаʼ).

Главным продуктивным способом образования прилагательных были в П.я. суффиксы *-n-*, *-en-*, фиксируемые в 150 словах: *varxně* ʽверхнийʼ, *sribarně* ʽсеребряныйʼ, *traivně* ʽсвадебныйʼ от *traivă* ʽбракʼ (< н.-нем. *truwe*). Ряд заимствованных прилагательных оформлялся лишь словоизменительным аффиксом: *blant'ă* ʽблестящийʼ, *krankjă* ʽбольнаяʼ. Более 50 пассивных причастий прошедшего времени образовано с помощью суффикса *-on-*: *zazoně* ʽсожжённыйʼ, *šlaxtoně* ʽзабитоеʼ от *šlaxtot* ʽубивать, забиватьʼ (н.-нем. *schlachten*).

Основообразующими суффиксами глаголов являются для основы инфинитива-претерита *-o-*/*-ă-*, *-ě-*, а для основы презенса *-ă-*, *-ě-* и распространения последней: *-ojě-* и *-ně-*. Наиболее частыми префиксами являются *ai-*, *voi-*, а также *no-*, *vås-*/*våz-*, *pü-*/*pě-* и *vå-*, *vi(b)-*, *zo-*, *rüs-*/*rüz-*.

Сложными являлись числительные второго десятка (типа *divątnădist* ʽдевятнадцатьʼ), обозначения десятков (*pątdis'ǫt* ʽпятьдесятʼ), а также собственно полабское название сотни *patstid'e*, букв. ʽпять стиг (двадцаток)ʼ. Кроме этого, зафиксировано еще около 20 сложных слов; относительно продуктивными были сращения типа *vaul-celě* ʽпчелиный улейʼ, букв. ʽулей-пчелыʼ, *jopt'edǫb* ʽяблоняʼ, букв. ʽяблоко-дуб (дерево)ʼ, *jisin-mond* ʽсентябрьʼ, букв. ʽосень-месяцʼ; отмечены и другие модели: *mozět'ölă* ʽсмазкаʼ, букв. ʽмажет колёсаʼ, *dåud'örăt* ʽдолгорот(ый)ʼ, *sredületně* ʽнаходящийся посреди годаʼ, букв. ʽсредолетнийʼ. Некоторые сложные слова образованы как кальки с немецких слов.

2.5.3. П.я. принадлежал к языкам с номинативным строем предложения. Обычный порядок слов SVO; типичное выражение субъекта — именительный падеж существительного или местоимения, предиката — личная форма глагола, объекта — винительный падеж существительного, местоимения, инфинитив. Примеры (здесь и далее с пословным переводом): *šapår posě vice* ʽПастух пасёт овецʼ, *detą voikně gorně t* ʽДитя учится говоритьʼ, *vån ni müzě gorně t* ʽОн не может говоритьʼ,

jo cą ait spacir'ot 'Я пойду (букв. 'хочу идти') гулять', *jo cą pict st'aibǫ* 'Я буду печь хлеб'. При личной форме глагола подлежащее иногда опускалось: *mos pąʒ'ă? — ne măm pąʒ'ă* 'Имеешь деньги? — Не имею денег'. Зафиксировано несколько безличных предложений: *nină marzně* 'Ныне морозит'; иногда под немецким влиянием в них появляется местоимение в роли формального субъекта: *tü gramě* '(Гром) гремит', ср. нем. *Es donnert*. Предикат в П.я. нередко выражался прилагательным или существительным, большей частью при этом использовалась в качестве связки форма глагола *boit* 'быть': *joz jis storě* 'Я старый', *mon jă påuně* 'Луна полная', *tü ją ot'ai* 'Это крючок'. Отмечается иногда инверсия субъекта и предиката: *dåzd aidě* 'Дождь идёт' и *aidě dåzd* 'Идёт дождь', *mině dově tǫ glåd* 'Меня давит этот голод', а также предиката и объекта: *tåi tüjă vaistă ni vizaʒ* 'Ты твои губы не обожги'. Субъект и объект могут помещаться между частями сложного глагольного предиката: *ci dåzd ait* 'Будет (букв. 'хочет') дождь идти', *joz mom tüjă brüt boit* 'Я буду (букв. 'имею') твоей невестой (быть)', *cis-să kǫpăt ait* 'Будешь купаться идти'. Атрибут-прилагательное и местоимение согласуются с определяемым существительным в роде, числе и падеже и предшествуют ему: *to zenă mo dübră mlåkă* 'Эта женщина имеет хорошее молоко'. В препозиции также выступал атрибут-местоимение в родительном падеже: *lekăr lecě jig ronǫ* 'Врач лечит его рану'; генитивный атрибут-существительное употребляется в постпозиции: *tåi mos voipět t'önai paivo* 'Ты должен выпить (выпьешь) кувшин пива'. Место обстоятельства в предложении четко не закреплено: *nină tåi komăs kå maně* 'Ныне ты придёшь ко мне', *joz aidą vå vågărd* 'Я иду в сад (огород)', *no tüj vǫs müzě jist dren rüst* 'На твоей бороде может ещё дёрн расти', *joz cą kå vait'ě ait* 'Я буду в город идти'.

Отмечены предложения с однородными членами, в том числе субъектами и предикатами: *müj l'ol'ă un motai jista din vå tǫ kl'aud* 'Мой отец и мать такого же мнения' (букв. 'тоже в той мысли'), *ni farförüj-năs vå farsökǫ, erlözüj-năs vit tüg x'audăg*, букв. 'Не введи нас в искушение, избавь нас от этого плохого' (Г. Митхоф), *vorno rici våpăk kå naimo kå dvemo* 'Ворона сказала опять к ним к двум' (свадебная песня, Х. Хенниг). В материалах живой речи, зафиксированных Я. Парум-Шульце, имеются довольно сложные конструкции с однородными членами, приближающиеся к сложным предложениям: *mom joz vlåsåi, tüd'e mom tok kăk draud'ě l'audai* 'Если у меня есть волосы, то это как и у других людей' (букв. 'Имею я волосы, тогда имею так, как другие люди'), *kăk påtincě mlåkă un dübră zenă tü moi ne motě* '(Как) птичьего молока и доброй жены, (то) мы не имеем'.

Судя по небогатому синтаксическому материалу, который зафиксирован в источниках, значимой была синтаксическая позиция в начале предложения. Этим, возможно, объясняется выдвижение на первое место предиката или объекта: *brind'oj süli* 'Принеси соль', *zaitü vå mex såipě* 'Жито в мех сыплет'. Этим же можно объяснить выдвижение на первое место обстоятельства, а также постановку на первом месте звательной формы и императива: *püd ar!* 'Поди сюда!', *zenă, aid dümo, vor t'ösor* 'Жена, иди домой, вари кашу'. С этим же связана, очевидно, и постановка на первом месте вопросительных слов в немногочисленных зафиксированных вопросительных предложениях: *kåtü mes nenkă boit?* 'Кто был (букв. 'имел быть') невестой?', *kom cis en ait?* 'Куда пойдёшь?', *kåt'ümě joz krodål vål ar t'übål(ă)?* 'У кого (букв. 'кому') я украл вола или кобылу?'. В вопросительных предложениях на первое место выдвигается глагол-предикат: *müzěs venst'ě gornět?* 'Можешь говорить по-вендски?', *znojis-jěg?* 'Знаешь его?'.

Повторы и некоторые перечисления имели эмфатический характер. Например, эмфатическим было перечисление в таком предложении: *joz, tåi, visai motă komot* 'Я, ты, все придут' (букв. 'должны прийти'). Аналогичен и характер повтора фрагмента предложения в каждом из семи куплетов полабской свадебной песни, например: *ne müg spelman boit, joz ne müg spelman boit* 'Не мог быть музыкантом, я не мог быть музыкантом'.

2.5.4. Из 25 зафиксированных сложных предложений 15 — бессоюзные: *tüj rik komă, tüjă vil'ă mo-sa šin'ot vå nĕbis'au kăk visai sokvoi no zimĕ* букв. 'Твое царство придет, твоя воля свершится на небе, как все вещи на земле'. В семи однотипных предложениях из семи куплетов свадебной песни и еще в двух предложениях из записей разговорной речи, сделанных Я. Парум-Шульце, представлена прямая речь, следующая за словами автора: *tibĕ joz ricą: tü tåi jis dif* 'Тебе я говорю: Это ты вор', *strezĕk rici våpăk kå naimo kå dvemo: joz jis vilt'ă molĕ t'arl, ne müg zątĕk boit, joz ne müg zątĕk boit* 'Крапивник сказал опять (к) (н)им (к) двум: я слишком маленький парень, не мог быть женихом, я не мог быть женихом'. В остальных предложениях, в том числе в трех вариантах процитированного фрагмента из «Отче наш», бессоюзно выражается одновременное или последовательное совершение событий: *tåd stüjĕ paivü, pai* 'Здесь стоит пиво, пей'.

Среди сложных союзных предложений следует отметить три с использованием в качестве союзного средства указательного местоимения *tå*, *tǫ* (под влиянием немецкого *der*): *nos fader, tå tåi jis vå nĕbis'ai, sjǫtă vårdă tüji jaimă*, букв. 'Наш отец, **тот** ты еси в небе, святым будет твое имя', *vå sem l'odü ni ją jadån defkă, tǫ tåi ni prosăl* 'В этой земле нет ни одной девушки, которую (букв. 'ту') ты не просил'. В варианте «Отче наш» и еще в одном тексте Г. Ф. Митхофа вместо *tå* написано *tada* и *tade*. К. Полянский транскрибирует это как *tådĕ* 'там': *büzăc, tådĕ tåi jis vå tüjĕ emerice, vitĕdüjmĕ dox te müje grex'ĕ vå büzĕ jaimą*, букв. 'Боже, (там) ты еси в своем царствии небесном, прости мне эти грехи мои во Божье имя'. Возможно, здесь не слово со значением 'там', а некоторое видоизменение (редупликация) *tå* типа *tåtă*.

Одно предложение из «Отче наш» имеет сравнительный характер, передаваемый союзом *kok*/*kăk*: *nosij daglit'ă st'aibĕ düj-năm dans un vitĕdüj-năm nosĕ grex'e, kok moi vitĕdújimĕ nosĕm gresnărüm*, букв. 'Наш ежедневный хлеб дай нам сегодня и прости нам наши грехи, как мы прощаем нашим грешникам'. В одном случае представлен сложный союз *kok... tok* 'как... так': *kok vilĕ varxnĕ büzăc kopkǫ kåroi aipaustăs, tok vilĕ Moraikă slåzĕ aipaustăs* 'Сколько (букв. 'как много') Всевышний Бог уронил капель крови, столько (букв. 'так много') Мария слёз уронила'. Наконец, еще в одном случае в функции союзного слова выступает родительный падеж (в функции винительного падежа?) местоимения *cü* 'что': *joz mom t'esåi ait püzarăt, cig tǫ knext t'aitĕ* 'Мне надо (букв. 'я имею') идти домой посмотреть, что (букв. 'чего') этот парень делает'. Таким образом, в П.я. имеются начатки гипотаксиса, отчасти, видимо, возникавшего не без немецкого влияния в переводах, но отчасти, как в последнем примере, и автохтонного. Для выводов о строе сложного союзного предложения материал недостаточен.

2.6.0. Лексические заимствования составляют четверть зафиксированного в источниках полабского лексикона. Источником подавляющего большинства заимствованных слов являлся средненижненемецкий язык, игравший также роль

передатчика заимствований из других языков. Нижненемецкие заимствования разнообразны в тематическом плане: почти половина заимствований среди наименований пищи и способов ее приготовления, свыше трети составляет лексика, относящаяся к одежде, утвари, строительству, около четверти — к сельскохозяйственной терминологии, немало заимствований среди терминов обработки сырья, среди названий лиц, в том числе общих названий лиц и названий членов семьи и т. д. Выше доля заимствований среди имен существительных, несколько ниже — среди глаголов и прилагательных; отмечается заимствованное числительное *stig* ʽдвадцать' (< *stiege/steige* ʽдвадцать снопов'), служебные слова: *un* ʽи', *dox* ʽхотя', *gegen* ʽпротив'. Большая часть заимствований подвергалась морфологической адаптации, приобретала специфические полабские категории и формы (ср. *jungĕ* ʽмолодой', *bedą* ʽпросят'), хотя некоторые слова остались неадаптированными: *gut* ʽхороший', ʽхорошо', *utkapunt* ʽкастрированный'. Происходила также фонетическая адаптация заимствований (*t'arl* ʽпарень', ʽмужик' < *kerle*), вместе с тем заимствования приносили с собой новые фонемы, в частности, *f*, *š* (*fader* ʽотец', *šopăt* ʽсоздавать'). Заимствованные лексемы использовались в процессе словообразования как основы: *voi-svet'-ăt* ʽвыпотеть' (*svet* < *swêten* ʽпотеть'), *ram-k-ă* ʽкозёл', ʽбаран' (< *ram*); происходила контаминация своих и заимствованных лексем: *t'öter* из *kotъ* и *kater* ʽкот'. Наряду с нижненемецкими заимствованиями можно говорить о двух десятках чешских заимствований, например, названиях ряда дней недели: *töre* < *úterý* ʽвторник'.

2.7.0. См. 1.2.1. Иных сведений нет.

ЛИТЕРАТУРА

Селищев А. М. Полабские славяне // А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941, т. I.

Супрун А. Е. Полабские числительные. Фрунзе, 1962.

Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

Heydzianka J. Szczątki składni połabskiej // Slavia Occidentalis. Poznań, 1927, t. 6.

Kuryłowicz J. Akcentuacja połabska // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1955, 1.

Lehr-Spławiński T. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.

Olesch R. Fontes lingvae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J. P. Schvltzii. Köln; Graz, 1967.

Olesch R. Bibliographie zum Dravänopolabischen. Köln; Graz, 1968.

Olesch R. Der dravänopolabische Wortakzent. Wiesbaden, 1973, Teil II.

Olesch R. Der dravänopolabische Wortakzent. Teil I // Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistekongress. München, 1974.

Olesch R. Bibliographie zum Dravänopolabischen. Fortsetzung und Nachträge // Zeitschrift für slavische Philologie, 1975, Bd. XXXVIII.

Polański K. Morfologia zapożyczeń niemieckich w języku Połabskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.

Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.

Trubetzkoy N. Polabische Studien. Wien; Leipzig, 1929.

Словари

Lehr-Spławiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962, zeszyt 1.

Olesch R. Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Köln; Graz, 1959.

Olesch R. Juglers Lüneburgisch-wendisches Wörterbuch. Köln; Graz, 1962.

Olesch R. Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae. Köln; Wien, 1983, Tomus I. A–O [издание продолжается].

Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971–1994, zeszyt 2–6.

Polański K., Sehnert J. Polabian-English Dictionary. The Hague; Paris, 1967.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Г. А. Хабургаев

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Древнерусским языком (Д.я.) условно называют язык славянского населения древней Руси IX–XIV вв., на базе которого позднее сформировались восточнославянские языки: русский (великорусский), украинский, белорусский. Образование Д.я. — результат конвергенции славянских диалектов Восточной Европы в связи с объединением их носителей в едином государстве (с центром в Киеве), в границах которого на протяжении IX–XI вв. происходила культурно-этнографическая консолидация разноплеменного населения древней Руси.

1.1.1. Вариантов названия нет; англ. *Old Russian*, (*Old*) *Ruthenian*, *Rusian*, нем. *Altrussisch*, фр. *le vieux russe*; жители древней Руси, согласно сообщениям древнерусских авторов XI–XIV вв., называли свой язык «руським».

1.1.2. Д.я. принадлежит к ветви славянских языков индоевропейской семьи, представляя восточнославянскую группу (время обособления — VI–VII вв. н. э.).

1.1.3. К началу X в. восточнославянские племена занимали пространство от Чудского и южных берегов Ладожского озер и от правых притоков Вислы до Волжско-Окского междуречья. Это соответствует территории современных Украины (кроме южной части, занятой кочевниками), Молдавии, восточных окраин Польши, Белоруссии (кроме северо-западных окраин), восточной и северной Румынии, восточной Словакии и запада Европейской части России.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Для начального периода реконструируются два основных древнерусских диалектных объединения: южно-восточнославянское — с центром в среднем Поднепровье (племена полян, древлян, бужан, волынян, белых хорватов, тиверцев, уличей, северян), откуда в VIII–IX вв. южно-восточнославянские говоры распространяются вверх по Днепру (племена дреговичей и радимичей) и в бассейн Оки (вятичи), и северно-восточнославянское — с центром в Приильменье (словене ильменские и кривичи псковские), откуда носители северно-восточнославянских говоров с VIII в. проникают в верховья Волги, Днепра и Западной Двины (кривичи полоцко-смоленские), в междуречье Волги и Оки, а также на восточноевропейский Север, включая бассейн Северной Двины.

Для позднедревнерусского периода (с начала XIII в. — после завершения процесса падения редуцированных гласных) восстанавливается ряд диалектных зон (см. 2.7.0.), противопоставлявшихся особенностями, развитие которых происходило в условиях феодальной раздробленности Руси.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Основной массив древнерусских письменных памятников отражает систему книжно-литературного (церковнославянского) языка в его местной разновидности («изводе»). Этот язык воспринимался древнерусскими книжниками как наддиалектная кодифицированная (книжная) разновидность родного языка (см. статью «Старославянский и церковнославянский язык» в наст. издании). Д.я. как средство бытового общения (в его диалектных вариантах) в известной степени отражен частными письмами на бересте (из Новгорода, Смоленска, Звенигорода Галичского и др.), отчасти юридической документацией, язык которой заметно отличается от языка конфессиональной и художественной литературы древней Руси.

Типологически универсальная для европейского и азиатского средневековья культурно-языковая ситуация, противопоставляющая культовый по происхождению язык книжности языку повседневного общения, в древнерусских условиях обнаруживает местное своеобразие, напоминающее ситуацию диглоссии (а не двуязычия), когда язык книжности принимает статус культурного идиома, взаимодействующего с языком повседневного общения и распределяющего с ним сферы функционирования. В этой ситуации церковнославянский язык древнерусской литературы воспринимал местные языковые особенности, а живой Д.я. усваивал элементы книжного церковнославянского.

1.3.2. Нормы литературного языка древней Руси закреплены книжно-письменной (церковнославянской) традицией, которая прослеживается с начала XI в. (старейший сохранившийся текст — Новгородская Псалтирь первой четверти XI в.). Местные особенности, отличающие нормы церковнославянского языка древнерусского извода от норм собственно старославянского языка, представлены уже самыми ранними текстами и носят наддиалектный характер: смешение «юсов»; отсутствие взаимной мены **ь** и **ъ**; замена **жд** на **ж**; вариантность написаний типа **ьр** — **рь** — **ьрь** в корнях между согласными; глагольные флексии с финальным **-ть**. При этом в текстах различного назначения (богослужебных книгах, юридических кодексах, деловой и бытовой письменности) наблюдается значительное разнообразие в использовании графико-орфографических норм.

1.3.3. Изучение церковнославянского как литературного языка древней Руси в целях обучения чтению и письму начинается с 988 г. — года официального (государственного) крещения Руси, когда князь Владимир I, по свидетельству летописи, «стал собирать у знатных людей детей и отдавать их в обучение книжное». С XI в. на этом языке создаются оригинальные произведения (проповеди митрополита Илариона, сочинения Нестора и др.). О широком распространении грамотности в древней Руси свидетельствуют многочисленные памятники бытового письма — надписи (старейшая — надпись X в. на керамической корчаге из села Гнездова, сделанная самим гончаром) и частные письма на бересте (начиная с XI в.), принадлежащие различным слоям городского населения.

Изучение Д.я. как средства повседневного общения начинается с XIX в. в связи с развитием славянского сравнительно-исторического языкознания. В настоящее время, вместе с изучением старославянского и церковнославянского языка, оно предусматривается как обязательное в университетах и педагогических институтах на отделениях русского, украинского и белорусского языков.

1.4.0. Памятники Д.я. писаны старославянской кириллицей, лишь в самых старших изредка встречаются отдельные глаголические буквы. Употребление ряда графем отличалось рядом особенностей, характерных также для др.-русского извода церковнославянского языка. До XIV в. состав и начертания букв оставались практически неизменными (см. статью «Старославянский и церковнославянский язык» в наст. издании).

1.5.0. История Д.я. как средства повседневного общения, в отличие от истории литературного языка древней Руси, может быть разделена на два периода:

I. Раннедревнерусский период (до конца XII — начала XIII в.), для которого предполагается относительное диалектное единство: языковые особенности, развитие или окончательное оформление которых, по данным сравнительно-исторического изучения и внутренней реконструкции, происходило в VIII–XI вв., как правило, являются общевосточнославянскими (так называемые «полногласные» сочетания, начальные *ro-* и *lo-*, начальный *o-*, рефлексы носовых гласных и др.).

II. Позднедревнерусский период (XIII–XIV вв.) — период углубления диалектных различий.

Два периода разделяются процессом так называемого «падения» редуцированных гласных (XI–XII вв.); при этом рефлексы редуцированных и всех фонетико-фонологических и морфологических последствий падения редуцированных и других синхронных им языковых новаций вполне определенно обрисовывают изоглоссные области, соответствующие позднедревнерусским зонам языковой дифференциации (см. 2.7.0.).

1.6.0. Ряд диалектных и даже общевосточнославянских фонетических особенностей принято связывать с языковой ассимиляцией автохтонного населения Восточной Европы, начинающейся с середины I тыс. н. э. Воздействием западноиранского субстрата иногда объясняют старейшую южно-восточнославянскую черту — фрикативный [γ] в соответствии с общеславянским взрывным [g]); с финским субстратом связана такая древняя северно-восточнославянская особенность, как «цоканье» — наличие в фонологической системе одной глухой аффрикаты /с’/ (которой в говорах южно-восточнославянского происхождения соответствовали две аффрикаты: /с’/ и /č’/).

Специфически восточнославянская реализация общеславянских языковых процессов, начавшихся еще в праславянскую эпоху («полногласие» в соответствии с инославянскими метатезированными сочетаниями типа *ro*/*ra*; сохранение редуцированных перед плавными в закрытых слогах; последовательная оппозиция /ь/ : /ъ/ как переднего и лабиального непереднего гласных и их более длительное сохранение, чем в западно- и южнославянских языках; начальный *o-* в соответствии с инославянским начальным *je-* и некоторые другие черты), могла быть связана с балтийским субстратом — говорами ассимилированных восточными славянами автохтонов центральной лесной зоны Восточной Европы. Ареал раннедревнерусской славянизации балтов совпадает с ареалом первоначального распространения такой яркой диалектной инновации древнерусского времени, как аканье, в связи с чем и эту черту связывают с балтийским субстратом.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Для раннего и позднего периодов (см. 1.5.0.) реконструируются нетождественные фонологические системы, разделенные важными фонетико-фонологическими преобразованиями.

Раннедревнерусская система вокализма противопоставляла передние (возможные как после твердых, так и после палатальных согласных) и непередние (задние) гласные, возможные только после твердых (веляризованных) согласных.

Гласные

Подъем	Ряд	
	Передний	Задний
Верхний	i ê ь	у (ы) u ъ
Средний	е	о
Нижний	ä	а

Фонемы /i/, /у/, /u/, /ê/, /ä/, /a/ — долгие; /e/, /o/ — краткие; /ь/, /ъ/ — редуцированные.

Гласные /у/, /о/, /ъ/, /u/ — лабиализованные.

Фонема /ä/ выступала в ограниченном числе слов и форм на месте утраченной носовой *ę: [p˙ätь] ʻпятьʼ, [m˙äso] ʻмясоʼ, [s˙ä] ʻсебяʼ и др.

Позднедревнерусская система вокализма, формировавшаяся в ходе падения редуцированных и последующих изменений, подчас диалектно ограниченных, была представлена двумя типами (с их неодинаковой фонетической реализацией по говорам), в каждом из которых гласные, противопоставленные по ряду, были возможны как после твердых, так и после мягких согласных:

тип А:	i (у)	u	тип Б:	i (у)	u
	ê	ô			
				e	o
	e	o			
	a			a	

Для древнерусских диалектов раннего периода реконструируется система консонантизма, противопоставляющая твердые (веляризованные) и палатальные согласные, не составляющие коррелятивных рядов.

Согласные

По способу образования			По месту образования				
			Губные	Переднеязычные		Средне-язычные	Задне-язычные
				Зубные	Альвеолярные		
Шумные	Фрикативные	Гл.		s	s’ š’		x
		Зв.	v	z	z’ ž’	j	(γ)
	Взрывные	Гл.	p	t			k
		Зв.	b	d			(g)
	Аффрикаты	Гл.			c’ č’ š’č’		
		Зв.			ž’ǯ’		
Носовые			m	n	n’		
Боковые				l	l’		
Дрожащие				r	r’		

Эта традиционная для сравнительного исторического языкознания реконструкция отражает праславянское наследие, характеризовавшее южно-восточнославянские говоры (с вариантом /γ/, а не /g/, см. 1.6.0.). Для северно-восточнославянских говоров, кроме /g/ и «цоканья» (см. 1.6.0.), была также характерна дифференциация находившихся в коррелятивных отношениях средненебных и задненебных непереднеязычных согласных:

	Непереднеязычные	
	Средненебные	Задненебные
Фрикативные	x’ j	x
Взрывные	k’ g’	k g

Невыясненной остается хронология процесса, коренным образом трансформировавшего систему древнерусского консонантизма, — так называемого «вторичного смягчения» согласных, завершившегося до XI в. Сущность этого процесса заключается в палатализации твердых (губных и зубных язычных) согласных в позиции перед гласными переднего ряда: *p˙i > p’i*, *b˙e > b’e*, *t˙ь > t’ь* и т. д. В позднем Д.я. (после падения редуцированных) по диалектам происходила фонологизация согласных «вторичного смягчения», в результате чего формируется независимая от фонетической позиции корреляция согласных по мягкости/твердости (/p/ : /p’/, /b/ : /b’/, /t/ : /t’/ и т. д.), которая наиболее последовательно отражена говорами северо-восточной зоны (ср. коррелятивные пары средненебных/задненебных согласных в северно-восточнославянских говорах раннего периода).

Система книжно-литературных норм Д.я. кодифицировала консонантизм южно-восточнославянского типа, добавив к нему глухую фрикативную губную /f/, а также палатальные (средненебные) /x’/, /k’/ и /g’/ (фонетически, вероятно, [γ’]), которые, однако, не находились здесь в коррелятивных отношениях с задненебными, поскольку были возможны только в заимствованиях из греческого.

2.1.2. Остается невыясненным, когда восточнославянскими диалектами были утрачены праславянские тоновые различия слогов. По-видимому, в Д.я. тоновых различий уже не было и формировалось динамическое ударение. С этим принято связывать развитие аканья в говорах центральной диалектной зоны (не позднее XII–XIII вв.), наиболее последовательно реализующих противопоставление ударного вокализма вокализму безударных слогов (что является основной трудностью в объяснении этого явления как субстратного, ср. 1.6.0.).

2.1.3. Для раннего Д.я. (до падения редуцированных) устанавливается внутрислоговой сингармонизм согласных и гласных по признаку бемольной/диезной тональности, реализуемый в возможности сочетания твердых (или веляризованных) согласных только с непередними (бемольными по тональности) гласными, в то время как перед передними (диезными) гласными были возможны лишь палатальные и палатализованные согласные (*ky*, *to*, *sъ*, но *č’i*, *t˙e*, *s˙ь* и т. д.), что и имело следствием «вторичное смягчение» полумягких согласных перед гласными переднего ряда (см. 2.1.1.): *t˙e > t’e*, *s˙ь > s’ь* и т. д.

Позиционные чередования в раннем Д.я. характерны лишь для зубных фрикативных согласных в составе предлогов-приставок *iz-*, *bez-*, *č’erez-*, *roz-*, *wъz-*: **из-бѣжати** (как и **из-ити**) ‘выйти’ — **ис-ходити** ‘выходить’, **розбои** ‘разбой’ —

рос-хытити ʻрасхитить’, **възмужати** ʻвозмужать’ — **въс-хыщати** ʻотнимать’. В позднем Д.я. (после падения редуцированных) разная реализация шумных согласных по глухости/звонкости в разных фонетических позициях приобретает регулярный характер: [truba] ʻтруба’ — [trupka] ʻтрубка’, [sobrati] ʻсобрать’ — [zbor] ʻсбор’.

2.1.4. Восточнославянские диалекты унаследовали праславянскую структуру слогов с возрастающей звучностью (от начала к концу слога): [go-ro-dъ] ʻгород’, [sto-lъ] ʻстол’, [by-strъ] ʻбыстр’, [se-stra] ʻсестра’, [o-stro-vъ] ʻостров’ и т. п. Вследствие падения редуцированных в позднем Д.я. открытые слоги с обязательным возрастанием звучности подвергаются разрушению.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Специфика строения слогов обусловила несовпадение морфемной и слоговой структуры древнерусских словоформ. Исключение составляли односложные союзы (*i* ʻи’, *a* ʻа’, *da* ʻда’, *nъ* ʻно’), частицы (*ž’e* ʻже’, *bo* ʻбо’) и предлоги (*do* ʻдо’, *na* ʻна’, *po* ʻпо’ и др.); предлоги, выступая в роли префиксов, как и редкие суффиксы, возможные в конце словоформ (например, *-ti*), образовывали отдельный слог: *do-i-ti* (слоговое членение *do-i-ti*) ʻдойти’, *po-bêž’-a-ti* (слоговое членение *po-bê-ž’a-ti*) ʻпобежать’. В остальных случаях морфема и слог не совпадали и до падения редуцированных никогда не взаимодействовали на синтагматическом уровне. Структура старых корней (CVC) обусловливала обязательный слогораздел внутри корневой морфемы: *pust-i-ti* (слоговое членение *pu-sti-ti*) ʻотпустить’, *pri-ved-u* (слоговое членение *pri-ve-du*) ʻприведу’ и т. п. (кроме корней, в которых индоевропейские дифтонги еще в праславянскую эпоху подверглись монофтонгизации: *pê-ti* (слоговое членение *pê-ti*) ʻпеть’ < **poi̯-tei̯*, но *poj-u* (слоговое членение *po-ju*) ʻ(я) пою’, *bi-ti* ʻбить’ < **bei̯-tei̯*, но *bĭj-u* (слоговое членение *bĭ-ju*) ʻ(я) бью’. Словообразующие суффиксы, как правило, распространялись гласными элементами «влево», поэтому в словоформе распадались на разные слоги; флективные морфемы всегда оказывались в одном слоге с конечным согласным основы: *gor-ъk-a* (слоговое членение *go-rъ-ka*) ʻгорка’, *gorod-ьsk-ъjь* (слоговое членение *go-ro-dь-skъ-jь*) ʻгородской’, *vêr-ьn-a* (слоговое членение *vê-rь-na*) ʻверна’ и т. п.

Самостоятельное слово не могло начинаться гласными типа *e*, *ê*, а также *ь*, *ъ*, *y* и, возможно, *i*; только служебные слова и междометия могли начинаться с гласного *a*, который, однако, был обычен в начале самостоятельных слов в книжно-литературном языке.

2.2.2. Фонологический состав разных типов морфем в Д.я. был тождественным.

2.2.3. Древнерусские чередования гласных практически все являются индоевропейским наследием (отчасти преобразованным в праславянский период) и характеризуют отглагольное словообразование и глагольное формообразование.

Производство имен и вторичных глагольных основ от первичных глагольных корней сопровождалось чередованиями **e* ~ **o*: **вед-ѹ** ʻведу’ — (**по**)**вод-ъ** ʻповод’, **вод-ити** ʻводить’, **сѣсти** ʻсесть’ (< *-*sēd*-) — **сад-ъ** ʻсад’, **сад-ити** ʻсажать’ (< *-*sēd*-/*-*sōd*-); (**по**)**грѧз-нѹти** ʻпогрузиться’ (< *-*gręz*-) — **грѹз-ъ** ʻгруз’, (**по**)**грѹз-ити** ʻпогрузить’ (< *-*grǫz*-). Параллельный ряд чередований с тем же значением: /ъ/ ~ /u/ (< **ŭ* ~ **ou̯*): **съх-нѹти** ʻсохнуть’ — **сѹх-ъ** ʻсухой’, **сѹш-ити** ʻсушить’, **дъх-нѹти** ʻдохну́ть’ — **дѹх-ъ** ʻдух’, **дѹш-а** ʻдуша’, **дѹш-ити** ʻдушить’.

Формообразующие глагольные основы противопоставлялись чередованием /е/ ~ /ь/: **бєр-ꙋ** ʿ(я) беру’ — **бьр-ати** ʿбрать’, **пєк-ꙋ** ʿ(я) пеку’ — **пьц-и** ʿпеки’ или /ъ/ ~ /о/: **зъв-ати** ʿзвать’ — **зов-ꙋ** ʿ(я) зову’.

Дифференциация глагольных основ со значением краткого (ограниченного или направленного) и длительного процесса осуществлялась с помощью чередования кратких и долгих гласных в корне: /е/ ~ /ê/ (**плєтꙋ** ʿплету’ — **(съ)плѣтаю** ʿсплетаю’), /ь/ ~ /і/ (**бьрати** ʿбрать’, **(съ)бьрати** ʿсобрать’ — **(съ)бирати** ʿсобирать’), /о/ ~ /а/ (**скочити** ʿпрыгнуть’ — **скакати** ʿскакать’), /ъ/ ~ /у/ (**зъвати** ʿзвать’ — **(съ)зывати** ʿсозывать’).

Морфологические чередования согласных отражают позиционные чередования праславянского периода, связанные с внутрислоговым сингармонизмом (см. 2.1.3.), который и вызывал изменение веляризованных согласных в альвеолярные перед гласными переднего ряда и в сочетаниях с **j*, подвергшимся затем ассимиляции. В результате членами альтернации оказались зубные и задненебные согласные (а также губные), с одной стороны, и альвеолярные (или сочетание губного с альвеолярным) — с другой: /x/ ~ /š’/ (< **x*’ и **xj*), /k/ ~ /č’/, /g/ ~ /ž’/, /x/ ~ /s’/, /k/ ~ /c’/, /g/ ~ /z’/, /t/ ~ /č’/ (< **tj*), /d/ ~ /ž’/, /s/ ~ /š’/, /z/ ~ /ž’/, /m/ ~ /ml’/ (< **mj*), /p/ ~ /pl’/, /b/ ~ /bl’/ и др. В Д.я. эти чередования характеризовали именное и глагольное словообразование и словоизменение. Примеры: в словообразовании: **вѣк-ъ** ʿвек’ — **вѣч-ьнъ** ʿвечный’, **дрꙋг-ъ** ʿдруг’ — **дрꙋж-ьскъ** ʿдружеский’, **кап-ати** ʿкапать’ — **капл-ѧ** ʿкапля’, **сꙋх-ъ** ʿсухой’ — **сꙋш-ити** ʿсушить’, **род-ити** ʿродить’ — **раж-ати** ʿрожать’, **прос-ити** ʿпросить’ — **праш-ати** ʿспрашивать’; в словоизменении: **дрꙋг-ъ** — **дрꙋз-и** (им. п. мн. ч.), **вълк-ъ** ʿволк’ — **вълц-и** (им. п. мн. ч.), **рꙋк-а** — **(на) рꙋц-ѣ** ʿ(на) руке’, **ног-а** — **ноз-ѣ** ʿноге’, **выс-окъ** ʿвысокий’ — **выш-є**, **низ-ъкъ** ʿнизкий’ — **ниж-є**, **молод-ъ** ʿмолодой’ — **молож-є**, **прос-ити** ʿпросить’ — **прош-ю** ʿпрошу’, **пꙋст-ити** ʿпустить’ — **пꙋщ-ю** ʿпущу’, **люб-ити** ʿлюбить’ — **любл-ю**. Древнерусские новообразования и заимствования (как народные, так и книжные) последовательно принимают такие чередования: **полоч-анє** ʿполочане’ от **Полот-а** (название реки), **пророч-ьскъ** ʿпророческий’ от **пророк-ъ** ʿпророк’, **варѧж-ьскъ** ʿваряжский’ от **варѧг-ъ** ʿваряг’, **въ Риз-ѣ** ʿв Риге’ от **Риг-а** ʿРига’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Д.я. является ярким представителем языка флективного типа с заметным преобладанием синтетических форм.

2.3.1. В морфологической системе Д.я. по набору категорий и форм противопоставлены имена (существительные, прилагательные, местоимения и имена с числовым значением) и глаголы. Классифицирующей категорией существительных как части речи является род, который обязательно оформлялся на синтаксическом уровне формами согласуемых слов. Для прилагательных и неличных местоимений характерно согласование, выражаемое флексиями, указывающими на род, число и падеж существительного, с которым согласовано прилагательное или местоимение. Для глагола, кроме категорий залога, наклонения и времени, специфична категория вида, проявляющаяся в бинарном противопоставлении глагольных основ со значением процесса (несовершенный вид) основам со значением границы осуществления процесса (совершенный вид). В Д.я. также выделяются наречия, предлоги и недифференцированный разряд союзов-частиц.

2.3.2. Категория р о д а распределяет все существительные на три согласовательных класса: мужской (**мои** 'мой', **новъ** 'новый', **сынъ** 'сын', **воевода** 'воевода', **гость** 'гость', 'купец', **камень** 'камень'), женский (**моꙗ** 'моя', **нова** 'новая', **жена** 'жена', 'женщина', **кость** 'кость', **мати** 'мать', **свекры** 'свекровь') и средний (**мое** 'моё', **ново** 'новое', **село** 'село', **поле** 'поле', **имѧ** 'имя', **поросѧ** 'поросёнок'). Словоизменение существительных не было связано с согласовательными классами; но в каждой отдельной парадигме (кроме склонения имен типа **жена**, **воевода**) были флексии, отражавшие родовую принадлежность соответствующего существительного. В позднем Д.я. заметна тенденция к перегруппировке традиционных типов склонения в единственном числе в направлении отождествления словоизменительных классов с согласовательными.

Древнерусские имена обнаруживают на морфологическом уровне категорию потенциального агенса: существительные мужского рода со значением общественно активного лица, включая иерархию семейно-родовых общин (**кънѧзь** 'князь', **господинъ** 'господин' и **отьцъ** 'отец', **дѣдъ** 'дед'), в позиции прямого объекта принимали в единственном числе флексию родительного (а не винительного) падежа, что автоматически отражалось и на флексиях согласуемых словоформ. В позднем Д.я. форма родительного падежа полностью вытесняет в кругу этих существительных раннюю форму винительного падежа (в любой синтаксической позиции) и распространяется также на винительный падеж других существительных мужского рода с личным значением, становясь таким образом морфологическим способом выражения категории л и ц а, т. е. не только (**видѣ**) **кънѧзѧ, отьца** '(увидел) князя, отца', но и **сына**, **гостѧ**, как и **за кънѧзѧ** 'за князя', **на отьца** 'на отца' (в соответствии с ранними древнерусскими (**видѣ**) **сынъ, гость** '(увидел) сына, гостя', **за кънѧзь нашь** 'за нашего князя').

2.3.3. Числовое значение выражалось флексиями (имен и глаголов). Только у существительных и личных местоимений грамматическое значение ч и с л а было номинативным — указывало на количество предметов; для остальных знаменательных частей речи грамматическое число — форма согласования с существительным.

Нормативная система литературного языка древней Руси отражает противопоставление трех числовых форм: единственного (указание на один предмет: **правьдьнъ мужь рече** 'праведный человек сказал'), двойственного (указание на два предмета: (**дъва**) **правьдьна мужа рекоста** '(два) праведных человека сказали') и множественного (указание более чем на два предмета: **правьдьни мужи рекоша** 'праведные мужи сказали'). В живой древнерусской речи на категориальном уровне уже сложилась бинарная числовая оппозиция (единственное/множественное). Но на уровне нормы сохранялись генетические формы двойственного числа (со значением множественного), закрепленные речевым узусом в конструкциях с названием числа «два» (**дъва мужа** 'два человека', **оба берега** 'оба берега'), а также при указании на «не-один» предмет, выражаемый существительным с «парным» значением (для которого в бытовой речевой практике форма множественного числа со значением «более двух» необычна в системе с трехчленным числовым противопоставлением): **рогъ** 'рог' — **рога** (а не **рози**, **рогы**), **рукавъ** 'рукав' — **рукава**, **рукою** 'рукой' — **рукама** (а не **руками**) и т. п.

2.3.4. Словоизменение имен позволяет восстанавливать семь п а д е ж е й, значения которых выражались падежно-числовыми флексиями, а также пред-

ложно-падежными конструкциями. Именительный — падеж главного члена. Винительный — прямого объекта, с предлогом — падеж направления внутрь или на поверхность (**въ воду** ‛в воду’, **на столъ** ‛на стол’). Родительный — падеж, объединявший значения собственно родительного (отношения: **берегъ рѣкы** ‛берег реки’, **домъ Ꙗрослава** ‛дом Ярослава’), партитивного (**мало воды** ‛мало воды’, **купити хлѣба** ‛купить хлеба’) и отложительного (**из землѣ** ‛из земли’, **до города** ‛до города’). Дательный — падеж адресата (**дасть брату** ‛дал брату’, **рече Ꙗрославу** ‛сказал Ярославу’) и направления к объекту (**поиде Ростову** ‛пошёл к Ростову’, **приступити къ городу** ‛подойти к городу’). Творительный — падеж орудия и способа действия (**исѣче мечемь** ‛изрубил мечом’, **приде лодиєю** ‛приплыл в лодке’) и местонахождения (**за стѣною** ‛за стеной’, **подъ деревомь** ‛под деревом’). Местный — падеж, объединявший локативное (**томь мѣстѣ** ‛на том месте’, **тои осени** ‛в ту осень’) и изъяснительное значение (**рече о Володимѣрѣ** ‛сказал о Владимире’). Звательный (вокатив) — форма обращения.

Значение п р и н а д л е ж н о с т и выражалось флексиями родительного и дательного падежа (**домъ Ꙗрослава** ‛дом Ярослава’, **мати Володимѣру** ‛мать Владимира’) и притяжательными местоимениями и прилагательными (**мои домъ** ‛мой дом’, **Ꙗрославль городъ** ‛город Ярослава’, **кънѧгыни Вьсеволожаꙗ** ‛жена князя Всеволода’).

2.3.5. Характер и способы выражения з а л о г о в ы х отношений древнерусского глагола почти не изучены. Противопоставление активного и пассивного (страдательного) залогов характеризовало только переходные глаголы. Морфологическим способом выражения пассивного залога в диалектном Д.я. были страдательные причастия с суффиксами **-н-** и **-т-**: **кънѧзѧ убихомъ** ‛князя мы убили’ — **кънѧзь ихъ оубитъ** (**оубиенъ бысть**) ‛князь их убит’, **положиша и на сани** ‛положили его на сани’ — **положенъ бысть Мьстиславъ оу цьркъве, юже бѣ самъ съзьдалъ** ‛положен (погребён) был Мстислав в церкви, которую сам построил’, **съзьдана** (**бысть**) **цьркы отъ Мьстислава** ‛построена была церковь Мстиславом’. В книжно-литературном языке использовались также причастия на **-м-** (**єгда обидимъ єси**… ‛когда ты обижен…’) и спрягаемые формы переходных глаголов с формой винительного падежа возвратного местоимения, трансформировавшейся в возвратную частицу: **мужи бо сѧ доищють** ‛ибо мужи дознаются’, **плѣвели събираютьсѧ и огньмь съжагаютьсѧ** ‛плевела собирают и в огне сжигают’. Переходные глаголы с возвратным местоимением-частицей использовались для выражения целой серии частных значений в конструкциях с активным субъектом: собственно-возвратным (**ста на колѣну и покрысѧ щитомь** ‛стал на колени и закрылся щитом’), взаимно-возвратным (**и еще биемъсѧ съ ними** ‛будем еще биться с ними’) и общевозвратным (**и разболѣсѧ кънѧзь** ‛и разболелся князь’).

В и д о в о е значение основы (см. 2.3.1.) в глагольной системе не было связано с временны́м и не накладывало запрета на образование тех или иных глагольных форм. Например, настоящее-будущее: **вижю** ‛вижу’ и ‛увижу’, **оувижю** ‛увижу’ и ‛вижу’, **имамь** (**оу**)**видѣти** ‛увижу’; аорист: (**оу**)**видѣхъ** ‛увидел’; имперфект: (**оу**)**видѧхъ** ‛видел’; перфект и плюсквамперфект: **єсмь** (**оу**)**видѣлъ** ‛увидел’, **бѣхъ/былъ/єсмь** (**оу**)**видѣлъ** ‛увидел’; причастия: (**оу**)**видѧ**(**чи**) ‛видящий (-ая)’, (**оу**)**видѣвъ**(**ши**) ‛(у)видевший (-ая)’, (**оу**)**видѣнъ** ‛(у)виденный’.

Категория в р е м е н и представлена в Д.я. двумя рядами временны́х форм изъявительного наклонения (см. 2.3.5.) — непрошедших/прошедших времен. Непрошедшие времена (настоящее и будущее «нейтральное» — без актуализации каких-либо модальных значений) выражались личными формами настоящего времени: **на томъ хрьстъ цѣлꙋемъ** ‘на том крест целуем’, **а двина ис того же лѣса потечеть и идеть на полꙋнощие** ‘а Двина из того леса вытекает и течёт на север’, **николиже въсѧдꙋ на нь ни вижю его** ‘никогда не сяду на него (коня) и не увижу его’. Те же временны́е значения могли выражаться сочетаниями инфинитива с модальными глаголами: **се имать быти отъ бѣсовьскаго дѣиства** ‘это, несомненно, происходит по дьявольскому наущению’, **просим мира ꙋ рꙋси, ѧко крѣпъко имꙋть битисѧ съ нами** ‘попросим мира у русских, ибо они, несомненно, будут жестоко сражаться с нами’. Значение условной модальности передавалось формами глагола **бꙋдꙋ** ‘буду’ в сочетании с инфинитивом: **аще ли вы бꙋдеть крьстъ цѣловати… блюдѣте** ‘если вам придётся крест целовать… соблюдайте (клятву)’ или с *l*-причастием (причастием II): **оже сѧ къдѣ бꙋдꙋ описалъ, чьтите исправливаѧ** ‘если окажется, что я где-то сделал описку, читайте, исправляя’.

Формы синтетического непрошедшего времени употреблялись со значением как настоящего, так и «нейтрального» будущего. Модальное настоящее-будущее передавалось сочетанием инфинитива (**на-писати** ‘написать’ и т. п.) с формами настоящего-будущего модальных глаголов: **хочꙋ/могꙋ/имамь (на)писати** ‘напишу’, **хочешь (хощеши)/можешь/имашь (на)писати** ‘напишешь’ и т. д. Эти сочетания функционировали как свободные синтаксические конструкции, а не как аналитические формы времени.

Прошедшие времена в литературном языке древней Руси (церковнославянском) представлены:

1) аористом, отмечавшим прошлое действие как факт, не связанный с настоящим, в частности — в ряду следовавших друг за другом событий: **обри ходиша на аръклиꙗ царѧ и мало его не ꙗша** ‘авары воевали против царя Ираклия и едва не захватили его в плен’;

2) имперфектом, представлявшим прошлое действие или состояние в его протекании — как протяженное или повторявшееся: **аще поѣхати бꙋдѧше объринꙋ, не дадѧше въпрѧчи конѧ ни вола, но велѧше въпрѧчи** 3 **ли** 4 **ли** 5 **ли женъ въ телѣгꙋ** ‘если авару случалось куда-то ехать, то он не позволял запрягать коня или вола, но всякий раз велел запрягать в телегу трёх, четырёх или пять женщин’;

3) перфектом, указывавшим на наличное (в настоящем, поэтому обычно в прямой речи) состояние, являющееся результатом осуществившегося в прошлом действия: **отроци свѣньлъжи изодѣлисѧ сꙋть орꙋжиемь и порты, а мы нази** ‘Свенельдовы воины обзавелись (имеют) оружием и одеждой, а мы наги’;

4) плюсквамперфектом, указывавшим на предпрошедшее, как правило, нереализованное или «отмененное» последующими событиями: **тꙋ же къ нимъ и сторожеве приѣхаша, ихже бѧхꙋть посълали ѧзыка ловить** ‘в это время вернулись разведчики, которых посылали (точнее — ‘посылали было’, ибо задание выполнить они не смогли) поймать языка’. В диалогической речи синтетических прошедших времен (аориста и имперфекта) не было: их функции выполняли образования на **-л-** (генетически связанные с перфектом) от основ разных видов, что отражено деловыми и бытовыми текстами с XII в.: **ꙋздꙋмалъ кънѧзь смольнь-**

скыи, посълалъ в ригу своего лучьшего попа ʻзадумал князь смоленский, послал в Ригу своего лучшего попа’ (указаны последовательные действия в прошлом — значение аориста); **на семь кънѧже цѣлуи хрьстъ къ вьсему новугороду, на цѣмь то цѣловали дѣди и отьци** ʻна этом, княже, целуй крест перед всем Новгородом, на чём деды и отцы целовали’ (повторявшееся в давнем прошлом действие — значение имперфекта). Плюсквамперфект использовался только со значением «отмененного» прошедшего, в том числе — и предшествующего настоящему, а не только прошлому: **а чьто былъ отьѧлъ братъ твои александръ пожнѣ, а то ти кънѧже не надобѣ** ʻа что до сенокосов, которые отнял брат твой Александр, то это тебе, княже, не нужно’.

Категория н а к л о н е н и я в Д.я. представлена двумя рядами образований. Реальное (изъявительное) наклонение не имело специальных морфологических показателей и реализовывалось формами непрошедших и прошедших времен. Ирреальные наклонения были представлены повелительным — синтетическим образованием от основ настоящего времени посредством суффикса **-и-/-ѣ-** и личных окончаний (**стани** ʻстань’ — **стан-ѣ-мъ** ʻстанем’, **стан-ѣ-те** ʻстаньте’; **ходи** ʻиди’ — **ход-и-мъ** ʻидём’, **ход-и-те** ʻидите’) и сослагательным — аналитическим образованием, сочетавшим *l*-причастие (причастие II) с аористом глагола **быти** ʻбыть’ (в литературном языке: **ходилъ быхъ** ʻ(я) ходил бы’, **ходилъ бы** ʻ(ты, он) ходил бы’, **ходили быхомъ** ʻ(мы) ходили бы’ и т. д.) или с образовавшейся из него модальной частицей **бы** (в живой речи — **бъ**): **ходилъ бы** ʻ(я, ты, он) ходил бы’, **ходили бы/ходили бъ** ʻ(мы) ходили бы’.

2.3.6. На лексическом уровне категория л и ц а выражалась личными местоимениями: 1 л. **ꙗ**, **мы**; 2 л. **ты**, **вы**. Морфологическая категория лица была свойственна только глаголам и оформлялась личными окончаниями: 1 л. ед. ч. **нес-у** ʻнесу’, **ходи-хъ** ʻ(я) ходил’, 2 л. ед. ч. **нес-еши** (**-ешь**) ʻнесёшь’, **ходи-∅** ʻ(ты) ходил’, 2 л. мн. ч. **нес-емъ** ʻнесём’, **ходи-хомъ** ʻ(мы) ходили’ и т. д.

Категория о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и рудиментарно сохранялась в старших литературных текстах прилагательными, противопоставлявшими «нейтральные» в отношении этой категории именные формы (**нов-ъ** ʻновый’, **нов-а** ʻновая’, **нов-у** ʻновую’ и т. д.) членным (определенным), сложившимся в результате присоединения форм указательного местоимения, выполнявшего функцию определенного члена (артикля): **нов-ъ-и** > **новыи** ʻновый’, **нов-а-его** ʻнового’, **нов-у-ему** ʻновому’ и т. д. В живой речи членные формы уже трансформировались в немаркированные по признаку определенности/неопределенности, становясь специфическими формами словоизменения прилагательных как части речи, выражающими категорию согласования — связь прилагательного с существительным (см. 2.3.1.): **нов-ыи**, **нов-ого**, **нов-ому** и т. д.

П р о с т р а н с т в е н н ы е о т н о ш е н и я выражались серией указательных местоимений, которые в книжно-литературном языке рудиментарно отражают давнюю систему трех степеней удаленности: «близкий мне» (**сь** ʻэтот’ — **сего**) — «близкий тебе» (**тъ** ʻтот’ — **того**) — «далёкий, чуждый собеседникам» (**и** ʻтот’ — **его** или **онъ** ʻтот’ — **оного** ʻтого’). В древнерусский период эта система ориентации в пространстве уже не была актуальной: в «нейтральном» повествовании для указания на предмет речи обычно используется единое, новое местоимение **онъ** — **его** (постепенно становящееся местоимением 3-го лица); при пе-

редаче же диалога (в конструкциях прямой речи) обнаруживается уже сформировавшееся противопоставление «близкого — далёкого» или «своего — чужого», реализуемое в тех же текстах местоимениями **сь(и)** ‘этот’ — **сего** и **онъ(и)** ‘тот’ — **оного**: **оже мы братие симъ не поможемъ, тъ си имꙋть прѣдатисѧ къ нимъ, тъ онѣмъ больши бꙋдеть сила** ‘если мы, братья, этим не поможем, то эти перебегут к тем, и у тех станет больше войска’. Данные лингвистической географии подсказывают, что литературные тексты в конструкциях прямой речи отразили сложившуюся в живой древнерусской речи модель средствами церковнославянского языка (местоимения **сей** и **оный** не имеют широкой традиции в современных восточнославянских диалектах), в то время как за пределами языка книжности эта модель оформлялась прежде всего с помощью местоимения **тъ** (**тътъ/тыи**), которое, в частности, лежит в основе современных русских местоимений *этот* — *тот*. Это местоимение было в Д.я. и основным анафорическим средством: **и тъ** (тот, о котором шла речь) **свѧтыи георгии ꙋ него то** (чему посвящено содержание грамоты) **отимаеть** ‘и этот монастырь святого Георгия у него то отнимет’, **мъного бо зъла сътвориша ти оканьнии половьцы рꙋсьскои земли, того ради вьсемилостивыи богъ хотѧ погꙋбити их**… ‘ибо много зла сотворили эти окаянные половцы Русской земле, и потому всемилостивый Бог, решив погубить их…’.

Отрицание выражалось посредством частицы **не** и ее эквивалента при перечислении **ни**, которые использовались как при глаголе, так и в функции словообразовательного префикса (**нечистъ** ‘нечистый’, **никъто** ‘никто’), синонимичного префиксу **без-** (**безбожьныи** ‘безбожный’). Специфической особенностью Д.я. было повторение отрицания при субъекте или объекте в отрицательной конструкции: **таины божиѧ никътоже не вѣсть** ‘Божественную тайну никто не знает’, **а мы вашеи землѣ не заꙗхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ** ‘а мы ни вашу землю не захватили, ни города ваши, ни сёла ваши’. Редкие случаи одиночного отрицания в церковнославянских текстах (типа: **никъто же вѣсть его** ‘никто его не знает’) являются кальками с греческих оригиналов.

2.3.7. По набору грамматических категорий и средств их выражения в Д.я. отчетливо выделяются семантико-грамматические разряды неслужебных слов (части речи): существительные, прилагательные, местоимения (личные и неличные), глаголы и наречия (см. 2.3.1.).

Количественные обозначения осуществлялись с помощью существительных (**пѧть**, **шесть**, **десѧть**, **съто** ‘сто’, **тысѧча** и др.) и согласуемых имен (**одинъ** ‘один’ — ж. р. **одьна**, **дъва** ‘два’ — ж. р. **дъвѣ**, **трие** ‘три’ — ж. р. **три**, **четыре** ‘четыре’ — ж. р. **четыри**) с числовым значением. Служебные слова составляют предлоги и недифференцированный разряд союзов-частиц (см. 2.5.4.).

2.4.0. Образцы парадигм.

Парадигмы воспроизводятся в их стандартном варианте. О несовпадении набора категорий и форм диалектного Д.я. с набором категорий и форм языка книжно-литературного (отсутствие категории двойственного числа, синтетических образований прошедших времен и др.) см. в 2.3.3., 2.3.6. Различия форм, связанных с выражением грамматических значений, свойственных обеим языковым системам, в основном касались лексических границ использования тех или иных флексий; формы и флексии, свойственные только книжно-литературному (церковнославянскому) языку, приведены ниже в фигурных скобках.

Существительные и краткие прилагательные

Различаются следующие типы склонений:

1) старая основа на *-*ŏ*: существительные мужского рода на **-ъ**, **-ь** и среднего рода на **-о**, **-є** в именительном падеже единственного числа; прилагательные в мужском и среднем роде: **рабъ** ʻрабʼ, **конь** ʻконьʼ; **село** ʻселоʼ, **полє** ʻполеʼ, **новъ** ʻновыйʼ, **синь** ʻсинийʼ, ʻчёрныйʼ;

2) старая основа на *-*ŭ*: несколько существительных мужского рода на **-ъ**: **медъ** ʻмёдʼ, **домъ** ʻдомʼ, **сынъ** ʻсынʼ и др.;

3) старая основа на *-*ā*: существительные женского и мужского рода на **-а**, **-ꙗ**; прилагательные в женском роде: **жена** ʻженщинаʼ, ʻженаʼ, **землꙗ** ʻземляʼ, **воєвода** ʻвоеводаʼ, **оуноша** ʻюношаʼ, **нова** ʻноваяʼ, **синꙗ** ʻсиняяʼ; на **-ыни**, **-ии**: **мълнии** ʻмолнияʼ, **рабыни** ʻрабыняʼ, **соудии** ʻсудьяʼ;

4) старая основа на *-ĭ*: существительные женского и мужского рода на **-ь**: **поуть** ʻпутьʼ, **кость** ʻкостьʼ;

5) старые основы на согласный мужского, среднего и женского рода (**камы** ʻкаменьʼ, **слово** ʻсловоʼ, **сѣмѧ** ʻсемяʼ, **телѧ** ʻтелёнокʼ, **мати** ʻматьʼ), а также существительные женского рода типа **свекры** ʻсвекровьʼ, **боукы** ʻбукваʼ, **цьркы** ʻцерковьʼ.

Падеж	**Ед. число**					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	
Им.	-ъ/-ь; -о/-є	-ъ	-а/-ꙗ, -и	-ь	камы слово сѣмѧ	телѧ мати свекры
Род.	-а/-ꙗ	-ꙋ	-ы/-ѣ, -и	-и	камене словесе сѣмене	телѧте матере свекръве
Дат.	-ꙋ/-ю	-ови	-ѣ/-и	-и	камени словеси сѣмени	телѧти матери свекръви
Вин.	= им. п.*		-ꙋ/-ю	= им. п.	камень слово сѣмѧ	телѧ матерь свекръвь
Твор.	-ъмь, -омь/ -ьмь, -емь	-ъмь	-ою/-єю	-ьмь; -ию (-ью)	каменьмь словесьмь сѣменьмь	телѧтьмь материю (-ью) свекръвию (-ью)
Местн.	-ѣ/-и	-ꙋ	-ѣ/-и	-и	камене словесе сѣмене	телѧте матери свекръве
Зват.	-є/-ю	-ꙋ	-о/-є	-и	мати	свекры
	Дв. число					
Им., вин., зват.	-а/-ꙗ; -ѣ/-и	-ы	-ѣ/-и	-и	камени словесѣ сѣменѣ	телѧтѣ матери свекръви
Род., местн.	-ꙋ/-ю	-овꙋ	-ꙋ/-ю	-ию (-ью)	каменоу словесоу сѣменоу	телѧтоу матероу (-ю) свекръвоу
Дат., твор.	-ома/-ема	-ъма	-ама/-ꙗма	-ьма	каменьма словесьма сѣменьма	телѧтьма матерьма свекръвама

	Мн. число					
Им., зват.	-и; -а/-ꙗ	-ове	-ы/-ѣ	-иѥ	камене словеса сѣмена	телѧта матери свекръви
Род.	-ъ/-ь	-овъ	-ъ/-ь	-ии	каменъ словесъ сѣменъ	телѧтъ матеръ свекръвъ
Дат.	-омъ/-емъ	-ъмъ	-амъ/-ꙗмъ	-ьмъ	каменьмъ словесьмъ сѣменьмъ	телѧтьмъ матерьмъ свекръвамъ
Вин.	-ы/-ѣ; = им. п.	-ы	-ы/-ѣ	-и	камени словеса сѣмена	телѧта матери свекръви
Твор.	-ы/-и	-ъми	-ами/-ꙗми	-ьми	каменьми словесы сѣмены	телѧты матерьми свекръвами
Местн.	-ѣхъ/-ихъ	-ъхъ	-ахъ/-ꙗхъ	-ьхъ	каменьхъ словесьхъ сѣменьхъ	телѧтьхъ матерьхъ свекръвахъ

П р и м е ч а н и я: Косой чертой отделяются окончания твердой и мягкой разновидности склонения. В скобках даются орфографические варианты. Точкой с запятой отделяются флексии разных родов. *У одушевленных существительных также **-а**, **-ꙗ** (винительный падеж совпадает с родительным падежом, см. 2.3.2.).

М е с т о и м е н и я
и ч л е н н ы е (п о л н ы е) п р и л а г а т е л ь н ы е

Падеж	Личные		Неличные		
	1 л.	2 л.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
	Ед. число				
	ʽя’	ʽты’			
Им.	ꙗ, {ꙗзъ}	ты	-ъ/-ь	-о/-е	-а/-ꙗ
Род.	мене	тебе	-ого/-его, {-аго}		-оѣ/-еѣ
Дат.	мънѣ, ми	тобѣ, ти	-омѹ/-емѹ, {-ѹмѹ}		-ои/-еи
Вин.	мѧ	тѧ	= им. п.		-(’)ѹ
Твор.	мъною	тобою	-ѣмь/-имь		-ою/-ею
Местн.	мънѣ	тобѣ	-омь/-емь		-ои/-еи
	Дв. число				
	ʽмы вдвоём’	ʽвы вдвоём’			
Им., вин.	вѣ, на	ва	-а/-ꙗ	-ѣ/-и	
Род., местн.	наю	ваю	-ою/-ею		
Дат., твор.	нама	вама	-ѣма/-има		
	Мн. число				
	ʽмы’	ʽвы’			
Им.	мы	вы	-и	-а/-ꙗ	-ы/-ѣ
Род., местн.	насъ	васъ	-ѣхъ/-ихъ		
Дат.	намъ, ны	вамъ, вы	-ѣмъ/-имъ		
Вин.	ны	вы	-ы/-ѣ	= им. п.	
Твор.	нами	вами	-ѣми/-ими		

Возвратное местоимение, не имевшее формы именительного падежа, склонялось как личные в единственном числе: род. п. **себе**, вин. п. **сѧ** и т. д.

Полные прилагательные, а с XIII в. и те местоимения, для которых основной была атрибутивная функция, в именительном и винительном падеже всех чисел присоединяли к указанным окончаниям флексию мягкого варианта: **котор-ъ-и** ‘который’ (> **котор-ыи**, как и **нов-ыи** ‘новый’), ср. р. им. п. **-о-е**, ж. р. им. п. **-а-ꙗ**, ж. р. вин. п. **-ꙋ-ю**; мн. ч. м. р. им. п. **-и-и**, ср. р. им. п. **-а-ꙗ**, ж. р. им. п. **-ы-ѣ** и т. д. В творительном падеже единственного числа мужского-среднего склонения и в косвенных падежах множественного числа окончания таких местоимений и прилагательных характеризовались формантом **-ы-/-и-**, т. е. **-ымь** (как и **-имь**), **-ыхъ**, **-ымъ**, **-ыми**. Так же склонялись и полные причастия.

В книжно-литературном языке в дательном падеже единственного и множественного числа употреблялись также энклитические формы личных местоимений (**ми**, **ти**, **си**, **ны**, **вы**), которые, судя по всему, не были известны древнерусским говорам.

Г л а г о л ы

Изъявительное наклонение

Прошедшие времена

	Аорист	Имперфект	Перфект		Плюсквамперфект	
Ед. число						
1 л.	-(**о**)**хъ**	-(’)**ахъ**	**есмь**	**-л-**[1]	{**бѣхъ/бѧхъ**}/**был- есмь**	**-л-**[1]
2 л.	-(**е**)∅	-(’)**аше**	**еси**	**-л-**	{**бѣ/бѧше**}/**был- еси**	**-л-**
3 л.	-(**е**)∅[2]	-(’)**аше(ть)**	{**есть**}	**-л-**	{**бѣ/бѧше(ть)**}/**был**	**-л-**
Дв. число						
1 л.	-(**о**)**ховѣ**	-(’)**аховѣ**	**есвѣ**	**-л-**	**бѣховѣ/бѧховѣ**	**-л-**
2–3 л.	-(**о**)**ста**	-(’)**аста**	**еста**	**-л-**	**бѣста/бѧста**	**-л-**
Мн. число						
1 л.	-(**о**)**хомъ**	-(’)**ахомъ**	**есмъ**[3]	**-л-**	{**бѣхомъ/бѧхомъ**}/**были есмъ**	**-л-**
2 л.	-(**о**)**сте**	-(’)**асте**	**есте**	**-л-**	{**бѣсте/бѧсте**}/**были есте**	**-л-**
3 л.	-(**о**)**ша**	-(’)**ахꙋ(ть)**	{**сꙋть**}	**-л-**	{**бѣша/бѧхꙋ(ть)**}/**были** ∅	**-л-**

Непрошедшие времена / Ирреальные наклонения

	Настоящее	Будущее II		Повелительное	Сослагательное	
Ед. число						
1 л.	-(’)**ꙋ/-мь**	**бꙋдꙋ**	**-л-**[1]	—	{**быхъ**}/**бы**	**-л-**[1]
2 л.	-(**е/и**)**шь/-си**	**бꙋдешь**	**-л-**	**-и/-ь**	**бы**	**-л-**
3 л.	-(**е/и**)**ть**	**бꙋдеть**	**-л-**	**-и/-ь**	**бы**	
Дв. число						
1 л.	-(**е/и**)**вѣ**	**бꙋдевѣ**	**-л-**	**-ѣвѣ/-ивѣ**	**быховѣ**	**-л-**
2–3 л.	-(**е/и**)**та**	**бꙋдета**	**-л-**	**-ѣта/-ита**	**быста**	**-л-**
Мн. число						
1 л.	-(**е/и**)**мъ**	**бꙋдемъ**	**-л-**	**-ѣмъ/-имъ**	{**быхомъ**}/**бы**	**-л-**
2 л.	-(**е/и**)**те**	**бꙋдете**	**-л-**	**-ѣте/-ите**	{**быстe**}/**бы**	**-л-**
3 л.	-(**ꙋ/’а**)**ть**	**бꙋдꙋть**	**-л-**	—	{**быша**}/**бы**	**-л-**

П р и м е ч а н и я: 1. *l*-причастие изменялось по родам и числам: ед. ч.: (**на**)**писа-л-ъ** ‘(на) писал’, **-л-о**, **-л-а**; мн. ч.: (**на**)**писа-л-и** ‘(на) писали’, **-л-а**, **-л-ы**; дв. ч.: **-л-а**, **-л-ѣ**. 2. Глаголы **бы-ти** ‘быть’ и **да-ти** ‘дать’ присоединяли к нулевому показателю 3-го лица единственного числа аориста формант **-сть**: **бысть** ‘был’, **дасть** ‘дал’. 3. В некнижных (преимущественно в деловых) текстах форма 1-го лица множественного числа глагола **быти** передается как **есмы** или **есме** (**есмѧ**).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Древнерусская словоформа состояла из основы и флексии, являвшейся показателем словоизменения и характеризовавшейся комплексной грамматической семантикой, обязательно включавшей синтаксическое значение. В состав основы, кроме корня, входили аффиксы, выполнявшие формообразующие и словообразующие функции. Инфиксация Д.я. не была свойственна.

2.5.2. Древнерусское словообразование было аффиксальным. При этом префиксация характеризовала почти исключительно глагольное словообразование и использовалась при образовании производных глагольных основ от непроизводных: **писати** ʻписатьʼ — **подъ-писати** ʻподписатьʼ, **бьрати** ʻбратьʼ — **съ-бьрати** ʻсобратьʼ. Роль префиксов приобретали также предлоги при образовании наречий из предложно-падежных сочетаний: **въ-слѣдъ** ʻвследʼ, **по-серєдинѣ** ʻпосерединеʼ. Именное словообразование, а также производство глагольных основ от имен осуществлялось посредством суффиксации: **стар-ъ** ʻстарыйʼ — **стар-ьц-ь** ʻстарецʼ, **вѣк-ъ** ʻвекʼ — **вѣч-ьн-ъ** ʻвечныйʼ, **город-ъ** — **город-ьск-ыи** ʻгородскойʼ, **вѣр-а** ʻвераʼ — **вѣр-ова-ти** ʻвероватьʼ, **бѣл-ъ** ʻбелыйʼ — **бѣл-и-ти** ʻбелитьʼ, **бѣл-ѣ-ти** ʻбелетьʼ.

2.5.3. Древнерусское п р о с т о е предложение было номинативного типа. Порядок слов — свободный, но коммуникативно значимый: постановка подлежащего после сказуемого или согласованного определения после определяемого слова использовалась как средство актуализации; то же — в случае постановки прямого определения перед глаголом (**а чьто пошьло ти кънѧжє на тържькꙋ, тивꙋнъ свои дьржѧти**? ʻА что, привычно тебе, княже, на Торжку управляющего своего держать?ʼ). Несогласованное определение в родительном падеже, как правило, было в постпозиции.

Модальность высказывания эксплицировалась лексическими средствами (частицами и модальными глаголами); вопросительные предложения оформлялись с помощью вопросительных местоимений (**почьто идєшь опѧть**? ʻЗачем идёшь опять?ʼ) или частиц (**ты ли єси царь июдѣискъ**? ʻТы ли царь иудейский?ʼ).

2.5.4. С л о ж н ы е предложения древнерусской диалогической речи остаются неизученными. В повествовании (письменной монологической речи) преобладает так называемое «цепное нанизывание», при котором каждая последующая предикативная единица («простое предложение») содержит средства указания на ее связь с предшествующей — союзы или частицы (…**того жє рꙋсьстии кънѧзи нє послꙋшаша, нъ посълы избиша, а сами поидоша противꙋ имъ. и нє дошьдъшє олшьѧ и сташа на днѣпрѣ. и присълаша къ нимъ второє посълы татари**… ʻ…Но этих слов (букв. ʻэтогоʼ) русские князья не послушались, но убили послов, а сами пошли против них; и не дойдя до Олешья, стали на Днепре. И послали татары повторно к ним послов…ʼ). В прямой речи преобладают бессоюзные связи: **почьто идєшь опѧть**? **поималъ єси вьсю дань** ʻЗачем идёшь опять? Ты получил всю даньʼ.

Для письменных текстов характерны разнообразные типы придаточных конструкций с богатым набором специализированных средств союзного подчинения явно церковнославянского происхождения. В берестяных письмах из Новгорода, лучше других текстов отражающих особенности живой древнерусской речи, наиболее характерны придаточные конструкции с союзом **чьто** ʻчтоʼ, выражав-

шим различные смысловые отношения: **възьми ѹ григории полърѹблѧ, цто сидорѹ сѹлилъ** ʽВозьми у Григория полрубля, которые обещал Сидору’, **чьто ѹ подъклѣти оленины, выдаи сторожю въ цьркъвь** ʽОленьи шкуры, что лежат в подклете, отдай сторожу в церковь’, **и цто надобѣ, вывѣдаете** ʽА что нужно, вы знаете’. Для причинных придаточных конструкций характерно соединение союзов **чьто** и **а** с частицей **бы**: **да переслъшиваи о таньи, цобъ не блодила цого зрѧ** ʽДа следи за тем, что говорят о Танье, чтобы не занималась тёмными делами’, **а кѹзьке соци, абы не истерѧлъ кѹнъ** ʽА за Кузькой следи, чтобы не погубил денег’. В деловых и бытовых текстах многочисленны условные конструкции с союзами **оже (аже), аче, или** и др.: **оже придеть кръвавъ мѹжь на дворъ или синь, то видока емѹ не искати** ʽЕсли придёт на двор окровавленный человек или в синяках, то свидетеля ему не искать’; **атче еси не възѧлъ кѹнъ тѣхъ, а не емли** ʽЕсли не взял тех денег, то не бери’. Для деловых текстов характерны конструкции с относительным подчинением: **пакы ли бѹдеть чьто татьбьно кѹпилъ** <u>**то**</u> **выведеть свободьна мѹжѧ дъва** ʽЕсли купил краденое, то пусть приведёт свидетелями двух свободных людей’, **а не ѹтьнеть на съмьрть** <u>**то**</u> 3 **гривьны** ʽА не поразит насмерть, то три гривны’, **аже пьрстъ ѹтьнеть** <u>**то**</u> 3 **гривны** ʽЕсли палец отрубит, то три гривны’ и т. д. (ср. 2.3.6.).

2.6.0. Восточнославянская историческая лексикология (в отличие от этимологии) разработана слабо, поэтому источники и время заимствований, устанавливаемых в составе древнерусской лексики этимологическими исследованиями, во многих случаях не определены.

Наиболее заметными в сфере бытовой терминологии оказываются тюркизмы: **бѹгаи** ʽбык’, **лошадь** ʽлошадь’, **армѧкъ** ʽармяк’, **епанча/ꙗпонъча** ʽепанча’, **зипѹнъ** ʽзипун’, **корманъ** ʽкарман’, **кѹшакъ** ʽкушак’, **сарафанъ** ʽсарафан’ и др. В сфере военной и административной терминологии (включая торговлю) чаще других встречаются скандинавские заимствования: **варѧгъ** ʽваряг’, **стѧгъ** ʽстяг’, **тиѹнъ/тивѹнъ** ʽслуга’, ʽуправляющий’, **бьрковьск/бьрковьць** «берковец» (мера веса в 10 пудов) и др., охватывающие также и старейшие древнерусские антропонимы, некоторые из них прочно вошли в восточнославянский именослов: **Игорь**, **Ольгъ**, **Ольга** и др. Заимствования из финно-угорских языков, связанные с особенностями природы и хозяйственной деятельности в условиях восточноевропейского Севера (типа **соломѧ** < фин. *salmi* ʽморской пролив’), оставались северно-восточнославянскими диалектизмами. Терминология, относящаяся к области духовной культуры (прежде всего — христианского культа), содержала книжные заимствования из греческого: **ангелъ** ʽангел’, **алътарь/олътарь** ʽалтарь’, **аминь** ʽаминь’, **евангелие** ʽевангелие’, **диаволъ** ʽдьявол’ и др., включая христианские имена собственные: **Василии**, **Ѥлена**, **Георгии/Гюрги/ Юрьи** и т. д.

2.7.0. По данным лингвистической географии для позднего Д.я. (около XIII в.) реконструируется ряд диалектных ареалов, соответствующих зонам локализации языковых различий, углубившихся в связи с падением редуцированных (см. 1.5.0.).

С е в е р о - з а п а д н а я диалектная зона (Псков и Новгород с колониями в северном Заволжье), сохраняя взрывное образование [g] и развившееся ранее «цоканье», а также корреляцию задненебных и средненебных /x/ : /x’/, /k/ : /k’/, /g/ : /g’/ (см. 2.1.1.), характеризовалась:

1) вокализмом с рядом гласных верхне-среднего подъема /ê/ и /ô/;

2) отвердением конечных губных (после падения редуцированных: *sem* < *sem*' 'семь');

3) долгими мягкими согласными на месте сочетаний с *j* (*plat*':*e* < *plat*'*je* 'платье');

4) сонантизацией звонких взрывных зубных и губных в сочетании с тождественными по месту образования сонорными (*on*:*o* < *odno* 'одно', *om*:*an* < *obman* 'обман') и др. (см. статью «Древненовгородский диалект» в наст. издании). В западных районах ареала сохранялись сочетания /gl/, /kl/ в соответствии с праславянскими **dl*, **tl* и общевосточнославянским *l* (*priwegli*/*priweli* 'привели' < **-wedli*).

С е в е р о - в о с т о ч н а я диалектная зона (междуречье Волги и Оки — Владимиро-Суздальское княжество), сохраняя северно-восточнославянский [g] и корреляцию /k/ : /k'/ (и др.), характеризовалась:

1) в отличие от всех остальных зон — губно-зубным образованием *v*, рефлексами напряженных редуцированных в виде *o*, *e* (*moju* 'мою', *š*'*eja* 'шея'; в остальных диалектных зонах — *myju*, *š*'*ija*);

2) сохранением сочетаний согласных с /j/ (*pla*[t'j]*e*);

3) последовательной лабиализацией /е/ после согласных вторичного смягчения перед твердым согласным под ударением (не только *ž*'*on* 'жён', но и *m*'*od* 'мёд') и сохранением мягких губных в конце словоформ (*se*[m']), связанными с развитием последовательной корреляции согласных по твердости/мягкости (/t/ : /t'/, /m/ : /m'/ и т. д.).

Рано обособляются говоры вдоль среднего течения Оки (с р е д н е о к с к и е, Рязанское и Муромское княжества — территория бывших мещеры и муромы, рано колонизованная вятичами); эти говоры южно-восточнославянского происхождения с фрикативным [γ]; вероятно, им было свойственно аканье.

Ц е н т р а л ь н а я диалектная зона охватывала генетически неоднородные говоры вдоль границ соприкосновения северно- и южно-восточнославянской колонизации (см. 1.2.1.) примерно по линии Полоцк — Смоленск — Курск (Полоцкое, Смоленское и Черниговское княжества). В позднедревнерусский период в границах этой зоны распространялся фрикативный [γ], противопоставление аффрикат /c'/ : /č'/, пятифонемный вокализм (в результате /ê/ > /e/). В говорах этой зоны развивалось и распространялось (с востока на запад) аканье.

Ю г о - з а п а д н а я диалектная зона (верховья Западного Буга и среднее течение Днестра — Галицкое и Владимиро-Волынское княжества) представлена говорами южно-восточнославянского происхождения с [γ] и противопоставлением /c'/ : /č'/. Здесь не было фонологизации согласных «вторичного смягчения»; напряженные редуцированные отражены как /i/, /y/; как и в других говорах (кроме северо-восточных), /j/ ассимилировался предшествующему согласному [plat':e], а конечные мягкие губные отвердели. Специфические особенности этой зоны:

1) «новый ѣ» — удлинение гласных /e/ и /o/ в новых закрытых слогах с последующим изменением в /i/ (эта черта отражена в текстах Галицко-Волынской земли с XII в. в виде написания буквы ѣ на месте є, а затем ү(ю) на месте о, є);

2) вокализация плавных после падения редуцированных в случаях типа [kr̥waw] 'кровавый', [sl̥za] 'слеза';

3) отпадение начальной /i/-, отражаемое текстами с XIII в. (*мати* ʽиметь’, *здавна* ʽиздавна’) и др.

Особенности южной диалектной зоны (киевское Поднепровье и бассейн Припяти — Киевское, Турово-Пинское и Переяславское княжества), объединявшей старейшие южно-восточнославянские говоры (с [γ], /c’/ : /č’/, позиционными чередованиями /k/ ~ /c’/, /x/ ~ /s’/, /g/ ~ /z’/), по памятникам письменности характеризуются «негативно» — отсутствием инноваций, специфичных для диалектов соседних (центральной и юго-западной) зон — при наличии общих для них особенностей (/i/, /y/ — как рефлексы напряженных редуцированных, ассимиляция /j/ после согласных типа [plat’:e], отвердение конечных мягких губных, отсутствие корреляций типа /t/ : /t’/, /m/ : /m’/ и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVI вв. // ВЯ, 1987, № 2.

Борковский В. И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды Комиссии по рус. яз. АН СССР, 1931, т. I.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Брандт Р. Ф. Лекции по истории русского языка. М., 1913.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии // Сб. по рус. яз. и словесности АН СССР. Л., 1929, т. 1, кн. 2.

Виноградов В. В. Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.

Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // История русского литературного языка. М., 1978.

Гальченко М. Г. Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв. Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997.

Гиппиус А. А. Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // ВЯ, 1989, № 2.

Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке на материале северо-западных говоров // Псковские говоры. Псков, 1968.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. 2-е испр. изд. М., 1997.

Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981.

Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.

Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дыбо А. В. Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация // Балто-славянские исследования, 1986. М., 1988.

Живов В. М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Докл. росс. делегации. М., 1998.

Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Двойственное число // Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2001, т. 2.

Зализняк А. А. Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило праведное» // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е перераб. и доп. изд. М., 1990.

Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв.: Лингвостатистический анализ по материалам древнеславянской письменности. Л., 1974.

Иорданиди С. И. История именных парадигм множественного числа в русском языке: Научн. докл. … докт. филол. наук. М., 1996.

Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Древнерусские инновации во множественном числе именного склонения. I // ВЯ, 1995а, № 4.

Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Древнерусские инновации во множественном числе именного склонения. II // ВЯ, 1995б, № 5.

Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения // Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2000, т. 1.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.

Каринский Н. М. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. // Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1916.

Карский Е. Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.

Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, 1994, № 3.

Обнорский С. П. О языке Ефремовской Кормчей XII века. СПб., 1912. (Исследования по русскому языку. Т. 3, вып. 1).

Обнорский С. П. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г. // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности, 1924, т. 29.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л., 1931.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

Соболевский А. И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.

Соболевский А. И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е испр. и доп. изд. М., 2002.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. М., 1984.

Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк. М., 1954.

Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895, т. I, [вып.] II.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916, ч. 1.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. Heidelberg, 1980, Bd. 1.

Jelitte H. Genus, Numerus und Kasus im Russischen. Vorlesungen zur Slavischen Sprachwissenschaft. Frankfurt/Main etc., 1997.

Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Heidelberg, 1963–1975, Bd. 1–3.

Klenin E. Animacy in Russian: A new interpretation. Columbus (Ohio), 1983.

Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

Unbegaun B. La langue russe au XVI-e siècle (1500–1550). I. La flexion des noms. Paris, 1935.

А. А. Зализняк, М. Н. Шевелева

ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ

1. Древненовгородский диалект (Д.д.) — диалект древнерусского языка, на котором говорили в древнем Новгороде и примыкающих к нему районах древней Новгородской земли. Известен в основном по берестяным грамотам, найденным в Новгороде и Старой Руссе и датируемым XI–XV вв.: большинство их написано непосредственно на Д.д. На нем написаны также некоторые надписи на предметах и приписки на полях церковных книг. Другим источником сведений о Д.д. являются отклонения от фонетических и морфологических норм стандартного древнерусского языка или церковнославянского языка, которые обнаруживаются в рукописях новгородского происхождения того же периода (пергаменных грамотах, летописях, книжных церковнославянских памятниках). Дополнительные сведения о Д.д. дают современные говоры и топонимика.

Как показывает анализ берестяных грамот, других памятников и современных диалектологических данных, на территории древней Новгородской земли отчетливо различались западные говоры, близкие к говорам Псковской земли, и восточные, сравнительно близкие к стандартному древнерусскому. Сам Новгород и прилегающие к нему районы находились в зоне контакта этих двух групп говоров. Основа его говора — западная, но на эту основу наложились и некоторые восточные черты. С возникновением Новгорода и превращением его в политический центр этот диалект смешанного типа (Д.д.), по-видимому, приобрел также функцию койне, т. е. мог в той или иной мере использоваться на всей территории древненовгородского государства, особенно в городах.

К Д.д. близок древнепсковский диалект, документированный, однако, значительно слабее, чем Д.д., и преимущественно более поздними источниками.

Иногда под Д.д. понимают также совокупность всех говоров древнерусского языка, представленных в древней Новгородской земле, включая также Псковскую землю (так называемый «Д.д. в широком смысле»).

С хронологической точки зрения Д.д. письменной эпохи подразделяется на раннедревненовгородский (XI — первая четверть XIII в.) и позднедревненовгородский (вторая четверть XIII — XV в.). В основу этого деления положен процесс падения слабых редуцированных (ъ и ь): в ранний период эти гласные еще полностью или частично сохраняются, в поздний они уже пали. Ранний Д.д. — это вторая по времени после старославянского (и немногим отстоящая от старейших сохранившихся старославянских текстов) зафиксированная письменно

форма славянской речи и древнейшая форма отраженной на письме речи бытовой, не связанной с книжной традицией.

2. Фонетические особенности. Главная фонетическая особенность Д.д. — отсутствие эффекта так называемой второй палатализации задненебных согласных: **k*, **g*, **x* в позиции перед *ě* и *i*, восходящими к **oi*, смягчились (дали палатальные [k’], [g’], [x’]), но не перешли в свистящие [c’], [z’], [s’], ср. примеры корней без второй палатализации в берестяных грамотах: **кѣлє** ‘цел’, **хѣрь** ‘серь’, ‘серое (некрашеное) сукно’ и др.; ср. в современных говорах: *кеп* ‘цеп’, *кедить* ‘цедить’, *кевка* ‘цевка’, ‘шпулька’ и др., топонимы: **Хѣдово**, **Хѣрово** и др.; на стыке основы и окончания: **на рѹкѣ** ‘на руке’, **къ тєтъкѣ** ‘к тетке’, **на Лѹгѣ** ‘на Луге’, **на сохѣ** ‘на сохе’, **сѣки** ‘секи’, **помоги** ‘помоги’ и т. д. Эта особенность отличает Д.д. не только от прочих восточнославянских диалектов, но и вообще от всех остальных славянских языков. В Д.д. это черта западных говоров (в восточной новгородской зоне вторая палатализация осуществилась).

В Д.д. не было также перехода в [c’], [z’], [s’] и в сочетаниях **kv*, **gv*, **xv* в позиции перед *ě*, *i*, *ь*: **гвѣзда** ‘звезда’, **квѣт-** ‘цвет’, **квьтє** ‘цветёт’; ср. такое же положение в западнославянских языках.

Корень **вьх-** ‘весь’ в Д.д. представлен без эффекта так называемой третьей палатализации, т. е. с сохранением *x* (а не *s’*) во всей парадигме: **вьхє** ‘весь’, **вьхо** ‘всё’, **вьхѹ** ‘всю’ и т. д. Это означает, что фонема *x* не подвергалась в Д.д. третьей палатализации.

Для Д.д. и всей древненовгородской зоны в целом характерно цоканье — неразличение фонем /c/ и /č/. Для Д.д. (как и для древнепсковского) это означает совпадение результатов первой и третьей палатализации для **k*. Цоканье широко отражается в берестяных грамотах, как и в пергаменных новгородских рукописях, с самого раннего времени: **хоцоѹ** ‘хочу’, **отьчєви** ‘отцу’, **цєто** ‘что’ и т. д.

В древнепсковском диалекте произошло совпадение /s’/ — /š’/, /z’/ — /ž’/ — развилось так называемое шоканье (или шепелявенье). В псковских памятниках это явление отражается очень широко в смешении букв **с — ш**, **з — ж**. В Д.д. шоканье, очевидно, проникло в ограниченной степени — в берестяных грамотах оно отражается сравнительно редкими примерами: **во борожь** <**въ бързѣ**> ‘быстро’, **заожєричь** ‘житель Заозерья’, **шизыи** ‘сизый’, ‘сивый’.

Рефлексы сочетаний **stj*, **skj* и **zdj*, **zgj* в Д.д., по-видимому, были двоякими: западные [ž’g’], [š’k’] и восточные [ž’ǯ’], [š’č’] (совпадающие со стандартными древнерусскими). О существовании рефлексов первого из этих двух типов свидетельствуют, в частности, случаи взаимной мены букв **щ** ~ **шк**, известные в новгородских памятниках, включая берестяные грамоты (как и в памятниках псковских): **оѹ Тимощє** <**-щѣ**> (78) ‘у Тимошки’ — **оѹ Тимошкѣ** (521)[1], **Събышкиницѧ** ‘Сбышкинича’ (Новгородская летопись под 1200 г. по Синодальному списку) — **Сбыщиница** (то же по Комиссионному списку) и др.; ср. также обратную замену в **Кошькѣи** ‘Кощей’ в берестяной грамоте из Торжка № 15. Для звонкого сочетания по многим древненовгородским памятникам, в том числе и церковнославян-

---

[1] В скобках указан номер берестяной грамоты, являющейся источником данного примера.

ским, известно написание **жг**, передающее, очевидно, произношение [ž'g']: **дъжгь** 'дождь', **нањжгжа** 'наезжая' и т. п.

Хорошо известные по псковским памятникам древнепсковские рефлексы праславянских *tl, *dl > kl, gl в Д.д. тоже сосуществовали с рефлексами восточными (*tl, *dl > l). В берестяных грамотах и др. новгородских источниках встречаются оба типа рефлексов, ср.: **повеглѣ** 'повели', **съчькли** 'сочли', **клещь** 'лещ' и др. — **розвьли** 'развели', **мыла** и др., ср. топонимы с **кл**, **гл**: **Клещино**, **Єглино**, **Виглино** — но в восточных новгородских пятинах, в отличие от западных, с ними активно конкурировали топонимы типа **Лещево**, **Єлино**, **Вилино**.

Для Д.д. (и древнепсковского) был характерен переход *vl' > l'*, *ml' > n'* (из праслав. **vj*, **mj*): **испралю** 'исправлю', **ıаколь** вместо **ıаковль** (притяжательное прилагательное от **Ѩковъ** 'Яков'), **на зени** 'на земле', **крень** 'кремль' и др. (примеры многочисленны и в памятниках, и в диалектах). Первые свидетельства этого перехода относятся к XII в., но не исключено, что он имел место и ранее.

Рефлексы праславянских сочетаний гласных с плавными в Д.д., по всей видимости, отличались от стандартных древнерусских.

Основной древненовгородский тип развития сочетаний типа **TъrT* — переход в *TъrъT* с двумя гласными вокруг плавного, т. е. *TъrъT*, *TъlъT*, *TьrьT*, *TьlъT*, причем перед твердыми зубными *TьrьT* > *TьrъT*. Этот рефлекс отражен преобладающими в берестяных грамотах и широко представленными в других новгородских памятниках написаниями с двумя редуцированными вокруг плавного: **мълъви** 'скажи', **въ бързѣ** 'быстро, спешно', **смьрьди** 'смерды', **смьръда** 'смерда' и т. п. (в отличие от стандартных древнерусских написаний с одним гласным перед плавным — типа *TъrT*).

Помимо этого основного рефлекса в Д.д. существовал еще один тип — *TrъT* или *Tᵊr̥ᵊT* — с редуцированным после плавного или со слоговым плавным, сопровождаемым нефонологическими вокальными призвуками с обеих сторон. Такой рефлекс отражается в написаниях с гласными после плавного, известными в берестяных грамотах и некоторых новгородских рукописях: **мловила** 'сказала', **во брозѣ** 'спешно' (731), **къ Влъчькови** 'к Волчку' (336), ср. написания в Житии Андрея Юродивого по списку XIV в. **проты** 'порты, одежды', **на трогꙋ** 'на торгу', **млониıа** 'молния' и др. В пергаменных рукописях эти написания варьируются с другими способами передачи того же рефлекса (гласный с одной, с другой, с двух сторон плавного и даже совсем без гласного). Данный рефлекс связан, очевидно, с какой-то частью западных новгородских говоров и проникал в Д.д. Реальность такой рефлексации подтверждается диалектными примерами типа *клоч* — *колч* 'кочка', *мрода* — *морда* 'рыболовная сеть' и др.

В Д.д. существовал, очевидно, и особый рефлекс сочетаний типа **TorT*, отраженный написаниями с **ро**, **ло** (**ъро**, **ъло**) и соответствующими диалектными формами и топонимами: 2 **срочька** 'два сорочка' (**сорочькъ** — товарно-денежная единица, первоначально '40 шкурок') (336), **погро[д](ье)** 'погородье' (подать, взимавшаяся с городов) (718), **дрогое** 'дорогое' (Житие Андрея Юродивого), **Вълосъ** 'Волос' (Вкладная грамота Варлаама Хутынского) и др., ср. диал. *мло́дому*, *мло́чная трава*, *Дрогини*, *Клодовище* и др. Видимо, этот рефлекс связан с теми же западными говорами, что и особый рефлекс **TъrT* (*TrъT* или *Tᵊr̥ᵊT*), поскольку в ряде источников (берестяных и пергаменных) они сосуществуют.

Для древнепсковского и западных древненовгородских говоров по диалектным и рукописным источникам можно предположить также рефлекс сочетаний **TorT* со второй гласной, фонологически нетождественной *o* (**олы**, **оры** < *Tor^ъT*): *балынья* из **bolnьje* 'болотистое место', *шолымя* 'пригорок, холм', **скорынью** 'щёку' и др.

Всем диалектам древней Новгородской земли (Д.д. в широком смысле) было свойственно сохранение исконного взрывного [g] — в отличие от южных и юго-западных диалектов Древней Руси, где праславянское **g* развилось в фрикативное [γ].

Характер реализации фонемы **ě* различался по говорам. Для древнепсковского и западных древненовгородских говоров, по-видимому, был характерен рефлекс в виде широкого гласного; в восточной части преобладал узкий рефлекс, свойственный большей части остальной древнерусской территории. Со второй половины XII в. в новгородских памятниках, в том числе берестяных грамотах, отмечаются случаи перехода **ě* > *i* (проявляется в смешении букв **ѣ** — **и**); в XIII–XV вв. это явление получает в Новгороде широкое распространение.

Падение срединных редуцированных в Д.д. заняло примерно столетний интервал: с первой четверти XII в. по первую четверть XIII в. Падение конечных редуцированных произошло несколько ранее (но для установления точных хронологических границ этого процесса данных пока еще недостаточно).

На месте напряженных редуцированных в сочетаниях **ъjь*, **ьjь* в Д.д. возможны были рефлексы как восточного типа (*oj*, *ej*), так и западного (где **ъjь* давало по говорам *yj*, *ej*, *oj*, **ьjь* — соответственно *ij* или *ej*). Западный рефлекс *ej* из *ъjь* зафиксирован в берестяных и других новгородских документах: **възѣидоу** 'взойду', **в Великеи Новгородъ** 'в Великий Новгород' и др., много таких примеров в псковских памятниках.

Со второй половины XII в. в новгородских памятниках отражается нейтрализация фонем /v/ и /u/ в ряде позиций, явившаяся следствием падения редуцированных: **оу манастыри** 'в монастыре', **ꙋзѧле** 'взял' и т. п.

Из ассимилятивных процессов внутри новых консонантных сочетаний, возникших после падения редуцированных, особый интерес представляет имевшая место в Д.д. (или какой-то части западных говоров и проникающая в Д.д.) тенденция к прогрессивной ассимиляции согласных по глухости/звонкости, ср. написания: **сътоумаи** (635) вместо **съдоумаи** 'реши, надумай', **сдоумаша** переправлено из **стоумаша** 'решили, надумали' (Новгородская летопись по Синодальному списку под 1136 г.), **кте** 'где' из **къде** (в русской части Саввиной книги) и некоторые др.; сюда же, вероятно, относится специфически древненовгородское **сторовъ** 'здоров', 'цел'. Эта тенденция существовала в Д.д., очевидно, в самый ранний период после начала падения редуцированных и в дальнейшем была побеждена более характерной для древнерусского языка в целом противоположной тенденцией к регрессивной ассимиляции.

М о р ф о л о г и ч е с к и е   о с о б е н н о с т и. В морфологии самая важная особенность Д.д. — окончание **-е** в именительном падеже единственного числа мужского рода твердого **ŏ*-склонения (тогда как во всех остальных славянских языках и диалектах здесь в древнюю эпоху выступало **-ъ**): **хлѣбе** 'хлеб', **скоте** 'скот', **замъке** 'замок', **брате** 'брат', **Петре** 'Пётр', **Домаславе** 'Домаслав' и т. д.; также у прилагательных: **дълъжьне** 'должен', **кѣле** 'цел', **дешеве** 'дёшев' и т. д.; у *n*-при-

частий и *l*-причастий перфекта: **погублене** ‘погублен’, **дале** ‘дал’, **възяле** ‘взял’, **рекле** ‘сказал’ и т. д.; у местоимений: **саме** ‘сам’, **вьхе** ‘весь’ и даже **кето** ‘кто’ (в соответствии с **къ-то**). Перед этим окончанием *к*, *г*, *х* не меняются на *ч*, *ж*, *ш*: **замъке** ‘замок’, **Уенѣге** ‘Уенег’, **кожюхе** ‘кожух, шуба’. По данным берестяных грамот, в раннедревненовгородский период окончание **-е** безусловно господствует, в XIII–XIV вв. постепенно увеличивается число примеров с **-ъ**, но даже в XV в. еще преобладает **-е**. Окончание **-е** в именительном падеже единственного числа **ŏ*-основ характерно и для древнепсковского диалекта: в Д.д. это черта западных говоров.

В винительном падеже единственного числа того же класса слов в Д.д. выступает окончание **-ъ** (как и в прочих славянских диалектах): **хлѣбъ**, **скотъ** и т. д. Тем самым Д.д. сохраняет в данном классе слов противопоставление именительного и винительного падежей единственного числа (**хлѣбе** — **хлѣбъ**), утраченное в остальных частях славянского мира. Соответственно, в Д.д. лишь с большим запозданием относительно прочих восточнославянских диалектов развивается противопоставление по одушевленности/неодушевленности; в раннедревненовгородский период безусловной нормой являются конструкции типа **посълю отрокъ** ‘пошлю отрока’, **куплю конь** ‘куплю коня’, наряду с **посълю Ростислава** ‘пошлю Ростислава’ еще возможно **посълю Ростиславъ**.

В **ā*-склонении уже в раннедревненовгородский период в родительном падеже единственного числа у твердых основ выступало окончание **-ѣ**: **полъ гривьнѣ** ‘полгривны’, **ѿ Братятѣ** ‘от Братяты’, **у Путятѣ** ‘у Путяты’ и т. д. То же окончание **-ѣ** представлено в именительном и винительном падеже множественного числа твердого **ā*-склонения: **кунѣ** ‘куны’, **кѣлѣ** ‘целы’ (ж. р.) и т. д.; также в именительном и винительном падеже множественного числа мужского рода твердого **ŏ*-склонения: 4 **золотьникѣ** ‘четыре золотника’, **городѣ** ‘городá’ и др. У **ā*-основ эта особенность наблюдается начиная с древнейших грамот, т. е. восходит к дописьменной эпохе. У **ŏ*-основ окончание **-ѣ** в ранний период уже преобладает в винительном падеже множественного числа, в именительном падеже множественного числа конкурирует с окончанием **-и** и утверждается несколько позже.

То же окончание **-ѣ** выступало в Д.д. в дательном и местном падеже единственного числа мягкого **ā*-склонения и местном падеже единственного числа мягкого **ŏ*-склонения: **къ Прокъшѣ** ‘к Прокше’, **въ землѣ** ‘в земле’, **на конѣ** ‘на коне’ и др. Тем самым в **ā*-склонении в родительном падеже единственного числа и в дательном и местном падеже единственного числа выступала система с полностью обобщенным окончанием **-ѣ** у твердых и у мягких основ: род. п. ед. ч. **женѣ** ‘женщины’, ‘жены́’, **землѣ** ‘земли́’, дат. п. и местн. п. ед. ч. **женѣ** ‘женщине’, ‘жене’, **землѣ** ‘земле’. Эта древненовгородская система соединила в себе инновационные тенденции, характерные как для западных, так и для восточных говоров Новгородской земли: псковскую тенденцию к совпадению родительного падежа единственного числа с дательным и местным единственного числа (системы типа род. п. ед. ч. **женѣ**, **земли**, дат. п. и местн. п. ед. ч. **женѣ**, **земли**) и северо-восточную тенденцию к унификации твердого и мягкого вариантов склонения (системы типа род. п. ед. ч. **жены**, **земли**, дат. и местн. п. ед. ч. **женѣ**, **землѣ**).

В Д.д. уже в ранний период в именительном и винительном падеже двойственного числа среднего рода исконное окончание **-ѣ** (**-и** при мягкой основе) заменилось на **-а**, например, **дъва лѣта** ‘два года’.

Адъективное склонение в Д.д., в отличие от других диалектов Древней Руси, очень долго сохраняет архаичные формы, еще не подвергшиеся влиянию местоименного склонения, в частности, флексии род. п. м. р. ед. ч. **-аго**, дат. п. м. р. ед. ч. **-ꙋмꙋ**, дат., местн. п. ж. р. ед. ч. **-ѣи**, местн. п. м. р. ед. ч. **-ѣмь**. При этом оно «дублирует» ряд диалектных особенностей именного склонения: именительный падеж единственного числа мужского рода твердая основа **-єи** (**котореи человѣке** ‘который, какой-л. человек’), родительный падеж единственного числа женского рода — **-ѣѣ** (**ꙋ свѧтѣѣ Варъварѣ** ‘у святой Варвары’, **третьѣѣ гр(и)внѣ** ‘третьей гривны’), именительный и винительный падежи множественного числа женского рода — **-ѣѣ** (**великѣѣ** ‘большие’, **большѣє** <**-ѣѣ**> ‘большие’), сюда же относится унификация твердого и мягкого вариантов в дательном и местном падеже единственного числа женского рода и местном падеже единственного числа мужского рода (**-ѣи**, **-ѣмь**). Вытеснение адъективных окончаний местоименными в Д.д. происходит в позднедревненовгородский период (XIII–XIV вв.).

В раннем Д.д. у местоимения **т-** ‘тот’ выступают формы с гласным *-i-* вместо исконного *-ě-*: **тимь**, **тихъ**, **тими** и т. д. (вместо **тѣмь**, **тѣхъ**, **тѣми**). В поздний период у этого местоимения, как и вообще в твердом местоименном склонении, в данных формах побеждают окончания, заимствованные из адъективного склонения: **тыхъ**, **тыми**, **тыи** и т. д., ср. **на вхыхъ** ‘на всех’, **ꙋ ныхъ** ‘у иных’, **съ ѡдным**ь ‘с одним’.

В Д.д., особенно в ранний период, в 3-м лице единственного и множественного числа презенса **-ть** в большинстве случаев отсутствует: ед. ч. **несє** ‘несёт’, **живє** ‘живёт’, **мълъви** ‘скажет’; мн. ч. **несꙋ** ‘несут’, **мълъвѧ** ‘скажут’, **платѧ** ‘платят’ (также может отсутствовать **-сть**: **є** ‘есть’, **въда** ‘даст’); формы с **-ть** (**несєть** и т. д.) встречаются реже. Можно предполагать, что по крайней мере в некоторых говорах формы с **-ть** и без **-ть** могли выступать не просто как варианты, а передавать несколько различные модальности.

В 1-м лице множественного числа императива и атематического презенса в Д.д. представлено окончание **-мє**: **нє проливаимє** ‘не проливаем’, **єсмє** ‘(мы) есть’.

В императиве множественного и двойственного числа в Д.д. обобщены окончания **-итє**, **-ита** (первоначально свойственные только мягким основам): **идитє**, **беритє**; **идита**, **берита**.

В причастии (деепричастии) при твердой основе презенса в Д.д. уже в ранний период выступает окончание **-ѧ** (т. е. с заменой твердого согласного основы мягким): **идѧ** ‘идя’, **рекѧ** ‘говоря’, **могѧ** ‘имея возможность’. Как видно из последних примеров, эта замена распространилась и на заднеязычные.

С и н т а к с и ч е с к и е   о с о б е н н о с т и. Из древних синтаксических особенностей Д.д. следует прежде всего отметить конструкции типа **вода пити** (при инфинитиве-сказуемом название объекта ставилось в именительном падеже).

Столь же яркой древненовгородской особенностью являются конструкции со страдательными причастиями, где агенс выражен родительным падежом с предлогом **ꙋ** типа **Жизнобꙋдє погꙋблєнє ꙋ Сычевичь** ‘Жизнобуд убит Сычевичами’. Аналогичные конструкции фиксируются и в современных северо-западных говорах.

Известны в Д.д. конструкции с действительными причастиями в функции сказуемого зависимого предложения типа **А цто про сѧмозерци хєдылє єсємо, нє платѧцє**… ‘А что я ходил к сямозерцам, которые [положенное] не платят…’. Это

тоже западная черта (подобные конструкции поныне возможны на северо-западе великорусской территории).

В раннем Д.д. очень широко употребляется усилительная частица **ти** (со значением «усилителя индикативности»). Следует также отметить диалектный древненовгородский союз **дати** (**дать**) ʻпустьʼ, ʻчтобыʼ (из **да** ʻпустьʼ + частица **ти**).

Комплекс отличий Д.д. от «обычного» древнерусского языка, известного по памятникам южной Руси, уже в XI–XII вв. таков, что невозможно рассматривать Д.д. как позднейшее ответвление от этого последнего. Некоторые из отличий Д.д. восходят к праславянскому периоду.

В XIII–XV вв. Д.д. существует в условиях все усиливающегося взаимодействия с другими диалектами будущей великорусской территории. Ряд его специфических особенностей при этом постепенно ослабляется, уступая место соответствующим явлениям центрального и восточного происхождения. С потерей Новгородом политической самостоятельности и присоединением его к Московскому государству (1478 г.) этот процесс резко ускоряется. Д.д. утрачивает свое прежнее единство и четкие границы и постепенно растворяется в общерусском диалектном континууме.

С другой стороны, междиалектное взаимодействие приводит также к проникновению ряда новгородских по происхождению черт в язык центра. В современном литературном русском языке чертами преимущественно новгородского происхождения являются, в частности: отсутствие мены *к* ~ *ц*, *г* ~ *з*, *х* ~ *с* в формах типа *на руке*, *на ноге*, *на сохе*, *секи*, *помоги*; *-а* в сочетаниях типа *два лета*; императивы на *-ите* типа *берите*, *несите*, *помогите*; деепричастия на *-я* типа *беря*, *неся*.

3. См. 1. Других данных нет.

4. См. 1. Других данных нет.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995; 2-е испр. и доп. изд. М., 2004.

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов

РУССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Русский язык (Р.я.). Варианты названия: до начала XX в. — великорусский; англ. *Russian*, нем. *Russisch*, фр. *le russe*.

1.1.2. Принадлежит к славянской ветви индоевропейской семьи языков и входит в состав восточнославянской группы наряду с украинским и белорусским языками.

1.1.3. Язык русской нации, средство международного и межнационального общения. Основная масса говорящих на Р.я. проживает в Российской Федерации (142,6 млн. чел., или 98% населения РФ, 2002) и в других государствах, входивших в состав СССР (около 52 млн. чел.): Украине (25,7 млн. чел. при 14 млн. назвавших Р.я. родным, 2001), Белоруссии (6,3 млн. чел. при 2,4 млн. назвавших Р.я. родным, 1999), Казахстане (около 10 млн. чел. при 4,5 млн. русских, 1999), Узбекистане (3,6 млн. чел. при 1,1 млн. русских), Киргизии (около 1,7 млн. чел. при 0,6 млн. русских, 1999), Молдавии (около 1 млн. чел., 1989), Латвии (665 тыс. чел., 2000), Эстонии (407 тыс. чел., 2000) и др. Свыше 2 млн. чел., говорящих на русском языке, проживают в других странах — США (706 тыс. чел., 2002), Канаде (87 тыс. чел., 2001), Германии (360 тыс. чел.), Румынии (29 тыс. чел., 2002), Израиле (около 750 тыс. чел.), Австралии и др.

В 80-е годы XX в. Р.я. изучали в более чем 90 странах мира и владели им (как родным, неродным или иностранным с различным уровнем знания) около 500 млн. чел.; в конце XX в. в результате геополитических изменений в мире количество изучающих Р.я. как неродной или иностранный значительно уменьшилось.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Диалектное членение Р.я. основано на выделении в пределах территории исконного восточнославянского (великорусского) заселения, в центральных областях европейской части Российской Федерации, двух больших группировок говоров — северного наречия и южного наречия — и промежуточных среднерусских говоров. Граница территории исконного великорусского заселения условно проводится на западе и юго-западе по государственной границе Российской Федерации со странами Прибалтики, Белоруссией и Украиной, на севере проходит несколько южнее Санкт-Петербурга и далее примерно по 62° с. ш.; на востоке же примерной границей этой территории является линия, идущая от г. Сольвычегодска к г. Ветлуге, затем по 45° в. д., отклоняющаяся к западу на уровне г. Саранска и проходящая затем восточнее городов Тамбова и Воронежа. Именно в пределах этой территории достаточно рано, еще до XV в., в период феодальной раздробленности, сложились русские диалекты, что находит отражение в определенности очертания ареалов и размещения изоглосс соответствующих языковых явлений. Для территорий более позднего русского заселения характерны пестрота размещения мелких ареалов, разорванные или образующие замкнутые кривые изоглоссы, возникшие вследствие исторически обусловленного смешения разнодиалектных черт. Поэтому русские говоры позднего формирования (в европейской и азиатской частях Российской Федерации) не поддаются четкому членению на основании комплекса языковых различий.

Северное и южное наречия Р.я. противопоставлены друг другу на основании комплекса языковых черт, выражающихся четкими изоглоссами. Среднерусские говоры, определяющиеся различными сочетаниями языковых явлений, характерных для северного и южного наречий, сложились в результате интенсивных междиалектных контактов на территории исторических центральных областей Русского государства. Среднерусские говоры (прежде всего московский) легли в основу литературного языка русской народности, а затем — национального Р.я.

Русские говоры и их группировки разграничиваются преимущественно на основании фонетических и лексических черт, морфологические и синтаксические

различия носят частный характер. В целом степень диалектных различий не настолько велика, чтобы препятствовать взаимопониманию между носителями разных говоров, а также между носителями говоров и литературного языка.

Говорами как местными разновидностями Р.я. пользуется исконное население этих мест (главным образом сельское, а в размытом виде, через посредство просторечия, и городское) в сфере бытового повседневного общения. Широкое распространение грамотности, образования и средств массовой коммуникации приводит в настоящее время к сужению круга лиц, пользующихся говорами в чистом виде; теперь это преимущественно лица, не мигрировавшие с места бытования своего родного говора, и главным образом представители старшего поколения.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. В соответствии с законом РФ (1991) и Конституцией РФ (1993) Р.я. является государственным языком Российской Федерации на всей ее территории. В республиках — субъектах РФ он также имеет статус государственного наряду с титульными языками этих республик.

Как государственный язык функционирует во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной деятельности: на Р.я. работают центральные государственные учреждения РФ, осуществляется официальное общение между субъектами РФ, оформляются официальные документы, издаются центральные и многие региональные российские газеты и журналы, осуществляется центральное и значительная часть регионального теле- и радиовещания. Р.я. используется в армии. Применение Р.я. в сферах организованной деятельности регулируется языковым законодательством.

Р.я. является также одним из официальных языков в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, а также в непризнанных Абхазии (вместе с абхазским) и Приднестровской Молдавской республике (вместе с молдавским), и употребляется как основное средство межнационального общения в большинстве государств, входивших в состав СССР.

Р.я. является одним из официальных рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и ряда других международных организаций.

О двуязычии носителей Р.я. см. 1.1.3.

1.3.2. Современный национальный Р.я. существует в нескольких формах, среди которых ведущую роль играет литературный язык. За пределами литературного языка находятся территориальные и социальные диалекты (говоры, жаргоны) и отчасти просторечие. Все эти формы языка объединяются близкой фонетической и грамматической системой и основным словарным составом, что обеспечивает взаимопонимание всех носителей Р.я.

Литературный Р.я. исторически сложился на базе московского говора и других среднерусских говоров, группирующихся вокруг Москвы. Он является высокоразвитым и высоконормализованным языком, на котором написана богатейшая литература. Региональных вариантов литературного Р.я. не существует.

Литературный Р.я. выступает в двух основных разновидностях: письменной (письменная речь) и разговорной (разговорная речь). Они различаются, во-первых, самими языковыми средствами и, во-вторых, характером нормы и отношением к ней. Эти различия существуют внутри литературного языка как цело-

стной системы: общих черт в названных разновидностях литературного Р.я. намного больше, чем различий.

Современный литературный Р.я. сложился в своих основных чертах в первой половине XIX в., что было закреплено в литературной деятельности А. С. Пушкина (см. 1.5.0.). Дальнейшее развитие литературного Р.я. связано с деятельностью крупнейших русских писателей XIX–XX вв., а также с развитием языка науки и публицистики. В XX в. в связи со всеобщим распространением грамотности и с особой ролью средств массовой информации литературный Р.я. стал основным средством общения русской нации. Особой сферой существования литературного Р.я. в XX и XXI вв. является язык русского зарубежья, т. е. язык соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, также представленный богатой художественной литературой.

1.3.3. Р.я. является языком обучения в школах и вузах Российской Федерации (в республиках, входящих в ее состав, — наряду с другими языками), а также во многих учебных заведениях государств СНГ и других стран.

В 1967 г. создана Международная ассоциация преподавателей Р.я. и литературы (МАПРЯЛ), объединяющая около 200 коллективных членов (национальные союзы русистов, крупнейшие университеты и др.). МАПРЯЛ упорядочивает учебную работу, проводит международные встречи и конгрессы русистов, международные олимпиады по Р.я. и др.

С 1973 г. функционирует Институт русского языка им. А. С. Пушкина — учебный и научно-исследовательский центр по подготовке пособий по Р.я. для иностранцев, по повышению квалификации зарубежных русистов. Институт разрабатывает методы обучения Р.я., проводит просветительскую работу, связанную с Р.я. и культурой, координирует деятельность кафедр Р.я. вузов Российской Федерации, в которых обучаются иностранные студенты.

Центром научного исследования Р.я. является Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, созданный в 1944 г. В Институте осуществляются исследования по всем основным направлениям русистики, включая создание фундаментальных грамматик и словарей Р.я. Научные исследования по Р.я. ведутся также во многих вузах Российской Федерации и зарубежных стран.

1.4.0. Действующий русский алфавит — кириллица (см. статью «Старославянский и церковнославянский язык» в наст. издании) в гражданской модификации. Кириллица появилась на Руси не позднее начала X в. и получила широкое распространение с принятием христианства в 988 г.

Гражданская модификация кириллицы (гражданский шрифт) была введена для светских книг Петром I в 1708 г.

Дальнейшее упрощение графики (изъятие из русского алфавита букв (і, ѣ, ѳ, ѵ) и орфографии, подготовленное Орфографической комиссией Академии наук в 1904–1912 гг., осуществлено в 1917–1918 гг., хотя старая орфография сохраняется в части изданий русского зарубежья.

Тип русской орфографии — морфологический с элементами фонетического и традиционного типов. В соответствии с морфологическим принципом разновидности морфемы, различающиеся лишь позицией (сильной или слабой) тех или иных фонем, орфографически тождественны: *водá* [вʌдá] — *вóды* [вóды], *дуб*

[дуп] — *дубы* [дубы]. Отклонениями от морфологического типа являются немногочисленные написания, соответствующие: 1) фонетическому принципу: написание приставок с конечной фонемой /з/ с *з* перед буквой, передающей звонкий согласный или гласный (*безрезультатный*, *безоружный*, *воздать*, *взыграть*, *избрать*, *разбить*, *чрезвычайный*) и *с* перед буквой, передающей глухой согласный (*бесприютный*, *воспалённый*, *вскричать*, *исписать*, *растолочь*, *чересполосный*); написание приставки *роз-* с *о* под ударением (*ро́здал*, *ро́спись*) и с *а* в безударном положении (*разда́ча*, *распи́ска*); написание *ы* вместо *и* в начале корня после приставок, оканчивающихся на твердый согласный (*безызвестный*, *предыстория*, *разыграть*); 2) традиционному принципу: *с**о**бака*, *т**о**пчан*, *гене**а**логия*, *к**о**либри*, *в**а**лторна*, ***я**зык*, *в**и**н**е**грет*, *р**а**сти*, *добр**ы**й*, *добро**г**о*, *вскач**ь***, *береч**ь***, *ноч**ь*** (но *луч*).

Ударение на письме обычно не обозначается, но знак ударения ˊ над гласной буквой может использоваться для различения омографов (*за́мок* и *замо́к*, *вы́сыпать* и *высыпа́ть*) и в некоторых других специальных целях.

1.5.0. В истории Р.я. выделяются три периода:

1. Древнерусский период (VI–XIV вв.). Он начинается с выделения восточных славян из общеславянского единства и заканчивается в XIV в. вследствие развития особенностей, характерных для русского, украинского и белорусского языков (см. статью «Древнерусский язык» в наст. издании).

2. Старорусский (великорусский) период (XIV–XVII вв.). Происходят серьезные изменения в грамматическом строе и словарном составе: утрачивается форма звательного падежа (*рабе*, *господине*), появляется форма именительного падежа множественного числа с окончанием *-а* (*города* вместо *городи*); *ц*, *з*, *с* в формах склонения заменяются на *к*, *г*, *х* (появляются формы типа *рукѣ*, *ногѣ*, *сохѣ* вместо *руцѣ*, *нозѣ*, *сосѣ*); адъективные окончания [-ыи̯], [-ии̯] изменяются в [-ои̯], [-еи̯] (*простый*, *сам третий* изменяются в *простой*, *сам третéй*), появляются формы повелительного наклонения на *-ите* вместо *-ѣте* (*несите* вместо *несѣте*) и с *к*, *г* (*помоги* вместо *помози*). В живой речи окончательно утверждается одна форма прошедшего времени (бывшее причастие на *-л*, входившее в состав форм перфекта), утрачивается форма двойственного числа, унифицируются типы склонения, происходит изменение *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми: [н’ес] > [н’ос]; устанавливается система твердых/мягких и глухих/звонких согласных. Фонетический и грамматический строй постепенно принимает вид, близкий к современному.

Среди диалектов, сложившихся во второй половине XII — первой половине XIII в. (новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма) ведущее место постепенно занимает ростово-суздальский (севернорусский по происхождению) диалект. В состав этого диалекта входил московский говор. Москве, ставшей со второй четверти XIV в. политическим и культурным центром, принадлежала особая роль в унификации норм Р.я. В состав Московского княжества входит целый ряд других княжеств, и в XV в. создается обширное государство — Московская Русь. В XVI в. постепенно вырабатываются нормы московской разговорной речи, в которой нашли отражение явления как северных, так и южных великорусских диалектов: многие особенности согласных звуков (например, *г* взрывное) были унаследованы от северных говоров, а гласных (например, аканье) — от

южных. Севернорусскими по происхождению являются: 1) произношение [т] твердого в окончании 3-го лица единственного и множественного числа глаголов (*идёт*, *идут*, ср. южные *идёть*, *идуть*); 2) произношение звука [в] в окончании родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода (*тово*, *доброво*, ср. южные *того*, *доброго* — с [γ] фрикативным) и др.

Разговорная речь Москвы нашла отражение в деловых документах московских приказов, а язык этих документов оказывал влияние на древнерусский книжный язык. На этом языке написаны многие произведения XV–XVII в.: «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, сочинения Ивана IV Грозного, Пересветова, Котошихина, Арсения Суханова и др., «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о псковском взятии», «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков», сатирическая литература.

3. Период формирования и развития национального русского языка (середина XVII–XXI вв.). Говор Москвы лег в основу начавшего формироваться в XVII в. национального Р.я. — языка складывающейся в это время русской нации. Этому процессу способствовало более широкое распространение письменности, образования и науки.

Расширение международных связей Русского государства нашло отражение в активизации процесса заимствования из западноевропейских языков (часто через посредство польского языка). Заимствования, в большом количестве вошедшие в язык в эпоху Петра I, затем подверглись постепенному отбору: часть их быстро вышла из употребления, другие же закрепились в языке (некоторые — до настоящего времени, см. 2.6.0.). Многие слова были созданы по модели иноязычных слов (о калькировании см. 2.6.0.).

Начиная со второй половины XVI в. постепенно сужается сфера употребления церковнославянского языка. В XVII–XVIII вв. вырабатываются нормы национального литературного Р.я. К середине XVIII в. складывается его устно-разговорная разновидность. Диалекты превращаются в низшую форму языка. Литературный Р.я. нового времени совершенствуется и стабилизируется в произведениях А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина. В этот период продолжается процесс урегулирования отношений между элементами разговорной речи и церковнославянского языка. Многие славянизмы получили новые, «светские» значения. Все сильнее проявляется осторожное отношение к употреблению недостаточно известных русскому читателю славянизмов в литературных произведениях. М. В. Ломоносов в своей теории трех стилей (высокий, низкий и средний) рекомендовал даже в высоком стиле употреблять только те церковнославянские слова, которые понятны «всем грамотным людям», и предупреждал против использования «неупотребительных и весьма обветшалых» «славенских речений». В низком и среднем стиле он допускал употребление слов, свойственных только разговорной речи. Особенно решительно ограничивал использование славянизмов Н. М. Карамзин, ориентировавшийся на разговорную речь высших кругов светского общества. Наконец, А. С. Пушкин нашел такие пути слияния трех пластов лексики — славянизмов, разговорных и западноевропейских элементов, —

которые оказали решающее влияние на выработку норм национального литературного Р.я., в своей основе сохранившегося до наших дней. Все последующее развитие литературного Р.я. было углублением и совершенствованием норм, заложенных в пушкинскую эпоху. В этом процессе важную роль сыграла языковая практика крупнейших русских писателей XIX — начала XX в.: М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, И. А. Бунина и др. Со второй половины XIX в. на развитие литературного Р.я. оказывает большое влияние язык науки и публицистики.

В XX в. значительно обогатился словарный состав литературного Р.я. В частности, развитие науки и техники способствовало пополнению литературного языка специальной терминологической лексикой; некоторые сдвиги произошли в словообразовании, грамматическом строе, обогатились стилистические средства.

1.6.0. В Р.я. некоторые элементы обусловлены внешними влияниями. Так, в системе фонем заимствована /ф/, проникшая из греческого языка через посредство старославянского и укрепившаяся в древнерусском языке не ранее XII–XIII вв. После падения редуцированных звук [ф] возник и на восточнославянской почве; см. также статью «Древнерусский язык» в наст. издании.

Иноязычное влияние на современную фонетическую систему Р.я. выражается в наличии только или преимущественно в заимствованных словах твердых парных согласных перед [э]: *пар*[тэ]*р*, *кой*[нэ], *поэ*[тэ]*сса*; в произношении двойных согласных в корнях: *брутто*, *вилла*, *гамма*, *труппа*; в наличии ряда сочетаний фонем: /и́о/ — *трио*, *период*, /о́е/ — *каноэ*, /а́о/ — *какао*, /оа́/ — *боа́*, /ое́/ — *поэт*, /ие́/ — *диета*, /уе́/ — *менуэт*, /ки/ — *акын*, *такыр*, /к’а/ — *Кяхта*, /к’у/ — *маникюр*, /г’о/ — *Гете*, /х’j/ — *Хьюстон* и др.; в отсутствии редукции фонемы /о/ в безударных слогах, чаще всего — в заударных, в отдельных заимствованных словах: *ра́ди*[о], *три́*[о], *ада́жи*[о], *ве́т*[о], *кре́д*[о].

В словообразовательной системе имеется ряд аффиксов, в разное время заимствованных из других языков: из старославянского языка (префиксы *воз-*, *из-* в пространственном значении, *низ-*, *пре-*, *пред-*, *раз-*, *со-* в значении совместности) и из западноевропейских языков: префиксы *а-*, *анти-*, *архи-*, *вице-*, *де-*, *дис-*, *контр-*, *обер-*, *пост-*, *про-* (*профашист*, *проконсул*), *прото-*, *ре-*, *суб-*, *супер-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра-*, суффиксы *-ор*, *-тор*, *-атор*, *-ер*, *-аци*[j] (в словах на *-ация*), *-ат*, *-аж*, *-изм*, *-ист*, *-ур(а)*, *-инг*, *-ант*, *-ит*, *-ад(а)*, *-оз*, *-ол*, *-оид*, *-етт(а)*, *-есс(а)*, *-ис(а)* и др. Многие слова (в особенности сложные) являются результатом калькирования древнегреческих слов. Часть их заимствована из старославянского языка: *беззаконие* (греч. ἀνομία), *благовещать* (греч. εὐαγγελίζεσθαι), *благодетель* (греч. εὐεργέτης), *великодушие* (греч. μεγαλοψυχία), *гражданин* (греч. πολίτης), другие возникли на Руси: *достоверный* (греч. αξιόπιστος), *единородный* (греч. ὁμόγενος), *пустословие* (греч. ματαιολογία).

Заимствованными грамматическими формами являются действительные причастия настоящего времени (старославянские по происхождению): *делающий*, *колющий*, *пишущий*, *ходящий* (соответствующие исконно русские формы являются в современном Р.я. отглагольными прилагательными: *ходячий*, *колючий* и т. п.).

С XVIII в. главным образом из западноевропейских заимствований формируется группа несклоняемых существительных, преимущественно с конечными

гласными (*бюро*, *кафе*, *рагу*, *такси*), и несклоняемых прилагательных (*беж*, *бордо*, *электрик*, *хаки*, *клёш*, *плиссе*). Заимствованной является и бóльшая часть двувидовых глаголов — глаголы на *-ировать*, *-изировать*, *-изовать*, *-фицировать*, *-овать*: *телеграфировать*, *арендовать*, *национализировать*, *реконструировать*, *рационализировать*, *абонировать*, *децентрализовать*, *электрифицировать*, *классифицировать* и т. п. Глаголы такой структуры, появляющиеся в Р.я. с XVIII в., особенно широко пополняют лексику Р.я. в XX в.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В литературном Р.я. пять гласных и 37 согласных фонем.

Г л а с н ы е различаются по степени подъема языка и наличию или отсутствию лабиализации:

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	и		у
Средний	е		о
Нижний		а	

Гласные определяются также по ряду: фонема /е/ является гласной переднего ряда, /о/ и /у/ — гласными заднего ряда; фонема /и/ выступает в двух вариантах: после мягких согласных и в начале слова это — звук переднего ряда [и], а после твердых согласных — звук среднего ряда [ы]: *мил* и *мыл*. Фонема /а/ не локализована по ряду ввиду слабой степени подъема языка.

С о г л а с н ы е делятся на сонорные и шумные; сонорные: /м/, /м’/, /н/, /н’/, /л/, /л’/, /р/, /р’/, /j/; остальные — шумные. Как сонорные, так и шумные согласные различаются по месту и способу образования:

По способу образования			По месту образования						
			Губные		Переднеязычные		Средне-язычные	Заднеязычные	
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Передне-небные	Средне-небные	Средне-небные	Задне-небные
Шумные	Смычные	Гл.	п п’		т т’			к’	к
		Зв.	б б’		д д’			г’	г
	Аффрикаты	Гл.			ц	ч			
	Фрикативные	Гл.		ф ф’	с с’	ш щ			
		Зв.		в в’	з з’	ж ж̄’		х’	х
Сонорные	Носовые		м м’		н н’				
	Боковые				л л’				
	Дрожащие					р р’			
	Скользящие						j		

П р и м е ч а н и я: 1. Согласные фонемы /ж̄’/ («ж долгая мягкая») и /щ/ («ш долгая мягкая») противопоставлены всем остальным как долгие согласные кратким. Согласная /ж̄’/ передается на письме сочетанием *жж* или *зж*: ***вожжи***, ***поезжай***, ***визжать***. 2. Согласная /г/ в литературном Р.я. взрывная, а не щелевая (фрикативная); щелевое [γ] отмечается (как произносительный вариант) только в слове *господи*.

Согласные делятся также на твердые и мягкие, глухие и звонкие:

— парные по твердости/мягкости: /п/ — /п'/, /б/ — /б'/, /т/ — /т'/, /д/ — /д'/, /ф/ — /ф'/, /в/ — /в'/, /с/ — /с'/, /з/ — /з'/, /м/ — /м'/, /н/ — /н'/, /л/ — /л'/, /р/ — /р'/, /к/ — /к'/, /г/ — /г'/, /х/ — /х'/; непарные по этому признаку: /ж/, /ш/, /ц/ (твердые), /ж̄'/, /щ/, /ч/, /j/ (мягкие);

— парные по глухости/звонкости: /п/ — /б/, /п'/ — /б'/, /т/ — /д/, /т'/ — /д'/, /ф/ — /в/, /ф'/ — /в'/, /с/ — /з/, /с'/ — /з'/, /ш/ — /ж/, /щ/ — /ж̄'/, /к/ — /г/, /к'/ — /г'/; непарные по этому признаку — все сонорные (звонкие), /ц/, /ч/, /х/, /х'/ (глухие).

Фонемы /ш/, /ж/, /щ/, /ж̄'/ и /ч/ объединяются в группу шипящих; /с/, /з/, /с'/, /з'/ и /ц/ — в группу свистящих.

2.1.2. Ударение динамическое, или силовое. Один из слогов слова — ударный — выделяется среди прочих (безударных) более напряженной артикуляцией.

Ударение разноместное: *бéрегом*, *колоколá*, *перечúтывать*, *кораблекрушéние*, *вы́работанные*; подвижное: *óзеро — озёра*, *зéркало — зеркалá*, *гóлуби — голубéй*, *варю́ — вáришь*, *подстригу́ — подстрúженный* и т. п.; морфологизованное: существенным признаком является его место по отношению к морфемному членению слова. В словоизменении словоформы с ударением на основе противопоставляются словоформам с ударением на флексии: *дорóг-а* и *черт-á*; *стен-á*, *стен-é*, *стен-óй* и *стéн-у*, *стéн-ы*. При этом место ударения служит дополнительным (наряду с флексиями) средством различения слов и словоформ; в некоторых случаях является для словоформ единственным различительным средством: род. п. ед. ч. *профéссора* — им. п. мн. ч. *профессорá*; род. п. ед. ч. *головы́* — им. п. мн. ч. *гóловы*; сов. вид *рассы́пать* — несов. вид *рассыпáть*. В словообразовании различаются типы наоснóвного ударения: на мотивирующей основе (*лáкомиться — лáком-к-а*), в частности, на ее последнем слоге (*мéтод — метóд-ик-а*), и на словообразующем аффиксе (*летéть — вы́-лететь*, *рабóтать — работ-я́г-а*), причем ударение может зависеть от ударения мотивирующего слова (*ленúв-ый — ленúв-ец* и *удал-óй — удал-éц*, *удаль-ц-у́*) или не зависеть от него (*хвáстать — хваст-у́н*, *хваст-ун-у́* и *болтá-ть — болт-у́н*, *болт-ун-у́*).

Простейшие по структуре (первообразные) служебные слова, а также некоторые производные от них объединяются с соседним знаменательным словом в единство (фонетическое слово), характеризующееся одним ударением: *на берегу́*, *не читáл*, *нé был*, *пó два*, *перед дóмом*, *из-за двéри*. В сложных словах, сращениях и некоторых префиксальных образованиях возможно, помимо основного, побочное (ослабленное) ударение: *паровòзостроéние*, *вы̀шеизлóженный*.

Фонематически значимые различия долготы и тона отсутствуют. В эмфатически окрашенных контекстах в устной речи возможно удлинение гласного, количественно лимитированное только голосовыми возможностями: *Ба-а-альшой скандал!*, *Ну о-о-очень интересная книга!*

2.1.3. Позицией максимальной дифференциации (сильной позицией) для гласных фонем является позиция под ударением, а для согласных фонем — позиция перед гласными. В прочих позициях (слабых) некоторые фонемы не различаются. Так, в безударных слогах, как правило, совпадают фонемы /о/ и /а/, а в позиции после мягких согласных — также /е/; на конце словоформ и перед глухими согласными парные звонкие согласные совпадают с глухими, а перед звонкими согласными парные глухие совпадают со звонкими и в обоих случаях не разли-

чаются согласные, парные по глухости/звонкости; в ряде предконсонантных позиций не различаются согласные, парные по твердости/мягкости. Состав фонем, выступающих в пределах той или иной морфемы, выявляется в тех словоформах, где эти фонемы выступают в сильной позиции: [вʌдá] и [вóды] — гласная фонема корня находится в сильной позиции; [л’ес] — [л’éсу] (дат. п. ед. ч. от существительного *лес*) и [л’éзу] (1 л. ед. ч. глагола *лезть*), где конечная согласная корня находится в сильной позиции. Если во всех возможных словоформах, содержащих какую-либо морфему, та или иная фонема в составе этой морфемы остается в слабой позиции, то такая фонема (гласная или согласная) является слабой. Например, в слове *собака* /сαбáка/ первая гласная фонема /α/, представленная фонетически только звуком [ʌ], является слабой фонемой, выступающей в позиции неразличения гласных фонем /о/ и /а/; в слове *второй* /ф$_{\text{з}}$торój/ первая согласная фонема /ф$_{\text{з}}$/ (фонетически [ф]) представляет собой слабую фонему, находящуюся в позиции неразличения согласных фонем /ф/, /ф’/, /в/ и /в’/.

Важнейшие позиционные (фонетически обусловленные) реализации г л а с н ы х фонем:

1. В безударных слогах гласные видоизменяются (ослабляются) и в ряде случаев не различаются.

Позиционные изменения гласных в безударных слогах

	В начале слова	В первом предударном слоге			В остальных слогах	
		После парных твердых согласных и /ц/	После /ж/, /ш/	После мягких согласных	После твердых согласных	После мягких согласных
/е/	[ы^{э}]	[ы^{э}]	[ы^{э}]	[и^{е}]	[ъ]	[ь]
/о/	[ʌ]	[ʌ]	[ы^{э}]	[и^{е}]	[ъ]	[ь]
/а/	[ʌ]	[ʌ]	[ʌ]	[и^{е}]	[ъ]	[ь] или [ъ]

П р и м е ч а н и е: [ы^{э}] — гласный звук непереднего ряда, средний между [ы] и [э]; [ʌ] — гласный средне-нижнего подъема, непереднего ряда, нелабиализованный; [и^{е}] — гласный переднего ряда, средний между [и] и [е]; [ъ] и [ь] — редуцированные гласные средне-нижнего подъема, нелабиализованные; [ъ] — гласный непереднего ряда, [ь] — переднего ряда.

Примеры: [э́]*тика* — [ы^{э}]*ти́ческий*, [э́]*кспорт* — [ы^{э}]*кспорти́ровать*, [ó]*сень* — [ʌ]*сéнний*, [ó]*лово* — [ʌ]*ловя́нный*, [á]*лый* — [ʌ]*лéть*, [á]*збука* — [ʌ]*збукóвник*; *синт*[э́]*тика* — *синт*[ы^{э}]*ти́ческий*, *ц*[э́]*ны* — *ц*[ы^{э}]*нá*, *в*[ó]*ды* — *в*[ʌ]*дá*, *д*[а]*р* — *д*[ʌ]*ри́ть*, *букв*[á]*рь* — *букв*[ʌ]*ря́*; *ш*[э]*сть* — *ш*[ы^{э}]*сти́*, *ш*[о]*лк* — *ш*[ы^{э}]*лкá*, *ж*[ó]*ны* — *ж*[ы^{э}]*нá*, *ж*[á]*рко* — *ж*[ʌ]*рá*, *ш*[а]*р* — *ш*[ʌ]*ры́*; [л’е]*с* — [л’и^{е}]*сá*, [в’ó]*дра* — [в’и^{е}]*дрó*, [п’а]*ть* — [п’и^{е}]*тáк*; *т*[э]*мп* — *т*[ъ]*мповóй*, *малыш*[э́]*й* — *вкла́дыш*[ъ]*й*, *г*[ó]*род* — *г*[ъ]*родá*, *огурц*[ó]*м* — *зáйц*[ъ]*м*, *испуг*[á]*ть* — *испýг*[ъ]*нный*; [б’é]*рег* — [б’ь]*реговóй*, [т’ó]*мный* — [т’ь]*мновáто*, [п’а]*ть* — [п’ь]*тачóк* (*пятачок*), [н’о]*с* — *вы́*[н’ь]*си* (*вынеси*), *за*[н’á]*ть* — *зá*[н’ь]*ты* (*заняты*), *каланч*[é] — *дáч*[ь] (*даче*), *ца*[р’ó]*м* — *государ́*[р’ь]*м*, *каланч*[á] — *дáч*[ъ] (*дача*), *ца*[р’á] — *госудáр*[р’ъ] (*государя*) ([ъ] произносится на месте /а/ только в грамматических окончаниях).

Таким образом, во всех безударных положениях (кроме позиции первого предударного слога после /ж/, /ш/) гласная /о/ совпадает с /а/. Это явление носит название áканья.

2. После твердых согласных фонема /и/ изменяется в звук среднего ряда [ы]: *игра* — *под*[ы]*грывать*, *в*‿[ы]*гре*, *идея* — *без*[ы]*дейный*.

Позиционные изменения согласных фонем:

1. Звонкие согласные, парные по глухости/звонкости, на конце словоформы и перед глухими согласными оглушаются: *ду*[б]*ы* — *ду*[п], *но*[ж]*и* — *но*[ш], *ла*[в]*ок* (род. п. мн. ч.) — *ла*[ф]*ка*, *по*[д]*бросить* — *по*[т]*писать*.

Примечание: В слове *Бог* /г/ оглушается в [х].

Глухие согласные (не только парные) перед звонкими (кроме /в/, /в'/ и сонорных) озвончаются: *ко*[с']*ить* — *ко*[з']*ба*, *о*[т]*ложить* — *о*[д]*бросить*, [с]‿*моста* — [з]‿*дома*, *оте*[*ц*] — *оте*[*дз*]‿*бы*.

2. Твердые зубные /с/, /з/ и /н/ перед мягкими зубными (кроме /л'/) смягчаются: *боро*[з]*да* — *боро*[з'д']*ить*, *фра*[н]*т* — *фра*[н'т']*иха*, [с]*тащить* — [с'т']*януть*, [с'н']*ять* (допустимо и [с]*нять*), *рома*[н]*с* — *о рома*[н'с']*е*.

Твердая фонема /н/ перед /щ/, /ч/ заменяется мягкой: *табу*[н] — *табу*[н'щ]*ик*, *стака*[н] — *стака*[н'ч]*ик*.

Мягкие губные перед всеми согласными, кроме мягких губных и /j/, отвердевают: *не*[м']*ец* — *не*[м]*цы*, *ру*[б']*ить* — *ру*[б]*лю*.

3. /с/, /с'/, /з/, /з'/ перед шипящими /ш/, /щ/, /ж/, /ч/ заменяются на шипящие: [с]*крепить* — [ш]*шить* (*сшить*), *ра*[з]*ломать* — *ра*[щ]*епить* (*расщепить*), *разно*[с']*ить* — *разно*[щ]*ик* (*разносчик*), [с]‿*кем* — [ш']‿*чем*, [с]‿*любовью* — [ж]‿*жалостью*.

4. В сочетаниях *стн*, *здн* согласные *т* и *д* не произносятся: *радость* — *радо*[сн]*ый* (*радостный*), *звезда* — *звё*[зн]*ый* (*звёздный*), *опоздать* — *по*[з'н']*ий* (*поздний*).

Не произносится также согласная /j/ в положении перед /и/ после гласной и в начале слова: *клей*, *к*[л'éjу] (*клею*) — *к*[л'éи]*ть* (*клеить*), *стр*[уjá] (*струя*) — *стр*[уи́], *бой* — *б*[ʌи́] (*бои*); *ей* [jej] (дат. п. ед. ч. местоимения *она*) — [и]*м* (дат. п. мн. ч.).

2.1.4. Слоговыми (слогообразующими) являются, как правило, только гласные звуки (как исключение возможна факультативная слоговость сонорных согласных в таких случаях, как *театр*, *Пётр*, *вопль*). Обычно сколько в словоформе гласных, столько и слогов; количество слогов в словоформах лимитировано только длиной последних, возможностями соединения в сложных по структуре словоформах нескольких основ (см. 2.5.1). Для Р.я. характерны как открытые слоги (*во-да*), так и закрытые (*кар-ман*, *сол-дат*); открытые слоги могут состоять только из гласного (*и-ва*). Ограничений на место ударного слога в словоформе нет.

Слог обычно строится по принципу восходящей звучности: в открытых слогах шумные согласные предшествуют сонорным (если сонорный имеется), а сонорные — гласной: *ца-пля*, *ка-стрю-ля*, *про-за*. Аналогичную структуру имеет предвокальная часть закрытых слогов: *ве-ксель*, *вер-теть*, *вы-стрел*, *по-длый*. Поствокальная часть неконечных закрытых слогов может содержать только сонорные согласные (*вель-вет*, *о-бой-ма*, *свой-ство*), либо (редко) сочетания шумного с сонорным (*бодр-ство-вать*). Конечные закрытые слоги могут, однако, завершаться шумными согласными (*кар-кас*) и различными сочетаниями согласных: *по-иск*, *па-спорт*, *ко-рабль*, *ци-линдр*. В начальных слогах словоформ предвокальная часть может как исключение (в нарушение принципа восходящей звуч-

ности) представлять собой сочетание «сонорный + шумный»: *рдя-ный*, *лба*, *льсте-цы*. В начале слога (в том числе и в начале словоформы) невозможны сочетания «/j/ + согласный»; такие сочетания возможны только в поствокальной части закрытых слогов: *слайд*, *свойств* (мн. ч. род. п.). В поствокальной части (и в конце словоформы) невозможны сочетания «согласный + /j/» (в предвокальной части они нормальны: *бе*-[л’jо] (*бельё*), *со-ло*-[в’jи] (*соловьи*).

Максимальное количество согласных в пределах слога: в предвокальной части — четыре (*всплеск*), в поствокальной — пять (мн. ч. род. п. *агентств*); всего в пределах слога — не более семи (мн. ч. род. п. *пространств*).

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. На стыке морфем русского слова широко представлены разные фузионные явления, прежде всего чередования фонем (см. 2.2.3.), а также линейные преобразования основ — усечение и наращение. Последние наиболее характерны для глагольных основ и проявляются как в глагольном словоизменении (см. 2.4.0.), так и в отглагольном словообразовании (*чита-ть* — *чита*/j-у/*т* (*читают*) и *чит-к-а*, *рва-ть* — *рв-ут*, *кури-ть* — *кур-ят* и *кур-ение*), однако встречаются также и в именном словоизменении и отыменном словообразовании (*высок-ий* — *выш-е* и *по-выс-и-ть*, *узк-ий* — *ýж-е* и *с-уз-и-ть*, *дочь* — *дочер-и*, *пальто* — *пальт-ишк-о* и *пальт-ец-о*, *соло* — *соль-н-ый*). В словообразовании наблюдается совмещение (наложение) соседних морфов, например, в словах *ли**ло**ватый* (где отрезок *ов* принадлежит одновременно корню и суффиксу (ср. *лилов-ый* и *бел-оват-ый*), *кур**ск**ий* (*ск* — часть корня и одновременно суффикс (ср. *Курск* и *туль-ск-ий*). Бóльшая часть морфонологических явлений наблюдается на стыке корня и суффикса, что обусловлено наличием в Р.я. развитой и многообразной суффиксации.

2.2.2. Традиционное (исторически сложившееся) различие именного и глагольного корневого морфа, а также именной и глагольной основы в целом состоит в том, что именной корневой морф и именная основа оканчиваются на согласную, в то время как глагольный корневой морф и глагольная основа могут иметь исход как на гласную, так и на согласную: *стен-а*, *стол*, *окн-о*, *арми*/j-а/ (*армия*) и *зна-ли*, *смотре-ть*, *зна*/j-у/*т* (*знают*), *смотр-ит*. Отклонение от этой закономерности представляют имена существительные и прилагательные поздно сформировавшегося структурного типа с основой на гласную (иноязычные заимствования и аббревиатуры): *шоссе*, *пальто*, *кенгуру*, *колибри*, *нетто*, *ГАИ*, *АСУ*, *ЦСКА*, *МГУ* (произносится: [цээскá], [эмгэý]) и т. п. Однако подобные именные основы неспособны сочетаться с флексиями (сохранившими традиционную сочетаемость только с основами на согласную), и потому соответствующие имена принадлежат к разряду несклоняемых (см. 2.4.0.).

Минимальный вид корневого морфа в знаменательных частях речи сводится к формулам CVC в именах, CV и CVC в глаголе, при этом первый консонант может быть не представлен: ср. корни именные *дом-*, *бок-*, *ус-* и глагольные *да-* (*да-ли*), *жи-* (*жи-ть*), *-у-* (*об-у-ть*), *нес-* (*нес-ти*), *пиш-* (*пиш-ут*), *ид-* (*ид-ут*). Допускаются корневые морфы без вокального элемента, однако с сочетаниями согласных: *дн-я*, *зл-ой*, *жм-ут*, *лж-ёт*, *сп-ят*. Минимальный вид префиксального и постфиксального морфов и корневого морфа служебных слов — C и CV, причем в последнем случае консонант может быть не представлен: *в*/*во*, *с*/*со*, *за*, *да*,

но, *не*, *же*/*ж*, *бы*/*б*, *-ся*/*-сь*, *-те*, *а*, *и*, *о*. Минимальный вид суффиксального морфа: в именах — VC или C: *плат-ёж*, *пуст-як*, *стол-ик*, *букв-арь*, *дух-от-а*, *мед-ов-ый*, *лед-ян-ой*, *лис-ий*, *резь-б-а*, *стряп-н-я*, *кры-т-ый*; *су*/д’-j-а/ (*судья*), *суд-ей*; *руч-к-а*, *руч-ек*; *ум-н-ый*, *ум-ён*; *жар-к-ий*, *жáр-ок*; в глаголе — CV (с возможным отсутствием консонанта): *прыг-ну-ть*, *бы-ва-ть*, *завтрак-а-ть*, *сол-и-ть*, а также C и VC: *прыг-н-ет*, *завтрак-а*/j-у/*т* (*завтракают*). Во всех этих структурах (кроме постфиксального морфа) консонантный элемент может быть представлен сочетанием согласных: корневые морфы *зна-*, *прост-*, *искр-*, префиксальные *при-*, *вне-*, суффиксальные *-ость*, *-изм*, *-ск-*, *-ств-*, *-знь*.

В неминимальном виде указанные морфы расширяются путем повторения минимальных структур; ср. корневые морфы: именные *город-*, *озер-*, *муравей-*; глагольные *си*/jа/- (*сиять*), *уме-* (*умели*), *уме*/j/- (*умей*), *колыш-* (*колыш-ет-ся*), *стерег-* (*стерег-ут*); префиксальные *пере-*, *недо-*, *раз-*/*разо-*; постфиксальный *-либо* (*кто-либо*); корневые морфы служебных слов *или*, *над*/*надо*, *разве*; суффиксальные морфы: именные в *коров-ник*, *трус-лив-ый*, *бел-оват-ый*, глагольные в *зим-ова-ть*, *рассматр-ива-ть*, *лентяй-despite-нича-ть*.

Типичный вид флексийного морфа — V, VC или VCV: *дом-у*, *в дом-е*, *город-а*, *ноч-и*, *нес-у*, *нес-и*, *нес-л-а*; *вид-ит*, *нес-ёшь*, *город-ам*, *больш-их*; *дом-ами*, *нес-ёте*, *больш-у*/jу/ (*большую*).

2.2.3. Морфонологические (исторические) чередования фонем широко представлены в словообразовании и словоизменении как средство, сопутствующее суффиксальному и флективному способам выражения грамматических значений.

Наиболее распространенным видом в о к а л и ч е с к и х альтернаций является так называемая беглость гласных, т. е. чередование /о/ ~ ∅ (нуль), /е/ ~ ∅, /и/ ~ ∅. В именных корнях и суффиксах беглые гласные (чаще /о/ и /е/) появляются: при словоизменении — в словоформах с нулевой флексией: *с**о**н-∅* — *сн-а*, *п**е**нь-∅* — *пн-я*, *меш**о**к-∅* — *мешк-а*, *в**е**сь-∅* — *вс-его*, *вороб**е**й-∅* — *воро*/б’j-а/ (*воробья*), *сестр-а* — *сест**ё**р-∅*, *подушк-а* — *подуш**е**к-∅*, *кишк-и* — *киш**о**к-∅*, *окн-о* — *ок**о**н-∅*, *ведр-о* — *вёдер-∅*, *яйц-о* — *я**и**ц-∅*, *долг-ий* — *дол**о**г-∅*, *достойн-ый* — *досто**и**н-∅*; *друж-**о**к-∅* — *друж-к-а*, *толч-**о**к-∅* — *толч-к-а*, *бор-**е**ц-∅* — *бор-ц-а*, *лив-**е**нь-∅* — *лив-н-я*, *крас-к-а* — *крас-**о**к-∅*, *сот-н-я* — *сот-**е**н-∅*, *седл-о* — *сёд-**е**л-∅*, *одеяль-ц-е* — *одеял-**е**ц-∅*, *пёр-ышк-о* — *пёр-ыш**е**к-∅*, *дом-ишк-о* — *дом-иш**е**к-∅*, *гос*/т’-j-ъ/ (*гостья*) — *гост-**и**й-∅*, *верхо*/в’-j-ь/ (*верховье*) — *верхов-**и**й-∅*, *лис-**и**й-∅* — *ли*/с’-j-ъ/ (*лисья*), *ум-н-ый* — *ум-**ё**н-∅*, *близ-к-ий* — *близ-**о**к-∅*, *свет-л-ый* — *свет-**е**л-∅*; при словообразовании — перед суффиксальными морфами, начинающимися на согласную или на сочетание «беглая гласная + согласная», и перед нулевыми суффиксами: *д**е**нь-∅* (*дн-я*) — *д**е**н-н-ой*, *д**е**нь-ск-ой* (но *дн-ева-ть*, *дн-евн-ой*); *яйц-о* (*я**и**ц-∅*) — *я**и**ч-к-о* (*я**и**ч-ек-∅*), *я**и**ч-н-ый*; *ýтк-а* (*ýт**о**к-∅*) — *ýт**о**ч-к-а* (*ýт**о**ч-ек-∅*); *галк-а* (*гал**о**к-∅*) — *гал**о**ч-ий-∅* (*гал**о**ч*-[j-и]); *друж-**о**к-∅* (*друж-к-á*) — *друж-**о**ч-ек-∅* (*друж-**о**ч-к-а*); *тюрьм-а* (*тюр**е**м-∅*) — *тюр**е**м-н-ый*, *тюр**е**м-щик*; *равн-ый* (*рав**е**н-∅*) — *рав**е**н-ств-о*; *р**о**т-∅* (*рт-а*) — *больше-р**о**т-∅-ый*; *игл-а* — *иг**о**ль-н-ый*, *иг**о**л-к-а* (*иг**о**л-ок-∅*); *Москв-а* — *моск**о**в-ск-ий*, *под-моск**о**в-н-ый*; *корабль* — *кораб**е**ль-н-ый*, *кораб**е**ль-щик*; *искр-а* — *иск**о**р-к-а* (*иск**о**р-ок-∅*).

В глагольных корнях беглые гласные (чаще /и/) появляются в словообразовании — перед такими же суффиксальными морфами, что и в именных корнях, а

также (гласная /и/) перед суффиксальным морфом *-а-* (в имперфективном или многократном значении): *рвать* — ***ры**в-ок*, *вырвать* — *выр**ы**в-а-ть*; *послать* — *пос**о**л-∅*, *пос**ы**л-а-ть*; *заткнуть* — *зат**ы**к-а-ть*, *созвать* — *соз**ы**в-а-ть*, *избрать* — *изб**и**р-а-ть*, *нажать* (*нажм-ут*) — *наж**и**м-а-ть*; *замкнуть* — *зам**о́**к-∅*, *зам**ы**к-а-ть*; *со*/*драть* — *с*/*д**и**р-а-ть*; *гнать* — *г**о**н-я-ть*, *г**о**н-к-а*; *мстить* — *м**е**сть-∅*, *льстить* — *л**е**сть-∅*. Конкретные корни, в которых выступают беглые гласные, определяются в словарном порядке. В глагольных префиксах на согласную беглая гласная /о/ появляется перед стечением согласных, начинающим корневой морф, при беглости гласной корня: *от**о**-брать*, *от**о**-бранный* (но *от-беру*, *от-бирать*, *от-бор*), *под**о**-ткнуть* (но *под-ты́кать*), *с**о**-рвать* (но *с-рывать*), *раз**о**-слать*, *раз**о**-шлю* (но *рас-сылать*, *рас-сылка*), *об**о**-гнать* (но *об-гоню*, *об-гонять*, *об-гон*), *под**о**-жму* (но *под-жать*, *под-жимать*), *об**о**-жгу*, *об**о**-жгла* (но *об-жечь*, *об-жёг*, *об-жигать*), *в**о**-*[б’jу] (*вобью*) (но *в-бить*, *в-бивать*). Аналогичная беглая гласная /о/ появляется: 1) в предлогах на согласную — перед немногими словами, начинающимися стечением согласных, например, перед формами местоимений *я*, *весь*, *всякий*: *к**о** мне*, *над**о** мной*, *об**о** всём*, *без**о** всего*, *с**о** всяким*; 2) в предлогах *в* и *с* — перед любыми словоформами, начинающимися стечением согласных, первая из которых совпадает с согласной предлога: *в**о** время*, *в**о** встрече*, *с**о** словами*, *с**о** стула*.

Гласные /о/ ~ /а/ чередуются в глагольных корнях в части образований перед суффиксальным морфом *-ива-* (*-ыва-*): *н**о**сить* — *н**а́**ш-ива-ть* (многократность), *досм**о**треть* — *досм**а́**тр-ива-ть*, *зас**о**лить* — *зас**а́**л-ива-ть*, *отк**о**пать* — *отк**а́**п-ыва-ть*, *зараб**о**тать* — *зараб**а́**т-ыва-ть* (но ср. *упрочить* — *упрочивать* и т. п.).

К о н с о н а н т н ы е альтернации. Парные твердые согласные фонемы (кроме заднеязычных) чередуются с соответствующими мягкими: 1) в именном словоизменении — перед флексиями, начинающимися фонемой /е/: *голо*/в/*-а* — *голо*/в’/*-е*, *горо*/д/ — *в горо*/д’/*-е*, /т/*от* — /т’/*-ех*; 2) в формах 2-го, 3-го лица единственного числа и 1-го, 2-го лица множественного числа глаголов I спряжения: *ве*/д/*-ут* — *ве*/д’-о/*шь*, *не*/с/*-ут* — *не*/с’-о/*т*, *гре*/б/*-ут* — *гре*/б’-о/*м*, *отни*/м/*-ут* — *отни*/м’/*-ет*; 3) в формах повелительного наклонения: *не*/с/*-ут* — *не*/с’/*-и*, *жи*/в/*-ут* — *жи*/в’/*-и*, *вста*/н/*-ут* — *вста*/н’/*-∅* (*встань*), *бу*/д/*-ут* — *бу*/д’/*-∅* (*будь*); 4) в страдательных причастиях прошедшего времени глаголов I спряжения: *прине*/с/*-ут* — *прине*/с’-о/*нн-ый*, *уч*/т/*-ут* — *уч*/т’-о/*нн-ый*; 5) в формах сравнительной и превосходной степени прилагательных: *вкус*/н/*-ый* — *вкус*/н’/*-ее* и *вкус*/н’/*-ейш-ий*, *сла*/б/*-ый* — *сла*/б’/*-ее* и *сла*/б’/*-ейш-ий*; 6) в словообразовании — перед многими суффиксальными морфами, начинающимися на гласные фонемы, чаще на /и/ и /е/: *ста*/р/*-ый* — *ста*/р’/*-ик*, *ни*/з/ — *ни*/з’/*-ин-а*, *жёл*/т/*-ый* — *жел*/т’/*-изн-а*, *ле*/в/ — *ль*/в’/*-иц-а*, *хвос*/т/ — *хвос*/т’/*-ищ-е*, *патрио*/т/ — *патрио*/т’/*-изм*, *ма*/м/*-а* — *ма*/м’/*-ин*, *голо*/с/ — *голо*/с’/*-ист-ый*, *чёр*/н/*-ый* — *чер*/н’/*-и-ть*, *хле*/б/ — *хле*/б’/*-ец*, *напасть* (*напа*/д/*-ут*) — *напа*/д’/*-ение*, *ми*/л/*-ый* — *ми*/л’/*-еньк-ий*, *зелё*/н/*-ый* — *зеле*/н’/*-е-ть*, *ли*/с/*-а* — *ли*/с’/*-ий* и *ли*/с’-о/*нок*, *комна*/т/*-а* — *комна*/т’-о/*нк-а*, *севе*/р/ — *севе*/р’-а/*н-е*, *лё*/д/ — *ле*-/д’-а/*н-ой*, *во*/р/ — *во*/р’-у/*г-а*; 7) в существительных III склонения с нулевым суффиксом: *зелё*/н/*-ый* — *зеле*/н’/*-∅* (*зелень*), *хво*/р/*ать* — *хво*/р’/*-∅* (*хворь*). Только /л/ ~ /л’/ чередуются: в словоизменении — в форме множественного числа

прошедшего времени (*чита*/л/ — *чита*/л’/*-и*); в словообразовании — перед некоторыми суффиксальными морфами, начинающимися на согласные /н/, /н’/, /с/, шипящие, /ц/: *си*/л/*-а* — *си*/л’/*-н-ый*, *уго*/л/ — *уго*/л’/*-ник*, *пепе*/л/ — *пепе*/л’/*-ниц-а*, *зубоска*/л/ — *зубоска*/л’/*-нича-ть*, *уда*/л/*-ой* — *уда*/л’/*-ств-о*, *се*/л/*-о* — *се*/л’/*-ск-ий*, *факе*/л/ — *факе*/л’/*-щик*, *бока*/л/ — *бока*/л’/*-чик*, *Таги*/л/ — *таги*/л’/*-чан-е*, *генера*/л/ — *генера*/л’/*-ш-а*, *мы*/л/*-о* — *мы*/л’/*-ц-е*.

Парно-твердые шумные зубные согласные чередуются с шипящими (/т/ ~ /ч/, реже — /т/ ~ /щ/; /д/ ~ /ж/, /ст/ ~ /щ/, /с/ ~ /ш/, /з/ ~ /ж/), а твердые губные — с сочетаниями «губная + /л’/» (/б/ ~ /бл’/ и т. п.) в глагольном словоизменении в формах настоящего/будущего времени у некоторых глаголов I спряжения на *-ать*: *пря*/т/*ать* — *пря*/ч/*-ут*, *клеве*/т/*ать* — *клеве*/щ/*-ут*, *гло*/д/*ать* — *гло*/ж/*-ут*, *хле*/ст/*ать* — *хле*/щ/*-ут*, *пи*/с/*ать* — *пи*/ш/*-ут*, *вя*/з/*ать* — *вя*/ж/*-ут*, *коле*/б/*ать* — *коле*/бл’-у/*т*, *дре*/м/*ать* — *дре*/мл’-у/*т*.

Твердые заднеязычные согласные чередуются: 1) с соответствующими мягкими: в словоизменении — перед флексиями, начинающимися фонемами /е/ и /и/: *ру*/к/*-а* — *ру*/к’/*-е*, *поро*/г/ — *на поро*/г’/*-е*, /к/*-ому* — /к’/*-ем*, *сапо*/г/ — *сапо*/г’/*-и*, *му*/х/*-а* — *му*/х’/*-и*, *стро*/г/ — *стро*/г’/*-и*, *ди*/к/ — *ди*/к’/*-ие*, *ти*/х/*-ая* — *ти*/х’/*-ий*, *бере*/г/*-ут* — *бере*/г’/*-и*; в словообразовании — перед частью суффиксальных морфов, начинающихся фонемой /и/: *Лу*/к/*-а* — *Лу*/к’/*-ич*, *бабуш*/к/*-а* — *бабуш*/к’/*-ин*, *очер*/к/ — *очер*/к’/*-ист*, *педаго*/г/ — *педаго*/г’/*-ик-а*, *взыс*/к/*ать* — *взыс*/к’/*-ива-ть*, *шо*/к/ — *шо*/к’/*-ирова-ть*; 2) с шипящими (/к/ ~ /ч/, /г/ ~ /ж/, /х/ ~ /ш/, иногда также /ск/ ~ /щ/ и /зг/ ~ /ж̄’/): в словоизменении — в формах 2-го, 3-го лица единственного числа и 1-го, 2-го лица множественного числа глаголов I спряжения (*пе*/к/*-ут* — *пе*/ч/*-ёшь*, *л*/г/*-ут* — *л*/ж/*-ёт*); во всех формах настоящего/будущего времени некоторых глаголов I спряжения на *-ать* (*пла*/к/*ать* — *пла*/ч/*-ут*, *ма*/х/*ать* — *ма*/ш/*-ут*, *и*/ск/*ать* — *и*/щ/*-ут*, *бры*/зг/*ать* — *бры*/ж̄’/*-ут* (*брызжут*); в страдательных причастиях прошедшего времени глаголов I спряжения (*испе*/к/*-ут* — *испе*/ч/*-ённ-ый*, *сбере*/г/*-ут* — *сбере*/ж/*-ённ-ый*); в формах сравнительной и превосходной степени прилагательных (*креп*/к/*-а* — *креп*/ч/*-е* и *креп*/ч/*-айш-ий*, *стро*/г/*-а* — *стро*/ж/*-е* и *стро*/ж/*-айш-ий*); в словообразовании — перед многими суффиксальными морфами, начинающимися на гласные фонемы, чаще на /и/ и /е/, и на согласные /н/, /н’/, /к/: *вер*/х/ — *вер*/ш/*-ин-а*, *вол*/к/ — *вол*/ч/*-иц-а* и *волч-их-а*, *ру*/к/*-а* — *ру*/ч/*-ищ-а*, *ру*/ч/*-к-а*, *ру*/ч/*-н-ой*, *ру*/ч/*-онк-а* и *по-ру*/ч/*-ень*, *поро*/г/ — *поро*/ж/*-ист-ый*, *му*/х/*-а* — *му*/ш/*-ин-ый*, *утю*/г/ — *утю*/ж/*-и-ть*, *л*/г/ать — *л*/ж/*-ец*, *сберечь* (*сбере*/г/*-ут*) — *сбере*/ж/*-ение*, *пасту*/х/ — *пасту*/ш/*-ий*, *пасту*/ш/*-еск-ий* и *пасту*/ш/*-онок*, *во*/ск/ — *во*/щ/*-ан-ой*, *вла*/г/*а* — *вла*/ж/*-н-ый*, *оре*/х/ — *оре*/ш/*-ник*, *бродя*/г/*-а* — *бродя*/ж/*-нича-ть*, *лу*/г/ — *лу*/ж/*-ок*, *тол*/к/*-а-ть* — *тол*/ч/*-ок*, *узбе*/к/ — *узбе*/ч/*-к-а*, *моло*/к/*-о* — *моло*/ч/*-к-о*, *понемно*/г/*у* — *понемно*/ж/*-ку*; в существительных III склонения с нулевым суффиксом: *ти*/х/*-а* — *ти*/ш/-∅ (*тишь*), *горе*/к/ — *горе*/ч/-∅ (*горечь*); 3) /к/ чередуется с /ц/ в словообразовании прилагательных с суффиксальным морфом *-ск(ий)* (орфографически — в словах на *-цкий*): *каза*/к/ — *каза*/ц/*кий*.

Чередование аффрикат /ц/ ~ /ч/ выступает в словообразовании перед рядом суффиксальных морфов: *купе*/ц/ — *куп*/ч/*-их-а*, *мертве*/ц/ — *мертве*/ч/*-ин-а*, *зая*/ц/ — *зай*/ч/*-ик*, *зай*/ч/*-онок* и *зай*/ч/*-атин-а*, *пти*/ц/*-а* — *пти*/ч/*-к-а* и *пти*/ч/*-ник*, *меся*/ц/ — *меся*/ч/*-н-ый*, *пере*/ц/ — *пер*/ч/*-и-ть*.

Парно-мягкие шумные зубные согласные чередуются с шипящими (/т’/ ~ /ч/, реже /т’/ ~ /щ/; /д’/ ~ /ж/, реже /д’/ ~ /жд/ или /д’/ ~ /жд’/; /ст’/ ~ /щ/, /зд’/ ~ /ж̄’/ или /жд/, /жд’/; /с’/ ~ /ш/; /з’/ ~ /ж/), а мягкие губные — с сочетаниями «губная + /л’/» (/б’/ ~ /бл’/, /м’/ ~ /мл’/ и т. п.): в словоизменении — в формах 1-го лица единственного числа глаголов II спряжения: *пла*/т’-а/*т* — *пла*/ч/*-у́*, *осве*/т’-а/*т* — *осве*/щ/*-у*, *хо*/д’-а/*т* — *хо*/ж/*-у*, *про*/ст’-а/*т* — *про*/щ/*-у*, *боро*/зд’-а/*т* — *боро*/ж̄’/*-у*, *про*/с’-а/*т* — *про*/ш/*-у*, *гро*/з’-а/*т* — *гро*/ж/*-у*, *лю*/б’/-а/*т* — *лю*/бл’-у/, *кор*/м’-а/*т* — *кор*/мл’-у/, *тер*/п’-а/*т* — *тер*/пл’-у/, *ло*/в’-а/*т* — *ло*/вл’-у/; в страдательных причастиях прошедшего времени глаголов II спряжения: *упла*/т’-а/*т* — *упла*/ч/*-енн-ый*, *осве*/т’-а/*т* — *осве*/щ/*-ённ-ый*, *исхо*/д’-а/*т* — *исхо*/ж/*-енн-ый*, *побе*/д’-а/*т* — *побе*/жд’-о/*нн-ый*, *про*/ст’-а/*т* — *про*/щ/*-ённ-ый*, *спро*/с’-а/*т* — *спро*/ш/*-енн-ый*, *накор*/м’-а/*т* — *накор*/мл’/*-енн-ый*, *разгра*/ф’-а/*т* — *разгра*/фл’/*-ённ-ый*; в видообразовании и словообразовании — в глаголах несовершенного вида с суффиксальными морфами *-ива-* и *-а-*: *осве*/т’/*ить* — *осве*/щ/*-а-ть*, *све*/т’/*ить* — *от-све*/ч/*-ива-ть*, *вса*/д’/*ить* — *вса*/ж/*-ива-ть*, *наря*/д’/*ить* — *наря*/ж/*-а-ть*, *побе*/д’/*ить* — *побе*/жд/*-а-ть*, *упро*/ст’/*ить* — *упро*/щ/*-а-ть*, *е*/зд’/*ить* — *е*/ж̄’/*-а-ть* (*езжать*, многократность), *загромо*/зд’/*ить* — *загромо*/жд/*-а-ть*, *заме*/с’/*ить* — *заме*/ш/*-ива-ть*, *укра*/с’/*ить* — *укра*/ш/*-а-ть*, *заморо*/з’/*ить* — *замора*/ж/*-ива-ть*, *оскор*/б’/*ить* — *оскор*/бл’-а/*-ть*, *изгото*/в’/*ить* — *изгота*/вл’/*-ива-ть*; в существительных с суффиксальным морфом *-ени*/j/-: *спло*/т’/*ить* — *спло*/ч/*-ение*, *осве*/т’/*ить* — *осве*/щ/*-ение*, *гла*/д’/*ить* — *гла*/ж/*-ение*, *хо*/д’/*ить* — *хо*/жд’/*-ение*, *про*/ст’/*ить* — *про*/щ/*-ение*, *нагромо*/зд’/*ить* — *нагромо*/жд’/*-ение*, *кра*/с’/*ить* — *кра*/ш/*-ение*, *кор*/м’/*ить* — *кор*/мл’/*-ение*, *осла*/б’/*ить* — *осла*/бл’/*-ение*, *укре*/п’/*ить* — *укре*/пл’/*-ение*; в прилагательных с суффиксальным морфом *-ен-*: *гла*/д’/*ить* — *гла*/ж/*-ен-ый*, *чи*/ст’/*ить* — *чи*/щ/*-ен-ый*, *кор*/м’/*ить* — *кор*/мл’/*-ен-ый*.

Парно-мягкая сонорная согласная /н’/ чередуется с соответствующей твердой /н/ в именном словоизменении: в родительном падеже множественного числа существительных женского рода II склонения на сочетание «согласная + *-ня*»: *виш*/н’-а/ (*вишня*) — *више*/н/-∅, *часов*/н’-а/ — *часове*/н/-∅; в формах множественного числа существительных на *-мя*: *врем-я*, *време*/н’/*-и* — *време*/н/*-а*, *им-я*, *име*/н’/*-и* — *име*/н/*-а*; в краткой форме мужского рода прилагательных на *-ний*: *древ*/н’/*-ий* — *древе*/н/-∅, *излиш*/н’/*-ий* — *излише*/н/-∅.

Парно-мягкие согласные фонемы чередуются с соответствующими твердыми перед некоторыми словообразовательными суффиксами: *жа*/л’/*еть* — *жа*/л/*-ость* и *жа*/л/*-к-ий*, *ва*/р’/*ить* — *ва*/р/*-к-ий*, *засо*/л’/*ить* — *засо*/л/*-к-а*, *самово*/л’/*ный* — *самово*/л/*-к-а* (разг.), *гу*/д’/*еть* — *гу*/д/*-ок*, *вер*/т’/*еть* — *вер*/т/*-ун*. Наиболее характерны эти чередования для образований с нулевым суффиксом — существительных I и II склонения, прилагательных и порядковых числительных: *засо*/л’/*ить* — *засо*/л/-∅, *обме*/н’/*ять* — *обме*/н/-∅, *сме*/н’/*ить* — *сме*/н/-∅*-а*, *притво*/р’/*яться* — *притво*/р/-∅*-а* (разг.), *бро*/в’/ (*бровь*) — *черн-о-бро*/в/-∅*-ый* (*чернобровый*), *гру*/д’/ (*грудь*) — *узк-о-гру*/д/-∅*-ый*, *ос*/т’/ (*ость*) — *без-ос*/т/-∅*-ый* (спец.), *пя*/т’/ (*пять*) — *пя*/т/-∅*-ый*, *восе*/м’/ (*восемь*) — *вось*/м/-∅*-ой*. В суффиксальном словообразовании наблюдаются также чередования шипящих согласных с заднеязычными: *тя*/ж/*кий* — *тя*/г/*-ость* и *тя*/г/*-от-а*, *ду*/ш/*ный* — *ду*/х/*-от-а*, *ви*/ж̄’/*ать* (*визжать*) — *ви*/зг/-∅, *поме*/ш/*ать* — *поме*/х/-∅*-а* (*помеха*).

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По морфологическому типу Р.я. — язык преимущественно флективный, синтетический. Бóльшая часть грамматических значений слов выражается внутри самого слова — флексиями или (реже) суффиксами. При этом одна флексия выражает обычно сразу несколько морфологических значений. Так, у именных флексий, как правило, совмещаются значения числа, падежа и рода; у глагольных флексий совмещается значение лица со значениями числа, времени (настоящего или будущего) и наклонения. Случаи, когда указанные значения выражаются раздельно, разными аффиксами, редки. Так, в формах повелительного наклонения значение множественного числа выражается (постфиксом -*те*) отдельно от значения лица (*нес-и* и *нес-и-те*); в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения раздельно выражаются значения времени и наклонения (суффикс -*л*-), рода и числа (флексиями). С другой стороны, одно и то же морфологическое значение (или комплекс значений) выражается в разных словах несколькими различными флексиями. Так, значения дательного падежа единственного числа выражаются у существительных флексиями *-у (столу)*, *-е (жене)*, *-и (кости)*. Широко распространена омонимия флексий: так, флексия -*а* в словоформах типа *сестра*, *умна*, *пришла* выражает значения женского рода единственного числа, в словоформах *óкна*, *домá* — значения именительного падежа множественного числа, в *окнá*, *дóма* — родительного падежа единственного числа; флексия -*и* в существительных III склонения выражает значения родительного, дательного и предложного падежа единственного числа.

Элементы агглютинации представлены очень ограниченно: постфиксы -*ся*/-*сь*, -*те*, присоединяющиеся к целой словоформе (*пишет-ся*, *катала-сь*, *идём-те*, *нагни-те-сь*).

Преобладают словоформы синтетического типа, состоящие из нескольких (чаще от двух до четырех) морфов. Широко представлены явления морфемного шва (см. 2.2.1., 2.2.3.).

Аналитическое выражение грамматических значений слов — вне пределов слова, средствами контекста — также представлено в Р.я., однако чаще выступает наряду с синтетическим (внутрисловным) выражением, сопровождая его. Так, значения рода, числа и падежа существительных регулярно выражаются не только в формах самого существительного, но и формами согласуемых или координируемых слов. Значения лица и числа глагола выражаются не только самой глагольной формой, но и координируемым с этой формой в предложении словом (*я читаю — мы читаем* и т. п.). Залоговое значение глагола выражается не только в самом глаголе, но и синтаксически — конструкцией предложения (активной или пассивной). Отношения существительных к другим словам в словосочетании и предложении выражаются не одними только падежными формами (беспредложными), но и — с большей степенью семантической дифференциации — падежными формами в сочетании с предлогами (предложно-падежными формами).

В ряде случаев аналитическое выражение морфологических значений является единственным. Сюда относятся: 1) аналитические формы слов, состоящие из основного (знаменательного) и вспомогательного (служебного) слова. Таковы формы «будущего сложного» времени у глаголов несовершенного вида (*буду читать*), сослагательного наклонения (*читал бы*), «совместного действия» пове-

лительного наклонения (*давай(те) читать*); иногда к ним относят также формы сравнительной степени типа *более красивый*, формы повелительного наклонения типа *пусть (пускай) читает*; 2) несклоняемые существительные, у которых только аналитически (формами согласуемых или координируемых слов) выражаются значения рода, числа и падежа: *новое пальто — нового пальто — новые пальто — пальто куплено/куплены* и т. п. В современном Р.я. разряд существительных, лишенных флексий, активно пополняется — прежде всего иноязычными заимствованиями и аббревиатурами. Количественный рост этого разряда свидетельствует о расширении черт аналитизма в морфологическом строе Р.я.; 3) аналитически выражаются также: а) у существительных общего рода — родовое значение: *круглый (круглая) сирота*; б) у существительных pluralia tantum — числовое значение: ср. *одним суткам* и *трём (нескольким) суткам*; в) у глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении — значение лица: *я/ты/он читал (бы)*, *мы/вы/они читали (бы)*; любое существительное в роли подлежащего является в этих случаях выразителем значения 3-го лица: *брат читал(бы)*, *студенты читали (бы)* и т. п.; г) у двувидовых глаголов — видовое значение (в некоторых типах контекстов), ср. *начать атаковать* (несов. вид) и *В семь часов утра рота атаковала и овладела высотой* (сов. вид).

К чертам аналитического строя относятся в Р.я. и такие неизменяемые языковые единицы, которые носят по своей грамматической природе переходный, диффузный характер: в них стираются грани между разными частями речи (существительным, прилагательным, а иногда и наречием), между самостоятельными словами и частями слов, ср. *трудное соло*, *сонатина для скрипки соло* и *петь соло*; *какао* (сущ.) и *какао-порошок*; *цунами* (сущ.) и *цунами-станция*; *мини-юбка*, *юбка мини* и *мода на мини*; *стиль модерн*, *диско* и *мода на модерн*, *диско*; *увлекаться роком* и *рок-музыка*, *рок-ансамбль*; *радио* (сущ.) и *радиостанция*, *радиорепортаж*; ср. также *дизель-мотор*, *крекинг-установка*, *Президент-отель*, *бизнес-клуб*, *интернет-общение*, *пиар-технология* и подобные многочисленные структуры, в которых синтаксическое место суффиксального относительного прилагательного занимают компоненты, совпадающие с существительным. В синтаксисе ощутимым выражением аналитизма является широкое распространение специфических словосочетаний с примыканием именных членов (в форме именительного падежа) там, где прежде преобладало (и может употребляться и в современном языке) согласование или управление; таковы сочетания типа *матч Карпов — Каспаров*, *Олимпиада-80*, *ракеты класса «земля — воздух — земля»*, а также (с употреблением количественных числительных вместо порядковых) *рейс тридцать три*, *вагон пять место двенадцать* и т. п.

2.3.1. Традиционная классификация частей речи Р.я. (см. 2.3.7.) строится с учетом как собственно морфологических свойств слов (состав грамматических категорий и характер их выражения, словоизменительная парадигматика), так и синтаксических и общесемантических свойств.

2.3.2. Общие значения рода, одушевленности/неодушевленности, личности (в сфере имен) в Р.я. в разной степени грамматикализованы.

Категория р о д а имен существительных является несловоизменительной (каждое существительное относится к определенному грамматическому роду) и строится как противопоставление трех родов — мужского, женского и среднего.

Существительные мужского рода семантически определяются как слова, способные обозначать существо мужского пола, существительные женского рода — как слова, способные обозначать существо женского пола, а существительные среднего рода — как слова, не способные указывать на пол. При этом у одушевленных существительных мужского и женского рода (названий людей и частично — названий животных) связь с обозначением пола — непосредственная (ср. *отец* и *мать*, *учитель* и *учительница*, *лев* и *львица*), а у неодушевленных существительных (частично — также у названий животных) — опосредованная, проявляющаяся как возможность стилистического переосмысления в образе существа соответствующего пола (ср. *рябина* и *дуб* в народной песне «Тонкая рябина», а также *Дед Мороз*, *Царевна-лягушка* и т. п.). Родовые различия существительных выражены только в единственном числе, поэтому существительные pluralia tantum (см. 2.3.3.) не принадлежат ни к одному из трех родов. Особое место занимают так называемые существительные общего рода, способные обозначать лицо как мужского, так и женского пола и соответственно обладать грамматическими признаками мужского и женского рода (*сирота*, *недотрога*, *плакса*).

Род существительных выражается как морфологически — системой флексий существительного в единственном числе, так и синтаксически — родовой формой согласуемого или координируемого слова (прилагательного или другого слова, склоняющегося как прилагательное, глагола-сказуемого). Поскольку система флексий единственного числа не у всех словоизменительных типов существительных однозначно указывает на определенный род (так, существительные II склонения могут относиться и к женскому, и к мужскому роду: м. р. *слуга*, ж. р. *прислуга*), последовательно однозначным является синтаксическое выражение рода существительных. У так называемых несклоняемых существительных этот способ выражения рода является единственным (ср. р. *недавнее интервью*, м. р. *длиннохвостый кенгуру* и т. п.).

У согласуемых и координируемых слов (прилагательных, местоименных прилагательных, порядковых числительных, причастий, числительных *один*, *два*, *оба*, *полтора*, глаголов в прошедшем времени и сослагательном наклонении) категория рода является словоизменительной. Родовые формы таких слов выполняют чисто синтаксическую функцию, указывая на род того существительного, с которым данное слово согласуется (в словосочетании) или координируется (в предложении). Родовая форма согласуемого или координируемого слова указывает на пол лица в сочетании с личными и возвратными местоимениями: *Я пришёл* (м. р.) и *Я пришла* (ж. р.); *сказать* ***самому*** (м. р.) *себе* и ***самой*** (ж. р.) *себе*. Способностью указывать на пол обладают также формы согласуемых и координируемых слов в сочетании с существительными общего рода (***круглый*** (м. р.) *сирота* и ***круглая*** (ж. р.) *сирота*), а также с существительными мужского рода — названиями лиц по профессии, должности (*врач*, *инженер*, *директор*), которые могут при указании на женский пол лица сочетаться (только в форме именительного падежа) с формами женского рода координируемых и (реже) согласуемых слов: *Врач пришла*, *У нас новая врач* (разг.).

Существительные — названия лиц и животных относятся к разряду о д у ш е в л е н н ы х, все остальные существительные — к разряду н е о д у ш е в л е н н ы х. Собирательные существительные — названия совокупностей, групп

людей и животных (*народ*, *толпа*, *стая*, *стадо* и т. п.) — принадлежат к неодушевленным. Одушевленность выражается совпадением формы винительного падежа с формой родительного падежа во множественном числе (у всех одушевленных существительных) и в единственном числе (только у слов мужского рода I склонения): *вижу брата*, *братьев*, *сестёр*, *животных*. У неодушевленных существительных те же формы совпадают с формой именительного падежа: *вижу стол*, *столы*, *книги*, *деревья*. Одушевленность/неодушевленность существительных регулярно выражается также синтаксически — формой винительного падежа согласуемых слов (прилагательных и других слов, склоняющихся как прилагательные, а также — для одушевленных существительных — числительных *два*, *оба*, *три*, *четыре* и собирательных числительных типа *двое*, *пятеро*): *вижу своего брата*, *своих братьев*, *двух*/*двоих друзей*, *трёх подруг*, *пятерых солдат*, но: *вижу новый дом*, *новые дома*. Все существительные pluralia tantum — неодушевленные.

В соответствии с набором флексий согласуемого слова (прилагательного или другого слова, склоняющегося как прилагательное) существительные делятся на семь согласовательных классов: существительные мужского рода одушевленные (*брат*), мужского рода неодушевленные (*стол*), женского рода одушевленные (*сестра*), женского рода неодушевленные (*книга*), среднего рода одушевленные (*животное*), среднего рода неодушевленные (*окно*) и pluralia tantum (*ножницы*).

Л и ч н о с т ь не имеет у существительных Р.я. особого регулярного (категориального) морфологического выражения. Существительные со значением лица входят в более широкий разряд одушевленных существительных. Личность выражается словообразовательно — целым рядом суффиксов существительных (*-ист*: *тракторист*; *-щик*: *наборщик*; *-льщик*: *носильщик*; *-яг(а)*: *бродяга*; *-ак(а)*: *служака* и др.), в том числе — в названиях лиц женского пола, мотивированных существительными мужского рода со значением лица (*-ниц(а)*: *писательница*; *-ш(а)*: *секретарша*; -/j/*(а)*: *гостья*; *-есс(а)*: *поэтесса* и др.). К названиям лиц относятся также: все существительные общего рода; существительные мужского рода II склонения (*слуга*, *воевода*), существительные I склонения, имеющие в единственном числе словоизменительный суффикс *-ин*, а во множественном числе — безударную флексию *-е* (*гражданин* — *граждане*, *крестьянин* — *крестьяне*).

Субъект-лицо выражается не только существительными, но и личными местоимениями 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа (*я*, *ты*, *мы*, *вы*), а также глагольными формами 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Неопределенно или обобщенно мыслимый субъект-лицо выражается в однокомпонентных глагольных предложениях формами 3-го лица множественного числа настоящего/будущего времени и множественного числа прошедшего времени: *За стеной играют*/*играли на рояле*, *А ведь ворон не жарят*, *не варят* (Крылов), *В прежнее время... вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили* (Чехов).

2.3.3. Грамматическая категория ч и с л а является у имен существительных и у всех согласуемых и координируемых слов (прилагательных и слов, склоняемых как прилагательные, а также у глаголов) словоизменительной и строится как противопоставление двух рядов форм — единственного и множественного числа (см. 2.4.0.). Присущие древнерусскому языку особые формы двойственного числа в современном Р.я. не сохранились, имеются лишь остаточные явления (фор-

мы множественного числа названий парных предметов: *берега*, *бока*, *уши*, *плечи*, *колени*; формы существительных *час*, *ряд*, *шаг* в сочетаниях типа *два часá*).

У названий исчисляемых предметов, явлений форма единственного числа обозначает единичность, множественного числа — количество более одного: *стол* — мн. ч. *столы*, *день* — мн. ч. *дни*, *дерево* — мн. ч. *деревья*, *гроза* — мн. ч. *грозы*. Существительные с абстрактным, собирательным, вещественным значениями относятся к singularia tantum: *толщина*, *баловство*, *зверьё*, *молоко*, либо к pluralia tantum: *хлопоты*, *финансы*, *духи́*, *консервы*. В тех случаях, когда у слов singularia tantum возможно образование форм множественного числа, такому образованию обязательно сопутствуют те или иные семантические осложнения: *вино* — мн. ч. *ви́на*, *вода* — мн. ч. *во́ды*, *красота* — *красо́ты*, *снег* — *снегá*, *укрепление* (действие) — мн. ч. *укрепления* (в конкретном значении) и т. п.

Число существительных и местоимений выражается также синтаксически — числовой формой согласуемого или координируемого слова: *новая книга* — мн. ч. *новые книги*, *Студент читает*/*читал* — мн. ч. *Студенты читают*/*читали*, *Я рад* — мн. ч. *Мы рады*. У несклоняемых существительных синтаксический способ выражения числа является единственным: *новое пальто* — мн. ч. *новые пальто*.

Определенное или неопределенное количество, в том числе количество как признак предмета, выражается особой частью речи — именем числительным. При этом слово *один* согласуется с существительным в числовой форме, а остальные числительные сочетаются с существительными в форме множественного числа (кроме слов *два*, *оба*, *полтора*, *три*, *четыре* в форме именительного и винительного падежа единственного числа): *пять книг*, *десять дней*, *двух недель*, *трое студентов*, *несколько месяцев* (но *два дня*, *четыре месяца*). При этом сами числительные, выражая множественное число лексически, по числам не изменяются и категории числа не имеют. Однако в сочетании с существительными они служат еще одним (дополнительным) синтаксическим средством выражения значений числа. Это средство является единственным при сочетании с несклоняемыми существительными (*одно пальто* — мн. ч. *три пальто*) и с существительными pluralia tantum, обозначающими исчисляемые предметы: *одни ножницы* — мн. ч. *двое ножниц*, *одни сутки* — мн. ч. *четверо*/*несколько*/*много суток*.

2.3.4. Отношение имен существительных (а также количественных числительных, местоимений-существительных) к другим словам в словосочетании и предложении выражается в Р.я. падежными формами. Словоизменительная морфологическая категория п а д е ж а строится как противопоставление шести рядов форм, различающихся флексиями, причем флексии существительных выражают одновременно падежное значение и значение числа (см. 2.4.0.). У прилагательных и слов, синтаксически им подобных (местоименных прилагательных, порядковых числительных, причастий) падежные формы несамостоятельны и зависят от падежных форм существительных, дублируя их выражение. У несклоняемых существительных (см. 2.3.0., 2.4.0.) падежные значения выражаются только формами согласуемых или координируемых слов (в предложении являющихся определением либо именным сказуемым).

В системе шести падежей именительный падеж противопоставлен как прямой падеж остальным пяти — косвенным падежам. Он является исходной формой парадигмы, выступая в наиболее независимых синтаксических позициях; кос-

венные же падежи выражают, как правило, зависимость существительного от управляющего им слова. Будучи управляемыми формами, косвенные падежи выступают в сочетании с предлогами (предложно-падежные формы) и без них (беспредложные формы): *видеть дом* и *направляться к дому*; *управлять машиной* и *сидеть в машине*. Из шести падежей один (именительный) является всегда беспредложным; один употребляется только с предлогами, а потому и называется предложным; остальные четыре падежа (средние в парадигме) выступают как с предлогами, так и без них. Для косвенных падежей существенно также, какой части речи они синтаксически подчиняются; различаются приглагольное и приименное употребление падежных форм.

Основные значения именительного падежа в предложении: 1) значение субъекта действия или состояния — в слове, выполняющем синтаксическую функцию подлежащего: *Мой **брат** изучает медицину*, ***Книга** мне нравится*; 2) значение предикативного определения субъекта — в слове, выполняющем функцию сказуемого: *Мой брат — **студент***. В пределах текста (как обособленный член предложения или отдельное предложение), в диалогических репликах именительный падеж используется в функциях: 1) главного члена самостоятельного односоставного (назывного) предложения: *Летнее **утро**. В воздухе **тишина*** (Чехов); 2) обращения: *Какой вы умный, **Петя**!* (Чехов); 3) вводимой темы высказывания: ***Желанья**!.. Что пользы напрасно и вечно желать?* (Лермонтов); 4) ответной реплики, имеющей целью назвать предмет: *Как ваша фамилия? — **Иванов***, *Как называется этот предмет? — **Фломастер***. Все эти функции связаны с называнием предмета и с отсутствием синтаксической зависимости существительного от других слов в пределах предложения. Именительный падеж широко применяется также вне текстового окружения как форма, несущая чисто назывную функцию, — например, в словарях, в перечнях (списках) предметов, в надписях, подписях, на этикетках, в заглавиях произведений.

Родительный падеж выражает значения: 1) принадлежности (в приименной позиции): *рука **матери***, *подарок **отца***, *(взял) карандаш **соседа***; 2) прямого объекта: а) при глаголах с отрицанием (вместо винительного падежа при переходном глаголе): *я не читал этой **книги**, не знаю этих **работ***; б) при некоторых глаголах — и без отрицания: *ждать **приезда***, *желать **успехов***, *бояться **ответственности***, *избегать **волнений***; в) при отглагольных существительных со значением действия: *чтение **книги***, *уборка **снега***; 3) значение субъекта при отглагольных существительных со значением действия или состояния: *разговор **друзей***, *выпадение **снега***; 4) количественное — в различных случаях обозначения количества предметов, степени проявления признака в предмете, ограниченного объема вещества или совокупности однородных предметов, а также их полного отсутствия: *десять **дней***, *несколько **месяцев***, *он старше **сестры** на два года*, *килограмм **крупы***, *стакан **молока***, *купить **хлеба***, *дать **воды***, *настроить **домов***, *нет **денег***, *не сказал ни **слова***; 5) определительное значение — в некоторых лексически ограниченных случаях приименного употребления: *мужчина **среднего роста***, *товар **первого сорта***, *страна **озер***, *человек **дела***; 6) временнóе обстоятельственное значение — при назывании даты: *Это было **пятого мая***.

Лексико-грамматическая категория п р и н а д л е ж н о с т и выражается в Р.я., кроме формы родительного падежа с притяжательным значением, также

особыми притяжательными местоимениями (*мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чей*, *его*, *её*, *их*) и суффиксальными прилагательными (*отцов дом*, *дочкино платье*, *лисий хвост* и т. п.).

Дательный падеж выражает: 1) значение адресата — предмета, к которому направлено действие или для которого оно осуществляется: *дать книгу* ***товарищу***, *послать письмо* ***отцу***; 2) значение субъекта состояния — в безличных предложениях: ***Брату*** *нравится путешествовать*, ***Мне*** *стыдно*, *скучно*.

Основное значение винительного падежа — значение прямого объекта, т. е. объекта непосредственного приложения действия, состояния: *рисовать* ***картину***, *рубить* ***дрова***, *знать* ***английский язык***. Другие значения: 1) значение субъекта состояния — в безличных предложениях при некоторых глаголах: ***Больного*** *знобит*, *лихорадит*, ***Его*** *влекло на север*; 2) значение меры и степени проявления действия, состояния: *Пробыл в городе* ***неделю***, *Отдыхал* ***каждую зиму*** *в горах*, *весить* ***тонну***, *стоить* ***рубль***.

Творительный падеж выражает значения: 1) орудия действия: *писать* ***карандашом***, *разрезать хлеб* ***ножом***; 2) прямого объекта — при некоторых глаголах: *управлять* ***самолётом***, *наслаждаться* ***музыкой***, *заниматься* ***любимым делом***, *владеть* ***компьютером***; 3) предикативного определения — в функции именного сказуемого: *Он будет* ***врачом***, *Он стал* ***хорошим учителем***; 4) субъектное значение — в пассивной конструкции предложения: *Дом строится* ***бригадой*** *рабочих*, *Проект утверждён* ***комиссией***; 5) обстоятельственные значения: а) места: *ехать* ***полями***, *идти* ***лесом***; б) времени: *То было* ***раннею весной*** (А. К. Толстой), *Я знал его* ***ребёнком***; в) образа действия: *петь* ***басом***, *ходить* ***толпой***; г) меры и степени: *говорить о чём-либо* ***целыми днями***, *закупать картофель* ***мешками***; д) уточняющего признака — в приименной позиции: *земля, богатая* ***нефтью***, *высокий* ***ростом***.

Основные значения предложного падежа: 1) изъяснительное (разновидность объектного значения): *рассказывать* ***о прошлом***, *думать* ***о сыне***; 2) обстоятельственное значение места: *Жить* ***в лесу***, ***на даче***, *хоровой кружок* ***при клубе***.

Кроме шести основных падежей, в современном Р.я. сохранились остатки древнего звательного падежа, исторически вытесненного именительным: *Боже*, *Господи*, *отче*, ср. *Чего тебе надобно, старче?* (Пушкин).

2.3.5. В глаголе регулярно выражаются грамматические категориальные значения залога, вида, времени, наклонения, лица. Особенностями в выражении тех или иных глагольных категорий характеризуются лексико-грамматические разряды возвратных, переходных и непереходных, личных и безличных глаголов, способов глагольного действия, разряд парных глаголов движения; у части глаголов словообразовательно выражаются отношения каузативности.

Категорию з а л о г а образуют формы действительного (актив) и страдательного (пассив) залога; в активной конструкции предложения в позиции подлежащего стоит название действующего субъекта, а объект выражен формой винительного падежа (*Рабочие строят дом*), в пассивной конструкции предложения подлежащим выражен объект, испытывающий воздействие, а название действующего субъекта стоит в форме творительного падежа (*Дом строится рабочими*). Значение действительного залога не имеет специальных средств выражения. Значение страдательного залога выражается: 1) формами страдательных причас-

тий: а) у глаголов несовершенного вида — формами причастий настоящего времени: *любить* — *любим*, *любимый*, *носить* — *носим*, *носимый* и редко — формами причастий прошедшего времени: *читать* — *читан*, *читанный*, *звать* — *зван*, *званный*; б) у глаголов совершенного вида — формами причастий прошедшего времени: *прочитать* — *прочитан*, *прочитанный*, *строить* — *построен*, *построенный*; 2) глаголами с постфиксом *-ся*, стоящими в пассивной конструкции и мотивированными глаголами действительного залога без *-ся*; образование глаголов страдательного залога с помощью постфикса *-ся* характерно в основном для глаголов несовершенного вида: *читать* — *читаться*, *анализировать* — *анализироваться*, *демонстрировать* — *демонстрироваться*.

Все остальные глаголы с постфиксом *-ся* называются возвратными и относятся к действительному залогу. Возвратные глаголы имеют следующие основные значения: 1) собственно возвратное (действие производится субъектом, который является одновременно и объектом действия): *умываться*, *одеваться*, *купаться*; 2) взаимно-возвратное (действие совершается несколькими субъектами, каждый из которых является одновременно и объектом действия): *целоваться*, *обниматься*, *судиться*, *ссориться*; 3) безобъектно-возвратное (действие или состояние характерно для данного субъекта, является его свойством): *собака кусается*, *крапива жжётся*; *нитки плохие, рвутся*; *посуда бьётся*; 4) общевозвратное (действие совершается в самом субъекте, глаголы обозначают психическое или физическое состояние субъекта): *сердиться*, *радоваться*, *торопиться*; 5) косвенно-возвратное (действие совершается субъектом для себя, в своих интересах): *построиться* (в значении ʽпостроить себе домʼ), *прибираться*, *запастись*; 6) безличное: *хочется*, *(не) лежится*, *работается*. Возвратные глаголы *ложиться*, *садиться*, *становиться* образуют видовые пары с невозвратными глаголами *лечь*, *сесть*, *стать*.

Некоторые глаголы с постфиксом *-ся* близки по значению соответствующим глаголам без *-ся*. Например, глаголы, мотивированные глаголами со значением выявления признака (*белеть* ʽвиднеться (о белом)ʼ — *белеться* и т. п.), означают несколько менее четкое выявление признака по сравнению с тем, что названо мотивирующим глаголом: *вдали в темноте что-то неясно* ***белелось*** (или *белело*), но *на столе перед нами* ***белела*** (не *белелась*) *скатерть*.

Ряд возвратных глаголов не имеет соотносительных глаголов без постфикса *-ся*: *бояться*, *сомневаться*, *смеяться*, *нравиться*, *надеяться*, *гордиться*, *лениться*, *стараться*, *нездоровиться*, *смеркаться* и др. К возвратным глаголам относятся также глаголы, образованные с помощью префиксов и постфикса *-ся*. Они обозначают направление действия в пространстве: *разбрестись*, *сбежаться*; переход субъекта действия в какое-нибудь состояние: *доработаться*, *заслушаться*, *изнервничаться*, *нагуляться*, *отлежаться*, *проспаться*; протекание интенсивного действия во времени: *разгореться*, *отбегаться* и др. Все глаголы с постфиксом *-ся* (как страдательного, так и действительного залога) являются непереходными.

Глаголы страдательного залога с постфиксом *-ся* и формы страдательных причастий образуются главным образом от переходных глаголов (исключения составляют образования от некоторых непереходных глаголов, управляющих падежной формой с объектным значением: *управлять чем* — *управляться*, *управ-*

ляемый, *руководить кем/чем* — *руководимый*, *предводительствовать кем/чем* — *предводительствуемый*).

П е р е х о д н ы е глаголы — это глаголы, действие которых направлено на объект, выраженный словом в винительном (реже — родительном) падеже без предлога: *читать книгу*, *оплатить проезд*, *ждать поезда*; родительный падеж регулярен при глаголе с отрицанием: *не увидеть машины*, *не читать книги*. Все остальные глаголы — н е п е р е х о д н ы е. Непереходность у части глаголов выражена формально — с помощью постфикса *-ся*, а также суффиксов *-е-* (*белеть*), *-нича-* (*столярничать*), *-ствова-* (*учительствовать*). Переходность может быть выражена с помощью некоторых префиксов: *воевать* (неперех.) — *завоевать что-либо* (перех.), *хитрить* (неперех.) — *перехитрить кого-либо* (перех.), *спать* (неперех.) — *проспать что-либо* (перех.), *бежать* (неперех.) — *перебежать что-либо* (перех.) и др.

По отношению к глаголам общевозвратного значения с постфиксом *-ся* соответствующие переходные глаголы без постфикса выступают в функции каузативных, ср.: *крутиться* и *крутить* (делать так, чтобы кто-либо/что-либо крутился/крутилось), *катиться* и *катить*, *останавливаться* и *останавливать*, *торопиться* и *торопить*, *радоваться* и *радовать*, *сердиться* и *сердить*. У некоторых глаголов, главным образом обозначающих изменение состояния, имеются соотносительные каузативные глаголы с суффиксом *-и-*: *гаснуть* — *гасить* (делать так, чтобы что-либо гасло), *расти* — *растить*, *стынуть* — *студить*, *воскреснуть* — *воскресить*, *уснуть* — *усыпить*, *пить* — *поить* и др. Статальные глаголы положения в пространстве (*сидеть*, *стоять*, *лежать*, *висеть*) и однокоренные с ними глаголы, обозначающие переход в такое положение (*сесть* — *садиться*, *стать* — *становиться*, *лечь* — *ложиться*, *повиснуть* — *виснуть*), также имеют соотносительные каузативные глаголы, преимущественно с суффиксом *-и-*: *посадить* — *сажать* (и просторечное *садить*), *поставить* — *ставить*, *положить* — *класть*, *повесить* — *вешать*.

Безличные глаголы никогда не сочетаются с именительным падежом подлежащего. Эти глаголы представляют процесс как происходящий сам собой, независимо от деятеля, т. е. без действующего лица или предмета. Они имеют лишь часть глагольных форм: 1) инфинитива: *смеркаться*, *смеркнуться*, *знобить*, *зазнобить*, *хотеться*, *захотеться*; 2) 3-го лица единственного числа настоящего или будущего времени: *смеркается*, *будет смеркаться*, *смеркнется*; *знобит*, *будет знобить*; *хочется*, *будет хотеться*; *зазнобит*, *захочется*; 3) среднего рода единственного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения: *смеркалось*, *смерклось*; *знобило*, *зазнобило*; *хотелось*, *захотелось*; *если бы смерклось*, *знобило*, *зазнобило*, *хотелось*, *захотелось*.

Безличные глаголы часто образуются от личных с помощью постфикса *-ся*: *Я работаю* — *Мне (не) работается*. Они означают обычно: 1) состояние природы или живого существа: *светает*, *холодает*, *вьюжит*, *пуржит*, *снежит*, *стемнеет*, *лихорадит*, *першит*, *знобит*; *хочется*, *вздумается*, *дремлется*, *дышится*, *(не) лежится*, *нездоровится*; 2) долженствование: *следует*, *подобает*, *надлежит*; 3) наличие или отсутствие чего-либо: *(не) хватает*, *недостает*.

В противоположность безличным глаголам, не изменяющимся по лицам, все остальные глаголы относятся к разряду личных. Некоторые личные глаголы мо-

гут выступать в безличном употреблении: *От окна дует/дуло*, *Лодку перевернуло волной*.

Категория в и д а служит для выражения значений «ограниченное пределом целостное (не расчлененное на отдельные акты) действие» (совершенный вид) и «не ограниченное пределом нецелостное действие» (несовершенный вид). Пределом действия может быть завершение всего действия (*Он простоял два часа и ушёл*) или его части (*Он простоял два часа и продолжает стоять*), в том числе начальной (*он запел*). Целостность действий, выражаемых глаголами совершенного вида, проявляется в их невозможности сочетаться с фазовыми глаголами, называющими начало, конец или продолжение действия (ср. *начал*, *кончил*, *продолжал говорить* при невозможности **начал*, *кончил*, *продолжал сказать*).

Глаголы, отличающиеся друг от друга только значением вида, составляют видовую пару: *делать — сделать*, *переписать — переписывать*. Способностью образовывать видовые пары обладают только предельные глаголы, т. е. глаголы, выражающие действие, достигшее определенного предела (глаголы совершенного вида: *сделать*, *написать*, *построить*) или направленное к его достижению (глаголы несовершенного вида: *делать*, *писать*, *строить*). Непредельные глаголы (обозначающие действие, не достигшее предела и не направленное на его достижение) видовых пар не образуют: *лежать*, *спать*, *грустить*.

Видовые пары образуются с помощью префиксов или суффиксов. В отдельных случаях видовая пара состоит из слов, имеющих разные корни: *говорить — сказать*, *брать — взять*, *класть — положить*, *найти — находить*.

Для образования глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида используется префиксация: префиксы *вз-* (*кипятить — вскипятить*), *воз-* (*препятствовать — воспрепятствовать*), *вы-* (*лечить — вылечить*), *за-* (*минировать — заминировать*), *из-* (*мерить — измерить*), *на-* (*греть — нагреть*), *о-* (*чистить — очистить*), *об-* (*менять — обменять*), *от-* (*регулировать — отрегулировать*), *по-* (*красить — покрасить*), *под-* (*мести — подмести*), *при-* (*стыдить — пристыдить*), *про-* (*демонстрировать — продемонстрировать*), *раз-* (*будить — разбудить*), *с-* (*варить — сварить*), *у-* (*комплектовать — укомплектовать*).

Для образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида используется суффиксация (суффикс *-ива-/-ва-/-а-*): *переделать — переделывать*, *запеть — запевать*, *дать — давать*, *победить — побеждать*.

С помощью префиксов и суффиксов образуются также глаголы совершенного вида, отличающиеся от мотивирующего глагола несовершенного вида не только видовым, но и словообразовательным значением: *ехать — въехать*, *лететь — взлететь*, *петь — запеть*, *делать — переделать*, *толкать — толкнуть*. Подобные пары разновидовых глаголов не являются видовыми парами.

Ряд глаголов в зависимости от контекста может употребляться как в значении совершенного, так и несовершенного видов (двувидовые глаголы). Таковы, например, глаголы *ранить*, *женить*, *казнить*, *велеть*, *исследовать*, *использовать* и многие глаголы на *-овать* с заимствованной основой (*атаковать*, *нормализовать*, *командировать*, *активизировать* и т. п.).

Видовое значение глаголов может меняться в процессе словообразования с помощью префиксов, суффиксов и различных смешанных формантов (префикс + суффикс, префикс + постфикс), выражающих, помимо видового, значения раз-

личных способов действия, а также пространственные (*липнуть* — *прилипнуть*, *бежать* — *разбежаться* (в разные стороны), количественные (*сушить* — *иссушить*, *толстеть* — *растолстеть*) и др. значения.

Имеются следующие основные способы действия: начинательный (*загреметь*, *возненавидеть*, *подуть*, *взволноваться*, *разважничаться*); ограничительный (*погостить*, *поспать*); длительно-ограничительный (*проходить весь день*, *проболеть*; *перезимовать*, *пересидеть день*); окончательный (*отцвести*, *отшуметь*, *отвоеваться*); повторительный (*переделать*, *реорганизовать*, *воссоединить*); ограничительно-завершительный (*досидеть*); однократный (*толкнуть*, *сигануть*, *сглупить*, *сполоснуть*); уменьшительно-смягчительный (*вздремнуть*, *прихворнуть*, *соснуть*, *струхнуть*, *попить*, *подбодрить*, *приглушить*; *накрапывать*, *помалкивать*, *подпахивать*, *прихрамывать*); многократный (*хаживать*); прерывисто-смягчительный (*постукивать*); дистрибутивный (*переглотать*, *повывезти*); длительно-дистрибутивный (*раздумывать*); сопроводительный (*подыграть*, *присвистнуть*, *приговаривать*); интенсивно-кратный (*вытанцовывать*, *названивать*, *отстукивать*); интенсивно-результативный (*выпечь*, *иссушить*, *нагладить*, *открахмалить*, *перепугать*, *проварить*, *раскормить*, *выстояться*, *доработаться*, *забегаться*, *изнервничаться*, *наесться*, *объесться*, *отлежаться*, *прокашляться*, *спиться*, *упрыгаться*); накопительный (*напилить*, *настрелять*).

Связь способов действия с видом глагола проявляется в том, что значения одних способов исключают наличие видовых пар глаголов, относящихся к этим способам (ограничительный, однократный, многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-дистрибутивный, интенсивно-кратный), а значение других способов не препятствует этому (начинательный: *запеть* — *запевать*; длительно-ограничительный: *просидеть* — *просиживать*, *перезимовать* — *перезимовывать*; окончательный: *отцвести* — *отцветать*; повторительный: *перешить* — *перешивать*; уменьшительно-смягчительный: *подбодрить* — *подбадривать*, *приглушить* — *приглушать*, *прихворнуть* — *прихварывать*, *сполоснуть* — *споласкивать*; дистрибутивный: *перепачкать* — *перепачкивать*; ограничительно-завершительный: *докурить* — *докуривать*; интенсивно-результативный: *выпечь* — *выпекать*, *нагладить* — *наглаживать*, *проварить* — *проваривать*, *раскормить* — *раскармливать*, *объесться* — *объедаться*, *отлежаться* — *отлёживаться*, *прокашляться* — *прокашливаться*, *спиться* — *спиваться*; накопительный: *нахватать* — *нахватывать*).

Особое место в глагольной системе занимают парные глаголы движения — 14 пар глаголов несовершенного вида, обозначающих определенные виды перемещения: *идти* — *ходить*, *бежать* — *бегать*, *ехать* — *ездить*, *лететь* — *летать*, *плыть* — *плавать*, *тащить* — *таскать*, *катить* — *катать*, *нести* — *носить*, *вести* — *водить*, *везти* — *возить*, *ползти* — *ползать*, *лезть* — *лазить* (и *лазать*), *брести* — *бродить* и *гнать* — *гонять*. Первые члены этих пар (глаголы однонаправленного движения) обозначают действие, совершаемое в одном направлении и за один прием (без перерывов), вторые члены (глаголы неоднонаправленного движения, образованные с суффиксами -*а*-, -*и*-) — действие, совершаемое в разных направлениях либо регулярно повторяющееся в одном направлении; ср.: *Он идёт в школу* и *Он ходит по комнате*, *Он каждый день ходит в школу*; *Мы тащим брёвна* и *Мы таскаем брёвна в сарай*. Те и другие глаголы не

входят в видовые пары. От глаголов однонаправленного движения регулярно образуются глаголы совершенного вида с префиксом *по-* начинательного значения (*побежать*) и с разнообразными префиксами пространственных значений (*выбежать*, *добежать*, *перебежать*), причем последние регулярно образуют видовые пары (*перебежать — перебега́ть*, *добежать — добега́ть* и т. п.). От глаголов неоднонаправленного движения образуются префиксальные глаголы совершенного вида, относящиеся к временны́м и количественно-временны́м способам действия (*забе́гать*, *побегать*, *пробе́гать*, *набе́гать* и т. п.).

Видовые пары префиксальных глаголов движения имеют следующую особенность: от префиксальных глаголов совершенного вида, мотивированных глаголами *везти*, *вести*, *гнать*, *идти*, *нести*, *лететь*, глаголы несовершенного вида образуются по образцу соотношения однонаправленных и неоднонаправленных глаголов движения: *везти — возить* и *привезти — привозить*, *вести — водить* и *привести — приводить*, *гнать — гонять* и *пригнать — пригонять*, *идти — ходить* и *прийти — приходить*, *нести — носить* и *принести — приносить*, *лететь — летать* и *прилететь — прилетать*; от остальных префиксальных глаголов движения глаголы несовершенного вида образуются с помощью суффикса *-ива-/-ва-/-а-*: *прибежать — прибега́ть* (ср. *бежать — бе́гать*), *забрести — забредать* (ср. *брести — бродить*), *приехать — приезжать* (ср. *ехать — ездить*), *укатить — укатывать* (ср. *катить — катать*), *влезть — влезать* (ср. *лезть — лазить*), *уплыть — уплывать* (ср. *плыть — плавать*), *приползти — приполза́ть* (ср. *ползти — по́лзать*), *утащить — утаскивать* (ср. *тащить — таскать*).

Из спрягаемых форм глагола категорией в р е м е н и обладают только формы изъявительного наклонения. В современном Р.я. различаются спрягаемые формы настоящего времени (глаголов несовершенного вида), прошедшего времени (глаголов несовершенного и совершенного вида), будущего сложного (глаголов несовершенного вида) и будущего простого (глаголов совершенного вида). Образование форм времени см. в 2.4.0.

Формы настоящего времени обладают категориальным значением одновременности по отношению к грамматической точке отсчета. Основные его разновидности: 1) настоящее актуальное (действия, протекающего в момент речи): *Вот бегает дворовый мальчик* (Пушкин); 2) настоящее постоянного действия: *Волга впадает в Каспийское море*; 3) настоящее абстрактное (повторяющегося, обычного, типичного действия): *Он вечно опаздывает на занятия*.

Формы прошедшего времени имеют категориальное значение предшествования по отношению к грамматической точке отсчета. У глаголов несовершенного вида они обозначают действие в прошлом в процессе его протекания: *Раз в крещенский вечерок // Девушки гадали* (Жуковский) или в его неограниченной повторяемости: *Прежде он ложился спать очень рано*; для глаголов совершенного вида типичны значения аористическое (конкретный единичный факт в прошлом: *В этот момент в дверь постучали*) и перфектное (совершившееся в прошлом действие, результат которого относится к настоящему: *Ты озяб, согрейся*; *Я забыл, как называется эта статья*).

Формы будущего времени имеют категориальное значение временно́го следования после грамматической точки отсчета. Будущее сложное (глаголов несовершенного вида) обозначает будущее действие в процессе его протекания: *Се-*

годня я буду вечером смотреть телевизор или в его неограниченной повторяемости: *Мы будем встречаться каждый день*; будущее простое (глаголов совершенного вида) — конкретный единичный факт в будущем: *Он приедет через неделю*. Для будущего простого характерны также употребления, относящие действие в план настоящего — актуального с оттенком невозможности совершения действия: *Никак не найду карандаш* или абстрактного: *Если судьба* ***обрушится*** *раз на кого бедою, то ударам её и конца не бывает* (Достоевский).

В переносных употреблениях формы настоящего времени могут обозначать: 1) прошлое действие («настоящее историческое» как прием актуализации прошедших событий): *В 1825 году происходит восстание декабристов* и 2) намеченное будущее действие: *Я будущей зимой уезжаю за границу* (Тургенев). Формы прошедшего времени глаголов совершенного вида в разговорной речи могут обозначать ближайшее будущее действие: *Ну, я поехал!* и действие как неизбежное следствие другого действия: *Если не подойдёт подкрепление, мы погибли*. Формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида в эмфатически окрашенных контекстах могут употребляться в значении настоящего времени: *Боялся я его, как же!*; *Плевал я на сплетни*. Формы будущего простого экспрессивно выражают (в сочетании с частицей *как*) внезапное действие в прошлом: *Вдруг как ударит гром! А он как вскочит!*

Кроме спрягаемых форм глагола, формами времени — настоящего (только у глаголов несовершенного вида) и прошедшего (у глаголов обоих видов) — обладают в Р.я. причастия (см. 2.4.0.).

Выделяются н а к л о н е н и я: изъявительное, повелительное и сослагательное.

Значение изъявительного наклонения выражается формами настоящего, прошедшего и будущего времени, обозначающими действие, реально осуществляющееся в настоящем, прошедшем или будущем: *читаю*, *читал*, *буду читать*, *почитаю*, *почитал* и т. д. В своих вторичных функциях формы изъявительного наклонения могут выражать значения повелительного наклонения (побуждение к действию: *Ты сейчас же пойдёшь и начнёшь работать*; *Кончили разговоры!*) и сослагательного наклонения (возможное действие: *Я свободный человек — захотел и ушёл*).

Повелительное наклонение имеет формы 2-го лица единственного и множественного числа и так называемые «формы совместного действия» (см. 2.4.0.): *читай*, *читайте*, *давай(те) читать*, *почитай*, *почитайте*, *(давайте) почитаем* и т. д. Побуждение, направленное к тому (тем), кто не является ни собеседником, ни говорящим, выражается сочетанием частиц *пусть (пускай)* или *да* (в высоком стиле) с формами 3-го лица единственного или множественного числа настоящего (будущего) времени: *Пусть он читает*; *Пусть они уйдут*; *Да будет мир!*. Формы, совпадающие с формами 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения, употребляются в определенных синтаксических конструкциях для выражения значений, отличных от значения побуждения: 1) значения обусловливающего действия: *Сообщи он об этом вовремя*, *ничего бы не случилось*; 2) значения неожиданного и нежелательного действия в прошлом: *Он вдруг возьми и побеги*.

Формы сослагательного наклонения (*читал бы*, *читали бы*, *почитала бы*, *почитали бы* и т. д.), кроме собственных значений предположительности или воз-

можности действия, могут выражать побуждение к действию: в конструкциях типа *Чтоб ты больше не приходил сюда!*, в изъяснительных сложных предложениях типа *Сказал ему*, *чтобы он не приходил сюда*.

2.3.6. К д е й к т и ч е с к и м средствам в Р.я. относится разветвленная система местоименных слов — личных местоимений, местоимений с указательным или замещающим значением, местоименных наречий, а также местоименных слов, выполняющих одновременно вопросительную, указательную и связующую функции. Личные местоимения: *я*, *ты*, *он*/*она*/*оно*, *мы*, *вы они*; возвратное *себя*; взаимно-возвратное *друг друга*; выделительное *сам*; указательные: *этот*, *это*, *тот*, *такой* и др.; вопросительно-относительные: *кто*, *что*, *какой*, *который*, *чей* и др.; местоименные наречия: *там*, *здесь*, *тут*, *тогда*, *где*, *куда*, *откуда*, *зачем* и др. Многие местоименные слова совмещают в себе функцию указательных, замещающих слов с функцией частиц, в свою очередь часто развивающих в себе признаки союзных слов. Все эти местоименные слова, представляющие собой в современном Р.я. практически непополняемую систему, распределяют между собой функции указания на предмет (включая лицо), его признак, локализацию, темпоральную характеристику его действий или состояний, значения разнообразных отношений (по причине, следствию, условию, назначению и др.).

Помимо собственно дейктической функции, местоименные слова регулярно выполняют функцию связующих средств в структуре сложного предложения и целого текста. Они или связывают части сложных конструкций, или соотносят отдельные, иногда непосредственно не соседствующие, фрагменты текста. Таким образом, местоименные слова совмещают в себе два вида значений: максимально абстрактное лексическое значение («то, на что указывается», «то, о чем говорится», «то, что известно или неизвестно») и служебное значение синтаксической «связки». Например, в случае *Жар такой, что на песке горят следы* местоименное слово *такой* одновременно указывает на признак подлежащего и соединяет (совместно с союзом *что*) две части сложного предложения; во фрагменте текста *Он весел. У него опять удача. Это придаёт ему силы* местоименное слово *это* одновременно указывает на субъект, стимулирующий собою состояние, и связывает части текста таким образом, что они образуют содержательно нерасчленяемое единство.

Указание на л и ц о, кроме личных местимений, берут на себя личные формы глагола (формы настоящего и будущего времени), а также — в определенных ограниченных условиях (о выражении личности см. 2.3.2.) — имена существительные.

О п р е д е л е н н о с т ь / н е о п р е д е л е н н о с т ь выражается лексически — внутри класса местоименных слов. Так, противопоставлены по значению определенности/неопределенности дейктические комплексы *этот*, *тот*, *кто* (в относительном значении) — *кто-то*, *кое-кто*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, *некто*; *столько*, *сколько* (в относительном значении) — *сколько-то*, *сколько-нибудь*, *несколько*, *столько-то*; *это*, *то*, *что* (в относительном значении) — *что-то*, *коечто*, *что-нибудь*, *что-либо*, *нечто*; *такой*, *какой* (в относительном значении), *который* (в относительном значении) — *какой-то*, *кое-какой*, *какой-нибудь*, *какой-либо*, *некий*, *некоторый*; *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *его*, *её*, *их*, *чей* (в относительном значении) — *чей-то*, *чей-нибудь*, *чей-либо*; *там*, *здесь*, *тут*, *где* (в относительном значении) — *где-то*, *кое-где*, *где-нибудь*, *где-либо*, *там-то и там-то*,

там и сям, *там-сям*; *туда*, *куда* (в относительном значении) — *куда-то*, *кое-куда*, *куда-нибудь*, *куда-либо*; *тогда*, *теперь*, *сейчас*, *когда* (в относительном значении) — *когда-то*, *кое-когда*, *когда-нибудь*, *когда-либо*, *некогда* (в значении ʽкогда-то’).

Внутри некоторых комплексов, выражающих определенность, дейктические слова противопоставляются по значению близости/отдаленности (*этот* — *тот*, *здесь* — *там*, *сейчас* — *тогда*), а внутри комплексов, выражающих неопределенность, выявляются оттенки значений, вносимые соответствующими словообразовательными средствами (постфиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь*, префиксами *кое-*, *не-*).

Значение неопределенности выражается также синтаксически — специальными типами предложений: так называемые неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения (*В дверь стучат*; *Теперь его не вернёшь/не вернуть*) в целом противопоставлены определенно-личным предложениям. Однако и эти последние в силу специфики своей структуры могут выражать неопределенность, предоставив те или другие синтаксические позиции соответствующим дейктическим словам: *Некоторые недоумевают*; *Кто-то опоздал*; *Отправлюсь куда-нибудь*; *Ты сегодня какой-то не такой*; *Некоторые почему-то обиделись*.

В р е м я выражается в Р.я. морфологически и синтаксически (и тому, и другому способам в целом противопоставлены разнообразные лексические средства выражения временны́х значений). Морфологическая система времен и ее соотношение с видовыми значениями описаны в 2.3.5. и 2.4.0. К синтаксическим временны́м значениям относятся все так называемые синтаксические времена, выражаемые парадигматическими изменениями предложений на временно́й оси: синтаксическое настоящее, синтаксическое прошедшее и синтаксическое будущее время, в целом противопоставленные временно́му значению ирреальности (или временно́й неопределенности), заключенному в синтаксических формах сослагательности, императива, желательности и долженствования. Формальными способами выражения синтаксических времен являются: значимое отсутствие глагольного слова (в безглагольных предложениях), формы знаменательных, полузнаменательных и служебных глаголов, специальные синтаксические частицы, в некоторых случаях — порядок слов, закрепленный за данным синтаксическим временны́м значением. В структуре сложной конструкции синтаксические времена осложняются значениями абсолютности и относительности, т. е. выступают как относящиеся либо непосредственно к реальному временно́му плану сообщаемого (абсолютное время), либо к абсолютному времени, представленному в другой части предложения (относительное время): *Он сказал* (абсолютное время), *что уедет завтра* (относительное время), *Вчера было холодно* (абсолютное время), *оттого и простуда* (относительное время).

О т р и ц а н и е выражается: словообразовательно (префиксами *не-*, *без-*, *анти-* и др.); специальными лексемами (частицы *не*, *ни*, *нет*); местоименными словами (*никто*, *нигде*, *никуда*, *ниоткуда*, *нечего*, *некого*, *неоткуда*); специальными конструкциями предложения (*Нет времени*; *Ни души*; *Нигде никого*) (см. 2.5.3.); некоторыми фразеологизмами; интонацией. В словообразовании и морфологии достаточно регулярно выступают противопоставленные друг другу единицы с префиксом *не-* и без него (*интересно* — *неинтересно*, *умный* — *неумный*, *правда* — *неправда*), с частицей *не* и без нее (*гулял* — *не гулял*, *работает* — *не рабо-*

тает, *очень* — *не очень*). В предложении отрицательные слова участвуют в формировании сказуемого (общее отрицание) или других членов предложения (частное отрицание): *Он не учится*; *Он не поэт*; *Отец не на работе*; *Купил автомобиль не новый*, *но хороший*. Характерная черта Р.я. — возможность соединения в структуре предложения нескольких отрицаний и/или слов с отрицательным значением: *Нигде и никогда не видал ничего подобного*; *Никто не стал ни спорить*, *ни возражать*; *Нигде не видно ни души*.

2.3.7. Традиционным и наиболее широко принятым является деление слов по семантико-грамматическим признакам на десять классов (частей речи): шесть знаменательных, три служебных и междометие.

Знаменательные слова подразделяются на: 1) слова, называющие предметы, признаки, количества; к ним относятся имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол и наречие; 2) слова, указывающие на предметы, признаки, количества, но не называющие их (местоимение).

Среди знаменательных частей речи наиболее четко противопоставлены по всей совокупности различительных признаков частей речи — семантически, морфологически и синтаксически — имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие.

С у щ е с т в и т е л ь н о е — часть речи, обозначающая предмет и выражающая это значение в морфологических категориях рода (несловоизменительной), числа и падежа (словоизменительных). Синтаксические функции существительного, как и других знаменательных частей речи, могут быть охарактеризованы с формальной и семантической точек зрения. Формальные (собственно структурные) синтаксические функции существительного — это функции подлежащего, именного сказуемого и дополнения. Существительное синтаксически подчиняет себе согласуемое определение; существительное-подлежащее координируется со сказуемым (глаголом или именем); существительное в формах косвенных падежей (в сочетании с предлогом или без него) управляется глаголом или именем либо примыкает к нему (падежное примыкание), а также выполняет роль разнообразных определителей, в том числе как приложение. К семантическим функциям существительного в предложении относятся функции выражения субъекта действия или состояния, объекта действия или состояния, предикативного признака, атрибута, обстоятельственного квалификатора.

П р и л а г а т е л ь н о е выражает значение непроцессуального признака в морфологических категориях рода, числа и падежа (словоизменительных). Качественные прилагательные обладают, кроме того, категорией степени сравнения (строящейся как противопоставление трех рядов форм — положительной, сравнительной и превосходной степени), а среди форм положительной степени у них выделяются формы полные и краткие. Последние, выступая только в предикативной и в полупредикативной функциях, в современном языке имеют лишь формы именительного падежа (*высокий* — *высок*, *высока*, *высоко*, *высоки*). Основные формальные синтаксические функции прилагательного — согласованное определение при существительном и именное сказуемое; основные семантические функции в предложении — выражение атрибута и предикативного признака.

Г л а г о л как часть речи, обозначающая процессуальный, протекающий во времени признак (действие или состояние), обладает морфологическими катего-

риями вида (несловоизменительной), залога (частично несловоизменительной, частично же словоизменительной), наклонения, времени, лица (в прошедшем времени и сослагательном наклонении — рода) и числа (словоизменительными). Названный состав категорий в целом характерен для спрягаемых (предикативных) форм глагола, выполняющих в предложении формальную синтаксическую функцию сказуемого, координируемых в этой функции с именем-подлежащим и управляющих именем-дополнением. Исходная форма глагольной парадигмы — инфинитив, по своим разнообразным синтаксическим функциям сближающийся с именем существительным, обладает только категориями вида и залога. Особое место в полной глагольной парадигме занимают так называемые атрибутивные формы — причастия и деепричастие, носящие «гибридный» характер. Причастия совмещают признаки глагола (категории вида, залога, времени — настоящего и прошедшего, глагольное управление) и прилагательного (словоизменительные категории рода, числа и падежа, формально-синтаксическая функция согласованного определения, у страдательных причастий — краткие формы и функция сказуемого). Деепричастие совмещает признаки глагола (категории вида, залога, способность выражать относительное время, глагольное управление) и наречия (неизменяемость, формально-синтаксическая функция обстоятельства). Как причастия, так и деепричастие, обозначая дополнительное, сопровождающее действие при основном действии, выраженном глаголом-сказуемым, выступают в роли полупредикативных членов предложения, конструирующих обособленные его части (причастный и деепричастный обороты). В системе семантических категорий предложения глагол занимает центральное место: его спрягаемые формы сосредоточивают в себе весь комплекс значений, принадлежащих предикату (значения времени, наклонения, личности/безличности); атрибутивные формы глагола совмещают эти категориальные значения со значениями атрибутивными и квалифицирующими; инфинитив характеризуется способностью в разных синтаксических условиях выражать любое из этих значений, а также — в позиции подлежащего — значение субъекта в максимально абстрагированном его понимании.

Н а р е ч и е, называя признак признака, выступает в предложении в формально-синтаксической функции обстоятельства, примыкающего к глаголу (*Он приехал вчера*), прилагательному (*чрезвычайно важная новость*) или другому наречию (*встретил по-московски гостеприимно*) или распространяющего предложение в целом (*До́ма — радость*). Называя признак предмета, наречие выступает в функции несогласованного определения (*дорога домой*) либо некоординируемого сказуемого (*Отец — до́ма*). Особое место занимают так называемые предикативные наречия, выступающие в роли главного члена однокомпонентных безличных предложений типа *Ему весело*; *Мне больно*. Словоизменением обладают только качественные (отадъективные) наречия с суффиксом *-о*, обладающие, как и прилагательные, категорией степени сравнения: наряду с основной формой (положительной степенью) они имеют форму сравнительной степени, образуемую так же, как форма сравнительной степени соответствующего прилагательного: *быстро — быстрее*, *крепко — крепче*, *Мне грустно — ему ещё грустнее*. С семантической точки зрения наречия выступают в предложении в функции атрибута или квалификатора, а предикативные наречия обозначают предикативный

признак, в сочетании со вспомогательным глаголом способный наполняться синтаксическими значениями времени и наклонения.

Границы числительного и местоимения как отдельных частей речи менее определенны, поскольку различительные признаки частей речи представлены в них менее четко. В пределах имен числительных порядковые числительные по своим морфологическим и синтаксическим признакам не отличаются от прилагательных; с количественными числительными их объединяет только семантическая общность (количественное или счетное значение), а также формальная выводимость порядковых числительных из количественных и структурный параллелизм соотносительных составных наименований. Морфологически и синтаксически обособлены лишь количественные числительные (собственно количественные и так называемые собирательные): их характеризуют изменяемость только по падежам (кроме слов *один*, *два*, *оба*, *полтора*) и различие синтаксических связей с существительным в разных падежных формах: в именительном и винительном падеже — управление существительным (*пять книг*), а в остальных — согласование с ним (*пяти книгам*, *пятью книгами*).

Класс слов, объединяемых указательной семантикой, — местоименных слов (см. 2.3.6.) не обладает морфологическим и синтаксическим единством. По морфологическим и синтаксическим признакам так называемые местоимения-существительные (*я*, *ты*, *он*, *себя*, *кто*, *что* и др.) близки к именам существительным, а так называемые местоименные прилагательные (*какой*, *чей*, *который*, *тот*, *весь*, *сам* и др.), местоименные числительные (*столько*, *несколько* и др.) и местоименные наречия (*где*, *куда*, *когда*, *там*, *потому* и др.) не отличаются соответственно от имен прилагательных, количественных числительных, наречий. Однако местоимения-существительные по своим морфологическим свойствам (изменяемость только по падежам, кроме слова *он*; особые флексии, у некоторых слов — падежный супплетивизм) более специфичны, что позволяет с наибольшими основаниями выделять их в особую часть речи.

Спорным остается вопрос о выделении в качестве особой знаменательной части речи так называемых предикативов, или слов «категории состояния» (кроме вышеупомянутых предикативных наречий, к ним относят формы существительных *лень*, *пора*, *грех* и т. п. в предложениях типа *(Ему) пора ехать*, *(Мне) лень работать*). Некоторые грамматисты выделяют в отдельные части речи причастие и деепричастие как особые отглагольные слова. Напротив, качественные наречия (типа *быстро*, *смéло*) иногда рассматриваются не как отдельные слова, а как особые формы качественных прилагательных.

К служебным частям речи относятся слова лексически несамостоятельные, служащие, во-первых, для выражения различных синтаксических отношений и, во-вторых, для образования аналитических форм слова и для выражения синтаксических и модальных значений предложения. К первым относятся предлоги, выражающие различные отношения имен существительных (или других слов, выступающих в синтаксической функции существительного) к словам, которым они синтаксически подчинены, и союзы, выражающие связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а иногда и между членами простого предложения; ко вторым — частицы.

С о ю з ы в современном Р.я. представляют собой активно пополняющуюся систему: наряду с исконными простейшими союзами, одиночными или повторяющимися, существует множество новообразований, сложившихся как на базе знаменательных и дейктических слов (*в зависимости от того, что*; *в результате того, что*; *благодаря тому, что*; *несмотря на то, что*; *с той целью, чтобы* и т. п.), так и на базе предлогов в сочетании с дейктическими словами (*до того, как*; *из-за того, что*; *ради того, чтобы*; *вроде того, как*; *вследствие того, что* и т. п.).

М е ж д о м е т и я как особый класс слов ничего не называют и служат для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на те или иные явления действительности. С синтаксической точки зрения междометия выступают в качестве эквивалента высказывания: *“Э!” — сказали мы с Петром Ивановичем* (Гоголь), модального компонента предложения: *Ох как устал!*, сказуемого: *Татьяна — ах!* (Пушкин), *Характер у него ой-ой-ой!*.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

В склонении существительных выделяют три типа. Различие типов склонения наиболее выражено в формах единственного числа. К I склонению относятся существительные мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа: *стол*, *конь*; среднего рода с флексией -/о/ (орф. *-о* и *-е*): *окно*, *поле*; мужского рода с той же флексией: *домишко*, *волчище*, *подмастерье*. Ко II склонению относятся существительные женского, мужского и общего рода с флексией -/а/ (орф. *-а* и *-я*) в именительном падеже единственного числа: *карта*, *земля*, *юноша*, *сирота*. К III склонению относятся: 1) существительные женского рода с основой на мягкую согласную или на шипящую и с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа: *область*, *ночь* и т. п.; 2) существительное мужского рода *путь*; 3) существительные среднего рода *бремя*, *время*, *вымя*, *знамя*, *имя*, *племя*, *пламя*, *семя*, *стремя*, *темя* и *дитя*.

I склонение

Падеж	**Ед. число**				
	Флексии				
Им.	-∅, -/о/	*стол*	*конь*	*окно*	*поле*
Род.	-/а/	*стола*	*коня*	*окна*	*поля*
Дат.	-/у/	*столу*	*коню*	*окну*	*полю*
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	= им. п.	= род. п.	= им. п.	
Твор.	-/ом/	*столом*	*конём*	*окном*	*полем*
Предл.	-/е/	*(о) столе*	*(о) коне*	*(об) окне*	*(о) поле*

II склонение

Падеж	**Ед. число**			
	Флексии			
Им.	-/а/	*карта*	*земля*	*сирота*
Род.	-/и/	*карты*	*земли*	*сироты*
Дат.	-/е/	*карте*	*земле*	*сироте*
Вин.	-/у/	*карту*	*землю*	*сироту*
Твор.	-/oj/, -/ojу/	*картой, -ою*	*землёй, -ёю*	*сиротой, -ою*
Предл.	-/е/	*(о) карте*	*(о) земле*	*(о) сироте*

III склонение

Падеж	**Ед. число**			
	Флексии			
Им.	-∅, -/а/	*степь*	*путь*	*имя*
Род.	-/и/	*степи*	*пути*	*имени*
Дат.	-/и/	*степи*	*пути*	*имени*
Вин.	= им. п.			
Твор.	-/jу/, -/ом/	*степью*	*путём*	*именем*
Предл.	-/и/	*(о) степи*	*(о) пути*	*(об) имени*

П р и м е ч а н и е: Орфографические варианты флексий (например, *-а* и *-я*) здесь и далее не указываются, но отражаются в примерах.

Многие существительные I склонения мужского рода, вещественного, собирательного и абстрактного значения, имеют в родительном падеже, наряду с обычной флексией *-а*, флексию *-у*: *народу*, *чаю*, *сахару*, *шуму*, *воздуху*, *киселю*, *шёлку* и т. п., чаще всего в количественно-ограничительном значении: *мало народу*, *килограмм сахару*, *чашка чаю*.

Многие существительные I склонения мужского рода в предложном падеже имеют ударную флексию *-ý*, употребляющуюся при обозначении объекта, в пределах которого совершается действие, с предлогами *в* и *на*: *в лесý*, *в прудý*, *на полý*, *на берегý*, *в годý*, *на светý*, *в бою́*, *в аэропортý* и т. п. Аналогичную роль играет ударная флексия предложного падежа *-и́* некоторых слов III склонения женского рода: *в крови́*, *в степи́*, *в тени́*, *на двери́*, *в тиши́*, *в ночи́* и т. п. (но *о крóви*, *о нóчи*).

Существительные I склонения мужского рода на *-ий* и среднего рода на *-ие* в предложном падеже и существительные II склонения на *-ия* в дательном и предложном падеже имеют флексию *-и*: *санаторий — о санатории*, *линия — линии*, *о линии*, *знание — о знании*, *житиé — о житии́*; сюда же: *забытьё — в забытьи́*.

В творительном падеже существительные I склонения среднего рода *бытиé* и *житиé* имеют флексию *-éм*: *бытиéм*, *житиéм*, а существительное III склонения *дитя* — флексию *-ей*: *дитятей*.

Существительные на *-ишко* и *-ище* типа *домишко*, *письмишко*, *домище*, *бычище* образуют вариантные формы косвенных падежей по I и II склонениям: род. п. *домишка* и *домишки*, дат. п. *домишку* и *домишке*, твор. п. *домишком* и *домишкой*.

В творительном падеже существительных II склонения вариант флексии *-ою* более свойствен книжной речи и широко употребителен в поэзии.

Падеж	**Мн. число**						
	Флексии	Мужской род			Средний род		
Им.	-/и/, -/а/, -/е/	*столы*	*кони*	*бояре*	*окна*	*поля*	*имена*
Род.	-/ов/, -/еj/, -∅	*столов*	*коней*	*бояр*	*окон*	*полей*	*имён*
Дат.	-/ам/	*столам*	*коням*	*боярам*	*окнам*	*полям*	*именам*
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	= им. п.	= род. п.		= им. п.		
Твор.	-/ам’и/, -/м’и/	*столами*	*конями*	*боярами*	*окнами*	*полями*	*именами*
Предл.	-/ах/	*(о) столах*	*(о) конях*	*(о) боярах*	*(об) окнах*	*(о) полях*	*(об) именах*

Падеж	**Мн. число**				
	Флексии	Женский род, общий род			
Им.	-/и/, -/а/, -/е/	*карты*	*земли*	*сироты*	*степи*
Род.	-/ов/, -/еj/, -∅	*карт*	*земель*	*сирот*	*степей*
Дат.	-/ам/	*картам*	*землям*	*сиротам*	*степям*
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	= им. п.		= род. п.	= им. п.
Твор.	-/ам’и/, -/м’и/	*картами*	*землями*	*сиротами*	*степями*
Предл.	-/ах/	*(о) картах*	*(о) землях*	*(о) сиротах*	*(о) степях*

По системе форм множественного числа склоняются все слова pluralia tantum: *ворота* — как *окна*, *сани* — как *степи*, *штаны* — как *столы*, *сутки* — как *карты* и т. д.

Часть существительных I склонения мужского рода имеет в именительном падеже множественного числа флексию *-а*. К ним относятся: слова с суффиксами /j/ и *о*/в’j/ во множественном числе: 1) *стулья*, *друзья*, *сыновья*; 2) слова с суффиксами *-онок*/*-ат(а)*, *-ок*/*-ат(а)*: *ребята*, *гусята*, *чертенята*; 3) слова *господин* — мн. ч. *господа* и *хозяин* — мн. ч. *хозяева*; 4) ряд слов с ударной флексией *-а*, имеющих односложную основу: *годá*, *бокá*, *домá*, *краń*, *шелкá* и др., а также двусложную и трехсложную основу, преимущественно с ударением в единственном числе на втором от конца слоге: *áдрес* — мн. ч. *адресá*, *пóвар* — мн. ч. *поварá*, *учúтель* — мн. ч. *учителя́*, *дирéктор* — мн. ч. *директорá* и т. п.; у этих слов встречаются вариантные формы с флексией *-и*: *годы*/*года*, *тракторы*/*трактора*, *инспекторы*/*инспектора*.

Следующие слова I склонения мужского рода имеют в именительном падеже множественного числа флексию *-е*: 1) все слова на *-анин*/*-ан(е)*: *молдаване*, *крестьяне*; 2) *цыган* — *цыгане*, *боярин* — *бояре*, *барин* — *баре* (наряду с *бары*).

Следующие слова I склонения среднего рода имеют в именительном падеже множественного числа флексию *-и*: 1) слова на *-ко*: *яблоки*, *очки*, *пёрышки*, *личики* и т. п. (исключения: *войска*, *облака*, *облачка*); 2) слова *колени*, *плечи*, *очи*, *уши*, *брюхи*.

Слова на *-ишко* типа *домишко*, *письмишко* имеют формы именительного падежа множественного числа с флексией *-и* и родительного падежа с нулевой флексией: им. п. *домишки*, род. п. *домишек*. Слова на *-ище* типа *домище* имеют вари-

антные формы именительного падежа множественного числа с флексиями *-а* и*-и* (у слов одушевленных типа *бычище* — только *-и*) и форму родительного падежа множественного числа с нулевой флексией: им. п. *домища*/*домищи*, род. п. *домищ*.

Общая закономерность выбора нулевой и ненулевой (*-ов* или *-ей*) флексий в родительном падеже множественного числа: у слов с нулевой флексией в именительном падеже единственного числа — флексия в родительном падеже множественного числа ненулевая, у слов с ненулевой флексией в именительном падеже единственного числа — нулевая.

Часть слов I склонения мужского рода имеет в родительном падеже множественного числа, как исключение, нулевую флексию. Сюда относятся: 1) слова с флексией *-е* в именительном падеже множественного числа: *крестьян*, *армян*, *бояр*; 2) слова на *-онок*/*-ат(а)*, *-ок*/*-ат(а)*: *ребят*, *гусят*, *чертенят*; 3) некоторые названия парных предметов: *ботинок*, *сапог*, *чулок*, *манжет*, *погон*, *глаз*; 4) названия единиц измерения: *грамм*, *ватт*, *вольт* и др.; 5) слова *человек* (в сочетании с числительными: *пять человек* и т. п.), *партизан*, *солдат*, *румын*, *болгар*, *татар* и некоторые другие названия национальностей; 6) слова *мужей*, *друзей*, *князей*, *сыновей* (*-ей* здесь принадлежит основе, ср.: им. п. *дру*/з'j/*а* — род. п. *друзей*). У некоторых слов есть вариантные формы на *-ов*: *сапогов*, *погонов*, *граммов*, *румынов*.

Флексия родительного падежа множественного числа *-ей* выступает после парных мягких согласных и шипящих (*ножей*, *жителей*, *полей*), но не после согласной /j/ (ср.: им. п. ед. ч. *музей* — род. п. мн. ч. *музеев*, им. п. ед. ч. *подмастерье* — род. п. мн. ч. *подмастерьев*, им. п. ед. ч. *событие* — род. п. мн. ч. *событий*, им. п. ед. ч. *судья* — род. п. мн. ч. *судей*). Среди слов II склонения флексию *-ей* имеют лишь некоторые слова, преимущественно с основой на сочетание согласных: *кеглей*, *саклей*, *цаплей*, *чукчей*, *пригоршней*, *сводней* и т. п., а также несколько слов мужского рода: *юношей*, *дядей*, *офеней*, *раджей*. Возможны вариантные формы на *-ей* и *-∅*: *свечей* и *свеч*, *простыней* и *простынь*.

Из слов I склонения среднего рода форму родительного падежа множественного числа на *-ов* имеют слова: 1) с наращением основы /j/ во множественном числе: *деревьев*, *перьев*; 2) с основой на согласную + *к*: *очков*, *озерков*; 3) на *-ико*: *колесиков*, *плечиков*; 4) *древков*, *облаков*, *облачков*, *судов* (*судно* 'корабль').

Формы одушевленных существительных в винительном падеже множественного числа в конструкциях со значением приобщения ко множеству лиц (*выбрать в депутаты*, *пойти в матросы*, *в работницы*) совпадают с формой именительного падежа единственного числа.

Следующие слова в творительном падеже множественного числа имеют флексию *-ми́*: *дочерьми*, *лошадьми*, *дверьми* (наряду с вариантами *дочерями*, *лошадями*, *дверями*), *людьми*, *детьми*.

Образование падежно-числовых форм существительных может сопровождаться линейными различиями основ. Сюда относятся:

1. Мена суффиксов основ: а) в словах I склонения *-онок* во множественном числе заменяется на *-ат(а)*: *волчонок* — мн. ч. *волчата*, *маслёнок* — мн. ч. *маслята* и т. п.; б) в словах *чертёнок*, *бесёнок*, *лисёнок* и *щенок* во множественном числе вместо *-ок* — *-ат(а)*: *чертенята*, *бесенята*, *лисенята* (наряду с *лисята*), *щенята* (наряду с *щенки*); в) особый случай: *хозяин* — мн. ч. *хозяева*.

2. Расширение основ за счет суффиксов, отсутствующих в основе именительного падежа единственного числа: а) в ряде слов I склонения во множественном числе основа расширяется суффиксом /j/ — в словах мужского рода: *брат* — мн. ч. *братья*, *кол* — мн. ч. *колья*, аналогично *брус*, *друг*, *зуб* (вил, грабель и т. п.), *зять*, *деверь*, *камень* (*каменья* наряду с *камни*), *клин*, *клок*, *князь*, *колос*, *ком*, *крюк*, *лист* (дерева), *лоскут*, *муж* (‘супруг’), *обод*, *повод* (в упряжи), *полоз*, *прут*, *собрат*, *струп*, *стул*, *сук*; в словах среднего рода: *дерево* — мн. ч. *деревья*, *дно* (бочки) — мн. ч. *донья*, *звено*, *колено* (‘сочленение’), *крыло*, *перо*, *помело*, *шило*; при этом перед /j/ чередуются /к/ ~ /ч/ (*клок* — мн. ч. *клочья*, *сук* — мн. ч. *сучья*) и /г/ ~ /з’/ в слове *друг* — мн. ч. *друзья*; б) в словах *сын* — мн. ч. *сыновья* и *кум* — мн. ч. *кумовья* — основа множественного числа с суффиксом *о*/в’j/; в) в словах III склонения на *-мя* во всех формах, кроме именительного падежа единственного числа, суффикс *-ен-* (род. п. мн. ч. *времён*, род. п. ед. ч. *времен-и* и т. п.) или *-ян-* (в словах *семя* и *стремя*, ср.: род. п. мн. ч. *семян* и *стремян*); г) в словах *мать* и *дочь* во всех формах (кроме именительного падежа единственного числа) — суффикс *-ер-*: *матери*, *дочери*; д) в словах *небо* и *чудо* во множественном числе суффикс *-ес-*: *небеса*, *чудеса*; е) в косвенных падежах слова *дитя* суффикс *-ят-*: *дитяти*, *дитятей* (устар. формы); ж) в сложных словах с первым компонентом *пол-* возможны формы всех падежей, кроме именительного и винительного падежа единственного числа, с интерфиксом *-у-*: им. п. *полдень* — род. п. *полудня*, им. п. *полведра* — род. п. *полуведра*, дат. п. *полуведру* и т. п.

3. Усечение основы именительного падежа единственного числа в других формах за счет суффиксов: а) слова мужского рода на *-анин* имеют во множественном числе основу на *-ан(е)*, без суффикса *-ин*: *горожанин* — им. п. мн. ч. *горожане*, дат. п. мн. ч. *горожанам* и т. п.; б) то же усечение происходит в словах *барин* — мн. ч. *бары* и *баре*, *боярин* — мн. ч. *бояре*, *болгарин* — мн. ч. *болгары*, *татарин* — мн. ч. *татары*, *господин* — мн. ч. *господá*, *шурин* — мн. ч. *шурья́*; в) особые случаи: *судно* — мн. ч. *суда*, *цветок* — мн. ч. *цветы*, *курица* — мн. ч. *куры*.

4. Супплетивные основы в словах: *ребёнок* — мн. ч. *дети*, *человек* — мн. ч. *люди*, *год* — род. п. мн. ч. *лет*.

Особое место по характеру склонения занимают:

— существительные адъективного склонения, имеющие флексии прилагательных: *портной*, *лесничий*, *запятая*, *мостовая*, *насекомое*, *ничья* и т. п., включая субстантивированные прилагательные и причастия (см. 2.5.2.) и фамилии типа *Петровский*, *Иванов*, *Бородин*;

— несклоняемые существительные (или слова нулевого склонения). К ним относятся: 1) многие слова иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласную: *пальто*, *радио*, *какао*, *кенгуру*, *кашне*, *колибри*, *леди*, *па* и т. п., в том числе имена собственные: *Гёте*, *Золя*, *Чикаго*, *Тбилиси*; 2) фамилии на *-ко* типа *Шевченко*; 3) женские фамилии на согласную: *Гринберг*, *Засулич*, *Рыбак* и т. п. (мужские фамилии этого типа склоняются по I склонению); 4) буквенные аббревиатуры и звуковые аббревиатуры на гласную: *СНГ*, *ЭВМ*, *ГАИ*, *гороно*; 5) сложносокращенные слова типа *завкафедрой*, *комроты*. Как склоняемые (по I склонению) и несклоняемые употребляются: 1) звуковые аббревиатуры на согласную, 2) названия населенных пунктов на *-ово*, *-ино*, *-ыно*; ср. варианты: *работать в МИД* и *в МИДе*; *жить в Одинцово*, *Голицыно* и *в Одинцове*, *Голицыне*.

П р и л а г а т е л ь н ы е

Падеж	**Ед. число**						
	Флексии						
Им.	М. р.	-/оj/, -/иj/[1]	*молодой*	*белый*	*синий*	*дикий*
	Ж. р.	-/аjа/	*молодая*	*белая*	*синяя*	*дикая*
	Ср. р.	-/оjе/	*молодое*	*белое*	*синее*	*дикое*
Род.	М. р.	-/ово/[2]	*молодого*	*белого*	*синего*	*дикого*
	Ж. р.	-/оj/	*молодой*	*белой*	*синей*	*дикой*
	Ср. р.	= м. р.	= м. р.			
Дат.	М. р.	-/ому/	*молодому*	*белому*	*синему*	*дикому*
	Ж. р.	-/оj/	*молодой*	*белой*	*синей*	*дикой*
	Ср. р.	= м. р.	= м. р.			
Вин.	М. р.	= им. п. или род. п.	= им. п. или род. п.			
	Ж. р.	-/уjу/	*молодую*	*белую*	*синюю*	*дикую*
	Ср. р.	-/оjе/	*молодое*	*белое*	*синее*	*дикое*
Твор.	М. р.	-/им/	*молодым*	*белым*	*синим*	*диким*
	Ж. р.	-/оj/, -/оjу/[3]	*молодой, -ою*	*белой, -ою*	*синей, -ею*	*дикой, -ою*
	Ср. р.	= м. р.	= м. р.			
Предл.	М. р.	-/ом/	*(о) молодом*	*(о) белом*	*(о) синем*	*(о) диком*
	Ж. р.	-/оj/	*(о) молодой*	*(о) белой*	*(о) синей*	*(о) дикой*
	Ср. р.	= м. р.	= м. р.			
	Мн. число					
	Флексии					
Им.	-/иjе/		*молодые*	*белые*	*синие*	*дикие*
Род.	-/их/		*молодых*	*белых*	*синих*	*диких*
Дат.	-/им/		*молодым*	*белым*	*синим*	*диким*
Вин.	= им. п. или род. п.		= им. п. или род. п.			
Твор.	-/им’и/		*молодыми*	*белыми*	*синими*	*дикими*
Предл.	-/их/		*(о) молодых*	*(о) белых*	*(о) синих*	*(о) диких*

П р и м е ч а н и я: 1. В именительном падеже мужского рода под ударением флексия -/оj/, без ударения -/иj/. 2. Во флексии родительного падежа мужского и среднего рода на месте буквы *г* произносится [в]. 3. В творительном падеже женского рода вариант флексии -/оjу/ более свойственен книжной речи и широко употребителен в поэзии.

Отличные от основного образца формы склонения представляют прилагательные типа: 1) *дядин* (с суффиксом -*ин*) и *лисий*, *волчий* (с суффиксом -*ий*; в формах косвенных падежей и во множественном числе — /j/); 2) *отцов* (с суффиксом -*ов*).

Прилагательные типа *дядин*, *лисий* имеют отличные от основного типа флексии в именительном и винительном падеже:

Падеж	**Ед. число**			
	Флексии			
Им.	М. р.	-∅	*дядин*	*лисий*
	Ж. р.	-/а/	*дядина*	*ли*/с’j-а/ (*лисья*)
	Ср. р.	-/о/	*дядино*	*ли*/с’j-о/ (*лисье*)
Вин.	М. р.	= им. п. или род. п.	= им. п. или род. п.	
	Ж. р.	-/у/	*дядину*	*ли*/с’j-у/ (*лисью*)
	Ср. р.	= им. п.	= им. п.	

Падеж	**Мн. число**		
	Флексии		
Им.	-/и/	*дядины*	*ли*/с’j-и/ (*лисьи*)
Вин.	= им. п. или род. п.	= им. п. или род. п.	

Прилагательные типа *отцов*

Падеж	**Ед. число**					
	М. р.		Ж. р.		Ср. р.	
	Флексии		Флексии		Флексии	
Им.	-∅	*отцов*	-/а/	*отцова*	-/о/	*отцово*
Род.	-/а/	*отцова*	-/oj/	*отцовой*	= м. р.	
Дат.	-/у/	*отцову*	-/oj/	*отцовой*	= м. р.	
Вин.	= им. п. или род. п.		-/у/	*отцову*	-/о/	*отцово*
Твор.	-/им/	*отцовым*	-/oj/, -/ojу/	*отцовой*, *-ою*	= м. р.	
Предл.	-/ом/	*(об) отцовом*	-/oj/	*(об) отцовой*	= м. р.	

Мн. число	
Флексии	
-/и/	*отцовы*
-/их/	*отцовых*
-/им/	*отцовым*
= им. п. или род. п.	
-/им’и/	*отцовыми*
-/их/	*(об) отцовых*

Как прилагательное *отцов* склоняются существительные мужского и женского рода — фамилии типа *Иванов*, *Бородин*, *Иванова*, *Бородина*. Однако в предложном падеже единственного числа указанные существительные мужского рода имеют флексию *-е*: *об Иванове*, *о Бородине*.

Особое место занимают несклоняемые прилагательные (слова нулевого склонения): *цвет беж*, *электрик*, *хаки*; *вес брутто* и т. п.

Качественные прилагательные (и относительные в качественных значениях) основного типа склонения имеют краткие формы и формы степеней сравнения (сравнительной и превосходной).

Краткие формы (выступающие в предложении в функции сказуемого и не изменяющиеся по падежам) содержат родо-числовые флексии — ед. ч. м. р. -∅, ж. р. *-а*, ср. р. *-о*; мн. ч. *-и*/*-ы* (*белый*, соответственно — *бел*, *бела*, *бело*, *белы*; *сухой*, соответственно — *сух*, *суха*, *сухо*, *сухи*; *могучий*, соответственно — *могуч*, *могуча*, *могуче*, *могучи*). Особые случаи образования кратких форм: *большой* — *велик*, *маленький* — *мал* (наряду с *великий* — *велик*, *малый* — *мал*), *солёный* — *солон*.

Только краткие формы имеют прилагательные: *рад*, *горазд*, *люб*, *должен*, *великоват*, *маловат*, *радёхонек*, *радёшенек*, *одинёхонек*, *одинёшенек* и все слова с суффиксом *-енек*, *-онек* типа *слабéнек*, *долгóнек*.

Формы сравнительной степени образуются с помощью суффиксов: 1) *-ее*/*-ей* (наиболее продуктивный суффикс): *красный* — *краснее*/*красней*, *интересный* — *интереснее*/*интересней*; 2) *-е* (перед суффиксом чаще всего чередуются соглас-

ные): *большой — больше*, *дорогой — дороже*, *сухой — суше*, *крепкий — крепче*, *мелкий — мельче*, *крутой — круче*, *твёрдый — твёрже*, *узкий — у́же*, *густой — гуще*; при этом иногда отсекается конечная согласная основы прилагательного *-к-*, *-н-* или группа *-ок-*: *гладкий — глаже*, *редкий — реже*, *поздний — позже*, *широкий — шире*; особые случаи: *сладкий — слаще*, *дешёвый — дешевле*, *глубокий — глубже*; 3) *-ше* в словах: *старый — старше*, *ранний — раньше*, *тонкий — тоньше*, *далёкий — дальше*.

Формы превосходной степени образуются с помощью суффикса *-ейш-*, который после заднеязычных согласных, чередующихся с шипящими, выступает в вариантной форме *-айш-*: *добрый — добрейший*, *сладкий — сладчайший*, *тихий — тишайший*, *широкий — широчайший*.

Сравнительная степень прилагательного — неизменяемая форма, выступающая в предложении как сказуемое. Превосходная степень имеет родо-числовые падежные формы, как и прилагательные положительной степени.

Следующие прилагательные образуют формы степеней сравнения супплетивно: *малый* и *маленький — меньше*; *хороший — лучше*, *лучший*; *плохой — хуже*, *худший*. Особые формы превосходной степени: *высокий — высший*, *низкий — низший*.

Значения сравнительной и превосходной степени могут выражаться также аналитическими формами: *быстрый — более быстрый — самый быстрый*/*наиболее быстрый*.

У прилагательных с основой на *-ск(ий)*, где *ск* — суффикс или часть суффикса, и на *-цк(ий)* (типа *детский*, *молодецкий*) образование кратких форм и форм степеней сравнения невозможно.

Числительные

Порядковые числительные склоняются как прилагательные (*третий* — как *лисий*, остальные — как *белый* или *молодой*), причем в составных (типа *тысяча девятьсот шестьдесят пятый*) склоняется лишь последнее слово.

Числительное *один* изменяется по родам, числам и падежам; числительные *два*, *оба* и *полтора* — по родам и падежам; все прочие числительные (количественные и собирательные) — только по падежам. В составных количественных числительных (типа *тысяча девятьсот шестьдесят пять*) при склонении изменяется каждое слово.

Падеж	**Ед. число**			**Мн. число**
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Им.	*один*	*одно*	*одна*	*одни*
Род.	*одного*		*одной*	*одних*
Дат.	*одному*		*одной*	*одним*
Вин.	= им. п. или род. п.	*одно*	*одну*	*одни*
Твор.	*одним*		*одной, -ою*	*одними*
Предл.	*(об) одном*		*(об) одной*	*(об) одних*

Падеж	**М. р., ср. р.**	**Ж. р.**
Им.	*два, оба*	*две, обе*
Род.	*двух, обоих*	*двух, обеих*
Дат.	*двум, обоим*	*двум, обеим*
Вин.	= им. п. или род. п.	
Твор.	*двумя, обоими*	*двумя, обеими*
Предл.	*(о) двух, (об) обоих*	*(о) двух, (об) обеих*

Прочие количественные числительные

Падеж					
Им.	*три*	*четыре*	*пять*	*сорок*	*пятьдесят*
Род.	*трёх*	*четырёх*	*пяти*	*сорока*	*пятидесяти*
Дат.	*трём*	*четырём*	*пяти*	*сорока*	*пятидесяти*
Вин.	= им. п. или род. п.		= им. п.		
Твор.	*тремя*	*четырьмя*	*пятью*	*сорока*	*пятьюдесятью*
Предл.	*(о) трёх*	*(о) четырёх*	*(о) пяти*	*(о) сорока*	*(о) пятидесяти*

Падеж				
Им.	*сто*	*двести*	*триста*	*пятьсот*
Род.	*ста*	*двухсот*	*трёхсот*	*пятисот*
Дат.	*ста*	*двумстам*	*трёмстам*	*пятистам*
Вин.	= им. п.			
Твор.	*ста*	*двумястами*	*тремястами*	*пятьюстами*
Предл.	*(о) ста*	*(о) двухстах*	*(о) трёхстах*	*(о) пятистах*

Собирательные числительные и слово *много*

Падеж			
Им.	*двое*	*пятеро*	*много*
Род.	*двоих*	*пятерых*	*многих*
Дат.	*двоим*	*пятерым*	*многим*
Вин.	= им. п. или род. п.		
Твор.	*двоими*	*пятерыми*	*многими*
Предл.	*(о) двоих*	*(о) пятерых*	*(о) многих*

Числительное *полтора* имеет в именительном падеже мужского и среднего рода форму *полтор-а*, в именительном падеже женского рода — *полтор-ы*, в остальных падежах всех трех родов — *полутор-а*.

Числительные *шесть* — *двадцать* и *тридцать* склоняются как *пять*; *шестьдесят*, *семьдесят* и *восемьдесят* — как *пятьдесят*; *девяносто* — как *сто*; *четыреста* — как *триста*; *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот* и *девятьсот* — как *пятьсот*.

Слово *тысяча* является существительным II склонения, однако в творительном падеже единственного числа имеет вариантную форму *тысячь-ю* (наряду с *тысяч-ей*).

Числительное *мало* не имеет форм косвенных падежей, кроме винительного падежа, равного именительному.

М е с т о и м е н и я

Большинство местоименных прилагательных (*какой*, *который*, *другой*, *всякий*, *самый* и т. п.) склоняется по основному образцу склонения прилагательных; местоименные числительные (*сколько*, *столько*, *несколько*) склоняются как собирательные числительные и слово *много*. Особенности склонения наблюдаются в местоимениях-существительных и отчасти в местоименных прилагательных.

Местоимения-существительные

Падеж	**Ед. число**		**Мн. число**		
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.	
Им.	*я*	*ты*	*мы*	*вы*	—
Род.	*меня*	*тебя*	*нас*	*вас*	*себя*
Дат.	*мне*	*тебе*	*нам*	*вам*	*себе*
Вин.	*меня*	*тебя*	*нас*	*вас*	*себя*
Твор.	*мной, -ою*	*тобой, -ою*	*нами*	*вами*	*собой, -ою*
Предл.	*(обо) мне*	*(о) тебе*	*(о) нас*	*(о) вас*	*(о) себе*

Падеж	**Ед. число**			**Мн. число**
	3 л.			
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Им.	*он*	*оно*	*она*	*они*
Род.	*его*		*её*	*их*
Дат.	*ему*		*ей*	*им*
Вин.	*его*		*её*	= род. п.
Твор.	*им*		*ей* (*ею*)	*ими*
Предл.	*(о) нём*		*(о) ней*	*(о) них*

Падеж		
Им.	*кто*	*что*
Род.	*кого*	*чего*
Дат.	*кому*	*чему*
Вин.	*кого*	*что*
Твор.	*кем*	*чем*
Предл.	*(о) ком*	*(о) чём*

Местоимения-прилагательные

Падеж	**Ед. число**			**Мн. число**
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
Им.	*тот*	*то*	*та*	*те*
Род.	*того*		*той*	*тех*
Дат.	*тому*		*той*	*тем*
Вин.	= им. п. или род. п.	= им. п.	*ту*	= им. п. или род. п.
Твор.	*тем*		*той, -ою*	*теми*
Предл.	*(о) том*		*(о) той*	*(о) тех*

Местоимения *себя*, *некого* и *нечего*, а также *друг друга*, не имеют форм именительного падежа. В последнем склоняется только вторая часть (как существительное *друг*).

Местоимение *он* имеет в косвенных падежах корень /j/. После предлогов вместо /j/ (в формах множественного числа — перед *и*) выступает согласная /н'/: ср. *его* и *от него*, *ей* и *к ней*, *ими* и *с ними*.

Слово *весь* (род. п. *всего*) склоняется как *тот*.

Местоимения *мой*, *твой*, *свой*, *чей* (род. п. *чьего*) склоняются как прилагательное *лисий*; местоимения *наш*, *ваш*, *этот* (род. п. *этого*), *сам* — как числительное *один*.

Производные отрицательные и неопределенные местоимения с префиксами *не-*, *ни-*, *кое-* и постфиксами *-то*, *-нибудь*, *-либо* не отличаются по склонению от соответствующих простых местоимений (например, *никто* и *некого* склоняются как *кто*, а *чей-либо* — как *чей*). В косвенных падежах префиксальных местоимений с предлогами позиция предлога — после префикса: *не с кем*, *ни от кого*, *кое о чем*, *ни с чьими*. Аналогичная позиция предлога — после первой части *друг* — в формах местоимения *друг друга*: *друг с другом*, *друг против друга* и т. п.

Слово *некий* (*некая*, *некое*, *некие*) образует все формы единственного числа, кроме именительного падежа, от основы *неко*/j/: *некоего*, *некоему*, *некоей* и т. п.

Слово *сам* имеет вариантную форму родительно-винительного падежа единственного числа женского рода *самоё* (наряду с *саму*) — с такой же флексией, как в форме *её* (см. *он*).

Притяжательные местоимения *его*, *её* и *их* (*его книга*, *её платье*, *их дом* и т. п.) являются неизменяемыми словами, омонимичными формам родительного падежа местоимения *он* (ср. *боюсь его*, *её*, *их*).

Глаголы

Формы глагола образуются от двух основ: основы прошедшего времени (чаще всего совпадающей с основой инфинитива) и основы настоящего времени. Основа прошедшего времени выделяется посредством отсечения суффикса *-л-* и родового окончания *-а* в форме прошедшего времени женского рода: *писа-ла*, *игра-ла*, *вез-ла*, *ме-ла*, *тёр-ла*, *победи-ла*. Основа настоящего времени выделяется посредством отсечения окончания в формах 3-го лица множественного числа настоящего или простого будущего времени: *пиш-ут*, *игра*/j-у/*т*, *вез-ут*, *мет-ут*, *тр-ут*, *побед-ят*. Основа настоящего времени оканчивается всегда на согласную, основа прошедшего времени — обычно на гласную, за исключением немногих глаголов, где она совпадает с основой настоящего времени (см. в таблице группы 10 а–в), а также глаголов непродуктивных групп 3б, 4а и 10г.

От основы прошедшего времени образуются спрягаемые формы прошедшего времени (*чита-л*, *вари-л*, *отмы-л*), действительные причастия прошедшего времени (*чита-вший*, *вари-вший*), страдательные причастия прошедшего времени на *-анный* и *-тый* (*прочита-нный*, *отмы-тый*), деепричастия на *-в(ши)* (*прочита-в*, *свари-вши*). От основы настоящего времени образуются спрягаемые формы настоящего и простого будущего времени (*чита*/j-у/, *свар-ю*, *отмо*/j-у/*т*), повелительного наклонения (*читай*, *свар-и*), причастия настоящего времени (*чи-*

та/j-у/*щий*, *чита*/j-е/*мый*), страдательные причастия прошедшего времени на *-енный* (*свар-енный*) и деепричастия на *-а* (*-я*) (*чита*/j-а/).

В зависимости от принадлежности глагола к I или II спряжению (см. таблицу ниже), а также по характеру соотношения основ прошедшего и настоящего времени и образования формы инфинитива выделяются пять продуктивных классов глаголов и ряд непродуктивных групп (в таблице при разграничении непродуктивных групп представлена одна из возможных классификаций). Продуктивность пяти классов определяется тем, что они регулярно пополняются за счет новых основ: все новые глаголы, образуемые с помощью продуктивных словообразовательных суффиксов и заимствуемые из других языков, относятся только к этим пяти классам. В то же время непродуктивные группы могут пополняться лишь за счет чисто приставочных и постфиксальных образований.

Продуктивные словоизменительные классы

Класс	Спряжение	Соотношение основ прошедшего и настоящего времени	Образование инфинитива	Примеры
1	I	*а — а*/j/	*а + ть*	*чита-ла — чита*/j-у/*т*; *чита-ть* *гуля-ла — гуля*/j-у/*т*; *гуля-ть*
2	I	*е — е*/j/	*е + ть*	*владе-ла — владе*/j-у/*т*; *владе-ть*
3	I	*ова — у*/j/	*ова + ть*	*рисова-ла — рису*/j-у/*т*; *рисова-ть*
4	I	*ну — н*	*ну + ть*	*толкну-ла — толкн-ут*; *толкну-ть*
5	II	*и — ∅*	*и + ть*	*ходи-ла — ход-ят*; *ходи-ть* *суши-ла — суш-ат*; *суши-ть*

Непродуктивные словоизменительные группы

Группа	Спряжение	Соотношение основ прошедшего и настоящего времени	Образование инфинитива	Примеры
1	I	*а — ∅*	*а + ть*	*писа-ла — пиш-ут*; *писа-ть* *лая-ла — ла*/j-у/*т*; *лая-ть* *жда-ла — жд-ут*; *жда-ть* *бра-ла — бер-ут*; *бра-ть*
2	I	*о — ∅*	*о + ть*	*коло-ла — кол-ют*; *коло-ть*
3а	I	гласная — гласная + *т*/*д*	гласная + *сти*/*сть*	*ме-ла — мет-ут*; *мес-ти* *кла-ла — клад-ут*; *клас-ть*
3б	I	согласная — согласная + *т*	согласная + *ти* или гласная + *сть*	*рос-ла — раст-ут*; *рас-ти* *уч-ла — учт-ут*; *учес-ть*
4а	I	согласная — согласная + *н*	согласная + *ну* + *ть*	*гас-ла — гасн-ут*; *гасну-ть* *мёрз-ла — мёрзн-ут*; *мёрзну-ть*
4б	I	гласная — гласная + *н*	гласная + *ну* + *ть*	*сты-ла — стын-ут*; *стыну-ть* *вя-ла — вян-ут*; *вяну-ть*
4в	I	то же	гласная + *ть*/*сть*	*ста-ла — стан-ут*; *ста-ть* *де-ла — ден-ут*; *де-ть* *кля-ла — клян-ут*; *кля-сть*
5	I	гласная — гласная + *в*	гласная + *ть*	*жи-ла — жив-ут*; *жи-ть* *плы-ла — плыв-ут*; *плы-ть*

6	I	*а — н* или *м*	*а + ть*	*нача-ла — начн-ут*; *нача-ть* *мя-ла — мн-ут*; *мя-ть* *жа-ла — жм-ут*; *жа-ть* *заня-ла — займ-ут*; *заня-ть*
7	I	гласная (кроме *а*) — гласная + /j/	гласная + *ть*	*гни-ла — гни*/j-у/*т*; *гни-ть* *ду-ла — ду*/j-у/*т*; *ду-ть* *мы-ла — мо*/j-у/*т*; *мы-ть* *пе-ла — по*/j-у/*т*; *пе-ть* *бри-ла — бре*/j-у/*т*; *бри-ть*
8	I	*и* — /j/	*и + ть*	*би-ла* — /б’j-у/*т (бьют)*; *би-ть*
9	I	*ва* — /j/	*ва + ть*	*дава-ла — да*/j-у/*т*; *дава-ть*
10а	I	*к — к* или *г — г* (основы совпадают)	*∅ + чь*	*пек-ла — пек-ут*; *пе-чь* *берег-ла — берег-ут*; *бере-чь* *жг-ла — жг-ут*; *же-чь*
10б	I	*с — с* или *з — з* (основы совпадают)	*с*, *з + ти*/*ть*	*нес-ла — нес-ут*; *нес-ти* *вез-ла — вез-ут*; *вез-ти* *грыз-ла — грыз-ут*; *грыз-ть*
10в	I	*б — б* (основы совпадают)	*∅ + сти* или /б’/ + *и + ть*	*греб-ла — греб-ут*; *гре-сти* *ушиб-ла — ушиб-ут*; *ушиби-ть*
10г	I	*р — р*	/р’/ + *е + ть*	*тёр-ла — тр-ут*; *тере-ть* *умер-ла — умр-ут*; *умере-ть*
11	II	*е — ∅*	*е + ть*	*смотре-ла — смотр-ят*; *смотре-ть*
12	II	*а — ∅*	*а + ть*	*крича-ла — крич-ат*; *крича-ть* *стоя-ла — сто*/j-а/*т*; *стоя-ть* *спа-ла — сп-ят*; *спа-ть* *гна-ла — гон-ят*; *гна-ть*

Особняком стоят изолированные глаголы, не входящие ни в один из классов и ни в одну из групп. К ним относятся глаголы: 1) так называемые разноспрягаемые — *бежать*, *хотеть* и *чтить*; 2) *дать*, *есть*, *создать*, *надоесть*, имеющие особые, отличные от обоих спряжений, окончания; 3) *идти*, основы которого супплетивны (*ш-ла — ид-ут*); 4) *быть*, *забыть*, а также *ехать* (*еха-ла — ед-ут*), *реветь* (*реве-ла — рев-ут*), *зиждиться* (*зижди-лась — зижд-утся*), *зыбиться* (*зыби-лась — зыбл-ются*).

Глаголы группы 4а (как правило, бесприставочные) имеют вариантные формы прошедшего времени, образуемые по 4 классу (обычно только в мужском роде): *мёрзнуть — мёрз*/*мёрзнул*, *мокнуть — мок*/*мокнул*, *избегнуть — избег*/*избегнул*.

Часть глаголов группы 1 имеет вариантные формы настоящего времени, образуемые по 1 классу: *метать — метают*/*мечут*, *плескать — плескают*/*плещут*, *брызгать — брызгают*/*брызжут*, *мурлыкать — мурлыкают*/*мурлычут* и др.

Вариантные формы инфинитива имеют: глагол группы 4б *стынуть* — по группе 4в: *стыть*; глаголы группы 4 а *достигнуть*, *застигнуть* и *постигнуть* — по группе 10а: *достичь*, *застичь*, *постичь*.

Некоторые приставочные глаголы от глаголов *нести*, *плести*, *цвести*, *вести* имеют вариантные (разговорные и устарелые) формы инфинитива на *-сть*: *сплесть*, *отцвесть* и т. п.

Спряжение

Изъявительное наклонение

В зависимости от системы флексий в личных формах единственного и множественного числа настоящего/будущего времени все глаголы делятся на два спряжения — первое (I) и второе (II).

Настоящее время (глаголов несовершенного вида)
и будущее простое время (глаголов совершенного вида)

	I спряжение		II спряжение	
	Ед. число			
	Флексии		Флексии	
1 л.	-/у/	*несу*, *чита*/j-у/ (*читаю*)	-/у/	*кричу*, *горю*
2 л.	-/ош/	*несёшь*, *чита*/j-о/*шь* (*читаешь*)	-/иш/	*кричишь*, *горишь*
3 л.	-/от/	*несёт*, *чита*/j-о/*т* (*читает*)	-/ит/	*кричит*, *горит*
	Мн. число			
1 л.	-/ом/	*несём*, *чита*/j-о/*м* (*читаем*)	-/им/	*кричим*, *горим*
2 л.	-/от’е/	*несёте*, *чита*/j-о/*те* (*читаете*)	-/ит’е/	*кричите*, *горите*
3 л.	-/ут/	*несут*, *чита*/j-у/*т* (*читают*)	-/ат/	*кричат*, *горят*

П р и м е ч а н и е: О чередованиях согласных в пределах форм настоящего/будущего времени см. 2.2.3.

Глаголы *хотеть*, *бежать* и *чтить* образуют одни личные формы по I спряжению, другие — по II спряжению. Особое спряжение имеют глаголы *дать*, *создать*, *есть* и *надоесть* (при этом *создать* спрягается как *дать*, а *надоесть* — как *есть*):

	Ед. число				
1 л.	*дам*	*ем*	*хочу*	*бегу*	*чту*
2 л.	*дашь*	*ешь*	*хочешь*	*бежишь*	*чтишь*
3 л.	*даст*	*ест*	*хочет*	*бежит*	*чтит*
	Мн. число				
1 л.	*дадим*	*едим*	*хотим*	*бежим*	*чтим*
2 л.	*дадите*	*едите*	*хотите*	*бежите*	*чтите*
3 л.	*дадут*	*едят*	*хотят*	*бегут*	*чтут*/*чтят*

Глагол *быть* не имеет в современном Р.я. полной системы форм со значением настоящего времени. Сохранились лишь формы 3-го лица этого глагола (супплетивные): ед. ч. *есть*, мн. ч. *суть*; последняя, однако, является редко употребляемой книжной формой. Полная система личных форм того же глагола имеет значение будущего времени (ед. ч. 1 л. *буду*, 2 л. *будешь*, 3 л. *будет*; мн. ч. 1 л. *будем*, 2 л. *будете*, 3 л. *будут*).

С участием личных форм глагола *быть* образуется также аналитическое будущее сложное время — путем их соединения с инфинитивом основного глагола.

Будущее сложное время (глаголов несовершенного вида)

	Ед. число	**Мн. число**
1 л.	*буду читать*, *ходить*	*будем читать*, *ходить*
2 л.	*будешь читать*, *ходить*	*будете читать*, *ходить*
3 л.	*будет читать*, *ходить*	*будут читать*, *ходить*

Прошедшее время

	Ед. число			
	Флексии			
М. р.	-∅	*читал*	*ходил*	*пас*
Ср. р.	-/о/	*читало*	*ходило*	*пасло*
Ж. р.	-/а/	*читала*	*ходила*	*пасла*
	Мн. число			
	Флексии			
	-/и/	*читали*	*ходили*	*пасли*

Формы прошедшего времени образуются путем присоединения к основе прошедшего времени суффикса *-л-*, к которому затем прибавляются родо-числовые флексии.

У глаголов с основой прошедшего времени на согласную (групп 4а, 10а–г и глагол группы 3б *расти*) формы мужского рода не имеют суффикса *-л-*: *привык*, *погиб*, *ослеп*, *стерёг*, *пас*, *вёз*, *грёб*, *тёр*, *рос*.

У глаголов *жечь* и *толочь* (группа 10а), глаголов на *-честь* (*прочесть* и т. п., группа 3б) и *идти* (изолированный глагол) форма мужского рода имеет в основе беглую гласную *о*: *жг-ла* — *жёг*, *толк-ла* — *толок*, *проч-ла* — *прочё-л*, *уч-ла* — *учё-л*, *ш-ла* — *шё-л*.

Формы сослагательного наклонения образуются аналитически — соединением форм на *-л-*, тождественных формам прошедшего времени, с частицей *бы* (*б*), являющейся грамматическим показателем наклонения. Частица *бы* не обязательно располагается в предложении следом за формой на *-л-*; ср.: *пришёл бы ты пораньше, ты бы пришёл пораньше, если бы ты пришёл пораньше*. Частица *бы* может или входить в состав союза (*Хочу, чтобы ты пришёл, Пришёл бы, если бы он согласился*), или сливаться в единое целое с местоименным компонентом, образуя частицу (*Чтоб ты пропал!*).

Сослагательное наклонение

Ед. число		
М. р.	*читал бы*	*ходил бы*
Ср. р.	*читало бы*	*ходило бы*
Ж. р.	*читала бы*	*ходила бы*
Мн. число		
	читали бы	*ходили бы*

Формы 2-го лица повелительного наклонения образуются от основы настоящего времени глагола с помощью флексии *-и* или нулевой флексии в единственном числе, к которым во множественном числе прибавляется постфикс *-те*.

Повелительное наклонение

	Ед. число	
2 л.	Флексии *-∅, -/и/*	*читай, встань, ходи, садись*
	Мн. число	
2 л.	Флексии *-∅ + -/т’е/, -/и/ + -/т’е/*	*читайте, встаньте, ходите, садитесь*

Флексию *-и* во 2-м лице единственного числа имеют следующие глаголы: 1) с основой настоящего времени не на /j/ и ударением на флексии в 1-м лице единственного числа настоящего/будущего времени: *смотрю́* — *смотри́*, *пеку́* — *пеки́*, *пишу́* — *пиши́*; 2) с основой настоящего времени на /j/, таким же ударением и инфинитивом на *-ить*: *дои́ть*, *дою́* — *дои́*; 3) с основой настоящего времени на две согласные: *ко́нчу* — *ко́нчи*, *пры́гну* — *пры́гни*; 4) с префиксом *вы́-*: *вы́неси*, *вы́скажи*.

Все остальные глаголы имеют нулевую флексию; при этом парные твердые конечные согласные основы настоящего времени чередуются с мягкими (*кинут* — *кинь*, *лезут* — *лезь*, *будут* — *будь*), а остальные остаются неизменными (*поют* — *пой*, *бросят* — *брось*, *режут* — *режь* и т. п.; не изменяется и согласная *г* в глаголе группы 10а *лечь*: *лягут* — *ляг*); в глаголах группы 8 появляется беглая гласная *е*: *бьют* — *бей*, *льют* — *лей*.

К системе форм повелительного наклонения относятся также особые формы совместного действия, обозначающие действие с участием говорящего. У глаголов несовершенного вида однонаправленного движения эта форма совпадает с формой 1-го лица множественного числа настоящего времени, у остальных глаголов — с формой 1-го лица множественного числа будущего времени: *идём*, *бежим*, *пойдём*, *споём*, *будем петь*, *будем ходить*. Названная форма образуется также аналитически — сочетанием частицы *давай* с инфинитивом глагола несовершенного вида либо с формой 1-го лица множественного числа будущего времени: *давай читать*, *ходить*; *давай пойдём*; *давай будем петь*, *ходить*, а также присоединением постфикса *-те* к вышеуказанным формам: *идёмте*, *пойдёмте*, *споёмте*, *будемте петь*, *давайте читать* и т. п.

Причастия и деепричастия

В Р.я. имеются четыре формы причастий — причастия действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени. Переходные глаголы несовершенного вида могут иметь все четыре формы. Непереходные глаголы не имеют страдательных причастий, а глаголы совершенного вида — причастий настоящего времени:

Инфинитив			*читать*	*прочитать*	*смеяться*	*рассмеяться*
Причастие	Действительное	Наст. вр.	*читающий*	—	*смеющийся*	—
		Прош. вр.	*читавший*	*прочитавший*	*смеявшийся*	*рассмеявшийся*
	Страдательное	Наст. вр.	*читаемый*	—	—	—
		Прош. вр.	*читанный*	*прочитанный*	—	—
Деепричастие			*читая*	*прочитав*	*смеясь*	*рассмеявшись*

Причастия изменяются по родам, числам и падежам, как прилагательные основного типа склонения. Страдательные причастия, помимо полных, имеют и краткие формы, подобные кратким прилагательным: *любимый* — *любим*, *сыгранный* — *сыгран*, *закрученный* — *закручен*, *покинутый* — *покинут*. Деепричастия — неизменяемые формы.

Действительные причастия образуются и у глаголов страдательного залога: *строящийся*, *строившийся* (дом); такие формы имеют страдательное значение, выражаемое не формой причастия, а формой глагола в целом (постфиксом).

Страдательное причастие глаголов несовершенного вида (типа *читанный*) — форма редкая в употреблении и семантически ограниченная выражением результата прошлого действия (перфектное значение). У глаголов с суффиксом *-ива-*/*-ва-*/*-а-* эта форма невозможна; зато употребительны формы действительного причастия соответствующих глаголов со страдательным значением (*рассматривавшийся*, *развивавшийся* и т. п.).

Действительные причастия настоящего времени образуются присоединением к основе настоящего времени глаголов I спряжения суффиксального морфа *-ущ-*, глаголов II спряжения — морфа *-ащ-*: *несут* — *нес-ущ-ий*, *читают* — *чита*/j-у/*щ-ий* (*читающий*), *ходят* — *хо*/д’-а/*щ-ий* (*ходящий*), *кричат* — *крич-ащ-ий*.

Действительные причастия прошедшего времени образуются присоединением к основе прошедшего времени суффикса *-вш-* или *-ш-*, причем *-вш-* присоединяется к основам на гласную, а *-ш-* — к основам на согласную: *читал* — *чита-вш-ий*, *ходил* — *ходи-вш-ий*, *крикнул* — *крикну-вш-ий*, *вёз* — *вёз-ш-ий*, *тёк* — *тёк-ш-ий*, *рос* — *рос-ш-ий*. Особые случаи: 1) глаголы группы 3а образуют действительные причастия прошедшего времени от основы настоящего времени (на согласную *т*, *д*): *ве-ла*, *вед-ут* — *вед-ший*, *расцве-ла*, *расцвет-ут* — *расцвет-ш-ий* и т. п. (кроме глаголов *класть*, *красть*, *пасть* и *сесть*, образующих эти формы по общему правилу: ср. *клавший*, *севший*); 2) глаголы группы 4а, имеющие вариантные основы прошедшего времени на *-ну-* и без *-ну-*, имеют такие же вариантные формы причастий: *погас(нул)* — *погасший* и *погаснувший*, *засох(нул)* — *засохший* и *засохнувший* и т. п. (но только *исчезнувший*); 3) от основы, отличной от основ прошедшего и настоящего времени, образуются действительные причастия прошедшего времени глаголов *увянуть* и *идти*: *увяд-ш-ий*, *шед-ш-ий*.

Страдательные причастия настоящего времени образуются присоединением к основе настоящего времени глаголов I спряжения суффиксального морфа *-ом-* (орф. *-ем-* и *-ом-*), глаголов II спряжения — морфа *-им-*: *читают* — *чита*/j-о/*м-ый* (*читаемый*), *ведут* — *вед-ом-ый*, *любят* — *люб-им-ый*. Глаголы группы 9 образуют страдательные причастия настоящего времени от основы, отличной от основ настоящего и прошедшего времени, но выступающей в форме повелительного наклонения: *давать*, *дают*, *давай* — *даваемый*; *доставать*, *достаю*, *доста-*

вай — доставаемый. Форма страдательного причастия настоящего времени является в современном Р.я. книжной и у многих глаголов практически отсутствует. Наиболее последовательно образуют эту форму следующие группы глаголов несовершенного вида: 1) префиксальные глаголы 1 класса: *изменяют — изменяемый*, *рассматривают — рассматриваемый*; 2) беспрефиксальные глаголы 3 класса: *организуют — организуемый*; 3) несколько глаголов движения на *-ить* (5 класса) с префиксами: *уносить — уносимый*, *ввозить — ввозимый* и т. п.

Страдательные причастия прошедшего времени образуются присоединением к основе прошедшего времени или настоящего времени суффиксов *-нн-*/*-енн-* или *-т-*. Суффиксальный морф *-нн-* присоединяется к основам прошедшего времени на *-а-*, а у части глаголов группы 11 на *-е-*: *прочитал — прочита-нн-ый*, *нарисовал — нарисова-нн-ый*, *списал — списа-нн-ый*, *услышал — услыша-нн-ый*, *изгнал — изгна-нн-ый*, *увидел — увиде-нн-ый*. Морф *-енн-* присоединяется: 1) к основам глаголов групп 10а–10в: *испёк — испеч-ённ-ый*, *подстриг — подстриж-енн-ый*, *принёс — принесённый*, *отвёз — отвезённый*, *разгрёб — разгребённый*, *ушиб — ушибленный*; 2) к основам настоящего времени глаголов группы 3а: *заметут — заметённый*, *приведут — приведённый*; 3) к основам настоящего времени глаголов 5 класса и части глаголов группы 11: *закрутят — закрученный*, *осветят — освещённый*, *повесят — повешенный*, *вырастят — выращенный*, *оскорбят — оскорблённый*, *накормят — накормленный*, *обидят — обиженный*. О чередованиях согласных перед морфом *-енн-* см. 2.2.3. Суффикс *-т-* присоединяется к основам прошедшего времени следующих глаголов: 1) 4 класса и группы 4а: *кинул — кину-т-ый*, *отвергнул — отвергну-т-ый*; 2) группы 2: *расколол — расколотый*; 3) группы 10г: *стёр — стёртый*; 4) групп 4в, 5–8 (все глаголы — с односложной, не считая префикса, основой на гласную): *вдел — вдетый*, *пережил — пережитый*, *измял — измятый*, *начал — начатый*, *занял — занятый*, *надул — надутый*, *выбрил — выбритый*, *умыл — умытый*, *спел — спетый*, *налил — налитый*; 5) глаголов 1 класса *запеленать* и др. того же корня: *запелёнатый* и т. п.

Деепричастия глаголов несовершенного вида образуются присоединением к основе настоящего времени суффикса *-а*, перед которым парные твердые согласные чередуются с мягкими, а заднеязычные — с шипящими: *читают — читая*, *рисуют — рисуя*, *кричат — крича*, *несут — неся*, *метут — метя*, *ревут — ревя*, *волокут — волоча*. Глаголы группы 9 образуют деепричастия от основы на /j/, выступающей в формах повелительного наклонения и страдательных причастий настоящего времени: *давать — давай — давая*, *узнавать — узнавай — узнавая*; глагол *быть* — с суффиксом *-учи*: *будут — бу́дучи*. Формы с суффиксом *-учи* других глаголов либо являются устарелыми (*едучи*, *идучи*), либо стали уже наречиями (*играючи*, *крадучись*).

Деепричастия глаголов совершенного вида образуются присоединением к основе прошедшего времени суффиксов *-в* (*-вши*), *-ши*. Суффикс *-в* (*-вши*) присоединяется к основам на гласную (вариант *-вши* — к глаголам с постфиксом *-ся*): *написал — написа-в*, *толкнул — толкну-в*, *рассмеялся — рассмея-вши-сь*. Вариантные формы на *-вши* от глаголов без постфикса (*написавши*, *толкнувши* и т. п.) являются разговорными. Суффикс *-ши* присоединяется к основам на согласную: *замёрз — замёрзши*, *испёк — испёкши*, *заперся — запершись*.

Две группы глаголов совершенного вида образуют вариантные формы с основами на гласную и на согласную: 1) глаголы группы 4а, имеющие вариантные основы прошедшего времени на *-ну-* и без *-ну-*: *ослеп(нул) — ослепши* и *ослепнув*, *засох(нул) — засохши* и *засохнув* (но только *исчезнув*); 2) глаголы группы 10г (здесь в качестве основы на гласную используется основа инфинитива): *растёр*, *растереть — растёрши* и *растерев*.

Ряд глаголов совершенного вида образует деепричастия так же, как глаголы несовершенного вида: 1) значительная часть глаголов 5 класса и группы 11: *возвратятся — возвратясь*, *заметят — заме́тя*, *полюбят — полюбя*, *увидят — увидя*; 2) глаголы групп 3а, 3б, 10б: *приведут — приведя*, *прочтут — прочтя*, *отнесут — отнеся*; 3) глагол *идти* с префиксами: *зайдут — зайдя* и т. п. (наряду с вариантами на *-в*, *-вши*, *-ши*: *заметив*, *полюбив*, *приведши*, *зашедши* и др.).

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Слово существует в Р.я. как система словоформ, но может быть представлено и единственной словоформой (*пальто*, *бордо*, *вчера*). Словоформа вычленяется в потоке речи как значимый отрезок, характеризующийся: 1) относительной свободой перемещения и 2) непроницаемостью, т. е. неспособностью включать внутрь себя какие-либо значимые отрезки речи, обладающие такой свободой перемещения. Первое свойство проявляется ограниченно или не проявляется совсем у служебных слов (предлогов, союзов и частиц); второе отсутствует у падежных форм местоимений-существительных и местоименных прилагательных с префиксами *не-*, *ни-* и *кое-* (*никто*, *не́кого*, *ничто*, *не́чего*, *никакой*, *ничей*, *кое-кто*, *кое-что*, *кое-какой* и т. п.) в сочетании с предлогами, например, *ни от кого*, *не у кого*, *ни с чем*, *не с чем*, *ни у какого*, *ни в чьих*, *кое с кем*.

В словоформах выступают корневые и аффиксальные морфы. Как и словоформа, морф — линейная единица языка. Соответствующими нелинейными (парадигматическими) единицами являются: для словоформы — слово, а для морфа — морфема как система морфов. Среди морфем корень противопоставлен аффиксам. Корень, как центральная морфема, выделяющаяся в составе основы и заключающая в себе основной компонент лексического значения слова, присутствует в каждой словоформе и может полностью совпадать с основой. Прочие морфемы называются аффиксами, или служебными морфемами. Аффиксы присутствуют не в каждой словоформе и заключают в себе дополнительное, служебное значение. В Р.я. различаются следующие виды аффиксов: префиксы, или приставки; суффиксы; постфиксы; интерфиксы; флексии, или окончания.

Флексиями являются морфемы, выражающие морфологические значения рода, числа, падежа, времени и лица. Флексии (в виде того или иного флексийного морфа) занимают место в конце словоформы; после них в словоформах могут выступать только постфиксы, к числу которых в Р.я. относятся аффиксы *-ся*/*-сь*, *-те*, *-то*, *-либо* и *-нибудь*: *катается*, *каталась*, *идёмте*, *кому-то*, *чем-либо*, *какого-нибудь*.

Основа словоформы — часть словоформы, остающаяся после отсечения морфов флексий и постфикса *-те*. При отсутствии этих морфов основа совпадает со словоформой.

Постфиксы, кроме *-те*, входят в состав основы, которая в этом случае является прерывистой: основой словоформы *кататься* является *ката…ся*, словоформы

чью-то — /ч’j/…*то*; все остальные основы представляют собой непрерывную последовательность фонем.

Префиксы — морфемы, морфы которых находятся в составе простой основы перед корнем (***пра**дед*, *лесо**за**готовки*). Суффиксы — морфемы, морфы которых находятся между корнем и флексией (*книж**к**а*); в случае отсутствия флексии суффиксы могут находиться в конце слова (*доверх**у***) или перед постфиксом (*тря**ся**сь*). Интерфиксы — это аффиксы, морфы которых находятся между двумя простыми основами в составе сложной основы, и выражающие соединительное словообразовательное значение: *хлеб**о**завод*, *электр**о**проигрыватель*, *пят**и**этажный*, *дв**у**ногий*.

Слово (лексема) — система словоформ, основы которых тождественны по значению, а одноименные морфы основ, также тождественные по значению, фонематически близки или тождественны друг другу; кроме того, в систему словоформ одного слова входят словоформы, в которых содержатся морфы словоизменительных суффиксов, отсутствующие у других словоформ данного слова: *сильный*, *сильного*, *сильному*, …, *сильнее*.

Префиксы и интерфиксы в Р.я. — словообразовательные морфемы (*прадед*, *лесозаготовки*, *хлебозавод*); флексии — словоизменительные морфемы; суффиксы — преимущественно словообразовательные морфемы, словоизменительными являются суффиксы компаратива, прошедшего времени, причастий, деепричастий и инфинитива; постфиксы *-ся*/*-сь*, *-то*, *-либо*, *-нибудь* являются словообразовательными морфемами, постфикс *-те* — словоизменительная морфема.

Типы морфного строения словоформ разнообразны. Словоформы, содержащие один корневой морф, могут состоять из любого числа морфов от одного до восьми: R (*пальто*, *да*, *вдруг*), x + R (*нигде*, *отныне*), R + x (*хорошо*), x + R + x (*поутру*, *пригороды*), x + R + x + x (*по-деловому*), R + x + x + x (*ткачиха*), R + x + x + x + x (*рыбачивший*), x + x + R + x + x + x (*понагрязнив*, *перевооруживший*), x + x + x + R + x + x + x (*понавыписывали*), x + x + x + R + x + x + x + x (*понавыдергивалось*) и т. д. В словоформах, включающих более одного корневого морфа, количество морфов строго не ограничено; например, в словоформе *пылевлагонепроницаемостью* — одиннадцать морфов: R + x + R +x + x + x + R + x + x + x + x.

2.5.2. В лексике Р.я. представлены семь чистых (не комбинированных) способов словообразования:

1) префиксация, свойственная в большей степени глаголам, чем именам: *уехать*, *набросить*, *пригород*, *преогромный*, *послезавтра*;

2) суффиксация, распространенная как в именах, так и в глаголах: *учитель*, *домик*, *водный*, *белить*, в том числе (только в именах) нулевая: *синь*, *задира*, *вывоз*;

3) постфиксация: постфикс *-ся*/*-сь* характерен для глагола, остальные постфиксы (*-то*, *-либо*, *-нибудь*) выступают в ограниченном числе местоименных слов (см. 2.3.6.);

4) субстантивация — переход в существительное прилагательных и причастий без изменения морфного состава словоформ, но с изменением состава парадигмы (существительные типа *больной*, *заведующий*, *операционная*, *новое* имеют формы одного грамматического рода; существительные типа *суточные* — только формы множественного числа);

5) сложение, свойственное в большей степени именам, чем глаголам: *нефтезавод*, *лесопарковый*, *полуобернуться*;

6) сращение, свойственное главным образом прилагательным: *вечнозелёный*, *дорогостоящий*;

7) неморфемное усечение, или усечение по аббревиатурному принципу (*спец*, *зав*), характерное для разговорной речи и занимающее незначительное место среди аббревиатурных образований.

Комбинированные (смешанные) способы словообразования представляют собой сочетание (одновременное использование) двух, реже — трех чистых способов. Основные из них, продуктивные в узуальной лексике:

1) префиксация + суффиксация (*приморье*, *застольный*, *увлажнить*, *поглядывать*, *по-старому*), в том числе с нулевым суффиксом (*проседь*, *беззубый*, *взамен*);

2) префиксация + постфиксация: *наесться*, *разгуляться*;

3) суффиксация + постфиксация: *гордиться*, *брататься*;

4) префиксация + суффиксация + постфиксация: *перешучиваться*, *расщедриться*;

5) суффиксация + сложение (*землепроходец*, *разноязычный*), в том числе с нулевым суффиксом (*книголюб*, *чернозём*, *длинноногий*);

6) префиксация + суффиксация + сложение: *вполоборота*, *повсеместный*;

7) сложение + усечение по аббревиатурному принципу, включающее и так называемые сложносокращенные образования (*угрозыск — уголовный розыск*, *управделами — управляющий делами*, *завхоз — заведующий хозяйством*), собственно аббревиацию (звуковые аббревиатуры: *вуз — высшее учебное заведение*, *МХАТ — Московский Художественный академический театр*), и — как особую разновидность аббревиации — буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв сокращенных слов: *РФ — Российская Федерация*, *ЭВМ — электронно-вычислительная машина*;

8) суффиксация + усечение по аббревиатурному принципу — способ, характерный только для разговорной речи: *телевизор — телик*, *мультфильм — мультик*.

На периферии узуальной лексики отдельными немногими образованиями представлены такие смешанные способы, как:

9) суффиксация + сращение: *отсебятина*, *потусторонний*, *христарадничать*;

10) префиксация + сложение: *оплодотворить*, *умиротворить*;

11) постфиксация + сращение: *заблагорассудиться*;

12) суффиксация + субстантивация: *чаевые*, *касательная*;

13) субстантивация + сложение: *военнообязанный*;

14) субстантивация + сращение: *впередсмотрящий*;

15) префиксация + суффиксация + субстантивация: *подзащитный*;

16) суффиксация + сложение + субстантивация: *двугривенный*;

17) депостфиксация + префиксация: *смеяться — высмеять* (перех.);

18) депрефиксация + префиксация: *застегнуть — расстегнуть*.

В неузуальной (окказиональной, индивидуально-авторской) лексике возможны и другие, самые разнообразные способы словообразования — например, междусловное совмещение (полное или частичное) — обычно каламбурного характера: *эрудит + дитятко — эрудитятко* (И. Фоняков); *человек + волк — человолк*

(А. Вознесенский) и др. Отдельные новообразования, относящиеся к окказиональным способам, могут получить широкое распространение в речи: например, *приватизация + прихватить — прихватизация*; *Хрущев + трущоба — хрущоба*, созданные путем междусловного совмещения.

Словообразовательные процессы могут сопровождаться следующими морфонологическими явлениями: 1) изменением места ударения: *весёлый — весельчáк*, *писать — вы́писать* (см. 2.1.2.); 2) чередованием фонем: *ру**к**а — ру**ч**ка*, *зараб**о**тать — зараб**á**тывать* (см. 2.2.3.); 3) усечением основы мотивирующего слова: *крот**к**ий — кротость*, *пролетар**ий** — пролетаризировать*, *чит**а**ть — читка* (см. 2.2.1.); 4) наращением основы мотивирующего слова: *драма — драм**ат**-ический*, *столб — столб**ен**-еть* (см. 2.2.1.); 5) совмещением морфов: *Можайск — **можайск**ий*, *депо — **деповск**ий*, *лиловый — **лиловат**ый* (см. 2.2.1.).

Существует сложная система правил словообразования, сводящаяся к закономерностям и ограничениям (действующим с большей или меньшей степенью строгости) соединения мотивирующих слов (основ) с определенными аффиксами. Эти ограничения могут быть семантическими, формальными, морфемными (словообразовательными), формально-грамматическими, стилистическими и синхронно-диахроническими:

I. Семантические ограничения. На сочетаемость словообразовательных аффиксов с мотивирующими словами (основами мотивирующих слов) влияют различные виды значений этих слов.

1. Грамматические значения части речи. Существуют аффиксы, сочетающиеся только со словами (основами слов) одной части речи, и аффиксы, сочетающиеся со словами (основами слов) нескольких частей речи. Только с основами существительных сочетаются суффиксы *-ич* (*москвич*), *-их(а)* (*повариха*), *-оныш* (*змеёныш*), *-ат-* (*пузатый*), префикс *пра-* (*правнук*); только с основами прилагательных — суффиксы *-охоньк-/-ошеньк-* (*белёхонький*, *белёшенький*), префиксы *а-* (*аморальный*), *наи-* (*наивысший*); только с основами глаголов — суффиксы *-тель* (*учитель*), *-ну-* (*толкнуть*), префиксы *вы-* (*выйти*), *у-* (*ускакать*). С основами существительных, прилагательных и глаголов сочетаются суффиксы *-щик/-чик* (*аппаратчик*, *подёнщик*, *лётчик*), *-ак* (*рыбак*, *слабак*, *вожак*), *-ист(ый)* (*ухабистый*, *сернистый*, *прерывистый*), префиксы *пред-* (*предыстория*, *предвыходной*, *предчувствовать*), *при-* (*Прибалтика*, *причерноморский*, *придвинуть*); с основами существительных и прилагательных сочетаются суффиксы *-ин* (*ватин*, *эластин*), *-оват(ый)* (*дубоватый*, *беловатый*), *-и-* (*чудачить*, *хитрить*), *-е-* (*сиротеть*, *прочнеть*), префикс *архи-* (*архиплут*, *архиглупый*); с основами существительных и глаголов сочетаются суффиксы *-ант* (*диссертант*, *симулянт*), *-аж* (*подхалимаж*, *массаж*), *-лив(ый)* (*уродливый*, *пугливый*), префиксы *над-* (*надзаголовок*, *надстроить*), *пере-* (*переизбыток*, *перестараться*); с основами прилагательных и глаголов сочетаются суффиксы *-ость* (*смелость*, *жалость*), *-ыш* (*крепыш*, *подкидыш*). Частеречная сочетаемость аффиксов регулируется видом их значений: модификационные аффиксы выступают только в словах той же части речи, что и мотивирующее слово (*дом — домик*); транспозиционные — только в словах иной части речи (*храбрый — храбрость*, *читать — чтение*); мутационный вид значения не предопределяет частеречной сочетаемости аффиксов (*труба — трубач*, *богатый — богач*, *толкать — толкач*).

2. Частные грамматические значения: например, только с глаголами несовершенного вида сочетаются префиксы с фазовыми значениями начала действия (*запеть*, *подуть*, *взволноваться*, *возликовать*), окончания действия (*отстрадать*, *перебродить*), распространения действия на определенный промежуток времени (*поработать*, *простоять*, *переждать*) и др. Только с основами существительных мужского рода одушевленных сочетаются суффиксы с модификационным значением «женскости»: *писатель — писательница*, *студент — студентка*.

3. Лексические значения. Сочетаемость словообразовательных аффиксов может быть ограничена как крупными лексико-грамматическими разрядами, так и узкими лексическими группами мотивирующих слов. Ряд аффиксов (суффиксы прилагательных, обозначающих степень качества, глагольный суффикс *-е-* со значением становления признака, суффиксы существительных со значением отвлеченного признака) сочетаются почти исключительно с основами качественных прилагательных (*беловатый*, *страшенный*, *светлеть*, *краснота*). Только с названиями животных сочетаются суффиксы *-оныш* (слова со значением детеныша животного, названного мотивирующим существительным: *змеёныш*), *-ин(ый)* (*куриный* и т. п., исключение: *тополиный*), *-ач(ий)* (*гагачий*, *кошачий*). Глаголы с префиксом *пере-*, обозначающие повторно и иначе осуществленное действие, мотивируются лишь глаголами, обозначающими активное действие, направленное на достижение определенного результата: *перегладить плохо выглаженную рубашку*, но не **перегладить ребёнка по голове*. Отглагольные существительные с суффиксом *-от(а)* почти исключительно мотивируются глаголами со значением физического (в том числе физиологического) состояния (*дремота*, *ломота*, *зевота*, *икота*, *тошнота*).

Семантические ограничения сочетаемости морфем с мотивирующими словами могут объясняться совместимостью или несовместимостью значений: например, значение принадлежности (у суффиксов притяжательных прилагательных) совместимо только со значением одушевленности мотивирующих существительных.

II. Формальные ограничения сочетаемости аффиксов и мотивирующих слов (основ) обусловлены чаще всего фонемным составом основ и аффиксов, реже — их слоговым составом или акцентными свойствами.

Из-за фонологических ограничений префиксальные морфы, оканчивающиеся на согласную, не могут соединяться с рядом сочетаний фонем, стоящих в начале корня; *в-* + *мч* (ср. *вомчаться*), *из-* + *лг* (ср. *изолгаться*), *об-* + /л’с’т’/ (ср. *обольстить*), *с-* + /л’j/ (ср. *солью́*) и т. п. Фонологически возможное сочетание может быть невозможно на стыке определенных морфов: морфы *-ни*/j/-, *-ти*/j/-, *-льн(я)*, *-лищ(е)*, *-шк(а)*, *-ва-* и др. невозможны после согласных (*наказание*, *прикрытие*, *купальня*, *хранилище*, *замашка*, *знавать*). Сочетаемость аффикса с основой мотивирующего слова может зависеть от ее морфонологических преобразований: так, выбор морфов типа *под-* или *подо-* зависит во многих случаях от наличия в последующем корне чередования «/о/ — нуль»: *подобрать* (ср. *подберу*), но *подбросить*; выбор морфов *-ок*/*-ик* с уменьшительным значением, выступающих после шипящих, зависит от того, выступает ли данная шипящая на месте заднеязычной (в этом случае выступает морф *-ок*: *луг — лужок*) или шипящей (*экипаж — экипажик*) согласной в основе мотивирующего слова.

Количеством слогов предшествующего морфа обусловлена сочетаемость морфов *-тость* (*спетость*), *-ти*/j/- (*пожатие*, *пролитие*), выступающих только после односложного корня. Ударением мотивирующих слов вызвано ограничение сочетаемости морфа *-ость* с основами мотивирующих прилагательных: слова с этим безударным суффиксом почти не образуются от прилагательных с ударным окончанием (ср. *сме́лый* — *сме́лость* и т. п.; исключения: *цветно́й* — *цве́тность*, *слогово́й* — *слого́вость*).

Формальные ограничения сочетаемости аффиксов с мотивирующими словами (основами) преодолеваются либо посредством морфонологических преобразований основы (усечение, наращение морфем), либо посредством использования синонимичного морфа.

III. Морфемные словообразовательные ограничения сочетаемости состоят в том, что аффиксы выступают в сочетании с теми мотивирующими словами (основами), которые характеризуются определенными словообразовательными свойствами. Префикс *наи-*, компоненты сложных слов *само-* и *все-*, сочетаясь с мотивирующими прилагательными, избирают в качестве последних только прилагательные с суффиксом *-ейш-*/*-айш-*/*-ш-*: *наислабейший*, *наихудший*; *самоновейший*, *самопервейший*; *всенижайший*, *всемилостивейший*. Суффиксы с модификационным значением «женскости» *-ница* и -/j/- сочетаются только с основами существительных — названий лица соответственно с суффиксами *-тель* и *-ун*: *читатель* — *читательница*, *бегун* — *бегунья* и т. п. (исключения: *гостья* и *сватья*).

IV. Формально-грамматические ограничения состоят в том, что словообразовательный аффикс сочетается только со словами (основами), относящимися к определенному формально-грамматическому классу. Так, сочетаемость суффиксов притяжательных прилагательных *-ин* и *-ов* ограничена типом склонения: *-ин* сочетается только с основами существительных II склонения: *мама* — *мамин*, *дядя* — *дядин*, *Коля* — *Колин*; *-ов* — только с основами существительных I склонения.

V. Стилистические ограничения состоят в том, что аффиксы выступают в сочетании лишь с теми мотивирующими словами (основами), которые обладают общим стилистическим свойством. Только с нейтральными и разговорными (но не с книжными) мотивирующими сочетаются суффиксы существительных *-ловк(а)* (*грабить* — *грабиловка*, *обдирать* — *обдираловка*), *-л-* (*приставать* — *приставала*, *надувать* ʽобманывать' — *надувала*), *-аг(а)* (*бродить* — *бродяга*, *доходить* ʽдостигать крайней степени истощения/изнеможения' — *доходяга*) и др. Только с нейтральными и книжными (но не с разговорными) мотивирующими в узуальных словах сочетаются суффиксы существительных *-есс(а)* (*поэт* — *поэтесса*, *гранд* — *грандесса*), *-ис(а)* (*актер* — *актриса*, *аббат* — *аббатиса*), *-оид* (*металл* — *металлоид*, *сфера* — *сфероид*), *-ик(а)* в собирательном значении (*символ* — *символика*, *симптом* — *симптоматика*) и др.

VI. Синхронно-диахронические ограничения заключаются в том, что формант выступает в сочетании лишь с теми мотивирующими основами, которые обладают определенными диахроническими свойствами, сохраняющимися в синхронном состоянии языка. Многие заимствованные аффиксы сочетаются почти исключительно с основами заимствованных слов, осознающихся как иноязычные заимствования в современном языке: таковы суффиксы *-атор*/*-итор* (*рационали-*

зировать — рационализатор, *репетировать — репетитор*), *-ор* (*дирижировать — дирижёр*), *-ат* (*фильтровать — фильтрат*), *-аци*/j/-/*-ци*/j/-/*-и*/j/- (*деградировать — деградация*, *абстрагировать — абстракция*, *репрессировать — репрессия*) и др.

С помощью словообразовательных средств в Р.я. выражаются следующие словообразовательные значения: модификационные (выражающие определенный признак, добавляемый к значению мотивирующего слова), транспозиционные (переводящие мотивирующее слово в другую часть речи без изменения других компонентов его значения), мутационные (выражающие иное понятие по сравнению с тем, что названо мотивирующим словом) и соединительное (выражающее соединение того, что выражено простыми основами в составе сложного слова). У существительных словообразовательно выражены: модификационные значения — женскости (*пассажирка*, *повариха*, *героиня*), невзрослости (*слонёнок*, *подсвинок*), уменьшительности (*шумок*, *статуэтка*), ласкательности (*сторонушка*, *сынуля*), увеличительности (*домище*, *раскрасавец*) и др.; мутационное значение «предмет — носитель предметного, непроцессуального или процессуального признака» (*рыбак*, *медяк*, *вожак*) с его различными конкретизациями, например: «лицо — производитель действия» (*носильщик*, *преподаватель*), «лицо — носитель предметного признака» (*гитарист*), «животное — носитель непроцессуального признака» (*сивка*), «неодушевленный предмет, предназначенный для совершения действия» (*умывальник*, *носилки*) и др.; транспозиционное значение — при мотивации глаголами (*ходьба*, *бег*) и прилагательными (*смелость*, *краснота*); соединительное значение (*лесостепь*). У прилагательных словообразовательно выражены модификационные значения степени проявления признака (*беловатый*), ласкательное (*беленький*), значение отрицания или противоположности (*невесёлый*) и др.; транспозиционное значение (*вчера — вчерашний*); мутационное значение «непроцессуальный признак, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим словом» с его различными конкретизациями: «сделанный или состоящий из чего-либо» (*кожаный*, *деревянный*), «обладающий чем-либо» (*рогатый*), «предназначенный для какого-либо действия» (*шлифовальный*) и др., соединительное значение (*ярко-красный*). У глаголов с помощью словообразовательных аффиксов выражены модификационные значения, указывающие на направление действия в пространстве (*подойти*, *увезти*), степень интенсивности действия (*перепугать*, *поотстать*), характер совершения действия во времени (*запеть*, *толкнуть*, *постукивать*) и др.; мутационные значения: «становиться каким-либо/кем-либо» (*прочнеть*, *сиротеть*), «совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим именем», представленное различными конкретизациями: «совершать действия, свойственные кому-либо/ какому-либо» (*партизанить*, *плутовать*, *столярничать*, *тиранствовать*; *глупить*, *лютовать*, *жадничать*), «наделять чем-либо/каким-либо признаком» (*ваксить*, *финансировать*; *разнообразить*, *ровнять*), «действовать с помощью чего-либо» (*боронить*, *циклевать*) и др.; соединительное значение (*полулежать*, *самозатачиваться*). У наречия словообразовательно выражены модификационные значения степени признака (*рановато*, *строго-настрого*), ласкательности (*украдочкой*), отрицания или отсутствия признака (*ненадолго*) и др.; транспозиционное значение (*смело*, *вразброд*), мутационные значения, выражающие признак по его

отношению к тому, что названо мотивирующим существительным (*вечером*, *доро́гой*, *вначале*, *вполголоса*), соединительное значение (*полушутя*).

2.5.3. Р.я. обладает разнообразными структурами п р о с т о г о предложения, противопоставленными по признаку двукомпонентности/однокомпонентности; вне этого противопоставления находятся многочисленные фразеологизированные конструкции, не обладающие формальными синтаксическими характеристиками.

Двукомпонентные предложения противопоставлены друг другу по признаку согласуемости (координируемости) или несогласуемости (некоординируемости) его главных членов — подлежащего и сказуемого. Предложения с согласуемыми (координируемыми) главными членами могут иметь в качестве сказуемого как глагол (глагольное сказуемое, в своих формах координируемое с подлежащим), так и имя: *Завод работает*/*работал*; *Город красив*; *Дом — новый*; *Этот сад — наш*; *Москва — столица*; *Отец — инженер*. Предложения с несогласуемыми (некоординируемыми) главными членами также могут иметь в качестве сказуемого глагол (инфинитив или глагольное междометие) либо имя — существительное (без предлога или с предлогом), неизменяемое прилагательное, наречие: *Задача — учиться*; *Его цель — поехать в город*; *Татьяна — ах!*; *Он бултых в воду*; *Этот дом — моего отца*; *Украшение — из золота*; *Эта книга — интереснее*; *Хозяин — дома*; *Музей — в двух шагах*. Как двукомпонентные, так и однокомпонентные предложения в Р.я. изменяются на модально-временной оси (см. 2.3.6.).

Однокомпонентные предложения могут иметь в качестве главного члена имя в именительном падеже (*Тишина*; *Ночь*; *Зима* и т. п.), инфинитив (*Молчать!*; *Не пройти* и т. п.) и в условиях конситуации — самые разнообразные формы (в этих случаях часто усматривается неполнота предложения), например: *К ответу!*; *Сюда!*; *Иду* и т. п.

Субъектно-объектные отношения выражаются в активной конструкции предложения (см. 2.3.5.) прежде всего отношением между подлежащим и сказуемым (подлежащее выражает субъект) и между сказуемым и дополнением (дополнение выражает объект); однако эта характеристика является самой общей и неполной, поскольку, с одной стороны, объектные отношения свободно выражаются разными формами внутри так называемого причастного и деепричастного оборотов, разных видов обособлений, а, с другой стороны, для Р.я. характерна мена субъектных и объектных значений, обусловленная только изменением порядка слов в активной конструкции и переносом объектной формы в субъектную позицию (см. 2.3.4.).

В пассивной конструкции предложения (см. 2.3.5.) субъектно-объектные отношения противоположны: подлежащее регулярно выражает объект, а дополнение (в форме творительного падежа) — субъект.

Порядок слов в Р.я. традиционно считается свободным, поскольку в нем допускается мена мест всех членов предложения — как главных, так и второстепенных. Однако на самом деле эта свобода является относительной: с одной стороны, такая мена недопустима по отношению к содержательно нерасчленимым синтаксическим блокам, а с другой, любая перестановка членов предложения, обусловленная темо-рематическими отношениями, требованиями экспрессии (эмфазы) либо индивидуальной художественной задачей, обязательно влечет за собой смысловые изменения различного характера: как собственно синтаксиче-

ские (см. 2.3.4.), так и инверсионные, т. е. связанные с выделением темы и ремы или с экспрессивным выделением того или иного члена предложения. Каждому типу предложения свойственны определенные правила словопорядка, его актуализации и экспрессивного функционирования. Таким образом, порядок слов в Р.я. является активным синтаксическим, темо-рематическим и эмфатическим средством выражения соответствующих значений.

Синтаксические позиции характеризуются с точки зрения порядка расположения в предложении его главных и второстепенных членов. Существуют позиции подлежащего, сказуемого, дополнения, определения (согласуемого и несогласуемого, а также так называемые обстоятельства) и позиции детерминирующего члена предложения, т. е. квалификатора (распространителя) предложения в целом. В нейтральной речи эти позиции достаточно стабильно распределены, и эта распределенность описывается в грамматиках. Однако существует большая свобода варьирования позиций, обусловленная названными выше факторами словопорядка. Меной позиций достигаются различные приемы синтаксического варьирования.

Существуют два вида таких отношений: отношения присловные, предопределяемые синтаксическим потенциалом слова как отдельной языковой единицы, и отношения, возникающие в предложении и определяющие собой его грамматическое устройство. К первым принадлежат такие связи, которые выражают определительные отношения (согласование, а также разные виды примыкания) и объектные отношения (управление); существует различная степень силы (облигаторности) этих связей, определяемая категориальными свойствами слова — его значениями (частеречным, частным грамматическим, лексическим). Все присловные связи переносятся в предложение и по-разному в нем функционируют, причем это функционирование характеризуется главным образом расширением их сочетательных возможностей и обогащением функций. К синтаксическим отношениям, возникающим в предложении, относится прежде всего координация (*Он вошёл* — *Они вошли* и т. п.) подлежащего со сказуемым (внешне совпадающая с согласованием, но отличающаяся от него своим синтаксическим значением), связь детерминирующего члена с предложением в целом (внешне совпадающая с примыканием, но не являющаяся присловной связью), а также разнообразные связи, которые можно назвать аналогами согласования (в случаях типа *Он вошёл в комнату весёлый*/*весёлым*; *Застал отца больного*/*больным*; *Он приехал как ревизор*/*ревизором*/*в качестве ревизора*).

Вопрос выражается как специальными интонационными конструкциями (присущими всем видам предложений), так и специальными синтаксическими конструкциями (соответственно интонационно окрашенными) — например, с частицами *разве*, *неужели*, *ли* с вопросительными местоимениями. Вопросительные предложения характеризуются комплексами первичных и вторичных функций. К первичным функциям вопросительных предложений относятся разные виды запроса о сообщении, к вторичным — разные виды экспрессивно окрашенного утверждения, например, риторический вопрос, вопрос-порицание, вопрос-несогласие и др.

2.5.4. В Р.я. представлены три типа с л о ж н ы х предложений: 1) с союзной связью; 2) с относительной (местоименной) связью; 3) бессоюзные. Среди пред-

ложений с союзной связью выделяются предложения с сочинительными союзами. В конструкциях с сочинительными союзами (*и*, *а*, *но*, *да*, *или*, *либо* и их многочисленные модификации) представлены разные виды «равноправных» отношений: соединение, присоединение, перечисление, противопоставление, сопоставление, разделение. Сложные предложения с «неравноправными» отношениями между частями оформляются при помощи подчинительных союзов, а также относительной (местоименной) связи. Зависимая часть, вводимая подчинительным союзом (*что*, *чтобы*, *потому что*, *ибо*, *так как*, *так что*, *для того чтобы*, *хотя* и др.), выполняет функцию, близкую к функции члена предложения: здесь выражаются отношения изъяснительные, причинные, целевые, условные, уступительные и разные виды их контаминаций. В предложениях с местоименной связью (посредством местоименных слов: *кто*, *что*, *какой*, *который*, *чей*, *где*, *куда*, *откуда*, *когда*, *зачем* и др.) зависимая часть также выполняет функцию того или иного члена предложения, обычно атрибутивную в широком смысле этого слова, в том числе обстоятельственно-локальную и обстоятельственно-темпоральную. В этих конструкциях местоименная связь — обычно двусторонняя: местоименное слово в придаточной части, как правило, опирается на местоименный коррелят в главной части: *Он побывал там, где никто не бывал*; *Я пришёл за тем же, за чем и ты*; *Жара такая, какой не бывало много лет*.

Бессоюзные предложения практически дублируют все виды отношений, выражаемых сложными предложениями с союзной и местоименной связью. При бессоюзии связь между частями сложного предложения выражается интонационно (всегда), а также лексическими средствами, в том числе дейктическими; исключение составляют бессоюзные конструкции, в которых связь между частями сложного предложения выражена специальной формой сказуемого, типа *Приди он вовремя, беды бы не случилось*, *Попроси я его, он бы мне помог*.

Отношения, выражаемые в сложных предложениях, во многих случаях дублируются причастными и деепричастными оборотами, выполняющими семантические функции зависимой части сложного предложения.

Для русского синтаксиса характерно наличие и более сложных образований, именуемых сложным синтаксическим целым (или синтаксическим единством), в котором разнообразные связующие средства — союзные, местоименные, аспектуально-темпоральные, собственно лексические соединяют в некую синтаксическую целостность несколько простых или сложных предложений или их контаминаций.

2.6.0. Основные группы заимствованных слов различаются источником и временем заимствования.

С л а в я н и з м ы — слова, проникшие в Р.я. из старославянского и церковнославянского языков (см. 1.5.0.). Многие старославянские и церковнославянские слова в Р.я. имеют формальные отличительные признаки: неполногласные сочетания *ра*, *ре*, *ла*, *ле*, соответствующие русским полногласным *оро*, *ере*, *оло*, *еле*: *прах* — *порох*, *брег* (ср. *прибрежный*) — *берег*, *влечь* — *волочь*, *глава* — *голова*; сочетания *ра*, *ла* в начале слова, соответствующие русским *ро*, *ло*: *разница* — *розница*, *рознь*, *ладья* — *лодка*, *равный* — *ровный*; сочетание *жд* в соответствии с русским *ж*: *гражданин* — *горожанин*, *между* — *межа*, *смежный*, *чуждый* — *чужой*, *нужда* — *нужный*, *рождать*, *рождение*, *рождество* — *рожать*,

роженица; *щ* (из старославянского *шт*) в соответствии с *ч*: *мощь* — *мочь*, *пещера* — *Печоры* (географическое название, ср. *Киево-Печерский монастырь*), *освещать* — *свеча*, *лежащий* — *лежачий*, *живущий* — *живучий*; *е* в соответствии с *о* в начале слова: *единый*, *единица* — *один*, *одинокий*; *а* в соответствии с *я* в начале слова: *агнец* — *ягнёнок*; твердый звук [з] в соответствии с [г]: *притязание*, *состязание* — *тягаться*, *польза* (ср. родственные *льгота*, *лёгкий*), *осязать* (ср. родственное *посягать*). От слов, имеющих указанные приметы, возможны образования, не являющиеся славянизмами: *охранка*, *хладокомбинат*, *страноведение*, *здравоохранение* и др. Значительная часть славянизмов представляет собой кальки греческих слов (см. 1.6.0.). Ряд слов, по-видимому, проник в древнерусскую речь устным путем из древнеболгарского языка в процессе непосредственного общения с болгарами, возможно, еще до принятия христианства: *овощ*, *виноград*, *сладкий*, *плен*, *шлем*, *время*, *врач*, *срам*, *власть*, *влага*, *облако*, *вещь* и др.

Заимствование из греческого (среднегреческого, или византийского) языка могло осуществляться как устным путем (непосредственно при контактах с византийцами и через болгарское посредство), так и книжно-письменным путем — после появления на Руси книг из Болгарии. К числу устных заимствований относятся, по-видимому, *кровать*, *коромысло*, *полати*, *терем*, *парус*, *уксус*, *фонарь*, *хор*, *тетрадь*, *анис*, *кедр*, *свёкла* и др. Книжным путем в древнерусский язык из греческого языка через старославянский проникли такие слова, как *ад*, *ангел*, *апостол*, *евангелие*, *епископ*, *икона*, *монастырь*, *монах*, *панихида*, *пирамида*, *пономарь* и др.

Заимствования из тюркских языков, так же как и славянизмы и грецизмы, представлены уже в древнейших памятниках Р.я. К тюркизмам относятся: *алтын*, *аркан*, *армяк*, *балык*, *барсук*, *башмак*, *деньги*, *изюм*, *кабан*, *казак*, *каракуль*, *караул*, *кумыс*, *наждак*, *сазан*, *сарай*, *сундук*, *тулуп*, *табун* и др. Из других восточных языков (персидского, арабского, китайского, японского) заимствования немногочисленны. Например, *бисер* — из арабского в XI в., *базар* — из персидского в XV в., *бирюза* — из персидского в XVI в., *балаган* — из персидского в XVII в., *кинжал, бязь* — из арабского в XVII в., *изъян* — из персидского в XVIII в., *кандалы*, *бусы* — из арабского в XVIII в. К более позднему периоду относятся, например, *аятолла*, *шариат*, *шиизм* — из арабского, *кимоно*, *дзюдо*, *гейша*, *харакири*, *иена* — из японского.

Заимствование из неславянских европейских языков осуществлялось в разные эпохи с различной интенсивностью. Ряд заимствований из германских языков относится еще к общеславянской эпохе и был усвоен древнерусским языком как общеславянское наследие: *бук*, *карп*, *князь*, *король*, *купить*, *пост* (‘воздержание от скоромной пищи по предписанию церкви’), *скот*, *хлев*, *холст*. Древнерусскими заимствованиями из германских языков являются *бархат*, *вал* и др. Из скандинавских языков в разное время были заимствованы *кнут*, *крюк*, *ларь*, *пуд*, *сельдь*, *ябеда*, *якорь*, из угро-финских — *нарты*, *пихта*, *пурга*, *рига*, *тундра*, *салака*, *килька*, *навага*, *камбала* и др., из романских — *бумага*, *мушкет*, *мушкетёр*, *солдат* и др. Слова из латинского языка заимствовались преимущественно в XVII–XVIII вв.: *глобус*, *декан*, *объект*, *прокурор*, *ректор*, *школа* и др. Заимствование из западноевропейских языков особенно активизируется в новое время, начиная с эпохи Петровских реформ. Из нидерландского

языка (в основном в петровскую эпоху) заимствованы *абрикос*, *апельсин*, *вымпел*, *гавань*, *дрель*, *дюйм*, *зонтик*, *каюта*, *киль*, *конвой*, *лоцман*, *матрос*, *мачта*, *рея*, *рупор*, *трап*, *тюк*, *флюгер*, *форпост*, *штиль*, *шторм* и др.; из немецкого — *абзац*, *бутерброд*, *галстук*, *гастроль*, *глянец*, *парикмахер*, *репродуктор*, *циферблат*, *штамп* и др., французского — *авангард*, *банальный*, *балет*, *вакансия*, *вестибюль*, *галантный*, *жакет*, *жанр*, *жест*, *кафе*, *кашне*, *меню*, *наивный*, *пальто*, *партер*, *пейзаж*, *престиж*, *пюре*, *реванш*, *репертуар*, *солдат*, *сюжет*, *тираж*, *фойе* и др., итальянского — *виртуоз*, *либретто*, *соло*, *соната*, *сонет*, *сопрано*, *тенор*, *паяц*, *сода*, *шпага* и др., английского — *бойкот*, *бокс*, *бульдог*, *клоун*, *комфорт*, *лидер*, *митинг*, *сноб*, *спич*, *спорт*, *текстиль*, *флирт*, *чемпион* и др. В XVIII и XIX вв. ряд слов возник путем калькирования слов западноевропейских языков: *предмет* (лат. *objectum*), *влияние* (фр. *influence*), *всесторонний* (нем. *allseitig*), *закономерный* (нем. *gesetzmässig*), *предрассудок* (фр. *préjugé*), *вменяемость* (фр. *imputabilité*), *изысканный* (фр. *recherché*), *целесообразный* (нем. *zweckmässig*) и др.

В XX в. преобладали заимствования из английского языка (*акваланг*, *бизнес*, *глиссер*, *детектор*, *компьютер*, *контейнер*, *лайнер*, *нейтрон*, *пикап*, *рейд*, *рекордсмен*, *сейф*, *снайпер*, *спринт*, *танкер*, *телевизор*, *телетайп*, *траулер*, *хобби*, *шорты*, *шоу* и многие другие); заимствовалась лексика из французского (*демарш*, *перманент*, *пацифизм*, *пилотаж*, *призёр*, *репортаж* и др.), немецкого (*лейка* — фотоаппарат, *рентабельный*, *шлягер*), итальянского (*автострада*, *сальто*), испанского (*силос*), норвежского (*слалом*) и других языков.

В Р.я. 1980–90-х гг. закрепились заимствованные слова, преимущественно англицизмы, многие из которых обозначают новые реалии, возникшие в результате социально-экономических изменений в жизни России: *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *имидж*, *инвестор*, *клиринг*, *лизинг*, *маркетинг*, *менеджмент*, *монетаризм*, *офшор*, *риелтор*, *спонсор*, *триллер*, *холдинг*, *шоу-бизнес*, термины информатики и вычислительной техники и др.

Из с л а в я н с к и х языков наибольшее влияние на лексику Р.я. оказал польский язык, из которого заимствованы такие слова, как *адрес*, *аккуратный*, *амазонка*, *бандит*, *бзик*, *букинист*, *булка*, *забияка*, *завзятый*, *заядлый*, *минога*, *особа*, *рычаг*, *справедливый* и др.; через польский язык в XVI–XVII вв. проникло много слов из западноевропейских языков. Имеется ряд заимствований из других славянских языков: *беженец*, *грубиян*, *робот* (из чешского), *детвора*, *бандура*, *гопак*, *жупан*, *хлебороб*, *гадючник* (из украинского).

Особое место в современном Р.я. занимает интернациональный словарный фонд (с преобладающими в нем латинскими и греческими корнями), выступающий преимущественно в специальных языковых сферах.

2.7.0. В пределах территории исконного великорусского заселения (см. 1.2.1.) примерная южная граница северного наречия проходит от южного побережья Ладожского озера параллельно течению р. Волхов (несколько западнее его), севернее оз. Ильмень поворачивает на восток, далее идет вдоль течения рек Мсты и Мологи, к городам Бежецку, Калязину, Ростову и Ярославлю; границей северного наречия можно считать течение Волги. Северная граница южного наречия идет от г. Себежа на западе вдоль 56° с. ш. примерно до 35° в. д., откуда почти под прямым углом спускается до 55° с. ш., следуя далее на восток несколько се-

вернее города Медыни, к городам Коломне, Касимову и затем отклоняясь к юго-востоку до 43° в. д. Между северным и южным наречиями пролегает территория, занятая среднерусскими говорами, к которой относятся Псковская, Тверская, Московская, Владимирская, Ивановская, Нижегородская области, часть областей Новгородской, Ярославской, Рязанской.

Северное и южное наречия различаются комплексом языковых явлений (фонетических, морфологических, лексических), образующих двучленные противопоставления. Основные из этих явлений — следующие.

Для с е в е р н о г о наречия:

1) различение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в безударных слогах (оканье);

2) взрывное образование фонемы /г/ и ее произношение как [к] в конце слова и перед глухой согласной;

3) отсутствие /j/ в интервокальном положении (например, формы *делает* и *новая* произносятся как *де́л*[аэ]*т*/*дел*[аа]*т*, *но́в*[аа] или *де́л*[а]*т*, *но́в*[а]);

4) формы родительного и винительного падежа личных и возвратного местоимений *меня*, *тебя*, *себя*;

5) твердое *-т* в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов (*носит*, *носят*);

6) флексия *-ы* в форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а*: *у жоны́*, *с рабо́ты*;

7) наличие согласуемых постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-ту*, *-те* (или *-ти*): *дом-от*, *изба-та*, *жону-ту*, *и́збы-те*.

Соответственно, для ю ж н о г о наречия:

1) неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в безударных слогах (а́канье);

2) фрикативное образование фонемы /г/ — произношение ее как [γ], а в конце слова и перед глухой согласной — как [х];

3) сохранение интервокального /j/;

4) формы родительного и винительного падежа личных и возвратного местоимений *мене*, *тебе*, *себе*;

5) мягкое *-ть* в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов;

6) флексия *-е* в форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а*: *у жене́*;

7) отсутствие согласуемых постпозитивных частиц.

Примеры лексических двучленных противопоставлений (первое слово нижеследующих пар употребляется в северном наречии, второе — в том же значении в южном): *квашня* — *дежа*, *ковш* — *корец*, *зыбка* (‛колыбель’) — *люлька*, *кафтан* — *зипун*, *орать* — *пахать*, *озимь* — *зеленя*, *ягниться* — *котиться* (об овце), *лаять* — *брехать* (о собаке), *брезговать* — *гребовать*.

Среднерусские говоры, неоднородные в языковом отношении, характеризуются сочетанием разных черт, присущих как северному, так и южному наречиям. Так, в среднерусских говорах сочетается взрывное образование фонемы /г/ и неразличение гласных неверхнего подъема после твердой согласной, повсеместно проявляющееся лишь во втором предударном и заударном слогах (однако по ха-

рактеру произношения соответствующих гласных в первом предударном слоге среднерусские говоры делятся на а́кающие и о́кающие).

В пределах наречий выделяются меньшие единицы диалектного членения — группы и подгруппы говоров, например, в пределах северного наречия — ладого-тихвинская, вологодская, костромская и другие группы, в пределах южного наречия — курско-орловская, рязанская и др., в пределах среднерусских говоров — новгородская, псковская, владимиро-поволжская и др. Группы говоров выделяются на основе как общих для наречия, так и специфических местных языковых явлений. Границы между группами говоров условны, поскольку пучки изоглосс соседних групп обычно перекрещиваются.

По наблюдениям современных диалектологов, центральные русские говоры (наследники говоров Владимиро-Суздальской земли), в том числе говоры московского типа, на базе которых сформировался литературный Р.я., противопоставлены говорам периферийным (как северо-восточным, например, вологодским, так и западным) как более архаичным по своему фонетическому строю: центральные говоры более консонантны (результат сравнительно позднего фонетического развития), периферийные — более вокальны. В последних отмечается меньшее число согласных фонем, парных по твердости/мягкости, сохранение гласных фонем средневерхнего подъема /ê/ и /ô/, непереход /е/ > /о/ после мягких согласных перед твердыми, наличие неслоговых гласных звуков на месте сонорных /л/ и /в/. Этими чертами периферийные русские говоры сближаются с украинским и белорусским языками.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. 2-е изд. М., 1958.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, ч. I.

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995, т. 1–2.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Богданов С. И. Форма слова и морфологическая форма. СПб., 1997.

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.

Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Виноградов В. В. История слов. 2-е изд. М., 1999.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М., 2001.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 4-е изд. М., 2002.

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. М., 1999.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений. М., 1982.

Гаспаров М. Л. История русского стиха. М., 1959.

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Грамматика русского языка. М., 1952, т. I–II.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». М., 1995.

Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. М., 1924, вып. 1; М.; Л., 1929, вып. 2.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 3-е изд. М., 1987.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк Анна А., *Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Золотова Г. А., *Онипенко Н. К.*, *Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.

Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Братислава, 1954, ч. 1; 1960, ч. 2.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. Введение в методику позиционного анализа. М., 1986.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Краткая русская грамматика. М., 1989.

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис. Русский язык. М., 1992.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977.

Лопатин В. В., *Милославский И. Г.*, *Шелякин М. А.* Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология. М., 1989.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст». М.; Вена, 1995.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена, 1997–2001, т. 1–4.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. 2-е изд. Н. Новгород, 1994.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.

Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966, т. 1.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.; Л., 1956.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. 1–2; 1968, т. 3; 1977, т. 4.

Русская грамматика. Praha, 1979, t. I–II.

Русская грамматика. М., 1980, т. I–II.

Русская диалектология. 2-е изд. М., 1965.

Русская разговорная речь. М., 1973.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Русский язык в современном мире. М., 1974.

Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968, т. I–IV.

Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.

Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.

Современный русский язык. 3-е испр. и доп. изд. М., 1997.

Современный русский язык. Морфология. М., 1952.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.

Супрун А. Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.

Трубецкой Н. С. Морфологическая система русского языка // Избранные труды по филологии. М., 1987.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улуханов И. С. О языке древней Руси. 2-е изд. М., 2002.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // Избранные труды. М., 1970, т. I.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.

Шведова Н. Ю., *Белоусова А. С.* Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.

Шведова Н. Ю. Местоимения и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.

Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М., 1993.

Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования. М., 1999.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.

Якобсон Р. Русское спряжение. О структуре русского глагола // Избранные работы. М., 1985.

Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.

Словари и энциклопедии

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В., Гловинская М. Я., Крылова Т. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997–2003, вып. 1–3.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974.

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. 4-е испр. и доп. изд. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб., 1912, т. 1–4 [воспроизведено фототипически: М., 1994].

Елистратов В. С. Словарь московского арго. М., 1994.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы, ударение. 2-е изд. М, 1997.

Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1997.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 3-е изд. М., 1987.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. 2-е изд. М., 1984.

Новые материалы к словарю А. С. Пушкина. М., 1982.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб., 1997.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997.

Орфографический словарь русского языка. 33-е изд. М., 1998.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. 6-е изд. М., 1997.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 4-е изд. М., 1985.

Русский ассоциативный словарь. М., 1994–1998, кн. 1–6.

Русский орфографический словарь. М., 1999.

Русский семантический словарь. М., 2000, т. 1–2 [издание продолжается].

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) М., 1988–2002, т. 1–6 [издание продолжается].

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). СПб., 1995.

Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2002, вып. 1–36 [издание продолжается].

Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1981–1984, т. 1–4.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002, вып. 1–26 [издание продолжается].

Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–2003, вып. 1–13 [издание продолжается].

Словарь синонимов русского языка. Л., 1970, т. 1–2.

Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965, т. 1–17.

Словарь сокращений русского языка. 3-е изд. М., 1983.

Словарь языка Пушкина. 2-е изд. М., 2000, т. 1–4.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1903, т. 1–3 [воспроизведено фототипически: М., 1989 г.].

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. 2-е изд. М., 1990, т. 1–2.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940, т. 1–4.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник. Л., 1973.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1996, т. 1–4.

Фразеологический словарь современного русского языка. 5-е изд. М., 1994.

Частотный словарь современного русского языка. Uppsala, 1993.

М. А. Жовтобрюх, А. М. Молдован

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Название «украинский язык» (У.я.) — укр. *українська мова* принято для обозначения языка всей Украины в XX в. Украиной по крайней мере с XII в. именовались различные пограничные территории вокруг и за пределами великокняжеских киевских земель, чаще всего днепровская Украина и Запорожская Сечь; при этом язык сохранял старое название «руський». С XVII в. название Украина использовалось применительно ко всей центрально- и восточно-украинской территории. Дольше всех терминами «Русь», «руський» пользовалось украинское население западных областей Украины, входивших до 1920 г. в состав Австро-Венгерского государства, при этом великорусский язык именовался «російським» ʻроссийскимʼ или «московським» ʻмосковскимʼ. Вследствие церковно-политического противопоставления с XIV в. Малой (т. е. древней, начальной, Киевской) Руси — Великой (периферийной, прежде всего Московской) Руси, наряду с названием «русский» появился термин «малорусский», позднее «малороссийский». Однако в связи с тем, что определение «великий» применялось и для обозначения главенствующего княжества (ср. Великое княжество Владимирское), названия Великой и Малой Руси и, соответственно, «великорусский» и «малорусский» со временем подверглись переосмыслению и стали означать ʻболее vs. менее значительныйʼ, что сделало термин «малорусский» неприемлемым для названия национального языка.

1.1.1. Варианты названия (до начала XX в.): русский, малорусский, малороссийский, южнорусский (в научных работах XIX в.); англ. *Ukrainian*, нем. *Ukrainisch*, фр. *l'ukrainien*.

1.1.2. У.я. принадлежит к славянской ветви индоевропейской семьи языков, вместе с русским и белорусским входит в восточную группу славянских языков.

Основные фонетические и грамматические особенности, отличающие У.я. от русского и белорусского литературных языков:

1) отсутствие аканья;

2) /і/ на месте др.-рус. /ê/ и др.-рус. /о/ и /е/ в новых закрытых слогах: *сніг* ʽснег’, *сіль* ʽсоль’, *ніс* ʽнёс’ (др.-рус. **снѣгъ**, **соль**, **неслъ**);

3) /и/ (в латинской транскрипции /y/) на месте др.-рус. /і/: *милий* [милий], в латинской транскрипции [mylyj] ʽмилый’;

4) отсутствие мягкости согласных перед /е/ и /и/: *несли* ʽнесли’, *везли* ʽвезли’, *великий* ʽбольшой’;

5) переход древнего /е/ в /о/ только после шипящих и /й/ перед исконно твердым независимо от ударения: *чоловік* ʽмужчина’, ʽмуж’, *жонатий* ʽженатый’, *шостий* ʽшестой’, *його* ʽего’;

6) изменение [л] в [ў] в составе старых сочетаний *TъlT*, *TьlT*, *TolT* и глагольном суффиксе *-lъ*: *вовк* ʽволк’, *повний* ʽполный’, *жовтий* ʽжёлтый’, *шовк* ʽшёлк’, *сидів* ʽсидел’, *знав* ʽзнал’;

7) сохранение звонкости согласных на конце слова: *дуб* ʽдуб’, *плід* ʽплод’, *ніж* ʽнож’, *віз* ʽвоз’, *ріг* ʽрог’;

8) сохранение мягкости конечного /ц′/: *палець* ʽпалец’, *кінець* ʽконец’;

9) сохранение звательного падежа;

10) сохранение древнерусской парадигмы существительных среднего рода типа *плем’я* ʽплемя’, *теля* ʽтелёнок’;

11) сохранение старых окончаний творительного падежа *-ою*, *-ею* без сокращения их в *-ой*, *-ей*: *водою* ʽводой’, *землею* ʽземлёй’;

12) окончание существительных мужского рода *-ові*, *-еві* в дательном падеже единственного числа независимо от типа основы: *братові* ʽбрату’, *коневі* ʽконю’, *каменеві* ʽкамню’;

13) краткие формы прилагательных женского и среднего рода в именительном и винительном падеже: *нова* ʽновая’, *нову* ʽновую’, *нове* ʽновое’, *нові* ʽновые’;

14) сохранение инфинитива на *-ти* (*нести* ʽнести’, *носити* ʽносить’, *знати* ʽзнать’, *читати* ʽчитать’) и утрата инфинитива на **-či*;

15) сохранение плюсквамперфекта: *купував був* ʽпокупал’;

16) синтетическая форма будущего времени глаголов: *купуватиму* ʽбуду покупать’, *битимеш* ʽбудешь бить’ и др.

1.1.3. У.я. распространен главным образом в Республике Украина, где является государственным. Украинцы в республике составляют 77,8% (37,5 млн. чел., перепись 2001 г.). Родным У.я. назвало 67,5% (32,6 млн. чел.) населения Украины. Однако лишь 44,7% населения Украины обычно разговаривали на У.я. (по данным Киевского международного института социологии, март 2002 г.). За пределами Украины проживают около 7 млн. украинцев, из них лишь около 3 млн. пользуется У.я.: в России (1,8 млн. говорящих на У.я. из 2,9 млн. украинцев, 2002), Белоруссии (25 тыс. из 237 тыс., 1999), Молдавии (372 тыс. из 600 тыс., 1989), Казахстане (свыше 200 тыс. из 547 тыс., 1999), в других странах бывшего СССР (около 70 тыс. из 270 тыс.); на американском континенте свыше 2 млн. (из них менее 0,5 млн. пользуется У.я.), а также в Польше (около 50 тыс.), Румынии (57 тыс, 2002), Словакии (8 тыс., а также 55 тыс. с русинским языком, 2001), Чехии, Венгрии (4,5 тыс.), бывших республиках Югославии (7 тыс.), в Австралии (19 тыс. из 57 тыс.), Израиле и др. В некоторых странах приводится отдельная статистика для украинского и русинского языков (Словакия, Польша, Словения, Хорватия, Сербия, Венгрия, Румыния, см. статью

«Малые славянские литературные языки (микроязыки)» в наст. издании). Всего на У.я. в мире говорят около 36 млн. чел.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Территориальные диалекты У.я. составляют три наречия: северное (севернее линии Владимир-Волынский — Луцк — Ровно — Новоград-Волынский — Житомир — Фастов — Переяслав-Хмельницкий — Прилуки — Сумы), юго-западное (западнее линии Фастов — Белая Церковь — Ставище — Тальное — Первомайск — Тирасполь) и юго-восточное. Лингвистические особенности наречий не имеют четких границ и составляют диалектный континуум. Более древние северное и юго-западное наречия восходят в своем формировании к праславянской эпохе. Они включают ряд говоров, которые отличаются специфическими продолжениями общевосточнославянских фонетических и грамматических явлений, лексическими и синтаксическими особенностями. Юго-восточное наречие сформировалось гораздо позднее и является сравнительно однородным. Оно возникло на отвоеванных в XVI–XVIII вв. степных территориях центральной и юго-восточной Украины в результате взаимодействия диалектов новых поселенцев из северных и юго-западных областей Украины.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. У.я., согласно Конституции Украины, является государственным языком Республики Украина и в соответствии с этим статусом применяется во всех областях государственной и общественной жизни. Наряду с ним широко используется русский язык, который особенно распространен в сфере неофициального общения.

В восточных и юго-восточных областях Украины, преимущественно в городах (Запорожье, Донбасс, Кривой Рог, Одесса), а также в Крыму с XVII–XVIII вв. бытует так называемый «суржик» (исходное значение ʻсмесь ржи с пшеницей, ячменя с овсом и т. п.ʼ) — просторечие, сложившееся в результате механического соединения преимущественно украинской диалектной фонетики и грамматики с лексическим материалом преимущественно русского языка.

1.3.2. Современный литературный У.я. является общенациональным, нормализованным на всех уровнях — лексическом, фонетическом, грамматическом, орфографическом и орфоэпическом. Стандартизация литературного У.я. происходила на основе юго-восточного украинского наречия (среднеприднепровских говоров). В процессе исторического развития литературный У.я. центральной и восточной Украины воспринимал элементы других украинских говоров, в особенности юго-западных. Препятствием для развития литературного У.я. в XIX в. было отсутствие политической самостоятельности Украины (большая часть Украины входила в состав Российской империи, а Галиция, Буковина и Закарпатье — в состав Австро-Венгерской империи); положение усугублялось запрещением печатных изданий на У.я. в пределах Российской империи (Валуевский циркуляр 1863 г., Эмский указ 1876 г. и др.). Запреты не распространялись на художественную литературу, поэтому культурная деятельность в Центральной и Восточной Украине в XIX — начале XX в. была сосредоточена на ее развитии. Зачинателем литературного У.я. считается И. П. Котляревский, использовавший в поэме «Энеида» (1798) материал народных полтавских говоров. В произведениях П. Гулака-Артемовского, Е. Гребинки, Г. Квитки-Основьяненко, позднее

И. Нечуя-Левицкого и др. обрабатывались и осваивались образцы диалектной украинской речи. Основополагающее значение для развития литературного У.я. имело творчество Т. Шевченко, в котором использовались элементы разных украинских диалектов и создавались общенациональные языковые образцы для разных литературных жанров. Однако в образовательной, научной и технической сфере и других областях общественной жизни на Восточной Украине, несмотря на усилия деятелей украинской культуры (в особенности П. Кулиша), господствовал русский язык. Более благоприятные общественно-политические условия для развития литературного У.я. были на Западной Украине, где действовали украинские школы, украинские кафедры в университетах, общественные организации и объединения, издавались украинские книги, газеты и журналы и т. п. Практическое знакомство западных украинцев с европейскими языками, в особенности польским и немецким, способствовало обогащению литературного У.я. научной и технической терминологией, развитию его словообразовательной системы и лексической семантики. С другой стороны, западноукраинские писатели свободнее пользовались материалом русского языка (некоторыми восточноукраинскими деятелями культуры это воспринималось как уступка царскому самодержавию) и прежде всего богатым опытом адаптации русским языком церковнославянизмов. Значительную роль в формировании общенациональной «языковой программы» играли художественные и публицистические произведения таких украинских писателей, как Леся Украинка, М. Коцюбинский и, в особенности, И. Франко. После отмены царского указа в 1905 г., когда появилась возможность издавать газеты и журналы в Центральной и Восточной Украине, западноукраинский языковой материал стал частью общеукраинского литературного языка. После 1917 г. на Украине начался процесс национального строительства, в ходе которого осуществлялась активная языкотворческая работа, ее результатом в конечном счете стал современный литературный У.я.

1.3.3. На У.я. ведется преподавание в большинстве школ Украины, а также в специальных средних и высших учебных заведениях. В школах с иным языком обучения У.я. изучается по обязательной программе. Центрами специального исследования У.я. являются академические институты (в Киеве — Институт украинского языка и Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, во Львове — Институт украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины), университеты и педагогические институты.

1.4.0. Современное украинское письмо сформировалось на основе кириллицы. Алфавит включает 33 буквы; отличие его от русского составляют буквы *ґ*, *є*, *і*, *ї*, а также апостроф ('); с другой стороны, в нем нет букв *ё*, *ъ*, *ы*, *э*. Буква *г* обозначает звонкий фарингальный фрикативный [г] (*горе* ʽгоре'). Буква *ґ* указывает на произношение взрывного [g] в заимствованных и некоторых диалектных (в основном заимствованных) словах: *ґімназія* ʽгимназия', *синаґоґа* ʽсинагога', *ґазда* ʽхозяин', *ґлей* ʽкамедь', ʽглина', ʽил', *ґльоґати* ʽклевать', ʽжадно глотать'. Буквы *є*, *ю*, *я* используются для обозначения, соответственно, [е], [у], [а] после мягких согласных (*ллє* ʽльёт', *любов* ʽлюбовь', *свято* ʽпраздник'), а также для обозначения сочетания [й] с гласными [е], [у], [а] (йотации) в начале слова, после гласного или твердого согласного (для обозначения твердости согласного перед йотированным гласным на письме ставится апостроф): *єднає* ʽобъединяет', *юнак*

ʽюноша', *червонію* ʽкраснею', *яскравий* ʽяркий', *гаяти (час)* ʽтерять (время)', ʽмедлить', *м'ясо* ʽмясо', *б'є* ʽбьёт'. Буква *ї* обозначает сочетание звуков [й] и [і] в начале слова или слога: *її* ʽеё', *їжа* ʽеда', *солов'їний* ʽсоловьиный', *надії* ʽнадежды'. Буква *й* перед *о* обозначает [й] (*його* ʽего'), в остальных позициях — неслоговой [i̯]: *йду* ʽиду', *гай* ʽроща'. Буквой *щ* обозначается звукосочетание [шч]: *щур* ʽкрыса'. Для обозначения фонем /д͡ж/, /д͡з/, /д͡з'/ нет специальных букв, они записываются соответствующими диграфами. Орфография основана на морфонематическом принципе.

1.5.0. Украинские памятники древнерусского периода отражают ряд явлений, противопоставляющих украинские диалекты другим восточнославянским диалектам. Наиболее древним из этих явлений является фрикативное /г/ и отсутствие палатализации согласных перед /е/. Так называемое падение редуцированных (конец XI — XII в.) и последовавшие за ним фонетические, фонологические и морфонологические изменения протекали в У.я. в основном аналогично русскому и белорусскому языкам, но отчасти иначе: произошло удлинение и дифтонгизация праславянских /е/ и /о/ перед слогами с утраченными /ъ/ или /ь/: [конь] > [куо̯н'], [печь] > [піе̯ч'] (это /іе̯/ на месте этимологического /е/ иногда, вопреки орфографической традиции, отражалось на письме буквой *ѣ* — так называемый «новый ять»), отвердение согласных перед /и/, рефлексация **TrъT*, **TlъT* в *-ри-*, *-ли-*, переход /л/ в /в/ на конце слова и слога и т. п. Политический распад древнерусского государства после завоевания его монголо-татарами способствовал расхождению украинских диалектов с русскими и белорусскими.

В XIV–XVI вв. большая часть Украины входила в состав Великого княжества Литовского, в котором западнорусский (украинско-белорусский, или «руський») деловой язык был языком государственной канцелярии.

В деловых документах этого времени отмечаются написания, указывающие на развитие фонетической и грамматической системы У.я.: появление протетического /і/ в начале слова перед сонорными (*ильвовскии* ʽльвовский', *илжа* ʽложь' и т. п.); упрощение сочетаний трех и более согласных, образовавшихся после падения редуцированных (**мѣстьцє** ʽместо' > *мѣсце*); утрата конечного /л/ после согласных в *l*-формах глагола (**ѵмєрлъ** ʽумер' > *умер*); образование долгих согласных вследствие прогрессивной ассимиляции исконно мягкими согласными последующего [й] (*знання* ʽзнание', *життя* ʽжизнь'); аналогическое выравнивание основ с гласными на месте слабых редуцированных (*лоб* ʽлоб' — род. п. *лоба*, твор. п. *лобом*; *рот* ʽрот' — род. п. *рота*, твор. п. *ротом* и т. п.) и др. Приблизительно к первой половине XVII в. складываются основные системные фонетические и грамматические особенности, характерные для современного У.я. (см. 1.1.2.).

1.6.0. Две фонемы — /ф/ и /ґ/ — появились в У.я. в результате лексических заимствований из других языков (/ґ/, кроме того, в некоторых звукоподражательных словах), причем проникновение /ф/ в У.я. сначала ограничивалось литературным (церковнославянским) языком, а в диалектах заменялось на /п/, /в/, /х/ или /$х^{в}$/ (ср. старые народные параллели христианским именам: **Филипъ** — *Пилип*, **Стєфанъ** — *Степан*, **Єфрємъ** — *Охрім*), но в дальнейшем охватило и диалекты, ср. не только *фабрика* ʽфабрика', *ефір* ʽэфир', *форма* ʽформа', *кафедра* ʽкафедра', но и *фіра* ʽтелега', *фіранка* ʽзанавеска', *флояра* ʽсвирель' и др. Подобным образом фонема /ґ/ представлена в словах, заимствованных не только в ли-

тературный язык, но и в диалекты: *ґейм* ʻгейм’, *ґанок* ʻкрыльцо’, *ґазда* ʻхозяин’, *ґелготати* ʻгоготать’, *ґирлиґа* ʻпастуший посох’, *ґірта* ʻжердь, поддерживающая грядки телеги’.

Словообразовательная система включает заимствованные интернациональные префиксы (*а*-, *анти*-, *архи*-, *віце*-, *де*-, *дис*-, *контр*-, *ре*-, *супер*-, *ультра*-, *екс*-, *екстра*-) и суффиксы (-*ер*, -*аж*, -*ізм*, -*іст* и др.).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В современном У.я. 38 фонем: шесть гласных и 32 согласные, в том числе твердых 22, мягких десять.

Гласные

Подъем	Ряд		
	Передний	Непередний	
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	і		у
Верхне-средний	и		
Средний	е		о
Нижний		а	

Гласные /у/ и /о/ — лабиализованные. Фонема /и/ представляет собой переднюю гласную верхне-среднего подъема. Фонема /а/ артикулируется в ударной позиции как гласная заднего ряда.

Согласные

По способу образования		По месту образования					
		Губные		Язычные			Фарингальные
		Губно-губные	Губно-зубные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	
Смычные	Гл.	п		т	т′	к	
	Зв.	б		д	д′	ґ	
Фрикативные	Гл.		ф	с с′ ш		х	
	Зв.	в		з з′ ж	й		г
Аффрикаты	Гл.			ц ц′ ч			
	Зв.			д͡з д͡з′ д͡ж			
Носовые		м		н	н′		
Боковые				л	л′		
Дрожащие				р р′			

Примечание: Поскольку в украинской графике знак апострофа (’) используется как графема, в данной статье палатализация обозначается косым штрихом (′).

Особенностью фонемной системы согласных является наличие звонких аффрикат /д͡ж/, /д͡з/, /д͡з′/ и фарингальной фрикативной фонемы /г/.

Согласные /в/, /м/, /н/, /л/, /р/, /й/, а также /н′/, /л′/, /р′/ — сонорные.

Губные, шипящие, заднеязычные и /г/ — твердые: *голуб* [голуб] ʻголубь’, *степ* [степ] ʻстепь’, *верф* [верф] ʻверфь’, *сім* [с′ім] ʻсемь’, *сипте* [сипте] ʻсыпьте’, *м’ята* [мйата] ʻмята’, *п’ять* [пйат′] ʻпять’, *в’язати* [вйазати] ʻвязать’, *б’ю* [бйу]

ʻбьюʼ, *ріжте* [ріжте] ʻрежьтеʼ, *річ* [річ] ʻвещьʼ, *ходиш* [ходиш] ʻходишьʼ, *сокира* [сокира] ʻтопорʼ, *хитрий* [хитрий] ʻхитрыйʼ, *герб* [герб] ʻгербʼ. О позиционном смягчении твердых согласных см. 2.1.3.

Мягкие /д′/, /т′/, /л′/, /н′/ и /й/ артикулируются как среднеязычные: *діло* [д′іло] ʻделоʼ, *тіло* [т′іло] ʻтелоʼ, *літо* [л′іто] ʻлетоʼ, *ніж* [н′іж] ʻножʼ.

Фонема /ц′/ сохранила древнюю мягкость: *палець* [пале^{и}ц′] ʻпалецʼ, *пальця* [пал′ц′я] ʻпальцаʼ.

Фонема /ф/ используется только в заимствованных словах (см. 1.6.0.).

В некоторых морфологических категориях представлены долгие смягченные согласные [т′:], [д′:], [ч′:], [ш′:], [ц′:], [с′:], [з′:], [ж′:], [н′:] — чаще всего в девербативах типа *знання* ʻзнаниеʼ, *життя* ʻжизньʼ, а также в существительных женского рода в творительном падеже единственного числа: *тінню* ʻтеньюʼ, *ніччю* ʻночьюʼ.

2.1.2. Ударение динамическое, разноместное и подвижное. Благодаря разноместности и подвижности оно может выступать в качестве средства различения омонимов и грамматических значений: *обі́д* ʻобедʼ — *о́бід* ʻободʼ, *п'яти́* ʻпятиʼ — *п'я́ти* ʻпяткиʼ, *траві́* ʻтравы́ʼ (род. п. ед. ч.) — *тра́ви* ʻтра́выʼ (им. п. мн. ч.), *вино́сити* ʻвыноси́тьʼ (несов. вид) — *ви́носити* ʻвы́носитьʼ (сов. вид). В сложных словах выделяется второстепенное ударение, в многокомпонентных сложных словах таких ударений может быть несколько: *а̀втомо̀тоспорти́вний* ʻавтомотоспортивныйʼ. Разница в долготе ударных и безударных слогов незначительна. Последний в слове безударный слог отличается от остальных большей долготой.

Существуют проклитики (предлоги, союзы, частицы, вспомогательные глаголы, местоимения: *на березі* ʻна берегуʼ, *до міста* ʻв городʼ, *а він* ʻа онʼ, *не зрозумів* ʻне понялʼ, *був терплячий* ʻбыл терпеливʼ, *мій син* ʻмой сынʼ, *два дні* ʻдва дняʼ) и энклитики (короткие знаменательные слова, частицы, вспомогательные глаголы, местоимения и др.: *на ніч* ʻна ночьʼ, *той же* ʻтот жеʼ, *прийшов був* ʻпришёл былоʼ, *колектив наш* ʻколлектив нашʼ).

2.1.3. Г л а с н ы е в безударных слогах в стандартном литературном (например, в официальном) произношении в основном сохраняют свое качество. В неофициальной разговорной речи возможна их частичная редукция и, как следствие, сближение между собой.

Гласная /а/ под ударением после палатализованного и между палатализованными согласными произносится в средне-переднем ряде: *сяду* [с′ӓ́ду] ʻсядуʼ, *сядь* [с′ӓд′] ʻсядьʼ; безударная /а/ артикулируется как гласный среднего ряда среднего подъема.

Гласная /и/ является результатом слияния древнерусских /і/ и /у/, осуществившегося в У.я. в период с конца XIII до середины XV в. (**липа** > *липа* ʻлипаʼ, **сынъ** > *син* ʻсынʼ) и, в отличие от других восточнославянских языков, артикулируется в зоне [е]. Поэтому /и/ в неударной позиции обычно произносится как [и^{е}]: *живу* [жи^{е}ву́] ʻживуʼ, а /е/ в неударной позиции обычно произносится как [е^{и}]: *тепер* [те^{и}пе́р] ʻтеперьʼ. При этом фонемы /е/ и /и/ в безударной позиции перед слогом с /е/ реализуются в варианте [е^{и}]: *несе* [не^{и}се́] ʻнесётʼ, *живе* [же^{и}ве́] ʻживётʼ, а перед слогом с /и/ — в варианте [и^{е}]: *неси* [ни^{е}си́] ʻнесиʼ, *живи* [жи^{е}ви́] ʻживиʼ.

Гласная /о/ менее лабиализована, чем /у/, но в позиции перед ударным слогом с /у/ вследствие ассимиляции реализуется в варианте [о^{у}]: *зозуля* [зо^{у}зу́л′а]

ʽкукушка’, *кожух* [коужу́х] ʽкожух’. Несколько менее лабиализуется /о/ в позиции перед ударным /і/: *тобі* [тоуб′і́] ʽтебе’, *собі* [соуб′і́] ʽсебе’, *ходім* [хоуд′і́м] ʽидём’, ʽпошли’.

Гласная /і/ в безударной позиции в начале слова или после гласного произносится как неслоговой [і̯]: *йти* [і̯ти́] ʽидти’, *зайти* [заі̯ти́] ʽзайти’.

Гласная /у/ в безударной позиции в начале слова и после гласного произносится как неслоговой [ў]: *вчити* [ўчи́ти] ʽучить’, *навчити* [наўчи́ти] ʽнаучить’.

В области к о н с о н а н т и з м а особенностью У.я. является звонкое произношение согласных: звонкие согласные не оглушаются в конце слова (*зуб* [зуб] ʽзуб’, *ніж* [ніж] ʽнож’, *сніг* [сніг] ʽснег’) и, за редким исключением, перед глухими (*книжка* [книжка] ʽкнижка’, *кладка* [кладка] ʽкладка’). Глухие фонемы реализуются в виде парных звонких в позиции перед звонкими: *боротьба* [бород′ба] ʽборьба’, *просьба* [проз′ба] ʽпросьба’, *вокзал* [воґзал] ʽвокзал’.

Позиционные варианты фонем, являющиеся результатом регрессивной ассимиляции по звонкости-глухости, довольно распространены на стыке согласных неодинаковой артикуляции, например, перед зубной /ц′/ шипящая фонема /ж/ реализуется в звуковом варианте [з′], фонема /ш/ — в звуковом варианте [с′], /ч/ — в [ц′]: *ложці* [лоз′ц′і] ʽложке’, *пляшці* [пл′ас′ц′і] ʽбутылке’, *сорочці* [сороц′ц′і] ʽрубашке’; фонема /ш/ в позиции перед /с′/ реализуется в долгом [с′:], а /т′/ + /с′/ — в долгом [ц′:]: *радишся* [радис′:а] ʽсоветуешься’, *радиться* [радиц′:а] ʽсоветуется’.

Твердые согласные фонемы в некоторых позициях реализуются в полумягком варианте. Наиболее распространенной позицией смягчения является позиция перед /і/, в которой приобретают позиционную полумягкость губные, переднеязычные шипящие /ж/, /д͡ж/, /ш/, /ч/, заднеязычные и /г/: *бік* [б′ік] ʽбок’, *вітер* [в′ітер] ʽветер’, *пісня* [п′існя] ʽпесня’, *сміх* [см′іх] ʽсмех’, *ножі* [нож′і] ʽножи’, *бджілка* [бд͡ж′ілка] ʽпчёлка’, *гроші* [грош′і] ʽденьги’, *вечір* [веч′ір] ʽвечер’, *кіт* [к′іт] ʽкот’, *хіба* [х′іба] ʽразве’, ʽнеужели’, *гіркий* [г′іркий] ʽгорький’. Палатализованные губные, /г′/ и /к′/ сохраняются также в некоторых иноязычных словах: *бюро* [б′уро] ʽбюро’, *бюст* [б′уст] ʽбюст’, *бюджет* [б′уд͡жет] ʽбюджет’, *пюре* [п′уре] ʽпюре’, *фюзеляж* [ф′узел′аж] ʽфюзеляж’, *гюйс* [г′уйс] ʽгюйс’, *гяур* [г′аур] ʽгяур’, *Кяхта* [к′ахта] ʽКяхта’ (город). Губные, кроме того, являются полумягкими в нескольких словах после согласного перед /а/: *цвях* [цв′ах] ʽгвоздь’, *дзвякнути* [д͡зв′акнути] ʽзвякнуть’, *тьмяний* [т′м′аний] ʽтусклый’, ʽсумрачный’, *свято* [св′ато] ʽпраздник’, *морквяний* [моркв′аний] ʽморковный’, *мавпячий* [мавп′ачий] ʽобезьяний’.

Перед /е/ согласные не смягчаются, за немногими исключениями, которые объясняются действием аналогии: *несу* [несу] ʽнесу’, *серце* [серце] ʽсердце’, *десять* [дес′ат′] ʽдесять’, хотя: *третє* [трет′е] ʽтретье’, *синє* [син′е] ʽсинее’.

Сонорная фонема /в/ не оглушается в [ф]. Перед гласными заднего ряда /в/ часто произносится как губно-губной [w]: *увага* [уwага] ʽвнимание’, *вогонь* [wогон′] ʽогонь’, *вухо* [wухо] ʽухо’, *вуйко* [wуйко] ʽдядя’. В середине слова после гласного перед согласным и в абсолютном конце слова /в/ произносится как неслоговой [ў]: *довгий* [доўгий] ʽдлинный’, *лев* [леў] ʽлев’, а в начале слова перед согласным — и как [у]: *вчора* [ўчора] и [учора] ʽвчера’.

Фонема /р/ в конце слова и слога реализуется как твердый согласный: *лікар* [л′ікар] ʽврач’ (но *лікаря* [л′ікар′а] ʽврача’), *перерва* [пеирерва] ʽперерыв’.

2.1.4. Фонетической основой членения слова на слоги является различная звучность составляющих его звуковых единиц. Слогообразующим выступает гласный, который может образовывать слог с согласными и без них: *і-ду* ʿиду', *о-жи-на* ʿежевика', *у-я-ва* ʿпредставление'. Слоги могут быть открытыми, т. е. построенными по принципу нарастающей звучности и оканчивающимися на гласный (*мо-ва* ʿязык', *лю-ди-на* ʿчеловек', *мо-ло-до-го* ʿмолодого'), или закрытыми — за возрастанием звучности следует ее убывание и слог оканчивается на согласный звук (*хліб* ʿхлеб', *він* ʿон', *роз-клад* ʿрасписание').

Слогораздел в большинстве случаев проходит после гласного звука перед согласным: *му-дри-ти* ʿмудрить', *ре-п'ях* ʿрепейник', *го-ріх* ʿорех'. При стечении согласных, если первый из них является сонорным, слогораздел проходит после него: *гар-ба* ʿарба', *гол-ка* ʿиголка', *кін-це-вий* ʿконечный', *сим-вол* ʿсимвол', *май-стер* ʿмастер', *вов-ки* ʿволки'. После неударного гласного все согласные, кроме сонорного, включаются обычно в состав следующего слога (*ру-шник* ʿполотенце', *пі-зна-ти* ʿузнать', *про-пхну-ти* ʿпропихнуть'); после ударного гласного первый согласный, особенно звонкий, закрывает предыдущий слог, а остальные отходят к следующему (*рід-ко* ʿредко', *стриг-ти* ʿстричь', *го-роб-чик* ʿворобышек', *каз-ка* ʿсказка'). Аффрикаты произносятся в одном слоге со следующими согласными, независимо от ударения: *за-о-чний* ʿзаочный', *за-цвів* ʿзацвёл', *подзво-нити* ʿпозвонить'.

Наиболее распространенными являются следующие типы слогов — CV: *во-да* ʿвода', CVC: *вік* ʿвек', CCV: *сто* ʿсто', CCVC: *звук* ʿзвук'.

Реже встречаются слоги со структурой CCCV и CCCVC: *се-стра* ʿсестра', *стриб-ну-ти* ʿпрыгнуть'. Слоги типа CVCC, CCVCC, CVCCC в исконно славянских словах возможны только в их конечной позиции: *віск* ʿвоск', *відо-місіть* ʿведомость', *скарб* ʿклад', *това-риств* ʿобществ'.

Длительность и интенсивность слога зависят от его фонемного состава и от количества слогов в слове. Ударный слог произносится с большей длительностью, чем остальные. Неударный конечный слог отличается большей интенсивностью и длительностью произношения, чем остальные безударные слоги.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Одноморфемных слов в У.я. сравнительно мало: *я* ʿя', *ні* ʿнет', *та* ʿи', ʿда', *але* ʿно', *депо* ʿдепо' и др. Фонологическая структура морфем неоднотипна. Корневая морфема из одной гласной или согласной (*вз-у-ти* ʿобуть', *т-ой* ʿтот') встречается редко, в большинстве случаев она состоит из нескольких фонем, при этом в именах — как правило, с конечной согласной (*сад-ок* ʿсадик', *сір-ий* ʿсерый'), а в глагольных формах — как с согласной, так и гласной (*да-ти* ʿдать', *біг-ти* ʿбежать'). Корневая морфема может быть осложнена словообразовательными аффиксами: *о-по-віст-и-ти* ʿоповестить'. Сочетание корневой морфемы со словообразующими и словоизменяющими морфемами часто сопровождается морфонологическими чередованиями гласных и согласных (см. 2.2.3.).

2.2.2. Корневые и аффиксальные морфемы не противопоставляются по фонологическому признаку.

2.2.3. Чередования г л а с н ы х:

/о/ ~ /і/: *роки* ʿгоды' — *рік* ʿгод', *робота* ʿработа' — *робіт* ʿработ', *могти* ʿмочь' — *міг* ʿмог', *воля* ʿсвобода' — *вільний* ʿсвободный';

/е/ ~ /і/: *печі* ʽпечи' — *піч* ʽпечь', *семи* ʽсеми' — *сім* ʽсемь', *нести* ʽнести' — *ніс* ʽнёс', *межа* ʽмежа' — *суміжний* ʽсмежный';

/о/ ~ ∅: *вузол* ʽузел' — *вузла* ʽузла', *ґатунок* ʽсорт' — *ґатунковий* ʽсортовой';

/е/ ~ ∅: *день* ʽдень' — *дня* ʽдня', *травень* ʽмай' — *травневий* ʽмайский';

/е/ ~ /о/: *нести* ʽнести' — *носити* ʽносить';

/о/ ~ /а/: *гонити* ʽгнать' — *ганяти* ʽгонять';

/е/ ~ /і/: *летіти* ʽлететь' — *літати* ʽлетать';

/і/ ~ /а/: *лізти* ʽлезть' — *лазити* ʽлазить'.

Чередования согласных:

твердые и мягкие /д/ ~ /д′/, /т/ ~ /т′/, /з/ ~ /з′/, /с/ ~ /с′/, /д͡з/ ~ /д͡з′/, /ц/ ~ /ц′/, /н/ ~ /н′/, /л/ ~ /л′/, /р/ ~ /р′/: *вода* ʽвода' — *воді* ʽводе', *хата* ʽизба' — *хаті* ʽизбе', *віз* ʽвоз' — *(у) возі* ʽ(в) возу', *кукурудза* ʽкукуруза' — *кукурудзі* ʽкукурузе', *місце* ʽместо' — *місця* ʽместа', *поле* ʽполе' — *поля* ʽполя', *ганити* ʽпорицать', ʽхулить' — *ганю* ʽпорицаю', ʽхулю', *роса* ʽроса' — *росяний* ʽросяной', ʽросистый', *вода* ʽвода' — *водяний* ʽводяной', *добрий* ʽдобрый' — *добряк* ʽдобряк';

/д/ ~ /д͡ж/, /т/ ~ /ч/, /з/ ~ /ж/, /с/ ~ /ш/, /к/ ~ /ч/, /х/ ~ /ш/, /г/ ~ /ж/: *ходити* ʽходить' — *ходжу* ʽхожу', *крутити* ʽкрутить' — *кручу* ʽкручу', *лазити* ʽлазить' — *лажу* ʽлажу', *косити* ʽкосить' — *кошу* ʽкошу', *пекти* ʽпечь' — *печу* ʽпеку', *птах* ʽптица' — *пташиний* ʽптичий', *друг* ʽдруг' — *дружити* ʽдружить';

/к/ ~ /ц/, /х/ ~ /с/, /г/ ~ /з/: *наука* ʽнаука' — *науці* ʽнауке', *муха* ʽмуха' — *мусі* ʽмухе', *дорога* ʽдорога' — *дорозі* ʽдороге';

/д/ ~ /с/, /т/ ~ /с/: *веду* ʽведу' — *вести* ʽвести', *плету* ʽплету' — *плести* ʽплести';

/б/ ~ /бл′/, /п/ ~ /пл′/, /в/ ~ /вл′/, /м/ ~ /мл′/, /ф/ ~ /фл′/: *робити* ʽделать' — *роблю* ʽделаю', *роблять* ʽделают', *купити* ʽкупить' — *куплю* ʽкуплю', *мовити* ʽговорить' — *мовлю* ʽговорю', *заломити* ʽзаломить' — *заломлю* ʽзаломлю', *графити* ʽграфить' — *графлю* ʽграфлю', *гребти* ʽгрести' — *гребля* ʽплотина', *купити* ʽкупить' — *купля* ʽкупля', *ловити* ʽловить' — *ловля* ʽловля', *мова* ʽязык' — *вимовляти* ʽпроизносить';

/б/ ~ /бл/, /п/ ~ /пл/, /в/ ~ /вл/, /м/ ~ /мл/, /ф/ ~ /фл/: *загубити* ʽпотерять'– *загублений* ʽпотерянный', *купити* ʽкупить' — *куплений* ʽкупленный', *мова* ʽязык' — *мовлення* ʽречь', ʽвещание', *заломити* ʽзаломить' — *заломлений* ʽзаломленный', *розграфити* ʽразграфить' — *розграфлений* ʽразграфлённый' и др.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

У.я. относится к языкам флективного типа. Флексии являются средством образования грамматических форм слова, а также основным средством выражения синтаксических связей слов в словосочетании и предложении.

2.3.1. С грамматической и семантической точки зрения слова У.я. разделяются на три группы: самостоятельные (лексически знаменательные) слова, служебные слова и междометия. Среди знаменательных слов выделяются изменяемые (имена и глаголы) и неизменяемые (наречия). Именные слова подразделяются на существительные, прилагательные, числительные и местоимения; служебные включают предлоги, союзы и частицы. Разные части речи отличаются свойственными им категориальными значениями, грамматическими формами, словообразованием, синтаксическими функциями и др.

2.3.2. Грамматическая категория рода в У.я. является классификационной у существительных и формообразовательной (согласовательной) у прилагательных,

причастий, у некоторых разрядов местоимений и числительных. Выделяются три рода — мужской, женский и средний. Род существительного определяется по семантико-грамматическим (у существительных, обозначающих людей и некоторых животных: *батько* 'отец', *мати* 'мать') или только грамматическим признакам слова (*місто* 'город', *злива* 'ливень', *трамвай* 'трамвай'). Некоторые общие для восточнославянских языков существительные отличаются в У.я. иной родовой принадлежностью (например, к мужскому роду относятся существительные с депалатализованным конечным согласным: *степ* 'степь', *сип* 'сыпь', *кір* 'корь', *глиб* 'глубина', *літопис* 'летопись', *рукопис* 'рукопись', *підпис* 'подпись' и т. п.).

Категория одушевленности/неодушевленности выражается: противопоставлением флексий существительных мужского рода в винительном падеже единственного числа (*брата* 'брата', *вчителя* 'учителя', но *стіл* 'стол', *день* 'день') и существительных мужского и женского рода в винительном падеже множественного числа (*братів* 'братьев', *вчителів* 'учителей', *жінок* 'женщин', но *столи* 'столы', *дні* 'дни', *ночі* 'ночи'), а также в наличии особых флексий в звательном падеже у одушевленных существительных (*мамо* 'мама', *доню* 'дочка', *сину* 'сын', *юначе* 'юноша') и омонимии флексий звательного и именительного падежа — у неодушевленных.

Категории абстрактности, вещественности, собирательности не имеют специальных грамматических средств выражения, но проявляются в употреблении грамматических форм других категорий, например, в ограничении противопоставления единственного и множественного числа.

2.3.3. Категория числа представлена в именах существительных и субстантивных местоимениях. Как согласовательная категория она представлена также у прилагательных, адъективных местоимений и глаголов. Большинство существительных имеет формы единственного и множественного числа: *робітник* 'работник', 'рабочий' — мн. ч. *робітники*, *стіна* 'стена' — мн. ч. *стіни*, *поле* 'поле' — мн. ч. *поля*. Несклоняемые существительные иноязычного происхождения выражают категорию числа синтаксически: *наше таксі* — мн. ч. *наші таксі*. Только форму единственного числа (singularia tantum) имеют существительные с абстрактным (*доброта* 'доброта', *сум* 'грусть'), вещественным (*молоко* 'молоко') и собирательным (*жіноцтво* собир. 'женщины', 'женский пол') значением, а также обычно собственные имена (*Михайло*, *Київ*, *Україна*); только форму множественного числа (pluralia tantum) имеют обычно названия предметов, состоящих из парных частей (*ножниці* 'ножницы', *ворота* 'ворота'), обрядов, игр (*іменини* 'именины', *жмурки* 'жмурки'), чувств, эмоций (*радощі* 'радость', *заздрощі* 'зависть'), отдельные существительные с вещественным и собирательным значением (*дріжджі* 'дрожжи', *гроші* 'деньги'), некоторые географические названия (*Чернівці*, *Карпати*), многие субстантивированные прилагательные с терминологическим значением (*хребетні* 'позвоночные', *зернові* 'зерновые', *ярові* 'яровые', *цитрусові* 'цитрусовые') и др.

2.3.4. У.я. унаследовал от древнерусского семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный (предложный), звательный. Падежные значения выражаются падежно-числовыми флексиями существительных, прилагательных, местоимений, числительных и причастий, а также предложно-падежными конструкциями. В падежной системе именитель-

ный падеж противопоставлен как прямой падеж остальным, косвенным падежам. Каждый падеж обладает совокупностью семантических функций, среди которых выделяются главная и второстепенные. Главная функция именительного падежа — субъектная, винительного — объектная, родительного — субъектно-определительная, дательного — адресатная, творительного — инструментальная, предложного — пространственная.

Винительный падеж выражает значение объекта действия при переходных глаголах конкретного физического действия (*збирати* ʽсобирать’, *орати* ʽпахать’, *жати* ʽжать’, *рубати* ʽрубить’ и т. п.) или состояния (*любити* ʽлюбить’, *ненавидіти* ʽненавидеть’ и т. п.), а также при переходных словах категории состояния (*видно* ʽвидно’, *помітно* ʽзаметно’, *чутно* ʽслышно’ и т. п.): *вигострити секиру* ʽнаточить топор’, *зневажати небезпеку* ʽпрезирать опасность’, *видно село* ʽвидно село’. В отрицательных конструкциях преобладает родительный падеж, однако для указания на определенность или ограниченность объекта используется винительный падеж: *не виграв двобій* ʽне выиграл поединка’. В сочетании с предлогами *в*, *з*, *за*, *крізь*, *між* (*межи*), *над*, *о* (*об*), *перед*, *під*, *по*, *про*, *через*, *поза*, *поміж* и др. винительный падеж выражает значения направления и конечного пункта движения, используется в функции обстоятельства времени, причины, цели и др.: *за ріг* ʽза угол’, *крізь воду* ʽсквозь воду’, *по гриби* ʽпо грибы’ и т. п.

Звательный падеж употребляется в единственном числе одушевленных и персонифицированных неодушевленных существительных (*мамо*, *земле*). Во множественном числе вокатив морфологически не выражен, за исключением слова *панове* ʽгоспода’, заимствованного из польского языка.

Значение п р и н а д л е ж н о с т и выражается посессивными конструкциями с притяжательными прилагательными (*материна хустка* ʽматеринский платок’), местоимениями (*мій олівець* ʽмой карандаш’), а также именными флексиями родительного (*дім письменника* ʽдом писателя’), реже — дательного падежа (*сусід Петрові* ʽсосед Петра’).

2.3.5. Для глагола характерны грамматические категории вида, залога, времени, наклонения и лица, в прошедшем времени и условном наклонении также несамостоятельная категория рода, а в спрягаемых формах — числа.

Категория з а л о г а выражена противопоставлением актива (действительного залога) и пассива (страдательного залога). Базовой является форма актива. Пассивное значение выражается: 1) страдательными причастиями: *розглядуваний* ʽрассматриваемый’, *зіпсований* ʽиспорченный’; 2) финитными формами глагола с возвратным постфиксом *-ся*: *будується* ʽстроится’, *будувався* ʽстроился’.

П е р е х о д н о с т ь выражается в управлении формой винительного или родительного (при отрицании) падежа без предлога: *рубати дрова* ʽколоть дрова’, *не бачити світу* ʽне видеть света’. Основным формальным выражением непереходности глагола является наличие у него постфикса *-ся*: *дивитися* ʽсмотреть’, *поратися* ʽтрудиться’, ʽхлопотать’. Многие переходные и непереходные глаголы образуют соотносительные пары по наличию или отсутствию постфикса *-ся* (*радити* ʽсоветовать’ — *радитися* ʽсоветоваться’), некоторых префиксов (*спати* ʽспать’ — *проспати (що?)* ʽпроспать (что?)’ — *заспати* ʽусыпить’). Некоторые непереходные глаголы с суффиксом *-і-* противопоставлены переходным глаголам с суффиксом *-и*: *біліти* ʽбелеть’ — *білити* ʽбелить’.

Категория в и д а, противопоставляющая перфектив (совершенный вид) и имперфектив (несовершенный вид), представлена во всех формах глагола и выражается деривационными суффиксами и префиксами. Базовая форма является беспрефиксной и бессуффиксной (*вести* ʽвести’) или имеет суффиксы -*а*-, -*и*-, -*і*-: *писати* ʽписать’, *ходити* ʽходить’, *червоніти* ʽкраснеть’. Такие глаголы обычно относятся к несовершенному виду, но некоторые могут быть совершенного вида (*взяти* ʽвзять’, *дати* ʽдать’, *сісти* ʽсесть’ и др.). Перфективация осуществляется прибавлением префикса к базовой форме (*нести* ʽнести’ — *принести* ʽпринести’) или заменой суффиксов -*а*-, -*и*-, -*і*- суффиксом -*ну*-: *штовхати* ʽтолкать’ — *штовхнути* ʽтолкнуть’, *гриміти* ʽгреметь’ — *гримнути* ʽгромыхнуть’, реже заменой суффикса -*а*- суффиксом -*и*-: *кінчати* ʽкончать’ — *кінчити* ʽкончить’. Имперфективация исходных форм совершенного вида осуществляется прибавлением суффиксов -*а*- (после гласных -*ва*-), -*ува*-: *пізнати* ʽузнать’ — *пізнавати* ʽузнавать’, *підтримати* ʽподдержать’ — *підтримувати* ʽподдерживать’. Существуют одновидовые глаголы как несовершенного вида (*коштувати* ʽстоить’), так и совершенного вида (*збагнути* ʽпостичь’).

В употреблении и выражении категории в р е м е н и специфика У.я. по сравнению с другими восточнославянскими языками состоит в использовании, кроме настоящего, будущего и прошедшего времени, также давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта), которое обозначает действие, совершившееся раньше другого прошедшего. Плюсквамперфект образуется из формы прошедшего времени и вспомогательного глагола *бути* ʽбыть’ в формах единственного и множественного числа мужского, женского и среднего рода (в единственном числе). В отличие от древнерусского плюсквамперфекта, в У.я. вспомогательный глагол не изменяется по лицам. Например, значение ʽN пришел, -ла, -ло, -ли (до того, как стало происходить следующее действие)’ выражается конструкциями: *я був прийшов* (*була прийшла*, *було прийшло*, *були прийшли*), *ти був прийшов* (*була прийшла*, *було прийшло*, *були прийшли*), *він був прийшов* (*вона була прийшла*, *воно було прийшло*, *вони були прийшли*).

Будущее время у глаголов совершенного вида имеет простую форму: *прийде* ʽпридёт’, *візьме* ʽвозьмёт’. У глаголов несовершенного вида оно может выражаться аналитической формой (*буду читати* ʽбуду читать’) и синтетической, представляющей собой результат слияния инфинитива основного глагола с личными формами старого вспомогательного глагола *яти* ʽвзять’ (др.-рус. и ст.-укр. *иму*, *имеш*, *име(ть)*, *имемо*, *имете*, *имуть*): *читатиму* ʽбуду читать’ (< *читати иму*).

Морфологически выделяются н а к л о н е н и я: изъявительное, повелительное и условное. Значение изъявительного наклонения выражается формами, обозначающими реальное действие или состояние в настоящем, прошлом или будущем времени: *дивлюся* ʽсмотрю’, *дивився* ʽсмотрел’, *дивитимуся* ʽбуду смотреть’. В повелительном наклонении используются формы 2-го лица единственного и множественного числа: *дивись* ʽсмотри’, *дивіться* ʽсмотрите’. Выделяют также побудительное наклонение, которое передает ослабленное значение апеллятивности и распространяется только на формы 1-го лица множественного числа: *подивимось* ʽпосмотрим!’, *ходімо* ʽидём!’, ʽпошли!’. Побуждение, адресованное третьему лицу, выражается использованием частиц *хай* ʽпусть’, *нехай* ʽпускай’: *хай дивиться* ʽпусть смотрит’, *нехай прийде* ʽпускай придёт’. Условное наклоне-

ние выражает значение действия, которое может осуществиться при определенных условиях: *зробив бы, якби хотів* ʻсделал бы, если бы хотел’. Одновременно формы условного наклонения могут выражать значение побуждения к действию: *Ти б зробив що-небудь* ʻТы бы сделал что-нибудь!’.

2.3.6. Категория л и ц а трехчленна (1-е, 2-е и 3-е лицо); представлена в глаголах и местоимениях. У местоимений выражается лексически: ед. ч. 1 л. *я*, 2 л. *ти*, 3 л. м. р. *він*, ж. р. *вона*, ср. р. *воно*; мн. ч. 1 л. *ми*, 2 л. *ви*, 3 л. *вони*.

У глаголов категория лица выражается в настоящем и будущем времени с помощью личных флексий, отражающих одновременно категорию числа, а в формах единственного числа прошедшего времени — также и родовую дифференциацию. Значение лица полнее всего проявляется в окончаниях настоящего (*іду* ʻиду’, *ідеш* ʻидёшь’, *іде* ʻидёт’, *ідемо* ʻидём’, *ідете* ʻидёте’, *ідуть* ʻидут’) и будущего (*ітиму* ʻбуду идти’, *ітимеш* ʻбудешь идти’, *ітиме* ʻбудет идти’, *ітимемо* ʻбудем идти’, *ітимете* ʻбудете идти’, *ітимуть* ʻбудут идти’) времени. В повелительном наклонении наиболее продуктивны формы 2-го лица, которые выражают обращение к адресату: *скажи* ʻскажи’, *повір* ʻповерь’, *скажіть* ʻскажите’, *повірте* ʻповерьте’. Форма 1-го лица множественного числа указывает на обращение говорящего к группе лиц, включая в нее и себя: *скажімо* ʻскажем’, *повірмо* ʻповерим’. Форма 3-го лица единственного и множественного числа образуется при помощи частиц *хай* ʻпусть’, *нехай* ʻпускай’: *хай (нехай) читає* ʻпусть читает’, *хай (нехай) читають* ʻпусть читают’.

Носителями категории о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и являются имена и местоимения. Определенность может выражаться синтаксически — выделением предмета из его класса (*З усіх дерев йому особливо подобався дуб* ʻИз всех деревьев ему особенно нравился дуб’; *Яка погода? — Сонячна* ʻКакая погода? — Солнечная’) или лексически — употреблением местоимения или имени собственного (*прийшов Петро* ʻпришёл Пётр’). Неопределенность может выражаться числительным *один*: *одна людина мені сказала* ʻнекий человек мне сказал’. По признаку определенности/неопределенности противопоставлены многие местоимения: *цей* ʻэтот’, *той* ʻтот’, *хто* ʻкто’ — *хтось* ʻкто-то’, *дехто* ʻкое-кто’, *хто-небудь* ʻкто-нибудь’; *це* ʻэто’, *те* ʻто’, *що* ʻчто’ — *щось* ʻчто-то’, *дещо* ʻкое-что’, *що-небудь* ʻчто-нибудь’; *скільки* ʻсколько’ — *скільки-небудь* ʻсколько-нибудь’, *декілька* ʻнесколько’ и др.

О т р и ц а н и е выражается: 1) отрицательными словообразовательными префиксами *не-*, *без-*, *зне-*, *ні-*, *ані-*, *а-*, *анти-*, *ім-*, *ін-*, *ір-*, *дис-*, *поза-*, *понад-*, *над-*, *недо-*, *небез-*: *нездалий* ʻнепригодный’, *безпритульний* ʻбесприютный’, *знебарвлений* ʻобесцвеченный’, *ніде* ʻнигде’, *аніякий* ʻникакой’, *аморальний* ʻаморальный’, *антибіотик* ʻантибиотик’, *імпотент* ʻимпотент’, *індетермінізм* ʻиндетерминизм’, *ірраціональний* ʻиррациональный’, *дисонанс* ʻдиссонанс’, *позазаконний* ʻнезаконный’, *понадплановий* ʻсверхплановый’, *надзвичайний* ʻнеобычный’, *недобирати* ʻнедобирать’, *небезпека* ʻопасность’; 2) отрицательными словами *не*, *немає (нема)*: *не прийшов* ʻне пришёл’, *його немає (нема)* ʻего нет’. Отрицание может усиливаться частицами *ні*, *ані*: *не вимовив ні (ані) слова* ʻне вымолвил ни слова’; 3) местоименными словами *ніде* ʻнигде’, *нікуди* ʻникуда’, *нізвідки (нізвідкіль*, *нізвідкіля)* ʻниоткуда’, *нізащо* ʻни за что’, *нічого* ʻнечего’, *нікого* ʻнекого’; 4) интонационно: *Багато ти знаєш!* ʻМного ты знаешь!’; *Дуже ти мені потрібний!* ʻОчень ты мне нужен!’.

2.3.7. Знаменательные части речи.

Имя с у щ е с т в и т е л ь н о е имеет грамматические категории рода, числа падежа, одушевленности/неодушевленности.

Имя п р и л а г а т е л ь н о е выражает категории рода, числа и падежа путем согласования с определяемым существительным. Качественные прилагательные единственного числа мужского рода почти всегда выступают в полной форме, независимо от синтаксической функции: *тихий вечір* ʽтихий вечерʼ, *вечір тихий* ʽвечер тихʼ. Лишь немногие прилагательные единственного числа мужского рода могут употребляться в неполной форме, главным образом в поэтической речи: *ясен місяць* ʽясный месяцʼ, *пливе човен, води повен* ʽплывет чёлн, воды полонʼ. В именительном и винительном падеже среднего и женского рода, а также во множественном числе для всех родов обычной является краткая членная форма, образовавшаяся из полной в результате утраты интервокального /й/ и последующего стяжения гласных: *біла* ʽбелаяʼ (< **бѣлаꙗ**), *біле* ʽбелоеʼ (< **бѣлоѥ**), *білі* ʽбелыеʼ (< **бѣлии**). Соответствующие полные членные формы встречаются преимущественно в поэтической речи: *рідная земле* (зват. п.) ʽродная земляʼ, *щасливеє море* ʽсчастливое мореʼ, *темная нічка* ʽтёмная ночкаʼ.

Относительные прилагательные всегда употребляются в членной форме (*кам'яний берег* ʽкаменный берегʼ); притяжательные прилагательные выступают в нечленной форме в именительном падеже (*батьків заповіт* ʽотцовский завет, завещаниеʼ).

Сравнительная степень прилагательных образуется при помощи суффиксов *-ш-*, *-іш-*: *більший* ʽбольшеʼ, ʽболее большойʼ, *довший* ʽдлиннееʼ, ʽболее длинныйʼ, *синіший* ʽсинееʼ, ʽболее синийʼ; при этом суффиксы основы *-к-*, *-ск-*, *-ек-* опускаются (*тонкий* ʽтонкийʼ — *тонший* ʽтоньшеʼ, ʽболее тонкийʼ, *глибокий* ʽглубокийʼ — *глибший* ʽглубжеʼ, ʽболее глубокийʼ, *далекий* ʽдалёкийʼ — *дальший* ʽдальшеʼ, ʽболее далёкийʼ), на стыке основы и суффикса происходит чередование /сш/ ~ /шч/ и /гш/, /зш/, /жш/ ~ /жч/: *високий* ʽвысокийʼ — *вищий* ʽвышеʼ, ʽболее высокийʼ, *дорогий* ʽдорогойʼ — *дорожчий* ʽдорожеʼ, ʽболее дорогойʼ, *близький* ʽблизкийʼ — *ближчий* ʽближеʼ, ʽболее близкийʼ, *дужий* ʽсильныйʼ — *дужчий* ʽсильнееʼ, ʽболее сильныйʼ. Прилагательные в сравнительной степени сохраняют способность согласовываться с определяемыми существительными и изменяются по родам, числам и падежам: *сильніший* ʽ(он) сильнееʼ, ʽболее сильныйʼ, *сильніша* ʽ(она) сильнееʼ, ʽболее сильнаяʼ, *сильніше* ʽ(оно) сильнееʼ, ʽболее сильноеʼ, *сильніші* ʽ(они) сильнееʼ, ʽболее сильныеʼ, *сильнішого* ʽболее сильногоʼ, *сильнішому* ʽболее сильномуʼ и т. п.

Превосходная степень прилагательных образуется от сравнительной при помощи префикса *най-*: *найшвидший* ʽсамый быстрыйʼ, *найчервоніший* ʽсамый красныйʼ; её значение может усиливаться присоединением препозитивных частиц *як-* и *що-*: *якнайшвидший*, *щонайшвидший* ʽсамый быстрыйʼ.

Сравнительная и превосходная степени сравнения образуются также аналитическим способом — путем прибавления слов *більш* и *менш* (*більш сильний* ʽболее сильныйʼ, *менш сильний* ʽменее сильныйʼ) и, соответственно, *найбільш* и *найменш* (*найбільш сильний* ʽнаиболее сильныйʼ, *найменш сильний* ʽнаименее сильныйʼ). Аналитический способ менее продуктивен, чем аффиксальный.

Имена ч и с л и т е л ь н ы е делятся на количественные и порядковые. В самостоятельный лексико-грамматический тип слов в системе частей речи выде-

ляются только количественные числительные. Порядковые числительные по морфологической структуре и синтаксическим функциям не отличаются от прилагательных и изменяются по родам, числам и падежам как прилагательные с твердой основой (кроме слова *третій* ʽтретий’, изменяющегося по образцу прилагательных с мягкой основой: *третього* ʽтретьего’, *третім* ʽтретьим’, *третіми* ʽтретьими’).

Количественные числительные имеют грамматическую категорию падежа (кроме числительного *півтора* ʽполтора’), а числительные *один* ʽодин’, *два* ʽдва’, *півтора* ʽполтора’ — также и рода (*один*, *одна*, *одно*; *два*, *дві*; *півтора*, *півтори*); слово *один* имеет, кроме того, грамматическую категорию числа (*один* — *одні*).

Формы неопределенно-количественных и собирательных числительных в У.я. более разнообразны, чем в других восточнославянских языках: *кілька* ʽнесколько’, *декілька* ʽнесколько’, *кільканадцять* ʽбольше десяти’, *кількадесят* ʽнесколько десятков’; *двоє відер* ʽдва ведра’, *троє дівчат* ʽтри девушки’, *десятеро коней* ʽдесять лошадей’, *тринадцятеро учнів* ʽтринадцать учеников’.

М е с т о и м е н и я. Личные (см. 2.3.6.) имеют категории лица, числа и падежа; указательно-личные (*він* ʽон’, *вона* ʽона’, *воно* ʽоно’, *вони* ʽони’) — категории лица, рода, числа и падежа. Возвратное местоимение *себе* и вопросительно-относительные *хто* ʽкто’, *що* ʽчто’ (а также образованные на их основе отрицательные *ніхто* ʽникто’, *ніщо* ʽничто’ и неопределенные *дехто* ʽнекто’, *дещо* ʽнечто’, *хтось* ʽкто-то’, *щось* ʽчто-то’, *абихто* ʽкто-нибудь’, ʽкто-либо’, *абищо* ʽчто-нибудь’, ʽчто-либо’, *будь-хто* ʽкто-нибудь’, ʽкто-либо’, *будь-що* ʽчто-нибудь’, ʽчто-либо’, *хто-небудь* ʽкто-нибудь’, *що-небудь* ʽчто-нибудь’ и т. п.) изменяются только по падежам. Адъективные местоимения — притяжательные (*мій* ʽмой’, *твій* ʽтвой’, *свій* ʽсвой’, *його* ʽего’ и др.), указательные (*той* ʽтот’, *цей* ʽэтот’ и др.), вопросительно-относительные (*який* ʽкакой’, *чий* ʽчей’, *котрий* ʽкоторый’), определительные (*весь*, *всякий*, *жодний* ʽни один’, *кожний* ʽкаждый’) изменяются по родам, числам и падежам. Количественные местоимения (*скільки* ʽсколько’, *стільки* ʽстолько’) изменяются по падежам.

Г л а г о л характеризуется категориями вида, залога, времени, наклонения, лица и числа, в прошедшем времени и условном наклонении выражается также категория рода.

Действительные причастия настоящего времени образуются от основ настоящего времени при помощи суффиксов *-уч-*, *-ач-* (*ростучий* ʽрастущий’, *ходячий* ʽходящий’); в сравнении с другими восточнославянскими языками они используются крайне редко, в основном как термины: *крокуючий екскаватор* ʽшагающий экскаватор’, *діагностуюче оточення* ʽдиагностирующее окружение’.

Действительные причастия прошедшего времени образуются от префиксальных инфинитивных основ непереходных глаголов при помощи суффикса *-л-*: *помолоділий* ʽпомолодевший’, *змарнілий* ʽосунувшийся’, ʽисхудавший’, *загорілий* ʽзагорелый’. Почти не используются причастия с суффиксами *-ш-*, *-вш-*: *бувший* ʽбывший’, *перемігший* ʽпобедивший’, им обычно соответствуют описательные обороты: *той, що був* ʽтот, кто был’, *який читав* ʽкоторый читал’.

Страдательные причастия настоящего времени образуются при помощи суффикса *-н-* от основ инфинитива глаголов несовершенного вида с суффиксом *-ува-*: *записуваний* ʽзаписываемый’, *вирощуваний* ʽвыращиваемый’. В разговор-

ной речи в этом случае чаще используются описательные обороты: *(той), що записується* ‘(тот), который записывается’, *(той), котрий записується* ‘(тот), который записывается’.

Страдательные причастия прошедшего времени образуются от инфинитивных основ переходных глаголов при помощи суффиксов *-н-*, *-ен-*, *-т-*: *написаний* ‘написанный’, *принесений* ‘принесённый’, *роблений* ‘деланный’, *битий* ‘битый’, *шитий* ‘шитый’.

Деепричастия несовершенного вида образуются при помощи суффиксов *-учи*, *-ачи*: *читаючи* ‘читая’, *бачачи* ‘видя’, *мовлячи* ‘говоря’; деепричастия совершенного вида — при помощи суффиксов *-ши*, *-вши*: *лігши* ‘лёгши’, *зробивши* ‘сделав’.

Инфинитив оканчивается на *-ти*: *бажати* ‘желать’, *мріяти* ‘мечтать’, *бути* ‘быть’; в разговорной речи и художественном тексте возможно окончание *-ть*: *бажать*, *мріять*, *буть*.

Н а р е ч и я разнообразны по происхождению и словообразовательной структуре: отадъективные качественно-определительные наречия с суффиксами *-о*, *-е*, имеющие степени сравнения (*добре* ‘хорошо’ — *краще* ‘лучше’, *найкраще* ‘лучше всего’; *близько* ‘близко’ — *ближче* ‘ближе’, *найближче* ‘ближе всего’); формы косвенных падежей различных частей речи без предлога и с предлогом: существительных (*бігом* ‘бегом’, *нишком* ‘тайком’, *додому* ‘домой’, *восени* ‘осенью’, *вгорі* ‘наверху’), прилагательных (*вручну* ‘вручную’, *востаннє* ‘в последний раз’, *по-батьківському* ‘по-отечески’), числительных (*вдвоє* ‘вдвое’, *по-друге* ‘во-вторых’), местоимений (*зовсім* ‘совсем’, *потім* ‘потом’), деепричастий (*сидячи* ‘сидя’, *нехотя* ‘нехотя’) и др.

С л у ж е б н ы е части речи — предлоги, союзы, частицы в У.я., как и в других восточнославянских языках, служат для выражения различных синтаксических отношений, образования аналитических форм слова и выражения синтаксических и модальных значений предложения. Некоторые специфические особенности:

— превращение древнерусских предлогов **въ** и **ѵ** в фонетические варианты одного предлога: *в лісі* [у л′іс′і] ‘в лесу’ произносится также, как и *у лісі*; *в мене* [у ме́не] ‘у меня’ произносится также, как и *у мене*;

— бо́льшая частотность употребления одних предлогов (например, *до* ‘к’, *про* ‘о’: *до нього* ‘к нему’, *про нього* ‘о нем’) и меньшая частотность употребления других предлогов (*к*, *о*, *об* и др.);

— распространенность сложных предлогов: *задля* (ср. рус. диал. и просторечное *задля*), *заради* (ср. рус. диал. и просторечное *заради*), *поза* ‘за’, *понад* (ср. рус. диал. *понад*), *з-понад* ‘из-за’, *попід* ‘под’, *з-попід* ‘из-под’, *з-поміж* ‘из’, ‘из-за’, ‘между’, *поміж* ‘между’, *посеред* ‘посреди’, *з-посеред* ‘из’, ‘среди’ и т. п.;

— стилистически не ограниченное использование сочинительного союза *та* ‘и’ и наличие у союза *і* фонетического варианта *й*: *брат та сестра = брат і сестра = сестра й брат* ‘брат и сестра’;

— наличие служебных слов, известных не всем восточнославянским языкам: предлоги *біля* ‘возле’, *побіля* ‘подле’, *довкола* ‘вокруг’, *повз* ‘мимо’, *щодо* ‘относительно’, ‘насчёт’; союзы *але* ‘но’, *або* ‘или’, ‘то есть’, *чи* ‘или’, *проте* ‘однако’; частицы *бодай* ‘по крайней мере’, *ледве* ‘еле’, *либонь* ‘пожалуй’, *навіть* ‘даже’, *онде* ‘вон там’, *хіба* ‘разве’, *хай* ‘пусть’ и др.

Междометия — первичные, т. е. не мотивированные другими частями речи (*ай! ах! ой! ех! і! ха!* и т. п.), и вторичные, относящиеся к более позднему периоду развития У.я.: *годі!* 'хватит!', *цить!* 'цыц!', *цур!* 'чур!', *пек!* 'чур!', *бач!* 'глянь!' и др.

2.4.0. Образцы парадигм.

Существительные

В зависимости от рода и состава падежных парадигм существительные распределяются по четырем типам склонения. Внутри них могут выделяться «твердый» (с основой на твердый согласный), «мягкий» (с основой на мягкий согласный) и «смешанный» (с основой на шипящий согласный) подтип склонения.

I склонение

Существительные мужского рода с основой на согласный и среднего рода с окончаниями именительного падежа единственного числа *-о*, *-е* и *-я* (кроме существительных с суффиксами *-ат-*, *-ен-* в косвенных падежах)

брат 'брат', *гай* 'роща', *село* 'село', *поле* 'поле'

Падеж	**Ед. число**					**Мн. число**				
Им.	*брат*	*гай*	*село*	*поле*	*знання*	*брати*	*гаї*	*села*	*поля*	*знання*
Род.	*брата*	*гаю*	*села*	*поля*	*знання*	*братів*	*гаїв*	*сіл*	*полів*	*знань*
Дат.	*братові*	*гаєві*	*селу*	*полю*	*знанню*	*братам*	*гаям*	*селам*	*полям*	*знанням*
Вин.	= род. п.	= им. п.				= род. п.	= им. п.			
Твор.	*братом*	*гаєм*	*селом*	*полем*	*знанням*	*братами*	*гаями*	*селами*	*полями*	*знаннями*
Местн.	*братові*	*гаю*	*селі*	*полі*	*знанні*	*братах*	*гаях*	*селах*	*полях*	*знаннях*
Зват.	*брате*	*гаю*	= им. п.							

Именительный падеж единственного числа: одушевленные существительные мужского рода могут иметь форму на *-о*: *батько* 'отец', *Дніпро* 'Днепр', *Дмитро* 'Дмитрий', *Павло* 'Павел', диминутивы на *-ко*: *Сашко*, *Іванко*, *Сірко* и т. п.; в косвенных падежах у них стандартные окончания мужского рода.

Родительный падеж единственного числа: у существительных мужского рода широко используется флексия *-у* в названиях веществ, массы, материала (*азоту*, *асфальту*, *граніту*, *ячменю*), учреждений (*інституту*), у многих географических названий (*Сейму*, *Дону*, *Дунаю*), собирательных (*хору* 'хора', *лісу* 'леса', *гаю* 'рощи'), пространственных (*яру* 'оврага', *степу* 'степи') и др.

Дательный падеж единственного числа: наряду с окончаниями *-ові*, *-еві* (*-єві*) у некоторых существительных мужского рода может использоваться окончание *-у* (*-ю*): *брату*, *гаю*.

Местный падеж единственного числа: выбор окончания *-ові*, *-еві* (*-єві*) или *-у*, *-і* определяется морфонематическими и семантическими критериями.

Винительный падеж единственного и множественного числа: как правило, у одушевленных существительных форма винительного падежа равна форме родительного падежа, у неодушевленных — форма винительного падежа равна форме

именительного падежа; в ряде случаев, однако, параллельно могут использоваться формы винительного падежа, равные именительному падежу, и формы винительного падежа, равные родительному падежу, при этом выбор варианта определяется семантическими критериями: *(взяв) ніж* и *(взяв) ножа* ʽ(взял) нож’, *(написав) лист* и *(написав) листа* ʽ(написал) письмо’, *(бачу) воли* и *(бачу) волів* ʽ(вижу) волов’ и т. п.

Звательный падеж: некоторые существительные мужского рода имеют окончание *-у* (*-ю*): *батьку* ʽотец!’, *сину* ʽсын!’, *ковалю* ʽкузнец!’, *гаю* ʽроща!’. Существительные среднего рода, а также существительные в форме множественного числа не имеют специальных окончаний для выражения значения вокатива.

II склонение

Существительные женского, мужского и общего рода с окончаниями именительного падежа единственного числа *-а*, *-я*

сестра ʽсестра’, *межа* ʽмежа’, *надія* ʽнадежда’

Падеж	**Ед. число**			**Мн. число**		
Им.	*сестра*	*межа*	*надія*	*сестри*	*межі*	*надії*
Род.	*сестри*	*межі*	*надії*	*сестер*	*меж*	*надій*
Дат.	*сестрі*	*межі*	*надії*	*сестрам*	*межам*	*надіям*
Вин.	*сестру*	*межу*	*надію*	= род. п.	= им. п.	
Твор.	*сестрою*	*межею*	*надією*	*сестрами*	*межами*	*надіями*
Местн.	*сестрі*	*межі*	*надії*	*сестрах*	*межах*	*надіях*
Зват.	*сестро*	*меже*	*надіє*	= им. п.		

Творительный падеж единственного числа: неударное *-у* (*-ю*) в отличие от русского языка не подвергается редукции.

III склонение

Существительные женского рода с основой именительного падежа единственного числа на согласный и существительное *мати*

подорож ʽпутешествие’, *вість* ʽвесть’

Падеж	**Ед. число**		**Мн. число**	
Им.	*подорож*	*вість*	*подорожі*	*вісті*
Род.	*подорожі*	*вісті*	*подорожей*	*вістей*
Дат.	*подорожі*	*вісті*	*подорожам*	*вістям*
Вин.	= им. п.			
Твор.	*подоріжжю*	*вістю*	*подорожами*	*вістями*
Местн.	*подорожі*	*вісті*	*подорожах*	*вістях*
Зват.	*подороже*	*вісте*	*подорожі*	*вісті*

Родительный падеж множественного числа: помимо окончания *-ей*, в редких случаях возможно окончание *-ів*: *подорожів* ʽпутешествий’, *матерів* ʽматерей’.

IV склонение

Существительные среднего рода с окончаниями именительного падежа единственного числа *-а*, *-я* и суффиксами *-ат-*, *-ят-*, *-ен-* в косвенных падежах

ім'я 'имя', *лоша* 'жеребёнок'

Падеж	**Ед. число**		**Мн. число**	
Им.	*ім'я*	*лоша*	*імена*	*лошата*
Род.	*імені*	*лошати*	*імен*	*лошат*
Дат.	*імені*	*лошаті*	*іменам*	*лошатами*
Вин.	= им. п.			
Твор.	*іменем* (*ім'ям*)	*лошам*	*іменами*	*лошатами*
Местн.	*імені*	*лошаті*	*іменах*	*лошатах*

П р и л а г а т е л ь н ы е

Твердый тип

білий 'белый'

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Мн. число**
	Ед. число			
Им.	*білий*	*біле*	*біла*	*білі*
Род.	*білого*		*білої*	*білих*
Дат.	*білому*		*білій*	*білим*
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	= им. п.	*білу*	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.
Твор.	*білим*		*білою*	*білими*
Местн.	*білому*, *-ім*		*білій*	*білими*

Мягкий тип

синій 'синий'

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Мн. число**
	Ед. число			
Им.	*синій*	*синє*	*синя*	*сині*
Род.	*синього*		*синьої*	*синіх*
Дат.	*синьому*		*синій*	*синім*
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	= им. п.	*синю*	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.
Твор.	*синім*		*синьою*	*синіми*
Местн.	*синьому*, *синім*		*синій*	*синіх*

Ч и с л и т е л ь н ы е

Числительное *один* 'один' склоняется по образцу прилагательных с твердой основой. В среднем роде оно имеет две формы: *одне* и *одно*. Числительное *одна* в

родительном падеже единственного числа имеет формы *одної* и *однієї,* в творительном падеже единственного числа — *одною* и *однією*.

Одинаковые падежные окончания имеют числительные 1) *два* ‛два’, *три* ‛три’, *чотири* ‛четыре’; 2) от *п’ять* ‛пять’ до *дев’ятнадцять* ‛девятнадцать’ и числительные, обозначающие десятки (кроме *сорок* ‛сорок’ и *дев’яносто* ‛девяносто’); 3) числительные, обозначающие сотни (кроме *сто* ‛сто’).

Падеж	М. р.	Ж. р.		
	‛два’	‛две’	‛пять’	‛двести’
Им.	*два*	*дві*	*п’ять*	*двісті*
Род.	*двох*		*п’яти, п’ятьох*	*двохсот*
Дат.	*двом*		*п’яти, п’ятьом*	*двомстам*
Вин.	= им. п.		*п’ять, п’ятьох*	*двісті, двохсот*
Твор.	*двома*		*п’ятьмя, п’ятьома*	*двомастами*
Местн.	*двох*		*п’яти, п’ятьох*	*двохстах*

Числительные *оба* ‛оба’ (устар.), *обидва* ‛оба’, *обидві* ‛обе’ склоняются как *два*, *дві* (род. п. *обох*, дат. п. *обом*, твор. п. *обома*, местн. п. *обох*).

Числительные *сорок* ‛сорок’, *дев’яносто* ‛девяносто’ и *сто* ‛сто’ во всех падежах, кроме именительного и винительного, имеют окончание *-а*: *сорока*, *дев’яноста*, *ста* (в творительном падеже — также *стома*).

При склонении сложных числительных *п’ятдесят* ‛пятьдесят’, *шістдесят* ‛шестьдесят’, *сімдесят* ‛семьдесят’, *вісімдесят* ‛восемьдесят’ изменяется только второй из компонентов: род. п. *-десяти*, дат. п. *-десятьом*, твор. п. *-десятьма*, местн. п. *-десятьох*. В числительных от *двісті* ‛двести’ до *дев’ятсот* ‛девятьсот’ склоняются оба компонента: *триста* ‛триста’, род. п. *трьохсот*, дат. п. *трьомстам*, твор. п. *трьомастами*, местн. п. *трьохстах* и т. д.; *шістсот* ‛шестьсот’, род. п. *шестисот*, дат. п. *шестистам*, твор. п. *шістмастами*, местн. п. *шестистах* и т. д..

Числительные от тысячи и более склоняются как соответствующие существительные (*тисяча* ‛тысяча’ — как *круча* ‛круча’, *мільйон* ‛миллион’ — как *бульйон* ‛бульон’).

М е с т о и м е н и я

Личные

Падеж	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
	Ед. число		**Мн. число**	
	‛я’	‛ты’	‛мы’	‛вы’
Им.	*я*	*ти*	*ми*	*ви*
Род.	*мене*	*тебе*	*нас*	*вас*
Дат.	*мені*	*тобі*	*нам*	*вам*
Вин.	*мене*	*тебе*	*нас*	*вас*
Твор.	*мною*	*тобою*	*нами*	*вами*
Местн.	*мені*	*тобі*	*нас*	*вас*

Возвратное местоимение *себе* имеет такие же формы косвенных падежей единственного числа.

Указательно-личные

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Мн. число
	Ед. число			
	ʽон’	ʽоно’	ʽона’	ʽони’
Им.	*він*	*воно*	*вона*	*вони*
Род.	*його*		*її*	*їх*
Дат.	*йому*		*їй*	*їм*
Вин.	= род. п.		*її*	*їх*
Твор.	*ним*		*нею*	*ними*
Местн.	*ньому*, *нім*		*ній*	*них*

Вопросительно-относительное местоимение *хто* сохраняет начальный взрывной согласный /к/ в косвенных падежах (род. п. *кого*, дат. п. *кому*, твор. п. *ким*).

Г л а г о л ы

Изъявительное наклонение

Настоящее время

вести ʽвести’, *кричати* ʽкричать’

	I спряжение (тематический гласный -*е*)		II спряжение (тематический гласный -*и*)	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
1 л.	*веду*	*ведемо*	*кричу*	*кричимо*
2 л.	*ведеш*	*ведете*	*кричиш*	*кричите*
3 л.	*веде*	*ведуть*	*кричить*	*кричать*

В 3-м лице единственного числа глаголов с основой на -*а*- в разговорной речи и художественных текстах возможны параллельные формы — с флексией (*співає* ʽпоёт’, *знає* ʽзнает’, *грає* ʽиграет’) и без нее (*співа*, *зна*, *гра*).

В 1-м лице множественного числа наряду с -*мо* употребляется флексия -*м*: *ведем*, *ходим*.

Атематические глаголы *їсти* ʽесть’, *дати* ʽдать’

	Ед. число		**Мн. число**	
1 л.	*їм*	*дам*	*їмо*	*дамо*
2 л.	*їси*	*даси*	*їсте*	*дасте*
3 л.	*їсть*	*дасть*	*їдять*	*дадуть*

В повелительном наклонении в единственном числе имеется только форма 2-го лица (*бери* ʽбери’, *стань* ʽстань’, *їж* ʽешь’, *дай* ʽдай’); во множественном числе — формы 1-го и 2-го лица: *берімо* ʽвозьмём!’, *станьмо* ʽстанем!’, *знаймо* ʽбудем знать!’, *їжмо* ʽедим!’, *даймо* ʽдадим!’; *беріть* ʽберите’, *станьте* ʽстаньте’, *знайте* ʽзнайте’, *їжте* ʽешьте’, *дайте* ʽдайте’. Значение повелительного наклонения 3-го лица выражается аналитически — соответствующими формами

настоящего времени и повелительными частицами *хай*, *нехай*: *хай (нехай) несе* ‛пусть (пускай) несёт’, *хай (нехай) несуть* ‛пусть (пускай) несут’.

Будущее время

Несовершенный вид

	Аналитическая форма		Синтетическая форма	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
1 л.	*буду вести*	*будемо вести*	*вестиму*	*вестимем, -ме*
2 л.	*будеш вести*	*будете вести*	*вестимеш*	*вестимете*
3 л.	*буде вести*	*будуть вести*	*вестиме*	*вестимуть*

Совершенный вид

	I спряжение		II спряжение	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
1 л.	*приведу*	*приведемо*	*закричу*	*закричимо*
2 л.	*приведеш*	*приведете*	*закричиш*	*закричите*
3 л.	*приведе*	*приведуть*	*закричить*	*закричать*

Прошедшее время

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Мн. число**
	Ед. число			
1–3 л.	*вів*	*вело*	*вела*	*вели*

Давнопрошедшее время

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Мн. число**
	Ед. число			
1–3 л.	*був вів*	*було вело*	*була вела*	*були вели*

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. В словообразовательной системе У.я. используются суффиксы, префиксы и интерфиксы. Большинство суффиксов восходят к древнерусскому периоду и являются общими для восточнославянских языков (*-ин*, *-ик*, *-ич*, *-ів*, *-ськ-*, *-ств-*, *-ець-*, *-тель* и др.); другие характерны только для У.я.: *-ощ(і)* (*радощі* ‛радость’), *-ій* (*водій* ‛водитель’), *-інь* (*височінь* ‛высота’, ‛вышина’), *-исько* (*пасовисько* ‛пастбище’), *-усь* (*дідусь* ‛дедушка’), *-ун-* (*бабуня* ‛бабушка’), *-унок* (*подарунок* ‛подарок’) и др. или заимствованы из других языков — прежде всего интернациональные суффиксы *-іст* (*-ист*), *-ізм* (*-изм*), *-ацij-*: *альпініст* ‛альпинист’, *юрист* ‛юрист’, *українізм* ‛украинизм’, *русизм* ‛русизм’, *комунікація* ‛коммуникация’ и т. п. Возможны составные суффиксы: *-івськ-* (*-ів-* + *-ськ-*), *-ерств-* (*-ер-* + *-ств-*), *-ованість* (*-ова-* + *-нь-* + *-ість*): *петрівский* ‛петровский’, *братерство* ‛братство’, *заборгованість* ‛задолженность’ и т. п. Встречаются суффиксоиды —

послекорневые деривационные аффиксы, не утратившие семантической связи с исходными словами: *-роб* (*хлібороб* 'хлебороб', *винороб* 'винодел', *маслороб* 'маслодел'), *-дцять* (*одинадцять* 'одиннадцать', *двадцять* 'двадцать') и др.

Среди префиксов преобладают унаследованные от древнерусского периода (*без-*, *від-* (< **отъ**), *до-*, *за-*, *на-*, *об-*, *над-*, *по-*, *об-*, *пра-*, *при-*, *про-* и др.), в том числе старославянизмы (*воз-*: *возвеличити* 'возвеличить', *возз'єднання* 'воссоединение'). Используются, кроме того, интернациональные префиксы (*а-*, *де-*, *дис-*, *екстра-*, *інтер-*, *суб-* и т. п.). Некоторые префиксы отличаются значительной фонетической вариантностью: *в-*, *у-*, *ві-*, *вві-*, *уві-* (*внести*, *унести* 'внести', *вівторок* 'вторник', *ввійти*, *увійти* 'войти'), *з-*, *зі-*, *зо-*, *із-*, *ізі-*, *с-*, *-іс* (*зробити* 'сделать', *зібрати* 'собрать', *зомліти* 'сомлеть', *ізнизу* 'снизу', *стиснути* 'сжать', *іспит* 'экзамен'), *о-*, *об-*, *обі-* (*ознайомитися* 'ознакомиться', *обговорити* 'обсудить', *обізватися* 'отозваться') и др.

В функции интерфиксов употребляются *-о-* и *-е-* в композитах: *великовантажний* 'большегрузный', *зорекрилий* 'звёздокрылый'.

2.5.2. Основным способом словообразования является аффиксация. В именных частях речи преобладает суффиксальное словообразование, в глаголах — префиксальное. Существительные образуются от глагольных основ с помощью суффиксов (*косити* 'косить' — *косар* 'косарь', *виховувати* 'воспитывать' — *вихователь* 'воспитатель', *писати* 'писать' — *писання* 'писание'), от основ прилагательных (*передовий* 'передовой' — *передовик* 'передовик') и других существительных (*вітер* 'ветер' — *вітряк* 'ветряк'), реже от основ других частей речи (*п'ять* 'пять' — *п'ятак* 'пятак'). Наиболее продуктивны общие для восточнославянских языков суффиксы: *-ник* (*будівник* 'строитель'), *-чик* (*льотчик* 'лётчик'), *-ець* (*хлопець* 'парень'), *-ар* (*господар* 'хозяин'), *-ач* (*читач* 'читатель', *сікач* 'секач'), *-ик* (*столик* 'столик'), *-ок* (*достаток* 'достаток'), *-ак* (*співак* 'певец'), *-б-* (*боротьба* 'борьба'), *-к-* (*книжка* 'книжка'), *-от-* (*робота* 'работа'), *-ість* (*радість* 'радость') и др.

Некоторые общие для восточнославянских языков суффиксы существительных в У.я. более продуктивны, чем в русском и белорусском, например, *-ач*, *-ник*: *перекладач* 'переводчик', *глядач* 'зритель', *письменник* 'писатель', *доменник* 'доменщик'; другие, наоборот, менее продуктивны, например, в соответствии с русским *-тель* в агентивном значении в У.я. нередко используется *-ач*: рус. *преподаватель*, *деятель*, *сеятель* — укр. *викладач*, *діяч*, *сіяч*.

От глагольных основ и, реже, основ прилагательных существительные могут образовываться посредством нулевого суффикса: *шум* 'шум', *схід* 'восход', *захід* 'запад', *приріст* 'прирост', *виріб* 'изделие', *вигін* 'выгон', *вись* 'высь', *синь* 'синь', *даль* 'даль' и др.

Специальных префиксов, используемых для образования существительных от других существительных, немного: *па-* (*паросток* 'побег', *пасинок* 'пасынок'), *пра-* (*прадід* 'прадед', *праліс* 'первобытный лес'), *су-* (*супісок* 'супесок', *сутінки* 'сумерки'). Обычно существительные от именных основ образуются префиксально-суффиксальным способом с использованием префиксов прилагательных и глаголов: *безмежжя* 'бескрайность', *міжгір'я* 'межгорье', *подвір'я* 'подворье', 'двор', *Задніпрянщина* 'Заднепровье', *Прикарпаття* 'Прикарпатье', *надбрів'я* 'надбровье'.

Другие способы словообразования существительных: словосложение (иногда в сочетании с суффиксацией: *газопровід* ʻгазопроводʼ, *мовознавство* ʻязыкознаниеʼ); аббревиация (*вуз* ʻвузʼ).

Активно пополняется состав существительных за счет субстантивации других частей речи, в особенности прилагательных: *вчений* ʻучёныйʼ, *будівничий* ʻстроительʼ, *черговий* ʻдежурныйʼ, *мостова* ʻмостоваяʼ, *пропускна* ʻпропускнаяʼ; *минуле* ʻпрошлоеʼ, *майбутнє* ʻбудущееʼ. Переход прилагательных в существительные ведет к изменению их грамматических свойств: они утрачивают возможность изменяться по родам, в предложении выступают в функции подлежащего и дополнения, могут иметь определение, выраженное другим прилагательным, и т. д.

Прилагательных с непроизводной основой (*сухий* ʻсухойʼ, *білий* ʻбелыйʼ) в У.я. мало. Преобладают прилагательные, образованные от именных и глагольных основ путем:

1) суффиксации. Наиболее продуктивные суффиксы качественных прилагательных: *-к-*, *-н-*, *-ав-*, *-ат-*, *-аст-*, *-ист-*, *-ив-*, *-лив-*, *-уч-* (*близький* ʻблизкийʼ, *вірний* ʻверныйʼ, *білявий* ʻбеловатыйʼ, *гаркавий* ʻкартавыйʼ, *горластий* ʻгорластыйʼ, *барвистий* ʻцветистыйʼ, *правдивий* ʻправдивыйʼ, *жартівливий* ʻшуточныйʼ, *жагучий* ʻжгучийʼ, ʻстрастныйʼ); деминутивные суффиксы *-еньк-*, *-ісіньк-*, *-усіньк-* (*гарненький* ʻкрасивенькийʼ, *добренький* ʻдобренькийʼ, *гарнісінький* ʻкрасивенькийʼ, *малюсінький* ʻмалюсенькийʼ); аугментативный суффикс *-езн-* (*старезний* ʻдревнийʼ, ʻветхийʼ, *товстезний* ʻтолстенныйʼ). Суффиксы относительных прилагательных: *-ськ-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-ан-*, *-альн-*, *-ельн-*, *-н-* (*свійський* ʻсвойскийʼ, *вербовий* ʻвербовыйʼ, *вишневий* ʻвишнёвыйʼ, *тополиний* ʻтополиныйʼ, *гречаний* ʻгречневыйʼ, *вінчальний* ʻвенчальныйʼ, *будівельний* ʻстроительныйʼ, *хатній* ʻдомашнийʼ);

2) префиксации. Наиболее продуктивные префиксы прилагательных: *пре-*, *перед-*, *без-*, *за-*, *при-*, *анти-* (*предобрий* ʻпредобрыйʼ, *передсвятковий* ʻпредпраздничныйʼ, *безталанний* ʻбесталанныйʼ, ʻнесчастныйʼ, *зарічний* ʻзаречныйʼ, *принагідний* ʻслучайныйʼ, *антивоєнний* ʻантивоенныйʼ);

3) основосложения: *чорнобривий* ʻчернобровыйʼ, *життєрадісний* ʻжизнерадостныйʼ, *працездатний* ʻработоспособныйʼ.

Глаголы образуются:

1) от именных основ — при помощи суффиксов *-а-*, *-и-*, *-і-*, *-ува-*, *-ну-*: *обідати* ʻобедатьʼ, *солити* ʻсолитьʼ, *білити* ʻбелитьʼ, *біліти* ʻбелетьʼ, *лікувати* ʻлечитьʼ, *крикнути* ʻкрикнутьʼ. В заимствованных словах перед суффиксом *-ува-* обычно отсутствует суффикс *-ир-*: *редагувати* ʻредактироватьʼ, *експлуатувати* ʻэксплуатироватьʼ, *контролювати* ʻконтролироватьʼ, *стимулювати* ʻстимулироватьʼ;

2) от глагольных основ — суффиксальным способом (*стрибати* ʻпрыгатьʼ — *стрибнути* ʻпрыгнутьʼ, *надписати* ʻнадписатьʼ — *надписувати* ʻнадписыватьʼ) и префиксальным (*знати* ʻзнатьʼ — *пізнати* ʻузнатьʼ, *читати* ʻчитатьʼ — *прочитати* ʻпрочитатьʼ, *їсти* ʻестьʼ — *поїсти* ʻпоестьʼ). Специфической особенностью У.я. в глагольном словообразовании является удвоение префикса *по-* для выражения протяженности совершенного действия во времени: *попоробити* ʻпоработать (много)ʼ, *попосидіти* ʻпосидеть (долго)ʼ, *попоходити* ʻпоходить (долго)ʼ, *попоїсти* ʻпоесть (вдоволь)ʼ;

3) от местоимений, частиц, междометий — суффиксальным способом: *я* — *якати* ‘якать’, *ти* — *тикати* ‘тыкать’, *ну* — *нукати* ‘нукать’, *так* — *такати* ‘такать’, *ой* — *ойкати* ‘ойкать’, *бух* — *бухкати* ‘бухать’.

2.5.3. Синтаксические связи между словами выражаются в У.я. флексиями (*чудовий ранок* ‘чудесное утро’, *чудового ранку* ‘чудесного утра’, *робітник працює* ‘рабочий работает’, *робітники працюють* ‘рабочие работают’), служебными словами (*Батько і син поїхали до міста* ‘Отец и сын поехали в город’), порядком слов (ср.: *село заполонило місто* ‘село заполонило город’, *місто заполонило село* ‘город заполонило село’) и интонацией (ср. *допоміг сестрі Галині і Марусі* ‘помог сестре Галине и Марусе’ и *Допоміг сестрі, Галині і Марусі* ‘Помог сестре, Галине и Марусе’).

Словосочетания в У.я. бывают сочинительные (*зошит і олівець* ‘тетрадь и карандаш’) и подчинительные (*повернувся із заводу* ‘вернулся с завода’); в подчинительных словосочетаниях действуют три типа грамматических связей: управление (*говорити з батьком* ‘говорить с отцом’, *казати правду* ‘говорить правду’), согласование (*сиві вуса* ‘седые усы’, *червона хустина* ‘красный платок’) и примыкание (*працювати наполегливо* ‘работать усердно’).

Управляемое слово в словосочетании в У.я. часто имеет иную падежную форму, чем в русском и/или белорусском языках, и нередко сочетается с другим предлогом: *дякувати батькові* ‘благодарить отца’, *дорікати синові* ‘укорять сына’, *додержати слова* ‘сдержать слово’, *вжити заходів* ‘принять меры’, *набувати досвіду* ‘приобретать опыт’; *поїздка по селах* ‘поездка по сёлам’, *увага до людини* ‘внимание к человеку’, *цікавий за змістом* ‘интересный по содержанию’, *задоволений з успіхів* ‘довольный успехами’, *вступати до школи* ‘поступать в школу’, *сміятися з нього* ‘смеяться над ним’, *діяти за законом* ‘действовать по закону’, *підручник з фізики* ‘учебник по физике’, *сумувати за минулим* ‘грустить о прошлом’, *прийти о першій годині* ‘прийти в первом часу’.

При прилагательном и наречии в форме сравнительной степени зависимое слово редко выступает в родительном падеже без предлога, как в русском языке: *міцніший сталі* ‘крепче стали’, *краще нього* ‘лучше его’; обычно оно употребляется с предлогами *за*, *над* + винительный падеж и *від*, *проти* + родительный падеж: *міцніший за сталь* ‘крепче стали’, *кращий над усе* ‘лучше всего’; *молодший від сестри* ‘моложе сестры’, *підготованіший проти всіх* ‘подготовленней всех’; *краще за всіх* ‘лучше всех’, *краще над усе* ‘лучше всего’.

Многие беспредложные и предложные словосочетания с одинаковым значением функционируют параллельно: *обрати на голову* — *обрати головою* ‘избрать главой (председателем)’, *болить у мене* — *болить мені* ‘болит у меня’, *чекати на кого* — *чекати кого* ‘ждать кого’.

П р о с т ы е   п р е д л о ж е н и я по признаку модальности делятся на повествовательные, побудительные и вопросительные.

По составу предикативного центра простые предложения делятся на двусоставные и односоставные. В двусоставных предложениях предикативность выражается двумя главными членами — подлежащим и сказуемым. В двусоставных предложениях возможна структура, в которой подлежащее выражено сочетанием количественного числительного *два*, *три*, *чотири* с существительным в именительном падеже множественного числа: *Два робітники поралися коло хати* ‘Двое

рабочих трудились возле дома'; *Чотири берези стояли край поля* 'Четыре берёзы стояли на краю поля'.

Односоставные предложения разного типа (безличные, определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, инфинитивные, номинативные) употребляются реже, чем двусоставные. Специфически украинской синтаксической конструкцией является односоставное предложение с главным членом, выраженным неизменяемой глагольной формой на *-но*, *-то* и зависимым от него прямым дополнением: *Врожай зібрано* 'Урожай собран'; *Волів продано купцям* 'Волы проданы покупателям'.

Как и в других языках номинативного типа, в У.я. семантически и формально дифференцируются в предложении субъект и объект высказывания. Это выражается прежде всего закреплением в активных синтаксических конструкциях форм именительного падежа как выразителя субъекта, а форм косвенных падежей — как выразителя объекта: *Юнак сховав зброю* 'Юноша спрятал оружие'; *Мати розмовляє з сином* 'Мать разговаривает с сыном'. В пассивных конструкциях субъект выступает в форме творительного падежа, а объект — именительного, ср. *Сусід будує хату* 'Сосед строит дом' — *Хата будується сусідом* 'Дом строится соседом'.

Объектные и атрибутивные значения выражаются второстепенными членами предложения, в роли которых выступают разнообразные косвенно-падежные, в том числе предложно-падежные формы, формы согласуемых слов-определений, наречия и наречные конструкции. Согласованное определение находится обычно в препозиции к определяемому слову (*Запала мертва тиша* 'Наступила мёртвая тишина'), несогласованное — чаще в постпозиции (*Побігла дівчинка у блакитному платтячку* 'Побежала девочка в голубом платьице'). Дополнения бывают прямые и косвенные и чаще всего находятся после глагола или другого члена предложения, к которому относятся: *Хлопець відштовхнув стілець* 'Парень оттолкнул стул'; *Учень звернувся до вчителя* 'Ученик обратился к учителю'. Обстоятельства занимают в предложении любую позицию.

В зависимости от наличия или отсутствия второстепенных членов предложения бывают распространенными (*Веселі люди йшли берегом ріки* 'Весёлые люди шли вдоль берега реки') и нераспространенными (*Сонце сходить* 'Солнце восходит').

В У.я. широко используются согласованные определения, выраженные притяжательным прилагательным: *дідусів онук* 'дедушкин внук', *батьків заповіт* 'отцовское завещание', 'завет', *материна доля* 'материнская доля (судьба)', *зозулине гніздо* 'кукушкино гнездо' и т. п. Иногда встречаются (преимущественно в художественных текстах) согласованные определения, выраженные нечленными прилагательными: *зелен сад* 'зелёный сад', *ясен місяць* 'ясный месяц'.

Разновидностью простого предложения является нерасчлененное предложение, активно функционирующее в разговорной речи: *Куди ж вона пішла? — Хто?* 'Куда же она пошла? — Кто?'; *Тобі все байдуже — Неправда! Ні!* 'Ты ко всему равнодушен — Неправда! Нет!'.

Простые предложения могут осложняться вставными словами и предложениями, обособленными членами, обращениями, однородными членами. Обращение в У.я. обычно выражается звательной формой существительного: *Ходім, брате, зі мною!* 'Идём, брат, со мной'.

2.5.4. В с л о ж н о с о ч и н е н н ы х предложениях средством связи предикативных частей являются сочинительные союзы, выражающие соединительные, противительные, разделительные и присоединительные значения. В бессоюзных предложениях эти отношения частей выражаются интонацией и корреляцией видовременных форм.

В с л о ж н о п о д ч и н е н н ы х предложениях главные и зависимые (придаточные) части соединяются подчинительными союзами и союзными словами.

Особенности синтаксической организации сложноподчиненных предложений в У.я. по сравнению с другими восточнославянскими языками:

1) в определительных придаточных предложениях используются преимущественно союзные слова *який* ʻкакой’, ʻкоторый’ и *що* ʻчто’: *Пішли дорогою, що по ній тяглися телеграфні стовби* ʻПошли дорогой, по которой тянулись телеграфные столбы’. Выбор союза *що* и *який* нередко связан с необходимостью разграничения разных придаточных в составе одного сложного предложения: *Сусід сказав, що йому сподобалася книга, яку він щойно прочитав* ʻСосед сказал, что ему понравилась книга, которую он только что прочитал’. Слово *котрий* ʻкакой’, ʻкоторый’ употребляется в придаточных определительных значительно реже, преимущественно в конструкциях с распределительно-количественным значением: *Вибирай з трьох, котрий до вподоби* ʻВыбирай из трёх, какой нравится’;

2) ограничены возможности замены придаточного определительного причастным оборотом, поскольку действительные причастия в У.я. почти не употребляются, а от глаголов с постфиксом -*ся* они совсем не образуются;

3) в придаточных изъяснительных союз *чи* ʻили’, ʻли’ употребляется в начальной позиции: *Йому було байдуже, чи звертають на нього увагу* (ср. рус. *Ему было всё равно, обращают ли на него внимание*);

4) в придаточных времени обычным является союз *як* ʻкогда’: *Завжди рани дістає колишнє, як нове бере свої права* (ср. рус. *Всегда раны достаются прошлому, когда новое входит в свои права*);

5) в придаточных причины употребление союза *бо* ʻпотому что’ не имеет таких стилистических ограничений, как русское *ибо* и др.

2.6.0. В словарном составе У.я. преобладает общеславянская лексика (*земля*, *голова*, *рука*, *нога*, *око*, *син* ʻсын’, *правда*, *літо* ʻлето’, *зима*, *вітер* ʻветер’, *дуб*, *жито* ʻрожь’, *овес*, *риба* ʻрыба’, *бик* ʻбык’, *кінь* ʻконь’, *ягня* ʻягненок’, *орел*, *ворона*, *бджола* ʻпчела’, *муха*, *косити* ʻкосить’, *возити* ʻвозить’, *носити* ʻносить’, *білий* ʻбелый’, *два*, *три*, *я*, *ми* ʻмы’, *ви* ʻвы’, *за*, *при* и др.) и лексика общевосточнославянского происхождения (*сім’я* ʻсемья’, *білка* ʻбелка’, *собака*, *коромисло* ʻкоромысло’, *ківш* ʻковш’, *сизий* ʻсизый’, *хороший*, *сорок*, *дев’яносто* ʻдевяносто’ и др.).

Многие общевосточнославянские слова имеют в У.я. иное значение, чем в русском и белорусском: *чоловік* ʻсупруг’, ʻмуж’, ʻмужчина’ (рус. *человек,* бел. *чалавек* соответствует укр. *людина*), *дружина* ʻсупруга’, *вовна* ʻовечья шерсть’ (ср. др.-рус. **вълна**; рус. *волна* соответствует укр. *хвиля*), *лист* — не только ʻлист дерева’, но и ʻписьмо’ (*лист від брата* ʻписьмо от брата’); глагол *питати* означает ʻспрашивать’ и т. д.

Большое количество слов У.я. неизвестно другим восточнославянским языкам — это отчасти региональная восточнославянская лексика, отчасти локальные

заимствования в У.я. из других языков: *бабрати* ʻпачкатьʼ, *багаття* ʻкостёрʼ, *бажаний* ʻжеланныйʼ, *байдужий* ʻбезразличныйʼ, *баритися* ʻмедлитьʼ, *бентежити* ʻволноватьʼ, *взагалі* ʻвообщеʼ, *вщухати* ʻутихатьʼ, *гальмувати* ʻтормозитьʼ, *гарний* ʻхорошийʼ, *глузд* ʻтолкʼ, *джерело* ʻисточникʼ, ʻродникʼ, *догана* ʻпорицаниеʼ, *достеменний* ʻподлинныйʼ, *дошкуляти* ʻдониматьʼ, *загальний* ʻобщийʼ, *загарбник* ʻзахватчикʼ, *зайвий* ʻлишнийʼ, *лелека* ʻаистʼ, *льоха* ʻсвиньяʼ, ʻсвиноматкаʼ, *моторошний* ʻжуткийʼ, *мрія* ʻмечтаʼ, *мріяти* ʻмечтатьʼ, *мереживо* ʻкружевоʼ, *нісенітниця* ʻвздорʼ, *облік* ʻучётʼ, *обрій* ʻгоризонтʼ, *очолити* ʻвозглавитьʼ, *пелехатий* ʻлохматыйʼ, *плекати* ʻхолитьʼ, *ремствувати* ʻроптатьʼ, *смуга* ʻполосаʼ, *торкати* ʻтрогатьʼ, *цап* ʻкозёлʼ и др.

Многие собственно украинские слова образованы от общих для восточнославянских языков основ, но с помощью других аффиксов: *виробництво* ʻпроизводствоʼ, *виробничий* ʻпроизводственныйʼ, *виробник* ʻпроизводительʼ, *височина* ʻвысотаʼ, *діяти* ʻдействоватьʼ, *дія* ʻдействиеʼ, *зв'язок* ʻсвязьʼ, *наголос* ʻударениеʼ, *одруження* ʻженитьбаʼ, *подружжя* ʻсупругиʼ, *рухати* ʻдвигатьʼ, *рухливий* ʻподвижныйʼ, *учень* ʻученикʼ, *щоденник* ʻдневникʼ и т. п.

Исконная (общеславянская, восточнославянская, украинская) лексика составляет около 90% словарного фонда У.я. Важнейшие группы заимствованной лексики:

— грецизмы устного и книжного происхождения: *парус*, *левада* ʻлугʼ, *лимон*, *історія* ʻисторияʼ, *бібліотека* ʻбиблиотекаʼ, *математика*, *прогноз*, *хор*, *театр*, *символ* и др.;

— латинизмы: *аргумент*, *декрет*, *ерудиція* ʻэрудицияʼ, *індукція* ʻиндукцияʼ, *казус*, *клас* ʻклассʼ, *лекція* ʻлекцияʼ, *медицина*, *маса* ʻмассаʼ, *оратор*, *цитата*, *юрист* и т. п.;

— полонизмы: *білизна* ʻбельёʼ, *гарцювати* ʻгарцеватьʼ, *ґонт* ʻгонтʼ (кровельный материал), *дишло* ʻдышлоʼ, *жупан* ʻжупанʼ, *кий* ʻкийʼ, *ковадло* ʻнаковальняʼ, *містечко* ʻгородокʼ и др.;

— русизмы и иноязычные заимствования, опосредованные русским языком: *завод*, *указ*, *мислитель* ʻмыслительʼ, *хлібзавод* ʻхлебозаводʼ, *вертоліт* ʻвертолетʼ, *новатор*, *трактор*, *космонавт* и др., а также кальки с русского: *підприємство* ʻпредприятиеʼ, *вуглевидобуток* ʻугледобычаʼ, *гучномовець* ʻгромкоговорительʼ и т. п.;

— тюркизмы: *базар*, *башлик* ʻбашлыкʼ, *гарбуз* ʻтыкваʼ, *кавун* ʻарбузʼ, *бугай* ʻбыкʼ, ʻбугайʼ, *буланий* ʻбуланыйʼ, *чалий* ʻчалыйʼ и др.;

— заимствования нового времени из западноевропейских языков: немецкого (*арфа*, *верстат* ʻверстакʼ, *дах* ʻкрышаʼ, *ліхтар* ʻфонарьʼ, *майстер* ʻмастерʼ, *касир* ʻкассирʼ, *сталь*, *кран*, *шина*, *штиль*, *штаб*); английского (*катер*, *трамвай*, *танк*, *клуб*, *спорт*, *блюмінг* ʻблюмингʼ, *мітинг* ʻмитингʼ, *біфштекс* ʻбифштексʼ); французского (*бюро*, *бюст*, *етаж* ʻэтажʼ, *вернісаж* ʻвернисажʼ, *кабінет* ʻкабинетʼ, *таксі* ʻтаксиʼ, *сюжет*, *есе* ʻэссеʼ, *актор* ʻактерʼ, *рояль*, *сервіз* ʻсервизʼ, *тротуар*); итальянского (*банк*, *акорд* ʻаккордʼ, *арія* ʻарияʼ, *дует* ʻдуэтʼ, *бензин*, *паста*) и др.

2.7.0. В трех наречиях У.я. различаются отдельные говоры и группы говоров. В северном наречии У.я. выделяются говоры левобережно-полесские, правобережно-полесские и волынско-полесские; в юго-восточном наречии — среднеприднепровские, полтавские, слобожанские и степные говоры; в юго-западном наречии — волынско-подольские, галицко-буковинские и карпатские. При более дробном членении в волынско-подольских говорах выделяют южноволынские и

подольские говоры; в галицко-буковинских — сянский, покутский, гуцульский и днестровский; в карпатских — бойковские (севернокарпатские, северноподкарпатские), закарпатские (среднезакарпатские, подкарпатские, южнокарпатские) и лемковские (западнокарпатские) говоры.

Северное наречие У.я., охватывающее территорию северных районов Сумской области, всей Черниговской, северных районов Киевской, Житомирской, Ровенской и Волынской областей Украины, характеризуется противопоставлением ударного и безударного вокализма. В его типичных говорах ударный вокализм включает восемь фонем — /і/, /и/, /i̯e/, /е/, /а/, /о/, /y̯o/, /у/. Дифтонгическая фонема /i̯e/ представлена на месте древнерусских фонем /ê/ и /е/ в позиции перед мягким согласным в новом закрытом слоге: [лi̯eс] ʽлесʼ, [пi̯eч] ʽпечьʼ. Дифтонгическая фонема /уо/ выступает на месте древнерусской фонемы /е/ перед твердым согласным и /о/ в новом закрытом слоге: [н′y̯oс] ʽнёсʼ, [стy̯oл] ʽстолʼ. В безударной позиции на месте древнерусских /е/, /о/ в новом закрытом слоге и /ê/ употребляются фонемы /е/, /о/: [óсен′] ʽосеньʼ, [колки́] ʽколышкиʼ, [деди́] ʽдедыʼ (лит. *осінь*, *кілки*, *діди*). Таким образом, безударный вокализм этих говоров включает всего шесть фонем, как и литературный язык; дифтонгов в нем нет, но /і/ употребляется реже, чем в литературном языке, часто только на месте древнерусской начальной /і/ ([ідý] ʽидуʼ), а /е/ и /о/ чаще. На месте праславянского /ę/ в безударной позиции выступает /е/, под ударением /а/: [пети́] ʽпятиʼ, [дéсет′] ʽдесятьʼ, [пáмет′] ʽпамятьʼ, [нóсет′] ʽносятʼ, [хóдет′] ʽходятʼ, но [п′ат′] ʽпятьʼ, [дес′áток] ʽдесятокʼ, [кол′áдка] ʽколядкаʼ. Для всех северных говоров характерна древнейшая (с середины XII в.) депалатализация /р/ во всех позициях: [бурáк] ʽсвёклаʼ, [зорá] ʽзаряʼ, [говорý] ʽговорюʼ, [говóрат′] ʽговорятʼ. На юге отвердение /р/ произошло лишь в единичных говорах и существенно позднее.

Среди морфологических диалектизмов северного наречия наиболее заметными являются окончание *-е* с долгим смягченным согласным перед ним в существительных среднего рода именительного падежа единственного числа типа: [жит′:é] ʽжизньʼ, [знан′:é] ʽзнаниеʼ, [питáн′:е] ʽвопросʼ (лит. *життя*, *знання*, *питання*); широкое употребление полных форм прилагательных множественного числа, а также женского и среднего рода единственного числа (*добриї* [дóбрийі] ʽдобрыеʼ, *молодиї* [молоди́йі] ʽмолодыеʼ, [дóбрайа] ʽдобраяʼ, [молодáйа] ʽмолодаяʼ, [дóбройе] ʽдоброеʼ, [молóдойе] ʽмолодоеʼ) и усеченных форм мужского рода: [молоди́ дуб] ʽмолодой дубʼ, [дóбри товариш] ʽдобрый товарищʼ (лит. *молодий дуб*, *добрий товариш*); глагольный суффикс [-ова-]: [куповáт′] ʽпокупатьʼ, [мал′овáт′] ʽрисоватьʼ (лит. *купувати*, *малювати*); употребление инфинитива на [-ть] после гласной: [ходи́т′] ʽходитьʼ, [роби́т′] ʽработатьʼ, [орáт′] ʽпахатьʼ (лит. *ходити*, *робити*, *орати*) и др.

К синтаксическим особенностям северных говоров относится употребление конструкции *к* + существительное или местоимение в дательном падеже: [стан′ бли́жче к мáтері] ʽстань ближе к материʼ, [іди́ к нам] ʽиди к намʼ (лит. *до матері*, *до нас*). Лексическими диалектизмами являются слова [груд] ʽхолмʼ, ʽкочкаʼ, [стир] ʽтряпкаʼ, [поши́ванка] ʽнаволочкаʼ, [л′íтос′] ʽв прошлом годуʼ (лит. *горб*, *ганчірка*, *наволочка*, *торік*); предлоги *л′а*, *л′е*: *л′а хати* ʽоколо домаʼ, *л′е мене* ʽвозле меняʼ (лит. *біля хати*, *біля мене*); союзы [да], [дак], [дик]: [тут ростé прóсо да грéчка] ʽздесь растёт просо и гречкаʼ, [зайшóв, дак дóма не застáв] ʽзашёл, да дома не засталʼ, [дик ти чув про це] ʽтак ты слышал об этомʼ и др.

Для л е в о б е р е ж н о - п о л е с с к и х говоров характерно, кроме того, аканье: [галава́] ʻголова’, [вада́] ʻвода’, [даро́га] ʻдорога’; употребление на месте древнерусских /о/ и /е/ перед твердым согласным в новом закрытом слоге, кроме фонемы /у͜о/, также /у͜и/, /у͜і/, /у͜е/: [сту͜ол, сту͜ил, сту͜іл, сту͜ел] ʻстол’, [ну͜ос, ну͜ис, ну͜іс, ну͜ес] ʻнос’; в морфологии — параллельное употребление именных окончаний [-ойу] и [-ой] в творительном падеже единственного числа: [руко́йу]/[руко́й], [маладо́йу]/[маладо́й], [табо́йу]/[табо́й]; преобладание окончания *-е* в именительном падеже множественного числа существительных с суффиксом [-ин-] (наряду с лит. *-и*): [сел′а́не]/[сел′а́ни] ʻкрестьяне’, [громад′а́не]/[громад′а́ни] ʻграждане’.

В п р а в о б е р е ж н о - п о л е с с к и х говорах используются монофтонги /у/, /и/, /и^{і}/, /і^{и}/, /і/, изредка /е/ на месте /о/ и /е/ перед твердым согласным в новом закрытом слоге: [двур, двир, дви^{і}р, дві^{и}р, двір] ʻдвор’, [нус, нис, ни^{і}с, ні^{и}с, ніс] ʻнос’; употребление в этой позиции дифтонгов /у͜о/, /у͜и/, /у͜і/, /у͜е/ ограничено. На месте древнерусского /ê/ после губных и /р/ наряду с /і͜е/ представлен дифтонг /и͜е/: [бі͜еда́, би͜еда́] ʻбеда’, [ві͜е́тер, ви͜е́тер] ʻветер’, [рі͜е́чка, ри͜е́чка] ʻречка’; но во многих говорах /і͜е/, /и͜е/ вытеснены монофтонгом /і/, часто с /й/ перед ним: [біда́, бйіда́], [ві́тер, вйі́тер]. В западной части правобережно-полесских говоров наблюдается уканье: [гулу́бка] ʻголубка’, [рузу́мний] ʻразумный’, а также оглушение звонких согласных перед глухими и в абсолютном конце слова: [кла́тка] ʻкладка’, [бі́хти] ʻбежать’, [ніш] ʻнож’, [дуп] ʻдуб’ (литер. [кла́дка], [бі́гти], [ніж], [дуб]). В морфологии заметна тенденция к замене окончания творительного падежа существительных с основой на шипящий и мягкий согласный [-ем] на [-ом] и [-ейу] на [-ойу] по аналогии к существительным с основой на твердый согласный: [ножо́м] ʻножом’, [ковал′о́м] ʻкузнецом’, [га́йом] ʻрощей’, [ди́н′ойу] ʻдыней’, [межо́йу] ʻмежой’ (ср. лит. *ножем*, *ковалем*, *гаєм*, *динею*, *межею*); инфинитив обычно оканчивается на [-ть]: [ходи́т′] ʻходить’, [роби́т′] ʻработать’, [чита́т′] ʻчитать’, а в окончании 3-го лица в ряде говоров звук [т] твердый: [хо́дит] ʻходит’, [ро́бит] ʻработает’, [хо́д′ат] ʻходят’, [ро́бл′ат] ʻработают’.

Для в о л ы н с к о - п о л е с с к и х говоров, распространенных в западной части северного наречия, характерно вытеснение дифтонгов, употребляющихся на месте древнерусских /о/, /е/ в новом закрытом слоге, монофтонгами /у/, /и/, /и^{і}/, /і^{и}/ и чаще всего /і/, а на месте /ê/ — монофтонгом /і/, в безударном положении также /и/: [двур, двир, дви^{і}р, дві^{и}р, двір] ʻдвор’, [прин′у́с, прин′и́с, прин′і́с] ʻпринёс’, [дід] ʻдед’, [літо] ʻлето’, [мішо́к] и [мишо́к] ʻмешок’. Только на севере этого ареала, в так называемых п о б у ж с к и х г о в о р а х в этой позиции встречаются и дифтонги /у͜о/, /у͜и/, /у͜і/, /і͜е/. Волынско-полесским говорам широко известны сочетания [гі], [кі], [хі]: [ногі́] ʻноге’, [кі́нув] ʻкинул’, [му́хі] ʻмухи’ (лит. *ноги*, *кинув*, *мухи*); оглушение звонких согласных в позиции перед глухими и в конце слова: [кни́шка] ʻкнижка’, [сат] ʻсад’; протетическое /г/ перед гласными в начале слова: [гобі́д] ʻобед’, [гове́с] ʻовёс’, [го́ко] ʻоко’; окончание [-ови], [-еви] в дательном падеже существительных мужского рода единственного числа: [ба́т′кови] ʻотцу’, [ду́бови] ʻдубу’, [коне́ви] ʻконю’ (лит. *батькові*, *дубові*, *коневі*) и др.

Важнейшие особенности ю г о - з а п а д н о г о н а р е ч и я: /і/ на месте древнерусских /о/, /е/ в закрытом слоге и /ê/: [стіл] ʻстол’, [прині́с] ʻпринёс’, [лі́то] ʻлето’; сближение в безударной позиции /е/ и /и/: [ни^{е}си́] ʻнеси’, [ве^{и}сна́] ʻвесна’, [жи^{е}ви́й] ʻживой’, [же^{и}ве́] ʻживёт’; оглушение звонких согласных перед

глухими и в конце слова: [т′áшко] ʽтяжело’, [зуп] ʽзуб’, [стóрош] ʽсторож’ (лит. [т′áжко], [зуб], [стóрож]); депалатализация /р/, в ряде говоров с /й/ после него: [косáр] ʽкосарь’, [говóру] ʽговорю’, [бурáк] ʽсвёкла’ и [говóрйу], [бурйáк]; существительные с суффиксом *-ськ-*: [пасóвис′ко] ʽпастбище’, [збiгóвис′ко] ʽсборище’, ʽсходбище’ (лит. *пасовище*, *збiговище*); отсутствие долготы согласного перед окончанием *-е* в существительных среднего рода типа *життя*: [житé], [знанé], [зiлé]; прилагательные сравнительной степени с суффиксом *-iйш-*: [нов′íйший] ʽновее’,ʽболее новый’, [добрíйший] ʽдобрее’, ʽболее добрый’ (лит. *новiший*, *добрiший*); энклитические формы личных местоимений [м′а], [т′а], [с′а], [ми], [ти], [си], [йу]/[н′у] (лит. *мене* ʽменя’, *тебе* ʽтебя’, *себе* ʽсебя’, *менi* ʽмне’, *тобi* ʽтебе’, *собi* ʽсебе’, *її* / *неї* ʽеё’); инфинитивы на *-чи* в глаголах с основой на /г/, /к/: [могчи́]/[мочи́] ʽмочь’, [пекчи́]/[печи́] ʽпечь’; беспредложные конструкции с дательным падежом типа [менí болúт’ головá] ʽу меня болит голова’, [менí вз′áли кни́гу] ʽу меня взяли книгу’ (лит. *у мене болить голова*, *у мене взяли книгу*).

В в о л ы н с к о - п о д о л ь с к и х г о в о р а х юго-западного наречия, кроме того, широко представлены протетические согласные /г/ и /в/: [горáти] ʽпахать’, [госи́ка] ʽосока’, [ги́скра] ʽискра’, [вýст′iлка] ʽстелька’ (лит. *орати*, *осика*, *iскра*, *устiлка*); пассивные причастия с суффиксом *-ан-*: [печáний] ʽпечёный’, [зробл′áний] ʽсделанный’ (лит. *печений*, *зроблений*), при этом в ю ж н о в о л ы н с к и х — фонема /е/ после сонорных, шипящих, губных реализуется в звуке [а]: [трáба] ʽнужно’, [жани́ти] ʽженить’, [ти^{е}пáр] ʽтеперь’ (лит. [трéба], [жени́ти], [тепéр]); существительные среднего рода типа *життя*, *знання* употребляются с флексией *-а* без долготы согласного перед ней [жит′á] ʽжизнь’, [знан′á] ʽзнание’, [зiл′á] ʽзелье’; распространены местоименные формы родительного и творительного падежа: [сей] ʽэтой’, [тей] ʽтой’, [мей] ʽмоей’, [твей] ʽтвоей’, [сéйу] ʽэтой’, [тéйу] ʽтой’, [мéйу] ʽмоей’, [твéйу] ʽтвоей’, [свéйу] ʽсвоей’ (лит. *цiєї*, *тiєї*, *моєї*, *твоєї*, *цiєю*, *моєю*, *твоєю*, *своєю*); для п о д о л ь с к и х говоров характерно сильное уканье: [курóва, ко^{у}рóва] ʽкорова’, [дурóга, до^{у}рóга] ʽдорога’, [туб′í, то^{у}б′í] ʽтебе’, сохранение звонкости согласных: [дуб], [кни́жка]; твердый [т] в глагольном окончании 3-го лица: [вiн сиди́т], [вони́ сид′áт], а в их южной части — флексия *-е* на месте безударной *-ить* в глаголах II спряжения: [вiн хóде, рóбе].

В г а л и ц к о - б у к о в и н с к и х г о в о р а х фонема /а/ после мягких и шипящих согласных реализуется в звуках [е], [и], [i]: [д′éковати, д′и́ковати] ʽблагодарить’, [ч′ес, ч′ис, ч′iс] ʽвремя’ (лит. *дякувати*, *час*); палатальные согласные /н′/, /д′/ перед другим согласным часто заменяются звуком [й]: [д′íвойка] ʽдевонька’, [двáйцат′] ʽдвадцать’ (лит. *дiвонька*, *двадцять*); в суффиксах прилагательных *-ськ-*, *-цьк-*, *-зьк-* не смягчаются согласные /с/, /ц/, /з/: [с′íл′ский] ʽсельский’, [гáлицкий] ʽгалицкий’, [кавкáзкий] ʽкавказский’; распространены формы дательного падежа *-ови*, *-еви*: [брáтови] ʽбрату’, [мýжеви] ʽмужу’, творительного падежа *-оў*: [рукóў] ʽрукой’, [молодóў] ʽмолодой’, [мнóў] ʽмной’ (лит. *рукою*, *молодою*, *мною*) и глагольные формы типа [му ходи́ти] ʽдолжен буду ходить’, [меш ходи́ти] ʽдолжен будешь ходить’, [бýду ходи́в] ʽбуду ходить’, [ходи́лис′мо] ʽ(мы) ходили’ и т. п.

Для д н е с т р о в с к и х говоров характерно сильное смягчение /с/, /з/, /ц/: [с″íно] ʽсено’, [с″вiт] ʽсвет, мир’, [з″íле] ʽзелье’, [ноз″í] ʽноге’, [ц″iнá] ʽцена’, [ц″вiт] ʽцвет’; для п о к у т с к и х — депалатализация /с/ и /ц/ в конце слова: [дес] ʽгде-то’, [хтос] ʽкто-то’, [хлóпец] ʽпарень’, [отец] ʽотец’, смягчение шипящих: [ч′огó]

ʻчего’, [плач′] ʻплач’, [ш′ч′о] ʻчто’, [ж′éба] ʻжаба’, [лош′é] ʻжеребёнок’; для гуцульских — независимо от ударения сниженная артикуляция /и/, сближенная с [е]: [жéто] ʻрожь’, [бе^и кé] ʻбыки’ (лит. [жи́то], [бики́]), согласные /к/, /г/ на месте мягких /т′/ и /д′/: [кíло] ʻтело’, [ґíло] ʻдело’ (лит. [т′íло], [д′íло]), последовательная депалатализация /ц/: [швец] ʻпортной’, [вýлица] ʻулица’; условная частица *бих*: [ходеў бих] ʻходил бы’ (лит. *ходив би*); для сянских — окончание *-ом* в творительном падеже существительных женского рода: [рукóм] ʻрукой’, [водóм] ʻводой’ и некоторые другие.

В карпатских говорах на месте древнерусских /о/, /е/ в новых закрытых слогах часто выступают /у/, /ӱі/ и /и/: [вул, вӱіл, вил] ʻвол’, [прин′ýс, прин′ӱі́с, прин′и́с] ʻпринёс’, но на месте /ê/ только /і/: [с′íно] ʻсено’, [л′íто] ʻлето’. В этих говорах отмечается окончание *-ове* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода ([брáтове] ʻбратья’, [волóве] ʻволы’, [плýгове] ʻплуги’) и окончание *-ме*/*-ми* у глаголов 1-го лица множественного числа: [несéме]/[несéми] ʻнесём’, [бýдеме]/[бýдеми] ʻбудем’ и т. п. Для бойковских говоров характерны: узкая артикуляция гласного /ê/ ([тêпéр] ʻтеперь’); лабиализованный звук /ы̊/: [мы̊], [хы̊́жа] ʻхижина’; переход /л/ в конечной позиции слова в /ў/: [стіў] ʻстол’, [ореў] ʻорёл’ (лит. *стіл*, *орел*). Особенностью закарпатских говоров являются: сближение /е/ с /и/ перед слогом с /і/, /ӱі/, /и/ и мягкими согласными: [пи́рш′і] ʻпервые’, [оти́ц′] ʻотец’, [ди́с′ат′] ʻдесять’ (лит. [перш′і, отец′, дес′ат′]); фонема заднего ряда /ы/ на месте древнерусского /у/ ([сын] ʻсын’) и древнерусского /ъ/ после /р/, /л/ ([дрывá] ʻдрова’), а также после *г*, *к*, *х*: [ґы́нуты] ʻгибнуть’, [ломáґы] ʻдубины’, [кы́снути] ʻкиснуть’, [хы́трий] ʻхитрый’ (лит. [гинути, ломаки, киснути, хитрий]); широкое употребление флексии двойственного числа *-ма*: [зубóма] ʻзубами’, [з ни́ма] ʻс ними’. В лемковских говорах также представлена фонема /ы/ ([узкы́й] ʻузкий’, [рýскый] ʻрусский’), иногда на месте этимологического /о/: [мыст] ʻмост’ (лит. *міст*); твердость мягких согласных в конце слова: [пáлец] ʻпалец’, [смерт] ʻсмерть’; переход /в/ в /г/ перед согласными: [гдовéц] ʻвдовец’, [глáсний] ʻсобственный’, [г болóт′і] ʻв болоте’ (лит. *вдовець*, *власний*, *в болоті*); архаичные формы именительного падежа множественного числа существительных с основой на /г/, /к/, /х/: [вóлц′и] ʻволки’, [слýз′и] ʻслуги’, [птáс′и] ʻптицы’ (лит. *вовки*, *слуги*, *птахи*) и др. На основе разных карпатских говоров Словакии, Польши, Украины и Венгрии развивается региональный литературный русинский язык (см. подробнее в ст. «Малые славянские литературные языки (микроязыки)» в наст. издании).

В области лексики юго-западные говоры отличаются многочисленными диалектизмами: [жали́ва] ʻкрапива’, [ви́вірка] ʻбелка’, [стрий] ʻдядя по отцу’, [вýйко] ʻдядя по матери’, [жеби] ʻчтобы’, [коби́] ʻесли бы’ и др., в том числе заимствования из других языков — польского ([вáрга] ʻгуба’, [стóнга] ʻлента’), словацкого ([гудáк] ʻмузыкант’, [гóйно] ʻмного’), венгерского ([ґáзда] ʻхозяин’, [маржи́на] ʻскот’), немецкого ([фáйний] ʻхороший’), румынского ([сарáка] ʻнесчастный’) и др.

Юго-восточное наречие У.я. занимает обширную территорию центральной и юго-восточной Украины. Оно очень унифицировано и легло в основу современного литературного У.я., поэтому его фонетическая и грамматическая системы близки к литературной. Среди его фонетических особенностей, не известных литературному языку, можно отметить сохранение смягченного /р′/ в конце слова: [базáр′] ʻбазар’, [косáр′] ʻкосарь’, [пи́сар′] ʻписарь’; в ряде позиций

мягких шипящих: [лош′á] ʽжеребёнок’, [ведмеж′á] ʽмедвежонок’, [біж′áт′] ʽбегут’, [сýш′ат′] ʽсушат’; окончание *-ій* во многих прилагательных твердой группы: [нарóдн′ій] ʽнародный’, [гáрн′ій] ʽкрасивый’, [б′íл′ій] ʽбелый’ (лит. *народний*, *гарний*, *білий*). В некоторых среднеподнепровских говорах — альвеолярный /л/: [молокó] ʽмолоко’, [булá] ʽбыла’, [клен] ʽклён’; флексия *-ім*, *-іх* в дательном и местном падеже множественного числа существительных мягкой группы: [кóн′ім] ʽконям’, [д′íт′ім] ʽдетям’, [на кóн′іх] ʽна конях’, [на д′íт′іх] ʽна детях’. В слобожанских говорах (Харьковская обл., южная часть Сумской и северная часть Луганской обл.) отмечается уканье: произношение [у] на месте /о/, особенно перед слогом с /у/: [пужáр] ʽпожар’, [туб′í] ʽтебе’; сильное сближение артикуляции безударного /е/ с /и/ и слабое сближение /и/ с /е/: [вислá] ʽвесна’, [силó] ʽсело’, но [вишнéвий] ʽвишнёвый’, [живé] ʽживёт’. В степных и соседних с ними слобожанских и среднеподнепровских говорах — отсутствие чередования /д/, /т/, /з/, /с/ с /д͡ж/, /ч/, /ж/, /ш/ в 1-ом лице глаголов II спряжения: [ход′ý] ʽхожу’, [крут′ý] ʽкручу’, [прос′ý] ʽпрошу’ — лит. [ход͡жý, кручý, прошý]; флексия *-е* вместо безударной *-ить*: [хóде] ʽходит’, [прóсе] ʽпросит’, [нóсе] ʽносит’ — лит. *хóдить*, *прóсить*, *нóсить*; утрата в некоторых из них чередования /г/, /к/, /х/ с /з/, /ц/, /с/ в дательном и местном падеже существительных: [дорóг′і] ʽдороге’, [рук′í] ʽруке’, [мýх′і] ʽмухе’ — лит. *дорозі*, *руці*, *мусі*.

ЛИТЕРАТУРА

Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960.

Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980.

Бузук П. Нарис історії української мови. Вступ, фонетика, морфологія. Київ, 1927 [München, 1985].

Булаховський Л. А. Курс сучасної української літературної мови. Київ, 1951, І. Вступ. Лексика. Морфологія. Наголос; ІІ. Синтаксис.

Булаховський Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956.

Булаховський Л. А. Історичний коментарій до української літературної мови // Л. А. Булаховський. Вибрані праці: В 5-ти т. Київ, 1977, т. ІІ. Українська мова.

Ващенко В. С. Полтавські говори. Харків, 1957.

Возний Т. М. Словотвір дієслів української мови у порівнянні з російською та білоруською. Львів, 1981.

Ганцов В. Діялектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923 [Köln, 1974].

Грищенко А. П. Прикметник в українській мові. Київ, 1978.

Гриценко П. Ю. Ареальне варіювання лексики. Киев, 1990.

Гумецька Л. Л. Нариси словотворчої системи української актової мови XIV–XV ст.ст. Київ, 1968.

Дудик П. С. Синтаксис сучасного українського розмовного мовлення. Київ, 1973.

Жилко Ф. Т. Говори української мови. Київ, 1958.

Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.

Житецкий П. И. Очерк литературной истории малорусского наречия. Приложение: Словарь книжной малорусской речи по рукописи XVII века. Киев, 1889.

Житецкий П. И. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876.

Жовтобрюх М. А. Мова української преси (до середини девяностих років XIX ст.). Київ, 1963.

Жовтобрюх М. А. Мова української періодичної преси (кінець XIX — початок XX ст.). Київ, 1970.

Жовтобрюх М. А., Волох О. Т., Самійленко С. П., Слинько І. І. Історична граматика української мови. Київ, 1980.

Закревська Я. В. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ, 1976.

Іваненко З. І. Система прийменникових конструкцій адвербіального значення. Київ; Одеса, 1981.

Історія української мови. Київ, 1978, кн. 1. Фонетика; 1979, кн. 2. Морфологія; 1983, кн. 3. Синтаксис; 1983, кн. 4. Лексика і фразеологія.

Керницький І. М. Система словозміни в українській мові. На матеріалах памяток 16 ст. Київ, 1967.

Кримский А. Украинская грамматика. М., 1907–1908, т. I, вып. 1, вып. 2 и 6; т. II, вып. 1.

Кульбакин С. М. Украинский язык. Харьков, 1919.

Курс історії української літературної мови / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1958, т. I; 1961, т. II.

Курс сучасної української літературної мови / За ред. Л. А. Булаховського. Київ, 1951.

Левченко Т. А. Нариси з історії української літературної мови першої половини XIX ст. Київ; Харків, 1946.

Михальчук К. П. Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины // Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западный край. Юго-Западный отдел. СПб., 1877, т. 7, вып. 2.

Морфологічна будова сучасної української мови. Київ, 1975.

Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1–2. Покутско-буковинско-гуцульский ареал / Славяноведение, 1995, № 3, 5.

Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 3. Закарпатский ареал / Славяноведение, 1996, № 1.

Німчук В. В. Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980.

Плющ И. П. Історія української літературної мови. Київ, 1971.

Потебня А. А. Заметки о малорусском наречии. Воронеж, 1871.

Русанівський В. М. Структура українського дієслова. Київ, 1971.

Самійленко С. П. Нариси з історичної морфології української мови. Київ, 1964, ч. I; 1970, ч. II.

Синявський О. Н. Норми української літературної мови. Харків; Київ, 1931 [Львів, 1941].

Словотвір сучасної української літературної мови. Київ, 1979.

Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев, 2003.

Сучасна українська літературна мова. Київ, 1969, т. 1. Вступ, фонетика; т. 2. Морфологія; 1972, т. 3. Синтаксис; 1973, т. 4. Лексика і фразеологія; т. 5. Стилістика.

Тимченко Е. К. Курс історії українського язика. Харків; Київ, 1930.

Тоцька Н. І. Сучасна українська літературна мова. Фонетика. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Київ, 1981.

Український правопис. 4-те вид. Київ, 1993.

Шахматов А. А. Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка // Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1916.

Шахматов О., Кримський А. Нариси з історії української мови. Київ, 1924.

Moldovan A. M. Der Sprachausbau des Ukrainischen in Galizien (Die österreichische Periode) / Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 2000, Bd. 40.

Shevelov G. Y. Die ukrainische Schriftsprache 1798–1965. Ihre Entwicklung unter dem Einfluß der Dialekte. Wiesbaden, 1966.

Shevelov G. Y. A Historical Phonology of the Ukranian Language. Heidelberg, 1979.

Shevelov G. Y. Das Ukrainische // Einführung in die slavischen Sprachen / Hrsg. von Peter Rehder. Darmstadt. 1986.

Shevelov G. Y. The Ukrainian language in the first half of the twentieth century (1900–1941), its state and status. Cambridge, Mass., 1989.

Shevelov G. Y. Ukrainian // The Slavonic languages / Ed. by B. Comrie and G. Corbett. London; New York, 1993.

Shweier U. Das Ukrainische // Einführung in die slavischen Sprachen. 3. Aufl. / Hrsg. von Peter Rehder. Darmstadt, 1986.

Smal-Stockyj S., Gartner T. Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. Wien, 1913.

Stang Ch. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Zilyns'kyj I. A Phonetic Description of the Ukrainian Language. Cambridge, Mass., 1979.

С л о в а р и   и   э н ц и к л о п е д и и

Етимологічний словник української мови: В 7-и т. Київ, 1982–2003, т. 1–4 [издание продолжается].

Орфоепічний словник українськой мови: В 2-х т. Київ, 2001, т. 1 [издание продолжается].

Русско-украинский словарь. Київ, 1968, т. 1–3.

Словарь української мови / Упорядкував Б. Д. Грінченко. Київ, 1907–1909, т. 1–4 [репринт: 1958–1959].

Словник української мови. Київ, 1970–1980, т. 1–11.

Українська літературна вимова і наголос: Словник-довідник. Київ, 1973.

Українська мова: Енциклопедія. Київ, 2000.

Українсько-російський словник / За ред. І. М. Кириченка. Київ, 1953–1962, т. 1–6.

Український орфографічний словник. 3. вид. Київ, 2003.

Атласы

Атлас української мови. Київ, 1984, т. 1. Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі.; 1988, т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі.

Дзендзелівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Лексика. Ужгород, 1958, ч. 1; 1960, ч. 2; 1993, ч. 3.

Назарова Т. В. Лінгвістичний атлас Нижньої Прип'яті. Київ, 1985.

Atlas gwar bojkowskich. Wrocław, 1981–1989, t. 1–7, etc.

Stiber Z. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. Łódź, 1956–1964, t. 1–8.

Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич, Н. В. Рогова

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Белорусская народность сложилась на западных землях Киевской Руси на базе трех восточнославянских племени: дреговичей, заселявших пространство от Западной Двины по Днепру и Припяти, кривичей (их западная части — полочан) и радимичей. Соседями этой части восточных славян были славянские племена (древляне — на юге, волыняне — на западе, вятичи — на востоке), литовские и латышские (на западе и северо-западе), финские (на севере и северо-востоке).

1.1.1. Белорусский язык (Б.я.). Варианты названия: англ. *Belorussian*, *Byelorussian*, *Bielorussian*, *Belarusan*, *Belarusian*, *White Russian*, *White Ruthenian*, нем. *Weißrussis h*, *Bjelorussisch*, *Belarussisch*, фр. *le russe blanc*, *le biélorusse*. Самоназвание *беларуская мова* ʽбелорусский язык'. В некоторых работах, издававшихся за рубежом, Б.я. именовался *крыўская мова* ʽкривский язык', *крывічская мова* ʽкривичанский язык' (по названию одного из союзов восточнославянских племен — кривичей), *вялікалітоўская мова* ʽвеликолитовский язык' (Я. Станкевич). В XIV–XVII вв. назывался *рус(ь)ка мова*, *руський язык*, а также *прóста мова* (в противопоставлении церковнославянскому языку). Письменно-литературная форма Б.я. периода Великого княжества Литовского (XIII–XVIII вв.) в исследовательской литературе называется старобелорусским (бел. *старабеларуская мова*), украинско-белорусским деловым, староукраинским языком; до 20-х гг. XX в. использовался термин западнорусский (встречается и в современных работах), ранее — польско-русский, литовско-русский.

1.1.2. Принадлежит к славянской ветви индоевропейской семьи языков и входит в состав восточной группы славянских языков.

Характерные черты литературного Б.я. в области фонетики:

1) аканье — совпадение в неударном положении /о/, /е/ в звуке [а]: *го́ры* ʽго́ры’ — *гара́* ʽгора́’, *рэ́кі* ʽре́ки’ — *рака́* ʽрека́’, *вёсны* ʽвёсны’ — *вясна́* ʽвесна’, *сёлы* ʽсёла’ — *сяло́* ʽсело́’;

2) дзеканье и цеканье — наличие аффрикат /д͡з’/, /ц’/ на месте исходных мягких /д’/, /т’/: *авадзе́нь* ʽовод’, *дзе́ці* ʽдети’, *ці́ха* ʽтихо’, *цётка* ʽтётка’;

3) твердый [р]: *бу́ра* ʽбуря’, *крук* ʽкрюк’, *крыча́ць* ʽкричать’;

4) фрикативный [г]: *вага́* ʽвес’, *гу́ма* ʽрезина’;

5) неслоговой [ў] на месте [л], [в], [у] в позиции после гласного перед согласным и в конце слова: *во́ўк* ʽволк’, *ба́чыў* ʽвидел’, *пра́ўда* ʽправда’, *была́ ў бра́та* ʽбыла у брата’;

6) твердый [ч]: *во́чы* ʽглаза’, *ча́сам* ʽиногда’;

7) наличие долгих согласных [л̄’], [н̄’], [з̄’], [с̄’], [д͡з̄’], [ц̄’], [ж̄], [ч̄], [ш̄] на месте сочетания согласных с [й] в позиции между гласными: *засто́лле* ʽзастолье’, *во́сенню* ʽосенью’, *ма́ззю* ʽмазью’, *кало́ссе* ʽколосья’, *ме́ддзю* [м’е́д͡з̄’у] ʽмедью’, *сва́цця* ʽсватья’, *ружжо́* ʽружьё’, *но́ччу* ʽночью’, *мы́шшу* ʽмышью’;

8) твердые губные [б], [п], [м] в конце слова и перед [й]: *го́луб* ʽголубь’, *стэп* ʽстепь’, *сем* ʽсемь’, *сям’я́* [с’амйа́] ʽсемья’, *п’е* [пйе] ʽпьёт’;

9) протетическое [в] перед ударными [о́], [у́]: *во́ка* ʽглаз’, *ву́ха* ʽухо’ и др.

1.1.3. Б.я. — национальный язык белорусов. Распространен главным образом в Республике Беларусь. Согласно переписи 1999 г., в Белоруссии проживало 10 млн. 45 тыс. чел., из них 81,2% отнесли себя к титульной нации — белорусам, около 19% — представители более чем 140 иных национальностей.

По данным переписи 1999 г. родным Б.я. назвали 7 млн. 403 тыс. чел. (73,7% опрошенных). При этом Б.я. как язык домашнего обихода указали 3 млн. 683 тыс. чел. (36,7% населения), что составило среди всего белорусского населения страны 41%. Русский язык в домашнем общении назвали 6 млн. 308 тыс. чел. (63% населения), из них 4 млн. 783 тыс. чел. — белорусы (59% белорусского населения страны).

Свыше 1,6 млн. белорусов проживает за рубежом (однако Б.я. пользуется менее 700 тыс. чел.): в России (317 тыс. из 815 тыс. белорусов, 2002), Украине (55 тыс. из 276 тыс., 2001), Казахстане (112 тыс. белорусов, 1999), Латвии (18 тыс. из 97 тыс., 2000), Литве (43 тыс. белорусов, 2001), Эстонии (5,2 тыс. из 17 тыс., 2000), Молдавии (20 тыс. чел., 1989), Польше (около 200 тыс. чел., 2002); белорусы проживают также в Великобритании, Германии, США, Канаде, Аргентине, Австралии и других странах.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. При классификации говоров в пределах Белоруссии выделяются основной массив диалектного Б.я. и западнополесская (или брестско-пинская) группа говоров (см. статью «Малые славянские литературные языки» в наст. издании). В пределах основного диалектного массива различаются северо-восточный диалект, юго-западный диалект и среднебелорусские говоры. Ареал северо-восточного диалекта включает полоцкую группу говоров и витебско-могилевскую группу говоров, а ареал юго-западного диалекта — западную (гродненско-барановичскую) группу говоров и слуцко-мозырскую группу говоров.

Диалекты Б.я. очень близки друг другу; носители одного диалекта свободно понимают речь носителей других диалектов.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Б.я. является национальным языком белорусского этноса и государственным языком Республики Беларусь. С 1996 г. в Белоруссии русский язык получил те же права, что и Б.я.

Б.я., наряду с русским, — это язык школы, науки, художественной литературы, прессы, радио и телевидения, государственных и научно-просветительских учреждений. Однако распределение функций между двумя государственными языками крайне неравномерно. Нет, например, белорусского судопроизводства, почти отсутствует делопроизводство на Б.я. Происходит активное вытеснение Б.я. русским, усиливается тенденция к сокращению белорусских (прежде всего периодических) изданий, например, в сравнении с 1998 г., в 1999 г. количество белорусских изданий сократилось на 19,7%, тираж — на 27,8%.

В Белоруссии зафиксированы следующие основные виды двуязычия: белорусско-русское, русско-белорусское, белорусско-украинское, белорусско-польское.

Как одну из форм устной речи, приобретающую на территории Белоруссии массовый характер, можно отметить так называемую «трасянку» — продукт белорусско-русской смешанной речи (букв. ʻсмесь сена с соломой, которая идёт на корм скотуʼ), представляющую собой своеобразный гибрид литературного Б.я., его территориальных и социальных разновидностей и литературного русского языка. Смешение элементов белорусского и русского языков происходит на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и, прежде всего, лексическом уровне. Исследователи Б.я. отмечают, что из устной речи трасянка проникает и в другие стили литературного языка, прежде всего в публицистический.

1.3.2. В основу современного литературного Б.я. легли говоры центральной Белоруссии (зона Ошмяны — Минск — Борисов). В процессе развития литературный язык вобрал в себя наиболее типичные черты юго-западного и северо-восточного белорусских диалектов.

Новая белорусская литература зародилась в XIX в. Старобелорусский литературный язык XV–XVII вв. в результате своей архаичности, оторванности от живого народного языка не мог выполнять функции литературного языка. Поэтому писатели XIX в. ориентировались на народно-разговорную речь, главным образом на общебелорусские черты. Однако в творчестве писателей этого периода четко выступают и черты родных или хорошо известных им говоров. В поэмах «Энеіда навыварат» («Энеида наоборот») и «Тарас на Парнасе» наряду с общебелорусскими чертами отразились некоторые черты витебско-могилевской группы говоров северо-западного диалекта. В произведениях В. Дунина-Марцинкевича проявляются особенности центральной части (Бобруйщина, Минщина) среднебелорусских говоров. В произведениях Ф. Богушевича отразились особенности западной части (Молодечненщина, Ошмянщина) среднебелорусских говоров. Наряду с общебелорусскими черты среднебелорусских говоров выступают и в произведениях Я. Лучины и А. Гуриновича. Таким образом, на начальной стадии формирования современного литературного Б.я. основной вклад в литературное творчество внесли представители среднебелорусских говоров.

Процесс унификации разнодиалектных элементов живой речи стал несколько интенсивнее в первом и еще более во втором десятилетии XX в., когда в белорусскую литературу пришли такие писатели, как Э. Тётка, М. Богданович, З. Бе-

дуля, Т. Гартный, и особенно такие выдающиеся мастера художественного слова, как Янка Купала и Якуб Колас, которые внесли решающий вклад в формирование литературного Б.я., производя отбор языковых средств, синтезируя их и придавая народному слову самобытное звучание и силу выразительности.

В последующий период, с началом литературной деятельности К. Крапивы, П. Труса, К. Черного, П. Глебки, в литературный Б.я. вошли элементы юго-западного диалекта.

В XIX в. в условиях самодержавной политики насильственного ограничения литературный Б.я. функционировал преимущественно как язык художественной литературы, не имел развитой лексики специального назначения — политической, юридической, экономической, административно-канцелярской, научно-технической и др. Не были кодифицированы его фонетические и грамматические особенности. Письменная практика посуществу не регламентировалась. В результате все уровни Б.я. характеризовались значительной дублетностью. Орфография отражала разнодиалектные фонетические явления. В области морфологии отражались разнодиалектные соотносительные формы с преобладанием широкоареальных. В синтаксисе в результате территориальной дифференциации в говорах дублетность была менее заметна.

Первые попытки кодифицировать орфографические и грамматические нормы Б.я. были предприняты братьями А. и Я. Лёсиками, в 1917 г. опубликовавшими латинским шрифтом справочник «Як правільна пісаць па-беларуску» («Как правильно писать по-белорусски»), а в 1918 г. — «Беларускі правапіс» («Белорусское правописание»). Важнейшим шагом в этом направлении явилась «Беларуская граматыка для школ» («Белорусская грамматика для школ») Б. А. Тарашкевича (1918 г. и шесть последующих изданий). Целенаправленная регламентация и кодификация правописания началась в 20-е гг. XX в., когда Б.я. получил статус государственного. В 1959 г. был опубликован свод правил белорусской орфографии, в основном действующий до настоящего времени.

1.3.3. В системе образования Б.я. используется неполно. В 50-е гг. XX в. в республике был принят закон о добровольном выборе языка обучения в школах. Б.я. стал единственным школьным предметом, изучение которого зависело от желания учеников и их родителей. В результате сузилась и сфера его применения. В настоящее время Б.я. представлен преимущественно как предмет изучения в начальном, среднем и высшем образовании, включая и специальное филологическое. Выбор языка преподавания во многом зависит от преподавателя. Делаются попытки ввести в высших учебных заведениях русско- и белорусскоязычные потоки и группы.

Научные центры, в которых Б.я. является объектом изучения, функционируют в России, Польше, Литве, Украине, Англии, Болгарии, Франции, Чехии, Австрии, Германии.

1.4.0. Старобелорусский литературный язык унаследовал графику древнерусской письменности — кириллицу. При этом на белорусской почве не использовались буквы **ѫ**, **ꙗ**; с другой стороны, появились графемы **э**, **кг**, **дж**, **й**.

Особую страницу истории старобелорусской письменности XVI–XVII вв. представляют рукописные книги, написанные на Б.я. с помощью арабской графики, — китабы. Они создавались с XVI в. крымскими татарами, которые, посе-

лившись в Литве и Белоруссии (на землях Великого княжества Литовского в XIV–XV вв., одни как военнопленные, другие — добровольно), постепенно утратили свой язык. Б.я. стал для них не только разговорным, но и письменным языком некоторых видов мусульманской культовой и переводной восточной светской литературы (описания мусульманских обрядов и ритуалов, легенды, восточные сказки, морально-этические поучения и пр.). Ценность этих памятников состоит, в частности, в том, что в них арабскими буквами последовательно передаются многие фонетические особенности Б.я., которые в старобелорусских памятниках, написанных кириллицей, фиксировались нерегулярно (аканье, яканье, передача фрикативного [г], мягкого [с’], аффрикат /д͡з/ и /д͡ж/ и др.).

Кириллическое письмо использовалось до конца XVII — начала XVIII в. Постепенно начинает использоваться латинская графика (в польской модификации), и к началу XX в. на белорусских землях пользовались двумя графическими системами: латинской и кириллической. Новый литературный Б.я. на начальной стадии (XIX — начало XX в.) чаще использовал латиницу. Отход от традиции старобелорусской письменности объясняется прежде всего запретом властей публиковать книги на Б.я. В начале этого периода литература на Б.я. издавались чаще в Вильно (совр. Вильнюс), Познани, Варшаве, реже — в Париже и Лондоне. Кроме того, многие авторы были представителями мелкой шляхты, католиками, писали и на белорусском, и на польском языках, поэтому латинский алфавит был для них привычным. Латиницей были напечатаны произведения В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, первая белорусская газета К. Калиновского «Мужыцкая праўда» («Мужицкая правда») и др.

Современная белорусская графика является кириллической. Алфавит состоит из 34 букв; от русского алфавита он отличается наличием букв *і*, *ў* и диграфов *дж*, *дз*, отсутствием букв *ъ*, *щ*, *и*; обязательным обозначением *ё* в текстах. Знак апостроф *’* выполняет функцию разделительного знака после твердых согласных перед йотированными гласными: *аб’я́ва* ‘объявление’, *вераб’і́* ‘воробьи’, *надво́р’е* ‘погода’.

Белорусская орфография основана на фонетическом и морфологическом принципах. В соответствии с фонетическим принципом на письме передаются: 1) безударные гласные: *гара́* ‘гора’ — мн. ч. *го́ры*, *цана́* ‘цена’ — мн. ч. *цэ́ны*, *вяду́* ‘веду’ — *ве́сці* ‘вести’; 2) долгие согласные: *насенне* ‘семя, семена’, *вяселле* ‘свадьба’; 3) конечный согласный префиксов *з-*, *без-*, *раз-*, *уз-*, *цераз-*: *зламаць* ‘сломать’ — *скасіць* ‘скосить’, *бездако́рна* ‘безукоризненно, безупречно’ — *беспадста́ўна* ‘необоснованно, безосновательно’, *раздаць* ‘раздать’ — *раскласці* ‘разложить’, *узлезці* ‘влезть, взобраться’ — *укла́сці* ‘возложить’, *цераззерніца* ‘череззерница’ — *цераспало́сіца* ‘чересполосица’; 4) некоторые сочетания согласных в корне и на стыке корня и суффикса: *сл*, *зн*, *сн*, *рн*, *рц*: *шчаслівы* ‘счастливый’, *позна* ‘поздно’, *радасны* ‘радостный’, *міласэрны* ‘милосердный’, *сэрца* ‘сердце’; *ц*: *салдацкі* ‘солдатский’, *асіповіцкі* ‘осиповичский’, *выдавецкі* ‘издательский’, *асветніцкі* ‘просветительский’; *с*: *хараство* ‘красота’, *пта́ства* ‘птицы’, *мноства* ‘множество’ и др.; 5) дзеканье и цеканье (см. 1.1.2.). На морфологическом принципе построены правила написания: 1) звонких согласных в конце слова: *мароз* [маро́с] ‘мороз’ и перед глухими согласными: *казка* [ка́ска] ‘сказка’; 2) глухих перед звонкими: *касьба* [каз’ба́] ‘косьба’; 3) конечного со-

гласного префиксов и союзов на *-б*, *-д*: *адказаць* [атказáц’] ‘ответить’, *падштурхнуць* [патштурхнýц’] ‘подтолкнуть’, *аб табе* [ап таб’é] ‘о тебе’, *ад цёткі* [ац’ ц’óтки] ‘от тёти’ и т. д.

Написание *о* и *ё* означает, что на данный слог падает ударение (за исключением сложных слов, см. 2.1.2.).

1.5.0. Язык белорусской народности сложился в период существования Великого княжества Литовского — многонационального государства, включавшего в свой состав, кроме коренных литовских земель, обширные земли современной Белоруссии и бóльшую часть территории современной Украины. Основные черты современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились до XIII в.

В деловой письменности XIV в. — смоленско-полоцких грамотах, договорах, присяжных грамотах, купчих, дарственных, написанных в Слуцке, Мстиславле, Молодечно, а также в Вильно и Троках в канцеляриях великого князя литовского Витовта, — отражен ряд новых черт, не характерных для восточнославянской письменности предыдущего этапа: переход [в] в [ў] неслоговой, отвердение шипящих и [р] в конце слова, фрикативный [г], сочетания [ры], [лы] на месте [ръ], [лъ]. Указанные особенности отражены, хотя и в меньшей степени, в церковнославянских текстах этого времени: Витебское, Оршанское, Полоцкое Евангелия, Псалтири и др.

Регулярность отражения белорусских черт в оригинальных и некоторых переводных текстах XV–XVI вв. позволяет говорить о формировании старобелорусского литературного языка, просуществовавшего до середины XVIII в. Этот язык использовался в качестве официального государственного языка Великого княжества Литовского. На нем издавались законы, велось делопроизводство, создавались летописи, хроники, религиозная и светская литература, памятники деловой письменности.

Особое место в период становления старобелорусского языка занимает деятельность белорусского первопечатника, гуманиста, просветителя, ученого, писателя и переводчика Франциска Скорины (1490 (?) — середина XVI в.). В 1517–1519 гг. в Праге он издал 23 книги Библии. Сохранив церковнославянскую основу библейских текстов, Скорина использовал белорусскую лексику в такой степени, что язык его книг значительно отошел от церковнославянского языка православного употребления. В сближении языка религиозной литературы с живой народной речью еще дальше пошли С. Будный и В. Тяпинский. Значительный вклад в развитие литературного Б.я. внесли Л. Зизаний, М. Смотрицкий, Л. Карпович, А. Филипович и др.

После Люблинской унии 1569 г. (а также Брестской церковной унии того же года), когда Великое княжество Литовское объединилось с Польским королевством в Речь Посполитую, расширилось влияние польской культуры и языка на белорусских землях, и постепенно старобелорусский язык в качестве официального уступил место польскому языку. В 1772–1795 гг. белорусские земли вошли в состав Российской империи. В 1840 г. Б.я. был запрещен русским правительством в государственных учреждениях и в школьном обучении. В 1867 г. было запрещено издание белорусских книг латинским шрифтом (см. 1.3.2.). На протяжении XVIII в. и в начале XIX в. Б.я. существовал преимущественно в устной форме. В первой

половине XIX в. живая разговорная речь и язык устного фольклора послужили стимулом и источником возникновения нового литературного Б.я. (см. 1.3.2.).

1.6.0. В фонетической системе Б.я. с внешнеязыковым влиянием связано наличие: 1) фонемы /ф/, заимствованной из греческого языка через старославянский; 2) твердых согласных перед фонемой /е/ в заимствованных словах: *дэлегáт* ‘делегат’, *тэáтр* ‘театр’, *бэз* ‘сирень’, *гэ́бель* ‘рубанок’; 3) твердых /д/, /т/ в заимствованных словах перед фонемой /і/: *дырэ́ктар* ‘директор’, *тыгр* ‘тигр’. В словообразовании — заимствованы префиксы *а-*, *анты-*, *архі-*, *віцэ-*, *дэ-*, *дыс-*, *контр-*, *рэ-*, *супер-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра-*; суффиксы *-ар*, *-атар*, *-ер*, *-аж*, *-ізм*, *-іст* и некоторые другие.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Нелабиализованные		Лабиализованные
	Передний	Средний	Задний
Верхний	і		у
Средний	е		о
Нижний		а	

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования								
			Губно-губные		Губно-зубные		Передне-язычные		Средне-язычные	Задне-язычные	
			Тв.	Мяг.	Тв.	Мяг.	Тв.	Мяг.	Мяг.	Тв.	Мяг.
Шумные	Взрывные	Гл.	п	п’			т			к	к’
		Зв.	б	б’			д			ґ	ґ’
	Аффрикаты	Гл.					ч ц	ц’			
		Зв.					д͡ж д͡з	д͡з’			
	Фрикативные	Гл.			ф	ф’	ш с	с’	й	х	х’
		Зв.			в	в’	ж з	з’		г	г’
Сонорные	Носовые		м	м’			н	н’			
	Боковые						л	л’			
	Дрожащие						р				
	Скользящие		ў								

По признаку твердости/мягкости согласные фонемы образуют соотносительный ряд, включающий одиннадцать пар: /б/ — /б’/, /п/ — /п’/, /ф/ — /ф’/, /м/ — /м’/, /в/ — /в’/, /д/ — /д’/, /т/ — /ц’/, /з/ — /з’/, /с/ — /с’/, /л/ — /л’/, /н/ — /н’/. Непарными по твердости/мягкости являются фонемы: /ж/, /ш/, /д͡з/, /д͡ж/, /ч/, /ц/, /р/, взрывной /ґ/, /х/. Непарные твердые согласные фонемы не имеют соответствующих парных мягких фонем, а непарная мягкая фонема /й/ не имеет соответствующей парной твердой.

2.1.2. Ударение динамическое, разноместное, подвижное: *галавá* ʽголова’ — *галóўка* ʽголовка’, *aкнó* ʽокно’ — мн. ч. *вóкны*, *размóва* ʽразговор’ — *размаўляць* ʽразговаривать’, *гай* ʽроща’ — *у гаí* ʽв роще’, *перападрыхтавáць* ʽпереподготовить’ — *перападрыхтýю* ʽпереподготовлю’.

Сложные слова имеют основное (на второй части слова) и дополнительное (на первой части слова) ударение: *збòжжанарыхтóўкі* ʽхлебозаготовки’, *мòвазнáўства* ʽязыкознание’, *штòдзённа* ʽежедневно’.

Часть служебных слов самостоятельного ударения не имеет. В качестве безударного слога они примыкают к предыдущему или последующему самостоятельному слову. Чаще всего это частицы: *прынёс жа* ʽпринёс же’, *прачытáў бы* ʽпрочитал бы’ и предлоги: *да плóту* ʽк забору’, *перад снóм* ʽперед сном’, *пад нагý* ʽпод ногу’.

Ударение различает ряд слов и их форм: *кáра* ʽнаказание’ — *карá* ʽкора’, *стáлы* ʽвзрослый’ — *сталы́* ʽстолы’ и др.; формы именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа существительных женского рода на *-а*, *-я*: *гýбы* ʽгýбы’ — *губы́* ʽгубы́’, *свíнні* ʽсви́ньи’ — *свінні́* ʽсвиньи́’ и др.; многие глаголы совершенного и несовершенного вида: *склíкаць* ʽсозвать’ — *склікáць* ʽсозывать’, *рассы́паць* ʽрассы́пать’ — *рассыпáць* ʽрассыпáть’ и др.; формы инфинитива и 3-го лица множественного числа будущего времени некоторых глаголов: *уручáць* ʽвручать’ — *урýчаць* ʽ(они) вручат’, *заўважáць* ʽзамечать’ — *заўвáжаць* ʽ(они) заметят’ и др.

2.1.3. В абсолютном начале слова под ударением г л а с н ы е фонемы представлены в ограниченном количестве лексем, главным образом в заимствованных словах и междометиях: *эпас* ʽэпос’, *ордэн* ʽорден’, *аркуш* ʽлист’, *урна* ʽурна’, *эх!*, *ой!*, *ах!*, *ух!*. В исконной белорусской лексике перед начальными ударенными /о/, /у/ развился приставной [в] (*воцат* ʽуксус’, *вуліца* ʽулица’), что ограничивает использование их в начале слова. Перед /і/ в начале слова произносится [й], что почти полностью исключает употребление фонемы /і/ в этой позиции: *íней* [йін’ей] ʽиней’, *íхні* [йіхн’і] ʽих’.

В ударной позиции после твердых парных согласных представлены все гласные фонемы, кроме /е/, которая после /к/, /л/ не отмечена, а после других твердых парных согласных встречается главным образом в заимствованной лексике: *бэлька* ʽбалка’, *вэлюм* ʽвуаль’, *вэндзіць* ʽкоптить’, *гэбель* ʽрубанок’, *дэмпінг* ʽдемпинг’, *дэспат* ʽдеспот’, *дэльта* ʽдельта ’, *зэдаль* ʽпереносная комнатная скамейка’, *мэта* ʽцель’, *мэрыя* ʽмэрия’, *мэбля* ʽмебель’, *нэндза* ʽтоска’, ʽнужда’, *кнэлі* ʽкнели’, *пэнзаль* ʽкисть’, *пэцкаць* ʽпачкать’, ʽмарать’, *гарсэт* ʽкорсет’, *сэнс* ʽсмысл’, *сэрца* ʽсердце’, *тэзіс* ʽтезис’, *тэма* ʽтема’, *тэкст* ʽтекст’, *кватэра* ʽквартира’, *фэст* ʽпрестольный праздник’ и др.

Фонема /і/ не отмечена после /х/ и ограниченно — только в звукоподражательных словах — встречается после твердых /г/, /к/: *гыркаць* ʽрычать’, *кыхаць* ʽкашлять’.

Фонема /у/ после мягких /в’/, /м’/, /п’/ и фонемы /а/, /о/, /у/ после мягких /г’/, /к’/, /х’/, /ф’/ употребляются ограниченно.

Фонема /е/ в заимствованных словах после твердых согласных в предударных слогах выступает в варианте [э]: *эты́чны* ʽэтичный’ — *э́тыка* ʽэтика’, *тэмáтыка* ʽтематика’ — *тэ́ма* ʽтема’.

Фонемы /а/, /о/, /е/ после твердых согласных во всех безударных слогах последовательно выступают в варианте [а]: *даю́* ʽдаю’ — *дай* ʽдай’, *азёрны* ʽозёрный’ — *во́зера* ʽозеро’, *акно́* ʽокно’ — мн. ч. *во́кны*, *дамы́* ʽдома́’ — *дом* ʽдом’, *каня́* ʽконя’ — *конь* ʽконь’, *рака́* ʽрека’ — мн. ч. *рэ́кі* ʽреки’, *шасці́* ʽшести’ — *шэсць* ʽшесть’, *вячэ́рні* ʽвечерний’ — *ве́чар* ʽвечер’.

С о г л а с н ы е парные по звонкости/глухости различаются в сильной позиции: перед гласными, сонорными и /в/, /в’/, /й/. Слабой позицией для них является положение в конце слова, перед шумными глухими и шумными звонкими согласными. Парные звонкие фонемы в конце слова и перед шумными глухими оглушаются: *хле*[п] ʽхлеб’ — *хлеба* ʽхлеба’, *до*[ш]*ч* ʽдождь’ — мн. ч. *дажджы* ʽдожди’, *даро*[х] ʽдоро́г’ — мн. ч. *дарогі* ʽдороги’, *закла*[т]*ка* ʽзакладка’ — *закладаць* ʽзакладывать’, *дзя*[ц’]*ка* ʽдядька’ — *дзядзя* ʽдядя’, *лё*[х]*ка* ʽлегко’ — *лёгенька* ʽлегонько’. Парные глухие фонемы перед шумными звонкими озвончаются: *ка*[з’]*ба* ʽкосьба’ — *касіць* ʽкосить’, *фу*[д]*бол* ʽфутбол’.

Для парных по твердости/мягкости слабыми являются позиции перед фонемой /е/, парными мягкими и парными твердыми, непарными по твердости/мягкости согласными, а для парных мягких губных — также в конце слова. Перед /е/ твердость/мягкость согласных является обусловленной: парные мягкие фонемы сохраняют мягкость: *не́сці* ʽнести’ — *прынёс* ʽпринёс’, а парные твердые фонемы реализуются в мягких вариантах: *на губе́* — *губа́*, *у вадзе́* ʽв воде’ — *вада́* ʽвода’. В некоторых словах бывают твердыми губные: *вэксаль* ʽвексель’, *пэцкаць* ʽпачкать’ и др. и, редко, — зубные /з/, /с/: *сэрца* ʽсердце’ и др.

Перед парными мягкими согласными:

— губные фонемы — твердые: *абняць* ʽобнять’, *плечы* ʽспина’, *трымцець* ʽтрепетать’, *шуфляда* ʽящик’ (в столе, шкафу);

— парные фонемы /з/ — /з’/, /с/ — /с’/ — мягкие: *бе*[з’]*зямельны* ʽбезземельный’, [з’]*мена* ʽсмена’, *бярэ*[з’]*нік* ʽберезняк’, *на пры*[з’]*бе* ʽна завалинке’, *гра*[з’]*зю* ʽгрязью’, *ка*[с’]*сё* ʽкосовище’ (черенок косы), [с’]*віран* ʽамбар’, *выра*[с’]*лі* ʽвыросли’;

— парные фонемы /н/ — /н’/ перед /д͡з’/, /ц’/, /н’/, /л’/ — мягкие: *асе*[н’]*ні* ʽосенний’, *насе*[н’]*не* ʽсемена’, *кама*[н’]*дзір* ʽкомандир’, *на фро*[н’]*це* ʽна фронте’; перед /з’/, /с’/ и перед мягкими губными — твердые (в заимствованиях): *пансіянат* ʽпансионат’, *кансіліум* ʽконсилиум’, *танзіліт* ʽтонзиллит’, *канверт* ʽконверт’;

— фонемы /д/, /т/: 1) перед /з’/, /с’/, /н’/, /л’/ сохраняют твердость: *па*[д]*сядзёлак* ʽподседельник’, *сту*[д]*ня* ʽколодец’, *сусе*[д]*ні* ʽсоседний’, *ха*[т]*ні* ʽдомашний’, *спага*[д]*лівы* ʽсочувственный’, *ве*[т]*лівы* ʽприветливый’; 2) перед мягкими /д͡з’/, /ц’/ — мягкие: *а*[ц’]*цягнуць* ʽоттянуть’, ʽоттащить’, *а*[д͡з’]*дзяліць* ʽотделить’, *су*[д͡з’]*дзя* ʽсудья’, *ве*[ц’]*це* ʽветви’; 3) перед мягкими губными: в корневой морфеме — мягкие: [д͡з’]*веры* ʽдверь’, *мя*[д͡з’]*ведзь* ʽмедведь’, [д͡з’]*ве* ʽдве’, [ц’]*вёрды* ʽтвёрдый’; в приставках и на стыке с суффиксами — твердые: *па*[д]*бяру* ʽподберу’, *по*[д]*бегам* ʽрысцой’, ʽтрусцой’, *спра*[д]*вечны* ʽисконный’, *па*[д]*вёз* ʽподвёз’, *па*[д]*перці* ʽподпереть’, *на бры*[т]*ве* ʽна бритве’, *у Лі*[т]*ве* ʽв Литве’.

Перед парными и непарными твердыми парные по твердости/мягкости фонемы — твердые, однако парные /с/ — /с’/, /н/ — /н’/ в ограниченном количестве

случаев различаются перед /к/: *Зоська*, имя собственное — *вёска* ʽдеревня’, *пянька* ʽпенька’ — *станка* род. п. от ʽстанок’, *Танька*, имя собственное — *танка* род. п. от ʽтанк’; перед /й/ они — мягкие: *канферансье* ʽконферансье’, *калье* ʽколье’, *каньяк* ʽконьяк’.

В конце слова губные всегда твердые: *голуб* ʽголубь’, *насып* ʽнасыпь’, *сем* ʽсемь’.

2.1.4. Типичной для Б.я. структурой слога является сочетание CV: *ра-дзі-ма* ʽродина’, *рэ-ха* ʽэхо’, *за-су-пя-рэ-чу* ʽ(я) начну возражать’, *ся-ке-ра* ʽтопор’, *вá-ра-ны* ʽварёный’, *гэ-ты* ʽэтот’, *мы-ша-ня* ʽмышонок’.

В Б.я. сильна тенденция превращать неприкрытые слоги в прикрытые, что достигается с помощью приставных и вставных согласных: *во-ка* ʽглаз’, *во-зе-ра* ʽозеро’, *во-сень* ʽосень’, *во-стры* ʽострый’, *вод-гул-ле* ʽотзвук’, *воб-зем-лю* ʽоземь’, *воб-мац-кам* ʽощупью’, *Ля-вон*, *Ла-ры-вон*, имена собственные; *ву-чань* ʽученик’, *ву-лі-ца* ʽулица’, *ву-стры-ца* ʽустрица’, *ву-галь* ʽуголь’, *ву-зел* ʽузел’, *ву-сны* ʽуста’, ʽгубы’, *ву-чо-ны* ʽучёный’, *ву-ха* ʽухо’, *за-ву-лак* ʽпереулок’, *на-ву-ка* ʽнаука’, *па-вук* ʽпаук’; *Ган-на* ʽАнна’, *гар-ма-та* ʽорудие’, ʽпушка’, *гэ-ты* ʽэтот’; диалектные лексемы: *га-раць* ʽпахать’, *га-рэх* ʽорех’, *го-стры* ʽострый’, *гу-ли-ца* ʽулица’, *алімпі*-[йá]-*да* ʽолимпиада’, *біблі*-[йа]-*тэка* ʽбиблиотека’, *бі*-[йó]-*лаг* ʽбиолог’, *гі-гі*-[йé]-*на* ʽгигиена’, *пі*-[йа]-*нер* ʽпионер’, *ста-цы*-[йа]-*нар* ʽстационар’, *міль*-[йó]-*н* ʽмиллион’.

Типы открытых слогов:

V — главным образом, в начале слова (*а-га-род* ʽогород’, *у-тры-маць* ʽудержать’), в середине слова на стыке морфем (*па-а-дры-ваць* ʽпоотрывать’) и в заимствованных словах (*а-э-ра-стат* ʽаэростат’), в конце слова в заимствованных словах (*То-кі-о* ʽТокио’);

CV — включает шумный или сонорный согласный, характерен для начала, середины и конца слова: *га-ла-ва* ʽголова’, *ба-ра-на-ва-лі* ʽбороновали’, *ка-ла-сы* ʽколосья’;

CCV — включает: 1) сочетание шумных или сочетание сонорных согласных; данный тип характерен для начала, середины и конца слова: *ста-лы* ʽстолы’, *мля-вы* ʽвялый’, *ка-ла-ска-мі* ʽколосками’, *па-мно-жыць* ʽумножить’; *мно-га* ʽмного’; *ка-зка* ʽсказка’, *ка-млі* мн. ч. от ʽкомель’, *по-мні* ʽпóмни’; 2) сочетание шумный и сонорный согласный; характерен для начала, середины и конца слова: *кла-ві-шы* ʽклавиши’, *тра-ва*, *па-тра-ціць* ʽпотратить’, *вы-бра-лі* ʽ(они) выбрали’, *вя-дро* ʽведро’, *мо-кры* ʽмокрый’; 3) сочетание сонорный и шумный согласный; характерен для начала слова: *ржа-вы* ʽржавый’, *ржа-лі* ʽржали’.

Типы закрытых слогов:

VC — включает сонорный, характерен для начала слова: *ар-ка* ʽарка’, *ар-жа-ны* ʽржаной’;

CVC — включает: 1) шумный, гласный и сонорный; данный тип характерен для начала, середины и конца слова: *кар-та* ʽкарта’, *пал-ка* ʽпалка’; *мя-кень-кі* ʽмягенький’, *і-гол-ка* ʽиголка’; *квар-тал* ʽквартал’, *а-гонь* ʽогонь’; 2) шумный, гласный и /й/; характерен для начала, середины и конца слова: *дай-це* ʽдайте’, *вай-на* ʽвойна’; *па-зай-маць* ʽназанимать’; *па-дай* ʽподай’; 3) сонорный, гласный и шумный; характерен для конца слова: *бу-рак* ʽсвёкла’, *па-лец* ʽпалец’, *во-раг* ʽвраг’; 4) сонорный, гласный и сонорный, характерен для конца слова: *во-ран* ʽворон’, *ка-лом* ʽколóм’, *го-ман* ʽговор, гомон’;

CVCC — включает шумный, гласный, сонорный и шумный и другие варианты; данный тип характерен для конца слова: *фа-бры-кант* ʽфабрикант’, *факт* ʽфакт’.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Структура морфемы в Б.я. не отличается принципиально от структуры морфем в других восточнославянских языках.

Морфемы Б.я. по фонологическому строению неоднородны: корневые отличаются от аффиксальных, среди корневых различаются именные и глагольные, а среди аффиксальных — словообразовательные (префиксальные и суффиксальные) и формообразовательные (флексии).

Корневые именные морфемы, как правило, оканчиваются согласным звуком. Их фонемное строение — наличие вокальных и консонантных фонем (соответственно, V и C) — можно представить следующим образом: для трехфонемных морфем — CVC (*ноч* ʽночь’, *ра́д-а* ʽсовет’); для четырехфонемных — CCVC (*свет* [с’в’ет] ʽмир’, *слав-а* ʽслава’) или CVCC (*рэ́шт-а* ʽостаток’, ʽсдача’); для пятифонемных — CVCVC (*сакав-íк* ʽмарт’, *паку́т-а* ʽстрадание’) и реже — CVCCC (*пункт* ʽпункт’), CCCVC (*страх-á* ʽкровля’, *здра́д-а* ʽизмена, предательство’). Открытые именные морфемы (т. е. оканчивающиеся на гласный) встречаются в заимствованных словах (CCV: *бра*; CVCV: *кіно*; CVCCV: *пальто*; CVCVCV: *какаду*; CVCCVCV: *кенгуру*).

Корневые глагольные морфемы могут оканчиваться как на согласный, так и на гласный. Фонемное строение закрытых глагольных морфем аналогично строению именных морфем (CVC: *бег-а-ць* ʽбегать’; CCVC: *слух-а-ць* ʽслушать’; CVCVC: *гавар-ы-ць* ʽговорить’; CVCCC: *вандр-ав-а-ць* ʽпутешествовать’; CCCVC: *страч-ы-ць* ʽстрочить’). Открытые корневые глагольные морфемы имеют следующее фонемное строение: CV (*бі-ць* ʽбить’), CCV (*кры-ць* ʽкрыть’); четырех- и пятифонемные морфемы встречаются очень редко.

Местоименные корневые морфемы обычно двух- и трехфонемные: CV (*я* [йа] ʽя’, *ты* ʽты’), CVC (*ён* [йо́н] ʽон’, *як-і* [йак’-і] ʽкакой, каков’, *сам-ы* ʽсамый’).

Фонемная структура служебных слов простая. Непроизводные предлоги представлены моделями: C (*з* ʽс/со, ʽиз/изо’, *к* ʽк’), V (*у* ʽу, в, по, за’), VC (*аб* ʽо, об’, *ад* ʽот’), CV (*да* ʽк, до, на, по’, *ля* ʽоколо’, *па* ʽпо, за’), CVC (*без* ʽбез’, *між* ʽмежду’, *пад* ʽпод’), CCV (*пра* ʽо, об, про’, *пры* ʽпри, у’), CVCV (*дзеля* ʽдля, из-за’), CCVC (*праз* ʽиз-за, через’), CVCVC (*цераз* ʽчерез’). Непроизводные союзы представлены моделями: V (*і* ʽи’), CV (*ці* ʽили, разве’), VCV (*або* ʽлибо, или’). Структура непроизводных частиц включает модели V (*і* ʽи’, *а* ʽа’), CV (*не* ʽнет’, *ні* ʽни’, *бы* ʽбы, вроде’), CVC (*вось* ʽвот’, *бач* ʽсмотри’), VCV (*але* ʽда’, ʽно’, ʽоднако’, *ані* ʽничуть, нимало’). Наиболее распространенные структуры междометий: V (*а!*, *у!*), CV (*го!*, *ну!*), VC (*ах!*, *эх!*), VCV (*ага!*).

Аффиксальные морфемы по фонемной структуре более ограничены: префиксы и суффиксы обычно одно-, двух- или трехфонемные (суффиксы, имеющие более трех фонем — заимствованные), флексии — одно- и двухфонемные, реже — трехфонемные.

На стыке морфем, особенно корневой и суффиксальной, широко представлено чередование фонем, усечение основ, наращение основ и наложение конечной части образующей основы и форманта (см. 2.2.3., 2.5.2.).

2.2.2. Из числа фонологических противопоставлений, имеющих категориальный статус, в Б.я. представлены:

— противопоставление по фонетическому составу исконных и заимствованных слов в передаче яканья: *лес* ʽлес’ — мн. ч. *лясы́* ʽлеса’, *цень* ʽтень’ — *цянёк* ʽтенёк’, *дзед* ʽдед’ — *дзядоўнік* ʽрепей, репейник’, но *ген* ʽген’ — *генетыка* ʽгенетика’, *кедр* ʽкедр’ — *кедрач* ʽкедрач’, *перон* ʽперрон’, *велюр* ʽвелюр’, *семестр* ʽсеместр’;

— противопоставление по фонетическому составу исконных и заимствованных слов в передаче звонкого заднеязычного: [г]*орад* ʽгород’, *на*[г]*а* ʽнога’, но [ґ]*онта* ʽгонт’, [ґ]*анак* ʽкрыльцо’, [ґ]*узік* ʽпуговица’, *ке*[ґ]*лі*.

2.2.3. Наиболее распространенными видами морфонологических (исторических) чередований являются:

— чередования гласного с нулем звука (/о/ ~ ∅, /е/ ~ ∅), или беглые гласные. Они происходят в именных корневых морфемах при словоизменении (*сон* — дат. п. *сну*, *дзень* ʽдень’ — род. п. *дня*), словообразовании (*акно* ʽокно’ — *аканіца* ʽставня’, *збор* ʽсбор’ — *сабраць* ʽсобрать’), а также в суффиксах при словоизменении и словообразовании (*кручок* ʽкрючок’ — *кручка* ʽкрючка’, *кручкаваты* ʽкрючковатый’);

— чередования /в/, /в’/ и /л/ с /ў/ в конце слова и перед шумными: *кароў* ʽкоров’ — *карова* ʽкорова’, *лаўка* ʽлавка’ — *лава* ʽлавка’, *быў* ʽбыл’ — *была*.

Для согласных при словоизменении характерны чередования на стыке основы и флексии:

— парные твердые ~ парные мягкие: *вада* ʽвода’ — *у вадзе* ʽв воде’, *вязуць* ʽвезут’ — *вязём* ʽвезём’, *грабуць* ʽгребут’ — *грабём* ʽгребём’ и т. д.;

— /г/ ~ /з’/: *нага* ʽнога’ — *назе* ʽноге’, *бераг* ʽберег’ — *на беразе* ʽна берегу’;

— /к/ ~ /ц/: *рука* — *руцэ* ʽруке’, *сведка* ʽсвидетель’ — *сведцы* ʽсвидетелю’;

— /х/ ~ /с’/: *муха* — *мусе* ʽмухе’, *страха* ʽкровля’ — *на страсе* ʽна кровле’;

— /г/ ~ /ж/: *стрыгу* ʽстригу’ — *стрыжэш* ʽстрижёшь’;

— /к/ ~ /ч/: *пяку* ʽпеку’ —*пячэш* ʽпечёшь’;

— /х/ ~ /ш/: *дыхаю* ʽдышу’ — *дышаш* ʽдышишь’;

— губные чередуются с сочетанием «губной + /л’/»: *ламаць* ʽломать’ — *ламлю* ʽломаю’, *любіць* ʽлюбить’ — *люблю*, *купіць* ʽкупить’ — *куплю*, *лавіць* ʽловить’ — *лоўля* ʽловля’ и т. д.

Значительно шире представлены чередования в словообразовании:

— парные твердые ~ мягкие: *багаты* ʽбогатый’ — *багацейшы* (сравнительная степень), *ступаць* ʽделать шаги’ — *ступень* ʽстепень’, *сяло* ʽсело’ — *селянін* ʽкрестьянин’, *вапна* ʽизвесть’ — *вапнярка* ʽяма для гашения извести’, *голуб* ʽголубь’ — *галубятнік* ʽголубятник’, *слюда* ʽслюда’ — *слюдзяны* ʽслюдяной’, *рэзаць* ʽрезать’ — *разьба* ʽрезьба’;

— /д/ ~ /дж/: *горад* ʽгород’ — *гараджанін* ʽгорожанин’, *хада* ʽпоходка’ — *хаджу* ʽхожу’;

— /т/ ~ /ч/: *грукатаць* ʽстучать, грохотать’ — *грукачу* ʽстучу, грохочу’, *плата* ʽплата’ — *плачу* ʽплачу’;

— /с/ ~ /ш/: *высокі* ʽвысокий’ — *вышыня* ʽвысота’;

— /з/ ~ /ж/: *француз* ʽфранцуз’ — *француженка* ʽфранцуженка’, *вязаць* ʽвязать’ — *вяжу*;

— /г / ~ /ж/: *снег* ʽснег’ — *снежань* ʽдекабрь’, *вораг* ʽвраг’ — *варожы* ʽвражеский’, *благі* ʽнехороший’, ʽплохой’, ʽнездоровый’ — *блажэць* ʽхудеть’;

— /к/ ~ /ч/: *звыкацца* ʽпривыкать’ — *звычай* ʽобычай’, *скакаць* ʽпрыгать’ — *скачыха* ʽпрыгунья’;

— /х/ ~ /ш/: *штурхаць* ʽтолкать’ — *штуршок* ʽтолчок’, *ціхі* ʽтихий’ — *цішыня* ʽтишина’, *слухаць* ʽслушать’ — *слушны* ʽдельный’, ʽрезонный’;

— губные /б’/, /п’/, /м’/, /ф’/ чередуются с сочетанием «губной + /л’/», а /в’/ — с сочетанием /ўл’/: *зубіць* ʽзубить’ — *назублівацъ* ʽназубривать’, ʽнасекать’, *травіць* ʽтравить’ — *натраўліваць* ʽнатравливать’;

— /з’/ ~ /ж/, /с’/ ~ /ш/, /д͡з’/ ~ /д͡ж/, /ц’/ ~ /ч/: *марозіць* ʽморозить’ — *падмарожваць* ʽподмораживать’, *вісець* ʽвисеть’ — *вешаць* ʽвешать’, *сядзець* ʽсидеть’ — *саджаць* ʽсажать’, *траціць* ʽтратить’ — *растрачваць* ʽрастрачивать’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

Б.я. относится к языкам флективного строя. При этом в словоизменении в разных разрядах слов широко представлено морфологическое изменение основ: *бераг* ʽберег’ — *на бераз-е* ʽна берегу’ — *бераг-і* ʽберегá’, *галав-а* ʽголова’ — *галав-е* ʽголове’ — *галоў* ʽголов’, *ід-у* ʽиду’ — *ідз-еш* ʽидёшь’, *сем* ʽсемь’ — *сям-і* ʽсеми’, *пяць* ʽпять’ — *пяц-ю* ʽпятью’.

Будучи по своим основным характеристикам синтетическим языком, Б.я. использует ряд аналитических структур разного типа. Есть основания для выделения по крайней мере нескольких аспектов аналитизма в Б.я., имеющих семантико-грамматическую значимость:

— грамматический — раздельнооформленные члены морфологических парадигм: формы степеней сравнения наречий типа *больш*/*менш высокі* ʽболее/менее высокий’ (ср. *вышэйшы*), *найбольш*/*найменш высокі*, *самы высокі* ʽнаиболее/наименее высокий, самый высокий’ (ср. *найвышэйшы*) и др.; формы будущего времени глаголов несовершенного вида: *буду чакаць* ʽбуду ждать’, *будзеш чакаць* ’будешь ждать’, *будзе чакаць* ʽбудет ждать’ и т. д.; формы давнопрошедшего времени: *я быў зрабіў* ʽя сделал’, *яна была зрабіла* ʽона сделала’, *Вы пралілí былí кроў за бáцькаўшчыну* (К. Чорны) ʽВы пролили кровь за Родину’;

— лексико-грамматический — слова, морфемы, грамматические категории, выступающие в предложении во вторичной, служебной функции, например, *Браты абнялі адзін аднаго* ʽБратья обнялись (букв. ʽобняли друг друга’)’, где словосочетание *адзін аднаго* выступает в функции аффикса *-ца*(/*-ся*) (*абнялі адзін аднаго* = *абняліся*); выражение категории лица и числа с помощью личных местоимений в условном наклонении: *я з’еў бы* ʽя бы съел’, *ты з’еў бы* ʽты бы съел’ и т. д., *мы з’елі бы* ʽмы бы съели’, *вы з’елі бы* ʽвы бы съели’ и т. д.;

— лексический — неоднословные языковые номинации: *сасновы лес* ʽсосновый лес’ (ср. *сасоннік* ʽсосняк’), *той, хто чытае* ʽтот, кто читает’ (ср. *чытáч* ʽчитатель’), *даць абяцанне* ʽпообещать’ (ср. *абяцаць* ʽобещать’);

— фразеологический — устойчивые неоднословные лексические единицы: *рáды нямá* ʽсил нет’, ʽвыхода нет’, *малоць лухту* ʽговорить вздор’, *дармá што* ʽхоть/хотя и, несмотря на то, что’.

2.3.1. Разряды слов в Б.я. выделяются на основе грамматических, лексических и лексико-грамматических критериев. Развитая система аффиксов и флексий

обусловливает высокую степень разграниченности грамматических разрядов, важнейшими из которых являются части речи, см. 2.3.7.

2.3.2. Категория р о д а (мужской, женский, средний) выражена в существительных, прилагательных, числительных, местоимениях и в некоторых формах глагола (в единственном числе прошедшего времени и сослагательного наклонения, в причастиях). Маркером рода является флексия (см. 2.4.0.).

У существительных категория рода является классифицирующей: м. р. — *сабака* ʽсобака’, *будынак* ʽздание’, *боль* ʽболь’, *бацька* ʽотец’; ж. р. — *вада* ʽвода’, *сям’я* ʽсемья’, *далонь* ʽладонь’, *кроў* ʽкровь’, *гусь* ʽгусь’; ср. р. — *дрэва* ʽдерево’, *цяля*/*цялё* ʽтелёнок’, *імя́* ʽимя’. Выделяют также небольшую группу существительных общего рода: *сірата* ʽсирота’, *туляга* ʽскиталец/скиталица’, *ціхоня* ʽтихоня’, *нэ́ндза* ʽжалобщик/жалобщица’, ʽнытик’ и др. Существительные мужского рода, обозначающие профессию, социальный статус, должность и т. п., могут использоваться также для обозначения лиц женского пола, при этом глагол-сказуемое в прошедшем времени согласуется с таким существительным в женском роде, а прилагательное-определение — в мужском: *У лютым у вёску прыехала* (ж. р.) *малады аграном* (м. р.) *Вера* ʽВ феврале в деревню приехала молодой агроном Вера’. Группа существительных (более 100) имеют вариантные родовые формы: м. р. *зал* ʽзал’ — ж. р. *за́ла*; м. р. *топаль* ʽтополь’ — ж. р. *тапо́ля*, м. р. *давер* ʽдоверие’ — ср. р. *давер’е* и др.

У прилагательных категория рода является согласовательной.

У некоторых количественных числительных категория рода также выражена флексией: м. р. *адзін* ʽодин’ — ж. р. *адна* — ср. р. *адно*; м. р., ср. р. *два* — ж. р. *дзве*, ж. р. *тысяча*, м. р. *мільён* ʽмиллион’, м. р. *мільярд* ʽмиллиард’. Порядковые числительные изменяются по родам как прилагательные (*першы дзень* ʽпервый день’, *першая кніга* ʽпервая книга’, *першае выпрабаванне* ʽпервое испытание’, м. р. *пяты* ʽпятый’ — ж. р. *пятая* — ср. р. *пятае* и т. п.).

Личное местоимение 3-го лица, указательные, притяжательные, определительные, вопросительно-относительные *які* ʽкакой’, *чый* ʽчей’, *каторы* ʽкоторый’ и образованные от них отрицательные и неопределенные местоимения в единственном числе изменяются по родам как прилагательные.

Категория о д у ш е в л е н н о с т и / н е о д у ш е в л е н н о с т и у существительных выражается с помощью соотнесенности падежных форм: у одушевленных существительных мужского рода, а во множественном числе также у существительных женского рода совпадают формы винительного и родительного, у неодушевленных — винительного и именительного падежа.

2.3.3. Категорию ч и с л а образует противопоставление единственного числа множественному. У существительных категория числа является словоизменительной. Маркером числа выступает флексия. Иногда образование форм множественного числа существительных сопровождается переносом ударения (*ко́лас* ʽколос’ — мн. ч. *каласы́*), а также различными морфонологическими изменениями в основе (см. 2.4.0.). У неизменяемых существительных (как заимствованных, так и исконных) категория числа выражена синтаксически: ед. ч. *новае дзіцячае паліто* ʽновое детское пальто’ — мн. ч. *новыя дзіцячыя паліто*, ед. ч. *наша дарагая маці* ʽнаша дорогая мать’ — мн. ч. *нашы дарагія маці*. Ряд существительных имеет только форму единственного числа (группа singularia tantum): *воўна*

ʻшерсть’, *павуцінне* ʻпаутина’, *блакіт* ʻголубизна’, *поўнач* ʻсевер’, *здароў’е* ʻздоровье’, *сумленне* ʻсовесть’ и др., или только форму множественного числа (группа pluralia tantum): *акуляры* ʻочки’, *дзверы* ʻдверь’, *адведкі* ʻпосещение, наведывание’, *хованкі* ʻпрятки’, *грудзі* ʻгрудь’, *прыцемкі* ʻсумерки’и др.

В глаголах и прилагательных, а также причастиях и порядковых числительных категория числа является согласовательной (синтаксической): *нерухомая бяроза* ʻнеподвижная берёза’ — мн. ч. *нерухомыя бярозы*.

В системе местоимений категория числа представлена непоследовательно. В группе местоимений с обобщенно-предметным значением она оформляется либо супплетивно (*я* ʻя’ — *мы* ʻмы’, *ты* ʻты’ — *вы* ʻвы’), либо синтаксически (*хто сказаў* ʻкто сказал’, *што вырасла* ʻчто выросло’, *хто-небудзь патэлефануе* ʻкто-нибудь позвонит’, *нешта карціла* ʻчто-то беспокоило’). В местоимениях с обобщенно-качественным значением категория числа согласовательная: *мой* — мн. ч. *мае́*, *твой* — мн. ч. *твае́*, *свой* — мн. ч. *свае́*, *уся́кі* ʻвсякий’ — мн. ч. *уся́кія*, *такі́* ʻтакой’ — мн. ч. *такі́я* и т. д.

Для местоимения *сябе* ʻсебя’ и для местоимений с обобщенно-количественным значением (*столькі* ʻстолько’, *колькі* ʻсколько’, *не́калькі* ʻнесколько’, *гэ́тулькі* ʻстолько’) категория числа нерелевантна: *ён дакараў сябе* ʻон упрекал себя’, *дзеці ўзялі цацкі сабе* ʻдети взяли игрушки себе’.

Универсальное значение количества отражается также в именных лексико-грамматических категориях: собирательности (ед. ч. *ліст* ʻлист’ — мн. ч. *лісты́* ʻлистья’ — *лі́сце* ʻлиства’, ед. ч. *бервяно́* ʻбревно’ — мн. ч. *бярвёны* ʻбрёвна’ — *бярве́н-н-е* ʻбрёвна’, собирательность оформлена аффиксально), множественности (*мо́ладзь* ʻмолодёжь’, *сяля́нства* ʻкрестьянство’), а также в разряде количественных числительных (*пяць* ʻпять’, *адзіна́ццаць* ʻодиннадцать’, *со́рак сем* ʻсорок семь’, *дзве́сьце* ʻдвести’ и т. п.).

2.3.4. Выделяются следующие п а д е ж и: именительный — прямой и пять косвенных — родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. В определенной степени сохраняется звательный падеж: *хло́пча* от *хло́пец* ʻпарень’, *ле́се* от *лес* ʻлес’, *бра́це* от *брат* ʻбрат’.

Особенности падежных окончаний обусловлены характером основ, а для существительных мужского рода с нулевой флексией в отдельных падежах — также принадлежностью к определенным лексико-семантическим разрядам: одушевленные/неодушевленные (для винительного падежа), конкретные/абстрактные (для родительного падежа единственного числа). О типах склонения существительных см. 2.3.7., 2.4.0.

В падежной системе Б.я. нет однозначного закрепления того или иного значения за определенным падежом. Так, значение субъекта выражается не только формой именительного падежа, но и формами других падежей: им. п. — *хлопчык бегае* ʻмальчик бегает’, род. п. — *сустрэча сяброў* ʻвстреча друзей’, дат. п. — *яму там не бываць* ʻему там не быть’, твор. п. — *дом будуецца цеслярамі* ʻдом строится плотниками’. Субъект четко противопоставляется объекту, значение которого может быть передано словоформой в следующих падежах: им. п. *горад пабудаваны* ʻгород построен’, род. п. *дачакацца вясны* ʻдождаться весны’, дат. п. *дапамагаць старым* ʻпомогать старикам’, вин. п. *запрасіць гасцей* ʻпригласить гостей’, твор. п. *авалодванне ведамі* ʻовладение знаниями’.

Беспредложные падежи выражают и другие грамматически релевантные значения: локативность (*бегчы лесам* ʽбежать лесом’), посессивность (*рэчы настаўніка* ʽвещи учителя’), часть целого (*ганак хаты* ʽкрыльцо избы’), количество (*шклянка сыраквашы* ʽстакан простокваши’), время (*спаткацца ранкам* ʽвстретиться утром’), признак (*жанчына незвычайнай прыгажосці* ʽженщина редкой красоты’), сравнение (*віцца вужакаю* ʽвиться ужом’), орудие (*выцяць кіем* ʽударить палкой’), полупредикативный признак (*прыехаць сівым* ʽвернуться седым’) и др.

Значения косвенных падежей дополняются и уточняются значениями предлогов: *рабіць паводле законаў* ʽпоступать согласно/по законам’, *павіншаваць напярэдадні свята* ʽпоздравить накануне праздника’, *буяць паабапал гасцінца* ʽбуйно расти по обеим сторонам дороги’, *паведаміць адпаведна дамоўленасці* ʽсообщить в соответствии с договоренностью’, *віцца па-над гаем* ʽвиться над рощей’, *сабрацца а сёмай гадзіне* ʽсобраться в семь часов’, *сасна пры дарозе* ʽсосна у дороги’, *хворы на сэрца* ʽу него больное сердце’ (букв. ʽбольной на сердце’), *паехаць па дровы* ʽпоехать за дровами’ и т. д.

Предложно-падежные значения в Б.я. имеют богатую синонимику. Так, п р и н а д л е ж н о с т ь выражается тремя основными способами: лексически (*кніга належыць суседу* ʽкнига принадлежит соседу’), синтаксически (*кніга суседа* ʽкнига соседа’, *яго кніга* ʽего книга’) и лексико-морфологически (*суседава кніга* ʽкнига соседа’, *ягоная кніга* ʽего книга’). Последовательно различаются притяжательные прилагательные, образованные от существительных мужского и женского рода: *бацькаў сад* ʽотцовский сад’, *бацькава машына* ʽотцовская машина’, *матчын сад* ʽсад матери’, *матчына хустка* ʽплаток матери’.

Атрибутивные отношения также могут оформляться разнообразными способами: родительным падежом (*вуліцы горада* ʽулицы города’), прилагательным (*гарадскія вуліцы* ʽгородские улицы’), предложной конструкцией (*вуліцы ў горадзе* ʽулицы в городе’), наречием (*сцежка налева* ʽтропинка налево’), инфинитивом (*абяцанне адказаць* ʽобещание ответить’), словосочетанием (*хлопчык васьмі год* ʽмальчик восьми лет’), количественным числительным (*дом дзевяць* ʽдом девять’). Столь же богаты возможности выражения обстоятельственных значений.

К шестичленной системе падежей в Б.я. примыкает звательный падеж, используемый в предложениях с обращениями (особенно в разговорной и поэтической речи): *Гуслям, **княжа**, не пішуць законаў!* (Я. Купала) ʽГуслям, **княже**, не пишут законов!’; *Ну, **малойча**, у чым справа?* (Я. Колос) ʽНу, **молодец**, в чём дело?’; *Сядай, **Якубе**, з намі!* (К. Крапива) ʽСадись, **Якуб**, с нами!’.

В именном сказуемом при связке *быць* ʽбыть’ конкурируют именительный и творительный падежи. При нулевой связке (в настоящем времени) употребляется именительный падеж: *Ён добры муж і гасцінны гаспадар* ʽОн хороший муж и гостеприимный хозяин’.

В выделительных конструкциях при глаголе *ёсць* ʽесть, имеется’ может быть как именительный, так и творительный падеж (в частности, в разговорной речи): *Гэта дрэва і ёсць тая бяроза, каля якой мы сустрэліся ўпершыню* и *Гэтае дрэва і ёсць той бярозай, каля якой мы сустрэліся ўпершыню* ʽЭто дерево и есть та берёза, около которой мы встретились впервые’.

При связке *быць* в прошедшем и будущем времени именительный падеж существительного передает, как правило, постоянный признак, а творительный па-

деж — непостоянный признак: *Мой старэйшы сын быў дойлід, а малодшы — настаўнік* ʻМой старший сын был архитектором, а младший — учителемʼ, но *Мой брат быў і муляром, і цесляром, і шахцёрам, — усяго за доўгае жыццё давялося зведаць* ʻМой брат был и каменщиком, и плотником, и шахтёром, — всего за долгую жизнь довелось испытатьʼ.

При глаголах речи (*звацца* ʻзватьсяʼ, *называцца* ʻназыватьсяʼ, *клікаць* ʻзватьʼ и т. п.) допустим именительный падеж: *Вёска завецца Малінаўка* ʻДеревня называется Малиновкойʼ, *Яго клічуць Антось* ʻЕго зовут Антошейʼ.

Падежные значения в структуре высказывания коррелируют в первую очередь с семантико-синтаксическими функциями членов предложения (подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства), оформляемыми падежными формами. Но в Б.я. представлены и иные средства выражения общих падежных значений — помимо падежной системы форм имен. К ним относятся преимущественно наречия, инфинитив и синтаксические конструкции во вторичных функциях, например: атрибутивные значения (*спатканне ноччу*/*ўначы* ʻсвидание ночьюʼ, *надзея на перамогу*/*перамагчы* ʻнадежда на победу/победитьʼ), обстоятельственные значения (*закахацца ранняй вясной*/*напрадвесні* ʻвлюбиться ранней веснойʼ, *збірцца ў падарожжа*/*падарожнічаць* ʻсобираться в путешествие/путешествоватьʼ), объектные значения (*Я не прымаю вашай адмовы*/*вашае «не магу»* ʻЯ не принимаю вашего отказа/ваше «не могу»ʼ).

2.3.5. Различаются формы действительного (актив) и страдательного (пассив) з а л о г а. Для выражения страдательного залога используются личные формы настоящего или прошедшего времени переходных глаголов с постфиксом *-ся*/*-ца* в конструкции с творительным субъекта: *пішацца*/*пісаўся артыкул* ʻпишется/писалась статьяʼ, *выконваецца*/*выконвалася песня* ʻисполняется/исполнялась песняʼ, а также страдательные причастия: *артыкул напісаны* ʻстатья написанаʼ, *песня выканана* ʻпесня исполненаʼ.

Значение п е р е х о д н о с т и морфологически не маркировано и находит выражение на синтаксическом уровне: переходные глаголы управляют дополнением, выраженным существительным в винительном или родительном падеже без предлога (*ён чытае книгу* ʻон читает книгуʼ, *яна напілáся вады* ʻона выпила водыʼ, *не прынёс грыбоў* ʻне принёс грибовʼ). У некоторых глаголов непереходность может быть выражена постфиксом *-ся*/*-ца* или суффиксально: *сніць* ʻвидеть сонʼ — *сніц-ца* ʻснитьсяʼ, *гультай-ніча-ць* ʻбездельничатьʼ, *філасоф-ства-ва-ць* ʻфилософствоватьʼ, *чарн-і-ць* ʻчернитьʼ — *чарн-е-ць* ʻчернетьʼ. При перфективации некоторые приставки служат показателями переходности: *ехаць* ʻехатьʼ — *аб'ехаць усе вёскі* ʻобъехать все деревниʼ, *ісці* ʻидтиʼ — *перайсці ручай* ʻперейти ручейʼ, *магчы* ʻмочьʼ — *перамагчы ворага* ʻпобедить врагаʼ.

В о з в р а т н ы е глаголы образуются от всех переходных и от некоторых непереходных глаголов с помощью постфикса *-ся*/*-ца*: *спыніць* ʻостановитьʼ — *спыніцца* ʻостановитьсяʼ, *апранаць* ʻодеватьʼ — *апранацца* ʻодеватьсяʼ, *пячы* ʻпечьʼ — *пячыся* ʻпечьсяʼ, *трэсці* ʻтрястиʼ — *трэ́сціся* ʻтрястисьʼ, *ружавець* ʻрозоветьʼ — *ружавецца* с тем же значением. С помощью *-ся*/*-ца* оформляются многообразные частные значения возвратности: страдательность (*Горы разбураюцца дажджамі і ветрам* ʻГоры разрушаются дождями и ветромʼ), взаимность (*Яны пацалаваліся* ʻОни поцеловалисьʼ), совместность (*Дзеці пасварыліся* ʻДети

поссорились’), интенсивность (*Рэчка разлілася* ‘Речка разлилась’), внутреннего свойства (*Кашуля з часам рвецца* ‘Рубашка со временем рвётся’), безличность (*Мне не спіцца* ‘Мне не спится’) и др.

Глаголы совершенного/несовершенного в и д а формально разграничиваются с помощью различных аффиксов (*ехаць* ‘ехать’ — *прыехаць* ‘приехать’, *кідаць* ‘бросать’ — *кінуць* ‘бросить’, *адкру́чваць* ‘откручивать’ — *адкруці́ць* ‘открутить’), ударения (*насыпа́ць* ‘насыпать’ — *насы́паць* ‘насыпать’), супплетивных форм (*браць* ‘брать’ — *узяць* ‘взять’), чередования звуков (*адабраць* ‘отобрать’ — *адбіраць* ‘отбирать’) и контекста (двувидовые глаголы).

Различаются н а к л о н е н и я: изъявительное, сослагательное (условное), повелительное. Глаголы в изъявительном наклонении имеют формы настоящего, прошедшего и будущего времени и изменяются по лицу и числу (см. 2.4.0.).

Повелительное наклонение представлено четырьмя формами, образующимися от основ настоящего времени:

— формы 2-го лица единственного числа с окончаниями *-і*/*-ы*/*-Ø*: *зрабі* ‘сделай’, *вучы* ‘учи’, *трымай* ‘держи’;

— формы 2-го лица множественного числа, образующиеся присоединением окончания *-це* к форме 2-го лица единственного числа: *зрабіце* ‘сделайте’, *вучыце* ‘учите’, *трымайце* ‘держите’;

— описательные формы 3-го лица единственного и множественного числа с частицами *няхай* ‘пусть’, ‘да, чтоб’ (при призыве, пожелании), *хай* ‘пускай, пусть’ и глаголом в 3-м лице единственного или множественного числа настоящего или будущего простого времени: *няхай яна робіць*/*зробіць* ‘пусть она делает/сделает’, *няхай*/*хай жыве!* ‘да здравствует!’, *хай трымаюць* ‘пусть держат’;

— формы 1-го лица множественного числа с окончанием *-ем*/*-эм*/*-ам*/*-ім*/*-ым*: *нясем* ‘несём’, *бярэм* ‘берём’, *пішам* ‘пишем’, *успомнім* ‘вспомним’ и т. д.; иногда они могут образовываться с помощью окончания *-ма*/*-мо*: *ся́дзьма* ‘сядем’, *гля́ньма* ‘посмотрим’, *дамо́* ‘дадим’, чаще они образуются описательно, с частицей *давай* ‘давай’, *давайце* ‘давайте’: *давай зробім* ‘давай сделаем’, *давайце павячэраем* ‘давайте поужинаем’.

Сослагательное наклонение глаголов образуется путем присоединения к форме прошедшего времени частицы *бы* (*б*): *павячэраў бы* ‘поужинал бы’, *пайшла б* ‘пошла бы’, *утрымалі бы* ‘удержали бы’. Глаголы в сослагательном наклонении изменяются по числу и — в единственном числе — по роду: *шукаў бы* ‘искал бы’, *шукала бы* ‘искала бы’, *шукалі бы* ‘искали бы’.

В изъявительном наклонении выделяются формы настоящего, будущего и прошедшего в р е м е н и. Формы настоящего времени образуются от основы настоящего времени с помощью личных флексий; формы прошедшего времени образуются от основы инфинитива с помощью суффикса *-л* (*-ў* в конечной позиции) и флексий (ед. ч.: ж. р. *-а*, м. р. *-Ø*, ср. р. *-а*/*-о*; мн. ч. *-і*); формы будущего простого времени образуются от основ настоящего времени с помощью личных окончаний, формы будущего сложного времени образуются с помощью вспомогательного глагола *быць* ‘быть’ в личной форме будущего простого времени + инфинитив основного глагола; см. 2.4.0. В современном Б.я. фиксируются сложные формы прошедшего времени (плюсквамперфект) типа *я быў зрабіў* ‘я сделал было’, *ты была зрабіла* ‘ты сделала было’, *яны былі зрабілі* ‘они сделали

было’. Категория времени в глаголе тесно связана с категорией вида: глаголы совершенного вида образуют формы прошедшего и будущего простого времени, глаголы несовершенного вида — формы настоящего, прошедшего и будущего сложного времени.

2.3.6. Категория л и ц а в Б.я. формируется оппозицией представлений о говорящем (1-е лицо — *я*), слушающем (2-е лицо — *ты*) и непосредственно в разговоре не участвующем (3-е лицо, в котором различается и род: м. р. *ён* ‘он’, ж. р. *яна* ‘она’, ср. р. *яно* ‘оно’). Личные местоимения *я*, *ты*, *ён* (*яна*, *яно*) противопоставляются по значению числа местоимениям *мы*, *вы*, *яны* ‘они’. В глаголе грамматическая категория лица выражается в формах настоящего и будущего простого времени изъявительного наклонения и в формах повелительного наклонения; маркером лица (и числа) является флексия (см. 2.4.0.).

Категория о п р е д е л е н н о с т и / н е о п р е д е л е н н о с т и морфологическими средствами в Б.я. не выражена. Это значение передается лексически с помощью слов *гэты* ‘этот’, *той* ‘тот’, *кожны* ‘каждый’ (определенность), *адзін* ‘один’, *нейкі* ‘какой-то’ (неопределенность) и т. п., а также с помощью порядка слов в предложениях, образующих связный текст (т. е. способом формирования темы и ремы): *Купіў я неяк адну кнігу. Кнігу гэту я потым падарыў брату* ‘Купил я как-то (одну) книгу. Книгу эту я потом подарил брату’.

П р о с т р а н с т в е н н а я о р и е н т а ц и я действия передается: 1) прежде всего лексически — с помощью наречий: *там* ‘там’, *тут* ‘здесь’, *туды* ‘туда’, *адтуль* ‘оттуда’, *налева* ‘налево’, *зверху* ‘сверху’ и т. д.; 2) лексико-грамматически — предлогами: *за лесам* ‘за лесом’, *па-над лесам* ‘над лесом’, *каля лесу* ‘у/около леса’, *у напрамку лесу* ‘в направлении/в сторону леса’ и т. д.; 3) средствами глагольной префиксации: *прыехаць* ‘приехать’ — *паехаць* ‘уехать’, *падбегчы* ‘подбежать’ — *адбегчы* ‘отбежать’.

Способы выражения анафоры: местоимения (как основное средство), лексические повторы, семантическое дублирование, поддерживаемые анафорически значимым порядком слов: *На ўскрайку леса стаяў дуб. Ён (дуб/дрэва) быў зусім стары (было зусім старое)* ‘На краю леса стоял дуб. Он (дуб/дерево) был совсем старый (было совсем старое)’.

О т р и ц а н и е выражается при помощи: отрицательной частицы *не*; предикативного слова *няма* ‘нет’ и сочетаний с этим словом *няма як* ‘невозможно, неудобно’, *няма калі* ‘некогда’, *няма дзе* ‘негде’ и т. п.; отрицательных местоимений *ніхто* ‘никто’, *нішто* ‘ничто’ и наречий *нідзе* ‘нигде’, *ніадкуль* ‘ниоткуда’ и т. д., а также комбинацией указанных средств: *не бачыў* ‘не видел’, *не я гэта зрабіў* ‘не я это сделал’, *не ў гародзе* ‘не в огороде’, *нічога тут няма* ‘ничего здесь нет’, *нельга забіваць* ‘нельзя убивать’, *нідзе не знайшоў* ‘нигде не нашёл’, *Няма жадання гаварыць з імі* ‘Нет желания говорить с ними’, *Ці ёсць запалкі? — Няма* ‘Есть ли спички? — Нет’, *няма дзе жыць* ‘негде жить’, *немаведама хто* ‘неизвестно кто’, *няма калі пабачыцца* ‘некогда повидаться’, *Госці не прыехалі* ‘Гости не приехали’, *Не госці прыехалі* ‘Не гости приехали’, *Ніхто ніколі яго не бачыў* ‘Никто никогда его не видел’, *Працуе без ахвоты (неахвотна)* ‘(Он/она) работает без охоты (нехотя)’ и т. д.

Объективная м о д а л ь н о с т ь выражается противопоставлением форм изъявительного наклонения формам сослагательного и повелительного наклоне-

ния; субъективная модальность — модальными словами и выражениями, глаголами и прилагательными, частицами, междометиями с семантикой глагольного действия, порядком слов, лексическими повторами, переносным употреблением грамматических форм, интонацией и др.

2.3.7. В Б.я. традиционно выделяются части речи: знаменательные — имя (существительное, прилагательное, числительное), глагол, наречие, местоимение; служебные — предлог, союз, связка, частица; междометие.

С у щ е с т в и т е л ь н о е характеризуется наличием категории рода, числа и падежа. Традиционно выделяют три типа склонения (I, II, III). Нумерация типов склонения достаточно условна. Так, в научных грамматиках и лингвистических работах существительные мужского рода с нулевым окончанием и среднего рода на *-о*/*-ё* относятся к I склонению, существительные женского рода на *-а*/*-я* — ко II-му, а в школьных грамматиках нумерация традиционно обратная. Так же традиционно наряду с термином «предложный падеж» используется термин «местный падеж». Выделяются группы существительных разносклоняемых и общего рода (см. 2.4.0.). К несклоняемым относятся: различные заимствования (*паліто* ʻпальто', *журы* ʻжюри', *Гётэ*, *Кармен*), белорусские женские фамилии на согласный, а также фамилии на *-о*, *-ых* (*Яніна Колас*, *Алена Кісель*, *Гурло*, *Сядых*), аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный либо образующиеся из начальных букв сокращенных слов (*БелТА — Беларускае Тэлеграфнае Агенства* ʻБелорусское телеграфное агенство', *ААН — Арганізацыя Аб'яднаных Нацый* ʻОрганизация объединенных наций').

П р и л а г а т е л ь н ы е характеризуются согласовательными категориями рода, числа и падежа. По характеру называния признака разделяются на качественные (*малады* ʻмолодой', *сіні* ʻсиний'), относительные (*дубовы* ʻдубовый', *вясковы* ʻдеревенский') и притяжательные (*удовин* ʻвдовий', *бацькаў* ʻотцовский').

Качественные прилагательные имеют формы степеней сравнения: положительную, сравнительную (простую и сложную) и превосходную (простую и сложную). Простая форма сравнительной степени образуется с помощью суффиксов *-ейш*/*-эйш*: *весялейшы* ʻболее весёлый', *дабрэйшы* ʻболее добрый'. При этом иногда наблюдается выпадение суффикса *-к-*/*-ок-*: *нізкі* ʻнизкий' — *ніжэйшы* ʻболее низкий', *салодкі* ʻсладкий' — *саладзейшы* ʻболее сладкий'). Сложная форма образуется сочетанием наречий *больш*/*болей* ʻбольше/более', *менш*/*меней* ʻменьше/менее' с качественными прилагательными: *больш вясёлы* ʻболее весёлый', *менш зразумелы* ʻменее понятный'. Прилагательные *малы* ʻмаленький', *вялікі* ʻбольшой', *добры* ʻхороший', *дрэнны* ʻплохой' образуют формы сравнительной степени от супплетивных основ с помощью суффикса *-ш-*, соответственно *меншы*, *большы*, *лепшы*, *горшы*. Простая форма превосходной степени образуется от сравнительной простой формы с помощью приставки *най-*, сложная форма — сочетанием местоимения *самы* ʻсамый' или наречий *найбольш*/*найболей* ʻнаиболее', *найменш*/ *найменей* ʻнаименее', *вельмі* ʻочень', *надта* ʻочень, слишком' и др. с прилагательными в форме положительной либо простой сравнительной степени: *наймаладзейшы* ʻсамый молодой' и *самы малады*/*самы маладзейшы*, *найменш вядомы* ʻнаименее известный'. Некоторые качественные прилагательные, как правило, с суффиксами *-іст-*/*-ыст-*, *-яв-*/*-ляв-*, *-ав-*, *-лів-*, *-ат-*, *-ават-*, *-еньк-* и др., образуют только сложные формы степеней сравнения: *самы*

плячысты ʽсамый плечистый’, *надта бялявы* ʽслишком белокурый’, *найменш дзіравы* ʽнаименее дырявый’, *вельмі пранізлівы* ʽочень пронзительный’ и т. д. Некоторые качественные прилагательные не образуют степеней сравнения, что связано с их лексическим значением: *кульгавы* ʽхромой’, *жанаты* ʽженатый’, *буланы* ʽбуланый’, *бэзавы* ʽсиреневый’ и т. п. После форм сравнительной степени, как правило, стоят предлоги *за* ʽза’, *ад* ʽот’ или союзы *як* ʽкак’, *чым* ʽчем’ (на русский язык не переводятся): *больш за мяне* ʽбольше меня’, *старэйшы ад яе* ʽ(он) старше её’, *сільнейшы як ён*/*сільнейшы чым ён* ʽ(он) сильнее его’.

Некоторые качественные прилагательные (немногочисленные) при употреблении в предикативной функции могут образовывать краткую форму: *дужы* ʽсильный’ — *дуж* ʽсилён’, *ёмісты* ʽвместительный, ёмкий’ — *ёмак* ʽёмок’ и др. Краткие формы изменяются по роду и числу.

Полные прилагательные в единственном числе согласуются с существительным в роде, числе и падеже; во множественном числе по родам не изменяются, см. 2.4.0.

Ч и с л и т е л ь н ы е подразделяются на количественные, порядковые, собирательные, дробные. По структуре они могут быть простыми (непроизводными), сложными, составными. Порядковые числительные склоняются как прилагательные, в составных числительных склоняется только последнее слово: *дзве тысячы трэці* ʽдве тысячи третий’, *у дзве тысячы трэцім годзе* ʽв две тысячи третьем году’. Они образуются от количественных с помощью суффиксов и окончаний прилагательных: *тры* ʽтри’ — *трэці* ʽтретий’, *сорак* ʽсорок’ — *саракавы* ʽсороковой’, *пяць* ʽпять’ — *пяты* ʽпятый’, *дзесяць* ʽдесять’ — *дзесяты* ʽдесятый’; числительные *першы* ʽпервый’ и *другі* ʽвторой’ имеют супплетивную основу. Собирательные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-й-*, *-ёр-*/*-ер-*: *двое* ʽдвое’, *пяцёра* ʽпятеро’, *дзесяцера* ʽдесятеро’. К собирательным относят числительное м. р., ср. р. *абодва* ʽоба’, ж. р. *абедзве* ʽобе’, которое склоняется как количественные *два* ʽдва’, *дзве* ʽдве’. В дробных числитель выражается количественным, а знаменатель — порядковым числительным. При этом (в отличие от русского языка) при числителе, выраженном словами *два* ʽдва’, *тры* ʽтри’, *чатыры* ʽчетыре’, порядковое числительное в знаменателе имеет форму именительного падежа множественного числа, а при числителе, выраженном словами *пяць* ʽпять’ и выше, порядковое числительное имеет форму родительного падежа множественного числа, ср. *дзве сотыя* ʽдве сотых’, *тры шостыя* ʽтри шестых’ и *пяць дзесятых* ʽпять десятых’, *сем сотых* ʽсемь сотых’. О склонении количественных числительных см. 2.4.0.

М е с т о и м е н и я представлены несколькими лексическими разрядами. Личные местоимения имеют категории лица, числа и падежа, а в 3-м лице единственного числа также категорию рода; для их склонения характерен супплетивизм основ, см. 2.4.0. Возвратное *сябе* ʽсебя’ не имеет категории рода и числа, оно может выступать в функции частицы: *Сяджу сабе ціха і не шманаю* ʽСижу себе тихо и ухом не веду’. Притяжательные: *мой* ʽмой’, *наш* ʽнаш’, *твой* ʽтвой’, *ваш* ʽваш’, *свой* ʽсвой’ имеют категории рода, числа и падежа; в функции притяжательных могут выступать личные местоимения 3-го лица в родительном падеже: *яго, яе, іх ба́цька*/*бацькі́* ʽего, её, их отец/родители’; адъективированные притяжательные местоимения *ягоны* ʽего’, *ейны* ʽеё’, *іхні* ʽих’ склоняются как прилагательные, они характерны для языка художественной литературы и публицисти-

ки: *Час бардаў мінуў. ...І тым большая іхняя роля. ...Яго мара, яго пяшчота, ягоная душа, гарачае сэрца ягонае.* (В. Короткевич) ʽВремя бардов прошло. …И тем важнее их роль. …Его мечта, его нежность, его душа, горячее сердце его'. Указательные местоимения *гэты* ʽэтот' (ближний план), *той* ʽтот' (дальний план), *такí* ʽтакой', *гэтакі*/*гэткі* ʽтакой/этакий', а также определительные *сам*, *самы* ʽсамый', *увесь* ʽвесь', *усё* ʽвсё', *кожны* ʽкаждый, любой', *усякі* ʽкаждый', *іншы* ʽиной' имеют категории рода, числа и падежа. Вопросительные и относительные (вопросительно-относительные): *хто* ʽкто/кто?', *што* ʽчто/что?', *каторы* ʽкоторый/который?', *які* ʽкакой/какой?', *чый* ʽчей/чей?', *колькі* ʽсколько/сколько?' и др. Неопределенные: *нéхта*, *хтось*/*хтосці* ʽнекто, кто-то', *нéшта*, *штось*/*штосці* ʽнечто, что-то', *нéйкі* ʽкакой-то', *нéчы*/*нéйчы*, *чыйсь*/*чыйсці* ʽчей-то', *якісь*/*якісці* ʽкакой-то', *некатóры* ʽнекоторый', *нéкалькі*/*колькі* ʽнесколько', *хто-нéбудзь* ʽкто-нибудь', *што-нéбудзь* ʽчто-нибудь', *які-нéбудзь* ʽкакой-нибудь', *чый-нéбудзь* ʽчей-нибудь' и т. д., *абы-хто* ʽлишь бы кто', *абы-што* ʽлишь бы что', *абы-які* ʽлишь бы какой', *абы-чый* ʽлишь бы чей', и др. Отрицательные: *ніхто* ʽникто', *нішто* ʽничто', *нічый* ʽничей', *ніякі* ʽникакой' и др. Местоимения *хто*, *што*, *колькі* и все образованные от них неопределенные и отрицательные изменяются только по падежам; *які*, *чый*, *каторы* и производные от них изменяются по роду, числу и падежу.

Местоименные наречия включают слова со значением качества: *як* ʽкак', *гэдак* ʽэтак', *неяк* ʽкак-то', *іначай*, *інакш* ʽиначе' и др.; времени: *калі* ʽкогда', *нéкалі* ʽкогда-то', *калі-нéбудзь* ʽкогда-нибудь', *нікóлі* ʽникогда', *заўжды* ʽвсегда', *зараз* ʽсейчас' и др.; причины: *чаму* ʽпочему', *таму* ʽпотому' и др.; цели: *навóшта* ʽзачем', *нізавóшта* ʽни за что' и др.; места: *туды* ʽтуда', *сюды* ʽсюда', *паўсюдна* ʽвезде', *адтуль* ʽоттуда', *адусюль* ʽотовсюду' и др.

Н а р е ч и я по значению разделяются на несколько групп: качественные: *спрытна* ʽловко', *урачыста* ʽторжественно', *шчыра* ʽискренно' и др.; количественные: *шмат* ʽмного', *крыхý* ʽнемного', *вельмі* ʽочень' и др.; способа действия: *уголас* ʽвслух', *употай* ʽтайно', *па-сяброўску* ʽпо-дружески', *рáптам* ʽвдруг' и др.; места: *угары́* ʽвверху', *пóбач* ʽрядом', *звóддаль* ʽиздалека' и др.; времени: *улéтку* ʽлетом', *надóечы* ʽнедавно', *штогóд* ʽежегодно' и др.; причины: *без дай прычыны* ʽбеспричинно', *чамусьці* ʽпочему-то' и др.; цели: *сумыслу* ʽнарочно', *адмыслова* ʽспециально', *знячэўку* ʽнеожиданно' и др. Качественные образуют сравнительную и превосходную формы степеней сравнения (простые и сложные): *мацней* ʽсильнее', *даражэй* ʽдороже', *больш проста* ʽболее просто', *менш складана* ʽменее сложно', *найбольш* ʽнаиболее', *найменш* ʽнаименее', *наймацней* ʽсильнее всех', *найбольш рашуча* ʽнаиболее решительно', *найменш удала* ʽнаименее удачно', *лепш за ўсё*/*за ўсіх* ʽлучше всего/всех'. Несколько наречий имеют супплетивные формы сравнительной степени: *дорба* ʽхорошо' — *лепш* ʽлучше', *дрэнна* ʽплохо' — *горш* ʽхуже' и др. Широко представлены формы субъективной оценки (усилительности, ласкательности, неполноты признака и т. п.): *ціхéнечка*, *ціхýтка*, *ціхýсенька* ʽтихонько', *даўжэразна* ʽочень долго', *крышачку* ʽнемножко'; в этих целях используется также редупликация: *ціхенéнечка* ʽочень тихо', *памалюсéсеньку* ʽпонемножку' и т. п.

В Б.я. может быть выделена к а т е г о р и я с о с т о я н и я, или предикативы, представленные разными морфологическими средствами: наречиями: *горача*

ʽжарко’, *сумна* ʽгрустно’; существительными: *час* ʽпора, время’, *грэх* ʽгрех’, *сорам* ʽстыд’, *ахвота* ʽохота’; собственно безличными предикативами: *трэба* ʽнужно’, *нельга* ʽнельзя’, *шкадá* ʽжаль’. Изменение подобных единиц обусловлено либо формами слов, от которых они образованы: *Сёння гарачэй, чым учора* ʽСегодня жарче, чем вчера’, либо временным значением высказывания: *Учора было горача — Заўтра будзе горача* ʽВчера было жарко — Завтра будет жарко’. Лексические обозначения состояния типа *замужам* ʽзамужем’, *у стане* ʽв состоянии’, *у непрытомнасці* ʽв обмороке, в беспамятстве’ не включаются в эту категорию, так как не могут служить предикатом безличной конструкции.

Г л а г о л характеризуется категориями лица, числа, переходности/непереходности, вида, залога, наклонения, времени, а также рода — в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения. К неличным формам глагола относятся ифинитив (*абараніць* ʽзащитить’, *дзяўбці́* ʽклевать, долбить’, *бéгчы* ʽбежать’, *валачы́* ʽтащить, волочить’), причастие (*зжáтая пшані́ца* ʽсжатая пшеница’, *асвóеныя зéмлі* ʽосвоенные земли’, *пажаўцéлае лі́сце* ʽпожелтевшая листва’) и деепричастие (*збірáючы* ʽсобирая’, *назбірáўшы* ʽсобрав’, *стаі́ўшыся* ʽпритаившись’, *памятýючы* ʽпомня’, *адышóўшы* ʽотойдя’). Страдательные причастия настоящего времени в Б.я. неупотребительны и, как правило, заменяются синтаксическими синонимами: *чытаемая ім кніга* ʽчитаемая им книга’ → *кніга, якую ён чытае* ʽкнига, которую он читает’. Замена происходит и в тех случаях, когда причастие не допускается узуально: *народ, які змагаецца* ʽборющийся народ’, *сход, які мае адбыцца* ʽпредстоящее собрание’. В отличие от русского языка возможно образование деепричастий несовершенного вида от односложных глаголов типа *біць* ʽбить’ — *б’ючы́*, *шыць* ʽшить’ — *шы́ючы*, а также образование деепричастий с суффиксом *-ну-* типа *мóкнуць* ʽмокнуть’ — *мóкнучы*, *цягнýць* ʽтаскать, тащить’ — *ця́гнучы*.

П р е д л о г и представлены тремя группами: 1) простые (*аб* ʽо, об’, *без* ʽбез’, *у* ʽу, в, по, за’, *для* ʽдля’, *дзеля* ʽради, для, из-за’, *пад* ʽпод’ и др.); 2) сложные (*з-за* ʽиз-за’, *з-пад* ʽиз-под’, *па-за* ʽза, позади, вне’, *па-над* ʽвдоль, над, по-над’, *уздоўж* ʽвдоль’, *замест* ʽвместо’); 3) составные: *пóруч з* ʽнаряду с’, *у галінé* ʽв области’, *у залежнасці ад* ʽв зависимости от’). По сочетаемости с падежными формами они подразделяются на однопадежные (*ад* ʽот’, *ля* ʽоколо’, *к* ʽк’, *услед* ʽвслед’ и др.), двухпадежные (*за* ʽза’, *аб* ʽо/об’, *на* ʽна’, *між* ʽмежду’ и др.) и трехпадежные (*з* ʽс/со, из/изо’, *у* ʽу, в, по, за’, *па* ʽпо, за’).

С о ю з ы по составу делятся на простые (*а* ʽа, но’, *але* ʽно, однако, да’, *ды* ʽда, и, но, а’, *бо* ʽибо’, *як* ʽкак’, *каб* ʽчтобы/чтоб, если бы’, *што* ʽчто’, *хіба* ʽразве’, *хоць* ʽхоть/хотя’, *пакуль* ʽпока’, *няхай* ʽпусть/пускай’ и др.) и сложные (*тым часам, як* ʽтем временем, как’, *для таго, каб* ʽдля того, чтобы’, *перад тым, як* ʽперед тем, как’ и др.). По употреблению союзы делятся на единичные (*а*, *ды*, *бо*, *як* и др.), повторяющиеся (*то… то*, *ці то… ці то* ʽили то… или то’, *ні… ні* ʽни… ни’ и др.) и парные (*не толькі…, а і* ʽне только…, но и’, *калі…, то* ʽесли…, то’, *а раз…, то* ʽа если…, то’ и др.). По функциональному значению — на соединительные и подчинительные. Соединительные союзы включают в свой состав разные подгруппы, которые передают значения сочетания (*і* ʽи’, *ды* ʽи’, *таксама* ʽтакже’, *як…, так і* ʽкак…, так и’ и др.), сопоставления (*аднак* ʽоднако’, *затое* ʽзато’, *не толькі…, але і* ʽне только…, но и’ и др.), противопоставления (*а* ʽа, но’,

ды ʻноʼ и др.), градации (*не толькі..., але і* ʻне только…, но иʼ), перечисления (*ці... ці* ʻили… илиʼ, *то... то* ʻто… тоʼ), распределения (*ці... ці*, *або... або* ʻлибо… либо, или… илиʼи др.), присоединения (*ды і* ʻда иʼ, *прычым* ʻпричёмʼ и др.). Подчинительные союзы выполняют либо чисто синтаксическую функцию (*што* ʻчтоʼ, *як* ʻкакʼ, *чым* ʻчемʼ, *нібы* ʻбудто, как будтоʼ), либо, кроме того, несут семантическую нагрузку причины (*бо*, *што*, *таму што* ʻпотому чтоʼ, *паколькі* ʻпоскольку', *з-за таго што* ʻиз-за того, чтоʼ), времени (*калі* ʻкогдаʼ, *пакуль* ʻпокаʼ, *тым часам як* ʻтем временем какʼ), условия (*каб*, *калі б* ʻесли б/быʼ, *калі... то* ʻесли… тоʼ, *раз* ʻеслиʼ), цели (*каб*, *дзеля таго, каб* ʻдля того, чтобыʼ, *з тым, каб* ʻс тем, чтобыʼ), уступки (*хай* ʻпустьʼ, *хоць* ʻхотяʼ, *хіба* ʻразвеʼ), сравнения (*як*, *чым*, *што*, *быцца* ʻбудтоʼ, *нібы* ʻбудто, как будтоʼ), результата (*так што*, *то*, *дык* ʻто, такʼ).

Ч а с т и ц ы представлены несколькими функционально-семантическими разрядами. Смысловые: указательные *вось*, *ось*, *от*, *вот*, *во* ʻвотʼ, *вунь*, *унь* ʻвонʼ, *гэта* ʻэтоʼ и др., определительно-уточняющие *амаль* ʻпочтиʼ, *ледзь*, *ледзьве* ʻчутьʼ, *сапраўды* ʻдействительноʼ, *якраз* ʻкак разʼ и др., выделительно-ограничительные *толькі* ʻтолькоʼ, *абы толькі* ʻтолько быʼ, *хіба толькі* ʻразве чтоʼ, *хоць/хаця*, *хоць бы* ʻхоть/хотя быʼ и др. Модальные: утвердительные *так* ʻдаʼ, *але* ʻдаʼ, *ага* ʻну, даʼ и др., отрицательные *не* ʻнет, неʼ, *ні* ʻниʼ и др., вопросительные *ці* ʻли?ʼ, *хіба* ʻразве?ʼ, *няўжо* ʻнеужели?ʼ и др., побудительные *бы/б*, *няхай* ʻпустьʼ, *дай/дайце* ʻдавай/давайтеʼ, *бадай* ʻчтоб, а чтобыʼ и др. Эмоционально-экспрессивные: восклицательные *вось дык* ʻвот жеʼ, *бач* ʻглядиʼ и др., усилительные *нават* ʻдажеʼ, *ды* ʻдаʼ, *дык* ʻтакʼ, *ж/жа* ʻжеʼ, *ажно* ʻдажеʼ и др.

По формальной роли частицы подразделяются на словообразовательные *-сьці/-сь*, *-не́будзь*, *-кольвек*, *абы-*, *не-*, *ні-*, *ані-* (*хтосьці/хтось* ʻкто-то, нектоʼ, *кудысь* ʻкуда-тоʼ, *чый-небудзь* ʻчей-нибудьʼ, *хто-кольвек* ʻкто бы ниʼ, *абы-куды* ʻкуда-нибудь, куда попалоʼ, *не́як* ʻкак-тоʼ, *нічый* ʻничейʼ, *анікуды* ʻникудаʼ и т. д.) и формообразовательные *бы/б* — служит для образования форм сослагательного наклонения (*зрабіў бы* ʻсделал быʼ), *хай/няхай*, *давай* — служат для образования форм повелительного наклонения (*няхай ідзе* ʻпусть идётʼ, *давай няси* ʻнеси!ʼ).

М о д а л ь н ы е слова и словосочетания выражают логическую оценку высказывания: *сапраўды* ʻдействительноʼ, *відавочна* ʻочевидноʼ, *зразумела* ʻразумеетсяʼ и др., возможность, вероятность сообщаемого, предположение, сомнение: *магчыма* ʻвозможноʼ, *верагодна* ʻвероятноʼ, *відаць* ʻочевидно, по-видимомуʼ, *здаецца* ʻкажетсяʼ, *можа быць* ʻможет бытьʼ и др. Употребляются как в роли вводных слов: *Магчыма, і я пайду з вамі* ʻВозможно, и я пойду с вамиʼ, так и в роли слов-предложений: *Ты пойдзеш з намі? — Магчыма* ʻТы пойдёшь с нами? — Возможноʼ.

М е ж д о м е т и я выражают различные эмоции: *а!*, *ай!*, *ах!*, *оё-ёй!*, *ух!*, *эге!*, *ура!* и др. — радость, восторг, удовольствие и т. п., *уга!* — несогласие, *вох* — успокоение, *ой!*, *ох!*, *ую-ю-юй!* и др. — горе, боль, страх, испуг и т. п., *ага-га!* — злорадство, *эйш!* — недовольство, *пхэ!* — брезгливость, *дальбог!* — уверение и т. д.; императивные восклицания, обращенные к людям: *эй/гэй!*, *ау!*, *ну!*, *гайда!* и др., обращенные к животным (подзывные и отпугивающие): *тпру!*, *но!* — к лошади, *кыці-кыці!*, *(а)псік!* — к кошке, *ціп-ціп!*, *пыль-пыль!*, *вуць-вуць!*, *акшэнь!/(а)кыш!*, *(а)гыля!*, *(а)тыга!* к домашней птице и т. д.; звукоподражания го-

лосам животных: *гаў-гаў!*, *му-ў!*, *мяў!*, *ціў-ціў!*, *кра-а!* и т. п. и звукам неживой природы: *бах!* — удару, *плёх!* — всплеску, *баў!* — звону, *плясь!* — шлепку, *хрась!* — хрусту и т. п.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е

I склонение

Существительные мужского рода с нулевым окончанием и среднего рода с окончаниями *-о*/*-ё* под ударением и *-а*/*-е* без ударения в именительном падеже единственного числа.

		Основы			
		На твердый согласный	На шипящие, *ц*, *р*	На *г*, *к*, *х*	На мягкий согласный
Падеж		**Ед. число**			
Им.	м. р.	*-∅*			
	ср. р.	*-о*, *-а*			*-е*, *-ё*
Род.	м. р.	*-а*, *-у*			*-я*, *-ю*
	ср. р.	*-а*			*-я*
Дат.	м. р., ср. р.	*-у*			*-ю*
Вин.	м. р.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.			
	ср. р.	= им. п.			
Твор.	м. р., ср. р.	*-ам*, *-ом*			*-ем*, *-ём*
Предл.	м. р.	*-е*, *-у*	*-у*, *-ы*	*-у*, *-е*	*-ю*, *-і*
	ср. р.	*-е*	*-ы*	*-у*	*-і*
		Мн. число			
Им.	м. р., ср. р.	*-ы*			*-і*
Род.	м. р., ср. р.	*-оў*, *-аў*			*-ёў*, *-яў*
Дат.	м. р., ср. р.	*-ам*			*-ям*
Вин.	м. р.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.			
	ср. р.	= им. п.			
Твор.	м. р., ср. р.	*-амі*			*-ямі*
Предл.	м. р., ср. р.	*-ах*			*-ях*

Падежные окончания I склонения обусловлены характером основы, местом ударения, а также лексико-семантически. В родительном, винительном и предложном падеже единственного числа окончания существительных мужского рода обусловлены лексико-семантически. В родительном падеже окончание *-у*/*-ю* имеют, как правило, существительные абстрактные: *ве́тру* ‘ветра’, *бо́лю* ‘боли’, *стра́ху* ‘страха’, вещественные: *мёду* ‘мёда’, *цу́кру* ‘сахара’, *але́ю* ‘растительного масла’, собирательные: *наро́ду* ‘народа’, *чаро́ту* ‘камыша’, названия общественно-политических движений, событий, научных теорий: *капіталі́зму* ‘капитализма’, *кірмашу́* ‘ярмарки’, *дарвіні́зму* ‘дарвинизма’, болезней: *грыпу* ‘гриппа’, *адзё-*

ру ʽкори’, а все другие — окончание *-а*/*-я*. В предложном падеже существительные, обозначающие лицо, с основой на шипящие, *ц*, *р*, *г*, *к*, *х* и мягкий согласный имеют окончание *-у*/*-ю*: *аб а́ўтару* ʽоб авторе’, *аб тава́рышу* ʽо товарище’, *аб юнаку́* ʽо юноше’, *аб цёсцю* ʽо тесте’; с основой на парный твердый согласный — *-е* : *аб сыне* ʽо сыне’, *у спісе* ʽв списке’, *на мо́сце* ʽна мосту’, *у са́дзе* ʽв саду’. Существительные, не обозначающие лица, при всех основах, кроме основы на *к*, имеют окончания: *-е* — при твердой основе: *на сталé* ʽна столе’, *у мёдзе* ʽв меду’ и основе на *г*, *х* с чередованием /г/ ~ /з/, /х/ ~ /с/: *на бéразе* ʽна берегу’, *у кажусé* ʽв кожухе’; *-ы* — при основе на шипящий, *ц* и *р*: *у шалашы* ʽв шалаше’, *аб за́йцы* ʽо зайце’, *на тра́ктары* ʽна тракторе’; *-і* — при мягкой основе: *на кані́* ʽна коне’, *у гаі́* ʽв роще’; существительные с основой на *к*, а также с основой на *г*, *х* под ударением имеют окончание *-у*: *у во́ку* ʽв глазу’, *аб пірагу́* ʽо пироге’. В творительном падеже единственного числа и родительном падеже множественного числа окончание зависит от места ударения: под ударением — твор. п. *-ом*/*-ём*, род. п. *-оў*/*-ёў*, без ударения — твор. п. *-ам/-ем*, род. п. *-аў*/*-яў*.

II склонение

Существительные мужского и женского рода с окончаниями *-а*/*-я* в именительном падеже единственного числа.

		Основы			
		На твердый согласный	На шипящие, *ц*, *р*	На *г*, *к*, *х*	На мягкий согласный
Падеж		**Ед. число**			
Им.	м. р., ж. р.	*-а*			*-я*
Род.	м. р., ж. р.	*-ы*		*-і*	
Дат.	м. р.	*-у*, *-е*	*-у*, *-ы*	*-у*	*-ю*, *-і*
	ж. р.	*-е*	*-ы*	*-е*, *-э*	*-і*
Вин.	м. р., ж. р.	*-у*			*-ю*
Твор.	м. р.	*-ой*/*-ою*, *-ай*/*аю*, *-ам*, *-ом*, *-ем*	*-ам*	*-ам*, *-ой*/*-ою*	*-ёй*/*-ёю*, *-ём*
	ж. р.	*-ой*/*-ою*, *-ай*/*-аю*			*-ёй*/*-ёю*, *-яй*/*-яю*
Предл.	м. р.	*-у*, *-е*	*-у*, *-ы*	*-у*	*-ю*, *-і*
	ж. р.	*-е*	*-ы*	*-е*, *-э*	*-і*
		Мн. число			
Им.	м. р., ж. р.	*-ы*		*-і*	
Род.	м. р.	*-∅*, *-аў*, *-оў*			*-яў*
	ж. р.	*-∅*			
Дат.	м. р., ж. р.	*-ам*			*-ям*
Вин.	м. р., ж. р.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.			
Твор.	м. р., ж. р.	*-амі*			*-ямі*
Предл.	м. р., ж. р.	*-ах*			*-ях*

Падежные окончания II склонения обусловлены характером основ, а в дательном, творительном и предложном падеже единственного числа — также местом

ударения. Творительный падеж под ударением *-ой*/*-ою*, *-ёй*/*-ёю*, не под ударением — *-ай*/*-аю*, *-яй*/*-яю*. У существительных с основой на *к* в дательном и предложном падеже под ударением *-э*: *руцэ* ʽрукеʼ, *рацэ* ʽрекеʼ, не под ударением *-ы*: *вавёрцы* ʽбелкеʼ, *ча́йцы* ʽчайкеʼ. Перед флексией *-е* в дательном и предложном падеже происходит чередование /г/ ~ /з'/, /х/ ~ /с'/, /к/ ~ /ц/: *нага* ʽногаʼ — *назе* ʽногеʼ, *страха* ʽкровляʼ — *страсе* ʽкровлеʼ, *рука* ʽрукаʼ — *руцэ* ʽрукеʼ.

III склонение

Существительные женского рода с нулевой флексией. Падежные окончания III склонения обусловлены только характером основы.

Падеж	Основы			
	На шипящие и *р*		На мягкий и губной согласный	
	Ед. число	**Мн. число**	**Ед. число**	**Мн. число**
Им.	*-∅*	*-ы*	*-∅*	*-і*
Род.	*-ы*	*-эй*	*-і*	*-ей*
Дат.	*-ы*	*-ам*	*-і*	*-ям*
Вин.	= им. п.	одуш. = им. п. неодуш. = род. п.	= им. п.	одуш. = им. п. неодуш. = род. п.
Твор.	*-у*	*-амі*	*-ю*	*-ямі*
Предл.	*-ы*	*-ах*	*-і*	*-ях*

В творительном падеже единственного числа у существительных с мягкой основой и на шипящий последний согласный основы между гласными становится долгим: *арцель* ʽартельʼ — *арцеллю* ʽартельюʼ, *гусь* ʽгусьʼ — *гуссю* ʽгусемʼ, *завязь* ʽзавязьʼ — *завяззю* ʽзавязьюʼ, *печ* ʽпечьʼ — *печчу* ʽпечьюʼ, *мыш* ʽмышьʼ — *мышшу* ʽмышьюʼ; после губных и /р/ сохраняется /й/: *шыр'ю* ʽширьюʼ, *Сібір'ю* ʽСибирьюʼ, *кроўю* ʽкровьюʼ, *любоўю* ʽлюбовьюʼ. В языке художественной литературы встречаются окончания творительного падежа единственного числа *-ою*/*-ёю*, *-ой*/*-ёй*, *-аю*/*-яю*, *-ай*/*-яй*: *гразёю* ʽгрязьюʼ, *далоняй* ʽладоньюʼ и т. д., а также окончания родительного падежа множественного числа *-аў*/*-яў*: *ночаў* ʽночейʼ, *сенажацяў* ʽсенокосных луговʼ. В творительном падеже множественного числа помимо окончания *-ямі* может появляться *-мі*, чаще в диалектах: *касцямі*/*касьцмі* ʽкостями/костьмиʼ.

Разносклоняемые существительные

гусяня́ ʽгусёнокʼ, *дзіця́* ʽребёнокʼ, *немаўля́* ʽмладенецʼ, *імя́* ʽимяʼ

Падеж	Флексии	**Ед. число**			
Им.	*-я*/*-ё*	*гусяня́, -ё*	*дзіця́, -ё*	*немаўля́*	*імя́*
Род.	*-(яц)і, -я, -(ен)і*	*гусяня́ці*	*дзіця́ці*	*немаўля́ці*	*імя́*/*і́мені*
Дат.	*-(яц)і, -ю, -(ен)і*	*гусяня́ці*	*дзіця́ці*	*немаўля́ці*	*імю́*/*і́мені*
Вин.	= им. п.				
Твор.	*-ём*/*-ем, -(ен)ем*	*гусяне́м*	*дзіцё́м*/*дзіцем*	*немаўлё́м*	*і́мем*/*і́менем*
Предл.	*-(яц)і, -ю, -(ен)і*	*(аб) гусяня́ці*	*(аб) дзіця́ці*	*(аб) немаўля́ці*	*(аб) імю́*/*і́мені*

Падеж	Флексии	**Мн. число**			
Им.	*-(ят)ы, -і, -(ён)ы*	*гусяня́ты*	*дзе́ці*	*немаўля́ты*	*імёны*
Род.	*-ей, -ят, -ён*	*гусяня́т*	*дзяце́й*	*немаўля́т*	*імён*
Дат.	*-ям, -(ят)ам, -(ён)ам*	*гусяня́там*	*дзе́цям*	*немаўля́там*	*імёнам*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	= род. п.			= им. п.
Твор.	*-мі, -(ят)амі, -(ён)амі*	*гусяня́тамі*	*дзе́цьмі*	*немаўля́тамі*	*імёнамі*
Предл.	*-ях, -(ят)ах, -(ён)ах*	*(аб) гусяня́тах*	*(аб) дзе́цях*	*(аб) немаўля́тах*	*(аб) імёнах*

К разносклоняемым относят существительные, обозначающие детенышей: *дзіця́/дзіцё* ʽребёнок’, *цяля́/цялё* ʽтелёнок’, *парася́/парасё* ʽпоросёнок’ и др., три существительных на *-мя*: *імя́* ʽимя’, *стрэ́мя* ʽстремя’, *пле́мя* и существительное *ма́ці* ʽмать’, которое во всех падежах (кроме винительного единственного числа) может приобретать вставку *-ер-*: род. п., дат. п., предл. п. ед. ч. *ма́ці/ма́церы*, твор. п. ед. ч. *ма́ці/ма́церай*, им. п. мн. ч. *ма́ці/ма́церы*, род. п. мн. ч. *ма́ці/мацярэй* и т. д.

Существительные общего рода

зануда ʽзануда’, *лістаноша* ʽпочтальон’, *задавака* ʽзадавака’, *туляга* ʽскиталец’, *ціхоня* ʽтихоня’

Падеж		Флексии	Основы			
			Ед. число			
			На твердый согласный	На твердый шипящий	На *г, к, х*	На мягкий согласный
Им.	м. р. ж. р.	*-а/-я*	*зану́да*	*лістано́ша*	*задава́ка, туля́га*	*ціхо́ня*
Род.	м. р. ж. р.	*-ы/-і*	*зану́ды*	*лістано́шы*	*задава́кі, туля́гі*	*ціхо́ні*
Дат.	м. р.	*-у/-ю*	*зану́ду*	*лістано́шу*	*задава́ку, туля́гу*	*ціхо́ню*
	ж. р.	*-е, -ы/-і*	*зану́дзе*	*лістано́шы*	*задава́цы, туля́зе*	*ціхо́ні*
Вин.	м. р. ж. р.	*-у/-ю*	*зану́ду*	*лістано́шу*	*задава́ку, туля́гу*	*ціхо́ню*
Твор.	м. р.	*-ам/-ям*	*зану́дам*	*лістано́шам*	*задава́кам, туля́гам*	*ціхо́ням*
	ж. р.	*-ай/-аю, -яй/-яю*	*зану́дай, -аю*	*лістано́шай, -аю*	*задава́кай, -аю туля́гай, -аю*	*ціхо́няй, -яю*
Предл.	м. р.	*-у/-ю*	*(аб) зану́ду*	*(аб) лістано́шу*	*(аб) задава́ку, туля́гу*	*(аб) ціхо́ню*
	ж. р.	*-е, -і/-ы*	*(аб) занудзе*	*(аб) лістано́шы*	*(аб) задава́цы, туля́зе*	*(аб) ціхо́ні*

Формы множественного числа для мужского и женского рода не различаются: им. п. *-ы*, *-і* (*зану́ды*, *ціхо́ні*); род. п., вин. п. *-∅* (*зану́д*, *ціхо́нь*); дат. п. *-ам*/*-ям* (*зану́дам*, *ціхо́ням*); твор. п. *-амі*/*-ямі* (*зану́дамі*, *ціхо́нямі*), предл. п. *-ах*/*-ях* (*зану́дах*, *ціхо́нях*).

П р и л а г а т е л ь н ы е

		Основы		
		На твердый согласный	На мягкий согласный	На *г*, *к*, *х*
Падеж		**Ед. число**		
Им.	м. р.	*-ы*	*-і*	
	ср. р.	*-ое*, *-ае*	*-яе*	*-ое*, *-ае*
	ж. р.	*-ая*	*-яя*	*-ая*
Род.	м. р., ср. р.	*-ога*, *-ага*	*-яга*	*-ога*, *-ага*
	ж. р.	*-ой*, *-ое*, *-ай*, *-ае*	*-яй*, *-яе*	*-ой*, *-ое*, *-ай*, *-ае*
Дат.	м. р., ср. р.	*-ому*, *-аму*	*-яму*	*-ому*, *-аму*
	ж. р.	*-ой*, *-ай*	*-яй*	*-ой*, *-ай*
Вин.	м. р.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		
	ср. р.	= им. п.		
	ж. р.	*-ую*	*-юю*	*-ую*
Твор.	м. р., ср. р.	*-ым*	*-ім*	
	ж. р.	*-ой*, *-ою*, *-ай*, *-аю*	*-яй*, *-яю*	*-ой*, *-ою*, *-ай*, *-аю*
Предл.	м. р., ср. р.	*-ым*	*-юю*	*-ой*, *-ою*, *-ай*, *-аю*
	ж. р.	*-ой*, *-ою*, *-ай*, *-аю*	*-яй*, *-яю*	
		Мн. число		
Им.	м. р., ср. р, ж. р.	*-ыя*	*-ія*	*-ыя*
Род.	м. р., ср. р, ж. р.	*-ых*	*-іх*	
Дат.	м. р., ср. р, ж. р.	*-ым*	*-ім*	
Вин.	м. р., ср. р, ж. р.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		
Твор.	м. р., ср. р, ж. р.	*-ымі*	*-імі*	
Предл.	м. р., ср. р., ж. р.	*-ых*	*-іх*	

Падежные окончания обусловлены характером основы, в единственном числе — родом и местом ударения. В единственном числе под ударением окончания выступают в варианте с формантом *-о-* (*-ой*, *-ое*, *-ога*, *-ому*), без ударения — с формантом *-а-*/*-я-* (*-ае*, *-яе*, *-ая*, *-яя*, *-ай*, *-яй*, *-аму*, *-яму*): *малад́ой*/*маладо́е жанчыны* ʻмолодой женщиныʼ, *до́брай*/*до́брае дарогі* ʻдоброго путиʼ, *сі́няй*/*сі́няе сукенкі* ʻсинего платьяʼ, *маладо́му хлопцу* ʻмолодому парнюʼ, *высо́каму дрэву* ʻвысокому деревуʼ и т. д.

Притяжательные

бáцькаў ʽотцов, отцовский’, *сястры́н* ʽсестрин’

Падеж	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	**Мн. число**
	Ед. число			
Им.	*бáцькаў* *сястры́н*	*бáцькава* *сестрынó*	*бáцькава* *сестрынá*	*бáцькавы* *сестрыны́*
Род.	*бáцькавага* *сестрынóга*		*бáцькавай* *сестрынóй*	*бáцькавых* *сестрыны́х*
Дат.	*бáцькаваму* *сестрынóму*		*бáцькавай* *сестрынóй*	*бáцькавым* *сестрыны́м*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.		*бáцькаву* *сестрыну́*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.
Твор.	*бáцькавым* *сестрыны́м*		*бáцькавай* *сестрынóй*	*бáцькавымі* *сестрыны́мі*
Предл.	*(аб) бáцькавым* *сестрыны́м*		*(аб) бáцькавай* *сестрынóй*	*(аб) бáцькавых* *сестрыны́х*

Ч и с л и т е л ь н ы е

По особенностям склонения и характеру синтаксических связей количественные числительные делятся на несколько групп: числительное *адзін* ʽодин’ согласуется с существительным в роде, числе и падеже; числительное *два* ʽдва’ изменяется по родам; числительные *два* ʽдва’, *тры* ʽтри’, *чатыры* ʽчетыре’ в творительном падеже сохранили форму двойственного числа на *-ма*, существительные при них выступают в форме именительного падежа множественного числа, числительные от пяти и выше в именительном и винительном падеже имеют при себе существительное в родительном падеже множественного числа; числительные от пяти до 30 склоняются как существительные III склонения; при склонении сложных числительных от 50 до 80 оба компонента изменяются как существительные III склонения; *сорак* ʽсорок’, *сто* ʽсто’ имеют только формы: им. п., вин. п. *сорак*, *сто*, в остальных падежах — *сарака*, *ста*; числительное *дзевяноста* ʽдевяносто’ утратило формы склонения; при склонении сложных числительных от 200 до 900 изменяются оба компонента; числительное *тысяча* ʽтысяча’ склоняется как существительные III склонения с основой на шипящий, числительные *мільён* ʽмиллион’, *мільярд* ʽмиллиард’ склоняются как существительные I склонения на твердый согласный.

Падеж	ʽодин’	ʽодна’	ʽодни’	ʽдва’	ʽдве’	ʽтри’	ʽчетыре’
Им.	*адзін* ср. р. *адно*	*адна*	*адны*	*два*	*дзве*	*тры*	*чаты́ры*
Род.	*аднаго*	*адной, -ае*	*адных*	*двух*	*дзвюх*	*трох*	*чатырох*
Дат.	*аднаму*	*адной*	*адным*	*двум*	*дзвюм*	*тром*	*чатыром*
Вин.	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.	*адну*	*адны*	одуш. = род. п. неодуш. = им. п.			
Твор.	*адным*	*адной*	*адны́мі*	*двума*	*дзвюма*	*трыма*	*чатырма*
Предл.	*(аб) адным*	*(аб) адной*	*(аб) адных*	*(аб) двух*	*(аб) дзвюх*	*(аб) трох*	*(аб) чатырох*

Падеж	ʽпятьʼ	ʽодиннадцатьʼ	ʽпятьдесятʼ	ʽдвестиʼ
Им.	*пяць*	*адзінаццаць*	*пяцьдзесят*	*дзвесце*
Род.	*пяці*	*адзінаццаці*	*пяцідзесяці*	*двухсот*
Дат.	*пяці*	*адзінаццаці*	*пяцідзесяці*	*двумстам*
Вин.	= им. п.			
Твор.	*пяццю*	*адзінаццаццю*	*пяццюдзесяццю*	*двумастамі*
Предл.	*(аб) пяці*	*(аб) адзінаццаці*	*(аб) пяцідзесяці*	*(аб) двухстах*

М е с т о и м е н и я

Личные

Падеж	1 л.	2 л.	3 л.			1 л.	2 л.	3 л.
	Ед. число					**Мн. число**		
	ʽяʼ	ʽтыʼ	ʽонʼ	ʽоноʼ	ʽонаʼ	ʽмыʼ	ʽвыʼ	ʽониʼ
Им.	*я*	*ты*	*ён*	*яно*	*яна*	*мы*	*вы*	*яны́*
Род.	*мяне*	*цябе*	*яго*		*яе*	*нас*	*вас*	*іх*
Дат.	*мне*	*табе*	*яму*		*ёй*	*нам*	*вам*	*ім*
Вин.	*мяне*	*цябе*	*яго*		*ёй*	*нас*	*вас*	*іх*
Твор.	*мной/-ю*	*табой/-ю*	*ім*		*ёй/ёю*	*намі*	*вамі*	*імі*
Предл.	*(аба) мне*	*(аб) табе*	*(аб) ім*		*(аб) ёй*	*(аб) нас*	*(аб) вас*	*(аб) іх*

Возвратное местоимение *сябе* ʽсебяʼ не имеет формы именительного падежа, а в косвенных падежах склоняется как личное местоимение *ты*.

Притяжательные, указательные, определительные, относительные, вопросительные и образованные от них отрицательные и неопределенные местоимения склоняются по типу прилагательных с соответствующей основой.

Г л а г о л ы

Глагол-связка *быць* ʽбытьʼ

Настоящее время (для всех форм) — *ёсць*.

Прошедшее время (для всех лиц) — ед. ч.: м. р. *быў*, ж. р. *была́*, ср. р. *было́*; мн. ч. *былі́*.

Будущее время — ед. ч. 1 л. *буду*, 2 л. *будзеш*, 3 л. *будзе*; мн. ч. 1 л. *будзем*, 2 л. *будзеце*, 3 л. *будуць*.

В Б.я. выделяют два спряжения, различающиеся по характеру флексий в настоящем и простом будущем времени изъявительного наклонения: для глаголов I спряжения характерны флексии 2-го лица единственного числа *-еш*/*-эш*, *-аш* и 3-го лица множественного числа *-уць*/*-юць*; для глаголов II спряжения, соответственно — 2 л. ед. ч. *-іш*/*-ыш*, 3 л. мн. ч. *-аць*/*-яць*. При безударных флексиях

спряжение глагола определяется по форме инфинитива: ко II спряжению относятся неодносложные глаголы на *-іць*/*-ыць* типа *касіць* ʽкосить’, *смажыць* ʽжарить’, а также глаголы на *-аць* типа *гнаць* ʽгнать’, *ламаць* ʽломать’ и на *-ець*/*-эць* типа *глядзець* ʽглядеть, смотреть’, *гарэць* ʽгореть’, если в их основах гласные /а/, /е/ чередуются с нулем звука (1 л. ед. ч. *ганю*, *ламлю*, *гляджу*, *гару*); все остальные глаголы относятся к I спряжению. Исключение составляют так называемые разносклоняемые глаголы *бегчы* ʽбежать’, *есці* ʽесть, кушать’, *даць* ʽдать’, у которых наблюдаются флексии обоих типов:

ед. ч.: 1 л. *бягу*, *ем*, *дам* , 2 л. *бяжыш*, *ясі*, *дасі*, 3 л. *бяжыць*, *есць*, *дасць*;

мн. ч.: 1 л. *бяжым*, *ядзім*, *дадзім*, 2 л. *бяжыце*, *ясце*, *дасце*, 3 л. *бягуць*, *ядуць*, *дадуць*.

Изъявительное наклонение

Настоящее и будущее простое время

Маркером настоящего времени выступают личные окончания, присоединяющиеся к основе глагола несовершенного вида. Эти же окончания, присоединяясь к основе глагола совершенного вида, маркируют будущее простое время.

I спряжение

ве́сці ʽвести’, *е́хаць* ʽехать’, *мало́ць* ʽмолоть’, *піса́ць* ʽписать’, *ара́ць* ʽпахать’, *сеч* ʽсечь’

	Флексии	Основы			
		На твердый согласный	На мягкий согласный	На шипящие, *ц*, *р*	На *г*, *к*, *х*
	Ед. число				
1 л.	*-у*/*-ю*	*вяду́*, *е́ду* *павяду́*, *пае́ду*	*мялю́* *намялю́*	*пішу́*, *ару́* *напішу́*, *наару́*	*сяку́* *насяку́*
2 л.	*-еш*/*-эш*, *-аш*	*вядзе́ш*, *е́дзеш* *павядзе́ш*, *пае́дзеш*	*ме́леш* *наме́леш*	*пішаш*, *арэ́ш* *напішаш*, *наарэ́ш*	*сячэ́ш* *насячэ́ш*
3 л.	*-е*/*-э*, *-а*	*вядзе́*, *е́дзе* *павядзе́*, *пае́дзе*	*ме́ле* *наме́ле*	*піша*, *арэ́* *напіша*, *наарэ́*	*сячэ́* *насячэ́*
	Мн. число				
1 л.	*-ём*/*-ем*, *-ом*/*-ам*	*вядзём*, *е́дзем* *павядзём*, *пае́дзем*	*ме́лем* *наме́лем*	*пішам*, *аро́м* *напішам*, *нааро́м*	*сячо́м* *насячо́м*
2 л.	*-еце*, *-яце*, *-аце*	*ведзяце́*, *е́дзеце* *паведзяце́*, *пае́дзеце*	*ме́леце* *паме́леце*	*пішаце*, *араце́* *напішаце*, *нааpаце́*	*сечаце́* *насечаце́*
3 л.	*-уць*/*-юць*	*вяду́ць*, *е́дуць* *павяду́ць*, *пае́дуць*	*ме́люць* *наме́люць*	*пішуць*, *ару́ць* *напішуць*, *наару́ць*	*сяку́ць* *насяку́ць*

II спряжение

касі́ць ‘косить’, *мачы́ць* ‘мочить’, *гавары́ць* ‘говорить’, *любі́ць* ‘любить’

	Флексии	Основы		
		На зубные	На шипящий, *р*	На губной согласный
	Ед. число			
1 л.	*-у/-ю*	*кашу́* *накашу́*	*мачу́, гавару́* *намачу́, пагавару́*	*люблю́* *разлюблю́*
2 л.	*-іш/-ыш*	*ко́сіш* *нако́сіш*	*мо́чыш, гаво́рыш* *намо́чыш, пагаво́рыш*	*лю́біш* *разлю́біш*
3 л.	*-іць/-ыць*	*ко́сіць* *нако́сіць*	*мо́чыць, гаво́рыць* *намо́чыць, пагаво́рыць*	*лю́біць* *разлю́біць*
	Мн. число			
1 л.	*-ім/-ым*	*ко́сім* *нако́сім*	*мо́чым, гаво́рым* *намо́чым, пагаво́рым*	*лю́бім* *разлю́бім*
2 л.	*-іце/-ыце*	*ко́сіце* *нако́сіце*	*мо́чыце, гаво́рыце* *намо́чыце, пагаво́рыце*	*лю́біце* *разлю́біце*
3 л.	*-яць/-аць*	*ко́сяць* *нако́сяць*	*мо́чаць, гаво́раць* *намо́чаць, пагаво́раць*	*лю́бяць* *разлю́бяць*

Прошедшее время

Маркером прошедшего времени является суффикс *-л/-ў*, который присоединяется к основе инфинитива.

	I спряжение				II спряжение		
	Ед. число						
м. р.	*вёў, е́хаў*	*мало́ў*	*піса́ў, ара́ў*	*сек*	*касі́ў*	*мачы́ў, гавары́ў*	*любі́ў*
ср. р.	*вяло́, е́хала*	*мало́ла*	*піса́ла, ара́ла*	*се́кла*	*касі́ла*	*мачы́ла, гавары́ла*	*любі́ла*
ж. р.	*вяла́, е́хала*						
	Мн. число						
	вялі́, е́халі	*мало́лі*	*піса́лі, ара́лі*	*се́клі*	*касі́лі*	*мачы́лі, гавары́лі*	*любі́лі*

Будущее сложное время

I спряжение, II спряжение

	Ед. число		**Мн. число**	
1 л.	*буду*	*ве́сці, е́хаць, мало́ць, піса́ць, ара́ць, се́кчы;* *касі́ць, вісе́ць, мачы́ць, гавары́ць, любі́ць*	*будзем*	*ве́сці, е́хаць, мало́ць, піса́ць, ара́ць, се́кчы;* *касі́ць, вісе́ць, мачы́ць, гавары́ць, любі́ць*
2 л.	*будзеш*		*будзеце*	
3 л.	*будзе*		*будуць*	

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Для Б.я. характерна сложная аффиксальная структура словоформы, включающая в наиболее полном виде модель «префикс — корень — суффикс — флексия», а также, в определенных случаях, дополнительные морфемы (аффиксоид, интерфикс, постфикс). Отметим некоторые модели словоформ, диктующие правила порядка следования словообразовательных аффиксов: корень — интерфикс — корень (*лес-а-парк* ʽлесопаркʼ), основа — флексия — постфикс (*прыбяр-у-ся* ʽпринаряжусьʼ); флексия занимает в словоформе нефинальную позицию не только при наличии постфикса, но и в некоторых других случаях, например, *які-небудзь* ʽкакой-нибудьʼ, *якога-небудзь* ʽкакого-нибудьʼ, *якому-небудзь* ʽкакому-нибудьʼ и т. д. Префикс может стоять не в абсолютном начале слова в сложных словах типа *леса-рас-працоўка* ʽлесоразработкаʼ и при наличии нескольких префиксов. В Б.я. выделяются, кроме корневых: одно-, двух-, трехпрефиксные слова: *уз-горак* ʽхолм, пригорокʼ, *пера-вы-даць* ʽпереиздатьʼ, *не-пера-вы-дадзены* ʽнепереизданныйʼ; одно-, двух-, трех-, четырехсуффиксальные слова: *разум-н-ы* ʽумныйʼ, *дубальт-оў-к-а* ʽдвустволкаʼ, *дур-ас-лів-ец* ʽшалун, озорникʼ, *пасл-а-нн-іц-к-і* ʽпосольскийʼ; одно-, двух-, реже — трехкорневые слова: *па-кры-ць* ʽпокрытьʼ, *шмат-тыраж-н-ы* ʽмноготиражныйʼ, аббревиатура *Бел-дзярж-выдавецтва* ʽБелгосиздатʼ. Во всех изменяемых словах может быть только одна флексия. Общее количество словообразовательных аффиксов в словах, не образованных путем сложения, не превышает семи: *не-пера-рас-ход-ав-ан-ы* ʽнеперерасходованныйʼ.

2.5.2. Для Б.я. характерен морфологический способ словообразования. Наиболее широко и продуктивно используется аффиксация, в рамках которой могут быть выделены: суффиксация: *зіма* ʽзимаʼ — *зімовы* ʽзимнийʼ, *зімаваць* ʽзимоватьʼ, *зімоўка* ʽзимовкаʼ, *зімоўшчык* ʽзимовщикʼ, *зімаванне* ʽзимованиеʼ; префиксация: *ехаць* ʽехатьʼ — *прыехаць* ʽприехатьʼ, *ад'ехаць* ʽотъехатьʼ, *наехаць* ʽнаехатьʼ, *пераехаць* ʽпереехатьʼ; *леташні* ʽпрошлогоднийʼ — *пазалеташні* ʽтретьегодичный, позапрошлогоднийʼ; префиксация-суффиксация: *зіма* — *пярэзімак* ʽгодовалый (телёнок, жеребёнок и т. п.)ʼ, *край* — *бяскрайні* ʽбескрайнийʼ, *ехаць* — *раз'ехацца* ʽразъехатьсяʼ; дезаффиксация: *глыбокі* ʽглубокийʼ — *глыб* ʽглыбьʼ, *адрываць* ʽотрыватьʼ — *адрыў* ʽотрывʼ. Значительная группа слов образуется с помощью аффиксоидов различного типа: префиксоида *паў-*: *паўмісак* ʽнебольшая мискаʼ, *паўкажушок* ʽполушубокʼ, *паўбутэлька* ʽполбутылкиʼ; суффиксоида *-знаўца*: *мовазнаўца* ʽязыковедʼ, *тэатразнаўца* ʽтеатроведʼ, *афрыказнаўца* ʽафриканистʼ, *кнігазнаўца* ʽкниговедʼ и т. п.

Способ сложения представлен основосложением, при котором часто используются интерфиксы: *сінявокі* ʽсинеглазыйʼ, *святлоаддача* ʽсветоотдачаʼ, *святлацень* ʽсветотеньʼ, и словосложением: *мімаволі* ʽневольноʼ, *нарэшце* ʽнаконецʼ, *звышхуткі* ʽсверхбыстрыйʼ.

Многообразно реализуется аббревиация: *МАЗ* — *Мінскі Аўтамабільны Завод* (ʽМинский автомобильный заводʼ), *НАН* — *Нацыянальная Акадэмія Навук* (ʽНациональная академия наукʼ), *ЛіМ* — *Літаратура і Мастацтва* (еженедельник «Литература и искусство»), *медвучылішча* ʽмедучилищеʼ, *лясгас* ʽлесхозʼ, *мапед* ʽмопедʼ.

Для Б.я. характерны также различные типы перехода слов из одной части речи в другую (грамматическая конверсия): субстантивация: *хворы* ʻбольнойʼ, *маладыя* ʻмолодые, молодожёныʼ; адъективация: *салёны* ʻсолёныйʼ, *забіты* ʻубитыйʼ; адвербиализация: *ноччу* ʻночьюʼ, *летам* ʻлетомʼ, *крокам* ʻшагомʼ; прономинализация: *адзін* ʻодин какой-тоʼ, *наступны* ʻследующийʼ.

Закрепление в семантической системе языка разных значений одной лексемы в качестве самостоятельных представляет собой семантический способ словообразования (лексическая конверсия): *апарат* ʻаппарат (прибор)ʼ и ʻаппарат (работники учреждения)ʼ, *доўг* ʻдолг (задолженность)ʼ и ʻдолг (обязанностьʼ). В современном Б.я. этот способ малопродуктивен.

Ряд словообразовательных моделей имеет очевидную семантико-грамматическую мотивацию: притяжательное значение передается моделями *бацьк-аў* ʻпринадлежащий отцу, отцовскийʼ, *хлопц-аў* ʻпринадлежащий парнюʼ, *брат-аў* ʻпринадлежащий братуʼ — от основ существительных мужского рода и *матч-ын* ʻпринадлежащий материʼ, *сястр-ын* ʻсестринʼ, *даярч-ын* ʻпринадлежащий дояркеʼ — от основ существительных женского рода; модель с суффиксом *-н-*: *бяздом-н-ы* ʻбездомныйʼ, *без-білет-н-ы* ʻбезбилетныйʼ, *бяз-дым-н-ы* ʻбездымныйʼ противопоставлена бессуффиксной модели *бяз-рук-і* ʻбезрукийʼ, *без-галос-ы* ʻбезголосыйʼ, *бяз-ног-і* ʻбезногийʼ и подобных прилагательных, образованных, в отличие от первых, от существительных со значением неотчуждаемой части целого.

2.5.3. Б.я. принадлежит к языкам номинативного типа. Основными видами п р о с т о г о предложения в нем являются: 1) двусоставное предложение, включающее обязательные члены (подлежащее и сказуемое) и члены полуфакультативные или факультативные (определение, дополнение, обстоятельство, предикативное определение): *Асенняе сонца мякка асвятляла зямлю* ʻОсеннее солнце мягко освещало землюʼ; 2) односоставное предложение, состоящее из главного члена и полуфакультативных или факультативных второстепенных: *Зіма*. *Пачынае паволі світаць* ʻЗима. Начинает медленно светатьʼ.

В случаях, когда сказуемое выражено именем, в предложение в качестве строевого элемента включается связка, указывающая на грамматическую форму сказуемого (время, число, наклонение, а в будущем времени — лицо). Чаще всего в роли связки выступает глагол *быць* ʻбытьʼ: *Дзед быў вельмі хітры* ʻДед был очень хитёрʼ; *Горад ёсць горад* ʻГород есть городʼ; *Сын будзе доктарам* ʻСын будет врачомʼ. Глагол *быць* — единственный, выполняющий в составе сказуемого только формальную функцию. Другие глаголы, выступающие в роли связки (*з'яўляцца* ʻявлятьсяʼ, *станавіцца* ʻстановитьсяʼ, *рабіцца* ʻделатьсяʼ, *лічыцца* ʻсчитатьсяʼ и др.), в разной степени сохраняют свое лексическое значение. В качестве строевых элементов в состав словосочетаний, выражающих сказуемое, могут входить фазовые глаголы (*пачаць* ʻначатьʼ, *працягваць* ʻпродолжатьʼ, *скончыць* ʻзакончитьʼ) и модальные глаголы и слова (*хацець* ʻхотетьʼ, *любіць* ʻлюбитьʼ, *мусіць* ʻобязан, долженʼ, *рады* ʻрадʼ, *павінен* ʻдолженʼ и др.).

Противопоставляются активная и пассивная конструкции предложения: *Паляўнічы злавіў вавёрку* — *Вавёрка злоўлена паляўнічым* ʻОхотник поймал белку — Белка поймана охотникомʼ, *Мастацтва адлюстроўвае жыццё* — *Жыццё*

адлюстроўваецца мастацтвам 'Искусство отображает жизнь — Жизнь отображается искусством', различие между которыми заключается в разной передаче логических категорий (субъект и объект) в категориях грамматики (подлежащее и дополнение). В пассивных конструкциях возвратный глагол употребляется тогда, когда сказуемое имеет значение несовершенного вида: *Хмары разганяюцца ветрам* 'Тучи разгоняются ветром'; страдательное причастие используется в тех случаях, когда сказуемое имеет значение совершенного вида: *Хмары разагнаны ветрам* 'Тучи разогнаны ветром'. При номинализации активного и пассивного оборотов субъект обозначается творительным, а объект — родительным падежом: *Прыгнятанне беднага багатым* 'Угнетение бедного богатым'.

Для Б.я. характерно наличие близких по семантике оборотов *я маю… — у мяне ёсць…*: *Я маю жаданне вучыцца — У мяне ёсць жаданне вучыцца* букв. 'Я имею желание учиться — У меня есть желание учиться', однако полной синонимичности между ними нет. Пропуск глагола *ёсць* в настоящем времени, а также возможность замены оборота *у мяне ёсць…* оборотом *я маю…* зависит от ряда семантико-синтаксических признаков образующих предложение слов (отчуждаемость/неотчуждаемость, абстрактность/конкретность, коммуникативность/некоммуникативность) и предложения в целом (актуализованность/неактуализованность владения предметом), ср.: *Ён мае прыгожы твар — *У яго ёсць прыгожы твар* 'У него красивое лицо', *У яе парасон — У яе ёсць парасон — Яна мае парасон* 'У неё зонтик' и т. п.

Порядок слов в словосочетании и предложении является относительно свободным, поскольку функции слов в синонимических построениях отчетливо маркируются морфологически (*Брат любіць сястру* 'Брат любит сестру'), и может играть как синтаксическую, так и стилистическую роль. Если функции слов морфологически выражены неотчетливо, то подлежащее предшествует сказуемому (*Мінск — наша сталіца* 'Минск — наша столица'), дополнение следует после глагола (*Карабель абстраляў бераг* 'Корабль обстрелял берег'); согласованное определение ставится перед определяемым именем (*ціхія ночы* 'тихие ночи', так как *Ночы ціхія* 'Ночи тихие' является предложением). Дополнительными средствами разграничения синтаксических функций между словами, оформляющими подлежащее и сказуемое, служат: 1) фразовое ударение (в устной речи); 2) указательные слова *гэта* 'это' (из местоимения среднего рода), *значыць* 'значит' и др. (*Самы лепшы сябар — гэта маці* 'Самый лучший друг — это мать'; *Жыць — значыць змагацца* 'Жить — значит бороться').

Стилистические функции порядка слов заключаются в выделении того или иного члена предложения вследствие изменения его обычного места.

Частные правила порядка слов касаются случаев расположения элементов в особых синтаксических построениях:

1) количественное числительное, поставленное после существительных, придает высказыванию оттенок количественной приблизительности: *У мяне дома дзвесьце кніг — У мяне дома кніг дзвесьце* 'У меня дома двести книг — У меня дома книг с двести';

2) слово, определяемое причастным оборотом, стоит или в начале, или в конце оборота: *Сцяг, узняты над горадам…* 'Знамя, водружённое над городом…' / *Уз-*

няты над горадам сцяг… ʽВодружённое над городом знамя…ʼ, но при невозможности **Узняты сцяг над горадам…*;

3) вопросительная частица *ці*/(*а ці*) ʽлиʼ занимает место в начале предложения: *(А) ці чытаў ты гэту кнігу?* ʽЧитал ли ты эту книгу?ʼ;

4) частица *бы* (*б*) относительно глагола размещается свободно, но не может стоять в начале предложения: *Схадзіў бы ты да яе* / *Ты б схадзіў да яе* / *Схадзіў ты б да яе* ʽСходил бы ты к ней / Ты бы сходил к ней / Сходил ты бы к нейʼ.

Организующим центром односоставного предложения выступает предикативное ядро. Оно может иметь различную морфолого-синтаксическую структуру, определяющую тип односоставного предложения: *Табе складаю песню, мая краіна* ʽТебе слагаю песню, моя странаʼ; *Цямнее* ʽТемнеетʼ; *Не хапае сілы* ʽНе хватает силыʼ; *Маланкай спапяліла дрэва* ʽМолнией испепелило деревоʼ; *Дзе тут думаць пра ад'езд* ʽГде тут думать об отъездеʼ; *Няма ў каго спытаць* ʽНе у кого спроситьʼ; *Ноч* ʽНочьʼ; *Вось наша вёска* ʽВот наша деревняʼ и др.

Средством выражения отрицания в структуре высказывания являются в основном слова *няма* ʽнетʼ, *не* ʽнет, неʼ, *ні* ʽниʼ. *Няма* выступает в отрицательных предложениях как антоним сказуемого *ёсць* ʽестьʼ: *У мяне ёсць сякера — У мяне няма сякеры* ʽУ меня есть топор — У меня нет топораʼ. *Няма* входит в состав главного члена безличных оборотов в сочетании с местоимениями *хто* ʽктоʼ, *што* ʽчтоʼ в косвенных падежах или наречиями *дзе* ʽгдеʼ, *куды* ʽкудаʼ, *адкуль* ʽоткудаʼ + инфинитив: *Няма каго спытаць* ʽНекого спроситьʼ; *Няма куды пайсці* ʽНекуда пойтиʼ. *Не* употребляется как слово-предложение (*Пойдзеш са мной? — Не* ʽПойдёшь со мной? — Нетʼ), а также как отрицательная частица, относящаяся к отдельному члену предложения или к предложению в целом (*Я не браў кніг* ʽЯ не брал книгʼ, *Я браў не кнігі, а часопісы* ʽЯ брал не книги, а журналыʼ). В отрицательных предложениях отрицание может многократно дублироваться отрицательными местоимениями и наречиями: *Ніхто нікога нідзе ніколі не бачыў* ʽНикто никого нигде никогда не виделʼ.

Модальные значения предложения выражаются формами наклонения глаголов, интонацией, порядком слов, лексико-синтаксическими средствами (модальными словами, модальными глаголами, различными оборотами с местоимениями, частицами и т. д.). В большинстве случаев эти средства комбинируются. Примеры: *Ён мог прыйсці* ʽОн мог прийтиʼ; *Не думаю*, *што гэта вельмі патрэбна* ʽНе думаю, что это очень нужноʼ; *Няўжо бацька прыехаў?* ʽНеужели отец приехал?ʼ; *Вы хоць бы на гадзінку зайшлі да мяне* ʽВы хоть бы на часок зашли ко мнеʼ; *Вы не павінны былі гэтага рабіць* ʽВы не должны были этого делатьʼ; *Навошта вам трэба было іх чапаць?* ʽЗачем вам нужно было их трогать?ʼ и т. д.

2.5.4. С л о ж н ы е предложения строятся на основе двух типов отношений между их частями — сочинения и подчинения. Эти отношения оформляются двояко — только интонационно или интонационно и морфолого-синтаксически. Поэтому для самого простого случая, т. е. для сложного предложения, состоящего из двух частей («простых предложений»), возможны четыре формы:

1) сложносочиненное предложение, в котором связь частей оформлена интонационно: *Дажджы шумлівыя хадзілі*, *гром грымеў над галавой* ʽДожди шумные шли, гром гремел над головойʼ;

2) сложносочиненное предложение, в котором связь частей оформлена интонационно и специальными морфолого-синтаксическими средствами: *Дажджы шумлівыя хадзілі, і гром грымеў над галавой* ʻДожди шумные шли, и гром гремел над головой’;

3) сложноподчиненное предложение с интонационным оформлением частей: *Не дарма ж гавораць: ціхая вада грэблі рве* ʻНе зря говорят: тихая вода плотины рвёт’;

4) сложноподчиненное предложение, где связь частей оформлена интонацией и специальными морфолого-синтаксическими средствами: *Не дарма ж гавораць, што ціхая вада грэблі рве*.

Морфолого-синтаксические средства, служащие для объединения частей сложного предложения:

— союзы: сочинительные (*і* ʻи’, *ды* ʻда, и, но, а’, *але* ʻно, однако, да’, *то… то* ʻто… то’, *ні… ні* ʻни… ни’ и др.); подчинительные: причинные (*бо* ʻпотому что, ибо, так как’, *таму што* ʻпотому что’, *ад таго што* ʻоттого что’); целевые (*каб* ʻчтобы’, *абы* ʻлишь бы’, *затым каб* ʻзатем чтобы’); условные (*калі* ʻесли’, *каб* ʻчтобы’, *раз* ʻраз, если’, *паколькі* ʻпоскольку’), временны́е (*калі* ʻкогда’, *як* ʻкак’, *пакуль* ʻпока’, *як толькі* ʻкак только’), уступительные (*хоць*/*хаця* ʻхоть/ хотя’, *няхай* ʻпусть’, *між тым як* ʻмеж тем как’), сравнительные (*як* ʻкак’, *бы* ʻбудто’, *быццам* ʻбудто, как будто, будто бы’), изъяснительные (*што* ʻчто’, *як* ʻкак’, *каб* ʻчтобы’) и др.;

— союзные слова: местоимения (*хто* ʻкто’, *што* ʻчто’, *які* ʻкакой’, *каторы* ʻкоторый’, *чый* ʻчей’); местоименные наречия (*калі* ʻкогда’, *дзе* ʻгде’, *куды* ʻкуда’, *адкуль* ʻоткуда’, *пакуль* ʻпока’ и т. п.).

Сложные предложения чрезвычайно многообразны по структуре и семантико-синтаксическим характеристикам. Повторение и переплетение отношений сочинения и подчинения порождают предложения усложненной структуры, например: *Я не забыўся любіць хараство*, *як калісьці любіў*, *упершыню пазнаючы яго і ў дробязях: праз пажаўцелы ліст, што ападаў з галля на галаву, і ў неабсяжнай загадкавай велічы неба, якім захапляўся каля вогнішча першых начлегаў на пашы* (Янка Брыль) ʻЯ не перестал любить красоту, как любил когда-то, впервые познавая её в мелочах: в пожелтевшем листе, падающем с ветки на голову, и в неоглядном загадочном величии неба, увлекавшем меня у костра при первых ночлегах на пастбище’ (перевод Е. Якушкиной).

2.6.0. Современный литературный Б.я., как и старый литературный Б.я. (XIV–XVII вв.) имеет значительный пласт заимствованной лексики. И хотя многие заимствованные слова известны и одному, и другому, заимствовались они каждым из них самостоятельно и часто неодинаковым путем.

В XIV–XVII вв. наиболее многочисленными были заимствования из польского, латинского и немецкого языков.

Польские заимствования обусловлены тем, что литературный Б.я. на протяжении почти четырехсотлетнего периода функционировал в условиях белорусско-польского билингвизма. Деловая письменность ранее других жанров литературного Б.я. ощутила влияние польского языка. Постепенно деловые документы, написанные на Б.я., включают все больше польской лексики под влиянием деловой

письменности польской королевской канцелярии и все возрастающего влияния польских феодалов в различных сферах жизни Великого княжества Литовского. В конце XVI и XVII в. польское лексическое влияние распространяется и на другие сферы белорусской письменности. Вместе с расширением употребления польского языка в Белоруссии усиливается и распространение латинского языка. Он достаточно рано стал использоваться в государственно-административных учреждениях Великого княжества Литовского, в дипломатической переписке с другими государствами, в судах, изучался в католических, униатских и некоторых православных братских школах. В связи с этим латинская лексика активно использовалась в белорусских документах.

В результате непосредственных контактов белорусского населения с соседними народами в Б.я. в XIII–XVII вв. была заимствована лексика из литовского, немецкого, еврейского, тюркских языков. Из венгерского языка заимствования пришли в белорусский при посредстве польского. Грецизмы проникли в Б.я. в более ранний период — с принятием христианства.

Лексический состав заимствований был обусловлен главным образом сферой их функционирования: лексика юридическая, канцелярская, военная, социально-экономическая, профессионально-производственная, религиозная, бытовая и т. п.

Современный литературный Б.я. на начальной стадии формирования базировался главным образом на лексике живого народного языка. Поэтому в числе заимствований были только те, которые функционировали в устном общении. В дальнейшем круг заимствованной лексики значительно расширился. Важную роль в этом процессе играл и продолжает играть русский язык.

Заимствования в Б.я. исторически противопоставляются лексике исконной, включающей три основные группы: 1) общеславянская лексика: *маці* ʽмать’, *сын*, *сястра* ʽсестра’, *вуха* ʽухо’, *зуб* ʽзуб’, *нага* ʽнога’, *алень* ʽолень’, *воўк* ʽволк’, *карова* ʽкорова’, *бяроза* ʽберёза’, *гарох* ʽгорох’, *вароты* ʽворота’, *балота* ʽболото’, *гара* ʽгора’, *вецер* ʽветер’, *босы* ʽбосой’, *сівы* ʽседой’, *гарэць* ʽгореть’, *даіць* ʽдоить’, *ісці* ʽидти’, *капаць* ʽкопать’ и др.; 2) восточнославянская лексика: *бацька* ʽотец’, *пляменнік* ʽплемянник’, *дзядзька* ʽдядя’, *ключыца* ʽключица’, *жаваранак* ʽжаворонок’, *сабака* ʽсобака’, *снягір* ʽснегирь’, *асака* ʽосока’, *грэчка* ʽгречка’, *кладоўка* ʽкладовка’, *аглобля* ʽоглобля’, *дрымучы* ʽдремучий’, *карычневы* ʽкоричневый’, *віляць* ʽвилять’, *курлыкаць* ʽкурлыкать’ и др.; 3) собственно белорусская лексика: *асілак* ʽсилач, великан’, *барацьбіт* ʽборец’, *вайсковец* ʽвоенный (человек)’, *працаўнік* ʽработник’, *бусел* ʽаист’, *гардачык* ʽкувшинка’ (растение), *збажына* ʽхлеба́’, *пралеска* ʽподснежник’, *адвячорак* ʽпредвечернее время’, *красавік* ʽапрель’, *вясёлка* ʽрадуга’, *змрок* ʽмрак, сумерки’, *асяроддзе* ʽсреда’, *мара* ʽмечта’, *будынак* ʽстроение, здание’, *вопратка* ʽодежда’, *зацірка* ʽкулеш’, *бадзёры* ʽбодрый’, *дранікі* ʽкартофельные оладьи’, *апошні* ʽпоследний’, *буйны́* ʽкрупный’, *адказаць* ʽответить’, *гаманіць* ʽразговаривать, беседовать’ и др.

Иноязычная лексика представлена следующими группами слов, вошедших в основной словарный состав Б.я.:

— русизмы: *адвёртка* ʽотвёртка’, *ваенрук* ʽвоенрук’, *кукалка* ʽкуколка’, *кулямёт* ʽпулемёт’, *ураўненне* ʽуравнение’, *глушыцель* ʽглушитель’ и др.;

— украинизмы: *багавінне* ʻводорослиʼ, *лядашчы* ʻдряхлыйʼ, *прыкмета* ʻприметаʼ, *чупрына* ʻчубʼ, *напрыканцы* ʻв концеʼ, *боршч* ʻборщʼ, *варэнік* ʻварениκʼ, *гапак* ʻгопакʼ, *журыцца* ʻгруститьʼ, *нагадаць* ʻнапомнитьʼ, *прыгадаць* ʻвспомнитьʼ, *сярнічка* ʻспичкаʼ, *шкаляр* ʻшколярʼ и др.;

— полонизмы: *відэлец* ʻвилкаʼ, *гузік* ʻпуговицаʼ, *сукенка* ʻплатьеʼ, *тлусты* ʻжирныйʼ, *рыдлёўка* ʻлопатаʼ, *здрада* ʻизменаʼ, *моц* ʻмощьʼ, *патэльня* ʻсковородаʼ, *быдла* ʻскот, скотинаʼ, *касцёл* ʻкостёлʼ, *скарга* ʻжалобаʼ, *цнота* ʻдевственность, свежестьʼ, *сродак* ʻсредствоʼ, *блакітны* ʻголубойʼ и др.;

— грецизмы: *акіян* ʻокеанʼ, *анархія* ʻанархияʼ, *гіпотэза* ʻгипотезаʼ, *камедыя* ʻкомедияʼ, *кіт* ʻкитʼ, *мікроб* ʻмикробʼ, *тэарэма* ʻтеоремаʼ, *аазіс* ʻоазисʼ, *гарызонт* ʻгоризонтʼ, *генетыка* ʻгенетикаʼ, *дыялект* ʻдиалектʼ, *арыфметыка* ʻарифметикаʼ, *алфавіт* ʻалфавитʼ, *марфема* ʻморфемаʼ, *утопія* ʻутопияʼ, *афарызм* ʻафоризмʼ, *палітыка* ʻполитикаʼ, *базіс* ʻбазисʼ, *ідыёма* ʻидиомаʼ, *мелодыя* ʻмелодияʼ, *камета* ʻкометаʼ, *тэрмас* ʻтермосʼ и др.;

— латинизмы: *агітацыя* ʻагитацияʼ, *артыкль* ʻартикльʼ, *інфаркт* ʻинфарктʼ, *легенда*, *абстракцыя* ʻабстракцияʼ, *вірус* ʻвирусʼ, *інфляцыя* ʻинфляцияʼ, *воцат* ʻуксусʼ, *акцыя* ʻакцияʼ, *дыктатар* ʻдиктаторʼ, *дэфіс* ʻдефисʼ, *матэрыя* ʻматерияʼ, *арганізм* ʻорганизмʼ, *арбіта* ʻорбитаʼ, *калорыя* ʻкалорияʼ, *вектар* ʻвекторʼ и др.;

— германизмы: *афіцэр* ʻофицерʼ, *лінза* ʻлинзаʼ, *вага* ʻвесы, весʼ, *ліхтар* ʻфонарьʼ, *хормайстар* ʻхормейстерʼ, *гмах* ʻбольшое зданиеʼ, *ланцуг* ʻцепьʼ, *дрэль* ʻдрельʼ, *дах* ʻкрышаʼ, *мур* ʻкаменная стенаʼ, *кошт* ʻценаʼ, *цвік* ʻгвоздьʼ, *гандаль* ʻторговляʼ, *шуфляда* ʻящик (в столе, шкафу)ʼ, *труна* ʻгробʼ, *фартух* ʻфартукʼ, *бінт* ʻбинтʼ и др.;

— галлицизмы: *арышт* ʻарестʼ, *дывізія* ʻдивизияʼ, *паркаль* ʻситецʼ, *дысананс* ʻдиссонансʼ, *апладысменты* ʻаплодисментыʼ, *журы* ʻжюриʼ, *аташэ* ʻатташеʼ, *візіт* ʻвизитʼ, *кампот* ʻкомпотʼ, *мантаж* ʻмонтажʼ, *кабіна* ʻкабинаʼ и др.;

— англицизмы: *блакада* ʻблокадаʼ, *гумар* ʻюморʼ, *джынсы* ʻджинсыʼ, *мітынг* ʻмитингʼ, *трактар* ʻтракторʼ, *тэлетайп* ʻтелетайпʼ, *імпарт* ʻимпортʼ, *біфштэкс* ʻбифштексʼ, *джэм* ʻджемʼ, *круіз* ʻкруизʼ, *айсберг* ʻайбергʼ и др.;

— итальянизмы: *арыя* ʻарияʼ, *салата* ʻсалатʼ, *саната* ʻсонатаʼ, *мазаіка* ʻмозаикаʼ, *фантан* ʻфонтанʼ, *гвардыя* ʻгвардияʼ, *гратэск* ʻгротескʼ, *навела* ʻновеллаʼ, *палац* ʻдворецʼ и др.;

— тюркизмы: *качарга* ʻкочергаʼ, *табар* ʻтаборʼ, *арда* ʻордаʼ, *зіпун* ʻзипунʼ, *торба* ʻсума, сумкаʼ, *гарбуз* ʻтыкваʼ, *ізюм* ʻизюмʼ, *капкан* ʻкапканʼ и др.;

— литуанизмы и другие балтизмы: *сцірта* ʻскирдаʼ, *ёўня* ʻовинʼ, *свіран* ʻамбарʼ, *груца* ʻперловкаʼ, *бурбалка* ʻпузырь (на воде)ʼ, *бамбіза* ʻверзилаʼ, *жуда* ʻжуть, ужасʼ, *клыпаць* ʻковылятьʼ, *лоўж* ʻкуча хвороста, валежникаʼ, *клуня* ʻсенной сарайʼ и др.;

— старославянизмы: *абрáз* ʻиконаʼ, *благаславіць* ʻблагословитьʼ, *блазан* ʻшутʼ, *вобласць* ʻобластьʼ, *дрэва* ʻдеревоʼ, *дзяржава* ʻдержаваʼ, *ерась* ʻересьʼ, *злодзей* ʻворʼ, *паблажліва* ʻснисходительноʼ, *раб* ʻрабʼ, *скрыжалі* ʻскрижалиʼ, *трэба* ʻнужноʼ, *улада* ʻвластьʼ, *уласны* ʻсобственныйʼ, *чэзнуць* ʻхиреть, чахнутьʼ, *шчасце* ʻсчастьеʼ, *юны* ʻюныйʼ.

Есть отдельные заимствования из многих иных языков.

2.7.0. На основе исследований Е. Ф. Карского, Н. Н. Дурново, П. А. Расторгуева, П. Бузука, а также данных «Диалектологического атласа белорусского языка» (1963) Р. И. Аванесовым в 1964 г. была предложена новая группировка белорусских говоров, учитывающая соотносительные характеристики диалектных различий всех уровней системы языка. В пределах Белоруссии был выделен основной диалектный массив Б.я. (территориально — почти вся Белоруссия) и западнополесская группа говоров (юго-западная часть Брестской области — в районе Бреста, Кобрина, Пинска, Лунинца).

Основной массив диалектной речи характеризуют следующие черты:

— аканье — неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах: [вадá] ʻвода’, [галавá] ʻголова’, [давáй] ʻдавай’ и [въдá], [гълавá], [дъвáй] или [выдá], [гылывá], [дывáй];

— мягкость парных по твердости/мягкости согласных перед [е], [і]: [в’éчар] ʻвечер’, [п’éршы] ʻпервый’, [у м’ан’é] ʻу меня’, [м’íска] ʻмиска’, [л’íпа] ʻлипа’, [з’імá] ʻзима’;

— наличие [е] или [ě], [i͡e] на месте /ê/ под ударением: [л’ес] / [л’ěс] / [лi͡eс] ʻлес’;

— произношение [о], [ô], [y͡o] на месте /о/ и [’е], [’о], [’ě], [i͡e], [’ô], [y͡o] на месте /е/ в закрытом слоге под ударением: [кон’] / [кôн’] / [ку͡он’] ʻконь’, [п’еч] / [п’ěч] / [п’i͡eч] ʻпечь’, [н’ос] / [н’ôс] / [н’y͡oс] ʻнёс’;

— дзеканье и цеканье: [дз’éц’і] ʻдети’, [хац’éл’і] ʻхотели’;

— наличие [м’], [мј] перед [а]: [м’áта] / [мјáта] ʻмята’, [м’áса] / [мјáса] ʻмясо’.

З а п а д н о п о л е с с к у ю   г р у п п у   г о в о р о в характеризуют следующие черты:

1) оканье — различение гласных неверхнего подъема в безударных слогах: [водá], [головá], [давáй];

2) твердость согласных перед [е], [і]: [вэчор] ʻвечер’ (лит. *вечар*), [пэршы] ʻпервый’ (лит. *першы*), [лыпа] ʻлипа’ (лит. *ліпа*), [зыма] ʻзима’ (лит. *зіма*);

3) наличие [і] на месте /ê/ под ударением: [л’іс] ʻлес’ (лит. *лес*), [л’íто] ʻлето’ (лит. *лета*);

4) наличие [і] на месте /о/ и /е/ в закрытом слоге под ударением: [к’ін’] ʻконь’ (лит. *конь*), [п’іч] ʻпечь’ (лит. *печ*), [н’іс] ʻнёс’ (лит. *нёс*);

5) произношение [д] и [т] без фрикативного элемента (отсутствие дзеканья и цеканья): [д’íты] ʻдети’ (лит. *дзеці*), [хот’íлы] ʻхотели’ (лит. *хацелі*);

6) наличие [мн’] перед [а]: [мн’áта] ʻмята’ (лит. *мята*), [мн’áсо] ʻмясо’ (лит. *мяса*);

7) окончание *-ові* в дательном и предложном падеже единственного числа мужского рода: дат. п. *братóві* ʻбрату’, предл. п. *аб братóві* ʻо брате’ (лит. дат. п. *брáту*, предл. п. *аб брáце*);

8) твердое [т] у глаголов в 3-м лице единственного числа настоящего времени: [хóдыт] ʻходит’ (лит. *хóдзіць*), [бáчыт] ʻвидит’ (лит. *бáчыць*);

9) инфинитив на *-ты*: [ходыты] ʻходить’ (лит. *хадзíць*), [бачыты] ʻвидеть’ (лит. *бáчыць*) и др.

В пределах основного диалектного массива на основе системно связанных соотносительных языковых комплексов выделяется два основных диалекта — северо-восточный и юго-западный, а также среднебелорусские говоры.

Северо-восточный и юго-западный диалекты противопоставляются главным образом по фонетическим и морфологическим особенностям.

I. С е в е р о - в о с т о ч н ы й   д и а л е к т:

1) диссимилятивное аканье и яканье в первом слоге перед ударением: [выдá] / [въдá] ʽвода’ при род. п. [вады́], вин. п. [ваду́], дат. п. [вадз’é], твор. п. [вадóй]; [дъвáй] ʽдавай’ при [дайу́]; [в’íснá] / [в’ьснá] ʽвесна’ (лит. *вясна́*) при [в’асны́], [в’асну́], [в’асн’é], [в’аснóй]; [б’íдá] / [б’ьдá] ʽбеда’ (лит. *бяда́*) при [б’ады́], [б’аду́], [б’адз’é], [б’адóй]; [ц’íгáц’] / [ц’ьгáц’] ʽтаскать’ (лит. *цяга́ць*) при [ц’агну́];

2) совпадение /о/ и /а/ в звуке [а] в конечном безударном открытом слоге: [мнóга] ʽмного’, [с’éна] ʽсено’, [дарóга] ʽдорога’, [мал’íна] ʽмалина’;

3) наличие [е] на месте /ê/ под ударением: [л’ес] ʽлес’;

4) наличие [о] на месте /о/ и [’е], [о] на месте /е/ в закрытом слоге под ударением: [кон’] ʽконь’, [п’еч] ʽпечь’, [н’ос] ʽнёс’;

5) удвоение согласных [з’з’], [с’с’], [н’н’], [л’л’], [дз’дз’], [ц’ц’], [жж], [шш], [чч] на месте сочетаний с [й] в позиции между гласными: [палóз’з’е] ʽполозья’, [калóс’с’е] ʽколосья’, [нас’éн’н’е] ʽсемена’, [в’ас’éл’л’е] ʽсвадьба’, [м’éдз’дз’у] ʽмедью’, [жыц’ц’ó] ʽжизнь’, [збóжжа] ʽхлеб, зерно’, [уду́шша] ʽудушье’, [су́чча] ʽсучья’;

6) окончание -[ой] в творительном падеже единственного числа существительных женского рода: [сц’анóй] ʽстеной’, [м’ажóй] ʽмежой’, [з’амл’óй] ʽземлёй’;

7) окончание -[ы] в именительном падеже множественного числа существительных среднего рода: [с’óлы] ʽсёла’, [вóкны] ʽóкна’, [аз’óры] ʽозёра’;

8) окончание -[ы], -[і] в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода: [гарады́] ʽгородá’, [кавал’í] ʽкузнецы’, [нажы́] ʽножи’;

9) окончание -[ам] в дательном падеже множественного числа существительных мужского рода: [к л’асáм] ʽк лесам’, [дамáм] ʽдомам’;

10) окончание -[ах] в предложном падеже множественного числа существительных мужского рода: [у л’асáх] ʽв лесах’, [у дамáх] ʽв домах’, [у гарадáх] ʽв городах’;

11) окончание -[ым] в предложном падеже единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода: [аб маłады́м] ʽо молодом’, [у ты́м] ʽв том’;

12) окончание -[айу] в винительном падеже единственного числа прилагательных женского рода: [нóвайу хáту] ʽновую хату’, [в’ал’íкайу ры́бу] ʽбольшую рыбу’;

13) окончание -[ім] в форме 1-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [гл’адз’íм] ʽсмотрим’, [рóб’ім] ʽделаем’;

14) окончание -[іц’ó] в форме 2-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [н’ас’іц’ó] ʽнóсите’, [гл’адз’іц’ó] ʽсмóтрите’;

15) окончание -[уц’] в форме 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [хóдз’уц’] ʽходят’, [в’óз’уц’] ʽвозят’, [н’óс’уц’] ʽносят’;

16) окончание -[іц’е] в форме 2-го лица множественного числа повелительного наклонения глаголов I спряжения: [н’ас’іц’е] ‘несите’, [в’аз’іц’е] ‘везите’;

17) формы будущего времени, образованные с глаголом *быць* ‘быть’: [бу́ду раб’íц’] ‘буду делать’, [бу́ду чытáц’] ‘буду читать’;

18) наличие существительных на -[онак]: [дз’іц’óнак] ‘ребёнок’, [ц’ал’óнак] ‘телёнок’;

19) наличие лексем: [ву́тка] ‘утка’, [пу́н’а] ‘сенной сарай’, ‘хлев’, [кут] ‘угол’, [л’éмеш/л’амéш] ‘лемех’, [лáпік] ‘заплатка, кусочек’, [бу́л’ба] ‘картофель’, [дз’ірвáн] ‘дёрн (земля, густо поросшая травой)’, [пам’óт] ‘помёт’.

В пределах северо-восточного диалекта различаются полоцкая группа говоров и витебско-могилевская группа говоров. Основными особенностями для полоцкой группы говоров являются: 1) непоследовательное диссимилятивное аканье; 2) наличие чередования /г/ ~ /з’/, /к/ ~ /ц/, /х/ ~ /с’/ в дательном и предложном падеже существительных женского рода: [дугá] ‘дуга’ — [дуз’é], [рукá] ‘рука’ — [руце], [страхá] ‘кровля’ — [страс’é]; 3) окончание -[ой] в родительном и дательном падеже единственного числа у прилагательных женского рода: [у маладóй] ‘у молодой’, [аб маладóй] ‘о молодой’.

Для витебско-могилевской группы говоров характерно: 1) последовательное диссимилятивное аканье; 2) отсутствие чередования: [дугá] — [дуг’é], [рукá] — [рук’é], [страхá] — [страх’é]; 3) окончание -[ей] в витебских говорах, -[ый] в могилевских говорах: [у маладéй], [аб маладéй]; [у малады́й], [аб малады́й].

II. Юго-западный диалект:

1) недиссимилятивное аканье и яканье в первом слоге перед ударением: [вадá] ‘вода’, [выды́], [вадз’é], [вадóйу]; [давáй] ‘давай’, [дайу́], [дайé]; [в’аснá] ‘весна’, [в’асны́], [в’асну́], [в’ас’н’é], [в’аснóйу]; [б’адá] ‘беда’, [б’ады́], [б’аду́], [б’адз’é], [б’адóйу]; [ц’агáц’] ‘таскать’, [ц’агну́];

2) различение [о] и [а] в конечном безударном открытом слоге: [мнóго] ‘много’, [с’éно] ‘сено’, [дарóга] ‘дорога’, [мал’íна] ‘малина’;

3) наличие [ě] или [і͡е] на месте /ê/ под ударением: [л’ěс], [л’і͡ес] ‘лес’;

4) наличие [ô] и [у͡о] на месте /о/ и [’ě], [ô] или [іе], [у͡о] на месте /е/ в закрытом слоге под ударением: [кôн’] / [ку͡он’] ‘конь’, [п’ěч] / [п’іеч] ‘печь’, [н’ôс] / [н’у͡ос] ‘нос’;

5) наличие сочетаний «зубной + [й]» или одного зубного согласного на месте старого сочетания с [й] в позиции между гласными: [палóз’йе] ‘полозья’, [калóс’йе] ‘колосья’, [нас’éн’йе] ‘семена’, [в’ас’éл’йе] ‘свадьба’, [м’éдз’йу] ‘медью’, [жыц’йó] ‘жизнь’, [збóжа] ‘хлеб, зерно’, [уду́ша] ‘удушье’, [су́ча] ‘сучья’;

6) окончание -[ойу], -[ейу]: [сц’анóйу] ‘стеной’, [м’ажóйу] / [м’ажéйу] ‘межой’, [з’амл’óйу] / [з’амл’éйу] ‘землёй’;

7) окончание -[а] в именительном падеже множественного числа существительных среднего рода: [с’óла] ‘сёла’, [вóкна] ‘окна’, [аз’óра] ‘озёра’;

8) окончание -[е] в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода: [гарадé] ‘города’, [кавал’é] ‘кузнецы’, [нажé] ‘ножи’;

9) окончание -[ом] в дательном падеже множественного числа существительных мужского рода: [дамóм] ‘домам’;

10) окончание -[ох] в предложном падеже множественного числа существительных мужского рода: [у л’асóх] ‛в лесах’, [у дамóх] ‛в домах’, [у гарадóх] ‛в городах’;

11) окончание -[ом] в предложном падеже единственного числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода: [аб маладóм] ‛о молодом’, [у том] ‛в том’;

12) окончание -[уйу] или -[у] в винительном падеже единственного числа прилагательных женского рода: [нóвуйу] / [нóву] ‛новую’;

13) окончание -[мо] в форме 1-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [гл’адз’імó] ‛смотрим’, [роб’імó] ‛делаем, работаем’;

14) окончание -[іц’е] в форме 2-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [н’ес’іц’é] ‛нóсите’, [гл’едз’іц’é] ‛смóтрите’;

15) окончание -[ац’] в форме 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения: [хóдз’ац’] ‛ходят’, [вóз’ац’] ‛возят’, [н’óс’ац’] ‛носят’;

16) окончание -[ец’е] в форме 2-го лица множественного числа повелительного наклонения глаголов I спряжения: [н’ас’éц’е] ‛носите’, [в’аз’éц’е] ‛возите’;

17) формы будущего времени, образованные сочетанием «инфинитив + личные формы глагола *іму* ‛иметь’): [раб’íц’му] ‛я буду делать/работать, 2 л. ед. ч. [раб’íц’м’еш], 3 л. ед. ч. [раб’íц’м’е], 3 л. мн. ч. [раб’íц’муц’];

18) наличие существительных на -[’а]: [дзіц’á] ‛ребёнок’, [ц’ал’á] ‛телёнок’;

19) наличие лексем: [кáчка] ‛утка’, [адры́на] ‛сеновал’, [пóкуц’] ‛красный угол’, [сашн’íк] ‛лемех’ и [лéмеш], [лáтка] ‛заплатка’, [картóфл’а], [йáлав’іна] ‛говядина’.

В пределах юго-западного диалекта различаются: г р о д н е н с к о - б а р а н о в и ч с к а я   г р у п п а   г о в о р о в: 1) творительный падеж единственного числа [ц’ел’éм] ‛телёнком’, [парес’éм] ‛поросёнком’; 2) форма 3-го лица множественного числа глагола *есці* [йéс’ц’і] ‛есть, кушать’ — [йаду́ц’] ‛едят’; 3) форма 1-го лица множественного числа с мягким согласным или с шипящим в исходе основы: [ідз’éм] / [йдз’éм] ‛идём’, [п’ачéм] / [п’ачóм] ‛печём’. С л у ц к о - м о з ы р с к а я   г р у п п а   г о в о р о в: 1) творительный падеж единственного числа [ц’ал’óм], [парас’óм]; 2) форма 3-го лица множественного числа глагола *есці* — [йадз’áц’]; 3) форма 1-го лица множественного числа с твердым согласным: [ідóм], [п’акóм].

III. С р е д н е б е л о р у с с к и е   г о в о р ы   характеризуются наличием черт северо-восточного и юго-западного диалектов, кроме того, им свойственны специфические особенности:

1) окончание -[амы] в творительном падеже множественного числа существительных, прилагательных и местоимений: [дамáмы] ‛домами’, [стары́мы] ‛старыми, стариками’, [майíмы] ‛моими’;

2) окончание -[а] в 3-м лице единственного числа глаголов II спряжения с ударением на основе: [йон хóдз’а] ‛он ходит’, [вóз’а] ‛возит’, [рóб’а] ‛делает’.

Группировка белорусских говоров дополняется выделением диалектных зон — значительных по охвату территорий, на которых сочетаются ареалы разных явлений, — юго-восточной, северо-западной, средней, восточной и западной. С синхронной точки зрения пучки изоглосс, выделяющие зоны, обычно объединяют инновации и некоторые остаточные явления.

ЛИТЕРАТУРА

Аксамітаў А. С. Беларуская фразеалогія. Мінск, 1978.

Антанюк Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія. Мінск, 1987.

Антонович А. К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом. Вильнюс, 1968.

Беларускае мовазнаўства: Бібліяграфічны паказальнік. 1825–1965. Мінск, 1967; 1966–1975, Мінск, 1980; 1976–1985, Мінск, 1993.

Беларуская граматыка. Мінск, 1985–1986, ч. 1–2.

Беларуская мова // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.

Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994.

Бирилло Н. В., Булахов М. Г., Судник М. Р. Белорусский язык // Языки народов СССР. М., 1966, т. I.

Бірыла М. В. Беларуская антрапаніміка. Мінск, 1966–1982, кн. 1–3.

Бузук П. А. Спроба лінгвістычнае геаграфіі Беларусі. Мінск, 1928.

Бузук П. А. Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моў // Працы Акадэмічнае канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (14–21 лістапада 1926 г.). Мінск, 1927.

Булахаў М. Г. Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі. Мінск, 1958.

Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск, 1979.

Воўк-Левановіч О. В. Лекцыі па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1927; 1994.

Германовіч І. К. Беларускія мовазнаўцы. Мінск, 1985.

Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. Мінск, 1970.

Граматыка беларускай мовы. Мінск, 1962–1966, т. 1–2.

Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967, т. 1.

Жураўскі А. І. Праблемы беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1993.

Камароўскі Я. М. Сучасная беларуская арфаграфія. Мінск, 1985.

Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1955–1956, вып. 1–3.

Клюсаў Г. Н., Юрэвіч А. Л. Сучасная беларуская пунктуацыя. Мінск, 1972.

Крамко І. І., Юрэвіч А. К., Яновіч А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1968, т. 2.

Кривицкий А. А., Михневич А. Е., Подлужный А. И. Белорусский язык для говорящих по-русски. Минск, 1990.

Крывіцкі А. А. Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск, 2003.

Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1994.

Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.

Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1968.

Лёсік Я. Ю. Граматыка беларускае мовы. Фонэтыка. Менск, 1926; 1995 (факсимильное издание).

Лыч Л. М. Беларуская нацыя і мова. Мінск, 1994.

Мартынаў В. У. У роднай мовы — моцнае карэнне. Беларуская мова сярод іншых славянскіх і неславянскіх моў // Роднае слова, 1993, № 1–2.

Міхневіч А. Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск, 1976.

Міхневіч А. Я. Да характэрыстыкі беларускай мовы ў яе сучасным стане // Slavia, 1984, № 3–4 (t. 53).

Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. Мінск, 1988.

Нарысы гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957.

Падлужны А. І. Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1969.

Пичета В. И. Белорусский язык как фактор национально-культурный. Минск, 1991.

Плотнікаў Б. А., Антанюк Л. А. Беларуская мова: Лінгвістычны кампендыум. Мінск, 2003.

Русак В. П. Марфалогія беларускай мовы. Мінск, 2003.

Станкевіч Я. Гісторыя беларускага языка. Вільня, 1939.

Станкевіч Я. Доля мовы беларускае (яе вонкашняя гісторыя) у розныя пэрыяды гісторыі Беларусі. Нью-Ёрк, 1954.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. Мінск, 1989.

Тарашкевіч Б. А. Беларуская граматыка для школ. Вільня, 1918 [5-е выд., 1929].

Фанетыка беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1989.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Цікоцкі М. Я. Стылістыка беларускай мовы. Мінск, 1976.

Цыхун Г. А. Беларуская мова сярод іншых славянскіх моў // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994.

Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1984.

Шакун Л. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства. Мінск, 1995.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916, вып. 11.

Шуба П. П. Сучасная беларуская мова. Марфаналогія. Марфалогія. Мінск, 1987.

Шчэрбін В. К. Гісторыя беларускай лексікаграфіі. Мінск, 1994.

Юргелевіч П. Я. Курс сучаснай беларускай мовы з гістарычнымі каментарыямі. Мінск, 1974.

Янкоўскі Ф. М. Беларускае літаратурнае вымаўленне. Мінск, 1976.

Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мінск, 1980.

Яскевіч А. А. Старабеларускія граматыкі. Мінск, 1996.

Bieder H. Der erste und zweite Wiedergeburt der weißrussischen Sprache und Kultur // Sanger Slavistische Sammlung. München, 1991, Bd. 16.

Bidwell Ch. Outline of Belorussian Morphology. Pittsburgh, 1967.

Chekman W., Smułkowa E. Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej. Warzsawa, 1988.

Heyl S. Zur Sprachenpolitik in Belorußland in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts und am Beginn des 20. Jahrhunderts // Sprachenpolitik und Schriftsprachen in Osteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1989.

Hurtig C., Ramza T. Belarussische Grammatik in Tabellen und Übungen. München, 2003.

Martel A. La langue polonaise dans les pays ruthènes, Ukraine et Russie Blanche. 1569–1667. Lille, 1938.

Mayo P. A Grammar of Byelorussian. Sheffield, 1976.

Olechnowicz M. Polskie zainteresowania językiem białoruskim (od połowy wieku XVI do roku 1863) // Zeszyty Naukowe Uniwersitetu Łódzkiego, 1964, ser. I, z. 36.

Pashkiewicz V. Fundamental Byelorussian. Toronto, 1974–1978, Books 1–2.

Šerech G. (Shevelev). Problems in the Formation of Byelorussian. New York, 1953.

Stang Chr. Die altrußische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

Wexler P. Purism in Language. A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). Bloomington, 1974.

Wexler P. A Historical Phonology of the Belorussian Language. Heidelberg, 1977.

Wexler P. The Rise (and Fall) of the Modern Byelorussian Literary Language // Slavonic and East European Review, 1979, vol. 57, № 4.

С л о в а р и

Англа-беларуска-рускі слоўнік. Мінск, 1989.

Беларуска-рускі слоўнік. Мінск, 1988–1989, т. 1–2.

Беларускія энцыклапедыі і слоўнікі: Бібліяграфія / Беларускі ін-т навукі і мовазнаўства. Нью-Ёрк; Мінск, 2002.

Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–2002, вып. 1–22 [продолжающееся издание].

Булыка А. М. Слоўнік іншамоўных слоў. Мінск, 1999, т. 1–2.

Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1993, кн. 1–2.

Михневич А. Е. Русско-белорусский разговорник. Минск, 1991.

Міхневіч А. Я., Навічэнка Н. М. Англа-беларускі размоўнік. Мінск, 1992.

Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.

Русско-белорусский словарь. Минск, 1982, т. 1–2.

Слоўнік беларускай мовы. Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтуацыя. Словазмяненне. Мінск, 1987.

Слоўнік мовы «Нашай Нівы» (1906–1915): У 5-ці т. Мінск, 2003, т. 1.

Слоўнік мовы Скарыны. Мінск, 1977–1984, т. 1–2.

Станкевіч Я. Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік. N. Y., 1990.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977–1984, т. 1–5.

Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1996.

Хто ёсць хто ў сучаснай беларускай лінгвістыцы. Мінск, 1997.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–1993, т. 1–8 [продолжающееся издание].

Podręczny słownik polsko-białoruski. Warszawa, 1962.

Ushkevich F., Zezulin A. Byelorussian-English/English-Byelorussian Dictionary. N. Y., 1992.

А т л а с ы

Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

Лексічны атлас беларускіх народных гавораў. Мінск, 1993–1998, т. 1–5 [продолжающееся издание].

Atłas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980, t. I [продолжающееся издание].

А. Д. Дуличенко

МАЛЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ (МИКРОЯЗЫКИ) *

1. Термин «литературные микроязыки» (позднее — «малые литературные языки») был предложен автором настоящей статьи в конце 1970-х гг. для обозначения литературно-языковых образований, находящихся вне списка известных славянских литературных языков крупных наций (этносов). Носители (или пользователи) современных малых славянских литературных языков проживают (или проживали) среди других родственных или неродственных народов, образуя этнические «острова», либо на периферии по отношению к своему коренному этносу. В соответствии с этим малые славянские литературные языки можно подразделить на островные и периферийные (последние могут также называться региональными). К островным микроязыкам относятся прежде всего: югославорусинский, градищанско-хорватский, молизско-славянский, резьянский, который может быть также охарактеризован как «полуостровной», банатско-болгарский; к периферийным микроязыкам — чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, восточнословацкий, ляшский, карпаторусинский, западнополесский и др.

Малые славянские литературные языки (М.с.л.я.) базируются на диалектах или говорах периферии того или иного языкового массива либо на островном диалекте, обладают письменностью и письменной практикой, большей или меньшей степенью нормализации, используются в ряде сфер, типичных для литературных языков, однако в ограниченном объеме и всегда наряду с каким-либо национальным (генетически родственным или неродственным) литературным языком. Иерархичность отношений между национальными литературными языками и М.с.л.я. видна при противопоставлении таких внутренних признаков, как наличие строгой нормированности у первых и менее строгой — у вторых, функционирование развитой устной нормы у национальных литературных языков и отсутствие (или слабая развитость) таковой у М.с.л.я. (здесь устная норма приближена к диалектной речи либо нередко тождественна ей), а также внешних признаков, из которых существенны следующие: функциональная поливалентность и жанровая неограниченность национальных литературных языков — функциональная ограниченность и жанровая узость М.с.л.я. Литературный микроязык в функциональном плане шире соответствующего диалекта: для него характерна тенденция к выработке нормы, что требует значительного обогащения словарного состава и усложнения грамматической системы, часто за счет иноязычных заимствований, обращения к предшествующим литературно-языковым традициям, что чуждо диалектам, на которых время от времени создаются авторские поэтические или прозаические тексты. За каждым малым славянским литературным языком, в отличие от диалекта, использующегося в художественных

---

* Данная статья написана по схеме I, но содержащиеся в ней краткие описания отдельных малых славянских литературных языков сделаны по схеме III.

целях, стоит более или менее организованный литературно-языковой процесс, способствующий становлению и развитию литературного микроязыка и формирующий представление о нем именно как о литературном языке.

2. С точки зрения локальных связей М.с.л.я. располагаются в славянском и неславянском ареалах; при этом одни из них выступают в виде языковых «островов», являющихся результатом миграции населения в прошлом, в то время как другие функционируют в исконном ареале, т. е. не отрываясь от своего генетического корня и ареала в целом.

За большинством М.с.л.я. стоят не нации, а так называемые культурно-языковые и этноязыковые группы как ответвления от крупных славянских этносов-наций. Периферийные литературные микроязыки функционируют в среде культурно-языковых групп, бытующих в пределах периферийного (этнического) ареала и выделяющихся в его рамках лишь местными особенностями культурно-исторического и языкового (диалектного) характера, — таковы чакавцы, кайкавцы в Хорватии и др.; за островными литературными микроязыками стоят этноязыковые группы, т. е. «острова», представляющие собой национальные меньшинства, — таковы градищанские хорваты, молизские славяне, банатские болгары и др. (в отличие от культурно-языковых групп, они характеризуются более ощутимой этнической и языковой отдельностью). И периферийные, и островные ответвления считают себя неотрывной частью соответствующих славянских этносов-наций: банатские болгары — болгар, чакавцы и кайкавцы, а также градищанские хорваты и молизские славяне — хорватов и т. п. О югославорусинском можно говорить не только как о микроязыке, но и как о самостоятельном славянском языке, так как им пользуется этническая группа (общность), претендующая на роль народности. Впрочем, граница между микроязыками и самостоятельными славянскими языками и в некоторых других случаях оказывается нечеткой: так, «островной» серболужицкий, представляющий славянское национальное меньшинство в Германии, и периферийный по отношению к польскому кашубский по традиции, сложившейся в отечественном языкознании, рассматриваются как отдельные языки (см. соответствующие статьи в наст. издании).

Особый статус имеет ляшский литературный язык, созданный поэтом О. Лысогорским (см. 6.IIа).

3. Югославорусинским пользуется около 25 тыс. чел., градищанско-хорватским около 35 тыс. чел., молизско-славянским около 4 тыс. чел., резьянским около 2,5–3 тыс. чел.; прекмурских словенцев насчитывается около 90 тыс. чел., банатских болгар 15 тыс. чел.; статистические данные о карпаторусинском, а также о западнополесском и некоторых других малых языках весьма противоречивы.

4. В генетическом плане каждый литературный микроязык восходит к одному из крупных славянских языков либо имеет с ним тесную степень родства. Южнославянскими являются: градищанско-хорватский, молизско-славянский, чакавский и кайкавский, прекмурско-словенский, резьянский и банатско-болгарский. Западнославянская генетическая основа имеется у ляшского и восточнословацкого. Восточнославянскими являются карпаторусинский, выступающий в ряде вариантов, и западнополесский. Генетическая основа югославорусинского языка пока до конца не выяснена: имеются мнения о ее закарпатско-украинском и восточнословацком происхождении.

5. В качестве условий для возникновения литературных микроязыков необходимы: наличие компактности среды и связанная с этим обособленность от основного диалектного континуума, осознание языковой и этнической специфичности, сложность диалектного ландшафта, вынуждающая обратиться к поискам собственного литературного языка (особенно в период формирования национальных литературных языков) на более близкой диалектной основе; наличие литературно-языковой предтрадиции на родственном или неродственном языке, которая обеспечивала условия для экспериментов по применению родной речи в роли литературного языка; при этом количественный фактор не является решающим, хотя и оказывает влияние на потенциальные возможности литературно-языкового процесса. Стимулирующими моментами при возникновении ряда М.с.л.я. были протестантизм (XVI в.), движение за национальное возрождение славянских народов (XIX в.), субъективный фактор, т. е. наличие просветителей, способных силой своего примера, главным образом в области литературного творчества, дать толчок к организации литературно-языкового процесса на своем диалекте (говоре).

Особенностью периферийных литературных микроязыков является то, что почти все они уже на начальной стадии своего развития (до эпохи национального возрождения) представляли собой региональные варианты, вступавшие в конкуренцию друг с другом с целью стать основой создающегося национального литературного языка.

6. Для большинства М.с.л.я. городское койне не характерно. Здесь уместнее говорить о литературно-языковом койне, которое включает, наряду с диалектным компонентом, также компоненты литературных языков старших традиций письменности, новые заимствования, результаты индивидуального слово- и формотворчества и которое достигается усилиями создателей всего литературно-языкового процесса. Такой тип койне был создан либо создается большинством М.с.л.я., за исключением современных кайкавского, чакавского, наиболее близких к диалектным и говорным основам и нормам, поскольку здесь каждый пишущий опирается на родной говор, хотя, сознательно или нет, он в то же время пытается выйти за пределы тесных рамок говора, с тем чтобы стать широко понятым (что ведет к выработке своеобразного «поэтического» койне).

Некоторые М.с.л.я. выступают как системы, допускающие два и более вариантов. Это прежде всего касается периферийных литературных микроязыков, характеризующихся полинормностью, так как пишущие ориентируются каждый на свой говор. Характерна для М.с.л.я. и прерывность письменной традиции, что связано с непростой историей становления литературных микроязыков, как и литературных языков крупных этносов, с которыми связаны носители М.с.л.я. Бóльшая часть М.с.л.я. имеет кодификации в виде грамматик и учебных книг. В некоторых случаях грамматические кодификации в форме отдельных книг так и не появились (ляшский, западнополесский). Нет современных кодификаций для банатско-болгарского, прекмурско-словенского, чакавского, кайкавского, восточнословацкого.

Наличие кодификаций повышает вероятность следования выработанным нормам, хотя, в отличие от национальных литературных языков, сохраняются трудности в виде сильного варьирования грамматических элементов, вызываемого

внутренними (действие аналогии, тенденции к экономии и т. п.) и внешними причинами (воздействие соседних литературных языков, индивидуального фактора, местных говоров и т. д.).

Наличие вариантных форм, однако, считается одним из важнейших признаков нормы и своеобразным резервом молодого литературного языка, поэтому такие формы сознательно кодифицируются, хотя в целом отмечается тенденция к их постепенному сокращению: например, М. М. Кочиш в своей русинской грамматике 1974 г. сократил в зоне наиболее активного варьирования (падежная система существительных) более чем на 50% формы, которые 50 лет назад, в 1923 г., кодифицировал в первой русинской грамматике Г. Костельник. В грамматиках литературных микроязыков особое место уделяется языковому чутью, к которому призывают обращаться носителей в трудных случаях выбора той или иной морфологической формы.

М.с.л.я. используют различные графические системы кириллического и латинского типов.

Чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, банатско-болгарский используют латиницу южнославянского типа, восточнословацкий — словацкого типа; карпаторусинский в США и Канаде — южно- и западнославянского типа; карпаторусинский в Польше и Венгрии — кириллическое письмо. В карпаторусинском Восточной Словакии и в западнополесском наблюдались попытки применить, наряду с кириллицей, также и латиницу славянского типа.

В области орфографии наблюдается тенденция к фонетическому принципу, причем чем ближе литературный микроязык к живой диалектной основе, тем выше стремление реализовать этот принцип. Эксперименты по внедрению фонетического письма характеризуют, как правило, начальный этап становления литературного микроязыка и вызваны стремлением быстрее распространить созданную письменность и вовлечь как можно больше людей в организующийся литературно-языковой процесс. Фонетической орфографией, с одной стороны, хотят предотвратить появление различий в плане письменной и устной речи и таким образом сохранить единство литературного микроязыка (что особенно важно для микроязыковых ситуаций), с другой — этот же принцип используют для отражения говорных особенностей (ср. ситуацию в современных кайкавщине, чакавщине). Однако фонетический принцип не обеспечивает ряду литературных микроязыков (югославорусинскому, банатско-болгарскому, прекмурско-словенскому) необходимой унифицированности, поэтому здесь наблюдается переход к морфологическому или морфолого-фонетическому принципу письма. О хронологии развития письменностей М.с.л.я. см. таблицу на с. 599.

В формировании словаря литературный микроязык исходит из трех принципов — необходимости (создавать слова и развивать лексические пласты, обусловленные функциональными потребностями), возможности (пути и средства, которые применяет микроязык для покрытия лексического дефицита) и достаточности (достижение необходимого числа слов, полноты той или иной семантической сферы). Те микроязыки, которые стремились к функциональной поливалентности и сумели создать организованный литературно-языковой процесс (банатско-болгарский в прошлом, югославорусинский), развивали свой словарь ускоренными темпами. Показателен при этом субъективный момент: Г. Костель-

Развитие письменностей и литературно-языковых традиций

Языки		Начало письменности	Начало грамматической кодификации	Начало лексикографической кодификации	Другие кодификации (графико-орфографические)	Единый литературный язык (+) / варианты (–)	Литературные языки на базе одного (+) / разных (–) диалектов	Непрерывность литературной письменной традиции
Островные языки	югославо-русинский	XVIII в.	1923 г.	1969 г.	1971 г.	+	+	+
	градищанско-хорватский	XVI в.	1919 г.	1982 г.	–	+	+	+
	молизско-славянский	XIX в.	1968 г.	1972 г.	–	+	+	–
	резьянский	XVIII в.	–	–	1994 г.	–	–	–
	банатско-болгарский	XIX в.	1866 г.	–	–	+	+	–
Периферийные языки	чакавский	XII–XIII в.	1604 г.	1595 г.	–	–	–	–
	кайкавский	XVI в.	1779 г.	1670 г.	1830 г.	–	–	–
	прекмурско-словенский	XVI в.	(1725 г.)	–	–	–	–	–
	восточно-словацкий	XVI в.	(1875 г.)	–	–	–	–	–
	ляшский	XX в.	–	–	+	+	+	–
	карпато-русинский (Словакия)	XIX в.	XIX в.	XIX в.	1994 г.	+	(+)	–
	западно-полесский	XIX в.	–	–	+	–	–	–

ник создал свыше 380 русинских лингвистических терминов, послевоенный кодификатор М. М. Кочиш — несколько тысяч терминов из разных областей знания, большинство которых достаточно активно употребительны в литературном языке. Заимствование лексики (и калькирование) играет важную роль в развитии словаря литературного микроязыка, причем при слабости литературно-языкового движения может возникнуть крайнее проявление этого процесса — так называемый «лексический импорт» (т. е. заимствование без соответствующей фонетической и прочих адаптаций), как это было в период угасания старочакавского литературного языка в XVII–XVIII вв., в который потоком хлынула итальянская лексика, а в настоящее время — в молизско-славянском, испытывающем давление диалектного и литературного итальянского языка и воздействие хорватского литературного языка. На современном этапе многие М.с.л.я. вырабатывают специальные программы в связи с заимствованием: градищанско-хорватский и молизско-славянский ориентируются на хорватский, югославорусинский — на украинский и сербохорватский и т. д.

Большинство литературных микроязыков переживает процесс сближения с соответствующим национальным литературным языком (в банатско-болгарской, прекмурско-словенской и восточнословацкой ситуациях в основном осуществлен переход на соответствующие национальные литературные языки, хотя последнее десятилетие XX в. показало, что культивирование этих литературных микроязыков продолжается). У югославских русин еще в 20-е гг. XX в. зародилось и во второй половине XX в. развивалось движение за сближение с украинским литературным языком посредством украинизации новой лексики, перевода экавских форм в икавские (типа *мера* > *мира* ‛мера’) и т. п.; в молизско-славянском, в силу слабости литературно-языкового процесса, сближение идет путем прямого «импорта» лексем и форм. Успешно проходит процесс сближения градищанского с хорватским литературным языком, начавшийся еще в XIX в. Зонами наиболее активного и удачного сближения здесь оказываются графика и орфография, специальная лексика, фонетика; менее контактной в этом плане является морфология, хотя различия между двумя литературными языками здесь не всегда носят принципиальный характер.

В функциональном плане М.с.л.я., как и национальные литературные языки, характеризуются широким диапазоном различий, ср. данные функциональной матрицы в таблице на с. 602–603.

М.с.л.я. находят последовательное применение в художественной литературе и переписке, затем следуют периодика, культурные учреждения, любительский театр, церковь, в то время как радио и телевидение оказываются доступными лишь некоторым микроязыкам (югославорусинский, градищанско-хорватский, а также карпаторусинский Словакии; резьянский, карпаторусинские варианты в Польше, Венгрии — только радио). Максимальный функциональный спектр свойствен лишь микроязыкам, которыми пользуются этнические общности (югославорусинский); у этноязыковых групп возможности скромнее в силу узаконенного здесь функционального неравенства языков (градищанские хорваты и молизские славяне, резьяне); культурно-языковые ответвления развиваются в основном в русле художественной литературы и театра.

В становлении и развитии литературного языка решающую роль играет художественная литература. «Поэтические» славянские микроязыки достигли достаточно высокого уровня литературно-художественного развития. Важная роль в развитии литературных славянских микроязыков принадлежит периодике.

I. Южнославянские малые литературные языки

Южнославянскими являются: градищанско-хорватский, молизско-славянский, чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский, резьянский и банатско-болгарский. Первые четыре восходят к хорватскому диалектному источнику, следующие два (а также венецианско-словенский) относятся к словенскому ареалу, а банатско-болгарский (и зарождающийся в Греции помакский) — к болгарскому. Известны также попытки создать литературные венецианско-словенский и эгейско-македонский микроязыки (последний в 1953 г. был кодифицирован специальной грамматикой; на нем в разных странах издавались периодика и книги, однако ныне он, насколько известно, не функционирует).

Ia. Градищанско-хорватский

1. Варианты названия: бургенландско-хорватский; самоназвания: *gradišćanskohrvatski jezik* ʽградищанско-хорватский язык’, реже — *gradišćanski jezik* ʽградищанский язык’.

2. Является «осколком» чакавского диалекта, однако значительно отличается от него тем, что в островном положении испытал влияние окружающих языков (немецкого и венгерского), развил в себе некоторые новые черты, к которым примешиваются отдельные (хотя и незначительные) кайкавские и штокавские признаки — из-за присутствия в градищанском ареале некоторой части кайкавцев и штокавцев.

Градищанские хорваты с появлением в Западной Венгрии продолжали южнославянскую литературную традицию на чакавской, кайкавской, штокавской и церковнославянской основах. Протестантизм подтолкнул к экспериментам по применению живой речи в религиозно-культурных целях, при этом первые градищанско-хорватские пробы предпринимались в тесной связи с кайкавской и прекмурско-словенской литературно-языковыми традициями. Первые градищанские книги — два религиозных сборника — составлены и изданы в 1609 и 1611 гг. Гргуром Мекиничем (Grgur Mekinić). В XVIII и XIX вв. литературно-письменный язык сохраняет связь со старыми южнославянскими традициями. В то же время в XVII–XVIII вв. зарождается традиция писать на живой народной основе, а в XIX в., в связи с хорватским возрождением, намечается магистральный путь развития градищанско-хорватского литературного языка в сторону сближения его с литературным языком хорватской нации. Новый импульс для его развития в начале XX в. дал поэт Мате Милорадич (Mate Miloradić, 1850–1928) и созданные в это время многочисленные культурно-просветительные общества и периодика.

Ныне используется хорватская латиница.

Наблюдается вариантность: родительный падеж множественного числа существительных pluralia tantum *grablje* ʽграбли’ — *grabalj*, *novine* ʽгазета’ — *novin*, *plundre* ʽбрюки’ — *plundrov*; творительный падеж единственного числа существительных женского рода на согласный: *smrću* — *smrćom* ʽсмертью’ и т. п.

Активно проходит процесс сближения градищанского с хорватским литературным языком, начавшийся еще в XIX в. Зонами наиболее активного сближения оказываются графика и орфография, специальная лексика, фонетика; менее контактной в этом плане является морфология, хотя различия между двумя литературными языками не всегда носят принципиальный характер. В качестве объективных препятствий сближения выступает обилие вариантных форм в микроязыке (родительный падеж множественного числа: *dni* — *danov* — *dnevov* ʽдней’), неодинаковая дистрибуция ряда морфологических форм (в градищанском родительный падеж множественного числа существительных *pjesma* ʽпесен’, в хорватском также и *pjesama* и т. д.). Ввиду многочисленных заимствований градищанско-хорватский также ориентируется на хорватский.

3. Располагается в австрийском ареале (с конца XV — XVI в. земля Бургенланд — Австрия; культурный центр Эйзенштадт), частично соприкасающемся также с венгерским.

Функциональное использование малых славянских литературных языков (микроязыков)

Языки (страны)		Художественная литература			Админи-страция	Наука	Религиозная жизнь		Собственные учреждения	Театр	Топографические надписи	Личная переписка
		Лирика	Рассказы	Романы			Церковь	Перевод Библии				
Островные языки	югославорусинский (Сербия, Хорватия)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	градищанско-хорватский (Австрия)	+	+	+	–	(+)	+	+	+	+	(+)	+
	молизско-славянский (Италия)	+	(+)	–	–	–		–	+	(+)	+	+
	резьянский (Италия)	+	(+)	–	–	–	+	(+)	+	(+)	+	+
	банатско-болгарский (Сербия, Румыния)	+	(+)	–	–	–	+	(+)	+			+
Периферийные языки	чакавский (Хорватия)	+	+	–	–	–			+	+	–	+
	кайкавский (Хорватия)	+	+	–	–	–			+	+	–	+
	прекмурско-словенский (Словения)	+	(+)	–	–	–	+	+	+			+
	восточнословацкий (Словакия)	+	(+)	–	–	–	+	+	+			+
	ляшский (Чехия)	+	+	+	–	–	–	–	–	–	–	+
	карпаторусинский (Словакия)[3]	+	+	+		(+)	+		+	+		+
	западнополесский (Белоруссия)	+	+	–	–	–	–	–	+		–	+

Языки (страны)		Средства массовой информации						Образование						
		Периодика				Радио	ТВ	Школа			Классы	Все предметы	Отдель-ные предметы	Универ-ситет
		Газеты	Жур-налы	Ежегод-ники	Смешанные издания			Основ-ная	Сред-няя	Гим-назия				
Островные языки	югославорусинский (Сербия, Хорватия)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	градищанско-хорватский (Австрия)	+	+	+	–?	+	+	–	–	–	+	–	+	(+)
	молизско-славянский (Италия)	–	+	+	+	–	–	–	–	–	–	–	(+)	–
	резьянский (Италия)	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	(+)	–
	банатско-болгарский (Сербия, Румыния)	+	+		+	–	–	–	–	–	–	–		–
Периферийные языки	чакавский (Хорватия)	–	–		+	(+)	–?	–	–	–	–	–	–	–
	кайкавский (Хорватия)	–	–	(+)	+	(+)	–?	–	–	–	–	–	–	–
	прекмурско-словенский (Словения)	–		+	+	–	–	–	–	–	–	–	(+)	–
	восточнословацкий (Словакия)	–	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–
	ляшский (Чехия)			–	–			–	–	–	–	–	–	–
	карпаторусинский (Словакия)[3]	+	+	–	+	+	(+)				+		+	(+)
	западнополесский (Белоруссия)	+	–	–		–	–	–	–	–	–	–	–	–

П р и м е ч а н и я: 1. Плюс в скобках (+) означает, что данная сфера заполняется слабо, спорадически, неполно. 2. Пустые клетки — отсутствие достоверных данных. 3. Рассматривается только карпаторусинский Словакии.

4. Основоположник современной градищанско-хорватской поэзии — М. Милорадич (Mate Miloradić); самый крупный прозаик — Игнац Хорват (Ignac Horvat, 1895–1973).

Издается периодика: «Хорватская газета» («Hrvatske novine», с 1960 г.); журналы «Новый голос» («Novi glas», с 1957 г.), «Жизнь» («Život», с 1977 г.); ежегодник-календарь «Градище» («Gradišće» с 1946 г.) и др.

Iб. Молизско-славянский

1. Варианты названия: *молизско-хорватский*; самоназвание: *naš jezik* ʽнаш язык', также хорватские лингвонимы *moliški hrvatski jezik* ʽмолизский хорватский язык', *molizansko-hrvatski jezik* ʽмолизско-хорватский язык'.

2. В основе молизско-славянского лежит штокавский диалект икавского типа, хотя и несколько чакавизированный.

Попытка создать литературный язык возникает под влиянием южнославянского возрождения и была предпринята в 40-е гг. XIX в. Джованни де Рубертисом (Giovanni de Rubertis, 1813–1889). Более или менее массовый характер движение за молизско-славянский литературный язык возникает лишь в 60-е гг. XX в.

Ныне используется хорватская латиница.

В молизско-славянском наблюдается так называемый «лексический импорт» (т. е. заимствование без соответствующей фонетической и прочих адаптаций), так как этот язык испытывает давление диалектного и литературного итальянского языка и некоторое (дистантное) воздействие хорватского литературного языка, на который молизские славяне ориентируются в плане заимствований.

3. Бытует в итальянском языковом ареале: с XV–XVI вв. в области Молизе (селения Аквавива Коллекроче, Монтемитро и Сан Феличе дель Молизе) в Италии, куда носители переселились из Далмации.

4. Первым молизско-славянским поэтом в XIX в. был Дж. де Рубертис. В 60-е гг. XX в. появляется целая группа молизских поэтов: Милена Лалли (Milena Lalli), Маттео Ферранте (Matteo Ferrante), Анджело Дженова (Angelo Genova), Пасквалино Пикколи (Pasqualino Piccoli) и др.

Молизские славяне издавали журнал «Наш язык» («Naš jezik/La nostra lingua»), время от времени выходит школьное издание «Голубая ласточка» («Modra lasta/ Rondinelle azzure») и ежегодник-календарь.

Iв. Чакавский

1. Русскоязычный вариант названия: *чакавщина*, самоназвания: совр. *čakavski književni jezik*, *književna čakavština* ʽчакавский литературный язык', устар. *rvacki* / *arvaski* / *arvacki* / *harvacki*/ *hrvacki* / *hrvatski jazik* / *jezik* ʽхорватский язык'.

2. Базируется на чакавском диалекте хорватского языка. Начиная с XV в., на основе чакавского диалекта существовала обширная литература. В настоящее время представляет собой региональный литературный язык в Хорватии, которым владеет и тексты на котором читает население соответствующего хорватского региона.

Чакавский — первый литературный язык хорватов и одновременно самый старый литературный микроязык, в формировании которого решающую роль сыг-

рал церковнославянский язык на письменной глаголической основе. Многие глаголические памятники XII–XIII вв. имеют чакавскую диалектную основу. XV–XVI вв. — эпоха хорватско-чакавского Ренессанса, расцвета хорватско-чакавской литературы и чакавского литературного языка в трех центрах Далмации: в Сплите во главе с Марко Маруличем (Marko Marulić, 1450–1524), на о-ве Хвар во главе с Петаром Гекторовичем (Petar Hektorović, 1487–1572), в Задаре во главе с Петаром Зораничем (Petar Zoranić, 1508 – около 1550). Уже в это время многие писатели обращались к хорошо развитому стародубровницкому (штокавскому) литературному языку как к образцу и источнику обогащения. В XVII в. эксперименты по штокавизации литературной чакавщины переросли в тенденцию и предопределили ее судьбу: с XVIII в. штокавщина дубровницко-боснийского типа окончательно вытесняет чакавский литературный язык.

Спад в чакавском литературно-языковом процессе (приблизительно в XVIII и в течение XIX в.) сменился в начале XX в. возрождением литературного языка. В современной Хорватии этот литературный микроязык не воспринимается как конкурент общенациональному литературному языку, как это было в XIX в.; напротив, он находится в отношении дополнительной дистрибуции к литературному языку хорватской нации.

Современный чакавский использует латиницу хорватского типа.

3. Распространен на адриатическом побережье Хорватии; роль культурных центров выполняют в основном Сплит, а также Риека.

4. В старочакавской литературе, наряду с церковными жанрами, развивались и светские. К ее «золотому веку» (XV–XVI вв.) относится творчество «отца хорватской литературы» М. Марулича, затем Ганибала Лучича (Hanibal Lucić), П. Гекторовича, П. Зоранича, автора первого хорватско-чакавского романа «Горы» («Planine», 1569), и др. Чакавское возрождение связано с именем писателя Владимира Назора (Vladimir Nazor), за которым последовали Анте Дукич (Ante Dukić), Пере Любич (Pere Ljubić), Драго Жерве (Drago Gervais), Мате Балота (Mate Balota), Марко Уводич (Marko Uvodić); после Второй мировой войны — Марин Франичевич (Marin Franičević), Зване Чрня (Zvane Črnja), Анте Цеттинео (Ante Cettineo), Драго Иванишевич (Drago Ivanišević), Иван Ковачич (Ivan Kovačić) и др.

Чакавский микроязык находит отражение в сплитском журнале «Чакавское слово» («Čakavska rič», с 1971 г.).

Iг. Кайкавский

1. Русскоязычный вариант названия: *кайкавщина*, самоназвания: *kajkavski književni jezik*, *književna kajkavština* ‘кайкавский литературный язык’, устар. *szlovinszki*/*slovenski jezik* ‘словинский/словенский язык’ и *hrvatski jezik* ‘хорватский язык’.

2. Базируется на кайкавском диалекте хорватского языка, который обнаруживает тесные связи с соседними словенскими говорами. С XVI в. существует кайкавская религиозная литература. В настоящее время представляет собой региональный литературный язык в Хорватии, которым владеет и тексты на котором читает население соответствующего хорватского региона.

Для создания кайкавского литературного языка решающее значение имел протестантизм XVI в. Кайкавская письменность зарождается сначала в Вараждине: «Decretum» 1574 г. в переводе Ивана Пергошича (Ivan Pergošić), «Хроника» 1578 г. и сборник проповедей 1586 г. Антуна Врамца (Antun Vramec); за этими произведениями последовали иные, изданные в Загребе: кайкавско-латинский словарь 1670 г. и другие сочинения Юрая Хабделича (Juraj Habdelić, 1609–1678), самый крупный латинско-кайкавский и кайкавско-латинский словарь XVII в. Ивана Белостенца (Ivan Belostenec, 1595–1675) и др. Уже в первых кайкавских текстах остро ощущается штокавская струя как показатель стремления кайкавцев к единому общехорватскому литературному языку; многое делают в этом направлении писатели хорватского культурного центра Озаль — Петар Зринский (Petar Zrinski, 1621–1671) и Фран Крсто Франкопан (Fran Krsto Frankopan, 1643–1671). В XIX в., когда штокавщина как основа литературного языка хорватской нации стала лидировать, часть кайкавцев перешла на штокавщину, другие же остались в русле традиционного кайкавского литературного языка. «Последние кайкавцы» Томаш Миклоушич (Tomaš Mikloušić, 1767–1833) и его последователь Игнац Кристиянович (Ignac Kristijanović, 1796–1884), рьяно отстаивавший литературную кайкавщину изданием кайкавской грамматики в 1837 г. и многочисленных книг вплоть до 70-х гг. XIX в.

Спад в кайкавском (в последней трети XIX в.) литературно-языковом процессе сменился в начале XX в. возрождением этого литературного языка.

Современный кайкавский использует латиницу хорватского типа.

3. Распространен в Хорватии в районе Загреба, Вараждина, Бьеловара, частично в Истрии и Горском Котаре; роль основного культурного центра играет Загреб.

4. Старокайкавская литература развивалась в основном как религиозная; в светском русле творили поэты регионального культурного центра Озаль (XVII в.), комедиограф Тито Брезовачки (Tito Brezovački) и др. Кайкавское возрождение связано с именем Антуна Густава Матоша (Antun Gustav Matoš), затем Франа Галовича (Fran Galović), поэта Драгутина Домьянича (Dragutin Domjanić), Мирослава Крлежи (Miroslav Krleža); после Второй мировой войны по-кайкавски пишут Иван Горан Ковачич (Ivan Goran Kovačić), Никола Павич (Nikola Pavić), Степан Бенце (Stjepan Bence), Степан Драганич (Stjepan Draganić) и др.

Кайкавский микроязык находит отражение в загребском журнале «Кай» («Kaj», с 1968 г.).

Iд. Резьянский

1. Варианты названия: *резьянско-словенский*; самоназвания: *rozajanski langač*/*lengač* ʽрезьянский язык’; словен. *rezijanščina* ʽрезьянское наречие’, ʽрезьянский язык’.

2. Резьянский — словенский диалект с приморской диалектной базой, который отличается большой архаичностью, поскольку он в течение длительного времени развивался изолированно от основного словенского диалектного континуума и в большей степени, чем другие словенские диалекты, испытал романское влияние.

Резьянский литературный язык находился в стороне от магистрального направления истории словенского литературного языка из-за географической и полити-

ческой замкнутости, отсутствия более или менее тесных связей со Словенией. Первые тексты резьян, стимулированные церковью, относятся к XVIII в. (в них применена итальянская латиница). В 1927 г. Йозеф Крамаро (Jozef Kramaro) издал первую резьянскую книгу — христианские поучения «To kristjanske učilo», затем появилось еще несколько книг. На рубеже 70–80-х гг. XX в. резьянский литературно-языковой процесс заметно активизировался; в 1980 и в 1991 гг. в Резье прошли конференции по резьянской графике, орфографии и нормативной грамматике.

3. Распространен в долине Резья (провинция Фриули — Венеция-Джулия, Италия), где соседствует с итальянским и фриульским (фурланским).

4. Начало резьянской письменности — религиозное (переводы с итальянского); зачатки оригинальной литературы относятся к XX в.: в 1930 г. Марика Кюндина (Marika Kündina) издала первый сборник «Резьянских стихов» («Canzoni resiane»), в 1974 г. вышел сборник «Резьянские стихи» («Te rosaiansche uisize») Дорины ди Ленардо (Dorina di Lenardo). Поэзией занимаются также Джильберто Барбарино (Gilberto Barbarino), Сильвана Палетти (Silvana Paletti), Ренато Кваля (Renato Quaglia) и др.

Ie. Прекмурско-словенский

1. Русскоязычные варианты названия отсутствуют; самоназвания: словен. *prekmurščina* ʽпрекмурское наречие’, *knjižna prekmurščina* ʽлитературный прекмурский язык’, устар. (*sztári) szlovenszki jezik* ʽ(старый) словенский язык’, *vend-szlovenszki jezik* ʽвендско-словенский язык’.

2. Прекмурско-словенский связан с паннонскими диалектами словенского языка, которые обнаруживают тесные исторические связи с кайкавским диалектом хорватского языка.

У прекмурских словенцев (с XI по XVIII вв.) первым литературно-религиозным языком была кайкавщина. Благодаря ее влиянию в эпоху распространения протестантизма предпринимаются первые попытки создания прекмурско-словенского литературного языка. В XVI–XVIII вв. в его основе лежали равенский и горицкий говоры (первая прекмурская книга 1715 г. — катехизис М. Лютера, переведенный Францем Темлином — Franc Temlin), а также творчество крупнейшего евангелического писателя Штевана Кюзмича (Števan Küzmič, 1723–1779). Позже литературный прекмурско-словенский язык развивался также на основе долинского говора, в том числе и в целях создания католической литературы (крупнейшей фигурой здесь был Миклош Кюзмич — Miklóš Küzmič, 1737–1804). В XIX в. в качестве опоры для развития прекмурско-словенского литературного языка мыслился общесловенский литературный язык. После Второй мировой войны прекмурцы-католики перешли на общесловенский литературный язык; прекмурцы-евангелисты в 20-е гг. XX в. вернулись к старой венгерской графике и продолжают использовать свой старый литературный язык для узко конфессиональных целей.

Используется латиница словенского типа. Наблюдается переход на морфологический или морфолого-фонетический принцип письма.

3. Распространен в Прекмурье — северо-восточная Словения, близлежащие районы Венгрии и Австрии.

4. У прекмурских словенцев сначала развиваются религиозные жанры, затем (в последней трети XIX в.) — светские: публикуются стихи Имре Агустича (Imre Agustič), Йожефа Клекла ст. (Jožef Klekl st.) и Йожефа Баши-Мирослава (Jožef Baša Miroslav). В настоящее время выходят в основном книги религиозной тематики, издаваемые евангелической церковью Словении.

Iж. Банатско-болгарский

1. Русскоязычные варианты названия отсутствуют; самоназвания: *bâlgârsćia jezić*, *bâlgarsćia jâzić*, чаще — *bâlgàrsćijà jázić* '(банатско)-болгарский язык'; болг. *банатско-български книжовен език* 'банатско-болгарский литературный язык'.

2. Банатско-болгарский является результатом смешения (в «островной» ситуации и в условиях нового иноязычного окружения) юго-восточного и северо-западного болгарских диалектов.

Первым литературно-письменным и религиозным языком банатских болгар-католиков был так называемый иллирский (на штокавской основе, с использованием босанчицы — специфической боснийской азбуки на основе кириллицы — и итальянской латиницы; употреблялся до 1860 г.). Первую банатско-болгарскую книгу (катехизис) издал в 1851 г. Имре Берец (Imre Berecz). Работа по созданию литературного языка достигает апогея в 60-е гг. XIX в. в деятельности Йозу Рилла (Józu Rill), кодифицировавшего вместе с членами Учительского общества в Винге его нормы (под влиянием хорватского и сербского возрождения были приняты фонетический принцип письма и южнославянская латиница).

3. Распространен с первой половины XVIII в. в исторической области Банат — ныне западная часть принадлежит Румынии, восточная — Сербии; роль культурного центра играло здесь село Винга.

4. Перерыв в банатско-болгарском культурно-языковом процессе, вызванный резко усилившейся мадьяризацией, а также разделением в 1919 г. Баната между Румынией и Югославией, охватывает первую треть XX в.; с 1930 г. он возрождается, однако Вторая мировая война воспрепятствовала этому: литературный язык практически угасает, находя лишь конфессиональное применение. В настоящее время наблюдается возрождение этого литературного микроязыка.

Основные памятники банатско-болгарской литературы: катехизис, молитвенники Имре Береца, Ивана Узуна (Ivan Uzun), Андрии Клобучара (Andria Klobucsár) и др. Поэзией (в последней трети XIX в.) занимался Леопольд Косилков (Leopold Kossilkov), а также Илия Карабенчов (Ilija Karabenčov).

II. Западнославянские малые литературные языки

Западнославянскую генетическую основу имеют восточнословацкий, ляшский, а также вичский языки (общество по культивированию так называемого вичского — на основе местных польских говоров — литературного языка возникло в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в Литве).

IIа. Восточнословацкий

1. Русскоязычные варианты названия отсутствуют, словац. *východoslovenský knižný jazyk* 'восточнословацкий литературный язык'.

2. Базируется на земплинской (конфессиональный вариант литературного языка) и шаришско-спишской («мирской» вариант) разновидностях восточнословацкого диалекта.

Восточнословацкие языковые черты обнаруживаются уже в словацких памятниках XV в., с XVI в. появляются восточнословацкие в основе тексты. Кальвинисты Восточной Словакии в середине XVIII в. создали особый литературный язык на основе венгерской графики. В 1750–1758 гг. на земплинской диалектной основе были выпущены пять религиозных книг (в основном переводы с венгерского). Последняя книга «Ко всеобщей службе…» («Gu obecznej szluzsbe…») вышла в 1923 г. В середине XIX в. была предпринята попытка создать «мирской» вариант восточнословацкого литературного языка на шаришско-спишской основе (Ян Андращик (Jan Andraščik) и его «Šenk palenčeny», 1845 г.). Этим экспериментом воспользовались венгерские власти, пропагандируя «шаришский язык» и пытаясь тем самым помешать процессу национального возрождения словаков, однако безуспешно. В последние десятилетия наблюдается оживление идеи восточнословацкого литературного языка.

Восточнословацкий использует латиницу словацкого типа.

3. Восточнословацкий диалект распространен на востоке Словакии, соприкасаясь с соседними западноукраинскими (карпаторусинскими) и польскими говорами.

4. Религиозная литература восточнословацких протестантов середины XVIII в. переводная (с венгерского). Оригинальные (поэтические) произведения появляются лишь в XX в. и связаны с именем Виктора Дворчака (Viktor Dvorčák).

IIб. Ляшский

1. Русскоязычные варианты названия отсутствуют; самоназвания: *laščina, lašsky jazyk* ‘ляшский язык’; чешск. *laština* ‘ляшский язык’, польск. *język laski* ‘ляшский язык’.

2. В основу ляшского положен верхнеостравский говор силезского диалекта чешско-польского (польско-чешского) пограничного типа.

Идея ляшского литературного языка является отражением издавна существовавшей в Силезии сложной этноязыковой ситуации, заключающейся в наличии здесь смешанных чешских и польских говоров. Этноязыковая неопределенность и культурно-языковой регионализм (активное в начале XX в. творчество на силезских говорах польского и чешского типа) подготовили почву для ляшского литературного языка, созданием которого в 30-е гг. занялся поэт Ондра/Ундра Лысогорский (Óndra Łysohorsky, 1905–1989), опираясь на верхнеостравский силезский (ляшский) говор и используя элементы чешского и польского литературных языков (в том числе и особенности их графики). Его первый ляшский сборник «Поющий кулак» («Spiwajuco piasc», 1934 г.), как и последующие, был благожелательно встречен левой чешской печатью, однако резкой критике подверглась идея об особом ляшском народе. Культивированием ляшского занималось специальное общество «Lašsko perspektywa». После Второй мировой войны, отказавшись от идеи ляшского народа, О. Лысогорский остался, однако, на позициях ляшского литературного языка и продолжал писать на нем стихи. Возник лингвистический парадокс: один литературный язык — один человек.

Используется латиница чешско-польского типа.

3. Базовый говор распространен в чешской части Силезии. Чешские силезские говоры отличаются значительной дробностью. В их числе выделяются говоры смешанного чешско-польского пояса, на основе которых был создан ляшский литературный язык.

4. Ляшские стихи О. Лысогорского еще в 30-е гг. вышли в нескольких сборниках. Его единомышленниками были поэты Ян Стунавский (Jan Stunavský), Юра Ганыс (Jura Hanys), прозаик Йозеф Шиновский (Jozef Šinovský), автор ляшского романа «Терриконы в поле» («Hałdy na roli», 1945 г.). В 1958 г. в Праге вышел большой поэтический сборник О. Лысогорского «И ляшские реки текут к морю» («Aj lašske řéky płynu do mořa»). В 1988 г. вышло полное собрание произведений О. Лысогорского «Ляшская поэзия» («Lašsko poezyja 1931–1977»).

III. Восточнославянские малые литературные языки

Восточнославянскими являются карпаторусинский и западнополесский (и так называемый гал(ь)шанский, созданный в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в Литве на основе местных белорусских говоров, использующий латиницу преимущественно словацкого типа).

IIIа. Карпаторусинский

1. Варианты названия: *русинский язык*; самоназвания: в Украинском Закарпатье и в Словакии — *русиньскый язык* ‛русинский язык’, в Украинском Закарпатье также *русинська бисіда* ‛русинская речь’, в Венгрии — *русинскый язык* ‛русинский язык’, в Польше — *лемківскый язык*; существуют и другие названия.

2. Выступает в ряде вариантов; в целом его диалектная основа закарпатско-украинская, однако по мере продвижения на запад он приобретает все больше западнославянских (восточнословацко-польских) черт.

Начало письменности на Подкарпатской Руси относится к XV в. (тексты на церковнославянском языке, нередко с элементами живой речи). С принятием здесь в XVII в. греко-католичества распространение получают и тексты на народном языке (Няговское Евангелие в списках XVII–XVIII вв. и др., народная проза, деловые тексты и т. д.). Первая печатная книга появляется в 1699 г. — церковнославянский букварь Иосифа де Камелиса (с элементами местных говоров); такого же характера и «Славяно-русинская грамматика» Михаила Лучкая 1830 г. и «Русско/русинско-угорская или мадьярская грамматика» Ивана Фогорашия 1833 г. В эпоху возрождения карпаторусин (с середины XIX в.) писатель Александр Духнович (1803–1865) провозгласил основой культурного развития русский литературный язык, имевший, правда, локальную диалектную окраску. С начала XX в. этому русофильскому движению противостояло украинофильское («народовство»), ратовавшее за введение украинского литературного языка в его галицком варианте (со старой графикой, сохраняющей ѣ и т. п.). В конце 30-х гг. венгерские власти попытались ввести здесь «угрорусский язык», т. е. местный диалект. После Второй мировой войны в Закарпатской Украине введен украинский литературный язык, сменивший также на территории Пряшевщины некоторое время функционировавший там русский литературный язык. В конце 80-х — 90-е гг. XX в. в Подкарпатской Руси и в регионах сопредельных стран возникают

движения за возрождение этнического имени «русины» и утверждение своей речи в качестве литературного языка. Создаются общества, организуется печать, в 1995 г. в Братиславе проводится кодификация «пряшевского» варианта карпаторусинского литературного языка. Карпаторусинский США и Канады, выступающий в различных вариантах и использующий наряду с кириллицей латиницу южно- и западнославянского типа (ныне употребляется преимущественно последняя), постепенно затухает. В карпаторусинском Словакии, Украины, Польши и Венгрии используется кириллическое письмо. В карпаторусинском Восточной Словакии наблюдались попытки применить также и латиницу словацкого типа.

3. Карпаторусинский распространен частью в славянском (историческая область Подкарпатской Руси, включающей Украинское Закарпатье, северо-восточные районы Восточной Словакии — так называемая Пряшевщина и прилегающие к Словакии юго-восточные районы Польши — Лемковщина), а частью — в неславянских ареалах (в виде островов в северных районах Венгрии, частью также в Румынии). Экспортированный с 80-х гг. XIX в. в США (в северо-восточные и северные штаты, в основном в Пенсильванию, Нью-Йорк, частично также Коннектикут, Нью-Джерси), карпаторусинский находится здесь в английском языковом окружении. Позднее часть русинских переселенцев осела в Канаде. Статистические данные о количестве носителей карпаторусинского, в том числе и «американского карпаторусинского», весьма противоречивы.

4. Литературное творчество на карпаторусинском достаточно интенсивно развивалось во второй половине XIX в. (А. Духнович, А. Павлович и др.). Возрождение литературных традиций приходится на конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. (Закарпатская Украина, Восточная Словакия, Польша, Венгрия). Развиваются поэзия и проза; появился первый роман «Русины» («Rusȳnȳ»), написанный Василем Петроваем. В США и Канаде литературно-художественная традиция сохраняется, однако развита она относительно слабо.

По-карпаторусински выходили или выходят издания в Украинском Закарпатье: «Подкарпатская Русь» («Подкарпатська Русь»), «Русинская речь» («Русинська бисіда», с 1997 г.); в Восточной Словакии — «Народная газета» («Народны новинкы», с 1990 г.) и журнал «Русин» («Русин», с 1990 г.); в Польше — «Речь» («Бисіда»); в Венгрии — «Русинская жизнь» («Русинскый жывот», с 1993 г.) и др.

IIIб. Западнополесский

1. Варианты названия: *ятвяжский*; самоназвания: *заходышнополіська лытырацька волода* ʻзападнополесский литературный языкʼ, *поліська волода* ʻполесский языкʼ, *русынсько-поліська волода* ʻрусинско-полесский языкʼ, *jітвjежа волода* ʻятвяжский языкʼ.

2. Западнополесский базируется на одноименном диалекте (называемом также загородским), в генетическом отношении синтезирующем в себе черты белорусского и украинского типа.

3. Статистические данные о числе носителей западнополесского языка противоречивы.

4. Формирование западнополесского литературного микроязыка началось в 80-е гг. XX в. благодаря усилиям филолога и поэта Николая Шеляговича (Мыко-

ла Шыляговыч). Редкие примеры нерегулярного письменного применения местных говоров отмечены в Полесье уже в XVI и XVII вв. В XIX в. по-полесски пишет стихи Франц Савыч, позднее Мыкола Янчук. В 1907 г. появился первый печатный полесский букварь. В Белоруссии существует общество «Полесье» («Поліссе») и издается специальный бюллетень.

В западнополесском используется кириллица белорусского типа, наблюдались попытки применить также и латиницу славянского типа.

IV. Югославорусинский литературный язык

1. Варианты названия: *русинский*, *южнорусинский*; самоназвания: *руски язик* ‘русинский язык’, а также *руска бешеда* ‘русинская речь’, *бачван*(*ь*)*ско-руски язик* ‘бачско-русинский язык’ и др.

2. Генетическая основа югославорусинского языка до конца пока не выяснена: имеются мнения о ее закарпатскоукраинском и восточнословацком происхождении. В последнее время находит признание мнение о смешанном характере этого языка как результате совершавшейся, но не законченной языковой смены (развитие от закарпатско-украинской основы в направлении восточнословацкой).

До создания собственного литературного языка югославские русины пользовались в письменности церковнославянским (в его восточнославянском, а также, вероятно, бачско-русинском изводе) и угрорусским (так называемое «язычие», представлявшее смесь русско-церковнославянских элементов с карпаторусинскими), а также сербохорватским, венгерским и немецким языками; с середины XVIII в. в рукописном употреблении был и народный язык. Основоположником югославорусинского литературного языка явился поэт Гавриил Костельник (Гавриїл Костельник, 1886–1948), издавший в 1904 г. первую русинскую поэтическую книгу «Из моего села» («З мойого валала»), а в 1923 г. — первую грамматику. С 20-х гг. XX в. русинский культурно-языковой процесс носит организованный и массовый характер.

Югославорусинский язык достаточно строго нормирован, хотя в нем наблюдается вариантность: дат. п., местн. п. ед. ч. *псови* — *псу* ‘собаке’, местн. п. *о живоце* — *о животу* ‘о жизни’; представлены также существительные, колеблющиеся между мужским и женским родом типа *систем* — *система* ‘система’, а также колеблющиеся между мужским и женским склонением типа *поет* — *поета* ‘поэт’ и т. п.

3. С первой половины XVIII в. распространен в исторических областях Бачка, а позже Срем и Славония — ныне Сербия и Хорватия; культурные центры — Руски-Крстур и Нови-Сад.

4. Основоположник русинской литературы — Г. Костельник, в одно время с которым работали Митро Надь, Матфей Винай, Янко Фейса, в послевоенные годы — Михал Ковач, Дюра Папгаргаи (Папгаргаї), Микола Кочиш, Мирослав Стрибер, Ангела Прокоп, Юлиян Тамаш, Наталия Дудаш и др. В 1967 г. издан первый русинский роман «Земля моя» («Жеми моя») Владимира Костельника, затем появляются романы Йовгена Кочиша, Владимира Кирды, Михала Ковача и др. В области русинской литературы к настоящему времени работает более 50 писателей.

На югославорусинском выходят газета «Русинское слово» («Руске слово», с 1945 г.); журналы: для школьников «Пионерский садик», ныне «Садик» («Пионирска заградка»/«Заградка», с 1947 г.), литературный «Сияние» («Шветлосц», 1952–1954 гг., с 1966 г. непрерывно), «Новая мысль» («Нова думка», с 1972 г.), молодежный «Мак» (с 1972 г.), научный «Творчество» («Творчосц», ныне «Studia ruthenica», с 1975 г.); ежегодник «Народный календарь», ныне «Русинский календарь» («Народни календар»/«Руски календар», с 1945 г.) и др.

У югославских русин, помимо специальных школ и классов, с 1973 г. родной язык преподается в Новосадском университете. Велика роль культурно-просветительных и других обществ.

ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

Дуличенко А. Д. Языки малых этнических групп: функциональный статус и проблемы развития словаря (на славянском материале) // Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen. Tübingen, 1999.

Duličenko A. D. Kleinschriftsprachen in der slawischen Sprachenwelt // Zeitschrift für Slawistik, 1994, Bd. 39.

Градищанско-хорватский:

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. II. Градищанско-хорватский литературный язык в Австрии // Проблемы внутриструктурного и функционального описания языка: Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1980, вып. 524.

Berlaković M. Hrvatska gramatika. Grosspetersdorf, 1995.

Gradišćanski Hrvati. Zagreb, 1973.

Hadrovics L. Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974.

Meršić M. ml. Znameniti i zaslužni Gradišćanski Hrvati. Rijeka, 1972.

Miloradić M. Slovnica hervatskoga jezika. Györ, 1919.

Молизско-славянский:

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. I. Попытки молизско-славянского литературного языка в Италии // Проблемы описания системы языка и ее функционирования: Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1979, вып. 486.

Vidov B. Gramatika ikavsko-štokavskoga govora molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji. Grottaferrata, 1968 [2-е изд.: Toronto, 1974].

Vidov B. Vocabulario in dialetto delle localita dell' isola linguistica croata nel Molise. Toronto, 1972.

Чакавский:

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. III. Чакавский литературный язык. Часть I: до XVI в. // Проблемы внутриструктурного и функционального описания языка: Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1980, вып. 524.

Cassius B. (*Kašić B.*) Institutionum linguae illyricae. Romae, MDCIII [1604] [переизд.: Köln, 1978].

Hraste M. Čakavski književni jezik // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960, sv. IV.

Moguš M. Čakavsko narječje. Zagreb, 1978.

Кайкавский:

Лукьяненко А. М. Кайкавское наречие. Киев, 1905.

Kriztianovich I. Grammatik der kroatischen Mundart. Agram, 1837.

Lončarić M. Kaj — jučer i danas. Čakovec, 1990.

Šojat A. Kratki navuk jezičnice horvatske. (Jezik stare kajkavske književnosti) // Kaj, 1969, god. II, № 3–4, 5, 7–8, 10, 12; 1970, god. III, № 3–4, 10; 1971, god. IV, № 10, 11.

Резьянский:

Бодуэн де Куртенэ И. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; СПб., 1875.

Бодуэн де Куртенэ И. Резьянский катехизис, как приложение к «Опыту...». Варшава; СПб., 1875.

Duličenko A.D. Das Resianische // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 1998.

Fundamenti per una grammatica pratica resiana. Padova, 1993.

Matičetov M. Scritti resiani // Ricerche slavistiche, 1968, vol. XII.

Matičetov M. Pred izbiro pisave za rezijanščino // Jadranski koledar 1981. Trst, 1980.

Steenwijk H. Ortografia resiana. Padova, 1994.

Прекмурско-словенский:

Novak V. Izbor prekmurskega slovstva. Ljubljana, 1976.

Orožen M. Prekmurski knjižni jezik // XXV seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1989.

Študije o jeziku in slovstvu. Murska Sobota, 1974.

Банатско-болгарский:

Милетич Л. Книжнината и езикът на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900, кн. XVI и XVII.

Duličenko A. D. Das Banater-Bulgarische // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 1998.

Rill J. Bâlgàrskutu právupísanji. U Péštà, 1866.

Velčov L. Manen madžársći-bâlgarsći rêčnić... Szeged, 1896.

Восточнословацкий:

Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I. Východoslovenské nárečie. Turč. sv. Martin, 1906.

Ляшский:

Дуличенко А. Д. Литературная ляштина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. М., 1993.

Bělič J. A propos du problème de la nation et de la langue lachique // Philologica Pragensia, 1967, t. 2.

Knop A., Lamprecht A., Pallas L. Dějiny českého jazyka ve Slezsku a na Ostravsku. Ostrava, 1967.

Pallas L. Jazyková otázka a podmínky vytvaření národního vědomí ve Slezsku. Ostrava, 1970.

Карпаторусинский:

Горощак Я. Перший лемківско-польскій словник // Pierwszy słownik łemkowsko-polski. Legnica, 1993.

Панькевич І. Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII–XVIII вв. // Slavia, 1958, roč. XXVII, seš. 2.

Панько Ю. і кол. Орфографічный словник русиньского языка. Пряшів, 1994.

Фонтаньскій Г., Хомяк М. Ґраматыка лемківского языка. Katowice, 2000.

Хомяк М. Ґраматыка лемківского языка. Legnica, 1992.

Штець М. Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918). Братіслава, 1969.

Штець М. Українська мова в Словаччині. Prešov, 1996.

Ябур В., Панько Ю. Правила русиньского правопису. Пряшів, 1994.

Bidwell Ch. E. The Language of Carpatho-Ruthenian publications in America. Pittsburgh, 1971.

Duličenko A. D. Carpatho-Rusyn in the context of regional literary languages of the contemporary Slavic world // A New Slavic language is born. The Rusyn literary language of Slovakia. New York, 1996.

Duličenko A. D. Das Russinische // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 1998.

Gerovskij G. Jazyk Podkarpatské Rusi // Československá vlastivěda. Díl III. Praha, 1934.

A New Slavic Language is Born. The Rusyn literary language of Slovakia / Ed. P. R. Magocsi. New York, 1996.

Tichý F. Vývoj současného jazyka na Podkarpatské Rusi. Praha, 1938.

Западнополесский:

Горбачук В. Т. О некоторых проблемах формирования полешуцкого литературного языка // Jітвјежа (поліська) штудіjно-прахтыцька конфырэнция: Тэзы проказэj (13–14 априля 1990 р.). Пынськ, 1990.

Jітвјежа (заходышнополіська) штудіjно-прахтыцька конфырэнция: Матырjелы (13–14 априля 1990 р.). Пынськ, 1990.

Клімчук Ф. Д. Некаторыя моўныя праблемы Палесся // Jітвјежа (поліська) штудіjно-прахтыцька конфырэнция: Тэзы проказэj (13–14 априля 1990 р.). Пынськ, 1990.

Клімчук Ф. Д. Некаторыя асаблівасьці этнанацыянальнай самасьвядомасьці заходніх палешукоў // Форум, 1996, №2.

Толстой Н. И. Новый славянский литературный микроязык? // Избранные труды. М., 1998, т. II. Славянская литературно-языковая ситуация.

Шыляговыч М. Прынцыпы зложиння јітвјежиј (поліськиј) лытырацькиј мовы // Јітвјежа (поліська) штудіјно-прахтыцька конфырэнцыя: Тэзы проказэј (13–14 априля 1990 р.). Пынськ, 1990.

Duličenko A. D. The West Polesian literary language // Language, minority, migration. Uppsala, 1995.

Югославорусинский:

Дуличенко А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии // Советское славяноведение, 1972, № 3.

Дуличенко А. Д. Jugoslavo-ruthenica. Роботи з рускей филолоґиї. Нови Сад, 1995.

Дуличенко А. Д. Язык русин Сербии и Хорватии (югославорусинский язык) // Основы балканского языкознания. Славянские языки. СПб., 1998, ч. 2.

Костельник Г. Граматика бачваньско-рускей бешеди. Ср. Карловци, 1923.

Кочиш М. М. Правопис руского язика. Нови Сад, 1971.

Кочиш М. М. Приручни терминолошки речник српскохрватско-русинско-украјински. Нови Сад, 1972.

Кочиш М. М. Ґраматика руского язика. 1. Фонетика. Морфолоґия. Лексика. Нови Сад, 1974.

Сербско-руски словнїк. Нови Сад; Београд, 1995–1997, т. I–II.

Тамаш J. Русинска књижевност. Историја и статус. Нови Сад, 1984.

Тамаш Ю. История рускей литератури. Београд, 1997.

Duličenko A. D. Die Entwicklung des literarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien // Lětopis. Reihe B (Geschichte), 1974, № 21/1.

Duličenko A. D. Das Russinische // Einführung in die slavischen Sprachen. Darmstadt, 1998.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения названий языков и диалектов

англ. — английский язык
бел. — белорусский язык
болг. — болгарский язык
в.-луж. — верхнелужицкий язык
вост.-мак. — восточномакедонские диалекты
вульг. лат. — вульгарная латынь
греч. — греческий язык
др.-болг. — древнеболгарский язык
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий язык
др.-рус. — древнерусский язык
др.-чеш. — древнечешский язык
зап.-мак. — западномакедонские диалекты
итал. — итальянский язык
кайк. — кайкавский диалект
кашуб. — кашубский язык
лат. — латинский язык
литов. — литовский язык
макед. — македонский язык
н.-в.-нем. — нововерхненемецкий язык
н.-луж. — нижнелужицкий язык
н.-нем. — нижненемецкий диалект
нем. — немецкий язык
польск. — польский язык
праслав. — праславянский язык
рус. — русский язык
с.-х. — сербохорватский язык
серб. — сербский язык
словац. — словацкий язык
словен. — словенский язык
ср.-в.-нем. — средневерхненемецкие диалекты
ср.-словац. — среднесловацкие диалекты
ст.-слав. — старославянский язык
ст.-укр. — староукраинский язык
ст.-фриул. — старофриульский язык
тур. — турецкий язык
укр. — украинский язык
фин. — финский язык
фр. — французский язык
фриул. — фриульский язык
хорв. — хорватский язык
чак. — чакавский диалект
чеш. — чешский язык
шток. — штокавский диалект

Сокращения терминов и помет при языковых примерах

букв[ально]
вид
    несов[ершенный]
    сов[ершенный]
вр[емя]
    буд[ущее]
    наст[оящее]
    прош[едшее]
вспом[огательный]
гл[ухая фонема]
дееприч[астие]
диал[ектная форма]
зв[онкая фонема]
инф[инитив]
книжн[ое]
лит[ературная форма]
л[ицо]
личн[ое]
лично-муж[ское]
мяг[кая фонема]
накл[онение]
    повел[ительное]
неличн[ое]
нелично-муж[ское]
неодуш[евленное]
неопред[еленное]
неперех[одный]
общ[ая]
одуш[евленное]
опред[еленное]
орф[ографически]
п[адеж]
    вин[ительный]
    дат[ельный]

зват[ельный]
им[енительный]
местн[ый]
предл[ожный]
род[ительный]
твор[ительный]
перех[одный]
поэт[ическое]
прил[агательное]
прич[астие]
страдат[ельное]
разг[оворное]
р[од]
ж[енский]
м[ужской]
ср[едний]
собир[ательное]
совр[еменный]
спец[иальное]
спр[яжение]
суф[фикс]
сущ[ествительное]
тв[ердая фонема]
уменьш[ительное]
устар[евшее]
ч[исло]
дв[ойственное]
ед[инственное]
мн[ожественное]

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ *

Условные обозначения:

- **полужирным** шрифтом выделены лингвонимы, которым соответствуют отдельные статьи в данном томе;
- знак равенства (=) обозначает синонимию наименований или иноязычные соответствия;
- знак ⇒ указывает на таксон следующего уровня (гипероним), куда генетически входит данный идиом;
- если основная или значительная часть информации находится в статье, описывающей другое генетическое единство, название этой статьи приводится после обозначения «*см.*»;
- через косую черту (/) перечисляются гиперонимы для идиомов, которые носят промежуточный, смешанный или переходный характер;
- через точку с запятой (;) перечисляются соответствующие гиперонимы или эквиваленты для лингвонимов, которые соответствют нескольким идиомам;
- *курсивом* даются отсылки к языкам для многозначных лингвонимов.

* Составитель Ю. Б. Коряков.

Славянские языки
Славянский язык = **старославянский и церковнославянский язык**
Славянщина (устар.) = церковнославянский язык
Сливенско-ямболско-старозагорский говор = подбалканский говор
Слобожанские говоры ⇒ юго-восточное наречие *украинского языка*
Словацкие говоры = **словацкий язык**
Словацкий язык ⇒ чешско-словацкая подгруппа
Словенские областные языки ⇒ **словенский язык**
Словенские региональные языки = словенские областные языки
Словенский литературно-письменный язык = словенский литературный язык
Словенский литературный язык ⇒ **словенский язык**
Словенский наддиалектный общеразговорный язык ⇒ словенский литературный язык
Словенский разговорный язык ⇒ **словенский язык**
Словенский стандартный литературный язык = словенский литературный язык
Словенский язык (устар.) = кайкавский литературный микроязык; **старославянский и церковнославянский язык**
Словенский язык ⇒ сербохорватско-словенская подгруппа
Словѣньскъ ѩзыкъ (самоназвание) = старославянский язык
Словинский диалект ⇒ севернокашубский массив
Словинский язык (устар.) = кайкавский литературный микроязык; **словенский язык**
Слуцко-мозырская группа говоров ⇒ юго-западный диалект *белорусского языка*
Смедерево-вршачские говоры ⇒ косовско-ресавский подкласс
Смешанные говоры *польского языка* ⇒ **польский язык**
Смоленский диалект ⇒ центральная диалектная зона *древнерусского языка*; *см.* **русский язык**
Смолянский говор ⇒ родопские говоры
Собственно гореньский диалект ⇒ гореньская зона
Собственно доленьский диалект ⇒ доленьская зона
Собственно нижнелужицкие диалекты = нижнелужицкий язык
Собственно северные говоры ⇒ севернокашубский массив
Собственно чешские диалекты ⇒ **чешский язык**
Собственно южные говоры ⇒ севернокашубский массив
Солунский диалект ⇒ солунско-воденские говоры
Солунско-воденские говоры ⇒ восточная диалектная группа *македонского языка*
Солчавский диалект ⇒ штирийская зона
Сотацкие диалекты ⇒ восточнословацкая диалектная группа
Софийский говор ⇒ юго-западные говоры *болгарского языка*
Спиша и Оравы районов говоры ⇒ малопольские диалекты
Спишские диалекты ⇒ восточнословацкая диалектная группа
Среднебелорусские говоры ⇒ **белорусский язык**
Среднеболгарский период (XII–XIV вв.) ⇒ **болгарский язык**
Среднегемерские диалекты ⇒ среднесловацкая диалектная группа
Среднезакарпатские говоры = закарпатские говоры
Среднекашубские говоры ⇒ **кашубский язык**
Среднеокские говоры ⇒ **древнерусский язык**
Среднеподнепровские говоры = среднеприднепровские говоры
Среднепольский период (начало XVI — середина XVIII в.) ⇒ **польский язык**
Среднеприднепровские говоры ⇒ юго-восточное наречие *украинского языка*
Среднерусские говоры ⇒ **русский язык**
Среднесавиньский диалект ⇒ штирийская зона
Среднесловацкая диалектная группа ⇒ **словацкий язык**
Среднесловацкий культурный интердиалект ⇒ словацкие говоры / чешский литературный язык
Среднечешские диалекты = центральные диалекты чешского языка

Humanistická čeština (чеш.) = гуманистический чешский язык

Jітвјежа волода (самоназвание) = западнополесский литературный микроязык

Kajkavian (англ.) = кайкавский литературный микроязык; кайкавский диалект

Kajkavski književni jezik (самоназвание) = кайкавский литературный микроязык

Kaßubisch (нем.) = **кашубский язык**

Kaszubski język (польск.) = **кашубский язык**

Kaszubszczyzna (польск.) = **кашубский язык**

Kaszëbizna (самоназвание) = **кашубский язык**

Kaszëbsczi jãzëk (самоназвание) = **кашубский язык**

Kirchenslavisch (нем.) = церковнославянский язык

Književna čakavština (самоназвание) = чакавский литературный микроязык

Književna kajkavština (самоназвание) = кайкавский литературный микроязык

Knjižna prekmurščina (словен.) = прекмурско-словенский литературный микроязык

Kroatisch-serbisch (нем.) = **сербохорватский язык**

Lachian (англ.) = ляшский литературный микроязык

Lachique (фр.) = ляшский литературный микроязык

Laščina (самоназвание) = ляшский литературный микроязык

Laski język (польск.) = ляшский литературный микроязык

Lašsky jazyk (самоназвание) = ляшский литературный микроязык

Laština (чеш.) = ляшский литературный микроязык

Lausitzisch (нем.) = **серболужицкий язык**

Lechian (англ.) = ляшский литературный микроязык

Lemkian (англ.) = лемковский литературный микроязык; лемковские говоры

Lower Sorbian (англ.) = нижнелужицкий язык

Lusatian (англ.) = **серболужицкий язык**

Macedonian (англ.) = **македонский язык**

Macédonien (фр.) = **македонский язык**

Makedonisch (нем.) = **македонский язык**

Molisan Croatian (англ.) = молизско-славянский литературный микроязык

Molise Croatian (англ.) = молизско-славянский литературный микроязык

Moliški hrvatski jezik (хорв.) = молизско-славянский литературный микроязык

Molizansko-hrvatski jezik (хорв.) = молизско-славянский литературный микроязык

Naš jezik (самоназвание) = молизско-славянский литературный микроязык

Niedersorbisch (нем.) = нижнелужицкий язык

Nová čeština (чеш.) = новочешский период

Obecná čeština (чеш.) = народно-обиходный чешский язык

Obersorbisch (нем.) = верхнелужицкий язык

Obrozenská čeština (середина XVIII–XIX вв.) (чеш.) ⇒ новочешский период

Old Church Slavonic (англ.) = старославянский язык

Old Russian (англ.) = **древнерусский язык**

Palaeoslavica (лат.) = старославянский язык

Paleoslavo (итал.) = старославянский язык

Pokrajinski pogovorni jeziki (словен.) = словенские областные языки

Polabe (фр.) = **полабский язык**

Polabian (англ.) = **полабский язык**

Polabisch (нем.) = **полабский язык**

Polish (англ.) = **польский язык**

Polnisch (нем.) = **польский язык**

Polonais (фр.) = **польский язык**

Polski język (самоназвание) = **польский язык**

Polszczyzna = **польский язык**

Pomorski język (польск.) = **кашубский язык**

ОБЗОР СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ
ПО СТРАНАМ СО ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ СЛАВЯНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ *

Ниже приводится список стран, которые упоминаются в п. 1.1.3. (схемы II) в статьях данного тома в связи с численностью говорящих на славянских языках. Для каждой страны указывается год последней переписи населения, далее (в скобках) общее население данной страны по указанной переписи, а также перечисляются наиболее близкие к этноязыковой проблематике вопросы, которые задавались в данной переписи.

Австралия: перепись 2001 г. (45 386 тыс. чел.); язык общения дома.

Австрия: перепись 2001 г. (8 033 тыс. чел.); обиходно-разговорный язык (Umgangssprache).

Албания: перепись 2001 г. (3 087 тыс. чел.); не было вопроса о национальности или языке.

Белоруссия: перепись 1999 г. (10 045 тыс. чел.); родной язык; язык общения дома; национальность.

Болгария: перепись 2001 г. (7 929 тыс. чел.); родной язык; национальность.

Босния и Герцеговина: оценка ООН 2003 г. (3 989 тыс. чел.); национальность.

Венгрия: перепись 2001 г. (10 139 тыс. чел.); родной язык; язык, на котором говорят с семьей и друзьями; национальность.

Германия: переписи не проводится; приводятся оценки 2002 г.

Греция: перепись 2001 г. (10 964 тыс. чел.); не было вопроса о национальности или языке.

Италия: перепись 2002 г. (56 306 тыс. чел.); не было вопроса о национальности или языке.

Казахстан: перепись 1999 г. (14953 тыс. чел.); национальность.

Канада: перепись 2001 г. (29 639 тыс. чел.); язык общения дома; этническое происхождение.

Киргизия: перепись 1999 г. (4823 тыс. чел.); национальность.

Латвия: перепись 2000 г. (2377 тыс. чел.); родной язык (native language); национальность.

Литва: перепись 2001 г. (3484 тыс. чел.); национальность.

Македония: 2002 г. (2023 тыс. чел.); национальность.

Молдавия: перепись 1989 г. (4 335 тыс. чел.); родной язык; национальность.

Польша: перепись 2002 г. (38 230 тыс. чел.); язык общения дома (только для польского); национальность.

Россия: перепись 2002 г. (145 164 тыс. чел.); владение языками; национальность.

---

* Составитель Ю. Б. Коряков.

Румыния: перепись 2002 г. (21 681 тыс. чел.); родной язык; национальность.
Сербия и Черногория:
- **Сербия**: перепись 2002 г. (7 498 тыс. чел.); национальность.
- **Черногория**: перепись 2003 г. (673 тыс. чел.); национальность.
- **Косово**: оценка ООН 2002 г. (1700 тыс. чел.); национальность.

Словакия: перепись 2001 г. (5379 тыс. чел.); родной язык; национальность.
Словения: перепись 2002 г. (1964 тыс. чел.); родной язык.
США: перепись 2000 г. (281 422 тыс. чел.); язык общения дома.
Узбекистан: перепись 1998 г. (25500 тыс. чел.); национальность.
Украина: перепись 2001 г. (48 241 тыс. чел.); родной язык; национальность.
Хорватия: перепись 2001 г. (4437 тыс. чел.); родной язык.
Чехия: перепись 2001 г. (10 230 тыс. чел.); национальность.
Эстония: перепись 2000 г. (1370 тыс. чел.); родной язык; национальность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТИПОВЫЕ СХЕМЫ СТАТЕЙ

I. Статья о семье языков, группе языков, группе диалектов

1. Название
2. Локализация и основные представители
3. Ориентировочное число говорящих
4. Принципы и варианты генетической классификации
5. Хронология разделения — для крупных языковых семей
6. Типичные фонетико-грамматические характеристики

II. Статья о языке

1.1.0. Общие сведения
1.1.1. варианты названия
1.1.2. генеалогические сведения
1.1.3. распространение; число говорящих
1.2.0. Лингвогеографические сведения
1.2.1. общий диалектный состав
1.3.0. Социолингвистические сведения
1.3.1. коммуникативно-функциональный статус и ранг языка
1.3.2. степень стандартизации
1.3.3. учебно-педагогический статус
1.4.0. Тип письменности
1.5.0. Краткая периодизация истории языка
1.6.0. Внутриструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами
2.0.0. Лингвистическая характеристика
2.1.0. Фонологические сведения
2.1.1. фонемный состав
2.1.2. просодический состав
2.1.3. позиционная реализация фонем и просодем
2.1.4. слог; наличие и статус долготных противопоставлений
2.2.0. Морфонологические сведения
2.2.1. фонологическая структура морфемы и/или слова; соотношение слога и морфемы
2.2.2. наличие фонологических противопоставлений морфологических единиц и категорий
2.2.3. типы чередований
2.3.0. Семантико-грамматические сведения
2.3.1. критерии выделения частей речи; категориальные способы выражения универсальных значений (общая характеристика)
2.3.2. характер и способ выражения качественных именных классификаций
2.3.3. категория числа и способы ее выражения
2.3.4. падежные значения и их выражение; характер категорий принадлежности и их выражение
2.3.5. характер и способ выражения качественных глагольных классификаций: залоговые, видовые или видо-временны́е значения, наклонения, переходность, породы, версии
2.3.6. дейктические категории и способы их выражения: категория лица в имени и в глаголе, категория неопределенности/определенности в имени, категория времени в глаголе или

в предложении, указание и пространственная ориентация, анафорические средства; выражение отрицания

2.3.7. семантико-грамматические разряды слов

2.4.0. Образцы парадигм

2.5.0. Морфосинтаксические сведения

2.5.1. типичная структура словоформы (для языков с развитой морфологией); тенденция к суффиксации и инфиксации; морфологически аномальные разряды слов

2.5.2. основные способы и правила словообразования

2.5.3. типичная структура простого предложения (или его эквивалента — для языков с нерасчлененной синтаксической структурой) и способы выражения субъектно-объектных отношений; синтаксические позиции; разновидности простого предложения

2.5.4. основные правила построения сложных предложений; характерные типы сложных предложений; основные закономерности порядка слов

2.6.0. Источник, объем и роль лексических заимствований

2.7.0. Диалектная система

III. Статья о диалекте

1. Название языка
2. Позиция в диалектной группе (отношение к литературному/стандартному языку, особенности лингвистической характеристики)
3. Распространение, по возможности — число говорящих
4. Функциональная нагрузка

IV. Статья об отдельном языке объемом менее 0,5 а.л.

1.0. Название

2.0. Локализация (для мертвых языков — время существования)

3.0. Генетическая принадлежность

4.0. Характер памятников; тип письменности

5.0.0. Лингвистическая характеристика

5.1.0. Фонологические сведения (включая сведения об ударении, тоне и т. д.)

5.1.1. слог

5.1.2. типы чередований

5.2.0. Морфология

5.2.1. морфологический тип языка (агглютинативный, флективный и т. д.)

5.2.2. состав и характер морфологических категорий; способы их выражения

5.2.3. основные способы словообразования

5.3.0. Синтаксис

5.3.1. структура простого предложения (его эквивалента)

5.3.2. характерные типы сложного предложения

5.4.0. Генетическая и ареальная характеристика лексики

6.0. Сведения о диалектах

КАРТЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ниже, а также на форзацах, представлены следующие карты, иллюстрирующие распространение славянских языков: общая карта славянских языков в Европе, карты балкано-славянских, сербохорватского, словенского, чешского и словацкого, серболужицого, польского, русского и белорусского, украинского языков, а также карта славянских языков в конце IX в. (время проповеди св. Кирилла и Мефодия) и карта славянских языков Восточной Европы в конце IX — начале X в.

На картах показаны ареалы традиционного распространения говоров, которые зачастую сохраняются лишь у лиц старшего поколения. Данные говоры объединены в языки по генетическому признаку, а не по этническому самосознанию или использованию того или иного литературного языка (например, в российских областях, прилегающих к Белоруссии, или в Западном Полесье). Однако в тех случаях, когда традиционная картина распространения говоров была нарушена насильственным переселениями (преимущественно после Второй мировой войны), на картах показан языковой тип, используемый современным населением и как правило не связанный с традиционными говорами (например, во многих частях Польши, откуда были выселены немцы и украинцы, в том числе русины).

Территории со смешанным населением показаны двойной заливкой, а территории, где определенный язык распространен преимущественно в качестве второго, обозначены вертикальной штриховкой. В тех случаях, когда диалектный континуум недостаточно четко разделяется на ареалы, автор счел возможным прибегнуть к изображению типологически важных изоглосс (например, на карте серболужицкого языка). Территория распространения русского языка показана не полностью, а лишь в пределах традиционного ареала, где возможно проведение диалектных границ, хотя и несколько шире, чем это принято на русских диалектных картах.

Карты являются самостоятельным разделом данного издания и в интерпретации некоторых явлений не всегда совпадают с текстом статей. Диалектные и языковые границы на картах по возможности приведены в соответствие со статьями тома, хотя имеются и некоторые расхождения.

В процессе работы над картами помимо статей тома были использованы отечественные и зарубежные исторические карты и следующая литература:

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М., 1994.

Атлас народов мира. М., 1964.

Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994.

Беларусы: Атлас. Мінск, 1996.

Бернщайн С. Б., Чешко Е. В., Зеленина Э. И. Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958.

Блінава Э., Мяцельская Е. Беларуская дыялекталогія. Мінск, 1980.

Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1998, т. I; 1999, т. II–III.

Дијалектолошка карта српскохрватског подручја // *П. Ивић*. Српски народ и његов језик. Београд, 1986.

Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. Vilnius, 1996.

Иллюстрированная хронология истории Беларуси: С древности и до наших дней. Минск, 1998.

Із історії українскої державності // Оглядовая мапа Украïны. Киïв, 1994.

Jітвјежа (поліська) штудіjно-прахтыцька конфырэнция: Тэзы проказэj (13–14 априля 1990 р.). Пынськ, 1990.

Народы зарубежной Европы. М., 1964, т. I.

Русская диалектология. М., 1989.

Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.

Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М., 1990.

Ширяев Е.Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.

Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах. Международная научная конференция, СПб., 11–12 июня 2004 г. Тезисы докладов. СПб., 2004.

Bòrzëszkòwsczi J., Mòrdawsczi J., Tréder J. Historia, geògrafia, jãzëk i pismienizna Kaszëbów. Gduńsk, 1999.

Carte ethnographique de la Macédoine, d'aprés le Dr. Cvijić. Paris, 1909 // *Wilkinson H. R.* Maps and Politics, A Review of the Ethnographic Cartography of Macedonia. Liverpool, 1951.

Comrie B., Corbett G. G. (eds.). The Slavonic languages. L.; N. Y., 1993.

Ethnic Structure of the population of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRY) (according to settlements). According to the population census on 31.03.1981. Belgrade, 1992.

Ethnographische Landkarte der Bukowina nach der Volkszälung von 1910 von I. Nistor. Bucureşti, s. a.

Final results of the census 2002. Population by national or ethnic groups, gender and age groups in the Republic of Serbia, by municipalities // Communication. No. 295 • Issue LII, December 24, 2002 .

Karta slovenskih narečij. Ljubljana, 1986.

Lehr-Spławiński T., Stieber Z. Gramatyka historyczna języka czeskiego. Warszawa, 1957, cz. I.

Magocsi P. R. Carpato-Rusyns. S. l., 1997.

National minorities in FR Yugoslavia. Belgrade, 2001.

Nitsch K. Dialekty języka polskiego. 3. wyd. Wrocław, 1957.

Ramovš F. Karta slovenskih narečij v priročni izdaji. Ljubljana, 1957.

Ю. Б. Коряков

Институт языкознания РАН
и издательство «Academia»
готовят к изданию книгу:

«Языки мира: Балтийские языки»

В книге будут подробно описаны все балтийские языки — как живые, так и мертвые, — а также балтийская группа языков в целом. В числе авторов статей — крупнейшие специалисты из России и Латвии. Каждая статья следует типологически ориентированной схеме энциклопедии «Языки мира», что обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. Описание языка включает сведения о его структурных особенностях на уровне фонологии, морфологии, синтаксиса, а также о социолингвистическом статусе, истории, письменности, диалектном членении и лексическом составе. Немаловажно включение в данный том статьи о латгальском языке, статус которого до сих пор не был четко определен, и только исследования последних лет позволяют выделить его как объект самостоятельного научного описания. Одним из достоинств представляемого описания является отражение новейших исследований в мировой балтистике, которые мало известны в России. Описание балтийских языков в данном томе стремилось также охватить весь спектр основных гипотез и мнений по поводу спорных вопросов балтийского языкознания, которых до сих пор остается немало. В то же время большое внимание уделяется типологическому описанию, необходимому для сопоставления с другими языками, что является пока наименее разработанной областью балтистики. Издание тома о балтийских языках очень важно для индоевропейского языкознания, так как архаичный балтийский материал необходим для специалистов по сравнительно-историческому языкознанию. В новом, ареальном аспекте представлены балто-славянские языковые отношения, начиная с глубокой древности и вплоть до современных языковых контактов.

Институт языкознания РАН
и издательство «Academia»
готовят к изданию книгу:

«Языки мира: Семитские языки»

В книге будут представлены описания древних (мертвых) и живых семитских языков, выполненные с позиций типологического подхода к изучению естественных языков. Это первый в мировой лингвистике опыт типологического сопоставления семитских языков в формате монографического исследования, поскольку традиционно семитские языки, к которым относится значительная часть древнеписьменных языков, изучаются в сравнительно-историческом аспекте. В числе авторов статей — крупнейшие отечественные и зарубежные специалисты. Каждая статья следует типологически ориентированной схеме энциклопедии «Языки мира», что обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. Описание языка включает сведения о его структурных особенностях на уровне фонологии, морфологии, синтаксиса, а также о социолингвистическом статусе, истории, письменности, диалектном членении и лексическом составе. В книгу входят очерки языков и диалектов всех групп семитских языков: вымершие аккадский, эблаитский, угаритский, финикийский, ханаанейские, древнееврейский, мандейский языки, староарамейский язык и арамейские диалекты, формы речи, объединяемые под общим названием «южноаравийские эпиграфические языки», геэз, гафат; живые иврит, сирийский, арабский (с многочисленными диалектами), мальтийский, тигринья, тигре, амхарский, аргобба, харари, гураге, мехри, джиббали, сокотрийский языки, новоарамейские диалекты. Помимо этого, книга будет содержать очерки с обобщающей характеристикой отдельных групп семитских языков, таких как эфиосемитские языки и современные южноаравийские языки. В том войдет также обобщающая статья «Афразийские языки», в которой приведены типологические характеристики афразийской макросемьи языков в целом, одной из ветвей которой, наряду с древнеегипетским языком, берберо-ливийскими, чадскими, кушитскими и омотскими языками являются семитские языки. В книге будут отражены системы письма, используемые семитскими языками, и история семитских письменностей.

Институт языкознания РАН
и издательство «Academia»
готовят к изданию книгу:

«Языки мира: Реликтовые языки
Передней и Центральной Азии»

В данный том будут включены описания тех языков Передней и Центральной Азии, которые до сих пор не были освещены в рамках энциклопедии «Языки мира». Статьи тома будут разделены на две части: (1) индоевропейские языки (анатолийские, армянские, тохарские, фригийский и некоторые другие реликтовые языки); (2) языки, на которых говорили на Ближнем и Среднем Востоке до распространения там индоевропейских, семитских и алтайских языков. Ко второй группе относятся такие мертвые языки, как шумерский, хуррито-урартские, хаттский, эламский, касситский, язык Харрапской цивилизации и некоторые другие. Большинство описываемых языков относятся к древним мертвым языкам, живые языки будут представлены лишь современным армянским языком. Для многих из этих языков не существует даже краткого описания на русском языке. Книга представляет собой уникальный в мировой практике пример объединения языков данного ареала в сочетании с их подробными описаниями. Логика предлагаемого объединения языков в одном проекте обусловлена в частности и тем, что Передняя и Центральная Азия — это культурно-языковой ареал с многотысячелетней историей. Относящиеся сюда языки неоднократно заимствовали многие материальные элементы друг у друга, и в не меньшей степени это относится к письменностям ареала. В книге будут рассмотрены многие языки, известные лишь по обрывочным письменным документам. В числе авторов статей — крупнейшие отечественные и зарубежные специалисты. Каждая статья следует типологически ориентированной схеме энциклопедии «Языки мира», что обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. Описание языка включает сведения о его структурных особенностях на уровне фонологии, морфологии, синтаксиса, а также о социолингвистическом статусе, истории, письменности, диалектном членении и лексическом составе.

Институт языкознания РАН
и издательство «Academia»
готовят к изданию книгу:

«Языки мира: Современные индоарийские языки.
Дравидийские языки».

В этом томе предполагается объединить по географическому принципу языки двух разных языковых семей — языки индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи и дравидийские языки. Индоарийская часть будет логическим продолжением ранее опубликованного тома по древним и средним индоарийским языкам — в ней будут описаны современные индоарийские языки. Одновременно эта часть завершит серию томов издания «Языки мира» по индоевропейским языкам. Будут описаны как крупные, так и более мелкие индоарийские языки, а также диалекты и группы языков/диалектов. В дравидийской части тома предполагается описать большие дравидийские языки, а также поместить обобщающие статьи о группах дравидийской языковой семьи. В числе авторов статей — крупнейшие отечественные и зарубежные специалисты. Каждая статья следует типологически ориентированной схеме энциклопедии «Языки мира», что обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. Описание языка включает сведения о его структурных особенностях на уровне фонологии, морфологии, синтаксиса, а также о социолингвистическом статусе, истории, письменности, диалектном членении и лексическом составе. Чрезвычайно важной задачей является описание индоарийских и дравидийских языков в рамках единой типологической схемы, что позволит вывести на новый уровень как исторические грамматики этих двух языковых объединений, так и изучение их взаимного влияния и проблемы формирования южноазиатского языкового союза. До последнего времени типологическая характеристика языков Южной Азии как в отечественном, так и в зарубежном языкознании преимущественно ограничивалась материалами нескольких наиболее известных языков этого ареала, таких как хинди-урду, бенгальский, маратхи и тамильский. Привлечение максимально большего количества индоарийских и дравидийских языков, в том числе и малоизвестных, к структурно-типологическому описанию на едином научном основании даст новые результаты как для общей типологии, так и для индологической (индоарийской и дравидийской) лингвистики. Кроме того, единое описание новых индоарийских и дравидийских языков будет способствовать разработке фундаментальной проблемы возникновения и развития языковых союзов в целом.

Институт языкознания РАН
и издательство «Academia»
готовят к изданию книгу:

«Языки мира: Карты языков Евразии»

Данная книга является специальным выпуском энциклопедии «Языки мира», посвященным языковым картам. В нее войдут все карты к томам, которые уже были снабжены картами (это «Кавказские языки», «Дардские и нуристанские языки», «Иранские языки», «Германские языки. Кельтские языки», «Романские языки», «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» и «Славянские языки»), хотя с некоторыми дополнениями и изменениями. Специально для данной книги создаются карты, относящиеся к тем ранее опубликованным томам «Языков мира», которые были лишены такого иллюстративного материала, а именно к томам «Уральские языки», «Тюркские языки», «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» и «Палеоазиатские языки». Все карты будут сделаны цветными, по единой схеме в единой системе обозначений. Для удобства поиска нужного языка карты будут снабжены двумя индексами: генетическим и алфавитным. Данная книга будет представлять собой первое в отечественной лингвистике картографическое издание такого охвата и подробности.